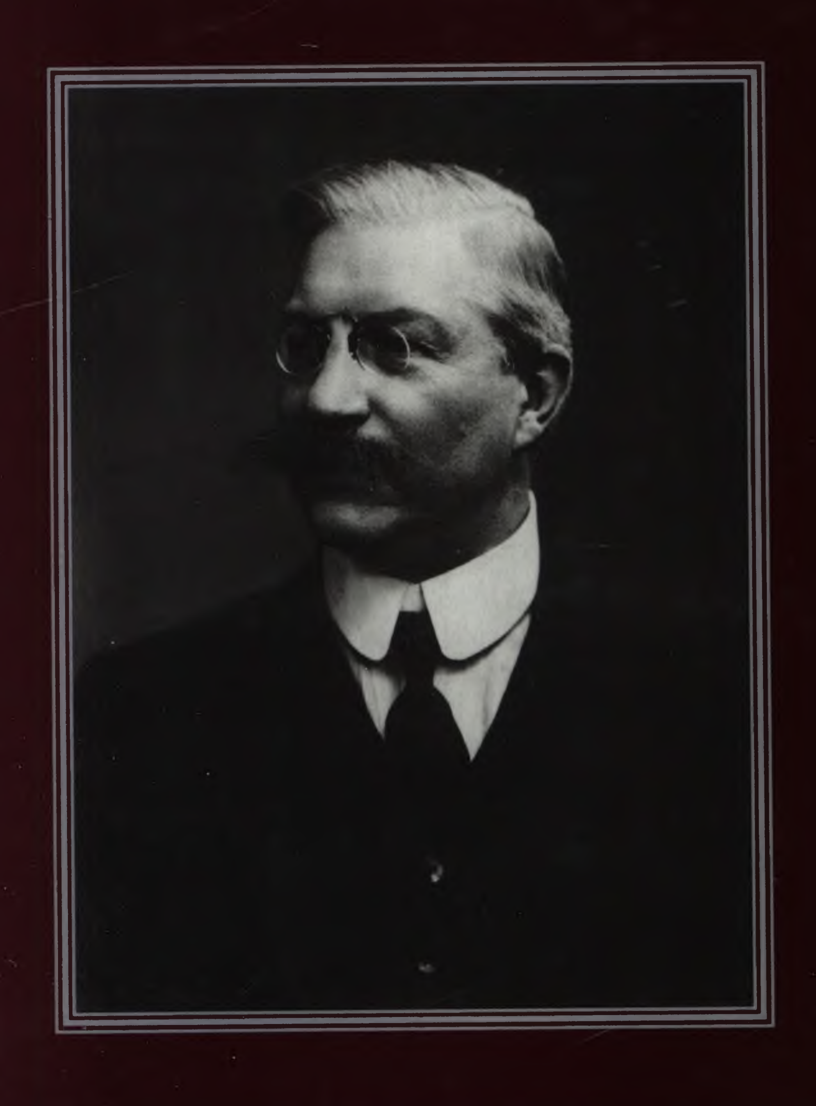
ДНЕВНИК П.Н. МИЛЮКОВА 1918—1921

Институт общественной мысли
Фонд «Либеральная миссия»
Государственный архив Российской Федерации
Российский государственный архив
социально-политической истории
Центр по разработке и реализации межархивных
Программ документальных публикаций
Федеральных архивов
Бахметьевский архив Колумбийского университета

ДНЕВНИК П.Н. МИЛЮКОВА

1918—1921

Москва
РОССПЭН
2005

ББК 66.69(2)
Д 54

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ
Издание подготовлено при финансовой поддержке
Научного фонда теоретических и прикладных исследований
«Либеральная миссия»

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 04-01-16109

Составитель, автор комментариев
кандидат исторических наук **Н.И. Канищева**
Подготовитель **К.Г. Ляшенко**

Д 54 **Дневник П.Н.Милюкова. 1918—1921.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 847 с.

В «Дневнике» подробно освещается деятельность кадетской партии в годы Гражданской войны, в первый период эмиграции, эволюция ее идеологических, программных и тактических взглядов; содержатся разноплановые сведения по истории Гражданской войны. Богатый фактический материал, точность в фиксации событий и позиций их участников в сочетании с глубоким анализом должны обеспечить «Дневнику» внимание не только исследователей-профессионалов, но и всех интересующихся историей российского либерализма, политических партий, Гражданской войны и эмиграции. Рукопись «Дневника» публикуется по материалам Бахметьевского архива Колумбийского университета (США) и Государственного архива Российской Федерации.

Издание снабжено предисловием и комментариями.

ISBN 5-8243-0629-X

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первый вопрос, который встает перед исследователем при подготовке к публикации исторического источника – это оценка степени его аутентичности. Дневник П.Н. Милюкова, как и всякий исторический документ, составленный конкретным участником событий, фиксирует исторический факт, испытывая вполне определенное воздействие субъекта-автора. В Дневнике исторический факт выступает в «снятом» виде, поскольку на пути к читателю проходит промежуточную ступень – авторское изложение. Появление компоненты авторской интерпретации заставляет исследователя определить баланс соотношения объективного и субъективного в данном источнике. Причем на итоговую оценку влияет наличие ряда факторов. Во-первых, и это самое важное, личность автора: уровень его образования и интеллекта, позволяющий отразить узнанное на бумаге; обладание аналитическим складом ума и широтой наблюдений; способность к точному и беспристрастному фиксированию происходящего при его участии или наблюдении; степень его осведомленности, личной вовлеченности в те или иные события, наличие связей с другими участниками, разнообразие источников получения информации. Во-вторых, временной фактор, т. е. насколько связаны во времени происходившие события и момент их фиксации автором. Само собой разумеется, что регулярные, подневные записи, при прочих равных условиях, позволяют в большей степени рассчитывать на точность передачи фактов. В-третьих, цель, которую ставит перед собой автор и которая определяет стиль изложения. Бывает, что воспоминания, дневники пишутся автором «для истории» и о «себе в истории», о своей роли в неких событиях, рассчитывая создать в глазах читателя определенный образ своих действий (мы не имеем в виду, естественно, попытки намеренных исторических фальсификаций). Нередки случаи, когда автор рассматривает дневник как возможность передачи прежде

всего своих эмоциональных ощущений в связи с теми или иными событиями и процессами или же как способ уяснения для себя, путем письменных размышлений, своего рода разговора с самим собой, сути происходившего. Если в первом случае неизбежно «нарушение проекции», угла зрения, то во втором — смещение акцентов, когда главным становится не сам исторический факт, а реакция на него автора дневников. Перенос центра тяжести с фиксации факта на его авторскую интерпретацию может усилить субъективизм изложения и тем снизить ценность дневников как исторического источника.

С учетом высказанных общих суждений обратимся к оценке «Дневника П.Н. Милюкова: 1918—1921 гг.». Его автор — одна из ключевых фигур политического истеблишмента России начала XX в. — постоянно находится в центре внимания современных исследователей. Многолетний лидер ведущей либеральной партии России, министр иностранных дел Временного правительства, политик, к мнению которого прислушивались правительственные и общественные круги Запада, Милюков располагал широкими возможностями для анализа событий изнутри. Даже в обстановке Гражданской войны, не занимая никаких постов в администрации белых армий, оказавшись оторванным от центральных органов кадетской партии, Милюков по-прежнему оставался ведущим и авторитетнейшим политическим деятелем, к которому стекались сведения со всех фронтов, из лагерей различных идейных ориентаций (за исключением, пожалуй, крайне левых, радикальных). Где бы он ни оказывался (в Киеве или Лондоне, Ростове или Париже), его жилище неизменно напоминало штаб, где собирались общественные и политические деятели различного толка и обсуждались глобальные или сиюминутные проблемы.

К счастью для современного исследователя, Милюков не только располагал обширнейшей информацией, но и умело ею распоряжался. Будучи профессиональным историком, он относился к своим дневниковым записям как к важнейшему подспорью в последующей работе над «Историей второй русской революции». Известно, что в мае 1918 г., т. е. в то время, когда появились первые дневниковые записи, Милюков приступил к написанию своей многотомной «Истории», две части которой вышли в Софии в 1920 г. Вполне понятно, что подневные записи были необходимы Милюкову для позднейшей реконструкции событий. Нельзя не отметить, что Милюков обладал феноменальной памятью, мог почти со стенографической точностью воспроизвести сказанное и услышанное, включая и достаточно длительные переговоры или выступления. Его записи отличаются педантизмом и аккуратностью человека, заботящегося в первую очередь не о собственном имидже, не о том впечатлении, которое

дневник, став достоянием общественности, мог произвести на читателя (хотя этот момент тоже играл свою роль), а об информативной емкости и точности. Характерно, что авторские комментарии, по ходу изложения, сведены к минимуму.

Особо следует подчеркнуть, что Милюков инкорпорирует в свои записи тексты отдельных важных документов, ряд из которых до сих пор не известен в историографии. Это относится, в частности, к официальному письму, адресованному Главному комитету кадетской партии на Украине и одновременно ЦК партии в Москве от 28 мая 1918 г., в котором Милюков излагает свою принципиальную позицию относительно внешней «ориентации», явившейся яблоком раздора в кадетских рядах. Следует упомянуть также принципиальное письмо Милюкова на имя Н.Н. Щепкина, практически возглавившего организацию московских кадетов после отъезда большинства партийных лидеров на юг и за границу и т. д.

Для Милюкова, бесспорно, важна была констатация факта, но не менее значимым представлялся ему анализ «психологии события» — тех побудительных мотивов, хитросплетений различных интересов, которые лежали в «подкладке» факта, а также аргументированный разбор того влияния (непосредственного или пролонгированного), которое то или иное событие или процесс могли, по его мнению, оказать на политическую и общественную конъюнктуру. При этом Милюков логически безошибочно отделял главное, сущностное от второстепенных деталей. Он без труда вычленял основную «сюжетную канву» происходящего, концентрируя внимание на ее развитии.

Сказанное позволяет сделать вывод, что перед нами — ценнейший исторический источник, автору которого во многом удается приподняться над чисто личным, субъективным взглядом и стать на позицию беспристрастного летописца.

Дневник уникален разнообразием своей информации. На его страницах теснятся сотни и сотни исторических персонажей: партийные соратники центрального и низового звена, политические и общественные деятели разного уровня и мировоззрения, министры местных правительств и мелкие чиновники, командующие армиями, атаманы казачьих войск, торгово-промышленники, кооператоры, зарубежные дипломаты и военачальники и т. д. Полученные от них сведения Милюков использует как важнейшие фрагменты для создания объемного мозаичного полотна Гражданской войны в России и первого периода формирования политической эмиграции в Российском зарубежье.

Собственно говоря, материалы Дневника группируются вокруг трех крупных тематических узлов: 1) перипетии Гражданской войны

с упором на освещение деятельности кадетской партии; 2) поездка делегации российских общественных деятелей, по решению Ясской конференции, в Париж (в ее состав входил и Милюков); 3) переговоры с правыми эсерами в Париже, подготовка и проведение Совещания членов Учредительного собрания в январе 1921 г., ставшего одним из знаковых событий политической истории российской эмиграции.

Освещение этих сюжетов, помимо самоценной значимости, дает возможность проследить эволюцию взглядов автора на вопросы тактики партии, на происходящее в Советской России, перспективы борьбы с большевиками. А это в свою очередь позволяет понять истоки формирования знаменитой «новой тактики» Милюкова, ставшей программной базой для деятельности в эмиграции одной части партии и оттолкнувшей от бессменного лидера другую ее часть.

Интригой первого тематического раздела Дневников являются острейшие столкновения в партии по поводу выбора внешнего стратегического союзника в борьбе с большевистской властью, а также неоднозначная оценка в кадетской среде самостийного украинского правительства П.П. Скоропадского, его политики, а также решения Главного комитета кадетской партии на Украине о вхождении в кабинет гетмана.

Московская конференция, прошедшая в мае 1918 г., в результате дискуссии по докладу М.М. Винавера о внешней политике, приняла решение о сохранении верности союзническому долгу и призвала страны Антанты к всемерному содействию в деле свержения большевиков. В противовес этому Милюков сделал ставку на Германию как на ту силу, которая сможет стать своеобразным тараном и предоставить немедленную помощь Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева с тем, чтобы та смогла войти в Москву, восстановить «российскую государственность», спокойствие и порядок. «Германофильство» Милюкова было чрезвычайно болезненно воспринято в партии, явилось предметом бурных дискуссий, спровоцировало острые внутренние расхождения. Причем если позиция сторонников «союзнической» ориентации, благодаря не так давно опубликованным при поддержке РГНФ кадетским документам[1], довольно полно освещена, то в отношении их оппонентов-милюковцев дело, по сути, ограничилось констатацией факта. Дневник же восполняет этот пробел, во-первых, раскрывая логику рассуждений Милюкова, его аргументацию, а, во-вторых, подробно, буквально по

---

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1918–1920 гг. – Т. 3. – Кн. 2. – М., 2000.

дням, прослеживая ход его неофициальных переговоров с германскими дипломатами и представителями командования.

Еще в апреле 1917 г. Милюков – тогда министр иностранных дел – упорно отстаивал курс на соблюдение Россией своих союзнических обязательств. И вот спустя год он круто изменяет свою политику, объясняя это тем, что в создавшейся обстановке бесперспективно ждать помощи от союзников. Им, как утверждал Милюков, нужно создание Восточного фронта, что вместо воссоединения разорванных в ходе Гражданской войны частей России приведет к ее разделению между двумя «ориентациями». А поскольку мало надежд на достижение цели – ликвидации советской власти – с помощью исключительно внутренних ресурсов, то остается смириться, как с неизбежным злом, с необходимостью опереться на германские штыки. Мы не можем ждать, пока большевики будут изжиты внутренним процессом, рассуждал Милюков, так как в этом случае рискуем единством России. Согласно его расчетам Германия должна была организовать подвоз частей Добровольческой армии на максимально близкое к Москве расстояние, а также обеспечить ее орудиями и снарядами. Правда, возможное соглашение с германцами он обставил рядом непременных условий: пересмотр Брестского мира; восстановление единства России в старых границах (до 25 октября 1917 г.); исключение какого-либо договора России с Германией (помимо торгового), который связал бы Россию союзническими обязательствами в войне (Милюков не был готов идти дальше обещания Германии нейтралитета России). Однако план Милюкова не сработал: ему не удалось склонить на свою сторону Добровольческую армию вместе с ее командующим Алексеевым, который отметал какие-либо контакты с немцами. Впрочем, и Германия не воодушевилась идей борьбы за единую Россию, предпочитая поддерживать украинскую самостийность. Тем не менее «германская ориентация» Милюкова была расценена многими (и в России, и в союзнических державах) как измена, предательство, и это имело неприятные последствия для политической репутации Милюкова. Сам же он смотрел на крутые изгибы своей политической линии с чисто прагматической точки зрения, подчеркивая, что является «Realpolitiker».

Таким же «реальным политиком» он проявил себя и в вопросе оценки правительства Скоропадского. Партия традиционно не поощряла сепаратистских стремлений окраин Российской империи, не шла дальше признания их права на культурно-национальную автономию. Однако, по мнению Милюкова, в изменившихся условиях не следовало придерживаться устаревших постулатов. В своем письме

Главному комитету кадетской партии на Украине Милюков приветствовал государственную самостоятельность областей, освободившихся от большевизма, видя в этом оптимальный путь возрождения российской государственности (от окраин – к центру). Поэтому, в отличие от большинства своих однопартийцев в Москве, осудивших вхождение кадетов в кабинет гетмана, Милюков не рассматривал этот шаг как отход от принципиальной линии партии. Еще меньше его беспокоил тот факт, что правительство Скоропадского было сформировано с опорой на германские войска, установившие на Украине режим оккупации. Правда, в перспективе, в постбольшевистский период, он не мыслил себе России иначе как единой и неделимой, поэтому не поддерживал самостийнических настроений. Примечательно, что в разговоре с Сетоном-Уотсоном в декабре 1918 г. Милюков весьма неохотно употреблял термин «федерация», предпочитая – «автономия», хотя одной из задач беседы было продемонстрировать союзникам либерализм собственной программы. Говоря о будущем государственном устройстве России, Милюков отказывался предоставить «безусловную независимость» Финляндии, даже в обмен на ее помощь во взятии Петрограда. Балтийские провинции, как настаивал Милюков, должны были вернуться в состав России, пусть и с правом «широкой местной автономии». Украину, в силу сложившегося своеобразного положения, он готов был «поставить на особое место», но, во-первых, в рамках единого государства, а, во-вторых, оговаривая, что это не есть норма для остальных «соединяемых единиц».

В целом дневниковые записи, относящиеся к 1918 г., свидетельствуют о достаточно умеренной, если не сказать консервативной, системе взглядов Милюкова на решение «внутренних вопросов». Он выступал за установление в России конституционной («народной») монархии (во главе с великим князем Михаилом Александровичем), за создание коалиционного правительства без участия крайних флангов (как сторонников самодержавия, так и адептов Учредительного собрания); указывал на необходимость некоего переходного периода до созыва «национального представительства»; призывал пересмотреть избирательный закон (введение возрастного ценза и ценза оседлости, двухстепенных выборов в деревне, исключение из выборного процесса армии). На этом фоне неудивительно, что в ответ на письма Н.Н. Щепкина из Москвы, призывавшего своих товарищей учитывать общую радикализацию населения, Милюков отвечал, что Щепкин попал «в лапы Левого центра». Обращает также на себя внимание предупреждение Милюкова, адресованное своим соратникам, против «излишней готовности» формулировать программу внутрен-

них преобразований «в угоду левым». Эти установки Милюкова следует выделить, чтобы затем сравнить их с концепцией нового курса, предложенного им всего два года спустя, в декабре 1920 г. Единственно, где Милюков считал необходимым принять кардинальные меры, это в решении аграрного вопроса. Он настаивал на немедленном проведении аграрной реформы, закрепляющей фактически сложившееся землевладение, что, среди прочего, предусматривало и принудительное отчуждение латифундий.

Из всего непрерывного потока информации, стекавшейся к Милюкову из различных регионов России, его в первую очередь интересовали сведения, освещавшие несколько основных проблемных вопросов. Во-первых, создание в России единого «центра власти». С прицелом на решение данной задачи он оценивал деятельность различных местных кабинетов, их шансы претендовать на роль всероссийского правительства и добиваться признания союзников. Особое внимание при этом уделялось событиям в Омске, перевороту адмирала А.В. Колчака.

Вторая проблема, отчасти связанная с первой, – степень эффективности гражданской администрации антибольшевистских армий, прежде всего Добровольческой армии генерала А.И. Деникина. В Дневник включены доклады и сообщения тех, что мог компетентно оценить деятельность органов местной власти, созданных на подконтрольной армии территории, причины их низкой отдачи, слабой поддержки со стороны населения, сложности во взаимоотношениях с общественно-политическими кругами. В результате анализа Милюков приходит к выводу, что кадеты должны проявлять особую осторожность во взаимоотношениях с военным командованием, не рисковать своей репутацией и, не будучи допущенными к власти, не торопиться делить ответственность, поддерживая «реакционный курс».

Наконец, в-третьих, Милюков целенаправленно, по крупицам, собирал сведения о событиях, происходивших «по ту сторону фронта», в «Совдепии». В 1918 г. он еще был убежден в реальной возможности сломить советскую власть, поэтому для него на тот период большевизм представлялся системой, с экономической точки зрения, обреченной на крах, а с политической – неспособной к эволюционированию и созданию прочных государственных основ. Милюков вывел для себя пропагандистски-лапидарную формулу: большевизм – это «синдикализм в теории, терроризм на практике». Однако подспудно накапливалась информация, которая создавала не столь упрощенную картину. В частности, Милюков приводит в подробностях доклад видного кооператора Беркенгейма, лишь в декабре 1918 г.

покинувшего Петербург. По наблюдениям Беркенгейма, экономическая политика большевиков не удалась, чему он приводит множество подтверждающих примеров. Но в оценке политического положения он менее категоричен. Докладчик утверждает, что в корне неверно оценивать большевистскую революцию как заговор «кучки шарлатанов», в действительности, большевизм пользуется активной поддержкой определенной части населения (причем наиболее активной), которая свято верит в коммунистические идеи и готово идти во имя них на жертвы. Кроме того, Беркенгейм отмечает существенные подвижки в социальной сфере. Он доказывает, что на фоне «уничтожения рабочего класса» в России утвердился слой «крепкого мужика». Любопытен вывод доклада: Беркенгейм не верит в успешное окончание противоборства с большевиками, если не удастся найти «ключ» к мужицкому сердцу, и поэтому склоняется к мысли, что большевизм можно уничтожить только изнутри. Думается, что не будет большим преувеличением предположить, что, наряду с разгромными итогами Гражданской войны, накопление подобных суждений и оценок подталкивало Милюкова к пересмотру путей и способов борьбы с большевиками и корректировке программы внутреннего переустройства постсоветской России, что и вылилось в выдвинутую им в эмиграции «новую тактику».

Следующий тематический узел — проведение Ясского совещания в ноябре 1918 г. и предпринятая делегацией, сформированной из состава его участников, попытка установить напрямую контакт с союзниками. Заседания в Яссах преследовали двоякую цель: во-первых, добиться создания, на антибольшевистской платформе, возможно более широкого политического фронта; во-вторых, выработать единый комплекс условий, которые следует выдвигать при переговорах с союзниками о плане совместной борьбы с советской властью и, в-третьих, сформулировать аргументы, которые бы убеждали союзников в необходимости незамедлительной и всесторонней помощи, включая посылку войск. Особая ценность Дневников состоит в том, что они впервые вводят в научный оборот интереснейшие записи в ходе предварительных заседаний съехавшихся участников совещания, предоставляя читателю развернутое изложение мнений и взглядов представителей самых разных политических течений: от правых социалистов до умеренных консерваторов. Российской общественности было жизненно важно продемонстрировать единодушие и солидарную позицию перед лицом Антанты, т. к. подобная согласованность являлась сильным аргументом в обосновании необходимости вооруженной интервенции.

Дневниковые записи показывают, сколь непросты были переговоры, в которых, с одной стороны, участвовали Фундаминский и Титов, а с другой — Гурко и Кривошеин. Несмотря на сплачивающее всех чувство непримиримости по отношению к большевикам, достижение внутреннего единения осложнялось традиционными для русской общественности особенностями политического менталитета: нежелание уступать оппоненту, идти на компромисс. Легче далось участникам согласование пакета условий, предъявлявшихся союзникам: борьба с большевиками; признание «континуитета» существования России, ее территориального и государственного единства; обязательство союзников не вступать в сепаратные переговоры с представительствами отдельных областей; единство военного командования, замена германских войск союзническими и русскими; всемерная помощь антибольшевистским армиям, прежде всего Добровольческой армии генерала Деникина.

Камнем преткновения стало обсуждение программы собственных действий. По существу, делегаты Ясского совещания не останавливались на рассмотрении необходимых социальных реформ. Дело свелось к дискуссии о власти: форма правления, алгоритм взаимоотношений центральных и местных органов, а также военной и гражданской администрации; наконец, выбор в качестве всероссийского центра — одного из наиболее жизнеспособных местных правительств, определение кандидатуры на роль военного вождя. Здесь взгляды присутствовавших явно не состыковывались. Причем если при обсуждении фигуры будущего главнокомандующего (великого князя Николая Николаевича или генерала Деникина) спор шел «поверх» партийных лагерей, то обсуждение конструкции всероссийской властной структуры и ее конкретного носителя привело к привычному расколу аудитории на, условно, правый и левый сектора. Представители социалистических кругов настаивали на «коллегиальной диктатуре» (директории), напоминая кадетам о достигнутой между ними по этому поводу договоренности весной 1918 г. в Москве. В их представлении директория, обладая преимуществами сильной власти, безусловно, неизбежной в сложившихся условиях, представляла определенные гарантии против восстановления старого режима. Соответственно, левые протежировали Уфимскому правительству, предлагая подчинить ему, как всероссийскому, все другие областные правительства, в том числе и Южное, деникинское.

Милюков в этой дискуссии выражал позицию оппонирующей части депутатов. С его точки зрения, форма директории уже доказала свою несостоятельность, приведя в октябре 1917 г. к боль-

шевизму, поэтому только поддержка единоличной диктатуры, выросшей к тому же из недр военного командования, может обеспечить воссоздание России и утверждение твердой власти. В ходе Ясского совещания Милюков проявил себя политиком, не склонным к сотрудничеству с социалистами. Этот негативизм кадетского лидера весьма примечателен на фоне его последующих, предпринятых в эмиграции, попыток добиться кооперации с правым крылом эсеровской партии. Но это будет в 1920 г., а в ноябре 1918 г. Милюков агитировал в пользу Южного правительства как всероссийского, отстаивая следующую схему власти: военный диктатор без премьер-министра, при наличии делового министерства; устраивать совещание при главнокомандующем из общественных и политических деятелей он считал нежелательным. Более того, Милюков даже настаивал на том, чтобы Деникин, который высказал пожелание ограничить свою компетенцию сугубо военной областью, напротив, непременно обладал правом назначения и увольнения гражданской администрации[2].

Разбирая в эмиграции причины и истоки краха вооруженной борьбы с большевиками, Милюков остро критиковал своих однопартийцев, входивших в местные органы гражданского управления и «белые» правительства, за чрезмерное поправение политического курса, выразившееся, в частности, в поддержке режима военной диктатуры. Однако дневниковые записи свидетельствуют, что на известном этапе Милюков также считал неизбежным установление военно-диктаторской модели сильной власти. В это время он по-прежнему выступал за унитарное российское государство с предоставлением прав автономии отдельным областям.

Освещение поездки Ясской делегации представляет собой особый раздел в Дневниках Милюкова. Меняется обстановка, действующие лица. Маршрут делегации пролегал через Константинополь, Рим, Париж, Лондон. Пребывание в этих городах было заполнено встречами с зарубежными политическими и общественными деятелями, военачальниками, журналистами и т. п. Переданное в Дневниках содержание состоявшихся переговоров, а также докладов российских дипломатов, назначенных еще Временным правительством и про-

[2] Позднее Милюков с пониманием воспринял известие о перевороте Колчака и свержении Уфимской директории. Находясь уже за границей, он прилагал немалые усилия, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, которое события 3 ноября 1918 г. произвели на Запад, доказывая, что в своей основе переворот не давал выхода никаким реакционным стремлениям и что, таким образом, не существует препятствий для признания союзниками правительства Колчака как всероссийского.

должавших исполнять свои обязанности, раскрывают малоизученную до сих пор в отечественной историографии картину непростых взаимоотношений союзнической Европы и той части России, которая претендовала на преемственность с Россией «демократической». Победившие в войне европейские страны занимали весьма неоднозначную позицию относительно признания российского антибольшевистского правительства, предоставления России военной помощи в борьбе с советской властью, допуска ее к участию в решении проблем послевоенного урегулирования на Мирной конференции, в том числе и проблем, непосредственно касающихся России (граница с Польшей, положение с проливами, статус прибалтийских государств и т. д.). В частности, распространены были суждения об «измене» России союзническому долгу, трактовка России как побежденной страны, примирение с ее расчленением и т. д.

Поначалу в ходе своей зарубежной командировки Милюков, и это чувствуется по записям, ощущал себя в своей стихии, с удовольствием (и со знанием дела) обсуждая разного рода вопросы международного положения. Однако в его высказываниях время от времени прорывается беспокойство: как воспримет его приезд Франция, простит ли ему недавнее увлечение «германской ориентацией». Опасения Милюкова оказались не напрасными. Французское правительство во главе с Клемансо заняло непримиримую позицию, объявив, по сути, Милюкова «persona non grata», что поставило всю делегацию в довольно затруднительное положение и вынудило ее срочно покинуть Париж и выехать в Лондон. Решительный демарш правительственных кругов Франции, нашедший поддержку в общественном мнении, не мог не оставить следа в душе Милюкова. Возможно, взятый им впоследствии курс на соглашение с социалистами, необходимость которого он, среди прочего, мотивировал важностью обеспечить себе благоприятную репутацию в глазах Запада, в какой-то мере учитывал и полученный им психологически болезненный урок «выталкивания за дверь».

Свою активность в деле пропаганды интересов антибольшевистского движения Милюков в полной мере реализовал в Лондоне. Дневник зафиксировал необычайную интенсивность его участия во встречах, переговорах (с членами Палаты Общин, сотрудниками английского МИД, представителями деловых кругов, видными журналистами), в ходе которых он стремился вскрыть порочность английской политики в отношении России под углом зрения «свершившегося факта». Милюков выступал в самых разных аудиториях: с докладами в парламентской комиссии иностранных дел, в клубах политиков и

коммерсантов, с речами на многолюдных общественных собраниях, на обедах и банкетах, специально устраиваемых в его честь в гимназиях и колледжах. Он регулярно писал статьи для ведущих общественно-политических изданий.

В Лондоне продолжались переговоры Милюкова с социалистами участниками делегации, и, судя по отдельным высказываниям, позиция Милюкова по «внутренним вопросам» начинает претерпевать определенные изменения. Так, он уже не столь непримирим в отношении Учредительного собрания, как на Ясском совещании, проявляет готовность признать Национальное собрание, хотя и оставляет вопрос о его компетенции открытым. Правда, Милюков, как и прежде, повторяет свои оценки большевизма как власти, опирающейся на «узкий социальный слой» и поддерживаемой исключительно насилием, продолжает уверять, что внутренний потенциал для борьбы с большевизмом отсутствует и необходим внешний толчок — интервенция.

Третьим тематическим узлом является деятельность Милюкова в эмиграции, которой посвящен заключительный, самый пространный, раздел Дневника. К настоящему времени опубликованы при поддержке РГНФ три тома (в четырех книгах) «Протоколов заграничных групп кадетской партии»[3] — обширный пласт документов, отражающий в том числе и начальный этап становления кадетской эмиграции. Между тем Дневники удачно дополняют включенные в тома источники, предоставляя материал, во-первых, о тех заседаниях кадетов, которые предшествовали созданию партийных организаций, а, во-вторых, о переговорах, в которых, наряду с кадетами, участвовали и представители иных кругов политической эмиграции.

Начинается раздел с описания событий апреля 1920 г.: приезд генерала Деникина в Лондон, длительные и, как оказалось, бесплодные дискуссии о «легитимности» его власти; обсуждение положения генерала Врангеля в Крыму, его возможные военные и политические перспективы, оценка его «гражданского окружения» и т. д. На этом фоне в кадетской среде развернулись дебаты по принципиальным вопросам: пути и методы борьбы с большевизмом в случае неудачи врангелевского сопротивления, выбор стратегических союзников. Материалы Дневника предоставляют редкую возможность проследить первые подступы кадетов к пересмотру своей тактики, под иным углом зрения взглянуть на выдвижение нового кадетского курса — не как личная инициатива Милюкова, а как ревизия кадетской пози-

---

[3] Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. – Т. 4, 5, 6 (Кн. 1 и 2). – М., 1996–2000.

ции, предпринятая коллективными усилиями определенной части партии под влиянием неудач деникинской армии. Уже в ходе апрельских заседаний парижских кадетов прозвучали и получили определенную поддержку практически все те положения, которые впоследствии составили основу «новой тактики» Милюкова: признание «приобретений революции», отказ от вооруженной борьбы и упор на внутренние движения, разрыв с прежними союзниками и признание необходимости «левой ориентации». Дневниковые записи приоткрывают завесу и над первыми попытками кадетов установить контакты с социалистическим лагерем, о чем в современной исторической литературе имеются лишь отрывочные сведения. Небезынтересно, в частности, узнать, что кадеты обсуждали переговоры с различными партнерами, в том числе и социал-демократами; что сближение с эсерами с самого начала наталкивалось на существенные препятствия: с одной стороны, эсеры отказывались от сотрудничества, с другой стороны, в кадетской среде было сильно предубеждение против эсеров, взаимное противостояние и даже кровь, пролитая в годы Гражданской войны, лежали между двумя партиями. Сам Милюков высказывался в том смысле, что он не может идти вместе с Керенским.

Завершается Дневник событиями декабря 1920 г. — февраля 1921 г. Этот краткий срок вместил в себя чрезвычайно важные для эмиграции события: обсуждение в Парижской кадетской группе записки Милюкова «Что делать после Крымской катастрофы?» с концептуальным изложением «новой тактики»; переговоры с эсерами о созыве совместного совещания как первого шага к установлению партнерства; заседания Совещания членов Учредительного собрания при участии кадетов и эсеров и, наконец, обсуждение итогов Совещания в среде парижских кадетов, принявшее чрезвычайно острый и принципиальный характер, пробившее первую трещинку в кадетском здании, которая по прошествии полугода настолько углубилась, что привела к расколу партии.

После окончательного поражения Русской армии Врангеля и ее эвакуации из Крыма в кадетской среде ускорился процесс кристаллизации нового течения, возглавлявшегося Милюковым. Теперь уже установление «левой комбинации» с эсерами рассматривалось как бесспорная и неотложная задача. Милюков видел в этом единственную альтернативу большевизму, шаг, способный удержать Европу от признания советской власти. Одновременно он рассматривал эсеров как естественных союзников для «работы в деревне». Программа «новой тактики» подразумевала, что только завоевание широких слоев крестьянства откроет эмиграции путь в Россию. Сложность, одна-

ко, заключалась в отсутствии единства в партийных рядах. Значительная часть кадетов не торопилась «перестроиться», по-прежнему выступала за продолжение Гражданской войны и сохранение армии в изгнании и отказывалась одобрить политику сотрудничества с эсерами, рассчитывая создать более широкий антибольшевистский фронт, включая и умеренно-консервативные элементы. Милюков оказался «между двух огней». Для него важно было, с одной стороны, обеспечить себе поддержку партии и уберечь ее от развала, с другой — не оттолкнуть социалистов. Перемежающиеся записи заседаний Совещания членов Учредительного собрания и параллельно заседаний кадетской группы дают любопытный материал, позволяющий сравнить реальные результаты попыток сближения двух партий (вернее, двух крыльев этих партий) и то, как выглядел этот процесс в изложении Милюкова. Понимая, до какой степени непросто для кадетов примириться с мыслью, что эсеры отныне — союзники, и желая «сохранить лицо», Милюков уверял однопартийцев, что это не они, кадеты, «пошли в Каноссу», а, наоборот, эсеры переходят на позиции, близкие к кадетам. На самом же деле складывается впечатление, что именно милюковцам пришлось проявлять инициативу, преодолевать колебания и нерешительность эсеров, которые прямо заявляли, что в сложившихся условиях, когда нужно заходить «левым плечом», они боятся скомпрометировать себя связью с несоциалистическими элементами. Учитывая это, Милюков в переговорном процессе в рамках Совещания вынужден был по ряду позиций уступать, не возражая уже ни против участия Керенского, ни даже против реабилитации Учредительного собрания, которое все послеоктябрьские годы было для кадетов вроде «красной тряпки». Больше всего он опасался поставить под угрозу срыва едва наметившееся сближение, полагая, что в одиночку, без эсеров, кадетам не удастся приобрести серьезное влияние в России. «Мы принуждены работать с эсерами», — говорил Милюков в среде единомышленников. Между тем все усилия милюковцев установить более тесное сотрудничество с эсерами, в частности, в рамках планируемого Национального комитета, наталкивались на весьма сдержанную позицию эсеров, выступавших за сугубую осторожность и постепенность и отказавшихся от участия в Комитете. Пожалуй, честнее других оценил соотношение сил на Совещании заместитель Милюкова по Парижской группе и его единомышленник — Н.К. Волков, признавший: «Мы не властны воздействовать на эсеров».

Дневник показывает, как несмотря на весь авторитет Милюкова, убеждающую логику его рассуждений, постепенно углублялся раз-

лад, возникший в партии при обсуждении его «новой тактики», а затем и итогов Совещания членов Учредительного собрания, а атмосфера кадетских заседаний — накалялась. Столкнулись две концепции, два подхода. Милюков в который раз оправдывал свою характеристику «Realpolitiker». Точно определив момент, когда необходимо было сменить ориентиры, он просчитывал свои шаги подобно шахматному игроку, игнорируя эмоциально-психологическую обстановку. Немалая часть кадетов, прежде всего тех, кто прошел с белой армией ее скорбный путь, еще не могли психологически абстрагироваться от этапа Гражданской войны, поэтому чрезвычайно болезненно воспринимали утверждение Милюкова о нецелесообразности сохранения армии и отказе от вооруженной борьбы. То, что Милюков так и не послал слова приветствия и сочувствия высадившимся на турецкий берег врангелевским частям, а вместо этого вступил в переговоры с эсерами, рассматривалось многими как измена. Действия Милюкова даже в какой-то мере провоцировали оппонирующую часть кадетов на консервацию их старого тактического курса как антитезы милюковским нововведениям.

К сожалению, Дневник обрывается на начале февраля 1921 г., однако ему все же удается отразить основные тенденции в кадетской среде, которые определяли жизнь партии и в последующие эмигрантские годы.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что Дневник является ярким свидетельством гибкости либерализма как системы мировоззренческих представлений и образа практических действий, способности либерализма к динамичной трансформации в зависимости от конкретной исторической ситуации. Читатели имеют возможность зримо ощутить, как проявлял себя либерализм в лице его ведущего теоретика и политика в экстремальных условиях системного российского кризиса.

Ценность Дневника отнюдь не исчерпывается той информацией, которая посвящена собственно кадетской партии (участие в межпартийных объединениях, в областных правительственных кабинетах, деятельность на Украине и в Сибири, в Архангельске и Крыму). В Дневнике содержатся разнообразные сведения о различных сторонах жизни страны в годы Гражданской войны. В частности, дается масса фактического материала самого низового (первичного) уровня, те мелкие детали, которые можно получить только от очевидцев и без которых масштабные исторические события неизбежно остаются схематичными, «бестелесными»: например, политические шаги местных деятелей, их внутренняя борьба за рычаги власти, противоре-

чивое отношение к представителям германских и союзнических войск; процесс формирования военных отрядов в Сибири и на Кавказе, переросших позднее в крупные воинские соединения; настроения населения и характеристика бытовой жизни в различных регионах России (как по ту, так и по другую линию фронта). Немалое место уделено русской эмиграции – начальному этапу ее формирования в Финляндии, Англии, Франции: меры по созданию местных общественных и политических организаций, отношение в странах Европы к образующимся русским колониям. На страницах Дневника упоминается множество лиц, не принадлежавших к верхушке политических партий и общественных организаций, не являвшихся видными государственными деятелями и потому не примелькавшихся в литературе, посвященной Русскому Зарубежью.

Богатый фактический материал, полученный «из первых рук», точность в фиксации событий и позиций их участников в сочетании с глубоким анализом и продуманностью авторского комментария – все это должно обеспечить Дневнику П.Н. Милюкова внимание не только исследователей-профессионалов, но и всех интересующихся историей политических партий, Гражданской войны и эмиграции.

Перевод иностранных текстов осуществлен Т.Т. Гиоевой, В.Ю. Канищевым.

Особую благодарность хотелось бы выразить руководителю Бахметьевского архива Татьяне Чеботаревой, активное и благожелательное содействие которой явилось важнейшим подспорьем в работе над публикацией.

Несколько слов о самом Дневнике. Он включает в себя 8 тетрадей, написанных от руки. Поскольку большая часть записей выполнена второпях, с сокращениями, существовали значительные трудности с расшифровкой текста. Оригинал Дневника хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета, сотрудники которого любезно отсняли его на пленку, сделав тем самым возможной саму публикацию. Вместе с тем существуют машинописные копии первой тетради Дневника и значительной части 8-й тетради. Одна из них хранится в Государственном архиве Российской Федерации (личный фонд П.Н. Милюкова Р–5856) и отличается от оригинала редакционной правкой отдельных фраз. Можно предположить, что, находясь уже в эмиграции, Милюков начал готовить Дневник к публикации. Возможно, редакционную работу взял на себя И.П. Демидов, ближайший соратник Милюкова и его заместитель по редакции газеты «Последние новости». Машинописная копия 1-й тетради бы-

ла сверена с рукописным оригиналом и авторский стиль восстановлен. Что касается машинописного куска из заключительной части Дневника, то его рукописный оригинал не удалось обнаружить ни в российском, ни в американском архивах.

В целом Дневник публикуется впервые, однако, следует оговориться, что несколько небольших фрагментов в свое время публиковались в «Новом журнале»[4].

При подготовке текста Дневника к публикации устаревшая орфография была заменена на современную, явные опечатки исправлены без оговорок. Расшифрованные или вставленные от составителя слоги, недостающие по смыслу слова, фамилии заключены в квадратные скобки, пометки редактора – в угловые скобки. В целях исключения путаницы, тот текст, который автор давал в оригинале в квадратных скобках, помещен в фигурных скобках. Сведения об общественных и политических деятелях, упоминаемых в Дневнике, даются в комментарии с учетом хронологических рамок издания.

---

[4] Новый журнал. – 1961. – Т. 66. – С. 173–203; 1962. – Т. 67. – С. 180–218.

1918

КИЕВ

28 мая – 10 июня

Приехали в Киев после трехдневной поездки из Ростова в переполненных вагонах. Два курьерских поезда перед нами потерпели крушение за Знаменкой на развинченных рельсах; мы видели опрокинутый паровоз, разбитые вагоны. Поезд был остановлен на 3 часа, ввиду слухов о боях с крестьянами у полотна ж[елезной] д[ороги], – ч[то]б[ы] не ехать ночью. С вокзала – к И.П. Демидову[1] на Виноградную. В тот же день свидание с Д.Н. Григоровичем-Барским[2]. Передаю мой взгляд на позицию к. д. – к удовольствию собеседников. На завтра очередное заседание с министрами: скажут о моем приезде.

29 мая – 11 июня

Свидание со Штейнгелем[3] – берлинск[им] послом, к[ото]р[ый] через неделю отправляется в Берлин. Скоропадский[4] заявил ему, что нужно вести линию самостийности Украины. Шт[ейнгель] пока не входил в дела и не знает секретов м[инистерст]ва. Мое впечатление после прочтения «Русского голоса»[5]: политика в главных министерствах делается *без* к. д.: в Мин[истерстве] внутр[енних] дел и в Мин[истерстве] земледелия. Газета к. д. критикует оба министерства.

30 мая – 12 июня

Свидание с Н.Пр. Василенко[6] в присутствии Д.Н. Григоровича-Барского и В.И. Вернадского[7]. Его подробный рассказ о подготовке переворота. К нему еще в начале марта приходил один инженер (потом министр <пропуск фамилии>) и спрашивал, согласен ли он говорить о вступлении в министерство. Василенко согласился, потом передал Григ[оровичу-]Барскому и Демидову. Через неделю другой разговор. Затем (около 15 апреля) разговоры замолкли. (По моим сведениям, сообщенным Лесовым от Д.П. Капниста[8] и Кочубея[9], на 15 ожидались социальные реформы Рады[10], которые переворот д[олжен] б[ыл] предупредить; но были брошены; брошен и пере-

ворот.) На Пасху мобилизованы различные обществ[енные] съезды. Движение среди хлеборобов[11]. Накануне переворота Василенко приглашен к Скоропадскому, ему предложено составить список, причем у Скоропадского уже были обещаны Устимовичу[12] (мин[истр] прод[овольствия]) и <пропуск фамилии>. В мин[истерст]во надо было ввести кандидатов всех заинтересованных групп: хлеборобов (Лизогуб[13]), торгово-промышленников (Гутник[14]) и др. Видимо, глубже в переворот кадетов не посвятили. В мин[истерст]ве нет полного согласия: Василенко недоволен Гутником, к[ото]р[ый] в важных вопросах изменяет и голосует с большинством против к. д. Василенко, однако, защищает *политику М[инистерства] в[нутренних] д[ел]*, назначения в уезде. Уже готов избират[ельный] закон, выработанный комиссией А.Д. Голицына[15], к[ото]рая назначена *помимо* Совета министров, — на основании *куриальной* системы. На мой вопрос, серьезно ли хотят германцы мира с Москвой, — Вас[иленко] ответил (шульгинское сообщение), что есть обращение от Эйхгорна[16], в котором рекомендуется ускорить переговоры и при этом иметь в виду, чтобы доставить из Москвы мануфактуры на юг ($1\frac{1}{2}$ миллиарда аршин в Москве. Был случай обмена сахара на мануфактуры, причем $\frac{2}{3}$ мануфактуры были отданы Германии) и войти в связь с Сибирью относит[ельно] *масла*. На мой вопрос о демаркационной линии Вас[иленко] ответил, что совет германцев ускорить переговоры относился и к ней, причем линия границы *не продиктована* стратегич[ескими] соображениями германцев, а есть линия границ Украины, составленная украинским правительством при предшественниках мин[истерст]ва. В нее входят и Ростов с Кубанью, и Кавказ до Сухума. Я замечаю, что хотя германцы ранее и обещали все это Украине, но теперь они, очевидно, колеблются, предоставляя Крым, Дон (и Юг[о-] В[осточную] республику) самим себе. Мое возражение против объединения России *около Киева*. Главные враги правительства — украинские партии, но с этой стороны Вас[илен]ко считает правительство прочным. Германцы не пойдут с шовинистами украинства. Оставшись наедине, Вас[илен]ко говорит, что хочет видеться со мной часто. В общем моя ориентация, видимо, для него приемлема и приятна.

31 мая – 13 июня

Я пишу в Главный комитет к. д. письмо, датированное 25 мая Ростовым, чтобы не вскрыть преждевременно моего приезда. По словам В.И. Вернадского, «потрясающее впечатление»; Имшенецкий[17] (черниговский): «меня называют милюковцем, но тут М[илюко]в[18] говорит против себя». В общем очень довольны моим одобре-

нием, соглашаются молчать, ибо раскрытие плана может привести к его крушению.

Ростов, 25 мая (7 июня)

Ознакомившись с сообщением Главного комитета о роли партии во время переворота Скоропадского на Украине, считаю долгом сообщить Главному комитету и Центральному комитету следующее мое мнение. Украинский переворот стал мне известен одновременно с приходом германцев в Ростов и выборами ген[ерала] Краснова[19] в атаманы, т. е. с созданием положения, аналогичного тому, какое создалось в Киеве. В том и другом факте я увидел явления одного порядка — и явления *положительные* — в том смысле, что там и здесь мы имеем дело с началом возрождения российской государственности. Государственная самостоятельность областей, освободившихся от большевиков раньше Москвы, является неизбежной переходной стадией и неизбежным последствием бессилия Москвы освободиться от большевистского террора собственными силами. По отношению к этому главному смыслу обоих переворотов участие в них германцев является начальной, неизбежной, но все же второстепенной чертой, — как средство по отношению к цели. И я лично употребляю все усилия, чтобы побудить наших партийных товарищей в Ростове и в Новочеркасске стать именно на эту точку зрения. Соответственная декларация была сделана фракцией народной свободы в заседании Ростовской городской думы <пропуск числа> мая. Но затем я пошел и дальше. Процесс восстановления государственности нельзя считать законченным, пока не освободится Москва и не объединятся сделавшиеся независимыми части России. Эту задачу объединения России я считаю теперь доминирующей над всеми другими и такой, для достижения которой должны быть принесены *всяческие* жертвы. Процесс этот, конечно, может совершаться различно: очень медленно, эволюционным путем сговора и федерирования освободившихся областей, или очень быстро, катастрофическим путем повторения в Москве Киевского и Черкасского переворотов в более широком масштабе. Я становлюсь открыто на эту последнюю точку зрения, как единственно сознательную и сокращающую процесс разрушения невосстановимых национальных ценностей. Для изгнания большевиков из Москвы и России есть две силы: внешняя, германская, и внутренняя — Добровольческая армия. Я уже вступил в сношения с ген[ералом] Алексеевым[20], чтобы убедить его обратить Добровольческую армию на служение этой задаче. Трудность заключается тут в том, что, лишенная политического руководства, Добровольческая армия продолжает еще держаться той тактики, которую

мы вместе вырабатывали в декабре 1917 г. и все предпосылки которой теперь глубоко изменились. Теперь надо открыто признать, что для достижения главной задачи момента необходимо принести две тяжелые жертвы: освобождать Москву в контакте и, насколько окажется необходимым, при прямом содействии германцев, и освобождать ее под знаменем восстановления конституционной монархии — не только потому, что этого хотят германцы, но и потому, что это безмерно облегчает процесс объединения и успокоения России. Но с нашей стороны должно быть поставлено условие, при котором новая династия будет приемлема для нации: восстановление всей российской территории в ее прежних (по возможности) границах. Из моих бесед с партийными товарищами я убедился, что значение этой задачи вполне понимается ими и они готовы одобрить вытекающую из нее тактику.

Я считал нужным изложить все это, во-первых, для того, чтобы дать, со своей стороны, некоторый отчет о направлении моей партийной работы за последнее время, а, во-вторых, чтобы обосновать мое отношение к поведению наших киевских товарищей. Я приветствую их активное участие в событиях как удачно исполненную часть той общей задачи, которую считаю необходимым спешно поставить, и только жалею, что это участие не было еще более решительным и систематическим. Я советовал уже линию поведения ростовским и новочеркасским товарищам и имел удовлетворение видеть, что мои советы совпали с их собственными взглядами. Конечно, колебания есть — они бывают при всяком крутом повороте курса. Но и в колебаниях есть нечто уважительное: это — оглядка на всегдашнюю дисциплину партии и сознание известной ответственности за принимаемые решения. Я отчасти опасаюсь, что мое отсутствие из центров продлило эти колебания и что товарищи не решались изменить нашу старую тактику, не зная моего мнения. Тем более я считаю себя обязанным сказать его со всей определенностью, предупреждая лишь, что в настоящий момент предполагаемый мною план не подлежит широкому оглашению. Я не опасаюсь сообщить мои выводы без мотивов, ибо то, что я слышал о мотивах той части ЦК, которая близка к моим мнениям, вполне меня освобождает от этого. Итак, мое заключение: поведение наших киевских товарищей надо вполне одобрить и радоваться, что в решительные минуты у местных отделов нашей партии находится достаточная энергия и личный почин. Я не согласен лишь с одним пунктом киевской тактики, который, по моему мнению, вполне заменяется тем планом объединения России, который я изложил выше. Киевский Главный комитет, по вполне уважительным причинам, пошел по линии пре-

вращения местного национального движения в общегосударственное путем объединения всего *юга* России. Это постановка естественна и понятна, если речь идет о медленном и эволюционном процессе объединения России. Но если, как я надеюсь, будут найдены средства и пути для постановки на очередь задачи немедленного объединения *всей* России, то эта местная позиция сама собой упраздняется. Вместе с тем устраняются и те трудности, которые возникли бы при попытке объединить все части Южной России, весьма различные по стремлениям, около идеи украинства, отрицательные и опасные стороны которой лучше всего известны нашим киевским товарищам, как показывает это отчет их Главного комитета. За этим единственным исключением я подписываюсь под их партийной работой обеими руками и вижу в ней одно из самых ценных достижений на пути активной и реальной политики за все время существования партии.

1–14 июня

Разговор с Шульгиным[21]. Он был арестован большевиками и отвезен во дворец *ночью* и *потому* не расстрелян. Ведет упорно свою линию — вовне против германцев за союзников, внутри — за Малороссию против самостийности. Очень доволен местом в декларации Краснова, которое вставлено мною («Впредь до объединения России в той или другой форме») и говорит, что если бы к. д. сделали бы *здесь* то же, то все были бы довольны. Но здешней тактикой к. д., которые, по его мнению, делают слишком много уступок «самостийности», очень недоволен. Огорчен тем, что союзники до последней минуты не хотели поддерживать монархистов. В Москве, как условие поддержки, они требовали объединения Правого центра[22] (от Новгородцева[23] до Гурки[24]) с Левым[25] (от Кишкина[26] до Прокоповича[27]) и, не помогая корниловцам, помогали Савинкову[28]. Только в последнюю минуту обещали активную поддержку (Вебстер: пять корпусов на севере через три недели). Об уступках Японии в Китае Шульгин узнал от союзников раньше, чем опубликовано в газетах. По поводу моих взглядов и моего плана говорит: здесь тоже так думали, но это уже пройденная стадия. П. Рорбах[29] настаивал, что нужно не объединять Россию, а оставить ее раздробленной. Шульгин полагает, что такова именно линия германцев: не спешить с объединением (по другим сведениям, Рорбах признавал, что его советов никто не хочет слушать). Такая тактика в последние дни оттолкнула даже правых. Герцог Николай Лейхтенбергский[30] заявил друзьям, что объединение России — чепуха; царь нужен только для леса — Великороссии и севера России. Георгий Лейхтенбергский[31] был возмущен этим. В связи с этими разногласиями, по-видимому, назначенное на вчерашний

день совещание правых (Шульгин, офицеры и Лейхтенбергский, «пятерка» – Безак[32]), кн[язь] Долгоруков, Гижицкий[33], Григорович-Барский (член Думы), <пропущена фамилия> не состоялось, под фиктивным предлогом болезни Безака. Гижицкий и Котов-Конашевич прямо германофилы, подозрительны, м[ожет] б[ыть], подкуплены германцами? По отношению к Украине у германцев, действительно, была стадия разочарования, но теперь и эта стадия пройдена. Германцы все-таки хотят сохранить независимость Украины с целью разделения России. Скоропадский, по свидетельству близкого к нему лица, при устройстве переворота был проникнут «хорошими намерениями» (в смысле объединения), но теперь вошел во вкус власти (что не очень нравится германцам). Существует тайный договор Скоропадского с германцами в 10 пунктах. Есть еще прежний, тайный договор германцев с Радой, неизвестный даже правительству. О целях переговоров с Москвой см. выше (приписано ошибочно Василенке). Вина к. д., что они не поставили при вступлении условий (по другим сведениям, германцы сначала вообще их не хотели) и были слишком уступчивы по отношению к самостийникам (обещал факты), но слишком демонстративно подчеркивали независимость. По мнению Ш[ульгина], они могли бы выговорить *равноправие* языков. Германцы, из круга Эйхгорна, относятся к «державной мове» недоброжелательно. Эйхгорн, в последних прокламациях, обращается к населению по-немецки или по-русски. На банкете у Газе[34] хозяин заявил, что можно говорить по-английски, по-французски, но не на «державной мове». Присутствовавший <пропуск фамилии>* с шумом встал и вышел. Сообщает интересные документы, обещает другие.

Визит генер[ала] Шиллинга[35] к И.П. Демидову. Ш[иллинг] узнал от представителя калмыков Тундутова[36], только что вернувшегося из Берлина, что Гинденбург[37] и Людендорф[38] заявили ему, что об объединении России нечего и думать. Россия будет разделена на Украину, Ю[го-]В[осточную] республику, Кавказ и Север. Из 29 милл[ионов] зерна, к[ото]р[ые], по договору, должны быть поставлены вчера, по сведениям Демидова, поставлено т[олько] *6* и иначе быть не могло, п[отому] ч[то] много закупленных партий перекуплено германцами по повышенной цене. Они при этом только выигрывают, п[отому] ч[то] не доставленное правительством в этом году переходит на следующий, а переплаты германцев по стоимости вывезенных товаров будут покрыты надбавками на стоимость ввозимых товаров. Таков договор.

---

* Очевидно, имеется в виду Дашкевич-Горбатский.

Визит В.И. Вернадского. Он получил письмо от С.Ф. Ольденбурга[39] с резким осуждением тактики Украины и у[краинских] к. д. Академия получила огромные деньги от большевиков на научные исследования. Вернадский старается ввести оговорки в мое мнение. Он не верит в «катастрофичный» путь переворота в Москве и рисует себе длительный процесс внутреннего умирания большевизма, в течение которого и Украина, и другие «независимые» части успеют укрепить свою независимость. Он, как и другие здесь, лишь борется за самостоятельность «русской» культуры рядом с «украинской», требуя, чтобы национально-русское было *выделено* в особую группу «великорусского». Национально-персональная автономия его не удовлетворяет, п[отому] ч[то] очень усиливает евреев. (Я, напротив, указываю, что это – скрытая процентная норма. Вредна она, действительно, для русских, сфера влияния которых («русский» язык) шире, чем круг великорусской национальности.) Возникла в Моравии, в борьбе *немцев* с чехами, в интересах господствовавшей раньше национальности. Подчеркивает, что нельзя бороться против *здорового* элемента в национальн[ом] возрождении (видимо, боясь моего «центризма»). Рассказывает, что в последние два дня арестована «Спилка»[40] и 300 членов профессиональных союзов.

2–15 июня

Посещение Н.П. Василенко. Приехал Ичас[41] и рассказывает, что германцы настаивают на том, ч[то]б[ы] литовцы взяли Белоруссию. В Литве состояние полной оккупации. «Госуд[арственный] совет» играет роль подготовит[ельной] комиссии для германских мероприятий. Обращает мое внимание на экономич[еские] вопросы, которые «важнее политических»: вопрос об употр[еблении] иностр[анного] или русского банковского капитала при постройке железн[ых] дорог – в частности, Киев–Одесса (впосл[едствии] связ[анных] с Москвой). Инжен[ер] Николаевский, близкий к нему, – за русский капитал. На днях второй съезд с представителями петроградских банков. Не знает, хотят ли немцы серьезного ведения переговоров, но сам не верит в их благополучное окончание. Сделано предложение о перенесении переговоров в Нижний [Новгород], ввиду того что большевики-члены делегации агитируют в городе и причастны к подготовке забастовки. Вне города – брожение в Звенигородне Уман[ского] уезда, теперь кончилось. Это [–] район обучения Скоропадским (в течение месяца) «вольного казачества». Принес карту, из которой видно, что германцы претендуют на присоединение также и *Новочеркасска* к Украине.

3–16 июня

Утром был у Шишманова[42]. Он, м[ежду] пр[очим], высказал надежду на восстановление России, хотя не в виде централистич[еского] государства. Спрашивал меня об отношении к расколу в партии, о том, сохранил ли я влияние. Я сказал, что я Realpolitiker* и не скрыл своего основного взгляда. Вызвался свести с Форгачем[43], предположил, что я буду говорить с германцами, но на это я не реагировал.

Дома – известие о готовящемся «на днях» покушении на Шульгина и о существовании группы монархистов, решивших убить всех членов Врем[енного] правительства и комитета Думы с Родзянкой[44] во главе, делавших революцию. Будто бы германцы знают об этом и не хотят мешать. Шульгин прислал корректуры статей из «Голоса Киева»[45] *о германских* взглядах («Vossische Zeitung»[46], Lederer'a[47]) и о декларации Краснова, из которых вычеркнуто все, противоречащее «самостийности» Украины. Цензура в ведении «держав[ного] секретаря» Кистяковского[48] (упрек к[а]д[ета]м).

Заседание с президиумом Главного совета. Слухи (от Стороженко[49], что через 10 дней Скоропадский будет смещен Дашкевичем-[Горбат]ским[50] и тепер[ешнее] министерство заменено министерством с *украинской* окраской. Вероятность этого слуха; его подтверждение из других источников.

Германцы уходят, на их место приходят австрийцы; германцы не готовят похода на Москву. Я сопоставляю с Ростовскими событиями, где тоже эта смена была и имела стратегическое значение. Украинцы интригуют вовсю и сами распускают эти слухи, так же как и слухи о беспорядках в деревне.

Я спрашивал, был ли программный уговор при вступлении в м[инистерс]тво? Оказывается, набросок был – у Василенка. Но по существу говорить было нельзя. Больше занимались личными кандидатурами, чем программой. Перечисляю принципиальные вопросы, по которым нет решения, а надо наметить. Комиссия Голицына–Дьякова. Вопрос о национальных министерствах. Чем их заменить? Я предлагаю школьные советы при органах самоуправления и публично-правовые союзы для национальностей, к[ото]р[ые] чувствуют в этом надобность (евреи, поляки). Отрицательная роль Кистяковского. Пишу письмо Ивану Ильичу [Петрункевичу][51].

Вечером был у В.И. Вернадского (Тарас[овская], 16, кв. 20), к[ото]р[ый] читал мне письмо С.Ф. Ольденбурга, м[ежду] пр[очим],

---

* реалистичный политик (нем.).

не одобряющего его намерения создать Украинскую Академию наук. Петроградская Академия отбилась от большев[истских] реформ, действует прекрасно и имеет большие субсидии от Сов[ета] нар[одных] ком[иссаров]. Киева они не понимают.

4–17 июня

Утром меня вызвал В.И. Вернадский для свидания с Н.П. Василенком, к[ото]рый рассказал про вчерашний обед у Эйхгорна. К столу не были приглашены гетман и другие м[инист]ры, кроме м[инист]ров к. д.: Василенко, Ржепецкого[52], Гутника, а также Дорошенко и Кистяковского. За столом велась общая беседа. Василенко был предметом особого внимания и сидел по левую сторону Эйхгорна, военн[ый] м[инист]р – по правую. Потом, за круглым столом, началась более содержательная беседа. Грёнер[53] спросил Василенко, какие существуют партии в Москве. Когда в беседу вмешался Кистяковский, Грёнер оборвал беседу. Потом, когда очистилось место возле Вас[иленко], Грёнер подозвал Haase (псевдоним принца Гессенского). Haase сел и начал специальный разговор: «Считаете ли Вы, что пора восстановить единство России – конечно, не такой, как прежде. Нужно исходить из Киева (т. е. Киев столица). Украина будет вроде Баварии, единство вроде Германской империи». Но «мы можем иметь дело только с монархическими партиями». Ответ Вас[иленко]: «Сколько мне известно, и Милюков теперь стоит за монархию». Haase: «А где теперь Милюков?» Вас[иленко]: «Не знаю». Сообщив это, Вас[иленко] спросил моего мнения и посетовал, что, не зная моего письма комитету, не мог говорить положительнее. Я сказал, что в этом есть преимущество: если *ко мне* обращаются, то тут более удобный базис для беседы. Я, конечно, пойду на сговор лишь на известных условиях: пересмотр Брес[тского] договора с (крайним требованием) восстановлением старых границ. Условие единства: *всероссийское* гражданство, *суверенность* центрального *органа* (не связанного обязанностью по всякому случаю вновь договариваться и бюджет не в виде матрикулярных взносов, не Bundesrath*); *единство территории* (словом, не Staatenbund**). Украину, в худшем случае, я готов поставить в особое положение, но оно не м[ожет] б[ыть] нормой для всей России и всех остальных соединяющихся единиц. Согласен, конечно, определить границы полномочий договором, к[ото]р[ый] не подлежал бы одностороннему изменению (как одна из австрийских провинций). Не согласен на *союз* с Германией, а

---

* бундесрат (нем.), верхняя палата германского парламента.

** союз государств (нем.).

только на благожелательный нейтралитет и торговый договор: это уже неизбежно. Но нельзя заставлять Россию нести новые тяжести войны и нельзя круто поворачивать: надо *монополи[зи]ровать* общеcтв[енное] мнение и помнить, что мы – крайняя партия, с которой германцы *могут* разговаривать. Haase упомянул, что они дадут нам сильную армию и герман[ских] инструкторов («ваше высшее офицерство превосходно, но низшее никуда не годится») – это мне тоже не нравится: мы не турки. Вообще надо указать, что мы не должны воспитывать Deutschenhass*, который похоронит их вместе с нами (1813![54]), и потому есть изв[естные] пределы. Нужно указать также, что иначе мы создадим внутренний фронт и опять разделим Россию на две половины: союзническую и германофильскую. Москва более удобное центр[альное] место, около к[ото]р[ого] охотнее объединятся те, кто не захочет объединиться около Киева. Решено, что сегодня вечером Н.Пр. [Василенко] скажет обо мне Haase.

Визит Кап. Ник. (члена Кубанской делегации, председатель ее Рябовол[55]) в сопровождении Д.Н. Григ[оровича]-Б[арского]. Они здесь добиваются вооружения для казаков и, он утверждает, что у них уже есть 20 тыс[яч] армии (я разочаровываю: всего 5 тыс[яч]). Сперва обещали все дать, теперь ничего не дают. Говорили сперва с украинцами, потом с германцами. Украинцы заявляют: мы вам (Кубани) дадим *только* автономию; федерации не хотим. Если согласитесь быть украинской провинцией, тогда, быть может, получите впоследствии и оружие. Форгач говорит: это ваше дело с Украиной, нас не касается. Германцы вообще ничего не говорят. У них альтернатива: или подчиниться украин[ским] требованиям или воссоздать Ю[го]-В[осточную] республику. Я спрашиваю: а если придется объединиться *около* России, а не около Украины, вы удовлетворитесь автономией? Да, конечно, но не все: Рябовол упорный федералист. Но зачем спорить об именах: фактически это будет то же. *Я*: «Если нужно *вновь* созидать, то надо шить платье по ребенку. Мой совет: поддерживать Ю[го]-В[осточный] союз[56], а не идти на положение укр[аинской] провинции».

5–18 июня

Вечером вторичное свидание с министрами к. д. Интересный разговор с Гутником. Он сблизился с германцами-финансистами, с Мельхиором[57], участником договоров в Бресте и Бухаресте[58], представителем Гамбургского дома Варбурга. М[ежду] пр[очим], он пред-

---

* ненависть к немцам (нем.).

ложил Одесской думе германскую выгодную операцию: выпуск 100 милл[ионов] городских кредиток под обеспечение по 75 к[оп]. в Reichsbank* и с уплатой по 4%. Но Дума заартачилась, потом германцы увидали, что покупки хлеба не так велики, что их марки очень хорошо идут – и операция не состоялась. Грёнер, по словам Гутника, человек бисмарковской складки и у него ничего не узнаешь: большой политик и умница. Но из намеков и оговорок своих знакомых Гутник заключает, что главная цель германцев – изоляция Украины от Великороссии. Когда Г[утник] рассказал вести из Москвы, что положение советской власти слабо и ей грозит падение, Мельхиор сказал: «Das ist schlimm, Sie sind kriegerisch gesinnt»** (и могут после усиления опять начать борьбу с германцами). Временами они настаивали на скорейшем заключении мира с Россией. По словам Ник[олая] Прок[офьевича Василенко] и других, сегодня конференция близка к разрыву: большевики настаивают на своих границах (в Черниг[овской], Кур[ской] губ., Дон[ской] области). Германцы упорно молчат. Сегодня Грёнер и Мумм[59] вызваны в Берлин. Там, очевидно, предстоят какие-то решения. Гутник далее говорит, что смысл герм[анского] плана [–] разрешение аграрного вопроса (muss unbedingt gelöst werden***), состоит в продаже земель крестьянам за наличные деньги, по пониженной цене (напр[имер], руб[лей] 500 вм[есто] 1000 за десятину). Таким образом, м[ожет] б[ыть], из деревни и выкачают деньги, снабдят ими правительство, а с помещиками расплатятся свидетельствами в *новой валюте*. Создание этой валюты должно тоже отделить Украину от Великороссии. В то же время, однако, Гутник отмечает, что германцы не стоят за расширение Украины. Его спрашивал (Эйхгорн?): как вы думаете о Ю[го-]В[осточном] союзе? Он ответил: «Это фикция, силен только Дон». – «А Кубань?» – «Ну, Кубань ни то ни се». О Крыме Эйхгорн ему говорил: «Das ist nicht ernst»****.

6–19 июня

Написал статью о Дернбурге для «Русского голоса»: статья Д. в «Berliner Tageblatt»[60] дает удобный повод, чтобы цензурно ввести публику в мои мысли. Сегодня Вас[иленко] должен иметь разговор с Haase.

7–20 июня

Утром вызван к В.И. Верн[адскому]. Там Ник[олай] Прок[офьевич Василенко], который сообщает. Он просил, чтобы Гаазе

---

* Императорском банке (нем.).

** «Это плохо, Вы воинственно настроены» (нем.).

*** должен быть непременно решен (нем.).

**** «Это не серьезно» (нем.).

назначил свидание, но было отвечено, что Гаазе уехал (утром). Вечером Гаазе сам нашел Вас[иленко] у гетмана, где было заседание, вызвал его в сад и там беседовал. Вас[иленко] сказал: «Наш разговор задел много интересных вопросов, и вы, м[ежду] пр[очим], спросили, где Милюков. На другой день М[илюко]в приехал в Киев». *Гаазе*: «Он приехал из Ростова, он был там с Калединым[61] и Алексеевым?» — *Вас[иленко]*: «Да». *Гаазе*: «Как бы повидаться? *Где* можно было бы устроить свидание?» Вас[иленко] мнется; тогда Гаазе предлагает собств[енную] квартиру (Екатерин[инская], 11). Я предпочел бы нейтральное место, о чем раньше говорил Вас[иленк]е. Но раз так стал вопрос, соглашаюсь завтра на 11 часов. *Гаазе* предупреждает: «Это будет частная беседа (как и наша предыдущая), но о результате я доложу правительству. Будут две главные трудности: Курляндия и Украина». (Вас[иленко] еще раньше сказал, что мои взгляды в некоторых пунктах соприкасаются: я склоняюсь к монархии и согласен на иное устройство частей России, чем раньше.) *Гаазе*, м[ежду] пр[очим], спросил: «За кого М[илюко]в: "Согласие" стоит за Мих[аила] Ал[ександрови]ча[62], а другая сторона за наследника». *Вас[иленко]*: «Но ведь наследник опасно болен». *Гаазе*: «Мало ли что говорят газеты».

Л.Н. Трескин[63] привозит письмо М.В. Алексеева от 25 мая. Через час приводит капит[ана] Парфенова, который повезет сегодня мой ответ — Парфенов в курсе переговоров кн[язя] Тундутова с Берлином. На мой вопрос, правда ли, что Тундутову сказали в Берлине, что там не хотят объединения России, он рассказал сцену: Добринский задал этот вопрос Тундутову в присутствии герман[ского] офицера, который сказал: «Вы, князь, не так поняли. Вы должны сперва показать, что у вас есть силы и организация и что вы нам дружественны, тогда пойдет речь и о походе на Москву». Тундутов и Добринский едут сегодня же к Краснову с официальным предложением герман[ского] штаба: в течение двухнедельного срока выяснить отношение Краснова к германцам и к Ю[го]-В[осточному] союзу. Юго-Восточ[ному] союзу обещается мир и нейтралитет, независимость и право сформировать армию. Там может формироваться и «особая» Добровольческая армия, если она ориентируется на германцев для похода на Москву.

Утром Вас[иленко] рассказывал свои разговоры с гетманом и его замечания о трех министрах. 1). Лизогуба оставить премьером и назначить особого мин[истра] внутр[енних] дел. 2). Сомнение отн[осительно] Гутника, на которого ему жалуются, что он проводит ин-

тересы банковских сфер и 3). «Панама» в проводовольственном ведомстве Соколовского[64].

Вечером Д.Н. Григ[орович]-Барский рассказывает о страшных жестокостях при усмирении крестьянских восстаний. О расстреле вожаков, стрельбе по сходам, в случае отказа в выдаче, об истреблении целых деревень. Это в Звенигор[одском] и Канев[ском] у[ездах]. В Радомысльском у[езде] какой-то помещик разъезжает по деревням с экзекуциями, заставляя крестьян везде на коленях выслушивать его. С другой стороны, и большевики без милосердия расправляются с помещиками, интеллигенцией и милицией, вырезая поголовно. Инициаторами бунта явилась группа неизвестных в неск[олько] десятков чел[овек], которая организует и вооружает крестьян, переезжая с места на место, под угрозой разорить и истребить их в случае отказа.

8–21 июня. 11 ч[ас]. утра. Разговор с Гаазе.

Разговор идет по-немецки, за исключ[ением] отдельных фраз. После первых приветствий он говорит: «Исключительное положение тепер[ешнего] момента может продолжиться: война м[ожет] б[ыть] будет продолжаться еще год и больше; только при окончательном расчете мы можем определить окончательно свои отношения к России: до того времени мы должны иметь *гарантии*. В частности, относ[ительно] нашего положения на Украине и относ[ительно] положения Украины».

Я. Если вы на такой долгий срок отодвигаете наше соглашение, то оно теряет для меня большую часть интереса. Что касается гарантий – ведь вы здесь сами. Вам нужна экономическая эксплуатация России – вы ее имеете.

Haase. А вы думаете, мы много от вас вывезли? Мы ввозим к вам больше, чем вывозим.

Я. Во всяком случае, это положение временное и не на него вы рассчитываете в будущем. Относит[ельно] положения Украины скажите, прежде всего, как вы представляете себе положение в будущей России других частей ее? Для меня первая и главнейшая цель теперь есть объединение России: у нас, слава Богу, нет еще «38 Monarchen»*, и я спрашиваю себя, что же, положение Украины должно быть исключительным или по ее образцу должны быть наделены правами и остальные части России? Я знаю, что вы представляете себе положение Украины вроде положения Баварии. Но ведь у нас

---

* 36 императоров (нем.).

не король, а гетман или, быть может, вы хотите основать на Украине королевскую династию?

Haase, несколько смущенный, допускает, что у высших властей может появится такая цель, но тотчас поправляется и говорит: «Нет, Украина с тепер[ешним] гетманом».

Я: «С гетманом, узурпировавшим свою власть, с гетманом, выборным или назначенным императором? Все это – разные положения. Я не мог бы никоим образом примириться с созданием новой монархии на Украине и не хотел бы ничего подобного вашему Bundesrath'у, с его характером международно-правового соединения. Я не хотел бы также давать Украине особого войска, тех остатков дипломатического представительства, которое имеет Бавария и, быть может, той широкой власти в податном и железнодорожном отношении. Но я не против того, чтобы, считаясь со сложившимся положением, признать за Украиной особые Reservatrechte*, с тем только, чтобы они не служили образцом для других частей России. Так как для меня объединение есть главная цель, то я, прежде всего, считал бы нужным выяснить, как это Sonderstellung** отразится на целом. Я не хотел бы, чтобы если вся остальная Россия составит унитарное государство, Украина соединилась с ним в дуархию, вроде Австро-Венгрии или Венгро-Кроатии. Она не должна претендовать на особый характер представительства в империи. Для империи же вообще мои основные условия суть: единство гражданства, единство территории и суверенитет центральных органов. Все это, конечно, есть и в "союзном государстве", как Германская империя, но так как там происхождение федерации – историческое, то, естественно, пришлось считаться с прежним положением независимых королевств. Совершенно иное у нас, где только что созданы искусственные новообразования и живы традиции государственного суверенитета».

Haase (резюмируя): «Во всяком случае, вы не против известных преимуществ для Украины, хотя и не идущих так далеко, как особые права Баварии?»

Я: «Да, но чтобы эти преимущества были исключительными».

Haase: «Словом, so wenig, als möglich*** (улыбаясь). А как Вы относитесь к союзникам? Правда ли, что ваша партия отчасти еще стоит за союзническую ориентацию? И что могут сделать для России союзники?»

---

* привилегии, особые права (нем).

** особое положение (нем.).

*** как можно меньше (нем.).

Я: «Партия колеблется и, конечно, не может сразу переменить свою прежнюю ориентацию. Однако большая часть ее понимает уже, что надо считаться с совершившимися фактами. Отчасти перелом в ней замедлился потому, что я лично, протагонист союза с альянсом, отсутствовал и не высказывал своего мнения. Но теперь Вы его видите. Что касается вопроса, что могут сделать союзники для нас, я скажу только, чтобы они ни сделали, теперь уже поздно. Их помощь, во всяком случае, не могла бы поспеть, в лице Японии, раньше нескольких месяцев и тогда лишь повела бы их к созданию внутреннего фронта. Вот тут, по-моему, откладывая объединение России, вы делаете очень большую ошибку. (Haase берет бумагу и начинает записывать.) Теперь, когда этой помощи еще нет, объединить Россию гораздо легче, чем будет потом, скажем – осенью. Теперь, если Россия будет едина, она может сказать бывшим союзникам, ссылаясь на свой нейтралитет, что их помощь больше не нужна. Потом, когда они будут на Урале, это будет труднее: Россия разделится на две части с двумя ориентациями – и вам придется воевать с противниками на внутреннем фронте, среди России. Таким образом, в ваших интересах ускорить осуществление той задачи, к которой сводится теперь задача объединения России: освобождение Москвы».

Haase: «Как вы себе представляете осуществление этой задачи?»

Я: «У меня есть план. Хотя я ровно ничего не понимаю в военной стороне дела, но я представляю себе, что нужно в политических видах. Нужно не оскорбить самолюбие нации. Для этого необходимо сделать хотя бы вид, что Москва освобождена усилиями самих русских. Способ для этого есть: участие Добровольческой армии. Ваша помощь могла бы выразиться в том, что вы охраняли бы Западный фронт Московской области и грозили бы вторжением оттуда. Добровольческая армия, которой вы бы помогли оружием и снарядами, могла бы быть подвезена, по кратчайшему расстоянию, на Воронеж или Курск».

Haase: «Но Добр[овольческая] армия недостаточна сильна для этого предприятия?»

Я: «Во-первых, в последние дни ее состав постоянно увеличивается. Я только что получил известие, что в один день прибыло 400 офицеров. Надо, конечно, притянуть к ней офицерство отсюда и из других мест».

Haase: «Все офицеры, а солдат в ней нет? И казаки надежны?»

Я: «Да, это, по существу современного положения, есть офицерская армия. Казаки есть, но, может быть, они не пойдут на Москву.

Как бы то ни было, это только вопрос о размерах вашей помощи: если вы согласитесь, что надо спешить, то вы не будете ждать, пока Добр[овольческая] армия достаточно вырастет и усилится: просто вы только сами поможете в больших размерах».

Haase: «Но нам нужно быть уверенными в сочувствии Добров[ольческой] армии германцам. Говорят, Алексеев против нас? Придется тогда его заменить, тем более что он, говорят, болен».

Я: «Это правда, что ориентацию целой армии переменить нелегко. Но я имею основания думать, на основании своей переписки с Алексеевым, что он теперь уже не так чужд мысли о необходимости считаться с объективными фактами. Против перемены фирмы Добр[овольческой] армии я был очень решительно. Нам нужен Алексеев именно для того, чтобы придать всему походу такой характер, при котором он встретит наименее психологического противодействия в партиях, которые иначе были бы настроены резко против».

Haase (записывает): «Так, значит, вы за то, чтобы сохранить, хотя бы номинально, имя Алексеева?»

Я: «Конечно, ему бы мог помогать ген[ерал] Деникин[65], с которым они прекрасно ладят».

Haase: «Теперь другой вопрос. При восстановлении единства вы, конечно, имеете в виду пересмотр Брестского договора?»

Я: «Само собой разумеется: это две стороны одного и того же вопроса, а не другой вопрос. Единство России предполагает восстановление ее старых границ — полностью».

Haase: «Но вы, конечно, понимаете, что нам трудно было бы отказаться от того, что составляет цену принесенных нами жертв и усилий? В частности, Курляндия, напр[имер]».

Я: «Напротив, я уверен, что вам это будет очень легко. Некоторые из ваших партий вообще недовольны вашими "аннексиями" на востоке. Вы делаете огромную ошибку, создавая этот пояс Randstaaten*. Они разделят участь древней "части Лотаря"[66], которая привела вас к целым столетиям споров и осложнений. К тому же вы здесь имеете дело с вновь возродившимися национальностями, и я уверен, что если бы вы настояли на их независимости, мы всегда имели бы в них готовых союзников против вас же. Наконец, я не могу себе представить династии, которая бы, вступая на престол, подтвердила бы ваш договор с Лениным[67]: для этого не нужно восстанавливать монархию. Но я не понимаю вот чего: раз вы уже идете на восстановление границ (например, не упоминаете о Финляндии и Эстлян-

---

* окраинных государств (нем.).

дии), то стоит ли говорить о такой мелочи, как Курляндия? Конечно, границы можно частично исправить, но ваша Liebesgabe* новой династии должна быть полна: тогда она произведет впечатление и укрепит династию. Вам этих приобретений не надо, потому что раньше вы об этом и не думали».

Haase: «Мы, конечно, могли бы претендовать и на весь Остзейский край».

Я: «Нет, об этом уже безусловно не может быть уже и разговора. Лифляндия и Эстляндия должны быть наши».

Haase (записывая): «Таким образом, относительно Курляндии вы допускаете дальнейший разговор?»

Я: «Да, я допускаю исправление границ».

Haase: «Ну, а относительно Польши (смеется)?»

Я: «Я понимаю, что вам было бы очень приятно – попросить нас взять нашу Польшу обратно и что это опасный для вас дар. Но для нас это дело чести (Ehrensache**: Haase записывает) и я сам, в качестве мин[истра] ин[остранных] дел, подписал акт о независимости Польши. Это, однако, не значит, что я распространяю это на Литву и на Белоруссию – их я предполагаю вернуть в состав Великой России».

Haase: «Но вы не исключаете местных прав?»

Я: «Партия народной свободы всегда стояла за широкую автономию областей, даже тогда, когда это было для нее вредно. Конечно, и теперь она допускает автономное устройство, но не далее: за исключением Украины, в России и нет данных для более широких требований».

Haase: «Теперь еще вопрос. Для похода на Москву надо идти объединенными. Можете ли вы, кадеты, идти вместе с монархистами?»

Я: «Смотря по тому, с какими монархистами. Совершенно исключена возможность пойти со сторонниками абсолютной монархии».

Haase: «Но они все-таки есть и влиятельны. Быть может, они впоследствии пойдут без вас... Большинство офицеров на их стороне?»

Я: «Я не думаю, чтобы их было много. Во всяком случае мы можем идти только на восстановление народной (volkstümliche) Monarchie***, а не самодержавной. Если впоследствии ход событий нас ототрет от главного курса, это – дело истории. Но теперь без нас обойтись нельзя: куда бы вы ни пошли: сюда, на Дон, в Крым, везде

---

* дар, подарок (нем.).

** дело чести (нем.).

*** народной монархии (нем.).

вы находите нас, потому что мы главные staatsbildende Elemente* и находимся теперь в самом фарватере истории».

Haase: «Вы занимаете место национал-либералов в Германии?»

Я: «Нет, мы левее их, но до известной степени нас можно сравнить с национал-либералами добисмаркского времени (Haase записывает), тогда они были левее, а поправели потом».

Haase: «Но как же вы пойдете с Добровольческой армией, ведь там монархисты-абсолютисты, например, Деникин, Марков[68]?»

Я (улыбаясь): «Вы ошибаетесь. Мне стоит немалого труда склонить их хотя бы к конституционной монархии. Они были республиканцами».

Haase (удивленный): «Республиканцами? А ваша партия?»

Я: «Мы никогда не приписывали принципиального значения форме правления, если только она гарантировала парламентарное правительство, и при этом условии мы считали республику и конституционную монархию – формами безразличными. Мы, конечно, были за республику, когда она была не то что провозглашена, но подготовлена революцией. Но я лично тогда же убеждал Мих[аила] Ал[ександрови]ча принять назначение и предсказывал ему, что Врем[енное] правительство – утлый челн и что без монарха мы погрузимся в океан анархии. Монархисты это знают и, если они не абсолютисты, пойдут со мной. Я знаю и про монархическое движение среди офицеров, говорил с ними и всегда отговаривал от сепаратных выступлений, убеждал их подождать, пока монархический лозунг примет вся Добровольческая армия. Я надеюсь, что имел некоторый успех и это так и будет. Но, повторяю, это будет союз с конституционными монархистами, абсолютисты должны остаться в стороне».

Гаазе: «А кого вы имеете в виду? Одни говорят об Алексее[69], а другие о Мих[аиле] Ал[ександрови]че, на чьей стороне стоят союзники? Хотят ли они тоже восстановить монархию?»

Я: «У меня мало сведений из Москвы. Гр[аф] Мирбах[70] должен знать это лучше. Но я думаю, что едва ли союзники вообще станут на сторону монархии. Монархия, конечно, может создаться и внутренним процессом, в результате изживания большевизма».

Haase: «Тогда мы уже потеряем случай участвовать в ее создании».

Я: «Вот именно. Потому-то вы и должны спешить».

Haase: «Будет ли монархия популярной и удержится без нашей помощи?»

---

* государственники (элементы, создающие государство) (нем.).

Я: «Я думаю – при известных условиях, да. Если монархия с собой принесет единство России и прежние границы, то, конечно, она будет популярна. К тому же народ устал и охотно ее примет. Но, повторяю, нужно, чтобы это была народная монархия, а не прежняя. Именно потому я лично склоняюсь к кандидатуре Мих[аила] Ал[ександровича]. Кандидатура Алексея приблизила бы к престолу некоторые личности, которые прежде вызывали Deutschenhass. Вы понимаете, что теперь с этим нужно быть особенно осторожными».

Haase: «А если Мих[аил] Ал[ександрович] подпадет под влияние союзников?»

Я: «Мих[аил] Ал[ександрович] подпадет под влияние тех, кто будет около него; по моему личному впечатлению, это – человек слабый».

Haase: «При Алексее, м[ожет] б[ыть], понадобилось бы назначить регента?»

Я: «Вот в этом и заключается одно из неудобств этой кандидатуры, так как назначение регента может быть раздуто в большой и спорный политический вопрос».

Haase: «Притом же оба кандидата в руках большевиков и союзников, которые могут овладеть ими».

Я: «Это уже вопрос техники. Нет, конечно, надобности разглашать о кандидатах в газетах. Если технические препятствия и окажутся непреодолимыми, в конце концов, вопрос о лице – второстепенный. Возьмите Дмитрия Павловича[71] и жените его на Ольге[72]».

Haase: «Дочери царя? (записывает). Тут есть кн[язь] Тундутов, что вы думаете о Ю[го]-В[осточном] союзе? Есть ли такое правительство? Тундутов – атаман казаков?»

Я: «Тундутов – один из импровизированных дипломатов, каких теперь много. Правительство есть – Быч[73] в Новочеркасске (я забыл про Харламова[74] и Филимонова[75] и смешал с Кубанским). Это годится как vorläufige Stufe* к единению, временное создание отдельных областей, как Дон, Кавказ, Крым, независимых "впредь до объединения России", как об этом заявил Краснов. Там объединение легко, ибо там уже нет никаких элементов особой государственности – да и никакого желания фигурировать в роли отдельного государства».

Haase: «Наша беседа – необязательный частный разговор – необязательный (unverbindlich**) взаимно. Но я передам это в выс-

---

* предварительная ступень (нем.).

** необязательный, ни к чему не обязывающий (нем.).

шее место. Если условия ваши будут приняты, то Вы согласитесь войти в непосредственный контакт (Fühlung*)?»

Я: «Конечно, соглашусь, ибо это мой долг перед Россией. Так как я поставил вопрос, я не могу не считать важным участвовать в его разрешении. Если дело пойдет иначе – я не скажу, чтобы вы могли получить кадетов без меня, но я лично не ангажировал бы своей репутации и предпочел бы продолжать свою частную жизнь и писать второй том истории русской революции».

Haase: «Это, должно быть, очень интересно. Хотите, мы издадим его вам в Берлине? У нас есть для этого все средства. Вероятно, ваш труд будет переведен по-немецки?»

Я: «Для заграницы я думал приготовить другое издание с менее подробным изложением фактического материала. Во всяком случае, очень благодарен за предложение, я о нем подумаю».

В течение беседы Гаазе не раз возвращался к нашей союзнической ориентации, гарантиям, что мы ее изменим и впредь будем друзьями Германии. Я отвечал на все это: «Оставим музыку будущего в стороне. И я, и все мы, в конце концов, прежде всего русские и работаем для России. Постарайтесь быть нам полезны, и наши отношения сами собой получат прочный характер. Вы понимаете, что чувства народа нельзя переменить сразу. Но они тоже не неизменны. Все зависит от вашего отношения к нам. Никто не откажется от своей пользы и не будет искать своего вреда. Вы спрашиваете, пойдем ли мы с вами в будущем? Это – смотря по тому, как вы понимаете это будущее. Некоторые из ваших партий ставят себе такие дальнейшие цели, при которых наши пути неизбежно разойдутся. Если этого не будет, и у нас окажутся общие интересы – мы пойдем вместе. Вот все, что я могу сказать в данный момент и уверить вас, что мы не доктринеры, мы не верим в Wahlverwandschaften** между какими-нибудь специальными народами: мы, прежде всего, русские и служим России».

Haase записал мой адрес.

В разговоре Гаазе хотел еще, чтобы я признал, что мы «сделали ошибку, начав эту войну». На это я ответил, что вопрос о происхождении войны исторический и очень сложный, но что я могу ему сказать, что я лично был решительно против войны и что мой орган [газета] «Речь»[76] была закрыта правительством за кампанию против войны, когда она началась.

---

* контакт, связь (нем.).

** родство душ (нем.).

Приехал Винавер[77] с поручением от Центрального комитета выяснить поведение украинцев. Моя ориентация для него совершенно неожиданна и поразила его чрезвычайно. Он почувствовал сразу, что попал в трудное положение. Он пришел в 4 часа. Беседа была отрывочная и короткая, продолжалась на улице.

У Григ[оровича]-Барского после обеда совещание с мин[ист]рами, по просьбе Вас[илен]ко. В[асиленко] сообщает: гетман решительно ставит вопрос об отделении министра внутр[енних] дел от президентства, хочет писать Лизогубу, но тогда может грозить отставка последнего и полный министер[ский] кризис. Он пока отговорил гетмана и отрицательно высказался о кандидатуре Игоря Кистяковского в М[инистерство] в[нутренних] д[ел]. Но кого предложить вместо? И.П. Д[емидов] предлагает Савицкого. Затем гетман ставит вопрос о необходимости разогнать земства, которые проводят агитацию «Спилки» среди крестьян на «украденные» Н.Н. Ковалевским[78] 5 миллионов. Связь земств и Петлюры[79] с восстаниями крестьян – несомненна. На съезде земств только что принята криминальная резолюция, которая делает разгон необходимым – по кр[айней] мере того большинства (33 против 19), к[ото]р[ое] приняло эту резолюцию. Ч. приносит мне документы.

9–22 июня

Утром свидание с Бенони, посланцем Пасманика[80]. Излагаю ему общие линии своей политики. Они совпадают с его собственной, но крымские к. д. (особенно Оболенский[81]) против. Благодаря их несговорчивости, желанию устранить опред[еленные] татарские кандидатуры и Сейдамета[82] и т. д. провалилась комбинация с к. д. кабинетом и в пр[авительст]во попали правые, после того как германцы махнули рукой на переговоры с к. д. и поручили дело Сулькевичу[83]. Слова Пасманика: «М[илюко]в д[олжен] принять на себя проклятие истории – и сговориться с германцами».

Потом длинная, часа 2 с половиной, беседа с Винавером у него. Он подробно излагает всю историю в Ц[ентральном] к[омитете] отн[осительно] ориентации, резюмируя в свою пользу. Телеграммы Маклакова[84]. Переговоры с иностранцами, *собственная* ориентация, ораторский успех Винав[ера] на съезде, а в результате – правые элементы Правого центра пошли своим путем (с Нольде[85]) отдельно от к. д. Когда это открылось, по настоянию Василия Алексеевича [Маклакова] и с одобрения Пав[ла] Ив[ановича Новгородцева], к. д. вышли из Правого центра. Винав[ер] озабочен, как избегнуть дальнейших, разделяющих нас, шагов; предлагает проект минимальной резолю-

ции («ЦК не отвечает за действия киевлян»: решит съезд), которую я нахожу излишней и схоластичной. Переданную мне московскую резолюцию[86] буду критиковать.

Обед у нас с проезжающим в Чернигов А.М. Александровым[87]. В редакции недовольны моими двумя статьями в «Русском голосе». Грозит редакционный кризис. Иг[орь] Плат[онович Демидов] предлагает им – уйти, а мне, что он напишет статьи, в которых продолжит мои мысли с *русской* т[очки] зр[ения].

Приходит Ряснянский[88] и исправляет сведения о Тундутове. По его сведениям, первый вариант разговоров в Берлине о *разъединении* России – верен, ибо опровержений он не слыхал. Миссия Тундутова к Краснову состоит в требовании *союза трех атаманов*: Краснова, Тундутова и третьего, который, по слухам, поставлен германцами *вместо* Кубанского правительства. Другое требование – уход Добров[ольческой] армии или удаление ее вождей. Последние дни – вчера – содержание миссии вновь пересмотрено. Р[яснянский] не знает, в каком смысле. Теперь она уехала (и значит мое письмо к А[лексее]ву). Подтверждается слух об убийстве Ник[олая] II[89] в Екатеринбурге. По свед[ениям] Р[яснянского], семья сидела в вагоне, когда ворвались красногвардейцы и застрелили Николая и одного генерала. За ними тотчас ворвались чехословаки и спасли остальных, убив красногвардейцев. По сведениям Р[яснянского], пришли еще два корпуса: один авст[рийский], другой германский. Цель: или Орша, где большевики накопляют свою армию, или Кубань, или усмирение крестьянских восстаний. Пока не двигались из Киева.

После ухода Ряс[нянского] приходит Нефедов: у него в квартире германцы сделали обыск и взяли бумаги (германские сводки и кое-какие письма). Он предупреждает, чтобы Р[яснянский] не возвращался. Его ждет автомобиль с германцами.

Штейнгель виделся с Альвенслебеном[90], который его уверил, что Вильгельм[91] примет его прекрасно, как Privatmann*. Но его положение странно: он понял из намеков, что от него ждут не столько украинской, сколько *русской* ориентации. Гетман при австрийцах нарочно подчеркнул, что ориентация Альвенслебена русская. Дорошенко[92], по мягкости, окружил себя креатурами австрийцев.

Керенский[93] издал книгу о Корнилове[94], в которой обильно комментирует свои показания перед комиссией, выветрывается, но

---

* частное лицо (нем.).

лишь обвиняет самого себя. «Если бы не было 27 сентября, не было бы 25 октября»[95]; верно, только в обратном смысле: если бы Керенский не поступил 27 сентября так, как он поступил...

Слухи о том, что чехословаки провозгласили царем Мих[аила] Ал[ександрови]ча, бежавшего к ним и, таким образом, спасшегося.

10–23 июня

Утром у Барского с Набоковым[96] (отдельно), потом с Барским, Демид[овым], Винавером. Набоков на моей точке зрения: провел 12 голосами против 9-ти (Петрункевич) резолюцию о «допустимости сношений с германцами». Передает мне страстное письмо Петрункевича, убеждающего остаться при прежней ориентации, ибо Россия разорена и будет порабощена германцами. Винавер остается при старой позиции ЦК по общим вопросам, по краевым украинским правительствам воздерживается до свидания с министрами и с Шульгиным. Из рассказа Набокова о крымских событиях видно, что к. д. готовы были идти в правительство, сговорились с Сейдаметом в Ялте, а в Симферополе встретились с резкой оппозицией Сейдамету и выставили Крыма[97], на котором сговорились бы, если бы своим отказом в последнюю минуту он не оставил их без кандидата.

После обеда приходит Набоков и рассказывает подробно свою историю с момента нашей разлуки 25 октября. Он подчеркивает, что Петрункевич объясняет мою перемену моими личными тяжелыми переживаниями от большевиков (то же и в письме). Я говорю, что дело тут не в большевиках, которых я согласен бы был, если бы мы жили на необитаемом острове, терпеть вплоть до момента, когда они будут изжиты внутренним процессом; дело в том, что ни окружающий мир, ни мы не можем ждать, пока этот процесс окончится сам собой: мы — потому что *рискуем единством* России. *Эта* опасность должна быть устранена *немедленно*, а германцы *могут* быть заинтересованы в том, чтобы помочь в ее устранении.

Вечером приходит Шульгин. Ряснянский арестован и при нем письмо Алексеева к Шульгину, которое Р[яснянский] непременно хотел вручить лично. Лопуховского арестовали, но выпустили, ибо вербовка в Добров[ольческую] армию не воспрещается: преследуется лишь разведка о германцах.

Воспоминания о первых днях революции. Ш[ульгин] помнит многое яснее меня, и я прошу его записать. Обещает. Разговор идет общий, и я не касаюсь темы о переговорах, отвечая лишь на его вопрос, произошло ли что-нибудь: наклевывается. Наб[око]ву я прочел беседу с Г[аазе].

11–24 июня

С 11 до 3-х заседание президиума с Винавером, мной и Набоковым для выслуш[ив]ания доклада Винавера о ЦК, весьма обширного (записан карандашом и прилагается). Как поставить вопрос о миссии В[инавера]? *В[инавер]*: для «согласования» решений ЦК с поведением киевских товарищей. В[инавер] предлагает ограничиться *одним* только случаем Киева и подыскать для «оправдания» местные, извиняющие обстоятельства (необходимость бороться с украин[ским] шовинизмом). Все решают, что местные мотивы нельзя отделить от общих, и поведение Киева нельзя отделить от остальной Южной России. Продолжение обсуждения завтра.

Я пишу ответ на тезисы Винавера по внешней политике (прилагаются).

Тезисы доклада Винавера по внешней политике, принятые en bloc* конференцией партии н[ародной] св[ободы][98], стоят в резком противоречии как с тактикой наших киевских товарищей, продиктованной повелительной необходимостью целесообразно реагировать на совершившиеся, помимо нашей воли, события, так и с моей собственной тактикой, которую начал проводить в Ростове и Новочеркасске и продолжаю здесь, в полном согласии с местными комитетами партии. В прошлом моем заявлении Главному комитету в Киеве и Центральному комитету обрисованы главные черты этой новой тактики, от подробной же аргументации, как я считал, меня освобождали сведения об аналогичном моему мнении меньшинства ЦК. Теперь, из сообщения М.М. Винавера, я должен заключить, что меньшинство это было гораздо менее численно, чем я предполагал, и что его аргументация не была с достаточной полнотой развита в прениях ЦК и конференции. Это побуждает меня высказать подробнее мои соображения, придав им форму критики тезисов доклада М.М. [Винавера].

Первый аргумент доклада – и первый тезис его – заключается в том, что «партия всегда отстаивала необходимость участия России в антигерманской коалиции» и имеет значительную долю заслуги в «сплочении общественного мнения около этой идеи». Не мне отрицать это, ибо здесь идет речь, прежде всего, о моей собственной деятельности. Но тем более мне принадлежит право и обязанность сказать, что менее всего я думаю в такой области, как область внешней политики, устанавливать какие-либо непреложные аксиомы, годные

---

* в целом (лат.).

на все времена и при всех обстоятельствах. Единственной такой аксиомой, абсолютной и неизменной, является только одна: благо родной земли. И даже в международном праве существует правило, согласно которому все договоры и обязательства сохраняют свою силу «при наличности прежних обстоятельств» (rebus sic stantibus*). Мне кажется, что лица, продолжающие утверждать обязательность для нас договоров, заключенных союзниками, недостаточно отдают себе отчет в том, до какой степени все обстоятельства переменились. В настоящее время фактически не существует того правового субъекта, который заключал договоры: не существует российского государства, и его воссоздание должно быть нашей первой предварительной задачей. Далее, фактически не существует и того объекта, ввиду которого договоры заключались: не существует войны и никакие силы не могут заставить русский народ начать ее вновь, какого бы мы мнения ни были о заключенном большевиками мире. Мы можем лишь предоставить союзникам нашу территорию для борьбы с нашими противниками, но, если это им понадобится, они займут ее и без нашего согласия. Таким образом, при сложившихся условиях, мы должны быть полными господами наших решений и руководиться исключительно нашими собственными интересами.

Второй тезис доклада доказывает необходимость дальнейшего участия в «антигерманской коалиции» тем соображением, что исход мировой войны не предрешен, а от этого исхода будет зависеть судьба России. Я также думаю, что исход «мировой» борьбы не предрешен, — в том смысле, что окончательный исход мирового состязания между Германией и Великобританией не определится еще исходом настоящей войны. Я думаю, что этот исход отчасти зависит и от положения, какое в продолжение этого состязания займет Россия. Но для того, чтобы она могла занять какое-либо положение, нужно, прежде всего, чтобы Россия существовала. Что касается положения, что судьба России будет зависеть от судьбы войны, это было бы верно относительно такой страны, как Бельгия. Но после всего, что уже случилось, едва ли мы можем ожидать, что при ликвидации настоящей войны союзники будут заинтересованы и будут в состоянии вернуть нам то, что мы потеряли, если мы сами о себе не позаботимся. Даже при максимальной степени возможного для них успеха им слишком много придется заботиться о самих себе, чтобы мы могли ожидать от них самоотверженной заботы о нас.

Особенно спорен следующий, третий, пункт тезисов: «Брестский мир партией не признается, всякие уступки, которые бы могли

---

* при неизменном положении вещей (лат.).

быть сделаны центральными державами в области изменения или истолкования Брестского договора, были бы иллюзорны, ввиду полной беззащитности России», и «вступление на путь таких переговоров неизбежно влекло бы за собой союз с Германией против наших союзников, что, очевидно, неприемлемо». Партия может, сколько ей угодно, «не признавать» Брестского мира, но этот мир существует и, впредь до своего изменения или отмены, продолжает связывать советскую Россию. Он свяжет и преемников этого правительства, если при самой перемене власти эти преемники не поставят условием — изменение договора. Так как германцам не может не быть выгодно признание части договора более устойчивым правительством, то тут открывается возможность «уступок» отнюдь не «иллюзорных». Третировать эту возможность свысока, не испробовав ее, можно только имея в запасе что-либо другое, более реальное. Но я уже сказал, что гипотетическая поддержка союзников после гипотетического их успеха в ближайшей стадии войны к этим реальностям не относится. Наконец, «неизбежность союза», как результат переговоров, также ничем не доказана. Россия в данную минуту совершенно гарантирована от обязанности бороться против союзников — гарантирована уже самой своей беспомощностью. Нейтралитет есть единственно возможная цель переговоров, и нельзя отрицать, что формальный нейтралитет России для России все же известную цену имеет. Правда, доклад выставляет дальнейший тезис, что вообще никакое «"сепаратное соглашение" с австро-германской коалицией недопустимо»: но это только petitio principii*. Ссылка вскользь на «соображения морального свойства», мне кажется, устраняется тем, что я сказал по поводу первого тезиса. Ошибочность общей точки зрения, развиваемой в тезисах, лучше всего, как мне кажется, доказывается той неудачной попыткой противопоставить оспариваемой тактике какую-нибудь положительную программу, которая делается в тезисе пятом. «Наша международная ориентация не должна исходить, — полагает М.М. Винавер, — ни из нетерпеливого желания разрешить наши внутренние дела, прибегая к внешнему вмешательству, ни из надежд на непосредственную помощь союзников в борьбе с Германией». Первая половина дилеммы намеренно формулирована в выражениях, которые предполагают ее осуждение. Призыв внешней силы для поражения внутреннего противника всегда одиозен: даже тогда, когда этот противник есть большевик. И если бы желание поскорее отделаться от большевика было единственной причиной «нетерпения», я,

* аргумент, основанный на выводе из положения, еще требующего доказательства (лат.).

быть может, и согласился бы, что нетерпеливое желание призвать внешнюю силу заслуживает осуждения. Если я этого не говорю, то это, во-первых, потому что речь идет не о «призыве» внешней силы, а о том, в какое отношение стать к ее неизбежному проникновению внутрь России. Во-вторых же, не желанием разделаться с внутренним врагом диктуется обращение к внешней силе, а причиной несравненно более уважительной, которая объясняет и «нетерпеливость» этого желания. Гибнет единство России: с каждым месяцем промедления крепнет разрозненность частей и затрудняется будущее восстановление. Вот что заставляет обращаться к единственной силе, имеющейся налицо, и пытаться, при ее содействии, насколько это входит также и в ее интересы, восстановить государственный аппарат, сперва в частях, а потом и в целом. Что эта задача не может быть достигнута без тяжелых жертв, понятно само собой. Но отказ от ее постановки влечет за собой жертвы еще более тяжелые.

Мы видели, что доклад М.М. Винавера отказывается также и от другой реальной силы, на которой можно бы было основать защитимую позицию во внешней политике: от «непосредственной помощи союзников». Понятна цель этого отказа: он имеет целью устранить из доклада спорный вопрос о возможности и желательности этой помощи. Не устраняя спор об этом, доклад, вместе с тем, добровольно лишает себя единственной сколько-нибудь реальной опоры, с помощью которой можно бы еще было оспаривать первую позицию. За устранением той и другой реальной силы, что остается в самом деле, на что можно было бы опереться для какой-нибудь активной тактики?

Доклад отвечает на это: «воссоединение России, составляющее ныне основную цель нашей внешней политики (с этим я, безусловно, согласен), явится результатом (не будет достигнуто, а как-то само собою "явится"): а) борьбы держав Согласия за устранение германской гегемонии, б) неизбежного тяготения частей России к объединению и в) главным образом, внутреннего собирания народных сил, не появляющихся пока, ввиду усталости от войны и революции, но не могущих долго оставаться в состоянии апатии и приниженности». Я не могу не протестовать самым решительным образом против своеобразного фатализма, отразившегося в этих строках, равносильных полному отказу от какой бы то ни было активной политики вплоть до того времени, когда народ всеисцеляющим временем будет излечен от «апатии и приниженности». Я не говорю, что нет налицо тех факторов, которые здесь упоминаются; не отрицаю и того, что они действуют в направлении, которое здесь указано. Но доклад как

будто предполагает, что все остальные факторы, действующие в направлении обратном, приостановят свое действие. Германцы перестанут эксплуатировать Россию, если мы воздержимся от «австрогерманской ориентации»; поддерживаемые ими сепаратистские тенденции перестанут оказывать то разрушительное действие, какое оказывали до сих пор; «народные силы» сами собой соберутся, и автоматическим результатом действия всех упомянутых сил «явится» воссозданная Россия. С моей точки зрения, воссоединение России есть цель активной политики, сложной и трудной, но опирающейся на все наличные средства и руководимой самым нетерпеливым желанием, ибо эта цель неотложна и трудности, при всяком промедлении ее разрушения, растут в геометрической прогрессии. Вот почему, вполне соглашаясь с основной мыслью следующего доклада Н.И. Астрова[99], что «Брестский мир не может почитаться миром, заключенным русским народом», и что «роль России в мировой войне еще не окончена», я, в то же время, решительно возражаю против доктринерского запрещения членам партии «вступать в соглашение с германцами и тем менее призывать их для создания власти, установления порядка и устройства местных дел». Роковой ход событий поставил целую половину России в невозможность руководиться этими бумажными директивами, а для воссоединения этой половины с остальной Россией запрещения ЦК могут закрыть единственный путь, могущий быть использованным немедленно. Я не утверждаю наверное, что германцы непременно поймут свой собственный интерес, который должен привести их к восстановлению единства России, и вполне понимаю, что никакая серьезная политика не может быть основана на двусмысленности и обмане. Не я утверждаю, что при сложившемся положении, против которого мы посильно боролись и за который никто из нас, по счастью, не несет ни малейшей ответственности, можно найти путь общего интереса, который, не возлагая на страну новых, непосильных для нее, жертв по продолжению войны, приведет нас к первой, очередной и элементарной задаче: восстановлению аппарата единой российской государственности.

В 7 часов приходят Штейнгель и Барский. Штейнгель подробно рассказывает беседы с Альвенслебеном о том, как его примет Вильгельм, и свои предположения, что от него ждут русской ориентации. Состав посольства – не шовинистический. Альвенслебен с ним говорил на *другой день* после разговора Гаазе со мной. Я ему читаю беседу с Гаазе – как он выражается – «историческую». Сам формально будет вести линию «независимости». Для представления германцам о Крыме министры хотели его послать немедленно. Решили у Крыма

отрезать подвоз хлеба. Все это, конечно, противоречит германской тактике. Барский подчеркивает, что надо согласовать взгляды на территорию Украины с моей тактикой. Штейнгель еще раз говорит, что не может высказывать своих *личных* убеждений. Я его поддерживаю: пусть ведет официальную линию и ждет изменения инструкций сверху.

Ряснянский освобожден. Среди дня получено сообщение, восходящее к начальнику (украинской) контрразведки, что в Берлине решено не давать единства и что здесь, на днях, начнется украинизация. Краснову послано условие – разоружение Добровольческой армии. Причины – отсутствие у Германии сил для объединения России. Арест Ряснянского толкуется как первый шаг. Но его освобождение показывает, что все это – отголоски старых сведений.

12–25 июня

Еще раз переписываю ответ на тезисы Винавера и отправляю один экземпляр в Москву Ц[ентральному] к[омите]ту. Другой, вместе с письмом, пошлю Ив[ану] Ильичу [Петрункевичу].

Вечером беседа (очередная) с министрами у Барского. Ржепецкий ставит вопрос об отношениях с германцами; большевистское настроение живо в массах, германцы необходимы, как охраняющая сила. Василенко читает сводку о тревожном настроении крестьянского населения. Ставит вопрос, на кого опереться; отвечает: на торгово-промышленников и землевладельцев. Зеньковский[100], замечая, что отрицательные явления преувеличиваются, а положительные, которые все же накопились за два месяца, требуют более частого выступления министров перед населением и ознакомления через прессу о том, что делает правительство. Ржепецкий требует, чтобы я высказался. Я г[ово]рю – по первому пункту, что надо провести правовую границу между оккупацией и местной властью и судом, что без этого нельзя делать главного дела – восстановления государственного аппарата. На вторую тему – что торгово-промышленники и землевладельцы сами поддержат правительство, как обеспечивающее им порядок и право, и что, конечно, правительство должно защищать их интересы, поскольку они совпадают с национальными, но не должно становиться под знамя классовых интересов. Напротив, обстоятельства чрезвычайно облегчают – и немцы об этом думают – осуществление *демократических* элементов к. д. программы: аграрной реформы (немцы, кажется, по румынскому образцу) и охраны труда. По третьему вопросу – необходимо прежде сговориться между собой на общих началах программы и потом уже выступать перед публикой, в инспирированных статьях и беседах. Ржепецкий настаивает, чтобы я

высказался по вопросу об объединении России. Решено поставить на следующую очередь.

Затем, совещание с Винавером и президиумом в поисках компромиссной формулы. Винавер все ищет *местных* исключений для Киева и находит их в необходимости сберечь *русские* интересы. Барский и я продолжаем напоминать о всероссийских интересах, переплетенных с местными.

13–26 июня

Утром беседа с Шульгиным, читаю ему беседу с Гаазе. Он, между прочим, подтверждает, что в Киеве, для образования династии, имеется в виду «Василько», не Ritter von Wassilko[101], а перекрещеный под этим именем Вильгельм[102], сын одного из эрцгерцогов. Его информация – обескураживающего свойства. Побеждает течение разделения России. Вызвано это 1) нежеланием «династии» принять монарх[ическую] кандидатуру из германских рук (будто бы за свой отказ убит германцами Николай II)*; 2) движением чехословаков и союзников на востоке России; 3) ограничением восстановленной монархии пределами Великороссии, что оттолкнуло правые круги. «Под влиянием всего этого переговоры об образовании в Киеве русского блока (от правых до кадет включительно), задуманного немцами, как-то замерли и не получили дальнейшего развития». Оставлен будто бы и план создать для похода на Москву Добровольч[ескую] армию в 50 тысяч человек. «Немцы, по-видимому, решили двинуть собственные войска в Москву и далее», «в союзе с большевистской властью». Вместе со всеми этими переменами «маятник качнулся в сторону украинства» и «самостийности». «Господин положения опять – Мумм»; Эйхгорн просится в отставку. Решено создать украинскую армию в 8 корпусов. Германофильские круги «подавлены». В подтверждение Ш[ульгин] рассказал, что его бывший сотрудник, ушедший из Киева вследствие перемены ориентации, теперь хочет поставить германцам ультиматум: стоят они или не стоят за объединение России. Перед переворотом Скоропадского германцы одновременно вели три политики: с Григоренко[103] (русская ориент[ация]), с украинцами и с гетманом и Устимовичем.

Частная информация: германцы поспешили поставить гетмана, чтобы отпарировать претензии австрийцев на Украину.

Приход Чебышева[104] (от группы Трепова[105]). Он здесь с информационными целями. Альвенслебен говорил и с ним (немножко

---

* По сведениям из Екатеринбурга, охрану несли германские войска. – *Прим. авт.*

театрально) об объединении России. Сведения, что моя квартира в Петрограде – не тронута.

Приход Трескина. Запутался в ориентации. Здешние офицеры требуют германской ориентации и только под этим условием соглашаются ехать в Добровольч[ескую] армию. Он не знает что делать: тем более что здесь создается гвардейский корпус, в него могут попасть офицеры, все время бездельничающие, и его положение будет неловко.

Приход трех поляков с Вендзягольским[106]: двое – сотрудники Пилсудского[107] (Сокольницкий, Стука и <пропуск фамилии>). Их цели о будущей федерации, сообщение о разлагающейся Австрии и о предстоящем восстании. Я отвечаю: или слишком поздно или слишком рано. *Они* – тоже хотят отложить на 8–10 месяцев. Предостерегают, что использование Германии для государ[ственного] строительства никогда не проходило даром. Поляки хотят организоваться, куда посылать их? На Мурман, в Сибирь? Я советую в Добровольч[ескую] армию.

Вечером приехал лейт[енант] Масленников[108] из М[осквы] с письмами (к[ото]р[ых] не передаю). Резко союзническая ориентация. Рассказал о причине разрыва с Правым центром: это устроили союзники (англичане), показав Степ[ано]ву[109] документы о сношениях Гурко и Кривошеина[110], а также обоих Трубецких[111] (которые это отрицают) с германцами. После выхода стали откровеннее, стали говорить о предстоящей 25 июня высадке японцев, о том, что движение чехословаков [–] их дело. Составился затем новый Левый центр от Степанова до Савинкова (у которого 5 тысяч офицеров). Теперь они дают деньги. Рассказывают, что движение словаков заставило германцев торопиться. Будто бы герм[анские] войска пошли из Нарвы на Петроград. В Белоострове 50 000 германцев. В Петрограде велено вооружить 3000 военнопленных. В Москве германцы – полные хозяева, и большевики делают, что они хотят. Союзники, в случае оккупации Москвы германцами, переезжают в Петроград. Германские 3 корпуса (здесь говорят: несколько эшелонов) идут на Пензу через Москву: чтобы подавить чехословаков.

Поздно вечером приходит Набоков и А.И. Каминка[112]. Последний имел подробный разговор с неким Treunfels, который после того предложил ему и мне свидание с Муммом. Назначено на завтра, на 10 ч[ас]. утра в Palast-Hôtel. Главная мысль Каминки – добрые отношения с Герм[анией] в *будущем*. Я советую не соблазнять этим. В Москве он долго говорил с Кривошеиным и нашел его почти во всем приемлемым. Предлагал ему премьерство. Говорили о Коковцове[113].

14–27 июня

Утром свидание с Муммом, присутствуют еще Каминка и один (говорящий по-русски) немец, приглашенный Муммом в свидетели. Разговор плохо клеится и прерывается длинными паузами; Мумм ведет его крайне осторожно, избегая деликатных пунктов, только прислушиваясь и не подавая реплик. Ав[густ] Ис[аакович Каминка] раза два пытается вставить в интервалы свои мысли и поддержать разговор; я выдерживаю паузы. Мумм сперва расспрашивает меня, давно ли в Киеве, где провел время раньше и т. п. внешние детали. «Вы приехали в Киев делать политику?» *Я*: «У меня нет этой специальной цели; если это будет нужно и если я смогу быть полезен России, то да; в противном случае буду писать второй том истории революции». «Вы виделись здесь с политическими друзьями? Знаете Василенко?» (несколько похвальных слов по его адресу). *Я*: «Да, многие приезжают сюда с разных сторон; я виделся и со здешними. Вас[илен]ко знаю давно, мы старые друзья». Расспрашивает и Каминку о цели его приезда. Ответ: Geschäftsreise*. Еще раз возвращается в разговоре к моей цели. Я отвечаю: «Чтобы выразиться кратко, это – объединение России в старых границах». Он переспрашивает: «Во *всех* старых границах?» *Я* говорю: «Да». Он вздыхает: «Это трудно»... *Я* соглашаюсь, что трудно. Попутно Каминка и я говорим о тяготении здешнего населения к России, об искусственности украинского движения. Каминка особенно подчеркивает экономическую необходимость владения балтийским берегом и свободного выхода из Балтийского моря, пользуясь для этого вопросом о состоянии Петрограда. Он вставляет и свою мысль о том, что не надо ограничиваться расчетом на данный момент, а строить отношения, которые могли бы оказаться прочными для будущего. Мумм переходит к моей прежней союзнической ориентировке. Каминка напоминает, что положение не всегда было таково, что ориентация во внешней политике меняется, мы говорим попутно о влиянии немецкой литературы и науки на русскую интеллигенцию, о переводной германской литературе. Каминка говорит, что до войны в России не было особой вражды к немцам. Я оговариваю, что все-таки в низших классах она есть, но не в интеллигенции. Каминка подчеркивает, что я был против войны и «Речь» была закрыта из-за моей кампании. Мумм спрашивает, что же теперь делать? Прибавляет, что он знает в общих чертах разговор майора Haase со мной. Я говорю, что с тех пор положение несколько изменилось, вследствие успехов чехословаков и высадки японцев,

---

* деловая поездка (нем.).

а если еще они провозгласят Михаила Ал[ександрови]ча, то будет очень трудно, и что это еще раз доказывает, что надо спешить с походом на Москву, который должен, с германской помощью, быть сделан Добровольческой армией. Мумм высказывает предположение, что японцы, люди холодные и расчетливые, едва ли заинтересуются внутренностью России. Я отвечаю, что и у меня была эта надежда, но что в последнее время уступки французов в Индокитае заставили их вмешаться. Указываю на опасность внутреннего фронта. Разговор переходит к слухам о царе: у них нет никаких сведений и они не верят слухам. Я подтверждаю, что из двух кандидатур – Алексея и Михаила – я лично предпочитаю последнюю, ибо боюсь приближения к трону личностей, могущих возбудить ненависть к германцам. Говорят о взрыве в Киеве, о пожаре на Подоле, о взрыве на Friedrichstrasse. Мумм говорит, что в последний день его пребывания в Берлине Кюльман[114] произнес в рейхстаге речь, в которой возлагал на Россию ответственность за начало войны. Я говорю: пора предоставить истории решать этот старый спор: иначе только можно возбудить взаимное раздражение, ибо ни вы не можете стать на нашу точку зрения, ни мы на вашу. Лучше к этой теме не возвращаться. На вопрос о «дружбе» с германцами отвечаем, что дружба следует за интересом. «Кто мог бы ожидать, что России война принесет такие бедствия». Я отвечаю коротко: «Да, к сожалению». – «Знаком ли я с гетманом». – «Нет». – «Знаю ли Раковского»[115]. – «Да, лет десять–пятнадцать назад знал как болгарина и никак не ожидал, что наступит момент, когда он будет представлять интересы России. Я жил в Болгарии 2 года, был в Соф[ийском] ун[иверсите]те, Шишманов мой старый приятель». Мумм в разговоре говорит, что не знает России, что здесь трудно разобраться, что он служил лишь на Дальнем Востоке, в Китае и в Японии. Расспрашивает Каминку о положении банков, о возможности основать отдельный банк для Украины. Каминка отвечает, что это невозможно, хотя для здешних отделений они и устроили общую связь, и дела быстро развиваются. Каминка подчеркивает, что здешние клиенты предпочитают вверять свои сбережения и делать дела в *русских* банках. Мумм спрашивает, долго ли я здесь останусь, записывает адрес: это сигнал к окончанию беседы, и мы встаем. Прощаясь, Мумм говорит: о Милюкове так много говорят и пишут, что очень приятно, наконец, лично с ним познакомиться. Надеюсь, что мы будем еще не раз видеться и сделаемся лучшими друзьями, чем мы были до сих пор. *Я*: «Будем надеяться». Раскланиваемся. Выходя, я замечаю Каминке: «Первая рекогносцировка».

По дороге Каминка возвращается к премьерству Кривошеина и возражает против моего мнения, что руководство в кабинете долж-

но принадлежать кадетам. Я в свою очередь возражаю против премьерства Кривошеина, против кандидатуры Коковцова и – или за руководящее положение к. д. в мин[истер]стве, или за оставление их в стороне. Каминка высказ[ывает] предположение, что через 6 месяцев кадеты могут уйти, но теперь должны спасти страну: я говорю, что они не д[олжны] делить ответственности, жертвуя репутацией и не имея вожжей в руках, что я это испытал раз во Врем[енном] правит[ельстве] и лично на такое положение больше не пойду. Надо сохранить и контакт с умеренными левыми.

По дороге, расставшись с Каминкой, встречаю Войцеховского, который только что был у военного министра Рагозы[116] и передает новости от него. Прежде чем б[ыл] убит Николай II, на его глазах изнасилованы красногвардейцами Ольга и Татьяна[117] и тоже убиты (это со слов Альвенслебена). Германцы имеют в виду пойти с большевиками, взять Москву, основать конституционную монархию из Украины и Великороссии, но без балтийских провинций, Литвы, Польши, Кавказ – туркам, а судьба Крыма не решена. Сделано распоряжение о разоружении Добровольч[еской] армии.

Вечером приходит Гутник. Вчера из Вены приехал Полляк[118], деятель Wiener Bank-Verein'a*. Он сказал ему, что Мумм – поконченный человек, уходит в отставку. Но сегодня Палтов[119] сказал, что от Мумма слышал, что объяснениями его остались довольны в Берлине и он остается. По поводу затеи Гутника, заведения особого Южного банка (чистого от всяких старых бумаг и предприятий), в к[о-то]ром ⅓ акций предлагалась австрийцам, Полляк охладел: надо подождать результатов переговоров с Россией (я объясняю: ибо в случае объединения заработают общерусские банки). По поводу Крыма Полляк объясняет: германцы прежде противились *нашему* желанию о присоединении Крыма к Украине; но теперь, кажется, *нам* уступят. Сегодня утром разговоры Гутника с Альвенслебеном: А[львенслебен] г[ово]рит по поводу приглашения помещать деньги на Украине: «Нет, ваше положение слишком неопределенно». Альвенслебен же рассказывает, что в Италии австрийцы потерпели неудачу и принуждены были перейти за Пиаве. Когда Г[утник] намекает, что австрийцы плохи, Альв[енслебен] поддакивает и признает, что внутренние дела в Австрии плохи и что там «что-нибудь может случиться». Альвенслебен г[ово]рит Гутнику: «Знаете, ваше господство опирается на герман[ские] штыки, но мы не всегда же здесь останемся. Мы очень раз-

---

* Объединения Венского банка (нем.).

очарованы нашим пребыванием в России: вы слишком бессильны сами. Баланс получается неблагоприятный: слишком много *Einsätze** сравнительно с результатами». А Полляк накануне: «Мы решительно против интервенции: *народ не позволит* дальнейшего расширения оккупированной территории».

Не помню от кого я слышал, что германцы предложили выход из спора, кому должен принадлежать Донецкий бассейн с его антрацитом: они предлагают оставить его в *непосредственной оккупации* самих германцев, пока разрешится спор. Гутник подтверждает.

Разговоры с офицерами о директивах Добровольческой армии. Родионов склоняется к отходу ее на Царицын, для «свободы решений». Косиковский понимает неизбежность немедленного выбора – на сторону контакта с германцами – и входит в мой план. Здесь Шапрон[120], который не спешит меня видеть и говорит, что ориентация Алексеева остается прежняя.

Получены бумаги Правого центра и ЦК из Москвы с описанием и объяснениями последних событий. Правый центр – от 26 мая (6 июня) подчеркивает, что ЦК и конференция отказались высказаться определенно о всеобщем избират[ельном] праве и о монархии или республике. Доклад Винавера, «талантливо и ярко написанный и с большим мастерством защищаемый, произвел впечатление», а «отдельные указания на неясность политики союзников, на грозящую немецкую оккупацию, исключающую практическое значение сохранения верности союзникам, на стихийно развивающееся германофильство, как результат всеобщей крайней усталости и полного развала хозяйственной жизни – прозвучали очень бледно». ЦК доволен результатами конференции, но «некоторые рядовые члены партии, наоборот, говорят, что единодушие конференции объясняется чрезвычайной общностью и неопределенностью постановлений, особенно по тактическим вопросам». Эта неясность не устраняет заподазриваний слева и затрудняет соглашение направо. Савинков, после ареста одной ячейки его организации (17-го/30-го мая), переводит ее на восток в Казань. Арест к. д. 17-го вечером и обыски видных к. д. 19-го и официальное сообщение о заговоре объясняются требованием герман[ского] посольства решительных мер против «военной организации», субсидируемой французами для создания авангарда японского десанта: «подобные действия, направленные к возобновлению войны с Германией, противоречат Брестскому договору».

---

* вкладывания сил (нем.).

Народ[ные] комиссары сперва хотели оставить это заявление без внимания, но ввиду соображений, что эта организация стремится и к свержению советской власти, решили вмешаться и терроризовать общественные круги. Аресты случайны (?), *известные германофилы оставлены в покое.*

Французы, «несмотря на крайне сдержанное отношение к японскому десанту обеих партий и совершенное отрицание его другими, продолжают настаивать на его необходимости для скорейшего восстановления Восточного фронта (надеются, в октябре, вопреки мнению наших военных авторитетов)» и заявляют, что этот вопрос как военно-стратегический может быть решен ими и «вне зависимости от отношения русского общества». «Указание наше на то, что основной вопрос русской жизни — это свержение большевиков и создание национальной монархической власти, видимо, не принимается во внимание». Французы возлагают надежды на «демократию», олицетворяемую Савинковым. Савинков «подчеркивает, что для него монархия неприемлема, что он за директорию, за созыв Учредит[ельного] собрания, на каких основаниях — неизвестно, а если Учред[ительное] собр[ание] установит монархию, то он этому подчинится, но работать будет на республику». Мы указывали французам, что финансирование этой «военной организации» спутало все наши расчеты.

Американцы — и особенно англичане — молчат.

«Персональные переговоры с Германией до сего времени не состоялись», хотя и «признаются неотложными и необходимыми» даже прежними противниками, с целью доказать неприемлемость для нас германских условий. Германск[ое] посольство ведет переговоры с русскими офицерами через заведующего обменом пленными Рейхенфельса о свержении большевиков переодетыми в русских солдат военнопленными, под руководством русских офицеров. В деньгах на подкуп латышских стрелков, на приобретение оружия предложено не стесняться. План будет обсужден с двумя офицерами герман[ского] Генер[ального] штаба, которых командируют Гинденбург и Людендорф для организации предприятия. Русские офицеры с герман[скими] пленными захватят все пункты и продержатся сутки, пока из Орши придут герман[ские] войска на поддержку. Германия восстановит могучую Россию, стремясь к союзу с Россией и Японией. Таковы намерения герм[анской] военной партии. Однако «на этих днях» (5—18 июня) Раутенфельс[121] сообщил офицерам, на основ[ании] сведений из Берлина, что намеченный план не мог быть осуществлен. И идея переворота временно откладывается. Вызвано это тем, что германцы добились от большевиков, которые «ведут се-

бя хуже лакеев» и цепляются за власть, всего чего хотели: свободного пропуска в Москву неограниченного числа военнопленных (добились ли?) и полного контроля. Троцкий[122] допускает возможность близкого разрыва с Германией, и в «Известиях»[123] появились статьи о неизбежности войны с ней, но Ленин с большинством находят, что момент разрыва не наступил и надо тянуть, ожидая восстания в других европейских странах. Правый центр против использования офицеров «для участия в неосуществимых и вредных планах союзников» и против эвакуирования офицеров на восток, за их сохранение на местах, «где их застают события». Иначе офицерство, привлекаемое в организации за плату, деморализуется, в нем «развивается интриганство, подозрительность и доносы». «Чувство ненависти к немцам, идея реванша должны быть глубоко затаены в душах всех нас, и, со стиснутыми зубами, мы должны приступить к исполнению тяжкого, но необходимого долга по восстановлению в России порядка и государственности, пользуясь для этого всеми теми действительно реальными силами, которые готовы помочь достижению этой цели или, во всяком случае, не мешать ей». «Предложение Веди[124] о возможности восстановления монархии при помощи союзников считаем неосуществимым».

Дополнения к сообщению Правого центра от 5—18 июня. Большинство Правого центра считает необходимым переговоры с германцами по формальному уполномочию центра на условиях: 1) единства Россия, 2) создания правительства, независимого от Германии и 3) пересмотра Брестского договора. Меньшинство отрицает допустимость переговоров с германцами, Астров и Степанов доказывали, что только победа союзников дает выход, что нужно затянуть войну до этой победы; для этого необходимо восстановление Восточного фронта. Но и в случае поражения Россия должна искать спасение не в соглашении с Германией, а в возрождении здорового национального чувства. Политика Правого центра вызывает подозрительность союзников и стоящих на их точке зрения организаций (Левого центра). Поэтому к. д. «поставили вопрос о своем выходе из Правого центра». Большинство доказывало, что сейчас не может образоваться правительство, которое бы не вошло «хотя бы в молчаливое соглашение с Германией», и «группы, стоящие на реальной почве, не могут следовать за к. д.». «Японский десант большинством организаций, примыкающих к Правому центру, признается для интересов России гибельным». Надо «возможно более сохранить политику свободных рук».

Далее излагаются сношения Правого центра с ген[ералом] Казановичем[125], привезшим предписания и наказ ген[ерала] Алексеева

от 5 мая (н. с.): *«Задачи Д[обровольческой] а[рмии] остаются и останутся неизменными».* Они определяются в наказе: 1) создание сильной, дисциплинированной и патриотической армии, 2) беспощадная борьба с большевизмом, 3) установление в стране единства и правового порядка, причем «армия не может принять партийной окраски; вопрос о формах госуд[арственного] строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства; *никаких сношений ни с немцами,* ни с большевиками. *Единственно приемлемые положения: уход из пределов России* первых и разоружение и сдача вторых; привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целости р[усского] г[осуда]рства». (Подписано команд[ующим] Добр[овольческой] армии ген[ералом] Деникиным.) Казановичу предложено определить отношение к этим задачам обществ[енных] организаций, определить возможность дальнейшего сотрудничества, при условии *неизменности задач* и, за отсутствием этой возможности, «употребить все усилия к созданию в Москве *нового* патриотического, национального центра, возглавленного крупным общественным деятелем», для «разрешения всех назревающих в центре политич[еских] вопросов на *основании программы* Д[обровольческой] а[рмии], а также питания армии нужными ей денежными средствами». Правый центр ответил, что Добр[овольческая] арм[ия] все же вступила в известные отношения с немцами через Донское правительство, «что денежные средства могут быть ей обеспечены "лишь правительственною властью или же иностранным государством", у центра же таких денег нет. Центр хлопотал о помощи со стороны союзников, но они "дальше обещаний не пошли"». Казанович ответил, что в Добр[овольческой] армии есть «убежденные республиканцы» и выкинуть монархический флаг значит вызвать раскол. Доб[ровольческая] арм[ия] не будет поддерживать правительство, которое согласится с немцами и «скорее пойдет с большевиками против немцев, чем с немцами против большевиков». «Если же...

От наших получены одновременно (5—18 июня) датированные документы с обращением лично ко мне: «Союз возрождения» единодушно называет вас одним из участников триумвирата. Приписка карандашом: «Надежда на возрождение России для В[аших] товарищей неразрывна с Вами. ЦК не мнит будущей власти без Вас и не представляет себе существования этих планов в ближайшем будущем, полагая, что ход исторических событий покажет время, когда должны быть названы имена правителей».

Очерк статей Н.Н. Щепкина[126]. *Декабрь*. Некоторые члены ЦК считают необходимым выяснить союзникам, что советская власть не есть «истинная демократия», рекомендовать десант и создание русского фронта. Принимают решение о нецелесообразности созыва Учред[ительного] собрания 1917 г., о единоличной власти, которая восстановит порядок, доведет войну до конца, соблюдая договоры с союзниками, и соберет народное собрание для утверждения формы правления. *С начала декабря до начала февраля* в Киеве: надежды союзников на внутр[енний] фронт, Украина, поляки, Чехословакия, сербы, румыны, Дон и Ю[го-]В[осточный] союз под командой французского генерала. *После половины февраля*: крушение надежд и уклон Правого центра «в объятия немцев». «Кое-кто из к. д. тоже пошел на эту линию» – «усталость и эгоизм». Даже в ЦК «из уст двух членов стали раздаваться на почве изменения Брестского договора призывы к переговорам с Германией: и советы, по крайней мере, не ставить все на союзников, сохраняя возможность вести переговоры и с Германией». «Германофилы *долго удерживали* от оглашения», но «под влиянием шага, сделанного нашими друзьями на Украине, нам приходится обнаружить свое лицо, т. к. *союзники стали смотреть* на нас как на группу, отходящую от союзников, и это невольно толкало их к большевикам и правым с. р.». «Союзники настаивали, чтобы оба центра объединились, но в последнее время перестали говорить о Правом центре, ибо их разведка дала герман[скую] физиономию Правого центра». «Поведение союзников продолжает показывать, что они смотрят на дело узко и не понимают положения России. Они поддерживают всякую авантюру, способную создать затруднения на будущем фронте на востоке, *на Левый центр они смотрят тоже, по-видимому, как на такую же авантюру*. Может быть их винить нельзя, *с них тащат деньги все* и они ходят в темноте». Мне предлагается «на востоке окончательно и ясно договориться с союзниками и с представителями отдельных провинций, мнящих себя автономными и стоящих на общей платформе». «Москва с ее округом будет скоро оккупирована и отрезана от востока». Я должен «создать блок самый широкий и, встав во главе его, как политический руководитель, создать диктатуру, армию и, идя рядом с союзными десантами, рядом успехов создать надежды на победу, подъем национального настроения и картину вроде ополчения 1812 года. Решить самому на востоке, следует ли Вам остаться там (приняв личное участие в создании правительства) или ехать в Европу для участия в мирном конгрессе. *Решающие факты меняются каждый день*». «Личное отношение к Вам слева – удовлетворительное. Вас не

любят, кое-кто не выносит, по личным соображениям, но за Ваше мужество и честность готовы все поручиться. Вам готовы доверить все, чтобы Вы ни пожелали, заключив предварительное общее соглашение». «Вам лучше судить, что делать... Вы лучше, чем кто-нибудь, знаете, в чем состоит этот долг (который "каждый должен исполнить")». Датировано 2 июня.

Дальше идет полемика с Правым центром и с его сообщением «односторонним и тенденциозным». Конференция «приняла мнение ЦК о невозможности возрождения невоплотившейся идеи Учредит[ельного] собрания 28 ноября[127] и о необходимости создания единоличной власти (мон[архия] и респуб[лика] будут зависеть от господствующих настроений в народн[ых] массах)».

Заседание 2—15 июня (общее собрание Правого центра) установило наличность *трех* течений среди части центра, не разделяющей нашей основной точки зрения на ориентацию. «*Одно* течение решительно и откровенно утверждает, что надежды на союзников должны быть брошены, что самостоятельное возрождение Р[оссии] невозможно и что единств[енное] спасение — в соглашении с немецкой коалицией. *Другое* течение находит, что власть в стране д[олжна] б[ыть] создана собственными усилиями и что эта власть вступит в переговоры и сношения с Германией и установит новые союзы для добрососедских отношений. Наконец, *третье* течение отстаивает *политику свободных рук* и воздерживается от принятия в настоящее время той или иной ориентации».

«Вся вышедшая из Прав[ого] центра часть объединилась в новую группу и привлекла к себе новые общественные элементы». «Полит[ическая] платформа, отчасти, та же, что у бывшего Прав[ого] центра». Платформу Левого центра «мы не считаем неприемлемой, ибо в триумвирате видим диктатуру, а осуществление идеи народоправства практически отодвигается на будущее, в близость которого можно верить по-разному». Тесная связь между новой группой и «Союзом национального возрождения (Левый центр)»... «необходима, среди событий, происходящих в Поволжье, на Урале, Дону и в Сибири». «Роль социалистов — роль актеров, уходящих со сцены навсегда. Нужно держать возможно широкий фронт и не увеличивать оппозиции. Они сами охотно передают фактическую власть к. д.». В Москве «власть будет создана немецкими штыками, к. д. не входят в эти соглашения, часть к. д. переместится за пределы оккупации, часть останется, ч[то]б[ы] продолжать национальную работу». Датировано 4 июня.

15–28 июня

Мас[ленников] приносит письмо Вас[илия] Ал[ексеевича Маклакова] ко мне, содержащее дополнит[ельные] сведения о новом Правом центре. После разговора со мной М[асленнико]в убеждается, что В[асилию] Ал[ексеевичу Маклакову] незачем ехать сюда. Деньги возвращаются ему для передачи Ш.

Приходит Шапрон. Разговор с ним о положении, о необходимости немедленного выбора, о важности участия национальной силы в перевороте в Москве, о невозможности увести *всю* Добр[овольческую] армию на восток, о неопределенности и опасности перспектив японского десанта, о потере темпа.

Отсылаю ответ В[асилию] А[лексееви]чу [Маклакову].

Вечером заседание аграрной комиссии и доклад Косинского с доказательствами 1) гравитирования землевладения к средней (полной трудовой) норме 12—50 десятин, 2) необходимости сохранения крупного землевладения для производительности технических растений (свекла). Возражения (Черненкова[128] и мое) о необходимости выработать практический проект на основе принуд[ительного] отчуждения (в духе проекта Мумма), хотя бы и не определив, *кто* приобретает землю. Косинский резко против наделения «безземельных и малоземельных»; в к. д. программе видит «право на труд» и волнуется по поводу крупных хозяйств.

16–27 июня

Утром беседа с офицерами об ориентации. Они за переход Добр[овольческой] а[рмии] на восток и верят в серьезность предприятия союзников немцам: 1) нельзя верить, 2) они не самые сильные, 3) народ против немцев. Я стараюсь опровергнуть.

Приход корреспондента Pester Lloyd и попытки интервью. Я погрузился в мутизм[129] и ничего не ответил на все вопросы. Перед уходом он поставил свои главные: говорил ли я с германцами (нет) и как я отношусь к чехословакам.

Слухи, что кабинет только что подал в отставку и что Мумм едет к Краснову с требованием — разоружить Добровольческую армию.

Первый слух не верен. Совещание у Чолганского[130]. Намечается постановка вопроса на заседании Глав[ного] ком[ите]та 7 июня, не опасная.

17–30 июня

Утром заседание аграрного совещания. Присутствуют Брунст[131] и Франкфурт[132]. Последний сообщает, что здесь Аугаген[133], линия ко-

торого совершенно совпадает с линией Косинского. Я противополагаю эту линию, как чисто «экономическо-агрикультурную», нашей линии «политически-социальной» и пытаюсь найти среднюю линию: 1) принудительное отчуждение латифундий, на которое идут немцы, 2) отказ от наделения *в первую очередь* «безземельных и малоземельных», но 3) не проведение резкой линии между ними и высшей линией der feste Bauerstand*, при юридической ликвидации земельных захватов. Франкфурт защищает крайнюю линию – крупное («культурное») землевладение. Он едет в Берлин для выяснения тамошних экономических причин. Спешу к В.И. Вернадскому, где <пропуск>.

Свидание с Ник[олаем] Прок[офьевичем Василенко]. «Что вы наделали?» – «Я?» – «Вы виделись с Муммом?» – «Да». – «Лизогуб заявил, что Мумм сказал гетману, будто вы говорите против него и против Украины. В Совете министров (?) настаивали на вашем аресте, но Лизогуб заявил, что этого никоим образом не допустит. Хотят предложить вам выехать в Крым». *Я*: «Конечно, охотно это сделаю, но после того как это желание выразят немцы: это будет служить для меня доказательством, что на наших разговорах поставлена точка». Рассказываю, как дело было в действительности. Василенко предполагает, что это штуки «щирых» украинцев, которые в последние дни (Петлюра) стараются влиять на гетмана (между прочим, Лизогуб говорит, что он держит в руках этих заговорщиков и на днях ударит по ним). Но, может быть, это и политика Мумма, который, может быть, недоволен, что я виделся с представителями Oberkommando**. Он все-таки скоро уезжает отсюда. Вас[иленко] будет видеться завтра с германцами. Рассказывает предыдущие разговоры с гетманом. Неделю назад: *Гетман*: «Здесь Милюков – зачем?» *Вас[иленко]*: «Для литературных трудов». *Гет[ман]*: «Какой он ориентации?» *Вас[иленко]*: «Немецкой». *Гетм[ан]*: «А ему можно верить?» *Вас[иленко]*: «Относительно таких людей, как Милюков, такие вопросу неуместны». Если он так думает, то значит логический процесс мыслей его к этому привел. В *среду* разговор гетмана с Вас[иленко]. *[Гетман]*: «Вы верите в самостийность Украины?» *Вас[иленко]*: «Нет, не верю». *[Гетман]*: «Почему?» *Вас[иленко]*: «Я знаю историю. Соединение с Москвой не случай и не насилие, оно готовилось долго: единство экономич[еских] интересов, колонизация, создание приспособленных к экономич[еской] дифференциации

---

* крепкое крестьянство (нем.).

** верховного командования (нем.).

центров, которые разрушить сразу нельзя; наконец, близость языка и тесная культурная связь». *Гетман*: «но нужно вести линию самостийности?» *[Василенко]*: «Я ее и веду. Но я не даром выбрал Мин[истерство] народн[ого] просв[ещения]. Украинские идеи пока отвлеченные, никем не поддерживаются, кроме молодежи и отд[ельных] лиц; людей из "щирых" украинцев набрать нельзя. Нужна школьная подготовка и время». После этого, в *пятницу*, приходит закон о гражданстве. Васил[енко] защищает свободу выхода. Палтов за трехлетний срок до разрешения выхода. Лизогуб первоначально на стороне Вас[иленко], потом, по политич[еским] соображениям, переходит на сторону Палтова. Перед голосованием Колокольцев[134] выходит; вернувшись, воздерживается. Таким образом, составляется большинство 7 чел[овек] против 6-ти за редакцию Палтова, который все время ведет аргументацию *вместо* своего министра (и. д. Дорошенко), который присутствует, но молчит.

Германцы придают чехословакам серьезное значение, но силы бороться с ними не имеют. У них в Украине всего 370 000 войска. Германцы готовы к тому, что образуется фронт, где-нибудь за Москвой. Они стоят перед выбором: или низвергнуть большевицкую власть и продвинуться туда, и тогда это – объединение России или же, наоборот, сохранить большевиков до конца войны вместе с раздроблением России. Мумм, д[олжно] б[ыть], недоволен тем, что я прямо получил доступ к Oberkommando. Он делает политику рейхстага.

18 июня – 1 июля

Визит Глинки[135] и Чебышева. Последний разочарован в германцах: до него дошли сведения, что они хотят заключить союз с большевиками и вместе с ними идти на чехословаков. Это становится самым вероятным решением, при недостаточности их собств[енной] военной силы, при неподатливости Добр[овольческой] армии и при их полном распоряжении большевиками. Конечно, ничего не предрешает в будущем.

Визит полк[овника] Грузинова[136]. Он сообщает о Москве. Во всех кварталах, на старых местах, значит[ельная] часть старой полиции. В штабе большевиков – монархисты-офицеры. Его знакомый пошел на разведку под предлогом поступления в Красн[ую] армию. Встретил его ничего не понимающий солдат, за спиной которого и диктовал решения офицер, к[ото]рый отвел его в сторону и сказал: «Поступайте <пропуск>, здесь все наши». Присоединился и другой офицер. Он счел за провокацию. Но факт, что целый отряд состоял из таких монархистов, которые слишком болтали, – и рота б[ыла]

раскассирована. Гр[узинов] допускает снош[ения] с германцами, но вообще он, видимо, далек от центров. Уверен, что в М[оскве] не удержится никакое правительство, которое не обеспечит Москву от голода. У большевиков всего тысячи 4 дисциплини[рованного] войска. Во всех учреждениях – не большевики. Его план – чтобы Добр[овольческая] а[рмия] отошла к Царицыну и там решила бы куда идти. Но он признает, что это, в сущности, предрешает переход к чехословакам. Алексеев – не решается.

19 июня – 2 июля

Приход Гуревича с «Гол[оса] жизни». Его ориентация средняя м[ежду] 1) полным подчинением Гл[авного] комитета и 2) полным непризнанием новой ориентации. Он нападает на украинофильство правительства, на его самочинные решения без ЦК, но не нападает на германоф[ильскую] ориентацию. Я указал ему на опасность прихода «щирых» в случае ухода наших и на вред подкапывания их, с другой стороны. Он признал справедливость замечания и обещал прекратить нападки на Вас[иленко], извинился перед вошедшим Демидовым за нападки на «Р[остовский] голос».

Приход Лембича. Он из Новочеркасска. Везет интервью с Красновым: в первой половине Кр[аснов] г[ово]рит о своей *готовности заключить мир* с советской властью: они только обороняются. Во второй половине Красн[ов] г[ово]рит, что признает и всякое *следующее* правительство и готов *тогда* на воссоединение. В 1-ой половине, очевидно, герман[ское] влияние: подтверждает идею *поддержки* б[ольшеви]ков в М[оскве] германцами. Германцы ведут через Добринского переговоры о «Юго-Восточной *державе*» пяти атаманов (Коцев[137] – горский, Тундутов – астраханский, Филимонов – кубанский, Краснов – донской и терский?). Имеется и список министерства будущего союза: Лерхе Г.Г.[138] (финансы), Боткин[139] (б[ывший] посол в Марокко), Павский (пути сообщ[ения]), Тальберг[140], сам Добринский (землед[елия] или внутр[енних] дел). В военном деле: главнокоманд[ующий] Личицкий, ген[ерал] Павлов[141], гр[аф] Келлер[142]. Германцы требуют удаления Алексеева, Деникина и Романовского[143]. Шла речь и о разоружении, но Деникин отвечал: «Пусть попробуют. Арним[144] всегда отступал передо мною». Есть, однако, и тенденция к германцам. В «Донском крае»[145] напечатана (без имени) моя «речь» – должно быть, запись моего сообщения в Новочеркасском комитете, и производит сенсацию. Мое имя названо в полемике «Ростовской речи»[146] и др[угих] газет: в Нов[очеркасске] все его называют. Родзянко хотел напечатать ответ, но газеты не поместили,

и он ходит в рукописях (союзнич[еская] ориентация). Германцы, видимо, мне не верят, но хотят скомпрометировать и отрезать отступление. Он уверен, что если я буду иметь свидание, то буду сфотографирован. Наблюдает здесь большое взаимное раздражение м[ежду] австрийцами и германцами. Австрийцы выдвигают в Подольской губ[ернии] Вильгельма в буд[ущие] гетманы: он носит малоросс[ийский] костюм и народ называет его: «Василий написаный». В Таращ[енском] у[езде] и в Богуславе большие сражения с германцами. В Тар[ащенском уезде] 30 000 чел. и штаб из 35 офицеров. Взято в плен 400 немцев. В Австрии давно уже все железные дороги в ожидании беспорядков, в руках германцев.

Лембич рассказывает о причинах падения Голубовича[147]. Германцы преследовали сношения Голубовича с австрийцами. Перехватывались и фотографировались даже письма, посылавшиеся Голубовичем к Грушевскому[148] с посыльными. Когда арестованный Голубович протестовал против обвинений, его пригласили с Грушевским в Берлин и там показали им фотографии. Они были так смущены, что дали подписку об отказе от политической деятельности.

Вечером совещание с министрами. Гутник рассказывает разговор с Муммом, который хочет поговорить с ним на днях. – Ich werde Sie ein wenig schimpfen. – Warum, Excellenz? – Sie sind zu kadettisch. Sie sind ja geändert. – Aber die grossrussischen Ereignisse...* По сведениям Василенко (от Лизогуба), Мумм привез из Берлина одобрение политики правительства, но с некоторыми сомнениями относительно кадетов. Гутник заключает отсюда, что возобладало течение Мумма – примирительное по отношению к советской власти, и ставит в связь с этим слухи о кризисе кабинета, которые считает серьезными. Германцам важно иметь теперь в кабинете определенно руссофобское течение, в момент, когда они поведут через большевиков борьбу с союзниками и их агентами чехословаками, движение которых их очень беспокоит. «В Великороссии происходят большие события», – говорит Мумм.

Василенко отрицает кризис кабинета. Гетман говорил с ним о том, что нужно в аграрном вопросе покончить с крупным землевладением и «расколоть хлеборобов». С Лизогубом Василенко говорил о том, что гетман $1\frac{1}{2}$ часа разговаривал с делегацией союза земств (Петлюра, Свечин[149]) и обнадежил их (по сведениям Барского, Мар-

---

* «Я Вас немного пожурю». – «За что, Выше превосходительство?» – «Вы слишком прокадетски настроены». «Вы так изменились». – «Но значительные события в России...» (нем.).

кович[150] предлагал *себя* в премьеры и не встретил отказа, откуда вывел согласие гетмана и уже начал принимать поздравления). Создается двусмысленное положение, которому пора положить конец. Василенко предлагает одну из двух форм: или ч[то]б[ы] гетман написал письмо, или ч[то]б[ы] он произнес речь на каком-н[ибудь] банкете. Повод для этого: двухмесячная годовщина министерства, 2-го июля. Лизогуб переговорил с гетманом, и тот согласился произнести речь в пользу кабинета 3-го июля. Но приглашений пока не получено. Шум о приезжих к. д. (Барский слышал те же слова обо мне, как Вас[иленко] от Селиковского) пока не разъяснился: вчера на вечере украинской песни около Мумма все время увивался Чубинский[151].

Завтра у Вас[илен]ко конфиденциальная беседа с гетманом о внутр[енней] политике. Он спрашивает, о чем говорить. Я напоминаю темы последней нашей беседы о социальном базисе министерства, об отнош[ении] к немцам, об аграрном вопросе и о земском самоуправлении. Вас[иленко] явно хочет говорить не об этих, а о «более интимных» вещах. Я подсказываю тему о пределах украинизации, но это не нравится. Спрашиваю о положении аграрного вопроса, о шансах на сохранение крупного землевладения (Франкфурт). Ответ: гетман за принуд[ительное] отчуждение. *Я*: тогда надо действовать немедленно.

Завтра, по нашему предложению, первый день (раз в неделю), посвященный обсуждению внутренней политики в правительстве. О чем говорить? Так как не успели обменяться, то завтра предоставить м[инист]ру труда говорить о рабочем вопросе. К тому же начнется с доклада Скорпись-Иолтуховского[152] о Холмском вопросе (*Гутник*: дельный человек; *Я*: денег даром не дают).

Вечером у Глинок; по возвращении домой беседа об ориентации с кн[ягиней] Васильчиковой...[153] Моя перемена производит везде сенсацию. Вас[ильчико]ва боится остаться при разбитом корыте, если союзники победят: они не простят «измены».

20 июня – 3 июля

Разговор с Ганейзером[154]. Он едет убеждать Крым подчиниться Украине (кампания в «Южных ведомостях»[155], где Елпатьевский[156] бранит украинцев). Я говорю ему о великодержавных претензиях украинцев, о значении выделения самостоятельных республик и о совпадении с австрийскими целями.

Разговор с проф[ессором] Рыбалкиным. Он, м[ежду] пр[очим], сообщает, что Егоров[157] в одном заседании о Сибири сказал ему (недели $2^1/_2$ назад): «Как это ни странно, но мы должны будем пойти вместе с немцами против словаков». Вас[илий] Ал[ексеевич Макла-

ков] сказал ему, что у одного большев[истского] генерала перехвачен разработанный план похода на М[оскву] по трем направлениям: от Орши, от Курска и от Воронежа. По последнему направлению наступление еще не подготовлено.

Визит Дебогория-Мокриевича[158].

21 июня – 4 июля

Утром получил письмо Алексеева. На моем плане приходится поставить временно крест, и возродится он при других условиях. Добр[овольческая] армия *не* меняет ориентации (по кр[айней] мере в целом). По сообщению привезшего офицера, в офицерстве стремление сговориться с немцами было сильно как раз месяц тому назад, но теперь, под влиянием убеждений старших командиров, почти сошло на нет. Кубанцы уйдут на Кубань, а офицеры и юнкера (все ли?) на Царицын.

Приход Н.В. Савича[159] и Скоропадского[160], члена Г[осударственной] думы. Савич только что из Петрограда, смотрит серьезно на японский десант, который, по его сведениям, решен и договор японцев с Францией подписан (а Рыбалкин передает, что Нуланс[161] впервые говорил об этом Вас[илию] Ал[ексеевичу Маклакову] определенно, а потом начал уклоняться и сводить на нет. В герм[анских] газетах ряд заявлений из Англии и Америки, что дело не решено). Японцы оставляют 25 корпусов (500 000: это *вся* японская армия неразвернутая!), китайцы 2, американцы 8, — всего 35 корпусов. Он убежден, что в будущем году к осени германцы будут побеждены, но согласен, что идти с ними на соглашение нужно, для восстановления собств[енной] силы. Рассказываю ему свои впечатления и прогнозы. Мой план: два фактора против: 1) германцам некогда ждать и они должны взять Москву, как союзники большевиков (по его сведениям, *два* герм[анских] эшелона уже проехали на Волгу, а сегодня в газетах известие, что чехословаки в Сызрани разбиты; Савич полагает, что это могли сделать т[олько] немцы. Я сопоставляю с сообщениями герм[анских] газет о взятии герм[анскими] военнопленными Иркутска. Савич выводит, что это должно быть сигналом к наступлению японцев, которые *уже* высадились) и 2) союзнич[еская] ориентация Добровольч[еской] армии. В Петрограде говорят, что в воззвании Мих[аил] Ал[ександрови]ч берет на себя «охрану *престола*». Савич и Скороп[адский] во всяком случае понимают значение *объединения* России как *ближайшей* и неотложной задачи. Я доказываю невозможность откладывать и *отсюда* вывожу необходимость сговора с германцами. Скоропадский рассказывает, что в свое время тепер[еш-

ний] гетман приветствовал его за речь (против украинцев) в Госу-д[арственной] думе. Прошу его позондировать гетмана теперь и рассказываю о его враждебности ко мне и к к. д. как к «объединителям»*.

---

* Далее следует текст письма П.Н. Милюкова к генералу М.В. Алексееву:

«Киев, 21 июня (5 июля)

Дорогой Михаил Васильевич, спасибо Вам за Ваше прямое и искреннее письмо от 18 июня. Я вижу, что та перемена тактики Д[обровольческой] а[рмии], о которой я мечтал как об одной из краеугольных основ немедленного приступа к объединению России, для Вас и для всей армии в целом «психологически» невозможна. В том акте освобождения Москвы от большевиков, который я считал возможным и необходимым теперь же, Д[обровольческая] а[рмия] не будет участвовать. Не будет поэтому и самого акта восстановления национального общерусского правительства русскими руками. На этом теперь надо поставить крест – и не только потому, что перемена ориентации Д[обровольческой] а[рмии] оказывается невозможной, но и потому, что если она совершилась теперь, она бы уже запоздала, ибо является другой фактор, выбивающий у меня почву из-под ног: усиление опасности для германцев на востоке вследствие движения чехословаков и предстоящего японского десанта. В такой момент германцам, очевидно, некогда думать об объединении России и то течение, которое эту мысль поддерживает, поневоле теперь отодвигается на второй план. Германцы, видимо, придут в Москву: но придут *не как освободители Москвы* от большевистского засилья, о чем они подумывали раньше и для чего могла бы им пригодится Д[обровольческая] а[рмия]; они придут как союзники большевиков и их защитники от нападения союзников. Можно даже догадываться, что первые их эшелоны уже на Волге, а если верно, что Сызрань отнята у чехословаков, то тут уже обнаружилось их присутствие. С другой стороны, в германской печати есть известие, что Иркутск взят австро-германскими военнопленными – это, в свою очередь, может явиться сигналом для наступления японцев. Таким образом, то, чего я опасался и что хотел бы предупредить – борьба союзников с противниками на нашей территории и закрепление разъединения России на две части – грозит сделаться совершившимся фактом. Все это уничтожает мой план в самых основаниях, но не уничтожает той цели, для который я его составлял, и не исключает необходимости зорко всматриваться в дальнейшие перспективы. Ближайшая из них – результат появления германцев в Москве в роли союзников большевиков. Для меня нет сомнения, что германцы бросят эту роль при первой возможности – повторят в Москве то, что сделали здесь: совершат мирный переворот и выдвинут какое-нибудь местное правительство. Возродится ли при этом идея объединения, будет ли у местного правительства возможность поставить немедленно всероссийские задачи, выберут ли германцы этот момент для восстановления монархии – всего этого я не знаю. Но, кажется, при всем этом они используют более правые силы политические и партии, чем имели в виду до сих пор. Удастся ли при этих условиях добиться такого положения, при котором мои политические друзья могли бы принять активное участие в воссоздании государственности на севере, для меня вопрос. Но если не эта, то какая же другая линия поведения останется возможной? Д[обровольческая] а[рмия] по-видимому выбрала эту линию окончательно. Она ведет на Волгу, в ту туманную даль, которая рассеется далеко не сразу, лишь че-

рез несколько месяцев, при такой картине европейского положения, которую сейчас учесть невозможно. Можно лишь сказать, что этот театр войны останется второстепенным и исход борьбы здесь не повлияет, а сам будет находиться в зависимости от общеевропейских комбинаций. Эти комбинации можно учитывать различно. Только что приехал из Петрограда Никанор Васильевич [Савич], который, не отрицая пользы контакта с немцами, все же продолжает верить, что в будущем году, осенью, развязка получится благоприятная для нашей старой ориентации: он считает японскую помощь серьезной, хотя и не верит, что Япония отдает нам все 25 корпусов (с союзниками 35 корпусов), о которых говорят в Петрограде. Он считает, что положение германцев очень трудное и тоже верит в возможность их удаления отсюда, под влиянием местных затруднений и необходимости иметь силы в другом месте. Я учитываю положение несколько иначе. По-моему данный фазис войны на *континенте* (не говоря обо *всей* войне) – на исходе. Единственная серьезная опасность для Германии – возможный распад Австро-Венгрии, но и это обстоятельство будет в общем ходе войны иметь локальный характер. Тот или другой мирный исход в Европе может застать нас врасплох, в состоянии бессилия и раздробления: к этому и начинает склоняться, по-видимому, германская политика. Но создание таких единиц, как «Юго-Восточная держава» я не считаю проявлением этой политики: напротив, это есть проявление политики восстановления русской государственности и, как временную ступень, я предлагаю это приветствовать. Во всяком случае, дальнейший путь воссоздания государственности всероссийской лежит при этих условиях не в расчетах на победы союзников и на их протекцию на международном конгрессе, а в переговорах и соглашениях, которые должны вестись теперь же и ни на минуту не прекращаться, приспособляясь лишь ко всем изменениям положения. Мой старый план умер: да здравствует новый план, который надо обдумывать немедленно. Д[обровольческая] а[рмия] в этом плане в ближайшее время, вероятно, не будет играть никакой роли, если вся уйдет на Волгу. Но в будущем – вероятно, недалеком, нам все же придется снова встретиться – и нужно быть в постоянном контакте, насколько это будет возможно. Я предвижу при этом, что уход Д[обровольческой] а[рмии] на Волгу усилит те отколовшиеся от нее части, которые вы считаете «нечистоплотными», я не знаю, в чем тут дело. Всеволожский хотел меня видеть в Ростове, и я его уговаривал не отделяться от Д[обровольческой] а[рмии], не выступать с отдельными воззваниями, а ждать момента, когда *вся* Д[обровольческая] а[рмия] встанет на точку зрения монархии (что, по моему мнению, было неизбежно). Не знаю, как подействует уход Д[обровольческой] а[рмии] в этом отношении и не перейдет ли она на позицию Левого центра и Савинкова (непредрешения формы правления до Учредительного собрания). Я эту позицию считаю безнадежно устаревшей. Во всяком случае, по другому принципиальному (по-моему *не* принципиальному) вопросу об ориентации во внешней политике – раскола по-видимому предупредить не удастся: я хотел бы, однако, чтобы и тут, по возможности, сохранился контакт, чтобы разрыв не принимал острого характера, который сделал бы невозможным дальнейшее сотрудничество. Моя мысль все-таки такая, что эти расходящиеся теперь части должны потом снова встретиться и работать вместе над осуществлением того, что у них есть общего. Боюсь, что в том случае, если Д[обровольческая] а[рмия] уйдет на восток (а, м[ожет] б[ыть], уже и ушла к Царицыну), сношения с Киевом будут не так легки, как до сих пор.

Во всяком случае, у меня большая к Вам просьба: не пропускать оказий и держать меня в курсе. Я, со своей стороны, обещаю Вам делать то же. Так мало людей, которые могут друг другу верить до конца, что этого круга не надо сужать больше того, чем того требуют непобедимые внешние препятствия. Я видел здесь Шапрона и пытался еще раз связно изложить ему, для передачи Вам, мои мотивы *за* поход на Москву. Я чувствовал, что это уже поздно. Ваше письмо подтвердило мои предчувствия. Положение полк[овника] Р[яснянско]го, по одним сведениям, очень хорошо: против него ничего не нашли, и он полагал, по поводу визита ко мне, что приходил осведомиться, могут ли германцы помочь Д[обровольческой] а[рмии] восстановить монархию; говорил даже, что предстоит скорое освобождение. Во всяком случае, этого ареста нельзя было понимать как шага против Д[обровольческой] а[рмии], т. к. в тот момент германцы вовсе еще не ставили над ней креста. (Быть может, отчасти имея в виду и мою ориентацию.) Тогда речь шла скорее о перемене командования, в случае его нежелания переменить ориентацию, и только как о дальнейшей мере говорили о разоружении. Я, конечно, определенно высказывался, где мог, за сохранение командования. Тогда освободили, напр[имер], Лопуховского. Сегодня Ваши офицеры, напротив, сообщили мне, что положение Ряснянского плохое, что его обвиняют в шпионаже. Если это верно, то боюсь, что это – симптом поворота в отношении к Д[обровольческой] а[рмии], неизбежного при Вашем решении уйти в область союзнической ориентации. Прежде чем кончить, хочу оговориться. Я совсем не против Вашей оценки *лиц*, ко многим из которых отношусь так же, как и Вы. Но я хотел бы, чтобы лица не смешивались с тенденциями, котор[ым] они служат, котор[ые] иной раз лучше и защитимее, чем их официальные защитники. Что Вы хотите, честные и хорошие люди боятся пойти на авантюру, которой часто представляется *начало* осуществления всякой тенденции. Само собой и выдвигаются авантюристы, которым терять нечего, или самолюбивые честолюбцы, которым льстило видное место, выпадающее при этом на их личную долю. Роль авантюристов и честолюбцев все-таки временная, а тенденция, если она правильная, находит свою дорогу сама и впоследствии привлекает к себе других людей. Исключения такие, как Ваше с идей Д[обровольческой] а[рмии] – когда первое дело сразу попадает в хорошие руки – редки (я вспоминаю при этом наши беседы в Нов[очеркасске] в ноябре прошлого года). В большинстве случаев примесь нечистоплотности в начале – почти неизбежное правило. Вы сами помните, каких трудов Вам стоило отделаться от этой лигатуры. Еще два слова: не бойтесь, что я не пойму Ваших, хотя и кратких, но всегда точных указаний: я понимаю и Ваши слова и придаточные предложения и оговорки, они говорят мне многое. Всегда буду страшно рад получить от Вас дальнейшие весточки.

Пред[анный] и глуб[око] ув[ажающий]

П. Милюков

P.S. Уже написав письмо, т[олько] ч[то] получил известие, что ст[арший] секр[етарь] Кюльман (недавно поскользнувшийся в рейхстаге на симпатиях к Англии) уходит в отставку и что сюда вместо Мумма (сторонника разъединения России) посылается военный человек. Это перемена выгодная для моей ориентации. Конечно, результаты этой перемены скажутся не сразу, но тем более мне приходится жалеть, что при утилизации ее я уже не смогу использовать такого сильного аргумента, как Д[обровольческая] а[рмия].

Рыбалкин из правых кругов выносит впечатление, что германцы за реставрацию Николая II.

Раковский послал информацию, что Доб[ровольческая] армия разделилась: офицеры за герм[анскую] ориентацию, командиры – против, и *это* заставило Милюкова уехать к немцам и начать с ними переговоры. Рассказывает Любович, которого прошу зайти.

Пришел Н.Н. Богданов[162] с вестями с Дона и из Крыма. Н.Е. Парамонов[163] просил его передать беседы, которые он вел с представителем германского командования как представитель комиссии по вывозу. (М[ежду] пр[очим], он провел свой план военного снабжения Дона, и часть снарядов германцы уже доставили.) Немец спросил, как отнесется Дон к движению чехословаков и к провозглашению Михаила Ал[ександрови]ча, имея в виду, что Дон стремится к последующему объединению России. Пар[амонов] ответил уклончиво, что это – в Сибири и что Сибирь далеко от Дона, но немец спросил: что будет, если это случится, например, в Самаре? Пар[амонов] отвечал, что это вопрос новый, который еще не обсуждался. Немец тогда определенно заявил, что если Дон признает Мих[аила] Ал[ександрови]ча, то германцы д[олжны] б[удут] объявить ему войну. Им придется поддержать советскую власть в борьбе против чехословаков, если последние усилятся. К этому Богданов прибавляет, что немцы уже вошли в переговоры с большевиками, стоящими на Кайсуге, и делегаты нар[одных] комиссаров свободно заседали на Ростов[ском] вокзале. Их полномочия были признаны недостаточными, и они были возвращены через герм[анские] линии; потом вернулись, и переговоры продолжаются. Германцы, очевидно, имеют в виду пропустить их по Владик[авказской] дороге на Воронеж и тем подкрепить большевиков. Для этого они хотят открыть фронт на 20 верст. Большевиков там около 70 тысяч. Добров[ольческая] ар[мия] взяла Великокняжескую (16-го) и идет на Тихорецкую. Против нее шли 40 000 большевиков, но были разбиты и понесли огромные потери, преследуемые кубанской конницей, которой теперь у Добр[овольческой] ар[мии] больше 10 000. Общее число до 20 000, но офицеров и юнкеров не более 4-х [тыс]. Герм[анская] ориентация в последнее время исчезла. Алексеев и другие строго стоят на союзнической. Германцы были неприятно поражены успехами Добр[овольческой] армии, уходу ее на Волгу они помешать не смогут, когда откроется путь через Тихорецкую. Но пока Алексеев остается в Черкасске. От войскового правительства получены 6 миллионов, и по новой ассигновке на июнь и на июль получено 2 миллиона. Чтобы получить июльские 2 миллиона, нужно дождаться первого июля в Черкасске. Ввиду

нерешительности Алексеева усиливаются две ориентировки в разные стороны. 1) Всеволожского[164] – который ездит постоянно в германский штаб и ведет переговоры с германцами. Другая 2) *родзянковская* – сбор партизан для борьбы с германцами. В случае ухода на Волгу и, по мнению Богданова, Доб[ровольческая] армия разложится. Кубанцы уйдут на Кубань, но и из офицеров пойдут не все.

В Крыму представители герман[ского] командования в частных беседах высказываются о занятии Крыма как об *аннексии*, в противоположность оккупации Украины. Крымчане уже идут на длительную оккупацию Севастополя, но не склонны превращать весь Крым в Hinterland*, а предпочитают ограничить его территорией Ялтинского градоначальства. Внешний признак прочного захвата – общество для скупки земель. Опасаясь герман[ской] аннексии, крымчане склоняются к соединению Крыма с Украиной (я излагаю свои возражения). К этому вынуждает и необходимость получить хлеб, который теперь Украина не пускает (тамож[енные] границы на Перекопе), и вывести фрукты. Крымское правительство – ничтожное, и Богданов считает нужным его усилить кадетами. Надеется на согласие С.С. Крыма, сам готов идти тогда в председатели управы.

На Дон теперь вызван Харламов, которому Краснов предложил Мин[истерство] внутр[енних] дел, но с тем чтобы за Яновым[165] остался созыв войскового круга и руководство печатью. На это Харламов не согласился; Краснов перестал с ним видеться, и теперь опять поднят вопрос о выходе к. д. из правительства (Богд[анов] уехал 19-го июня). Газеты («Вечернее время»[166] Суворина[167]) начинают поругивать к. д. за германскую ориентацию.

Вечером у В.В. Шульгина. Показывает письмо от Деникина, в котором Д[еникин] отвечает на его записку отказом принять определенную монархическую или союзническую ориентацию – или какую-либо иную. «Монархистов в армии 80%», но вывесить лозунг монархии – значит потерять союзников или расколоть. Резко высказывается против германской ориентации и «шантажного типа организаций», которые к ней склоняют, деморализуя офицеров. С горечью говорит о тех, кто скрывался в укромных углах, когда армия боролась, а теперь, когда она стала силой, предъявляет к ней «требования» – переменить ориентацию. Считает своей задачей сперва «очистить юг», а потом пойти «*с хлебом* на Москву и на Волгу». Говорит об опасности, что немцы загородят "северный путь" раньше, чем откроется путь на Волгу. На обвинение в приверженности к Учред[и-

---

* (здесь) незахваченную территорию, прилегающую к оккупированной (нем.).

тельному] собр[анию] отвечает, что никогда не считал его панацеей, а на обв[инение] в приверж[енности] к «народовластью» отвечает, что в Англии оно не меньше развито, чем во Франции. Кубанцы, которых не меньше 50%, заговаривают с Украиной, а «немцы с Лениным, и все готовы предать друг друга». Ш[ульгин] написал для «Вечерних огней» («Веч[ернего] времени») статью, в которой изображает «видного кадетск[ого] деятеля» в роли богатой невесты с приданым, которое она предъявляет жениху, но жених хочет горячей любви и не довольствуется браком по расчету. Вторая половина: диалог Скоропадского с Эйхгорном, разделывает гетмана. Боится ареста или высылки в результате своей публицистики. По мнению Ш[ульгина], германцы всегда ведут политику на две стороны, приманивая и украинцев и монархистов, говоря одним: видите, сколько мы для вас сделали, а другим: неужели вы думаете, что мы можем мириться с этой дрянью? Крайним правым то обещают Николая II, то отказывают. И обе политики ведутся через *убежденных* сторонников той и другой. Так достигается разделение противников. Из чешских источников Шульгин слышал о слабости Австро-Венгрии, о предстоящем 15 июля взрыве, о большевистской болезни там. Хочет *«переброситься»*.

22 июня – 5 июля

Утром посещение Дм[итрия] Мих[айловича] Одинца[168], министра по великор[усским] делам, народного социалиста. До сих пор фронт не украинских партий был широким и цельным, группируясь по признаку национальной защиты. Теперь начинается во всех партиях расслоение на вопросе об «ориентации», причем германская пока составляет меньшинство. Будущность принадлежит к. д., но они не должны себя дискредитировать, как делают это в министерстве, *проводя украинизацию* и не противясь усиливающемуся внедрению германцев. Министерство было постыдно равнодушно в вопросе о демобилизации русских войск, уцелевших до конца от развала. Дали т[олько] 2000 р[уб.], солдаты и офицеры бедствовали, и только великор[усскому] м[инисте]рству, которое *тогда* было популярно, удалось собрать до миллиона частных пожертвований. Министерство не самостийно, но ходит в такой густой маске, которая вызывает общее недоумение и критику. В Мин[истерстве] нар[одного] просвещ[ения], *несмотря* на Василенко, господствует дух украинизации. Русских чиновников гонят из Мин[истерства] путей сообщения и др[угих] *за то,* что они русские. Либеральнее в этом отношении Военное м[инисте]рство, работавшее дружно с великорусским. Туда пошла часть офицерства, но тут мешает «ориентация». Что, если придется бороться

с Великороссией за русские земли?! Великор[усское] м[инистер]ство, по недоразумению, считается каким-то посольством России и к нему масса таких обращений. Оно помогло эвакуировать французов и англичан, помогает проехать офицерам на север и в Сибирь. И это все предполагает не теперешнюю ориентацию. Одинец согласен потерпеть года два на внутр[еннем] фронте, чтобы избавиться от «30-летней герм[анской] экономической эксплуатации» (выражение «Local-Anzeiger»). Привожу свои возражения. Согласен, что это уравнение со многими неизвестными. Обещает принести документы.

Ефимовский[169] звонит и просит свидания перед завтрашним большим собранием правых – *моей* ориентации, чтобы осведомиться – с точки зрения своей (*не* моей) ориентации. Неужели уже начинает лавировать в эту сторону?

23 июня – 6 июля

Вчера у Гутника был Мумм – для разговоров о торговом договоре и – как бы между прочим – сказал: тут собираются монархисты со всех сторон России и обращаются к нам; собираются и лидеры кадетов и волнуют публику. У Милюкова бывают совещания. Упомянул и об ориентации Москов[ского] ЦК. Гутник опроверг сведения газет о съезде и сказал, что М[илюков] принес в Киев поддержку здешней ориентации и морально поддержал своим письмом. Мумм продолжал: «Да, это так, но Милюков не признает самостийности Украины и требует пересмотра Брестского договора, который мы с вами заключили; это невозможно: он хочет все вернуть, что же вы даете нам за все наши труды и жертвы?» Гутник ответил – со ссылкой на то, что на кого-нибудь ведь надо опираться. «Более левые партии к немцам не идут: Керенский в Лондоне и Париже производит шум; а тут приезжает влиятельный полит[ический] деятель, и вы так о нем отзываетесь. На правых опираться все равно нельзя: государственные элементы только у к. д.».

Вчера же гетман давал обед правительству (написал ему ободряющее письмо); Вас[иленко] сидел рядом, Гутник визави – и слышал, что гетман говорил: «Мумм мне сообщает, что Милюков не признает самостоятельности Украины, не признает и моей власти». Дорошенко начал также выражать недовольство, что М[илюко]в посещает германцев, а у него не был. Отсюда и план Василенка – устроить свидание с Дорошенком. Насколько Мумм занят этими идеями видно из сообщения ректора университета. Он ездил к Мумму хлопотать о переводе одного профессора из Петрограда (или Москвы). Мумм спросил: а не будет ли он представлять великорусской

ориентации? На ответ ректора, что наука аполитична, Мумм продолжал: здесь собираются кадеты, Милюков хочет в Полтаве собрать собрание... Один министр где-то заявил: мы *обязались* отделить Украину от России.

Приходил Ефимовский и спрашивал: насколько вправо можно идти в уступках относит[ельно] монархической конституции. Организуется собрание с резкими выступлениями правых против правительства. Я ему сказал, что его точка зрения не кадетская и что во мне он поддержки не встретит. Вечером было у меня собрание профессоров, сотрудников «Голоса жизни», и, между прочим, выяснилось, что из правых кругов исходят 4 формулы монархии. Две из них предполагают неограниченность власти *до* октроирования конституции и оставляют власть за монархом. Две другие делят власть законодательную и глухо упоминают о «народном собрании» (по восстановлении порядка). Об ответственности правительства и о санкциях конституции народным представительством нет речи ни в одной.

24 июня – 7 июля

Утром разговор с Василенко у Вернадского. Передает просьбу Лизогуба уехать на некоторое время из Киева – в Чернигов, Харьков и т. п. Я г[ово]рю: «Мой приезд был моим личным делом, а отъезд будет политическим фактом, который так и будет истолкован, т. к. истина просочится: об этом позаботится Мумм (Мумм вчера был опять у гетмана и говорил с Лизогубом: что делает здесь М[илюко]в?). Ввиду этого мой отъезд не м[ожет] б[ыть] на короткое время, и мое возвращение также будет политическим фактом и станет возможно лишь при серьезной перемене положения. В ожидании я не могу удалиться в захолустье, а предпочту переехать в к[акой]-н[ибудь] другой *крупный* центр, где можно было бы наблюдать за политикой – в Крым или на Дон». (Вас[илен]ко морщится: «Зачем на Дон?») «Я желал бы только, ч[то]б[ы] о моем отъезде было осведомлено высшее командование, ч[то]б[ы] в будущем оно не могло отзываться незнанием и, если хочет поставить точку в наших отношениях, то поставило бы ее само. Мумм – дурак и не понимает, что делает, добиваясь моего отъезда: он должен был бы ухватиться за меня и не пускать меня отсюда, даже если бы я сам хотел уехать».

Василенко: «Я сам сказал то же самое Лизогубу. Мумм вообще ведет странную линию. Теперь он поддерживает большевиков против Украины. Раковский вернулся из Москвы в очень уверенном настроении и берет назад те уступки, которые уже сделал: проводит границу в 30 верстах от Чернигова и Курска, отказывается вернуть

земли, расположенные в тылу их войск и т. д. Германцы настаивают на окончании мирных переговоров и в то же время поощряют большевиков к неуступчивости». *Я*: «Очевидно, *вам* придется уступить, ибо германцы теперь ориентируются на большевиков (рассказываю известные мне факты)».

Вас[илен]ко после этого переходит к желанию Дорошенка, ч[то]б[ы] я сделал ему визит и рассказывает сцену у гетмана. Я г[ово]рю, что с моей высылкой вопрос о визите к Дорошенко отпадает. В нормальных условиях я готов был сделать ему визит, чтобы менажировать* его самолюбие, но и тогда я не представлял себе, о чем я буду говорить с мин[истром] иностр[анных] дел Украины: обе мои темы – объединение и борьба с большевиками для него неудобны. Вас[илен]ко находит, что все-таки для будущего следовало бы мне сгладить отношения. Я отвечаю, что мое возвращение может состояться лишь при такой перемене положения, при которой настроение Дор[ошен]ко уже не будет приниматься в расчет. Дорошенко вообще простой человек, и то, что он говорит обо мне, затвержено им со слов других, вероятно, лиц австрийской ориентации, которые окружают его в министерстве. Вас[илен]ко, на которого мои доводы о политическом значении моего отъезда, видимо, произвели впечатление, предлагает еще раз поговорить с Лизогубом. Он выражает мнение, что влияние Мумма долго не продержится. *Я*: «Если вы так думаете, то зачем же вам ему уступать? Тогда нужно переждать, до перемены». *Вас[илен]ко* и об этом поговорит.

С 1 часа заседание Гл[авного] ком[ите]та с моим докладом. До вечера 13 ораторов все высказываются против своей т[очки] зрения. Начинаю приходить в уныние от этой политич[еской] бестолковости.

25 июня – 8 июля

С утра Мазуренко – выспрашивает о моей т[очке] зрения, вначале ориентируется на Учредит[ельное] собр[ание] и союзников, в конце подделывается ко мне.

Потом приход Лукомского[170]. Он за союзн[ическую] ориентацию, но за монархическую платформу Добров[ольческой] армии. Едет туда. Рассказывает свою историю. Считает поход на Кубань невозможным, но передает, по письму Романовского, что армия *уже* выступила, с тем чтобы, покончив с Кубанью, повернуть *на север*. Я сопоставляю с фразой Деникина.

С $1^{1}/_{2}$ ч[ас]. продолжение прений, мой ответ оппонентам, принятие нашей резолюции значит[ельным] большинством 21 против 7;

---

* менажировать (от франц. ménager) – беречь, щадить.

не принимает Маклецов[171], настроенный в Киеве Винавером. Вечером заседание наличных членов ЦК, мой подробный отчет им. Удовлетворены.

Штерн[172], м[ежду] пр[очим], сообщает мнение германского представителя, бывшего руковод[ителя] бюро печати, что кадеты приемлются германцами, как серьезная и ответственная сила, хотя и не преданы германцам.

Известие об убийстве Мирбаха с подробностями. Убийца — левый с. р. На кого падет карательный удар Германии? Не испортит ли это отношений к большевикам?

26 июня – 9 июля

Утром Пасманик передает поручение от [великокняжеской] семьи из Дюльбера. Три месяца назад получено ими письмо от принца Рейса[173], предупреждающее о его приезде. Затем Рейс заболел тифом (в Одессе), извинился через нового посланца и, наконец, приехал. Цель приезда — выяснить, какие планы у семьи на будущее. У них никаких планов. Ал[ександр] Мих[айлович][174] думает, что «в будущем» они понадобятся, а пока — единств[енное] желание, ч[то]б[ы] их оставили в покое. Их мнение, что первый царь, посаженный германцами, не усидит более лет пяти. Их *серьезный* кандидат Дмитрий Павлович, но для «легитимности» они хотят Алексея, с условием удаления родни и с регентством Михаила, которого они расценивают весьма низко. Признают свою вину перед партией нар[одной] свободы, которая теперь доказала свою государственность. Спрашивают, что делать. Я рассказываю свои переговоры, советую пока ничего не делать и ждать выяснения картины на востоке, не трогать там Мих[аила] Ал[ександрови]ча, а потом, когда положение выяснится, вступить с ним в сношения.

Вечером заседание у Гр[игоровича]-Барского с министрами. Поднимает вопрос о внешней политике Украины, причем Ржепецкий и Зеньковский относятся к ней с резким осуждением: не находят в ней мысли, таланта и вообще какого-либо направления. Зеньковский видит причину шатаний в том, что была задана ответственная задача — построить Украину на *желательных* началах, так сказать, в пустом пространстве, на бумаге. Я указываю на то, что в основе ошибок этой политики лежит противоречие между великодержавным шовинизмом украинских стремлений и бессилием Украины воплотить их при помощи собственной силы. Германская же сила, на которую эта политика исключительно опирается, стравливает с украинскими вожделениями, ею же взлелеянными, интересы соседей и играет на этом противоречии интересов, оставляя украинские стрем-

ления на воздухе. И на Дону, о к[ото]ром г[ово]рил Ржепецкий, и в Крыму, с нелепой таможенной войной, претензии Украины беспочвенны и вызовут сопротивление, которое обрушится на Украину, как только уйдут немцы. Добиваться нелепого географического очертания Украины с Кубанью значит впоследствии быть поставленными в необходимость содержать громадную военную силу для защиты незащищенного.

В это время приходит Василенко и берет на себя защиту укра-ин[ской] внешней политики. Нужно руководиться эгоизмом, создать из Украины «ядро» – одно целое, в которое включить и необходимый для Украины каменно-угольный бассейн, и «перешеек» Ростова на Кубань. Объединение всей России произойдет впоследствии, а пока должна объединиться Украина.

Я оставляю в стороне вопрос о времени и форме объединения, но указываю, что политику *автаркии* самодовления могут позволить себе лишь великие державы, но и там эта политика – дурная. Пример – Германия, поставившая задачей составить одно хозяйственно-политич[еское] целое. Это – идеал средневековый. Нельзя основать прочных отношений на захвате. От географически уродливой фигуры отказался Венизелос[175] для Греции. Тут есть границы.

Вас[илен]ко напоминает, что я хотел Александретты – я, на этом примере, доказываю, что я хотел именно самоограничения. Вас[илен]ко упоминает далее, что с Доном нельзя считаться как с самостоят[ельным] г[осуда]рством, т. к. сам Краснов объявил его самостоятельным «впредь до объединения России». Таково толкование Шелухина[176]. Я называю его софизмом. Из того, что г[осуда]рство и *впредь* обещает отказаться от части своей власти, вовсе не следует, что оно уже лишилось ее в момент, когда дано обещание. Форма союза на равных началах – вот очередная форма объединения. Василенко продолжает настаивать на том, что федерация дело будущего. Надо образовать «ядро». (*Я*: Пруссия?) Таганрог недавно принадлежит Донской области. Расширение территориальных претензий объясняется просьбами самого населения, выходящего за пределы этнографического населения. Так, напр[имер], взята Курская губерния. Я продолжаю настаивать, что это шовинизм дурного тона.

Вас[илен]ко говорил с Лизогубом, к[ото]рый подчеркнул, что просит меня уехать «на время» в пределы Украины. Он сказал Вас[илен]ке, что еще поговорит об этом с ним и с гетманом. Зеньковский рассказывает сцену: гетман бранит Милюкова, к[ото]р[ый] «сеет смуту». Зеньковский берет меня под защиту и спрашивает: «Зачем вы преследуете своих друзей?» Гетман: «Разве и вы кадет?» Зеньковский: «Да». Гетман прерывает беседу.

Среди дня беседа с Лукомским и Абр[амом Михайловичем] Драгомировым[177]. Последний верит в победу союзников или, скорее, в неудачу германцев. По его мнению, война продолжится *3–5 лет!* Он полагает, что германцы уже сбавили тон, их военные ресурсы истощились, новых ударов не будет. Верит и в восточную операцию. Ошибка германцев – в том, что после Марны они растратили свои силы на местные операции, забыв ту аксиому, что судьба войны решается на главном театре. Я указываю [на] пробел в рассуждениях Драгомирова: германцы вовсе не переменили точку зрения, а, напротив, остались ей верны, и именно ею объясняются все их «второстепенные» операции. Эти операции уже создали им базис для сильной Mitteleuropa* и для континентального государства, в ожидании *будущего* расчета с Англией. Англия продолжает быть их главным врагом, а России они *серьезно* должны будут делать уступки. Неверно, что Германия всегда хотела ослабления России – с 90-х годов (как утверждал Драгомиров), напротив, через всю историю нашей дипломатии красной нитью идет желание Германии вовлечь Россию в свою орбиту: От Бисмарка[178] до Потсдама[179] – одна политика, и только с 1911 [г.] Германия теряет надежду: с этих пор начинаются ее решительные вооружения для войны, отвечающие прежде всего французским**. И Россия только под влиянием французов раскрывает глаза на опасность и начинает склоняться к ими указанной и разработанной «большой программе». Дружба с Россией скорее традиция Германии, – и по династической связи, и по желанию иметь ее союзницей в будущей мировой комбинации (что, конечно, необязательно для России), а теперь и по желанию эксплуатировать ее богатства для продолжения войны, и по неизбежности – тушить пожар в доме соседа. Истощение Франции для меня ясно было уже в 1916 г. Я вовсе не убежден, что у германцев теперь не найдется сил восстановить свои удары на Кале и Париж и принудить Францию очень скоро к выходу из войны и сепаратному миру, при котором ей некогда будет думать о России. Развал Австрии имеет локальный характер.

Приезд молодого Михайлова из Москвы с встревоженными письмами Щепкина о моем «странном», «апокрифическом» документе (письмо в Главный комитет), дошедшем «через врагов» (Правый центр). Щепкин предостерегает против Дм[итрия] Митроф[ановича] Леонтьева, говорит о разрушении партии, если верна моя измена, о невозможности идти «без лидера», верит и не верит, громит, про-

---

* (здесь) центрально-европейского государства (нем.).

** Так в тексте.

клинает и надеется. Предлагают приезд Н.И. Астрова; я отказываюсь: бесполезно. Мои объяснения приводят юношу в крайнее смущение: я, очевидно, упал с пьедестала и он чуть не плачет о моем моральном падении. Новые объяснения заставляют его задуматься.

27 июня – 10 июля

В 11 ч[асов] приходит посланный от Гаазе, просит назначить свидание. Я объясняю, что после разговора с Муммом, который злоупотребил разговором и разносит по городу, что я агитирую против гетмана, я не могу идти к Гаазе и прошу его или прийти сюда или выбрать нейтральное место. Уславливаемся в 5–6 часов сегодня: он придет или пришлет сказать. Еще раз объясняю, что это не относится к Гаазе, что, вероятно, есть разница мнений, но что я, после поступков Мумма, должен быть настороже.

Плетнев приносит сообщение, что «Русск[ие] ведомости»[180] вовсе не стоят всецело за союзнич[ескую] «ориентацию», что только Белоруссов[181] стоит на ней вполне, Мануйлов[182] близок ко мне и уже в марте написал передовицу в этом смысле, а молодежь, с проф[ессором] Савиным[183] во главе, резко стоит за «германскую ориентацию». Просит статью.

Полк[овник] Ломидзе, председатель армянского комиссариата при Укр[аинской] державе, приносит бюллетени о Закавказье и письмо Мелик-Каракозова, который боится, что при пересмотре Брестского договора Россия забудет армян и примет германское предложение провести границу по Кавказскому хребту.

Полк[овник] Шванберг, представитель Сибирского комиссариата, теперь ликвидируемого, и Кириллов перед отъездом просят информации для Сибир[ского] правительства. Даю и рисую всевозможные перспективы перекинутого мостика.

Раньше еще приходит Львов[184], которому я развил эти перспективы подробно. Если Добровольческой армии удастся пробраться на восток и там удержать монархическую ориентацию, то можно, м[ожет] б[ыть], взять с собой Михаила Ал[ександрови]ча и пойти оттуда *без союзников* на Москву. Перспектива [э]с[е]ровской ориентации ему не улыбается.

Приходит Haase. Суть разговоров, на этот раз, вращается около утверждения, что пересматривать Брестский договор они не хотят. Это говорится и в начале, и в середине, и в конце. Попутно затрагивается целый ряд вопросов.

Haase: С тех пор, как мы говорили, положение очень изменилось.

Я: Да, я тоже это нахожу, явилось много новых трудностей. Вы, кажется, решили идти вместе с большевиками: это, конечно, меняет все положение.

Haase: Нет, это совершенно невозможно, чтобы мы шли с большевиками. Но большевики не хотят изменять Брестский договор, и у нас нет причин разрывать с ними мирные отношения. Мы вообще не хотим идти дальше и вмешиваться во внутренние дела, если нас не приглашают. Странное положение России, что в ней пара тысяч чехословаков могут оказаться господами положения.

Я: Не пара тысяч, а, кажется, больше.

Haase: Ну, сорок, шестьдесят тысяч, это пустяки, которые не делают разницы. Вы сами себе помочь не можете, вам нужна наша помощь и не малая: и за эту помощь мы должны жертвовать тем, что приобрели. Что было бы здесь, если бы мы были принуждены отсюда уйти?

Я: Но ведь мой план и основывается на том, чтобы просить у вас как можно меньше помощи. Я хотел использовать содействие Добровольческой армии, но теперь, очевидно, для этого момент неблагоприятен. Я, конечно, согласен, что помощь нужна и не малая. Но ведь вы сами принуждены будете ее дать, если не захотите бороться с японцами здесь и сами будете выбирать место встречи.

Haase: Ну, пока это еще будет; японская опасность несерьезна.

Я: Я хотел бы не верить в серьезность японской опасности, но это трудно.

Haase: Японская опасность опасна для вас самих.

Я: Именно поэтому я и хотел бы ее предупредить.

Haase: Вы не изменили вашей позиции со времени движения чехословаков?

Я: Нисколько, но это не мешает мне видеть новые трудности.

Haase: Согласны ли с вами ваши политические друзья?

Я: Нет, тут есть серьезные разногласия: в Москве они высказались в другом смысле, не зная моего взгляда.

Haase: В Петербурге, кажется, они с вами согласны?

Я: Да, в Петербурге они ближе ко мне, но и в Москве есть влиятельные члены партии, которые стоят на моей стороне. Здесь Главный совет только что санкционировал мой взгляд. Вообще об этом я не беспокоюсь. Я знаю, что партия будет со мной, если я приобрету твердую опору в Германии.

Haase: Но вы слишком многого хотите. Может быть, можно было бы встретиться на полдороге?

Я: Если вы хотите серьезно говорить о сближении с Россией, то вы не должны торговаться. Россия не примирится со своими потерями.

Haase: Да, если бы у нас были другие дипломаты, в стиле Бисмарка.

Я: Я только и понимаю политику в большом стиле. Иначе не стоит об этом говорить.

Haase: Мы говорим о Randstaaten. Может быть, можно было бы ограничиться разговором о самостоятельности Украины?

Я: Я могу говорить только в целом, а не по частям. Со времени нашего разговора я убедился, что для того чтобы поставить Россию на мою точку зрения, мне надо преодолеть немалые трудности. Я имею влияние и не отчаиваюсь это сделать, но только в том случае, если буду уверен, что у меня есть почва под ногами. А то ведь вы мне оказываете плохие услуги. Вы, напр[имер], останавливаете поездки офицеров на Дон, вы арестовали Ряснянского в то время, как нам надо переломить настроение Добр[овольческой] армии. Эти меры, конечно, действуют в обратном направлении. Офицеров не так легко перетянуть, как партийных друзей.

Haase: Мы не пускаем только офицеров, которые прямо ангажируются для Entente*, напр[имер], на Мурман. Ряснянский здесь агитировал среди солдат, и у нас есть тому доказательства. Но мы пропускаем офицеров к Краснову. Москву освобождать пойдет Добровольческая армия.

Я: Речь идет не об армии Краснова, а об армии Алексеева. Относительно ее ваше отношение изменилось. Ряснянского я видел несколько раз: это серьезный офицер, а не агитатор, и ко мне он приехал, чтобы выяснить мою точку зрения: я как раз видел в нем одно из орудий моего воздействия на Алексеева, а вы его арестуете. Конечно, теперь, может быть, уже поздно влиять на Алексеева, но он может пригодиться впоследствии, как и вся армия. Я знаю, что уже теперь в ней идет процесс внутренней борьбы, и многие офицеры склоняются к моей точке зрения. Если бы было достаточно времени, то можно было бы быть уверенным в результате. К сожалению, надо спешить. И вы спешите, – и я понимаю это, – отыскивая силы против чехословаков, где можете.

Haase: Офицеры – против Алексеева.

Я: Только те кружки, которые стоят вне армии. Но нам надо иметь *всю* армию, и для этого нужно не раздражать ее: в последний

---

* Антанты (франц.).

момент, может быть, она еще склонится к вам. Если нет, если она уйдет на восток, то и на востоке [она] может пригодиться. Помните, что там Мих[аил] Алек[сандрови]ч.

Haase: *Но здесь* – Дмитрий Павлович. Вы, вообще, имеете контакт с монархистами?

Я: Да, в известной степени имею, для монархистов двух кандидатов во всяком случае слишком много.

Haase (возвращается к мысли о трудностях положения России): Эти трудности и должны заставить вас сделать уступки. Или вы, может быть, ждете времени, когда вы нам понадобитесь и мы сделаем уступки?

Я (смеясь): Вы правы. Я думаю, что ваши трудности увеличатся, я вам понадоблюсь, и вы ко мне обратитесь. Во всяком случае, я повторяю, что я не могу произнести первого слова моей точки зрения, если не приобрету уверенности, что можно говорить серьезно. Я, по счастью, наблюдаю в германской печати, что и там моя точка зрения постепенно приобретает почву. «Vossische Zeitung» ее постоянно проповедует, но вы можете найти ее и в «Kreuz-Zeitung»[185].

Haase: Вы знаете – я руссофил, прежде жил в России и желаю России всякого блага, но ведь там говорят вообще о сближении, а не о пересмотре Брестского мира.

Я: Вы ошибаетесь, я недавно читал в «Vossische Zeitung» статью Когена Рейса «Der Frieden, den wir haben müssen»*. Там открыто признается, что Брестский договор принес вред Германии и должен быть пересмотрен. Я вообще не понимаю, как может быть иначе, если вы хотите прочных отношений. Ни один человек в России не пойдет на них, если мы понесем потери.

Haase: Но должны же мы приобрести какие-нибудь выгоды? Я всегда думал, что ваш главный интерес в Сибири, на востоке. А на западной границе вы могли бы быть уступчивее.

Я: Я знаю, что так думали в Германии в 90-х годах прошлого века, но это была ошибка. Россия не азиатское государство, Россия принадлежит к Европе. Что касается выгод, вы их приобретете в экономическом отношении: откажитесь только от них в смысле территориальном. Иначе нельзя укрепить монархии в России.

Haase: Думаете ли вы, что монархию примут массы, напр[имер], рабочие?

Я: Нет, рабочие останутся социал-демократами. Но их у нас немного. А среди крестьян монархия будет встречена сочувственно.

---

* Мир, который у нас должен быть (нем.).

Haase: Едва ли среди здешних крестьян?

Я: Вы правы, что здесь процесс изживания большевизма прерван вами и представляет maladie rentrée*, но даже и тут контрасты сходятся. Большевики курьезным образом часто обнаруживают монархические тенденции.

Haase: Может быть, в Красной гвардии?

Я: Да, пожалуй.

Haase (встает и прощается): Вы здесь еще остаетесь?

Я: Я не знаю, г. Мумм каждый день настаивает на моей высылке. Он просил меня сам прийти для разговора, а затем не только не сохранил тайны, но, напротив, ходит по городу и всем говорит, что я агитирую против гетмана и Украины. В первый раз в жизни встречаю такого странного дипломата. Я, конечно, говорил не de lege lata**, a de lege ferenda*** и делать из моих слов такое употребление дипломату не подобало бы.

Haase: Да, наши дипломаты... но я ничего не слышал о том, что вы говорите... Итак, теперь не время, но, может быть, время придет?.. Если вам встретится во мне надобность, пожалуйста, обращайтесь ко мне (прощается).

Ответ Н.Н. Щепкину

Письма от 20 июня и от 22 июня (5 июля) мною получены 8-го, отвечаю 10-го июля. Документ, датированный 25 июня, «не апокрифический»: он принадлежит мне и направлен мной как здешнему «Главному комитету», так и ЦК. Другой документ, содержащий критику тезисов Винавера, также принадлежит мне и отправлен вам через Я-на. Не буду возвращаться здесь к существу нашего разногласия, излагаемого в обоих документах. Позволю себе думать, несмотря на утверждения ваши и В[инаве]ра, что имею сторонников и в Петрограде, и даже в Москве. Если бы ЦК встал на точку зрения «свободных рук» и воздержался бы от заочного осуждения не одного Киева, а всей южной половины России, то теперешнего конфликта не было бы. С *этой* стороны руки не связаны, но они связаны с вашей стороны, как мы полагаем, вредным для России образом. Но, повторяю, в этом письме я вовсе не хочу продолжать полемику. Отвечу лишь на аргументы о крушении партии и России. Партия, действительно, идет двумя различными путями, но происходит это при

---

* рецидив болезни (франц.).

** широко толкуя; расширительно понимая (лат.).

*** в соответствии с обычным пониманием или толкованием (лат.).

условии, когда трудно настаивать на суверенитете одного центрального органа и приходится ждать, пока восстановление нормального порядка не оправдает самим ходом событий правоту той или другой половины партии. Отлучение, анафемы, истеричные возгласы и угрозы тут ничем не помогут. Если для того, чтобы оправдаться перед союзниками, вы провозгласите несогласных с вами «изменниками» и «предателями», как вы это делаете относительно Правого центра, то этим вы только испортите отношения с людьми, у которых темперамент не выдержит этого испытания. Монополии на моральный критерий и теоретическую непогрешимость за вами никто не признает. Взаимная терпимость до съезда, который соберется после восстановления нормальной обстановки, есть единственное средство сохранить для будущего единство партии. В качестве некоторого, все-таки, эксперта по части внешней политики, позвольте сказать вам, что лучший способ заслужить уважение серьезных государственных людей — есть действительное, а не словесное только, служение интересам России, невозможное при признании вопроса об «ориентации» принципиальным вопросом, не подлежащим пересмотру ни при каких условиях. В рабство поступать ни к кому не следует, что касается «политики малой державы», над которой вы иронизируете, то не мешает вспомнить, что даже и до положения «малой» державы России еще нужно дойти. Я вообще чувствую, что в нашей среде нет полного понимания, до *какой степени* глубок переживаемый кризис, и как, в действительности, велика опасность разделения России между двумя ориентациями, неизбежная при создании внутреннего «Восточного» фронта. Создание этого Восточного фронта нужно нашим союзникам, как им нужно было вмешательство Румынии, т. е. как средство, притом второстепенное, а не как цель. Они при этом руководятся своим интересом, не спрашивая о нашем. На восстановление России исключительно *их* силами у меня надежды нет, так же мало надежды на исключительное применение наших внутренних сил. Мой план утилизации Добровольческой армии, как такой внутренней силы для свержения советской власти в Москве, нужно для данного момента признать разрушенным и устаревшим, отчасти вследствие появления чехословацкого фактора, отчасти вследствие упорного сохранения *вождями* Добровольческой армии старой ориентации с их непреложными принципами при полном противоречии их же действий, координированных фактически с немцами. Отход армии на Волгу, конечно, есть единственный исход, если она останется при своем, но в блестящие перспективы восточного предприятия, рисуемые вами, я не верю, а верю только в опасность иноземного вмешательства и

дальнейшей борьбы на нашем же теле. Другой пункт, в котором я расхожусь с вами, заключается в вашей *левой* ориентации. Вы попали в лапы Левого центра, как попали в лапы союзников, и принуждены признать, что союзники смотрят на Россию глазами Левого центра. Это верно – и этого я больше не желаю. Думаю, что не пожелает и Д[обровольческая] ар[мия], когда узнает про вашу политическую «ориентацию». Должен сказать, что на этом основана некоторая моя надежда, что скорее рано, чем поздно – наши дороги опять сойдутся и что Д[обровольческая] а[рмия], если она сумеет сохранить нейтралитет по отношению к немцам, еще сможет, если не теперь, то в дальнейшей стадии, послужить созданию государственности в центре, *независимо от союзников*. Для этой цели, главным образом, я считаю нужным, во всяком случае, поддерживать контакт между людьми двух «ориентаций». От германцев, конечно, ничего, *как милость*, получить нельзя, но не надо рассчитывать и на милость союзников. Надо самим о себе заботиться и понимать, что цель у нас одна, а применение средств есть вопрос тактический, а не принципиальный. М.М. В[инавер] уже писал вам, чтобы вы приостановили дальнейшие осуждения киевских товарищей. Желал бы, чтобы эта любезность была распространена и на меня. Если мы будем кричать, что партия развалилась и что ее не существует, то это будет плохая услуга партии. Так же плохо было бы заниматься теперь отлучениями за несоблюдение партийной дисциплины. Будем лучше считать, что партия ищет единой правды разными путями, а какой путь лучше, никому знать не дано: это покажет история. Она же распределит и венцы – лавровые и терновые; об этом заботиться не стоит. М.М. В[инавер] занимался здесь тем, что очень тщательно мыл свои руки: занятие тоже, по-моему, праздное. Усердно призываю вас к сохранению спокойствия духа, особенно необходимого нам при невероятной сложности создавшегося положения. Могу, в целях вашего успокоения, прибавить одно: настоящий момент, несомненно, благоприятен для принятия Германией того положения, при котором мы могли бы обеспечить себе и пересмотр Брестского договора, и нейтралитет. Но факторы, сделавшие положение особенно неблагоприятным в последние недели, ежедневно меняются. Трудно представить, когда последует желаемый мною поворот, уже подготовляемый германской печатью разных оттенков. Но вероятности этого поворота отрицать нельзя. Она увеличится, если уничтожим *психологические* препятствия для восприятия в благоприятный момент моего плана. Только в этих пределах мне пока и нужны «развязанные руки».

Все-таки, несмотря ни на что, искренно вам преданный «изменник и предатель».

28 июня – 11 июля

Утром пришел Догель (бывший консультант М[инистерства] ин[остранных] д[ел]) и сообщил, что существует объединение пяти групп: 1) украинская громада (русски настроенные интеллигенты), 2) казаки, 3) духовенство, 4) хлеборобы (помещики и крестьяне) и 5) правые (не группа Безака, не крайние. Он называет Коношенко), – они хотят со мной переговорить. Догель сообщает, под впечатлением личным и семьи, что левое движение против немцев очень сильно, что осенью начнут ожидать урожай, что возможно широко организованное восстание. Его вывод: надо убедить германцев, что кокетничать с социалистами для них же опасно. Рассказ о Мумме, который будто бы говорил в одном доме, что германцы должны считаться с партиями, которые выгоднее для них, и именно таковы социалисты, а не буржуазные партии. Он боится, что их ухаживания за социалистами в связи с их поддержкой большевиков усилятся и что на этой почве возможен министерский кризис. В правых кругах говорится о возможности создания Добров[ольческой] армии на Украине. Я указываю, что это лучше сделать, когда выяснится, какая часть армии Алексеева не пойдет на Дон.

Приходит кн[язь] Тенишев, болтает долго о причинах революции. (Он написал очерк, основанный на незнании фактов, и полный обвинений против инициаторов. Мои сообщения его сбивают с толку: признает, что был неправ.) М[ежду] пр[очим] рассказывает, что у них в Орле вселена в квартиру некая Случ-де-ла-Терриер, комиссар народного здравия, называющая себя дочерью русского генерала, убитого бомбой с аэроплана, и итальянки. Много врет. Но, между прочим, рассказала 6–19 июня следующее: Она была в Москве, посетила графиню Брасову[186] (которую называет Наташа) *и лично видела* в[еликого] к[нязя] Мих[аила] Ал[ександровича] в больнице (Рукавишникова? или что-то в этом роде), где ему делали операцию аппендицита. Газетные известия о побеге из Перми будто бы выдуманы нарочно, ч[то]б[ы] замести следы.

Александровский[187] (думский, занимается здесь спекуляциями) рассказывал ему, что германцы предъявят ультиматум большевикам, требующий разрешения прийти в Москву и поддержать их, т. к. они слишком слабы, чтобы удержать порядок и безопасность. Тот же источник сообщает о сношениях гетмана с Мих[аилом] Ал[ександрови]чем. (Из другого источника, который считается достоверным, узнаю, что каждую неделю от гетмана к Мих[аилу] Ал[ександрови]чу в *Сибирь* посылается курьер.)

У В.Д. Набокова. Он завтракал со старым коллегой по правлению Алапаевских рудников, последним наказным атаманом Граббе[188], родственником Лейхтенбергских, который и остановился у Николая Лейхтенбергского. Граббе сообщил ему, что скоро будет приступлено к образованию особой Добровольческой армии в Харьковской губ[ернии], вне пределов собственно Украины. Через 3 месяца рассчитывают собрать 30 000, которые и пойдут на Великороссию, в период снятия урожая, ч[то]б[ы] прийти с хлебом. Командование предполагается поручить Личицкому. Вспоминаю по этому поводу, что и Haase проговорился, что Москву будет освобождать Добровольческая армия: очевидно, не Алексеевская, к которой он относится отрицательно. Иг[орь] Пл[атонович] Демидов, еще вскоре по приезде, говорил мне, что правые слышали о проекте создания плацдарма для похода на Москву, на севере Черниговской губернии. (Еще на Дону я слышал, что Добров[ольческой] армии предлагают освобождать Москву *через Киев.*)

Поездка в яхт-клуб с партийными друзьями. Крупнов, м[ежду] пр[очим], рассказывает, что у Лейхтенбергского был разговор с Муммом. Мумм говорил ему, что надо создать мощную Россию. Спрошенный, как это надо понимать, Мумм ответил: в смысле создания армии для борьбы с большевиками. Его спросили, не придется ли этой армии сражаться с чехословаками? Он ответил: к сожалению. Мы этого опасаемся. (Это мне напоминает разговор Гаазе с Василенко, перед первым разговором со мной о том, что нужно создать сильную Россию и что они для создания армии дадут нам инструкторов. Тенишев от Александровского слышал о разногласии Гинденбурга с кронпринцем: первый хочет восстановить Россию лишь по окончании войны, а второй — теперь же, немедленно.)

29 июня/12 июля

Приходит утром Архангельский, который едет к М[ихаилу] В[асильеви]чу Алексееву. Ставлю вопросы: 1. Порвала ли формально Д[обровольческая] армия с германцами? И объявила ли официально свою союзническую ориентацию? Думает ли это сделать и когда? 2. Если да, то какие отношения с правительством Краснова, не застрянет ли она на Кубани? Как относится к Левому центру? Выясняю, что при ее ориентации ниоткуда, кроме союзников, она средств не получит. Пойдет ли она на Волгу вся или расколется? Арх[ангельский] сообщает, что числа 7—9 издано германцами распоряжение: 1. Не возбраняется офицерам бывшей русской армии жить на территории Украины, если они не будут вредить интересам Украины и

гетмана. 2. Офицеры, которые будут вредить интересам Украины и гетмана или придерживаться явной союзнической ориентации, будут арестованы. 3. Вербовка в Добровольческую армию [с] помощью бюро или воззваний не допускается. Агенты этой армии будут арестовываться.

10 июля, после издания этого распоряжения, было опечатано бюро Юго-Восточного союза и арестованы члены комиссариата этого союза (комиссариат создался в период восстановления всяких явочных организаций); этим прекращены все функции комиссариата, который под видом жителей станиц переправлял на Дон офицеров и их семьи, для которых составлялись бесплатные поезда. Теперь запись в эти эшелоны фактически тоже прекратилась.

В управлении Украинского штаба получено запрещение выдавать разрешение на выезд офицерам на Дон, — словом, распоряжение проведено по всей линии.

Я рассказал Арх[ангельско]му о состоянии московских организаций, о невозможности для Добр[овольческой] а[рмии], при ее настоящей ориентации, получить средства откуда бы то ни было, кроме союзников, повторил свое мнение об ошибочности решения Д[обровольческой] а[рмии] идти на Волгу, указал на опасность междоусобного столкновения в будущем.

Приехал Мандельштам из Харькова: в общем, на моей точке зрения. У них, в Харькове, говорят, что на новую Добровольческую армию германцы ассигновали пять миллионов, из которых 250 тысяч отпущено. Он слышал и о том, что намечен Личицкий в «диктаторы».

30 июня–13 июля.

Рассказ Титова[189]

Когда Н.М. Кишкин был выпущен из Петропавловки (февраль), это совпало с переездом в М[оскву] ЦК меньшевиков, с. р. и нар[одных] соц[иалистов]. Наши нар[одные] соц[иалисты] решили собраться с представит[елями] ЦК и с. р. для сговора о совместн[ых] действиях. Отн[осительно] с. р. мы дали понять, что с Черновым[190] не хотим встречаться. В ЦК скорее большинство на стор[оне] Чернова, но верхи партии (президиум Учред[ительного] собр[ания]) — более правые (Авксентьев[191], Руднев[192], Зензинов[193], Гоц[194] (в Петрогр[аде]), Каварский[195] (скорее цент[ральный] ком[мунист]), Фундаминский[196] (прав[ый]), Моисенко[197], кое-кто из молодых). Тимофеев[198], Русанов[199] за границей, Минор[200] тоже собирается. С. р. г[ово]рят, что для них в той или иной форме необходимо сохранение Учред[ительного] собрания. Мы ответили, что *всего* Учр[едительного] собр[ания]

собрать нельзя, в нем $^1/_7$ людей, его отрицающих: это будет охвостье. Теперь настроение изменилось, и они законодательствовать не могут. Они соглашались, им трудно т[олько] отрешиться от мысли, и они цеплялись за минимум: хотя бы на несколько заседаний, для утверждения коалиц[ионного] правительства. Мы восстали: никакого прокламирования, сошлись на половинчатости: они треб[овали] *формально*, а мы согласились, *если тотчас же разойдется* и не будет законодательствовать. Гарантия – на чьей стороне сила. Лев[ые] с. р. и больш[евики] исключались. (*Набоков*. Кто помешал бы им явиться? – Они отрицают: больш[евики] могли бы их исключить.)

Переговоры с ЦК к. д. выяснили, что они считают невозможным возвращение Учр[едительного] собр[ания]. У нас общие т[очки] зрения в смысле конструкции власти, постепенности ее создания, этапов и главное – восстанов[ление] органов самоупр[авления]: сначала *назначенные* управы. В пункте об Учред[ительном] собрании – раскол, и общ[его] собрания нельзя устранить. Переговоры офиц[иально] были прерваны, но у отдельных участн[иков] возникла мысль, что это *форм[альное]* препятствие в решении Ц[ентральных] к[омите]тов. Мы решили (Авксентьев и Кишкин) соединиться персонально в союз (потом «Возрож[дение] России»), чтобы независимо от партийности осуществить общую задачу. После нескольких совещаний, затянувшихся, ибо за каждым стояла группа (мы, н. с. *прямо б[ыли] делегирован[ы]*; от к. д. Кишкин, Астров, Щепкин и Шаховской[201]; первые три и в Правом центре, от с. р. – после отказа ЦК, *не б[ыл] информирован – только отдельные члены, с ведома презид[иума] Учр[едительного] соб[рания]* – Авксентьев, Аргунов[202] – приглашен ген[ерал] Болдырев[203], предложен Кишкиным и Авксентьевым (команд[ующий] 5 армией, отвел войска от Риги, проф[ессор] Академии и боевой генерал; процесс и лиш[ение] гражд[анских] прав большевиками и по нездор[овью] освобожден одновр[еменно] с Кишк[иным], человек *очень широких* взглядов и знающий, беспартийный на границе н. с. и к. д.), наш Лев[ый] центр принял определ[енную] платформу (считает: воссозд[ание] Р[усского] г[осуда]рства, воссоед[инение] отторгнутых областей в тесном един[ении] с союзниками, чтобы вели борьбу прот[ив] Германии. Всеобщее равное голосование; и новая власть должна опираться *на органы* местного самоупр[авления] и, с освоб[ождением] от врага, собрать Учр[едительное] собр[ание], которое определит форму госуд[арственной] жизни. Потом мы вступили в сношения с Правым центром: 1) Астр[ов], Щепк[и]н, Степ[анов], Новгор[одцев] – от к. д. «персонально», «отконспирированы». 2) Торг[ово]-промышл[енники] с Кривошеиным, Голяшкин[204],

Червен-Водали[205], Федоров[206]. 3) Общ[ественные] деятели: Гурко, Леонтьев, Д.М. Щепкин[207], Вырубов[208], кн[язь] Е.Трубецкой, Струве[209]. Союзники все время старались информироваться, главным образом, французы (новый консул военной миссии Гренар[210]), с другой стороны, англичане и американцы отчасти с большевиками (капитан Sadoul[211] [–] друг Троцкого, Robbins[212] и Lockhart[213], бывший кон[сул]). Lavergne[214], начальник военной миссии, под влиянием Sadoul'я; это задерживало снош[ения] с нами. Союзники находили, что надо воссоздавать Россию, предлаг[али] ден[ежные] средства, но мы уклонялись. Потом решили, что собств[енных] сил не хватит на воссозд[ание] р[усской] армии, по плану Болдырева – *в защищен[ном] тылу* союзническими десантами. Вопр[ос] о десанте подвергся обсуждению: предварительно выяснили отнош[ение] Правого центра. Столковались вполне о необх[одимости] воссозд[ания] России, борьбы с немцами и большевиками. Но разошлись в отношении к народовластию. Они считали, что в наст[оящее] время т[олько] твердая и единолич[ная] власть, военная диктатура и монархия. Сомневались во всеобщ[ем] избир[ательном] праве, требовали поправок, ч[то]б[ы] безграм[отная] толпа не получила большинства. Тут мы не сошлись, но решили остаться в контакте с *разными* организациями. Прав[ый] центр, через Маклакова, уже получил запрос, как относ[иться] к десанту. Гурко и Кривошеин резко *против*. Другие защищают. Большинство *за* своевременность и предупреждали об опасности. Мы в своем документе указывали на то, в каких рамках мыслим десант: 1) Не *т[олько]* японцы, ввиду недоверия к Японии, а значит, силе американцев, которым поручить охрану ж[елезных] д[орог]. 2) Одновр[еменно] с этим десант *на севере*. 3) Если поможет восстановл[ению] фронта, можно начать формирование Добровольч[еской] армии, – потом принудит[ельно] – для возобновл[ения] борьбы с союзниками. 4) Доста-т[очно] гарантировать заверения, что союзники не посягают на цену террит[ориального] и суверенного права народа. Мы были уверены, что свергнуть большевиков можем *сами*. Население уже настроено против них и понимает, что под *чьим-то игом* должно быть (с союзн[ическими] армиями в тылу). Одновр[еменно] с нотой нашей послал и Правый центр. Через продолж[ительное] время пришел ответ Маклакова: возник[ли] трудности с посылкой других отрядов, кроме японских; отн[осительно] искренности Японии м[ожно] б[ыть] уверенным: они примут меры отн[осительно] продовольствия. *Нам* долго не давали ответа. Гренар предлагал деньги, мы воспользовались суммами для формиров[ания] армии. Страна разделена на области и началось формиров[ание] кадров. Скоро оказалось, что союзники

ведут себя странно, ведя одновременно переговоры и с с. р., и с Черновым, — и с большевиками. У них было желание поддерживать организации по отдельности (организ[ации] Савинкова *вне* центров; указывал на свою связь с Донской организацией, совпадал с нами платформой, но не хотел войти лично). С Правым центром сносились, но их генерал (Цехович) там говорил о десанте соверш[енно] иначе. Выяснилось, что за спиной отд[ельных] членов Прав[ого] центра Кривошеин ведет переговоры с немцами. Вначале были сильные голоса, чтобы обратиться к немцам, но потом, когда промыш[ленники] увидали истощение Германии, явилось представление, что немцы возьмут все сырье. Образовалось течение противоположное, и промышленники (около месяца назад) раскололись. Мирбах, или его эмиссар, сообщил Чичерину[215] о существовании военной организации, направленной против немцев. Был дан список офицеров с адресами. Сразу увидали, что это — против большевиков. Больш[евики] *арестовали* офицеров (в т[ом] ч[исле] Виленкина[216]), челов[ек] 50 расстреляли: одно из разветвлений савинк[овской] организации. Савинков тогда решил, что Москву занимать не стоит, а надо эвакуир[оваться] на восток. Выдал ген[ерал] Довгарт[217], нач[альник] воор[уженных] сил Правого центра. Мы попросили выяснить полож[ение] в Правом центре: выяснилось, что ряд лиц находит, что от союзников ничего не дождешься, а немцы могут много дать, свергнуть большевиков, восстановить суд, думу, банки. Кривош[еин] вел переговоры с Мирб[ахом]. Назначен срок, сперва 2 июня, а потом 14—16 июня. Переодетые немец[кие] военнопленные свергнут; потом русская власть, подderж[анная] русским офицерством. Осеклись на офицерах, которые уклонились. Дело б[ыло] отложено, но это стало известно. Голоса в Прав[ом] ц[ентре] разделились почти пополам: на 1—2 голоса большинство за скрытую немецкую ориентацию — к. д. ушли; через неск[олько] часов собрались в другом составе, вошли Шипов[218], Четвериков[219], Третьяков[220] — расширили и восстановили Прав[ый] центр (дня за 2 до моего отъезда). Не получая долго ответа от союзников и заметив их отношения с Савинковым, мы решили прервать с ними денежные отношения, ибо они мялись относительно предоставления намеченных средств, не решались отдать преимущество *одной* группе, предлагали соединиться, наконец, сообщили вербальную ноту. (Сообщена в нескольких *разных* текстах и с. р.)

[Вербальная нота]

Все заставл[яет] думать, что вмеш[ательство] союзников произойдет очень скоро. Еще до конца июня мы получили самые точные сведения. Союзники торжественно гарантируют полную непри-

косновенность русской территории. Тот факт, что японская армия, готовая уже в феврале, до сих пор ожидала переговоров союзников, чтобы выступить, доказывает с несомненностью солидарность японцев с союзниками. Союзниками предприняты весьма крупные меры, чтобы с самого начала, наряду с военной помощью, была бы оказана в самом широком размере экономическая помощь, и они постараются содействовать продовольствию России*, так много страданий перенесшей за время войны. Союзники непреклонно решили совершенно не вмешиваться во внутренние русские дела. Они всегда будут оказывать поддержку временному, а потом и постоянному правительству, вне зависимости от каких бы то ни было соображений о форме правления этого правительства, если только оно будет правительством порядка и будет соответствовать национальным чаяниям русского народа. Принцип невмешательства во внутреннюю политику означает, что союзники не связывают себя теперь ни с какой русской политической партией и что никогда во время дальнейшего развития событий союзники не будут оказывать давления на Россию в пользу устройства той или иной формы правления. Некоторые трусливые политические деятели, быть может, предполагают, что временное соглашение с немцами, под влиянием временных материальных обстоятельств, очень тяжелых для Центральной России, с задней мыслью потом вернуться к союзникам, не есть измена. Французское правительство самым категорическим образом отклоняет этот взгляд и всегда сумеет обличить тех, кто в этот момент несчастья остались верными союзникам, от тех, которые от них отреклись во имя временных выгод. В настоящее время самым нормальным путем для придания новой власти законного основания является, по-видимому, следующий: чисто формальное собрание на 2 или 3 заседания Учредительного собрания без его большевистских членов, в каком-нибудь городе Восточной России, чтобы дать санкции власти временной, но сильной и способной к действию, как, напр[имер], военной диктатуре или триумвирату. Когда эта власть будет создана, Учредительное собрание должно объявить себя распущенным. Впоследствии, по освобождении русской территории и возвращении страны к нормальной жизни, временная власть должна созвать на новых основаниях собрание (assemblée**), которое должно высказаться по поводу окончательного правительства России. Если в Москве существуют сомнения, то в провинции между партиями с. р. и к. д. существует согласие между собой.

---

* Так в тексте.

** собрание (франц.).

Когда мы узнали решение германоф[ильской] части взять власть, через неделю мы решили, что нам, нечего делать, надо перейти к обсуждению вопроса о форме власти. Социалисты выставили, вместо единоличной диктатуры – триумвират: наметили кандидатов, – военное лицо, к. д. и социалист госуд[арственного] толка. Должны присоединиться к нашей платформе. Когда стали называть, оказались многие отсутствующими. К ним решено послать и выяснить их взгляды. Назывались П.Н. Милюков (членами нар[одных] социалистов), но мы не знали, *где* он и *как* смотрит. Явился ген[ерал] Казанович от Алексеева, от него мы узнали, что П.Н. М[илюков] в Ростове. Второе лицо [–] В.Д. Набоков (разговор происх[одит] при нем). Военная – Алексеев, Колчак[221] и Болдырев (указывали еще Кишкина, Астрова Н.И., который ужасно противился и просил поставить последним). Наш план – мы выбрали временно трех, ч[то]б[ы] проехать в Сибирь и переговорить с правительством. Президиум Учр[едительного] собр[ания] тоже послал в Сибирь своих делегатов, в т[ом] ч[исле] много членов Союза возрождения. В.А. Степанов д[олжен] б[ыл] поехать *не на север: мы его задержали.* Последние события опять все перепутали. Немцы и германофилы были страшно возмущены (после конференции), что к. д. не хотят входить в правительство; поэтому немцы не желают идти в Москву. После конф[еренции] было заседание районных представителей и студ[енческой] фракции – заарестованы. Засада: явился Волков – отпустили. Говорили, что «немцы потребовали». Говорили, что собираются арестовать н. с., правых с. р. У Мануйлова и Новгородцева обыски, то же у Астрова. Был у Алексеева. Встретил сочув[ственное] отнош[ение] и жалобы, что Москва не помогает (Кривош[еин] удерживал: терроризирован большевиками). От Мих[аила] Вас[ильевича Алексеева] узнал, что вы изменили вашу т[очку] зр[ения].

Титов рисует интер[есную] картину господства большевиков в Москве. Бюрократизм и взяточничество. Одинаково жалование номинальное и прибавки. Отсутствие людей: «все мошенники, никому верить нельзя», – говорил Ленин Ганшину, приглашая его [–] «буржуя» в Совет нар[одного] хозяйства. Открытый разврат, езда на автомобилях (последний бензин). Они издали из материалов охранных отделений том о большевиках: биографии, провокаторство и т. д. Средние и мелкие большевики спасаются в виде миссий за границу. Отправка целыми эшелонами. Семья Троцкого уезжает в Америку. «Все-таки мы продержались столько месяцев, сколько Парижская коммуна недель». Союзники бесцеремонно рассчитывают только как на военную помощь. Их отчитал Мякотин[222].

Б.А. Татищев[223], приехавший из Петрограда, рассказывает, м[ежду] пр[очим], историю сношений Кривошеина и Нольде с германцами. Еще в феврале с *русской* стороны была сделана попытка войти в контакт с Мирбахом, но получился ответ, что момент для переговоров неблагоприятный. Потом, после Брестского мира, германцы сами дали понять, что теперь – момент благоприятный. Группа Кривошеина решила не делать авансов и не выставлять требований, а выслушать, что скажут германцы. Сами они сперва составили программу, где в деталях обсуждались такие вопросы, как «сохранение православной церкви в Литве».

Татищев заметил, что это детали, и усомнился, составлял ли программу Нольде. Нольде сказал ему при встрече, что это больше для самих себя. Для немцев решили наметить 3 главных линии: 1. Независимость г[осуда]рства. 2. Объединение и 3. Пересмотр Брестского мира. Герм[анцы] сказали, что они совершенно сочувствуют всему этому, но предпочли бы, чтобы русские *сами* свергли большевиков. (Это говорилось около 3 июля н. ст.) Они готовы дать пулеметы, всячески поддерживать, но инициатива чтобы была русская. Отвечено, что у нас сил нет. Татищев видел секретаря Brewer'a (англич[анин]), к[ото]рый ему г[ово]рил, что помощь с востока повлечет за собой рост русских сил, как boule de neige*, не признавая, что это – операция второстепенная, вроде Салоникской. Татищев возражал, что Россия не м[ожет] воевать и что если союзникам нужно это для *своих* целей, то так и надо говорить.

В.Д. Набоков, идя к гр[афу] Альвенслебену за пропуском в Москву, застал там брата А.В. Косиковской[224], который, стало быть, продолжает переговоры с германцами и после своего возвращения из Добров[ольческой] армии, по его словам, очень «бодро» настроенной и произведшей на него прекрасное впечатление.

«Frankfurter Zeitung»[225], *1 Mai*
Deutschlans Ukraine Politik
Von Dr. jur. Paul Schiemann**
II статья
Ссылка на меня:

«Während offiziell trotz aller Hetzreden der Sowjetleute die unnatürliche Freundschaft mit Lenin aufrechterhalten wurde, knüpfte man in Kiew mit den grossrussischen Flüchtlingen an. Wie Miljukow einem

---

* снежный ком (франц.).

** Германская политика в отношении Украины. Доктор юрид. наук Пауль Шиман.

holländischen Interviewer mitteilte, hat ihm der Leiter der deutschen Heerespolitik in Kiew, *Major Hasse*, die Bereitwilligkeit Deutschlands, einen Wiederanschluss der Ukraine an Russland zu fördern, zugesichert. Als der Vertreter des Auswärtigen Amts Herr *von Mumm* die Ausweisung Miljukows aus Kiew durchsetzte, war es bereits zu spät, das Vertrauen der massgebenden nationalen Parteien im Lande war verloren»*.

«Frankfurter Zeitung», *25 Juni*

Noch einmal «Deutschlands Ukrainepolitik»

Wir erhalten folgende Zuschrift:

Unter Bezugnahme auf meinen Artikel in № 322 vom 1 Mai der «F[rankfurter] Z[eitung]», über Deutschlands Ukrainepolitik ist mir von Herrn Major Hasse ein Schreiben zugegangen durch das die bisher auf Grund des bekannten Miljukowschen Interviews verbreitete Ansicht über die Stellung der deutschen Heeresleitung zu den ukrainischen Selbständigkeitsbestrebungen in ein anderes Licht gerückt wird. Herr Major Hasse stellt zunächst fest, dass er nicht der «Leiter» der deutschen Heerespolitik war. Er hat lediglich in seiner Eigenschaft als Nachrichtenoffizier im Auftrage seiner vorgesetzten Behörde ein unverbindliches Gespräch mit Herrn Miljukow, der ihn *zuerst* aufgesucht hat, geführt, das einen rein informatorischen Zweck verfolgte. Bei diesem Gespräch forderte Miljukow den rückhaltlosen Verzicht auf den Brester Frieden und die völlige Wiederherstellung des alten Russland, eventuell mit Ausnahme Polands. Im weiteren zitiere ich die Darstellung des Herrn Major Hasse:

Ich fragte, ob er unter dem Verzicht auf die Randstaatenpolitik auch die Aufgabe der deutschen Ukrainepolitik verstehe und fügte gleich hinzu, dass ich es für ausgeschlossen hielte, dass sich unsere massgebenden Stellen zur Aufgabe einer sebständigen Ukraine bereit finden würden. Nunmehr erklärte Herr Miljukow, dass die Selbständigkeit der Ukraine ein Punkt sei (im Gegensatz zur sonstigen Rundstaatenfrage),

---

* «Хотя официально, несмотря на все погромные речи советских людей, сохраняется неестественная дружба с Лениным, в Киеве входят в контакт с беженцами из России. Как сообщил Милюков одному голландскому интервьюеру, руководитель германской военной политики в Киеве, майор Гассе, гарантировал ему готовность Германии способствовать воссоединению Украины с Россией. Когда представитель Министерства иностранных дел господин фон Мумм осуществил высылку Милюкова из Киева, было уже поздно, доверие влиятельных национальных партий в стране было утрачено».

über den sich sprechen liesse. Er halte eine Einigung über die Anerkennung einer selbständigen Ukraine für möglich, wenn man auch über den Grad der Autonomie streiten werde.

Auf Grund eines Berichtes über diese Besprechung entschied die O[berste] H[eeres]l[eitung], dass in Rücksicht auf die Forderungen des Herrn M[iljukow] *keine* Verhandlungen mit ihm aufzunehmen seien. Diesen Bescheid teilte ich Herrn Miljukow mit.

Es ist wohl nicht an der Zeit, im gegenwärtigen Augenblick weiter auf die Schuld oder Nichtschuld der deutschen Politik in der Ukrainefrage näher einzugehen. Von dauernden Interesse ist aber die Mitteilung des Herrn Miljukow; der zu Konzessionen gerade in den Ukrainefragen geneigt gewesen ist, eine Konzession, die man wohl als ein Bekenntniss zum föderativen Russland auffassen muss. Um so merkwürdiger erscheint es aber, dass Herr Miljukow nicht zu gleichen Zugeständnissen in Bezug auf die anderen Randstaaten bereit gewesen ist, denn es darf wohl keinem Zweifel unterliegen, dass die Entschlossenheit zur Unabhängigkeit bei den Finnen, Esten, Letten und Litauern eine sehr viel ausgespochenere als bei den Ukrainern ist. Und wenn Herr Miljukow der Meinung sein sollte, dass diese Gebiete sich jemals wieder auf den Provinzstatus zurückschrauben liessen, so befindet er sich in einem Irrtum, der der Politik des antibolschewistischen Russlands nicht günstig sein kann.

Zum Schluss stelle ich noch fest, dass Herr Major Hasse ausdrücklich gegen die Behauptung protestiert, das deutsche Oberkommando habe bei dem Petljuraaufstande die verfügbaren Truppen der verlorenen Sache des Hetmans zur Verfügung gestellt. Dies widerspreche durchaus den Tatsachen. Das Oberkommando hat von vornherein den Hetman nicht darüber im Zweifel gelassen, dass er die Folgen seiner grossrussischen Schwenkung, zu der er durch die Entente gedrängt wurde, selbst tragen müsse und bei entstehenden Schwierigkeiten nicht auf die Unterstützung des Oberkommandes rechnen dürfte. Als diese Schwierigkeiten sodann eintraten, blieb das Oberkommando durchaus neutral und ging sogar darin weit, dass die deutsche Schutzwache, die am Hetmanpalast stand, zurückgezogen wurde*.

---

* Еще раз «Германская политика в отношении Украины»

Мы получили следующее письмо:

Со ссылкой на мою статью в №322 от 1 мая газеты «Франкфуртер Цайтунг» по поводу политики Германии на Украине мною было получено официальное

Из речи рейхсканцлера Гертлинга[226] *в рейстаге 11 июля* – место о востоке и России

Nun wird es die Herren interessieren, wie sich von diesem Standpunkt aus gewisse Probleme darstellen, die die Gegenwart uns aufdrängt.

письмо от господина майора Гассе, с учетом которого в ином свете предстает позиция германского военного командования в отношении стремления Украины к самостоятельности, чем это до сего времени имело место в связи с известным милюковским интервью. Господин майор Гассе прежде всего констатирует, что он не являлся «руководителем» германской военной политики. В качестве офицера разведки он, по поручению вышестоящих инстанций, провел ни к чему не обязывающий разговор с господином Милюковым, который первым его посетил, причем разговор преследовал чисто информационные цели. При этом разговоре Милюков требовал безоговорочного отказа от Брестского мира и полного восстановления старой России, возможно, за исключением Польши. Далее я цитирую изложение господина майора Гассе:

Я спросил, не понимает ли он под отказом от политики, признающей существование окраинных государств, также и германскую политику на Украине и тут же заметил, что считаю исключенным положение, при котором наши руководящие инстанции окажутся готовыми к решению задач независимой Украины. Тогда господин Милюков заявил, что самостоятельность Украины является пунктом (в противоположность к вопросу об иных окраинных государствах), по поводу которого следует вести разговор. Он считает возможным признать самостоятельность Украины, хотя и остается спорным вопрос о границах автономии.

На основе полученных сведений о состоявшемся обмене мнений верховное главнокомандование решило, с учетом требований господина Милюкова, не вступать с ним ни в какие переговоры. Это решение я сообщил господину Милюкову.

Сейчас, в настоящий момент, не время подробнее выяснять вину германской политики или отсутствие оной, в украинском вопросе. Однако значительного интереса заслуживает сообщение господина Милюкова, который склонен к уступкам как раз в украинском вопросе, уступкам, которые можно понимать как признание федеративной России. Но тем более странным выглядит то, что господин Милюков не готов к подобным уступкам в отношении других окраинных государств, т. к. не подлежит сомнению, что решимость добиться независимости среди финнов, эстонцев, латышей и литовцев более решительно выражена, чем у украинцев. И если господин Милюков придерживается мнения, что эти области снова позволят низвести себя до статуса провинции, то он пребывает в заблуждении, которое не может быть выгодно для политики антибольшевистской России.

В заключение я еще раз констатирую, что господин майор Гассе категорически протестует против утверждения, будто германское верховное командование предоставило в ходе восстания Петлюры имеющиеся в наличии части в распоряжение проигравшего борьбу гетмана. Это совершенно противоречило бы фактам. Верховное командование изначально поставило гетмана в известность, что он сам должен нести ответственность за последствия своего поворота в сторону России, к которому его подталкивала Антанта, и не может рассчитывать в случае возникших трудностей на поддержку верховного командования. Если эти трудности возникнут, верховное командование сохранит полную нейтральность и даже пойдет на то, чтобы отозвать германский караул, находящийся во дворце гетмана.

Es haben über diese Fragen am 1. und 2. Juli im Grossen Hauptquartier unter dem Vorsitz Seiner Majestät des Kaisers eingehende Besprechungen stattgefunden. Ich kann natürlich nur ganz allgemein die Richtlinien hier angeben, die damals festgestellt wurden. Also zunächst bezüglich des Ostens. Meine Herren! Wir stehen auf dem Boden des Friedens von Brest-Litowsk und wollen diesen Frieden in loyaler Weise ausgeführt sehen. Das ist der Wille der deutschen Reichsleitung und darin wird sie unterstützt von der Obersten Heeresleitung. Aber, meine Herren, die Schwierigkeit der Ausführung des Friedens von Brest-Litowsk liegt nicht auf unserer Seite, sondern diese Schwierigkeit liegt darin, dass – wie Sie wissen – die Verhältnisse in Russland noch so ausserordentlich unsicher sind. Wir sind geneigt, meine Herren, an die Loyalität der gegenwärtigen russischen Regierung uns gegenüber zu glauben; wir sind insbesondere geneigt, an die Loyalität des Vertreters der russischen Regierung hier in Berlin zu glauben. Aber meine Herren, wir werden nicht so unbedingt annehmen dürfen und können, dass die gegenwärtige russische Regierung auch die Macht hat, die uns gegebenen loyalen Zusagen überall durchzuführen. Wir wollen durchaus der jetzigen russischen Regierung keine Schwierigkeiten machen, wir stellen uns auf den loyalen Boden des Friedens von Brest-Litowsk und tun, was wir können, um diesen Frieden auszuführen. Aber wie die Zustände sind, meine Herren, gibt es unaufhörliche Übergriffe dieser oder jener kleinen Heeresgruppe. Aber ich wiederhole, unser Prinzip ist: wir stehen auf dem Boden des Friedens von Brest-Litowsk, und wir wollen den Frieden loyal ausführen, wir wollen mit der gegenwärtigen Regierung loyal verhandeln. Sie alle, meine Herren, stehen noch unter dem Eindruck des furchtbaren Verbrechens in Moskau, des Attentats, das an unserem Gestandten dort verübt worden ist – eine völkerrechtswidrige Tat, wie sie ärger nicht zum Himmel schreien kann. Alle Spuren deuten darauf hin, dass die fluchwürdige Tat auf Anregung der Entente geschehen ist, um uns mit der jetzigen russischen Regierung neuerdings in Krieg zu verwickeln – ein Zustand, den wir auf das eifrigste vermeiden wollen; wir wollen keinen neuen Krieg mit Russland. Die jetzige russische Regierung will den Frieden und braucht den Frieden, und in dieser friedensgeneigten Absicht unterstützen wir sie. Auf der anderen Seite, meine Herren, ist ja auch wahr, dass sehr verschiedenartige politische Strömungen durch das russische Reich hindurchgehen, Bestrebungen der verschiedensten Art: monarchische Be-

strebungen, Bestrebungen der Kadettenpartei, Bestrebungen der sogenannten Rechten Sozialrevolutionäre usw. Meine Herren, ich sage: Wir stehen so, dass wir loyal mit der jetzigen russischen Regierung verhandeln, dass wir nichts unternehmen, was die russische Regierung in ihrer Stellung schädigen könnte, dass wir aber unsere Ohren und unsere Augen offenhalten, um uns nicht durch eine plötzliche Umwandlung der dortigen Verhältnisse ins Unrecht setzen zu lassen, überraschen zu lassen. Ich kann nur an das Wort erinnern, das einmal Gortschakoff[227] gesprochen hat: Wir sind stumm, aber wir sind nicht taub. Wir lassen uns mit gar keinen politischen Gegenströmungen ein; aber wir horchen aufmerksan, wohin die Richtung in Russland geht. Das ist der Standpunkt, den ich einnehme, das ist der Standpunkt, über den auch bei den Besprechungen am 2. Juli im Grossen Hauptquartier die vollste Klarheit und das vollste Einverständnis zwischen allen Beteiligten erzielt worden ist. Ich kann sagen, dass der Herr Staatssekretär v[on] Kühlmann, der selbst bei diesen Besprechungen nicht anwesend war – das Auswärtige Amt war aber vertreten durch den Ihnen wohlbekannten Herren v[on] Rosenberg[228], der ja der Gefährte und die sachverständige Stütze des Herrn v[on] Kühlmann in Brest-Litowsk und in Bukarest gewesen ist – mit diesem Standpunkt vollkommen einverstanden gewesen ist, und dass die Oberste Heeresleitung diesem Standpunkt ebenso vollkommen beigetreten ist. Über Einzelheiten kann im Einzelfalle da oder dort eine Meinungsverschiedenheit auftreten, aber die Grundlinie ist die, die ich eben gezeichnet habe*.

---

* Теперь господ интересует, что собой представляют, исходя из этой точки зрения, известные проблемы, которые выдвинулись в нынешней обстановке. По этим вопросам 1 и 2 июля состоялось подробное обсуждение в главной ставке под председательством его величества кайзера. Я могу, естественно, сообщить здесь только о самых общих руководящих указаниях, которые были тогда даны. Прежде всего относительно востока. Господа! Мы стоим на почве Брест-Литовского мира и хотим условия этого мира претворить в жизнь лояльным образом. Это желание руководства Германской империи, и в этом его поддерживает верховное командование. Но, господа, сложность выполнения условий Брест-Литовского мира связана не с нами, эти трудности связаны с тем, что – как Вы знаете – отношения в России все еще чрезвычайно нестабильны. Мы склоняемся, господа, к выводу о лояльности нынешнего русского правительства по отношению к нам; и особенно о лояльности представителей русского правительства здесь, в Берлине. Однако, господа, нам не позволено и мы не может так безоговорочно согласиться с тем, что теперешнее русское правительство имеет власть, чтобы повсеместно выпол-

Отзыв «Vorwärts»[229] *(12 июля)*

Die Rede des Grafen Hertling konnte unter den gegebenen Umständen diese Klarheit nicht bringen, denn zu diesem Zweck hätte der Reichskanzler noch viel weiter gehen müssen als Kühlmann in jener Rede, wegen der er davongejagt worden ist. Er hat von einer loyalen Durchführung des Brester Friedens gesprochen, ist aber von Scheide-

---

нить данные нам обязательства. Мы отнюдь не хотим создать для нынешнего русского правительства какие-либо трудности, мы ставим себя на лояльную почву Брест-Литовского мира и делаем, что можем, чтобы выполнить условия этого мира. Но обстоятельства таковы, господа, что имеются бесконечные осложнения. бесконечные трения в пограничных областях, бесконечные нападения тех или иных небольших воинских соединений. Но я повторяю, наш принцип неизменен: мы стоим на почве Брест-Литовского мира и мы хотим лояльно выполнить условия мира, мы хотим вести с теперешним правительством лояльные переговоры. Вы все, господа, находитесь еще под впечатлением ужасного преступления в Москве, покушения, которое было совершено там на нашего посланника – действие, противоречащее международному праву, как бы оно в гневе и ни взывает к возмездию. Все следы указывают на то, что преступление, достойное проклятий, совершено по указанию Антанты, чтобы втянуть нас снова в войну с нынешним русским правительством – состояние, которое мы особенно усердно стремимся избежать; мы не хотим никакой новой войны с Россией. Теперешнее русское правительство хочет мира и нуждается в мире, и в этом миролюбивом настрое мы поддерживаем его. С другой стороны, господа, также верно и то, что в русском государстве действуют различного рода политические течения, стремления самого различного толка: монархические стремления, стремления кадетской партии, стремления так называемых правых социал-революционеров и т. д. Господа, я спрашиваю: мы настаиваем на том, что мы лояльно ведем переговоры с нынешним русским правительством, что мы ничего не предпринимаем, что могло бы повредить позиции русского правительства, но мы держим наши уши и глаза открытыми, чтобы не допустить ситуации, когда бы с нами поступили несправедливо из-за внезапного изменения российских отношений, и не позволим застать нас врасплох. Я могу только вспомнить о словах, которые однажды произнес Горчаков: «Мы немы, но мы не глухи». Мы не связываем себя ни с каким другим политическим оппозиционным течением; но мы внимательно прислушиваемся, в каком направлении движется Россия. Это точка зрения, которой я придерживаюсь. точка зрения, в отношении которой во время обсуждения 2 июля в верховной ставке была достигнута полнейшая ясность и полнейшее единодушие среди всех участников. Я могу сказать, что господин государственный секретарь фон Кюльман, который сам не присутствовал на этих обсуждениях – Министерство иностранных дел было представлено хорошо Вам известным господином фон Розенбергом, который был знающим свое дело соратником и опорой господина фон Кюльмана в Брест-Литовске и в Бухаресте – с этой точкой зрения совершенно согласен и что верховное командование присоединилось к этой точке зрения. По поводу деталей в отдельных случаях могут обнаружиться расхождения мнений, но основными принципами являются те, которые я только что обрисовал.

mann[230] gleich auf die Vorgänge in Estland und Livland festgenagelt worden – ganz abgesehen davon, dass uns nicht die «loyale Durchführung», sondern nur der Abbau der Brester Verträge dem wirklichen Frieden in Ost und West bald näher bringen könnte*.

Отзыв «Berliner Tageblatt» *(12 июля)*
(из передовицы Вольфа[231]: T.W.)

Graf Hertling hat dann von Russland gesprochen, und das war in seinem Vortrage der zweite wichtige Teil. Auch da war er sehr ausführlich – von einer auffallenden, mancherlei Gedanken nahelegenden Ausführlichkeit. Er sagte, dass wir keinen neuen Krieg mit Russland wollen, dass es aber «unaufhörliche Verwickelungen, unaufhörliche Reibungen an den Grenzgebieten, unaufhörliche Übergriffe dieser oder jener kleinen Heeresgruppe gibt». Man hat die Empfindung, dass das ein wenig nach Pulver riecht. Der Herr Reichskanzler erklärte, wir würden uns nicht durch eine plötzliche Umwandlung der Verhältnisse in Russland überraschen lassen, und die jetzige «russische Regierung», die den Frieden wolle und brauche, sei bedauerlicherweise schwach. Er zitierte ein Wort Gortschakows: «Wir sind stumm, aber wir sind nicht taub». Alles in allem: es ist nicht ganz ausgeschlossen, dass sich in Russland Neues begeben wird. Niemand wäre allzusehr überrascht**.

---

* Речь графа Гертлинга в данных обстоятельствах не могла внести ясность, т. к. для этого рейхсканцлер должен был бы пойти намного дальше, чем Кюльман в той речи, из-за которой он был изгнан. Он говорил о лояльном выполнении условий Брестского мира, но Шейдеман отметил противоречия, указав на события в Эстляндии и Лифляндии – закрывая глаза на то, что нас скорее могло бы приблизить к действительному миру на Востоке и Западе не «лояльное выполнение условий», а лишь аннулирование Брестских договоров.

** Граф Гертлинг затем говорил о России, и это в его докладе было второй важной частью. Он также излагал ее очень подробно, причем эта была необычная подробность, наводящая на некоторые размышления. Он сказал, что мы не хотим никакой новой войны с Россией, что, однако, имеются «бесконечные осложнения, бесконечные трения в пограничных областях, бесконечные нападения тех или иных небольших воинских соединений». Возникает ощущение, что слегка пахнет порохом. Господин рейхсканцлер заявил, мы не позволим застать нас врасплох из-за неожиданных изменений в российских отношениях, и нынешнее русское правительство, которое хочет мира и нуждается в мире, к сожалению слабо. Он цитировал слова Горчакова: «Мы немы, но мы не глухи». В общем и целом: совершенно не исключено, что в России случится нечто новое. Никто не будет слишком поражен.

Отзыв Georg Bernhard[232] в «Vossische Zeitung» *(12 июля)*
Статья: «Die alte Politik»

Wie hier immer und immer auch nachdrücklich wieder betont worden ist, hängt die Möglichkeit, die Friedenswilligkeit der Gegner zu erzwingen und gemeinsame Interressen zwischen Deutschland und einem Teil seiner jetzigen Gegner für den Verhandlungstisch zu schaffen, im wesentlichen in der vernünftigen Neuregelung unseres Verhältnisses zu Russland. Der Friede von Brest-Litowsk ist der Angelpunkt unserer ganzen zukünftigen Orientierung. Der Kanzler hat ausführlich über ihn gesprochen. Er hat mehrfach betont, dass wir bereit sind, ihn loyal durchzuführen. Das war unseres Erachtens nicht sonderlich geschickt. Denn Deutschland braucht normalerweise so etwas nicht zu betonen. Aber darüber, ob und in welchem Umfange und mit welchen Mächten innerhalb Russlands wir bereit wären, Verhandlungen über die Revision des Friedensvertrages zu führen, hat sich der Kanzler nur in sehr auslegungsfähigen Worten geäussert. Und dabei ist es für die Beurteilung seiner Politik und der Politik des zukünftigen Staatssekretärs natürlich am allerwichtigsten gerade über diesem Punkt Ausschluss zu erhalten.

An diese Erklärung des Kanzlers knüpfte denn auch vielfach die Kritik der Abgeordneten an. Aber für die ganze Sinnesrichtung des Deutschen Reichstages in aussenpolitischen Fragen war besonders bemerkenswert, was der Abgeordnete Scheidemann dazu zu sagen für gut befand. Für ihn erschöpfte sich die Kritik an dem deutschen Verhalten in Russland im wesentlichen in einer Kritik der aufreizenden Behandlung der russischen Randvölker durch Deutschland. Nun ist natürlich die Behandlung, die den Randvölkern widerfährt, durchaus nicht unwichtig. Denn gerade wenn man auf dem Standpukt steht, dass diese Randvölker hinterhin in enge Beziehungen zu Deutschland treten sollen, so gibt es nicht Falscheres, als deren Stimmung gegenüber Deutschland zu verderben. Aber es fragt sich ja eben, ob man denn überhaupt noch von diesem Standpunkt aus die auswärtige öffentliche Politik Deutschlands beurteilen darf. Wenn man wirksame Vorbereitungen für den Verhandlungstisch schaffen, und ebenso, wenn man sich wirksam für den eventualen Fall vorbereiten will, den Krieg gegen England noch lange führen zu müssen, dann kommt es auf das Verhältnis Deutschlands zu Russland, nicht aber zu den russischen Randvölkern an. Erst durch die Regelung des deutschen Verhältnisses zu Russland kann das Schicksal der Rand-

völker endgültig bestimmt werden. Und wie dieses Verhältnis zu Russland neu geschaffen und und wann diese Neuschaffung in Angriff genommen werden soll, das sind die Angelpunkte der zukünftigen Politik. Aber das hat man im Reichstag nicht betont, um diese wichtigste Frage haben sich die Abgeordneten wieder nicht gekümmert. Deshalb sind sie zufrieden gewesen, als der Reichskanzler erklärte, es werde die alte Politik fort getrieben.

Und deshalb bleibt als Ausklang der beiden Verhandlungstage im Hauptausschuss nur die eine Hoffnung, das der neue Staatssekretär vom Kanzler die Einwillung zu einer besseren Politik finden wird, als sie der Reichstag verlangt*.

---

* Как здесь все более и более настоятельно подчеркивалось, возможность принудить противников к миролюбию и создать общую заинтересованность Германии и части ее нынешних противников в проведении переговоров зависит, по существу, от разумного урегулирования наших отношений с Россией. Брест-Литовский мир является исходным пунктом всей нашей будущей ориентации. Канцлер подробно говорил о нем. Он многократно подчеркнул, что мы готовы лояльно выполнять его условия. По нашему мнению, это не особенно удачно, поскольку Германии обычно не нужно что-либо подобное подчеркивать. Но по поводу того, готовы ли мы и в какой степени и с какими силами внутри России вести переговоры относительно пересмотра мирного договора, канцлер высказался в духе комментария. А при этом для оценки его политики и политики будущего государственного секретаря, естественно, наиболее важно получить разъяснение как раз по этому пункту.

С этим разъяснением канцлера связана также во многом критика депутатов. Однако для всего настроя германского рейхстага по внешнеполитическим вопросам особенно характерно то, что счел нужным сказать депутат Шейдеман. Для него критика германского поведения в России, по существу, исчерпана критикой вызывающего обращения Германии с народами на русских окраинах. Безусловно, обращение, которое испытали на себе народы русских окраин, вовсе немаловажно. Поскольку если стоишь на позиции, что эти народы русских окраин должны впоследствии вступить в тесные отношения с Германией, тогда нет ничего более ошибочного, чем испортить их отношение к Германии. Однако возникает вопрос, можно ли вообще, исходя из этой точки зрения, оценивать восточную политику Германии. Если провести эффективную подготовительную работу для переговоров, а также если предполагается эффективно подготовиться на возможный случай, если война с Англией еще долго продлится, тогда речь зайдет об отношении Германии к России, но не к народам, проживающим на русских окраинах. Только путем урегулирования германского отношения к России можно окончательно определить судьбу народов окраин. И основными звеньями будущей политики должны быть вопросы: как изменить отношение к России и когда приступят к этой корректировке. Однако это в рейхстаге не отмечалось и этот важный вопрос вновь не беспокоит депутатов. Поэтому они остались довольны, когда рейхсканцлер заявил, что и в дальнейшем будет проводиться старая политика.

Рассказ Н.Н. Львова о В.Н. Львове[233].

22 или 23 августа 1917 [года] брат В[ладимир] вызвал меня по телефону в «Нац[иональную] гост[иницу]» в Москве. Когда я приехал, он обратился ко мне с заявлением, что у него есть формальное предложение от Керенского о составе нового правит[ельства], причем он просил меня взять на себя переговоры с рядом обществ[енных] деятелей и не отказался бы лично вступить. Керенский видит свое полож[ение] безнадежным, опоры в левых не может иметь, а правые круги, к[ото]р[ые] поддерживают правительство и, в лице офиц[еров] и юнкеров, спасли положение, отказываются нести эту службу. Правит[ельству] необходимо получить полную поддержку со стороны воен[ных] властей, каковая не была бы дана правительству настоящего состава. С этими предложениями он имеет поручение ехать в ставку к ген[ералу] Корнилову.

Через неск[олько] дней после этого я получаю, через одного офицера, записку рукой брата: «Ген[ерал] Корнилов очень просит тебя и Родзянку» и др. приехать в ставку (опред[еленная] дата). Если бы он не был убежден, что поручение дано, как он втягивал бы меня? — несомненно, он был убежден и действовал bone fide*. Н. <фамилия нрзб.> продиктовал Львову: «Корнилов *настаивает*».

Оптимизм Н.Н. Львова относит[ельно] Добр[овольческой] армии. Она развернется в значит[ельную] силу *еще на Кубани*. Н.Н. Львов говорит о 200 000! Все едины и дружны.

2/15 июля

Утром приходят представители офицеров Харькова и Ростова (Тимофеев, из группы Всеволожского, автор того воззвания, которое я раскритиковал, читал в Ростове, но отрекающийся от Всеволожского), Москвы (начальник уголовной полиции Маршалок), из Киева (что-то вроде Велгонского). Полтора м[еся]ца назад Всеволожский вошел в сношение с германцами на предмет разрешения формировать особый офицерский отряд с монархической ориентацией. Еще ранее, во время похода на Екатеринодар, Тимофеев, принимавший в этом походе участие, разговаривал с офицерами на ту тему, что союзники втравили Корнилова в поход (после моих возражений поправляет: в образование Добровольческой армии) *преждевременно*, не дав переболеть краю большевистской болезнью. Он уве-

---

Поэтому в качестве итога двух дней переговоров в главной комиссии осталась лишь надежда, что новый государственный секретарь получит от канцлера согласие на проведение лучшей политики, нежели та, которую требует рейхстаг.

* вполне искренне; честно, добросовестно (лат.).

рен, что многие офицеры не последуют за армией на Волгу. Из Ростова они послали представителей группы по городам, из Киева по городам Украины, и убеждены, что они могут иметь до 40 тысяч офицеров. В Ростове германцы предлагали им устроить плацдарм для образования армии в Донской области. Но они сами предлагают устроить плацдарм в Курской губернии (таким образом, это идея не немцев, а группы Тимофеева). Германцы готовы дать им сколько угодно денег и вооружения: для похода на Москву с целью восстановления монархии. Но с киевскими монархистами Тимофеев сговориться не мог: убежден, что у них ничего нет. Отрицательно относится к группе Безака. Между прочим, германцы сообщили ему, что герц[ог] Лейхтенбергский едет с поручением к Краснову, по-видимому, [речь идет] о каком-то специальном употреблении Донской армии (против чехословаков?). От ответа на это поручение будет зависеть многое. Дня четыре назад Тимофеев приехал сюда и имел разговор с майором Ярошем[234]. Он изложил ему свою точку зрения, что для успеха предприятия нужно, чтобы во главе стали видные общественные деятели. Обо мне он, по-видимому, разговаривал предварительно со многими: с митр[ополитом] Антонием[235] (который сперва выразил недоверие, а потом поощрил), с Мандельштамом, который потребовал моего *премьерства* и привел их ко мне. Назвал и Ярошу, который ответил: «Кадетам мы не доверяем, а Милюкову в особенности». На это последовало надлежащее возражение, и Ярош не возражал. Но он спросил: «а как вы думаете о Брестском договоре?» На это Тим[офеев] (и другие) ответили: «Это не наше дело, мы люди военные и этого ничего не знаем: пусть судят об этом политики». Тим[офеев] спросил меня, как я отношусь к более правым и могу ли ввести их в комбинацию.

Я ответил на все это, что раньше, чем становиться во главе какой-либо группы, я должен иметь от германцев гарантии, что они согласны на полный пересмотр Брестского договора. Операция против Москвы важна, но она есть лишь *частность* общего плана, ибо мы должны знать, что мы и монархия будем делать в Москве.

Тим[офеев] уверен, что германцы будут вынуждены идти на переговоры, т. к. положение их здесь очень трудное, что они даже поговаривают об уходе. За Ростовом и Батайском они роют окопы. Тим[офеев] убежден также, что большая часть Добров[ольческой] армии пойдет к ним, а не на Волгу. Германцы относятся враждебно к Алексееву, Деникину и Романовскому. Группа Тим[офеева] думает поставить во главе своей армии Личицкого (опять, значит, это *не* мысль германцев, а мысль, ими усвоенная). Если германцы не сго-

ворятся с ними (до сих пор они не связаны, хотя немцы и поселили их вместе с собой в Континент[альном] отеле). Тогда они бросят предприятие, но все равно, ряд офицеров тогда пойдет на Москву или хотя бы на немцев тут (?), вообще в какое-нибудь активное предприятие. Их силы тогда будут истрачены непроизводительно. На мой вопрос, кем покрываются их предварительные расходы, Тим[офеев] ответил как на заподазривание, что они куплены немцами, и с негодованием отрицал. На нем-де старый пиджак, в котором он бежал, и он не может устроить свою жену из-за безденежья. Опасность общения с людьми, как Завойко[236], Добринский, Всеволожский они понимают и знают про слухи, которые про них распускаются: они всячески отгораживаются от них.

Они передадут разговоры со мной немцам в том смысле, что без *пересмотра* Брест[ского] договора видных людей получить нельзя. Затем попросят немцев обратиться прямо к этим людям и позовут меня. О результате сообщать.

Мандельштам хочет тут играть ту же роль и сообщил мне о глубоком уважении ко мне вел[икого] князя Андрея Владимировича[237] после разговора моего с вел[иким] князем Мих[аилом] Александровичем. Это — его кандидат в регенты.

3–16 июля

Приходил молодой Савицкий[238], с которым я познакомился в Христиании у Гулькевича[239], и рассказал, между прочим, «из вполне достоверных источников», что германцы довольны Лизогубом, но не довольны гетманом за его подчеркивание самостийности Украины. Они-де теперь считают, что нужно поддерживать единую Россию, а ее отношения к Украине — вопрос второстепенный.

Вечером обычное заседание с министрами. Василенко сообщает мне приватно, что через Беркгейма[240] получено требование из Берлина о моей высылке. Лизогуб просит выехать куда-нибудь поблизости, например, в Чернигов, на время. Григорович-Барский требует обсуждения вопроса. Я говорю, что надо подчиниться и не производить шума, который может только повредить моему делу, которое, видимо, начинает налаживаться. Требование о высылке — остаток стареющей ориентации, которая скоро уступит место новой. Демидов не согласен и заявляет, что мой отъезд автоматически вызовет шум и создаст положение, при котором партия не сможет остаться безразличной. Главный комитет может переменить точку зрения; дело может дойти до выхода министров. Зеньковский соглашается, что это может вызвать кабинетный вопрос и требует обсуждения. Гутник,

поддерживая меня, рассказывает свой разговор с финансистом (очевидно, Мельхиором), который три дня назад вернулся из Берлина. Теперь Мельхиор уж не повторяет старых своих опасений, что восстановление монархии пробудит воинственный дух в России. Он признает, что официальная точка зрения на Россию теперь сохраняется лишь формально и что, рядом с ней, поднимается очень сильное новое течение, которое стоит за *пересмотр* Брестского договора и за создание добрых отношений в будущем путем усиления России и ее объединения. Много содействовало этому разочарование, испытанное германцами в Украине, – разочарование, как они признают, обоюдное. Нельзя держаться среди 35 миллионов недовольных. Повторить эту авантюру с Москвой они не хотят, и на этом держится их старое отношение к советскому правительству. Гутник замечает, что в данном случае германцам не понадобится применять новую военную силу, т. к. северная Россия уже изжила большевизм. Им нужно только *перестать поддерживать* власть, которая только и держится их признанием и поддержание которой «Россия никогда им не простит». На кого при этом опираться? Гутник определенно говорит: на деловых людей, т. е. на кадетскую партию. Мельхиор подтверждает: когда они приехали в Берлин, то в кругах рейхстага на них прежде всего напали за *кадетский* характер министерства. Они ответили: дайте нам других деловых людей, кроме к. д., и мы пойдем с ними, – в неделовитости украинцев мы убедились. Гутник продолжает: в крестьянстве вы не встретите поддержки. Крестьянские волнения вызываются вовсе не национальным движением, которого в деревне вовсе нет, а идеями даровой раздачи земли и т. д. Можно опираться *только* на буржуазию и интеллигенцию, *т. е.* на кадетов. Все это, по впечатлению Гутника, произвело заметное впечатление на Мельхиора.

Василенко вчера заговорил у гетмана с Гаазе, который, видимо, хотел начать серьезный разговор: он успел лишь сказать, что в политике события движутся очень медленно, как подошел Шишманов и стал говорить о моем враждебном отношении к Украине.

4–17 июля

Утром посещение Гутника, Зеньковского и Д.Н. Григоровича-Барского. Вчера ночью мой инцидент принял характер министерского конфликта. Лизогуб, во втором часу ночи, поставил на обсуждение Совета министров письмо к нему гетмана следующего содержания. Гетман напоминает, что Милюков еще находится в Киеве и сообщает, что в Берлине удивлены, что человек, высказывающийся за объединение России, может оставаться в Киеве. Он настаивает на

том, чтобы «завтра же» Милюков выехал в Крым или в место, какое выберет. Затем началось обсуждение. Два министра соглашались с гетманом: Дорошенко, все еще обиженный, что я у него не был, и Бутенко[241]. Двое молчали – Василенко и Кистяковский. Остальные высказались против и, некоторые, очень резко: Гутник и Зеньковский. Говорил против и Чубинский, предупредив, что он не к. д., хотя и был таковым. Было сообщено в прениях, что Штейнгель писал о своем разговоре с Бушем[242], который выразил ему недоумение, как можно терпеть в Киеве Милюкова, который высказывается против Брестского договора, хочет его *полного* пересмотра и стоит за объединение России. Штейнгель прибавляет: вам понятно, с каким тяжелым чувством я выслушал это. Гутник дал понять, что отъезд Милюкова есть обида для всей партии, члены которой после этого должны поставить вопрос об уместности своего пребывания в кабинете (он сказал это не прямо, но прозрачно). Он прибавил, что собственно ведь германцы *сами* обратились к Милюкову; пусть они его и высылают. Лизогуб считал все-таки необходимым добровольный отъезд Милюкова. Но Гутник заметил, что это не устраняет необходимости для других членов партии, министров, поднять вопрос об отъезде. В конце концов было решено (хотя не голосовано), что сегодня Лизогуб выскажет гетману, что Совет министров был крайне удивлен его письмом и просит его пересмотреть свое решение, для которого не находит оснований. Гутник и Зеньковский оба полагают, что мне теперь не следует уезжать добровольно, а ждать действий; для них же, в случае моего вынужденного отъезда, становится неизбежным уход из правительства. К сожалению, прибавил Гутник, кажется, уйдут только они двое. Впрочем, решительно возражал против высылки также Ржепецкий. Молчал т[олько] Василенко, а Гутник рассказал, что он лично пробовал устроить свидание с Муммом. Я рассказал им мои разговоры с Hasse (не Haase), чтобы дать материал для утверждения, что не я искал германцев, поскольку речь идет о военном командовании.

4–17 июля

Получена бумага: Директор департамента Державноі Варти М.В.С. м. Киев <пропуск> июль 1918 р.

Директор Департамента Державной Варты Министерства внутренних дел Петр Александрович Аккерман[243] просит Господина Павла Николаевича Милюкова пожаловать для переговоров завтра 18 се-го июля, от 10 ч[ас]. утра до 2 ч[ас]. дня в Департамент, Александровская ул., Мариинский дворец, правый флигель.

Нет ни подписи, ни числа, ни печати.

Сообщаю об этой бумаге Григоровичу-Барскому для передачи министрам.

Поздно ночью, от 12 до 1 часу телефонные звонки от Зеньковского, из заседания Совета министров, и из Министерства внутренних дел. Меня вызывают из совещания с группой Гуревича. Зеньковский просит разрешения рассказать то, что я им утром говорил про переговоры с германцами. Разрешаю. Директор Департамента извиняется. «Бумага послана без моего ведома, это со мной случается в первый раз. Извините, что делать? Порядки в ведомстве не налажены». Потом, помолчавши, продолжает: «Дело в том, что от высшего начальства я получил сперва одно распоряжение, а потом другое, прямо противоположное. Приношу извинение, бумага послана не мной».

5–18 июля

Утром приходят Григ[орович]-Барский и Вернадский и рассказывают. Вчера сообщили Лизогубу о посланной мне повестке. Он взволновался, пошел справляться, оказалось, что она послана без ведома Аккермана (как он утверждал) и что посылались противоречивые приказания относ[ительно] меня. Мысль о свидании с Лизогубом министрам понравилась. Ржепецкий выразился, что какой-то пакостник получил власть и упражняет ее на мне.

Разговор Лизогуба с гетманом был короткий. Скоропадский пожелал сам услышать мнения министров о моей высылке. По окончании других дел после полуночи, в его присутствии, состоялся обмен мнений, продолжавшийся два с половиной часа. Против меня высказался т[олько] Бутенко, но гораздо мягче, чем прежде: он заявлял, что собственно министры – не настоящие кадеты (ибо кадеты д[олжны] стоять на т[очке] зр[ения] единства России). Возражал также Палтов, пришедший вместо Дорошенко, ушедшего от этой части заседания; но возражения Палтова имели характер перерывов и восклицаний с места. Очень хорошо и горячо говорили Зеньковский и Гутник, давшие картину положения и показавшие нелепость меры. Нарушил на этот раз молчание Василенко, признавший, что, конечно, у присутствующих есть чувства по отношению к России и к русской культуре, но это не мешает работать на пользу Украины. Таким образом, разговор расширился с личного вопроса обо мне до принципиального. Лизогуб высказался с неожиданной твердостью, упомянул, что сам был кадетом (записался в один из районов и вышел после 3 июля), высказал определенное отношение ко мне. Гетман, который все время молчал, поблагодарил за искренность высказанных мнений (оговорившись, что «недомыслия» – термин, упот-

ребленный Зеньковским, – у него не было), раскланялся перед интеллигентностью партии и передо мной, но заявил, что мнения своего изменить не может. Выразил удивление, каким образом его письмо, посланное МВД *для исполнения*, могло стать предметом обсуждения в Совете министров. Лизогуб ответил, что кабинет солидарен и что он не считал возможным скрыть в таком вопросе от кабинета письмо, адресованное *лично* к нему. Гетман заявил, м[ежду] пр[очим], что если министр внутр[енних] д[ел] затрудняется, то он может прибегнуть к услугам министра военного, начальника штаба, послав ко мне с предложением в мягкой форме. Прощание с гетманом было довольно сухое. Министры решили переговорить между собой о последствиях этого разговора в 8 ч[ас]., а в 6 [час.] назначить совещание со мной у Барского. На них заседание произвело впечатление подготовленного конфликта, корни которого – глубже, чем вопрос обо мне. Василенко в заседании заговорил о возможных последствиях конфликта, указав, что в результате его может на короткое время появится у власти министерство «щирых» украинцев, но затем власть перейдет к правым. Гетман, по его словам, может опереться лишь на группы от к. д. и *правее*. Социалисты-федералисты – против власти гетмана, чему имеются фактические доказательства (в этом месте речи Вас[илен]ко гетман встрепенулся). По-видимому, мнение министров (и Вернадского), что на этой почве конфликт *нужно принять* и готовиться к уходу из министерства, если гетман не уступит – ибо это борьба вообще против к. д. По-моему такой уход в такой момент и по принципиально-кадетскому поводу выгоднее, чем дальнейшее дискредитирование к. д. [–] министрами не к[а]д[етами], поставленными в трудное положение. Уход сохранит к. д. для близкого будущего, когда в них почувствуют действительную надобность. По нек[ото]р[ым] слухам, у гетмана уже есть готовый список министров. Агитация, будто бы, направлена против Василенко, на которого украинцы негодуют за его последние меры в области высшей школы (спасение университета Св. Владимира от украинизации).

Вечером заседание у Григ[оровича]-Барского с министрами – Василенком, Зеньковским, Гутником и Ржепецким. Зеньковский находит, что теперь от кабинетного вопроса не уйдешь и что уход к. д. своевременен, ибо иначе, все равно, их удалят впоследствии при менее благоприятных обстоятельствах. Василенко, напротив, полагает, что вопрос расширили сами к. д., «подняв разговор о партии вообще», и что, в «сущности, ничего особенного не случилось». В 4 часа утра, после второй бессонной ночи, все устали, а теперь отдохнули и

подумали: начинать конфликта не следует, чтобы не сыграть в руку противников. В их среде речь идет о назначении Игоря Кистяковского мин[истром] вн[утренних] дел, вместо Пащенко – директор его департамента – <пропуск фамилии>, вместо Колокольцова – Чикаленко[244] (старик), вм[есто] Соколовского – Никоцкий и т. д. Другие к. д. пока остаются: все рассчитано на *постепенную* замену. Ржепецкий, повторяя тезисы своей речи, говорит: суть дела в том, что гетман боится Милюкова по четырем причинам: 1) М[илюков] может сговориться с германцами против самостийности, 2) может настроить в том же смысле интеллигенцию, которая уже начала мириться с положением, 3) настроить так же кадетскую партию и 4) самих министров. Письмо гетман написал потому, что его неоднократные просьбы к Василенко об отъезде М[илюкова] не оказали действия. Ржепецкий против министерского кризиса, ибо тогда господство перейдет к социалистам и Украина погибнет. Инцидент со мной мог бы кончиться тем, что я заявил бы, что я живу в Киеве как частный человек. Это была и его позиция, когда он утверждал, что я никакой агитации не веду. Я ответил, что такое объяснение, во-первых, ничего не изменит, во-вторых, было бы лицемерным, ибо нельзя отрицать, что во всех указанных четырех направлениях я могу иметь влияние, как общественный деятель и член партии. Ржепецкий, волнуясь, выводит: «Значит, гетман был прав, опасаясь вас?» Я отвечаю: «Да, отчасти он был прав, но он должен опасаться не меня, а тех настроений, которые *помимо меня* действуют против украинской самостийности и среди германцев, и среди интеллигенции, кадетов и министров. Я же, наоборот, смягчаю, и мое удаление усилит эти настроения». Предлагаю Василенко по окончании кризиса разъезжать по разным городам, числясь *формально* в Киеве, что устранит и волнение среди партии, ибо «высылки» не будет.

Гутник, приехавший позже, рассказывает свои новые разговоры с Мельхиором. В германских кругах ничего не знают о министерском кризисе и не хотят перемен, а относительно инцидента с Милюковым Мельхиор отрицает влияние Берлина и говорит, что за *форму*, принятую вопросом, они не ответственны. Гутник выводит, что все было подстроено заранее, также и из того, что на докладе у гетмана, когда он попутно сказал, что не знает, будет ли министром, гетман сказал ему, что нет никаких поводов так говорить и что милюковский вопрос с конфликтом не связан, а дело тут *совсем в другом*. Конфликта нельзя смягчить, потому что инцидент Милюкова перешел уже в инцидент Лизогуба, который, вероятно, вечером заявит о своем выходе. Это сделает неизбежным и выход к. д.

Василенко, который уезжал во время спора и вновь вернулся, подчеркивает, что кампания направлена против него и вовсе не изъявляет желания сдаваться, полагаясь, видимо, на личное доверие к нему гетмана. Инцидентом надо воспользоваться, чтобы удалить Дорошенко и Бутенко, убедить Лизогуба остаться *только* председателем Совета министров и найти на [должность] мин[истра] вн[утренних] дел и продовольствия своих людей. Мое предложение – уехать *после* кризиса, формально оставаясь в Киеве, видимо, его интересует.

Я особенно настаиваю, чтобы не уходили отдельно Зеньковский и Гутник, а «равнялись бы по Василенке». Иначе нам придется открыть пальбу по оставшимся. Нельзя также удалить Лизогуба, принявшего нашу сторону.

Никаких решений после этого обмена мыслей не принимается, но общее настроение: *самим* кризиса не создавать и не ускорять.

7–20 июля

Утром пришел Григорович-Барский, которому Зеньковский рассказал о вчерашнем совещании с Лизогубом. Кадетов спросили, что они решили на вчерашнем совещании со мной? Они ответили, что не хотят раздувать вопроса. Зеньковский тоже, по моему совету, «равнялся по Василенке». Выяснено было, что гетман тоже не хочет конфликта и лишь обижен резкими выражениями Зеньковского и Гутника (которых, однако, Палтов не мог припомнить). Наши сказали, что я никоим образом не хочу вкладывать палки в колеса министерству, но хотел бы своему отъезду придать приличный вид – не «высылки», чтобы не раздразнить партию. Лизогуб заявил, после всех разговоров, что он все-таки уходит, потому что считает, что премьер *должен* быть председателем Совета министров и что они коренным образом расходятся с гетманом во всем: где один видит белое, другой видит черное. Инцидент Милюкова и некорректное обращение к нему гетмана есть лишь последняя капля. Он предлагает товарищам указать ему, кого ему назвать гетману в качестве своего заместителя. В ответ все уговаривали Лизогуба остаться и не вызвать общего кризиса. Вопрос окончательно выяснится сегодня при докладах Лизогуба и Зеньковского у гетмана.

Приход Яснопольского[245] от Ржепецкого – не то с намеком, что я должен помочь правительству отъездом, не то, что он, Р[жепецкий], выйдет из партии.

Приехал Бурышкин[246] из Москвы. Он – в Совете прежнего Правого центра. Сюда едет кн[язь] Гр[игорий] Ник[олаевич] Трубец-

кой с официальными поручениями от Центра ко мне, он же случайный собеседник и информатор.

Спрашивали об отношениях с германцами. У них впечатление более благоприятное. Неделю назад Ритцлер[247] обращался с предложением завести формальные переговоры об освобождении Москвы *русскими* силами. Для этого, по мнению Ритцлера, достаточно очень небольшого отряда, какой мог бы быть набран из остатков военной группы Правого центра. Подробные переговоры до отъезда Бурышкина еще не начались. Кандидат Правого центра — Михаил Александрович, и они очень озабочены его отсутствием, причем местопребывание его (быть может, около Вологды) неизвестно. Освободили его французы и гарантировали ему пребывание во Франции. Если бы он не пошел на ориентацию Правого центра, который целиком разделяет его кандидатуру, то пришлось бы побудить его вовсе уйти из русских дел, прежде чем перестраиваться на другого кандидата. Пересмотр Брестского договора, по-видимому, и московская группа считает необходимым условием, но Бурышкин об этом ничего не знает. Против меня у Щепкина и у Н.И. Астрова очень сильное настроение. По-видимому, Астров едет в Сибирь. Слабость военных сил советской власти обнаружилась при восстании с[оциалистов-] р[еволюционер]ов[248], которое *могло* бы удастся, если бы было успешно в самом начале. *Против* были т[олько] китайцы, главная поддержка совета; часть эстонцев, латышей и солдаты в случае удачи примкнули бы или бы остались нейтральны. Левые окрылены успехами чехословаков и серьезной удачей с[оциалистов-]р[еволюционер]ов в Ярославле, где происходил кровопролитный бой и большевики истреблялись беспощадно. Убийство Мирбаха вызвало в Москве общее приподнятое настроение. Несколько германских эшелонов (тысяч 5—6) в русских шинелях, несомненно, отправлены на Волгу. Как участник Городского союза Б[урышкин] знает документально, что выдавалось обмундирование. Перед отъездом он слышал, что на Новинском Бульваре видели германскую часть. Отказ Ленина — отвод глаз.

Вечером во время заседания с донскими делегатами (Вилков и Зеленский), приехавшими для выяснения своих недоумений, вызванных «послом» от Москвы Асмоловым (утверждал, что Правого центра вообще нет, а есть «Союз национальной обороны», в котором очень выдвинулся Струве), появился германский начальник полевой полиции, спросил имена и намеревался произвести личный обыск. Объявил при этом, что я не подлежу личному обыску. Затем, в особой комнате, заставил Демидова прочесть и объяснить ему протокол

совещания (прилагается*), в котором обратил особое внимание на резюме моих двух речей и протелефонировал по телефону некоторые места, в том числе отмеченное им карандашом место о том, что «с японцами мы не получим единства, а получим нового эксплуататора». Затем вышел к собравшимся, объявил, что это частное собрание, которое не нуждается в разрешении, а Крупнову, хозяину квартиры, сказал, что был введен в заблуждение и что «набьет морду» напугавшему служащему. Состав присутствия [на] г. Resident des Obergerichts** произвел, видимо, должное впечатление.

На Дону колебания к. д., ввиду *нового* факта обещанной японцами помощи и настроения Добровольческой армии. Если будет «Восточный фронт», то Донская область может своего «нейтралитета» не выдержать.

Отвечаю: 1) факт японской помощи для нас не нов, 2) помощь придет нескоро и может оказаться недостаточной, 3) судьба континентальной войны решится на главном театре, а второстепенный имеет лишь служебное значение, 4) в результате прихода японской помощи может получиться длительное разделение России и ее усиленная эксплуатация с двух сторон, 5) т[аким] обр[азом], главная цель – объединение России и немедленное создание госуд[арственного] аппарата – может не быть достигнута.

Возражения Винавера: 1) германская эксплуатация гораздо опаснее японской, которая будет поставлена в рамки союзниками, 2) мы кладем гирю на весы всемирной войны, 3) мы возбудим ненависть народа. Отвечаю: герм[анская] эксплуатация *уже* есть факт; мы не имеем свободного выбора, а можем т[олько] приобрести одного лишнего эксплуататора. Лучше за герм[анскую] эксплуатацию, которая неизбежна, приобрести германскую помощь по восстановлению государства, что *им* же нужно и для целей эксплуатации. Выбор только – между оккупацией и эксплуатацией нас, на манер Марокко или Месопотамии, – и созданием государства, к[ото]рое введет эксплуатацию в пределы и положит ей хронологич[еские] границы.

Что кас[ается] идеи федерации Украины с Доном, многие (Чолганский, Мандельштам, Гр[игорович]-Барский, Крупнов), защищают, гл[авным] обр[азом], в местных интересах, усиление русского элемента, Я против – предпочитаю выждать близкого момента создания единства. *Форма* единства не предрешена заявлением Красно-

---

* В материалах не оказалось. – *Прим. авт.*

** представителя Верховного суда (нем.).

ва, на которое особенно нападает Шелухин. Но федерация с Украиной (без права выйти) подчинит Дон взглядам Украины на Сов[етскую] Россию, т. е. исключит возможность дальнейшего федерирования. Нельзя, как говорит Чолганский, представить себе, что объединение будет равноправное и что 3 штата из 4-х (Дон, Кубань, Крым) продиктуют свою волю четвертому (Украине). Наоборот, Украина с 35 млн. населения продиктует свою волю трем другим частям с 6–7 миллионами, ибо будет иметь больше голосов в союзном совете. А в органе общего народного представительства воля частей окончательно потонет. Цель ускорения федерации – окончание спора о границах, без чего нельзя начать правильного внутр[еннего] устройства Дона и обложения и т. д. Донцы вообще не склонны идти на федерацию.

8–21 июля

Утром совещание с министрами у Гр[игоровича]-Барского. Мой личный вопрос решен в моем смысле: никто меня не высылает, а по окончании кризиса, в начале будущей недели, я выезжаю, чтобы устранить затруднения для товарищей (или моя версия: по личным делам). Министры завтра устраивают мне прощальный завтрак. Гутник теперь уже передает в той форме, что на отъезде настаивают германцы. Гр.Н. Глинка передает слышанную им мотивировку: «потому, что мне не верят». В публике идут какие-то разговоры об «американских» деньгах.

Главный предмет беседы – министерский кризис, который переносится на другой вопрос: уход Лизогуба из-за разногласия с гетманом и из-за нежелания уйти из Министерства вн[утренних] дел. Гетман просил к. д. указать кандидатов. Об Игоре Кистяковском он самого низкого мнения, назвал его «прохвостом» и сказал, что это человек без убеждений, который готов сделать, что прикажут, и при этом грубо пересаливает. В председатели намечаются: П.Я. Дорошенко[249], который отказывается, и Багалей, который, вероятно, откажется. В ми[нистры] внутр[енних] дел я предлагаю Н.И. Антонова[250], и все соглашаются. В мин[истры] продовольствия торгово-промышл[енная] группа называет Гейсберга, который одобряется и в нашей среде. Глинка, по поводу вчерашнего инцидента, будет говорить с Альвенслебеном и использует протокол, из которого видно, как я говорю о германцах между своими.

9–22 июля

С 1 ч[ас]. до 5 ч[ас]. завтрак, данный мне министрами, при участии Григ[оровича]-Б[арского], Чолганского, Крупнова, Демидо-

ва, Набокова. Первая речь Гутника дает мне тему о «страннике, лишенном родины». Демидов говорит, что здесь «приносится жертва», Крупнов резковато обвиняет министров в безразличии к преследованиям меня и заявляет, что не знает как защитить. Ржепецкий волнуется и уступает мне слово. Я прошу не смотреть трагически: дело идет не о жертвоприношении Авраама и о руке с небеси, к[ото]рая его остановит[251], а о выполнении сообща принятого решения. Завтрак д[олжен] вынуть жало личной горечи. Я – *странник* уже давно, и – *жертва* недоразумения. Колесо истории скрипит и вертится медленно: понимание больших идей всегда дается задним числом. В 1905 г. Столыпин[252] обвиняет парламентскую партию к. д. в терроризме, в 1917 [г.] монархисты обвиняют меня в низвержении монархии, из Болгарии меня изгнало русское правительство, – а я поддерживал русскую культуру; так и теперь меня изгоняют немцы – за «германскую ориентацию». Против этих трагикомических эпизодов одно оружие – терпение. Никто не ведет отряд прямо под пулеметы. Но мы идем к одной цели, и после конфликта из-за меня еще более убедился, что цель эта – объединение России – одна. Конечно, объединение придет не с громами и дрекольями, а путем сговора за таким же столом, только не как Шелухин с Раковским, а как друзья и единомышленники. Ржепецкий говорит трогательную речь о[бо] мне лично и о значении моего отъезда. Василенко признает, что, как историк, я умею отметать второстепенное от главного, признает огромное значение главной цели и то, что мы идем к ней вместе. Украина должна стать частью России. Главная заслуга двух месяцев управления министерства: 1) устранение австрийской точки зрения и 2) переход от национальной точки зрения к территориальной, это – путь к моей цели. Гутник затем говорит, что на моем инциденте они впервые почувствовали себя кадетами, сплотились в группу, – вместе с тем чрезвычайно выросло их влияние на ход дел. Таким образом, получился некий плюс. Подчеркивает значение к. д. как первой европейски деловой партии. Я резюмирую: advocatus diaboli*. Крупнов должен теперь понять, что diabolus и здесь der böse Wille und der gute Mut**. *Мне* германцы устраивают рекламу, в *правительстве* сплачивают к. д. Опыт прошлого партии дал мне право и смелость на крутые повороты. Значение ЦК и партийной оппозиции. Студент с парадоксами на последнем заседании Гл[авного] комитета – и Дм[и-

---

* адвокат дьявола (лат.).

** злая воля и добрый настрой (нем.).

трий] Николаевич [Григорович-Барский], из роли безотв[етственной] оппозиции переходящий на *мою* роль в Киеве. Ржепецкий поднимает затем вопрос о том, что я, значит, признаю автономию Украины (соглашение равных «за столом» – со мной, как министром), и о том, что надо создать автономную партию к. д., Григ[орович]-Б[арский] отвечает, что это само собою разумеется. Поднимая мысль Ржепецкого, что надо «взять в руки укр[аинское] движение», Василенко упрекает «Русский голос», что он всегда защищает т[олько] русские интересы. Он подчеркивает, что м[ежду] министрами три разных оттенка в национальн[ом] вопросе, и упрекает Зеньковского, что тот идет слишком далеко в вопросе церковном. Зеньковский защищается, доказывая, что за ним стоит группа и напоминает о своей прежней позиции – отделение церкви от государства. Я заявляю, что по вопросам национальным и церковным предпочитаю точку зрения Василенко, которую всегда защищал в великодержавной России: государство не д[олжно] б[ыть] конфессиональным и национальным, а должно стоять над религ[иозными] и нац[иональными] различиями. Иначе получается австрийская – лучше сказать, мадьярская политика, школы Аппоньи и т. д. Партия искала исхода национ[альным] стремлениям в персональной автономии, чтобы сохранить за государством *территориальный*, а не национальный принцип. М[ожет] б[ыть], эта идея – слишком преждевременна при национ[альном] безразличии масс. Но противоположная идея, мадьярская, ведет к излишнему смешению государственных и национальных элементов. Русское государство не д[олжно] было быть великорусским и православным. То же и отн[осительно] Украины.

10–23 июля

В 5 ч[ас]. визит французского офицера В., посланного с румын[ского] фронта De-Flers'ом для выяснения моей ориентации. В. говорит: если руководящая часть р[усского] общества выскажется за монархию, то французы готовы провозгласить ее открыто, хотя и не хотят вмешиваться в русские дела. На Западном фронте, где решится судьба войны, едва-едва выдерживается равновесие, и нельзя оттуда послать ни одного человека. Высадка на Мурмане – только демонстрация. Но серьезная помощь – японцы. Я знаю, что к ним русские относятся скептически и подозрительно: но ручательством за то, что они ничем не овладеют в Сибири, является то, что Сибирь – богатое поле для применения капиталов *всех* союзников. К весне 1919 г. приедут американцы – 1 800 000, и это изменит равновесие в пользу союзников. Просит выяснить мое мнение по всем этим вопросам.

Отвечаю: Франция не может стать на сторону монархии, ибо франц[узские] политики должны оглядываться на Палату и на социал[истические] партии. Союзники с самого начала действовали так, опираясь на левых. Они ответственны в создании первого коалиционного правительства, роковым образом открывшего путь разрушению армии; они ставили ставку и на Керенского, и на Украину, и на большевиков. Они не помогли только Добров[ольческой] армии, ибо она была для них «контрреволюционной». И теперь они формировали в Москве разрыв с Правым центром и тем отдали к. д. во власть социалистов, а себя лишили поддержки самых влиятельных и здоровых элементов. В каком положении будет Добров[ольческая] армия, столкнувшись в Сибири с этой левой ориентацией? Кстати, единственный источник финансирования Добров[ольческой] армии теперь – союзники, и если через месяц они не придут на помощь, то армии придется ликвидировать себя.

Японский десант опасен. 1) Благодаря претензиям японцев. Вы сами признаете, что могут быть даже территор[иальные] компенсации им и что эту жертву Россия должна понести за все то, что она сделала дурного для союзников. Вы говорите, что на Востоке территор[иальные] жертвы все же лучше, чем на Западе: но вы нас не можете гарантировать от территор[иальных] жертв и на Западе. 2) Помощь подоспеет поздно – по вашему же мнению, т[олько] к весне 1919 г. – что же мы будем делать в ожидании этой помощи, когда и на Зап[адном] театре могут обнаружиться серьезные перемены, – Франция м[ожет] даже вовсе выйти из игры: вы признаете, что она через силу поддерживает равновесие? 3) Когда помощь придет, она не освободит Южной России, а разделит Р[оссию] на две части. Вы говорите, что германцы исправляют свои старые окопы. Но вернее, что они перенесут борьбу за Москву к Волге. Они же придут в Москву одни, а предпочтут создать там русское правительство. Какое? Моя цель – чтобы это правительство как можно скорее и больше вернуло России ее единство: предварит[ельное] условие всех дальнейших действий. Разделение России м[ежду] двумя ориентациями безмерно увеличит трудности объединения. 4) Это, во всяком случае, будет второстепенный театр, подобный Салоникскому, или Румынскому. Вы сами говорите, что Франция хватается за это средство, как «утопающий за соломинку». Не в интересах России играть только служебную роль для союзников. Она должна ч[то]-н[ибудь] сделать сама для себя. Вот почему соглашаясь с вами, что в политике не м[ожет] б[ыть] сентиментальности, я, впредь до наступления – через год – нового положения, считаю невозможным терять время: Германия

д[олжна] помочь нам восстановить единство при конституционной монархии, раньше чем скажутся результаты раздробления. Если германцы не поймут своего интереса в этом объединении, тем лучше для вас: тогда не о чем и беспокоиться. Если они примут мои условия, я пойду параллельно с ними, — по кр[айней] мере в данный момент. Конечно, этим мировая война не кончится: выйдя из состояния небытия, рус[ское] г[осуда]рство примет в ней то участие, какое захочет. Но это в будущем. В настоящем предстоит создание в Москве правительства, и нам надо постараться, ч[то]б[ы] оно было не местным, а всероссийским, с пересмотром Брест[ского] договора. Что союзники могут дать нам больше в смысле достижения этих задач, это еще надо доказать: для этого нужна такая победа, в которую в *этой* стадии войны, поверить трудно. Все это не значит, что я переменил свои взгляды на союзников и на значение всемирной войны, а значит, что данная обстановка требует *немедленного* приспособления к ней, не дожидаясь, пока скажутся услуги союзников. В. резюмировал в т[ом] смысле, что дело идет сейчас только о *ближайшем* моменте. Его надежды на 400 000 румын[ских] войск, на выход Турции из войны, на выход Австрии.

Вечером с министрами. Кризис затянулся: Антонов отказался, остался Лизогуб, по кр[айней] мере на время, а на пост мин[истра] внутр[енних] дел, за отсутствием другого кандидата, все-таки Игорь Кистяковский. Я предлагаю, по кр[айней] мере, за это добиться удаления Дорошенка, а Василенку дать Мин[истерство] ин[остранных] дел. Вас[иленко] сперва отказывается, потом принимает во внимание.

Выясняется для германцев опасность австр[ийской] ориентации гетмана, и Альвенслебен, через Глинку, доводит до сведения, что при нем имеется человек <пропуск фамилии>, проводящий австрийские взгляды. Он заявляет: мы создали Укр[аину], и мы ее сохраним. Но, рядом с этим, дает понять, что Украина должна найти себе место в России. Вообще и, по наблюдению Гутника, *русская* ориентация начинает получать верх. Рассуждают: мы здесь не вечны, а когда мы уйдем, Украина д[олжна] б[удет] сама определить свое отношение к России. Альвенслебен называет это задачей будущего. Обо мне с ним г[ово]рит Глинка. Альвенслебен выражается: «Мы верим, что М[илюков] так думает теперь, как говорит: но не верим, что если бы Германии пришлось плохо, то он бы ее поддержал». Глинка сообщает об объективном доказательстве моей искренности: о речах в найденном при обыске протоколе. Альвенслебен к концу разговора смягчается и начинает говорить иным тоном. Гетман тоже смягчается: с ним г[ово]рит Ржепецкий, что я не против гетмана, а за

тесное сближение с Россией, в союзе – рассказывает наши прощальные речи. Гетман говорит, что и он сам совершенно так же думает. Лизогуб, по вопросу о времени моего отъезда, махает рукой и г[ово]рит: теперь уже это не важно. У Крупнова уже созревает мысль о моем оставлении. Я отклоняю: лучше быть потом возвращенным, чем теперь остаться из снисхождения.

Ржепецкий опять поднимает вопрос о создании *украинской* к. д. партии: гетман будет на нее опираться.

11–24 июля

Утром заезжает Зеньковский, к которому теперь гетман обращается за мнением «кадетской группы». Совещание у Григоровича должно выяснить окончательно наше предложение. Приезжают Гутник и Василенко. Сообща решаем: настаивать на сохранении Лизогуба и, при этом условии, принять Игоря Кистяковского. Только когда с Лизогубом расстроится, выдвигать вторую комбинацию – П.Я. Дорошенко, но зато уходит Д.И. Дорошенко. Однако Василенко отказывается занять его место, и вся комбинация для данного момента нереальна, ибо нет готового кандидата в мин[истры] иностр[анных] д[ел]. Мои предложения: Б.А. Татищев и Нольде – пойдут ли и примут ли, остается неизвестным.

Возвращаясь, встречаю проф[ессора] Вилкова[253], к[ото]рый виделся с Auhagen'ом. Auhagen – советник по экономич[еским] делам при Gröner'е: первая цель [–] эксплуатация России. Он грозит, что германцы на *Западе перейдут к обороне, чтобы послать новые войска в Россию и укрепиться в ее наиболее богатых областях*. Вопрос о Великороссии этим отодвигается, но Auhagen говорит, что к украинскому движению и «самостийности» германцы теперь относятся отрицательно и согласны на федерацию некоторых частей России.

Василенко читал письмо Штейнгеля, что кадетам в Берлине не верят, а мне в особенности.

Записка П.Н. Милюкова (копия с подлинника)

11 августа (нов. ст.) 1918 г.

Из сообщения кн[язя] Григория Николаевича [Трубецкого] я вижу, что не только в общих чертах, но и во всех почти подробностях наши взгляды на способы вывести Россию из настоящего положения совпадают. Подобно ему, я считаю восстановление государственности и объединение России первой и главной задачей, нахожу, что необходимо скорейшее осуществление этой задачи, чтобы не увеличить ее трудности; считаю, что такого скорейшего разрешения

нельзя достигнуть без контакта с германцами и что предметом такого контакта должно быть создание в Москве не местного только «Северного» правительства, а правительства национального, способного объединить Россию и для этого заручившегося согласием Германии на пересмотр теперь же, а не по окончании войны, Брестского договора.

Для выяснения возможности этого, я – не по моей, а по Германской инициативе – вступил в «необязательные» сношения с представителями Oberkommando и имел (впрочем, очень поверхностный) разговор с Муммом. В их лице я встретился с двумя течениями, которые и в Германии борются по вопросу об объединении России. Одно из них, представленное дипломатами и считавшее себя до сих пор в согласии с рейхстагом, стояло за разъединение России, создание Randstaaten и сближение с Англией. Другое, представленное влиятельными военными кругами, но теперь распространяющееся и в либеральных и даже в социалистических кругах, стоит за создание в России сильной союзницы в будущем для борьбы с Англией и с этой целью, а также по принципиальным соображениям (на левом фланге) склоняется к пересмотру Брестского договора. Первое до сих пор считалось официальным, но перестает им быть после отставки Кюльмана. Второе имеет серьезные шансы сделаться официальным. Его успех сказывается уже теперь в том, что имеется течение компромисса – самое опасное для нас, – соглашающееся на частичный пересмотр Брестского договора и на неполное объединение России.

Германцы, искавшие до сих пор способа создать «Северное правительство» без всякого пересмотра Брестского договора, будут, конечно, теперь добиваться соглашения на наиболее выгодных для себя условиях – с наиболее сговорчивыми. Но они понимают, что должны считаться с возможно широким фронтом общественного мнения, включая и неприятных для них к. д. Этим нужно воспользоваться, чтобы этот наш фронт объединить на одной определенной программе, из которой уже ничего не уступать к моменту, когда переговоры начнутся серьезно.

Я предлагал бы для такой программы следующие предложения:

1. Правительство должно быть национальным и объединительным с самого начала, с первых шагов. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу, как монархическое, и могло бы говорить от имени некоторого ядра объединенной теперь же, а не в будущем России. А для этого нужно:

а. Теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с этим кандидатом в непосредственные отношения, получив его санкцию – действовать его именем. Я лич-

но предлагал бы отыскать в[еликого] к[нязя] Михаила Александровича, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве.

б. Так как при создавшемся положении вопрос территориального объединения не может быть предметом одностороннего акта нового правительства, а должен быть решен предварительными переговорами с отдельным образовавшимся теперь правительством, – успех в этих переговорах может быть обеспечен лишь при определенном отношении к ним германцев, – то я считаю необходимым ввести уже в наши переговоры с германцами условие, что до создания правительства будут вынесены благоприятные ответы, по крайней мере, главнейших из создавшихся правительств и будет выработан акт объединения, который мог бы быть опубликован новым правительством как национальным в первые дни его существования.

2. Исходной точкой переговоров должна быть неприкосновенность всей прежней территории России, за исключением Финляндии (но со стратегическими гарантиями последней*) и Польши (в границах Царства Польского, без Холмщины и с этнографическим обменом севера Августовской губернии на части уездов Сакальского и Бельского). В моих («необязательных») переговорах трудность представляла лишь Курляндия, относительно которой я соглашался на «исправление границ». Не знаю, как мы можем уступить Либаву. Вопрос о Крыме и Закавказье не был затронут, и я опасаюсь, что за умолчанием могут скрываться особые виды Германии на эти опорные пункты в будущей борьбе с Англией. Но этих территорий мы, конечно, пожертвовать не можем. При прежнем взгляде трудность представлял также вопрос об особых правах Украины, которую германцы хотели наделить правами Баварии. Я не отрицал возможности идти относительно Украины несколько далее простой автономии, с тем чтобы это не служило образцом для других объединяемых частей, но не соглашался ни на особую армию, ни на остатки дипломатического представительства, ни на расширенные права относительно железных дорог, почты и телеграфа и т. д. Основным требованием объединения я считал суверенитет центральных органов, единство территории и гражданства, а также создание верхней палаты не по типу Bundesrat'a.

---

* Если будут настаивать на выходе ее к Ледовитому океану, я предлагал бы (не трогая, конечно, Мурмана) обмен ближайшей к Норвегии полосы на Выборгскую губ. – *Прим. авт.*

3. Так как при такой постановке вопроса Германия должна искать своих преимуществ не в территориальных приобретениях, а в экономических выгодах, то необходимо теперь же привлечь наших промышленников к пересмотру этой части нашего договора и просить их указаний, до каких пределов могут здесь простираться наши уступки, – вообще необходимые. Я обращался с этой просьбой к профессору Савину в Киеве и к А.И. Каминке в Петрограде, но надо, чтобы эта работа была предпринята в Москве, и немедленно.

4. Помимо общих уступок по торговому договору придется сделать (или санкционировать) и временные – для территорий, ныне занятых германцами. Но при этом необходимо, во-первых, ввести в определенные правовые границы, не предусмотренные, кажется, в учебниках международного права, – власть германцев в области администрации и суда, теперь безграничные фактически даже на Украине, не говоря о Литве, а во-вторых, оговорить для ближайшего же времени полную свободу сообщений и товарообмена для объединяемых областей, единство валюты и помощь, как вооружением (у нас же отобранным), так и денежным займом при немедленном восстановлении нашей армии.

5. Признание нейтралитета, по необходимости желательного относительно германцев, но с прекращением всяких враждебных Действий на территории восстановленной России. Национальное правительство, кроме единства, должно дать России действительный мир и выход из войны, чего не могли бы дать большевики: в этом будет его санкция в глазах населения.

Быть может, в Москве считают преждевременным говорить о началах будущей внутренней политики, но, мне кажется, необходимо было бы заблаговременно сговориться: без этого трудно было бы приступить к группировке сочувствующих Правому центру элементов на местах. Поэтому предлагаю на обсуждение несколько пунктов, которые кажутся наиболее существенными:

1. Устройство коалиционной власти на основе программы Правого центра, но с устранением из ее состава сторонников самодержавия, с одной стороны, и сторонников ориентации Левого центра и прежнего Учредительного собрания, с другой стороны.

2. В интересах поддержки демократических слоев (крестьянство и кооперация) и восстановления социального мира немедленный приступ к аграрной реформе, восстанавливающей все нарушенные права, но имеющей целью найти решения, возможно близкие к сложившемуся фактическому положению землевладения. Восстановление свободы земельных сделок до реформы без нарушения ее прин-

ципов и с принятием немедленных мер против перехода земли в собственность иностранцев.

3. Пересмотр избирательного закона для городских и земских органов самоуправления: введение возрастного ценза и ценза оседлости, двустепенность выборов в деревне, пересмотр вопроса о волостном земстве, но не возвращение к куриальной системе и не восстановление старых земств.

4. Установление переходного периода до начала функционирования правильного национального представительства. Созыв, в случае надобности, для переходного периода совещательного органа, вроде «Совета республики», из общественных элементов, стоящих на государственной точке зрения, и выработка, при его содействии, закона о политическом представительстве. Способа санкций Основного закона, октроированного монархом, я не касаюсь здесь, но обращаю Ваше внимание на то, что долженствующий быть опубликованным от имени монарха Основной закон должен быть готов ко времени создания нового правительства, и было бы очень печально, если бы он оказался похож на временные Основные законы Скоропадского и Краснова. Надо теперь же засадить за эту работу наших юристов (Нольде, Лазаревского[254], К.Н. Соколова[255], В.М. Гессена[256]).

Здесь дневник прерывается моим отъездом в Чернигов, откуда через три дня я переезжаю в Пересаж к Коростовцам. Там провожу более двух недель, пишу последнюю главу I тома, музицирую и т. д. Получается телеграмма о приезде кн[язя] Григ[ория] Никол[аевича] Трубецкого. Выписываю его в Пересаж. После трехдневного совместного пребывания и бесед (Трубецкой показывает мне документ 1 – его отчет Правому центру о результате поездки, – и я пишу документ 2 – письмо ему для пересылки в Правый центр), получаем, за два часа до его отъезда, телеграмму, вызывающую меня (мотивируется тревожным настроением партии и приездом Кривошеина) в Киев. Возвращаемся вместе; я обещаю вернуться в Пересаж. В Киеве живу более недели совсем конспиративно, хотя хожу свободно по улицам, между прочим, встречая Люца[257] и Варун-Секрета[258]. Первый утверждает, что меня выслали не немцы.

Из разговора с Кривошеиным. Он говорит, что мы во всем совпали во мнениях по *внешней* политике, но что касается *внутр[енней]* политики, у нас есть разногласия. Впрочем, он полагает, что лично он останется в стороне, так как не он, а я буду формировать министерство. На это я отвечаю, что еще не известно, кто из нас двоих будет формировать министерство и что он уходить с поста не может. Этот ответ, видимо, радует Кривошеина, и на прощанье мы

расцеловываемся. Кр[ивошеин] едет в Крым и думает, что там войдет в сношения с царской фамилией. Я рассказываю ему то, что знаю от Пасманика. Он спрашивает, как быть, если ему предложат здесь переговорить с германцами; не лучше ли уклониться? Я отвечаю, что лучше, если из таких разнообразных источников германцы услышат то же самое: тогда они поймут, что мои требования — не мой каприз.

Через неск[олько] времени приходит Трубецкой и г[ово]рит, что Hasse обратился с просьбой (через посредников) к Кривошеину (и Шлиппе[259]) — составить мотивировку идеологии Правого центра. Раньше Трубецкой просил меня превратить мое письмо 2 в короткий меморандум, по пунктам, для разговоров. Теперь он сам набросал проект exposé* для германцев: мои условия, но мотивировка — Правого центра. Делаю замечания: Труб[ецкой] переделывает документ и приносит его в окончательном виде для переписки в Москву (прилагается записка Трубецкого)**.

Вновь уезжаю в Пересаж, не желая оставаться в Киеве инкогнито и тем подводить министров и самого себя. В Пересаже встречаю И.Я. Коростовца[260], который приехал из Орши через Гомель. С тем же поездом приехал в Киев Шебеко[261].

Археологические раскопки и музыкальные упражнения. Ровно через неделю телеграмма Игоря*** с требованием моего возвращения.

Возвращаюсь. Назначается совещание с министрами, на к[о-то]ром Игорь [Демидов] резко ставит вопрос о моем пребывании, необходимом для партии, и грозит, в случае неудовлетворит[ельного] решения, лично отойти от партийных дел. Ник[олай] Прок[офьевич Василенко] обещает переговорить с гетманом. В партии настроение — неблагополучно. Из Крыма сведения: пленарный комитет единогласно присоединился к докладу Винавера. В Севастополе комитет вынес постановление о формальном присоединении к союзнической ориентации. В Харькове настроение очень боевое. В Чернигове — тоже. Говорят, что на заседании Главного совета ожидают бурных прений и весьма решительных резолюций. Эти опасения — главная причина моего вызова.

Я предлагаю перенести центр тяжести прений на вопросы внутренней украинской политики и предлагаю проект резолюции, кото-

---

* краткого изложения (франц.).

** Осталась в Киеве. – *Прим. авт.*

*** Демидова. – *Прим. авт.*

рый с небольшими изменениями принимается. О последнем постановлении ЦК и о положении в России вне Украины доложит И.П. Демидов. Я сделаю последний доклад о международном положении, в котором изложу свою «разведку» у германцев, ее результаты, совпадение моей позиции с Правым центром, необходимость выжидать дальнейших фактов и отсюда предложение: не принимать никакой резолюции.

*Пленарное заседание Главного комитета партии народной свободы на Украине**

8 и 9 сентября происходили заседания Главного комитета к. д. Утреннее заседание 8-го не состоялось по независящим обстоятельствам.

Вечернее заседание было посвящено прениям по докладу об общем направлении политики правительства на Украине. Большинством 21 против 8 была принята следующая резолюция:

Главный комитет п[артии] н[ародной] с[вободы] в очередном заседании 8 сентября с. г. находит:

1. Основная задача создания государственности на Украине до сих пор остается не достигнутой. Личная безопасность и неприкосновенность собственности остаются вверенными случайной защите временных охранителей Державы, причем отношение их к нормальной местной власти остается юридически и фактически совершенно неопределенным. Население на местах не чувствует авторитетной близости власти и суда. 2. Вместо достижения этих элементарных задач идея «сильной власти» осуществляется в духе, напоминающем старый режим, правительственный аппарат используется для проведения узконациональных и узкоклассовых тенденций, и административное воздействие применяется в особенности на местах, в границах, не оправдываемых государственной целесообразностью и не всегда считающихся с законом и правами граждан. 3. Отмеченными чертами характеризуется не только ряд единоличных распоряжений, [но] и подготовляемые всем кабинетом законодательные мероприятия по важнейшим очередным вопросам, каковы: изменение закона о выборах в органы местного самоуправления и в особенности нетерпеливо ожидаемая широкими кругами населения аграрная реформа, которую влиятельные круги пытаются свести исключительно к частным и добровольным соглашениям, не контролируемым государством и не приво-

---

* Вырезка из газеты. – *Прим. авт.*

димым в определенную систему. 4. Результатом этого ошибочного направления внутренней политики является отчуждение населения от власти, которая лишается его поддержки, крайнее замедление внутреннего умиротворения страны и даже создание новых опасностей для национального и социального мира, без которого невозможно никакое восстановление нормальной жизни в стране. 5. Последствия той же неправильной политики неизбежно чувствуются и в области народного хозяйства, промышленности и финансов. Страна до сих пор не имеет спокойных и регулярных сообщений, правильного товарообмена, прочного обеспечения населения продовольствием и твердой основы для нормального бюджета. 6. При отсутствии солидарности кабинета министры, связанные с п[артией] н[ародной] с[вободы], не могут нести солидарной ответственности за действия всего кабинета. В то же время исключительные обстоятельства переживаемого момента устраняют их ответственность перед законодательными учреждениями. При этих условиях п[артия] н[ародной] с[вободы] считает необходимым, чтобы ее члены и единомышленники, не выходя из состава правительства, продолжали свою деятельность в духе постановлений майского съезда делегатов партии на Украине[262] и поставили своей задачей устранение вышеуказанных отрицательных сторон деятельности правительства и приближение этой деятельности к демократическим идеалам партии нар[одной] св[ободы]. 7. В частности, Главный комитет, исходя из постановлений майского съезда относительно обеспечения прав русской культуры на Украине, настаивает на необходимости в ближайшее время законодательным путем установить равноправие русского языка с украинским.

Дневное заседание 9 сентября было посвящено докладам И.П. Демидова и П.Н. Милюкова о международном положении и положении вне Украины. Резолюции по этим докладам, по предложению президиума, принято не было.

На заседании присутствовали члены Гос[ударственных] дум всех созывов, члены Центрального комитета и члены Главного комитета – как киевляне, так и делегаты губернских и областных комитетов на Украине.

Пишу несколько статей в «Од[есский] л[исток]»[263] и «Р[усский] гол[ос]» с характеристикой внутр[еннего] положения (возврат к 3 июня и Столыпину) и внешнего положения после договоров 27 августа[264]. (Необходимость выжидать после нарушения германцами базы наших переговоров.)

Приход Данилова[265], б[ывшего] ген[ерал-]квартирмейстера при в[еликом] кн[язе] Ник[олае] Ник[олаевиче][266], служившего у больше-

виков, два месяца назад вышедшего в отставку. Он оценивает положение союзников очень скептически: на Западе Пирровы победы, на Востоке – невозможность создания Восточ[ного] фронта на отдаленной базе. В «государственность» большевиков изверился, на союзников не рассчитывает: что делать? Я говорю: ждать. Между прочим, Данилову рассказывали (недели три назад), что в Новочеркасске происходило заседание с участием Краснова, Алексеева и представителя германского штаба, на котором Алексееву предложен был ряд вопросов:

Может ли он, ввиду того, что уже фактически в течение нескольких месяцев сотрудничает с германцами, вступить в контакт с ними для общих мероприятий в России? Алексеев ответил: считает несвоевременным поднимать вопрос об ориентации. Может ли он, по крайней мере, не выступать открыто с ориентацией противоположной, для чего ему следовало бы остаться на Кубани, усмиряя большевиков, – причем он будет пользоваться полным содействием германцев? – Нет, он идет с армией на Царицын. – Может ли он в таком случае держаться в стороне от движения чехословаков и союзников? Нет, он идет им на помощь. – Тогда представитель германского штаба встал и заявил: «В таком случае вы встретитесь с германскими войсками». Затем он вышел.

Данилов после приезда сюда (два месяца назад) сделал визит гетману. Гетман знал о его службе у Ник[олая] Ник[олаевича], спросил: может ли вел[икий] князь сдержать свои чувства симпатии к союзникам и подчиниться голосу разума. Данилов отвечал, что, зная велик[ого] князя, он, напротив, уверен, что тот всегда руководится чувствами и что он союзнической ориентации не изменит. Гетман заметил: «Жаль, а то германцы могли бы предоставить ему большую роль в предстоящих событиях».

26–27 августа (8 и 9 сентября)

Съезд состоялся. Герм[анская] тайная полиция предъявила было требование присутствовать, но мы отказали, и требование было взято обратно. Моя резолюция по внутр[енней] политике попала в тон, и прения все шли в ее рамках. Особенно резких выступлений не было. Харьковцы очень в мягких тонах комментировали свою резкую резолюцию. Я.К. Имшенецкий[267] решительно высказался за оставление министров к. д. в министерстве, и голосование 6 параграфа дало 21 голос *за* и только *8* против.

Мой доклад 9-го основан на следующих положениях: Моя линия – *личная*; ее надо отличать от линии местных к.-д. Я для себя просил лишь «свободных рук» для разведки. Я не злоупотреблял сво-

бодой, но она мне еще нужна. Излагаю в общих чертах ход своих разговоров с германцами, мое совпадение мнений с Правым центром, нашу общую платформу, неприемлемость ее для офиц[иального] течения герм[анской] политики. Фактический перерыв переговоров и сближение Германии с советской властью. Принципиальное препятствие для продолжения переговоров в договорах 27 августа (уступка Лифляндии, Эстляндии и Грузии). Рост в общественном настроении Германии «восточной ориентации». Резкие суждения сторонников этой ориентации о правит[ельственных] мерах на востоке. Растущие затруднения Германии на западе и возможность, что германцы вернутся к переговорам на *нашей* почве. Запоздание союзников с Восточным фронтом, который остается проблематическим. Целесообразность герм[анского] отступления. Договоры 27 августа могут означать, что герм[анское] правительство спешит, *перед* ликвидацией советской власти, вырвать у нее все, что может, золото, мануфактуру и, наконец, территориальные *залоги* для торговли с нами. Директивы: не спешить, но и не закрывать возможностей. Москва будет благодарна первому, кто ее освободит от большевиков. Отвечая на вопросы, я прибавил, м[ежду] пр[очим], что Герм[ания] теперь заинтересована вопросами *общего* приближающегося мира, установлением примирительной психологии (речи Вольфа[268], Макса Баденского[269], кронпринца) и боится *экономической войны после войны. В этой* войне мы, во всяком случае, не должны участвовать на стороне наших союзников. Парижского соглашения[270] и агитации Hugher'a я никогда не разделял. Тут за нами будут ухаживать обе стороны.

Мое предложение – никакой резолюции – принято единогласно. Возражения были более чем скромными (Н.Н. Ковалевский, Александров). Игорь Плат[онович Демидов] даже получил тяжелое чувство, что аудитория труслива и безразлична: у нее были возражения, более веские (они, по симпатиям, несомненно тяготеют к союзн[ической] ориентации).

Уже два дня (8 и 9) как идут совещания у октябристов (Варун-Секрет, Люц, Антонов, кн[язь] Голицын), гр[аф] Ал. Бобринский[271], Шебеко (бывш[ий] посол), Шлиппе, на которые приглашается и Демидов (и Горшков[272]). Обсуждается контакт с германцами для освобождения Москвы. Ужасные известия из Москвы повергают второе собрание в тяжелое состояние: решают послать депутацию к Лизогубу и просить о вмешательстве в расстрелы. Относ[ительно] германцев общая позиция собрания – стоять на непримиримых требованиях вроде нами высказанных, но еще с добавкой, что Германия должна предварительно доказать свою готовность *круто* переменить свои

отношения к советской власти. Разговаривать только по герман[ской] инициативе. Территориальные требования – прежние. Люц едет в Берлин и хочет меня видеть.

28 августа – 10 сентября

Утром приходит Люц. Он едет с депутацией по делам торговли, но имеет письмо Мумма к Hinze[273] для разговоров о делах немецких колонистов. Этим он хочет воспользоваться, чтобы информировать германцев о настроениях в России и внушить им мысль о необходимости уступчивости. М[ежду] пр[очим], он сообщает, что после встречи со мной говорил с Муммом о том, как нелепо (Unsinn*) со стороны гетмана было меня выслать. Мумм покраснел. В австрийск[ом] посольстве с пеной у рта доказывали, что моя высылка – мудрый акт. Теперь он уже слышал от немцев, что это – Unsinn, что лучше иметь таких политич[еских] деятелей в больших центрах (т. е. для наблюдения), а Мумм даже намекал ему, что он не прочь бы был со мной повидаться. Люц предлагал, если я хочу, это устроить. Я ответил, что теперь не время, и лучше на намеки Мумма не реагировать.

Я осведомил Люца о своих предыдущих переговорах и о письменных документах. Он сообщил, что Шебеко – против всяких переговоров и совершенно непримирим. Но нельзя же ничего не обещать? Надо иметь возможность сказать что-нибудь приятное для германцев. Не может ли он обещать союза? Я ответил, что союза – ни в каком случае, что тут есть удобная аргументация: Россия слишком измучена, народ не может и *не хочет* воевать. Нейтралитет есть достаточное средство, чтобы устранить вмешательство с востока, но и Германия уже должна не требовать большего. Впрочем, можно ей обещать не вступать в соглашения *против* нее. Затем, можно и нужно не принимать участия в экономич[еской] борьбе за всемирную торговлю. Эта борьба есть то, чего Германия теперь особенно боится. Но, обещая всяческие выгоды в экономич[еском] отношении, нужно быть настойчивыми в вопросе о территории и требовать отказа Германии от договоров 27 августа в этой их части (Лифляндия, Эстляндия и Грузия). Аргументацию против Брест[ского] договора можно найти у его противников в самой Германии.

Приехал молодой Бутенев-Хребтович из Ялты. Передавал, между прочим, что в компании германских офицеров, приехавших из

---

* бессмыслица, вздор, нелепость (нем.).

Германии, немцы сообщили, что в Германии страшная подавленность. Боятся всеобщей забастовки.

29 августа – 11 сентября

Приезд гр[афини] С.В. Паниной[274] и Н.И. Астрова из Москвы. Общая радость, что они живы. Рассказывают о своих дорожных приключениях. Психология раскрытия заговора. В М[оскве] долгое время все убеждены были в том, что Москва будет оккупирована германцами. Слухи шли, что уже сделаны все приготовления, распределены роли, назначен срок. В это время латыши соображали, что встретиться с германцами им неудобно, что их царству наступает конец. И к этому времени относятся попытки союзников переманить их. Англичане говорили нашим: вот случай приобрести целую дисциплинированную армию, не пропускайте его. Наши говорили: только предоставьте это дело нам, не вмешивайтесь сами. Но, видимо, союзники попытались вступить в прямые отношения с латышами, – и на этом попались. Дело в том, что опасность герман[ской] оккупации к этому времени миновала. Напротив, шли толки, что германцы мирятся с советами, было известно содержание дополнительных договоров. И у латышей прошел страх, а вместе и желание наниматься на другую службу.

30 августа – 12 сентября

Подробный разговор с Н.И. Астровым. Он имеет поручение ЦК в начале своей поездки обратиться ко мне и вместе обсудить новое положение, теперь создавшееся. Они чувствуют пробел от моего отсутствия, хотят, чтобы я был выставлен для переговоров на будущей конференции, а до тех пор (ввиду теперешнего острого отношения союзников ко мне) занял бы пост министра внутр[енних] дел. Во всяком случае, хотят обсуждать и решать вопросы тактики сообща. Я подробно, с документами, излагаю им историю своих разговоров с германцами и с Правым центром. Они признают, что положение на востоке запутывается. Соглашаются и с возможностью близкого общего мира. И не знают что делать. Я указываю им, что положительные стороны моей позиции еще не исчерпаны и что, во всяком случае, хотя теперь почвы для продолжения разговоров нет, но это не меняет моей общей оценки положения и не вызывает *немедленного* возвращения к старой ориентации. Указываю на неизбежный перелом в отношениях в будущем, на выгоды нейтральной позиции. Продолжение разговора отложено.

31 августа – 13 сентября

Приходят Шлиппе и Месскар поговорить о предстоящем в воскресенье собрании. После прелиминарий* Шлиппе показывает записку в 4-х пунктах, составляющих не то программу собрания, не то программу «единения», которое должно в результате собрания получиться. Первый п[ункт] – осуждение красного террора, второй – протест против разрушения национальных ценностей, в четвертом г[оворится о соединении, с сохранением достоинства России, с державами, которые могут содействовать сохранению ее целости и матер[иального] благосостояния. Я высказался против того, чтобы создание какого-нибудь «комитета» единения было результатом собрания, случайного по созыву, и не могущего свободно обсуждать, а также и против обсуждения «ориентации» в таком собрании. Далее, я возражал против того, ч[то]б[ы] что-либо делалось от имени Думы и Совета, как законодат[ельных] учреждений. По существу я настаивал на необходимости теперь не торопиться и не уступать. Шлиппе сбивчиво говорит о «союзе», потом о «нейтралитете». Я сказал, что и «нейтралитет» можно предлагать в переговорах, но нельзя предлагать, когда нам пресекают путь к переговорам «дополнительными договорами» к *Бресту*. Первое условие переговоров – отказ от них: на этом надо держаться. Согласился участвовать в предварительных совещаниях.

1–14 сентября

Вечером звонок от Варун-Секрета. Совещание (предварительное) не состоялось, но мои соображения приняты – разговор будет о первых двух пунктах, но – в течение *нескольких дней* совещаний, В[арун-]С[екрет] рассчитывает добраться до сути.

2–15 сентября

В час дня приходит Гурко, только что приехавший с Меллером[275] из Москвы (следом за ними закрыли границу). По его мнению, в июне можно было произвести переворот, но тогда, по нерешительности Кривошеина, не хотевшего окончательно выбрать ориентацию, дело развалилось: надо было обещать немцам не помогать Восточному фронту. Кривошеин колебался. Я возражаю: но ведь вы за нейтралитет? – Да, *все* мы за нейтралитет, но нейтр[алитет] нейтр[алите]ту рознь. Мы должны были обещать, что потребуем удаления

* прелиминарии (от лат. prae [перед] + limen [начало]) – предварительные переговоры.

союзников с нашей территории; в противном случае предоставить германцам пропуск для борьбы с ними.

Перед самым отъездом (в понедельник), в прошлую субботу (т. е. неделю тому назад) к Гурко обратился барон Hanschild и Jensen с просьбой поговорить. Разговор состоялся при участии Урусова[276] и Hanschild сказал, что он не уполномочен ни на какие предложения, но уполномочен спросить, может ли в Москве образоваться правительство, достаточно сильное и *не* враждебное герм[анским] интересам, которое бы могло свергнуть большевиков. Гурко отвечал, что теперь в Москве никого нет, но что, конечно, можно найти достаточно влиятельных лиц и общественных деятелей, которые могли бы составить такое правительство. Hanschild сказал, что ответ — tellement clair и net*, что он немедленно доложит в Берлин и будет продолжать переговоры.

По словам Гурко, теперь все военные организации разбиты. Добрались и до правой. Все руководители расстреляны или бежали (Золотарев, Котельников, Коротнев). Савинков очень напортил своими восстаниями и покушениями: Гурко не сомневается, что это — его дело. Недавно (22 августа) составлена записка Хартулари, вернувшегося с востока. Чехословаки разбросаны по городам, предавшимся им, но их теперь не отпускающим. Омское правительство[277] постепенное вытесняет левые элементы, национально-консервативно, монархия пока не объявляется. На Самарское правительство[278] до времени смотрит сквозь пальцы. Дутов[279] сперва было соединился с Самарским правительством, но потом разобрался и перешел к Омскому. Три главные части чехословаков в Самаре (Чечек[280]), в <пропуск> Войцеховский[281] и в Екатеринбурге (Гайда[282]). {NB: Утром Вендз[ягольский] передавал рассказ вернувшегося польского офицера, что чехословаки организовали [отряды] из военнопленных: поляков, сербов, румын, итальянцев. Они набирают пленных в концентр[ационные] лагери и выпускают только под условием вступления в их ряды}.

Военные элементы перестали идти в Правый центр после обращения ген[ерала] Алексеева (в июне), который требовал, чтобы они *все* шли в Добров[ольческую] армию, грозя, в противном случае, обвинением в измене. Затем в это же время начали поступать союзнические миллионы, и средства Правого центра, с притеснением промышленников, иссякли. Брусилов[283] держится очень осторожно и с во-

---

* столь ясен и четок (франц.).

енной организацией в прямой связи не состоит. Они набрали всего 3700 штыков. А минимум для выступления стал 6000.

В 3 часа собралось 30–40 членов Г[осударственной] думы и Г[осударственного] совета. Среди них много черных, как Шечков[284], Замысловский[285], Безак, Н.И. Шубинский[286]. Из бывшей оппозиции только Титов, Меллер. Выбрали председателем гр[афа] Бобринского (А.А.), секретарем Искрицкого[287], членами президиума Меллер-Закомельского В.В. (17 голосов), Шубинского (16) и меня (13). Я не отказался, подчеркнув лишь, что президиум *временный*, – и не на месяц, как предлагал Бобринский, а до выяснения платформы и состава. После вступительной речи Бобринского, приветствовавшего собрание, в котором вчерашние политические враги встретились как единомышленники в вопросе о восстановлении России, первым взял слово Шечков. Он приглашал не касаться будущей формы правления. Затем Бобринский предложил обсудить порядок заседания, а так как никто не хотел говорить, то предложил обсуждать вопрос о красном терроре и о реагировании на него. Шубинский предложил обратиться к герм[анскому] командованию по поводу предстоящей эвакуации местностей, теперь оккупированных германцами в Совдепии. Я отметил разницу между этими вопросами: первый – элементарен и может быть решен сейчас; другой – сложен и предполагает предварительное решение входящих в него вопросов. Перешли к первому вопросу (после выборов бюро). Гриневич[288] предложил обратиться специально к Германии и Австро-Венгрии: это же поддерживал Рейн[289]. Я указал, что это значит – возлагать на центральные державы *особую* ответственность за преступление Совдепии. Гриневич наивно говорил, что оно так и есть; но другие поняли. Принято обращение ко всем державам. Гр[аф] В. Бобринский[290] предложил обратиться и к другим, новым, державам в бывшей России. На это возражал Меллер, Варун-Секрет и другие (я присоединился), что это значило бы санкционировать разделение России. Варун, возражая, поставил, между прочим, рядом Дон и Грузию. Принято (все это без голосования) обратиться только к Украине. Гурко предлагал *разные* обращения к державам Согласия, центральным и нейтральным. Я возражал, что тут тоже неудобство – выделение Германии, что особенно неудобно после только что появившейся речи императора Вильгельма к крупповским рабочим (санкционирующей Совдепию). Принято общее обращение, а относит[ельно] различных обращений предоставлено решить Совету. Второй вопрос – об эвакуируемых местностях Совдепии, после моих новых возражений, поддержанных и Варуном, предложено передать на предварительное рассмотрение Совета – и

на его решение, если он найдет нужным. Против последнего я возражал, но согласился после замечания председателя, что ведь в Совете не будет решено против меня. Замысловский стал на ту точку зрения, что все равно наш шаг будет бесполезен, ибо германцы не изменят решения. Нужно только позаботиться о потоке беженцев, который, неизбежно, оттуда начнется. Варун подчеркнул в своем возражении, что нужно предварительно разобраться в вопросах ориентации. Однако, на вопрос председателя, желает ли собрание продолжить заседание, желания этого не было высказано. Следующее заседание назначено через неделю в субботу в 3 часа.

Члены бюро условились сойтись завтра в 2½ часа тут же, для выслушания проекта обращения ко всем державам, который я обещал написать. Приглашен в завтр[ашнее] совещание, по предлож[ению] Меллера, Крыжановский[291], как «перо». Меллер было предлагал его мне в кандидаты чл[енов] бюро, но уступил перед моим заявлением, что это был бы уже чересчур крепкий букет.

Вечером продолжение беседы с Н.И. Астровым. Он мне рассказал о подготовительной работе по созданию правительства. Они выслушали ряд докладов специалистов по разным отраслям управления, – дело остановилось на извлечении из этих докладов общих положений для декларации будущего правительства. Декларация должна быть опубликована «там», т. е. на Волге, *после того*, как согласится пойти туда Добровольческая армия. Миссия Астрова – добиться этого согласия от Алексеева – но «нет людей». Согласен ли я с кандидатурой гр[афа] Игнатьева[292] в министры земледелия? Члены Союза возрождения согласились, к его удивлению. Мотив: от Игнатьева дворяне и землевладельцы скорее примут реформу. Я возразил: *«кадетской»* реформы они ни от кого не примут; но вопрос, *можно* ли проводить кадетскую реформу и *будет ли* проводить ее Игнатьев? Сейчас задача – quieta non movere*: нужно считаться со сложившимся положением, что исключает всякую *систематическую* реформу с полным отчуждением *всякого* крупного владения и с наделением безземельных и малоземельных. Люди найдутся, когда будет взят в руки правительственный аппарат. Тогда, все равно, всю детальную работу придется переделывать сызнова. Спрашивает мой план. Я указываю на неизбежность, что между Западом и Востоком на многие месяцы окажется зияющая середина: вся средняя Россия, – и на необходимость *немедленно туда* ввести гражданственность. Кто пер-

---

* не трогать того, что покоится (лат.).

вый придет и с каким знаменем? Я считаю необходимым знамя монархии и приход, неизбежно, в контакте с германцами. Астров считает необходимым — даже для того, чтобы не дискредитировать монархии, предварительную стадию диктатуры, которая может длиться *годы*, пока не наступит успокоение. Я признаю опасность, но замечаю, что монархия *сама есть фактор* скорейшего успокоения, что всякие диктатуры в этом отношении бессильны — особенно диктатуры длящиеся. Это показала и фактическая диктатура Врем[енного] правительства. Если монархия дает единство и порядок, с ней помирятся. Но желают ли массы монархии? Не попадет ли она в то же изолированное положение, как теперь гетман и укр[аинское] правительство? На этот вопрос не успеваю ответить, так как разговор переходит к другой теме. Ответ был бы тот, который высказан в нашей резолюции Главного комитета: укр[аинская] власть *не создала аппарата власти* и не связалась с населением *после того*, как возникла. Порок не в методе ее возникновения, а в направлении ее дальнейшей деятельности.

Но союзники хотят воевать *с немцами*? Тут мы расходимся. Я настаиваю на нейтралитете и думаю, что союзникам нелегко будет пойти против этого требования, если на месте большевиков создастся благоустроенное правительство. Если они, все-таки, будут и тогда наступать, новое правительство, конечно, не будет в состоянии бороться, быть может, ему придется тогда уйти, и вы займете его место. Но если вы не придете, то новое правительство, все-таки, сократит период разрушения национ[альных] ценностей в центре и выговорит у немцев те условия, которые, с большим риском, пришлось бы ждать от международной конференции. *Если* немцы не пойдут на эти условия (пересмотр и Брест[ского] договора, и дополнительных к нему [договоров]), тогда, конечно, не будет и такого правительства, о котором я думаю. Моя задача, чтобы не было тогда и другого, которое бы сговорилось дешевле. Для этой цели я иду вправо, пытаясь связать их теми же соглашениями, как прежний Правый центр. Если не удастся, отойду.

3–16 сентября

Утром написал проект обращения ко всем государствам мира*. Прочел при С.В. Паниной и Н.И. Астрове: оба сделали поправки, которые я принял; Астров нашел проект «превосходным».

---

* См. приложение к концу записи этого дня. – *Прим. авт.*

В 3 часа заседание Совета. Барон Нолькен[293] докладывает о положении в Могилевской губ. С глазу на глаз штабные офицеры говорят, что не верят, чтобы германцы скоро эвакуировали большевистию.

Мой проект одобряется, и А.А. Бобринский благодарит — несколько поправок из вежливости вношу из проекта Шубинского и по замечаниям Гурко и Бобринского. По вопросу о депутации к немцам я высказываюсь отрицательно, указываю на необходимость сдержанности. А Крыжановский говорит, что немцы первые не заговорят, а надо воспользоваться случаем заговорить с ними. Я решительно возражаю. Проявления трусости продолжаются и по вопросу о разрешении наших собраний. Крыжановский предлагает даже предварительно спросить их, приемлем ли наш проект? Решено, что Бобринский лично развезет его по всем посольствам и консульствам. Подписываться боятся: у Бобринского дом в Петербурге, у других [—] родственники. Решено подписаться «бюро».

Меллер рассказывает важное обстоятельство. Германцы заключили, кроме дополнительных, четыре секретных договора с большевиками одинакового содержания, но с разными объектами. Большевики борются с чехословаками. Им может понадобиться германская помощь. Германцы эту помощь окажут, причем территория, по которой пойдут их войска, останется неприкосновенной, а займут они железнодорожные узлы и тыловые железные дороги. Вместо «чехословаков» в других трех договорах вписано: союзники на Мурмане и в Архангельске, *Донское правительство Краснова и армия ген[ерала] Алексеева.*

От Григ[ория] Ник[олаевича Трубецкого] сегодня получено как раз письмо, что казаки сильно разложились, оставляют фронт и что этим воспользовались большевики для наступления, причем есть опасность, что Царицын будет занят германцами и Добров[ольческой] армии путь туда будет закрыт.

В Петрограде, по сведениям Крыжановского, германцами заняты казармы Конногвардейского и Московского полков. Территорию между Финским заливом и Ладожским озером германцы обязались оставить неприкосновенной. Против севера будет действовать 14-ый германский корпус, размещенный между Выборгом и Белоостровом. Сестрорецк действительно эвакуирован жителями, но германцами пока не занят.

Написал статью для «Р[усского] гол[оса]» об австрийском предложении мира. Получено письмо Соколова К.Н. с объяснением, что он в «Речи» проводил ориентацию «свободных рук», но теперь признает германскую ориентацию невозможной. И Трубецкой пишет,

что в Добр[овольческой] армии на перемену ориентации рассчитывать нельзя.

Проект обращения ко всем государствам мира

Мы, члены бывших законодательных учреждений, Г[осударственной] думы и Г[осударственного] совета, собравшиеся на совещании в г. Киеве, не можем остаться равнодушными к тем леденящим душу известиям, к тем крикам ужаса и отчаяния, которые доносятся к нам от наших близких, от наших сограждан по ту сторону черты, отделяющей государственность и гражданственность от царства анархии и террора. За последние недели совершающиеся там ужасы превзошли все, что может представить воображение и история, – за исключением разве нескольких недель последнего пароксизма французской революции, предшествовавших термидору. Целые группы лиц объявляются вне закона, сотни невинных жертв падают под расстрелами, в том числе люди, взятые заложниками за возможные преступления людей, с которыми не имеют ничего общего. Ни духовный сан, ни исполненное высокого человеколюбия общественное служение, ни особые заслуги перед родиной не только не спасают от преследования, но, наоборот, навлекают особенно жестокие удары. Личность и имущество граждан давно уж перестали находиться под охраной закона в пределах «Российской республики», злоупотребляющей именем «социалистической», но в настоящее время массовые аресты и бессудные казни невинных людей сделались лозунгами дня. Мы говорим о «бессудных» казнях не только потому, что трибуналы и чрезвычайные комиссии «социалистической республики», постепенно освобождаемые от всяких формальностей, не имеют ничего общего с судами цивилизованных государств, но и потому, что казнь невинных принципиально провозглашается официальными деятелями Совета народных комиссаров как его специальная заслуга и неизбежное последствие провозглашенного им начала классовой борьбы и гражданской войны. Общественное мнение передовых демократий мира, осведомляемое, за полным упразднением сведений печати, исключительно органами советской власти, к сожалению, слишком долго смотрело на русский «большевизм» как на передовую форму всемирного социализма и благодаря этой малой и односторонней осведомленности дарило незаслуженным вниманием социальный эксперимент, ошибочный и преступный в самом своем основном принципе. Совершающиеся ныне в России ужасы должны, наконец, вывести мир из этого печального и опасного заблуждения. Они должны показать всем, что провозглашенное большевиками организованное насилие пролетарского меньшинства над всем остальным населени-

ем превратилось в действительности в вооруженное господство ничтожной горстки бандитов, среди которых идейные заблуждения немногих идеалистов тонут в преобладающих элементах корыстного расчета и профессиональной преступности. Ни для кого не тайна теперь, что так называемая «Республика крестьян и рабочих» имеет против себя именно крестьян и рабочих, число которых все увеличивается по мере их прозрения. Советское правительство, впрочем, косвенно и само признает это, пытаясь опереться в последнее время на одну только «бедноту» в деревне и на новую бюрократию, наемных латышей и китайские отряды в городах и в столице. Такое «государство», потребляющее, но не производящее, живущее изо дня в день за счет накопленных национальных ценностей, очевидно, только и может длить свое существование средствами постоянно усиливающегося запугивания политических партий и народных масс, все более искусственно подводимых под понятие «контрреволюция».

Дикие зверства, не считающиеся ни с какими законами и ни с какими велениями человеческой и Божеской морали, в подобном режиме не есть случайное явление, а есть его неизбежная принадлежность и последствие. Цивилизованный мир не может терпеть в своей среде дальнейшее существование подобной разбойничьей организации, попирающей самые основы, на которых зиждется общение народов. И мы обращаемся ко всем народам мира, в лице их правительств и их законодательных органов, с настойчивой просьбой: прекратить то терпимое отношение, которое дает советской власти как бы подобие некоторой международной санкции, и принять все зависящие от них решительные меры, чтобы, под угрозой международных кар, советская власть прекратила свою варварскую тактику физического истребления целых категорий граждан, виновных лишь в принадлежности к определенным культурным и социальным группам. Будучи убеждены, что эти действия советской власти теперь уже могут прекратиться лишь с прекращением самого ее существования, мы все же настаиваем, чтобы в ожидании, пока наступит этот момент, – надеемся, недалекий, – цивилизованные государства мира немедленно лишили преступную организацию, прикрывающую себя громкими именами и лозунгами, всяких преимуществ международного, правового и культурного общения.

4–17 сентября

Утром приходит Гурко с французским переводом – очень хорошим. Поправляем вместе. Затем я ему указываю на необходимость установить связь и преемственность между завязывающейся организацией и программой и деятельностью Правого центра. Элементы

самодержавнические – неприемлемы. Форма – выборной организации законодательных учреждений – неудобна. Рабская готовность ползать на брюхе у немцев – опасна. Необходим предварительный сговор. Н.И. Шубинский – невозможный участник Совета. Гурко со всем согласен.

5–18 сентября

В 3 часа заседание Совета. Сперва обсуждается французский текст, потом приходит Шубинский и требует нового обсуждения моего. Придирается к каждой фразе, терпит неудачи, но не унимается. Потом поднимает вопрос о неправильной информации печати. Я сообщаю, что исправил неправильные сведения «Киев[ской] мысли»[294] и «Р[усского] голоса», но не мог исправить сведений германофильской газеты «Новости дня»[295], в которой сказано, что принят текст Шубинского и сделаны из него выдержки. Газета находится, прочитывают: общий конфуз. Шуб[инский] развязно заявляет, что ведь экземпляр его текста находится у меня! Тенишев, оказывается, имел другой экземпляр и не знает, где он. Компания!

Забыл записать: вечером, накануне продолжения беседы с Астровым и гр[афиней] С.В. Паниной. Она ставит вопрос: какой ориентации будем придерживаться после войны? Я указываю на преждевременность вопроса до решения вопроса о переустройстве *всех* междунар[одных] отношений, согласно новым идеям. Указываю на опасность разделения Европы на два лагеря и на то, что для интересов *континентальной*, изолированной от колоний, России вообще нет надобности принимать чью-либо сторону в мировой борьбе за колонии. Мы боремся не за свои интересы. – А Балканы, а Сербия? – Это только случайный внешний повод. Воюет не Россия, а Европа. Англия предлагала поддержку в 1905 и 1911 гг. Франция – в 1909 и 1914 [гг.] нам. *Доля* вины за начало войны на нас, несомненно, лежит. Но Сазонов[296] уговорил царя не отменять мобилизации уже тогда, когда получил обещание Грея[297] (Григ[орий] Ник[олаевич Трубецкой] сообщил мне, что вел[икий] кн[язь] Дмитрий Павлович привез царю письмо Георга[298], после которого все чувствовали себя особенно бодро.) В будущем – особенно в экономической борьбе, я хотел бы удерживать линию нейтралитета. – Но нейтралитет невозможен, когда на вашей земле идет борьба? – Во-первых, он все-таки возможен принципиально, юридически: те, кто борются, могут нарушать мое право, но не могут его уничтожить. Во-вторых же, можно все-таки надеяться, что нейтралитет серьезного правительства прекратит вмешательство.

6–19 сентября

Получаю письмо Гр[игория] Ник[олаевича] Трубецкого из Екатеринодара. Много верных наблюдений, но он под впечатлением армии. «На германской ориентации надо поставить крест и снять с обсуждения вопрос о ней». В то же время он сообщает, что сама Добров[ольческая] армия еще не связала себе рук. Его сообщение об обращении к вел[икому] кн[язю] Н[иколаю] Н[иколаевичу] показывает, какая там путаница взглядов.

7–20 сентября

Утром пришел проф[ессор] Philipp Stein[299] (*коммунальн[ые]* и соц[иальные] реформы) из Франкфурта. Изучает вопрос, как действует управление во время революции. Мы *сошлись* в сопоставлении России с Германией 1848 года. Маркс и Энгельс сделали бы тогда то же, что теперь Ленин, но «разница»: децентрализованное государство помешало бы революции разлиться по всей стране, все ограничилось бы вспышкой в одном месте. Убеждает меня, что задача России – на Востоке, что туда, на Индийский и Тихий океаны, передвигаются мировые интересы. Я отвечаю: слава Богу, Россия – abseits* от океанов и довольна тем, что имела до войны. Элементов сепаратизма у нас до удивления оказалось мало. Мы не помиримся с потерей Балтийского берега и не перестанем быть *«европейским»* государством. Поэтому же мы не можем обойтись без стратегического обеспечения Петербурга (хотя бы и не столицы), должны иметь выход и в Либаву, а также выход, *но не вход* свободный, в проливах. Он подхватывает это замечание и соглашается. – «А Англия хочет свободного выхода?» – Отвечаю: «Да, и я всегда был против этого: и теперь готов защищать закрытие проливов для военных судов». – Он: «Мы могли бы с вами сговориться еще в 1909 г.: нам нужен только Wirtschaftsweg** через проливы». – Я: «Против *хозяйственного* пути не возражаю».

Приходит Бобринский, за ним Гурко и Меллер. Окончательно проверяются тексты французский и русский: Бобринский раздает их сегодня гетману, в герман[ское] и австр[ийское] посольства и отдадим, наконец, в печать. Сговариваемся о субботе: это будет, как я и хотел, последнее заседание. Затем приступаем к созданию здесь Правого центра – на его программе и платформе московской: буду на этом настаивать. В субботу решено ограничиться вопросом о Белоруссии.

---

* в стороне, в отдалении (нем.).

** (здесь) путь, связанный с интересами экономики (нем.).

В 8 час. вечера собрание у Варун-Секрета. Позваны, кроме трех названных, Шлиппе, Гримм[300], Ростовцев[301], не пришел Шебеко, Голицын в Харькове. Обстоятельный доклад Гурко. Варун сообщает, что он рассказал о цели заседания Кистяковскому, и германцы знают о нем. Германцы говорят, что нужна какая-нибудь сильная группа, с которой они могли бы вступить в соглашение. Сам Варун говорит, что в течение двух последних недель изменил свою позицию: теперь ему кажется, что если бы образовалось правительство с немцами, оно очутилось бы в невозможном положении относительно Добров[ольческой] армии и Сибирского [правительства][302]. Он считает поэтому, что действовать можно лишь в согласии с этими факторами и что нужно послать кого-нибудь на Дон. Я рассказываю о докладе кн[язя] Г.Н. Трубецкого: Добров[ольческую] армию нельзя *теперь* убедить действовать в контакте с германцами. Поэтому уже я советую не спешить и ничего не уступать из позиции, которую занял Правый центр. *Если* немцы на все пойдут, тогда стоит рискнуть, но моральным авторитетом может пользоваться лишь правительство, которое выступит *уже* как монархическое и объединительное. Излагаю свой план. Варун сообщил, что наши совещания терпят под условием, чтобы мы не касались Украины. Но вопрос об объединении с Украиной нельзя обойти при моем плане. Само собой разумеется, что вопрос этот д[олжен] б[ыть] решен путем взаимного соглашения. Гурко и Меллер решительно возражают: тот, кто знает положение в Совдепии, знает, что нельзя ждать; иначе от России ничего не останется. Нужно создавать без всяких условий какое бы то ни было правительство в Москве; все остальное придет потом. С ними соглашается Ростовцев. Со мной — Варун и Гримм. Я указываю, что такое правительство будет беспомощно и его смоют события; а если оно и останется при раздробленной России, упустив удобный момент для переговоров, то заслужит проклятия. Уступать нельзя до тех пор, пока союзники нам обещают уничтожение Брест[ского] договора. Германия, в конце концов, принуждена будет оговориться, чтобы не доводить дело до междунар[одного] конгресса. Но, пока она не согласна, нам не надо закрывать вопроса, а лучше выжидать, пока окончательно выяснится положение.

Решают отделить организацию от бюро членов Г[осударственной] д[умы], пополнить и продолжить работу. Мы с Гурко смотрим на нее как на продолжение Правого центра, но я подчеркиваю свое разногласие в основном вопросе тактики.

8–21 сентября

Опять приходит проф[ессор] Штейн. Длинный разговор об организации городского самоуправления в России. Потом переходим на политический разговор. Я подчеркиваю circulus vitiosus*. Германцы говорят, что не с кем говорить, пока не образовалось сильной власти; а сильная власть не образуется, пока германцы не дадут прочной основы для разговоров. Пока держатся точки зрения Пайера, я не могу ничего сделать. Длинный разговор об агрессивных тенденциях России «на Западе» (я поправляю: на Балканах) и о политике Alldeutschen**, связь которой с политикой Mitteleuropa Штейн отрицает. Bernhard'a начали в Германии читать только во время войны. Приобретение Гельголанда тоже не имело ничего общего с Mitteleuropa. Аграрии-Alldeutsche были тогда против Flottenpolitik***. Кончил говорить: он – частный человек, но обещает быть верным передатчиком.

В 3 часа заседание членов Г[осударственной] думы и Г[осударственного] совета. На заседание является *с разрешения Бобринского* германский представитель. Это налагает узду на (немногочисленных, 26 человек) присутствующих и ограничивает программу. Я читаю текст нашего обращения к державам. По вопросу белорусской эвакуации намечается депутация бюро с приглашенными в него заинтересованными членами к гетману и германцам. По вопросу об «ориентации», который пробует поднять Озеров[303], решено: все подобные вопросы, ввиду их деликатности, передавать Совету. В следующем заседании намечены перевыборы Совета со включением еще двух членов (имеются в виду Безак или Крыжановский). (Приложена вырезка из «Русского голоса» воззвания членов Г[осударственной] думы и Г[осударственного] совета к цивилизованным народам мира.)****

---

* порочный, заколдованный путь; безвыходное положение (лат.).

** пангерманистов (нем.).

*** морской политики (нем.).

**** Бюро собрания Государственной думы и Государственного совета выполнило данное ему поручение и составило выше напечатанный текст обращения к правительствам всех стран с протестом против большевистского красного террора. Вчера, 7/20 сентября, протест был вручен председателем совещания графом Бобринским гетману, германскому и австрийскому представителям. – *Прим. авт.*

9–22 сентября

Утром Игорь [Платонович Демидов] «уходит» и прощается трогательно. Потом продолжение разговора с Астровым и Софией Владимировной [Паниной]. Я указываю, что мои предсказания о востоке оправдываются, то же и о Добровольч[еской] армии, а мои расчеты на Германию, хотя по внешности и разрушились, но это длительный процесс, который не исчерпан и только теперь вступает в серьезную фазу. Если даже я ничего не добьюсь, то мне надо зорко смотреть, чтобы другие не сдали позиции и не проторговались. Сам *я* пойду на решительные шаги *только на всей своей* платформе, иначе – отойду. Это – ответы на два поставленные Астровым вопроса: есть ли надежда, что я изменю линию, и если нет, то не стану ли я во враждебные отношения. Пока – переговоры. Действия наступят с созданием национ[альной] власти в Москве, и тогда, конечно, наши тактики столкнутся. Но и тогда можно искать точек соприкосновения. Астров выводит, что так как мой план неисполним, то я, наверное, отойду в сторону, и просит только сделать это скорее, чтобы он мог сказать об этом – там. Я же обещаю уйти сейчас. На вопросы С.В. [Паниной], мешаю ли уже я *сейчас* решительной победе союзников, я, между прочим, отвечаю сомнением в выгодности для нас «решительной» победы в смысле отнятия у Германии всякой возможности экономического развития. Но *такой* победы все равно не будет. Кончаю заявлением: я к вам приеду, если вы провозгласите Мих[аила] Ал[ександрови]ча; но вы этого не сделаете!..

10–23 сентября

Вечером заседание хозяйственного комитета «Русского голоса». Говорят о преобразовании газеты, хотят, видимо, втянуть меня, и я обещал Игорю [Платоновичу Демидову] помочь на время, в случае его отъезда. Пишу статью для «Русского голоса» о воззвании членов Г[осударственной] думы.

11–24 сентября

В 4 часа заседание бюро собрания членов Г[осударственной] д[умы] у Искрицкого. Кроме бюро присутствует гр[аф] В. Бобринский и приехавший из Берлина бар[он] Розен[304]. Длинные споры о депутациях. Принимаются мои предложения: депутации к германцам не посылать, о присоединении Белоруссии и о продлении оккупации не говорить, а ограничиться письменным заявлением. К гетману послать депутацию. Затем бар[он] Розен прочитывает свои записки и письма. В мае он выехал в Берлин, при содействии Моциуса, через Стокгольм. Его главная цель – общий мир, но «без России общего

мира быть не может», поэтому надо восстановить Россию. Кюльман дважды отказался его принять; принял Буш, сперва отказался передать мемуар Кюльману, потом, перед отъездом Кюльмана в главную квартиру (где он получил отставку), просил прислать. Розен уверен, что он в связи с главной квартирой (через Дона фон Шлобиттена). По его же рассказу выходит, что он всюду суется и везде получает отказы. Теперь поехал в Киев, завтра – в Берлин, оттуда – в Стокгольм и в Гаагу. Переговоры с нейтральными [государствами] об общем мире составляют «тайну», до которой он так и не добрался. Идет обедать с гетманом и будет убеждать его, что пора взять Москву русскими силами. Петроград будет взять германцами, которые теперь меняют политику относит[ельно] большевиков. Мы разочаровываем Розена насчет силы русских войск и слабости красногвардейцев. Он быстро ретируется за вторые окопы: ему нужна цель, а о средствах пусть позаботятся другие. Я говорю, что нельзя цель обсуждать без средств. На его намек, что он хотел бы опираться на «кого-нибудь», ибо теперь положение его «ненормальное», он говорит в Берлине от имени «друзей», которых не называет, – Гурко, предупреждая меня, говорит, что пусть Р[озен] действует уже от себя, что нас надо выслушать и для этого остаться подольше, а иначе уже на нас не ссылаться. Я поддерживаю. Р[озен] язвит, с намеком на меня, что у министров нельзя получить аудиенции, что от Сазонова он выслушивал «идиотские ответы», тогда как с директором банков можно говорить по два часа. Ему протежировал в Берлине зять Бенкендорфа[305]. Мое впечатление: он все-таки приехал неспроста. Говорю прямо: видимо, германцы хотят создать русское правительство подешевле, без условий. Розен живо перебивает, смущенный: «А вы хотите ставить условия? Этак никогда не кончите». И его предложение, чтобы Москву взяли *русские*, очень скоро в прениях выветривается в смысле поддержки Германии.

12–25 сентября

С утра посетители. Яблоновский[306] и Неманов[307] – о газете. Потом Н.В. Савич сообщает интересные сведения о деревне (Сум[ский] у[езд]) вблизи демаркационной полосы. Немцы не церемонятся с населением, которое очень раздражено против немцев. «Национальное чувство родилось и уже не умрет», – говорит Савич. Там, где революционные волостные земства уже разрушены или разбежались, крестьяне охотно сговариваются с помещиками на половинных убытках. Хлеб идет по 80 руб. пуд за северный кордон, крестьяне недовольны: не будь кордона, продали бы по 200 р[ублей]. Почти все помещики, за исключением 4-х, (он, Ханенко[308], <пропуск фа-

милий>) продали хлеб не по твердой цене, а по фиктивным сделкам с крестьянами. Монополия не удается и хлеба не получат, а для разверстки будет уже поздно. Озимый посев сделан, но северу грозит в буд[ущем] году настоящий голод. Его вызвали для бюджетных дел и для образования Министерства морского (предлагали Немицу[309]).

Потом приходит Пешехонов[310]. Едет на восток, беседа идет об ориентации. Рассказываю свою историю. Он кончает: никого нельзя проклинать, ибо исход – неизвестен. Мой план считает неосуществимым, а если бы осуществился, непопулярным и лишенным поддержки партий и масс.

В $4^1/_2$ часа приходит Гурко, за ним Меллер. Гурко рассказывает. Из Пскова приехали члены Гос[ударственной] думы Дерюгин[311], Лавриновский[312] и Горсткин[313], которые вели в Пскове раньше переговоры с представителями местной Oberkommando, бар[оном] Hammerstein[314], а теперь получили предложение от Bassewitz'a[315] и майора Шуберта[316] (к[ото]рый вел переговоры в Москве): немедленно созвать монархический съезд в Пскове (человек тридцать, сорок) и образовать правительство, которое займет Петроград и оттуда будет действовать в остальной России. Они поехали с этим в Киев и обратились к крайним правым. Hammerstein приедет следом. Их очень торопят. Утром было совещание с гр[афом] А.А. Бобринским, Шубинским, неск[олькими] правыми и Гурко. Гурко резко возражал. Во-первых, нельзя устраивать съезд, не переговорив предварительно об условиях; иначе придется пойти на все требования германцев или со скандалом уйти. Во-вторых, нельзя образовать правительство в Петрограде, ибо его нельзя прокормить. Удержаться такое правительство не сможет. Не надо и спешить бежать по первому приглашению. Наконец, нельзя и ограничиться правым кругом. Нужно созвать совещание со всеми партиями до социалистов. Решено устроить такое совещание, пригласить, м[ежду] пр[очим], и меня. Гурко предлагает предварительно обсудить вопрос в кружке Варуна с некоторыми изменениями его состава. Соглашаюсь. Но предварительный обмен мнений опять приводит к разногласию. Гурко считает необходимым не торопиться с немцами и поставить единств[енную] задачу – водворение порядка в центре. Объединение надо отложить до конца войны. Об Украине вовсе не разговаривать. Монархии тоже не объявлять. Я говорю, что такое решение не дает никаких выгод нам, а все невыгоды. Удержаться оно не сможет. Свободы ориентации не сохранит, а момент для изменения Брестского договора упустить недолго. На *такое* дело не стоит идти.

13–26 сентября

Заключил договор с издательством «Летопись». Вечером совещание у Варун-Секрета (в отсутствие хозяина). Председательствует Н.В. Савич. Гурко ставит вопрос о восстановлении Правого центра на основе констит[уционной] монархии. Я г[ово]рю, что надо сговориться о тактике, предлагаю в основе принять записку Трубецкого. Прочитываю: общее впечатление благоприятное. А.Д. Голицын, Искрицкий, видимо, относятся к герм[анской] ориентации опасливо. Гурко тогда начинает развивать свою особую т[очку] зрения, что надо идти на уступки и не упорствовать на всей моей программе; иначе дело достанется в руки правых. Читает заключительную часть записки «не самых правых»: они готовы уступить все потерянное Россией (захваты Турции, Румынии и т. д.) и отказаться от влияния России на Балканах и в Турции. Общее негодование. Затем Гурко настаивает, что царя сразу выдвигать не надо: нужен сперва жестокий диктатор, чтобы «почистить» Россию. Савич согласен со мной, что надо *сразу* монарха: иначе не будет кристаллизационного пункта. Меллер поддерживает Гурко: кто был в Совдепии, тот понимает, что медлить нельзя, не нужно мешать образоваться *какому бы то ни было* правительству, остальное придет потом. Гурко еще раз доказывает необходимость террора. Я утверждаю, что допустить правое правительство огромная ошибка: это потеря шанса для уступок Германии. *Потом* Германия будет постепенно улучшать правительство фантошей* и анонимов, *без всяких условий*. Нужно скорее создать общий фронт *против* германских претензий, чтобы не продешевить. С *одними* правыми германцы не пойдут. Выжидание для данного момента только почетно: германцы станут еще уступчивее.

Оказывается, завтра, в 4 часа, заседание приехавших из Пскова с правыми и с членами нашего совещания (В. Бобринский, А.Д. Голицын, Гурко), но меня в *этой* стадии отказались послать. Гурко просил разрешение возражать *от имени кружка* против выбора Петрограда и против монархического съезда в Пскове *без* выработки предварительных условий. Я прошу напомнить, что данный состав деятелей не компетентен говорить от имени России. Гурко говорил сегодня с Соколовым[317] (Союз русского народа[318]), фанатиком самодержавия. Он – непримирим.

---

* фантоши (от франц. fantôme) – привидение, призрак.

Вечером М.В.* приносит известие об Астраханской армии, которая будто бы растет. В нее ушли из Добровольческой армии ростовские юнкера. Теперь решено не принимать перебежчиков из одной армии в другую.

Из Сибири приехал офицер от Пепеляева[319]. Пепеляеву удалось поссорить оренб[ургских] казаков (большевистски настроенных) с уральскими, войти в сношение с Омским правительством. Там идет хорошо мобилизация: обещают месяца через три — 300 000 человек. В Самаре, напротив, мобилизация провалилась, и опасность грозит самому городу и золотым запасам в нем. «Армия Учредительного собрания»[320], на демокр[атических] началах, разлагается. Офицеры из нее бегут.

В начале беседы у Варуна кн[язь] А.Д. Голицын очень резко охарактеризовал роль германцев на Украине. Он выводит, что они не хотят расцвета Украины, и приводит три факта: 1. Они мешают созданию особой валюты и не исполнили обязательства о доставке напечатанных в Германии украинских денег. 2. Они мешают компании винокурения, отбирая в самый нужный момент патоку: таким образом, подрывается фундамент украинского бюджета, доходов в два миллиарда. 3. Не содействуют упорядочению транспорта, германский уголь доставляется в Киев по пяти рублей, а свой нельзя доставить за два рубля. Между прочим, Голицын рассказывает историю переворота. Германцы пришли совершенно неожиданно. Переворот д[олжен] б[ыл] совершиться двумя неделями позже и был подготовлен «Протофисом»[321]. Но опасение раскрытия его заставило ускорить дело и предоставить съезду «хлеборобов» решительную роль. Германцы поставили условием: они признают переворот, если укр[аинские] вооруж[енные] караулы займут все учреждения. Никаких караулов и вооруженной силы не было. За ночь собрали офицеров, вошли в переговоры с караулами «січевиков»[322], заменили их к 10 ч[асам] утра, а в 12 часов Эйхгорн приехал к гетману с признанием. Лишь после переворота, собравшись у Демченка[323], они (очевидно, октябристы) заинтересовались, кто же в кабинете, послали к Скоропадскому, получили список с Устимовичем во главе и решили послать депутацию: поддержим лишь тогда, если измените список. Предъявили свой. Последовала долгая торговля. Они требовали: *ни одного социалиста* (в списке было 5). Добились. Но *далее* «победила тенденция на "-ко" тенденцию на "-ов"».

---

* Возможно, М.В. Брайкевич.

14–27 сентября

Вечером уехали на Харьков С.В. Панина и Н.И. Астров. Перед отъездом я рассказал Астрову о предложениях германцев крайним правым.

15–28 сентября

Приехал Рысс[324]. Рассказал про «Речь», кто кого увольняет: Гессен[325] Рысса или наоборот.

16–29 сентября

Утром заседание аграрной комиссии партии. Черненкова нет, есть представители другого мнения [–] В.Э. Брунст, Франкфурт, Косинский. Но так как в подкомиссии правительственной понятие принудительного отчуждения расширено (на целые категории земель арендных), то, за исключением Косинского, остальные стали немного сговорчивее. Я предлагаю для Главного комитета приготовить два доклада, один – Н.Н. Черненкова по его компромиссным тезисам, другой – Брунста о ходе дел в правительственной комиссии, и свести спор к минимальным пределам. Прения разгораются опять до принципиальных точек зрения: какая партия, классовая или нет, что такое «демократия», необходимость государственной точки зрения и т. д. Мое сравнение с аргументацией противников крестьянского освобождения задевает за живое. Косинский обижается на мое указание, что его точка зрения – академическая.

Черныш, вернувшийся из поездки в Екатериносл[авскую], Полт[авскую] и Харьковскую губернии, рассказывает много интересного. Хлеб и из этих губерний везут на границу Совдепии, и цены доходят до 400 р[ублей] за пуд. Целые обозы тянутся на север в сопровождении вооруж[енных] людей, так что варта не решается вступить с ними в бой. Германцы, за известное вознаграждение, смотрят сквозь пальцы: их патрули как-то оказываются разошедшимися в противоположные стороны, когда хлеб провозился через кордон. Транспорт в ужасном положении. На поезда совершаются ночные нападения и, так как освещения нет ни на станциях, ни на паровозе, то поездам велено останавливаться, когда заходит луна. Склады хлеба лежат на станциях, и невозможно их перевести. Поведение караульных экспедиций в Екатер[инославской] губ[ернии] ужасное. Губ[ернский] староста говорил ему, что имеются документы, по которым офицеры требовали себе определенное количество женщин на часть. Секут стариков и женщин. Подготавливается, таким образом, опасное настроение. Из помещиков одна часть решила не возвращаться в имения: эта группа хочет только возможно выгоднее ликвидировать

имущество. Другие, напротив, рассчитывают продолжать хозяйничать. Эта группа стоит за мягкое обращение с крестьянами. Входит с ними в прямые соглашения на основе взаимных уступок. Она решительно против карательных экспедиций. Слухи о возможном уходе немцев чрезвычайно нервируют население. Гололобов[326] заявляет, что надо продавать земли немцам, потому что это – элемент надежный, который может защитить от революции. По поводу предстоящего набора в ноябре оживленные споры, *кого* брать, чтобы не создать новые вооруженные кадры большевиков. Есть план – артиллеристами и пулеметчиками сделать представителей крупного землевладения.

18 сентября – 1 октября

Утром пришел бежавший из Пензы Шеншин. Они получили приказание от Эльснера[327] готовить гражданское управление и обещание, что через три недели Добр[овольческая] армия двинется (!). Но их организация разгромлена, сидит частью по острогам, частью же разбежалась. С другой стороны, мобилизация Красной армии удается – у большевиков теперь уже есть войска. При них германские инструктора – штабные офицеры, которых им не хватало. Еще в ноябре прошлого года они (пенз[енская] организация) вступили в связь с Алексеевым, потом, после ухода Добров[ольческой] армии из Ростова, – с Правым центром, потом опять с Алексеевым. Они не понимают острых разногласий из-за «ориентации»: по их мнению, без немцев двигаться внутрь России невозможно. Движение на Волгу он считает безумным предприятием и не хочет в нем участвовать. Неопределенность отн[осительно] монархии не удовлетворяет и их. В Самаре идет полный разброд. Местный комитет Учредительного собрания потерял всякое влияние. «Народная армия», вначале посылавшая разъезды почти до Пензы (200 верст), теперь отошла, не может справиться с большевиками, а ее эмиссары по деревням для вербовки не имеют успеха. Один офицер даже был убит. Крестьянское население совершенно разочаровалось в большевиках и проявляет большую склонность к монархизму.

В 5 ч[асов] заседание у Искрицкого.

В 8 часов совещание бюро у Искрицкого. Присутствуют, кроме членов бюро, гр[аф] В.А. Бобринский, Д.А. Олсуфьев[328], Ростовцев, Гурко, Пуришкевич[329] (скоро уходит), потом подходит Васильчиков[330]. Кратко обсуждается вопрос о депутации к гетману. По вопросу, созывать ли заседание членов Думы и Совета, Меллер высказывается, что надо эти заседания сохранять для особенных случаев

и вести по особой программе. Шубинский напоминает, что нужно выслушать Озерова, и предстоят выборы. Я напоминаю, что Озеров служил большевикам. Читают постановления: выслушать срочно в бюро и обсудить; решают выслушать в субботу (сегодня вторник). Собрание *для одних* выборов не собирать. Собрать *без* германского наблюдателя. Затем ставится вопрос: какие ближайшие вопросы годятся для общего обсуждения? Шубинский, поднявши этот вопрос, предлагает заявления об общем мире. Я возражаю: мы не нейтральная страна, а имеем поддержку воюющих, для нас исход войны не безразличен, мы не международная группа и не специально пацифистская организация. Наше заявление среди стольких авторитетных, прошедших бесследно, не только пройдет безрезультатно, но и будет признано лицемерным. Мы не годимся для такого заявления. Тогда гр[аф] А.А. Бобринский ставит, как очередной, вопрос о монархизме. Я отвечаю, что *это* действительно вопрос актуальный и важный, но мы в нем разойдемся, ибо нельзя быть за монархию вообще, а необходимо сказать, какую. Абсолютисты при этом не смогут идти с конституционалистами. А я не могу идти с иным лозунгом, кроме конституционной монархии. А.А. Бобринский переспрашивает. Я подтверждаю. Бобр[инский] говорит тогда, что вряд ли многие держатся за абсолютизм. Я говорю, что это очень хорошо было бы, но это не так. Влад. Бобринский говорит, что «правый блок», действительно, уже А.А. Бобринского не считает своим представителем, а Кривошеин для него — предатель. Он персонально плохо составлен: такие люди, как Катенин[331] или Соколов, невозможны. Они хотели было и его, Влад[имира] Бобр[инского], группу потопить в своей, но Бобр[инский] им сказал, что армия (дело шло о Южной) должна идти со всеми главными партиями, признающими монархию. За ними никого нет. При этом, прибавляет А.А. Бобринский, если их позвать сюда и поговорить, то через час они выйдут отсюда другими. Разговор переходит на личность монарха. Я говорю, что это первая задача, которую давно уже должны были поставить конкретно монархисты. Из названных кандидатов говорю, почему я против Алексея и за Мих[аила] Александровича. Владимир Бобринский говорит: «Мы за законное престолонаследие», Васильчиков упоминает Владимировичей[332]. Я упоминаю Дмитрия Павловича. Гурко: «У него lues*». Я прибавляю, что надо согласиться с царской фамилией, которая бы приняла одного кандидата, а другие бы отказа-

---

* сифилис (лат.).

лись от своих прав. Владимир Бобринский говорит, что в таком случае, конечно, это совпадает с законным престолонаследием и легитимисты возражать не будут. Шубинский присоединяется к моим возражениям против Алексея: нельзя выдвигать Ал[ександру] Федоровну[333]. (Я говорю и об опекуне.) Вл. Бобринский г[ово]рит: «С[оциалисты-]ф[едералист]ы предлагают сперва диктатора, ч[то]б[ы] царь явился тогда, «когда останется только ликовать». Я г[ово]рю: но ведь это и т[очка] зрения Гурко. Гурко подтверждает. Я опять повторяю преимущество монархии с самого начала. Пример Украины: пришла авторитетная власть, и *тогда уже* отсортировались антисоциальные элементы от мирных. Иначе пришлось бы бить, не разбирая, тем увеличить число противников. Вл. Бобр[инский] г[ово]рит: «Если сказать, что сперва диктатура, а *потом* уже констит[уционная] монархия, то многие согласятся». Я отвечаю: так сказать нельзя, надо сразу издать конституцию, как я советовал еще в 1905 г. Витте[334]: тогда все десятилетие прошло бы иначе и не было бы революции. Вл. Бобринский предлагает, в виде компромисса, внести общее решение о монархии. А к нему прибавление *части* собрания, что оно разумеет под этим монархию конституционную. Я говорю: но это именно и разделит собрание. Другой проект компромисса: поставить «блюстителя престола» в лице вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича. Я говорю, что едва ли он пойдет в эту ориентацию. На это Бобринский утверждает (конфиденциально), что уже неделя, как идут с ним переговоры, и его адъютант, кн[язь] Щербатов, ждет здесь. Ник[олай] Ник[олаевич] готов стать главнокомандующим *всех* армий; тогда его позовут *русские* и тогда это будет не авантюра. Он же прибавляет: теперь [в] Южной армии 8000, а [в] Астраханской — 800. Конечно, скоро будет гораздо больше. Южная армия пополняется путем принудительного набора в Богучарском уезде и соседних, 1 офицер на 15 солдат. Гр[афа] Келлера им навязали крайние правые, но они от него отказались, и Келлер уже уехал. На Ник[олае] Ник[олаевиче] могут сойтись *все* армии, так как и *Добровольческая* с ним ведет переговоры. Я говорю, что при условии *такого* объединения и я преклонюсь перед Ник[олаем] Ник[олаевичем].

Совещание кончается заявлением А.А. Бобринского, что многое уже выяснено. Тот, кого позовут 9 здесь находящихся человек, будет царем России. К сожалению, трудно собрать этих 9. Васильчиков, как новичок, поднимает вопрос о создании объединенной группы, которая бы импонировала германцам. Его впечатление: здесь действуют несколько групп, в глазах германцев равноценных, и нет общей группы. Я ему отвечаю, что именно этот вопрос нас теперь

занимает, но на пути к объединению стоят много деликатных вопросов. А.А. Бобринский: сообщает, что организуется группа сената, которая хочет иметь у нас своего представителя. Гурко говорит, что это, наверное, петроградская группа германофилов à outrance* с Эссеном[335]. Подтверждают, что Эссен – здесь.

Игорь Платонович Демидов в этот вечер пришел с другого собрания: с противоположного полюса, Союза возрождения. Там социал-демократы-меньшевики, правые с[оциал-]р[еволюционеры], нар[одные] соц[иалисты].

19 сентября – 2 октября

В 11 час. утра прием бюро у гетмана. Входим в большую залу, обращенную в приемную. Тут же сидит могилевская депутация, имеющая целью просить о присоединении к Украине. Я им объясняю, что наша точка зрения другая, – общерусская, и что с этой точки зрения мы не можем присоединиться к их просьбе. Некоторые аргументы на них, видимо, действуют, но они должны исполнить поручение, которому некоторые (как, например, предв[одитель] дворянства Олькоп), видимо, сочувствуют. Они выводят – и мы соглашаемся, – что нам надо быть принятыми отдельно. Отдельный прием, конечно, и сам по себе обеспечен, ибо гетман заводит с нами, после представления, политический разговор. Мы излагаем нашу просьбу (Бобринский): гетман говорит, что он может сделать очень мало, что меры к принятию беглецов, устройство питательных пунктов на границах приняты; если мы подадим какие-либо новые мысли, очень будет рад. Я отвечаю, что, конечно, мы можем ходатайствовать лишь в пределах ограниченных возможностей данного момента и данного места; понимаем, что остальное от него не зависит. Искрицкий прибавляет несколько конкретных подробностей о положении местного населения и высказывает, словами нашей бумаги, пожелание о «гарантиях». Гетман говорит, что через несколько дней положение изменится, так как им придется прервать мирные переговоры с большевиками. Раковский занимается агитацией, вербовкой агентов и подготовляет восстания на Украине. Я спрашиваю: *это* ли будет сделано формальным поводом к разрыву? – Нет, повод будет – разногласие в границах. Гетман переходит к общей задаче – борьба с большевизмом. Я подчеркиваю, что это и было предметом нашего первого заявления. Гетман продолжает, что, конечно, при объединении нужно,

---

* во главе (франц.).

чтобы национальности не страдали одна от другой; мы соглашаемся. Гетман сам начинает новую тему: как относится к нему Алексеев? Он несколько раз посылал к нему, между тем, отношение враждебное. А задача могла бы быть одна и та же: вместе с Доном, с разными армиями, включая и Добровольческую, можно было бы идти на спасение России. К сожалению, в Добровольческой армии раздоры. Он, гетман, у себя запретил политику в армии, а там спорят о монархии. Я вставляю, что Деникин именно и хочет предотвратить политически и потому запрещает говорить о монархии; между тем, открытое провозглашение монархии прекратило бы эти споры. Гетман подхватывает: «Конечно, монархию, хотя бы и неограниченную». Я возражаю: «Нет, во всяком случае, конституционную: на иной – нельзя сговориться». Другие члены бюро подтверждают: да, конституционную; Искрицкий вставляет: конечно, с предварительной диктатурой. Гетман неоднократно высказывает мысль, что русский народ потерял патриотическое чувство, что на народ рассчитывать нечего и что Россия сама не спасется. Возвращаясь к Алексееву, он попутно рассказывает свою личную историю: я был на фронте, направлял пушки на немцев и не о какой политике не думал. В это время большевики начали отбирать имущество, грозить жизни и меня засыпали просьбами. Выбора не было: только с Германией можно было положить начало спасению России. Я хотел сделать дальнейшие шаги: сговорился с Доном, – и за это мною были очень недовольны в Берлине: Дон – это был единственный черный пункт наших разговоров, немцы все хотели влезть между нами, разделить, чтобы властвовать; они говорили: вам нужны наши представители в таких-то учреждениях (Донец[кий] бассейн). И когда мы сказали: не беспокойтесь, мы уже сами сговорились, они были очень раздосадованы. А вот с Алексеевым не могу сговориться. Он имеет что-то лично против меня, допустил открыто действовать Шульгина, личного моего противника. *Я*: «Это не так, Ваша светлость. Напротив, когда Шульгин начал писать, ему дали понять, что он должен писать как частное лицо и объявить, что его газета – не официоз, следовательно, Алексеев отгородился от него». *Гетман*: «Но он был выписан отсюда, уехал вместе с Драгомировым и Лукомским». *Я*: «Он давно собирался, совпадение случайное». *Гетман*: «Мои цели по существу совпадают: освобождение и объединение России под знаменем монархии, средствами русскими, конечно, при поддержке германцев». *Я*: «Мы все, конечно, присоединимся к этой цели, которую Ваша светлость так точно формулировали. Но сложнее вопрос, как ее осуществить. Тут разногласия на почве ориента-

ции. Как раз сейчас обстановка в Германии не благоприятна для поддержки нашей цели. Если место Гертлинга займет фон Пайер, то это нехорошо для востока, ибо Пайер, поддерживая свою штутгартскую речь, только что заявил, что германские затруднения заставляют в особенности «хранить что имеешь» на востоке и «поддерживать status guo» до конца войны». — Эта моя реплика дана и на сообщение гетмана, что в Германии высшее командование и Гинденбург с нами, а против нас дипломатия, руководимая «злым гением» Kriege[336], человеком, настолько фанатично проводившим идею раздробления России, как будто бы он был куплен. На это я ответил, что вопрос сложнее и что, между прочим, в этом намерении дипломатии идти вместе с рейхстагом заключается и гарантия против эвакуации германцами большевистских областей. Гетман замечает, что они решили серьезно приступить к эвакуации. Бобринский говорит, что приехал только что от Алексеева Литвинов-Фалинский[337], который может сообщить последние новости и вызывается (Бобринский) помочь выяснить разногласия между гетманом и Алексеевым. По поводу употребленного гетманом выражения, что не может же он громко на площадях объявлять о своих целях, Бобр[инский] и кто-то другой (кажется Меллер) замечает, что может быть и Алексеев в таком же положении. Я подтверждаю, на основании своей переписки, что Алексеев, несомненно, связан общим настроением Добровольческой армии, а сам настроен более примирительно. При быстрых переменах общего положения, контакт в будущем, конечно, не исключается и очень желателен. «В заключение» разговора Шубинский-таки затрагивает запретную тему — о продлении германской оккупации. Гетман говорит, что он уже предпринимал по этому поводу шаги. Я прямо оговариваю, что, собственно, это не входит в задачу нашей депутации. Шубинский возражает: «Нет, почему не входит?» Встаем: Бобринский просит нас «легализировать», рассказывает историю с приходом германского наблюдателя. Гетман обещает принять меры относительно германцев; что касается «легализации», смущается. Это, собственно, дело Мин[истерства] вн[утренних] дел. Действуйте не слишком шумно и явно, а то ко мне тотчас же будут телеграммы со всех сторон: <1 нрзбр.> Україна!» Я прихожу на выручку и говорю, что мы пока подаем общую идею, а относительно формы сговоримся потом». Прощаясь, гетман подчеркивает, что желал бы и впредь совещаться по таким вопросам, как сношения с Добров[ольческой] армией, освобождение России и т. д. Догоняя выходящую депутацию, он напоми-

нает, что вся эта беседа – не для печати. Мы заявляем, что так и понимаем ее, как совершенно интимную.

До приема к нам вышел Олсуфьев и рассказал мне, что гетман перед нами принимает первым посланца от патриарха архим[андрита] Владимира, что патриарх надеется в октябре перебраться в Украину и это очень интересует гетмана, но нервирует его окружающих. Особенно зловреден полк[овник] Зеленский, лично охраняющий гетмана и всюду за ним следящий, – даже во время ночной прогулки в саду с гр[афом] Олсуфьевым. О посланце патриарха, лице ему не известном, он только что заявил: «прохвост», – и вообще всячески оттирает посторонние элементы, могущие проникнуть к гетману. У него с гетманом только что был крупный разговор: почему гетман, вместо подозрительных украинцев, не окружит себя молодыми людьми из хороших домов. Пока допущен один Андрей Петр[ович] Шувалов. Гетман боится тут украинцев. После нашего ухода Д.А. Олсуфьев нагнал нас на улице и рассказал: за ним следят, очень подозрительно смотрели, когда он говорил со мной в приемной. Украинцы в раже, что гетман вообще принял депутацию, «возглавленную» мной и гр[афом] Бобринским. Они окончательно рассвирепели, когда беседа продолжалась целых сорок пять минут. Теперь он вышел вперед, потихоньку сказав, что идет в другое место: иначе была бы травля против него. Очень хотел узнать, о чем мы говорили. Я сказал ему: «Скажите, что мы вам ничего не сказали: гетман будет доволен, что мы храним секрет». Вечером он придет в коммуну.

В 2 час. пришел Н.Н. Богданов, приехавший с крымской депутацией для переговоров с Украиной. Они, выбранные от земств, городов, биржевого комитета, хлебной, табачной и фруктовой бирж, претендуют на решающий голос, но получили только совещательный. Между тем, министерство Сулькевича, после ухода Татищева[338], Налбандова[339], Соковнина и <пропуск фамилии>, последовавшего за неудачей миссии Татищева в Берлине (не получил займа и там остался), не пользуется никаким доверием. Германцы недовольны Сейдаметом, который (будто бы) за свой страх назначил посла в Константинополь. Если их не допустят, то они уедут в Крым, чтобы не делить ответственности. Передал мне записку о своих условиях соединения с Укр[аиной].

В 3 часа заседание бюро. Гурко читает невероятно глупую записку против позиции Правого центра. Моей позиции «все или ничего» он противопоставляет: частичное соглашение для создания какого-нибудь правительства и немедленного низвержения большевиков. Я в прениях привожу его к циничной формулировке: германцам

нужны «молодцы», которые могли бы служить их интересам лучше большевиков. Я заявляю, что это вопрос уже не о другом методе для достижения той же цели, а *о другой цели*, и что в «молодцы» я не пойду. Гурко отвечает, что на это нужно самоотвержение и что он на это готов. Обращается к Маслову С.Н.[340] за поддержкой; тот отвечает: «Такому правительству, м[ожет] б[ыть], обрадуются в первый момент, но если оно не принесет с собой ничего искупающего, то на него распространится та ненависть, с которой повсеместно относятся к немцам». Гурко сконфужен. Его защищает только Шебеко, который считает необходимым частичное соглашение. А.Д. Голицын заявляет, что при быстро меняющемся положении можно только сказать, что немцы опоздали и ни в какие разговоры не входят. Искрицкий сообщает, что на днях предстоит разрыв с большевиками. В.А. Бобринский рассказывает, что у гетмана в последнее время идеал – идти на Москву силами всех войск, включая Добровольческие армии. Меллер при этих условиях отходит от Гурко. Гурко говорит, что наши разногласия платонические, ибо германцы все равно ни с кем из нас разговаривать не будут. Я подчеркиваю, что на *его* платформе они уже *начали* разговаривать: но предупреждаю, что как только его позиция перестанет быть академической, я отгорожусь от нее демонстративно. Он заявляет, что для него так же неприемлема моя позиция. Я подчеркиваю ее преимущества: она или все даст или, если, что вероятнее, германцы на нее не пойдут, сохранит нам свободу действий и возможность выжидать события. Заседание, в которое незваный прилетел Гижицкий, ничем не кончается. Я заявляю, что Шубинский нарушил наше условие, заговорив о запретной теме, и сообщаю, что я это констатировал, не выходя из дворца, в передней, при других членах бюро.

Вечером прибегает Зеньковский и сообщает: Болгария заключила мир (германцы задержали телеграмму) на условии эвакуации всех занятых областей и противодействия вступлению войск ее бывших союзников. Турецкий посол уже говорил им, что теперь и Турции остается заключить мир. Зеньковский сообщил еще, что гетман говорил им о своем плане, который им владеет, «в союзе с Доном, Алексеевым и другими пойти крестовым походом на Москву против большевиков». Поздно приходит Олсуфьев. Альвенслебен тревожно спрашивал его, почему, зачем Милюков виделся с гетманом, что говорил. Видно, откуда идет против меня интрига. Альвенслебен связан с темными элементами министерства (Бутенко, Палтов).

20 сентября – 3 октября

В 3 часа аграрная комиссия. Мне удается свести разногласия к минимуму. Черненков отмечает четыре разногласия свои с решениями подкомиссии правительственной. Из них два оказываются недоразумениями («фонд» и широкая компетенция земельных комиссий). Третье сводится к разнице: имения ниже известной высоты культуры *должны* быть отчуждены принудительно, – говорит Черненков: *могут* быть отчуждены, – говорит Франкфурт. И 4-е. Не нужно навязывать форму землевладения, – говорит Черненков. Да, не нужно в *старых* владениях, – но *новые* прирезки могут даваться на известных условиях. Черненков хочет тут предупредить выбор «крепких» крестьян: Франкфурт от этого не хочет отказаться. Наконец, Франкфурт находит, что в *некоторых* случаях государство должно иметь право прибегать к принудительному отчуждению *раньше трех* лет. Черненков не возражает, но предупреждает, что это непрактично, а Будберг[341] утверждает, что при недостатке межевых средств это и неосуществимо. Франкфурт повторяет, что государство должно только иметь *право* отчуждения, независимо от возможностей. Значат ли все, принятые подкомиссией, категории принудительного отчуждения, что оно может применяться только в *исключительных* случаях? Конечно, нет, общее решение уже опрокинуто конкретными решениями. Но Черненков продолжает вести академическую борьбу против неудачной общей формулы. Его опять выбирают председателем аграрной комиссии. Он отказывается.

Вечером у Григоровича-Барского совещание с министрами, очень плодотворное. Гетман держал им речь в Совете министров, что нужно позаботиться о спасении России и что нужно допустить английский и французский капитал, наряду с немецким. Лизогуб ослабел и не хочет вести никакой политики. Кабинет не понимает важности момента. Дорошенко едет в Берлин для удовлетворения личной амбиции. Вопрос о передаче флота Украине теперь потерял смысл, ибо флот может быть уничтожен при появлении в Черном море англичан. Притом германская идея продать украинцам флот за их согласие уплатить миллиард вознаграждения (один из шести) связала бы их с дополнительными (к Брестскому) договорами, с которыми они не хотят иметь ничего общего. Поездка в Берлин, когда надо соблюдать нейтралитет, неуместна.

Решено сплотить группу для осуществления идеи гетмана, выдвинув идею спасения России как притягательный центр для кристаллизации военных элементов около этой идеи, ускорить образо-

вание военной силы на Украине, способной откликнуться на эту идею, привлечь симпатии общественного мнения и печати к этой идее. Соглашение с Доном и Добровольческой армией – есть уже второй или третий шаг.

21 сентября – 4 октября

Рысс рассказывает о толках в правых кругах. Вел[икий] кн[язь] Николай Николаевич будет избран царем, и для этого Марков 2-й[342] приехал на Дон!!! Меня ругают в правых кругах за то, что я мешаю соглашению с немцами. Из-за меня-де гр[аф] А.А. Бобринский не поехал куда-то (в Псков!) для переговоров. Может быть, тут отражение действительного факта.

В.В. Меллер-Закомельский приходит с проектом – предложить наше посредничество гетману для сближения с Алексеевым. Я объясняю ему трудность и сложность этого дела, объясняю, почему наша компания не подходит для такого дела (Шубинский и т. д.) и почему Алексеев не м[ожет] дать, в данную минуту, благоприятного ответа, что нужно сделать *гетману* раньше, чем говорить о сближении с Добр[овольческой] армией. Меллер соглашается и отказывается от немедленного осуществления этого плана. Наши разногласия с Гурко он признает потерявшими значение при новой международной комбинации.

За последние два дня ряд сведений о передвижении германцами войск из Ростова (12 эшелонов), из Крыма, из Мариуп[ольского], из Екатериносл[авского] у[ездов], из Полтавск[ой] губ[ернии], отсюда и т. д. На почве возможного ухода здесь чрезвычайное волнение. В Еатеринославе паника. Какой-то бундовец рассказал Рыссу, что там ожидается вступление в город «белогвардейцев», а здесь, и кажется повсюду, уверены в близком возвращении большевиков.

22 сентября – 5 октября

27 сентября – 10 октября

Случайное обстоятельство – потеря этой тетрадки – приостановило запись на несколько дней, в течение которых развивались большие события. Германия и союзники предложили мир[343]. Макс Баденский сделался канцлером и образовал «министерство доверия» с социалистами, на основе программы большинства, почти тождественной с выставленной социалистами программой. По отношению к возможным условиям мира эта программа все еще недостаточна, она не предвидит уступки Эльзас-Лотарингии и спора о колониях, не становится на новую точку зрения в восточном вопросе и не отказы-

вается *прямо* от Брестского мира. Союзники не спешат с ответом на мирные предложения, спеша использовать свои военные выгоды. Ходят слухи о драконовских требованиях, ими выставляемых. Гетман после нашего разговора опять круто повернул к «самостоятельности» и, видимо, ведет разговор с украинцами. Чубинский случайно слышал разговор Винниченко[344] с товарищами, что восемь портфелей им уже обеспечены. Вчера утром Винниченко был принят гетманом. Мотивов, по-видимому, два: страх остаться изолированным в стране и желание закрепить международное положение Украины на случай мирной конференции. А.Я. Шульгин[345] сообщает правительству из Софии, что Соединенные Штаты хотят признать независимость Украины. Здесь торжествуют признание Украины Швейцарией и спешат завести сношения с другими нейтральными [странами]. Объединителей боятся, и даже сторонники объединения выставляют требования немедленного, без всякой «Учредилки», признания федерации, гетмана и сейма.

Вчера Глинка рассказал Демидову, что у него был Альвенслебен, который сказал ему, на основании полученных из Берлина директив: если вы хотите, чтобы германцы отсюда не уходили, то общество должно поддерживать самостоятельность Украины, ибо только на этом основании новое социалистическое правительство будет согласно поддерживать новое государственное тело. Иначе германцы уйдут и бросят Украину в жертву большевикам. Этим, очевидно, объясняется и переход гетмана на сторону «самостоятельности».

Я написал для «Р[усского] г[олоса]» (5-го) статью, кончающуюся: «посторонимся перед историей». Цензура не пропустила, а Германская – через день забраковала окончательно. После мирного предложения написал (на 8-е) статью о необходимости создать русское представительство. Статья была забракована украин[ской] цензурой. Обратились к Варуну, он обратился к Кистяковскому, в результате статья напечатана 9-го с купюрами. 7-го октября пришел В.В. Меллер с заявлением, что *теперь* он согласен на мое предложение – немедленно объявить монархию. Я ответил, что как раз теперь я с этим не согласен, ибо теперь приходится поставить вопрос о создании общерусского представительства на широком фронте, сговариваться с людьми разных ориентаций и политических направлений, и становится необходимым компромисс. Напротив, я предлагаю сговор правительств, военных организаций и политических партий. Для *этого* можно собрать бюро. Уславливаемся созвать на 9-е. Вчера бюро собралось с многими членами Думы и Совета и выслушало: 1. Запис-

ку Горемыкина[346], прочитанную Д.А. Олсуфьевым — о создании союза окраинных государств для объединения России. Мысль близкая к моей, но я против «конституции» союза. 2. Глупую записку А.И. Лыкошина[347], предлагающую послать делегацию влиятельных представителей от законодательных учреждений за границу, чтобы влиять на мирную конференцию. Гурко высказался резко против второго и за первое. Я его поддержал. Меллер направил прения в условленный канал. Шубинский, по обычаю, путал и вносил неожиданные предложения (немедленные посылки за границу). Решено выработать заявление, обсудить в расширенном составе бюро и потом созвать пленум членов Думы и Совета. Кн[язь] Друцкой предлагал послать телеграмму за границу, чтобы германцы не уходили. Я настаивал на отсрочке *до принятия* перемирия, когда можно будет обращаться к обеим сторонам и добиваться превращения оккупации в экзекуцию.

Ушел до конца заседания в редакцию «Русского голоса», где временно займу место Демидова.

28 сентября – 3 октября
11–15 октября

Ряд совещаний в бюро, сперва в тесном составе пяти (12-е) для выслушивания моей записки, потом с избранными оппонентами (13-е), наконец, в расширенном составе (14-е и 15-е). Бесконечные прения, в которых каждый защищает свою любимую мысль. На последнее совещание (15-го) приходят правые, сговорившись поднять вопрос о монархии. Так как спор идет о том, публиковать или не публиковать записку, то Безак заявляет: «публиковать, *если* будет упомянуто о монархии». Я предупреждаю, что в таком случае потребую прибавки «конституционная» и предлагаю лучше обсудить этот вопрос отдельно и сделать его предметом особого заявления. Указываю на невозможность за границей требовать неограниченной монархии. Крыжановский отзывает меня в сторону, к Безаку, и предлагает компромисс, но тщетно ищет формулы. «Ограниченную» монархию Безак отвергает. Я указываю, что этот спор — не случайный, что это длится с 1905 года и что если бы Витте тогда уговорил царя дать конституцию, то Первая Дума не была бы разогнана, следующие не превратились бы из законодательного учреждения в непрерывный политический митинг и, может быть, не было бы второй революции. Крыжановский соглашается, что тут есть доля правды, и заключает, что лично ничего не имеет против конституционной монархии.

Вечером (15-го) приходит Кривошеин. Мы уславливаемся в кратких словах о положении. С германской ориентацией покончено, — го-

ворит он: мы «были умны», но ум состоит в том, чтобы делать выводы из фактического положения, а оно совершенно изменилось. В моем споре с Гурко он соглашается со мной. В собрания и совещания ходить не хочет: много болтают, мало дела. Сюда вызван, но жалеет, что прервал крымский отдых. Виделся с гетманом, тот просил поддержки, заявил, что собирается бороться против Совдепии, готовит войска, сговаривается с Доном. Но принужден временно подчиниться требованию германцев — защищать самостийность и отдельное представительство: будет временно «обманывать» германцев, переменит свое правительство, заняв второстепенные посты украинцами — недели на три. Действовать прямо — значит проиграть игру. Предлагал Кривошеину *здесь* создавать правительство. Я указываю, что гетман играет двойную игру, что он хочет опереться на украинцев также и для собственной безопасности, что он мог бы и не обращать такого внимания на директивы из Берлина.

3 (16) октября

Ответ Вильсона[348] на вторую ноту Германии. Требует низложения Вильгельма. Американская наивность или сознательный срыв переговоров?

В 4 час. заседание пленума членов Гос[ударственной] думы и Совета. Первые шаги проходят, как по писаному. Записка моя принимается без прений. На затем прения разгораются по вопросу, зачем предназначается Записка и нужно ли ее печатать. Прения принимают страстный характер. Олсуфьев опять со своими аргументами: это дипломатическая нота, которая требует тайны. Врывается в прения Пуришкевич с темой правых: вставить монархию. Напрасно защищаем публичность и разъясняем особый законченный характер документа. На голосование вопрос Пуришкевича о вставке монархии ставится первым; вопросы о публиковании оттесняются и забываются. Предложение Пуришкевича проходит 27 голосами против 20. Тогда я предлагаю поправку: «конституционная». Общее смятение. Пробуют снять предложение как новое, требующее обсуждения. Я заявляю, что поправка должна пройти сейчас, иначе мы не можем идти вместе. Бобринский В.А. поддерживает меня. После тщетных усилий Пуришкевича и других замазать вопрос, после речей Родичева[349] и Кочубея, указывающих на затруднительное положение собрания, если оно отвергает мою поправку, вопрос ставится на голосование. Пуришкевич заявляет, что для предупреждения раскола он воздержится. Голосование дает только 7 голосов (из 45—50) против. Рейн заявляет, что некоторые воздержались. Я прошу произвести обратное

голосование. Оказывается, огромное большинство *за*. Часть публики довольна: все прошло хорошо. Атмосфера расчищена. Пуришкевич подбегает: «Не думал, что вы принимаете меня за дурака». Я отвечаю: «Никогда не принимал, но я не знаю, как назвать человека, который идет в одни двери, а попадает в другие». Пуришкевич отскакивает и исчезает. Редактирование поправки о «конституционной монархии» передается в бюро.

ПОЕЗДКА В ЕКАТЕРИНОДАР

[10] 24 октября – [25 октября] 8 ноября 1918 г.

24 вечером выезжаем с Григоровичем-Барским курьерским из Киева. Не доезжая до Фастова 4 версты, поезд терпит крушение. Первые три вагона и часть нашего разбиты; зрелище: груды обломков, стоны мужчин и истерики женщин, убитые, раненые. Выбираемся из накренившегося на бок вагона, переходим в уцелевший вагон, который паровоз, приехавший через 2 часа из Мотовиловки, отводит в Фастово, где утром нас прицепляют к почтовому поезду. Опаздываем на сутки – но в Екатеринославе выручает счастливый случай. Идем в правление Екат[ерининской] ж[елезной] д[ороги] удостоверить, что наши билеты пропали, встречаем начальника службы движения – кадета. Тотчас разносится весть среди служащих, которые требуют, чтобы я сказал им речь. Отказываюсь, идем завтракать в ресторан, где нас отыскивает член партии и на автомобиле отвозит на станцию, на утренний поезд, в служебный вагон, который прицепят к первому поезду. В Харцызске прицепляют к этапному поезду; приезжаем в Екатеринодар в день съезда, 28-го. В Ростове присоединяются Н.И. Астров, М.М. Винавер и С.В. Панина. С Винавером встретились сдержанно. Охлаждаю порыв его любезности. Приехав в Екатеринодар, предлагаю ЦК собраться в 2 часа у меня (в квартире Сокольского). Но Винавер оттягивает, отдельно совещаются со Степановым. В результате, – он читает второй доклад – по *внешней* политике.

В 5 часов открытие съезда. В 4½ [час.] Винавер приходит, говорит, что сговорился с Паниной и Астровым. Я отвечаю, что уже поздно, надо идти на съезд. Панина и Астров не приходят. Уходим. Деликатный вопрос о совмещении меня с Винавером решен так: съезд краевой, следовательно, и президиум – только краевой, а чле-

ны ЦК входят ex officio* все. Решение благоразумное. После вступительной речи Зеелера вечером, до 2-х часов ночи, происходит обсуждение тезисов доклада Степанова, уже обсуждавшихся и вызывавших возражение в краевом президиуме накануне нашего приезда. Первоначально тезисы составлены под сильным влиянием Шульгина: все государства России разделены на овец и козлищ; резкие суждения и осуждения антисоюзнической ориентации; требования публичного и торжественного покаяния. Я, шаг за шагом возражая, опираясь, между прочим, на формулы, обсужденные в Киеве с П.И. Новгородцевым (совещание «центра» и земской группы). Винавер является посредником, поддерживает все мои возражения и предлагает удобные для меня формулы. В конце концов, весь шульгинский «дух» вытравлен из тезисов. Но Степанов говорит, что ему придется настолько переработать доклад, что к сроку он не поспеет. Его уговаривают Панина и Астров. Наконец, он соглашается на 3 часа. Я соглашаюсь окончательную редакцию поправок передать Винаверу вместе со Степановым.

Новый спор возникает в связи с «волеизъявлением народным». Я возражаю, что эта формула «неограниченного» народоправства, и требую исключения. Многие возражают. Степанов признает мои возражения сильными, но защищает свою формулу по тактическим соображениям. Голосование: 7 голосов за меня, 22 – против.

К концу прения входят в деловое русло. Настроение меняется в мою пользу: Григорович потом говорил, что это моя первая победа.

16–29 октября

С утра иду к Деникину. Разговор длится целый час от 11 до 12 и очень интересен. Я замечаю Д[еники]ну, что он очень поседел. Д[еникин] отвечает: тут поседеешь, когда вы со мной делаете такие штуки. Положение мое было очень трудное. Вы даже не согласились с нами повидаться по возвращении армии, хотя Алексеев и я предлагали вам автомобиль. Я отвечаю: тогда я очень торопился, думая, что нельзя терять времени и что я к вам вернусь. Теперь уже бесполезно возвращаться к старому: я рад, что ошибся.

Расскажите мне, если можете, подробнее о положении. Деникин начинает рассказ. Напрасно меня обвиняют, что я непримирим по отношению к Украине и к Дону. С гетманом мои отношения были такие. Я обратился к нему, давно уже, с просьбой помочь осво-

---

* по должности, по обязанности (лат.).

бождению Ряснянского, но обратился как к русскому генералу, служившему на моем фронте, и начал письмо: «Милостивый Государь». Он обиделся и ничего не ответил. Потом уже он дважды засылал ко мне с очень неопределенными предложениями. Третий раз, недели две назад, он прислал Шидловского[350] с предложением помочь деньгами и вооружением для совместной борьбы против большевиков. Но первым условием был поставлен нейтралитет относит[ельно] немцев. Понятно, я не мог принять этого условия перед самым приходом сюда союзников и ответил Шидловскому, что на этом первом пункте наши разговоры должны кончиться, но что я не отказываюсь возобновить их и помочь Украине, если это условие будет устранено. После этого я прочел приказ гетмана о принудительной мобилизации офицеров. Нужно сказать, что они протестовали, когда мы забрали в Новороссийске (?) одного офицера с русской фамилией, который назвал себя украинцем. А сами они, в нарушение всех международных прав, забирают всех русских на своей территории. Я предлагал, чтобы они дали полную свободу офицерам идти к нам, если хотят бороться с большевиками, а у себя, в особом корпусе, оставляли бы тех, кто не захочет идти сюда. Они же поступили иначе. Тогда мы заявили протест, несколько дней тому назад. Ответа мы пока не получили.

С Доном у нас отношения двоякие: очень хорошие с краем, и очень плохие с Красновым. Он только что жаловался одному приезжему, что мы к нему дурно относимся. Но с ним иметь дело невозможно. Это человек двуличный, ненадежный, честолюбивый. Правда, мы получаем через него немецкое вооружение, но он *продает* нам – и с выгодой: то, что ему стоит 20 коп. (патрон), нам продается за 47 коп. Как только этого препятствия не будет, конечно, мы соединимся с Доном.

Относительно Украинского правительства ко мне приходили Титов и Пешехонов и поставили мне, в долгой беседе, в сущности, три вопроса: 1) Признаю ли верховную власть Уфимского правительства[351]. Я отвечал: *нет*. Странны подобные претензии группы, так случайно составленной. 2) Согласен ли я вступить в сношения с этим правительством? Я отвечал: «*Да*. Но фактически мы отрезаны, и я исполнить этого не могу. Что касается политических вопросов, меня раздирают и справа и слева, а *я упорно молчу*. Я считаю совершенно искренне, что нам надо теперь бороться с большевиками и восстановлять единство России, а вопрос о форме правления и о *способах* его создания есть вопрос будущего». На мой вопрос Деникин подтверждает: «*Да*, не только о форме, но и о *способах* (Учредитель-

ное собрание и т. д.)». Я выражаю согласие. Д[еникин] продолжает: «Я так же искренне и убежденно говорю, что за единство России я могу и буду бороться, но если придется вести *междоусобную борьбу за монархию*, я просто уйду садить капусту. *За это* я не хочу проливать русскую кровь. Я обращаю внимание Деникина, что ему трудно будет определить конец, когда одна борьба переходит в другую, и что уже теперь он должен будет, так или иначе, стать по ту сторону водораздела, который ведет к будущему конфликту по форме правления. Своим ответом Пешехонову он, в сущности, уже многое предрешил. Я также говорю, что ему надо быть менее скромным и решительно заняться постройкой всероссийского правительства именно здесь, на юге, так как Сибирь теперь событиями отодвигается на второй план. Это важно и потому, что именно здесь мы можем поддержать правительство более умеренными элементами. В Киеве эта мысль выливается в форму создания Национального совета из представителей разных групп по типу не «демократического совещания», а московского «государственного», с преобладанием умеренных элементов.

Деникин продолжает свой рассказ: «Всего непримиримее – Грузия, которая хочет быть независимой и принимает с нами невозможный тон. Я приготовил против нее отряд, но пока не пустил его в дело, ограничиваясь требованием об очищении Сочинской области. Когда наступит время, мы быстро с ними покончим». Я замечаю, что Грузия уже начинает чувствовать беспочвенность и трудность своего положения и испытывает Katzenjammer*. Ко мне грузины уже засылали в Киев.

«Крым, – продолжает Деникин, – просит нашей поддержки, и я уже посылаю туда небольшой отряд и полковника для организации тамошних воинских частей. С появлением союзников Крым получил большое значение. Союзники уже дали нам знать через Румынию, что они направятся прямо в Новочеркасск. Теперь мы налаживаем более прямые отношения через Варну, и уже послали (это секрет) ген[ерала] Щербачева для информирования их. Я выражаю сомнение, чтобы Щербачев был хорошо информирован и настаиваю на необходимости обратить на этот вопрос особое внимание. На этом беседа кончается. Я благодарю Деникина за то, что он меня утешил определенностью своей позиции.

Приходит ген[ерал] Санников[352] и приносит мне от княгини Волконской из Одессы сообщения, которые монархический «кружок

---

* похмелье (нем.).

ген[ерала] Гурко[353]» и В.А. Маклаков поручили ей передать Краснову, Деникину и мне лично. Кружок Гурко сообщает, что французы считают, что в России конституционная монархия необходима, как по разнообразию состава русского населения, так и по неподготовленности России в политическом отношении. Только монархия может сделать Россию сильной, а сильная Россия на Востоке Германии нужна для союзников, так как «общество народов» они считают утопией. Они готовы помочь средствами и всячески; но им нужно, чтобы заявления о монархии шли из рядов русских деятелей. Чем скорее это будет сделано, тем лучше. Французы готовы поддерживать русское заявление, все, во главе с Клемансо[354]. В Англии на это согласны консервативные сферы. Нужно убеждать остальных. Америка в этом отношении опасна, ибо смотрит на Россию через свою призму: будущность России там представляется в форме федерации штатов. Но между союзниками уже начинаются разногласия из-за разного понимания пунктов Вильсона.

Второе заседание съезда в 4-ом часу. Доклад Степанова* состоит в повторении тезисов, очень неудачен; Степанов с трудом кон-

---

* Доклад В.А. Степанова

Победа союзников резко изменяет картину, дает возможность близкого освоб[ождения] родины от внешнего и внутреннего врага. Мы д[олжны] найти политич[еский] центр, около к[ото]рого она могла бы объединиться. Создание общеросс[ийской] врем[енной] гос[ударственной] власти – неотложная задача момента – (тезис 1-й).

Ее задачи (тезис 2-й): 1) продолж[ение] борьбы с большевиз[мом],

2) воссоздание России,

3) тесное единение с союзниками,

4) и 5) – по тезисам.

Не б[удем] ставить вопросов о формах власти, к[ото]рая заменит. Только свободным волеизъявлением народа определятся эти формы. Не м[ожет] б[ыть] возвращения к старому в отношении к областям. Но на ее обязанности (по примечанию к тез[ису] 2-му).

Кто д[олжен] принять участие [во власти] и как это сделать?

На Уфим[ском] совещ[ании] образовалась власть путем соглашения ряда организаций – до партии нар[одной] свободы – объявляет себя властью всероссийской.

Нет достат[очных] оснований признать [эту власть], – в ее образовании не принимали участия ряд областей и обществ[енных] сил, отрезанных [от] ю[го-]в[остока] России.

Упомянуто имя М.В. Алексеева – в качестве заместителя ген[ерала] Болдырева. Недостаточно для контакта.

Но достат[очно] оснований сказать, что этот почин [стоит] на правильном пути интегрирования отдельн[ых] областей.

чает, обрывая доклад, и едва прочитывая тезисы. С ним сердечный припадок. Речь Астрова* цветиста, многословна и крайне неопреде-

---

Этот процесс собирания России д[олжен] продолжаться. Очередные задачи партии – содействовать соглашению этих частей м[ежду] собой.

Только те правительства, к[ото]р[ые] стоят на почве лозунга единой России (читает тезис 3-й до слов «а также») – только они имеют право г[ово]рить от имени единой России.

Но многие области не отвечают этому требованию. Украину использовали немцы [при помощи] правительства, в составе к[ото]рого мы видели наших товарищей, и области герман[ской] ориентации – как раз те области, к[ото]р[ые] чуждаются единения. Но мы д[олжны] их привлечь, а также и те, [которые] торжественно, ясно и недвусмысленно заявят, что стоят на принципе единой неделимой России.

На юге и ю[го-]в[остоке] мы имеем области, где вела героическую борьбу Добров[ольческая] армия, ни на кого не опиравшаяся.

Политич[еским] и моральным центром д[олжна] б[ыть] Добровольч[еская] армия – не т[олько] п[отому что] не запятнала себя, но и п[отому] ч[то] г[ово]рила неоднократно: будьте правыми, левыми, любите Россию, и мы идем вместе с вами. (Читает тезисы. Едва дочитывает и уходит из залы.)

Доклад Н.И. Астрова

Это вопросы внутр[енней] политики, как мы ее недавно называли. Но какая внутр[енняя] политика, где нет элементарного существования г[осуда]рства. Существ[ует] взгляд, что с лица планеты стерта Россия: «нет субъекта прав». Карта как будто подтверждает этот пессимизм. Россия пала и разбилась на части. Образовался провал, ширится кровавое пятно, – гангрена – [дело] шайки международных бандитов. Процесс отделения частей происходит под давлением не только идеи самостийности, но и стремления к самозащите: являлась прямая необходимость создавать эти отдельн[ые] части.

Но сами отделившиеся части забыли этот главный мотив и продолж[али] утверждать, что нужно сохранить самостоятельность, чтобы «самоопределение до отделения» восторжествовало. Эта смутность цели поддерживается ныне побежденной Германией в смысле императива, идущего от комендатуры. Никто из нас не верит, что эти заявления искренни и что они м[огут] б[ыть] положены в основу объединения России. Проверены данные, что мобилизация в Сибири имеет блестящие результаты и [что] к ноябрю мы будем иметь 500 тыс[ячную] сибир[скую] армию, надлеж[ащим] обр[азом] вооруженную и построенную не на началах «демократических». Там уже наметились цели, к[ото]р[ые] являются нашими целями. Доблестная, славная, героическая Добров[ольческая] армия крепко держит русскую госуд[арственную] идею. Мы из поруганного центра привыкли считать именно ее носительницей этой идеи: мы любим ее, но не видели еще на севере томления, с к[ото]рым обесчещенная Москва ждет, когда ее колокола радостно загудят навстречу Добров[ольческой] армии: и это будет. Края карты оживают: с севера, востока, теплого южного моря покрываются радостным цветом надежды. Союзники идут, верю, что не осталось следа от меланхолич[еских] настроений, овладевающих неверующими, когда говорилось об интервенции. Нет больше поводов говорить, что России что-то может угрожать, что чьи-то интересы будут

обслужены за счет России. Не будем за них судить, а признаем, что это все в прошлом.

Еще нет офиц[иального] представителя России, но Россия существует... Из-за океана к нам пришли вести: 14 тезисов (Вильсона), там речь идет о признании за Россией прав самоопределения. И союзникам не нужна разорванная на части Россия.

Вопрос об образовании власти создал тягостную атмосферу вокруг себя. Мы имели Врем[енное] прав[ительство] до созыва Учред[ительного] собр[ания]. Сколько было попыток отремонтировать, улучшить эту власть: чинили до того, что она – пала. Теперь нет ничего, чистое поле, пространство, покрытое развалинами, среди к[ото]рых рыщут гиены и шакалы. Для партии нар[одной] свободы вопросом внутр[енней] политики будет прежде всего вопрос, насколько наша г[осуда]рственная партия будет играть роль в процессе пересоздания, насколько она еще сохранится. Наша партия никогда не пользовалась общим признанием; с разных сторон, по поводу каждого движения летели свистки, крики, наносились удары. Таково положение и теперь. Мы обессилены: многие светлые и яркие руководители погибли как искупительные жертвы. Многие сейчас томятся в узилищах, числятся в заложниках; суждено ли им увидеть возрождение России. Многие разбросаны по разным частям и не м[огут] откликнуться. Но с нас ответственность за то, что делается и чего не делается, не снимается. Не боюсь разных точек зрения, но боюсь расхождения ориентаций, к[ото]р[ые] так далеко отводят, что мы теряем возможность судить, что делают друзья. Я обращаюсь к ним с пожеланием, ч[то]б[ы] лозунг объединения царил и в нашей среде. Вопрос пресловутой «ориентации» – не столько он, сколько защита от разных аргументаций, к[ото]р[ые] приводились в пользу идеи, что Россия м[ожет] создать государственность, опираясь на германцев. Партия осталась незыблемой в основном положении: Герм[ания] – враг, искать поддержки которого не приходится; мы продолжаем борьбу и остаемся верными союзникам. Реально вопрос сводится к тому, что, благодаря содействию союзников, мы могли ставить в известность о положении Маклакова, и через него доходили до нас ободряющие отклики. Что касается вопроса о праве местных партийных организаций: мы д[олжны] б[ыли] предоставить им большую степень автономии до общегосуд[арственного] съезда партии, к[ото]р[ый] д[олжен] б[ыл] окончательно вынести суждение об общей партийной линии и о местных уклонениях от нее... Партия остается единой: нет «мы» и «вы», как сказал Григор[ович-]Барский.

Ставился вопрос, не следует ли изменить один из основ[ных] принципов программы и поспешить приспособиться к новому положению. Но, после страстного обсуждения, мы решили не ставить вопроса о пересмотре пар[аграфа] 13 о монархии. Мы по-прежнему не строим себе кумира, а смотрим на форму правления как на способ и средство достижения общегосуд[арственных] целей. Что касается указаний на то, что истор[ический] ход событий заставит Россию пройти через этап монархии, – мы считаем, что это м[ожет] б[ыть] и верно, но не составляет свойства политич[еской] мысли. Мы принимали эти талантливые указания к сведению. Наиболее нормальным для переходного времени мы считаем единоличную власть. По вопросу об участии нек[ото]р[ых] членов партии в полит[ических] образованиях – по их ли инициативе или при их непосредств[енном] участии –

создались в Москве несколько политич[еских] центров, для подготовки условий с целью создания власти в России. Правый центр возник для оказания помощи Добров[ольческой] армии. Тут и обсуждались вопросы об интервенции, о создании восточ[ного] центра, об ориентации. Особ[енно] интересен Союз возрождения России, в к[ото]р[ый] вошел социалист[ический] элемент, желающий установить общие основы постройки р[усского] г[осуда]рства на широкой базе. Как бы мотивированно ни утверждали, что довольно с нас социалист[ических] элементов, эти элементы продолжают существовать и не нашими желаниями одними определяется судьба России. Мы не д[олжны] повернуться к ним спиной. На наш[ей] обязанности, по возможности, найти общую почву, на к[ото]рой можно сочетать течения несоциал[истические] с социал[истическими] группами. В С[оюзе] в[озрождения] мы скоро договорились до общих начал и создали центр, значительно расходящийся вправо и влево. Нужно было ответить на вопрос союзников, где русская г[осуда]рств[енная] мысль, к кому им следует обратиться. Видя наше состояние многоязычия, и союзники чувствовали, что нужно нам организоваться. Это было одно из оснований, к[ото]р[ые] заставили нас торопиться; мы, таким образом, создавали единое представительство, без к[ото]рого и союзники не знали, чего хочет Россия (в вопр[осе] об интервенции). Союз возр[ождения] ставил задачей продолжение войны, изгнание большевиков, объединение России. Наши товарищи хотели коллегиальной власти, мы б[ыли] вынуждены пойти на компромисс [–] директорию трех: военный, несоциалист, социалист. С поправками и изменениями, иногда значительными и глубокими, эта схема теперь реализуется. Я имею в виду схему «всероссийск[ого] правит[ельства]». Это есть и наша схема, выработанная в Москве, но с некоторыми изменениями. Радуют они меня или нет, это дело моего личного ощущения. Но если бы мы стремились сказать: не делайте вновь этой ошибки, – у нас не хватает всех душевных данных. Я видел, как образовывалось это правит[ельство] – в условиях и в среде, которую мы оставили без своего воздействия, – за искл[ючением] одного–двух лиц, к[ото]р[ые] имели против себя весьма сплоченную группу. Предст[авители] Союза возрождения оказались там в весьма небольшом числе, и схема проведена со значительн[ыми] деформациями. Но нам не хватает точных данных об этом. Еще закрыты пути для быстрых сношений. Только издали мы в состоянии отметить неск[олько] черт, к[ото]р[ые] для нас не безразличны и мимо которых мы не м[ожем] пройти. Бесспорно, что 1) там уже произведен процесс объединения маленьких правительств. А наша задача: собирание России. 2) Далее: это образование происходит – не скажу, в полном согласии с союзниками, но они знают о нем, поддерживают, оказывают реальн[ую] помощь (приказ ген[ерала] Болдырева о своей роли «после соглашения с союзниками»). 3) Наконец, разница в том, что на юге создание порядка – чисто внешнего – происходит при участии врагов России; а там независимо, при участии союзников.

Скоро союзники придут и спросят, как и чем нам надо помочь. Неужели они увидят Россию в развалинах, нар[одное] хозяйство уничтоженным. Неужели отдельные части будут лепетать: помогите самостийн[ой] Украине, Грузии, а о помощи России никто своего голоса не заявит. Союзники *хотят* нам помочь, п[отому] ч[то] знают, что великая победа достигнута при нашем участии, ибо

ленна; его отношение к Уфимскому совещанию очень осторожное: он слегка указывает положительные стороны, составляющие осуществление московского решения, но указывает и на серьезные отклонения. В течение доклада интерес публики падает; поднимается, когда заходит речь об образовании власти, — опять падает вследствие неуловимости позиции Астрова. В речи нет острия и ударности. Левые, присутствующие в зале (Пешехонов и другие), недовольны. Следует чересчур обстоятельная информация об Украине Григоровича-Барского*, по поводу которой Шульгин, сидящий на скамье прессы, делает все время недовольные мины. Доклад Винавера о Крыме**

Россия грудью отстояла для них возможность организоваться и создать механич[еские] силы для победы. Наш долг – не забывать Москвы.

* Сообщение Д.Н. Григоровича-Барского

Информация о некоторых моментах действия партии на Украине.

Мотивы вступления в правительство:

1) государственность быстро разрушалась;

2) иначе грозила чистая германская оккупация или чисто украинский кабинет, к[ото]рый бы разрушил русскую культуру и расширил пропасть м[ежду] Россией и Украиной.

Наиболее левым настроением в кабинете было кадетское.

Члены партии в правительстве были, конечно, несогласны с такими административными мерами (цензура, аресты, карат[ельные] экспедиции и т. д.), но не могли влиять на положение, ибо эта область находится в непоср[едственном] влиянии гетмана.

Были, однако, положительные стороны, которые оправдывали наше участие в министерстве:

1) удалось спасти суд от полного разгрома (украинцами),

2) охранить русскую школу, высшую и среднюю, от полной украинизации,

3) записка 9-ти, по нашей инициативе, достаточно оправдывает отриц[ательные] стороны.

Состав тепер[ешнего] м[иниcте]рства: 7 «самостийников» против 8 «несамостийников»: доказательство, что мы не пошли целиком на уступки.

** Винавер

Нам говорят, что нужно б[ыло] пожертвовать улучшениями в области государственности для высшей цели, которой противодействовало украин[ское] правительство. Получился урок для будущего. Именно в момент обсуждения вопроса о самостийности должны были сказаться сила и влияние наших товарищей. Настал решительный момент. Что же оказалось? По кивку из Берлина ушли не они, а ушли вы. Опыт не удался. Цель не была достигнута. Я понимаю трагизм правит[ельства], к[ото]рое, после 6 месяцев, не посмело сказать открыто о суверенитете России. Можно только пожелать, ч[то]б[ы] этот урок дал указание, как нужно выпрямить партийный фронт и воздействовать открыто и смело на общ[ественное] мнение. Как вы теперь сможите это сделать.

имеет очевидной целью очернить Украину и возвеличить Крым – с того времени как он, Винавер, туда приехал и направил партию на ортодоксальный путь ЦК. Попытки Винавера острить и вышучивать раздражают часть публики: он уходит при более жидких аплодисментах, чем вошел. Не помогает и обычный прием: поставить себя под протекцию Петрункевича, которому Вин[авер] читает панегирик и предлагает послать телеграмму. Многим, видимо, понятна тайная цель этого приема: хваля, бранить.

Я выступаю с оговоркой, что тезисы переделаны, и что в главном *мы согласны*. Несогласия во внешней политике исчерпаны событиями. Я *рад, что я ошибался*. Эти слова вызывают шумные аплодисменты (при моем появлении тоже были аплодисменты, продолжавшиеся довольно долго). Я тем более рад, что это *возвращает меня к гармонии* с самим собой, со всеми моими предыдущими заявлениями. Возражаю затем против «волеизъявления» как принятия на себя нового обязательства – считать незаконным всякое правительство, которое не подойдет под условие «волеизъявления». Указываю, что эта формула – или обман и лицемерие, или капитуляция перед идеей «неограниченного народовластия», – идеей, ошибочность которой доказана уроком революции. Неограниченное народовластие – идея *абсолютная*, не допускающая ограничений *извнутри*, из самой себя. Мы не должны говорить о форме правления, но вопрос о *спо-*

В Крыму прямо объявлено прокламацией не «Божьей волей», а «с согласия герм[анского] командования» явилось правительство. В Украине был хоть призыв; тут никто не призвал. Кто-то пришел, и с соизволения «кого-то» создалось правительство. Декларация огромная и такая же кара за нарушение декларации. Вызваны татарские сепаратистич[еские] стремления. Но для татар[ского] правительства пришлось взять литовских татар. При этих условиях возник у нас вопрос: вступать или не вступать в правит[ельство]. В Ялтин[ском] уезде комитет решил положительно большинством 13 против 9, но во главе меньшинства был Петрункевич. Никаких практич[еских] последствий [это решение] не имело. А когда стало известно мнение ЦК, был собран губернский комитет и единогласно принято решение всецело присоединиться к решению Москвы. По поводу борьбы Украины за присоед[инение] Крыма губ[ернское] зем[ское] собрание заявило Лизогубу, что согласно на присоединение, рассматривая это как этап к объединению с Россией. Теперь, после переговоров о мире, единогласно принято решение, при случае, взять власть для объединения России. Вот впечатление от общения с Петрункевичем. «Это – долг чести и долг совести» в междунар[одном] положении. В зем[ском] собрании левые в большинстве. Резолюция о создании власти начинается: «Поскольку это будет в условиях полной политической независимости... Осн[овная] задача: воссоздание единой России. Сулькевич предложил вступить к себе...»

собе создания нормальной власти *предрешает* форму правления, поэтому и о нем говорить не надо: события, все равно, нас опровергнут. Указываю на сугубую ошибку формулы «волеизъявления *народов*», которая может быть приложена даже к теперешней Австрии, самоопределяющейся в смысле независимости отдельных национальностей. Возражаю против морального осуждения и требования публичного покаяния от новообразований, не работавших с союзниками, и предлагаю поправки.

Все остальные прения сосредотачиваются исключительно на трех предложенных мной поправках. Для первой, самой главной («волеизъявления»), у меня нет поддержки: почти все говорящие высказываются против, заявляя так часто, что я и в этом тоже «ошибаюсь», что Зеелер, наконец, просит ораторов не возвращаться к личной оценке моего признания об ошибке. Винавер, возражая мне на мое заявление, что я давно уже, с начала революции, разошелся в этом вопросе, говорит, что тогда положение было иное: *существовала* монархическая власть и дело было в ее *отмене*, а не в ее *создании вновь*. Пробует заявить, что и я создаю двусмысленность и что тогда уже нужно говорить *открыто* о монархии. Я прерываю с места: «и говорят открыто: нельзя играть в жмурки». Винавер смущается. Голосование дает 14 – за меня, 43 – против. Предвидя этот результат, я уже заранее вношу не простое исключение места о «волеизъявлении», а замену его прямым указанием, что обсуждение *характера* нормального строя и *способа* его создания *не входит* в настоятельные задачи текущего момента (формула Новгородцева). Моя поправка «народное» (волеизъявление) вместо «народов» принимается. Принимаются и мои поправки двух мест, где сохранилось порицание по адресу государств другой ориентации: не только отказываются от «торжественного акта» ретрактации*, который предложил было Винавер, вопреки нашему соглашению накануне (это признал и Степанов), но и принимают *против* мнения докладчика большинством 40 против 15 мое *новое* предложение об исключении похвалы Добровольческой армии («не запятнала себя соглашательством»), хотя и заслуженной (я это дважды признал, теперь и накануне), но составляющей косвенное порицание «запятнавшим себя».

Этот мирный конец восстановляет единодушие и заканчивает перемену настроения, произведенную моим признанием в ошибке.

---

* ретрактация (от франц. rétractation) – отказ от своих слов.

По поводу последнего Астров горячо жмет мне руки, говоря, что теперь все преграды к моей деятельности рушились, а Панина говорит, что она только что находила, что я должен произнести *именно эти* слова и что это мне «так легко».

Обсуждаются в президиуме тезисы Винавера по внешней политике*. Написаны хорошо и умно. По поводу условий эвакуации он

Доклад Винавера по междунар[одной] политике

Начинается доклад «с воспоминания». Полгода назад на Западе напор германских полчищ, поддерживается 130-ю дивизиями, грозивших Парижу. На рубеже России позорное торжище над телом России. В Москве – въезжал на колеснице гр[аф] Мирбах. В это самое время, бок о бок с правителями, представители нашей партии, знавшие, что за это им грозит насил[ьственная] расправа, собрались в Брюсов[ом] переулке, ч[то]б[ы] проверить себя, ибо из Денежн[ого] переулка пускались щупальцы во все стороны: им нужно было взять в плен мозг и сердце России. Наше собрание могло казаться собранием фанатиков, закончившимся повторением исповедания веры: Россия не д[олжна] примазываться к победной колеснице, а обращаться к союзникам как равный к равному.

Теперь – Вильгельм ждет судьбы, Лилль взят французами. Мы имеем право ликовать, потому что в минуты страданий были с ними: отсюда предложение – обратиться с приветом по поводу побед, к[ото]р[ые] они одержали.

Зеелер предлагает приветствовать Гокье. Гокье говорит несколько слов.

Винавер продолжает.

Наша вера и сознание солидарности интересов оправдались.

На трех устоях покоилось наше решение остаться верными до конца. Мир еще не заключен. Ждут соблазны на почве уступок. Ждет борьба на конференции. Но мы крепки верой и сознанием положения и чувством долга. Нам говорят: «Россия перестала быть субъектом права, договоры м[огут] признаваться недействительными». Мы отказались от этой диспенсации, признав, что Россия жива. Договоры наши как были, так и остались.

Договоры с большевиками подписаны двумя подписями, исходящими от одной и той же стороны.

Никто не признал украинских правителей, поставивших вторую подпись, – кроме тех, кто поручил им подписать (аплодисменты).

Россия не совершила никакого акта.

Кто должен представлять требования от нашего имени? Из чего д[олжна] состоять «единая» Россия?

Был пущен лозунг самоопределения. Эта трагикомедия из трех этапов:

1) Ген[ерал] Гофман вел диалог: вы признаете самоопределение? Так самоопределяйтесь. «Самоопределение» Украины.

2) Сношения с урезанной Россией и оккупация для «самоопределения».

3) Рапорт по начальству, что Курляндия, Литва – «самоопределились».

Это – захват земель, под флагом самоопределения!

Никто от суверенитета не отказался.

советуется со мной предварительно и выполняет мое предложение. Я вношу ряд поправок, которые он принимает. Всего тяжелее ему отказаться от интродукции*, в которой он хотел получить санкцию на *свой* (не голосованный) доклад о внешней политике в ЦК в Москве (тот самый, на который я написал критику) и, таким образом, получить косвенное осуждение меня. После моего резкого несогласия на то, чтобы предлагать собранию санкционировать то, чего не только оно не слыхало и не знает, но даже и я забыл, а другие члены ЦК (Степанов) оспаривают с фактической стороны, Винавер чувствует невозможность защищать свое предложение и ретируется. Он, однако, заменяет его фразой, сохраняющей смысл его предложения («подтверждая» и т. д.) и направленной против меня. Возражать против этой фразы, впрочем, уже не приходится: я не могу требовать особой деликатности по отношению к моей персоне.

17/30 октября

Утром приходит Gauquié[355] и спрашивает моего мнения по разным вопросам. 1) Он понял значение Киева и юга, переживших особую психологию революционного времени. 2) О настроениях юга франц[узский] представитель в Яссах знает *только* от Шульгина: это источник слишком односторонний; надо Шульгина ввести в группу лиц, авторитетных для Европы, и, таким образом, расширить и исправить информацию. Простая посылка русской делегации за грани-

---

Программа Вильсона, пункт 6-й. Освоб[ождение] русской территории. Гарантия содействия других наций к принятию независ[имого] решения относ[ительно] собств[енного] полит[ического] разв[ития] и нац[иональной] политики. Россия сама для себя изберет образ правления.

Вильсон не входит в обсуждение вопроса об отнош[ении] к частям. Исключение сделано только для Польши.

Есть требования более срочные.

От чего отказываются большевики? Отказы – «в политич[еской] части, а экономич[еская] часть остается: вывоз *золотого запаса* и товаров.

Грабительский вывоз ценностей д[олжен] б[ыть] *немедленно прекращен*.

Что касается оккупации – сложность тут в том, что нельзя сразу вывести иноземную военную силу. Очищение должно происходить по соглашению.

Серия документов, исходящих от Германии, новый, 5-й союзник – «военное средство». Большевизм: не пускать газов, отрав – и уничтожить 5-го члена союза центр[альных] держав.

1-й наказ нашим представителям – члены партии, входящие в состав. Инициатива центр[ального] органа.

* интродукция (от лат. introductio) – введение.

цу для этой цели недостаточна, так как из заграницы, все равно, спросят его же, правильны ли заявления такой делегации. 3) Ему неясно, кого и в какой форме надо поставить во главе русской власти. Как я отношусь к Директории[356]? Я отвечаю, что к Директории отношусь отрицательно, к Уфимскому правительству также, и что я очень рад, что события отодвигают Сибирь на второй план, давая первое место югу. Этим надо воспользоваться, чтобы здесь создать не Директорию, а диктатуру. В лице Деникина я вижу готового диктатора. Ни Корнилов, ни даже Алексеев к этой роли не подходили так хорошо. Фигура Корнилова сохранилась в прекрасном историческом освещении, но при свете событий, в действии, обнаружились бы его отрицательные качества. Алексеев, при всех его достоинствах, не волевой человек. Деникина я всегда уважал за его воинские качества, а теперь вижу, что, при всей неопытности, он не лишен и качеств политика: то, что он делал, есть хорошая политика.

Гокье говорит, что Деникин не был решителен, что он слишком скромен, что его надо рекламировать и хорошо окружить. С этим последним я соглашаюсь. Затем Гокье просит устроить совещание из Шульгина, Степанова, Астрова, Винавера и меня, чтобы от имени этого совещания немедленно составить заявление к союзникам о задачах России. Русским должна принадлежать инициатива заявления. По мере обсуждения выясняется и содержание этого заявления. Надо показать союзникам, что юг России, для них особенно интересный, является более естественным центром и исходной точкой восстановления России, чем Сибирь или Мурман. Надо указать взгляд русских на ближайшие задачи действия. Надо высказать желания России. Я сказал, что тезисы Винавера явятся хорошим исходным пунктом. Гокье повторил, что нужно сообщить этим мнениям не только «кадетский», а более широкий характер, к сожалению, здесь нет никого из социалистов, которых можно было бы пригласить в совещание для удовлетворения общественного мнения союзников. Я говорю, что пора дать понять союзникам, что к России нельзя прилагать западные шаблоны и что они уже много повредили нам этой своей тактикой. Соглашаюсь поговорить об устройстве совещания. С Винавером и Астровым Гокье уже говорил, хотя не в столь детальных чертах. На мое замечание, что я, вероятно, дискредитирован среди союзников моей ориентацией, Г[окье] ответил, что мой авторитет, именно в технических вопросах, слишком велик, чтобы меня обойти. Могу ли я переселиться из Киева? Теперь нет; если

серьезно понадобится в будущем, то да. Гокье считает, что теперь надо иметь в руках, с одной стороны, Киев, с другой – Екатеринодар, и тогда Уфу можно будет уравновесить.

Приходит Сагателян. Он бежал с трудом из Кисловодска, где был арестован с другими армянами, на Ставрополь. Рассказывает про большевистские ужасы. Бегло обмениваемся мнениями об армянском вопросе. Я ставлю вопрос, следует ли делить Кавказ на три части? Он отвечает (по секрету), что, по его мнению, Кавказ д[олжен] б[ыть] един.

Заседание съезда. Меня убеждают говорить после Винавера. Чувствую, что это нужно, и импровизирую большую речь в поддержку его тезисов. По окончании он подходит и пожимает руку. Публика довольна: слава Богу, единство восстановлено.

Вечером, по закрытии съезда, заседание членов ЦК. Я рассказываю про киевские решения, читаю проект состава Национального совета, набросанный П.И. Новгородцевым. Затем переходим к проекту «конституции» Добровольческой армии, в ее отношениях к краевому правительству. Проект написан месяца два назад К.Н. Соколовым со Степановым и теперь обсуждается в Особом совещании[357]. Шансов на принятие, по словам Степанова, нет, ибо краевое правительство против. По проекту, главнокомандующий армией (Деникин) есть диктатор, к которому переходит верховная власть, «*остававшаяся* по Основным законам» 1906 г. за императором. При нем совещательный совет, который, «в порядке подчиненного управления», действует с правами министров. Краевое правительство действует в круге местных дел, перечень которых прилагается, так же как и перечень общеимперских дел. Идея та, что по мере расширения завоеваний или сферы влияния Добровольческой армии совершается, с одной стороны, объединение России под военной диктатурой, с другой – создаются местные автономии. Обсуждается проект, при обсуждении выясняется: 1. Трудность устранить от участия во власти местные правительства и невозможность ввести их, не перейдя к *коллективной диктатуре*, на манер Уфимской. 2. Неясность самого процесса собирания России под эту форму и 3. Опасность конфликта собранной южной России с собранной Сибирью. Мне поручают переговорить с Шульгиным до общего совещания завтра утром, так как он спешно составляет записку для Особого совещания и едет *один* в Яссы[358].

18–31 октября

С утра иду к Лукомскому. Уславливаемся повидаться в 8½. Он упрекает меня, что я сказал Деникину, будто он не приводил мне в Киеве как раз тех доводов, которые в действительности решили победу союзников. Напоминает, что говорил мне о рассыроплении французских войск американскими солдатами, которых бьют, когда они сражаются отдельно. Говорил, будто бы, и о новых средствах техники. Я напоминаю ему, что теперь еще не выяснилось действие танков.

Иду к Шульгину, – застаю его больным. При обсуждении темы записки, которую он действительно сегодня пишет, обнаруживаются разногласия в наших взглядах. Он не склонен стремиться к взятию Москвы теперь же, думает, что нас там наверное предупредят сибирские войска, если их действительно 400 тысяч. Но *к тому времени* необходимо укрепиться на *юге для серьезного* разговора с севером о форме правления. Создать монархию путем пронунциаменто* он не надеется: нужна предшествующая или последующая санкция. Я отвечаю, что санкция может быть только последующая. Говорим о роли Ник[олая] Николаевича. Деникин намеренно не назвал себя «верховным». Вел[икий] кн[язь] Ник[олай] Ник[олаевич] *поставит* царя. Я решительно возражаю против этого способа. С точки зрения оккупации юга, как *первой* задачи, Шульгин оценивает и возможность немедленного прекращения оккупации немцев. Возражаю, что нельзя *распылять* Добров[ольческую] армию и что ее задача все-таки Москва, где она должна будет стереть главу змия. Тот, кто будет владеть Москвой, будет владеть Россией. Шульгин, напротив, утверждает, что Москва поблекла вслед за Петроградом. Убеждаю его ввести в записку тезисы Винавера об условиях перемирия. По его замечанию, в пунктах Вильсона имеется «самоопределение», замечаю, что Винавер сговорился о докладе и о тезисах с В.А. Степановым, который тоже усвоил это ошибочное представление о тексте Вильсона. Необходимость специально установить толкование этого термина в смысле федерации. Объясняю, что в тексте Вильсона нет и самого термина «самоопределение».

У могилы М.В. Алексеева. Панихида в подземелье собора. Терновый венец, перевитый андреевской лентой, – от близких. Венок от франц[узской] миссии: «Au heros immortel grand patriote, homma-

---

* пронунциаменто (от исп. pronunciamiento) – государственный военный переворот.

ge de profonde admiration»*. Масса венков и лент над проломом в полу, в который и опущен гроб. Молча расходимся.

В 5 часов у Винавера – собираемся только к 6-ти – Астров, Панина, Степанов, Шульгин и я. Шульгин читает письма к нему Энно[359] от Saint-Aulaire'a[360] с просьбой приехать в Яссы и изложить свое мнение о задачах союзников по отношению к Украине. Шульгин поясняет, по поводу упоминания письма о монархии, как об общем желании России, что он и его друзья уже целый год обрабатывают Saint-Aulaire. Самая записка исходит опять из классификации государств на овец и козлищ, причем Украина и все Randstaaten оказываются в одной категории с Совдепией, так что их нужно тоже или завоевывать или оккупировать. В связи с этим Шульгин и ограничивает задачу Добровольческой армии плюс союзники оккупацией русского юга и уничтожением всех следов «украинства», с оставлением за населением лишь прав «малорусского просторечия» как языка вспомогательного в низших классах школы и языка, допустимого для обращений обывателя по начальству и в суде. Правда, он упоминает и о другой возможной задаче – взятии Москвы, но тут же раскритиковывает этот план, предполагая, что в Москву раньше придут сибирские войска и что затем нужны будут переговоры и соглашения между умеренным и крайним правительством.

Я возражаю, что «украинский» вопрос есть лишь частный случай национального движения в окраинных государствах, что Россия и при самодержавии поддерживала прибалтийские народности против немцев, что в этих народностях, в литовцах и т. д. мы получим врагов, если будем давить на национ[альные] стремления; что вопрос о присоединении Галиции становится проблематическим, если мы заменяем «украинство» «малорусским просторечием», что нельзя распылять Добровольческую армию (утром Шульгин сказал мне, что ее не больше 60 тысяч, 4 неполных дивизии пехотных и 3 дивизии конных) и употреблять ее в качестве гарнизонов Украины, отказываясь тем самым от главной национальной задачи – взять Москву и разрушить центральный аппарат «советской власти», что кто владеет Москвой, тот владеет Россией и т. д. Шульгин уперся на своем: не хочу опускать флага на финише. Я объясняю, что Шульгин – вождь политической группы, имеющей успехи на выборах, что мы не можем ожидать спуска его флага и что остается, признав записку его

* «Бессмертному герою, большому патриоту, в знак глубокого почитания» (франц.).

личным документом, попробовать составить другой, куда ввести *наши* бесспорные темы об условиях перемирия и т. д.

Маленький эпизод. Винавер предложил было Зеелеру[361] подписать телеграмму с приветствием союзникам, которую он же предложил послать на съезде, не одному краевому комитету, а и членам ЦК. Тут он заявил, что телеграмма должна начинаться первой фразой – о верности союзникам. Я сказал, что в таком случае мне неудобно подписываться и лучше вернуться к мысли о подписании одного Зеелера. Тогда Астров и Панина стали настаивать на изменении текста телеграммы. Винавер, смущенный, начал говорить, что это было его предложение, что потом он подумал, что, действительно, лучше подписать одному Зеелеру, чем менять текст телеграммы. Видя, что все молчат, он начинает говорить что-то несвязное, из чего постепенно выходит предложение – изменить текст, ч[то]б[ы] я мог подписаться.

Я ухожу к Лукомскому (7½ час. вечера). Обстоятельный разговор с Л[укомским]. Я передаю ему содержание записки Шульгина. Он говорит: «Я отвечу, что план похода армии – есть *мое* дело, дело штаба, и никого другого». По существу признает, что задача армии будет – поход на Москву, а не занятие Украины. Согласился и с тем, что в Украине можно фактически оставить германцев. Он уверен, что мнение Ш[ульгина] не сделается мнением Добров[ольческой] армии. Относит[ельно] трех пунктов наших требований от перемирия сказал, что иностр[анный] отдел Добровольческой армии уже принял такие же решения: дня три тому назад в Яссы и в Варну, а также английскому генералу (Денстервилю[362]) в Персию послано сообщение, в к[ото]р[ом] говорится и о приостановке действия Брест[ского] договора и о возвращении флота и о борьбе с большевиками.

Что касается создания власти, я ему сказал, что в разговоре с Харламовым, Воронковым[363] и Зеелером мы решили – или настаивать на принятии проекта Добровольческой армии (верховная власть *над* краевой) или оставить все в прежнем виде, но на включение представителя края в верховную власть (и на превращение ее в *коллективную*) не соглашаться. По этому образцу будут присоединяться и другие области. Но Деникин не авторитетен: ведутся переговоры с вел[иким] кн[язем] Николаем Николаевичем, – возражает Лукомский. Я заметил, что это ошибка, с монарх[ической] точки зрения, т[ак] к[ак] Ник[олай] Ник[олаевич] станет мишенью и дискредитирует идею монарх[ической] власти раньше, чем она превратится в совершившийся факт. Лук[омский] ответил, что это еще нерешенное дело. Относительно нашего съезда Л[укомский] повторил то, что мне

сообщил Зеелер. Они не пришли на съезд, чтобы не создавать прецедента. Съезда социалистов они не допустят, а социалистов на днях отсюда выгонят. Я рассказал ему про Национальный совет: он понял мою идею замены представительства трех «центров» непосредственно представительством партий.

После Лукомского чаепитие в краевом комитете. Обсуждается вопрос о газете, о кандидатуре Деникина в атаманы. Меня отзывают военные, настаивают на газете в *Екатеринодаре*. Я ставлю условие: соберите 500 тысяч рублей. Генерал обещает. Поздно приходят Астров и Панина, сообщают, что решено, чтобы я и Винавер писали записку: настаивают, чтобы я остался.

19 октября – 1 ноября

Утром приходит Фальборк[364], жалуется, что Степанов ведет левую политику в Особом совещании. Он отражает настроение офицеров, которые недовольны высшим командованием за неопределенность политики. Левые меня ругают за германскую ориентацию. Правые отвечают им: это только предлог, а причина та, что Милюков против левых. Цитируется мое мнение о народовластии и скверная статья А. Васильева[365], кадета, в шульгинской «России»[366]. Неприличные нападки на Зеелера.

Поездка на ферму, где убит Корнилов.

Высокий правый берег Кубани. На высоком месте «ферма», состоящая из двух зданий: длинные службы, крытые красной черепицей, и маленький оштукатуренный домик, деревянный, крытый железом. На стороне домика, обращенной к Екатеринодару, маленькая угловая комната Корнилова, тесная, с выступающей печкой. Угол, в который ворвалась бомба, пробив отверстие, уже замазан. На крашеном полу нет следов разрушения. Отступая от угла, вырезан в полу четырехугольник, в котором под полом построен фундамент для небольшого мраморного креста, увешанного венками. Между памятником и углом – в углу столик с двумя иконами, перед которыми теплится лампада. Стол грубой работы побольше размером, за которым работал Корнилов перед смертью, отодвинут в угол между стеной и печкой. На нем следы разрушения, произведенного снарядом.

Снаружи – дыра в нижней части стены, замазана и следы разрушения уничтожены.

Раненного Корнилова вынесли на площадку высокого берега Кубани. Тут стоят два креста: поменьше, над местом смерти Корнилова, над ним посажена плакучая ива с опущенными ветвями. Рядом крест побольше над могилой жены Корнилова. По Кубани идет пароход: равняясь с могилой, приспускает флаг.

Площадка возле фермы (за деревьями) на крутом обрыве над Кубанью, где покоится жена Корнилова и поставлен крест на месте кончины Корнилова.

По возвращении свидание с В.П. Рябушинским[367] у Зеелера. Везет Деникину приветствие от объединения торгово-промышленников и показывает свои неограниченные полномочия. А деньги везете? Нет, но везу право для Добров[ольческой] армии нас облагать, как она хочет.

У Винавера. Готова телеграмма, в которую Винавер-таки вставляет фразу о своем докладе в мае и о решении конференции к. д., закрепившем «верность союзникам». Я отказываюсь подписать. Степанов присоединяется к идее – сохранить текст и поставить одну подпись Зеелера. В конце концов Винавер вынужден вычеркнуть это место и я подписываю.

Приходит в 5 часов Родзянко и развивает свою мысль о созыве в Екатеринодаре Государственной думы, Церковного Собора и Совета Республики. Я признаю это технически невозможным (оказывается, он говорил об этом с Деникиным, который тоже отнесся скептически). Излагаю наш план и состав Национального совета. Родзянко разочарован. Так к. д. не поедут? Не поедут. Тогда и затевать нечего.

В 6 ч[асов] совещание с группой Сев[ерного] банка о газете. Мое вчерашнее предложение принимает форму. Они предлагают внести 600 тысяч с тем, ч[то]б[ы] общественная группа внесла 400 тысяч, и образовать акц[ионерное] общество для издания к. д. газеты. Газета д[олжна] б[ыть] «учреждена П.Н. Милюковым». Соглашаюсь. В 165 000 идет типография партии. Найдутся ли остальные 235 000, еще вопрос.

Возвращаюсь домой и принимаюсь писать aide-mémoire*.

Зеелер, Николаев[368] и другие члены краевого комитета передали Деникину, Драгомирову и др. решение съезда. Трогательная речь Зеелера. В своем ответе Деникин, между прочим, говорит, что Добровольческая армия «окружена предательством и изменой». Не знаю к чему отнести. Я отношу к левым.

Пешехонов получил сегодня телеграмму из Харькова, уведомляющую, что союзники передали весь подряд (на всероссийскую власть) одному Николаю Дмитриевичу (Авксентьеву).

---

* памятную записку (франц.).

Астров и Панина имели совещание с левыми (Союз возрождения). Те экзаменовали, исходя из *моих* речей на съезде. Хотят ли к. д. создать всероссийскую власть *здесь*? Ответ: нет, но они не считают единственной всероссийской властью и Уфимскую. Как относятся к Учредительному собранию? Панина произнесла сильную речь, в которой говорила, что со времени соглашения в Москве произошли две перемены. Во-1-х, левые признали *теперешнее* Учредительное собрание, хотя в Москве согласились не признавать его; во-2-х, с юга приходят союзники, а это меняет дело.

Вечером у Винавера. Панина настаивает на продолжении разговоров о внутренних вопросах. Они и Винавер, видимо, смущены правой ориентацией Добровольческой армии и, вероятно, со слов левых, предсказывают, что Добровольческая армия изолирует себя и будет уничтожена, что Россия разделится на части и будет гражд[анская] война и т. д. Как я смотрю на положение? Отвечаю принципиальным отрицанием «неограниченного народовластия», утверждением, что направления Добровольческой армии изменить не удастся. Винавер ссылается на постановления съезда. Я признаю заявление левых, что эти постановления уклончивы и двусмысленны и допускают разные комментарии. Они очень недовольны. Винавер говорит, что в случае появления монархии грозит раскол в партии. Я говорю: да, или пересмотр программы, или раскол. Спрашивают о вел[иком] кн[язе] Ник[олае] Никол[аевиче]. Я рассказываю о посещении ген[ерала] Санникова. Панина настаивает на созыве пленарного засед[ания] ЦК в Крыму (при Петрункевиче). Я говорю, что это неосуществимо и предлагаю Харьков.

Телеграмма союзников посылается с прибавкой о верности и без подписи членов ЦК, о чем меня уведомляет Астров, спрашивая, имею ли я что-либо против. Конечно, не имею. Решению этому, видимо, предшествовали свидания с Гокье. Я прошу Винавера все-таки писать и свой текст aide-mémoire, предупреждая, что хотя я стараюсь писать объективно, но глубокая разница в наших точках зрения может все-таки сказаться.

20 октября – 2 ноября

С утра приходят чехи и осведомляются, главным образом, о вопросе, считаем ли мы их миссию конченной вместе с окончанием войны с Германией. Отвечаю, что большевики есть настоящий союзник Германии, против которого продолжают бороться наши союзники, что чехи заслужили свое государство именно борьбой не с германцами, а с этими их союзниками и что задача будет кончена лишь

тогда, когда признают ее оконченной наши союзники. – Они сообщают, что после моего отъезда из Ростова было получено письмо (ответ) Масарика[369], ими вскрытое. Масарик говорит там, что не может помогать Алексееву, потому что он монархист, и убеждает меня соединиться с с. р. и меньшевиками. По их словам, чехи остались в России только потому, что их задержали большевики. От большевиков был отправлен парламентером пленный Макса[370] с предложением прекратить борьбу и уехать во Францию. Его отослали ни с чем: Макса дискредитирован. Из масариковской ориентациии остается в Сибири только доктор Павлу[371]. Остальные, Чечек, Гайда и др., ближе к Крамаржу[372]. Между ними и сибирскими войсками существуют трения. Сибиряки уже предлагали им уходить. Значительная часть сибирских войск не может быть употреблена против большевиков, потому что заражены большевизмом. Чехи вообще считают, что не должны вмешиваться в русские дела, но они думают, что это неверно (видимо, речь идет о вмешательстве в политику на правой стороне). Они имеют поручение от Деникина и Драгомирова. Здесь объявлен набор. Просят меня помочь убедить болгар разрешить набор добровольцев в Болгарии.

Теперешнее чешское правительство Крамаржа и Клофача[373] ближе к Дюриху[374], чем к Масарику.

Приходит Ю.М. Лебедев и рассказывает, что Елачич[375] привез с собой целую организацию Земского союза с Румынского фронта, штат служащих, три миллиона денег, разные склады. Хотел служить Добровольческой армии. Но Главный комитет Земгора наложил руку, потребовал объединения, а затем выдвинул «демократических» деятелей, которые захотели прибрать все к своим рукам и употребить деньги на «политику». Елачич попался в ловушку и, кроме авансов тысяч на 500, выдал тысяч 300 (не на эти ли деньги издается «Родная земля»?). Потом заметил и стал протестовать против «политики». Тогда ему грозили отставкой, а затем и осуществили угрозу. Он не подчинился, отделился и обратился в Особое совещание Добровольческой армии. Степанов принял сторону левых, и ему было отвечено, что во взаимные партийные пререкания Добровольческая армия не вмешивается, а имеет дело только с Главным комитетом. Теперь Елачич, чтобы сохранить деньги от левых, а вещи – для их настоящего употребления, хочет легализоваться у Краснова и оттуда помогать Добровольческой армии. Просит поговорить с Драгомировым.

Разговор был у Астрова с Деникиным. Из него Астров сообщил пока только то, что Деникин назвал работу съезда – «плагиатом». «Мы не политики, а сделали то же». В сущности, верно, что через

Шульгина и Степанова идеи командования перешли в доклады съезда, и мой разговор с Лукомским подтверждает близость наших резолюций и решений Добров[ольческой] армии.

Вечернее заседание ЦК. Доклад Тер-Карапетова о Закавказье и Грузии затягивается. Хотел читать мою записку, но Винавера вызывают к Деникину, а Астров должен на полчаса пойти к Гокье. Антракт, в течение которого я кончаю записку.

Против моей записки – только частные возражения, которые смолкают, когда перевожу отдельные места по-русски. Винавер прочитывает свой проект – в стиле ноты, после которого колебания, все склоняются к моему тексту.

21 октября – 3 ноября

Переписываю записку с исправлениями. Делаю визиты Драгомирову и Нератову[376]. У Драгомирова ждет Астров; поэтому беседа короткая. Я излагаю резюме своих впечатлений. 60-тысячная армия борется против 160-ти тысяч. Внутри ее разъедают левые течения. Получается впечатление непрочности положения. Правда ли? Драгомиров не опровергает, говорит, что решено бороться с левыми. Затрагивает тоже вопрос о нашей киевской беседе. «Моя привычка никогда сразу не убеждать умных людей, – подумают и потом сами признают свою неправоту». Я говорю, что хотя Лукомский и напомнил мне, что он говорил про американцев и про технику, но мое впечатление все же, что никто из нас не предвидел, как в действительности сложатся факты. Жизнь сложнее обсуждений.

Беседа с Нератовым. Он показывает мне записку, очень бледно написанную, которая действительно содержит многое из того, что сказано и нами, но у нас сказано лучше и решительнее. Записка очень небольшая: очевидно, exposé общего положения в области и в соседних, про которое мне говорили, сделано в другой какой-нибудь записке. Здесь только требования от перемирия. Нератов замечает, что с высшим командованием можно говорить, но что молодежь, окружающая его, крайне непримирима, как в вопросах о Доне и Украине, так и в вопросах отношения к левым. Я замечаю, что именно в интересах умеренного решения нужно соединиться со всеми элементами наличной государственности. Свергая гетмана и Краснова, мы сами не знаем, кому мы открываем путь. Затем я указываю на необходимость привлечь германцев к международной экзекуции против большевиков. Нератов согласен. С.Д. Сазонов приезжает завтра.

Харламов рассказывает, что во временном совещании с краевым правительством по вопросу о создании власти ни до чего не до-

говорились. Кубанцы предлагают создание *союзного совета* вместо единоличной диктатуры. Добровольческая армия на это не идет, а донцы (Харламов, Воронков и Зеелер) ее поддерживают. Кубанцы заявили, что предложат свой контрпроект. На этом пока прения остановились.

Вечером совещание с Шульгиным и с нашими о записке. Астров приходит с левым настроением. Гокье очень встревожен, что Добровольческая армия не поладит с левыми и с уфимцами. В разговоре с Деникиным Астров заявил, что он не принимает назначение в «директоры», но пока и не отказывается от него. Он написал с Чаской (летит завтра через Каспийское море в Сибирь) вопросы Уфимскому правительству, и от ответов зависит его решение. Между тем, сегодня в «Родной земле» напечатано о заседании и о программе Уфимского правительства: весьма неприемлемая позиция. Они же сообщают из Харькова, что союзники признали Уфимское правительство всероссийским. Астров боится закрыть себе путь на случай, если потом признают его участие в Уфимском правительстве нужным.

Шульгин сразу признает, что записка написана очень хорошо и согласен подписать. Делает только частное замечание. Винавер опять настаивает на заявлении, что мы составим общее представительство России (это, по его идее, есть первая форма объединения). Астров немножко смущенно заявляет, что не может подписать, если будет сохранена последняя часть записки от слов «nous ne touchons»* до конца. Шульгин предлагает спасти конец, вычеркнув фразу: «nos alliés feront bien»** Винавер настаивает на выкидке и следующей фразы: «sans nous attarder»***. Но тогда получается отсутствие перехода от «формы правления» к «единому правительству». После многих убеждений и неоднократного прочтения всего текста по-французски и по-русски Астров соглашается, что в остающемся тексте ничто не предрешает его отношения к Уфимскому правительству. Он предлагает даже дать почитать записку Пешехонову. Я не склонен (по этому поводу обсуждается и вычеркивается первая фраза «soussignés»****: «non socialistes»*****). Винавер говорит, что не стоит предлагать, потому что все равно Пешехонов не подпишет (Винавер понимает, что

---

* не касаемся (франц.).

** наши союзники сделают хорошо (франц.).

*** без нашей задержки (франц.).

**** нижеподписавшиеся (франц.).

***** несоциалисты (франц.).

общий дух и тон записки после всех изменений все-таки не вытравлен). Предлагает еще подпись Родзянки. Я нахожу, что его не надо рекламировать. Кто-то говорит, что он только обидится, что записка составлена без него и потребует перемен. Я подписываю свой текст записки.

21 октября – 3 ноября

Перед совещанием Панина меня отозвала в отдельную комнату (у Сокольских) и заявила желание «договориться до конца». «Все-таки мы расстаемся с новым разногласием: вы пойдете и будете действовать обратно с нами, несмотря на решение съезда». Я отвечаю: решения двусмысленны и допускают разные толкования. Конечно, я буду толковать по-своему. «Неужели нельзя вас убедить, вы так уверены в себе, что никакие доказательства до вас не доходят? Вы непроницаемы. Ведь Россия не может вернуться к тому моменту, с которого сошла, вопреки вам». Я отвечаю: я действительно потерял надежду сговориться до конца. Очевидно, в основе лежат различные впечатления целой жизни. Для меня все то, о чем мы спорим, представляется в виде реального вывода из реального опыта. Я *знаю*, что стоит за отвлеченными фразами везде, где они говорятся. Я слишком много видел и наблюдал. Вы считаете, что мои ссылки на «законы истории и социологии слишком отзывают доктринерством и неподвижностью». Но это не так. Я, конечно, признаю, что Россия сдвинулась с прежней точки и на нее не вернется. Но отрицаю, что Россия ушла так далеко, как вы думаете, вопреки законам человеческой психологии. – Так и не договариваемся.

Перед уходом из квартиры Винавера Степанов отзывает для отдельной беседы. Он за монархию, хотя попытки публичного исповедания этого взгляда здесь встречаются упреками в партийной измене. На чем я основываю свою уверенность, что монархия восторжествует? Я отвечаю: на том, что убедятся в невозможности *иначе* создать власть, нужную для России. Убедятся в этом и союзники? Моя цель – убедить их в этом без лишних тяжелых опытов. Но чтобы убедить, нужно быть искренним. Добровольно стушевываясь перед левыми, мы этот шанс теряем и повторяем опыт с Керенским. Союзники разберутся, когда войдут с нами в прямые сношения и поймут, что нельзя давать монополию власти уфимским [э]с[е]рам. Теперь они делают это в *предположении*, что выполняется московский план, на который и мы согласились. Когда увидят, что это не так, и поймут, что обстановка глубоко изменилась, возможно, что они внесут соответствующие изменения. Прощаемся дружественно.

Я ему советую поддерживать в Особом совещании равновесие, ввиду левых устремлений Астрова.

Астров выражает сожаление о моем отъезде. Я отвечаю: я своим удалением вам облегчу отношения с левыми, главные нападения которых направлены на меня.

Газета что-то не клеится. Некоторые капиталисты не очень склонны внести свои 235 000.

Вечером 10 час. 40 мин. На вокзале. Степанов, Николаев, Сокольский провожают. Отъезд в Ростов.

22 октября – 4 ноября

Приезд в Ростов утром, 10 час. Останавливаемся у Лидии Александровны Парамоновой. День проходит в телефонных переговорах. Говорю с Зеелером в Екатеринодаре, что 200 тысяч в газету могут быть доложены здесь и газета – издаваться в Ростове. Вечером Сватиков[377] приносит свои записки о заграничной поездке.

23 октября – 5 ноября

Утром приходит Харламов и сообщает последние екатеринодарские новости. Краевое правительство окончательно отказалось принять проект Добровольческой армии, хотя были сделаны уступки. Добровольческая армия настаивала на неограниченной власти *только* в сфере военного командования, соглашаясь в сфере гражданского управления подчиниться конституционным гарантиям. Харламов и Воронков были у Быча. Пока убедили его участвовать в создании представительства перед заграницей (Винавер согласился по этому поводу с Шульгиным) и в создании общего командования на Юго-Восточном фронте (Добровольческая армия, Кубань, Дон, Астрахань).

Шульгин на совещании с нашими высказывал очень пессимистические взгляды на то, что уфимцы предупредят и что, самое большое, можно достигнуть представительства перед заграницей на *паритетных началах* с ними.

Деникин намечал для представительства Сазонова, ген[ерала] Гурко (или Драгомирова) и кого-нибудь для экономической и финансовой стороны. Согласился на создание более широкого представительства, которое бы давало директивы.

В совещании Астрова, Паниной, Степанова и Винавера с Харламовым, Воронковым и Зеелером обсуждался вопрос, следует ли предоставить случайному ходу создание персонала власти при Доб-

ровольческой армии или же, сговорившись между собою, следует составить список и предложить его Добровольческой армии. При обсуждении был предложен Набоков в управляющие делами. Винавер возражал, что Набоков виновен в германской ориентации. Ему ответили, что это – домашнее дело. Затем Винавер представлял отвод, что кто-нибудь из двух – он или Набоков – обещали остаться при Крыме в Крымском правительстве.

Намечавшийся список:		Мои кандидаты
Ин[остранных] дел – Сазонов	Милюков	–«–
Вн[утренних] дел – Зеелер	(если Астров руковод.)	Новгородцев
Юст[иции] – Винавер		Набоков
Нар[одного] пр[освещения] – Новгородцев		Мануйлов ?
Фин[ансов] – Бернацкий[378] Федоссев	Никифоров,	Коковцов
Тор[говли] и пр[омышленности] – Парамонов		по указанию промышленников Кривошеин
Пути сооб[щения] – Шуберский[379], Кисляков, Юренев[380]		по указанию инженеров Ливеровский
Земл[еделие] – гр[аф] Игнатьев		кадет или кадетоид тов. Демидов
Прод[овольствие] и сн[абжение] – Салазкин[381]		–«–
Контр[олер] – Степанов		–«–
Упр[авляющий] делами – Набоков, Соколов		Гримм

Я Харламову возражал по поводу случайных кандидатур. Шуберский, Бернацкий едва ли авторитетны. Торговлю и промыш[ленность] нужно спросить кандидатов у промышленников*. Игнатьев не

* Так в тексте.

подходит для аграрного вопроса. Винавер заявил, что он войдет только, если, осмотревшись, увидит, что нет антисемитских тенденций — Новгородцева использовать только для народного просвещения — неправильно. Все кандидаты на пути сообщения — неавторитетны.

Сговариваемся с Харламовым, что завтра утром я приеду в Новочеркасск.

В 4 часа приходит А.И. Гучков[382]. Между прочим, рассказывает о своем разговоре в Новочеркасске с Денисовым[383]. Они с атаманом собираются объявить, что так как Донская область очищена от большевиков, то остаются под ружьем 30 000 чел., а остальные могут вернуться по домам. Желающие могут записываться в добровольцы и идти освобождать Воронежскую губ[ернию]. Освободив, они вооружают воронежцев, и передают защиту Воронежской губернии им, а они освобождают соседнюю губернию, мобилизуют ее и т. д., и так освобождается вся Россия. Гучков слегка критиковал этот «детский» план.

Вечером заседание местного комитета. После доклада Зеелера о съезде дополняю по схеме: съезд застал Екатеринодар в процессе *сдвига* от московских решений Национ[ального] центра и Союза возрождения — к вновь сложившемуся положению. *Исходная точка*: статья Шульгина в «России» — доклад Степанова — доклад Харламова. «Ю[го-]Вост[очная] область» — аннекс* к Сибири; Добровольческая армия — этап по дороге в Сибирь, где будет всероссийское правительство и куда должна уйти и сама она.

Перемены. «Восточного фронта» нет и не будет до весны. До Сибири добрались немногие. Из триумвирата вышла пятиглавая директория: вместо военного, уравновешивающего кадета и социалиста (Авксентьев — Алексеев — Милюков) — три социалиста против военного (Болдырева — тоже социалиста?) и *одного* к. д. (Астрова). Вместо Восточного фронта, продолжающего войну с германцами, — перемирие, мир и проникновение союзников в Черное море. Ко всему этому — организация несоциалистических и цензовых элементов в Киеве. Борьба между социалистами и несоциалистами *за* Добровольческую армию.

Результат перемен – сдвиг. Сибирь отодвигается на второй план, юг России — на первый. Тезисы Степанова, исключающие участие Украины и Дона и ограничивающие круг «избранных» Юго-

---

* аннекс (от франц. annexer) – отходить.

Востоком – переделываются на более широкий базис: *весь юг* (устранение его оговорок и винаверовской нетерпимости). Харламовский доклад о «Ю[го-]В[осточном] союзе» теряет значение при этой – более широкой – постановке. Вопрос о создании всероссийского правительства при Добровольческой армии занимает место вопроса о создании местного разграничения между Добровольческой армией и краевыми правительствами. Возникает вопрос о составлении министерского списка для Добровольческой армии. (Зеелер рассказывает, что он ходил к Деникину и Драгомирову и получил их согласие на предложение – систематизировать участие к. д. в работе и предложить генералам список министров.)

Переходная стадия. Деликатные вопросы.

1. Об отношении к Уфимскому правительству. Позиция Астрова. Мы не знаем об уфимцах, союзники не знают о нас.

2. О форме правления и о способе ее образования. Зеелер рассказывает, что Пешехонов и Руднев долбят, что «широкие массы не примут и т. д. иначе, как через Учредительное собрание». Моя поправка и ее провал. Лицемерие?

3. Личные. Винавер против меня и Набокова. Старается, по наблюдению Зеелера, непременно попасть в международную делегацию. Зеелер говорит, что ему стало противно (история посылки телеграммы с подписями моей и Винавера, – или с одной подписью Зеелера).

24 октября – 6 ноября

Еду в Новочеркасск. Заседание комитета партии. Мой доклад приблизительно по той же схеме. Сообщения Гучкова о Денисове подтверждаются. Вечером отъезд в Харьков.

25 октября – 7 ноября

Поезд опаздывает. В 4 часа обед и доклад в Харьковском комитете.

Отъезд в Киев.

26 октября – 8 ноября

Целый день в поезде. Приезжаем в Киев в 11-м часу вечера, с опозданием на полсуток.

27 октября – 9 ноября

Утром приходит полковник Ильин[384] с поручением от St. Aulaire'а персонально ко мне: принять участие в совещании в Яссах 3 ноября (стар. стиля). Читает мне протокол предварительного совещания (русского) «Инициативного комитета», начавшего свои действия с одобрения представителей союзных держав. Мнение представите-

лей союзных держав, что Россия должна быть объединена и принять форму конституционной монархии. Это пока – мнение отдельных представителей союзных держав. Из протокола видно, что Поклевский-Козел[385] оспаривал возможность созыва совещания в Яссах, ввиду влияния немцев и возможного нежелания румынского правительства. Энно ответил на это, что согласие Румынии уже имеется, а влияние немцев не имеет значения. На сомнение Поклевского, не лучше ли создать совещание при Добровольческой армии, Энно ответил, что с Екатеринбургом сообщение гораздо труднее. Конечно, национальное совещание, которое устроится *прочно* в результате совещания в Яссах, может быть подвижной группой и переезжать куда понадобится.

Ильин уже имел совещание с Национальным центром (М.М. Федоров) и Союзом возрождения. Тот и другой дали формулы своих мнений. Союз возрождения желает восстановления демократических самоуправлений и коллективной диктатуры, признавая, однако, что власть получит тот, в руках кого будет военная сила. Он и Национальный центр представляют себе образование власти, как условлено в Москве: т. е. триумвират, а не так, как сделано в Уфе. Относительно «демократических самоуправлений» Федоров дал уклончивую формулу.

Нац[иональный] центр посылает в Яссы двух. Союз возрождения тоже двух и оба вместе еще одного. Неизвестно, сколько пошлет Союз [государственного] объединения. Меня вызывают «персонально», независимо от отношения ко мне партии.

St. Aulaire выразился: у Милюкова так много заслуг перед союзниками, что на последнее отступление мы смотрим как на отдельный эпизод, отошедший уже в прошлое. «Если никто не приедет, но Милюков приедет, то наша цель будет достигнута».

Однако они хотят, чтобы правый и левый фланги совещались вместе и выработали общее соглашение. Устраняются только крайний правый (абсолютисты) и крайний левый фланги. Я замечаю, что если мы сходимся, то не имеет смысла персональное приглашение: собственных мыслей я высказать не смогу. На это Ильин отвечает приведенным мнением обо мне. Говорит, что если не удастся установить соглашение между правыми и левыми, то англичане принуждены будут ввести союзнически-русскую диктатуру.

Вечером организационное собрание Союза государственного объединения России[386]. Присутствуют 37 человек – от Маргулиеса[387] до Безака. Мне рассказывают, что Шубинский и его компания чинили всякие препятствия, требовали, чтобы половина Союза состояла из членов Г[осударственной] думы и Г[осударственного] совета и т. д. Бюро

взяло на свою ответственность присоединение к Союзу. Действительно, на заседании Крыжановский и Шубинский предлагают отложить выборы исполнительного органа Союза на неделю, до следующего пленарного собрания членов Г[осударственной] думы и Совета, которые перевыберут бюро. Они, очевидно, не довольны, что меня наметили в товарищи председателя, а Меллера – в председатели. На выборах я получаю 5 отрицательных голосов (со своим). Собрание отвергает их претензии. После выборов требуют моего доклада, который я и делаю.

28 октября – 10 ноября

Заседание выбранного совета, где намечаются депутаты в Яссы. Я, Меллер, Маргулиес и Кривошеин. Долго разговоры о назначении вел[икого] кн[язя] Николая Николаевича главнокомандующим войск. Кривошеин произносит речь в защиту этого (собственно, он и предлагает). Я возражаю, что это дискредитирование монархии раньше времени; что для одного того, чтобы поставить когонибудь над Красновым и гетманом, этого делать не следует, что можно выдвинуть Деникина. Меня поддерживает Шубинский, но переходит к большинству, когда Ильин говорит, что англичане прямо поставили ему этот вопрос для передачи нам. Кривошеин защищает гетмана.

29 октября – 11 ноября

Совещание отъезжающих у меня. Кривошеин запаздывает, так как его вызвал гетман. Гетман ставит ему, как ответственному государственному деятелю, вопрос и просит совета, что ему выбрать: пожертвовать порядком для своей личности или судьбой своей личности – для порядка? Он сторонник русской ориентации. Но объявить ее сейчас – значит быть захлестнутым волнами народного движения и подвергнуть всех опасности резни. Он хочет, по крайней мере, сохранить репутацию защитника порядка. Дня через 4 гетмановские войска разложатся. Кривошеин отвечает уклончиво: у него нет в руках аппарата информации, но по старому инстинкту человека, бывшего у власти, он считает страхи гетмана преувеличенными.

Гетман не сказал ему о только что полученной в украинском штабе радиотелеграмме, что германское командование предлагает правительству отвергнуть «грабительские» условия мира, предложенные союзниками (демобилизация армии, сдача всего флота, подводного и надводного; отход на правый берег Рейна и т. д.). «В Берлине социалистические беспорядки. Боятся, что германцы отсюда побегут».

Выработка плана поездки.

30 октября – 12 ноября.

День тревожных слухов. Приносят сведения, что германские солдаты произвели здесь выборы в Совет солдатских депутатов, что

пятеро солдат совещались с Мануильским[388], что сегодня ночью они арестуют гетмана. Вечером Варун-Секрет в заседании Союза сообщает, что предстоит министерский кризис на почве решения гетмана – запретить национальный конгресс 17 октября. Гетман колеблется, и нужно на него теперь же нажать. Но уже сейчас ряд симптомов свидетельствует о происходящей перемене. 1. У гетмана был представитель Добровольческой армии и просил об устройстве прямого провода с Новочеркасском и Екатеринодаром. 2. Завтра будет разрешена вербовка офицеров в Добровольческую армию. 3. Решено выпустить всех офицеров, арестованных германцами. За город Варун не боится. Националистов и большевиков считает естественными антагонистами. Но деревню обуздать, если она восстанет, нет силы. – Я возражаю, что у националистов с большевиками всегда была интимная связь, хотя, конечно, в случае победы националистов, они не удержатся у власти и будут сметены большевиками. Я спрашиваю, что мешает офицерам, единственной силе, поддержать гетмана? И отвечаю: их русская ориентация. К гетману надо идти лишь тогда, когда он нам может что-нибудь сказать официально, что будет принято за *полную перемену*. Если не может, лучше не идти.

Кривошеин после нашего заседания все равно идет к гетману. Я ему указываю тактику: или решительная ретракция, или обождем представляться.

В двусмысленное положение мы себя ставить не должны.

Гетман вчера и сегодня дважды виделся с Винниченко.

ПОЕЗДКА В ЯССЫ

(1–14 ноября – 10/23 ноября) 1918 г.

Одесса (12/25 – 19 ноября/2 декабря)
Константинополь (21 ноября/4 декабря – 28 ноября/11 декабря)
Мраморное и Средиземное море (29 ноября/12 декабря – 2/15 декабря)
Италия (3/16 декабря – 5/18 декабря)
6/19 декабря Париж

Вечером *31 октября – 13 ноября* мы выезжаем из Киева. Левые уехали вперед.

С 2-х часов дня 1–14 ноября в Одессе. Нас размещают по различным квартирам: у Брайкевича[389], Клепинина[390], Штерна. В 3 час. ве-

зут в помещение военно-промышленного комитета. Там происходит совещание Национального центра с нашим союзом. М.М. Федоров излагает свои тезисы. Они почти все бесспорны: остаются открытыми лишь вопрос о верховном командовании (так как Кривошеин продолжает настойчиво предлагать Ник[олая] Ник[олаеви]ча, то я предлагаю отложить обсуждение), вопрос об образованной власти (М.М. Федоров настаивает на условном признании Уфимского правительства; иначе разорвемся с левыми). Я напоминаю о вопросе об отношении всероссийского центра к местным образованиям.

Кривошеин отводит меня в сторону и говорит, что надо ввести в комиссию Пильца[391], который приглашен лично. Федоров, в другом à párti*, очень против Пильца, хотя получил от Алексеева предложение взять Мин[истерство] внутр[енних] дел, но теперь это предложение кассировано, и у него совершенно нет права ехать — Кривошеин говорит, что он думал, что, получив приглашение, Пильц его отклонит. Однако же, он принял. Надо ввести его. Я предлагаю ввести. Соглашаются.

С другой стороны, Маргулиес сообщает, что хотят присоединиться Третьяков и Брайкевич. Третьяков — товарищ председателя, и о нем нет сомнений, о Брайкевиче сомнения. Кривошеин возлагает решение на меня. Тогда я — за. После новых колебаний я предлагаю послать в Киев телеграмму, что с нашей стороны нет препятствий и мы просим подтверждения полномочий. Пишу телеграмму под диктовку Кривошеина. Затем еще вопрос. Едет ли с нами А. Крупенский[392]? В каком отношении к нам? Я настаиваю, чтобы он остался *вне* нашей компании. Мотив тот, что нам нельзя поднимать вопроса о Бессарабии. Принимается, что Крупенский едет независимо от нас.

Вечером пишу 4 статьи Штерну для «Од[есского] листка» — о моей екатеринодарской поездке. Слухи, что на границе обыскивают и отбирают все бумаги. Оставляю свои бумаги у Штерна.

2–15 ноября

Выезжаем утром из Одессы. Поезд тащится весь день. Представители левых выехали в Германию с очевидным настроением опередить нас. Нам предоставлен вагон и получено разрешение провести его от Тирасполя до Бендер (это путешествие теперь проделывается на лошадях и пешком, по мосту). Едем в составе: от Союза госуд[арственного] объединения: Меллер, Маргулиес, я, в Одессе присоедин[яются] Третьяков и Брайкевич. От Нац[ионального] центра

* (здесь) составе (франц.).

М.М. Федоров, Чемберс[393], лично приглашенные Пильц и Хомяков[394], добровольцем – А. Крупенский. Так как решено не поднимать вопроса о Бессарабии, то Крупенского мы в свою компанию не включаем. В Бендерах входит священник, который просит провезти его в Кишенев к семье. Я говорю, что мы не имеем права сделать это. Тогда он предлагает за свой страх проехать с нами, хотя бы в Кишиневе его арестовали. Я отказываю; указываю, что это поставит комиссию в неудобное положение. Он говорит, что хочет сообщить мне о положении Бессарабии. Я советую ему написать записку, обрабатываю его насчет будущего, но не разрешаю публично говорить о нашем мнении по поводу Бессарабии. После обеда на ст. Раздельной собираются в наши два купе и возвращаются к обсуждению тем, уже обсуждавшихся вчера. Федоров излагает, Меллер председательствует.

Тезисы Федорова:

1) В Яссах т[олько] временное заседание, постоянное должно быть в России, около штаба Добровольческой армии, состав – обсудить.

2) Поддержка Добровольческой армии деньгами, снарядами и людьми.

3) Одновременное движение союзников на юге, для борьбы с большевиками.

4) Переговоры с союзниками ведутся всей Россией, никаких переговоров с отдель[ными] частями.

5) Образование правительства. Вопрос о центрах, Уфимском и Екатеринодарском: Уфимское [правительство] – эпизод, неправильный. Всюду должны быть созданы правительства, а дальнейшие связи – результат хода событий. Правит[ельство] исключит[ительно] *русское*, без участия иностранцев.

6) Командование едино; во главе всех армий – Деникин.

7) Верховная власть *временна*, – т. к. форма правления дело народа, – должна быть *единоличная* диктатура; в виде компромисса – директория. Диктатура сливается с командованием.

8) Брестский договор никогда не признавался р[усским] народом.

9) Немедленное участие русского представительства в прелиминарных переговорах о мире, причем теперь же могут быть намечены лица, в помощь которым должны быть приглашены старые послы.

Пункты, оставленные открытыми:

1) личность верховного командования,

2) образование власти,

3) участие местных государств в образовании власти и в делегации.

Хомяков. Освобожд[ение] от большевиков – дело всей Европы, а не *т[олько] наше*. Это международное дело.

Федоров. Тут 2 момента. Действие – на территории России; восстановление мощи России – в интересах союзников. Подчеркнуть одну последнюю цель – было бы односторонне. Если придут как чужая армия, то отнош[ение] народа будет отрицательное как к немцам.

Брайкевич. Русский командующий даст авторитет правительству и облегчит пополнение местными элементами. Ставить вопрос в международном масштабе – значит углублять их внутренние разногласия.

Кривошеин. Это имеет и другое удобство: не будет разделения военной и гражданской власти. У меня сомнения отн[осительно] Деникина. Его назначение *теоретич[ески]* покрывает все: но будет ли исполнено? Донцы и украинцы не подчинятся. Союзники могут приказать, но исп[олни]тся ли это? Чтобы устранить затруднения, нужно поставить лицо *выше* других. Под в[еликого] к[нязя] Ник[олая] Ник[олаевича] пойдут *все*, и Краснов. Гетман. Популярен в изв[естных] слоях, желателен для союзников. Надо прозондировать почву в делах у союзников: их отнош[ение] могло измениться после последних событий.

Пильц. Вместе в пользу Ник[олая] Ник[олаевича] пойдут охотно все существующие организации. В Добровольческой армии течение в пользу его, и на Дону, и на Украине. Выгода превалирует над неудобствами. Англичане определенно *за* Ник[олая] Ник[олаевича]. Но не надо решать окончательно, а надо позондировать почву.

Федоров. Мотив – борьба самолюбий русских генералов, без другого, более важного соображения. Жестокая задача – суровые меры. Безначалие, отсутствие желания труда. Лечить придется каленым железом. Взваливать это на плечи лица импер[аторского] дома при неизбежности конституционной монархии неправильно по отнош[ению] к будущности монархической идеи, мы переживаем свержение с тронов, поднимать этот вопрос сейчас – политическая ошибка. Вопрос уже решен союзниками в пользу Деникина.

Я говорю о личности Деникина, о взглядах Добровольческой армии, о кампании в пользу Н[иколая] Ник[олаевича].

Маргулиес. Нужно выбрать первое и важнейшее: правильную борьбу с большевиками и потом решить второй вопрос: устройство России. В пользу Н[иколая] Н[иколаевича] то, что это *властное* лицо, привыкшее командовать. Устраняет споры, собират[ельное] начало у офицерства и солдат. *Но* – необходимы поправки. У генералов Ник[олай] Ник[олаевич] популярен; отн[осительно] солдат сомнительно. Тех солдат уже нет. В пользу Деникина: как главнокоман-

дующий? Качества Корнилова для полит[ики], партизанской войны. Деникин не соберет низов: это уже *аксиома*. В низшем офицерстве не б[удет] возбуждать антимонарх[ических] чувств. Т[ак] ч[то] для *первой* задачи я скорее был бы склонен к Ник[олаю] Ник[олаевичу]. Если не пойти дальше: кто будет меньше препятствовать установлению строя? Возможность конст[итуционной] монархии исключ[ена]. Плюс в пользу Н[иколая] Н[иколаевича], если он скомпрометирует монархию: хорошо, если он скомпрометирует *лично* свою кандидатуру. В итоге: для *первой* задачи нужен Н[иколай] Н[иколаевич].

Федоров подтверждает мое суждение о Деникине. Умный, порядочность, сила воли. Большев[истскую] армию сдерживают террор и деньги.

Кривошеин. Теоретически и принципиально – соображения против Ник[олая] Ник[олаевича] правильны. Но в действительности – даже Корнилов и Алексеев друг другу уступить не могли. Отн[осительно] офицерства я не автор идеи, но среди офицерства: идея чрезвычайно популярна. Не идут в Добровольческую армию, п[отому] ч[то] там неясные принципы. Приказать можно, но будет плохое положение. Я не думаю спрашивать союзников. Надо прийти к *единому* мнению. Затем нельзя противиться, если они окажутся несогласны. Я думаю, что я буду пророком. Но, если все за Деникина, я не возражаю.

Брайкевич. Надо создать русского Фоша[395]. Наиболее *свежий* авторитет – лучше. Посадить вождя *над* Деникиным – неосторожно по отнош[ению] к республиканским и конст[итуционно-]монархич[еским] элементам армии. Союзникам Ник[олай] Ник[олаевич] будет казаться призраком реставрации. Что касается масс, – несомненно, *низы*, мечтающие о хозяине, будут приветствовать Н[иколая Николаевича]. Другие – встретят с большой неприязнью. Против Деникина будут левые, но против Ник[олая] Ник[олаевича] еще больше. Деникина защищать легче.

Третьяков. Если борьба с большевиками – насущная, то нужна крупная яркая личность. Это Ник[олай] Ник[олаевич]. Деникина не знают. Кроме того борьба с Красн[овым] и Скоропадским может осложниться борьбой местных генералов. Если русский народ узнает, что Ник[олай] Ник[олаевич] посажен, поймет, что это и есть – новый монарх. А *мы* так не понимаем. Это вызовет демагогию. Я скажу: для *данного* момента *не* Ник[олай] Ник[олаевич].

Пильц. Я разумел сегодняшние телеграммы. *Если* состоялось соглашение с Деникиным, я бы не стал возражать. Всякая перемена правительства теперь опасна: поэтому нельзя не считаться с Красно-

вым и Скоропадским. Краснов сделал очень много для России и для Добровольческой армии. Нельзя не вспомнить его добрым словом. Украина нас всех приютила, дала возможность проявления наших идеалов. Полож[ение] Добровольческой армии без Корнилова было бы скомпрометировано, а для Краснова и Украины единств[енно] приемлем Ник[олай] Ник[олаевич].

Кривошеин. Между мною и П.Н. [Милюковым] мало разногласий. Но насколько он хороший психолог? Верна ли характеристика Деникина. Г[ово]рят, наоборот: *неукротимое, железное честолюбие*. Так думают все товарищи.

Меллер. Считает Ник[олая] Ник[олаевича] желательным. Получил мандат от большинства групп Союза [государственного] объединения и закон[одательных] палат. Но не хочу относиться к мандату с закрытыми глазами и считаю, что нельзя теперь поднимать вопроса о Ник[олае] Ник[олаевиче]. Союзники только что назначили *русского* генерала, вполне подходящего. Не нам делать поправку к их великолепному жесту. Со времени наших рассуждений возглавление совершилось и изменилась политич[еская] конъюнктура. Те же лица теперь сказали бы, что Ник[олая] Ник[олаевича] надо *оставить в резерве*, как потенциальную силу для буд[ущего] объединения России. Если не поднимем этого вопроса, это не исключает возможности частного разговора.

А.В.[Кривошеин]. Официально предлагать нельзя, ибо это будет укор по адресу Деникина.

Федоров. Мы будем разговаривать с левым сектором в Яссах. Если будем г[ово]рить о Ник[олае] Ник[олаевиче], невозможно. На Деникине согласится, хотя неохотно.

Хомяков. Я не имею никакого мнения о Деникине и невысокого мнения о Ник[олае] Ник[олаевиче], который не оправдал себя ни как главнокомандующий, ни как человек. Решающий голос будут иметь иностранцы. Если Деник[ин] не утвержден, я за Деникина.

Чемберс. Назнач[ение] Ник[олая] Ник[олаевича] может посеять рознь, которую желательно избежать. Уфим[ское] правит[ельство] протестовало бы. Идею и лицо монархии нужно бы было охранять.

Резюме Меллера: если Д[еникин] назначен – *приветствуем*, если не назначен – *советуем*, кандидатура Ник[олая] Ник[олаевича] – в глубоком резерве.

Вопрос об образовании власти

Федоров. Единоличная верховная власть. Уступки во всех трех лицах. При этом лице – правительство из лиц, отмеч[енных] твердо-

стью и знанием аппарата, не считаясь с принадлежностью к партии. Наиб[ольшая] часть этих лиц – объединенная общественность.

Деникин – с ним переговоры о приглашении определенных лиц.

Я. Информирую о решениях армии.

Наступает темнота и перерыв до свечей.

Обсуждается вопрос об отношении центрального правительства к областям. Кривошеин стоит за возможно осторожное трактование. Я настаиваю на том, чтобы центральная власть имела всюду свои исполнительные органы. Маргулиес настаивает, что органы при Добровольческой армии должны быть только совещательные. Я указываю, что *уже теперь* они не только совещательные. Соглашаются, что есть известные области общегосударственных дел. Как они д[олжны] б[ыть] выдел[ены]. Брайкевич и Маргулиес рекомендуют переговоры и соглашения. Я указываю, что надо иметь в запасе общие решения и признать за Добровольческой армией право проводить эти решения своими органами. Деникин издает преторианский эдикт[396], ставит вопрос об отношении к Украине. Решено не завязывать отношений с украинским представителем в Яссах. Заявить, что не признаем независимости, а отнош[ение] частей к целому должно быть определено будущим законодат[ельным] собранием. Мы лишь выговариваем право Деникину ограничивать компетенцию местных властей в интересах *объединения* России и *военных.*

Чемберс. Пока власть не получит <1 нрзбр.> снабжения, невозможны оп[е]рации.

Третьяков. Необходимо для той же цели установить *экономическое* единство России.

В Бендерах нас встречает представитель румынского правительства, обращающийся с приветствием ко мне и прибавляющий приветствие лично от Братиану[397]. Затем приветствует представитель французской миссии Маринкович[398] (?), помощник Belloy[399]. Нам прицеплены два вагона и приготовлен обед. Румынский представитель садится возле меня. Расспрашиваю его о положении Румынии. Правительство возвращается к законам Братиану о наделении крестьян землей и об избират[ельном] праве. Палаты только что распущены, скоро будут выборы на основании всеобщего избирательного права. Ожидается победа либеральной партии. Других партий нет. Попытка Vintola Bratianu образовать крестьянскую партию признана *ненужной* после реформ Братиану. В этом году – большой неурожай. Через неделю <1 нрзбр.> переезжает в Бухарест. Германцы, уходя, взорвали мосты.

Ильин сообщает, что Деникин официально еще не признан главнокомандующим.

Братиану будет со *мною* говорить о Бессарабии.

Вопрос о выборе председателя экспедиции. Все мнутся. Полунамечается Меллер, но чувствуются задние мысли.

3–15 ноября

Утром в 10 час. в Унгенах. Вопрос о представительстве. Намечается: председатель [–] Меллер, товарищи [–] я и Федоров. Секретарь – Малютин[400].

Яссы. Встреча на вокзале. Развозят по квартирам. Завтрак у Поклевского. Приходит Hainaut, который сегодня едет в Киев и рассказывает свои новости. Письмо гетмана к Белецкому с просьбой передать союзникам, что гетман переходит на их сторону (всегда сочувствовал и т. д.) и просит их поддержки. Коростовец вошел здесь в сношения (частные) с членами через Поклевского и поощрен к занятию поста мин[истра] иностранных дел. Через него гетман настаивает, чтобы Hainaut или *какой-нибудь* представитель союзников приехал в Киев. Hainaut колеблется, боится попасть в фальшивое положение. Он получил известие, что в случае приезда и Национальный союз сделал распоряжение – перехватить его, посадить в салон-вагон союза и поместить там опытного в украинском вопросе человека, чтобы обратить его в свою веру. Мы (с Меллером) рассказываем ему положение и настаиваем, чтобы он отложил поездку. Hainaut соглашается. Ковалевский по телефону переговаривается с послом. Поездка отложена. Подходят другие члены делегации, при участии которых и принимается это решение, после заседания делегации с инициативным комитетом. Поклевский читает бумагу Нератова, которую я видел в Екатеринодаре. Я дал объяснения о смысле фраз относительно Польши и Финляндии. Затем Маргулиес произносит по-французски комплиментарную речь в честь союзников. Осведомляем Hainaut о положении Украины подробнее: я колеблюсь. Поедет – приложит руку; не поедет – пропустит возможность влиять на события.

После окончания заседания переходим вниз, в помещение канцелярии консульства, для заседания отдельного и обсуждения между собой.

Еще в вагоне Поклевский рассказал внезапный переход Румынии на сторону союзников, по указанию французского посла: ночью решил, утром объявил войну Германии, через 14 часов заключено перемирие (потому и мосты разрушены).

Совещание в канцелярии консульства

Новиков[401]. С согласия Добровольческой армии мы (Союз офицеров) предполагаем, что мы могли бы вооружиться и <1 нрзбр.> вооружить, напр[имер], благород[ную] часть населения – раньше части населения, которая выступила бы против гетмана. Возможность военной организации теперь увеличилась. Но в обществе (Киеве) замечается странное [настроение]: оно готово почить на двух дружинах: университет и политехникум уже успокоились. Буржуазия и интеллигенция, организовав дружину на Прорезной, успокоились и отказали в материальных средствах. Свой союз я решил вооружить: дал наказ превратить союз в вооруженную организацию. Если удержим военный склад, то не дадим вооружиться противогосуд[арственным] элементам. В Киеве много оружия: найдены 2 лафет[ных] орудия, пулеметы, ружья и т. д. (в арсенале). В кажд[ом] доме 2–20 винтовок у «самозащиты». Г[овој-рят дворники и швейцары – и не сдали оружие. Если правит[ельство] пойдет более навстречу, опасность выступления невелика. Украинизация оттолкнула железнодорожников. Но у них (Канев, Фастов, Васильков Черниг[овской] губ.) остатки местных большевиков: укр[аинских] войск Шевченко, курени смерти и т. д. Есть украин[ские] офицеры: <2 фамилии нрзбр.>. Банды концентрируются больше в Киеве (в Мотовилове, в <1 нрзбр.>) – вырезывают варту. Помимо офицеров и студентов есть надежда на 500–600 чехов. Есть сардинская дивизия: офиц[ерские] и унтер-оф[ицерские] кадры целиком и до 5000 хлеборобов. Что это такое, не знаем; 4-й серб[ский] полк – большевистский. Унтер-офицерский кадр – около 200 чел. на полк – нечто неопределенное; полагаться в случае coup d'état* – нельзя. Есть 2 войсковые части: гетманский конвой, до 900 чел., – из неукраинских элементов, и отряд особого назначения (около Лавры), до 300 чел., тоже надежный. Державная варта – 1200 – подобрана с выбором, но никто на нее не надеется. Варта арестовала большевиков и пристреливали. У Святоп[олк-]Мирского записалось 1200 (*Маргул[иес]*: 1052 и кирпичевских 600). Всего – до 5½ тысяч. Но 1) в Киеве 4 бронированных автомобиля (*Марг[улиес]*: 4 автомобиля у гетмана) ненадежны. 2) 2 полка немец[кой] пехоты, полк конницы, 2–3 батареи артиллерии. Они постановили быть нейтральными, а могут и снабдить оружием. Наше вооружение слабое: 2 вагона ручных гранат на полигоне, потом и герм[анские] части. Артиллерийский склад охраняется и нами, и немцами. Там 30 тыс. винтовок, 7 млн. патронов и т. д. В арсенале масса всяк[ого] имущества: поход[ные] кухни, двуколки.

---

* государственного переворота (франц.).

Настроение у нас бодрое. Январских событий – не повторится. Киев наполнился подозрит[ельными] элементами. От 8–15 тыс. большевиков (сведения герман[ской] комендатуры). В последние дни удалось арестовать человек 300 большевиков, в т[ом] числе их штаб. Правда, герм[анские] солдаты уже требовали их освобождения в Лукьяновке.

Объединены в руках ген[ерала] Волховского[402], начальн[ика] гарнизона.

Фундаминский. Все внешние соображения неосновательны, п[отому] ч[то] все зависит от психологии. В Украине массы возбуждены и расчет соотношения сил невозможен. Единств[енный] реальный момент – психология. Одна миноноска в Одессе – одно. Каждый день промедления – другое.

Брайкевич. В Одессе – Мустафин[403] производит сумбур: варта – сам[ые] разнообр[азные] настроения. На Новосельской кадруется Союз р[усского] народа. Профсоюзы настроены в пользу думского сеньорен-конвента[404]. Все попытки думы создать самооборону терпят неудачу. Заключена связь с Союзом офицеров – 600–700 чел. – литовцами, поляками, белоруссами. Евр[ейская] оборона – чел[овек] 400 – не спаяны. С военной точки зрения, может быть, не будет опасности. Но в случае действий националистов может начать варта, уже объявившая себя в 3-х участниках нейтральной к большевикам. Если союзники заявят гетману, что Россия неделима, что восстановление предрешено, если бы гетман продекларировал это, то был бы м[ежду] пр[очим] энтузиазм. «Реальные силы» ничего не стоят. Сегодн[яшнее] настроение не дает возможности объединения. Против националистов никто пальцем не ударит. К нему может примазаться Рос[сия], что угодно*. Необходимо плавание судов к Одессе и Николаеву; декларация союзников об объединении России.

Федоров: возвращает беседу к главной теме – самый важный вопрос, как отметил Поклевский, *единство представительства.* От крайне правой до крайней левой ясно, что, не теряя минуты, союзники д[олжны] выступить и поддержать единств[енную] армию – Добровольческую. Договориться нетрудно в вопросах *ближайших.* Надо бросить все остальное и говорить об одном: как вывести Россию из беды. Надо, чтобы союзники знали, что того-то и того-то желает вся Россия. Они иначе отнесутся, если увидят *единый* план, без колебаний. Прошу приступить к выработке требований относит[ельно] союзников.

---

* Так в тексте.

Маргулиес возвращается к вопросу о появлении союзников в Киеве и Одессе. Нужно сейчас же обратиться к тем, кто может решить этот вопрос. Решить безотносительно обращения к начальнику эскадры около Константинополя, который не хочет высаживаться на украинской территории. Надо требовать несколько <1 нрзбр.> в Одессу. Просить пожаловать кого-нибудь из штаба Бертело[405].

Меллер формулирует предложение Федорова, присоединяется, но разделяет и взгляд Маргулиеса: вне зависимости от наших разногласий надо добиваться возможно скорейшего вступления на территорию.

Все констатируют, что тут нет разногласий.

Титов: не знаю, почему не хотят высаживаться в Одессе. Может быть смущает, что они должны стать в отношение к команд[ному] составу действ[ующей] армии. Мы должны облегчить этот вопрос, может быть той декларацией, которую мы подготовили.

Фундаминский: надо выделить этот вопрос о политике, которую надо проводить в Киеве. Не знаю, правильно ли мы удержали Hainaut. Если там захватят большевики, то придется отвоевывать. Разрушать громадную базу для формирования армии. Одна миноноска, одно заявление. Надо сговориться о политической линии, которую надо провести.

Кривошеин присоединяется: есть вопросы данной минуты.

Новиков. Сейчас на Украине, с точки зрения военной, самый опасный момент смены. Желательно укоротить.

Маргулиес. 1) Обратиться к союзникам за флотом и войском. 2) Марк Belloy – вопрос об отношении к украинскому флоту: Максимов будет обрабатывать. Надо включить директиву о нашем отношении к Украине.

Кривошеин. Немедленно послать телеграмму о флоте, но одновременно декларацию, что это первый приступ к созданию России единой и неделимой. Максимов, действительно, хочет получить признание поднятием украинского флага.

Я спрашиваю: а если поднимут Андреевский флаг?

Ответ: будем опротесто[вы]вать, не подчиниться.

Маргулиес. Как подготовлялась история собирания эскадры. Надо уго[во]р[ить] Канина[406], под Андреев[ским] флагом. Мы уже несколько месяцев готовим; состоялось в Севастополе постановление офицеров, чтобы назнач[или] Канина. Все подготовлено; достаточно двух единиц. Идет либо Колчак, либо Саблин[407].

Кривошеин. Инициаторы этой поездки не будут протестовать. Надо узнать.

Я. Надо обсудить принципиальное содержание декларации и обратиться прямо к центру. А также обсудить, какие войска поедут в Киев (румыны, сербы, болгары, греки).

Федоров. Надо выяснить вопрос о подчинении командованию Добровольческой армии, как решается вопрос о подчинении русской морской команде. Салоникская армия насчитывает америк[анцев], французов, англичан не менее 500 тыс.

Новиков. <Фамилия нрзбр.> сказал за завтраком, что союзники высадят десант в Одессе; румыны выдвигать не намерены. Румыны мобилизуются для Трансильвании.

Фундаминский. Hainaut д[олжен] завтра высказать с инструкцией, как изменить ход событий. Потом перейдем ко всем больным вопросам.

Я ставлю два предварительных условия: 1) не делать ни одного шага, который бы предрешал *независимость* Украины, 2) ни одного шага, который бы предрешал, что в будущем отношения Украины с России определятся путем *договора.*

Фундаминский. Соглашается сразу.

Я подчеркиваю, что из принятия этого принципа вытекает известный образ действий.

Титов, обеспокоившись, переспрашивает. После моих объяснений соглашается.

Меллер формулирует содержание телеграмм. Возбуждает вопрос об упоминании поднятия Андреевского флага. Маргулиес возражает. Я настаиваю.

Вопрос, куда: упоминать ли Николаев? – Да.

Меллер. Упоминать ли о сохранении тепер[ешней] власти на Украине?

Я. Это противоречило бы *первому* пункту.

Меллер. Не надо забывать о Петрограде. В Кронштадте не в сегодн[яшней] телеграмме.

Я. Нельзя сразу говорить обо всем.

Кривошеин. Важно упомянуть о Петрограде в *этой* телеграмме.

Инструкция Enneaux (Hainaut)

Я указываю, что Hainaut надо разрешить поддержать гетмана, под условием перемены министерства на руссофильское, чтобы не получить такого строя, который для нас *хуже* того хрупкого, какой существует и который нам легче уничтожить в момент, какой мы выберем, и способом, на котором мы сговоримся – под условием, чтобы не было предрешения.

Третьяков. Зачем Hainaut ехать, что он может сделать?

Я. Он может подкрепить гетмана против уступок националистам и расположить офицеров к поддержке гетмана.

Маргулиес. Если будет правительство русской ориентации, и «байонетт»* не будет, то возвращается вопрос: не преждевременно ли разрушать порядок?

Федоров. Телеграмма об отсрочке скорее остановит, чем сам приезд Hainaut. Надо подать ответ на парижскую телеграмму – день, два – и поменять сегодн[яшнее] решение.

Новиков. Укр[аинское] правит[ельство] пригласило всех консулов союзных держав в Киев. Не была ли бы поездка Hainaut истолкована как признание и не окрылит ли надежды самостийников.

Чемберс. Поездка связывалась с практическими целями; многие силы не стали бы поддерживать гетмана, если бы не уверились, что эта поддержка разделяется союзниками. Приезд Hainaut может этому помочь.

Новиков. Официальный представитель Добровольческой армии просил меня не уезжать ввиду спешной работы. Прямой провод с Екатеринодаром.

Кривошеин. Предлагает не решать, не переговоривши с Hainaut.

Федоров. Настаивает на том, что Hainaut важнее сохранить здесь, чтобы найти в нем союзника по вопросам, которые мы выдвинем. Нажим – нашему делу удар.

Меллер. Боится торопить поездку, п[отому] ч[то] все, кто ждут союзников, ждут и военные силы. Hainaut принесет только разочарование, потому что Яссы мало осведомлены, он не знает о непосред[ственных] отношениях гетмана с Добровольческой армией.

Кровопусков[408]. Еще сомнение. Ждут и представителя р[усского] общества. Какое впечатление, если он вдруг поддерживает германцев? Нет, это *мы* знаем. Если одновременно вывешивается Андреевский флаг, то получится впечатление разногласия дипломатии и военных.

Фундаминский. Теперь 24 часа – это годы. Hainaut м[ожет] опоздать, и шансы стихийного переворота увеличиваются. Hainaut д[олжен] приехать с твердым планом. Я руковожусь *не* партийными соображениями, а желанием безболезненного перехода Украины к появлению союзников: 1) или диктатура или 2) демократическая власть. *Третьего* выхода не дано. Диктатуру не предлагают. Второй путь: Hainaut заявляет: вопрос об Украине *решен*. Нужно провести безболез-

---

* байонетт (от франц. baïonnette) – штыки.

ненно; составить руссофильское правительство, восстановить думы, сорганизовать вокруг дум и гетману отойти на задний план – не отказаться.

Новиков. При немедленной поездке вызовет смущение, если он скажет, что не знает, когда придут военные силы.

Я возражаю: это уравнение со многими неизвестными. Дума включает в себя, кроме «руссофильских демократических элементов», многие другие. Она не требует, чтобы от А перешли к Б, т. е. к низложению гетмана. Ваш план – недоговорен. И облегчения он не составляет.

Маргулиес. Единоличное решение лучше разношерстного коллектива.

Федоров. Это – в противоречии с решением Союза возрождения о *сильной* власти. Это будет – ускорение большевизма. Напоминает о Ростове и Новочеркасске – и Каледине. Эти думы кончаются 1 января.

Кривошеин. Надо хвататься за соломинку, положение почти безнадежное. Мы несем громадную ответственность (я присоединяюсь). Мы его уже дважды удержали. Не посылать – одно, *удержать* – другое.

Голосование: ускорить ли поездку Hainaut?

Назначить ли завтра? Или оставить вопрос открытым.

8 против, 6 – оставить вопрос открытым.

После голосования начинаются колебания. Чем заменить поездку Hainaut? Разные предложения, довольно неудачные. Кровопусков советует поставить в известность все силы, что надо поддерживать порядок в ожидании близкого прихода союзников. Титов предлагает послать в киевскую и одесскую офицерские организации. Брайкевич сомневается в возможности убедить русские организации поддерживать гетмана.

Маргулиес: *мы* должны вместо Hainaut сказать, что помощь идет, надо сопротивляться хаосу. Кривошеин предлагает текст: защищайте порядок до прихода союзников.

Фундаминский. Я предложил формулу: не свергайте Скоропадского, пока не убедитесь, что его свергнут другие. А *тогда свергните*!

Новиков. Среди организаций решение: защищать гетмана не будем, но порядок сохраним.

Брайкевич. Удивляюсь: вы не пережили ни одного перехода власти. Сегодн[яшнее] положение Союза офицеров: комиссии при думах <1 нрзбр.> с офицерами; никакой *организации* создать нельзя. Если с гетманом сговориться о русском кабинете, тогда можете дей-

ствовать открыто. Телеграмма: «Мужайтесь» – даст на полчаса хорошее настроение.

Нам с Титовым поручено составить телеграмму.

Намечается порядок на завтрашний день.

Обед в <название нрзбр.>.

После обеда в консульстве составляем приказ. Телеграммы я переводил на французский. Показываем послу и Кривошеину и оставляем там для обработки французского текста.

4–17 ноября

Утром продолжение совещания. Обсуждается дальше инструкции Enneaux, но скоро прерывается поездкой в Собор, где празднуют победы союзников. Имя России на ектениях[409] выпускается, хотя Черногория упоминается. Делегация обижена, особенно Федоров и Маргулиес. Завтрак у Поклевского. Он отзывает нас в кабинет и читает записку Руднева, которую тот хочет представить послам. Записка от Объединения городов и земств («демократических»), с подчеркиванием, что здесь и надо искать материал для правительства, а остальные элементы ни на кого не опираются и непопулярны. После <1 нрзбр.> это разрушает наше единство и солидарность. Мы с Кривош[еиным] и Меллером советуем сказать Рудневу, чтобы он внес записку на обсуждение делегации. В это время входят в кабинет Федоров, Третьяков, Титов – и уд[и]вляются, обижаются. Мы спешим кончить беседу и тем продолжить заседание, в котором присутствует Enneaux. Фундаминский предложил утром другой вариант, он уже не требует ни свержения, ни признания земства. Он требует лишь, чтобы гетман издал декларацию об отказе от самостийности и составил руссофильский кабинет. В декларации д[олжно] б[ыть] упомянуто, что гетман обязуется созвать новые земства после 1 января. Я заявляю, что теперь предложения стали дискутабельны, но остается одно разногласие: *когда* предложить ультиматум, с которым по существу я согласен? Потребовать ли, ч[то]б[ы] гетман отрекся от самостийности сейчас же, раньше, чем будут в виду союзные штыки? Не значит ли это идти другим путем к той же цели, его свержению? Т[аким] о[бразом], я согласен и на декларацию, и на русский кабинет, но не согласен требовать этого сейчас, т. к. и опоры нет, и «Руссоф[ильское]» понятие отличительное: Гербель[410], особенно Ржепецкий – руссофилы т[олько] условно. Итак, нужно, чтобы гетман совершил шаги навстречу, но не нужно принимать на себя ответственность за неизбежную половинчатость этих шагов: лучше стоять формально на непримиримой позиции единства. Относ[ительно] выбо-

ров я соглашаюсь, что они д[олжны] б[ыть] произведены на основании всеобщ[его] права, а не курий, но только под условием ценза оседлости, возраста и устранения армий и др. Фундаминский не возражает. Меня просят перевести Enneaux:

1) никакого шага, к[ото]р[ый] мог бы дать иллюзии признания самостийности;

2) никакого шага, к[ото]р[ый] бы допустит соединение с Россией на *основе соглашения* (федерация, переводит Enneaux);

3) поддержка до времени власти гетмана, но под условием его формального отказа от самостийности и декларации со включением <1 нрзбр.> и земств (новые выборы);

4) выбор момента для такой декларации предоставить Enneaux, по совещании с советами наших организаций.

Еще утром Новиков прочел письмо, которое он посылает офицерскому союзу, с директивой: поддерживать порядок против националистов и большевиков.

Enneaux ставит нам вопрос: это ясные директивы на случай сохранения в Киеве status quo. Но что делать, если:

1) в Киеве уже водворилось франкофильское умеренное министерство,

2) если там победили большевики и гетман свергнут.

Все согласны, что во втором случае остается уезжать. В первом – попытаться повернуть политику на руссофильский путь. К националистам – в духе директив 1 и 2, необходимо обнаружить вполне отрицательное отношение. Никаких переговоров с Винниченко. Tenir un langage *fort*[*], – резюмирует Enneaux (который уже говорил с их эмиссарами – imposteurs[**]), – таким образом, я поддерживаю. Другие поправляют – un langage *ferme*[***].

Порядок записей здесь перепутан. Конец совещания с Enneaux произошел уже после возвращения с приема у послов.

Прием в 3 часа, у англичанина Barclay[411], куда приходит и St. Aulaire, и Vopicka[412], представитель Америки, чех, и итальянец, chargé d'affaires[****]. Меня делают porte-parole[*****] депутации, и я в обстоятельной речи рассказываю историю представленных здесь организаций, их прежн[ие] переговоры с союзниками, нашу тепереш-

---

[*] твердо держать слово (франц.).

[**] лжецы (франц.).

[***] твердое слово (франц.).

[****] поверенный в делах (франц.).

[*****] представителем, рупором (франц.).

нюю цель, положение юга России, необходимость скорейшей помощи, а также тот первый принцип, на котором мы все сошлись: единство России и непризнание отдельного представительства новых госуд[арственных] образований; границы 1914 года. Настаиваю на скорейших сношениях, на признании права за нашим послом посылать курьеров и шифрованные телеграммы (француз замечает, что он думает, что это само собой разумеется) и спрашиваю, каковы их средства сношений (во вступительной речи англичанин сказал, что неск[олько] дней назад они установили сношения, но еще не получили никаких ответов и то, что говорят, пока это их личные мнения. Они признают, и <2 нрзбр.> *они* нас позвали сюда).

Федоров произносит довольно нескладную речь. Англичанин расспрашивает меня, помогали ли союзники и чем добровольцам; когда расстроились сношения с союзниками.

Француз признает возможность телеграфировать о наших желаниях не т[олько] в Париж, но и в Константинополь.

По поводу эпизода с Рудневым Федоров мне читает нотацию, что нельзя делить членов делегации на 2 разряда по доверию. Потом имеет объяснение с послом (на завтра приглашен на завтрак). Третьяков прослышал про затею Руднева, и я предлагаю ему поднять завтра вопрос на совещании.

Вечером пишу длинное письмо к Маклакову. Приехал Шульгин, но больной: к послу не приходит.

5–18 ноября

Утреннее заседание записано на особом листке (прилагается*).

В 3 час. свидание с Братиану. Сперва долго расспрашивает о судьбе русских министров, о русской революции, о наших организациях и т. д. Во время паузы я прошу об услуге: пропускать наших курьеров и вообще признать за Поклевским права посланника. Братиану пользуется этим, чтобы перейти к бессарабскому вопросу. Он готов оказывать много всяких услуг, но хочет выяснить наши отношения в будущем. Теперь, когда Польша и Румыния образуют фронт, отделяющий Россию от соседей, их расположение отн[осительно] России не безразлично. Привязать Румынию может отдача Бессарабии раньше, чем принудят это сделать союзники. Они все равно решат вопрос в пользу Румынии; но Россия потеряет тогда случай заслужить расположение румынского народа. — Я говорю, что застигнут врасплох. Во-первых, этот большой вопрос вряд ли нужно связывать

---

* отсутствует в рукописи.

с той маленькой услугой, о которой я прошу и которая, собственно, прямо вытекает из положения посла. Относит[ельно] затронутого вопроса могу только сказать сейчас, что он тонет в ряде вопросов, ему подобных. Мы вообще считаем незаконными и не имеющими юридической силы все распоряжения Россией, помимо Временного правительства. Все, что произошло после 25 октября 1917 г., нами не признается. *Эту* общую линию мы, прежде всего, проводим, а потом — посмотрим. Братиану отвечает, что если мы хотим таким образом протянуть время, чтобы потом решить вопрос, когда Россия станет сильнее, — то очень ошибаемся, нам нужно разобраться, какие для нас вопросы жизненные (например — Финляндия), какие — нежизненные, и упростить задачу, разрешив отдельно последние. Я говорю, что если стать на эту точку зрения торговли, то надо иметь в руках, в момент торговли, *все* залоги. Братиану оговаривается, что на почву торговли он, конечно, не становится. Бессарабия по справедливости принадлежит Румынии. Она была у нее неправильно захвачена при Ал[ександре] I[413], и если 50 лет давности не покрывают захвата (Эльзас), то не покрывают и 100. В Бессарабии т[олько] 200 тыс. украинцев; но ведь и 300—400 тысяч румын на левом берегу Днестра. Население, правда, теперь недовольно: помещики, что у них отнимают землю, крестьяне, потому что не верят в агр[арную] реформу, недовольны, гл[авным] обр[азом], города и евреи, обнаружившие отрицат[ельные] стороны психики их племени. Но все это — временно. — Я опять говорю, что если бы каждый находил столь же основат[ельные] резоны для Грузии, для Балтики, для Литвы, то раздробление России не прекратилось бы. Между тем, наша первая задача — это раздробление отрицать принципиально и прекратить. Русский народ очень чувствителен к тому, что его ограбили его враги в минуту слабости. Аргумент о раздражении — однобокий; какая-нибудь сторона да будет недовольна, как ни решить. Пусть, во всяком случае, этот вопрос решает население. Братиану отрицает возможность плебисцита; в сущности, против Румынии — только большевистски настроенные крестьяне. Я пользуюсь случаем, чтобы указать, что это не так, что на рум[ынское] правительство слишком много жалоб; что роковым образом, выходя за пределы своей этногр[афической] территории в территорию смешанного состава, Румыния может дойти до применения мадьярских методов. Братиану говорит, что такая опасность, действительно, существует в Трансильвании — и там надо выработать новую национальную политику. В Бессарабии все крестьянство — румынское. Я заявляю, что, конечно, еще изучу вопрос, сейчас не имею предвзятого решения, но не могу пойти против настроения

народа, будучи таким же патриотом, как и Братиану. – Братиану говорит, что на освобождение Бессарабии Россия временами *шла*. Я говорю, что Румыния сама только недавно выставила требование отн[осительно] Бессарабии, как occasion*, ранее же требовала Трансильванию. Братиану отрицает это: от Б[ессарабии] никогда не отказывались, но, конечно, не имели надежды получить ее от России. Терять территорию всегда тяжело; но ведь тут идет дело о территории *уже* потерянной, силой обстоятельств. Я отвечаю, что именно с этими обстоятельствами Россия не мирится, считая, что ее обобрали, воспользовавшись ее слабостью. Если от немцев я требовал возвращения России к старым границам, то, конечно, от союзников мы д[олжны] требовать, во всяк[ом] случае, не меньше, и разумные союзники поймут невозможность – не уступить. Братиану решительно отвечает: союзники вам не отдадут двух вещей – Польши и Бессарабии. Я отвечаю, что эти две вещи соверш[енно] различные. Польша, после двух столетий беспрерывных усилий, достигла высокого национального сознания. Над ней совершена несправедливость, и Врем[енное] правительство уже исправило ее специальным актом признания. Ничего подобного не представляет Бессарабия. С Польшей не могло бы случиться, чтобы какая-нибудь часть ее, по плебисциту, отказалась войти в ее состав. А это может случиться, по вашему собственному признанию, с Бессарабией. В Польше население сплошное, в Бессарабии оно смешанное. Наконец, Польша освобождена нами самими, – и даже если бы германцы посмотрели на это, как на дар данайцев[414], и отдали бы нам назад ее, то мы бы не взяли и это дело нашей чести. А Бессарабия отнята у нас в числе областей, ограбленных, благодаря нашей слабости, по германскому плану разделения России. Братиану прерывает: напротив, все сходно до вашего последнего сравнения. Бессарабия отделена вовсе не немецкими руками. Если вы г[ово]рите, что Германия желала бы вам вернуть Польшу, – то, кто знает, м[ожет] б[ыть] она рада была бы, если бы вы вернули себе и Бессарабию? Румын пригласили в Бессарабию, за неимением своих войск, союзники и местное население. Я прерываю: это – плохой titre de possession**.

Возвращаясь к правам посла, Братиану говорит, что ноты признания должны сделать послы держав. Я замечаю, что они *уже* признали права русских послов. Тогда и с нашей стороны препятствий не будет.

---

* возможность (франц.).

** (здесь) аргумент в оправдание захвата (франц.).

Я приношу жалобы на пропуск имени России при богослужении. Братиану отвечает, что список составлял митрополит и им не показал, что в результате пропущены, кроме России, Греция и Япония. Россия же некоторое время не существовала вовсе. Я останавливаю его: не становитесь на эту точку зрения; союзники признали континуитет существования России и ее обязательств. Братиану опять возвращается по этому поводу к положению посла. Я прошу его признать недосмотр и выразить сожаление депутации.

Обед в рест[оране] Tuffli. Приходит Догель – уже второй раз сегодня, и просит свидание для Дашкевича-Горбатского. Назначаю на $10^{1}/_{2}$ час. вечера.

Д[ашкевич-]Горбатский приходит в назначенный час и просит меня сообщить взгляд делегации на положение Украины и на последнюю грамоту гетмана. Я говорю, что могу говорить т[олько] о себе лично, т. к. делегация отказывается входить в сношения с Украиной. Грамота гетмана – опять двусмысленный шаг: он претендует диктовать *всей* России будущую форму устройства – федерацию и кивает в сторону украинцев и создает положение, более опасное, чем прежде, так как в глазах союзников оно, благодаря укр[аинской] пропаганде за границей, может показаться более защитимым. [Дашкевич-] Горб[атский] г[ово]рит, что он участник переворота и что уже тогда гетман думал о единстве России, а не сказал, потому что не мог. Я г[ово]рю, что он слишком часто говорил больше, чем было нужно и, на посторонний взгляд, слишком вошел во вкус самостийности. Нельзя каждую неделю менять позицию. В результате гетману никто не верит. И теперь он говорит двусмысленные вещи. Опять – «Великороссия», опять – «самобытность» и т. д.

[Дашкевич-]Горбатский спрашивает, что гетману делать. Я отказываюсь отвечать в такой форме, но он все же настойчиво выспрашивает. Грамоту нужно было издать? Не такую, лучше было подождать, пока он сможет сразу стать на т[очку] зр[ения] Добровольческой армии без оговорок признать единство России. А то о Добро[вольческой] армии он даже не упоминает. [Дашкевич-]Горб[атский] г[ово]рит, что он упоминает т[олько] о государственных объединениях. Я отвечаю: это и плохо, он игнорирует то, что союзники уже готовы признать Добров[ольческую] армию центром создания всерос-с[ийского] правительства. Местные правит[ельства] д[олжны] ему подчиняться: прежде всего признать единство командования и единство дипломатии. Воен[ное] м[инисте]рство можно оставить, но М[инисте]р[ство] иностр[анных] дел потом упразднить, решительно отказавшись от представительства вовне, которого союзники не призна-

ют. – А кто же будет представлять интересы Украины? Министр Украины при всеросс[ийском] правительстве. Решит же ее отношение к целому – будущий законодат[ельный] орган. – Учред[ительное] собрание? – Мы нарочно не употребляем выражение «Учр[едительное] собр[ание]», чтобы не предрешать, как создастся форма правления. Это заявил и Деникин в последней речи. – [Дашкевич-]Горб[атский]: я знаю, что вы монархист. – Да, и я считаю, что монархия может создастся не в порядке Учредит[ельного] собрания. – Но факт тот, что всеросс[ийское] правит[ельство] *уже* существует, и даже *два*: выбирайте, которое вам больше нравится, Уфимское или Екатеринодарское, – и подчиняйтесь ему. [Дашкевич-]Горб[атский] задевает вопрос о праве гетмана назначать командующих своими армиями. Я говорю: ведь он подчинился бы Ник[олаю] Ник[олаеви]чу? Почему же не подчиниться Деникину, который командовал армией, когда Скоропадский командовал корпусом? Назначение Ник[олая] Ник[олаевича] было бы преждевременным дискредитированием монархии. – [Дашкевич-]Горб[атский] переходит к составу кабинета. Я указываю на неудобство назначения Кистяковского, оставления министра здравоохранения.

А кого бы вы указали? – Я г[ово]рю, что издали не могу судить; но кабинет д[олжен] б[ыть] более определенный. Гербеля признаете? – Признаю. – Можно ли на время сохранить этот кабинет. – Да, можно. Но нужно опираться на офицеров и для этого солидаризироваться с целями Добров[ольческой] армии, хотя бы в виде ссылки на речь Деникина. Повторяю, что назначение кабинета более удачное, а грамота не удачна и д[олжна] б[ыть] заменена другой. К кому обращаться в Киеве? Называю Маслова и Демидова.

6–19 ноября

С 10 час. обычное заседание и новые тревожные вести из Киева, только что сообщенные Догилем. Декларация гетмана вызвала ярость украинцев и большевиков. Появились прокламации о «измене» гетмана. Около Белой Церкви Винниченко, Петлюра и <1 фамилия нрзбр.> организуют восстание. Позднее приезжают Шебеко, Гурко, В.П. Рябушинский, Дитмар[415] и Савич; Гурко беседовал с гетманом третьего дня вечером: у него сведения более успокоительные. – Вместо начатой беседы об армии опять возвращаемся к вопросу о скорейшей помощи Киеву. Намечается: 1) воззвание Enneaux к населению о подходе помощи союзников, 2) обращение к укр[аинскому] правит[ельству], чтобы оно не мешало организациям офицеров, 3) дополнить обращение к союзникам указанием, что Сев[ерный] фронт

оставлен германцами, что восстание разгорается и необходима немедленная помощь. Я набрасываю последнее; Маргулиес пишет первый и всовывает туда идею о «демократическом» внутр[еннем] устройстве.

Завтракаю с послом у Братиану. Бр[атиану] отзывает посла и выражает ему свое разочарование, что я не уступил в вопросе о Бессарабии. Поклевский отвечает, что этого нельзя было ожидать, что мы еще не правительство, что мы не можем распоряжаться Россией и т. д., что вопрос решится на конференции. Братиану возражает, что мы влиятельные люди, что он рассчитывал теперь же сговориться, ибо ему предстоит оказывать разные услуги России, и он должен знать, что не помогает созданию власти, которая будет вредна для Румынии. Разговор принимает острый характер. «Так не помогайте: вот все, что я могу сказать», – отвечает посол. – Возвращаясь к обществу, Поклевский роняет фразу: я уже не знаю теперь, должен ли я у вас завтракать. За завтраком, кроме маленькой пикировки с послом, никаких политических намеков.

В 3 часа заседание возобновляется. Идут прения об армии. Фундаминский доказывает, что Красная армия очень усилилась, хорошо снабжена, дисциплинирована, проникнута корпоративным духом, имеет командование, которое служит за совесть. Словом, с ней надо считаться. Извнутри никакого сопротивления оказать нельзя. Промедление равносильно усилению большевиков и отсрочке развязки на год. Нужна поддержка союзников в большом стиле. Только с помощью японцев образовалась Сибирская армия. Гурко возражает, сообщил сведения, полученные от Гришина-Алмазова[416] о Сибирской армии. Японцы не пошли дальше Читы. Дальше пошел лишь 13 тыс[ячный] международный отряд американцев, англичан, французов и итальянцев. Но он нашел Сиб[ирскую] армию уже готовой. Сперва были организованы добровольческие дружины. Потом, при их помощи, произведен принудительный набор. Почти всегда, в случаях сопротивления, было достаточно одного появления добров[ольческого] войска. Только в двух случаях пришлось «превратить две деревни в головешки». В результате есть 200 000 армия, которая, однако, с наступлением холодов начинает расходиться по домам. Гришин-Алмазов уехал производить следствие по делу об убийстве царской семьи. В его отсутствие он был свергнут Ивановым[417], к[ото]р[ый] занял его место. Следствие обнаружило ужасные вещи. Дом, к[ото]рый занимала цар[ская] семья, охранялся бандами, к[ото]р[ые] не верили друг другу и изгоняли друг друга. Цар[скую] семью загнали в одну комнату, где на двух кроватях спали царь и царица, на диванчике Алексей, на полу все княжны. Раздевались в присутствии

солдат: некоторые были изнасилованы. Наконец, одна из банд объявила: завтра расстрел. Уцелел один камердинер, арестованный в другом месте. Царь убит с Алексеем в руках. Татьяна добита прикладом. Опомнившись, убийцы ночью вытащили трупы в поле и сожгли на костре. Остатки костра исследованы и найдены твердые предметы, опознанные как принадлежность царской семьи. М[ежду] пр[очим] найден бриллиант, зашитый в платье одной из вел[иких] княжон. Убийцы разбежались.

Прения не окончены, заседание прерывается в 8 часов. Решение собрания: послать полк[овника] Новикова и ген[ерала] Голиевского[418] в штаб Berthelot (через Галац), чтобы настоять на посылке войск в Россию и рассказать о положении Киева. Посылается Кровопусков в Одессу, чтобы сопровождать одно из двух суден Ропита[419], которые решено послать навстречу союзной эскадре к Аккерману и к Константинополю, чтобы проводить эскадру среди мин. Останавливает эскадру *только* незнакомство с расположением мин. Адм[ирал] Belloy, к[ото]р[ый] присутствует, уже послал офицеров с планами расположения мин. Теперь вдогонку он посылает телеграммы о выходе наших судов из Одессы, эпизод с В.П. Рябушинским, к[ото]р[ый] сперва напрашивается в депутаты, потом заявляет, что не желает подчиниться ограничению полномочий и будет говорить о «политике». Лишаем его полномочий.

Обед и вечер до 12 часов у военного атташе Ballard'a[420], который, оказывается, написал целую книгу о России и русской революции. После обеда удаляемся в его кабинет и ведем длинную беседу. Он показывает мне свои донесения о необходимости скорой помощи, просит материалы для нового донесения. Его интересует: можно ли рассчитывать на скорую победу при участии союзников и сколько для этого нужно сил, сколько можно набрать в самой России, вызовет ли помощь общее национальное движение. Причина вопросов: он боится запросить слишком много. Он вообще опасается, что Россией занимаются мало, а знают о ней еще меньше. Здешних послов он характеризует: Barclay, как человека совершенно равнодушного к России, St. Aulaire, как человека честолюбивого, мечтающего о большой карьере и муссирующего вопрос о России с этой личной целью. Соглашается, что он слишком implicated in local politics*. Его мнение, что России нужна сильная власть и монархия. Согласен, что эта монархия должна быть создана без помощи «говорильни». Спрашивает, насколько эти мысли распространены в нашей партии. Я даю ему характеристику лиц Уфимской директории.

---

* завяз в локальной (местнической) политике (англ.).

7–20 ноября

Утром приходят братья Синадино с разговорами и запиской о Бессарабии. Приносят и газету о назначении выборов в Бессарабии: трудность организовать бойкот выборов. Еще трудней установить отношение к предстоящей аграрной реформе. Высылка 50–100 руководителей может совершенно лишить население руководства. Вопика им советовал шуметь в Европе и послать большую депутацию на конференцию. Убедился в Кишиневе, что румыны употребляют «приемы XIV столетия». Их предложения: 1) занятие Бессарабии междунар[одными] войсками и 2) если, как говорит Vopicka, это невозможно, то посылка междунар[одной] наблюдательной комиссии.

В утреннем заседании обсуждалось *лицо* для единого командования. Совет защищает кандидатуру Ник[олая] Ник[олаевича]. Я возражаю. Фундам[инский] предлагает решить этот вопрос после обсуждения вопроса о создании власти. Соглашались пока признать, что командование д[олжно] б[ыть] *единое* и *русское*.

Завтракал у Belloy с St. Aulaire с De-Flers. В конце завтрака Поклевский заговаривает о Бессарабии. Будут ли французы что-нибудь говорить по поводу назначения обязательных выборов. Посол сразу заявляет: не будут, мы продолжаем доказывать незаконность занятия Бессарабии в силу одного только мандата на оккупацию. St. Aulaire говорит, что помощь России д[олжна] б[ыть] оказана и старается затушевать намек посла, что это д[олжно] б[ыть] сделано в денежных интересах франц[узских] кредиторов. Я спрашиваю после завтрака: известно что-нибудь об отношении союзных правит[ельств] к Уфим[скому] правительству. – Ответ: четыре дня тому назад получена телеграмма, что к этому правительству послана французская и английская миссии. – Я объясняю St. Aulaire значение этого факта для нас и разницу в полит[ическом] отношении между Уфой и Екатеринодаром. Говорю и о противоречии м[ежду] задуманным в Москве и выполненным в Екатеринодаре. St. Aulaire высказывает предположение, что в Сибири признали только *местное* правительство. Я говорю, что такое решение нас бы удовлетворяло.

Возобновляется в $3^1/_2$ ч[ас]. заседание. Спор м[ежду] Маргулиесом и Дитмаром о сохранении Земгора, попавшего в «демократ[ические]» руки или о признании новой организации центр[ального] снабжения при Совете госуд[арственного] объединения. Соглашаются на объед[инение], потребовать телеграммой приостановку действий ликвид[ационной] комиссии Моллова[421].

Переходит к обсужд[ению] главного спорного вопроса – выборы. Длинная речь Фундаминского с претензиями на искренность и

убедительность. – Ответ Федорова Савичу. – Мой ответ производит впечатление: Кривошеин одобряет тон, другие говорят: мягко высекли Илюшу.

Прилагаю свою запись заседания собр[ания].

Вечером заседание в миссии с бессарабцами: братья Синадино, Крупенские. Решения: мы в Киеве опубликуем протест против присоединения Бессарабии. Выборы бойкотировать не удастся; следоват[ельно], надо идти на них с протестом против их принудительности и постараться послать в палату оппозиционных депутатов. Синадино просит денег на перевод в Россию цыганка* и крестьян Сфатул Церии[422], признавших объединение. А.В. Крив[ошеин] обещает повлиять в этом напр[авлении] на гетмана (цель: образовать вотум в Одессе).

Забыл записать из беседы с Ballard'ом его важное признание. Стачки в Ю[жной] России и крест[ьянское] движение производились *под влиянием английских агентов*. Теперь он отдал распоряжение о прекращении этой работы, и гетману будет легче справиться. Сказал, конечно, под строгим секретом.

8–21 ноября

Утром в 9 ч[ас]. уходит Кристи[423]. Он вел в Бессарабии работу отдельно от других, притворяясь румынофилом. Но о его истинных целях знают еп[ископ] Афанасий и Кривошеин. Он вкратце повторяет все пункты вчерашнего разговора. Говорит, что у них конспиративная организация крестьянства – вплоть до волостей и сел, – тройками сверху вниз. По аграрному вопросу они будут объяснять крестьянам, что румыны их так же обманут, как обманули обещаниями 27 марта[424].

Предложение совещания о конституции власти.

Чемберс. Фунд[аминский] признает необходимость исключит[ельной] власти, чтобы справиться с положением. Но форму власти он строит своеобразно. Если здесь г[ово]рили о необходимости единой воли, то потому, что ничего иного построить нельзя при данных обстоят[ельствах]. А конструкция Фунд[аминского] – промежуточная. Власть, наделенная чрезвыч[айными] правами, д[олжна] находиться под влиянием организаций, даже не представляющих ответств[енных] собраний. Это близко к тому, что уже было в России. Это – повторение пройденных и испытанных примеров. Такие собрания неудовлетворит[ельны] даже для широких кругов населения. Самое образование таких советов д[олжно] б[ыть] случайно, ибо теперь труд-

---

* Так в тексте.

но собрать их, съезд деятелей, к[ото]рые поспели бы приехать в изв[естный] город. Неясно, почему такое собрание было бы авторитетно: почему такая власть опиралась бы на широкие круги? Положение этого лица было бы затруднительным. Строго говоря, это собрание не могло бы проводить определ[енную] политику и задерживало бы отдельные меры власти. Практич[еская] польза от такого собрания была бы нулевая, а вред был бы очень велик. Получилось бы нечто напоминающее первые эпохи революции: ни правит[ельство], ни советы не властвуют. Теперь заседания другие. Задача диктатора — война. Для подавления врага возможна и конструкция военной власти, подчиненной такому собранию. Фунд[аминский] признает, что при известных обстоятельствах необходима диктат[орская] власть; но об этом не совещаются. Такой нет, приходится опираться на инюземные силы, к[ото]р[ые] на это не пойдут. Но ведь цель не филантропическая. На самом деле цель операций, дорогих и треб[ующих] крови, — удовлетворение *интересов* этих наций. Операция будет построена так, чтобы цель эта была скоро и цельно достигнута. Протесты крайних левых не могут вынудить отказа от таких операций. Необходимость достижения в скорейшее время решит[ельных] результатов Фундаминским не имелось в виду; они исходят из другой предпосылки, что иное невозможно. Это не доказано. Ссылки на историю неубедительны, ибо *таких* положений не бывало. Отн[осительно] конечной формы власти не согласен с Мих[аилом] Мих[айловичем Федоровым] и с Евг[ением] Никол[аевичем Трубецким]. *Не все равно*, что трое, что один. Будут попытки примирять различные течения, вместо решительных мер. От подобной формы нужно заранее отказаться. Д[олжен] б[ыть] *один* человек, к[ото]р[ый] м[ожет] нести всю ответственность.

Фундаминский. Ряд возражений основан на недоразумении. *Никакого совета около директории* мы не предполагаем. Мы т[олько] требуем *выбора* директории на совещании ответств[енных] лиц.

Гурко. С велич[айшим] вниманием слушал вчера речь Фундаминского; я не скрывал от себя надобностей создания диктатуры: в этой речи все эти трудности были собраны в одном фокусе, и я спросил себя, можно ли эту диктатуру образовать? Действительно, нет апатии на юге России. Нет и сильной личности, к[ото]рая при любом настроении народа захватывает массы. Не следует ли отказаться от диктатуры и искать достижения цели другим способом? Но положительной программ я не слышал (*Фундаминский*: я и не давал). Мы *все* имеем одну ближайшую цель: свергнуть большев[истскую] власть. *Все* согласны, что для этого нужна *сильная* власть. Но ваш спо-

соб: 3 или 5 лиц. Центр тяжести, что диктатура единоличная недостат[очно] демократична. Все зависит от *способа образования* этой власти. При тепер[ешних] условиях создать учреждение, к[ото]р[ое] бы пользовалось обаянием в массах, невозможно. На юге два течения: большевистское и буржуазное. *Ваши* течения – прошлое. Середины нет. *Было* ваше время, но налетел 9-й вал, к[ото]рый смел вас больше, чем нас. Вы не найдете в народе тех демокр[атических] течений, к[ото]р[ые] послужили бы базой для избрания диктатуры в вашем смысле. М[ожет] б[ыть] *способ действия*? Но власть д[олжна] опираться либо на войска, либо на исполнение народных чаяний. Но вы последнего не можете, ибо этим путем вы докатитесь до большевизма. Ваше значение – огромное, но *теперь* – скорее отрицательное. *Любую* власть вы можете *скомпрометировать*. Если станете *против* диктатуры, можете ее расшатать. Но создать *свою* диктатуру вы не можете. Я рассчитываю на глубокий патриотизм, к[ото]р[ый] слышан в ваших речах. Вам остается отойти и сохранить себя для будущего. Иначе большевизм опять одолеет или же буржуаз[ные] силы вас сокрушат. В начале января я утверждал, что переход к норм[альному] порядку не м[ожет] перейти прямо к буржуазии*. Уступим дорогу более умеренным социалист[ическим] партиям, а затем перейдем к нормальн[ому] строю. *Тогда* это было правильно. *Теперь* мы в других условиях: мы уже перескочили, и теперь выбор между – не *другой* крайностью, – я боюсь Галер-Галубичека – и <пропуск>.

Подхожу к этому вопросу с другой стороны. *Не вижу другого выхода*, кроме диктатуры. Несомненно, диктатуру *облают*. Мы – заговорщики. Заговор – намерение кучки против масс. Опираясь на иноземн[ую] силу. Это – «попытка». Но мы ее не можем не сделать – и должны сделать при наилучших условиях успеха.

Тут вопрос о личности. Надо брать из тех, кто имеет наиб[ольшее] влияние для народа. Имя Деникина не известно массам. Возглавление Добров[ольческой] армии ничего не изменит в стране. Не потрясет народ. К Добров[ольческой] армии привыкли. Она работала геройски. Но достигнуто ею – мало. Изменение характера ее главы – в стране не отразится. Нужно *новое* лицо, с престижем. Таков в[еликий] к[нязь] Ник[олай] Ник[олаевич]. Это произведет силу электр[ического] тока. С исчезнов[ением] Романовых – исчез порядок. Возвращ[ение] Романова: вот порядок.

В заключ[ение] неск[олько] слов о важнейшем указании: отношение союзников. Увы, это верно. Запад не знает Россию, склонен

* Так в тексте.

считаться с настроениями их парламент[ских] кругов. Какое против этого средство, как разъяснить, что это не против народа. Вчера П.Н. [Милюков] говорил, что инсценировка ему претит. Я не вижу и инсценировки. Вы действит[ельно] получите движение в нар[одных] массах. Ник[олай] Ник[олаевич] Романов произведет сдвиг в массах. Это вопрос краткого времени. Если войдем в Совдепию – тут все равно: Деникин, другой – это будет народный восторг.

Брайкевич. Вопрос сводится к тому, на чем строить порядок: на сочувствии масс или на их утомлении. Вопрос надо решать практически, учитывая минувший опыт. Что выгоднее: диктатура, монархия – или нечто промежуточное. Усталость масс, несомненно, существует: существовала в 1-й момент революции. Все совдепы юга поднимали вопрос, нужен ли президент. Общее мнение: когда президента выберут, будет тверже – и не желали президента. Центр[альная] фигура теперь требуется: к «хозяину» будут устремляться надежды. Это надо учитывать. Рассчитывать на голосование масс не приходится. Можно рассчитывать на демокр[атические] круги наверху. Но их влияние на массы теперь незначительно. Професс[иональные] союзы не могут ничего сдержать, если попробуют увеличить производительность и уменьшить плату. Другой пример: ни с. д., ни с. р. не могли проникнуть к забастовочному комитету. Влияние партий их и социал[истических] кругов слабо. Позиция ясна: рассчитывать на сотруд[ничество] госуд[арственно] мыслящих социал[истических] кругов можно, но рассчитывать, что они сдержат массы, нельзя. При приближении ком[иссара] Муравьева[425] сотрудничество быстро налаживается, при удалении – сейчас же желание отделиться и создать «единый социалистический фронт». Госуд[арственно] мыслящие элементы оказываются скомпрометированными в своих массах, этого вы отрицать не можете.

Вся констр[укция] власти д[олжна] б[ыть] обсуждена с т[очки] зр[ения] этой оценки. При констр[укции] Савича[426] мы возвращаемся к схеме управления по ст. 86-й – монарх, верх[овный] главноком[андующий] и премьер. Единств[енный] плюс – стремление людей к «хозяину», но его нельзя переоценивать. Ник[олай] Ник[олаевич] очень *отошел* от дела, и непосредств[енное] влияние его имени уже недостаточно. Практичнее брать тепер[ешнего] генерала Деникина, к[ото]р[ый] близок был к массе в смысле отстаивания России, и под огнем и в воде. Элемент победы союзников будет конкурир[овать] с авторитетом Ник[олая] Ник[олаевича]. Если бы восстановлять *теперь же* конст[итуционного] монарха, я понимал бы. Но такой суррогат монархии я не понимаю. Все несчастия, сваливш[ие-

ся] на Россию, д[олжны] б[ыть] чем-то компенсированы. Имя Деникина сыграет большую роль. И Вашингтон[427] б[ыл] не известен вначале. Кто знал Фоша?

Фунд[аминский] *хочет* сделать, но *может* ли? Сомневаюсь. Как т[олько] диктатор начнет проявлять власть, партии будут протестовать. А против директории? То же самое! На месяц—полмесяца директория скроет диктатора. Но потом – дело откроется. Перед катастрофой госуд[арственные] элементы социализма д[олжны] б[ыли] просто молчать. Вся революция м[ожет] б[ыть] или залита водой или потухнет, когда все выгорит. Нам надо – или потушить при помощи иноземных] сил, сохранив землю, товарообмен, – или все сжечь и потерять государство совершенно. Перед Францией, Англией будет стоять задача альтруистическая и задача экономическая – сохранить что-то для экономики всего мира, ибо Россию вычеркнуть нельзя. Для меня т[олько], с т[очки] зр[ения] национального, *один* вопрос. Если у нас найдутся г[осуда]рств[енные] элементы для тушения, то нас будут трактовать как нацию, способную к национ[альному] существованию. Иначе они будут тушить сами и обращаться с нами как с колониями низшей расы, не доросшей до *равного* трактования. Вся политика основывается не на фразах, а на интересах. Сохранить государственность нам, поэтому, нужно, ибо эта госуд[арственность] сохраняет русскую культуру.

На севере есть диктатура партии, превосходящая Ник[олая] I-го[428]. Бороться с ней чем-то слабым совершенно невозможно. Командующий д[олжен] б[ыть] наделен абсолютными диктатор[скими] полномочиями. Но переход военных зон к порядку мирного управления д[олжен] б[ыть] подкреплен. Тут внутр[енняя] сдержка, к[ото]р[ая] даст возможность перейти к строю более демократизированному, чем до революции. Тогда гарантии минимальных прав необходимы. При германцах мы знаем ужасные случаи, когда требовалось вдвое—втрое убытков, расстрелы по заявлению помещика – карат[ельные] экспедиции с изнасилованием женщин в целых уездах. Важно удержаться на госуд[арственной] позиции. Фигура Деникина как чел[овека] политически неподготовленного нуждается в помощи гражданской. Лучше – человек, не обязанный отвечать перед соц[иалистической] группой.

Для социал[истов] выгоднее отойти на время. Образование директории *не в смысле контроля, а в смысле помощи* было бы полезно. Если ему такой помощи не дать официально, она организуется безответственно. А тут помещики будут ответственнее. Керенский *был* диктатором, и были товарищи по директории; но не были ответствен-

ны. По сговору с группами сейчас же, а не на совещании, надо разделить с ним ответственность прогрессивному классу. Что касается совещания в помощь кабинету, было бы *полезно*: это внутр[енняя] сдержка для гражд[анского] управления. Схема: абсолютная диктатура и гражд[анская] помощь класса, берущего на себя ответственность.

Кривошеин. Речи подняли вопрос на большую полит[ическую] высоту. Но было кое-что и от идеологии, и мы удалились от практич[еских] задач. Соображение Гурко об «электр[ическом] токе» – очень спорно. Колокольный звон в Москве тоже сомнителен. Если бы [был] там Пожарский[429]. Иначе повода для восторгов не будет.

Вопрос более узок. 1) Мы присутствуем при «диктатуре пролетариата», банды разбойников и негодяев, образ[ованной] при пом[ощи] кучки наемных иноземн[ых] отбросов, латышей и китайцев, а также нем[ецких] солдат. Бороться м[ожно] только *равным* оружием. Попытки создать *единый* фронт на *двух* пунктах, вплоть до крайних левых, к[ото]р[ые] найдутся: единство России и борьба с большевиками. Пока *остальное* – задача будущего. С эт[ой] целью образов[аны] Совет [государственного] объединения [России] и Нац[иональный] центр. Мы хотим добиться разумной помощи союзников. Они отнеслись сочувственно. И теперь – прискорбный раскол. Попытки Фундам[инского] стать на госуд[арственную] т[очку] зр[ения] – гипертрофия патриотизма – но и глубокое неудовлетворение, как опасная попытка. «Диктатура д[олжна] б[ыть] *естественной*», «не созд[анной] совещаниями». Нет, нам именно драгоценно участие левых, к[ото]р[ые] могут оказать незабываемую, великую услугу. К сожалению, нек[ото]р[ая] попытка прорыва фронта уже сделана Рудневым. Но это б[ыл] частный вопрос и отдельная попытка. Нам уже вчера франц[узский] посланник выражал сожаление, что мы ставим их в затруднение.

Весь спор сводится к диктатуре или директории. Форма власти *всегда* <1 нрзб.> партии. Дело сводится к декорации, к *слову*, к *обману*. И из-за *этого* часть партий готова жертвовать важнейшими вещами. Не могут перейти через *слово*, хотя разницы для них, не т[олько] для нас, я не вижу. По счастлив[ому] выраж[ению] П.Н. [Милюкова] – «возможность *жаловаться* в Европу» – это право можно за ними оставить, но пусть подождут: еще успеете пожаловаться. Но пока еще неизвестно, пришлют ли войска, не создавайте затруднений по идеологич[еским] соображениям. Никак не могу согласиться с тем, ч[то]-б[ы] социалисты отошли. Пока мы вместе, я чувствую, что будем иметь успех. С расколом наш шанс уменьшается. Не являются ли они *рабами идей*. Декорация, слово – вместо действительности. Нам было сказано

вчера франц[узским] послом: мы д[олжны] потушить Германию, ч[то]-б[ы] заставить ее работать на нас.

Мы смешали с вопросом *персональным*: мы д[олжны] решить т[олько] *принципиальный* вопрос. Не знаю, можем ли мы высказаться *сейчас* и *здесь*. Второй вопрос, сравнит[ельно] с первым, – *второсте-п[енное]* значение.

Федоров. Это вопрос *первостепенный*, и я о нем только и хотел говорить: от того, кто будет избран диктатором, все зависит. Мы не можем уехать, не сказав нашей т[очки] зр[ения] союзникам. Гурко довел свою т[очку] зр[ения] до крайних пределов: это уже *опыт*, с наиб[ольшей] эффективностью. Я считаю, что опыт опасный, и никакого опыта производить нельзя. В течение всех моих переездов я наблюдал психологию простого народа. Туда – отрицание царя, назад – за царя. Сперва выбрасывали все небольшевистское из вагона, потом – все большевистское. Но брожение народа определенное – верит т[олько] в народного царя. Мы от конст[итуционной] монархии не уйдем. Но если вы произведете опыт усмирения России Романовым, уничтожите самую возможность этого. Правые сами себе противоречат. Уверенности в удаче опыта быть не может. Надо идти путем историч[еского] построения события: Деникин на перв[ом] плане, Кривошеин слишком упрощает положение в Москве. В низах – сознание, что *мы* захватили власть, можем командовать, так же сильны, как в первые дни. Если почувствуют стремление к возврату к старому, не будет поддержки народа.

Меллер. Мы отложили вопрос о *лице* до решения вопросов конструктивных.

Я. Возражаю против разделения обсуждения, ибо констр[укция] Савича предлагает уже выбор лица.

Титов. Возражает мне на мнение, что записка Руднева ведет по гибельному пути. Там лишь просят союзников не забыть прав демократии и помнить, что без демокр[атических] учреждений обойтись нельзя. Неверно и утверждение, что Руднев соглашательством погубил Россию.

О прегрешениях в Уфе и о том, что соглашение падает. Если в Уфе пришлось отойти, то тот фронт отрезан, и мы г[ово]рим только о том, что здесь. М[ожет] б[ыть] все здесь согласны, что социалистов надобно отбросить, ибо они непременно будут навязывать контроль организаций. Мы считаем, что сейчас невозможно, ч[то]бы население взяло всю власть. Мы готовы отдать трем лицам с гарантией, что они возвратят власть народу и не злоупотребят. Мы видим, что хотят расчистить путь монархии. Мы не м[ожем] согласиться, потому что

мы социалисты. Если теперь волю одного человека признаем, то на время, под условием уступки народному правлению. Мы хотим, ч[то]-б[ы] эта власть для этого была санкционирована обществ[енными] организациями, причем готовы предоставить больший голос буржуазии. Мы уверены, что при избрании будет принято во внимание, что во главе д[олжны] б[ыть] люди сильные, неспособные к демагогии. На днях *выбрано* гор[одскими] думами и земствами *Крымское* правительство[430]: абсолютное большинство принадлежит партии к. д. Почему же думать, что в другом случае поступят иначе. Мы хотим, чт[о]б[ы] директория вышла не из одной комнаты. Можно быстро собрать, с большинством на стороне решения по соглашению социал[истических] и буржуазных партий. Земства и города предоставляют то же большинство. Кооператоры пойдут с нами. Большую роль сыграют голоса местных правительств. Опасаться неблагопр[иятных] результатов этого опыта нельзя. Мы не отнимем от себя широких кругов, к[ото]р[ые] предоставляются нашими партиями. Отдельн[ые] правительства, как Кубанское, мыслят себя именно так. Если думать, что при помощи союзников мы заставим друг[ие] правительства подчиниться Деникину, то то же можно предположить и относит[ельно] нашего собрания. Наша цель, ч[то]б[ы] директория была признана всеми, кто будет участвовать в выборах. Деникина мы признаем первым кандидатом. Отн[осительно] двух других лиц – если Деникин будет выделяться над ними, то он и будет нар[одным] героем, именем которого будет наводиться порядок. Если для успокоения наших партий будет известно, что около Деникина – люди не склонные к возвращению к старому, то не будет протеста, который неизбежен, если будут. Отрезана наша часть общества. Остаются высоко-цензовые элементы Совета [государственного] объединения и закон[одательных] учреждений цензовых земств и городов. Фронт <1 нрзбр.>, но и в этом фронте – единства нет, даже в небольшом вопросе о владении имуществом Земгора. Было бы лучше, если бы привлечь *все* госуд[арственно] мыслящие элементы, согласные на временное умаление прав народа. Если совещание будет допущено, то соглашение возможно. За себя я говорю, что если это совещание придет к *единоличной* диктатуре, мы подпишемся. От союзников мы не можем скрыть случайности приглашения лиц, г[ово]рящих от имени всей России. Мы д[олжны] сказать, кто здесь представлен. Что касается диктатора, названы *два лица*, одно – безвольное, но с другим диктатором, к[ото]рый возьмет на себя одиум*. Или, нао-

---

* одиум (от лат. odium) – ненависть, нарекание, обвинение.

борот, Деникин, к[ото]рый до сих пор политикой не занимался, как мне лично говорил, — сразу все понять ему трудно — будет опираться на окружающих: в Особом совещании *все члены к. д. партии.* Эта одна партия будет спасать Россию? Пусть она скажет это открыто. Тогда наша роль отпадает. Останется надеяться, что эта партия доведет дело до конца.

Фундаминский. Ограничивается практическими вопросами. Подчеркивал *2 типа* диктатуры. *Один* — общенациональный, выдвинутый как символ единения, для нас *приемлем*, хотя и предпочитаем волю маленького коллектива. Возражения М.М. Федорова — защита *вообще* диктатор[ской] власти — отпадают. Мы именно *предлагаем* диктатуру. Я первый сказал после разгона Учр[едительного] собрания, в своей среде, что нужна директория. Определяющими являются: 1) *Момент избрания.* Без этого власть не м[ожет] б[ыть] общенациональной. Это будет — в первое время — власть *насилия.* Мы *поэтому* уклончивы в вопросе о признании Уфим[ского] правительства всероссийским, ибо *не все* выбирали. 2) Власть д[олжна] б[ыть] установлена *по соглашению.* О составе, времени, технике госуд[арственного] совещания *можно* говорить. 3) Нужно, ч[то]б[ы] *лицо* сконцентрировало в себе всю волю народа. Если нет, то не создадите момента общенационального: необходима директория, подобранная так, ч[то]б[ы] сконцентрировать максимум подчинения. Что будут трения, — это возражение *по совести* я считаю неосновательным. Ленин проводит волю даже в Совете министров. Иначе не будет едино-личного решения. Директория лучше, чем «совещание» Деникина.

Другой тип диктатуры я решительно не приемлю. В собрании нашем большинство имеется по второму типу диктатуры — не общенациональной. Принципиально мы ее отрицаем, но иногда она неизбежна: тогда несогласные отходят, с протестом или без оного. Меня же убедили, что условия для *такой* диктатуры *создались.* Обошли мое указание на *международное положение. Демагогическую* диктатуру м[ожно] создать и на раскаленной лаве. Моя характеристика *среды* — неправильная, это среда *перегорания.* Это — правильно, но с нац[иональной] т[очки] зр[ения] здесь величайшее несчастье: там можно было создать национ[альную] диктатуру, но безумная политика привела к новому оживлению и *расцвету* оппозиции. Неверно изображение П.Н. [Милюковым] положения в деревне. *Вся* масса возбуждена. Все говорят, что гнезда разорили, а ласточек выпустили. Уберите внешнюю силу. Завтра будут большевики. И *факт* существования диктатуры, как Скороп[адский] — неверен: они *искусственны*

на $^{9}/_{10}$. Даже диктатура Деникина – искусственна: только п[отому], ч[то] была *немецкая оккупация*. Иначе, она давно бы была *снята*. Единств[енная] возможная диктатура – большевистская – и *назревает почва диктатуры 2-го типа*. Без иностр[анных] штыков ее установить невозможно.

Мой *единствен[ный] основной* аргумент – не разбит: *международный*. Почему мы сидим в Яссах, а не в Киеве? Центр внутр[енней] политики переместился в Европу. *Здесь* будет решаться вопрос о форме правления. Реальный смысл на моей стороне. Историч[еская] аксиома, что когда побеждает государство известного типа, оно устанавливает такой же тип (я: ответьте Чемберсу). Мы еще не колония. Спарта вводила один тип, Афины – другой. Германия – монархия, Англия – другое. Безумен тот политич[еский] деятель, к[ото]р[ый] будет проводить *другую политику*. Все, кто считали, что демократия погубит Россию, говорили: мы должны ориентироваться на Германию. Нам нужна монархия, они нам навяжут республику. Теперь вдруг начинают верить, что союзники поддержат у нас и диктатуру. La dictature для Франции c'est la monarchie*. Как франц[узская] республика будет у нас устраивать монархию? Можно, благодаря невежеству иностр[анной] дипломатии, ее временно убедить. Но это раскроется, и тогда с диктатуры перейдет на директорию и т. д.

Еще аргумент. Ms. Pichon[431] подписал договор с Уфим[ским] правительством $1^{1}/_{2}$ месяца назад – я, министр внутр[енних] дел. Договор с *нами*, с [э]с[е]рами, с Союзом возрожд[ения], с Нац[иональным] центром. Высадили войска, присутствовали на Уфим[ском] совещании! Они *заставили* принять директорию, сказав, что не двинутся дальше. И теперь Ms. Pichon в Яссах подпишет договор об уничтожении [э]с[е]ров. Такого министра надо гнать в шею. Раз сделано – к сожалению – или, к счастью, – Уфим[ское] правительство ваше[й] диктатуры не признает. Франц[узские] войска под командой ген[ерала] Болдырева будут бороться против франц[узских] войск под командой Деникина. Они не могут согласиться с тем, с чем не согласны [э]с[е]ры и Союз возрождения. Какой вывод? Только один. Если бы речь шла об устроении р[оссийского] г[осуда]рства – директ[ория] не спасет Россию – м[ожет] б[ыть] соглашусь. Но теперь – *единая* задача: по восстановлению полностью России. Случилось велич[айшее] счастье. Брест[ский] мир разрушен. Наша задача: покончить в 3 месяца с большевизмом. Для этой *огранич[енной]* задачи – наше предложение

---

* диктатура для Франции – монархия (франц.).

практично: директория – это Union Sacreé*. Нам, верхам, придется много пережить, периферия будет недовольна. Но мы не будем посылать протестов. Если мы не сила, не надо с нами считаться. Но мы еще сила – и довольно значительная; начинаем снова усиливаться. Гурко прав, что мы можем расшатать любую диктатуру. Нельзя ссориться с такой силой: *надо ее привлечь, завладеть*. Кончаю общим выводом: для 3-х месяцев не надо правления, к[ото]р[ое] установит порядок, а такое, которое создаст армию в 200–300 тыс. чел. На севере директория, благодаря иностр[анной] помощи, создала эту силу. *Тогда* будем говорить. М[ожет] б[ыть] будет полное народовластие, либо обратное.

Федоров. Нац[иональный] центр договорился с представителями держав. На Востоке – *свои* представители, без связи с этими. Они *просто* добивались соглашения.

Маргулиес. Второе слово Ф[ундаминского] упростило задачу, сведя беседу к возм[ожным] соглашениям. Победа над больш[евиками] в кратчайший срок – общая задача. Как осуществить? Аргумент о монархии, как следствии диктатуры, д[олжен] б[ыть] опущен как преждевременный с этой т[очки] зр[ения]. Вы г[ово]рите: нельзя создать национ[альную] диктатуру, потому что она *искуств[енное]* постр[оение], создаст *расслоение*. Какие примеры в истории? Ценцинат[432], Вашингтон – не диктаторы. Ни одной диктатуры национ[ального] энтузиазма *не знаю*: <1 нрзбр.> диктатуру – плод классовой победы. Т[аким] о[бразом], приемлемая диктатура – диалектич[еский] прием. Приемлем триумвират? Но с т[очки] зрения скорой победы над врагом – это д[олжны] б[ыть] *три генерала*: Цезарь[433], Красс[434], Помпей[435]. Но вы имеете в виду сложное правительство. Мы знаем пример Napoleon[436], <фамилия нрзбр.>, Leyran = *два нуля*. Никакого историч[еского] примера привести не можете. Вы делаете эксперимент. – «Будем предпринимать решит[ельные] шаги в атмосфере напряж[енного] настроения – *в совещании* трех диктаторов. Едва ли шахматный игрок предпочел бы делать в такой обстановке решит[ельный] шаг. Вы г[ово]рите: в *гражд[анских]* делах два цербера. Значит, для *военных* вопросов и *вы* согласны на одно лицо. Может ли это лицо *одно* решать гражд[анские] дела. Одни гражд[анские] дела связаны с военными – снабжение, порядок в областях, занят[ых] войсками, – никто спорить не будет. Огромные области, как область военных действий. К чему же сводится спор? К несу[щественному] во-

* Священный союз (франц.).

просу о признании спец[иальной] зоны. А если *везде* придется признать военное положение? К чему сведутся «гарантии». Я не хочу убедить вас, что ваш спор не имеет значения. Но жизнь все опрокинет и приведет к единой диктатуре. Какой вывод? Можно найти такую форму ответств[енного] гражд[анского] управления, к[ото]рая не явл[яется] директорией, но дает гарантии. *Контрассигновка* решений монарха — м[ожно] перенести на главнокомандующего. Министр не подписывает. Введение двух лиц в директорию не дает *бóльших* гарантий. Соображения об иностранцах — кардинальный аргумент? Но ведь это — ваши предположения. Я прихожу к прямо противоположным выводам. В защите *экономич[еских]* интересов французы очень решительны. Страна богатого крестьянства, страна сбережений, на фр[анцузской] бирже много русских ценностей. Вывод — весь фр[анцузский] народ — и армия — заинтересованы в восстановлении эконом[ического] порядка. Вопрос в ширме для франц[узской] публики. Я вижу опасность на Западе — отказ дать нам войска для порядка *после* подписания мира. Но ч[то]б[ы] получить скорее солдат, нужно скорей сговориться. Сейчас, а не через 3 месяца.

Надо выделить бесспорное. Военачальник *один* — опред[еленное] *лицо*. Пусть ему поручены т[олько] *южные* армии. Можно сойтись и на том, что при главнок[омандующем] — премьер с министрами, имеющими право отказаться от подписи. Пусть *министры* избираются каким-то корпусом. Уфимское правит[ельство] оставить в стороне.

Мой ответ Фундаминскому и Титову:

1) Союзники («угроза») не предрешали ничего («соблазн»); меня спрашивали от союзников о монархии, никакого «договора» нет*.

2) «*Искусственна*» всякая диктатура: и поддержанная германцами, и поддержанная союзниками.

3) Между *двумя типами* диктатур разницы принципиальной нет.

«Национальной» м[ожет] стать и та диктатура, к[ото]рая сложилась фактически, но признана всеми.

4) Начало *избрания* (притом фиктивного) д[олжно] б[ыть] отброшено.

5) Потребности устройства: Деникин д[олжен] б[ыть] командующим *действительным*. Премьера не д[олжно] б[ыть]. Министерство д[олжно] б[ыть] деловое, не исключая и социалистов. Совещательный орган при правительстве возможен в будущем.

Савич. Союзники дела не решили.

---

* На полях записи: Угроза. Соблазн .... подтасованное с ручательством.

Диктатор д[олжен] б[ыть] *единоличный*.

Совещаний не д[олжно] б[ыть].

Вводится диктатура *механически*, вооруж[енной] силой.

Сила Деникина (как и Ленина) в солидарности общего интереса: вместе побеждают и вместе погибают.

Жизнь заставит вернуться к моей схеме. Диктатор для борьбы с большевизмом – будет иметь колоссальные *другие* задачи: организация, снош[ения] с союзниками, мирные переговоры и т. д. Д[олжен] б[ыть] правильно обставлен помощниками по военной и гражд[анской] части. Весь командный состав д[олжен] ему подчиняться, опять возвращается к Ник[олаю] Ник[олаевичу], как более известному, легче борьба, меньше крови, выше баржа. Личность, характер – на стороне Деникина. Не триумвират, не совещат[ельное] министерство. Никаких выборов, никакого права контрассигновки. Помощники по фронтам, доверенное лицо по гражд[анской] части. Предложить *две* кандидатуры. Окончательно решить не можем: не знаем мнения союзников и больших полит[ических] организаций и военных кругов.

Маргулиес. Поддержал бы хоть один француз республик[анские] движения в Бельгии против короля Альберта[437]? В note verbale* французы констатировали, что встретились с р[усским] общ[ественным] мнением, но не дали обязательства. Аргумент об Уфе: они в <1 нрзбр.> *назначили* диктатора в маленьком кружке лиц, более узком, чем наш. Вы создали фикцию выборов (*Фунд[аминский]*: «Это и есть демократия. Всегда так бывает»). Отн[осительно] контрассигновки я шел навстречу «демокр[атическим]» требованиям. Если эти выборы вас не устраивают, тем лучше. Отн[осительно] вел[икого] князя – меня разочаровал Савич; я рисовал себе властную фигуру, что-то вроде Чингисхана[438]. Оказывается, слабоватый человек. Популярность в солд[атских] массах не имеет значения, п[отому] ч[то] этих масс нет. Проторенная дорога – Деникин. Признается и республикан[ским], и монарх[ическим] офицерством. Нужно сказать это сегодня.

Меллер. Резюмирует. 3 основные положения: два первые почти совпадают: Милюкова и Савича. Третье – Фундаминского.

Принцип[иальное] разногласие только с последним.

Главное различ[ие] в *источнике власти*:

Фактическое командование армиями или *избрание* коллективом («трехлетняя диктатура»).

---

* вербальная грамота (франц.).

Единства нет. Мы можем представить меморандум от *большинства*, предоставив *меньшинству* представить *свой*.

Предлагаю *один* меморандум, в котором изложить *два* мнения.

Фунд[аминский]. По вопросам, по к[ото]рым мы сговорились, меморандум д[олжен] б[ыть] *общий*. По *этому* только вопросу представить 2 мемор[андума], или в одном [и] том же два мнения. Не хочу вносить предложение, а обсудить. М[ожет] б[ыть] политически *выгоднее не упоминать вопроса о власти*. Особо довести до сведения союзников вопрос об организации власти.

Я. Отдельные записки предполагают более глубокую мотивировку и подчеркнут разногласия.

Федоров. Вопрос о конструкции власти больше всего интересует союзников. Обойти нельзя. Но они знают наши разногласия. У союзников есть *своя* точка зрения, не известная ни нам, ни вам.

Фундам[инский]. Склоняется к одному документу, но в двух частях: мнение России и – неофициально – справка о власти.

Савич. Согласен. Первое и просьба о помощи. Второе – к сведению.

Меллер. Выражает сомнение. Союзники спросят, что считать правительством. По этому главному вопросу два мнения. Союзники могут ма[х]нуть рукой и своей силой вводить.

Гурко. Это вопрос техники. Общая бумага: что желаем получить. Что касается внутр[еннего] положения, особый меморандум.

Я. Возвращаюсь к мысли о едином документе. Если согласимся об отношении к Уфим[скому] правит[ельству], то лучше в едином документе.

Маргулиес. В сущности, отн[осительно] первого документа мы почти *все* сказали. Тоже просит пересмотреть.

Я предлагаю отложить до рассмотрения отношения к Уфе.

Фунд[аминский]. И *независимо* от соглашения лучше *два* документа: просьба о признании единства, непризнании отдельных частей, помощь Добров[ольческой] армии, замена немецк[их] войск. Другое: доводим до сведения союзников: кое-что общее, кое-что в деталях разногласит*. Не настаивать на отсрочке решения.

Возвращаются к голосованию. Большинство группы за то, что фронт главнокомандования дает диктатор[ские] права командующему. Командование д[олжно] б[ыть] единое и русское; является носителем верховной власти (меньшинство: директория, избранная Го-

---

* Так в тексте.

суд[арственным] совещанием). По одной схеме при верх[овном] командовании – кабинет министров, ответств[енный] т[олько] перед верх[овным] команд[ованием]. Другая конструкция – при верх[овном] главн[окомандующем] нач[альник] штаба и первый министр, к[ото]р[ый] представляет список министров на утверждение, и никакого совещания. – Поправка.

Я выясняю, что Савич не возражает против назначения *отдельных* министров верховным, причем «премьер» превращается просто в «председателя Совета министров». О совещат[ельном] органе – я говорю как о возможности в будущем.

Гурко. Поддерживает идею совещания, выбранного общест-в[енными] организациями.

Федоров. Тоже поддерживает существование совещательного органа, – голос страны. Председатель Совета мин[истров] м[ожет] б[ыть] выбран обществ[енными] организациями (я возражаю, Фед[оров] берет назад).

Савич. Отлагает совещат[ельный] орган до взятия Москвы.

Дитмар. Мы обсуждали участие «Совета» в самом начале.

Гурко и Дитмар поднимают вопрос об участии в голосовании. Я обладаю, по меньшей мере, одинаковыми полномочиями. Бюро законод[ательных] палат делегировало двух лиц, к[ото]р[ые] считают себя вправе высказать свое мнение. Наконец, 3 лица от торгово-промышл[енных] организаций (южных, местных и московских): съезда горнопромышленников. Протофис, Союз торговли и промышл[енности], сахаропром[ышленный], горный съезд.

Я возражаю.

Третьяков. Я присоед[инился] в Одессе – 2 представит[еля] торговли и промышленности. Допущена была ошибка в Киеве, когда не были выбраны представители этих организаций. Я не настаиваю на праве решающего голоса: пусть будут избраны два других.

Гурко. Действит[ельно] я сказал, что мы не претендуем на решающий голос, но потому что не придавал этому значения. Теперь не могу не настаивать: я выразитель преобладающего большинства Совета г[осуда]рств[енного] объединения.

Дитмар – вопрос в уточнении состава собрания, С.Н. [Третьяков] – представитель Совета госуд[арственного] объединения. Мы согласились, что будем входить *вместо них*. Не хотим вторгаться в установившиеся отношения. Шебеко в *таком* же положении: с правом совещат[ельного] голоса.

Фундаминский. Мы не поднимали этого вопроса, ибо не считали правильным соотношение сил, а случайным. Не вижу возражения

против решающего голоса. Кого пригласили, тех и оставить. Неприглашенным, ч[то]б[ы] не путать, не предоставлять решающего голоса.

Третьяков. Мнение торгово-промышл[енной] группы всегда будет объединенное.

Федоров. Мы условливались о сохранении пропорций: по 2, кроме специально приглашенных. Гурко дополнительно выбран. Другие должны предварительно совещаться. Против права отдельного голоса для включения в меморандум.

Меелер. В наших интересах – равные права всех членов нашего совещательного собрания. Маргулиес – единств[енный] член Совета госуд[арственного] объединения. Гурко попал бы совместно с нами. И другие были бы приняты.

Кривошеин присоединяется. Собрание просителей: чем больше, тем будет лучше. Вопрос не стоит выеденного яйца.

Возвращается к голосованию. Мнение Савича: нежелательно устраивать совещание из обществ[енных] и г[осуда]рств[енных] деятелей при верховн[ом] главнокомандующем. – Никто не поддерживает. – Левые воздерживаются.

К схеме Милюкова и Савича (соглашенные) все, кроме левых.

Взгляд левых: диктатура трех, выбранных Госуд[арственным] совещанием при участии всех правительств, собранных по соглашению организаций специально для выбора. Главнокомандующий подчинен директории. Ее функция распростр[анена] на область юга России, а для всеросс[ийского] правительства д[олжна] войти в соглашение с Уфим[ским] правительством.

Брайкевич. Если главноком[андующий] не входит в директорию, то это порушение москов[ского] соглашения.

Вопрос о конструкции власти исчерпан. Теперь, еще ранее лица, отношение к Уфимскому правительству. Вопрос о взаимных отношениях явится при стыке.

Савич. Не мыслю всеросс[ийского] правит[ельства], к[ото]рое бы делилось на два. Д[олжно] б[ыть] одно. Кто-нибудь должен уступить. Подчиниться д[олжно] северное правит[ельство]. Южная диктатура есть та ячейка власти, которой д[олжно] подчиниться Сибир[ское] правит[ельство] как местному. Иначе передерутся. *Моя* кандидатура м[ожет] б[ыть] преждевременна. Но это – переходное состояние: при стыке эта кандидатура выскочит. Мы считаем южное правительство центром России. Если будем медлить, то южный диктатор м[ожет] опоздать на совет, а северная армия войдет в Москву и будет правительством России.

Я предлагаю проект общей формулы, приемлемой для левых. Уфимское правительство не единое русское. Южное — тоже лишь *элемент* единого будущего. Власть каждого — всероссийское по распр[остранению] на территорию *его* военных действий. Единство командования д[олжно] б[ыть] признано, но до установления общего оперативного плана можно не говорить, *кто*. Единство дипломатич[еского] представительства — *по соглашению* между обоими. Диплома-т[ические] миссии при *южном* правительстве, как они есть и при северном.

Гурко присоединяется для настоящей минуты.

Фундаминский. О едином представит[ельстве] и командовании решается просто: по соглашению с южным правительством (не говоря, какое оно, всероссийс[кое] или нет). Вопрос о взаимоотношении правительств усложняется. Мы считаем, что Уфим[ское] правит[ельство] — всероссийское, но зародыш. Но мы подчиняем этот вопрос другому. Если бы произошло соглашение и форма власти гарантировала бы нас от конфликта, мы признали бы вопрос открытым до стыка. Но если у нас нет гарантии, что здесь правительство по тому же принципу, и если мы м[ожем] ожидать трений, мы не можем сказать, что это правительство — равноценное, то мы признаем Уфим[ское] правительство — всероссийским, и об этом*.

Я. В таком случае положение меняется. Если вы признаете всероссийским Уф[имское] правит[ельство] *в зависимости* от соглашения, то этим распространяете на него ваш партийный взгляд. Тогда соглашение — невозможно. Оно заключало бы в себе предрешение вопроса в вашем смысле.

Гурко. Очень ценю согласие левого крыла, но думаю, что мы не д[олжны] решать вопрос не исключит[ельно] с этой т[очки] зрения. Я признавал южное правительство, как *пока* не распространяющее власть на Уфимское. По существу, мы д[олжны] признать Уфим[ское] правительство самостоятельным.

Брайкевич просит левых не ставить вопрос в такой плоскости. Сообразите, какие силы представляет юг. Мы не знаем даже, которое правительство уцелеет. Ваше решение действит[ельно] партийное. Другого выхода, чем предложение П.Н. [Милюкова], нет.

Маргулиес. Обращается не к патриотизму, а к здравому смыслу. Уфим[ское] правит[ельство] отрезано. Его распор[яжения] редки. А под южным правит[ельством] вы каждый день, что вы будете де-

---

* Так в тексте.

лать? Подчиниться Деникину вы будете обязаны; иначе вам придется уехать к Болдыреву. Из-за теорет[ического] принципа вы делаете невозможной работу для себя же.

Фундаминский. Я буду совершенно откровенен. Если соглашение происходит, то для меня вопроса нет. Я готов бы был оставить вопрос о всеросс[ийском] правит[ельстве] открытым, уверенный, что при стыке они сойдутся. Вопрос об устр[ойстве] власти решен отрицательно. Мы соглашаемся, что здешнее правительство – часть всероссийского. Здесь образуется диктатура, для нас неприемлемая, – и выходит, что мы ее поддерживаем и усиливаем. Приходится каждой стороне изложить, как она смотрит. Я настолько стремился к соглашению, что *без полномочий* готов был сказать, не обязуя организацию, что оставляем вопрос открытым. Но если соглашения нет, – то не могу взять на себя.

Федоров. Вы стоите на своей т[очке] зрения отн[осительно] *устр[ойства]* власти. Верите, что союзники будут на вашей стороне. Тогда для вас опасности нет принять нашу т[очку] зр[ения].

Титов. В *такой* форме мы могли бы сказать: *в случае образования* правительства по нашей схеме, мы согласны считать Уфим[ское] правит[ельство] *не* всероссийским.

Я говорю, что тогда нам может придется вернуться к раскрытой формуле *южного всероссийского* правительства, хотя я готов отстаивать мои условные формулы для к[акого-]н[ибудь] будущего соглашения.

Фундам[инский]. Здесь речь идет не о принципах, а о фактах. Завтра будет факт, который мы будем рассматривать как *насилие.*

Меллер старается убедить, что речь идет *вообще* о южной власти, м[ожет] б[ыть] даже созданной по левому принципу.

Фундамин[ский]. Мы *не можем* подписать соглашение о признании южного правительства *равноценным.* Оно будет южное и *для нас подчиненное.*

Маргулиес. Поставьте вопрос и для нас: считаем ли мы, что и *без уступок* мы считаем южное правительство равноценным.

Я. Возражаю против постановки вопроса, ибо в случае *отрицательного* решения это затруднит дальнейшую возможность соглашения. Я сам буду принужден голосовать, что северное правит[ельство] – *местное.*

Рябушинский. Уфим[ское] правит[ельство] – социалистическое?

Фундаминский. Нет.

Я. Да.

Фундаминский перелистывает документ, но ничего не говорит.

Рябушинский. Определенное отношение наших кругов к социализму. Можем в лучшем случае терпеть, а признавать его выше или равноправным мы не можем.

Дитмар. Я не знаю, что это за правительство. Трудно обсуждать этот вопрос. Первое впечатление, что это — социалистическое правительство. Читает сообщение Екатеринодарского совещания. Я не отрицаю этого правительства, но термин «всероссийское» препятствует другому существовать и именоваться. Будем писать: «Уфимское всеросс[ийское] правит[ельство]», «Южное всеросс[ийское] правительство».

Третьяков. Спор о словах. Управлять Сибирью с Дона невозможно. Иностр[анные] державы знают о Сиб[ирском] правит[ельстве], имеются взаимоотношения с союзниками. Но этот факт для нас отрадный, а не отрицательный. Нужно выработать формулу взаимоотношений. Это — чисто редакционное дело, к[ото]р[ое] м[ожно] поручить комиссии.

Фундаминский. Программа Уфим[ского] правит[ельства] (читает) несоциалистическая. Другая сторона в более выгодных условиях. Мы *признали* Уф[имское] правит[ельство] и хотели снять. Но кадет[ский] съезд принял формулу П.Н. [Милюкова].

Я привожу справку о решении съезда к. д.

Гурко поправляет: нельзя признать оба правит[ельства] всероссийскими.

Савич. Предлагает: южное правит[ельство] является российским правит[ельством], при к[ото]ром состоят дипломат[ические] миссии, имеет за границей представительство, согласованное с Уфим[ским правительством]. Вопрос о создании всеросс[ийского] правительства откладывается до того времени, когда успех борьбы с большевиками даст возможность регулярных сношений с силами, борющимися на востоке.

Левые принимают эту формулу с *оговоркой* (если по их типу).

О лице для единого командования

Голосование.

Гурко по поводу постановки: м[ожет] б[ыть] предложение не решать вопрос *вовсе*. По существу не обсуждалось это предложение.

Меллер имеет это в виду. Резюмирует.

Гурко. Соображение формальное: мы не знаем отношения групп, от к[ото]р[ых] делегированы. По существу: не знаем, что произошло

в России. М[ожет] б[ыть] объявим приказ о своем главнокомандовании. Это неверно. *Могло* состояться соглашение.

Рябушинский. Еще 4-е мнение: желать ли в качестве командующего войсками Деникина, не предрешая диктатуры.

Меллер. У нас предрешено.

Третьяков. Не решать нельзя. Нас спросят завтра же. Мы настаиваем на спешности решений.

Я. Ссылаюсь на персональное мнение. На <повреждение текста> невозможность соглашения.

Федоров. Я имею прямое указание от группы. Это наше главное дело. Не решив этого, мы ничего не решим.

Гурко. Персонально <1 нрзбр.> ничем не связаны. Но союзникам это будет представлено как мнение организации. Переговоры не за спиной, а правительства сносятся. Наконец, не будет единогласия. В Киеве я отказался бы, оставшись в меньшинстве. Но здесь я не уверен, что, отказавшись, я буду отвечать мнению организаций. Союзники будут затруднены двумя мнениями.

Щербачев. Практич[еское] решение этого вопроса имеет громадное значение. От имени 300 офиц[еров] генер[ального] штаба на Украине мне вчера заявили, что всегда носили русскую идею, никакой Украины нет, они подготовляли кадры 8 корпусов, – от 30 до 50 на полк и более половины унтер-офицеров. Они в самом тяжелом положении. Как бывший начальник по Рум[ынскому] фронту и товар[ищ] по Академии, он просит, как поступить: начинается разъединение. Несколько дружин провозгласили подчинение Деникину. Он не видит опасности со стороны банд Петлюры, но большую опасность со стороны Стародубца. Из общего командования – является разногласие. До грамоты гетмана они обратились к нач[альнику] ген[ерального] штаба, ч[то]б[ы] или гетман провозгласил или они провозгласят сами.

Ваше решение сыграет большую роль.

2-й вопрос: позволите ли мне сообщить Деникину, что происходит?

Я: все, протоколы, наши записки союзникам.

Щерб[ачев]. Справившись, не предам ли взглядов, он дал мне право ходатайствовать о Добровольческой армии.

Щербачев. Частным образом мне известно из письма Алексеева, [за] две недели до смерти, он пишет: находя крайне необходимым единство диктатуры, нахожу, что Ник[олаю] Ник[олаевичу] не следует принимать диктатуру. <1 нрзбр.> посланы к Н[иколаю] Н[иколаевичу], он ответил, что такие шаги были, но он отклонил.

Голосование продолжается.

Предложение Гурко отложить вопрос до Киева – три *«за»*. Остальные «против». Левые воздерживаются.

Фундаминский против голосования в данном собрании.

Деникин или Ник[олай] Ник[олаевич]?

Деникин 9
Ник[олай] Ник[олаевич] 4 } течение за диктатуру

7 (левые) воздержались, 6, к[ото]рые против диктатуры.

Мне и Титову поручено составить записку.

Кто мы такие? Историч[еская] часть. Почему мы обращаемся (продолж[ение] ответы)

Что у нас общего?

1. Единство России.
2. Непризнание отдельного представительства частей России.
3. Борьба с большевиками.
4. Помощь Добровольческой армии.
5. Замена герм[анских] войск союзными и русскими.

5а. Необходимость *серьезной* помощи союзников – склады, люди.

6. Единство командования и поручение командования русскому генералу.

Идеи

К 1 и 2. Непрерывность существования России и действительность договоров.

Границы России до 25 октября 1917 г.

К 3-му – опасность умирания России – *физич[еского]*.

Опасность заразы большевизмом всего мира*.

К 4-му – преимущ[ественные] права Добр[овольческой] армии (история).

Ее трудное положение теперь.

Помогут с юга и перемещение центра теперь на юг с востока и севера.

К 5-му – положение Украины и Дона.

Раздробленность армий, опасн[ость] с Сев[ерного] фронта.

К 5а – развертывание Красной армии.

Возрастающая опасность ее.

Необходимость торопиться сэкономить силы и сократить процесс борьбы.

---

* Так в тексте.

К 6-му – объединение армий фактич[ески] совершается. Необходимость иной базы, чем Екатеринодар (мнение Алексеева).

«Восточн[ый] фронт» и поход на Москву (значение овладен[ия] Москвой) – продовольствие Петрограда

Русское командование [–] не т[олько] вопрос нац[ионального] самолюбия, но и вопрос успеха.

Что нас разъединяет?

Необходима сильная власть, но левые требуют *гарантий* против злоупотребления ею для восстанов[ления] старого режима.

Эти гарантии они видят в переходе от единоличной диктатуры к *коллективной* (трое)

и в *выборе* этой коллективной власти «Государ[ственным] совещанием *по уговору*».

Гарантии эти они считают исполненными в Уфим[ском] правительстве и неисполненными в армии Деникина, в к[ото]рой *единоличная* диктатура Ден[икина] и никакого выбора.

Отсюда их вывод: всеросс[ийское] правительство *уже* существует, в лице Уфим[ского] прав[ительства].

Южное не равноценно ему.

Если бы южное было *выбрано*, то тогда они могли бы поставить вопрос о равенстве их. Если тип другой, тогда настаивают на большей ценности Уфимского.

Наш взгляд на это:

Коллективная диктатура б[ыла] испробована – и привела к большевикам.

Принцип *выбора* уже привел Уф[имское] правит[ельство] к изменению москов[ского] соглашения: большинство правительства социалистическое и признано соврем[енным] Учред[ительным] собранием. Новые суррогаты демократии – не гарантируют ее действит[ельного] участия.

Диктатура рождается из командования.

Она уже родилась из командования Деникина.

Только ее поддержка и создание правит[ельства] по *этому типу* гарантирует союзникам воссоздание России и твердой власти.

Просим его признать главнокоманд[ующим] армии Южного фронта, особенно важного и для союзников, и для России.

Отношение к северному правит[ельству] оставляем открытым вопросом до установления контакта.

Но хотим, чтобы в южный центр власти б[ыли] посланы иностр[анные] миссии.

Необходимость непосредственных сношений для выработки общего военного плана и выяснения, в предварит[ельном] порядке, взглядов союзников на вопросы мира, связанные с Россией. (Randstaaten), Балтика и Финляндии, Армения и Кавказ, проливы.

9–22 ноября

Утром иду к Титову. После обмена мнений начинаем писать записку.

Завтрак у St. Aulaire, в том же составе, как у Belloy. St. Aulaire особенно любезен. В сепаратном разговоре рассказываю ему о поручении Маклакова через Санникова (относит[ельно] монархии) и о трудностях на пути. Он интересуется: это, видимо, для него первое подтверждение, что в Париже одобряют его собств[енный] взгляд на монархию. Как мотив он указывает на русские бумаги, распространенные среди мелкой буржуазии и крестьянства. Спрашивает, когда мы восстановим бюджет (и начнем платить купоны). Я отвечаю: при благоприятных условиях через 2–3 года.

Возвращаюсь к Титову и продолжаю составлять текст. Много хлопот вызывает отдел о наших разногласиях. Титов составляет два текста: один – объективное фактическое изложение, другой – мотивировка, с введением полемического элемента, на случай, если и мы изложим наше мнение мотивированно. Я выбираю первый текст и к нему подгоняю изложение нашего взгляда. Брайкевич дважды приходит и торопит: делегация решила завтра во что бы то ни стало уехать. Будет работать хоть целую ночь. Спешу к вечернему заседанию приготовить текст.

Вечером читаю. Гурко возражает, что нет лирического конца. Предлагаю ему написать. Других замечаний мало.

10–23 ноября

С утра Гурко предлагает свои поправки и конец. Половину конца принимаем, другую я переделываю.

Выборы в состав делегации за границу. Неожиданный исход, очевидно, подготовленный приехавшей позже комиссией. От 9 до 6 голосов получают Шебеко, Третьяков и Гурко. Я с 5-ю голосами на 4-м месте, Федоров и Маргулиес имеют по 2 голоса. Общее смущение. Третьяков потом на улице подходит и говорит: Вышло неладно. Ведь Шебеко мы не знаем. Я успокаиваю его: Шебеко имеет репутацию одного из лучших послов – и единственный в вашей делегации homme du métier* (я сам его написал в своей записке). Третьяков за-

* профессионал (франц.).

ключает: в Одессе мы еще раз пересмотрим; вы должны быть там; отвечаю успокоительно, чтобы кончить разговор. Федоров тоже отзывает в сторону и говорит об «интриге приехавших хулиганов, поддержанной Кривошеиным и Меллером, с целью проводить за границу Ник[олая] Ник[олаеви]ча. Я отвечаю, что, во всяком случае, выбор выражает настроение собрания и надо им предоставить действовать как хотят.

В течение дня закупаю подбор румынских книг: Ксенополя[439] 6 томов, хрестоматия по истории румынск[ой] литературы, словарь и грамматику. Чорга посылает свою книгу с карточкой.

Вечером торжеств[енное] заседание с послами. Меня просят прочесть нашу записку. Читаю. Barclay оживляется при цифре 150 000 союзных солдат, которых мы требуем (минимально). Речь Гурко о большевистской опасности для самих союзников, с пересолом. Приехал Gauquié, больной. Беседа с ним. Он сообщает, что «Родная земля» закрыта и социалисты уехали из Екатеринодара (в т[ом] ч[исле] и Пешехонов) в Ростов. Очень недоволен арестом Шрейдера за перепечатанный «Россией» старый документ о Корнилове, как «изменнике», подписанный им, как городским головой. Вообще он рад уехать — не хочет вернуться. При армии оставлено дипломатич[еское] совещание из 3-х дипломатов (Сазонов, Нератов, кн[язь] Г.Н. Трубецкой) и трех недипломатов (Винавер, Новгородцев и, кажется, Астров). Повезет за границу, очевидно, левое настроение.

Ген[ерал] Щербачев повторяет просьбу написать отчет о совещаниях делегации для Деникина. Исполняю просьбу выслать длинный отчет. Кончено как раз, когда надо уезжать на вокзал.

11–24 ноября

В поезде Яссы—Одесса. Вечером приходит Титов в Тирасполе и рассказывает, что из Бендер по телефону говорит разъехавшийся с нами кн[язь] (Ю.И.) Трубецкой, посланный гетманом в Яссы просить помощи у союзников. Он получил уже от Кривошеина сведения, что мы все сделали, что могли, и спрашивает, не вернуться ли. Но Демченко настаивает, чтобы он ехал дальше и соглашается на то, ч[то]б[ы] просить помощи румын.

Одеваюсь и иду на станцию к телефону. Застаю группу наших. Напоминаю, что мы решили румын не приглашать и прошу Кривошеина сказать это Трубецкому. Он при мне повторяет это и на вопросы из Бендер отвечает: «это невозможно». На вопрос, приезжать ли, Кривошеин дает утвердительный ответ. Тогда берет трубку Демченко и начинает настаивать, ч[то]б[ы] Трубецкой ехал дальше и исполнил свою миссию. Я говорю ему, что он говорит противополож-

ное тому, что мы решили. Он прибавляет на плохом французском смутную фразу о румынах, но потом опять начинает советовать испробовать все средства. Еще до моего прихода к нему присоединился и Брайкевич. Последний пробует меня уговорить, я его отшиваю. Говорю, что мы не должны нести ответственность за какой-либо совет, что они – местные обыватели, испуганные и панические (Тр[етьяков] сообщает, что положение Киева отчаянное, что «все может быть ликвидировано»).

Идем в вагон Демченки и наших «хулиганов». Гурко с первых слов соглашается звать румын. Там у меня с Д[емченко] происходит резкая сцена. «Вы занимаетесь только высшими соображениями, а я – практическим делом». Да, мы занимаемся высшими соображениями, и ваше практическое дело д[олжно] б[ыть] подчинено им, если вы считаете себя нашим сочленом. Я не хочу, чтобы мы были исполнителями желаний гетмана». «А, вы не хотите исполнять желаний гетмана», – задыхаясь от злобы, говорит Д[емченко]. «Да, не хочу», – отвечаю я, поворачиваю ему спину и ухожу в наш вагон.

Поздно вечером возвращается из того вагона Кривошеин и застает у нас бунт (Третьяков, Федоров, Маргулиес). Раздражение против «хулиганов» вспыхнуло. Федоров требует на завтра отдельного совещания в старом составе делегации и соглашается только пригласить Гурко. Тогда Кривошеин предлагает не звать и Гурко, хотя он с ним и дружен, а совещáться одним, чтобы не обижать других. Как-нибудь надо дотянуть без споров; Демченко и Дитмар дальнейшего участия, вероятно, принимать не будут. Всячески умасливает меня, делает мне комплименты за хороший тон разговоров с левыми, говорит, что хотя и был за принятие новой партии в наш состав, но их дальнейшее поведение его не удовлетворило.

ОДЕССА

12–25 ноября

Поезд приходит без четверти семь. Иду в квартиру С.Ф. Штерна.

Приносят известие, что произошло столкновение самостийников с вартой, пытавшихся арестовать их клуб. Начальник варты убит, предстоит столкновение сотни самостийников с добровольцами. На завтра готовится стачка рабочих из-за ареста Мустафиным гласных и рабочих. Переговоры об освобождении арестованных. Enneaux ставит условием – подчинение изданным им прокламациям (вторая, – не продиктованная нами, говорит о подчинении гетманскому правительству).

Союз офицеров (Леонтович[440]) объявил себя нейтральным и готов соединиться с самостийниками против большевиков. Стеклицкий отставил Мустафина. Ненюков[441] согласился подчиниться Стеклицкому. Кривошеин объясняет, что арестованных решено освободить.

Совещание в 2–4 часа в Ростове (без приехавших позже). Продолжать ли или кончать экспедицию? Как определить взаимоотношение разных организаций? Как покончить инцидент с «хулиганами»? Ехать ли в Константинополь? Фундаминский заявляет, что они затрудняются оставаться на прежних основаниях.

Второе заседание, с 4-х, в Торгово-пром[ышленном] комитете. Сообщения о положении дел в Одессе.

Завтра приходят 333 офицера, 769 солдат-поляков из Новороссийска, остаются до прихода союзников.

Сотню самостийников разоружили.

Брайкевич предлагает переговорить по радио с Севастополем и с Константинополем. Организованы сибиряки, поляки и белорусы – на русской ориентации, хотели соединиться около города, очень демократичны, нам могли бы подчиниться.

Меллер предлагает принять постановление для установления единого командования, войти в сношения со Стеклицким, Ненюковым.

Титов указывает, что это выходит за пределы полномочий и от имени нашей делегации, как целого, неудобно приступать к действиям. Мы не знаем, какие меры будут приняты: м[ожет] б[ыть] опять – аресты. Рискованно для авторитетности делегации принимать такие меры, к[ото]р[ые] м[огут] не совпасть с мнениями отдельных членов (приводит разговор с Трубецким по телефону).

Чемберс возражает: вопрос тот же, который дебатировался в Яссах и получил выражение в заявлении Энно: здесь частное применение нашей тактики отн[осительно] Украины в целом. Иначе нельзя примирить генералов.

Рябушинский. Объединение командования в Одессе не предрешает вопроса, который нас разделяет. Мы не на словах только, а на деле должны проявлять наши патриотич[еские] чувства. Надо съездить ко всем.

Брайкевич. Надо еще переговорить с Энно и разгрузить напряжение около арестованных. Выпустить всех, кто прямо не обличен в большевизме. Лидеры с. д., мы, к. д., отправили в Крым, ввиду преследований против него. Завтра обещают стачку сделать мирной. Но никогда нельзя ожидать, что будет.

Фундаминский. Не надо становиться на *формальную* т[очку] зр[ения]. Надо сделать это, но формально это трудно (для нас). Надо выбрать компетентных лиц в *частном* порядке.

Титов. Кто знает Стеклицкого, имеет ли он авторитет, не страдает ли украин[ской] ориентацией? М[ожет] сыграть скверную роль?

Рябушинский. Мы входим в область военной техники. Здесь будет сделано то же, что в Киеве.

Гурко. Мы не знаем *лица*, но знаем принцип единства командования. Ст[еклицкий] действует вполне решительно. Надо поддержать явно всероссийским авторитетом изв[естных] *лиц*. Надо объединить два бюро для записи. С Леонтовичем не стоит разговаривать. Достаточно – с Ненюковым.

Меллер. Это *частный* разговор, но *членов* делегации, со ссылкой, что мы *обсуждали* этот вопрос. Решено: переговорить с Ненюковым, с Энно, по радио с Севастополем и Константинополем.

Третьяков. В Севастополе *позвали*. И нам надо *звать*. Поехать к Рауху[442].

Савич. Согласен. Помимо осведомления, довести до конца наше дело в Яссах: в К[онстантино]поле крупные силы в смысле морского командного состава. Туда, очевидно, уже перенесена база. Хоть малая часть сил, посланных в Новороссийск, – обеспечить Одессу.

Решено, далее, просить об освобождении арестованных, кроме большевиков и петлюровцев.

Брайкевич. Ок[оло] 1200 чел. под ружьем, 800 [чел.] только резервов. Мустафин, варта подозрительно: 400 тайных самостийников, 100 явных. Самост[ийники] (вооруж[енные]) *расклеивают воззвание*. Их *не* разоружили, но они шевелятся. Отряд, посланный в <название нрзбр.> (300 чел.), дошел до Ромны. В Жмеринке соед[инились] с союзниками (?).

Гурко. Читает текст телеграммы о *десанте* в Одессе.

Маргулиес. Мы просили *только* о военн[ых] судах.

Я. Только об *Одессе*.

Ссылки на Кровопускова.

Вечером социал-демократы были у Энно и, по его выражению, «устроили точно митинг с прениями во французском деревенском кабачке». Результат прений: Энно согласен восстановить прежнюю («демократическую») управу. Это, как будто, может удовлетворить забастовщиков.

13–26 ноября

Год как я приехал в Ростов.

Утром слухи о возможном прекращении забастовки.

В 11 ч[ас]. заседание нашего президиума по двум вопросам: о дальнейшем положении наших «хулиганов» и об открытии фили-

альных отделений Совета госуд[арственного] объединения в Одессе и в этих городах. По поводу первого вопроса — все готовы признать, что надо ограничить права приехавших после — совещательным голосом (кроме Гурко и Савича). Выборы за границу все считают неправильными, но Кривошеин считает невозможным их кассировать, как предлагают Меллер и Маргулиес. Кривошеин считает возможным сделать это — только в Киеве. Говорит о необходимости пересмотреть выборы и дополнить, — главн[ым] образом, ч[то]б[ы] ввести меня. Я отвечаю, что мне еще неясно, как относятся ко мне за границей, и я могу только напортить. Тем более мы должны вас выбрать, заявляет Кривошеин, ч[то]б[ы] показать загранице, что для нас эти соображения не имеют значения

Иду к М.В. [Брайкевичу], остаюсь там довольно долго; получается известие о приходе английского миноносца (часа в 2—3).

В 4 часа попадаю на заседание. Меня вызывал, оказывается, Ballard, приехавший с миноносцем из Галаца. Ездил на миноносец Гурко и вернулся с предложениями и вопросами: 1) послать меня и Гурко в Константинополь? 2) уходить ли миноноске в К[онстантино]-поль, забрав нас с собой, или оставаться? Решаем миноноске оставаться, а нам ехать. На каком судне? Предложение Демченко — воспользоваться украинским судном, которое он вчера выпросил у Гербеля, — отклонено, по моему настоянию. Я сообщаю, что гетман, в декларации 16-го ноября, уже взял назад половину обещаний, данных в грамоте 14-го. Решают обратиться за судном к Ропиту. Нас с Гурко посылают опять на миноноску — объявить Ballard'у о наших решениях. Едем с Энно, на его автомобиле с французским флагом, и с полк[овником] Ильиным, который приехал сюда с Ballard'ом. Приезжаем на миноносец, знакомимся с капитаном. Ballard обещает сейчас же послать радиотелеграмму с требованием больших военных судов. В Константинополе 50 судов, под командой <пропуск>, который вместе с тем назначен high Commissioner*. Дипломаты еще не прибыли. В этой телеграмме сообщит, что просит взять его в К[онстантино]поль. Когда за ним придет судно, то он возьмет нас с собой и тогда телеграфирует, что мы едем.

Весь план, очевидно, есть непосредственное продолжение ясского. Послы только не хотели посылать всей делегации, п[отому] ч[то] она «слишком долго разговаривает». Наши имена, очевидно, названы в Яссах. Гурко уверяет меня, что его речь произвела потрясающее впечатление на Barclay, и этим-де объясняется его выборы.

---

* верховный комиссар (англ.).

Расспрашиваю о Константинополе. Там все тихо. Германцы уезжают по ж[елезной] д[ороге]. «Очень вежливы». Возвращаемся домой. Штерн рассказывает, что он заготовил текст воззвания, одобренный Энно и градоначальником, и имел по поводу его совещание с социалистами, которые кое-что отторговали. Выкинуто выражение о свободе (*благоразумной*) печати, об оставлении под арестом лиц, уличенных в «большевизме» (вместо этого поставлено: обвиняемых в уголовных деяниях).

Дальнейшие сведения: верхи социалистические согласны на условия (восстановление управы, свободы печати, свободы собраний, организаций, стоящих на государственной точке зрения, выпуске арестованных, *кроме* /как выше/). *Низы* требуют немедленного восстановления Думы и безусловного освобождения *всех* арестованных (включая большевиков).

Около 7 часов – сведения, что забастовка кончена.

С улицы слышны хулиганские выстрелы.

14–27 ноября

Утреннее заседание 11 ч[ас]. осложняется рядом привходящих фактов. 1) Пришла новая миноноска только что утром, из Констанцы. С ней приехали два офицера из службы разведки, с поручением осведомляться о степени опасности для сохранности коммерческого флота, о составе этого флота, о наличности твердого и жидкого топлива и т. п. 2) Мы вызываем для ответа адмиралов Покровского[443] и Ненюкова, а также Энно, который приезжает первый и подробно разъясняет приезжим офицерам положение в Одессе. При этом выясняется, что офицеры относятся очень осторожно к посылке союзных войск и даже спрашивают: «кто здесь дал такие *обещания*?» 3) Приезжает с визитом Ballard с капитаном и офицерами двух миноносок. Совещание превращается в простую беседу. После их отъезда (и до) Покровский, потом Ненюков выясняют положение тоннажа.

С 3-х часов, после перерыва, идет обсуждение вопроса о посылке делегации в Париж. После продолжительного обсуждения выясняется: 1) Речь идет о *двух* делегациях. Первая, спешная, должна поставить целью ходатайства о десанте и сухопутных войсках в пределах решений в Яссах. 2) Вторая, более полная и длительная, по дальнейшим *политическим* вопросам – в том числе и тем, к[ото] р[ые] нас разделяют, – с целью, м[ежду] пр[очим], создать comité d'action*. Титов выражает сомнение, согласится ли его группа участвовать даль-

---

* комитет действия (франц.).

ше даже в первой делегации, если она будет касаться политических вопросов. Меллер и я высказываем сомнение, можно ли окончательно сговориться по вопросу о создании власти. Брайкевич продолжает защищать эту возможность.

Голосование: посылать ли спешно первую делегацию о военных вопросах, не дожидаясь второй делегации?

Решают послать, присоединив к уже избранным делегатам меня от Нац[ионального] центра и какого-нибудь левого по выбору группы Союза возрождения. Ехать немедленно в Париж. Относит[ельно] Константинополя – я спрашиваю Ballard'а, считает ли он нужным нам ехать. Он отвечает: надо сперва узнать, где адмирал. Он его ищет через радио. Ответа еще нет. Он м[ожет] б[ыть] уже *не* в Константинополе, а в Черном море или в Севастополе.

15–28 ноября

Из украинских газет видно, что союзники уже прибыли в Севастополь.

16–29 ноября

В заседание в 11 ч[ас]. приходит Кровопусков и подробно рассказывает историю выполнения своей миссии. По дороге в Одессу Горбатский принимал его за представителя франц[узского] правительства и в Одессе ему была устроена торжеств[енная] встреча. В Константинополе он беседовал с адмир[алом] Amete[444], к[ото]р[ый] сдержанно ответил ему, что посылка войск есть слишком ответственное решение. Затем он поехал с Amete к Франше д'Эспере[445], который беседовал с ним час и сказал: у него есть две дивизии, но чтобы двинуться в Россию, ему нужны две вещи: 1) приказание из Парижа и 2) перевозочные средства. Без того и другого он не даст ни одного солдата.

В это время приходит Энно. Вчера, по соглашению с Гурко и с Демченко, он послал грозную телеграмму. Из Киева пришли вчера сведения, что между герм[анскими] войсками и войсками Петлюры заключено перемирие с демаркационной линией. Энно телеграфирует, что германцы не имели права, согласно условиям герм[анского] перемирия, заключать перемирие с Петлюрой, и грозит им (через украин[ские] власти) репрессиями со стороны Франции. Я спрашиваю его частным образом, имеют ли посланники в Яссах достаточное полномочие, чтобы подтвердить эту угрозу. Энно смущается и признает, что он действовал на свой страх. Выясняется из дальнейших прений, что Демченко и Гурко (за ними Кривошеин) настроили Энно. Демченко остался на телефоне и узнал от Гербеля и Ржепецкого, что они довольны телеграммой Энно и находят только, чтоб он дополнитель-

но телеграфировал, чтоб германцы заняли железнодорожные пути. Поезду, на котором поедет Энно (экстренный, очевидно, украин[ского] правительства), будет предшествовать германский поезд, который прочистит дорогу. Меллер, за ним я, Третьяков и Титов возражают против поездки Энно. Я подчеркиваю, что поездка – опять решение сепаратное, продиктованное паникой, что Энно очутится в трудном положении, будет отрезан от своих послов, не будет в состоянии усиливать своих настояний, подпадет под влияние национ[ального] союза, очутится лицом к лицу с Oberkommando (он сам признает, что не рискует адресовать своих требований к германцам, ч[то]б[ы] не получить прямого отказа) и будет принужден в сношениях с гетманом перейти границу простой «защиты порядка». Брайкевич и Кровопусков – против отъезда. Савич защищает отъезд: опасности нет, полезнее быть в Киеве. Признает трудность положения: отн[осительно] петлюровцев и гетмана.

Меллер резюмирует: поездка Энно кажется большинству преждевременной и рискованной, моральн[ый] авторитет ее будет быстро использован, а здесь мы лишимся полезного представителя, сообщает Энно. Энно отвечает: je crois que c'est plus sage*.

Продолжается доклад Кровопускова. В приемной уже находились Суповин и Шеншаев. Кров[опусков] принят первый. Изложение положения вещей на Украине. Amete и Franchet не имели никаких сведений. После 1 ч[ас]. Franchet сказал, что заставить войска воевать – чрезвыч[айно] трудно. Две дивизии в Салониках. Приказ из Парижа и транспорт[ные] средства. Снова у Amete, к[ото]р[ый] просил скопировать полномочия и сделать письменное изложение. На друг[ой] день снова принят Аметом, к[ото]р[ый] стал активнее интересоваться Одессой, Николаевым, трансп[ортными] средствами. На «Тигре» был англичан[ин] Дандервель, представит[ель] крупн[ой] фирмы. Я предложил совместное собеседование для выяснения тоннажа. Д[андервель] дал спецификацию и составил список неск[ольких] десятков судов, годных для операции. По моему настоянию выслал миноносец «Mangenie» – для выяснения транспорта, продовольствия, снабжения 3–4 тыс. теплой одеждой и обувью, расквартирования. Я не имел возможности задавать вопросы военного характера. Но судя по послед[ней] беседе и интересу к практич[еским] вопросам, – у меня впечатление, что им уже было поручено, независимо от моей записки. Он, вероятно, уже вошел в сношения с военными властями.

Укр[аинский] посланник никем не б[ыл] принят. Только после беседы со мной Amete дал аудиенцию, чтобы получить письменное

* это слишком умно (перемудрили) (франц.).

разрешение – взять все трансп[ортные] суда Черного моря. Я не считал возможным явиться в укр[аинскую] миссию и ограничился частными беседами с Тенишевым-Тухолкой, выяснил им, что никакого противоречия м[ежду] моей миссией и их целями нет. Но совместн[ые] действия я не вправе предпринимать. Высш[ие] представит[ели] относ[ятся] иронически: Amet, именующий себя политиком Украины. Оглашает документ. Ген[ерал] Амет – главный комиссар по делам Востока. Посланников не имеется.

Нач[альник] главного штаба Franchet de Espérey – едет в Париж – беседовал со мной, давал объяснения. Он интересовался взглядами делегации на образование власти (изложил мой личный взгляд: считаю ли я возможным восстановление монархии. Я ответил, что это – крупная ошибка и что организация власти д[олжна] б[ыть] на демократич[еских] началах. Гибельный пример Ленина).

Результат записки: Amete обратил внимание на неск[олько] пунктов: 1) помощь, обещанная союзниками: когда и где? Я ответил, что есть *факты*: засед[ание] в Яссах, прием у послов, фактич[еская] помощь Добров[ольческой] армии – это я разумел под «помощью союзникам».

Franchet спросил о румынах. Кр[овопусков] сказал, что делегация *против* этого. Franchet сказал, что и он разделяет это мнение.

17–30 ноября

Доклад Гришина-Алмазова в совещании

Он послан был в Яссы Деникиным с тем, чтобы осветить положение на востоке. Т[аким] о[бразом], [был] уполномочен от Добров[ольческой] армии.

Большевизм в Сибири к январю 1918 г. б[ыл] в полном расцвете. Разница, что сибир[ский] мужик не был большевиком. В Заволжье – большевизм московского типа, а в Сибири мужик почувствовал большевизм, когда пришли фронтовики; потом рассосалось среди крепкого населения. Попытки внедрения большевизма – с двух пунктов: Комитет членов Учред[ительного] собрания в Самаре; в Сибири 6 правительств жили в Харбине, враждовали друг с другом и пытались залучить союзников на свою сторону. Союзники держались выжидат[ельной] тактики и отвечали уклончиво, видя, что за этими правит[ельствами] нет ни людей, ни денег.

1) Правит[ельство] врем[енное] Сибирское (автономной Сибири).

2) Правит[ельство] Хорвата[446] – б[ывший] нач[альник] В[осточной] [железной] дор[оги], популярен в Китае (памятник в Харбине), бескорыстен. В его кабинете: Востротин[447], Устругов[448], Путилов[449],

Окороков[450]. Во главе воор[уженных] сил Хорвата стоял ген[ерал] Плешков[451], впоследствии ген[ерал] Флуг[452], к[ото]р[ый] поехал от Алексеева для информации и там застрял.

Врем[енное] Сиб[ирское] правит[ельство], выбранное Областной думой в Томске, от н. с. до большевиков включит[ельно] (большевики совершенно не были представлены). Правит[ельство] левое – хотя нек[ото]р[ые] и притворялись социалистами. Во главе войск – полк[овник] Краковецкий, лицо приемлемое с военной т[очки] зрения, держался правильной полит[ической] ориентации.

Я б[ыл] выслан большевиками из тюрьмы за контрреволюционность. Начал действовать вначале сепаратно, организо[вы]вать офицерство, а потом к ним приклеить правительство. Но офицеры спросили: кто будет политическими вождями? Нельзя было объединить около одного лозунга или программы. Я попытался провести последнее средство: объединить около *идеи* какого-нибудь правительства, имеющего какой-нибудь признак законности («Врем[енное] Сибирское», хотя и неприемлемое политически). Хоть однобокое это правит[ельство] имело признаки власти. Я понимал, что власть будет иметь тот, у кого реальная сила. Во главе правит[ельства] социалист Дербер[453], омский прис[яжный] поверенный, колеблющийся от прав[ых] эсеров до черновцев. Мне удалось сорганизовать офиц[ерские] дружины от Аткарска до Челябинска: покупали винтовки, деньги брали от кооперации (если бы не при един[ом] Сиб[ирском] правит[ельстве], денег не получили бы. Торгово-промышленники давали гроши; потом я заставил давать столько, сколько было нужно).

К серед[ине] *мая* было закончено конструирование власти. К этому времени обнаружилось участие чехословаков. Вопрос деликатный и сложный. Чешско-слов[ацкий] корпус (из русских и военнопленных чехов) из 2-х дивизий, под ком[андованием] русского ген[ерала] Шокорова[454], Дитерихса[455], Войцеховского. Вначале все высш[ее] командование – русское. После геройской защиты нашего отступл[ения] на Ю[го-]З[ападном] фронте прошли Россию, ч[то]б[ы] отправиться через Владивосток на Зап[адный] театр. В Киеве заняли неправ[ильную] позицию. 1) Первое столкнов[ение] с большевиками при выходе из Киев[ской] губ[ернии]: сняли погоны, отказались от русск[ого] командования, отобрали часть оружия. Чехи уступили. 2) В Пензе другой ультиматум Совета нар[одных] комисс[аров] сдать *все* оружие. Национ[альный] совет, возглавлявший корпус, решил опять уступить. Чехи разоружились дотла, лишь спрятав неск[олько] пулеметов в кулях и неск[олько] винтовок. 3) К концу *апреля* третий эксперимент Совнаркома: остановлены там, где застигла телеграмма.

Каждый русский город имел эшелон чехословаков с хорошей выправкой, ходили строем, нервировали вождей «демократизир[ованной]» армии. Атмосфера стала тревожной: сперва их утешали (в задержках) технич[ескими] затруднениями, но через 3 недели, когда деньги были на исходе, они встревожились: печать большевистская начала подчеркивать их буржуазность. Я не мог не учесть эту силу и попытался связаться с высш[им] командованием. Ответ: «Масарик запретил вмешиваться во внутр[енние] дела России». В низах, начиная от командиров полков до солдат, получал полное сочувствие. «Вы только начните, а мы уже расправимся». Особенно прямолинеен капит[ан] Гайда, человек решительный (служ[ил] в мануфакт[урном] магазине). *Мы решили с Гайдой произвести первый взрыв в Новониколаевске.* Этот вопрос был тогда же решен и во всех эшелонах, ч[то]б[ы] показать большевикам свою силу. Два эшелона кап[итана] Кадлеца и <пропуск> *шли сознательно*. В ночь *на 25-е* власть большев[иков] пала безболезненно. Окружили совдеп, кое-кого отправили на тот свет, утром обыватель понял, что большевиков больше нет (Марьинск и Новониколаевск). В Новоник[олаевске] мы, кучка в 700 чел., были окружены 10 000, но мы не смущались. Начали двигаться на восток; взяли Томск, потом на все стороны: Барнаул, Бийск. Тут интересный эпизод: мой доброжелатель, полк[овник] Гайда, не гово[рил], что нас бросит: но у чехов было особое течение невмешательства, встретившее поддержку большевиков. Они немедленно передали чехословакам, что согласны вооружить чехословаков и отправить во Владивосток, но чтобы не поддерживали «белогвардейцев». Поддержала большевиков Американская ж[елезно]д[орожная] миссия, склонившая в Иркутске, Верхнеудинске эшелоны чехов *проехать* во Владивосток. С таким же ультиматумом поруч[ик] Крижак обра-т[ился] ко мне в Новониколаевске в самую критическую минуту. На Гайдуде надеяться нельзя, ибо народ не хочет. Я сел в экстр[енный] поезд и поехал в Томск, ч[то]б[ы] получить вооруж[енную] интеллигенцию и офицеров. По дороге встреч[ался] с поездом большевиков: ехал генеральный консул Harris[456] и с ним 2 большевика, уговарив ав[ших] чехов уехать. Я послал адъютанта, ч[то]б[ы] говорить с Harris, в качестве командующего Зап[адно-]Сибир[ским] округом. Первый разговор с Harris таков, что я хотел уйти: он снисходит до разговора к вождю белогвардейцев. Разговор б[ыл] бесплоден. Подошел эшелон офиц[ерской] роты, я построил роту, сделал смотр, на это любовались Harris и большевики, — когда я вернулся в вагон, он был другим человеком и сказал на прощанье: я обещаю, что чехи останутся, пока вы не сорганизуетесь. Если бы не Harris, был

бы крах, часть чехов ушла бы. С этого момента началась совместная борьба с чехами. Чехи почти исключительно освободили Заволжье и на 50% сыграли роль в освоб[ождении] Сибири. Регистрация их может документально подтвердить это: 50% *преувеличенный* максимум.

История освобождения Сибири — ряд легких побед: офицеры и интеллигенция. Мобилизацию я отложил до восстановления госуд[арственного] аппарата — до конца августа.

О чехах доложу вне хронологии. В Париже вопрос о чехах возникает. *Союзники на Востоке ориентируются исключительно на чехов* и от них получают всю информацию. Чех[о]слов[ацкий] корпус называется «революционным». Средний удельный вес = правому социалисту(-рев[олюционеру]). На *съезде* в конце июля в Омске были тепло приняты представители Сибирского правительства, союзников, но все померкло, когда вышел на трибуну с. р. (черновец): тут чехи все встали и устроили овацию. Они боялись упреков в «контрреволюции». К русск[ой] действительности подходили с т[очки] зр[ения], насколько это им *выгодно* и — что менее «контрреволюционно». Когда Комитет Учр[едительного] собрания соединился с Сиб[ирским] Врем[енным] правительством, то *я и Михайлов не могли столковаться с чехами*: они — третья сторона. Формула невмешательства т[олько] на бумаге: фактически всюду вмешивались — Михайлов должен был быть *арестован чехами* за «контрреволюционность». Ген[ералу] Шокорову предложили почетную должность начальника снабжения, заменив его Сераловым; постарались поставить нас перед необходимостью согласиться с начальниками-чехами на *всех* фронтах. Я не протестовал, давал им в руководители офицеров ген[ерального] штаба. Далее ряд мелких трений: ни одного старше 30 лет; все — зеленая молодежь, дети, к[ото]рых нельзя было убедить, что надо обратиться к городскому самоуправлению, что неприемлемо, ч[то]бы они на кажд[ый] город смотрели как на военную добычу. Мы старались всюду им уступать, но не без неудовольствий. <1 нрзбр.> поезда, тысячи сапог, *чешская армия одевалась за счет сибирской.* Гайда, друг русских, послал циркулярную телеграмму и объявил на военн[ом] положении все местности в тылу и учредил на станциях военно-полевые суды из 3-х чехов и одного русского. Потребовались 2 заседания Национ[ального] совета для отмены. Другой трагический вопрос: мой командир корпуса сообщил, что Гайда приказал созвать Георгиевскую думу и представить к награде офицеров и солдат. Я ответил, что сам никогда не решился бы награждать. Понадобилось много усилий, возникла целая дипломат[ическая] переписка. Я, наконец, послал его телеграмму генер[альному] консулу в Иркутск. Таких примеров несерьезности

команд[иров] и совета – сколько угодно. Откровенно беседуя с Дюрихом и Вондраком[457] в Екатеринодаре, я получил от них искренний смех: «эти мальчики нам известны». Чехословацкие *политики* представлены слабо: Павлу – интриган (слова Дюриха); чехи у союзников – persona grata*, информаторы и инспираторы.

(После перерыва)

Дополнение о чехах

Я выехал в начале октября н[ового] с[тиля]. Чехи находились на своих местах, и т. к. борьба с большевиками закончилась, то они начали перебрасываться на Зап[адный] поволж[ский] фронт, где армия Учред[ительного] собрания терпела неудачи: Вольск, Казань, Сызрань, Самара, ж[елезно]д[орожный] узел Кинель были взяты. Среди большевиков в больших пропорциях участвовали мадьяры, китайцы. Чехи расправлялись с мадьярами беспощадно.

Почему такие крупные неудачи (также Камский <1 нрзбр.> с заводами винтовок и патронов – теперь подобрались к Уфе)? Чеш[ская] армия дисциплинированный военный организм, но верхи неблагополучны: поручики в генер[альских] погонах терялись, когда дело доходило до сражений; получался ряд некоординированных действий. Казань взята чехами, вопреки приказу. Пенза переходила из рук в руки. Им говорили: нельзя воевать *кустарным образом*. Они отдали все взятое без расчета. Деликатный вопрос: к концу сент[ября] и нач[алу] октября чехи *констатировали факт* разложения своей армии. «Советы», «демокр[атические] начала» сказались. Армия начала давать колосс[альный] проц[ент] заболеваний, спиртные напитки, продажа вещей на базарах.

Чехов было *не более 60 000* всего. Сами не знали сколько и скрывали от меня. Я привозил на совещание табличку цифр, к[ото]р[ую] они охотно переписывали. Из *Сибири* теперь *почти ушли*.

След[ующй] вопрос – вкратце каждое из правительств, к[ото]рые функционировали к моменту создания Уфимской директории. Заранее извиняется за резкие суждения.

1. В Сибири *Сиб[ирское] Врем[енное] правит[ельство]* – кусок того, которое случайно оказалось на террит[ории] Сибири, а не Манчжурии. 1) *П.В.Вологодский*[458], омский прис[яжный] повер[енный], безвольный и бесцветный, когда-то с. р. 2) *Крутовский*, старый областник духа Потанина[459], доктор, 83-х лет, все время отговаривался болезнью и жил в Красноярске. 3) *Шатилов*[460] – мин[истр]

* лица, пользующиеся особым расположением у кого-либо (лат.).

туз[емных] дел. 4) *Михайлов*[461] – мин[истр] финансов, прив[ат]-доц[ент], под видом социалиста, монархист, мы были согласны. 5) *Серебряников*[462], правый социалист. 6) *Патушинский*[463], называл себя нар[одным] соц[иалистом], но был левее [э]с[е]ров, – единственный сибирский «самостийник». Человек без удержа. – Состав дост[очно] правый. 3 законопроекта: аннулирование декретов, уничтож[ение] советов, восстановление частной собственности. *Офицерство поверило в возможность совместной работы.* Я заявил, что эта шестерка (два моих личных врага) останется *без изменений* до парламентских перемен. Это – ответ на тысячи предложений к. д., более правых, более левых и т. д. *Впредь до моей отставки ни один министр не ушел*; после – все были арестованы. Это правительство обладало добровольческой армией до 50 тыс., справлявшейся с внутр[енними] врагами (Сунж[енские] и Анжер[ские] копи). Его никто не поддерживал, а в конце *все* поддерживали. Было *ничье*. Его район: на зап[аде] хребет за исключ[ением] Екатеринбургского уезда, на востоке река Онон, граница с Манчжурией, потом и Владивосток. За это время – ни одного *другого*. Правительства т. наз. Хорвата – не было: *Хорват поцарствовал в июле на ст. Гродсково* – в поезде с министрами отслужил молебен и объявил себя Врем[енным] Всеросс[ийским] правительством. Потом решил не настаивать.

Громадный козырь – финансисты. С мом[ента] взятия Новониколаевска – на базаре появились продукты, цены пали, начались вклады в деревнях. Не выпустили ни одного денеж[ного] знака.

Первые падежи – до 50 миллионов вынутых складов – на 3-ий день после моей отставки. На первом же заседании Совета министров был выложен Свод законов, все законы восстановлены. Была установлена винная монополия 22–27 руб. бутылка, в неделю по одной бут[ылке] на взрослого, уплата непрем[енно] мелочью, «хорошими» деньгами.

2) *Правит[ельство] в Екатеринбурге* «Горного Урала» – опереточного характера. По почину Кроля[464], члена Учр[едительного] соб[рания] от Перм[ской] губ[ернии], образовано временное правительство. Я протестовал, но нас уговаривали: горнозаводской Урал составляет нечто самодовлеющее – мы согласились, но финансы, пути сообщения, войско и [связи с] иностр[анными] правит[ельствами] – оставили за Сибирским правительством. Потом эта конститу[ция] *расширилась* – под влиянием *чехов*. Чехам это правит[ельство] понравилось: они очень заинтересованы в горнозаводском Урале. Нам придется расплачиваться за их помощь. Правительство идет на все уступки. Чехи предлагали дать им кусок сибирской армии. Но я – отказался.

3) *Комитет членов Учред[ительного] собрания*. Его влияние по правой стороне Волги. Там объедин[ены] [э]с[е]ры черновского толка. *Авксентьев, Аргунов, несмотря на усилия Вольского*[465], *отказались*. Одно время попал туда Дутов; но потом они его позорно исключили за расстрел 300 большевиков. Это правительство «углубляло» революцию, красные флаги, «демократизация» армии, совдепы, – в конце концов – сдача.

4) *Войсковое правительство Оренбургского войска* – А.И. Дутов, к[ото]р[ый] *делал, что хотел*. На последнем круге его полномочия продлены без перевыбора – полное доверие.

5) *Правительство Уральского казачьего войска*: большевиков совсем не было. Самые крепкие казаки, *староверы и единоверцы*. Во главе – коллектив социалист[ического] оттенка: Фомичев, н. с., во главе, – более отвечал низам А.А. Махеев. Казаки меланхолически говорили: так уж вышло. Не было и атамана, считалось опасным.

Все ориентировались на Сибирское правительство, за исключением Комитета членов Учред[ительного] собрания. «Вся власть Учр[едительному] собранию!» – его лозунг. Комитет членов Учр[едительного] собр[ания], когда уничтожилась пробка м[ежду] Сибирью и Заволожьем, приехал в Челябинск и пригласил представителя Сиб[ирского] правительства.

Мы с Михайловым встретились с Брушвитом, студ[ентом] и <пропуск>, с. р., м[инистр] и[ностранных] д[ел]. Они поставили вопрос ребром: на каких условиях вы нам подчиняетесь? Я, сдержавшись, сказал, что об этом не м[ожет] б[ыть] и речи. Будем работать, не мешая друг другу. Они переменили тон, п[отому] ч[то] у них не б[ыло] денег, наши переговоры привели к началу создания Уфимской директории. Тут мы пришли к мысли, что необходимо объединиться. Настаивали чехи, к[ото]р[ые] боялись «самостийности» Сибири и чрезмерной левизны. Настаивали и консулы. На Челябинском совещании – первая мысль о власти, объединяющей всю Россию. Комитет Учр[едительного] собрания сразу заявил, что это – Учредит[ельное] собрание прошлого состава. Представители Сибирского правительства решительно отказались: единоличная диктатура вождя Добровольческой армии. Протест и ужас – в том числе и у чехов; вопроса больше не поднимали. Решили собраться на предварительное «государственное совещание».

На предварительном совещании в *конце июля* собрались представители всех областных правительств казачьих войск, предварительно проведших свою казачью конференцию. Среди казаков – ни одной сильной фигуры. Дутов почил на лаврах; несмотря на мои

усилия вытянуть его к более широкой работе, – не удалось. Комитет Учредит[ельного] собрания усилил свой удельный вес, приехав с Алаш-Ордой, Татаро-Тюркменские, Башкирии* – все говорящие одними и теми же словами. Пришлось согласиться и на экзотические правительства, представителей казачества, Центр[альные] комитеты всех партий (Пепеляев от к. д., Челебулов н. с., Майский[466] с. д. (меньшевик). Пробным камнем – вопрос, где быть госуд[арственному] совещанию. Мы настаивали на Челябинске, Комитет Учр[едительного] собрания – на Самаре (*не без основания боялся ареста*). Голоса разделились пополам. Мы решили путем *сговора*. Налево Ком[итет] Учр[едительного] собрания, соц[иалистические] партии и экзотич[еские] правительства, направо – Сиб[ирское] правит[ельство], все остальные и все казачество. Авксентьев, Михайлов, с. р. Роговский[467] в президиуме. Вопрос о месте был решен компромиссом: *в Уфе, начало сентября.*

Временное Сибирское правительство делегировало троих: меня, Михайлова, Патушинского. Д[олжны] б[ыли] дать нам инструкцию. Но она не м[огла] б[ыть] выработана. Патушинский не признавал компромиссов и снял свою кандидатуру. *Т. к. защищать единоличную диктатуру б[ыло] безнадежно, то решена директория не более 5, с ген[ералом] Алексеевым, не перед кем не ответственная.* Поход Комитета Учр[едительного] собр[ания] и левой части Сиб[ирского] правительства против меня. Англ[ийский] консул в Екатеринбурге Престон, женат на немке, замешан в истории шпионажа, спросил, как я смотрю на участие союзников. Я ответил сдержанно: нужна моральная помощь. Престон телеграфировал в Иркутск, что я отзывался дурно о союзниках и что мое пребывание у власти нежелательно. Вопрос о моей отставке был поставлен ребром; *их сердило мое выступление в Сибир[ской] областной думе, к[ото]р[ую] я прикрыл.* Шатилов, Патушинский, Вологодский – против меня. Они не могли бы меня уволить, если бы не мелкое честолюбие одного второстепенного начальника. Когда я ужинал дома, приказ подписан генералом Ивановым о моем замещении. Я ушел с удовольствием, как избавление. Но это отразилось на бирже, армии. Все предложения офицеров и войск – стать на мою сторону – я отверг. Т[аким] о[бразом], отвод меня Комитетом Учр[едительного] собрания был достигнут. Михайлов по моей просьбе отош[ел] и решил не ехать на государств[енное] совещание. Поехал 65-летний Сапожников[468] и Серебреников. Сиб[ир-

---

* Так в тексте.

ское] правит[ельство] окончательно распалось: все министры были опротестованы. Чехи, узнав, что Сиб[ирская] областная дума стала в оппозицию Михайлову, решили арестовать Михайлова, к[ото]р[ый] скрылся. Другая, правая часть госуд[арственного] совещания, совершенно растерялась. В *Уфе, 8 сентября* — ничего не предвещало доброго. Все оппоз[иционные] круги инсценировали перед союзниками и чехами первое заседание. Вольский сказал вступит[ельную] речь о лозунге «Вся власть Учредит[ельному] собранию». Выбрана директория, уродливая по партийному составу и опирающаяся на теперешнее Учредит[ельное] собрание. Партии от прав[ых] [э]с[е]ров и правее — оказались перед разбитым корытом. Комитет Учр[едительного] собр[ания] заручился присягой на верность себе и открыл съезд Комитета членов У[чредительного] с[обрания]. Пункт 11-й гласит, что Уф[имская] директория обязана предоставить вооруж[енную] силу по распоряжению президиума. Готовились к приезду В. Чернова.

Не удовлетворило никого. Я приехал позже. Несмотря на все старания, торжественного открытия — ни войск, ни денег — не было. Бессильны, не надеялись, что их будут слушаться — это сказалось на выборе резиденции. Остановились сперва на Омске. Но, появившись туда, могли быть арестованы. Тогда Екатеринбург — тут чехи не пожелали. Склонились к Уфе. Когда возник вопрос о портфелях, полное безлюдие. Савинкову предложил пост м[инистра] в[нутренних] д[ел]. Мой заместитель предъявил Болдыреву требование, чтобы пост военного м[инистра] остался за Сибирью, чтобы конституция Сибири оставалась, как *Пруссия* отн[осительно] Германии.

Все пришли (правые элементы от к. д.), решили, что больше никакие гр[ажданские] совещания ничего создать не могут. Надо оставить как *местную* директорию, но считать, что единственная власть — из Добров[ольческой] армии. Поэтому я поехал, не принимая компенсации и почетных постов, к Деникину, приехал сюда, чт[обы] информироваться. Поворот к Добровольческой армии совершился. Я достат[очно] хорошо знаю действенные круги: правительство при Добровольческой армии будет немедленно признано Сибирью и Заволжьем.

Подтверждение того, что Добров[ольческая] армия м[ожет] смело вести работу — я решил проехать по местам, освобожденным от большевиков. В той же форме, как сейчас, я проехал.

Сибир[ская] армия составляла ок. 200 тыс., половина вооружена. Казаков до 50 тыс.

Положение, к[ото]рое я оставил. *Савинков приехал в Уфу (в августе)*. Я с ним разговаривал. Он решил основать «Русскую нацио-

н[альную] партию»: патриотизм, единоличная диктатура и республика. Должен был сделать турне по Сибири. «Рус[ские] ведомости» (Титков, Белоруссов) под заглав[ием] «Отеч[ественные] ведомости»[469] при содействии Савинкова обслужив[ают] интересы его партии. Пришлось беседовать с еп[ископом] Андреем[470], к[ото]р[ый] ведет колоссальную работу госуд[арственного] строительства на церковной почве. Абсолют[ное] большинство выбрано в город[скую] думу в Уфе — по списку церковных приходов. Когда хотели опротестовать, Андрей заявил, что согласен, ибо недоволен, что *мало* выбрано. Вообще в Уфе замечался наплыв — не такой значит[ельный], как в Екатеринбурге — общественных деятелей. Чернов скрывался около Самары до результатов гос[ударственного] совещания. Появлялись лишь его статейки. К моменту победы с. р. Чернов явился в Самару на крест[янский] съезд, и *это страшно повлияло на офицерство*, к[ото]р[ое] чувствует, что расплачиваться придется им же. Выступление Чернова, выборы в совдеп Уфимский — подействовали чрезвыч[айно] болезненно. Это — главный оплот для Добров[ольческой] армии. Добров[ольческая] армия есть и во Владивостоке, на клич Деникина — откликнутся.

Разговоры Энно по прямому проводу, с Oberkommando в Киеве в 1 час. Он требует, чт[обы] не заключали соглашения с Петлюрой, не выдавали оружия, охраняли порядок на *всей* Украине и оставались до прихода союзников. Ответ: мы не можем охранять всей Украины, но охраняем ж[елезно]д[орожные] пути до (Жмеринки?), не заключали соглашения с петлюровцами и готовы защищать порядок. Оружие взято только то, которое составляет собственность Нац[ионального] союза.

18 ноября – 1 декабря

Продолжение доклада Гришина-Алмазова

Состояние войск в октябре.

4 группы: 1) Сиб[ирская] армия

2) Народная

3) Казаки

4) Чехословаки

Сиб[ирская] армия вначале исключит[ельно] добровол[ьческая] из офицеров и интелл[игентов]-добровольцев: числом поменьше, ценой побольше. Строгий отбор, прекр[асное] орудие для подавления внутр[енних] беспорядков (Судженские и Анжерские копи — в 2 дня подавлено движение). Минус, что недостат[очное] обмундирование и снабжение патр[онами] и пушками. Все — трофеи от большевиков; другого способы пополнения не было. Запасы были у «Нар[одной] армии», но скрывали от «контрреволюционеров».

Число 50 тыс. чел. — все на фронтах; в Томске — всего 50 челов. — Если возьмут извнутри, я второй раз возьму.

Меры для внутр[еннего] мира: по узлов[ым] станциям распределены офицерские пулеметные отряды, очень подвижные.

В начале образ[ования] Сиб[ирской] армии — метод по войсковым единицам. Кадры 3-х корпусов: 1) Средне-Сибирский, 2) Степной и 3) Уральский. С освоб[ождением] Дальн[его] Востока предположены: 4) Вост[очно-]Сиб[ирский] и 5) Приамурский. После меня начали формироваться. На меня давление и справа и слева, чтобы я перешел к нормальному формированию. Я отказался: сперва аппарат. К концу августа мобилизация 19 и 20 годов, не б[ывших] на фронте и не хлебнувших большевизма. Приказ: «кажд[ый] новобранец д[олжен] пройти через регистр[ационные] пункты, вымыт, одет и т. д.». Первый шаг к покорению воли. Моб[илизация] 19 и 20 [годов] от Читы до Челяб[инска] прошла блестяще. Эксцессы в Кузн[ецке] и Чите подавлены жестоко. Лев[ые] газеты разрекламировали — и остальной набор прошел спокойно. Метод — территориальный. Набор дал около 200 тыс. челов. Блестящие войска. Объявил командирам корпусов, что не получат ни одного солдата, пока не будут обучены новобранцы, — хотя бы пришлось отступить в киргиз[ские] степи. Мой заместитель не соблюл принципа и начал переброску в опасные места не вполне обученных. Мобил[изация] удалась и потому, что на совете всех полит[ических] течений я категорич[ески] запретил «просить и уговаривать». Только «требовать и приказывать». Никакой агитации, никак[их] плакатов.

2) *Нар[одная] армия* — во главе полк[овник] Галкин[471], — заурядн[ый] офицер, поэтому и выбран левыми, в руках Комитета Уч-р[едительного] собр[ания], к[ото]р[ые] могли производить любые эксперименты: демокр[атические] принципы, «керенскащина». Офицеры были страдальцами, масса дезертиров в Сиб[ирскую] армию, разложились. Призыв 17 и 18 годов — сам[ые] безудержные фронтовики, — пока еще не б[ыло] аппарата. Д[олжны] б[ыли] начать со «стариков». Организация непонятная: во главе «главный штаб» (не в смысле нашем, военном), ген[ерал] Архангельский; никакого командующего. Галкин начальник штаба; под ним подписывался «комиссар Рум[ынского] фронта Фортунатов». Была каша. Численность — глуб[окая] тайна — и от самих руководителей. От 20—50 тыс. Но больше 15 тыс. *штыков* не было. Остальное — рты.

3) *Казаки* — ок. 50 тыс. штыков и сабель. Цифра приблизительная. Мобилизовали для *своих* нужд, в завис[имости] от опасности для *своей* территории. Урал[ьцы] мобилизовали в послед[нее] время *всех*,

но потом для рыбн[ой] ловли отпускали. Вполне надежные войска: заволжск[ий] фронт в посл[еднее] время только на них и опирался. В нач[але] мобилиз[ации] и среди казаков большев[истский] душок не б[ыл] изгнан. Выбраны комитеты; речи. Все это быстро ликвидировано.

4) О чехословаках сказал выше. К ним приклеивались поляки, югославены, сербы. Сиб[ирской] армии они боялись как «контрреволюционной». В Омске поляки просили сформир[овать] польский легион, проф[ессиональный], дисциплинированный. Появились поляки «демокр[атического]» состава, пришло разреш[ение] фор[мировать] из военнопленных. Моего легиона не признали, как слишком буржуазного и русского. Команд[ир] степного корпуса донес мне, что явились 2 поляка и заявили, что пол[ьские] войска на фронт не пойдут. Я вызвал командира и решил перестрелять. Поляк чуть не расплакался, сказал, что не имеют ничего общего, готов сейчас же ехать на фронт. Поляки-делегаты извинились перед команд[ующим] и все же стали формировать *свои* войска. Численность чехословаков (от Владив[остока] до Волги) около *60* тысяч. Сиб[ирская] армия т[олько] в Сибири. Фронты на в[остоке] были ликвидированы. Мы соединились с отрядом Семенова[472]. На западе фронт Сиб[ирской] армии около Екатеринбурга, окружены с 3 сторон на радиусе ок[оло] 100 верст. Одна из дивизий дейст[вует] на Алексине, Копале, Верный. Остальная часть переброшена на Волжский фронт, где неудачи, объясняемые, гл[авным] обр[азом], тем, что все операции велись без опред[еленного] плана и цели. Взятие Казани, Самары, Сызрани, Пензы, Вольска — ряд крупных ошибок: брать нельзя было. К моменту моего отъезда отданы Казань, Самара, правый берег Камы, мост через Сызрань, жел[езнодорожный] узел Кинель.

К югу — мы в сфере влияния Дутова, у к[ото]р[ого] 3 фронта: 1) на запад на Кинель, смык[аясь] с Нар[одной] армией, 2) на Орске (все др[угие] губ[ернии]), 3) около Актюбинска Дутов шел с севера на Турк[естан], Сиб[ирская] ар[мия] с востока *след[ующий] фронт* — Уральский. Большевики шли на Уральск от Шипова до Соллиглав, далее на Лбищенск (стан. <1 нрзбр.>) и от Астрахани на Гурьев (пассив[ный] фронт) — страдали от недостатка припасов. Неск[олько] дес[ятков] тысяч винтовок сданы обратно большевикам в Казани. Я с Дутовым м[ог] переписываться т[олько] через курьеров. «Товарищи» перехватывали телеграммы.

Союзники

Борьба с больш[евиками] всех групп — под знаком *союзн[ической]* ориентации. Другой не было. У чехословаков — нечто бо-

лезненное. Призрак нем[ецкой] провокации, шпионажа, их кошмар. Союзники абсолютно не были представлены. Т[олько] консулы в Иркутске: ген[еральный] консул Harris, франц[узский] Bourgeois, остальных не знаю. Пользовались симпатиями чехов, к[ото]р[ые] не разбирались в их полномочиях. Держались вызывающе и беседовали особ[енным] тоном (широко занимались спекуляциями). Торгов[ые] консулы — парикмахеры или учителя языков — тоже держались вызывающе. Были и на госуд[арственном] совещании, высказывали мнение, что союзники признают и поддержат, пришлют войска и припасы. Копия с докум[ента] о Престоне, что он — герм[анский] агент; сыграл провок[ационную] роль отн[осительно] меня. Вся борьба без единого рубля, патрона и солдата от союзников (не считая военнопленн[ых] словаков). Когда освобод[или] путь на Владивосток и мы ждали складов, оказалось, что там ничего не подвезено. Мы пытались связаться с Пекином, телеграфировали об огнестр[ельных] припасах и ружьях, ответов не получили. Я г[ово]рил, что нам союз[ных] солдат *не надо*, а нужны припасы. Только для моральной поддержки: чем меньше иностр[анных] войск, тем лучше. Надо найти на своей территории: иначе надо закрыть лавочку.

Ко врем[ени] отъезда интер[есный] факт. Директория хотела создать *иллюзию* признания союзниками, рекламировала приветствие итал[ьянского] министра. Болдырев считал, что признана «вообще». К этому времени приехал анг[лийский] чрезв[ычайный] посол сэр Чарльз Элиот[473]: вообще в Россию. Ехал до Омска, ничего не говоря. Хлопотали залучить в Уфу. Он хранил молчание. В Омске соединился прямым проводом, спросил: где ген[ерал] Алексеев? Получил ответ, что с ним соединиться нельзя. Элиот умолк.

К моменту моего отъезда японцы (1 жанд[армская], 1 кав[алерийская], 3 пех[отные] дивизии) были до Читы: во главе жанд[армская] дивизия, расклеивала воззвания к населению в восточном расплывчатом тоне. Никаких конкретных данных. И все печальн[ые] лица: только инструкция доехать до Читы и там зимовать. Это — оккупация Вост[очной] Сибири.

2 тыс. англичан, 1 тыс. французов (с ген[ералом] Жанен[474]), японск[ий] ген[ерал], 500 итал[ьянцев] и (предположительно) 10 000 американцев. Сориентировавшись после выбора Уф[имской] дир[ектории], я отказался от поста и решил ехать в Добров[ольческую] армию по местностям, не занятым большевиками, чтобы привести Деникину документы и информацию.

Обзор пути

С мандатом к ген[eралу] Алексееву от предс[едателя] Совета мин[истров] Врем[енного] Сиб[ирского] правит[ельства] (увол[ено] в отставку) – дал друг Михайлов за 3 дня своего председательства. Всюду я подчеркивал, что я частный человек, не знаю, как меня примут в Добров[ольческой] армии. Категорически спрашивал, как относятся к Добров[ольческой] армии и директории.

Первый – Дутов – на эт[от] вопрос ответил: пусть приезжает Добр[овольческая] армия; я в ее распряжении. В Урал[ьском] каз[ачьем] войске иначе. Возглавляют социалисты. Я пошел к Михееву и, зайдя к ним, застал пленум правительства. Они холодно ответили, что рады будут, когда Добров[ольческая] армия придет. Но письмо Алексееву не написали. Среди ур[альского] казачества, не т[олько] офицерства, но и рядовых казаков, – ореол святости. Д[обровольческая] а[рмия] может все сделать. У них ни одного человека: команд[ует] войсками пожилой, безвольный г[енерал]. У них нет руководителя. Встретят со священниками и с хоругвиями.

Из Гурьева в Петровск по морю: первый рейс. Парох[од] интернац[ионального] состава. Офицеры к Бичерахову[475], казаки, добровольцы. Флаг красный, команда большевистская. Я объявил пароход на военном положении и погрозил выбросить за борт. Подчинились и вывесили национ[альный] флаг.

Лазарь Бичерахов – осетин, православный, прибыл из Персии в Дербент, потом турки выгнали в Баку, потом в Петровск – в дружбе с англичанами. Террито[рия] его – гор[од] Петровск. Имену[ю]т команд[иром] Кавк[азской] армии – тыс. 6–7 штыков. Не верю, что он получил деньги от англичан. Деньги (120 млн.) он вывез из Баку, а в снаряжении нуждается – англичане отказали ему в вооружении и пригласили его служить в Туркестане. Бичерахов сказал мне, что «я офицер, ничего не поним[аю] в политике, не принимал в гражд[анской] войне участия, боролся с турками, готов блокироваться с большевиками прот[ив] турок. Отн[осительно] Добров[ольческой] армии ответил, что преклоняется перед Алексеевым, но – уйдет в отставку, п[отому] ч[то] не хочет идти против большевиков и в гражд[анской] войне участв[овать] не будет. Беседовал с Минорским. Англичане фактич[ески] оккупировали Красноводск, Мерв (Туркестан), Мугань. Назначил руссофоба полк[овника] Стокса – «прямой вызов русск[им] кругам». Отн[ошение] к р[усским] неважное: игнорирует, как туземцев Индии – «колониальные политики». В это время сформир[овали] Закавказ[ское] краевое правительство. Бичерахов не м[ожет] справиться с гражд[анскими] делами. Минорский решил приклеить к нему

правительство: из лизгин – Терское, Астр[аханское] – съезд, к[ото]р[ый] выбрал краевое правит[ельство] (все с. р.). Я уехал до выбора председателя. Главноком[андующим] они утвердили Бичерахова. Я приехал к соседнему диктатору Дагест[анской] области, кн[язю] Тарковскому[476] в Темир-хан-Шуру. Кн[язь] Тарковский имел непоср[едственные] сношения с Топой Чермоев[ым][477], объяв[ившим] себя презид[ентом] республики Союза горских народов, поехал в К[онстантино]поль и получил санкцию. Кн[язь] Тарковский подчинялся его приказам. Полк[овник] кн[язь] Тарковский ничего не понимает в политике. «Пусть придет Добр[овольческая] армия; напишу, что ему подчиняюсь». «Я веду беспощ[адную] войну с большевиками и поэтому не отказываюсь от союза с турками. Расстояние – 60 верст. Просил не говорить о его отнош[ении] к Добров[ольческой] армии, пока не выйду за пределы.

Из Петровска с братом Л[азаря] – Георгием Бичераховым[478] и есаулом Букановским поехал на прист[ань] Старотажара – будущий большой порт. Я мог беседовать о внутр[енней] политике Тер[ской] республики. Георгий Б[ичерахов] старый с. д. (о чем не подозревал его брат). С Букановским я не хотел г[ово]рить, как с председателем совдепа. Но он т[олько] и думает, как бы этот совдеп распустить. Парламент Терский значительно правее краевого правительства. Хочет разойтись. Правит[ельство] – из правых социалистов-оборонцев. По военной части плохо: нет формы и чинов. Мне предсказывали, что меня разорвут, но всюду мы возбуждали общий восторг. В Петровске, в кафе, мои 2 адъютанта были свидетелями трогат[ельной] сцены. Подошли 2 пьяных матроса: разрешите посмотреть на *настоящего русского офицера*. Геор[гий] Бичерахов сказал, что мы – опасные бродильные грибки. Местн[ый] тузем[ный] отряд с ротм[истром] Серебряковым – надел погоны.

В Тер[ской] области – безобразное внутр[еннее] и военное положение. Форм[енный] кошмар. Казаки и крестьяне жаждут твердой власти, а их правители жаждут революц[ионных] завоеваний. Во главе оф[ицер]-магометанин Вастругов – застрелился. Эта б[ыло] для меня понятно: он слишком слаб, чтобы взять в свои руки, но не мог смириться. Тер[ская] область д[олжна] б[ыть] оплотом для Добров[ольческой] армии: нужно т[олько] взять твердый курс – даже лучше Кубан[ской] области. Георгий Бичерахов, с. д., под конец сказал, это он *не против диктатуры сверху*. Попав в большев[истский] мешок, совершив ночной переход 40 верст, перевалили хребет без тропинок – и перешли в район Кубан[ской] области.

Посетил один аул. В Куб[анскую] область вошел уже с целым отрядом: мог бы привести целый полк. Около 30 чел., в т[ом] ч[исле] мой конвой – 8 горских князей. Далек от честолюб[ивых] вожделений, но тут выступил, на высоте 3000 футов, в селе Урусбиеве, официально. В живописных кавказ[ских] костюмах седой старик: «Мы, горцы, среди камней и скал, не видим бол[ьшого] света, скажите, что такое большевики. Мы вам поверим, как русскому генералу». Я посоветовал не враждовать, помнить, что т[олько] Россия м[ожет] гарантировать существование, рассказал и о Деникине. Всюду меня преследовал вопрос: все решили, что будет монархия, и вопрос только, *кто будет царем*. Полож[ение] на Кавказе в смысле отношения народностей чрезвычайно плохо – казаки, крест[ьяне], армяне, осетины, кабар[динцы], балкарцы, ингуши, нагайцы – в полном расслоении: отмежевываются друг от друга на почве большевизма. Отрезвление идет быстро. Среди армян – ни одного большевика и сепаратиста. Осетины правосл[авные] – русской ориентации. Горцы кабардинцы отрезвились. Кто придет с кулаком и смело возьмет бразды правления, того будут любить. Вся публика жаждет твердой власти.

На вопросы

Офиц[иальное] положение ген[ерала] Болдырева – главн[окомандующего] всеми силами России. Номинально – подчиняются все. Сил никаких. Повыползли генералы, ищут чистых местечек. Только начал формирование *русской* армии (на Урале и там, где нет Сибир[ской] армии).

Новости

Командующий Харьков[ской] армией (Барбучан) телеграфировал союзникам, что республиканские украинские войска стоят за союзников. В Харькове они поддерживают демократ[ическое] самоуправление и охраняют порядок.

Ген[ерал] Кнёрцер[479] был у Энно (к[ото]р[ый] не подал ему руки) и заявил, что они готовы поддерживать порядок.

Вечером совещание отъезжающих. Приход В.А. Степанова. Он приехал в предположении, что будет участвовать в совещаниях, – узнать, что делается (д[олжно] б[ыть] больше по своим делам). О наших планах ехать в Париж узнал т[олько] по дороге. Предполагает ехать Сазонов (убеждаю, ч[то]б[ы] не ехал и не разрушал слагающегося центра власти). Винаверский план организации представительства провалился. Он хотел устроить его при верх[овном] главнокомандующем и ввести представителей областей (в т[ом] ч[исле] и себя). Деникин решил, что это будет совещание *при Сазонове, назначенное* им. Винавер, уезжая в Крым, заявил, что сохраняет за собой место в совещании.

В Крыму приезд союзников застал раздробление властей, ввиду чего на «Воле» поднят английский флаг. Канин, вм[есто] того ч[то]б[ы] взять в руки главнокомандование флотом, стал требовать указаний у Украины, Дона, Крыма, Кубани и Добров[ольческой] армии. Деникин назначил его приказом, но было уже поздно. Англ[ийский] адмирал, спуская Андреев[ский] флаг и удаляя команду с русск[их] военн[ых] кораблей, заявил, что действует согласно категорич[еским] указаниям, полученным от высшего союзного командования. «Пока в России полная политическая неразбериха, нельзя быть уверенным, что суда русск[ого] флота не попадут в руки русских элементов, враждебных союзникам. Действит[ельно]: в Севастополе 1) украин[ский] адмирал Клочковский[480], признающий себя не украинцем, а русским, 2) кап[итан] Тихменев[481] из Новор[оссийска] с частью судов, приведенных по приказанию из Москвы от большевиков, но не признающий ни большевиков, ни украинцев, 3) адм[ирал] Канин, не решившийся явочным порядком возглавить флот для встречи союзников. Дон ему не ответил, а потребовал пушек, снарядов и подводную лодку, Украина пригласила в Киев – решить вопрос о флоте. Крым согласился, 4) немцы, 5) Крым[ское] правительство и 6) местные продовольств[енные] управы, не исполняющие его приказаний.

Н.И. Астров прислал, в форме интервью для газет, свое отречение от членства в Уфим[ской] директории, ссылаясь на признание ею настоящего Учред[ительного] собрания. Ему Гришин-Алмазов привез стеногр[афические] протоколы Уф[имского] совещания, которые, вероятно, вместе с давлением со стороны Степанова, и побудили его совершить этот шаг. В конце интервью он отрицает, что при Добров[ольческой] армии составляется правительство. Тем менее – всероссийское. По моей просьбе эту часть интервью мы зачеркнули. Нельзя, с одной стороны, добиваться за правит[ельство] Добр[овольческой] армии признания, а с друг[ой] стороны, официально отрицать его существование.

Астров остается в Ос[обом] совещании без портфеля. Письмо Астрова ко мне, с директивой членам партии, состоящим членами Союза возрождения, не признавать Уфим[ского] правительства всероссийским, а только Северо-Восточным.

Сообщение Ballard'a о разделе сфер влияния. Закавказье–Батум–Поти–Персия–Месопотамия – англичанам. Севастополь, Одесса – французам.

Предстоит приход 6 дивизий: 3 французских, 2 итальянских, 1 греческой. Я говорю о необходимости составить общий план с Добров[ольческой] армией. Ballard г[ово]рит, что для этого посылаются <1 нрзбр.> военные эмиссары к Деникину.

19 ноября – 2 декабря

(В прошлую субботу)

Доклад Степанова

Военное положение удовлетворит[ельное], но горцы понесли поражение. Больш[евистская] армия очень дисциплинирована и стойка в бою. С месяц назад наша гвардия потерпела [поражение] под Армавиром. Отн[осительно] снабжения ничего еще не б[ыло] получено. У ген[ерала] Санникова б[ыли] сведения о том, что послано. Нет шинелей, сапог, тепл[ого] белья. Армия полна ожиданий отсюда. Ч[то]б[ы] закончить операции, нужно *только* снаряжение. Никаких десантов не нужно. Санит[арное] состояние. Образовался комитет имени Алексеева, они обратились повсюду, но *т[олько] в Одессе* идет хорошая работа. Из друг[их] мест нет ответа (из Киева, из Сум – г[ово]рят Маргулиес и Савич).

Политич[еская] обстановка. Краев[ая] Рада, к сожалению, собрана. Момент б[ыл] пропущен для ее устранения. Правит[ельство], ехавшее *в обозе* Добров[ольческой] армии, стало править. Попытки соглашения и разгранич[ения] власти – не удались, хотя Кубани отводилась широкая автономия (выборн[ый] атаман, хотя они г[ово]рили о «генер[ал-]губернаторе»). Идея единоличн[ой] диктатуры встречает резкую оппозицию. Агитация делает свое дело, общ[ественные] деятели, собравшиеся проездом в Ек[атеринбурге], образовали Комитет членов Учред[ительного] собрания (всего 6–7 чел.), но шума много: офицеры стеснялись ехать в «социалистич[ескую] армию». «Сын Отечества»[482] и «Родная земля» поддерживали «постольку, поскольку». Армия – боса, п[отому] ч[то] не говорит об Учред[ительном] собрании. Определенно проводилась неясная линия, т[ак] ч[то] нельзя б[ыло] понять, о каком собрании идет речь. Даже когда арестован и выслан Шрейдер, было напечатано в т[ом] смысле, что были офиц[иальные] переговоры с Учред[ительным] собр[анием] по вопросу об Уфим[ском] правит[ельстве] – левые заняли т[очку] зр[ения], что Д[обровольческая] а[рмия] должна подчиниться, как всероссийскому. Терпимости было много; все газеты травили армию. «С[ын] О[течества]» был закрыт. Шрейдер арестован после напечатания текста его обращения, как гор[одской] голова, и возникло опасение о безопасности. Деникин пробыл на фронте 4 дня, и потому Шр[ейдер] сидел; потом выслан, больш[ая] часть уехала. «Р[одная] з[емля]» закрылась за отсутствием средств, но в послед[нем] № жаловалась, что создались такие обстоятельства, что приходится закрыться. «Самостийность», в смысле желания сохранить долю местн[ой] самостоятельности, есть. С этими течениями приходится считаться.

Особ[ое] совещание [–] орган гражд[анского] управления – сперва т[олько] для предварит[ельного] обсуждения, ч[то]б[ы] исполняла армия со штабами; но это учр[еждение] эволюционировало, хотя писаной конституции нет – она вырабатывается. Совещание глав ведомств. В состав под предс[едательством] ген[ерала] Драгомирова входят Сазонов и Нератов, ген[ерал] Лукомский (военный и морской), финансы *пока* Гейман, предполаг[ается] приезд Бернацкого. Внутр[енние] дела долго не замещены. Астров взял дела самоупр[авления], но место вакантно до сих пор. Приглашение послано Ватаци (Эмм[ануилу])[483]: о нем лучшие отзывы. Степ[анов] начальн[ик] госуд[арственного] контроля. Без портфеля – Шульгин и Астров, Санников и Романовский. Есть вакансии (нар[одное] просв[ещение]). Торг[овля] и пром[ышленность] – Лебедев[484].

Органы управ[ления] наладились, но не закончены. Наиб[олее] трудны отд[елы] финансов <1 нрзбр.> – как размежеваться с кубанцами (в Ставроп[оле], действуют как угодно): вопрос остается открытым. Параллельно действуют две власти. Юстиция (ген[ерал] Макаренко[485]) считается вакантной. Создали сенат из ставропольск[ого] окружн[ого] суда. Среди суд[ебных] деятелей мысль – сделать общий судебн[ый] аппарат. Дон начал составлять сенат из сенаторов, суд[ебную] палату предлагают свою. Для разрешения – или путь соглашения или разрубить мечом. Первый путь не всегда возможен.

С Крымом отношения: незадолго до моего отъезда Винавер получил уведомление, что их министерство вступило в исполн[ение] обязанности. *Это* правит[ельство] в контакте (правит[ельственная] речь Винавера при встрече эскадры: все временное, г[ово]рит о единой России). «Демокр[атические]» учрежден[ия], зем[ская] губ[ернская] управа в Симферополе, дем[ократические] думы – протест против набора: как смеет главнокоманд[ующий] распорядиться.

Отн[ошения] с Красновым – *никаких* нет. Все попытки Краснова – не имели последствий. На Дону отнош[ение] отрицательное. Последняя попытка – письмо Краснова Сазонову, с предложением свидания. Сазонов ответил, что за недосугом в Новоч[еркасск] приехать не может. Такое же отношение союзников. Gauquié не поехал, а Erlich[486] имеет поручение *содействовать падению Краснова*. Покупали у Краснова снаряды дороже, чем они получали от немцев. Снаряды с гробом жены Краснова.

Отнош[ение] к Скоропадскому тоже отрицательное. Приказа Деникина о вступл[ении] в команд[ование] – *не было*. Но Скороп[адский] вызвал к прям[ому] проводу нач[альника] штаба: существует ли приказ? – Нет. – А будет издан? – Да. Просит отсрочить на 3 дня.

Снош[ения] с союзниками. Мы были отрезаны от всего. Радиосвязь хромала, отправлять телеграммы не могли. Посылали курьеров, но редко приезжали. Все, что мы получили, было очень благоприятно. О поездке в Яссы – узнали из газет и прочли о совещании в прошлую среду. Тогда решено послать меня. Возникло предположение о едином представительстве. Б[ыл] составлен проект, к[ото]р[ый] обсуждался в прис[утствии] Сазонова. Дипломат[ическая] делегация при главнокомандующем, с представит[елями] других образований. Никого, кроме Крыма. Как схема проект доложен Деникину, к[ото]-р[ый] *внес изменения.* «При главнокомандующем, под председат[ельством] Сазонова» – параллельно с Особ[ым] совещанием. Фактич[ески] не осуществим, т. к. был один Винавер, к[ото]р[ый] уехал. Трубецкой и Новгородцев не приехали. Союзники пришли неожиданно, их перестали ждать. В 1 ч[ас]. в субботу из Новоросс[ийска] сообщили о приходе «Renan», «Liverpool» – импровизировали встречу. В Екатеринод[аре] встреча торжественная. Они ждали найти транспорты в Новор[оссийск], но слишком скоро пришли. Командовал команд[ир] «Liverpool». С ним много сухопут[ных] офицеров. Erlich в Новор[оссийске] произнес речь о единой России.

Я сообщаю последние сообщения Ballard'a. Англичане оставляют себе Восток с Батумом и Закавказьем, – для сношений на Батум, Персию и Месопотамию. Новороссийск пока не выяснен. Севастополь и Одесса – в сфере француз[ских] войск. Сюда приезжает Berthelot и будет главный штаб. Прибудут 3 дивизии французских, 2 дивизии итальянских и 1 греческая. Мы настаивали, чтобы греков не было.

Далее Степанов рассказывает о приезде англичан в Севастополь (см. выше).

Канин настаивал, ч[то]б[ы] хотя одно судно осталось под русским флагом.

Кровопусков: я беседовал с Аметом и видел секретн[ый] документ о перемирии на Черн[ом] море. Цель эскадры – выполнить эти условия. Русск[ие] суда, к[ото]р[ые] б[ыли] использованы немцами, д[олжны] б[ыть] взяты союзниками и отведены в Измит – до решения мирной конференции. Я пытался выяснить Амету, что «Воля» никаких действий не производила и б[ыла] вооружена до прихода немцев. Но мне ответили, что обязаны выполнить постановление (о «Воле» и 4-х нефтяных миноносцах: единств[енные], к[ото]р[ые] могут плавать).

О Уфим[ском] правительстве: выяснилось ли отношение?

Степанов – мы узнали из газеты известия отрывочные. Офиц[иальных] сведений не было. Когда получены стенограммы, декла-

рация, речь ген[ерала] Болдырева. Когда узнали, что он облад[ает] *до января* диктат[орскими] полномочиями, к[ото]р[ые] перейдет Учред[ительное] собрание черновского состава. Тогда выяснилось, что ни о каком признании не м[ожет] б[ыть] и речи. Но мы считали возможным, *если* это правит[ельство] объединяет те области, правит[ельства], к[ото]р[ые] участвовали в его создании, то можно разговаривать как с территориальным. Но оно никого не объединило: к[акая]-т[о] совещающаяся <1 нрзбр.>. Исполнит[ельные] органы остались у других правительств: Гришин-Алмазов привез стенограммы, Сибир[ское] прав[ительство] = $^9/_{10}$ всего: у него войска и финансы. Не выпускало новых денег, – территория. Самар[ское] правит[ельство] первонач[ально] имело военную силу, но она быстро разлагалась.

Третьяк[ов]. Какие ближайшие цели ставит Добров[ольческая] армия?

Степанов. Этот вопр[ос] много раз ставился, но это задача со многими неизвестными. Старый план – взятие Царицына и Восточ[ный] фронт. Потом – Москва через Киев и Москва через Харьков. Теперь – Кавказ – база, к[ото]р[ую] нужно взять в твердые руки. Д[олжна] развертываться набором. Но надо одеть и вооружить, как только получим снаряжение, призваны уже *4 возраста* в Черномор[ской] и Ставроп[ольской] губ[ерниях] (в т[ом] ч[исле] 2 бывшие в строю). В Добр[овольческой] армии – много большевиков (Преображ[енский] полк – сдавш[иеся] в плен бывшие красноармейцы, прекрасн[ые] солдаты).

Я перевожу вопрос на устройство контакта с Добров[ольческой] армией.

Савич г[ово]рит о приезде Berthelot: нам надо создать б[олее] серьезную базу, чем Кавказ. Как сделать это без связи с Добров[ольческой] армией. Союзники готовят плацдарм. Надо немедленно до этих новых сведений вызвать Сазонова и Деникина в Севастополь. Можно выработать план действий на ближ[айшее] время и установить срочный контакт м[ежду] Деникиным, как ядром общерусской власти, и властью союзников. Этим решается, будет ли *ваш флаг на всем деле или нет*. Иначе будут сепаратные сношения; они выведут *собственное решение*.

Надо телеграфировать Деникину, что назначен командующий Южным фронтом, снабжение будет безграничное, нужно налаживать транспорт на Черн[ом] море; переговоры через молодых офицеров – слишком продолжительны. Надо готовить большую стратегич[ескую] операцию на ю[ге] России, к[ото]р[ая] предрешит все: м[ожет] б[ыть] пошлем силы для освоб[ождения] Добр[овольческой] армии из Ку-

бани. Просить приехать Сазонова и Деникина с обществ[енными] деятелями.

Гурко: Ballard сказал, что они имеют в виду непосред[ственные] сношения и вызов Деникина в Константинополь. Надо это парировать.

В 6 часов совещание с членами Союза возрождения, под председательством Мякотина. Степанов заявил, что выходит из Союза, т. к. придерживается мнения о *единоличной* диктатуре, а не триумвирате. Мякотин спрашивает, считает ли Нац[иональный] центр обязательным для себя прежнее московское соглашение, которое признали обязательным Волков и Федоров в Киеве. Я отвечаю, что соглашение это нарушено Уфимским правит[ельством], и так как обстоятельства совершенно переменились, то нельзя считать себя связанными. Федоров в Яссах подчеркивал, что единоличная диктатура – есть подлинное мнение Нац[ионального] центра, а триумвират – это уже компромисс. Он и Чемберс в Яссах были за единоличную диктатуру.

Мякотин констатирует неприемлемость для них этой т[очки] зрения. Они посылают в Симферополь и хотели бы привлечь левых к компромиссу, но теперь принуждены будут заявить, что почвы для компромисса не имеется.

Другой вопрос: отнош[ение] к Уфим[скому] совещанию. Я излагаю последнее мнение Астрова. Мякотин опять констатирует непримиримое разногласие и спрашивает, можем ли мы работать вместе дальше.

Я отвечаю, что работать вместе нужно, но нельзя отказываться от защиты разделяющих нас взглядов. Указываю коренную черту различия: *выбор* власти фиктивным гос[ударственным] совещанием.

Мякотин пробует свести разногласия к другой черте. Мы не допускаем в как[ой] бы то ни было форме влияния на Деникина.

Я подчеркиваю, что дело идет не о *всех* формах влияния, – нек[ото]рые м[огут] б[ыть] приемлемы – а именно, о *выборе* власти.

Степанов рассказывает про свои разговоры с Деникиным. Д[еникин] требует *неогранич[енного]* права командования, *формального* права влиять на дипломатию и согласен ограничить себя в гражд[анском] управлении. Формы этого ограничения остаются невыработанными, за исключ[ением] отношения м[ежду] центр[ом] и местной компетенцией.

Я указываю, что Д[еникин] не может отказаться от права назначения и увольнения. Степанов, по-видимому, допускает возможность и этого ограничения.

Новый вопрос – отнош[ение] к продолжению деятельности Ясского совещания. Оно случайно и не д[олжно] б[ыть] увековечено.

Надо пересмотреть вопрос о дальнейшем соединении в бюро партий. Я соглашаюсь, но не согласен до этого пересмотра уничтожать наше совещание, которое нужно для союзников: не согласен заменить его бюро трех представителей трех организаций. Согласен и приветствую более тесное объединение.

В 9 ч[ас]. на пароходе «Александр Михайлович». Прощальные беседы. Кривошеин говорит, что нужно держать Гурко лаской, что он меня очень уважает и что уважение возрастает с каждым новым шагом. Он, Кривош[еин], тоже научился меня ценить, я как раз подхожу, ч[то]бы удержать равновесие. Перечисляет мои качества; я прерываю ссылкой, что не имею главного, к[ото]рое нужно от делегата: уверенности во франц[узском] обществ[енном] мнении, к[ото]р[ое] м[ожет] встретить меня враждебно. Кривош[еин] серьезно замечает, что буд[ущая] история оценит мою попытку сблизиться с Германией (так он ее понимает). Я жалею, что взаимное понимание приходит поздно. Кривошеин подхватывает и говорит, что если бы он знал меня лучше 2–3 года назад, то принял бы премьерство и, м[ожет] б[ыть], события пошли иначе. Теперь он не примет поста, слишком стар, но помогать мне готов всем своим влиянием в «разумных консервативных кругах». Он никогда не б[ыл] амбициозен. Я говорю о важности взаимного доверия. Спрашиваю про Шебеко. – Ш[ебеко] я ненавидел, потом научился ценить. Человек безусловно порядочный, хотя и не первостепенный: я первостеп[енным] не считаю и Сазонова.

Курьер из Нац[ионального] центра перед отъездом привез вести из Киева. Келлер был отставлен за то, что приготовился опубликовать манифест о введении монархии в России. Но Долгорукий[487], его заменивший, еще правее его. Положение в Киеве очень серьезно (сведения за 9 дней назад). Деникин, еще до восстания, прислал приказ офицерам Добровольч[еской] армии – не вмешиваться. Этот приказ послужил основанием для Ванновского (представит[ель] Добр[овольческой] армии в Киеве) приказать офицерам держать *нейтралитет* в столкновении петлюровцев с гетманом.

ДЕЛЕГАЦИЯ ЯССКОГО СОВЕЩАНИЯ

20 ноября – 3 декабря

На «Александре Михайловиче» на Черном море. Приехали с вечера на пароход, выехали сегодня утром в начале 9-го. Пароход вы-

ехал пустой, качает порядочно, но я здоров и исправно обедаю и ужинаю. Разнообразные разговоры – с нашим секретарем Чахотиным[488] – о русских войсках во Франции, где он служил, с Н.Н. Шебеко, которому я напоминаю, что он м[ожет] произвести сенсацию своими рассказами о начале войны и о Чиршском.

Пароход поступает в распоряжение союзников, и нам дальнейший путь неясен. Я предлагаю попытаться миновать Италию, pour ne pas froisser* их проездом мимо и не быть обязанными начинать с них в случае остановки в Риме. Но найдем ли мы возможность проехать морем на Марсель? Т[олько] на казенном французском судне? Путь по ж[елезной] д[ороге] на Салоники, кажется, есть, но дальше?

На всякий случай переписываю в книжку письмо Астрова из Екатеринодара, 10/23 ноября.

«Глубокоуважаемый и дорогой П[авел] Н[иколаевич].

Мне хотелось бы спросить Вас, после Вашего возвращения из Ясс, как слагаются там отношения к нашим т[ак] наз[ываемым] демократическим образованиям. Если им сильно навязывают уфимскую комбинацию, и они, выслушав Руднева и других, склонны переоценивать значение директории, то мое заявление об отказе принять избрание могло бы иметь для них значение. Если нужно, я готов буду приехать в Яссы и осветить им и другую сторону уфим[ской] комбинации, уже не на основании догадок и предположений, а на основании имеющихся у меня протоколов и стенограмм Уфим[ского] совещания. Ознакомление с этими материалами дало мне уверенность, что я должен отказаться от избрания. В.А. Виноградову[489] послано извещение о том, что и он должен выйти из состава директории.

Мы отвергаем признание стар[ого] Учр[едительного] собр[ания] и [его] всероссийскость и готовы признать это правительство как объединение северо-вост[очных] образований.

Было бы настоятельно необходимо заставить Союз возрождения изменить свое отношение к Уф[имскому] прав[ительст]ву в том же смысле. Входящим в Союз кадетам нужно дать такое указание».

Стоимость переезда на «Ал[ександре] Мих[айловиче]» до К[онстантино]поля капитан высчитывает тысяч в 20. Это та сумма, которую за нас платит украинское правительство. Правда, это судно все равно должно было идти в К[онстантино]поль, ч[то]б[ы] поступить в распоряжение союзников. Согласно моему требованию мы плывем под Андреевским флагом.

---

* чтобы не обидеть (франц.).

21 ноября – 4 декабря

Около полудня нащупываем маяк перед входом в Босфор, проходим полями минных заграждений по бочкам, поставленным 3 мили друг от друга и входим в Босфор. Кругом – укрепления, с приспособлениями для «кинжальных» выстрелов из пушек. (Мишени в виде белых кружков с точками.) Босфор пуст и безлюден. Открывается Бююкдере. Останавливаемся для карантина. На шлюпке подъезжает турецкий врач. Формальности исполнены, идем дальше. Мимо Румели Хисара – видна башня Леандра, одновременно открывается панорама Стамбула и соединенная эскадра судов, привлекающая все наше внимание. Один за другим стоят линейные корабли, мимо которых мы идем: «Jules Michelet», «Vergniaud», «Diderot», на котором адмиральский флаг Amet'a. Далее стоят греческие суда, аваров, итальянские. Входим в Золотой Рог. Вся набережная занята, и мы останавливаемся на якорь. Берем лодку, высаживаемся, посылаем наших секретарей к Amet во французское посольство, и идем к Токатлиану[490]. Очень скоро возращается Чахотин и говорит, что Amet ждет нас немедленно. Приходим. Нас встречает адмирал. Умное, оживленное лицо. Усаживает меня рядом и обращается, главн[ым] обр[азом], ко мне. Тон сразу – повышенный. Я вхожу сразу in medias res*. Мы продолжаем миссию Ясс и Кропускова. От Ballard'a мы знаем, что в Россию уже намечена посылка войск – англичан в Закавказье и французов, итальянцев и греков – в Одессу и Севастополь. – Amet прервал: «От вас впервые слышу! Вот, англичане выбрали себе самую легкую часть, а мы, через четыре года войны, утомленные и истощенные, должны делать главное дело. Я буду с вами совершенно откровенен. Вы нас представляете себе в роли какой-то providence créatrice** и ждете от нас всего, а сами ничего не делаете, чтобы помочь самим себе. Я получил самые тревожные сведения о положении дел в Севастополе. Там готовится большевистская вспышка. Мы удивляемся бездействию людей, которых ждет смерть. Придите, наконец, к общему соглашению и прекратите ваши разделы». – Я отвечаю, что мы это и делаем, и доказательства этого – присутствие здесь людей самых разнообразных партий. Но это лишь начало организации, Германия нас совершенно дезорганизовала, и своими силами Россия спастись в данную минуту не может. – Адмирал продолжает говорить о Франции и о нашем бездействии в резком тоне, заранее извиняясь за это. Я улавливаю перерыв в его речи, чтобы тоже в несколько повышен-

---

* к существу дела (лат.).

** доброй феи (франц.).

ном тоне сказать ему, что из четырех лет – три Россия тоже участвовала в войне своими жизнями, внеся долю в общий успех, и что мы рассматриваем борьбу с большевиками как продолжение общей войны. Amet соглашается, но оговаривается, что мы требуем от них чересчур большого усилия и опять возвращается к донесению, полученному из Севастополя. Я еще раз говорю ему, что мы лучше знаем положение дел в России, чем его офицеры, и что опасность, грозящая Крыму, вовсе не так велика, как грозящая Одессе из внутренности России. Amet заводит разговор о трениях Деникина с Красновым и с Кубанью. Я указываю, что речь идет лишь о введении в рамки новоиспеченных правительств, со́зданных под германским влиянием и преувеличивающих свои местные права. Сила только у Деникина. Amet возражает, что это и плохо, п[отому] ч[то] сила д[олжна] б[ыть] у правительств! Я опять поясняю, что это временные создания, которые подлежат перестройке, а Титов прибавляет, что они не преследуют общегосударств[енных] интересов, а только частные. Amet интересуется, кого мы представляем. Я начинаю подробно излагать, кого представляют наши три организации; Титов ссылается на наши декларации в Яссах, копии которых мы и передаем. Адмирал просит далее объяснений относит[ельно] самостийников, о роли гетмана, припоминает решение гетмана – поддерживать федерацию. Я объясняю, что гетман теперь меняет позицию, под влиянием обстоятельств, переменит ее, вероятно, совершенно в нашем смысле, когда придут союзники, но теперь принужден считаться с националистическими элементами. Мы считаем нужным сохранить его, как элемент порядка, до прихода союзников, т. к. заменить его могут т[олько] самостийники или большевики. Гурко тут возвращается к помощи Франции и, немножко в просительном тоне, убеждает их послать завесу, к[ото]рая ободрит элементы порядка, более многочисленные, но терроризированные. Указывает, что зараза м[ожет] грозить и Германии, и французам. Amet говорит, что теперь не время, франц[узские] войска не заражены, но за будущее ручаться нельзя. Германцы и к ним старались привить заразу. Рассказывает о своих впечатлениях – и своей жены – о блестящей мобилизации 1914 года, о полной уверенности французов в победе, о распростр[аненном] понимании среди солдат, что они должны защищать *свою* землю. Но даже и более культурные, и более дальновидные люди не всегда поймут, зачем им продолжать войну в России. Часть прессы ожесточенно борет[ся] против этого. И потому правительство hésite*. Он, Amet, – только исполнитель. Ре-

* колеблется, пребывает в нерешительности (франц.).

шают дело — hauts comités*. Я подхватываю, это именно поэтому мы хотим ехать в Париж и просим его помочь нам в этом. Amet отвечает, что он запросит правительство, но ответ может прийти дня через 3—4. Сообщает, что уже снесся с де Боде отн[осительно] доставки военн[ого] снаряжения Деникину. Озабочен принятием мер против безработицы и анархии в Севастополе. В момент заключения перемирия 11 ноября в Севаст[ополе] было 70 тыс. тонн угля, но немцы, вопреки условиям, продавали его и из выручки платили рабочим. Теперь осталось только 16 тыс. тонн. Рабочим уплачено за месяц вперед, но что делать, когда этот месяц пройдет? Я замечаю, что мы опять тут возвращаемся к вопросу о создании сильной власти, т. к. требования — чрезмерны. — Есть ли у нас финансовые средства? — У правительства, — отвечаю я, — бумажные, а у частных лиц средств мало, ибо торговля, промышленность, банки — разрушены большевиками. — Есть ли средства содержания войск на Украине? — Я отвечаю цифрами: урожай 120 млн. пудов, немцы хотели взять 90—110 пудов, взяли пока только 10—15% (Титов поправляет: 25%). Уголь, прибавляет Титов, есть в Мариуполе. Но, замечает Amet, через неделю Азов[ское] море замерзнет. Он командировал туда представителя бюро Veritas. Кровопусков напоминает, что в Николаеве есть и доки для починки судов. Amet отвечает, что туда невозможно провести линейные суда, к[ото]р[ые] м[огут] быть 8—9 метров, тогда как войти в доки м[огут] только большие коммерческие суда, не глубже 7,50 метров. Amet г[ово]рит, что он лично был уверен, что с открытием Дарданелл начнется «новая эра». Но другие думали иначе, напоминает, что он получил русский орден от первого Врем[енного] правительства, но не получил патента на него. Я ему обещаю brevet** от будущего правительства объединенной России.

Затем мы посещаем, в том же здании, заместителя Franchet d'Espérey — генерала Benonste. Он повторяет кое-что из сказанного Amet. О помощи Деникину. Спрашивает нас о том, покончил ли Berthelot с Мажизаном, каким путем уходят немцы. Я г[ово]рю, что мы принуждены удерживать германцев до прихода союзников. Генерал отвечает, что это — вполне понятно, для предупреждения общего врага — анархии. «Зачем вы нас бросили? (lâchés***). Мы отдали на борьбу больше, чем могли; потеряли миллионы жизней. И наше теперешнее состояние есть последствие чрезмерности нашего усилия. Титов поясняет, что

* высокие инстанции (франц.).
** диплом (франц.).
*** бросили (франц.).

сила сопротивляемости пропорциональна высоте культуры. Титов упоминает и о том, что царское правительство хотело заключить сепаратный мир, но наталкивается на резкую реплику Гурко, который говорит, что никогда правительство этого не хотело. Из дальнейших разговоров выясняется, что в распоряжении генерала не больше одной свободной дивизии. Я прошу не посылать румынских войск. Гурко оговаривается: по возможности. Я тогда говорю, что я предпочитаю, чтобы наш народ страдал от большевиков, чем от румын, к[ото]рые хотят отторгнуть часть России. Генерал прибавляет, что, во всяком случае, нельзя посылать войска из Франции. Спрашивает, можем ли получить лошадей. Шебеко отвечает утвердительно. На вопрос о состоянии Салоникской дороги генерал отвечает, что разрушен мост на Струме и около 150 километров пути еще не приведено в порядок.

Обед у Токатлиана. Корреспонденты «Havas»[491], «Petit Parisien»[492] и «Ероса» узнают меня и Шебеко и получают интервью о том, кто мы и куда едем. Таким образом, nous serons annoncés en Europe*.

22 ноября – 5 декабря

С утра остаемся дома. Приезжает Тухолка, который сообщает о желании Суковкина[493] повидаться. Назначаем ему свидание у нас, завтра утром. Тухолка рассказывает, на мои вопросы, о судьбе военнопленных, о том, что дней десять тому назад он писал М.Н. Гирсу[494], чтобы послать сюда кого-нибудь для временного выполнения дел русской колонии. Едет Серафимов[495]. Наших послов всюду признают. Был случай отставления парижским послом испанского chargé d'affaires, который объявил себя за большевиков. Украина сперва делала различия м[ежду] великорусскими и украинскими военнопленными и отправляла только последних. Но теперь будут посланы на «Евфрате» те и другие вместе. Извиняющимся тоном говорит, что, собственно, он не служит в укр[аинском] посольстве и только помогает ему – с тех пор как гетман объявил себя за объединение. Я вношу поправку: объявил, да не совсем. – Мы не признаем укр[аинского] представительства, а потому не можем видеться. Переходим в салон к Шебеко и Гурко: Гурко высказывается еще резче относит[ельно] свидания на нейтр[альной] почве – и это, по его предложению, свидание будет у нас на судне.

Узнав, что «Тигр» еще не ушел, посылаю первый отчет Меллер-Закомельскому и первую статью (о Константинополе) для «Одесск[ого] листка».

---

* о нас будет известно в Европе (франц).

Приезжает адъютант Amet, привозит карточку, извиняется, что за недосугом Amet откладывает свой визит до нашего отъезда, зовет Кровопускова на завтрак на «Diderot», чтобы позникомить его с офицером связи, который поедет к Berthelot. Конечно, это только предлог, ему хочется поговорить подробнее по делам нашей миссии. Кровопусков уезжает.

По его приезде доклад, см. через два <1 нрзбр.>.

Утром, исправляя протокол, устраиваю маленькую сцену Гурко за то, что он публично полемизирует. Он обижается и огрызается, но потом соглашается выкинуть из протокола эпизод о сепаратном мире с царским правительством.

Проект телеграммы

«Ввиду наличности большого количества военного снаряжения в Севастополе, ввиду опасности передачи этих зап[асов] герм[анцам] или захвата их большевиками и невозможности быстро перебросить в Севастополь союзнические войска, адмирал Амет находил бы желательным, чтобы Вы спешно направили в Севастополь отряд 5 тысяч войск из Добровольческой армии. Французское командование обещает при этом обеспечить перевозку снаряжения из Севастополя в Новороссийск. {В случае прихода Добровольческих войск увод русских военных кораблей из Севастополя в Константинополь будет признан излишним.} Обращаем внимание Сазонова на отсутствие русского представителя в Константинополе. Временно переводится сюда из Италии Серафимов. Желательно распоряжение Сазонова».

Разговор Кровопускова с Amet.

Познакомил с officier de liaison* Бертело, – к[ото]р[ый] едет в Салоники. За столом разговор [переходит] на то, кто эти лица. Кровоп[усков] дал характеристики – подробно рассказывал о каждом, – посты в прошлом. После обеда беседа о важных вещах. Доклады из Севастополя неприятны; по нашим судам начинают стрелять <1 нрзбр.>. Город в состоянии почти анархии, власть слаба; буржуазия не в состоянии организоваться, ничего не делает для собств[енного] спасения, немцы продают запасы, подкормили прессу, к[ото]р[ая] утверждает, то союзный флот заберет остатки – тот же грабеж. Я указал на ошибку союзников: почва для инсинуаций: эскадра подняла английск[ий] флаг. Он вскочил: это bêtise** подчиненных офицеров; было приказано вывести временно из строя – не поднимать никакого флага или 4 флага эскадры. Решено на конфер[енции] совсем не поднимать: времен-

---

* офицер связи (франц.).

** глупость, оплошность (франц.).

ный секвестр до решения, кому принадл[ежит] наследство. Когда пришел вице-адм[ирал] Леже[496], решили сразу 4 флага, но англичане убедили не делать, ч[то]б[ы] не показывать разногласий, английск[ий] флаг спустить при выходе из порта; будет интернированы здесь. – Отчет де Боде, к[ото]р[ый] утверждает, что Севаст[ополь] м[ожет] оказаться в руках большевиков. Амет м[ожет] высадить 1000 чел. – Слишком мало. Облад[ание] Севастополем – крупн[ая] необходимость, как база для снабж[ения] Деникина. Необходимо прочно занять, но *отсюда* нельзя. Он полагал бы, на осн[овные] карты русск[их] фронтов – послать от Деникина до 5000 в Севастополь. Неприятное впечатление доклада де Боде, что казаки не интересуются Крымом. Я объяснил, что нельзя оттянуть оттуда. Пессимистич[еские] донесения офицеров о нежелании сорганизоваться, о слабости власти. Приглашали их в Симферополь, они отказались – и ограничились манифестацией. Много раз подчеркивал, что нельзя франц[узского] крестьянина заставить интересов[аться] Крымом, когда казаки не интересуются. Не могу давать директив, но не лучше ли бы, ч[то]б[ы] делегация послала Деникину телеграмму о посылке 5000 в Севастополь, с др[угой] стороны, сейчас же надо направить Деникину амуницию. Я не отрицаю положения, но если сравним полож[ение] и значение Украины, то занятие Одессы – наиб[олее] серьезная задача. – Он признал это правильным, но счит[ает] необход[имым] и оккупацию Крыма. Инцидент с адми-р[алом] Calthorpe[497] осветил подробно, прочел соглашение, установленное здесь, настаивал, что сделано против большевиков, ибо «Воля» сильнее франц[узских] судов и нельзя было рисковать, что она попадет в руки большевиков. Офицер, отправленный к Berthelot, присутствовал. Подтвердил, что войска будут посланы на юг России. Но он считает, что petits paquets* недействительны. При нем организуется дипломат[ическая] миссия. Mr. Fock прибыл из Парижа. Заместитель Calthorpe – адм[ирал] Webb. Представит[ель] Италии – Sforza. Сегодня прибыл представит[ель] Греции.

Мы пропустили госпит[альное] судно, идущее в Пирей. Стремимся скорее прибыть к центр[альному] правительству. Ответ: лучше выждать ответной телеграммы. Просил подвести к пристани. Нет места. Но предложил в 10½ ч[ас]. катер, а в 10 ч[ас]. вечера – франц[узское] судно доставит обратно.

Беседа с корреспондентом Associated Press[498], работающим в «New Republic»[499], которая против вмешательства. Расспрашивает о большевиках и об Уфимском правительстве. Я его информирую. Он явно склоняется влево. Даю рекомендацию к Штерну.

---

* маленькие пакеты (франц.).

Вечером букинирую* с Титовым. Обед у Токатлиана и возвращение под дождем. Едва нашли ялик и пароход.

23 ноября – 6 декабря

Утром визит Суковкина и Тенишева. Очень настаивают на том, что они первые настояли на посылке войск. Четвертого дня их принимал султан в торжественной аудиенции и выразил свое удовольствие, что Украина s'est proclamé indépendante**. Но они всем заявляют, что с тех пор как гетман признал необходимость объединения России, они могут работать в согласии с нами. Тенишев наведывается, нельзя ли перевестись в Париж. Завтрак у Токатлиана. По возвращении на пароход, иеромонах <пропуск фамилии> рассказывает, что турки разграбили все подворья наших афонских монахов. Остались голые стены. Теперь они помогают военнопленным. 2000 их отправляются завтра на «Евфрате».

Визит к англичанину (admiral Webb, присутствует дипломатический советник Holler). Беседа – довольно условная. Рассказывает последние новости, «драматическое» зрелище сдачи германского флота английскому и проход его между стоящими шпалерами английскими судами. Соглашается с нашим взглядом на большевистскую опасность. Но до существа дела разговор так и не доходит. Чувствуется, что в этом деле их хата с краю.

От него заходим к Amet, к[ото]рый принимает нас более любезно, чем в предыдущий раз, в присутствии дипломатич[еского] советника Фока. Я показываю ему телеграмму к Деникину, написанную по его желанию. Étez-vous de mon avis? – Pas tout à fait***. И я начинаю подготовлять его к тому, что Деникин не найдет 5000, ч[то]-б[ы] послать их в сравнительно спокойное место, как Крым, куда мы посылаем наших жен и детей. Впечатления его офицеров – случайны и преувеличены. Стрельба теперь у нас – посюду и без всякой задней мысли. Амет отвечает, что не одно это обстоятельство заставляет его тревожиться. Отчет де Боде. Равнодушие буржуазии. Гурко говорит, в каком положении находится теперь буржуазия и повторяет свои мысли, что нам нужна лишь маленькая couverture****. Прошу на прощание его – уведомить нас, если что придет по поводу нашего отъезда.

---

* (предположительно) букинировать (от франц. bouquier) – ходили по букинистическим лавкам.

** провозгласила независимость (франц.).

*** «Здесь выражена моя точка зрения?» – «Не совсем» (франц.).

**** защита (франц.).

Вечером перезжаем к Токатлиану в гостиницу. Приходят только что вернувшиеся сегодня наши посланные из Ясс Голиевский и Новиков – их доклад см. ниже.

Написал второй доклад Меллеру и вторую статью для «Од[есского] листка» о необходимости объединения.

24 ноября – 7 декабря

С утра визиты журналистов. Сперва Ахмед Эмин, сотрудник «Vakyt»[500], автор книжки о Турции, которую я вчера купил. Учился в Америке. Представляет новую интеллигенцию, которая вне старых партий и думает о создании новой, вне узких интересов. Сам говорит, что им арабов не надо. Я ему говорю о своих симпатиях к *турецкой* Турции, об общем взгляде на проливы.

Затем приходит армянин Zaven, редактор [назв. нрзбр.], соц[иал-] демократ, расспрашивает подробно о составе делегации, о ее целях, потом о моем отношении к Армении и Турции. Прошу его дать мне сведения о желаниях армян в Турецкой Армении.

Топчибашев[501] называет себя membre du gonvernement d'Azerbadjan, min[istre] plénipotentiaire et Envoyé Extraordinaire avec pleins pouvoirs auprès de la Sublime Porte, des gouvernements et représentants des puissances centrales, de l'Armenie et de la Géorgie*. Рассказывает, что был в марте арестован в Баку большевиками, присужден к смертной казни. Выбрался из России, побывал в Елизаветполе, в сентябре, с целью посетить Берлин и Вену, но уже не добрался до туда. Теперь пришел с тем, чтобы поговорить о восстановлении отношений к России. Ничего конкретного не сказал, но предложил употребить свое влияние для этой цели.

Затем делегация из 4-х кавказцев: Исса-Руха-паша, Гуссейн Тоссун, депутат Эрзерума, член ЦК Comité russo-turc**, Simon Bassaria, président du conseil national de l'Abhasie, plénipotentiaire du gouv[ernemen]t de la République Nord-Caucasieune et représentant provisoire a Con[stantino]ple***. 4-й говорит т[олько] по-русски, одет в черкесску. Все это – представители старой черкесской эмиграции, желающие вернуться. Абхазцы не желают признавать себя грузинами; дагестанцы

---

* член правительства Азербайджана, полномочный представитель и чрезвычайный посланник с неограниченными полномочиями при Великой Порте, правительств и представительств центральных держав, Армении и Грузии.

** Русско-турецкий комитет (франц.).

*** президент Национального совета Абхазии, полномочный представитель правительства Северокавказской республики, временный ее посланник в Константинополе (франц.).

не желают признавать себя азербайджанскими татарами: те и другие поэтому против Грузии и Азербайджана. «Мы протестовали даже во время войны», когда это было строго запрещено. Прошу их принести мне их произведения. Затем я предлагаю им подумать о принятии участия в борьбе с большевиками путем организации своих сил. Да, они согласны, если союзники согласятся вооружить их. Прошу их представить записку.

Далее разговор с греком Хараянадисом, сотрудником «Ати», противником греческого и всякого национализма, очень хорошо говорящим по-русски. Он рассказывает, м[ежду] пр[очим], что еще из Швейцарии послал Керенскому письмо с доказательствами, что Ленин еще до революции вел переговоры с германским военным агентом, фон <пропуск> Бисмарком. Прошу записать.

Шерми, секретарь ред[акции] «Tasfir Efxiar», фотографирует и получает длинное интервью. М[ежду] пр[очим] говорит мне, что Энвер[502] и Тала[а]т[503] арестованы в Берлине и будут представлены перед судом. Признает преступления младотурков относит[ельно] армян, но утверждает, что и армяне со своей стороны провоцировали. Очень возражает против полного отделения 6-ти вилайетов.

Спруни, дашнакцакан[504], ред[актор] «Ariamant», прежнего «Azatamart». Ставит ряд откровенных вопросов, предлагает повидаться с представителями армян и тепер[ешним] духовным главой, к[о]т[орый] заменяет патриарха.

Всем говорю одно и то же, с вариациями. Положение юга и севера России, концентр[ированное] действие против Москвы, силы наши и Добров[ольческой] армии, необходимость помощи союзников, несвоевременность вопроса о форме правления, готовность дать автономии, различные в различ[ных] местах, уничтожение независимости, в т[ом] числе и Закавказских республик, Константинополь – туркам, проливы для нас с турками (не нейтрализация), – объясняю, что требовал проливов *только* тогда, когда на них заявили претензию германцы (Berlin – Bagdad), а теперь это – падает; Турция – турецкая, без 6-ти вилайетов, к[ото]р[ые] д[олжны] б[ыть] или независимы, или под международн[ым] протекторатом или под русским: во всяк[ом] случае, переходный период для репатриации. О будущем трудно говорить; конечно, желаю «Общества наций», но не знаю, осуществится ли, так же как и разоружение. Суждение Вильсона о национальностях достаточно гибки, и он различает разные национальности: одни – готовы к самостоятельности, другие д[олжны] б[ыть] обеспечены в своих национ[альных] и экономич[еских] стремлениях.

Титов рассказывает, что Charpy[505] назвал изменником именно *меня*, возмутился, что я участвую в делегации: мы его знаем, он хо-

тел всю партию отвлечь от нас, не могли выбрать лучше. – Я говорю, что готов стушеваться и вовсе не ехать дальше. – Титов г[ово]рит, что меня некем заменить в роли председателя и представителя делегации. – Г[ово]рю, что за себя не боюсь и готов подвергнуться всем неприятностям; но не хочу, чтобы делегация из-за меня страдала. Титов думает, что это обстоятельство замедляет ответ из Франции. Я думаю, что это – едва ли. Во всяком случае, подождем, посмотрим.

Доклад Голиевского и Новикова

(вечером, 6 дек[абря], см. выше)

Через 5 дней в Джурджево у Бертело. Два разговора: общий очерк положения на юге России. Б[ертело] обратил большое внимание. Он непосредств[енно] сносится с Парижем и вошел в роль командующего на ю[ге] Р[оссии]. Но обещал помощь т[олько] через 10 дней, гадательно.

Предложил поехать в Салоники к главнокомандующему.

Доклад Бертело: необх[одимость] немедл[енной] военной помощи ввиду анархии (читает по-французски).

Ген[ерал] Berthelot выслушал и сказал, что теперь не м[ожет] оказать немедл[енной] помощи. В Салониках встретил ген[ерала] Charpy. В форме диалога: военная помощь *будет* оказана, первонач[альные] меры приняты. Эскадра д[олжна] овладеть судами бывшего р[усского] флота. *Дивизия отправлёна* в Одессу, не ожидая приказаний из Парижа. Но русские не д[олжны] ожидать, ч[то]б[ы] все дело д[олжно] б[ыть] сделано иностранцами: если в р[усской] армии есть еще *порядочные* элементы, р[усская] армия возродится. Нотация школьникам, из милости. На др[угой] день, 1 дек[абря], приказы Franchet. Военная поддержка будет оказана, но Фр[анция] не будет вести новую войну. Франция вступала в войну *из-за России*, потеряла 1 200 000. Русские офицеры на дурном счету: дозволяли оскорблять себя. Р[усские] войска в Салоник[ах] вели себя постыдно. Все это д[олжно] перемениться. Россия д[олжна] б[ыть] спасена самими русскими. Из Сал[оник] будут отправлены дивизии, как только будут собраны суда.

Новиков. 2-й разговор – еще более резкий характер. «Измена» России подчеркнута многократно. Главный пункт расхожд[ения] армии с нач[альником] штаба: главноком[андующий] – «*пока будут собраны* суда», а нач[альник] штаба: 3 дек[абря] в К[онстантино]поле начнется посадка. Отнош[ение] Berthelot соверш[енно] другое. Он старался вникнуть; это генералы не хотели слушать никаких докладов. «Мы все знаем» (о Добров[ольческой] армии). В действит[ельности] положение в России соверш[енно] им неизвестно.

Голиевский. Berthelot теперь выдвигается на 1-ю роль; Franchet – теряет. Отнош[ение] англичан: с распростертыми объятиями, записали все сведения. После этих свиданий – разговоры с англичанами. 3-е дек[абря] прошло, погрузки нет; я обратился к нач[альнику] штаба. Charpy сказал 3-ю версию: телеграфировал 3 ч[ас]. – Париж послал повторно. Дивизия готова, транспорты готовы; в 3 дня м[огли] погрузить в Салониках и через 4 дня – в Одессе. 4-го [декабря] утром уехали; ответа не было – первонач[ально] наряжена 156 дивизия (в резерве), но потом ввел в нее другие части, что замедлит. Кроме нее, 2 дивизии в составе армии. Берегом, сухим путем, из состава Дунайской армии – наряжены 3 дивизии. Об итал[ьянских] дивизиях ничего не слыхали.

На *Балк[анах]* всего 30 дивизий: 8 француз[ских], 6 анг[лийских], 10 греч[еских], 6 серб[ских] дивизий, из них – серб[ские] и греч[еские] – исключаются. Англичане избрали сферой влияния исключит[ельно] Восток. Посылать не будут против большевиков: солдаты наняты для *опред[еленной]* войны. Франц[узские] дивизии – говорят о 3-х, но больше двух отправить не могут. Союзников на Балканах не видно. Все станции в руках болгар и т. д., но не союзников. Наскребут одну дивизию через неск[олько] дней. По частным сведениям, в армии разгов[оры] и мнение, что *война кончена.* Некуда идти воевать. Рассчитывать более [чем на] 2 дивизии – не приходится: Франше [даст] одну, и 4 полка из Добруджи – Бертело. Оккупируют Болгарию, Румынию, Македония неспокойна. Из дивизий, назнач[енных] к посадке, ни одного солдата не явилось до 4-го. В Сал[ониках] до 30 транспортов, но солдат не было. Отн[ошения] м[ежду] союзниками, фр[анцузы], англ[ичане] и итальянцы – неблагоприятные. Французы недовольны, что англичане навязывают им операцию, итальянцы не пропускают шифров[анных] телеграмм. Греков больше всего, но ни на что не способны и кроме вреда России ничего не принесут. Общее впечатление: м[ожно] рассчитывать т[олько] на собств[енные] силы. Союзники боятся посылать войска в Россию, п[отому] ч[то] в них не уверены. Они прикрываются офиц[иальными] мотивами. Далеко внутрь, во всяк[ом] случае, не продвинутся. Franchet упоминал Кровопускова – в похвальн[ом] смысле. В Салоники ездят все. Эрдели выполнил офиц[иальную] миссию так, что в Салоники *не пустили.* Объясняет различно, почему. Он предъявил требование, ему отказали; он сказал резкость, тогда – не пустили. Много наших офицеров: консул, посланник в Афинах. Неведомые господа (Песоцкий) явл[яются] в главную квартиру: авантюристы чистой воды. «Комиссар Сибир[ского] правит[ельства]». М[ожет] б[ыть] они наговаривают, что

русские офицеры никуда не годятся. На Балканах осталось до 300 офицеров*, выразили желание драться, живут в глухих деревнях, никто не обучает, не знают, что делать.

О совещании в Яссах Бертело б[ыл] осведомлен. Когда мы выехали в Салоники, Б[ертело] телеграфировал, но там ничего не б[ыло] известно (дипломат[ический] прием, пока снесутся с Парижем?). Первый прием – холодный, потом – любезнее. О положении в России – неосведомленность полная, даже о географии. Ни у одного генерала нет общей карты.

Голиевский. Никто не представлял, что Добр[овольческая] армия раб[отает] *на юге*. Они думают, что против Воронежа.

Сегодняшее свидание с «Тигра», «Евфрата» и укр[аинское] посольство. Д[олжны] немедленно вернуться снова за десантом.

Новиков. На вопрос об американ[ских] войсках опять г[ово]рит, что они законтрактованы для определ[енной] войны. Месяца полтора назад с трудом отговорили Вильсона от признания большевиков.

Объясняя задержку, Charpy сказал, что это вызвано circonstances inforables**.

Т. к. Franchet устранен, то он не хотел посылать дивизии со своего фронта.

Berthelot сказал иронически: поезжайте к Franchet d'Espérey.

Milne[506] переезжает из Салоник в Константинополь, где – база. Poole[507] поехал в Севастополь дальше – узнать нужды Добровольч[еской] армии, ч[то]б[ы] вернуться? и тогда Milne пошлет все, что нужно. Уже готовит санит[аров], пушки и т. д. Совершенно не представляют себе, что большевизм есть мировой пожар. Milne, Bridges[508] сами понимают, но и предупреждают, что за границей этого *не* понимают.

---

* и 20 000 пленных солат. Сняли с позиций и разделили на 3 категории: 1) кто желает сражаться – все офицеры (1500), 2) кто желает работать (столько же) и 3) кто желает домой (1500). Вторая категория работает без конвоя, на франц[узском] рационе. Третья – под конвоем, в ежовых руковицах. Офицеры д[олжны] пройти, повторить курс – абсолют[но] ничего не делают. Люди изменившиеся, нельзя отправить немедленно без матер[иального] обеспечения. Эти-то офицеры им и намозолили глаза. Солдат отпускают неохотно: хорошая рабочая сила, погрузка, починка дорог и т. д. – *Прим. авт.*

Все офицеры – терпеть не могут французов: нечеловеческое отношение. Запихивали на невозможные участки. На каждом шагу колкости и придирки. Наоборот, в восторге от англичан, у к[ото]рых тоже есть 2 рабочих батальона. Боятся вернуть, ч[то]б[ы] не стали дурно относиться. Не хотят есть и получать жалованье, хотя работают. Сербы относ[ятся] великолепно. В докладе Berthelot было сказано, что румынские войска – нежелательны.

** неблагоприятными обстоятельствами (франц.).

Очень обостряются итальянские отношения. Были стычки в Фиуме и в Триесте.

Вопрос о Югославии трудно налаживается. Итальянцев ругают все. <1 нрзбр.> после перемирия – и фиктивная победа.

В Болгарии очень хорошо относятся к России. Тишина полная. Армия разбредается по домам.

25 ноября – 8 декабря

Дефилирование корреспондентов продолжается. Еще раз меня сфотографировали. Газеты уже поместили ряд статей, которые собирает наш секретарь. Много всякого вздора и нелепостей.

Перед обедом свидание с выдающимися армянами. Они говорят, что могут выражать т[олько] частные мнения по армянскому вопросу, так как представительство вручено Нубару. С ним теперь пытаются завязать сношения, но его мнения, очевидно, не знают. Заводят разговор об отделении армян от России и присоединении к 6-ти вилайетам, которые я готов признать независимыми. Я отвечаю, что при такой постановке вопроса они вынуждают меня добиваться, вместо независимости, протектората России над 6-ю вилайетами. Следуют ссылки на Вильсона, обещания вечной дружбы и т. д. Я спрашиваю, будет ли применена теория Вильсона к Ирландии? Когда они признают, что нет правила без исключений, я указываю им на осторожность и гибкость формулировок Вильсона, на невозможность сразу сделать скачок из небытия, в которое они погружены, к независимому существованию. Так вы желаете кондоминиума[509]? А Сазонов сказал, что нет ничего хуже кондоминиума. Ответ: конечно, кондоминиум – плохая форма, но она *временная* и может быть применена, когда нет другого выхода. – Но Вы предпоч[т]ете, если вам дадут 6 вилайетов, взять их? – Я не хочу брать 6 вилайетов. На прощанье: мы надеемся, что Вы, в качестве лидера к. д., не будете... – Я пополняю: ретроградом..? – Да.

На прямой вопрос о федерации я прямо ответил им, что мы хотим унитарного государства с автономиями. В ответ – ссылка на Канаду.

26 ноября – 9 декабря

Утром приходит персидский консул с поклоном от персидского посла и с просьбой прийти. Соглашаюсь на завтра.

Грек приносит перевод статьи Топчибашева, в которой существенно указание, что Азербайджан не уступит ни частицы своей независимости. Много вранья обо мне и старание ославить значение моих слов. Я говорю, как «истинный русский», который не отказался еще от «завоевательных тенденций, осужденных всем миром».

От 3 до 4 визит к итальянскому посланнику Sforza. Разговор — довольно банальный. Он признает необходимость нашей поездки, не видит способа проезда. Вчера отошел в Бриндизи пароход, набитый военнопленными, и имеется длинный список кандидатов на отправление. Он тоже не имеет известий от своего правительства.

Вечером совещание у Третьякова, который болел эти дни ангиной и только сегодня переехал к Токатлиану с парохода. Гурко заявляет, что будет ждать еще два дня, а затем уедет вперед один, пользуясь специальной бумагой, данной ему Баллардом. Обращаю его внимание на необщественность такого заявления. Он горячится и говорит, что поедет как частный человек и что интересы России для него выше всего. Я отвечаю, что в последнем отношении он не составляет исключения, а в первом — никто из членов миссии не должен действовать как частный человек.

Решаем завтра вечером, в случае отсутствия ответа, просить Amet'а принять нас для беседы об ускорении нашей поездки — или хотя бы некоторых из нас.

27 ноября – 10 декабря

Утром отправляюсь к персидскому посланнику. Всякие любезности. Навожу его разговор на тюркизм, на Азербайджан и турецкую гордость. Он говорит: турки теперь близки к отчаянию, готовы считать Турцию погибшей и никакого следа гордости у них не осталось. Очень будут довольны, если вы их посетите. Тюркисты (или «туранисты»), действительно, заявили смешную претензию на наш Азербайджан, я говорил Топчибашеву о неуместности этого: вы или русский, или перс: среднего быть не может. Нужно знать историю, чтобы понимать невозможность независимости этих «республик». Я спрашиваю, протестовал ли он. — О, да, много раз. Турки наделали тех же ошибок, как и германцы. У тех и других есть войны, но нет госуд[арственных] людей. Сомневается, чтобы и Бисмарк был великим дипломатом. Сделал ошибку в вопросе об Эльзасе. Он помнит, когда объявили «Джихад», визирь спросил его, как он думает об успехе. Он ответил: в России, в Туркестане, вообще вне Турции — никто не пойдет.

С армянами тоже сделали ошибку. При Халиде, по крайней мере, посылали следственные комиссии. А тут *само* правительство разослало указы об убийствах.

На мое сообщение, что наступает время для возвращения русского представителя в К[онстантино]поль, он отвечает настоянием, ч[то]б[ы] посланник приехал как можно скорее, — «именно Гирс, что тут натерпелись русские подданные».

Завтра назначаем свидание с турками.

Шебеко и Гурко ходили к Amet'y. Гурко сказал, что у него есть письмо от вдовствующей императрицы к королеве Александре[510] и что он хочет уехать скорее. Amet ответил: что же, если есть возможность, конечно, поезжайте вперед. Шебеко прибавил, что мы все хотели бы ехать, п[отому] ч[то] мы оставили наши семьи в угрожаемом Киеве, делаем патриотическое дело, но, конечно, хотели бы возвратиться скорее. Amet передал, со слов румынского посланника, что Киев в безопасности, но что Петлюра напирает на Одессу, ч[то]б[ы] предварить там союзников. «Если он теперь не успеет этого сделать, то совсем не сделает». У Шебеко – впечатление, что Amet получил какие-то сведения, но не хочет говорить о них. Он сказал, однако, что нашей телеграммы Деникину не послал, ибо надеется обойтись без русских войск. Послал второй броненосец к Одессе. На прощание Гурко поставил вопрос так: он хотел бы уехать вперед, но если вся делегация может двинуться скоро, то он предпочтет подождать. Amet ответил, что, вероятно, скоро. Тогда Гурко стал настаивать: сколько именно времени. Amet, наконец, сказал, что он сегодня же опять телеграфирует. Foncy du Pare – так называется дипломат[ический] советник, – присутствовал все время, и Amet все оглядывался на него. У Шебеко впечатление, что наедине у Foncy'a можно выспросить больше.

28 ноября – 11 декабря

Утром посещаем Rachid-пашу[511], мин[истра] ин[остранных] дел. Разговор об общей изолированности, о трудности сношений, о положении России. Я навожу разговор на вопрос о партиях, о роспуске палаты. «Мы не распускаем. До срока остается 2 месяца». – Какая будет *другая* правит[ельственная] партия на выборах? – Будет много партий. – Кто же вам делает сейчас опозицию? – «Union et progrés»[512] – делает, и не делает.

Завтрак в турецком ресторане.

Прогулка в церковь Сергия и Вакха. В 2 часа визит к вел[икому] везиру Тевфик-паше[513]. Выходит глубокий старик, голова трясется. Разговор сходит на воспоминания. 40 лет тому назад он получил в Петрограде объявление войны [от] Горчакова. В 1876 г. он присутствовал при демонстрации на Казан[ской] площади. Оттуда началось. Горчаков спрашивал его по поводу конституции Мидхата[514]: это charte (octroyie) или constitution? – Charte*. – Значит, народ ее не хотел? Зачем же было давать? – Так всегда бывает, заключил он, когда незрелому народу дают свободу.

---

* октроированный основной закон или конституция? – Основной закон (франц.).

Он был в Софии на вокзале, когда уезжал король Фердинанд[515]. Несколько батальонов солдат объявили себя большевиками. Он тоже жалуется на изолированность. «Мы получаем ответы на офиц[иальные] запросы на 11-й день, и даже они сами (державы Entente) получают на 4-й или 5-й».

Вернувшись домой, находим записку адм[ирала] Вебба: pack at once*, и пусть Гурко или кто-нибудь другой из your's party** придет немедленно. Гурко пошел: оказывается, есть ferry-boat***, который повезет нас в Tarento. В 5½ часов за нами заедут автомобили и возьмут нас на пристань, откуда паровой катер нас доставит на судно.

Webb привез автомобили, сам распоряжается всем, вплоть до укладки багажа. «Heroic» пришел вчера из Севастополя, куда доставил ген[ерала] Пуля и <пропуск фамилии>. Вчера же приехал в Конст[антинополь] румынский наследник, которого посылают в Лондон под англ[ийскую] опеку, чтобы излечить его от его привязанности (в нашу бытность в Яссах он опять пробывал убеждать: королева жаловалась Шебеко: c'est le malheur de ma vie****). Его надо доставить дальше: и тут подвернулся «Heroic». Webb'у пришла мысль, под влиянием вчерашнего разговора с ним Гурко (кот[орый] был и у него), отправить и нас. Я спросил его: а сказали ли вы об этом Амету? – Нет, оказалось, не знает и итальянец. Шебеко пошел к Sforza, который дал нам удостоверение, что мы «русская миссия, имеющая целью посетить столицы Европы», – и приглашающая оказать нам содействие. С Amet Шебеко говорил по телефону: подошел Фок, к[ото]р[ый] был поражен, когда Ш[ебеко] рассказал ему, что мы уезжаем, и спросил, не имеет ли он чего-ниб[удь] против. Фок пошел к Amet, вернулся, спросил, едем ли мы в Лондон? Ш[ебеко] ответил: нет, в Таренто и в Париж. – Вы едете с Гурко? – Нет, мы едем все вместе. – Пауза и потом пожелание счастливого пути. Шебеко переспросил, не имеют ли чего-нибудь против. – Нет, напротив. Часам к 8 нас привозят в англ[ийских] автомобилях на пристань у Топхана, откуда паровой катер привозит нас на «Heroic». Очень скоро отходим.

29 ноября – 12 декабря

Утром в 7½ ч[ас]. проснулся в Чанаккале. Скоро двинулись дальше. Долина Трои видна в тумане. У Седил-бара остовы двух–трех погибших судов, в том числе «River Clyde» (попытка высадки в апреле

---

* (здесь) немедленно собирайтесь (англ.).

** из вашей делегации (англ.).

*** паром (англ.).

**** это несчастье моей жизни (франц.).

1915 г.). Далее по бакенам, около которых сторожат суда (глубокий фарватер), поворачиваем, неск[олько] на сев[еро-]зап[ад] от Дарданелл и с севера огибаем Лемнос. Я и Кровопусков знакомимся с полковн[иком] Boyle, канадцем, к[ото]р[ый] провел 18 месяцев в России, занимаясь продовольствием войск на Румын[ском] фронте, а потом, при большевиках, в Петрограде и Москве. Много интересного. Рассказывает о своих разговорах с Коллонтай[516], Залкиндом[517], Троцким, Подвойским[518]. Коллонтай его допрашивала, какие его цели в России. – Никаких, кончу дело – уеду в Канаду. Знаю 30 русск[их] слов. – Нет, все-таки, как вы смотрите на будущность России. – Никак. Разговор с Залк[индом] и Троцким (на хорош[ем] английском): «Я только что познакомился с вашим рекордом. Вы – хороший человек, но вы нам не нужны. Нам нужны люди, к[ото]р[ые] пойдут с нами до конца, а вы только спасаете буржуев и, когда придет время, всадите нам нож в спину». Попытки ввести Бойла в комиссию из англичанина, француза и американца. Он отказывается. В Москве у Подвойского: есть шесть организаций, но из них 5 антибольшевистских – и ни одна не хочет работать с другой. А с ним – все готовы. Он остается. В конце в Одессе с Раковским; в Феодосии с большевиками; оттуда, под видом обмена на русских пленных в Румынию, выезжает на Черн[ое] море в Сулину.

Теперь был в Ялте, беседовал со Стаалем[519] о намерениях в[еликого] к[нязя] Ник[олая] Ник[олаевича]. – Н[иколай] Н[иколаевич] никого не принимает и никому не пишет. Он привез письмо румын[ской] королевы. Устный ответ: благодарит и ответит письменно, когда будет возможность. Я, г[ово]рит Бойл, хотел разузнать взгляды в[еликого] к[нязя] и для этого сказал Стаалю свой взгляд: Россия должна иметь голову, ч[то]б[ы] восстановить порядок. Республика в России равносильна большевизму. Разница м[ежду] русским (я поправляю: умер[енным] социалистом) и большевиком – только та, что один говорит, а другой делает. Я всегда г[ово]рил большевикам, что я намерен делать, – хотя они не всегда мне верили. России нужна монархия, и Ник[олай] Ник[олаевич] – единственный человек, ч[то]б[ы] стать во главе. Если соединяться три армии, Добров[ольческая], Астрах[анская] и Ю[го-]В[осточная] и попросят Н[иколая] Н[иколаевича] стать во главе, то что он скажет? – Стааль отвечает: Н[иколай] Н[иколаевич] – человек русский и, я думаю, он согласится.

С Berthelot (Berthelot еще в Бухаресте и в Одессу не приезжал) он говорил. Berthelot полагает, что нужны 12 дивизий для освоб[ождения] России. Boyle прибавляет сюда 4 дивизии для Кавказа. Предположения Berthelot еще не получили санкции: занять фронт прот[ив] большевиков (приблиз[ительно] тот же, как германцы) и начать дви-

жение со всех сторон; со стор[оны] Ровно – поляки, с Арханг[ельского] фронта и т. д. Теперь *три дивизии*, одна греческая и три французских погружаются для Одессы в Салониках.

Вчера у Webb'а был wireless*, что Одесса взята большевиками. Но Webb *нам* этого не говорил, а говорил т[олько] о борьбе поляков с германцами в Одессе. Один офицер нашего судна, т[олько] ч[то] видевший Calthorpe'а в Севастополе, рассказывает, что неделю тому назад в него была брошена с брониров[анного] автомобиля бомба, которая, впрочем, т[олько] разрушила лавочку.

Вечером в 8-м часу приходим в Мудрос. Огни, к[ото]р[ые] издали казались огнями большого города, оказываются огнями на кораблях, – целая эскадра, которая стоит тут в великолепной, глубокой гавани, на южной стороне Лемноса, который мы обошли кругом с севера, т[ак] к[ак] этот путь безопаснее от мин. Остановились на якоре посреди. Из разговоров с офицером узнаю, что у нас есть морские военные материалы, в т[ом] ч[исле] пушки, к[ото]р[ые] мы везем из К[онстантино]поля и разгрузим тут, а нагрузим уголь. Не меньше 24 часов остановки.

После обеда длинный разговор с Boyle. Он оказывается предпринимателем в Клондайке и большим ненавистником социалистов. Рассказывает как у него по соседству, в предприятии Dolson или Dowson, появились два оратора: патер и социалист. Социалиста он не пустил говорить речь, заявив ему, что он преступник и разрушитель. Он, Boyle, создал дело и платит рабочим половину своей добычи, 6 долларов в день, как жид в Европе. Был в ставке, в вагоне, в момент убийства Духонина[520], и получил сведения от проводника вагона и от другого очевидца. Крыленко[521], стоя на платформе, сперва старался уговорить толпу не трогать Духонина. Потом вызвал его. Когда Д[ухонин] приблизился к краю площадки, его стащила вниз кучка людей – 3–4, которые, видимо, руководили. Главный из них, высокий, по показанию проводника, плохо говорил по-русски. Д[ухонин] поскользнулся, упал, тогда на него набросилась толпа. Кучка подбросила его вверх, а солдаты приняли на штыки. Он не издал ни звука и упал мертвый. По трупу дали много выстрелов. Затем Boyle показал нам целую тетрадку удостоверений, выданных ему большевиками, за подписями Иоффе[522], Дзержинского[523] (П[етроградский] к[омитет], 27 октября), Муравьева (о «неприкосновенности»), Антонова[524] и т. д. Муравьева он считает подкупленным немцами, а Антонова отличает как боровшегося против немцев. Подробный рас-

* сообщение по радио (англ.).

сказ, как он предлагал сани для вывоза пушек с Рум[ынского] фронта на случай, если выпадет снег. Он указывал фирму, к[ото]р[ая] делала в Канаде сани за 200 руб. Ему показали русские сани, за 50 руб., к[ото]р[ые] он раскритиковал. Маниковский[525] сказал, что это не его, Boyle, дело, п[отому] ч[то] он занимается продовольствием. Рассказывает, как он сократил перегружаемые поезда в 21 вагон, к[ото]р[ые] отапливаемые дровами паровозы не могли везти, до 14-ти, что втрое увеличило средний пробег. Он ведет дневник: я предлагаю ему напечатать; он говорит: не могу, там слишком много *про меня самого.* Такое впечатление он производит и своим хвастливым тоном разговора. Еще раз возвращается к Ник[олаю] Ник[олаевичу] и спрашивает, показал ли Ильин нам в Киеве *его письмо* об этом. Т[аким] о[бразом], выясняется авторство этого предложения. Я ему серьезно объясняю, что назначение Н[иколая] Николаевича теперь было бы опасно для монархии.

При разговоре присутствует Мишу[526], сопровождающий наследника: он знакомит меня с наследником, проходящим мимо: худосочный юноша декадентского типа. Неловко кланяется и жмет руку.

30 ноября – 13 декабря

Просыпаемся утром в Мудросе: поместительная бухта, со всех сторон окруженная горами. Пока грузят уголь, высаживаемся на берег. Мимо деревни Мудрос, зараженной инфлюэнцей, направляемся к аэродрому с ангарами, в которых стоят итальянские аэропланы. Летчики поминутно поднимаются и спускаются. Идем оттуда дальше к деревне Роману. Спрашиваю по-гречески мальчика, *Ρωμαῖος** ли он; отвечает: *«эллин».* – Турецкий ли это дом? – Тут *нет ничего турецкого.* – А это hekumet**? – Да***. Две церкви, не старые. Вид с горы, на которой каменная мельница. Возвращаемся в полдень на корабль.

После завтрака разговор с Boyle. «Я не хочу расходиться с вами и потому хочу, ч[то]б[ы] вы мне сказали свое мнение, как устроить Россию». – Отвечаю: прежде всего не надо спешить с в[еликим] к[нязем] Н[иколаем] Н[иколаевичем]. Надо признать правительство при Деникине, и Деникина – главнокомандующим. – Ему это, видимо, не нравится. – Нужно послать военную помощь, ч[то]б[ы] мы могли собрать свою армию. – Вы ее не соберете. Одни офицеры, к[ото]р[ые] воюют *вместе* с солдатами. – Объясняю, что нужна моби-

---

* римлянин (турец.).
** местный (турец.).
*** оказывается, школа с надписью на греческом и турецком: построена [в] 1905 [г.] Папаиоанну в честь королевы Елены. – *Прим. авт.*

лизация. – Упрямый Boyle пропускает мимо ушей, продолжает свою линию. «Вам нужен миллион солдат». – Но ведь миллиона вы не дадите, да его и не нужно. – Ваши солдаты, все равно, со временем станут большевиками. – Можно их так обставить, что они не станут. – У вас в Ялте – <1 нрзбр.> большевики, к[ото]р[ые] делали гораздо худшие дела, чем в Севастополе. – Нет, едва ли. – Он начинает подробное перечисление: 200 большевиков, 500 нейтральных татар и т. д. Ссылается опять на Боде. «У меня есть свои донесения». – Если по-вашему считать, отвечаю, то вся Россия вы[й]дет большевистская. М[ожет] т[олько] это не так. Тут нас прерывают: Boyle с принцем идут на берег.

К вечеру выясняется, что мы выходим в 8 ч[ас]. и будем в 11 ч[ас]. утра завтра в Пирее, где пробудем часа 2–3. Прошу капитана послать телеграмму русскому посланнику Демидову[527], ч[то]б[ы] он приехал на судно для свидания с р[усской] миссией. Телеграмма послана. После обеда, ровно в 8 ч[ас]., снимаемся. Лунная ночь. Скоро выходим из гавани. Теплая погода. Поднявшийся ветер опять стихает.

1–14 декабря

В Пирее утром – тщетно ждем Демидова. Телеграмма, очевидно, не получена: по причине congestion*, объясняет капитан. После стояния от 11 до 1 часа снимаемся, на пароход садится греческий министр Василопуло, к[о]т[орый] едет к Венизелосу. Венизелос дней 5 тому назад уехал из Афин, где он имел совещание по поводу отправки войск в Россию. Решено отправить 50 000, и они будут оправлены во второй половине месяца. Рассказывает подробности об отставке Венизелоса. «Проклятый Константин[528]! Проклятая династия». «Мы сидели dans la matrice** сестры Вильгельма»! – Однако, из дальнейших бесед выясняется, что он за монархию, а не за республику. Спрашиваю, как он относится к договору (1916) о разделе Малой Азии[529]. – Он не существует, после заявлений Клемансо – Италия претендует на Андинский вилайет, всецело занятый греками, – и там ей это было обещано! – Чего же вы хотите? – Мы хотим Андинский вилайет. Читаю иностр[анные] газеты первых дней войны. Всеобщая радость. Речи Саландра[530] и Орландо[531]. Первый (*вне* палаты) говорит о Fiume italiano***. Василопуло говорит, что Fiume[532] нам *не* дадут.

Капитан очень о нас заботится, вызывает меня и предлагает телеграфировать о спальных местах. Выражение телеграммы Mr. Mi-

---

* затор (уличного движения) (англ.).

** в матке (франц.).

*** итальянский Фиум (итал.).

lioukoff party* и вопрос о количестве мест заставляет меня пойти посоветоваться. Гурко приходит в волнение: я не хочу ехать под этикеткой Милюкова. Я г[ово]рю, что нужен к[то-]н[ибудь] lead** и предлагаю Шебеко. Гурко соглашается, но возражает Титов. Мы выехали в предположении, что Милюков будет во главе. Предлагаем Третьякову. Третьяков отказывается. Решают сказать в телеграмме: Russian political mission***. Главный мотив колебаний: неизвестность, как меня примут в Париже; но у Гурко и помимо этого есть нежелание быть формально под моим началом: «в К[онстантино]поле еще он терпел», но дальше...

Проходим через узкую прорезь в горе. Коринфский канал, Построен очень на фуфу. Ветер крепчает к ночи.

2–15 декабря

Проснулся в 6–7 часов под влиянием сильной качки. Проезд через Отрантский пролив б[ыл] самым трудным. Я немного подремал и вышел в 10-м часу.

В 3 [час.] мы должны пройти в Таранто. Капитан необыкновенно заботлив. Предлагает нам взять с собой с судна мяса, хлеба и всяких припасов. Благодарим: дети подносят ему коробку сладостей.

Переезд на берег. Поезд отходит в $9^1/_2$ [час.]. Нам места отведены, но не в спальном вагоне. Англичане продолжают заботиться: телеграфируют в Бари о спальных местах и в Рим, ч[то]б[ы] нас встретили. Действит[ельно], в Бари для большинства находятся места, и я покидаю купе, где часа 3 слушал милую болтовню к[акой-]то итальянки со своим кавалером.

3–16 декабря

Утром просыпаюсь перед Cassino. Утр[енняя] газета сообщает об убийстве португальского президента[533] и подготовке швейцарскими большевиками покушения против Клемансо. Статья о выборах в Англии показывает, что Ллойд Джордж в борьбе против Labour Party**** оперирует аргументами против большевиков.

Asquith[534] – за уничтожение обязат[ельной] воинской повинности, *если* будет уничтожена повсюду. Радикалы – за уничтожение во всяком случае.

Приезжаем в Рим. В Grand Hôtel, где в 1916 г. останавливалась наша парламентская кампания[535] (с Шингаревым[536]) и где я позна-

---

* делегация Милюкова (англ.).

** руководитель (англ.).

*** Русская политическая делегация (англ.).

**** Лейбористской партии (англ.).

комился с Плехановым[537]. Два покойника с тех пор. Посылаем в vagons-lits* и в русское посольство секретарей. Приезжают Персиани[538], Серафимов и мой бывший начальник по делам печати (в М[инистерстве] и[ностранных] д[ел]) <пропуск фамилии>. Гирс с начала декабря уехал в Париж, где съезд наших послов и где для подготовки к конференции созданы комиссии (военная, финансовая и т. д.). Французы дают очень неохотно разрешения на въезд во Францию: нам и здесь придется подождать. <Пропуск фамилии> успевает рассказать мне, что с сентября Гирс вел переговоры о признании Омского правительства, единственного антибольшевистского. Вильсон возражал: он против вмешательства. Переписку нам покажут.

В русском посольстве

Доклад Персиани

Со времени боль[шевистского] переворота. Первые дни – полное недоумение. Затем – взрыв негодования, особ[енно] сильного во Франции. Наиб[олее] слабое в Италии. Долго не могли отделить Россию от большевиков: Россия предала. Самое последнее время стали понимать разницу.

1-ые меры – удаление наших офицеров с итал[ьянского] фронта. Сношения с правит[ельством] – продолжались. Положение Гирса – очень хорошо. Официальные отнош[ения] не прерывались. Наше положение – неопределенно: никаких признаков, что нас не признают. В крупн[ых] полит[ических] вопросах нас стали отстранять. Ни в как[ие] совещания нас не пускали; даже дела, в к[ото]р[ых] Россия заинтересована, решаются без нас. Перв[ым] делом мы обменялись телеграммами среди иностранн[ых] представит[ельств]. Все решили не признавать, за исключ[ением] Португ[алии] (Унгерн-Штернберг[539], к[ото]р[ый] *ответил* Троцкому). Затем телегр[амма] Троцкого с предлож[ением] признать, старшим уступить младшим: оставлена без ответа. Под протестом в Риме подписался громадный % русск[ой] колонии. Обмен телегр[аммами] шел беспрепятственно. Потом англичане перестали пропускать шифров[анные] телегр[аммы]. Мы были отрезаны от сканд[инавских] госуд[арств]. С Америкой тоже. Во Франции и Англии шла пост[оянная] переписка с местными правительствами о помощи. В апреле–мае Гирс выступил с рядом записок, к[ото]р[ые] он передавал М[инистерству] ин[остранных] д[ел]: что такое большевики, интересы союзников, необходимость помочь. Маклаков сообщал о сношениях с Россией – урывками. Нас или не по-

* спальный вагон (англ.).

слушали или сами решили, но союзники послали войска в три пункта: Мурман, Арханг[ельск], Владивосток. «Дайте нам точку опоры – и мы кристаллизуемся». Помощь была слаба – (Наши офицеры ушли после Брест[ского] мира). 11 июня – длинная телегр[амма] от ген[ерала] Хорвата (Омск) (читает).

Мы доказывали союзникам: 1) необходимо водворение порядка и для этого водворение русского правит[ельства]; 2) это правит[ельство] соберет и нек[ото]р[ые] вооруженные силы. Даже малая армия – иммобилизирует часть германцев.

Ответ *Гирса*: программа сообщена. Прошу осведомлять.

Тел[еграмма] *Аркадия Петрова*[540] из Владивостока:

Gouv[ernement] Provisoire de la Sibérie autonome. Nouveau front, russo-allemand*.

Ссыл[ается] на тел[еграмму] 18 июля.

Отнеслись с нек[ото]р[ым] недоверием.

Арханг[ельские] телеграммы: (Чайковского[541]).

25 августа (7 сент[ября]): (читает).

Возвещает всеросс[ийское] правит[ельство].

Ответ Гирса: разделяю программу.

1 сен[тября]. Гирс телеграфирует (узнал из газет) – <1 нрзбр.> итальян[ским] посольством.

Гирс сообщал ит[альянскому] правит[ельству], но о признании не прошло.

12 сент[ября] тел[еграмма] *Вологодского* из Омска (председ[атель] Иркут[ской] суд[ебной] палаты). (Титов: «областник», правый с. р.)

(Читает:) предлагает, *как мин[истр] ин[остранных] дел*, войти в *офиц[иальные] сношения*.

Ответ *Гирса*: Необходимо *объединить* все сиб[ирские] *местные* правительства, отлагал признание *до* объединения.

Гирс Авксентьеву. 13 сент[ября] – Удовольствие по поводу открытия национ[ального] конгресса: призыв *к объединению*, избегать внутр[енних] споров. Эта мысль Гирса – постоянно внушается всем группировкам в России: Авкс[ентьеву], Вологод[скому], Чайковскому, Деникину. *Только* в случае объединения м[ожно] надеяться на признание *одного* р[усского] правительства. Отбросить местн[ые] трения и менее важные вопросы: признание *одного* правительства – *первое требование*.

---

* Временное правительство автономной Сибири. Новый русско-германский фронт (франц.).

Конечно, полож[ение] было бы иное, если бы еще *до* перемирия было одно правит[ельство] и армия, к[ото]р[ая] бы оттянула.

Маклаков присоед[инился] к тел[еграмме] 13 сент[ября].

Тел[еграмма] Веденяпина[542], 24 сент[ября] от Комитета членов Учред[ительного] собрания (в Самаре) (счит[ают] себя преемником всеросс[ийского] правительства).

Ссылка на совещание в Уфе и на пять лиц директории, имеющей pouvoir souverain*.

Просьба прислать шифр для возобн[овления] переписки.

Шифров послать не могли, но теперь имеем шифр[ованные] сношения с Омском.

М[ожет] б[ыть] поедет Ревелиотти и другой в Архангельск.

Ответ *Гирса*: heureux d'apprendre**.

Лысаковский[543]. С этой телеграммы начинается преемственность сношений с Врем[енным] правит[ельством] в Омске.

Набоков отвечает Веденяпину: je m'associé sans réserves***, но признают тогда, когда будет признано *всей* Россией.

Веденяпин. 3 октября телеграфирует, что <пропуск> (читает). О борьбе с большевиками у Самары. Немцы помогают большевикам. Чехословаки épuisés****. Наши войска не готовы. Потеря фронта будет важна. Рассчитывают на помощь союзников – немедленную. Без этого нельзя удержать фронт.

Веденяпин, 3 окт[ября] – (список чиновников).

Авксентьев, 6 окт[ября] (из Уфы): выбрали резиденцией Омск. Омское правит[ельство] – кабинет всеросс[ийской] директории (длинная телеграмма о выборе правит[ельства] – признает себя наследником Врем[енного] правительства). Копия acte constitutif*****.

2 окт[ября] телеграммы – со ссылкой на законное преемство с 1917 г.: «Совет–узурпаторы. Признает ли нас правит[ельством]?»

Мы отвечали: союзн[ые] прав[ительства] готовы сноситься, но для *признания* необходимо объединение. Союзн[ые] представители отправились в *Архангельск*: Noulens, Torretta[544], Frencis[545], Линдлей[546]. Кроме того – *высшее командование* с Pool'ем. Но на зимнее время уехал из Арханг[ельска] и поехал в южную Россию.

---

* верховная власть (франц.).

** рад узнать (франц.).

*** я присоединяюсь без гарантий (франц.).

**** истощены (франц.).

***** Основной закон (франц.).

11 окт[ября] Авксентьев: о чехословаках – признание независимости.

Есть еще союзное командование в Сибири.

Есть Elliot, Janet, Стефаник[547].

13 окт[ября]. Гирс Авксентьев[у]: союзн[ики] ждут *признания* вас в России. Новости об Алексееве pénible impression*.

14 окт[ября]. Уведомите, признаны ли вы *всей* Россией антибольшевистской.

(Гораздо позже Чайков[ский] ответил, что признает.)

Ключников[548] отвечает: приступлено к шагам для признания.

Чайковский. Сообщает, что признания в Уфе и Оренбурге.

4 ноября. Сиб[ирское] правит[ельство] передало всю полноту власти Врем[енному] всеросс[ийскому] правительству: 1) с образ[ованием] центр[альных] органов все област[ные] прекращ[ают] существование; 2) возобнов[ление] по признанию всерос[сийским] правительством прав на област[ное] управление; 3) правит[ельство] всеросс[ийское] сохр[аняет] действие областных законод[ательных] актов; 4) центр[альные] органы Сиб[ирского] прав[ительства] присваивают значение всероссийских; 5) установл[ение] единства армии, оставл[ение] нек[ото]р]ым] частям областного наименования. Состав: Авкс[ентьев], Виноград[ов], Колчак, Гатенберг[ер][549], Зефиров[550], Старынкевич[551], Устругов, Сапожник[ов], Шумиловский[552], Петров, <2 фамилии нрзбр.>, Краснов[553], Тельберг[554], Михайлов.

Тел[еграмма] Ключникова: Правит[ельство], *возглавленное* Колчаком, – признает госуд[арственный] долг декларацией *21 ноября.*

Переворот[555]

По-видимому, произошел помимо ведома правительства, войсками. Арестовали Авксентьева, Зензинова, Роговского и Аргунова. Болдырев был на фронте. Оставались Вологодский и Виноградов. Совет мин[истров] собрался, Вол[огодский] и Вин[градов] подали в отставку. Правит[ельство] осталось без верховной власти, и *возложили [ее] на Колчака*, назвав его *верховн[ым] правителем*, о чем сообщили за подписью Ключникова. Правительство *осталось* прежнее, и в телеграмме сказано, что тут уклонений вправо и влево нет. Причина – что в войсках начин[ается] большевизм. Зензинов и Авк[сентьев] оказались слишком слабы. *Офицеры возмутились.* Об Учред[ительном] собрании косвенно разговоры: оно не может пользоваться авторитетом во всей России. Переворот совершен и в Архангельске.

* тягостное впечатление (франц.).

Полк[овник] Чаплин[556] арестовал правит[ельство] Чайковского (в августе) и отправил в Солов[ецкий] монастырь. Союзники вмешались и вернули Чайковского.

Все эти аресты производят неблагопр[иятное] впечатление, показывая, что ничего солидного нет. Омский переворот прошел в прессе незаметно. Мы стараемся сглаживать, ч[то]б[ы] не думали, что есть реакционные стремления. Если подумают, что есть реакционные стремления, будут относиться осторожно. Не правительство, а войска совершили переворот.

Осведомление о перевороте – в шифрован[ной] телеграмме Ключникова.

О Деникинском правительстве

Пришла телеграмма Демидова: приехал во франц[узскую] ставку полковн[ик] Песоцкий от адм[ирала] Ненюкова, сделал доклад Franchet d'Espérey, сообщил об автономной армии Деникина, что там Драгомиров, Романовский, 70 оф[ицеров] ген[ерального] штаба, около 100 тыс. К <1 нрзбр.> армия Краснова. При Деникине – Нератов. Ждут Сазонова. Положение тяжелое. Нет снабжения, просил помочь. Длинный доклад о полож[ении] дел в Украине. Franchet принял сухо. Как только это стало известно, отправили в Новоросс[ийск] Энкеля, не заехав в Афины, для установления связи. До с[их] п[ор] нет ответа. Б[ыло] косвенное известие, что радио собирается в Конст[антино]поле. Никаких офиц[иальных] шагов не предпринималось, но мы опять телеграфировали о необходимости сговориться разн[ым] правительствам.

Кровопусков. Выясняются ли взгляды союзн[ых] правительств на будущую форму власти?

Персиани. Мы отвечаем, что *возврата к старому нет*, а определение формы – внутр[еннее] дело русского народа. Эти вопросы разъединяют; поэтому мы избегаем и сводим к необходимости оказать помощь России для объединения.

Телегр[амма] Ключникова с 17 на 18 ноября – воор[уженным] отрядом арестованы <пропуск>. Арест части директории, без ведома о нем Совета м[инистров], явился как шаг неудовольствия воен[ной] среды и широких госуд[арственно] настр[оенных] общ[ественных] кругов, озабочен[ных] скорейш[им] укрепл[ением] г[осуда]рств[енной] власти. В связи с объявлением перемирия недавно выпущенное ЦК партии с. р. воззвание с призывом вооружаться (против) создаваемой с так[им] трудом государственности в Сибири указывало на то, что Комитет членов Учр[едительного] собр[ания] стал склоняться к большевикам; директории надлежало принять решит[ельные] меры к лик-

видации попыток подорвать госуд[арственную] работу в Омске. И то директория, в числе коей Ав[ксентьев] и Зенз[инов] входят в ЦК с. р., не предпринимала мер [ни] против подпольной агитации в войсках, ни против явно сепарат[истской], антигосударствен[ной] деятельности части членов Учр[едительного] собрания, правомерность коей для г[осуда]рственного строительства возрождающейся России легко бы могла б[ыть] оспорена. При таком положении произвели переворот 18 ноября. Экстренно собравшийся 18 ноября Совет министров, в согласии с членами дир[ектории] Виногр[адовым] и Вологод[ским], сложил свои полномочия и, при отстутствии находящегося на фронте ген[ерала] Болдырева, постановил принять на себя всю полноту верховн[ой] власти и затем, в том же заседании, вручил ее адмиралу Колчаку, присвоив ему звание верховного правителя. Акты, определяющие объем власти верх[овного] правителя, сообщаются дополнительно (не получили). Непрочность директории давно всеми сознавалась. Директория искусственно поддерживалась до т[ех] пор, пока здоровое течение, отнюдь не отклоняясь в сторону реакции, не одержало верх.

Лысаковский рассказывает, что французам очень не хотелось приезда Вильсона и что они пытались даже убедить его, что *теперь* его приезд несвоевременен и что лучше ему приехать – после конференции! Итальянцы были страшно недовольны, что американцы предписывали первые условия перемирия и настояли на том, чтобы в дальнейшем их устранить. Действительно, договор о перемирии написан англичанином и французом.

Итальянцы, несомненно, боятся большевизма. Одной из мер против этого является нераспущение ими войск.

Соннино[557] очень дружественно расположен к русским и настаивает на вмешательстве. Орландо – несколько осторожнее.

В вопросе о Далмации они – совершенно intraitables*. Правительство поддерживает агитацию в пользу независимости Черногории, ч[то]б[ы] ослабить сербов. Франц[узский] посол сказал Лысаковскому, что они поддерживают Колчака совершенно так же, как раньше поддерживали Омское правительство.

Посещение M-me Giers. Упоминает книгу Claude Anet, к[ото]р[ая] опровергает «легенду», что революция произведена *для* продолжения войны; из страха сепаратного мира.

Рассказывает, что Керенский очень резко говорил во Франции с Clemenceau, укоряя союзников, что они забыли услуги и жертвы России. Его за это не пускают из Англии.

---

* несговорчивы (франц.).

Вечером обед в отеле. Приходит Анатолий Крупенский.

Неожиданно для Персиани французы визируют наши паспорта для Парижа. Кажется, немного на свой страх.

Начинаем сообщения о русских делах с истории наших организаций. Гурко докладывает о Правом центре, Титов о Союзе возрожд[ения], я о Нац[иональном] центре и об общем положении.

4–17 декабря. Утром

Продолжение беседы о русских делах – разделяемся на группы; я с Шмурло[558]. Узнаем, что сегодня в $9^1/_2$ нам будет вагон в Париж: визы все сделаны. Остается визит к правительству. Соннино уезжает и увидится в Париже. Орландо занят и очень извиняется. Поедем к Borsarelli[559], парламентскому товарищу министра.

Завтрак у M-me Гирс, затем в $4^1/_2$ поездка к Borsarelli. Банальный несложный разговор. Он не отрицает большевистской опасности в Италии и оживляется, когда Титов говорит о <1 нрзбр.> русскими большевиками иностранных изданий.

Посещение «Лиги возрождения России». Их программа – признает Уфимскую, без признания Уфим[ского] правительства и без предрешения четыреххвостки и федерации. Титов в своей речи отождествляет с русским Союзом возрождения. Мне приходится внести оговорки и похвалить их «осторожное отношение к догматическим утверждениям». Гурко говорит о необходимости подчеркивать жертвы и заслуги России перед союзниками.

Вечером, перед поездом, социалисты затевают визит к Биссолати[560] и просят меня участвовать. Идем. Биссолати обращается, главным образом, ко мне: слышал, читал и т. д. Просит дать определение большевиков. Я указываю на синдикализм в теории и терроризм на практике. Указываю на невозможность существования г[осуда]рства, ничего не производящего. Настаиваем на необходимости немедленной помощи. Биссолати просит располагать собой – все равно будет он или *не будет* министром (его отношение к Соннино натянутое, хотя с Орландо они хороши). Еще раз на прощание с чувством говорит мне, что знает о нашей «геройской, стоической борьбе».

Проводы на вокзале. Наскоро даю интервью Первухину и Яковенко[561]. Пишу наши общие положения Степанову. Поезд трогается. Послезавтра утром будем в Париже.

5–18 декабря

Целый день в вагоне. Поедем от Генуи и Nervi – к Турину (700 футов) и к Модене (3700 ф[утов]). На протяжении нескольских

часов яркое южное солнце Ривьеры сменяется туманом, потом дождем – и наконец снегом в <1 нрзбр.>. После итальянских газет с извлечениями из моего интервью [в] Константиноп[оле] приходит самый текст в «Petit Parsien».

Déclarations de M. Milioukof à l'envoyé spécial du «Petit Parisien»

Pourquoi l'ancien leader cadet se rend à Paris et à Londres

(De notre envoyé spécial)

Constantinople, 17 décembre

Je viens d'avoir un long entretien avec M. Milioukof, de passage à Constantinople. L'ancien chef du parti cadet n'a certes pas été toujours très heureux dans sa politique et les tendances qu'il manifesta ou qu'on lui attribua après sa chute nécessitent toutes réserves. Mais on ne peut nier la valeur de son témoignage, ni l'importance de sa présente intervention. M. Milioukof se rend à Paris et à Londres, en qualité de représentant du centre national russe. Il est accompagné de M. Schebeko et de M. Gourko, frère du général; ces messieurs représentent eux-mêmes le conseil pour la reconstitution de la Russie et l'union pour la renaissance russe. Les trois groupemments constitués peu à peu par les éléments sages et sains de la Russie peuvent prétendre parler au nom de la Russie tout entière à part les bolcheviks.

Les tiennent des pouvoirs en effet de la Douma, du conseil d'État, du Sénat, de l'Église, des municipalités, de l'Union des propriétaires fonciers (grands et petits), du parti cadet, du parti socialiste populiste, du parti social révolutionnaire, du parti social démocrate et de la coopération russe.

M. Milioukof et la délégation qui l'accompagne viennent déjà d'avoir une entrevue à Jassy avec les représentants diplomatiques de l'Entente. M. Milioukof vient de passer dix mois en Ukraine, à Kiev, où la situation est assez troublée, car, tandis que la majorité de la population lutte pour la reconstitution de l'unité russe, des éléments nationalistes, séparatistes provoquent de nombreux désordres et rendent difficiles les communications; les voies ferrées sont coupées presque quotidiennement. Il y a aussi de nombreuses bandes de pillards qui arrêtent et dévalisent les voyageurs.

Les malfaiteurs disposent tous d'armes perfectionnées, car les soldats allemands vendent pour une bouchée de pain leurs fusils, leurs cartouches et même leurs mitrailleuses. Le bolchevisme, qui chaque jour est plus odieux et plus abominable, ne peut pas durer; néanmoins, il ne faut pas nier qu'il est plus menaçant à cette heure que jamais.

La situation du peuple est effroyable. C'est la famine, la misère et toutes les maladies.

Les paysans, de peur d'être volés, n'ensemencent que tout juste pour leur propre consommation. M. Milioukof a grand espoir dans l'armée du général Denikine et croit fermement que l'intervention armée peut rapidement rétablir l'ordre. C'est dans l'espoir, sans doute, de voir sa conviction partagée par les alliés, qu'il se rend a Paris et a Londres*.

---

* Заявление г. Милюкова
специальному корреспонденту «Пети Паризьен»
Почему бывший лидер кадетов отправился в Париж и Лондон
От нашего собственного корреспондента, Константинополь, 17 декабря

Я только что имел длительную беседу с г. Милюковым во время поездки в Константинополь. Бывший лидер кадетской партии не всегда был удачлив в своей политике и тех направлениях, которые ему приписывали после его отставки. Но нельзя отрицать ни ценности его свидетельств, ни важности настоящего интервью. Г. Милюков отправился в Париж и Лондон в качестве представителя Всероссийского Национального центра. Его сопровождали г. Шебеко и г. Гурко, брат генерала; сами эти господа являлись представителями Совета государственного объединения России и Союза возрождения России. Все три группы были составлены из наиболее трезвомыслящих и здоровых элементов, которые могли претендовать на то, чтобы говорить от имени России, противопоставляя себя партии большевиков.

В сущности они представляют собой властные структуры – Думу, Государственный совет, Сенат, церковь, муниципальные власти, Союз земельных собственников (крупных и мелких), партии кадетов, народных социалистов, эсеров, социал-демократов, русских кооператоров.

Милюков и делегация, которая его сопровождала, только что имела переговоры в Яссах с представителями дипломатических кругов Антанты. Милюков провел 10 месяцев на Украине, в Киеве, где положение остается довольно тревожным, т. е. хотя большинство населения борется за восстановление единства с Россией, в то же время националистические элементы провоцируют различные беспорядки и создают трудности в средствах сообщения; связь на железных дорогах почти ежедневно прерывается. На территории действуют многочисленные банды грабителей, которые останавливают поезда и грабят пассажиров.

Все эти преступники располагают великолепным арсеналом оружия, т. к. немецкие солдаты продают за буханку хлеба свои ружья, патроны и даже пулеметы. Большевизму, который с каждым днем становится все ужаснее и отвратительнее, должен быть положен конец. Тем не менее, нельзя отрицать, что в настоящее время он опасен как никогда.

Положение населения ужасное. Это и голод, и нищета, и всевозможные болезни. Крестьяне, чтобы не быть ограбленными, засевают свои участки в таком количестве, чтобы только обеспечить собственное пропитание. Г. Милюков возлагает большие надежды на армии генерала Деникина и твердо верит в то, что военная интервенция сможет в самый короткий срок восстановить порядок. И, без сомне-

Оговорка в интервью сделана осторожная и особых неприятностей не обещает. Но Лысаковский при отъезде м[ожет] б[ыть] не без основания мне говорил взять прямо быка за рога и проломить лед. М[ожет] б[ыть] в виде ответа на оговорку «Petit Parisien» можно сделать это.

Мысли для ответа.

6–19 декабря

Приезд в Париж, утром, часов в 11.

На вокзал предваренное телеграммой M-me Гирс русское посольство выслало капитана <пропуск фамилии> нас встретить. Нам приготовлены комнаты в Hôtel Lutetia, куда мы и приезжаем.

Маклаков «завтракает с различными особами».

В $2\frac{1}{2}$ опять подхожу к телефону: у него заседание комиссии, потом он едет к Пишону, – вечером – свободен. Условливаемся в 6 часов позвонить.

В «Information» враждебная статья относительно «mission» Милюкова, где говорится, что я был в Берлине и дал интервью в «Berliner Tageblatt» и что со мной надо быть осторожным.

Остальные газеты сегодня молчат. Прилагаю статью. Это статья следующего дня.

Le Problème Russe

«L'Information», 20 décembre 1918

L'Entente a-t-elle un plan?

La «Mission» de M. Milioukoff

Des événements décisifs se préparent-ils en Russie? On serait autorisé à le supposer: la flotte anglaise bombarde le front bolcheviste au delà de Revel, les Esthoniens et les Polonais mobilisent, le général russe Miller, qui commandait, avant la révolution, le 26 corps, vient de quitter Londres pour aller prendre le commandement d'une armée en voie de constitution dans l'Oural, le général Berthelot est chargé d'une mission importante autour de laquelle on fait le plus grand secret. Enfin, un télégramme de Constantinople annonce que M. Milioukoff, ancien leader des Cadets, et dont on nous avait successivement narré l'exécution, la trahison et le suicide, se dispose à venir plaider à Paris la cause de l'Union Nationale russe, amalgame d'octobristes et de droitiers recrutés dans les zemstvos.

ния, видя, что его убеждения разделяют союзники, он отправляется в Париж и Лондон.

Il me souvient d'une conversation que j'ai eu à Petrograd, en juin 1917, avec l'ancien ministre des affaires étrangères du gouvernement Lvof*[562]. Nous nous trouvions devant la cathédrale de Kazan. Un cortège maximaliste parcourait la Perspective Newsky en acclamant l'Internationale et en conspuant Kerensky. M. Milioukoff me fit cette déclaration:

Je ne crois pas que la Russie puisse se libérer elle-même de la chaine bolcheveste. L'intervention des Alliés est seule capable de nous arracher à l'extrémisme de Lénine et de ses acolytes. Mais il ne faudrait pas d'une intervention localisée, restreinte, servie au compte-goutte. Si l'Entente veut sincèrement obtenir des résultats, il faut qu'elle nous envoie 500 000 hommes pour le moins, bien armes et régulièrement ravitaillés.

Les circonstances ont-elles changé depuis? Assurément, mais dans le sens de l'aggravation. L'amiral Koltchak, le général Denikine, le colonel Semenoff, d'autres encore s'efforcent de construire des armatures de gouvernement, mais paraissent jusqu'à présent s'être heurtés à la plus vive opposition. Si le bolchevisme donne l'impression d'avoir perdu quel-que terrain au point de vue politique, il affirme, dans le domaine militaire, une vitalité singulière et inattendue. Ses troupes font face au front sibérien, au front esthonien, au front polonais et auraient réalisé d'appré-ciables progrès en Ukraine. Il faudrait donc, si l'Entente décidait une expédition en Russie, des moyens importants, plus importants encore, que ne l'avait prévu Milioukoff. Les gouverments alliés y sont-ils disposés? Certains milieux militaires l'affirment: le monde parlementaire se montre plutôt sceptique.

Ce qui n'est pas douteux, c'est que les précautions les plus rigoureuses sont indispensables, de la part de l'Entente, si elle veut éviter de périlleuses surprises. Les hommes politiques russes en route vers Paris ne sont pas tous exempts de suspicion. Nous n'avons pas oublié, notamment, le voyage M. Milioukoff fit à Berlin au mois de juin dernier et l'interview pour le moins bizarre qu'il accorda, lors de son séjour, au «Berliner Tageblatt» pour célébrer la nécessité d'une vigoureuse intervention alle-

---

* Пометка автора на полях: «Разговор выдуман: он, конечно, мог бы происходить в этом виде только *после* победы большевиков».

mande en Russie. Ce sont là des souvenirs qu'il ne faut point laisser choir, sous peine d'être une fois de plus abusé et trompé.

Charles Omessa*

Русская проблема
«Л'Информасьон», 20 декабря 1918 г.
Есть ли план у Антанты
Миссия г. Милюкова

Произойдут ли решительные события в России? Будет ли разрешено оказать поддержку: английский флот бомбардирует большевистский фронт со стороны Ревеля, эстонцы и поляки мобилизуются, русский генерал Миллер, который командовал до революции 26-м корпусом, только что покинул Лондон, чтобы принять на себя командование армией, формирующейся на Урале. На генерала Бертело возложена очень важная миссия, которая содержится в строжайшей тайне. Наконец, в телеграмме из Константинополя извещается, что г. Милюков, бывший лидер кадетской партии (нам попеременно сообщали то о его казни, то о его предательстве, то о самоубийстве), направляется в Париж с миссией Всероссийского Национального союза, который является союзом октябристов и правых кругов земств.

Мне вспоминается один разговор, который у меня состоялся в июне 1917 г. с бывшим министром иностранных дел правительства Львова. Мы встретились около Казанского собора. Колонны максималистов шествовали по Невскому проспекту, распевая Интернационал и публично понося Керенского. Г. Милюков заявил мне буквально следующее:

Я не верю, что Россия способна сама освободиться от большевистских цепей. Интервенция союзников – это единственная сила, способная вырвать нас из тисков экстремизма Ленина и его пособников. Но нам не нужна локальная, ограниченная интервенция, оказывающая помощь в час по чайной ложке. Если Антанта действительно хочет достигнуть реальных результатов, то нужно, чтобы она послала по меньшей мере 500 тысяч человек, хорошо вооруженных, с регулярным обеспечением продовольствием. Изменились ли с тех пор обстоятельства? Безусловно, но только в смысле ухудшения ситуации. Адмирал Колчак, генерал Деникин и полковник Семенов стремятся создать правительственную структуру, но, кажется, что до сих пор они наталкиваются на реально действующую оппозицию. И если создается впечатление, что большевизм теряет некоторые политические позиции, то в области военной он демонстрирует исключительную и неожиданную живучесть. Его войска оказывают сопротивление на сибрском, эстонском и польском фронтах и, возможно, он будет иметь столь же значительные успехи на Украине. Было бы хорошо, если бы Антанта решилась на вторжение в Россию, используя еще более массированные средства, чем это предполагал Милюков. Располагает ли ими правительство союзников? Некоторые военные утверждают, что парламентские круги относятся к этому более чем скептически. Не вызывает сомнения и то, что Антанте нужно принять самые строгие меры предосторожности, чтобы избежать пагубных сюрпризов, в том числе соблюдать осторожность по отношению к русским политикам, направляющимся в Париж. Мы не забыли, в частности, поездку г. Милюкова в Берлин в июне прошлого года и, по меньшей мере, странное интервью, которое он дал во время своего пребывания газете "Вег-

Продолжение кампании против меня см. в следующей книжке.

6–19 декабря

Приезд в Париж. Остановилась вся миссия в Hôtel Lutetia. Звонил к Маклакову. Он занят, у него заседание, потом он вызван к Пишону. С 8½ ч[ас]. можно видеть, но меня он просит зайти к нему раньше, в 6 ч[ас]., ч[то]б[ы] поговорить наедине.

Предупреждаю членов миссии и иду. Гурко уже с вокзала очень недоволен невнимательностью Маклакова.

Маклаков мне сообщает, что Пишон его вызывал по поводу нашего – и особенно моего – приезда. Оказывается, что навстречу нам – и в Константинополь, и в Рим, и на французскую границу высылались распоряжения, чтобы нас не пропускать дальше. Но они опоздали. Теперь Клемансо, узнав о нашем приезде, взбешен и накричал на Пишона. Он сохранил свои авторитарные привычки, и его все боятся.

Пишон просит Маклакова «обратиться к нашему (моему) патриотизму» и не доводить дело до скандала, который непременно разыграется, если мы останемся здесь. Маклаков предлагает немедленно всем ехать дальше, в Англию, сделав вид, что таков наш маршрут. Тем временем он постарается здесь подготовить наш прием правительством (за исключением, вероятно, меня) по возвращении. План, несомненно, самый благоразумный, и я соглашаюсь. Маклаков говорит, что отношение к нему лично – хорошее и что эпизода с его оскорблением в театре, о котором рассказывали в России, не было. В театр он не ходит, и на собраниях, где он бывал, его приветствовали наравне с другими послами. Но вообще к России, после всех разочарований, отношение недружелюбное: оно смягчается, но еще далеко не прошло. Упоминание о русских армиях на plaque commémorative* Hôtel de Volle – чуть не единственное исключение. Вообще же здесь систематически проводится та точка зрения, что мы вышли из борьбы и что Россия уже не союзница. Они столько раз были обмануты в ожиданиях, что боятся теперь признать к[акое-]н[ибудь] русское правительство. Переворот Колчака внес новое смущение, как доказательство непрочности. Не исключена возможность, что на конгрессе мира России вовсе не будет с решающим голосом. Они, послы, пыта-

---

liner Tageblatt", чтобы поддержать планы массированного вторжения немцев в Россию. Нужно помнить об этом, чтобы впоследствии не оказаться обманутым и обиженным.

Шарль Омесса

* мемориальной доске (франц.).

ются составить коллегию авторитетных лиц, к[ото]р[ые] бы поддержали их *совещательный* голос. Клемансо предлагал объявить в Париже «Национальный совет», наподобие чешского, но они не решаются на это и предпочитают, чтобы Россия не ангажировала себя вовсе, – стараясь лишь *отложить* все важные для России вопросы (за исключением польского, финляндского, Галиции и проливов).

Относит[ельно] вмешательства французов убеждать уже не нужно. Правительство в этом убеждено и лишь предпочитает действовать осторожно, ч[то]б[ы] поставить обществ[енное] мнение перед совершившимися фактами. Но оно не хочет выступить одно, а англичане не хотят участвовать. Если бы мы могли повлиять на них (Набоков очень слаб, и Бальфур[563] повернул против России, Мильнер[564] за вмешательство), то сделали бы полезное и важное дело. Это – еще аргумент за то, ч[то]б[ы] немедленно ехать в Англию. Я могу в Лондоне отстать от делегации, и таким образом переход будет возможно мягкий. Во время пребывания миссии в Лондоне Маклаков подготовит ее возвращение.

Сообщаю в отеле всей компании о том, что сказал Маклаков. Гурко окончательно выходит из себя и заявляет, что он дальше не поедет и останется здесь, что нам надо всем добиваться приема, а если не получим, всем уехать обратно. Я стараюсь смягчить, так мы идем как раз на тот скандал, который надо предупредить. Гурко продолжает негодовать: наверное, Маклаков не сумел защитить достоинства русского представительства. Если бы он встретил нас на вокзале и дал бы нам банкет, то дело было бы иначе. Я принимаюсь защищать Маклакова. Тогда выдвигаются практические соображения: а что, если нас и в Англии, прознав о французском отказе, правительство не примет, да, кроме того, еще не пустят назад через Францию?

Гурко продолжает бурлить, и в таком настроении мы все в $8^1/_2$ часов идем к Маклакову. Здесь разыгрывается длинный спор с очень резкими выпадами Г[урко], который сразу начинает обвинять М[аклакова] за то, что он не удосужился встретить нас, не умеет поддерживать русского достоинства и т. д. Маклаков начинает огрызаться. Я настаиваю на том, что оставаться здесь нельзя, необходимо в интересах дела использовать последний шанс, и предлагаю два варианта: или я еду вперед в Лондон, или мы все едем вместе. Затем вношу предложение, поддержанное Титовым, отложить решение до нашего отдельного совещания и перейти к сообщению друг другу фактических сведений. Просим начать Маклакова.

Сообщение В.А. Маклакова

Когда здесь настаивали (Гирс, русские) на признании Омского правит[ельства], то имели в виду представительство на конференции.

Пишон сказал на днях, что если Колчак соед[инится] с Деникиным, то признают.

Отнош[ение] к обсужд[ению] armistice* – помимо нас. Турецкое armistice совершенно <1 нрзбр.>, и потом вы возбуждали вопр[осы] с немцами armistice** – нас запрашивали, но в обсуждение не вводили. Упорно проводили мнение, что мы больше не воюющая держава – как мы ни спорили. Пока нет правительства, мы т[олько] можем спрашивать совета. Мы не очень спорили по поводу armistice, т. к. нас мало касалось. Кое-что для нас они включили. Первые же попытки спросить их, как они смотрят на участие России в конференции: за, но не знаем, как это сделать. – Подумаем вместе (Hoose[565]). Потом получена телеграмма Ключникова с поручением заняться этим вопросом. Извольский[566] доходил до идеи создания русского комитета. Другая крайность – сохранить своб[одные] руки и не участвовать. Мы останов[ились] на середине: пока нет признанного правительства, нам невыгодно себя связывать (в окраинных вопросах – Сибирь – и Финляндия). Лучше, ч[то]б[ы] никто ничего не подписывал. Но надо защищать интересы России, т. е. указывать нашу точку зрения. Нек[ото]р[ые] вопросы (отн[осящиеся] к частям) м[ожно] было просто отсрочить: нельзя трогать нашу территорию *в частях* обсуждения вопросов войны: это конгресса не касается. Тогда падали финл[яндский], лит[овский], эстон[ский] вопросы. Мы стояли на том, что т[олько] бесспорно польск[ие] области отойдут. Спор с поляками о Галиции – *нельзя* было отсрочить. Вопрос о проливах: тоже Р[оссия] заинтересована. – Это 3 пункта, остальные м[огут] б[ыть] отсрочены.

В какой форме и кто? Дипломат[ические] представители – не авторитетны. Около них д[олжна] б[ыть] компетентная официальная коллегия от правого до левого фланга: Сазонов и Чайковский. С Деникиным сношений не было. И Краснов, и Гербель. Но все это – еще не Россия: лучше сохранить свободу рук. Нужно единство, и отдельно Деникин и Уфа – не есть еще Россия. Д[олжно] б[ыть] либо *фактич[еское] правит[ельство] большей части* России, либо Р[оссия] д[олжна] отсутствовать. Нек[ото]р[ые] надежды были, если бы соединились Украина, Дон, Сибирь, Кавказ – остальным можно было бы пренебречь.

Они т[олько] говорили о комиссии, которую укажет коллектив послов: Сазонов, Коковцов, кн[язь] Львов. Но теперь старались разработать ряд вопросов (польский, против <1 нрзбр.> по Вильсону – пишет Мандельштам). До с[их] п[ор] имеем сношения с одним Ом-

---

* перемирия (франц.).
** Так в тексте.

ском. Отсюда едет целая комиссия с французами в Украину. Они послали крейсер с радиостанцией. Только сегодня получил новость, что в Екатеринодаре поставлен достат[очно] сильный аппарат, ч[то]-б[ы] сноситься с Омском.

Пришла телегр[амма] Сазонова Демидову, что Якушев[567] прибыл. От Сазон[ова] уведомление о своем назначении получена без даты (с как[ого-]ниб[удь] судна). Переворот Колчака подорвал, как признак непрочности. На признании Омска я не настаивал, а на скорейшем сближении с югом. Те, кто советовали признать Омск[ое] правит[ельство], провалились с Колчаком.

Лебедев[568] сообщил о подробностях переворота: было ясно, что дело к этому шло. Сейчас телегр[амма] из Омска – о большой победе над большевиками. Болдырев ушел и едет к Деникину, теперь во Владивостоке. Против Колчака – Хорват и Семенов, за которыми японцы: игра со стороны. Японцы отвечают, что они не поддерживают. Но в действит[ельности] – дают деньги и оружие. Дальше Читы не идут. Союзники очень хотели большего вмешательства, но сейчас относятся очень подозрительно. Про армию Колчака отзывы военных, что она будет способна, но народная слаба. Чехи – сильно сказать, что развалились. Были люди, слишком сочувств[овавшие] левым. Но после приезда Стефаника и Жанена – дело наладится. Но там разочарование, что обещанная союзниками помощь не пришла. Французы уже дошли до большев[истского] фронта. «Большевикам (от 17 дек[абря]) нанесли поражение; отступают к Перми. Арестованы и привезены в Омск с. р., члены Самарск[ого] Учред[ительного] собрания. Неск[олько] военных правых, не стерпев развала, арестовали 2-х. Тогда 3-е (Виногр[адов], Сапож[ников], Вологод[ский]) передали власть Омск[ому] правительству. Колчак отдал под суд тех, кто арестовал: их оправдали. Обвинение фантастическое. Сношения Авксентьева с Троцким. Авк[сентьев] выпущен. Я просил франц[узское] правит[ельство] пустить сюда. Они доехали до Китая, но там остановили англичане – я вторично просил. «Чернов бежал; Дутов уговарив[ал] подчиниться Колчаку; Деникин подчинился Колчаку». Думать о признании Сибири при существ[овании] Деникина они перестали.

Пока мы по *всем* вопросам счит[аем] необх[одимым] высказывать русск[ую] точку зрения. Собрать всех, кто пожелает (Извольский, Сазонов). Форма: комиссии, записки и т. д. Полномочия отдельных правительств усилит, но не сделает Р[оссию] равноправной. С Чайков[ским] сносимся без шифра. Мало интересно, что он делает в так[ой] маленькой области. Если устроить коллегию с *левым* представителем – он согласился на время приехать. Он наиболее подходящий из левых. История ареста Чайков[ского] очень повредила; осо-

б[енно] Вильсон уперся, боясь контрреволюции. Боится военной интервенции с *этой* т[очки] зр[ения]. Только чехословаки заставили переменить его мнение в пользу интервенции. Арест Чайковского Чаплиным — смутил: он подозревал участие англичан.

О Добров[ольческой] армии сведения пришли поздно: 5—6 тыс. человек: статья Грондина об армии Алексеева. Скоропад[ский] и Краснов — неопред[еленные] позиции, какие-то офицеры, Омск[ое] правительство. Ни о чем не говорили. Узнали от Песоцкого, Gauquié от 15 ноября из Новороссийска. — Тогда возложили все надежды на Деникина, и Керенский, настаивавший на признании Омска (письмо Пишону в газетах), упрекал, что — здесь замышляют переворот.

Я не видал в глаза ни Волконского[569] и не г[ово]рил о монархии. Есть кружки в Швейцарии. Russie non vi[a]ble*. Сейчас говорить об этом за границей — значит поставить на себе крест. Сложилась ассоциация, что монархисты — германофилы. Вообще *династич[еские]* симпатии падают. Доконал Дмитр[ий] Павлович, танцевавший здесь танго в увеселит[ельном] заведении. В симпатиях к монархии заподазривают англичан. Французы не верят, что в Р[оссии] установилась республика и допускают, что если будет монархия, то признают. Но интервенция в нас монархии — невозможна.

«Правительство — дело ваше», мы хотим вам готовить условия мирной жизни. Circulus vitiosus. Приходится вмешиваться. Им хочется прийти к готовому правительству.

Правит[ельство] Скоропадского или Краснова — приемлемы. Симпатии на стороне Деникина — очень большая аммуниция — сколько прибыло: давали и Сибир[скому] правительству.

Кн[язь] Львов приехал для информации: Бахметев[570] г[ово]рит, что не было удачно. С Вильсоном *прямо* нет разговора. Он выслушивает доклад House. Львова спросил: что вы хотите делать? Он запнулся и заговорил об интервенции.

Аргумент о возможности распростр[анения] большевизма — действует, но у них легкомысл[енн]ая уверенность, что большевизма во Фр[анции] не будет. Долго не верили и в революцию в Германии[571], считая камуфляжем Вильгельма. Ссылка на наш пример отводится указанием на различие культур. Clemanceau третьего дня говорил мне, что не верит в большевизм в Герм[ании] и Франции. Те, кто боятся большевизма, — больше всего против интервенции: агитация за демобилизацию выдумана пацифистами против <1 нрзбр.> Германии, вся опирается на психологию окончания войны. Если солдаты откажутся

---

* Россия не жизнеспособна (франц.).

идти в Россию, расстреливать будет нельзя. Поляки г[ово]рят: мы *создадим вам барьер*, к[ото]рый отделит Россию от Германии. Пока была война, нас больше боялись: пожалуй, немцы заставят идти против нас. Сейчас этой боязни нет. После перемирия обещали: займемся вами. Но пошли торжества и празднества и т. д. Французы от интервенции не откажутся: но *одни* не пойдут, если откажутся англичане и американцы. Если Клемансо будет держать под ружьем, то его poilus* его покинут; неудовольствие его деспотизмом есть.

Если можно склонить Америку, то надо ей представлять интервенцию иначе: она возражала против пользования Россией для продолжения войны, она *служит* России (формула Вильсона). Сейчас надо ставить военную оккупацию – сопровождением *всякой* реальной помощи (кормление Петрограда). Большевики – в последней стадии – люди ходят в театр, ходят трамваи: это действует после шаржа. Crosly не хотел слышать об интервенции: унизительно, вы справитесь сами, вы преувеличиваете. 3-я и 4-я категории: «дурная администрация». Этого не м[ожет] б[ыть], ч[то]бы целая страна не организовалась. На чем держится большевизм? Я объяснял – накопленными богатствами. Все просили денег: рубль стоит дороже франка. Надо убить рубль. – Англичане. Разговор с Мильнером – и за интервенцию. Бальфур нехорошо относится к России. Боюсь, что англичане поставили на России крест: мы заберем побольше. Клемансо не простил нам и Румынии; – у англичан есть друзья в прессе («Times»[572], Steed[573]: не бойтесь федерации – связи окрепнут). У других есть т[очка] зр[ения] циническая: мы никак[ими] способами не м[ожем] воспрепятствовать тому, что вы с немцами сдружитесь. Нам невыгодно вас усиливать. Или: вам нельзя помочь; искусств[енный] остов развалился, все тянет врозь; вы нам не интересны: интереснее окраины. У французов этого нет**. Американцы: вы сильная нация, вы оправитесь; мы вам поможем, но стрелять в вашего мужика не будем.

Решено, прежде чем принимать решение, посоветоваться с М.Н. Гирсом.

---

* солдаты (франц.).

** было ужасающее разочарование. Мы слишком поддерживали бодрость. Рассчитывали на религиозный подъем. Создалось настроение, к[ото]рое не забывается и переносится с отдельных мер на Россию. Vous nous avez fait cocu [франц.: Вы обманули нас – *Ред.*] (Clemenceau). Не платит денег. Два раза заплатило правительство, на 3-й раз не заплатили: значит, вы безнадежны – нас обманывали; экипаж «Злато», не признающий Брест[ского] мира – и отказывающийся выступить. <1 нрзбр.> действит[ельно] прекрасный. Добровольцев нашлось неск[олько] сот человек. Geoffre говорил о России в Академии (Гурко – 2 слова). – *Прим. авт.*

7–20 декабря

С утра я приглашаю Гирса на 10½ часов. Излагаю ему положение и совет Маклакова, к которому лично присоединяюсь. Гирс настаивает на том, что этот совет самый благоразумный. Действительно, союзники в начале большевизма и в с[е]редине года возлагали все надежды на Милюкова и многократно говорили: дайте нам Милюкова, мы составим правительство и поставим его во главе. Я тогда всюду телеграфировал, но Милюкова не нашли. Теперь на М[илюкова] смотрят как на предателя дела союзников и относятся к нему настолько резко, что нельзя рассчитывать на скорое изменение этого отношения. Напротив, относительно других можно устроить, м[ожет] б[ыть] даже скорее недели, если теперь все уедут в Лондон. Отделять Милюкова нельзя – ради достоинства самой делегации. Но он должен в Лондоне отойти от делегации и вести себя как частное лицо. При этом условии делегация может сыграть огромную роль. Мы преследуем теперь две задачи: военную помощь и признание русского правительства. Все остальное – второстепенно по отношению к этому. Относительно помощи уже получили согласие и уже начинается действие. Относительно признания правительства – труднее. Америка относится очень осторожно к признанию, не желая вмешиваться во внутр[енние] дела. Были на волос от признания Уфим[ского] правительства, но переворот Колчака опять сбил с толку. Было бы лучше всего, если бы мы помогли им для сближения Колчака с Деникиным. Тут Титов возражает, что Колчак себе испортил положение здесь, что стал обвинять директорию в сношениях с большевиками, в чем она совершенно неповинна. Пока же выяснится этот вопрос, левые организации не могут поддерживать Колчака. У Титова утром был Рубанович[574], который сообщил ему эти новости о Колчаке. Гирс настойчиво заявляет, что время не терпит, что на все такого рода нарушения необходимо смотреть сквозь пальцы, как в сущности и делают союзники. Перед организациями Титов может взять ответственность за самоличное разрешение вопроса, который приходится решать немедленно, сообразно местным сведениям, которых не имеют в России.

Гирс уходит. Возвращаемся к вопросу об отъезде, и Гурко выдвигает новый вариант. *Если* вообще со мной надо расстаться, то необходимо сделать это теперь же, в Париже, чтобы в Лондон приехать одним. Иначе все превратится в комедию и я опять буду заслонять всех своей личностью, а комиссию будут продолжать считать комиссией Милюкова. Титов возражает, предлагая такую «комбинацию»: я еду отдельно, вперед, и не фигурирую в Лондоне как член делегации, но участвую в ее внутренних разговорах. Гурко резко возражает

против. Третьяков начинает колебаться и переходит на его сторону: потом отзывает в коридор Шебеко, который только что говорил о невозможности расстаться со мной. Шебеко тоже начинает склоняться на их сторону. Наконец, кто-то предлагает, – и я поддерживаю мысль, чтобы обсудить вопрос без меня. Я говорю, что хотя решение в смысле поездки вместе меня лично лучше устраивает, являясь менее трудным переходом, но все-таки я заранее подчиняюсь всякому решению. Через неск[олько] времени приходят в читальную Третьяков и Кровопусков, Титов, которые сообщают, что решено, чтобы я немедленно отделился от делегации и уехал назад. Конечно, мне такое жестокое и ненужное решение очень тяжело, но я не подаю вида и соглашаюсь.

Приходит Маклаков, который сразу не верит, что окончательно состоялось такое решение, и очень рад ему, видимо. Спрашивает, может ли написать о нем Пишону, и прибавляет, что опасается, как бы из Мин[истерства] ин[остранных] дел не запросили его, что сделано для нашего отъезда. Действительно, он пишет Пишону в 3 ч[ас]., получает вопрос, где наши паспорта *для визы*.

Я в $3^1/_2$ ч[ас]. иду к Jiwen'ам, застаю M-me одну, ласковый прием и запоздалый завтрак. Высказывает уверенность, что если я сносился с германцами, – значит так надо было для России. Рассказываю ей факты, сообщаю, что уезжаю, чтобы освободить комиссию. Она негодует, что я сдаюсь без боя. Для *будущего* я не должен этого делать. Но опровержение в печати неудобны. Лучше собрать несколько интеллигентных критиков, вроде Th. Bainwille, и вступить с ними в идейный контакт. Эти идеи M-me Jiwen. Я не возражаю, если это будет сделано немедленно.

Вечером опаздываю вернуться (покупки в Londre). Наши уже в посольстве, куда приглашены пообедовать с Гирсом. Иду туда. За обедом рядом с Маклаковым – сообщает интересные факты о претензиях народностей. Он настаивал перед Clemenceau, чтобы определение отношений было предоставлено ходу событий – иначе непременно придется определять их двухсторонне, путем соглашения, а не по-моему.

Финляндцы переменили курс и готовы признать связь. То же эстонцы, которые одни и перестали ходить к нему. Вопросов кавказских, видимо, не знает. Кубань здесь отгораживает независимость вилайетов от вопроса о присоединении русских армян (я привел справку о мнении константинопольских армян). Грузия не будет признана. Продолжает настаивать на том, ч[то]б[ы] конференция оставила вопросы открытыми: иначе усилившаяся Россия не признает решений. Конгресс народностей в Швейцарии провалился. Приехали только трое под председательством Габриса. Сперва было союзники задумывали

воспользоваться этим конгрессом, чтобы провести на нем мысль о федерации русских народностей. Потом – бросили.

Беседа a parté* с Гирсом. Он рассказывает о претензиях поляков на части Ковенской губернии. Местные писатели помогают: Бойе поддерживает поляков (возился с Керенским), и René Pinon[575] защищает унию поляков с Литвой. Белорусов прямо готовы отдать полякам. Италия предъявляет большие требования и ссорится с французами. Он надеется, что Фиум не будет итальянским. Но, с другой стороны, славяне претендуют на Триест. Французы чрезвычайно сочувствуют югославянам. Подробно расспрашивает меня о Сибири, о большевиках, о Добров[ольческой] армии, о судьбе государя и семьи. Спрашивает мое мнение о монархии. Читал мое письмо Маклакову из Ясс (полученное только дня четыре назад).

Гирс и Маклаков едут на прием греческого короля. Белая жилетка Маклакова топорщится и лезет вверх; заменяет черной. Видно, что эти торжественные приемы для него не часты.

За обедом Маклаков прочел важную телеграмму, присланную ему для сведения Демидовым. Деникин (Сазонов) посылает Демидову для передачи Колчаку сообщение, что он *признает верховную власть*, принятую Колчаком, с условием, что Колчак признает политическую и военную программу Добровольческой армии: т. е. борьбу с большевиками и объединение России, с отсрочкой вопроса о форме правления до будущего момента.

Спор о том, *какую* «верховную» власть признает Деникин: местную или всероссийскую. Мне кажется, что в последнем смысле; но другие думают иначе.

По дороге в отель Титов предлагает мне ехать в Америку. Говорю ему, что я не могу этого сделать, если мне нельзя даже здесь видеться с Вильсоном.

8–21 декабря

С утра приходит Васильев, бывший корреспондент «Правит[ельственного] вестника»[576], и рассказывает про союз патриотов, в котором председательствует ген[ерал] Гурко. И про «Лигу», в которую отошли Извольский, Неклюдов[577] с Мандельштамом и Рафаловичем[578] (?). Изв[ольский] и Нек[людов] нуждаются в деньгах и поэтому находятся в зависимости от банкиров. Маклаков сперва высказался за конст[итуционную] монархию, потом стал уклончив, в особенности, когда не знал, как примут здесь Керенского. Керенский

---

* уединенная беседа (франц.).

его возмутил, назначив свидание с журналистами в р[усском] посольстве. Жалуется, что в посольстве служат [э]с[е]ры.

Приходит Williams[579] и настаивает на том, ч[то]б[ы] я поехал немедленно (в понедельник, т. е. послезавтра) в Англию. У него есть сведения (после разговора с Seton Watson[580] и с Steed'ом), что мне надо уезжать скорее. В Англии я буду сперва как частный человек, потом – посмотрим. Я соглашаюсь.

Приходит Petit[581] и, выслушав мой рассказ, убеждает меня написать записку, в которой изложить la vérité vraie* относительно истории с моей «ориентацией». Не для печати, а для распространения в кругах лиц, более близких и осведомленных. Соглашаюсь.

В 6 ч[ас]. у Маклакова, более подробная беседа о разных вопросах, связанных с конференцией. Он, очевидно, ищет у меня мотивов для аргументации по вопросам, связанным с интервенцией и с конгрессом. Передаю ему мои опасения относительно Закавказья.

Вечером у Jiwen'ов, у которых остаюсь ночевать. Ночью и рано утром пишу записку для Petit. Jiwen советует напечатать ее также в к[аком-]н[ибудь] серьезном органе, ибо иначе могут случайно попасть в печать отрывки в неблагоприятном освещении.

9–22 декабря

Копия записки

Les journaux ont beaucoup parlé récemment de M. Milioukov, l'ancien ministre des affaires étrangères du gouvernement provisoire, qui se rendait en «mission» dans les pays alliés. On connait ici très peu les choses russes, et nous nons sommes adressés à M. Milioukov, de passage à Paris pour Londres, pour apprendre de lui-même, les faits et les preuves de la prétendue «trahison». Voici, en substance, ce que M. Milioukov a répondu à nos questions.

Il n'est pas allé à Berlin, comme des certains journaux ont prétendu à savoir. Il n'a pas donné an «Berliner Tageblatt» l'entrevue, dont le contenu il ne connait pas. Il ne s'est pas adressé aux allemands pour leur faire des propositions ou demander des services. C'est, au contraire, les allemands eux-mêmes, qui, de leur propre initiative, sont venus le voir à Kiev, où il s'etait installé depuis l'arrivée des allemands dans la région de Don, où il avait habité auparavant.

---

* истинную правду (франц.).

M. Milioukov a eu trois entrevues avec les allemands. La première et la troisième a eu lieu avec un officier subalterne du service de renseignement politique auprès de commandement militaire allemand. Cet officier a voulu s'informer préalablement, dans une conversation «non-obligatoire» (unverbindlich) de vues de M. Milioukov sur les rapports possibles entre les deux pays. M. Milioukov lui a répondu qu' avant de parler des relations futures quelconques il fallait réparer les grands torts qui avaient été commis par l'Allemagne contre la Russie. Le traité de Brest-Litovsk doit être annulé, disait-il; l'unité de la Russie doit être reconstituée et les ébauches d'états artificiels érigés sur les frontières de la Russie sous la protection allemande doivent être prives de leur indépendance. Les bolcheviks, au lieu d'être secourus par l'Allemagne, doivent être combattus et il ne doit y avoir plus d'obstacles pour l'envoi des officiers et des recrues dans l'armée volontaires du général Dénikine.

Dans quelques semaines l'officier allemand revint. Il semblait avoir reçu cette fois-ci sans les avances la réponse de Berlin. Non, on ne voulait rien entendre sur l'annulation du traité de Brest. Quant aux états indépendants de la frontière, l'interlocuteur proposait à M. Milioukov de la rencontrer à «mi-chemin» entamer la conversation de l'Ukraine, sans toucher aux «états de la frontière, les "Randstaaten"». M. Milioukov a repondu qu' en ce cas c' était inutile de prolonger la conversation.

Entre ces deux entrevues avec le représentant du commandemant qui avaient lieu le 21 juin et le 10 juillet, M. de Mumm, le diplomate officiel auprès de l'Ukraine, est revenu de Berlin. Il voulait aussi voir M. Milioukov et l'a demandé de venir chez lui avec un ami de M. Milioukov. La conversation, en présence d' un témoin de la part de M. Mumm, a été très sommaire, et le seul usage que M. Mumm en a fait, était de dire à hetman, le lendemain même, que M. Milioukov doit être renvoyé de Kiev, puisqu' il ne reconnaissait pas l'indépendance de l'Ukraine et qu'il, <1 нрзбр.> la propagande contre le général Skoropadsky. Sans s'attendre à des sommation plus formelles, pour quelques semaines.

Nous avons demandé à M. Milioukov, si c'était vrai, que son parti n'était pas d'accord avec lui et que même il a été exclus de son parti, les «cadets».

M. Milioukov nous a assuré, que rien n'est changé dans ses rélations avec le parti. C'est vrai, qu'il y avait um divergence de vues sur les

questions de tactique, dans les situation de la Russie du Nord et celle de Sud. Les allemands sont devenus maitres de la situation à Kiev et à Rostov; en même temps, à la fin du mois de mai, l'armée volontaire revenait de sa campaque héroïque d'Ekaterinodar, qui lui a compté la vie du général Korniloff. C'est alors aussi que les kozaks des Don se sont révoltés contre la domination bolchéviste et ont élu leur «ataman», général Krasnov. M. Milioukov y voyait un commencement de la reconstruction de l'État russe et il conçut alors l'idée d'une action commune de ces trois organisations, celle de l'Ukrains, de Don et de l' armée volontaire, contre le siège bolchévists, qui était Moscou. Il espérait ainsi à arriver avant la fin de la querre à la reconstruction de l'unité de l'état de la Russie, dont les représentants ne pouvaient étre absents, à la conférence de la paix. Pour que ce plan réussisse, une neutralité bienveillante des allemands était nécessaire aussi qu'un accord entre le en général Alexéev, Krasnov et Skoropadsky. L'opération contre les bolchéviks était beaucoup plus facile à ce temps-là, au mois de juin-juillet, puisqu'il n'y avait pas encore de l'armée rouge et la seule force armée des bolchéviks était toujours leur garde prétorienne des lettons et des chinois. Pour éclaircir la possibilité de la réalisation du plus mentionné, M. Milioukov est entré dans une correspondance avec le général Alexeieff; il a persuadé le général Krasnov à [повреждение текста] dans sa déclaration d'indépendance cette clause: «jusqu'à ce que l'unité de la Russie ne soit reconstituée en une forme quelconque». Puis M. Milioukov est allé à Kiev, on il a trouvé un état des choses plus compliqué. Poussé par les allemands et les autrichiens, l'hetman défendait la thèse officielle de l'indépendance de l'Ukraine et il nourrissait l'espoir d'en devenir le chef héréditaire. Pourtant, il ne s'associait pas à l'idée de «ukrainiser» l'Ukraine et tous les efforts des éléments nationalistes ukrainiens outrés, ou Petlura et du Vinnitchenko, ont été paralysés par la présence dans le ministère ukrainien des membres du parti cadet. En venant de Ukraine, M. Milioukov a trouvé ce cabinet tout fait, mais il a approuvé et défendu ce fait accompli, vu la nécessité de mettre les limites au mouvement séparatiste ukrainien, fomenté par les allemands et les autrichiens.

Le point de vue du comité central cadet résidant à Moscou était très différent sur toutes ces questions du sud de la Russie. Dans leur conférence de 15 (28) mai ils out statué qu'aucun membre du parti cadet ne

devait devenir membre du ministère dans les pays occupés, ni entrer en communication avec l'ennemi. Mais au Sud de la Russie l'ennemi était là, présent, et le parti ne pouvait, ni ne devait s'effacer et rester passive en face de son action dissolvante.

Quant au plan de la prise de Moscou le comité central avait ses vues et ses espérances à lui, basées sur ses pourparlers avec les alliés au sujet de la reconstruction du «front Est» et de l'intervention japonaise. M. Milioukov ne partageait pas ces espérances, parce qui'il pensait que le «front Est» ne pourrait être reconstruit avant les printemps 1919 et que la guerre pourrait bien fi[nir] avant cette saison, laiss[ant] la Russie divisé et faible. Le temps pressait, et il fallait chercher les moyens d'action immédiate, pour servir à la reconstruction de la Russie. Cette reconstruction devait être utile pour les alliés mêmes, si la guerre se prolongeait.

Est-ce vrai, demandions nous à M. Milioukov, qu'à un congrès du parti vous avez avoué votre faute?

Oui, c'est vrai. Il y a plus de deux mois, il y avait un congrès du parti à Ekaterinodar, et M. Milioukov s'y est rendu, comme membre du comité central et comme déléqué du parti en Ukraine. M. Vinaver y a fait un rapport sur la situation internationale et M. Milioukov dans un long discours défendait toutes les thèses de ce rapport, en commençant sa défense par cet <aveu>, qui il était heureux de s'être trompé sur la situation et de pouvoir rentrer dans l'harmonie complète entre son action personnelle et ses vues sur la guerre qu' il défendait toujours. Dès lors toutes les divergences de vues dans le parti ce sont aplanies et l'unité de la tactique dans les questions internationales fut retrouvée.

On était d'accord que l'ouverture des détroits et l'accès facile à la Mer Noire ont entièrement changé la situation et ont transféré le centre d'action politique des régions éloignées de Mourman[sk], Arkhangelsk et Vladivostok au centre même des richesses nationales, dans la Russie de sud et dans la sphère d'action de l'armée volontaire du général Dénikine.

Voila la «trahison» de M. Milioukov. Il nous a dit d'avoir agi, comme patriote russe, mais en même temps il nous a assuré qu'il ne s'est engagé en rien au détriment des alliés dans ses trois conversations avec les allemands, – qu'il restait ce qu' il avait toujours été – ,partisan sincère et convaincu de notre alliance et un «jusqu'au-boutiste» à outrance, qui ne perdait jamais, même dans les circonstances les plus difficiles, la ferme croyance en une victoire finale des alliées. On semble avoir ici la mé-

moire courte, nous disait'il, autrement on se souviendrait, certes, qu'il avait été le premier à démasquer les tendances antialliées des ministres du czar, que c'était lui qui, le 19 novembre 1917, avait donné le signal d'alarme, qu'en commencement de la révolution, dont les sens il avait vu dans il poursuite plus énérgique de la guerre, que jamais, il s'est mis à la garde de la loyauté complète envers les alliés de la démocratie inexpérimentée et qu'enfin, il a démissionné au moment ou il ne pouvait plus partager la responsabilité pour la propagande, désormais officielle, de cette paix dite «démocratique», qui devait aboutir, comme le prévoyait dès lors, à la victoire bolchéviste et à une paix séparée.

Nous avons demandé M. Milioukov de vouloir bien nous dire, ce qu'il faisait depuis sa démission.

M. Milioukov a répondu que jusqu'au coup d'état bolcheviste il était resté à Petrograde en prévenant l'opinion publique pas ses discours, par ses articles des journaux, par ses pamphlets politiques du danger allemand et Zimmervaldiens[582], en luttant contre l'indecision et l'inactivité des éléments socialistes modérés vers le danger bolcheviste, contre le vertiage inutile de M. Kerensky. Il demandait un gouvernement fort, qui pourrait sauver la révolution des conséquences funestes de ses exagérations et arrêter net la propagande allemande dans l'armée et au milieu de la population allogène. C'est pour qu'il a donné son appui moral au général Korniloff, sans prendre part toutefois à son action, qui se préparait dans l'intimité de quelques amis malhabiles.

Le jour même du coup d'état bolchéviste, M. Milioukov a quitté Petrograde. Après deux semaines d'arrêt à Moscou, où il assistait à la victoire bolcheviste, due aux mêmes facteurs politiques, dont il condamnaint à Petrograde le double jeu, il est allé à Rostov, dans la région de Don, où tout ce qui restait fidèle à l'idée de la poursuite de la guerre se rassemblait deja. Depuis novembre 1917 jusqu'au février 1918 M. Milioukov a pris part dans l'organisation de l'armée volontaire, comme membre d'un comité d'hommes politiques auprès du général Alexéiev. Quand cette armée très peu nombreuse à ce temps-là a du céder à la supériorité numérique du armées bolchéviks guidées par les prisonniers allemands et autrichiens et s'en est allée du Rostov pour sa première expédition vers Ekaterinodar (Noulan), M. Milioukov s'est trouvé obligé à se cacher dans une petite ville Nakhitchévan, tout près de Rostov, et il y a passé tout le temps (février-mai) avant l'arrivée des allemands, le re-

tour de l'armée volontaire et la révolte des kozaks de Don contre leurs bolcheviks. Il a écrit pendant ce sejour involontaire la premier volume de l'histoire de la révolution russe, qu'il publie maintenant à Kiev. Dans cette histoire il fait parler les faits et il croit qu'ils prouvent la vérité de ses prévisions. Après son arrivée à Kiev (commencement juin) M. Milioukov s'occupait surtout de l'organisation des groupements politiques qui pourraient représenter un front large de l'opinion publique nationale vis-à-vis les alliés. Il a été élu vice-président de deux de ces groupements, celui du «Centre national» – le même qui à Moscou menait les pourparlers avec les alliés au sujet de l'intervention en Sibérie et au Nord – et celui du «Conseil pour le rétablissement de l'Ètat de la Russie», qui, à lui seul, unit sept groupements séparés (перечисление).

Tout récemment M. Milioukov a été invité par un comité d'initiative auprès les représentants des pouvoirs alliés à Jassy de s'y rendre pour donner son avis sur la situation présente dans la Russie. Cette invitation personnelle fut confirmée par l'élection de deux groupements mentionnés, et M. Milioukov est devenu membre de cette mission russe à Jassy, où un troisième groupement, «l'Union pour la Renaissance de la Russie» prit part aussi, représentants l'aile gauche de l'opinion publique russe (les cadets de la gauche et les socialistes). Le but de la mission était de démonstrer le danger imminent bolcheviste, qui menaçait toute la Russie méridionale après le départ des allemands, et de demander un secours immédiat, qui ne pouvait étre donné, qu' à la suite d'une décision des gouvernements alliés en faveur de cette nouvelle «intervention», qui devrait maintenant porter un autre nom du «secours» ou de «l'aide» à un allié qui a le plus souffert et les plus sacrifié dans la lutte commune. C'est pourquoi la mission s'est décidé d'envoyer une délégation pour Rome, Paris et Londres, et l'envoyer imméditement, sans entrer en pourparlers préalables avec les gouvernements respectifs*.

---

* Недавно газеты много говорили о г. Милюкове, бывшем министре иностранных дел Временного правительства, который отправился с «миссией» в страны-союзники. Здесь мало что известно о русских делах, и мы обратились к г. Милюкову во время его переезда из Парижа в Лондон, чтобы от него самого узнать факты и свидетельства его так называемого предательства. И вот мы передаем вам то, что нам ответил г. Милюков на наши вопросы.

Он не ездил в Берлин, как предполагают некоторые газеты. Он лишь дал интервью «Berliner Tageblatt», содержание которого было ему неизвестно. Он не обращался к немцам со своими предложениями или с просьбой об услугах. Напротив, сами немцы по их собственной инициативе приехали для встречи с ним в Ки-

ев, где он в это время обосновался, с момента прихода немцев в район Дона. Милюков имел три встречи с немцами. Первая и третья происходили с младшим офицером службы политической разведки при германском военном командовании. Этот офицер хотел провести предварительные, ни к чему не обязывающие, переговоры с целью получить представление о взглядах Милюкова относительно возможных контактов между двумя странами. Г. Милюков ответил ему, что прежде чем говорить о каких-либо будущих отношениях, нужно сначала возместить тот ущерб, который нанесла Германия России.

Брестский мир, сказал он, должен быть аннулирован; восстановлена целостность России и ликвидированы искусственно созданные на ее окраинах государственные образования, существующие при поддержке Германии. Большевики, которые тоже пользуются поддержкой Германии, должны быть разбиты, и следует устранить препятствия для отправки офицеров и рекрутов в Добровольческую армию генерала Деникина.

Через несколько недель германский офицер возобновил эти переговоры, но казалось, что на этот раз он получил ответ из Берлина без каких-либо обещаний. Там не хотели ничего слышать об аннулировании Брестского договора. Что же касается независимых государств на окраинах, то собеседник предложил Милюкову встретиться на полпути и начать переговоры об Украине, не касаясь вопроса о «государствах на окраинах». Г. Милюков ответил, что в этом случае бесполезно продолжать разговор. Между двумя этими встречами с представителями военного командования, которые происходили 21 июня и 10 июля, г. фон Мумм – официальный дипломатический представитель, аккредитованный на Украине, вернулся из Берлина. Он также хотел видеть г. Милюкова и попросил у него разрешения прийти к нему с неким другом г. Милюкова. Переговоры в присутствии спутника г. Мумма были краткими, и единственная польза, которую извлек г. Мумм, состояла в том, что был разговор с гетманом на следующий день по поводу того, чтобы Милюков покинул Киев, поскольку он не признал независимость Украины и [вел] пропаганду против генерала Скоропадского. Не дожидаясь официальных предписаний, г. Милюков покинул Киев на несколько недель. Мы спросили у г. Милюкова, правда ли, что его партия не согласна с ним и что он даже исключен из партии кадетов. Г. Милюков заверил нас, что ничего не изменилось в его отношениях с партией. Действительно, у них есть отдельные разногласия по отдельным тактическим вопросам, вызванные большими различиями в положении на севере и юге России. Немцы стали хозяевами положения на территории в районе Киева и Ростова; в то же время к концу мая Добровольческая армия вернулась из своего героического похода на Екатеринодар, который стоил ей жизни генерала Корнилова. В это же время донские казаки восстали против большевистского господства и избрали своим атаманом генерала Краснова. Г. Милюков увидел в этом процессе начало восстановления российского государства, и у него возникла идея совместных действий этих трех сил, т. е. Украины, Дона и Добровольческой армии против большевистского оплота, каковым являлась Москва. Он надеялся, что еще до конца войны произойдет восстановление единого российского государства, представители которого не должны отсутствовать на мирной конференции. Для достижения этого плана необходимы были как дружеский нейтралитет немцев, так и предварительное соглашение между генералами Алексеевым, Красновым и Скоропадским. Операция против большевиков была бы намного легче

именно в это время, т. е. с мая по июнь–июль, поскольку к этому времени у большевиков еще не было Красной армии и единственной их вооруженной силой была их преторианская гвардия, состоящая из латышей и китайцев. Чтобы разъяснить возможность осуществления задуманного плана, г. Милюков вступил в переписку с генералом Алексеевым; он убедил генерала Краснова [включить] в декларацию следующую статью договора: «До тех пор пока единство России не будет восстановлено в какой-либо форме».

Потом г. Милюков отправился в Киев, где он столкнулся с еще более сложной ситуацией. Подстрекаемый немцами и австрийцами, гетман отстаивал официальную точку зрения о независимости Украины и питал надежду стать наследным правителем. Однако он не разделял идею украинизации Украины. И все усилия крайних националистических элементов от Петлюры до Винниченко были сведены на нет присутствующими в украинском кабинете членами кадетской партии. Прибыв на Украину, Милюков нашел уже сформировавшийся кабинет; он одобрил и поддержал действия по его созданию, исходя из необходимости ограничить движение украинских сепаратистов, поддерживаемых и подстрекаемых немцами и австрийцами. Центральный комитет кадетской партии, находящийся в Москве, имел совершенно отличную точку зрения относительно положения дел на юге России. В соответствии с постановлением, принятым на их конференции, состоявшейся 15–28 мая, ни один член кадетской партии не мог ни стать членом правительства, созданного на оккупированной территории, ни войти в контакт с врагами. Но на юге России враг уже был, и невозможно было самоустраниться и оставаться пассивным в отношении его разрушающих действий. Что касается планов взятия Москвы, то Центральный комитет имел по этому поводу собственные взгляды и связывал свои надежды с переговорами с союзниками по поводу возобновления действий на Восточном фронте, а также с началом японской интервенции. Г. Милюков не разделял этих надежд, поскольку считал, что фронт не будет открыт до весны 1919 года и что война вполне могла закончиться и до этого времени, оставив Россию расчлененной и обессиленной, и нужно было срочно приступить к действиям, способным осуществить восстановление России. Это восстановление было выгодно и самим союзникам.

– Правда ли, что на съезде партии Вы признали свою ошибку?

– Да, это правда. Более двух месяцев назад в Екатеринодаре состоялось совещание партии, и Милюков отправился туда в качестве члена Центрального комитета и как представитель украинских кадетов. Г. Винавер сделал доклад по международному положению, и г. Милюков во время длительной дискуссии поддержал все положения этого доклада, сказав, что он счастлив признать ошибочность оценки ситуации и вновь обрести консенсус между своими действиями и взглядами по вопросам войны, которые он всегда отстаивал. С этого момента были устранены партийные разногласия и выработана единая тактика по вопросу о международном положении. Сошлись на том, что начало разрушительных [военных] действий и свободный проход к Черному морю полностью изменили ситуацию и перенесли центр тяжести политической борьбы из отдаленных районов, т. е. Мурманска, Архангельска и Владивостока в самое сердце национальных богатств – на юг России, а также на территорию действия Добровольческой армии генерала Деникина.

Вот в этом и было предательство Милюкова. Он заявил нам, что действовал как русский патриот, убеждая нас в то же время, что в ходе троекратных переговоров с немцами ни в чем не нанес ущерба интересам союзников и оставался, каковым он всегда и был, искренним и убежденным сторонником нашего союза, придерживаясь радикальных взглядов и не теряя ни при каких, даже самых неблагоприятных, обстоятельствах твердую веру в окончательную победу союзников. Он заявил также, что здесь, вероятно, обладают короткой памятью, иначе бы, безусловно, вспомнили, что именно он был первым, кто изобличил антисоюзнические настроения царских министров, что это он 14 ноября 1916 г. поднял тревогу по поводу начинающейся революции, связав [начало революционного процесса] с активизацией военных действий. А в январе [1917 г.] он предостерегал от [упорствования] в сохранении верности союзническому долгу и приверженности незрелой, находящейся в процессе становления, [российской] демократии, и, наконец, он ушел в отставку в момент, когда уже не мог больше разделять ответственность за ставшую уже официальной пропаганду так называемого «демократического» мира, который должен был, как он и предвидел, привести к победе большевиков и сепаратному миру.

– Мы спросили г. Милюкова, что он делал со времени своей отставки.

– Г. Милюков ответил, что до большевистского переворота он оставался в Петрограде и оказывал влияние на общественное мнение своими выступлениями, публикациями статей в газетах, своими политическими памфлетами о немецкой опасности и циммервальдцах, борясь с нерешительностью и пассивностью части умеренных социалистов в отношении большевистской угрозы, против пустых разглагольствований г. Керенского. Он обращался с настоятельными требованиями к правительству, которое могло спасти революцию от ужасных последствий ее углубления и немедленно, решительно пресечь немецкую пропаганду в армии и среди инородцев. Именно поэтому он оказал моральную поддержку генералу Корнилову, не принимая, однако, участия в его военных действиях, которые он подготавливал в тесном кругу не очень сведущих людей.

В день большевистского переворота он покинул Петроград. После двухнедельной остановки в Москве, где он стал свидетелем победы большевиков (обусловленной политическими факторами), двойную игру которых он осудил еще в Петрограде, он уехал в Ростов-на-Дону, где собирались все те, кто оставался сторонниками продолжения военных действий. С ноября 1917 г. до февраля 1918 г. Милюков принимал участие в организации Добровольческой армии в качестве члена Совета общественных деятелей при генерале Алексееве. И когда эта армия, еще столь малочисленная в то время и значительно уступавшая по масштабу большевистской армии, [действовавшей] под руководством пленных немцев и австрийцев, выступила в свой первый поход на Екатеринодар, Милюков был вынужден укрыться в небольшом городке Нахичевань, близ Ростова, где он и провел весь срок (с февраля по май), до прихода немцев, возвращения Добровольческой армии и восстания донских казаков против большевистской власти. Во время вынужденного затворничества Милюков написал первый том своей «Истории русской революции», которая теперь опубликована в Киеве. В этой исторической работе он заставил заговорить факты, которые доказали справедливость его предвидений. По приезде в Киев (в начале июня) главным образом занимался организацией политических группировок, которые могли бы представлять собой широкой

(Продолжение предыд[ущей] книжки)

Газетная кампания против меня открывается по поводу следующей телеграммы «Рейтера» из *Лондона*, через который, как предполагалось, я должен был проехать. Вырезка сделана из «Le Temps»[583], 23 décembre.

Les Alliés et la Russie
Londres, 22 décembre

L'agence «Reuter» tient de source britannique autorisée que les alliés examinent à fond en ce moment toute la question de la Russie. Néanmoins, aucun projet n'a été formulé, et rien ne peut être arrêté avant qu'on ait eu l'occasion de discuter avec le président Wilson.

On se rend parfaitement compte partout que le problème de la Russie est des plus urgents et des plus importants, et on espère qu'il sera possible de le discuter pendant le séjour de M. Wilson à Londres, afin de prendre promptement des mesures.

La note de l'agence «Reuter» expose ensuite que l'armée bolcheviste est moins nombreuse qu'on ne l'a dit, et elle fait allusion aux divers gouvernements antibolchevistes qui existent dans le sud de la Russie. Elle ajoute:

Un des facteurs satisfaisants est aussi l'arrivée à Londres et à Paris de nombreuses personnalités russes éminentes, appartenant à tous les

---

фронт общественного мнения, противопоставляющего национальные интересы союзническим. Он был избран заместителем председателя двух из этих группировок. Одна – от Национального центра, который в Москве вел переговоры с союзниками на предмет интервенции в Сибирь и на север России. Другая – Совет государственного объединения России, который объединил под своей эгидой семь разрозненных группировок (перечисление).

Совсем недавно Милюков был приглашен инициативным комитетом при представителях государств Антанты в Яссы, куда он отправился с тем, чтобы изложить свою точку зрения по поводу ситуации в России в настоящее время. Он был персонально приглашен как представитель этих двух упомянутых группировок, избранных союзниками для переговоров в Яссах, в которых приняла участие и третья организация – Союз возрождения России – представляющая собой левое крыло русской общественной мысли (левые кадеты и социалисты). Цель русской делегации состояла в том, чтобы показать неминуемую опасность установления советской власти, угрожающую всей южной России после ухода с ее территории немцев, и требовать безотлагательной помощи, которая могла бы быть оказана только по решению союзнических правительств начать интервенцию, придав ей, однако, статус «помощи» своему союзнику, наиболее пострадавшему и понесшему значительные жертвы в ходе общей борьбы. Вот почему конференция приняла решение послать делегацию в Рим, Париж и Лондон и отправить ее немедленно, предварительно не оговаривая это с союзническими правительствами.

partis, qui nous sont restées fidèles et qui se sont donné pour tâche de créer un organisme qui s'attachera à résoudre le problème bolcheviste et se mettra à la disposition de la conférence de la paix à cet effet.

Le prince Lvof, ancien premier ministre de Russie en 1917, a quitté Londres aujourd'hui pour Paris, accompagné du baron Korf, vice-gouverneur de la Finlande, et de M.Viroubof, membre enfluent du zemstvo.

M. Kokovtzof, autre ancien premier ministre de Russie, et M. Milioukof, ancien ministre des affaires étrangères sont également partis pour Paris.

La nouvelle vient de parvenir que M. Struve, économiste russe éminent, a réussi à s'échapper en Finlande, d'où il repartira pour Londres.

On annonce également que M. Savinkof, le révolutionnaire bien connu, qui, à ce qu'on pense, se trouvait en Chine, fait route pour l'Europe, et l'on croit qu'il arrivera prochainement à Paris. Les Russes influents qui se trouvaient à Londres ont eu un échange de vues avec les principaux hommes d'Etat anglais.

[Une légère contradiction semble s'être glissée dans un passage de la note ci-dessus. Il y est fait mention de M. Milioukof parmi les personnalités «qui nous sont restées fidèles». Or, il est de notoriété publigue que M. Milioukof a approuvé les membres ukrainiens du parti cadet qui s'étaient ralliés à l'Allemagne. On peut relire à ce sujet, dans le «Temps» du 11 semptembre dernier, la lettre de notre envoyé spécial qui est intitulée «l'Erreur de M. Milioukof». On y trouvera des extraits d'une déclaration publiée par M. Milioukof dans le *«Vetcherpi Tchars»*. L'ancien ministre des affaires étrangères déclarait que l'attitude des cadets ukrainiens «se justifie par la nécessité de réagir d'une façon rationnelle sur des événements qui se sont produits en dehors de notre volonté».]*

---

* «Тан», 23 декабря

Союзники и Россия

Лондон, 22 декабря

Агентство «Рейтер», ссылаясь на авторитетные британские источники, заявляет, что страны-союзники в настоящий момент глубоко изучают российский вопрос. Тем не менее не сформулирован еще ни один из проектов и не может быть сформулировано ни одно постановление, пока не представится возможность обсудить его с президентом Вильсоном. Повсюду делают заявления о том, что российская проблема наиболее острая и требующая незамедлительных решений, и выражается надежда, что ее можно будет обсудить во время пребывания г. Вильсона в Лондоне, прежде чем принимать какие-либо меры. В заявлении агентства

Газеты 23 décembre комментируют эту телеграмму, видимо, получивши указания на факты, которые широкой публике не могли быть известны.

Следуют вырезки из газет 23 décembre.

«Le Matin»[584]
23 décembre
Le prince Lvoff, ancien premier ministre de Russie en 1917, a quitté Londres aujourd'hui pour Paris, accompagné du baron Korff, vice-gouverneur de la Finlande, et de M. Virouboff, membre influent du zemstvo.

M.M. Kokovtzoff, autre ancien premier ministre de Russie, et Milioukoff, ancien ministre des affaires étrangères sont également partis pour Paris.

«Рейтер» говорится далее, что большевистская армия менее многочисленна, чем считалось, и одновременно указывается на наличие нескольких антибольшевистских правительств, существующих на юге России. Далее продолжается: одним из благоприятных факторов может считаться приезд в Лондон и Париж многочисленной делегации, состоящей из известных общественных и политических деятелей, принадлежащих к различным партиям, сохранившим нам верность. Они ставят перед собой задачу создать орган, представляющий силы, которые пытаются решить проблему большевизма, и поступающий в связи с этим в распоряжение Мирной конференции.

Князь Львов, премьер-министр России в 1917 г., покинул сегодня Лондон, выехав в Париж в сопровождении барона Корфа, вице-губернатора Финляндии, и г. Вырубова, влиятельного земского деятеля. Г. Коковцов, бывший премьер-министр России, и г. Милюков, министр иностранных дел, также выехали сегодня в Париж.

Только что получено известие, что г. Струве, известному русскому экономисту, удалось вырваться в Финляндию, откуда он поедет в Лондон.

Одновременно стало известно, что г. Савинков, широко известный революционер, который, как раньше предполагали, пребывал в Китае, находится на пути в Европу и, вероятно, прибудет на следующей неделе в Париж. Влиятельные лица из России, которые находятся в Лондоне, обменялись взглядами с ведущими английскими политическими и общественными деятелями.

{Небольшое противоречие закрадывается в нижецитируемом пассаже. Среди русских политиков было обнародовано заявление г. Милюкова, что мы остаемся вам верны, однако общеизвестно, что г. Милюкова одобрил действия членов украинской партии кадетов, которые были связаны с Германией, и об этом можно было прочитать в газете «Тан» от 11 сентября 1918 г., в письме нашего специального корреспондента, озаглавленном «Ошибка г. Милюкова». Там вы найдете выдержку из заявления г. Милюкова, опубликованного в газете «Вечерние огни». Бывший министр иностранных дел заявил, что позиция украинских кадетов оправдывается «необходимостью разумно реагировать на события, которые происходят помимо нашей воли».}

M. Milioukoff, cité parmi les personnalités russes qui vont arriver à Paris.<1 нрзбр.> s'en souvient ouvertement parti [pour Alle]magne dans un temps où la victoire de[s alliés] lui apparaissait incertaine. Ce doit être par suite d'un malentendu que les autorités françaises en Orient ont visé son passeport pour la France.]*

«Excelsior»[585]

Les Russes intluents qui se trouvaient à Londres ont eu un échange de vues avec les principaux hommes d'État anglais.

[Un certain nombre de personnalités russes vont, en effet, se réunir à Paris et à Londres. Il y a lieu de penser que le séjour de M. Milioukof sera particulièrement bref. On se rappelle, en effet, que M. Milioukof, ancien ministre des Affaires étrangères dans le gouvernement du prince Lvof, avait pris, à un moment donné, une attitude germanophile.

Quant à la note que l'on vient de lire, elle est d'origine anglaise, et, pas plus que la réunion des personnalités russes précitées, elle n'engage à<auc> un degré la décision que les gouvernements alliés pourraient être amenés à pren<ommé> sujet des affaires de Russie*.

---

* «Матен», 23 декабря

Князь Львов, премьер-министр России в 1917 г., сегодня покинул Лондон, выехав в Париж в сопровождении Корфа, вице-губернатора Финляндии, и г. Вырубова, влиятельного земского деятеля. Г. Коковцов, бывший премьер-министр России, и г. Милюков, бывший министр иностранных дел, также выехали сегодня в Париж.

{Г. Милюков, упомянутый среди русских политиков, только что прибывших в Париж, помнится, в свое время открыто посетил Германию, когда победа союзников казалась ему сомнительной. И только в результате какого-то просчета ему была выдана виза во Францию французской администрацией на Востоке.}

* «Эксельсиор»

Влиятельные русские политики, которые находились в Лондоне, обменялись взглядами с ведущими политическими и общественными деятелями Англии.

{Некоторая часть русских политиков прибыла в Париж и Лондон с целью объединения. Однако есть основания полагать, что пребывание г. Милюкова будет относительно коротким. И в самом деле, припоминают, что в свое время г. Милюков, будучи министром иностранных дел в правительстве князя Львова, придерживался германофильской ориентации.

Что же касается вышеприведенного заявления, то оно, будучи английского происхождения, так же, как и заявления вышеупомянутых русских политиков не обязывает правительства союзников к вмешательству в российские дела.}

«L'Humanité»[586]

Il est intéressant de remarquer que l'information de l'Agence «Reuter» met M. Milioukov au nombre des «personnalités russes appartenant à tous les partis qui nous sont restés fidèles».

C'est une erreur qui vaut la peine d'être relevée. Il est exact que M. Milioukov – partisan délibéré d'un régime centraliste et aussi de la plus grande expansion de la Russie au dehors, jusques et y compris Constantinople! – a éte, pendant les deux mois de son ministère et les quellques mois qui suivirent sa chute, le ferme défenseur de la collaboration de la Russie avec les autres puissances de l'Entente. Il est également exact qu'une importante fraction du parti de la liberté du peuple (auquel appartenait M. Milioukov) est restée fidèle à l'Entente. Mais il n'est pas exact que M. Milioukov ait gardé la même fidélité.

Après la signature du traité de Brest-Litovsk, M. Milioukov et quellques autres membres de son parti (M. Vinaver, entre autres) ont pris, à Kiev, une singulière attitude. Ils ont demandé aux gouvernements des empires centraux de favoriser leur politigue intérieure. Ils ont souhaité une alliance de la Russie avec l'Allemagne. Ils sont même allés à Berlin pour la solliciter.

M. Milioukov ne nous parait donc guèrre qualifié pour parler avec autorité dans les conseils des gouvernements de l'Entente. Nous en dirons autant de M. Kokovtsov, le fidèle ministre de Nicolas, l'habile négociateur des emprunts qui lièrent la démocratie française aux destinées du plus odieux des régimes politiques.

L'Entente, qui prétend intervenir en Russie pour y défendre la liberté et pour y lutter contre l'Allemagne, va-t-elle solliciter et même tolérer comme conseillers M. Kokovtsov, qui servit si efficacement le tsarisme, et M. Milioukov, qui rechercha l'aida du gouvernement impérial de Berlin?

J.-B.Severac*

---

* «Юманите»

Интересно заметить, что информация агентства «Рейтер» ставит г. Милюкова в ряд «русских политиков, принадлежащих к тем партиям, которые остались нам верны». Эта ошибка, которую стоит исправить. Действительно, г. Милюков, убежденный сторонник централизованного режима и самой широкой экспансии России за ее пределы, вплоть до Константинополя. Он был во время своего двухмесячного пребывания на министерском посту и нескольких месяцев после выхода в отставку твердым защитником идеи сотрудничества России со странами Антанты. Точно так же известно, что влиятельная фракция партии народной свободы, к которой принадлежит г. Милюков, оставалась верной Антанте. Но не совсем ясно, оставался ли верным ей Милюков.

«L’Eveil»

Quant au baron Korf, à M. Viroubof et à M. Kokovtzof, ils ont fait leurs preuves sous l’ancien regime et c’est suffisamment dire combien <?> peu ils peuvent être persona grata auprès du peuple russe.

Mais au sujet de M. Milioukof, nous retiendrons la note du «Temps», qui a, pour dire certaines vérités, une manière qui, mieux que la nôtre, complait à la Censure.

Il est de notoriété publique qie M. Milioukof a approuvé les membres ukrainiens du parti cadet qui s’étaient ralliés à l’Allemagne. On peut relire à ce sujet, dans le «Temps» du 11 septembre dernier, la lettre de notre envoyé special qui est intitulée: «l’Erreur de M. Milioukof». On y trouvera des extraits d’une déclaration publiée par M. Milioukof dans le «Vetcherni Tchars». L’ancien ministre des Affaires étrangères déclarait que l’attitude des cadets ukrainiens «se justifie par la nécessité de réagir d’une façon rationnelle sur des événements qui se sont produits en dehors de notre volonté».

Combien nous avions raison de dire que les Alliés [éta]ient en train de s’aliéner le peuple russe en s’alliant, sous prétexte de combattre [du] bolchevisme, aux pires réactionnaire <1 нрзбр.>. Trépof, que nous dénoncions [l’autre] jour voici jour Milioukof, traitre à son parti et à sa patrie.

Quelle alliance!*

После подписания Брест-Литовского мира г. Милюков и несколько других членов его партии (среди которых и г. Винавер) придерживались особой позиции. Они требовали от правительств основных регионов способствовать проведению кадетской политики во внутренних делах. Они поддержали союз России с Германией и даже отправились в Берлин, чтобы добиваться этого.

Г. Милюков не представляется нам достаточно компетентным, чтобы вести переговоры с представителями союзных держав. То же самое мы можем сказать о г. Коковцове, преданном министре Николая, ловко проведшем переговоры по поводу займов, накрепко связавших французскую демократию с ужасной судьбой политических режимов. Как может Антанта, претендующая на то, чтобы вторгнуться в Россию для защиты свободы и продолжения борьбы с Германией, ходатайствовать и быть столь терпимой к таким советникам, как г. Коковцов, который столь преданно служил царизму, и г. Милюков, который искал помощи у империалистического правительства Берлина.

* «Л’Эвей»

Что касается барона Корфа, г. Вырубова и г. Коковцова, то они доказали свою преданность старому режиму, и недостаточно сказать, что они могут быть объявлены русским народом persona grata.

«L'Oeuvre»[587]

Le prince Lvof, ancien premier ministre de Russie en 1917, a quitté Londres aujourd'hui pour Paris, accompagné du baron Korf, vice-gouverneur de la Finlande, et de M. Viroubof, membre influent du zemstvo.

M. Kokovtzof, autre ancien premier ministre de Russie, et M. Milioukof, ancien ministre des affaires étrangères, sont également partis pour Paris.

Ce n'est pas sans étonnement, si l'on se souvient du rôle de M. Milioukof en Ukraine, que l'on apprend que cet ancien chef du parti cadet, après s'être rallié ouvertement aux germanophiles, prétendrait aujourd'hui entrer en pourparlers avec les Alliés au sujet de la réorganisation de la Russie. Nous croyons savoir que le gouvernement français, dès qu'il a été averti de l'intention de M. Milioukof de venir à Paris, a cherché à lui faire comprendre que sa démarche ne saurait être accueillié avec plaisir. Cet avis semble n'être point parvenu à Londres avant le départ de l'ancien ministre russe qui n'apprendre qu'à Paris l'inutilité de son voyage*.

Но что касается Милюкова, то мы вновь дадим заметку из «Тан», которая, по правде говоря, составлена таким образом, что в большей степени, чем наша, соответствует требованиям цензуры:

«Общеизвестно, что г. Милюков одобрил требования украинской партии кадетов, которые консолидировались с Германией. Об этом сюжете можно прочитать в «Тан» от 11 сентября прошлого года в заметке нашего собственного корреспондента, которая шла под заголовком «Ошибка г. Милюкова». В ней можно найти выдержки из заявления, опубликованного г. Милюковым в газете «Вечерние огни». Бывший министр иностранных дел заявил, что позиция украинских кадетов «оправдывается необходимостью реагировать разумным образом на события, которые разворачиваются помимо нашей воли».

Мы были бы вправе констатировать, что союзники заняты тем, что отталкивают русский народ, сближаясь под предлогом борьбы с большевизмом с еще худшими реакционерами, типа Трепова, о котором мы поговорим в ближайшее время, и Милюкова, предателя своей партии и своей родины.

Каков союз!

* «Л'Эвр»

Князь Львов, премьер-министр России в 1917 году, сегодня выехал из Лондона в Париж в сопровождении барона Корфа, вице-губернатора Финляндии, и г. Вырубова, влиятельного земца.

Гг. Коковцов, другой бывший премьер-министр России, и Милюков, бывший министр иностранных дел, также выехали в Париж.

Это не может не вызвать удивления, если вспомнить ту роль, которую играл Милюков на Украине, и знать, что бывший лидер кадетской партии, открыто консолидируясь с германофилами, претендует сегодня на то, чтобы начать переговоры с союзниками по вопросу возрождения России. Мы верим, что французское пра-

«Le Figaro»[588]

Nous ne pensons pas que M. Milioukof vienne à Paris pour un séjour prolongé. M. Milioukof est un homme d'Etat qui a commis, l'année dernière, une grave erreur de diagnostic: il a tablé sur la victoire allemande et a approuvé les membres ukrainiens du parti cadet qui s'étaient rapprochés de nos ennemis.

L'intervention des Alliés en Russie est une entreprise de grande envergure, dont les hommes d'Etat alliés et M. Wilson envisagent simplement la possibilité. Rien n'est décidé encore, affirme-t-on. Mais si l'on se décidait à entrer en Russie, ce ne serait pas pour y remettre au pouvoir M. Milioukof, qui n'a pas été pour nous l'ami des mauvais jours. Ce serait pour mettre fin à cette entreprise de brigandage et de terreur qui, sous le nom de bolchevisme, comprime les partis sains de la Russie et fait de l'immense empire un foyer de propagande allemande, c'est-à-dire d'anarchie*.

Правительство спешит успокоить и отвечает, через газеты, сообщением, которое привожу из «Journal des Débats»[589], 24 déc[embre], но к[ото]рое повторяют и другие газеты:

Le départ de M. Milioukof. – On se rappelle, que M. Milioukof, ancien ministre des affaires étrangères de Russie avait pris en juillet dernier une attitude <1 нрзбр.> favorable à l'Allemagne. Après <1 нрзбр.>

вительство, осведомленное о намерениях Милюкова приехать в Париж, постарается довести до его сознания, что этот шаг с его стороны не вызовет одобрения. Но кажется, что эта точка зрения еще не была известна в Лондоне до отъезда бывшего русского министра, который только в Париже узнает о бесполезности своего визита.

* «Фигаро»

Мы не думаем, что пребывание г. Милюкова в Париже будет длительным. Г. Милюков – государственный деятель, который в прошлом году допустил очень серьезную ошибку в прогнозах: он сделал ставку на победу немцев и одобрил украинских кадетов, которые сблизились с нашими врагами.

Вторжение союзников в Россию – это широкомасштабное предприятие, которое государственные деятели стран-союзниц и г. Вильсон рассматривают просто как возможность, и, как известно, нет еще никакого определенного решения. Но если же они и решатся войти в Россию, то это произойдет не для того, чтобы к власти вновь пришел Милюков, который не оставался нашим другом в тяжелые дни. Это произошло бы с целью положить конец разбою и террору, которые под именем большевизма задавили все здоровые силы России и превратили обширную империю в очаг немецкой пропаганды, то есть анархии.

Jassy, il avait obtenu à Constantinopole un passeport pour la France par suite d'une erreur. Il a quitté Paris hier après un séjour de quatre jours*.

Вранье, п[отому] ч[то] мы уехали 24-го, а не 23-го.

24 декабря

Кампания продолжается

«L'Éveil» грозно спрашивает правительство (это, очевидно, часть того запроса в печать, которого боялся Клемансо, изгоняя нас) – в самом заголовке газеты (в тексте ничего нет):

Qui a délivré les passeports de M. Milioukof?**

24 décembre

«Petit Journal»

La France a besoin de tous ses enfants pour réaliser la paix victorieuse qu'elle a bien méritée. Tel doit être et tel [est] évidement le premier souci du gouvernement.

C'est ce que les Russes qui son venus à Paris pour solliciter l'intervention: décisive des Alliés devront comprendre. Ces malheureux exi lés méritent notre sympathie. Mais il y a cependant parmi eux M. Milioukoff, le chef des cadets, qui aurait dû comprendre qu'un homme qui, comme lui, avait angagé les cadets de l'Ukraine à se rallier à l'Allemagne, n'était pas de ceux dont les désirs peuvent influencer l'Enten[te]***.

---

* Отъезд г. Милюкова

Вспомним, что г. Милюков, бывший министр иностранных дел России, в июле прошлого года встал на позицию, благоприятную Германии. После того как он прибыл в Яссы, он добился в Константинополе получения французского паспорта, вследствие допущенной ошибки. Вчера он покинул Париж после четырехдневного пребывания.

** Кто выдал паспорт г. Милюкову?

*** 24 декабря

«Пети Журналь»

Франция нуждается в своих детях, чтобы добиться победного мира, которого она вполне заслужила. Такова должна быть и такова есть первостепенная забота правительства.

Союзники должны осознать, что именно русские приехали в Париж, чтобы просить о скорейшем начале союзнической интервенции в Россию. Эти несчастные эмигранты заслуживают наших симпатий. Но в настоящий момент среди них находится г. Милюков, лидер кадетов, который должен был бы понять, что человек, подобный ему, одобрявший союз украинских кадетов с Германией, не должен находиться среди тех, чьи желания могут повлиять на решения Антанты.

«Éclair»[590] помещает интервью со мной и кончает его следующим образом:

Telles sont les déclarations que nous a faites M. Milioukoff. On estimera sans doute qu'alles n'expliquent pas, avec une clarté décisive, son attitude à l'égard de l'Allemagne avant sa défaite.

Georges Gombault*

И кампания продолжается еще несколько дней:

«Le Temps» 25 déc[embre]

La délégation Russe de Jassy

Les personnalités russes qui étaient venues de Jassy pour exposer leurs vœux aux gouvernements de l'Entente continuent leur voyage vers Londres. La délegation se compose de M. Milioukof, ancien ministre des affaires étrangères; Gourko frère de l'Ancien généralissime; Chebeko, ancien ambassadeur à Vienne; Tretiakof, industriel bien connu de Moscou, ainsi que deux membres des groupes socialistes. Ces délégués, qui ont été en rapports avec des légations alliées de Jassy, avaient des passeports qui les autorisaient à se rendre jusqu'en Grande-Bretagne.

Il n'y a pas de relation entre leur voyage et la présence à Paris de deux anciens chefs du gouvernement russe: le prince Lvof, qui vient des Etats-Unis, et M. Kokovtsof, qui vient des pays scandinaves**.

Особенно старается «L'Information», в лице некоего Omessa, который не отвечает на повторные письма Félix Innen, предлагающего

---

* «Эклер»

Таковы заявления, которые были сделаны г. Милюковым. Вне всякого сомнения, можно сделать вывод, что они не объясняют с полной ясностью его позицию по отношению к Германии до [признания им] своего поражения.

Жорж Гомбо

** «Тан», 25 дек[абря]

Русская делегация из Ясс

Русские государственные деятели, которые приехали из Ясс, чтобы выразить свои взгляды перед правительствами Антанты, продолжили свой вояж в Лондон. Делегация состоит из гг. Милюкова, бывшего министра иностранных дел; Гурко, брата бывшего генералиссимуса; Шебеко, бывшего посла в Вене; очень известного в Москве предпринимателя Третьякова, а также двух членов из социалистов. Эти делегаты, у которых были контакты с дипломатическими миссиями, аккредитованными в Яссах, имели паспорта, которые разрешали им проезд вплоть до Англии.

Но нет никакой связи между их поездкой и присутствием в Париже двух бывших глав русского правительства: князя Львова, который едет из Соединенных Штатов, и г. Коковцова, который прибывает из Скандинавии.

ему в личном свидании объяснить недоразумения относительно моей личности.

«L'Information», 26 déc[embre]

Qu'il nous soit <1 нрзбр.> en passant, de souhaiter ici que soient sévèrement examinés les titres et les références de tous ceux qui, s'intitulant mandataires de telle ou telle nationalité, de tel au tel groupe politique, viendront nous offrir leurs suggestions et leurs services. Nous avons déjà, dans cet ordre d'idées, signalé, il y a quelques jours, la venue de M. Milioukoff et nous avons rappelé que ce personnage russe, qui se disait jadis un fervent ami de l'Entente, avait publiquement adhéré, dans les premier mois de cette année, à l'hégémonie allemande et exprimé, dans une interview du "Berliner Tageblatt", l'admiration que lui inspirait le gouvernement de Berlin. Aussi est-ce avec joie que nous avons appris l'expulsion de M.Milioukoff, jugé indésirable par le gouvernement français. Nous ne saurions, en effet, dans la griserie du triomphe, nous départir d'une élémentaire prudence et, en accueillant des hommes du tempérament de M. Milioukoff, fortifier auprès de leurs concitoyens le crédit d'amis aussi fragiles et aussi volages.

Charles Omessa*

29 déc[embre] появляется в полном виде мое интервью, текст которого здесь записан на левой стороне. Omessa не унимается, он помещает в "Information" новую заметку.

---

* «Л'Информасьон», 26 дек[абря]

Нам бы следовало более строго проверять фамилии, звания и документы всех тех, кто является уполномоченным от той или иной страны или от той или иной политической группы, и приехал с целью представить свою позицию и взгляды своих политических организаций. Мы уже обращали внимание, при таком порядке вещей, на приезд г. Милюкова, состоявшийся несколько дней назад, и мы уже напомнили, что этот русский деятель, который некогда выказал себя искренним другом Антанты, в первые месяцы этого года публично продемонстрировал свою приверженность германской гегемонии и высказал в интервью, опубликованном в «Berliner Tageblatt», свое восхищение по отношению к берлинскому правительству. С какой бы радостью мы узнали о высылке г. Милюкова, решительно объявленного французским правительством нежелательной персоной. Это не было бы опьянением от победы. Мы исходим из соображений элементарной осторожности; принимая людей типа г. Милюкова, мы должны укреплять в сознании своих сограждан кредит доверия друзей, сколь хрупкий, столь и непостоянный.

Шарль Омесса

«L'Information», 29 décembre 1918.

Le Problème Russe

L'Entente va intervenir

Hier, au cours de l'interpellation de M. Marcel Cachin[591] à la Chambre, une interruption de M. Stephen Pichon est venue, fort opportunément, projeter quelque clarté sur l'attitude que les puissances de l'Entente comptent observer à l'égard de la Russie. Il résulte de cette interruption que jamais les Alliés n'ont renoncé à intervenir au pays slave et que les déclarations récemment faites à ce propos par notre ministre des affaires étrangères, devant la commission compétente, ont été mal interprétées. En réalité, si l'Entente n'a jamais eu la pensée d'intervenir dans les conditions et sous la forme indiquées par certains journaux, elle n'en est pas moins résolue à participer directement au règlement de la question russe.

Qu'est ce à dire? Tout le monde s'accordera à reconnaitre qu'en pareille occurrence il n'y a pas [nombre] indéfini de modes d'intervention. Deux voies, et deux voies seules, sont ouvertes aux Alliés: ou bien ils assumeront la charge de ramener, *par leurs propres moyens*, l'ordre en Russie, et alors s'impose la mise au point d'une expédition de grande envergure, avec tous les sacrifices et toutes les conséquences qu'elle comporte – ou bien ils se contenteront de collaborer à l'effort fourni par les Russes eux-mêmes pour se libérer de l'anarchie et reconquérir dans le monde le rang de nation.

Nous crovons savoir que c'est à la deuxième formule que les gouvernements intéressés se sont finalement arrêtés. Il ne s'agit pas, au surplus, l'une attitude nouvelle; il y a quelques temps déjà que cette politique a été inaugurée par l'envoi de missions militaires françaises et anglaises auprès des conseils nationaux d'Odessa, de Sébastopol, d'Omsk, de Samara et de Kieff. On pourra renforcer le système en accordant aux éléments d'ordre en Russie une aide plus directe encore et plus efficace, au point de vue notamment, du matériel et de l'armement. Qui sait, même, si les puissances de l'Entente n'iront pas jusqu'à autoriser ceux de leurs officiers et soldats qui en manifesteront le désir à s'associer à cette entreprise de régénération? Ainsi se trouveront écartées les objections formulées par ceux qui estiment que la guerre est terminée et que la tàche si brillamment accomplie par les armées alliées ne saurait être prolongée.

S'il apparaît, en effet, excessif *d'exiger* de nos «poilus» une nouvelle épopée sur une terre lointaine, il serait tout aussi injuste d'interdire à des volontaires le droit de servir librement une idée conforme à leur idéal et à l'intérêt de leur patrie.

Telle est, exposée à grands traits, la thèse qui <1 нрзбр.> l'avoir emporté dans les délibération, de l'Entente. Les jours qui vont venir permettront de la mettre au point et de coordonner multiples efforts susceptibles [délivrer] la Russie de l'ornière léniniste. Deux délégués du général Pilsudsky, attendus à Paris, nous apporteront prochainement les vues du gouvernement de Varsovie. Il est nécessaire que nous soyons également fixés sur la situation à Kieff et sur les véritables sentiments des groupes qui se partagent aujourd'hui l'Ukraine. Un travail délicat de conciliation et d'harmonie doit être la préface indispensable à toute action sérieuse des Alliés. Ce serait folie de leur part que de se lancer dans une pareille entreprise sans avoir unifié les forces qui réclament leur concours. Depuis le début de la révolution russe, le cœur de l'Entente a récemment balancé entre Kerensky et Korniloff, entre Alexeieff et Skoropadsky, entre Koltchak et Semenoff: il est grand temps qu'il retrouve l'équilibre et s'impose enfin une affection durable et raisonnée.

Charles Omessa

P.S. – M. Milioukoff a présenté, dans le «Temps», un plaidoyer *pro domo*, afin de démontrer qu'en l'expulsant de Paris, le gouvernement français aurait commis une cruelle injustice. L'ancien leader des cadets proteste de ses sentiments inaltérablement ententophiles et dément avec énergi l'interview que lui prêta le «*Berliner Tageblatt*». Il reconnait cependant avoir au trois entretiens à Kieff avec des représentants de l'Allemagne, deux avec un diplomate subalterne, un avec M. de Mumm lui-même. Quel dommage, que le patriotisme de M. Milioukoff, joint à sa qualité d'ancien ministre des affaires étrangères du gouvernement russe, ne lui ait pas inspiré une attitude plus intransigeante et plus réservée![*]

---

[*] «Л'Информасьон», 29 дек[абря]

Антанта на грани начала интервенции

Вчера запрос г. Марселя Кашена в Палате депутатов был прерван весьма своевременным выступлением г. Стефана Пишона, которое несколько прояснило позицию стран Антанты по отношению к России. Как явствует из этого выступ-

ления, союзники никогда не отказывались от интервенции в эту славянскую страну и недавние заявлеиия по этому поводу со стороны нашего министра иностранных дел в компетентной комиссии были неправильно поняты. В действительности же, если Антанта никогда не имела намерений начать интервенцию при тех условиях и в той форме, на которые указывают некоторые газеты, то она никогда бы не решилась на прямое участие в урегулировании русского вопроса. Что сказать по этому поводу? Всякий согласится признать, что при подобных обстоятельствах нет многообразия форм интервенции. Два пути и только два пути открыты союзникам: или же они берут на себя задачу *собственными силами* восстановить порядок в России и, таким образом, взвалят на себя осуществление широкомасштабной кампании, со всеми вытекающими отсюда последствиями и жертвами, или же они довольствуются всесторонним сотрудничеством, предоставляя России самой освобождаться от анархии и вновь встать в ряды цивилизованных наций.

Мы верим в то, что заинтересованные силы в правительствах окончательно остановятся на втором пути. Впрочем, тут речь идет не о какой-то новой позиции: несколько лет назад именно в рамках этой политики были отправлены французские и английские военные миссии, которые действовали при национальных советах Одессы, Севастополя, Омска, Самары, Киева. Нужно было бы укрепить систему взаимодействия с силами порядка в России, оказывая им непосредственную и более действенную помощь – как материальную, так и путем организации поставок вооружения. Кто знает, а если державы Антанты не разрешат своим офицерам, изъявившим желание присоединиться к этой кампании, участвовать в процессе возрождения России? Тогда все аргументы, выдвинутые теми, кто полагает, что война закончилась и все задачи блистательно выполнены армиями союзников, будут отброшены. И если кажется чрезмерным *требовать* от наших фронтовиков новой эпопеи на чужбине, то не кажется ли столь же несправедливым отнимать у наших добровольцев права служить идее, отвечающей их идеалам и интересам их родины. Таков в общих чертах доклад, представленный на обсуждение стран Антанты. В предстоящие дни будут представлены на рассмотрение различные соображения для координации действий по высвобождению России от ленинской кабалы. Два делегата от генерала Пилсудского, ожидаемые в Париже, представят нам в ближайшее время точку зрения варшавского правительства. Необходимо одновременно фиксировать свое внимание на ситуации в Киеве и на истинных чаяниях различных противоборствующих группировок, которые сегодня разделили Украину. Такая тонкая работа по примирению и восстановлению гармонии должна быть непременным условием любой серьезной акции стран-союзников. Было бы безумием с нашей стороны бросаться очертя голову в подобное предприятие, не объединив все противоборствующие силы. С самого начала русской революции Франция балансировала в своих пристрастиях между Керенским и Корниловым, между Алексеевым и Скоропадским, между Колчаком и Семеновым. Это будет большим событием, когда она найдет равновесие и, наконец, определится в своем расположении на длительную и разумную перспективу.

Шарль Омесса

P.S. – Г. Милюков представил в pro domo [лат.: в защиту себя – *Ред.*] дело таким образом, что, высылая его из Парижа, французское правительство совершило жестокую несправедливость. Бывший лидер кадетской партии заверил в неизменности своих симпатий по отношению к Антанте и решительно опроверг интер-

Сообщение кн[язя] Львова (4 мес[яца] назад выехал).

Без интервенции Сибирь удержаться не может. Большевики в Сибири т[олько] в 4 пунктах: Краснояр[ске], Иркут[ске], Томске и Омске, господство большев[иков] – только 4 месяца. Рабочих нет. Засилье т[олько] на линии ж[елезной] д[ороги], примитивным способом: карат[ельные] отряды. В крестьянстве не было совдепов; комитеты бедноты не имели успеха. Случайная интервенция чехов в 4 мес[яца] почти без помощи населения, закончена к сентябрю. Длит[ельная] борьба по линии Иркутска; для соединения с Владивостоком. В Сиб[ири] не б[ыло] войны и интендантских складов. Города, попавшие на Волге в руки большевиков, понесли ужасные последствия. В мае начало образовываться Омское правительство. Образов[ан]ие армии – центр[альный] пункт деятельности Омск[ого] правительства. Сведения от ген[ерала] Иванова, заменившего Гришина-Алмазова. Население отнеслось сознательно и охотно подчи[ня]лось всякой дисциплине. Произвед[ен] им смотр в присутствии военных агентов, к[ото]р[ые] были в полном восторге. Не было снаряжения и ружей, но надеялись на помощь союзников, 2-е разочаров[ание] Омск[ого] правит[ельства]: все ожидали, что Уфим[ская] директория будет признана, но этого не произошло. Переговоры с союзниками были на письме, и непризнание произвело удручающее впечатление. В 1-х числах сент[ября] приехал в Омск; встретил в Челябинске Авксентьева, к[ото]рый приехал с большими надеждами. В сентябре начали появляться союзники, после прорыва фронта на Владивосток. В Омске виделся с Ивановым и Михайловым. По прямому проводу Авксентьев просил приветствовать союзников. Здесь последнее горькое разочарование: я не нашел представителей союз[ных] войск в Чите, по дороге из Омска встретил Элиота. Он меня расспрашивал об Омском правительстве. Гайда сообщил, что получил от него 30 тыс. ружей. Во Владивостоке 1000 англ[ичан], 1000 фр[анцузов], 300 итальянцев, 6 тыс. американцев, 100 000 японцев. Моя миссия – развлекать войска и приветствовать. Не нашли, кого приветствовать. Нас не созывайте, не видемся, программы нет, ждем распоряжений. Нокс[592] сказал, что продвинет 1000 чел. инвалидов. Всему помеха – американцы, к[ото]рые не пойдут. Англ[ичане] и франц[узы] с итал[ьянцами] пошли в Омск,

---

вью, которое ему приписывает «Berliner Tageblatt». Между тем он признал, что имел три встречи в Киеве с представителями Германии, две из них с рядовым дипломатом и одну с самим г. фон Муммом. Какая жалость, что патриотизм г. Милюкова не сочетается с его образом действия в качестве бывшего министра иностранных дел русского правительства и не ведет к более независимой и более продуманной позиции.

но дальше на фронт не пошли. Русскую армию до 150 000 боялись выпустить. На Дальн[ем] Востоке союзн[ые] войска относились с насмешкой к американцам, к[ото]р[ые] никакого участия не принимают. Morris[593]: это *не* интервенция, они помогают *чехам* и этим ограничиваются, в качестве гарнизона в тылу. Японцы продвинулись свободно до Иркутска, охраняют линию ж[елезной] д[ороги], но пришли захватывать Сибирь, все скупают по линии ж[елезной] д[ороги], мельницы, типографии, гостиницы, предприятия, платят в десять раз больше. Электр[ическая] станция за 350 тыс. вм[есто] 50. Захватили Амурскую флотилию. Переговоры об управ[лении] Сибир[ской] дорогой сообща: Вологодский вел переговоры о соединении Хорвата с Ом[ским] правит[ельством], пришли к плану общего комитета с Уструговым во главе. Я убеждал Morris'а ускорить, ч[то]б[ы] ускорить продвижение и снабжение. В послед[ний] момент японцы отказались, и союзники не участвуют. Остается старое управление. Японцы теперь поддерживают Семенова, к[ото]р[ый] борется с Колчаком, получает субсидию от японцев. Военной помощи нет, а есть захват экономический Сибири. Оставалась надежда на материальную помощь, но и тут положение печальное, некому помогать, п[отому] ч[то] нет правительства. Сделано т[олько] русскими силами. Положение войск отчаянное: патронов нет, д[олжны] получить 200 000 ружей, обувь обеспечена из Вашингтона Бахметевым, ружей не хватает. Планы Иванова и Гришина на 600-тыс[ячную] армию. Население откликнулось, но когда ничего не оказалось, разбили на очереди и отпустили тех, кому не могли ничего дать. *Без* помощи извне Сибирь обойтись не в состоянии. Теперь, когда война кончена, могли бы снарядить. Теперь чехи в ужасном состоянии. Подкосила осень, борьба по болотистому Уралу, заболевания. Подтянулись казаки и армия Омского правит[ельства], но усилились и большевики. Теперь в трепете: кто придет, большевики или союзники? Масарик запретил уходить, но другого импульса нет. Нелады между собой и с Колчаком: Дитрихс, Гайда и Сыровой[594] подали в отставку. Омск[ое] правит[ельство] организовало управление, пользуется больш[им] уважением, но все зависит от армии. Большевики собирают силы около Екатеринбурга; если прорвут, население, индиферентное, кинется к большевикам. Армия большая, но красноарм[ейцев] кормят и платят (артиллеристам 500 руб. в день за день сражения) – они служат *до сражения*. Мадьяры озлоблены – дрались как львы, латыши, мало матросов, почти нет рабочих, к[ото]рые *против* большевиков. Омское правит[ельство] трепещет, что большевики прорвут. Сегодня – Колчак не пропускает японцев дальше Иркутска. Под видом интервенции может быть захват половины Сибири.

Состав правит[ельства]: дело произошло так, что образовалось оно из наличных сил, к[ото]р[ых] *мало*. Люди неподготовленные (в т[ом] ч[исле] и Гришин-Алмазов), подсортировались – но истрепанные: Вологодский в прострации, не понимал, что слушал. Д[олжен] б[ыл] обрадоваться свежему Колчаку. Он отделяет от себя граждан[ское] управление и т[олько] организует армию, видимо, удачно, п[отому] ч[то] не хочет японцев.

Титов: есть социалисты в послед[нем] составе?

– Не знаю.

Никакой партийности, все это брошено, стоят на деловой почве. Обвинение в сношениях Авксентьева с большевиками – *абсурд*. Я слышал, что все подстроено 5-ю офицерами: пели марсельезу, потом национальный гимн, они не встали, подошли с револьвером, Элиот вышел (спутали два эпизода). Представители держав не знают, что делать, не получают инструкций, консулы занимаются торговлей маслом, разобраться в политике не могут. Уполномоченные еще меньше могут разобраться: Нокс, Реньо[595], Моррис. С Моррисом сидел две ночи. Для него все ново: он даже боится узнать, как бы не попасть в ответе. И Нокс и Реньо теперь там. Наобещали они много и превысили полномочия. Реньо обещал деньги (Бахметев: не были даны). Они т[олько] провоцируют большевиков. Все цело (золотой запас) теперь в Омске. Продажа водки главный ресурс (Каминка: 10 млн. в месяц). В Америке вопрос интервенции *не стоит*: мы т[олько] обещали помочь *чехам*. Интересовались, кто вызывал на восстание. (Френсис, действит[ельно], вызвал.) «Боюсь, что вмешательство м[ожет] б[ыть] понято р[усской] демократией как враждебное» (слова Вильсона). Боятся, что, как с Украиной, земли перейдут опять к помещикам. В Англии первое впечатление отчаянное: никакой интервенции, солдаты не пойдут. Что большевизм – интернацион[альная] опасность: посмотрим; мы послали в порты, ч[то]б[ы] сохранить *наше* имущество. Другие говорили обратное.

Бахметев. Англичане послали по нашим настояниям посылки 2 партии.

Львов. В Англии 600 миллионов *наших* патронов. 500 русских пушек, исправленных, и во Владивостоке – снаряды. При натиске пошлют, но чтобы было единодушие. Нужно единение и единый план. На Вильсона нужно наседать: участие американцев важно. Вчера в Англии в первый раз статьи и заметки о необходимости интервенции: мое интервью о равноправии представительства Р[оссии] на конференции.

(Бах[метев]: Нортклифф[596] за вмешательство и хотел действовать на House.)

10–23 декабря

Ряд посещений и бесед вчера и сегодня, которые не успел записать. Самое интересное – вчерашняя ночная (до 12½ ч[ас]. ночи) беседа с Seton Watson. Начинается с Чехии и югославян. Он говорит, что «коридора» чехи не получат, но что германское население окраин останется в Чехии, чтобы не ломать географические границы, с тем чтобы им были обеспечены права языка и вообще меньшинства. Галичане просятся к чехам, но Уотсон полагает, что их естественное место в России. Я соглашаюсь, с оговоркой, что это присоединение не должно иметь последствием изменение положения Украины. Watson полагает, что Россия д[олжна] б[ыть] федеративной. Я спрашиваю, как понимать «федерацию». Он указывает на провинции Канады. Я *в этом* смысле соглашаюсь, но говорю, что мы предпочитаем употреблять выражение «автономия» и что размеры автономий д[олжны] б[ыть] различны для разных частей. Расспрашиваю о положении югославянского вопроса. Он подробно рассказывает о попытках его и Стида помирить югославян с итальянцами, о нескольких совещаниях группы <фамилия нрзбр.> и группы Torre у Стида, о состоявшемся в Риме соглашении – признать «единство» Югославии и Италии. Но потом опять пошел разлад: итальянцы требуют невозможного. Фиума они не получат. Фиум д[олжен] б[ыть] одной из свободных гаваней для прохода к морю отрезанных областей и государств. Я спрашиваю о притязаниях Италии в Малой Азии. Уотсон отвечает, что *там* их надо будет компенсировать за уступки славянам и что для этой цели предполагается дать им поручение Общества Наций опекать центральную Малую Азию (т. е., собственно, Турцию). Шесть армянских вилайетов могут быть поручены Америке. Франция сохранит поручение относит[ельно] Сирии (но не относит[ельно] Александретты), а Англии *придется* (как это ни неприятно) взять под покровительство Месопотамию, хотя он, Уотсон, этого не хочет. При всем том, «тайный» договор 1916 г. считается уничтоженным.

Относит[ельно] Польши Уотсон держится этнографических границ и говорит: на восток мы не пустим. Я защищаю на *этнографическом* основании выход по Висле к Данцигу; он не возражает, но или не знает фактов, которые я привожу, или имеет какие-то другие соображения.

Он уверен, что Вильсон *хочет* создания Общества Наций – и даже хочет установить общие линии *до* решения конкретных вопросов, ибо оно зависит от выяснения судьбы идеи Общества Наций. Соглашается, что тут есть заколдованный круг и признает, что им возражают, что самое Общество Наций станет возможно лишь *после* удов-

летворения требований разных стран. Я указываю ему на рост национализма в странах, которые я проехал, как на препятствие для осуществления Общества Наций. Спрашиваю, могут ли пожертвовать разные нации своими традиционными взглядами этому неиспробованному эксперименту. Какое место в Обществе Нации займет Германия?

Разговор с Корфом[597]. Он предупреждает относит[ельно] положения Бахметева, к[ото]рого он считает изолированным от собственных сотрудников и от общественного мнения. Сам Бахметев излагает все это совершенно иначе. Относительно Финляндии он полагает, что Аландские острова придется отдать, но настаивает на праве минных полей для закрытия проходов в Фин[ский] залив. У Финляндии д[олжна] б[ыть] отнята область внешней политики; их войскам надо гарантировать, что их не возьмут из Финляндии, но нужно обеспечить права русского командования в случае войны, права русских войск на размещение и равноправие русских. Маннергейм[598] идет навстречу. После перехода Свинхувуда[599] к немцам они очень сконфужены.

Бессарабию союзникам.

Здесь прерываются мои парижские записи. Уезжая, я передал бумаги, которые могли бы быть взяты при осмотре, Бойе, к[ото]р[ый] должен был послать их мне в Лондон немедленно, с вализой. Вместо этого мои бумаги были задержаны, в т[ом] ч[исле] и моя записная книжка. Несмотря на мои настояния через возвратившегося Титова – вернуть их мне, я не получил их, пока не попросил привезти их с одной сербской оказией. Благодаря этому случайному обстоятельству в записях получился перерыв больше чем в месяц и сегодня, 8 февраля 1919 г., когда я привожу в порядок свои записи, я могу записать происшедшее лишь задним числом.

Внешние проявления моей работы в Лондоне (интервью, статьи и т. д.) см. в особой книжке вырезок.

Я предполагал уехать из Парижа сперва *назад*, в Италию и Россию, и в этом смысле написал письма в Одессу и в Екатеринодар, передав просьбу товарищей (Титова), ч[то]б[ы] вместо меня приехал Астров и чтобы Сазонов приезжал как можно скорее. Я передал самое решение вопроса, что мне делать, целиком в распоряжение сотоварищей. Особенно хлопотал и настаивал на моем отделении от них – В.И. Гурко, который склонил на свою сторону и колебавшегося Шебеко. Третьяков вызывал Шебеко в коридор (обсуждение происходило в моем номере), совещался, потом предложил решить вопрос обо мне в моем отсутствии. Я удалился. Через нек[ото]р[ое] время *решение*, что я должен отделиться, сообщил мне Третьяков,

который и образовал своим переходом большинство в смысле этого решения. Особенно негодовал на него Ландау, который доказывал мне, что я должен ехать дальше и продолжать действовать, хотя и отдельно, но как представитель организаций. Титов и Кровопусков настаивали, ч[то]б[ы] я поехал в Америку. Очень настаивал, м[ежду] пр[очим] на том, что очень важно, ч[то]б[ы] я оправдался перед американцами, В.В. Вырубов, просивший меня о специальной беседе и передавший, я думаю, мнение кн[язя] Львова. Сам Львов тоже непременно хотел говорить со мной, но как-то вышло, что все не назначили времени – наконец, назначили, но я к *точному* сроку опоздал и нашел его карточку. Видимо, этим он и удовлетворился, а я не настаивал на действительном свидании.

В конце концов, я действительно решил ехать вперед, тем более, что на этом (на выезде в Лондон) настаивали и французы. Но тут произошла новая неожиданность. 23-го дек[абря] я решил, что выезжаю 24 утром, а остальные поедут в Лондон через день. Но из Мин[истерства] иностр[анных] дел (уже не Пишон лично) сообщили Маклакову, очевидно, под новым давлением Клемансо, что все должны ехать *немедленно*, «по соглашению с Sûreté générale»*. Этот прозрачный намек означал, что если мы не уедем 24-го, то будем *высланы*. Пришлось ехать всем вместе, но уже раньше было решено, что я, во всяком случае, отделюсь от других и в Лондоне в качестве члена делегации *официально* функционировать не буду. За день мы сговорились с Williams'ом, который уезжал в Лондон днем раньше, что он мне приготовит помещение. Приехав в Лондон, я и поехал один по указанному адресу, а остальные по телефону снеслись с вокзала с посольством и были помещены в Cadogan Hôtel. В течение всего их пребывания в Лондоне я был там у Титова и Кровопускова два раза, по утрам, когда Шебеко и Гурко еще спали. За день до отъезда, по просьбе Гурко, я пришел к нему поговорить об общих вопросах, но эта беседа не состоялась, и мы поговорили мельком (о Принкипо[600]) на обеде. Вообще, мы встречались с членами делегации только на банкетах и приемах, причем их различали от меня, как *делегатов*. Они через несколько дней были официально приняты правительством, в лице директора департамента <пропуск фамилии>, который т[олько] слушал, но не говорил.

От их же имени появилось офиц[иальное] statement** делегации о помощи в неск[ольких] газетах. Шебеко просил Камбона[601] о разреше-

---

* службой национальной безопасности (франц.).
** заявление (англ.).

нии въезда во Францию, причем на первый раз, так как Камбон послал телеграмму *немедленно*, не выжидая условленного срока, получился *отказ*. Пришлось вести вторичные переговоры для получения пропуска. Третьяков, ввиду болезни сына, остался в Париже и выслал нам через неск[олько] дней по 300 франков, как и передал мне Шебеко.

Дальше я пользуюсь заметками в календаре, чтобы восстановить главные факты моего пребывания в Лондоне.

ПРЕБЫВАНИЕ В ЛОНДОНЕ

25 декабря. Приезд в Лондон на Waterloo, в самый день Christmas*. Все занято.

29 декабря. Завтрак с Simpson'ом[602] у него дома. Меня уже предупредили о двойственности занятой им позиции. Он – решительный сторонник «Балтийского союза» и независимости borderlands**, успокаивал русских тем, что все отдельные народности, *после* своего отделения, *сами* захотят вернуться в Россию. В Foreign Office***, впрочем, его положение слабее, чем Lepre'a, его соперника, которого он старается перещеголять. В Париж послан не он, а Lepre.

До завтрака с ним беседовал Титов, тоже предупрежденный, и отчитывал его в очень решительном тоне. За завтраком он уже был очень мягок и очень сладок. Но в конце все-таки изложил свой план отделения русских народностей, уверяя, что он только и заботится о благополучии России и ничего против нашего желания не сделает. Я, конечно, тоже, хотя и в более мягких тонах, указал ему на неприемлемость для России его позиции и не необходимость признания *нашей* России единой, – а не России большевистской.

30 декабря. Симпсон вызвал меня в помещение Foreign Office и просил меня сказать о большевиках все, что я считаю нужным, для доклада Balfour'у, который едет в Париж. Я дал ему характеристику большевистской теории и практики, стараясь показать ему, что большевики *не могут* по существу создать ничего похожего на государство и не могут *эволюционировать* в сколько-нибудь прочный государств[енный] строй, – и знают это сами, ибо весь их расчет – просуществовать достаточно долго, чтобы могла разгореться международная революция.

---

* праздник Рождества (по католическому календарю) (англ.).
** стран-лимитрофов (англ.).
*** Министерство иностранных дел Великобритании (анг.).

В тот же день утром имел длинную беседу с Френсисом, который приехал сюда для операции. Френсис еще не видал Вильсона и, кажется, его и не увидит. Вся беседа состояла из воспоминаний и из подробного рассказа о его пребывании в Вологде, Архангельске, об эпизоде с арестом и освобождением Чайковского.

Среди дня я информировал Нордмана[603], который едет в Париж, о том, как мы относимся к правительствам Колчака и Деникина. Здесь были почти готовы признать Уфимское правительство; уже был написан текст признания, когда совершился переворот Колчака. Литовцев[604], говорят, первый сообщил о нем, узнав из телеграммы, прочтенной в посольстве, – в Foreign Office, как о «контрреволюционном» перевороте. Соответственная характеристика переворота была сделана в № 3 «Russian Commonwealth»[605], двухнедельного журнала, издаваемого Литовцевым от имени The Union «R[ussian] C[ommonwealth]» (Narodopravstvo)[606], где собрались преимущественно умеренно левые элементы колонии (Зунделевич[607], Тюрин[608]). Chancery Lane. Левее их г-жа Половцева и здешние кооператоры, более или менее открыто стоящие за большевиков. Правее – союз «Братство»[609], собирающийся в помещении русск[ого] консульства, 26, Chester Square, и Russian Luncheon Club, завтракавший по четвергам в Russell Hôtel. Шкловский[610] – и здесь, и там, но сам называет себя «черносотенцем» и рассказывает, как он и полков[ник] Беляев (подтвердивший это) сошлись на том, что один готов признать монархию, а другой – республику, – если то или другое может спасти Россию.

1919

1 января

Завтрак с Holsti[611], к[ото]р[ый] здесь представляет Финляндию. Исполняет мою просьбу справиться о даче и библиотеке в Финляндии. Вопроса о положении Финляндии не затрагиваем. Проездом в Париж здесь Тернгрен, но свидание с ним расстраивается.

В 5 ч[ас]. члены комиссии и я делаем доклад в Russian Commonwealth (Imperial Hôtel) о положении вещей в России, выдвигая вперед преимущественно то, в чем мы согласны. Для беседы о внутренней политике, нас разделяющей, решено устроить собрание меньшего состава. По другому вопросу – об интервенции – убеждаются в

нашем единодушии. Это производит впечатление на противников интервенции, что отражается в статье Соскиса (в «Observer»'е[612]).

2 января

Доклад членов миссии в Russian Luncheon Club. Состав собрания, близкий к посольскому, отражается на отношении ко мне: меня отсаживают в сторонку и вначале решают, что я присутствую «инкогнито». Но это вызывает недовольство части публики, которая, после речей других членов миссии (Гурко и Титова) требует моей речи. Я лишь устанавливаю нашу солидарность и подчеркиваю опасность разъединения и слабость позиции умер[енного] социализма на примере 1905 и 1917 гг. Решают: просить от меня отдельно доклада через неделю.

3 января

Завтрак с Zimmern'ом[613], который теперь тоже служит в Foreign Office и близок к «Round Table» и к «New Europe»[614]. Я только что прочел книгу Zimmern'a о национальностях – и неожиданно нашел широкий взгляд и смелую критику утрировки начала selfdetermination*. Zimmern заявляет, что трудно вбить что-нибудь в английскую голову. Он прикосновенен к проекту Лиги Наций, выдвинутому Rob.Cecil'ем[615]. Я указываю на противоречия с брошюрой Smits'a. План Сесиля – осторожнее. Zimmern, однако, отрицает разницу. Его отец – германский еврей; этим объясняется широта его взглядов и понимание интернациональных интересов.

В 4 ч[ас]. доклад Гальперна[616] в «Братстве». Очень умелый и ловкий.

Обед устраивает Зингман, здешний крупный посредник по торговым операциям, который вообще хочет сблизить миссию, а меня особенно, с National Liberal Club и устраивает наш доклад в этом клубе. Для успеха доклада заранее знакомит с членами клуба, которые к нему ближе: Hill и MacCarmick, его Гильдерштейн и Розенкранц. Hill – старый журналист. M.Carmick – заведует чем-то в отделе труда и контролем народного образования. Оба типичные либералы: M.Carmick – с радикальным оттенком; он ирландец и не стесняется, в изв[естном] смысле, называть себя Sinn Fein'ом[617].

4 января

Завтрак с Набоковым в Hyde Park Corner Grill Room проходит довольно бессодержательно. Тыркова[618], видимо, имеет на него влияние и направляет его мысли в надлежащее русло. Предоставлен-

---

* самоопределения (англ.).

ный сам себе, он растекается мыслью в пространстве и совершенно не способен отличить важное от неважного. Но, в общем, настроен очень патриотически. Весьма обижен англичанами, которые держат его в черном теле и третируют, и русскими коллегами, которые не позвали его в Париж. Англичане, по сообщению Тырковой, помнят его депеши (перлюстрированные ими) Временному правительству, с резкой критикой англ[ийского] правительства. По его рассказу, в новогоднем списке прошлого года его пост даже был оставлен vacant*, и от этого отказались только тогда, когда он погрозил немедленно закрыть все русские учреждения. Капиталы России секвестрованы, для сохранности; жалование штату выдается ежемесячно из англ[ийского] казначейства, в кредит.

5 января

Тыркова приходит встревоженная и спрашивает, не следует ли нам здесь выработать протест против недопущения России на конференцию. Я предлагаю сделать это в более мягкой форме — директив Набокову, который едет на конференцию. Соглашаемся, что что-нибудь надо сделать для выражения здешнего мнения.

Набоков получил отказ в поездке русской миссии (нашей) назад в Париж.

6 января

Сообщение в редакции Commonwealth по вопросу об интервенции и внутренней политики. Относительно первого — все согласны, но Литовцев продолжает доказывать, что нельзя *прямо* защищать интервенцию, не рискуя потерять влияние в рабочей печати. Вопрос о *форме* защиты остается открыт, но Литовцев согласен со мной, что *психологической* мотивировкой не следует подменять *моральную* и не следует давать повода думать, что Commonwealth исходит из предпосылок большевизма. По внутр[енним] вопросам беседа только начинается: отсрочиваем до след[ующей] встречи. Я успеваю высказаться о признании Колчака и *против* агитации против него.

7 января

Завтрак с Russian City Luncheon Club — общество русских здешних коммерсантов. Председательствует Бер. Меня делают первым оратором. Я говорю о слабости материальных предпосылок большевизма. После меня говорят Титов и Гурко. Все по-английски, т. к. есть агличане-гости.

---

* свободным, незанятым (англ.).

8 января

Заседание экономической комиссии в посольстве. Гурко делает подробный доклад. Я дополняю, преимущественно о состоянии деревни, торговли, положении производительности и т. д.

9 января

Очередн[ой] завтрак в Russian Luncheon Club с подробным моим докладом о положении вещей на юге России. Роль Деникинской армии, Краснова, Скоропадского. Позиция политич[еских] организаций.

10 января

3 ч[ас]. Совещание в посольстве по вопросу об отношении к парижскому совещанию. Резко отрицат[ельные] взгляды Набокова отн[осительно] участия в конференции вообще, и адм[ирала] Кедрова[619] относит[ельно] вражд[ебного] отношения англичан к России: необходимость опираться на Францию. Я тоже резко ставлю тезис: единственный представитель России – Сазонов, и мы должны добиваться его участия на конфренции. С ним поедут те, кого укажут правительства Деникина и Колчака. Титов возражает, что нельзя безусловно поддерживать эти правительства и отрицать участие общественности. Заседание обрывается, т. к. многие идут слушать мой доклад, по-английски, в 5 часов в 26, Chester Sq[uare]. Аудитория небольшая. Председательствует Mr. Callum Scott[620], к[ото]р[ый] ставит вопросы о силе Красной армии, о Ленине и Троцком. После подробного ответа, перехожу к докладу, который производит впечатление, – особенно последние слова: мы не хотим charity*, мы имеем *права* на помощь, мы просим *justice***. Многие подходят благодарить: первое смелое слово.

Доклад напечатан по конспекту (не совсем то, что говорилось) в № 5–6 «Russian Commonwealth».

11 января

Завтрак «Народоправства» в Russell Hôtel, для продолжения разговора о внутренней политике. Главная цель – заставить меня склониться на формулы Союза возрождения. Титов проявляет особенную настойчивость. От меня требуют, ч[то]б[ы] я признал Учредит[ельное] собрание. Я говорю, что, как предложил сам Титов несколько дней тому назад, я готов признать Национальное собрание (другой пункт, о созыве демократич[еских] земств, я признал еще

* милосердия (англ.).

** справедливости (англ.).

в Яссах; там же мы согласились относительно определения размеров автономии в Нар[одном] собрании). Но я не могу заранее обязаться признать его компетенцию – безграничной. Многое будет зависеть от обстановки и от поведения самих социалистов, что если выборы дадут опять Учредит[ельное] собрание *прежнего* состава? Пойдут ли они на новый эксперимент? Я не пойду. Я согласен испытать еще раз принцип всеобщего избир[ательного] права, но с теми оговорками, которые уже приняты в России: поднятие возраста, продление оседлости, исключение армии и, м[ожет] б[ыть], двойные выборы в деревне (это, говорят мне, защищает здесь и П.Г. Виноградов[621]).

13 января

Утром интервью с сотрудником «Pall Mall»[622]. Напечатано 15-го шикарно. Вечером прием делегации в British Russian Club, – с правым уклоном. Я туда не пошел, ч[то]б[ы] не создавать неловкости при отделении меня от остальной делегации.

15 января

Утром интервью с сотрудником «Westminster Gasette»[623]. Я возражаю на ее же замечания 13 января по русским делам. Все существенное проходит, хотя в очень смягченной форме, 16 января.

Вечером мой доклад в National Liberal Club. Доказываю, что большевики – не социалисты и не демократы, что их власть опирается на узкий социальный базис и поддерживается насилием, худшим, чем при самодержавии. Перехожу к вопросу о положении России на конференции и кончаю горькими нотами разочарования в отношении англичан с союзниками (письмо Lloyd George, от 5 января, опубликов[ано] в «Humanité»), отношение Smits, к[ото]р[ый] ставит Р[оссию] на один уровень с «расчлененными» Турцией, Австро-Венгрией и немножко ниже «национально-единой» Германии. Доклад производит впечатление, по общему отзыву. Гурко после меня читает – и плохо – по бумажке: за ним очень трудно следить. Очень удачно, против обыкновения, говорит Титов, обычно многословный. Его пример о «бешеных собаках» имеет полный успех. Вот, для характеристики сравнит[ельного] впечатления, беглый отзыв «Daily & Skatch»[624]:

To Smash Bolshevism. – All the grace and earnestness of M. Miliukoff was lavished upon a not too receptive audience at the National Liberal Club yesterday. The Russians who were there understood his points. But it was left to his Socialist colleague, M.Titoff, to hammer them home to the understanding of Britons.

The Spell-Binder. – I have never seen any man size up an audience so quickly nor capture them so completely. This studious, spectacled,

fairhaired young man drew such a picture of armed brigandage ready to march upon a defenceless civilisation that he roused a suspicious and sceptic impartiality to a real enthusiasm for his cause.

A Woman Who Knows. – A Russian widow by my side, who had looked daggers at some of the people who questioned one or two of M. Miliukoff's statements, was moved to tears. She had suffered, and she knew.

Mr. Gossip*

16 января

Завтрак у Денисова[625] и после завтрака совещание о предприятии, на к[ото]рое он хочет дать деньги. Обещания даны довольно широкие, но на исполнение он менее тароват. М.И. Ростовцев[626] читает составленный им проект устава Комитета содействия русскому делу. Цели – недостаточно конкретны; организация – замкнутая. 9 учредителей составляют комиссию, к[ото]рая не м[ожет] б[ыть] переизбрана раньше трех лет. Очевидно, это условие успеха не т[олько] в глазах Ростовцева, но и в глазах жертвователя. В число 9-ти входят Ростовцев, Вильямс, Шкловский, я, Гарднер[627], Нордман, жена Денисова, Крукстон[628], англичанин, имеющий связи с Россией, и в секретари Гамбс[629], член здешн[его] консульства, против к[ото]рого, однако, Тыркова что-то имеет. Я говорю, что нужно создать телеграфное агентство и печатать брошюры. На это 5000 ф[унтов], которые хочет пожертвовать Денисов для начала, мало, и я *не войду*, если все предприятие будет обеспечено только на один месяц. Важно развить наибольшую деятельность именно теперь. Это призводит впечатление, и Денисов сразу обещает, вместо 5 – 15 тысяч фунтов для начала.

---

* Раздавить большевизм. – Вся любезность и искренность м-ра Милюкова вчера была растрачена на не очень-то восприимчивую аудиторию в Национальном Либеральном клубе. Русские, которые были там, понимали его идеи. Но довести их до сознания англичан было предоставлено его коллеге, социалисту м-ру Титову.

Оратор. – Я никогда еще не видел человека, который бы столь быстро завладел аудиторией, который бы настолько подчинил ее. Этот ученый в очках, седовласый молодой человек нарисовал [столь яркую] картину того, как вооруженные бандиты сражались с беззащитным народом, что [преодолев] подозрительность, скепсис [аудитории], он возбудил настоящий интерес к его делу.

Женщина, которая знает. – Русская вдова рядом со мной, которая бросала гневные взгляды на людей, поставивших под сомнение некоторые утверждения м-ра Милюкова, расплакалась. Она страдала и она знала.

М-р Госсип

На обеде встречаюсь с Локкартом, к[ото]рый оказывается автором ответа Englishman'a* в «New Statesman»[630]. Разговоры и воспоминания о русских делах.

17 января

Делегация уезжает в Париж. Я передаю письма М.В. [Брайкевича] и статьи №№ 3–12 для Штерна. Прошу навести справки у Бойе о моих документах и у Третьякова о моих деньгах. Гурко пока остается.

Завтрак в Jules' Restaurant с Zimmern'ом, Glasgow (ред[актор] «New Europa»), <пропуск фамилии> (ред[актор] «Round Table»), Фишером[631] (мин[истр] народ[ного] просвещения) и еще неск[олькими] членами этого кружка. Разговоры о внутренней русской политике. Неожиданная просьба: написать то, что я говорил, в виде статьи и послать через день, в воскресенье, чтобы поспело к понедельнику в редакцию «New Europe». Принимаю.

18 января

Спешно пишу статью для «New Europe», на 3000 слов: переписывая, сокращаю.

19 января, воскресенье, статья отослана.

20 января

Ввиду спешного отъезда Набокова в Париж, совещание в посольстве переносится на понедельник со среды. Непримиримая позиция Набокова и такие же письма Тырковой к Маклакову, видимо, подействовали в том смысле, что Лондон хотят смягчить и Набокова вызывают. После долгих прений я предлагаю проект резюмирующей прения резолюции: условия участия наших представителей в конференции (неучастие отдельных национальностей, признание единства России в лице ее двух правительств и ее мин[истра] ин[остранных] дел, участие на равных правах с другими великими державами и т. д.). Принимают, но просят развить. Выбирают комиссию: кроме меня, из Тырковой, Шкловского и Кровопускова. Написав это, вижу, что, значит, *это* заседание было *до* отъезда делегации, до 17-го (пон[едельник] 13-е?).

Комиссия на след[ующее] утро собралась у Тырковой, и я написал доклад, тотчас же посланный.

На докладе 15 февраля* председательствовал Bryce, которому я произнес после того на обеде речь, как истинному представителю

---

* англичанина (англ.).

здорового интернационализма и моему учителю политич[еского] идеализма. Bryce, к[ото]р[ый] был очень осторожен в начале встречи (только факты), потом очень расчувствовался и сказал очень сочувственную речь. Я тогда же ему послал, по совету Hill'a, благодарственное письмо, на которое получил любезный ответ.

23 января. Вечером обед, устроенный Зингманом в Nat[ional] Lib[eral] Club, с участием Jones'a (корреспондент парламентской «D[aily] News»[632]), Edwards'a[633] (победителя Гендерсона[634], депутата рабочей партии на выборах) и т. д. В этот день стало известно предложение о Принкипо, и, конечно, тема для разговоров м[огла] б[ыть] только эта. В ответ на тост за меня (Hill, секондированный Edwards'ом), я ответил критикой английской позиции и вильсоновского предложения. Тогда Whale произнес речь в защиту предложения, заявив, что Англия привыкла считаться с «совершившимися фактами». Я ответил, в более резком тоне, с каких пор Англия покинула позицию защиты права? И что значит этот «соверш[ившийся] факт»? Если, вопреки Англии, совершится обратный, поражение большевиков, – по-нашему, неизбежное, – то Англия *тогда* его тоже признает? Но как встретит тогда это признание боровшаяся и не получившая поддержки Россия? Mc.Carmick меня горячо поддержал. Полемика произвела впечатление, несколько испорченное внешне грубой и неловко сказанной речью М.И. Ростовцева, после которой б[ыл] провозглашен тост за Зингмана, к[ото]рый делает русскую пропаганду всего удачнее не резкими речами, а мягкими действиями.

Вечером у Беляевых (28-го ниже). Полк[овник] Беляев много рассказывал о своей позиции и деятельности по национальному вопросу, отложил для меня копии своих докладов (к[ото]р[ые] я забыл).

26 января, воскресенье

В ожидании моего доклада в Liceum Club устроительницы пригласили меня туда же на lunch** и расспрашивали, что такое большевики, и ответ произвел впечатление.

28 января

Я пошел на завтрак в Russian City Lunch Club, чтобы послушать предполагавшийся доклад Розова о России. Но докладчик уехал в Париж, и мне предложили вместо него сделать доклад о предложении относит[ельно] Принкипо. Я дал подробный анализ истории предложения, его вероятных мотивов и т. д.

---

* явная опечатка: следует читать 15 января.

** ланч (англ.).

Обедал у Беляевых; сюда надо перенести заметку из 23 января (тогда я опоздал из-за обеда в Nat[ional] Lib[eral] Club).

29 января

Обед с Ross'ами (кузина, брат ее мужа, доктор, Sir Donald Ross, консервативный член палаты Burgoyne[635] и его бельгийский друг). Подробный рассказ о большевиках и критика английской позиции невмешательства.

30 января

Утром поездка с Mc.Carmick в Secondary School в Hackney. Русские еврейки, не говорящие по-русски. В 1¼ едва поспел в Luncheon Club, Russell Square; где обсуждался способ реагировать на Принкипо. Предложил принять парижскую резолюцию блока, с мотивировкой из трех пунктов: 1) практич[еская] *бесполезность* предложения, 2) моральная *несостоят[ельность]* и 3) политич[еский] *вред.*

В 5.30 присутствовал в Nat[ional] Lib[eral] Club на докладе Hugo Vallentin о «Швеции во время войны» и был вызван председателем Спендером[636] на возражения. Докладчик совершенно затушевал активистское движение и германофил[ьские] настроения двора, армии и дворянства. Преувеличил «русскую опасность». Так что мне было легко возразить и провести параллель с Норвегией, en connaissance de cause*. Это, видимо, произвело впечатление, тем более, что я говорил, а он читал, — и усыпил слушателей.

1 февраля

2.30. Слушал Elgar'a «Dream of Gerontius»[637], в Albert Hall: интересная музыка и отличное исполнение. Но прозевал заседание в посольстве, на котором вернувшийся из Парижа Гарднер (кстати, я ему в предыд[ущее] заседание дал письмо к Сазонову с предложениями как действовать, если придется частично уступить в вопросе о Принкипо; ответа не получил) рассказывал о своих впечатлениях в очень оптимистическом тоне. Помощь России *фактически* оказывается. Дивизия французская стоит в Одессе и в Севастополе. Совещание «общественных деятелей»[638] в Париже с кн[язем] Львовым во главе, наконец, отодвинуто в сторону Совещанием послов[639], с Сазоновым во главе. Т[аким] о[бразом], *часть* моего писания исполнилась.

6.30. Митинг Асквита в Albert Hall. Асквит сильно постарел. Речь — компилятивная и неоригинальная. Внешний успех большой.

---

* со знанием дела (франц.).

2 февраля, воскресенье

Утром в Surbiton, завтрак у Zimmern'ов, в их уютном котедже. Знакомлюсь с семьей. Дочь – виолончелистка. За музыкой и политика отходит на 2-й план. Zimmern показывает проект германской конституции (из «Frankf[urter] Z[eitung]»). Я ему жалуюсь, что Glasgow, в только что присланной корректуре моей статьи, тщательно вытравил все критические замечания и полемические намеки по адресу англичан. Zimmern выражает недоумение. Статья, к тому же, оказалась отложенной на неделю, ввиду статьи Williams'a о Принкипо. Об этом письменно меня уведомил Glasgow.

В 8 ч[ас]. вечера обед у леди Paget[640]; после обеда собралось общество, которое потребовало от меня изложения моего мнения о России. Я воспользовался случаем и разнес английскую политику; а возражения хозяина дали мне возможность опровергнуть и английские предрассудки относит[ельно] вмешательства. Присутствовавший Волков сказал, что только теперь все для него стало ясно.

4 февраля

В посольстве. Приехал Чайковский, к[ото]рый и излагал свои взгляды. К Колчаку отнесся с подозрением, как к реакционеру, предлагал, прежде всего, объединиться («сами виноваты») и для этого устроить центр в Париже, а для сохранения единства военного командования за *русскими* заявить, что мы подчиняемся не отдельным державам, а всей Лиге Наций. Я ему рассказал о действит[ельном] положении на юге, защищал Колчака и доказывал, что объединяющий центр м[ожет] б[ыть] *только* в России, а в Париже – только центр *посредничества*. Предостерегал против увлечения правами не существующей еще Лиги Наций. Наивность и непосредственность Чайковского встретили одинаковое отношение в присутствующих. Из посольства Чайковский съездил на свидание к лорду Curzon[641] и вернулся с приятными вестями. *Содействие продолжается*, несмотря на все толки о невмешательстве. На ген[ерала] Пуля там смотрят, как и Чайковский: как на человека нетактичного, вмешивающегося не в свои дела (гражд[анское] управление).

В отсутствие Чайковского сделал доклад Струве о положении русской колонии в Финляндии. Трепов компрометировал себя тем, что, стоя во главе чисто благотворительного комитета, слишком откровенно вел определенную политич[ескую] линию (монархическую). В конце концов, состав комитета, по предварительному соглашению, б[ыл] переизбран, и в председатели попал т[олько] ч[то] приехавший Карташев[642]. Маннергейм давал деньги Трепову: вооб-

ще, финл[яндское] правительство покровительствует правым элементам. Живя в Финляндии, нельзя отказать финляндцам в признании их полной независимости. Таковы мнения и *чувства* русской колонии, и Струве к ним присоединяется *по существу*. По поручению предыдущего собрания, он д[олжен] б[ыл] написать проект *общего заявления* лондон[ской] колонии по поводу отнош[ения] Peace Conference*, но не кончил работы, составив только часть проекта.

5 февраля

Утром очередной двухнедельный завтрак в Nat[ional] Lib[eral] Club с остроумным докладом Birrell'я[643] «Thoughts on the present discontent»**. Тонкая защита правительства. *Все-таки* есть правительство; *все-таки* у него есть программа; *все-таки* есть парламент: народ высказался. Выборы — грязное дело; но не спрашивайте, что говорится на митингах и в избирательных афишах. Спросите, как народ подаст свои бюллетени. У народа в Англии есть достаточно *здравого смысла*, ч[то]б[ы] можно было не бояться большевизма. Забастовщики как-нибудь *сговорятся* и найдут *разумную границу* требований: *свободное обсуждение* — вторая опора Англии. Не надо прибегать к силе.

В 4.30 мой доклад в Lyceum Club. Отвратительная погода; отсутствие сообщений (strike*** на Underground**** продолжается), небольшая аудитория. Я построил доклад на сравнении — чего мы ожидали в России; что мы нашли здесь. Мы ожидали союзнического отношения и признания. Встретили настроение против «интервенции» и в пользу большевиков. Правительство уступает левой прессе и в том, и в другом отношении. *Результат*: 1) трактование России как побежденной страны (брошюра Смитса) и примирение с ее расчленением, идущее даже до рассуждений Andri Glarner (корреспондент «Exchange» в Париже), что Англии *выгоднее* слабая Россия. 2) Второе разочарование — первое для широких кругов — предложение о Принкипо. Как оно встречено нами и большевиками? Что скрывается за готовностью большевиков идти на уступки? Манифест Ленина — что такое вообще большевики и что значит «признать русскую революцию без оговорок» (слова в тексте предложения).

---

* Мирной конференции (англ.).

** «Размышления на тему современного недовольства» (англ.).

*** забастовка (англ.).

**** подземке (англ.).

После меня говорил Sir S. Hoare[644] – очень хорошо – *в пользу поддержки России.* Он кончил перчислением *четырех* возможных политик:

1) помогать сразу обеим сторонам (как Англия делала),
2) не помогать ни одной,
3) помогать большевикам,
4) помогать их противникам.

И путем исключения пришел к последнему. 12 февраля он повторил эти же аргументы в Палате Общин.

Встреча с Ланге и с лордом Чарделем с N[ational] Lib[eral] Club.

6 февраля

В 2 ч[ас]. в женской Secondary School в Hackney. Масса письменных вопросов учениц, отчасти очень характерных. Рассказываю им о России, о русской школе, о большевизме. Сохраняю вопросы.

В 7½ приходит Шиллинг[645] к обеду. Очень подробно и интересно рассказывает о положении дел в Балтийских провинциях. Первоначально (при германцах), тенденция к объединению этих провинций в одно целое была сильна и поддерживалась комитетом из балтийских немцев, которые в объединении видели средство усиления немецкого элемента. После ухода германцев комитет распался. На смену выступили притязания отдельных провинций на независимость. Но перед ними стал вопрос, как закрепить эту независимость. Они пробовали всякие комбинации. Финляндия не решилась расширяться на юг от Ф[инского] залива. Швеция при либеральном правительстве не хочет никакой экспансии. Была идея вернуться к идее объединения под покровит[ельством] Германии; но было ясно, что на Германию нельзя опереться. Тогда само собой, путем исключения, стало выдвигаться решение: сблизиться с Россией, – конечно, *небольшевистской.* Сюда теперь торговый класс, к[ото]рый лишается торговли с отходом Балт[ийских] пров[инций]. Боят[ся] пров[окации] от России. К этому же ведет литовцев страх перед поляками. Конечно, все еще стоят формально на независимости, и в форме *подчинения* не захотят объединения с Россией. Но они не прочь переговорить о той или другой форме автономии.

7 февраля

Завтрак в National Lib[eral] Club с Christian Lange[646], которого я неожиданно встретил третьего дня в клубе. Он на перепутье между Норвегией и Бельгией с Голландией. В Париже ему отказали в пропуске, и он считает, что Франция теперь настроена так шовинисти-

чески, что нужно на время оставить ее в покое. Его планы – восстановить деятельность Union Interparliamentaire[647], к[ото]рая, собственно и не прекращалась, особенно в нейтральных странах, и затем настаивать на том, чтобы учреждения междупарламентские ими были признаны, как органическая составная часть учреждений Лиги Наций. С лордом Уэрделом они сочинили какой-то документ. Ланге довольно оптимистически настроен относительно Лиги Наций и Вильсона и не разделяет моих сомнений. Он в восторге от того climax'а*, который осуществил Wilson от первых скромных заявлений после высадки до своей манчестерской речи. За завтраком встречаем Perris'а, деятеля англо-америк[анского] сближения, к[ото]р[ый] говорит о трудностях дел, о медленном процессе сближения и о необходимости развивать общий принцип в конкретных формах, которые доступнее и приемлемее.

При входе в клуб встречаю компанию с Zimmern'ом, который, видимо, не хочет, ч[то]б[ы] я его заметил. Вчера «New Europa» вышла *без* моей статьи, что после письма ко мне Glasgow прошлую неделю становится странным. Видимо, против моей концепции «внутренней политики» в России имеются возражения. Можно понять какие. Подождем.

Вечером обед в N[ational] L[iberal] C[lub], устроенный Зингманом. Меня вызывают на речь о «стачках». Я отвечаю: т. к. вы против intervention** в русские дела, то и я принужден быть против intervention в английские дела. Но вот исход: я буду говорить против intervention *русского большевизма* в английские дела. В ответ на лозунг «Hands off Russia»*** я провозглашу «Hands off Great Britain»****. Привожу доказательства вмешательства большевиков в стачку: ее обход Trade Unions соответствует отрицанию парламентской тактики. Ее очевидное игнорирование экономических основ соглашения доказывает ее политический характер и ее цель – *не сговориться, а довести до гражданской войны*. Возражаю против оптимизма Бирреля.

Неожиданно сфера обсуждения расширяется длинной речью Harold Spender'а, который повторяет и развивает все свои аргументы против intervention. Его главный козырь: сравнение с французской революцией, против к[ото]рой приглашали сделать то же самое как против русской. Но франц[узская] революция только *усилилась* перед

---

* нарастающего изменения (англ.).
** вмешательства (англ.).
*** Руки прочь от России (англ.).
**** Руки прочь от Великобритании (англ.).

страхом вмешательства: не то же ли будет с большевизмом? Не правда ли, что больш[евистские] войска слишком сильны и что *большой* помощи дать нельзя, а малая будет провокацией?

Я отвечаю речью, которая вышла очень сильной. Сравнение с франц[узской] революцией верно т[олько] относит[ельно] общей психологии *всех* революций. Но ход ее другой. Правда, страх нашествия извне усилил ее радикализм и привел к смерти короля; но этот climax франц[узской] революции не соответствует нашему climax'у. У нас *эта* часть революции, движимая страхом контрреволюции, кончилась *раньше*, а дальше мотивом и целью был уже не страх извне, а *внутренняя гражд[анская] война*. Франц[узская] армия Наполеона закалилась во *внешней* борьбе: мы не имеем сил для *внутренней* [борьбы] и нуждаемся во *внешнем* толчке. *Только* в одном случае русская революция может эволюционировать в наполеоновском направлении: это если *опасность будет грозить единству* России. Тогда я могу соединиться с Лениным и Пуришкевичем на идее *защиты России*, хотя теперь, как бы далеко ни протягивал руки влево и вправо, не могу дотянуться ни до Ленина, ни до Пуришкевича. Поэтому в *этом* вопросе советую быть осторожным с Россией. Что касается силы Красной армии, она условна и – за исключением упомянутого случая – непрочна. *Мы* ее не боялись. Преувеличенный расчет сил, нужных для русской экспедиции, я думаю, идет от полк[овника] Boyle, который дал *ту самую цифру* (1 000 000), какая была названа и в последнем «New Statesman». Мы – и военные эксперты на юге – требовали гораздо меньше, 150 000, и даже сейчас, на юге России командуют и решают *десятки* тысяч и даже тысячи, а не сотни. Вмешательство, *все равно*, будет необходимо; но оно с каждым днем становится труднее, и защищать Одессу будет труднее, чем было оборонять Киев. Возможность сговориться с большевиками, конечно, исключена.

8 февраля

Утром в 10 ч[ас]. приходит Napier, служащий в Foreign Office, и рассказывает о своей долгой борьбе с Дмовским[648] и с польскими притязаниями на Белоруссию и Литву. Настаивает, чтобы я написал статью об этом и вызывается устроить статью в «Times»'е. Я соглашаю[сь], прошу материалов. Рассказывает, как Дмовский интриговал против него. Статья Napier (анонимная) о русско-польск[их] границах в «Times» написана *с ведома ведомства*, и «Times» это знает. Дмовского поддерживает французский католицизм. {На днях я слышал из другого источника, что Ватикан, потеряв надежду на воссоединение с русской церковью, теперь дал лозунг – поддерживать создание

сильного католического государства, Польши, за счет России.} Поляки теперь заявляют, что прежние этнографические карты были ошибочны, что они тогда напрасно поверили русской статистике. Теперь у них два аргумента: 1) Записка Столыпина, который в 1908 (?) году старался напугать царя преувеличенными цифрами польского населения в Зап[адном] крае и 2) новейшая германская статистика времени оккупации: но она составлена самими же поляками, в лице местных мелких работников, производивших действительную перепись.

Вечером в помещении Палаты Общин у Charles Crane[649], который проездом из Америки в Париж остановился у родственников speaker'a*. Разговор вращается больше на воспоминаниях и сувенирах, вывезенных Кре[й]ном из Китая. Просит прийти еще раз.

9 февраля

В 5 ч[ас]. опять у Кре[й]на, много гостей, Thompson'ы, бывшая Lady Morgan. Опять никакого делового разговора, но в конце Кре[й]н отводит в сторону: я выражаю сомнение в отношении Вильсона к России. Кре[й]н отвечает, что президент любит делать только одно дело зараз и что теперь он занят Обществом Наций. Но чтобы я не беспокоился: как только он это наладит, он вернется к России, и я буду доволен. Я отвечаю, что есть вещи, которые не допускают промедления. Я понимаю, что предложение о Принкипо было простым снятием с повестки (Кре[й]н соглашается), но в России оно произвело ужасное впечатление, и Вильсон фактически уже усилил наших врагов, а нас ослабил. Можно было не помогать, но зачем же вредить? Кре[й]н отвечает просьбой: написать ему короткую записку, в которой отметить, что должно идти вперед, и что после; намекает, что он использует ее для Вильсона. Конечно, я соглашаюсь.

10 февраля

Завтрак у Runciman'a[650], у которого встречаю редактора «Westminster Gazette», Alfred Spender'a. После завтрака разговор втроем, в котором я получаю возможность развить русскую точку зрения, встречаю со стороны Spender'a обычные возражения. Он только что вернулся из Франции и настроен очень оптимистически относительно Лиги Наций. Я доказываю, что Лигу Наций надо было строить снизу, а не сверху.

Вечером обед у Lepre в Wellington Club. После обеда интересный разговор у него дома. Он расспрашивает с большой подробно-

---

* председателя Палаты Общин в Англии (англ.).

стью о положении в южной России и о моих расчетах на немцев, признавал авансом, что тогда только на это и можно было рассчитывать. Разделяет все мои возражения против «Восточного фронта»: они хотели вмешательства вовсе не в том смысле, в каком оно произошло. За вмешательство японцев стояла особенно Франция — и *обещания, нам данные, есть обещания Франции*: Англия, особенно Америка, относились к этому отрицательно. Конечно, целью, в конце концов, оказалась не поддержка России, а отвлечение Германии с Зап[адного] фронта. Конечно, о России не думали.

Рассказывает о себе, почему он был прежде «большевиком». Он следил за большевизмом раньше, как за социальной системой, и его возмущало, что люди, совершенно незнакомые с этой стороной, упрощают вопрос и трактуют большевиков как наемных разбойников. Теперь, конечно, он против.

11 февраля

Утром организационное заседание нашего Комитета[651] на Fleet Street, 173. Председатель уже намечен — М.И. Ростовцев, я предлагаю в тов[арищи] председ[ателя] Шкловского, Ростовцев предлагает в секретари Тыркову, которая тут же получает командировку в Париж: немножко слишком по-семейному. Готова работа Шкловского о большевиках, другая — об укр[аинском] вопросе — не касается самых важных сторон и не знает литературы. Тыркова прислала ее мне, очевидно, чтобы прикрыться моим отзывом, а он — отрицательный. Говорю об этом Шкловскому приватно: он смущен. Спрашивают о моих работах. Предлагаю Бессарабию и об общем положении России (свод докладов). Тыркова делает оговорки относит[ельно] последней темы; спрашиваю, против чего она возражает: она ссылается на мой разговор с Мейендорфом[652] у нее (очевидно, намек на «германофильство»). Другие находят тему необходимой: пристрастность слишком очевидна. Со своей стороны, она предлагает на средства Комитета отпечатать декларацию Струве, вызывая ответ председателя: т. к. мы не знаем содержания, то это подойдет под понятие «содействия» чужим предприятиям. Она меня спрашивает: «Я вам показывала» (хотя отлично знает, что нет). — Отвечаю: «Нет». — Ну, все равно, очень хорошо написано, нужно собрать подписи. — Недоумеваю, почему все составление этого документа проведено в каком-то секрете от меня. М[ожет] б[ыть] Тыркова сердится, что я к ней не хожу, м[ожет] б[ыть] что-нибудь другое?

12 февраля

В 5½ ч[ас]. меня вызывают, вместе с Вильямсом и Аркадием Борманом[653], в парламентскую комиссию иностр[анных] дел в House

of Commons* (комиссии здесь – не очень формальные). Члены комиссии ставят мне вопросы: первым председатель Hoare спрашивает, как я думаю о намерении признать большевиков как *самое сильное* правительство и как совершившийся факт?! Я отвечаю, что возражал бы, даже если бы они в самом деле были самые сильные; но доказываю, что сила их мнимая. Рассказываю борьбу Добров[ольческой] армии. Один член спрашивает об отношении большевиков и церкви: почему священники не протестуют и не поднимут восстания? Это дает мне повод объяснить разницу русской и западной демократии и рассказать про непрекращающиеся восстания. Упоминаю про невозможность бюджета, дефициты. Один член спрашивает: как же они обещают уплатить нам займы, – и вызывает общий смех. Объясняю, какой смысл для большевиков имеет циническое предложение бросить подачку капиталистам. Аркадий, переводимый Вильямсом, рассказывает про отношения Ленина и Троцкого, про цены съестных припасов в С[анкт-]П[етербург]е. Приводит пример бессилия большевиков настоять на исполнении своих приказаний. Я обобщаю факт. Общее впечатление: депутаты знают слишком мало, чтобы ставить серьезные вопросы и получить серьезные ответы. Скоро их воображение иссякает и нас отпускают с благодарностью.

13 февраля

Наконец, дописываю записку Кре[й]ну и перед обедом отсылаю ее через американское посольство. Вильсона она уже не застает, т. к. он уезжает 15-го в Америку.

Привожу здесь текст записки (см. ниже, под <пропуск>).

14 февраля

Вечером обед с Hoare и Guinness[654] (оба ораторы по русскому вопросу в Палате). Guinness приносит Enc[yclopedia] Brit[anica] с картой России и записную книжку: записывает даты, я ему объясняю по карте. Уровень знаний, конечно, совершенно ничтожный.

15 февраля

Приезжает Зингман (м[ожет] б[ыть] раньше) со своими записками и с одной, которую он поручил написать Hill'ю, с перечнем русских правительств, с моей кандидатурой в президенты федеративной республики (!) и с указаниями на другие почтенные знакомства Зингмана. Цель записки – объяснить значение возобновления торговли с Россией. Исправляю перечень и зачеркиваю свою канди-

---

* Палате Общин (англ.).

датуру. Очевидно, надо в будущем быть осторожнее: здесь вскрываются реальные цели Зингмана при ухаживании за мной.

Вечером обед у Полякова с Шмарьей Левиным[655] (I Дума) и Якобсоном, к[ото]рые едут в Палестину. После обеда приходит Numer — это он передал 1-го числа Полякову материалы о Польше. Пересказывает *по секрету* (это рассказано в вечерней газете), как Клемансо три раза в день убеждает себя, что он *действительно верит* в Лигу Наций и, отходя ко сну, говорит «G[rand] S[eigneur], aujord' hui tu as cru dans le L[igue] des N[ations]»*.

17 февраля

Доклад заместителя начальника Научно-промыш[ленной] экспедиции для исследования рыбн[ых] промыслов Сев[ерного] Ледов[итого] океана, Эрн. Ад. Вебермана (помещ[ение] Зем[ского] союза).

«Я — эстонец по происх[ождению], хотя и принадлежу к русск[ой] интеллигенции, 19 ок[тября] 1905 [г.] «изрублен на куски» перед университетом (одновр[еменно] с Тарле[656]). Я тесно связан с рус[скими] интересами. В Арханг[ельске] очутился во время больш[евистской] революции, по поручению Мин[истерства] продовольствия, принял грузы от Вел[икобританского] правит[ельства]. Прожил год в Арханг[ельске]. Остановлюсь на приходе союзников. Население ждало англичан; было ясно, что если эти симпатии не буд[ут] испорчены, дальн[ейшая] дружба обеспечена.

Верх[овное] управление. Монар[хический] переворот *6 сентября*[657]. Всеобщ[ая] забастовка. Инициаторы поняли, что сделали ошибку. Со слов офицеров прав[ой] ориентации знаю это. После этого — Врем[енное] правит[ельство] коалиц[ионного] состава[658], потом в желтой печати нападки на членов Учр[едительного] собр[ания], участв[ующих] в правит[ельстве]. Тогда составлено *буржуазное* правит[ельство]. Правая печать торжествовала. Но правит[ельство] оказалось слабым, был устр[оен] финан[сово]-экон[омический] совет с участ[ием] обществ[енных] организаций (в т[ом] ч[исле] кооперации). Не оправдал надежд, не оживляет деят[ельность] правит[ельства], бессилен. Мин[истерство] фин[ансов] и Мин[истерство] торгов[ли и] пром[ышленности] (кн[язь] Куракин[659] [министр] фин[ансов]), неудачное предприятие со спиртом — подняли цену на 10, потом 25 р[уб]. за градус. Возопили хирурги и земство. Такой же конфуз с опред[елением] курса: англичане по 48, сов[етское] прав[ительство] 45: (в конце января уравнены). Председ[атель] фин[ансово-]экон[омичес-

* «Велий Боже, сегодня ты поверил в Лигу Наций» (франц.).

кого] совета Грудестов[660], опытный сановник, умеет вести дело. Но уехал в Париж; другие ничего не знают. Вед[омство] торговли – во главе Мефодиев[661], чл[ен] Думы, соверш[енно] не справляется. Полит[ические] группы и печать: 1) Крайн[ие] правые – газ[ета] «Отечество»[662], мал[ый] листок, ведется прилично, там эмигр[ант] Семенов (Коган)[663], Старцев[664] (стоял близко к перевороту), Чаплин в Арх[ангельске]), о. Лелюхин, протоиерей, имеет вес в англ[ийских] круг[ах], ген[ерал] Муруз[и][665] (быв[ший] цензор?), значит[ельная] часть и офицерства, и коммерч[еских] кругов. «Отечество» критикует правительство, особенно Чайковского, но – прилично. Обыватель считает, что они замышляют переворот: охрана у Чайковского (одновр[еменно] боялись и перевор[ота] справа, и слева). Часть офицерства действит[ельно] считала правит[ельство] недост[аточно] энергичн[ым] и правым. «Национ[альное] объединение». Ген[ерал] Пуль был очень близок к этому (к монарх[ическому] перевороту) – «Общество имени ген[ерала] Пуля» собир[ает] пожертвования, но, глав[ным] об[разом], политика. Сильны культур[ными] силами, к[ото]рыми остальные и кадеты не могут похвалиться.

2) *Партия н[ародной] своб[оды]* своего органа не имеет, и «Се-в[ерное] утро»[666], бульв[арная] газета, служит для их выступлений. «Арх[ангельский] край», «Арх[ангельская] жизнь» прекратились. Старцев офиц[иально] не выступает; ближе к «Отечеству». Бартенев Викт[ор] Викт[орович] (был в ссылке) стоит на т[очке] зрения, что необходимо возобновл[ение] монополии на телесн[ые] наказания. Выступления к. д. носят характер неопределенности. Репортер Вильям нападает на кооперацию, на левое крыло Думы, пишет передовицы. Выступления к. д. в этой газете вызывают недоумение. Дурн[ого] тона борьба с кооперацией и с выборн[ым] началом. Травля всего общественного.

3) *«Возрожд[ение] Севера»*[667] объединяет *всех социалистов* (исключит[ельно] большевиков). Во главе Ал. Ал. Иванов[668], член Учр[едительного] собр[ания], Мацкевич[669], агрон[ом] Капустин[670]. Иванов убежденный правый с. р. В послед[нее] время газета *не* объед[иняет] группы и *«ничем не отличается от «Отечества»* (заявление левых кругов на офиц[иальном] заседании). А «Отеч[ество]» называет ее «большевистской».

Общ[ественное] самоуправление. Многие увезены в Москву большевиками. Новые гор[одские] выборы при сильной полит[ической] борьбе дали победу *объедин[ению] левой (3 голоса).* К. д. шли с правой группой: после этого они продолжали борьбу; долгое время вся правая (почти ½) воздерживалась, и работа не могла идти. Дело-

вая работа начала налаживаться в конце января. Против социалистов очень настроена правая часть печати. Стремления к большевизму усилились после монарх[ического] переворота.

Продов[ольственный] комитет (врем[енное] прав[ительство]) *прекратил* существ[ование] при большевиках. Функция перешла к земству. Средства увезены к большевикам. Попилов[671] расстрелян (плехановец) по личной мести Кедрова[672], чрезв[ычайного] комиссара большевиков. По дороге из Вологды на север, по декрету Троцкого, что такие д[олжны] б[ыть] на месте расстреляны. С приходом союзников снабжение перешло к ним.

Зем[ское] самоуправл[ение] влачит жалкое существ[ование]. Страдает [от] отсут[ствия] кредитов. Предпол[агаемая] помощь товарами желательна. Часть функций перешла к кооперативам: там жизнь бьет полным темпом. «Совет кооперативов Севера»[673] д[олжен] б[ыл] объединить и устранить конкуренцию (под предс[едательством] Шмелева), Арх[ангельский] союз кооперат[оров], Сев[ерное] объед[инение] кооперат[ор]ов (Вологод[ское], Союз смолокуров). Моск[овский] нар[одный] банк развил еще при большев[иках] крупн[ые] операции. Больш[евики] не у[с]пели захватить, оказал крупные услуги Врем[енному] правительству.

Местн[ого] характера *союзы артелей* смолокуров и лесорубов: большие обороты обеспокоили частных промышленников, к[ото]р[ые] задерживают товар. *Частн[ая] торговля*, несмотря на приход союзников, парализована, т. к. *рынок закрыт*. Положение крупн[ого] капитала выжидательное (в мясн[ой] и рыбн[ой] промышл[енности]). Создаются крупные синдикал[ьного] хар[актера] объединения.

Общ[ественное] изучение р[усского] Севера (истор[ик] Шипчинский умер) захирело. Случайно застряла геологич[еская] *экспед[иция] на Печору* Рябушинского, под рук[оводством] пред[седателя] Чернова[674] (изыск[ание] медн[ой] и сер[ебряной] руды). Успешны по сост[оявшемуся] коммерч[ескому] займу. *Экспед[иция] по изуч[ению] хода рыбы* (арестован проф. <пропуск начала фамилии> цев), кормит сама себя.

Жизнь обывателя – монотонная. Никак[их] культур[ных] развлечений. Благотвор[ительные] вечера с танцами. Витрины союз[ного] бюро печати – вроде клуба. Театр[альная] труппа – Давыдов[675]. Литер[атурных] сил нет. Лит[ературный] кружок «Сев[ерный] Парнас» – не серьезен. Живут сенсационными слухами о большевиках: одни боятся, другие ждут. В январе – надежда на сибиряков: нарожд[ение] патриот[ического] чувства. Отнош[ение] к англичанам, после аферы Пуля, все хуже и хуже, начиная [с] демократ[ических]

кругов и кончая буржуазией – вражда к англичанам. В Нов[ый] год веселье английск[их] солдат, пели гимн, угощали сигаретами – рабочие не приняли, хотя это роскошь. *Злые взгляды*. Приходится слышать, что «придут *сибир[ские]* войска, тогда мы им покажем». Грубое отношение англичан: обращ[аются] в учрежд[ения] – т[олько] по-английски. Берут дрова у гор[одского] управл[ения] и не извещают. Реквизируют помещение, не уступают большевикам. Надо внушить *иное отнош[ение]* к населению. К америк[анцам] – другое отношение. Англ[ийские] офицеры торгуют, за покупаемое – платят. *Яйца 10–15 р[уб].* – штука. По знакомству 70 руб. десяток. Сахар стал дешев: предлагают по 13 руб. краденый англ[ийский] сахар (прежде 30 р[уб]. и больше). Хлеб в вольн[ой] продаже. – *около 100 р[уб]. пуд. Картофеля* нет, на толкучке в серед[ине] января: за самовар – мешок картофеля (3 пуда) = 600 р[уб]. Консервир[ованное] молоко 30 упало до 13 руб. *Соль* есть – заготовл[ена] для рыбн[ого] промысла. У обывателя *много денег*: хор[ошее] сливоч[ное] масло м[ожет] б[ыть] по *12 р[уб]. фунт*; потом до 18 р[уб]. При союзниках – *35 руб.* Молоко на базаре в «полагушке» – (стаканов 18) – 18–20 руб. Перестали привозить. Перестали брать керенки и «моржовки». Треб[уют] серебр[яных] ложек и колец. Покупают по безумн[ым] ценам *соболя*.

Средн[ий] класс *очень нуждается*. Просил спирта, ч[то]б[ы] выменять на табак и купить молока за табак.

Русск[ого] правит[ельства] нет: там – *оккупация*. Правит[ельство] иногда прибег[ает] к *диктатор[ским]* мерам и удачно. Исключ[ая] Чайковского, правит[ельство] не пользуется авторитетом. Прав[ительственные] круги сами увидели, что не могли дать ни одного автор[итетного] лица. Перед отъездом Чайков[ского] приехал ген[ерал] Миллер[676]: *м[ожет] б[ыть] удержит власть*. Чайковский не м[ожет] уехать до его приезда, хотя обыватель объяснял, что Миллер удалил Чайковского. Торг[овцы] в выжидат[ельном] положении. Порядка нет, п[отому] ч[то] нет здорового национ[ального] чувства, к[ото]р[ое] могло бы объединить: нет чувства гордости, что «я русский», напротив, говорят: «стыдно быть русским». Мне, эстонцу, приходилось успокаивать. Признаки нац[ионального] чувства – ухудш[ение] отнош[ения] к англичанам. Нет согласия, даже у социалистов.

Рыбн[ые] промыслы не разрушены, но мало развиты. Семга, палтус готовятся в надежде на вывоз. С навагой хуже: надежды не оправдались, испортилась. Лов трески и пикши сократ[ился] вдвое (150 000–200 000 против 400 000): собирались отменить твердые це-

ны. Рыба – треска продав[алась] по 1 р[уб]. 50 коп. по карточкам, не по карт[очкам] 2 руб. ф[унт]; летом до 5 р[уб].

Старый суд, уничт[оженный] большевиками в мае, *восстановлен*. Гос[ударственный] контр[оль], каз[енная] палата восстановлены, налоги *в городах* есть (в сущности *не* платят): правит[ельство] бессильно. Выпуск *новых север[ных] денег* (40 руб. – за фунт стерл[ингов]: копии *царских* денег, очень плохие, портреты царей заменены символич[ескими] – женщинами). Правит[ельство] живет займами у англичан. *«Заем доверия»* в начале прихода союзн[иков] встречен с энтузиазмом, потом охладели (англичане не стали принимать). *«Моржовки»* при большевиках выпущены, как разменные, местн[ым] отдел[ением] Гос[ударственного] банка, как *чеки* с обеспеч[енными] крупн[ыми] купюрами.

Воинская повинность – воин[ские] начальн[ики] восстановлены с мобилиз[ацией]. Сначала хорошо, когда пришли союзники. Когда монарх[ический] переворот, все испорчено: *рекрут не пошел,* «хотят устроить монархич[еский] строй». Мобил[изация] была отложена. Когда опред[еленные] годы, наконец, б[ыли] взяты, пошли удачно, но оказались большевиками и произошел бунт р[усских] войск (всего *неск[олько] рот*): усмирен и расстреляно 13 челов[ек] ген[ералом] Марушевским[677]. На фронт отправлены 3–4 роты: когда готовилось общее построение, отказались идти в бой и из-за этого чуть не попали в плен роты *франц[узского] легиона*. Обвиняли ген[ерала] Самарина[678] в наруш[ении] дисциплины, он отстранен, поступил сержантом во франц[узский] легион (устраивал митинги; правые офицеры г[ово]рили, что надо его арестовать).

Правит[ельство] выдвинуто «бурж[уазной] группой», т. е. торгово-пром[ышленным] классом, в противовес влиянию левых: *не соглашались* правые *ни на какие коалиции*. Тор[гово]-пром[ышленный] класс желает играть больш[ую] роль. Отправил своих делегатов на мирную конференцию (Грудестов и др.) – вместе с Чайковским. Кроме группы около «Отечества» есть «торг[ово]-промышл[енное] собрание». Дело о монарх[ическом] перев[ороте] 6 сент[ября] покрыто *амнистией*: но она коснулась т[олько] правых, а левых Мин[истерство] юстиции хотело привлечь, и правит[ельству] стоило больш[их] усилий убедить, что так нельзя. В Мурманске тоже раскалывается все старое.

Товары б[ыли] ввезены в начале (2 парохода). Арх[ангельский] рынок легко переполнить (напр[имер], готовое платье *рубл[ей] 300*).

Паек – *20 ф[унтов] муки* в месяц (белая): *до* союз[ников] $^1/_2$ ф[унта] черного хлеба. Союзн[ики] привезли хлеб, сахар, крупу, обувь.

Земск[ое] хозяйство, после разгона земства, передано в продовольств[енный] комитет, а теперь возвращено, при восстановл[ении] земства.

Все держится на американ[ских] войсках; но их боевая сила незначительна.

Русских солдат 3–4 роты в декабре (теперь 2000 русских). Чайков[ский] г[ово]рил, что к 1 марта будет *10 000*.

Большев[истское] настроение распространено: на судоремонт[ном] заводе при большевиках – *против*. 6 сентября – первый стал. *Теперь* считают с. р. газету консервативной: их *выборные** произвели на меня впечатление *полубольшевиков*. Митинги и собрания запрещены: на полулегальном собрании чрезвыч[айно] *левое* настроение. Деревня *неясна*. Местами дает партизан прот[ив] большевиков. А местами – определ[енные] большевики (подгород Арх[ангельска], Пинеж[ский] у[езд]).

В Мурм[анском] районе недоразумение с *финнами* (*красными*, к[ото]р[ые] боролись с *белой* гвардией) – 2000 чел., одеты в англ[ийскую] форму: не знают, что делать.

18 февраля

Завтрак у лорда Брайса с Морганами и с Солсбери – удается разъяснить им многое и заинтересовать Моргана. Зовет в Америку.

В 5 ч[ас]. беседа о России у леди Grogan: там встречаю Noel Buxton'a, Squire[679] (редактор «New Statesman») и офицера с Мурмана и из Архангельска. Беседа затягивается до 7-ми. Squire, видимо, кое в чем убедился уже из беседы с Бенкендорфом. Посмотрим, как отразится эта беседа на «New Statesman». Я раскритиковал «миллион» людей и взгляды «второго Englishman'a».

Вечером обед у Thompson'ов с Брайсами. Моя соседка M-rs Noble. Ничего особенно интересного.

Отдаю ночью Струве копию с записки Кре[й]ну.

19 февраля

Утром приходит Минулов (Сер. Руд.) и рассказывает о Финляндии (он жил в Кемпере). Свожу их со Струве, ч[то]б[ы] проверить его показания о «красных», к[ото]р[ые] во много раз лучше «белых». По разъяснениям Струве выходит: красные ухаживали за русскими,

---

* для участия в редакц[ионных] совещаниях. – *Прим. авт.*

т. к. им нужна была помощь русских матросов с моря. По той же причине «белые» ухаживали за германцами.

Действительно, националистический элемент силен у бывших «активистов», обучившихся военному делу в Германии, «егерей», к[о-то]рые готовы истреблять все русское. Благодаря им произведена резня в Выборге и безвинно погибло много русских. Но, за исключ[ением] «егерей», финны вообще не германофилы, а оппортунисты. Маннергейм и др[угие], бывшие русские офицеры, конечно, смотрят на Россию иначе, чем, напр[имер], Мансикиа, проф[ессор], учившийся в Москве и в П[е]т[ербурге], – но не любящий Россию, готовый аннектировать Карелию. Шведы вообще лучше к нам относятся, чем финны. Струве настаивает на сохранении наших экономич[еских] интересов в Финляндии, говоря, что этим путем м[ожно] больше сделать, чем открытым сопротивлением их желаниям.

(20–23 февр[аля] см. дальше).

24 февраля

Доклад в Commonwealth

Беркенгейм[680]. Личные впечатления. Здесь делают выводы, и я боялся, что мне при этом пришлось бы уйти к страстной полит[ической] борьбе, к[ото]р[ая] делит людей. Мне, как представителю кооперативн[ого] движения, решив[шему] после неудачи борьбы отказаться от полит[ической] деятельности и сосредот[очиться] на экономич[еской] помощи населению, это особ[енно] трудно. Наши впечатления устарели: из П[етер]б[ур]га выехали 8 декабря. 1) Полнейшая неудача всех социальн[ых] большев[истских] утопий. Овладеть процессом жизни определенно не удалось. Новых творч[еских] форм не найдено. 2) Определ[енное] усиление позиций власти: у власти создался внешний полиц[ейский] аппарат, армия – полки в порядке, хорошо одетые, боеспособные.

1. Эконом[ические] попытки не удались. Жизнь превратилась в громадный бюрокр[атический] аппарат. Ч[то]б[ы] купить карандаш, надо пройти 18 инстанций, перегруженных людьми. Работали фабрики? Ни да, ни нет. Все заявления неверны. Одна часть прессы толкует о вспоротых животах, другая – в розов[ых] красках. Статистики фабрик не существует: м[ожно] г[ово]рить т[олько] по впечатлению. Работает 40–45% предприятий. Производительность пониз[илась] вдвое. Общая производит[ельность] $^1/_4$–$^1/_5$ довоенной. Грозный паралич, к[ото]р[ый] сказывается на всей жизни. Причина остановки: 1) общее расстр[ойство] аппарата; отсут[ствие] топлива и сырья; утопич[еское] убежд[ение], что можно жизнью управлять из одн[ого] места, 2) колосс[альное] расстр[ойство] транспорта; 3) гроз-

ный продовол[ьственный] кризис; 4) пониж[ение] производ[ительности] труда. Рабочие ходят, фабрики дымятся, товары выходят. Я в Центр[альном] союзе завед[овал] промышл[енной] деят[ельностью]; [в] распоряж[ении] до 20 фабр[ик] и заводов. Мал[ый] пример: кондитер[ское] производство. Прежде – просто: сахар с юга, патока, с Болота – яблоки. Теперь: сахар из Владивостока (до 25 октября). Через экспедицию, продвигавшую[ся] с вооруж[енными] нарочными. Патока потребовала собств[енного] завода в Нижнем, потом расширили. Ч[то]б[ы] пат[очная] фабр[ика] работала, надо добыть клепку, поставить бочку: прежде бочары у самой фабрики. Теперь – клепочн[ый] завод на Ветлуге, собств[енные] бочарные мастерские. Для яблок сняты на Волге свои сады. Для ябл[очного] пюре малый завод в Фокине, на Волге, – ч[то]б[ы] получить топливо, собств[енный] лесной отдел, собств[енная] разраб[отка] дров, собств[енные] бараки для достав[ки] в Москву. По существ[ующим] законам власть <1 нрзбр.> комитетов *не распр[остраняется]* на кооперат[ивные] учрежд[ения]: у нас были своб[одные] руки. *Только* при этом условии – затрата невероят[ной] энергии, невозможн[ая] для отдельн[ого] ч[елове]ка. Ряд других примеров: в цел[ом] ряде отдельн[ых] случаев жизнь берет свое. Рядом с безграм[отными] девицами и комиссарами создались свои ячейки, свой «3-й элемент», больше знающий. На заводах тоже остались знающие силы, к[ото]р[ые] польз[уются] инерцией дела, тем, что из декретов проводится немногое, – кое-как при помощи соседн[их] крестьян продолжают двигать дело.

Самый острый вопрос – *топливо*, вовсе не заготовленное. Как двигаются ж[елезные] дороги, непонятно. По всем докладам ж[елезные] д[ороги] д[олжны] б[ыли] давно остановиться, при прежн[их] условиях. Вместо месячного запаса – запас отрицательный: осталось то, чего нет в числах. Ж[елезные] д[ороги] ходят тоже % 40–50. Жизнь все-таки идет. Откуда-то из ближн[их] станций привозятся дрова, заменяется древесное топливо торфяным, – и транспорт, несмотря на катастроф[ическое] положение, двигается.

Продовол[ьственное] дело – полож[ение] в М[оскве] и П[етрограде] самое тяжелое положение. Петр[оград] умирает. Население около 700 000. Паек, как правило, раздается в миним[альных] количествах. Но Пет[роград] живет, тем не менее, – и все картины, что люди валяются мертвыми на улицах, неверны. Умереть человеку нелегко; еще труднее умереть г[осуда]рству. Жить можно гораздо хуже, чем привыкли. М[ожно] жить по 10–15 ч[е]л. в комнате. Перех[од] к эскимосскому существованию, но продолж[ение] жизни.

Понижается уровень жизни, но это еще не смерть, и с так[им] полож[ением] м[ожно] *физически* просуществовать *очень долго*. Общее понижение жизн[енных] форм *всего больнее* на слоях, привыкших к комфорту. Для других, теперь выплывающих в освоб[одившиеся] квартиры из сырых подвалов, это даже повышение tonus'a жизни, что примиряет их с диким полож[ением] вещей. Продовольствие все-таки существует. Не получая ничего взамен хлеба, крестьяне не везут хлеба. Несмотря на большие запасы в стране, в центрах недостаток. Уже в декабре – улучшение. В Самар[ской], Сарат[овской], Тамбов[ской] губ[ерниях] б[ывшие] элеваторы заполнены: был рекордный урожай. Идея товарообмена отчасти стала осуществляться. Хорошо работала система элеваторов Госуд[арственного] банка и кооперативы. Из собств[енной] практики: в Тамб[овской] губ[ернии] открывается приемочный пункт; направляем соль (вся добыта нами): за пуд хлеба <1 нрзбр.> соль. Хлеб пошел и довольно в больших количествах. То же с мануфактурой. Я бы формулировал так: экон[омическая] жизнь почти замерла, существует, поскольку работают кооперативн[ые] учреждения. Нам это непосильно, предвидим реакцию для кооперат[ивного] движения. Если бы их не было, жизнь была бы невозможна. Другие организации содержат больш[ую] машину, никуда не годную; но все же инерция жизни нек[ото]р[ую] часть приводит в движение.

2. *Политич[еское] положение* – характеризуется *усилением власти*. Наше старое представление, что больш[евистская] револ[юция] произв[едена] кучкой шарлатанов – в корне неверно. У большевиков есть силы, к[ото]р[ые] в меньшинстве в стране, но выражаются изв[естным] % всего населения, наиб[олее] энергичным и вооруженным, к[ото]р[ое] *верит* в свое дело за *совесть*. Есть сотни тысяч людей, фанатически настроенных, к[ото]р[ые] готовы пострадать. Это – колоссальная сила ничтожного меньшинства держит в руках аморфную массу, к[ото]р[ая] сидит дома и голодает, не имеет никаких организаций и не имеет *веры* ни во что другое. Интеллигент[ные] руководители ходят друг к другу и по карте ищут союзные корпуса. В М[оскве] нам говорили, что в С[анкт-]П[етербург] проехать нельзя; в Пет[рограде] – что за Парголово нельзя проехать; в Териоках стрельба – идут на нас. Этими росказнями живет обыватель. *2-е положение*: хозяином в Р[оссии] явится *мужик*. Весь вопрос, кто найдет дорогу к его сердцу. Нашли ли большевики? В декабре ряд крест[ьянских] бунтов, жестоко усмиренных: *после* этого насел[ение] дает своих сыновей в Красную армию: служат добросовестно. Настр[оение] крестьянства смешано и смутно: верно то же, что в город[ской] среде. М[о-

жет] б[ыть] 1–2%, но наиб[олее] энергич[ные] люди, 16–23 лет, к[ото]р[ые] верят, что *этот* путь – лучший. Очень боюсь, что больш[ому] количеству крест[ьянского] населения, к[ото]р[ое] настроено демократически, необходимость выбора м[ежду] двумя *крайностями* не дает оснований развивать энергию. М[ожет] б[ыть] это пародокс, но благодаря диким услов[иям] жизни Россия *разбогатела*. Это доказанный для меня факт: город[ская] жизнь, разбитая социал[ьными] экспериментами, занимает тонкий слой, 10%. 90% живет по-прежнему. Главное орудие, *солнце, не бастовало*. Ушедшее из города население осталось в деревнях. Старыми гвоздями всковыряло землю. *Недо[воль]ства почти не было*: с лихвой покрылось громадным урожаем Поволжья. Не пьет чая, пьет бруснич[ный] лист и жареную рожь, ничего не покупает; накопило пуды керенок и всякого сырья. На съезде в секции животноводства – опред[еленные] данные, что *колич[ество] скота увеличилось*: невыгодно продав[ать] мясо, колоть телят и т. д. Кр[естьянское] нас[еление] лучше питается. Социал[ьная] революция пришла ко 2-му пародоксу: пролетариат разбит и уничтожен, как класс; *а крест[ьянская] собственность выиграла и утвердилась*: создался слой *крепкого мужика*, консервативного в будущем. Большев[истская] революция сделала *одно положительное*: большевизм *выжег без остатка* ряд прежних *вековых представлений*. Мои наблюдения: возврат к старому из–за большевизма фактически невозможен.

Ужасы, чрезвычайка: Тоже верно и неверно. Отдельн[ые] случаи расправы верны; 10 дней я думал, что меня убьют. На моих глазах пошел Виленкин, Фанни Бриллиант. Это заставляет содрогаться всех, у кого не притупилось чувство. Но, если подойти методом статистическим, в общем токе жизни ужасы почти незаметны, *почти все живы*. Умерли от болезни, но не непосредственно от голода. Мелодраматический метод – неверен. Ездят извозчики, трамваи, на улице могут зарезать, но уже хорошо организована полиц[ейская] сыскная часть, народ[ные] суды и т. д. Внешняя жизнь начинает налаживаться. Хуже, трагичнее внутр[енняя] сторона жизни, экономическая. Дошли ли мы в эконом[ическом] распаде до самого низа? Затрудняюсь ответить. Как добросов[естный] наблюдатель д[олжен] ответить, что в нек[ото]р[ых] проявлениях дальше будет лучше. Большевики принялись серьезно за повышение производительности труда, действуют со своей обычной решительностью. Угасающая кривая производительности *м[ожет] б[ыть] остановится*. Продовольствие по причине жизненного богатства – *хуже декабря–марта* не будет: уже стало плохо, п[отому] ч[то] *нечем* подвозить, а не *нечего*.

Общие тенденции намечались: Ленин, наиб[олее] умный, лучше отдавал себе отчет *об* экономич[еском] крахе и о необходимости «расширения револ[юционной] базы»: привлечения интеллигенции и крестьянства, указывал на необходим[ые] изменения внутр[енней] политики. «Буржуазия была *против* пролетар[ской] власти из-за *национ[альных] причин*, *теперь* можно подвести национ[альную] базу». В нек[ото]р[ой] части эти соображения могли иметь шансы на успех. Сейчас в шир[оких] кругах намечаются *повороты*: сознание необх[одимости] *обеспечен[ия] национ[ального] существования*. Ищут *сильнейшего*: у меня серьезное опасение, что условия внешней политики толкают р[усскую] революцию на путь наполеоновско-бонапартовский. Если большевикам удастся подсунуть под беспочвенный интернацион[альный] базис – национ[альный] базис Ленина, это будет источником долгих войн и потрясений, поддержанных револ[юционным] энтузиазмом. Если бы удалось этот энтузиазм распространить, то история русск[ой] революции примет иные формы и очертания. Это обстоят[ельство] и служит источником непонятного явления, как это м[ожет] держаться: держится на энтузиазме ничтож[ной] группы от 16 до 23 лет и пропаганды, к[ото]р[ая] старается придать национ[альный] базис этой силе. Если прибавить сюда завоев[ание] крестьян[ского] сердца, получим сложную гамму настроений. В Москве соглашательские обыватели жили надеждами на союзников. Теперь упадок духа, когда выяснилось, что никакого вмешат[ельства] *не будет*. Люди д[олжны] находиться в *бесповоротном* настроении. Единств[енный] человек, к[ото]р[ый] правильно предсказал будущее, был Ленин. Он же говорил 3–4 месяца назад, что интервенции не будет. Были уничтожены советы бедноты одним из советов, были попытки примирения и т. д. Трудно делать прогнозы. Моя задача – *рассказывать*, а не предсказывать.

Дальнейш[ий] вопрос: стоя на моей позиции *аполитичности*, что мы д[олжны] делать за границей и что д[олжны] делать союзники? *Я подал меморандум* Ллойд Джорджу и в другие круги – (Читает):

«Выехав в декабре, я, представ[итель] коопер[ативного] движения, аполитичен, повсеместно – в Арх[ангельске], Одессе, Владивостоке – я лично противник совет[ской] власти, но говорю от имени общих желаний. Экон[омический] организм разбит на части. Эта политика эконом[ического] окружения больно отражается на обывателе, и мало [–] на представителе совет[ской] власти. В деревне нельзя ничего найти из мануф[актуры] и получить хлеб. Центнер муки за 2 катушки ниток. Люди впадают в апатию: как прокормить. *Вражда*

против союзников: лен выращен – нельзя получить взамен. Это используется большевиками: все объясн[яют] результ[атами] союznич[еской] блокады: это источник долгих столкновений. Отсут[ствие] вывоза накопило много сырья, хлеба, кож и т. д. Прекращ[ение] блокады выбросит их на рынок. Если семья будет заинтересов[ана] в транспорте. Устан[овление] торгов[ых] взаимоотнош[ений] повысит производит[ельность] труда. Формула: *продолж[ение] блокады* обессилив[ает] население и раздраж[ает] население. *Лишь прекращение*

1) блок[ады] Черного моря,

2) блокады большевиков.

Первая *непонятна*. Получаем отказы и уклончивые ответы. Насел[ение] было верно союзникам. За что наказывают и не выпускают сырья. Блокада д[олжна] б[ыть] снята.

В Центр[альной] России громад[ное] больш[инство] отриц[ательно относятся] к большевикам и сочувств[уют] союзникам. *Блокада меняет их настроение*.

Блокада Балтий[ского] моря поддерживает существ[ующую] власть.

Можно ли организ[овать] снабжение *вне* большев[истских] организаций?

Можно, через кооперативы, к[ото]р[ые] остались свободны – нужно т[олько] разрешение англий[ского] правит[ельства].

В мировой борьбе за рынок тот, кто *теперь завяжет* отношения с Англ[ией], опять толкает Россию к Германии» (конец).

Ряд оснований, что эти соображения *будут иметь успех*, п[отому] ч[то] это *выход* для союзников. К нему м[ожет] б[ыть] встречено благожелат[ельное] отнош[ение] в Англии и Америке, *отрицат[ельное] отнош[ение] в русских кругах*: *это будет преступление*. Мы м[ожем] биться с совет[ами] всеми способами, удушл[ивыми] газами, но не гибелью наших детей. Вы за границей забываете об этом, о положении неповинных. Мы идем слишком далеко из-за нашего политич[еского] положения, собствен[ными] руками истребляя население. У меня нет слов... Очень бы хотелось, ч[то]б[ы] в результате интимного собрания людей м[ожно] б[ыло] уговорить *все* полит[ические] партии. Если положение будет продолжаться, я предвижу истребление масс, величайшую военную реакцию наполеон[овского] типа. Играем жизнью миллионов.

Шкловский обращает внимание на противоречие м[ежду] успокоит[ельными] заверениями и грозной опасностью.

Беркенгейм. Существо положения – отчаянно, но мелодрама – вздор. *Смертность колоссальная* и положение фактическое – ужасное.

Ону[681] с восхищ[ением] слушал начало: большинство не знает франц[узскую] революцию. Я предвижу именно то, чего боится докладчик. – Внезап[ная] перемена тона и мелодраматичность. Кто «мы» хотим уморить Р[оссию] с голоду? Никто не возражал против того, ч[то]б[ы] кормить Петроград. Но в Англии не спрашивали. Масса сыр[ых] материалов у крестьян, 90%? Для 10% – для Лаппо-Данилев[ского][682], к[ото]р[ый] умер, конечно, не прямо от голода, а как в 1890 г. говорили *аграрии*: умер *«от болезни»*. Можно ли довезти пищу до них? *Правда* докладчика – см. 3-й тип Тэна[683]. Мой спор, когда докладчик бросился в тактику. Как довезем хлеб *не* до Красн[ой] гвардии, а до буржуев, пролетариев и т. д.?

Беркенгейм. Вы боитесь, что рыбу съест Красн[ая] армия? Она и без того ест, она сыта. Что нужно для большевиков, имеется. Вы будете прибавлять населению – 2-е: *технич[еские] детали*: союзники могли бы поставить ряд контрольных учреждений. Нам, кооперат[ивным] организациям, будут даны определ[енные] возможности; мы обязуемся, иначе мы откажемся. Другое затруднение: надо начать разговаривать с большевиками. Но мы таковы есть: *пусть нам позволят разговаривать*.

Поляков. Конец доклада *не* мелодраматичен. К существу сказанного – *не* относятся враждебно: мы *против* cordon sanitaire*, п[отому] ч[то] он задушит Россию. Но есть *одна вещь*, к[ото]р[ая] безусловно встретит возражения. Если кооперативы, во имя голоса человечности, войдут в сношения с большевиками, мы упрекать не будем. Но не понадобится ли идти в *политическую Каноссу*[684] и признать большевиков? Но если м[ожно] *другим путем*, через армии на юге и севере, *прорваться* и вырвать *путем свержения* население у большевиков. *Связано ли это с прекращением борьбы*? Если нет, то нет спора. Если да, то для многих – трагический вопрос.

Беркенгейм. Мне на *такой* вопрос по моей *аполитичности* отвечать не полагалось бы. Но отвечу: *мне нет никакого дела, будет или нет вестись война*: я не говорю ни того, ни другого. Что война ведется истреблением женщин, детей, это новость современной войны. До с[их] п[ор] войны велись *оружием*. Иначе, поражается 95% *противников* большевиков. Лучше *удушливые газы*. Тут же борются *не* с армией. Я был в Москве в октябр[ьские] дни 1917 [г.], сидел в гор[одской] думе и направлял (фигурально) против большевиков пушки. В это время я – председат[ель] продовол[ьственного] комитета. Я зво-

* санитарного кордона (франц.).

ню Муралову[685]: прикажите населению развезти припасы. Муралов соглашается. Почему в гражд[анской] войне д[олжны] б[ыть] применены самые чудовищн[ые] формы? Я *не верю* в успех этой войны: она бесконечная, затянется на большие годы, раз *ключ к мужицк[ому] сердцу потерян*. Год тому назад я бы согласился. Но теперь – это вопрос – вне возможности революции *внутри* Красн[ой] армии – вопрос месяцев и годов.

Шкловский. Но ведь *все* имеется в России. Причем же блокада? Почему вы не содействуете в России?

Беркенгейм. Дело не в этом. Мы делать все можем, но *за деньги никто ничего не дает*: надо дать *нитки*, ч[то]б[ы] получить хлеб. Ч[то]б[ы] устроить товарообмен, нужен приток движущего начала. Петроград *всегда* питался привозными товарами. Ему необходим привоз рыбы из Норвегии.

Зунделевич. Против блокады России м[ожно] привести те же аргум[енты], как против блокады Германии. Но вы указали, что отриц[ательное] отнош[ение] к большевизму объясняется экономич[еской] разрухой. Если разрухи не будет, то насыщ[ение] России фабрикатами *не усилит ли большевиков*?

Беркенгейм. Опять полит[ические] перспективы? Ну, все равно. Для меня бесспорно, что большевизм, по существу, – *доктрина голода*. Я искренне убежден, что в той мере, в к[ото]р[ой] будет прекращаться голод, *по существу это ослабит положение большевиков*. Именно *благодаря голоду*, против большевизма *нет* достат[очных] сил. Если бы союз[ная] интерв[енция] – *серьезна*, м[ожно] подходить к этому иначе. *Но что теперь* остается. Мое положение: *большевизм м[ожет] б[ыть] уничтожен т[олько] извнутри*. Все, что извне, его усиливает. Это дало возможность создать действит[ельную] силу, подставить национ[альную] базу. *Ошибочно* со стор[оны] контрбольш[евистских] политич[еских] настроений – заставлять голодать население.

<Пропуск фамилии>. *Летом* в Арх[ангельск] прибыли 2 парох[ода] Англии с разн[ыми] грузами *при большевиках*. Товар долго лежал. Наконец, решили так: во вр[еменном] общегуб[ернском] съезде кооперативов, не сносясь с Лондоном, предложили груз кооперативам для населения, *без* контакта с большевиками, но с разреш[ения] больш[евистской] власти (косвенного). Товары б[ыли] распределены; англичане ставили контролир[ующие] условия: не дальше Архан[гельской] губ[ернии] между всем населением, уже за деньги. Полит[и-

ческое] впечатление на население: *симпатии к барону*, ухудшение отнош[ения] к большевикам. Товар пошел *всему* населению – и тем, к[ото]р[ые] у большевиков, но в равной мере. Голодающие «10%» получили очень много: *товарообмен*, продукты скотоводства, масло.

<Пропуск фамилии>. Недоумение. 1) Вы – *«аполитичны»*, но приводите *чисто политич[еские]* мотивы? Если сыт, то скорее пойдет против большевиков. Вероятно, и большевики так же думают: они *вас*, безоружных, распределяющих пищу, *устранят*. 2) Ваш меморандум – выражает мнение кооперативов в Р[оссии] или Ваше личное мнение?

Беркенгейм. Первый упрек правилен: трудно обойтись без политики. Но *для себя* я вижу предел: я не за интервенцию, не за поддержание борьбы. 2) Меморандум.

Я: полит[ическая] концепция идет дальше, вы помогаете большевикам.

Беркенгейм. Это то – почему мне не хотелось читать доклада. У меня нет ответа, но нет веры в возможность быстрых решений. Я начал сомневаться раньше: теперь для меня нет сомнений. Если пошло на откров[енность]: если можно верить в Колчака; но не потому, что это – хорошо или плохо, *я не вижу* возможности быстрого успеха. Я делаю вывод: этот путь медленный, но дальше: до конца пути мы все умрем. Но если вы, П[авел] Н[иколаевич Милюков], тоже не знаете, то[же] не уверены, то *тоже* не имеете права так рассуждать. Мое положение д[олжно] б[ыть] общим для всех. Ставить на карту так много – я не могу, м[ожет] б[ыть] потому, что я по профессии – представитель желудков. Насчет полит[ической] концепции вы не правы: именно п[отому], ч[то] у меня ее нет, я и делаю свои выводы. Мой путь очень и очень длительный.

<Пропуск фамилии>. Не будут пропускать с окраин?

Беркенгейм. Через Петербург.

Я. Петербург возьмут.

Беркенгейм. Я буду очень приветствовать.

(Возвр[ащаюсь] назад)

20 февраля

Моя лекция в Кембридже. Переполненная аудитория. Holland Prose, к[ото]р[ый] раньше побаивался за успех и говорил о плохой погоде, говорит: не надо было рекламировать; сами пришли. Есть и студенты, и люди в возрасте, и Фулгертон, герой победы над «Кенигсбергом». Даю анализ теорий большевиков («интернациональное

лицо») и их практики («русское лицо»). Впервые утилизирую материал из British Museum, чтобы показать, как «господство меньшинства» логически приводит к абсурду. Прием очень горячий. Шиплей, вице-канцлер, председательствует. Физиолог растений, ничего не понимает, не многим интересуется. По отчету в «New Cambridge» вижу, что мою лекцию утилизировали в консервативных целях.

21 февраля

Завтрак в Tenterden Str. Hanov. Sq., устроенный леди Eggerton[686]. Winston Churchile[687] не приехал. Три почтенных дамы.

Заседание на Fleet Street, утром, Ар[иадна] Вл[адимировна Тыркова] высказывает свои возражения *против* употребления мной аргумента о верности России союзникам, а, следовательно, и против моей общей брошюры. Предлагает подписать эту брошюру *всем*. Я отказываюсь от такого рода агитации и предлагаю не писать брошюры.

22 февраля

На Fleet Street собир[ается] комиссия пропаганды, ставит вопрос об отношении нашего Комитета к другим русским организациям, требует объединения. Отстаиваем точку зрения независимости нашего Комитета.

Воскресенье 23 февраля

Ряд деловых посещений. Courtney от «N[ew] Y[ork] Tribune»[688] расспрашивает о России, м[ежду] пр[очим] интересуется Бессарабией. Показываю ему мою брошюру. Просит оттисков заблаговременно.

24 февраля

Доклад Беркенгейма и прения по нему (см. выше)

25 февраля

Мой доклад у леди Сомерсет[689] (Grosvenor Square) с Мейндорфом и Половцевым. Мейндорф излагает теорию большевиков, рекомендует себя представителем отходящего слоя, а меня – представителем того слоя, к[ото]рому д[олжна] принадлежать власть после большевиков. Я пользуюсь речью Guinness в «Sunday Times», которая *впервые* определенно ставит вопрос на *мою точку зрения* (см. выше, свидание с ним и Hoare).

Вот текст: («Sunday Times», Febr. 22)

Russia's Fate

What the Paris Conference Can Do

By Lt.-Col. W.Guinness, D.S.O., M.P.

(Secretary of the Coalition Group on Foreign Affairs)

By far the most urgent problem in foreign politics today is the restoration of Russia and her rescue from Bolshevism and eventual German control. The present state of Russia is such that the population would welcome intervention. Mr. Lloyd George has stated in the House of Commons that the suggestion of such action by us was driving moderate parties into the hands of the Bolsheviks. Although there may have been foundation for this statement some months ago, before the miseries of Russia reached their present pitch, it is flatly contradicted by the evidence of those who have recently escaped from the Bolshevik area, and who unanimously attest the longing of all classes for any kind of intervention which would end the intolerable system under which they are living.

If the Allies do not furnish the necessary relief, Germany will certainly take their place. Germany is for the moment preoccupied and hampered by her own internal difficulties. When peace comes and she recovers the possibility of action, she will inevitably try to control Russia, and if she succeeds, the verdict of history twenty years hence will be that she won the war.

Germany's Geographical Pull

Germany's geographical position and the influence wich she has enjoyed in Russia since the time of Peter the Great give her a great advantage over any other nation. According to the recent letter written from Siberia by Colonel John Ward, the navvy M.P., she is preparing the ground for her own <повреждение текста> by encouraging the Bolsheviks <повреждение текста>. When the illiterate peasants have at last been freed from the present orgy of bloodshed, when they want to organise their wide lands for agriculture, or to develop their minerals and manufactures, having no educated men of their own race to help them, they will be forced to look abroad for advice, and to whom more naturally than to their German neighbours, with their wellknown genius for organisation?

«A Middle Eurasia»

With the control of 200 000 000 Russians, Germany would be in a position to dominate the world. Her first object would be no longer a «middle Europe», but a «middle Eurasia», astride the Urals and stretching from the Atlantic to the Pacific. On the great land mass this Germano-Russian block would divide the alliance of the restless, heterogeneous, overcivilised Western nations from China, racially homogeneous, and with its untold reserves of man-power. China is in a state of leaderless disorganisation which would offer an easy field for peaceful penetration and eventually for domination by «Middle Eurasia».

Twenty years hence the population of such a Germano-Russo-Chinese Alliance might amount to 800 millions, as against a population of 300 millions for the rest of Europe, the United States, and the whites of the British Empire. Numbers do not show the full danger of such a combination, as no League of Nations could give to the West the solidarity and unity which would be possible to such a Teuto-Russo-Chinese confederation.

Germany realises her opportunity. Her gold set up the Bolshevik Government in Russia; she is deliberately encouraging the chaotic condition in that country, and hopes that it may be continued until she is able to overthrow the Bolsheviks and seize control herself.

Bolshevik Terrorism

Only by immediate shans to reestablish order in Russia can we avert this danger.

The British forces now in Russia originally went there in order to defend from the Bolsheviks large accumulations of ammunition and stores which had been sent there before the Revolution. Withdrawal under present conditions is unthinkable, as our desertion would condemn those populations who have befriended us to unspeakable tortures and massacre. The Bolsheviks have lately terrorised their enemies by inflicting merciless floggings for a dozen different offences. Opposition to their doctrines is punishable by death, and Chinese torturers have been brought in to exercise their frendish cruelty for several days before death sets their victims free.

Britain cannot leave to such a fate those who trusted her, and evacuation is therefore out of the question. We are now at war with the

Bolsheviks, and from a military point of view there is no question that we ought to persue an active policy. The Bolshevik army is a mere rabble, held together by terror. Against them are ranged several orderly Governments. Firstly, that of Admiral Kolchak at Omsk, controlling Siberia and part of European Russia, and secondly the Governments of General Denikin and of M. Tchaikowsky, General Yudenich etc., who hold various corners of Russia and who have already given allegiance to Admiral Kolchak pending the possibility of joining up their various forces.

The orderly Governments are unfortunately handicapped because the Bolsheviks control the most populous districts of Russia. A hundred thousand Allied troops could, however, push back the Bolsheviks and liberate enough territory to afford a recruiting ground for a national army capable of making short work of the half-hearted Bolshevik forces.

Political obstacles unfortunately have prevented the Allies from agreeing at present on a further military effort. As, however, the Bolsheviks cannot make peace with civilisation, if their system continues they are certain eventually to force military action upon the Allies on a scale far greater than would be necessary under present conditions.

How The Allies Can Help

Meanwhile, short of that armed intervention which would undoubtedly be sound from a military point of view, the Allies can help Russia in her struggle against Bolshevism as follows:

(1) By recognising the Government of Admiral Kolchak and inviting him to send delegates to the Peace Conference. The utmost moral support should be given to this Government, which has been greatly handicapped by Mr. Lloyd George's willingness to recognise the Bolsheviks. Much harm was done by the proposal of the British Government in the latter half of December, described by the French Foreign Minister on January 5 as follows: "In the event of the different Russian Governments, including that of the Soviets, accepting this invitation, they might send delegates to the Peace Conference". The proposal for all kinds of Russian Governments to attend at Prinkipo was only one degree less objectionable than this original proposal to welcome the Bolsheviks in Paris. We can only retrieve this terrible blunder by extending at once to Admiral Kolchak's Government the representation which has already

been granted to Poland, Czecho-Slovakia and other new Governments of far less importance.

(2) By supplying money, munitions etc., via the Black Sea, to General Denikin, who holds its north-eastern coast and who has already achieved very considerable military successes in spite of a great shortage of arms and equipment.

(3) By sending food, sugar and other commodities which are urgently needed to certain points on the fringe of the Bolshevik influence and under the control of the civilised Russian Governments. Hundreds of thousands of peasants would be lured by such a bait to join the Anti-Bolsheviks. Supplies should be offered to Petrograd on condition that the inhabitants should free themselves from Bolshevik control.

By delaying to use the strangle-hold of seapower in the first years of the war and by allowing our enemies, in deference to neutral opinion, to continue the import of cotton etc., needed for the production of munitions, we delayed the defeat of Germany and spent millions of lives unnecessarily. Let us profit from this lesson and take action at the earliest possible moment against Russian Bolshevism. We shall be driven to it eventually and the longer we wait, the heavier will be the cost of our effort*.

---

* Судьба России

Что может сделать Парижская конференция.

Подполк[овник] В. Гиннес, кавалер ордена «За безупречную службу», член парламента

(секретарь коалиционной группы по иностранным делам)

Наиболее важной проблемой во внешней политике сегодня является восстановление России и ее спасение от большевизма и возможного контроля со стороны Германии. Современное состояние России таково, что народ будет приветствовать интервенцию. М-р Ллойд Джордж заявил в Палате Общин, что предложенные нами действия толкнут умеренные партии на сторону большевиков. Впрочем, основания для подобных утверждений еще могли бы быть несколько месяцев тому назад, пока несчастья России не достигли своего нынешнего пика. Этим утверждениям со всей очевидностью противоречат свидетельства тех, кто недавно покинул территорию большевиков и кто единодушно подтверждает наличие у всех классов страстного ожидания интервенции, которая положит конец невыносимому гнету, довлеющему над ними.

Если союзники не добьются освобождения, это наверняка сделает Германия. На данный момент саму Германию раздирают внутренние противоречия. Но когда наступит мир и у нее появится возможность маневра, она, вне всяких сомнений, попытается взять Россию под свой контроль, и, если ей это удастся, через двадцать лет исторический вердикт будет таков, что это именно она выиграла войну.

Географический рывок Германии

Географическое расположение Германии и влияние, которое она имела в России еще со времен Петра Великого, дают ей преимущество перед любой другой страной. Согласно недавно полученному письму из Сибири от полковника Джона Варда, члена парламента, она готовит основу для собственной <повреждение текста>, вдохновляя большевиков <повреждение текста>.

Когда неграмотные крестьяне будут, в конце концов, избавлены от нынешнего кровопролития и когда они захотят организовать сельское хозяйство, развивать горное дело, промышленность, то, не имея образованных людей, способных помочь им, они будут вынуждены обратиться за помощью вовне, к иноземцам. И к кому, как ни к германским соседям они обратятся, которые давно известны как изобретатели и организаторы?

«Вся Евразия»

Подчинив себе 200 000 русских, Германия получит возможность править миром. Ее первоочередной целью будет не «вся Европа», а «вся Евразия», которая простиралась бы в обе стороны от Урала: от Атлантического до Тихого океанов. На громадных просторах германо-русский блок включит в свой альянс беспокойные, гетерогенные «западные нации» Китая, однородные с расовой точки зрения, обладающие невиданными человеческими ресурсами. Китай – это государство дезорганизованное, без лидера и представляющее собой поле для легкого и мирного проникновения и, возможно, для захвата власти над «всей Евразией».

Через 20 лет население этого германо-русско-китайского альянса может увеличиться до 800 миллионов, в то время как население всей остальной Европы, Соединенных Штатов и колоний Британской империи вместе составит 300 миллионов. Цифры не раскрывают всей опасности этой комбинации, поскольку никакая Лига Наций не сможет дать Западу единство и солидарность, которые будут возможны в такой Тевтоно-Русско-Китайской конфедерации.

Германия сознает свои преимущества. Ее золото поставило большевиков у власти в России; она осознанно поддерживает хаос в стране и надеется, что это состояние продлится до тех пор, когда они смогут скинуть большевиков и захватить власть в свои руки.

Большевистский терроризм

Только использование имеющейся в настоящий момент возможности установить порядок в России может отвратить угрозу.

Британские войска, находящиеся сейчас в России, отправлены туда только с целью обеспечения защиты от большевиков складов с амуницией и снаряжением, которые уже находились там до революции. Решение об отзыве их в данный момент неприемлемо, ибо оно приговорило бы тех людей, кто по-дружески расположены к нам, к невообразимым пыткам и убийству.

В последнее время большевики терроризировали своих врагов, налагая безжалостные телесные наказания за десятки различных правонарушений. Оппозиция наказывается смертью и китайскими пытками, продолжающимися несколько дней со зверской жестокостью, пока смерть не освободит жертву.

Британия не может обречь на такую участь тех, кто доверял ей, поэтому их эвакуация, бесспорно, будет проведена. Сейчас мы находимся в состоянии войны с большевиками, и, с военной точки зрения, мы, безусловно, должны продолжать активную политику. Армия большевиков – это простой сброд, удерживаемый с по-

мощью террора. Против них действуют несколько временных правительств. Прежде всего – адмирала Колчака в Омске, контролирующее Сибирь и часть Европейской России, во-вторых, – правительства генерала Деникина и г. Чайковского, генерала Юденича и т. д., которые удерживают различные части России и которые уже подтвердили свою лояльность адмиралу Колчаку, признавая возможность объединения их разрозненных сил.

Временные правительства, к сожалению, испытывают затруднения, поскольку большевики контролируют наиболее населенные части России. Однако 100 000 солдат союзников смогут отбросить большевиков и освободить достаточную территорию для рекрутского набора в национальную армию, способную одним ударом уничтожить нестойкие большевистские войска.

К сожалению, препятствия политического характера помешали союзникам согласиться на дальнейшие военные действия. Но поскольку большевики не могут установить мир и если их режим продолжит свое существование, большевики будут действительно близки к провоцированию союзников на более активные военные акции, чем это требует сложившаяся ситуация.

Каким образом могут помочь союзники

В то же время, помимо вооруженной интервенции, которая, без сомнения, будет рассмотрена с военной точки зрения, союзники могут помочь России в ее борьбе с большевизмом следующим образом:

1. Признать правительство адмирала Колчака и пригласить его представителей на мирную конференцию. Всевозможную моральную поддержку следует оказать этому правительству, которое находится в затруднительном положении из-за желания м-ра Ллойд Джорджа признать большевиков. Много вреда нанесло предложение британского правительства, сделанное в конце декабря и интерпретированное французским министром иностранных дел 5 января следующим образом: «Если существующие различные правительства России, включая Советы, примут это приглашение, они могут послать своих делегатов на Мирную конференцию». Предложение представителям всех русских правительств съехаться в Принкипо было не намного предосудительнее, чем приглашение правительства большевиков в Париж. Мы сможем загладить эту ошибку, покровительствуя правительству адмирала Колчака, делегации представителей которого уже были приняты в Польше, Чехословакии и в других, менее влиятельных, странах.

2. Поставлять деньги, амуницию и т. д. по Черному морю генералу Деникину, который удерживает северо-восточное побережье и который уже достиг значительных военных успехов, несмотря на недостаток войск и снаряжения.

3. Поставлять еду, сахар и другие предметы потребления, которые чрезвычайно необходимы для укрепления районов, находящихся под контролем цивилизованных русских правительств, на границе с большевиками. Сотни и тысячи крестьян будут привлечены подобной наживкой и примкнут к антибольшевикам. Помощь будет предложена Петрограду при условии, что жители должны сами освободиться от большевистского контроля.

Откладывая введение морской блокады, которая применялась в первые годы войны, и позволяя нашим врагам, уважая нейтралитет, продолжать импортировать хлопок и т. д., необходимый для амуниции, мы откладывали поражение Германии и без необходимости погубили миллионы жизней. Давайте же примем к сведению этот урок и воспользуемся первым подходящим моментом для начала

К 3-м пунктам прибавляю свои 3 (см. записка о 6 пунктах) и произвожу больше впечатление, демонстрируя карту, изданную «National Review»: «The German Slight, an exposure of German war aims»*, где все отделенные от России области отмечены этикетками: это сделано для таких-то германских целей. Указываю на опасность переговоров с украинцами и *отдельной* поддержки Балтийских провинций как средства — приобрести *русскую* дружбу.

26 февраля

Получил через Namier'a предложение написать в «New Europe» статью о польском вопросе.

В 4 часа продолжение совещания комиссии пропаганды, ряд дельных решений о подготовке материала.

В 8 ч[ас]. доклады A. Spender'a и Sir G. Paish о Leaque of Nations**. Первый — пустой, второй — содержательный, но не совсем на тему: о невозможности будущей войны с экономич[еской] и коммерч[еской] т[очек] зр[ения]. М[ежду] пр[очим] указал на критич[еское] положение Англии, как кассира Европы, в начале войны и на *возможность* иного исхода, если бы война продолжалась. *Теперь* положение *еще труднее*, чем во время войны. Прения совсем вздорные: нужно, ч[то]б[ы] церковь подготовила к Обществу Наций [вопрос] о воспитании детей в этом смысле. Все показывает, как, в сущности, англичане сами мало понимают в вопросе.

27 февраля

3 часа Кровер, с разными предосторожностями, излагает мне сделанное им предложение крупным коммерсантам — послать в большев[истскую] Россию комиссию для расследования, что можно сделать. Я перевожу: как получить свои деньги в России? Или как помочь большевикам? Он отгораживается от того и другого, просит разрешения свести с ними. Соглашаюсь. К нему обращались от Famine association*** изложить положение в России. Соглашаюсь тоже.

5.30 доклад молодого поляка Свентоховского о национальных притязаниях поляков.

действий против большевизма. Мы, в конечном счете, придем к этому, и чем больше мы ждем, тем тяжелее будет цена наших усилий.

* «Неуважение [со стороны] Германии, демонстрация германских военных целей» (англ.).

** Лиге Наций (англ.).

*** Общества по борьбе с голодом (англ.).

Затушевывает позиции Дмовского, но откровенен в польском вопросе. Россия «invaded» Poland* в начале войны: все три армии — enemies**. Возражаю: Россия не invaded, a defended Poland*** даже против своих интересов, к[ото]р[ые] требовали отступления с самого начала. Подчеркиваю вывод из его положений об аналогии роли Данцига, Львова и Вильны: *анклавы* д[олжны] следовать за судьбой *окружающего* населения: Данциг к Польше, но Львов к Украине, Вильна — к литовцам и малорусским. Подчеркиваю его разногласия с Дмовским в этнограф[ическом] вопросе и согласие с польским. Ехидн[ый] вопрос из публики: а как аграрный вопрос. Свентоховский заявляет, что имения *русских чиновников и церкви уже поделены,* и обнаруживает т[очку] зр[ения] крупной собственности («10 чел. — вся Галиция»). Публика, видимо, больше сочувствует мне, чем ему, даже часть поляков, от которых (левых противников Дмовского) ко мне подходит адвокат Казимир Зенькович и *благодарит* меня. То же Ольшевский, к[ото]р[ый] г[ово]рит что-то о своей связи с Foreign Office. Приглашаю к себе. Председатель, не очень склонный ко мне и вызвавший меня благодаря настоянию Маккармика (Зингмана), несколько преждевременно прерывает мою речь: кончаю благодарностью докладчику, что он «был очень умерен в тех пунктах, где мы расходимся».

Зингман скоро едет в Россию по поручению General Association**** крупных коммерсантов заводить торговлю. Тоже хочет меня свести с ними, но предварительно просит прочесть его документы.

28 февраля

Утром Fleet Street, ряд деловых решений.

В посольстве. Телегр[амма] из Омска

Доклад фин[ансовой] комиссии, обращ[енной] к правит[ельству].

Доклад Нордмана Н.Н.

Этот документ составлен более месяца назад: основная идея — ч[то]б[ы] к мирн[ой] конференции представить *общую программу.* Предполагалось, что это выступление сделает *Политич[еское] совещание.* Обсуждение в Полит[ическом] совещ[ании] отняло много времени. Коновалов[690] осведомил, что принято без изменений (две недели по моем приезде). Представлено правительствам главных стран.

---

* захватила, оккупировала Польшу (англ.).

** враги (англ.).

*** не оккупировала, а защищала Польшу (англ.).

**** Главного объединения, союза (англ.).

Фин[ансовая] ком[иссия] воздержалась от признания кредитов со времени войны как госуд[арственного] долга и предоставила дальнейшему соглашению с союзниками. Золото союзники обещали вернуть натурой, когда оно давалось для подкрепления союзного кредита (600 миллионов).

Окончат[ельной] организации всех учр[еждений] нет. Во главе – *Полит[ическое] совещание* (переименовано из *«Сов[ещания] послов»* по привл[ечении] Савинкова, Чайк[овского], Титова). Для разраб[отки] отдельн[ых] вопросов – *полит[ический] отдел*, во главе с Гулькевичем (Мандельш[там], Корф, прив[ат-]д[оцент] Михельсон[691] – укр[аинский] вопрос), составляют мемуары по национ[альным] вопросам.

Фин[ансовая] комиссия – 2 части: 1) подгот[овительные] мат[ериалы] для конференции, 2) ответы на текущие вопросы. Последнее вышло на второй план: т. к. не пошли на конференцию. Выделены 2 подкомиссии: финансовая подгот[о]в[ите]л[ьная] для *большой* комиссии и комитет по *снабжению*. Разделили гражд[анское] от *военного* (последнее Щербачев[692] и Гермониус[693]), совершенно самостоятельно.

От *гражд[анского]* снабжения русские военные уклонились. Председ[атель] Третьяков, три члена фин[ансово-]экон[омической] комиссии, по 1 от каждого правительства и торговые агенты. Главная задача: *поощрение товарообмена*. Объедин[ение] политики местн[ых] правительств с загранич[ной] обстановкой. Представители правительств привезли ряд проектов (тоннаж Черного моря, б[ольшей] ч[астью] запретит[ельный] характер, здесь переработаны в друг[ом] смысле). Призн[ано] желат[ельным] образовать местные подкомитеты в отдельн[ых] странах, с торгов[ыми] агентами во главе. В связи с тов[аро]обм[еном] – вопрос о *реформе денежного обращения*. Было много проектов, <1 нрзбр.> банков. Потом *единогласно* приняли разделение *внутр[еннего] вопроса* (оконч[ательно] решен для небольшев[истских] областей в смысле введения *новой монеты* небольш[евистских] правит[ельств] с известным *сроком для обмена*, после к[ото]р[ого] все друг[ие] деньги утрачивают ценность) и сообщили национ[альным] правительствам.

Острогр[адский]: это старые деньги старого образца.

Нордм[ан]: они д[олжны] *отличаться* от прежних.

Набоков: идет 4 месяца переписка о денежных знаках, заказанных в Америке. Они согласились часть (500 млн.) отправ[ить] во Владивосток, с тем что будут *проштемпелеваны*. Будет особая экспед[иция] госуд[арственных] бумаг в Омске. – (2 часть) – создание валютн[ых] знаков для тов[арного] обмена – не решен.

Общ[ественно-]политич[еский] факт послед[него] времени: Чайковский б[ыл] у Клемансо (перед покушением[694]). Клемансо просил прибыть: Чайковский *отказался*, есть *4 лица*, надо пригласить *всех* (Львов, Мак[лаков], Сазон[ов] и Ч[айковский]). Клемансо сказал: да, надо сделать, общее положение во Фр[анции] складывается благоприятно, п[отому] ч[то] фр[анцузы] чувствуют, что они без Р[оссии] слабы.

Совет по торг[овому] флоту предполаг[ается] в Одессе с участием владельцев и представителей иностр[анных] правительств. Крым[ское] правит[ельство] согласилось с Деникиным о переезде в Крым, с тем что правит[ельство] Крыма уничтожается, а двое переходят в Особое совещание. У них будут в руках транспорт[ные] средства.

На «Принкипо» решено не отвечать серьезно, игнорировать: Полит[ическое] совещание *не дало* ник[акого] ответа. Нового варианта Нордман не знает.

Вопрос о реальной помощи решен положительно. Вопрос о признании – открыт.

Острогр[адский]. Они требуют *немедл[енной]* уплаты, не определяют финанс[овых] источников.

Нордм[ан]. В послед[нем] заседании постановлено просить Полит[ическое] совещ[ание] поставить на 1-ю очередь вопрос о получении кредитов. Паралл[ельно] с этим фин[ансовая] ком[иссия] изыскивает другие средства.

Набок[ов]. Они ставят ультиматумы: поможем, но в то и другое не суйтесь.

Беляев[695]. Как нас будут осведомлять? Нужно присылать их материал.

Нордм[ан]. Полит[ическое] совещ[ание] д[олжно] сообщать во все посольства.

Набоков. Даже не сообщают мне своих телеграмм в Омск. Нужны курьерские поездки два раза в неделю. Но в Полит[ическом] сов[ещании] не ведется протоколов.

В среду Головин[696] будет докладывать в парламент[ской] комиссии Hoare'a.

В посольстве встретил леди Eggerton, которая рассказала следующее. Перед моим докладом к леди Сомерсет явился лорд Templeton с к[аким]-то социалистом и заявил, что они тоже хотят говорить. Когда ему было отказано, он заявил, что лекция не состоится

и что он уполномочен на это от Scotland Yard*. Хозяйка заявила, что это ее частный дом; что она лекции не отменит и говорить им не позволит. Но, если угодно, они могут присутствовать. Они остались и слушали наши доклады.

25 марта

Доклад Руманова[697]

Первонач[альные] настроения русских эмигрантов: скоро вернутся (франц[узские] эмигранты). Для финнов и шведов беженцы — элем[ент] нежелательный. Прикрепляют к местам: в Териоках указ[ан] пункт, куда поселиться: разреш[ение] губернатора и сенатора. Затруднения в продовольствии. Визы в Стокгольме — проездные максим[мум] на 2 недели: потом надо являться, не выдают хлебн[ых] карточек. Унизит[ельная] процедура. Идеал — пробраться в Лондон. Только и бредят о визах. Не м[огут] получить визы кто имел отнош[ение] к большевикам или немцам. Крупн[ый] миллионер возвращен из Ньюкастла по частному сообщ[ению], что сносился с большевиками; франц[узская] виза по телеграфу аннулирована, жена Плеханова в Стокгольме была на обеде у Брантинга[698], говорила о большевиках, что если царист[ская] опасность выявится ярче (Трепов[ская] ком[пания]), то социалистам придется пойти к большевикам; для петрогр[адской] интеллигенции нет и другого пути. Ее 3½ мес[яца] за это держали в Стокгольме, несмотря на протекцию Пишона, Вандервельде[699].

Русская колония в Стокг[ольме] и Гельсинг[форсе] объединилась: внешний толчок [—] комитет Трепова, к[ото]р[ый] осенью 1918 г. начал организацию лиц для борьбы с большевиками. В его комитете около 25 челов[ек]: гр[аф] Буксгевден[700] (Союз Мих[аила] Арх[ангела], организ[овал] убийство Иоллоса[701]), герц[ог] Лейхтенб[ергский], <1 нрзбр.> Салтыков, Влад[имир] Оболенский и т. д. Полит[ическая] окраска определ[енного] характера. Трепов ездил в Стокгол[ьм]; имел беседы с франц[узским], англ[ийским], амер[иканским] посланниками. Доказывал, что Финл[яндия] до[лжна] двинуться на Петерб[ург], если не хочет быть большевист[ской], и нужно, ч[то]б[ы] кроме финл[яндского] флага при этом д[олжен] б[ыть] и русский. Была речь, кроме независимости Финл[яндии], об уступке Карелии. Финл[яндская] казна выдала 500 000 марок на организац[ионные] расходы. В русск[ой] среде это — разорвавшаяся бомба; началась агитация в газетах и организация Трепова: 1) скандинавск[ий] комитет, чисто благотворит[ельное] учреждение, поддержка русских офицеров и солдат — 12—

---

* Скотленд-ярд (Центральное управление полиции и сыскного отделения в Лондоне) (англ.).

15 тыс. человек. При выдаче пособий берется подписка об обязат[ельстве] выступить против большевиков. Комит[ет] имеет чисто политич[еское] значение. «Республиканский», а «Треповский» – к восстановлению «самодерж[авия]». Пред[седатель] – Орлов-Дав[ыдов], Брассе, Пакшвер, Левинсон, Савицкий, Алейников, Шувалов, Фрумкин[702], Скаржинский и т. д. Тут меньшевики с. д. (Фрумкин) – не правее к. д. Стали собирать деньги, неск[олько] сот тыс[яч] марок, отделение в Выборге (сен[атор] Иванов[703], Рерих[704], Барановский). Паралл[ельно] местные финансовые деятели и торгово-пром[ышленные] группы – сперва 8 чел., потом «финл[яндская] т[оргово-]п[ромышленная] группа» – повела переговоры с Треповым о добров[ольной] уступке места. Желали воспользоваться уставом. Не желали создавать второго, ч[то]-б[ы] не обнаруж[ивать] разногласий. Трепов устранился, оставлен почетн[ым] членом, в президиум] вошли торг[ово-]промышл[енники]. Нек[ото]р[ые] элем[енты] треп[овской] ком[пании] остались. Но в меньшинстве. В это вр[емя] приехал Карташев, ему немедл[енно] предложено стать во главе. Вместе приехал П.Б. Струве. Тор[гово-]пром[ышленная] группа пошла на них полностью. Комит[ет] Карташ[ева], тов[арищ] пр[едседателя] В.М. Волконский. Презид[иум] Грубе[705], гр[аф] Буксгевд[ен], Гарфельд[706], Добрынин[707], Форостовский[708], Шуберский[709] – члены комитета Панчулидзе, Романовский, Тульмин, Юденич[710]. Неск[олько] имен опред[еленной] окраски, но идейное руководство – Карташ[ев] и Струве. Пошли на объедин[ение] с правыми по практич[еским] соображениям: надо уничтож[ить] Треп[овский] комит[ет]. *Теперь* финл[яндцы] *выселили* Панчул[идзе], Буксгевдена и двух других, т[ак] ч[то] комитет *очищен*.

Задание, по уставу, тоже благотворит[ельное]. Фактически гражд[анское] управление при военной части ген[ерала] Юденича. Был в Стокгольме в соглашении с Трепов[ым], но потом участв[овал] в организ[ации] нового комитета: *только* военный в полном согласии с Карташевым. Работа Юденича – чисто военная. Не расскажу подробностей. Считает возм[ожным] занятие Петрограда, через Финляндию, при уверенности, что Петр[оград] можно кормить. Организация сил, в лице бывш[их] офиц[еров] и солдат, *достаточна* для этой операции: ни одного *иностр[анного] солдата*. Это будет boule de neige*: сама будет расти военная сила. Имеет основание: *финл[яндского]* фронта еще нет, но есть *эстонский* фронт. С ними остатки «Сев[ерной] армии», ок[оло] 800 чел., но выросли в 3000, п[отому] ч[то] красноармейцы переходили почти целиком. Комитеты, Сканд[инавский] и Гель-

* снежный ком (франц.).

с[ингфорский], создались, *негативно*, для борьбы с Треп[овым]. Но тотчас же *объединились*: главн[ую] роль имеет Гельсингфорский. Скандинав[ский] играет подчиненную роль, для доставки денег. Трепов мне в Стокгольме сказал: я русск[их] людей знаю: здесь ничего не было, я решил, что надо поднять над ними кнут: мое имя – пугало, окружил себя такими элементами – и *объединил на начале разрушения*.

Глав[ная] роль – Карташев, Струве и Грубе. Изв[естное] знач[ение] имел и кн[язь] Волконский. Затруднения: финл[яндские] власти *не помогают*. Внешне идут переговоры безукоризненно, но это – игра кошки с мышью. Финл[яндское] общ[ественное] мнение – единодушно против России. Гельсингф[орс], правда, начал говорить по-русски после Маннергейма. Но этим дело ограничив[алось]. В газетах «наш исконный враг». Печальн[ую] роль сыграл Треповс[кий] комитет: для них это самодержав[ная] Россия. Укрепятся, а потом пойдут против. Мысль о сотрудничестве с Россией – единицы. Финл[яндцы] думают т[олько] о своей независимости. Русская опасность для них продолж[ает] существовать. «Почему комитет не заявит, что он *за независимость»*. Комитет разделяет это мнение. Финл[яндия] сильна белой гвардией (80 тыс.) и армией по набору (55 тыс.). Белая гвардия лучшая в Европе. Буржуазн[ые] элем[енты] счит[ают] себя непобедимыми. На набор[ную] армию не полагаются. Боязнь буд[ущей] России выраж[ается] в нежелании вести переговоры. Раздробление России – на руку «могучей Финляндии». Очень сильно герман[ское] влияние. После герм[анского] поражения Финл[яндия] стала ждать англичан. Франц[ия]: немцы исчезли. Но entente* не появлялись. Ждали комиссий, руководителей – постепенно, фактич[еские] руководители, немцы, появились на свет. *Егерские части*, получ[ившие] воинск[ое] воспитание в Германии, более немцы, чем сами немцы. Белоостров оказался в руках егерей, с Донкером. Русским стало невозможно переходить границу. Все поблажки прекратились. 18 офиц[еров] Красн[ой] армии были встречены огнем, кинулись назад, там расстреляны. Маннергейм и Энкель[711] – друзья России. Но это головы на чуждом организме. Энкель г[ово]рил, что каждый раз, разрешая приезд русских, уменьшает свой кредит. Их обвиняют в продаже русским. Отнош[ение] их к России т[олько] изменилось. Трудность отнош[ения] к комитету. Территория для формир[ования] армии – Эленес – одна тюрьма. Три недели новых переговоров ни к чему не привели. При малейш[ем] давлении на Финляндию это могло бы измениться. Ключ к воздействию, хлеб, в руках Entente. В Финл[яндии]

* союзники (франц.).

нет ощущения больших перспектив. Авангард против большевизма: эта роль не по плечу теперь г[осуда]рств[енным] деятелям. *2-е затруднение – эстонский фронт,* получил помощь деньгами, аммуницией, солидарен с русск[им] отрядом. Но для переговоров с Юденичем потребовали признание суверенитета Эстонии. На это не пошли. Нашлись рус[ские] люди, никем не уполномоч[енные], к[ото]р[ые], снесясь с командов[анием] мал[ого] отряда, согласились на независим[ость]. Их чествовали в Ревеле банкетом как представителей России. Это затруднило возможность объединен[ия] обеих фронтов.

Затрудн[ения] внутренние: рознь в военной среде. Явились генералы, проводящие сепаратную тактику от Юденича – челов[ека] осторожного, не идущего на авантюры, «на почве ортодоксии». Возьмет Петерб[ург], когда сможет удержать. Военные решили, что с 3000 [чел.] могут с налета взять Петербург (генер[ал] Арсеньев[712]), а все остальное само пойдет. Это называется *«немец[ко-]большев[истской] тактикой»* – противопол[ожной] Юденичу. Сам[ые] последние дни рознь исчезает, п[отому] ч[то] нек[ото]р[ые] деятели тоже высланы из Финляндии административно.

Вывод: для русск[их] людей *важность нового финл[яндского] фронта – несомненна.* Сведения о П[етер]б[урге], о силах большевиков – абсолют[но] точные. Полная картина Петрограда у меня есть (см. документ о военных силах*). Важны сведения из деревень: принимают *приговоры сходов, ждут как избавителей.* Морально большевизм на севере умер.

Тюрин. Как смотрит Юденич на независимость Финляндии?

Руманов. Самый больной вопрос: с него надо начать. Финны ставят вопрос абсолютно. Но это разговор, на изв[естные] *формы соглашения* пойдут. Но по существу все согласны, и Юденич, хотя он больше молчит, чем говорит.

Вопрос о газетах.

Руманов: издавались 2 газеты: Арабажина[713] («Сев[ерная] жизнь»[714]) и Ляцкого[715] («Р[усский] листок»[716]). Почти ни звука о внутр[енней] политике. М[ежду] собой враждовали. Обе слиты *в одну*: теперь «Р[усская] жизнь», *орган комитета* (1–8 марта).

Комитет гр[афа] Перовского (Кристи[717]) в Христиании? Нансен[718] [–] полит[ический] характер?

Руманов: Финл[яндский] комитет – молодой, но единств[енное] серьезное начинание. Вне этого: в Копенгагене 2 центра: около

* Документ отсутствует.

посольства комитет бывш[их] чиновников («недемократический») и другой, для пропаганды среди военнопленных – создание кадра бойцов. Послал делегатов в Германию. Копенгаг[енский] комитет соединился с консерват[ивным] кружком, послали делегата в Стокгольм. Ездят друг к другу. Предполагался съезд всех организаций в Стокгольме. Теперь подчинился Гельсингфорсу. Посылал и в Христианию. В Стокгольме Комитет помощи, председ[атель] Серсия Циона[719]. Имеются сильные еврейские организации. Все это – влачит существование. Стокгольм[ский] *«Скандин[авский]»* комитет – той же категории (группа в Христиании, назвав[шая] себя «Скандинавской», посылали депеши). Эти депеши дальше местного телеграфа не идут. Ответов не получают. Юденич выступил на путь полного единен[ия] с Колчаком и с Париж[ским] совещанием. В полном подчинении.

Вопрос: Гельсинг[форсский] комитет не послал своих представителей в Христианию.

Руманов. Теснейшая связь Гельсингф[орса] со Стокгольмом *создалась*. Теперь создалась *военная* связь и с Христианией. Но до с[их] п[ор] занят был своей внутр[енней] работой.

Вопр[ос]. Как представляют себе Юденич, Карташев будущ[ий] строй России?

Руманов. Это выходит за пределы моей задачи. Задания организаций *негативные*: борьба с большевизмом. *Позитивные* задачи не ставились. Карташев известен как полит[ический] деятель.

Вопр[ос]. Какова величина эстонской армии? Сноситесь ли с Архангельском?

Руманов. Эстон[ская] армия внушит[ельна]. Ядро – эстонцы, около 10 [000]–15 000. Присоед[инились] финл[яндские] добровольцы, неск[олько] тыс[яч], швед[ские] добровольцы, незначит[ельное] кол[ичество] русск[их] добровольцев. Получили поддержку Entente. С Арханг[ельском] *нет* связи.

Вопр[ос]. Сообщ[аетесь] с Петроградом?

Рум[анов]. Связь – контрабандная, с огром[ными] трудностями. Связь военная, в порядке контрразведки, держится финляндцами, и связь Юденича – тоже военная, говорить не могу. Об оружии не могу говорить, но Юденич смотрит оптимистически на возможность успеха.

Вопр[ос]. Слухи о работе датск[ого] Кр[асного] Креста в П[етер]б[урге] и Москве?

Рум[анов]. Это одна из сторон, на к[ото]р[ых] я не хочу останавливаться: атмосфера заподазривания. Хорошо говорят т[олько]

о *датском* Кр[асном] Кр[есте]. Его *курьеры ездят* в Петерб[ург], но планомерной работы по снабжению Петрограда нет.

Эстонцы и латыши отказались от помощи баронов, к[ото]р[ые] предлагали. Националисты, к[ото]р[ые] идут дальше пределов Эстонии и не интересуются внутр[енними] вопросами России. Думают о балтийск[ом] союзе.

Руманов не договорил то, что говорил частн[ым] образом о ходе приготовлений Юденича. А Юлий Гессен[720] мне г[ово]рил, что *Финляндия* должна взять Петроград, под угрозой собств[енного] захвата большевизмом, и что участие русских (Юденича, а не Арсеньева) необходимо в *ближайшем* будущем (2–3 недели).

Не записано с 1 по 24 марта.

Дополняю по памяти и по записям в календаре.

2 марта

Посылаю статью в «Times» по поводу польско-русской границы.

Завтрак с Набоковым. Он получил кредит в 1 миллион на нужды русск[их] учрежд[ений] от правит[ельства] Колчака. Переезжает в посольство.

4 марта. Завтрак с Chr. Lange в N[ational] L[iberal] Club. Ему не т[олько] не удалось восстановить связи с Бельгией, но бельгийская интерпарламентская группа высказалась за независимое создание *союзного* интерпарл[аментского] бюро, а ему лично высказали осуждение за высказанное им сочувствие словам Wilson'a (paix dans victoire*) и за какие-то сношения с неприятелем. А здесь Дикинсон не подал ему руки за то, что он защищает covenant** Wilson'a и осуждает *левую* критику (в «Nation»[721]), как льющую воду на мельницу противников Leaque of Nations. Он признал заявление covenant'a «эластическими». «Скажите лучше, loose»***, – воскликнул с раздражением Дикинсон. Ланге, однако, признает критику «Nation» очень остроумной и блестящей.

Вечером доклад у Шкловской – для местных обывателей и ее знакомых. Редактор «Everyman», Edwards.

5 марта

Обед с Шебеко, который едет в Париж. Соглашается со мной относительно империализма Дмовского и относительно того, что нель-

---

* мир в победе (франц.).

** соглашение, договор (англ.).

*** пустыми (англ.).

зя сразу раздражать и Россию, и Германию. В Париже будет настаивать на сохранении дружбы с Россией и повторит мои предостережения.

10 марта

Обед, устроенный мне Бургейном в Палате Общин. Приглашены представители всех партий. Направо от меня лидер асквитианцев сэр Дональд Маклин[722]. В конце стола рабочий Clynes[723]. Я беру темой содержание своей статьи «6 пунктов здравой русской политики». В конце демонстрирую карту расчленения России германцами, изданную «National Review». Впечатление сильное. Маклин и Clynes произносят речи, очень сочувственные. Последний говорит в чрезвычайно умеренном тоне. В частном разговоре Маклин мне говорит, что после 20-го стачка неизбежна. На вопросе о национализации правительство не уступит.

Прилагаю список членов Палаты, участвовавших в обеде.

Любезно заявляют, что мою речь надо бы расклеить по всем общинам Англии, и жалеют, что не было стенографа.

Список гостей, переданный мне Бургейном

Rt. Hon. Sir Donald Maclean,
Rt. Hon. George Lambert[724]
Rt. Hon. Chas. Bowerman[725]
Rt. Hon. Sir Harry Samuel[726]
Brig.-General Cockerill[727], C.M.G.
Brig.-General H. Hage-Croft[728]. C.M.G.
Mr. W. Joynson-Hicks[729]
Colonel Roundell[730]
Sir Richard Cooper Bart[731]
Mr. Pennefather[732]
Colonel Chas. Burn[733], C.V.C., F.D.C.
Mr. J.A. Grant[734]
Lieut.-Colonel Assheton-Fownall
Sir Wm. Davison[735]
Mr. J.A. Seddon[736]
Mr. Jeremiah MacVeagh[737]
Major J. Hills[738]
Sir Harry Brittain[739]
Captain Moreing[740]
Colonel Claud Lowther[741]
Sir Frederick Young[742]
Mr. Gerald France[743]
Mr. Dennis[744]
Lieut.-Colonel Alan Burgoyne <?>.

11 марта

Поездка в Ливерпуль с Вильямсом. Условливаемся о порядке и содержании речей. Он о большевиках, я – о небольшевистской России. Прием в университете – самый теплый. Впечатление на большую аудиторию произведено. Отзывы в ливерп[ульских] газетах.

Вечером банкет (человек 100) и речи о помощи России. Выслушиваются сдержанно влиятельной коммерческой аудиторией, хотя меня и уверяют, что здесь я говорил лучше, чем в унив[ерситетской] аудитории, и что впечатление произведено. Меня просят (присутствующие фабианцы[745] объяснить, в чем заключалось мое «германофильство» (говорят, об этом писала «Manchester Guardian»[746], к[ото]рая здесь имеет влияние). Я произношу дополнительную речь, объясняю, подчеркиваю, что и теперь сделал бы то же (одобрение вступления к. д. в украинское правительство), что я *русский* патриот, что я сделал меньше, чем Клемансо, когда он продолжал переговоры с австрийцами через комм[унистку] Armand[747]; он глава пр[авитель]ства, а я – частный человек. Резко говорю, что не одобряю шовинистического настроения Франции, при котором т[олько] и могло создаться подобное обвинение против меня. Все это принимается очень сочувственно: меня приветствуют и говорят, что все сомнения рассеяны моей речью.

14 марта. Моя лекция в King's College о теории и практике большевизма (повторение кембриджской). Цитаты из самих большевиков производят сильное впечатление. Какой-то духовный сановник сообщает мне, что правительство готовит парлам[ентский] сборник документов о большевиках и что надо бы было использовать мою информацию.

15 марта. У леди Гроган встреча с вернувшимся из Парижа Seton Watson. Не успели поговорить. На обеде у Полякова читаем записку Леонида Андреева[748], обращенную к союзникам. Вторая часть превосходна, первая местами очень резка, и я предлагаю послать телеграмму-разрешение сделать в переводе изменения под моей личной ответственностью.

16 марта

Завтрак у Соскиса. Цель приглашения – он читает мне письмо Чайковского с предложением начать широкую агитацию среди англ[ийских] масс, притянуть Грина[749] (к[ото]р[ый] теперь вовсе не влиятелен), сообщает о плане создания русск[ого] войска в Чехии. (Соскис не понял: я объясняю, что это – из военнопленных, а не из че-

хов.) Соскис г[ово]рит, что не разделяет *целей* Чайковского, к[ото]-р[ые] более подходят для нас. Предлагает обсудить вопрос о кормлении Петрограда через датский Красн[ый] Крест.

19 марта

Завтрак с Ю. Гессеном, к[ото]рый сюда приехал для переговоров с Кюпардом о пароход[ных] рейсах в Россию. Сообщает о неизбежности скорого взятия Петрограда *финляндцами**. Передает разные записки по польск[ому] вопросу о вооруж[енных] силах Петрограда.

Сговариваюсь с фирмой «Allen and Union» об издании книги.

25 марта

Завтрак с М.А. Стаховичем[750]. Его отношение к Пар[ламентскому] конгрессу – пессимистическое. Дважды обедал с Венизелосом, который *наедине* не скрывает своего иронического отнош[ения] к Вильсону и признает, что конференция *не решит* своих вопросов. Негодование среди малых народностей страшное. Клемансо за последние дни очень опустился: челюсть отвисла, ходит с палкой. В Русском совещании пришлось много возиться с неуступчивостью Сазонова. Его в Париже не любят: больше считаются с Чайковским и Савинковым. Но Longuet[751] и «Humanité» охладели к последним. Кн[язь] Львов сыграл дипломат[ическую] роль посредника м[ежду] Сазоновым и остальными. Не спрося мнений коллег, Сазонов назначил на 5-е, пустое, место Гирса. Другие не согласны. Помирились на том, что Гирс уехал в Рим, а место осталось не занято. Берегут для к[ого-]н[ибудь] крупного обществ[енного] деятеля или военного эксперта.

26 марта

Обед у Поляк[ова] со Стаховичем и Румановым. Утром в Fleet Street письмо Гессена (И[осифа] В[ладимировича]) о том, что в случае непризнания независимости Финляндии русским придется сложить оружие. Стахович со мной согласен, что финляндский вопрос решится в связи с общим положением. Я говорю Руманову, что лучше бросить его затею относит[ельно] Петрограда, чем дать форм[альные] обязательства финляндцам. Во всяк[ом] случае, операция на Петроград не имеет того первенствующего значения, которое ей приписывают. Руманов повторяет свои сведения об огромном влиянии германцев в Финл[яндии], говорит, что это они подталкивают финл[янд-

---

* В случае, если выборы дадут социалистам большинство и если придется делать coup d'etat. Но выборы дали буржуазии большинство, и теперь Энкель говорит, что Финл[яндия] вовсе не хочет брать Петрограда. – *Прим. авт.*

цев] взять Петроград, рассчитывая на этом основать свою будущую дружбу с Россией. Аргумент Стаховича по адресу союзников: вы раз уже попробовали признать независимость Финляндии, что вышло: господство немцев, и вы взяли признание назад? Если хотите, повторите это, но мы за вами не пойдем, п[отому] ч[то] мы в войне с немцами. (См. сегодня в газете предложение ген[ерала] Гофмана[752]: если союзники хотят, чтобы *мы* взяли Петроград, пусть скажут это. «Times»: никогда; не хотим их реабилитировать.)

31 марта. Свидание с Соскисом и с Teffries, инженер, работавший в Майкопских нефтяных компаниях и уехавший из России в середине февраля. Соскис, видимо, хочет через меня реабилитироваться, жалуется на Шкловского, который из личной неприязни закрывает ему путь. Пытается убедить меня в неизбежности перехода Европы на путь социализации. Говорит о необходимости моего присоединения. Здесь говорят, что если я вернусь к власти, то буду вторым Столыпиным: сперва успокоение, потом реформы. Я отвечаю ссылкой на необходимость искренности программы, на невозможность созыва Учред[ительного] собрания в период, когда надо укреплять порядок при помощи военной власти, на опасность черной реакции. Не верю в возможность социализма, а в случае его водворения предсказываю ход Европы к «упрощению» организма и к смерти. Соскис не возражает против последнего, но не отказывается от неизбежности первого.

Teffries рассказывает много интересных подробностей. Деник[инская] армия выросла путем набора. В Дон[скую] область послан ген[ерал] Покровский[753] с двумя кавалер[ийскими] дивизиями: он остановил наступление большевиков и ликвидировал захваченный ими выступ к Донецк[ому] бассейну. С Радой отношения улучшились, после того как выбран в атаманы Филимонов, а Быча отправили за границу. План перехода ставки в Крым оставлен. Деникин очень бодр, ожидается наступление для соединения с Деникиным. Teffries убежден в необходимости интервенции для занятия тыла (Кавказа) и для освобождения Деникинских войск. Иначе придется топтаться на одном месте. С Грузией у Деникина продолжаются враждебные отношения.

2 апреля

Доклад Кирдецова[754] в очередн[ом] заседании комитета. Он едет в Париж налаживать агентство. За последние дни положение в Финляндии резко изменилось. Ввиду сопротивления Финляндии, ее требований независимости, ее вражды к русским и, наконец, опасности германской провокации в вопросе о взятии Петрограда склоняются к

мысли поставить крест на предприятиях в Финляндии. Взятие Петрограда в январе было возможно с 2–3 тысячами. Теперь нужно по кр[айней] мере 15 тысяч, чтобы продержать Петроград две недели и вооружить его население. У Юденича 2800 офицеров, записавшихся и всегда готовых явиться. «Северная армия», на западе от Пскова, теперь благодаря добровольцам поднялась до 4000. У эстонцев навербов[анная] армия в 60 000, но половину они д[олжны] отпустить по домам для посева. Отношение эстонцев к Финляндии изменилось вследствие варварского поведения финл[яндских] войск и самоуправства финлядского военного командования в Ревеле. Прежде активисты (Свинхувуд) развивали идею Балтийской унии. Теперь об этом конфузятся говорить. Эстонцы переменили свое отношение к России. Прежде требовали независимости. Теперь в заседании Совета министров с Кирдецовым, как сотрудником «Times» (<1 фамилия нрзбр.>, Янсон), объявили, что готовы согласиться на автономию и принять то решение своей судьбы, которое постановит конференция. Из Парижа их не поощряют, а англичане поддерживают платонически. Нападение на Петроград из Финляндии, т[аким] обр[азом], оставлено, а имеется в виду перенести штаб из Гельсингфорса в Изборск. Если бы союзники согласились на организацию русских войск на финляндской территории, то Маннергейм мог бы пропагандировать эту идею, но без поддержки союзников он на это не решится. Теперь Кирдецов будет настаивать в Париже на сохранении связи Изборска с Ревелем как морской базы. Если Ревель будет взят большевиками, положение, конечно, опять изменится. Их общее убеждение в Финляндии, – что взятие Петрограда решит судьбу большевиков.

В N[ational] L[iberal] Club умный доклад Ратклифа о настроениях в Америке против Вильсона. Оппозиция личная, политическая, а принципиальная лишь с т[очки] зр[ения] интересов Америки. Вильсон не ввел в свои советы даже лидеров собств[енной] партии, республиканцы не могут простить ему своего поражения на выборах, профессора – соперничают (намек, очевидно, на Murray Butlev). Его влияние в момент отъезда в Европу было на низшей точке, но с тех пор выросло, и теперь ему трудно противиться. Великая миссия англо-саксонских народов, за исполнение к[ото]рой они отвечают перед соврем[енны]м потомством – использовать небывалый шанс, когда они являются *господами* мира, для закрепления союза народов.

Зингман мне передает свое письмо Аяндору <?> о торговле по всей России, большев[истской] и небольшев[истской], и о снятии блокады. Вопрос о «кормлении» России в последние дни оживленно

обсуждается в газетах, три дня назад (воскр[есенье] 30 марта) я об этом спорил с Hugh Spender'ом[755] у Виргмана. Гарольд Спендер говорил об этом речь в Гастингсе и вызвал одобрение аудитории. Я резко высказываюсь против, объясняю Зингману большевистскую подкладку его предложений. Он смущен и зовет Спендера. Объясняю ему подробно положение дела, роль кооператоров (достал записку Беркенгейма), невозможность прямых сношений с большевиками, кроме Петербурга, положение вопроса о взятии Петербурга. На него аргументы, видимо, производят впечатление.

Опять долго не записывал, хотя произошло немало интересного. Доклады Чайковского записаны со слов на отдельных листках (5 и 8 апреля).

11 и 13 апреля происходили заседания у Левинской с прочтением Appeal* Леонида Андреева и с моим предисловием к нему. В эти же дни Leach[756], англичанин, имеющий дела и деньги в России, развил большую энергию по пропаганде взятия Петрограда ген[ералом] Юденичем. Он начал агитацию среди членов Палаты, преимущественно группы Эдвардса, которому направил свой мемуар, громко озаглавленный, что это – *правильная* политика относ[ительно] России, к[ото]рая спасает Англию от непосильных предприятий в большом размере и гарантирует победу. Руманов обратился ко мне с просьбой, согласен ли я поддержать мемуар. Я согласился, при условии, если мемуар будет поддержан Hoare или Guinness, вообще кем-либо из наших друзей в Палате.

Оказалось, что Leach обратился к Эдвардсу. Уже потом я узнал, что у Эдвардса – «национ[ально]-демократич[еская] партия», довольно право настроенная и находящая поддержку во влиятельных аристокр[атических] кругах. Я согласился написать письмо с большими оговорками, что предприятие Юденича д[олжно] б[ыть] *комбинировано* с Колчаком и Деникиным, что сложность, дороговизна и длительность intervention** слишком преувеличивается вообще. Письмо было напечатано вместе с мемуаром и другими письмами (Чайковского, Ю. Гессена, Руманова) и роздано членам Палаты перед предполагавшимися 16 апреля прениями о России в Палате. Однако, Эдвардс в этот день не выдвигал своего вопроса. Я предположил, что он сторговался с Ллойд Джорджем, – и, оказалось, был прав. Эдвардс представил Джорджу список 200 членов Палаты, которые всегда

---

* обращение, воззвание (англ.).
** (здесь) интервенции (англ.).

будут поддерживать правительство, *если* оно согласно на предлагаемую политику. Л[лойд] Д[жордж], по-видимому, согласился, и Эдвардс, со своей стороны, не выдвинул вопроса в Палате. Накануне, 15-го апреля, он еще вызвал в частную комиссию партии (в Палату) меня, Лича, Руманова, Гессена) и просил выразить (в 10 минут) мой взгляд на положение. Я сделал, что мог, чтобы подчеркнуть мои оговорки, но чувствовал, что Эдвардсу не это нужно, а что-то другое. Он не дал мне ответить на благодарность комитета, сказал мне потихоньку, когда я хотел сделать оговорку по вопросу о «независимости» Финляндии, что «об этом мнение здесь разделено», — и вообще направлял беседу в *свой* канал. Позвали меня на обед в мою честь на 30-е апреля.

Из гостей Левинской особенно заинтересовался вопросом Thynn, владелец аэропланного завода, видимо влиятельный. Внес 50 фунтов на митинг в Queen's Hall, который мы предположили, и решил познакомить меня с T. Thomas, M.O., говоря, что теперь это самый влиятельный человек в Англии. Завтрак с Thomas назначен был на 23 апреля, но в этот день Thomas д[олжен] б[ыл] завтракать с Asquith. На другой день завтрак в Carlton Restaurant с Thynn'ом. Thomas приезжает к концу. Thynn успевает сообщить мне, что состоялось соглашение, по которому Thomas принимает в министерстве пост министра без портфеля, в роли adviser'a* по рабочему вопросу. Палата будет существовать 4 года, асквитианцы не будут вести решительной оппозиции. А на будущих выборах Джордж уступит место Thomas'у, которого поведут в премьеры.

Томас маленький человек с нервным и умным лицом, задает вопросы прямо к делу: что такое Liberation Committee, кто его оплачивает, как смотрит партия нар[одной] свободы на форму правления. Я предлагаю ему быть chairman'ом** митинга. — I'll turn it over***. В каких вы отношениях с Foreign Office? — Потихоньку нас поддерживает (м[ежду] пр[очим] Thynn говорил с Davies, к[ото]р[ый] обещал поддержку по распростр[анению] брошюры Леонида Андреева). — Напишите мне письмо, что хотя вы знаете мои «strong views»**** о России, все-таки просите и т. д. — *Я*: какие «strong views?» — *Томас*: о невмешательстве в определение внутр[енней] формы правления в России. — *Я*: мы сами разделяем эту точку зрения. Вообще о содер-

---

* советника, консультанта (англ.).
** председателем (англ.).
*** Я это обдумаю (англ.).
**** убеждения (англ.).

жании речей можно сговориться. – *Томас*: говорите *Truth*[*] *о большевиках*. – *Я*: хорошо. – *Томас*: 10 мая я уезжаю отдыхать в Америку, хорошо бы устроить митинг 8-го. Если даже аннонсы будут за неск[олько] дней, не беспокойтесь: *на меня* придут. – *Я*: кто еще ораторы? – *Томас*. Не знаю. М[ожет] б[ыть] Sir Gilbert Parker[757]? – *Thynn*: он не очень хороший оратор (был на одном из 20 вечеров у Левинской).

Пишу немедленно письмо и отправляю.

Путаница с приглашением Buchanan'a на обед в его честь, устраиваемый Liberation Committee. Идея приходит Тырковой. Я одобряю. Оказывается – уже после пересланного мной приглашения – что слишком дорого: 200 ф[унтов] вместо предполагавшихся 60. Тыркова предлагает отказаться, дав отступного леди Buchanan. Соглашаюсь охотно и поддерживаю против Ростовцева.

28 апреля

Путаница с комитетом благотвор[ительности], задуманным Розингом[758]. По соглашению его с Муравьевым-Апостолом, комитет перекочевывает в Красный Крест. Там к нему немедленно присусеживается леди Eggerton, к[ото]рая едет к princess Христиании, приглашает графиню Торби[759], в[еликого] к[нязя] Мих[аила] Мих[айлови]ча[760] и – изъявляет намерение выгнать Розинга как еврея! Розингу это преподносят в форме отстранения его от звания General Secretary[**], с заменой председательством в комиссии entertainment[***]. Розинг не согласен и обижен. Тыркова мне звонит, и я советую: отказаться от обещанного нами аванса в 250 ф[унтов]. Набоков, однако, сегодня утром (28 апреля) говорит мне, что Мур[авьев-]Апостол т[олько] что сказал ему, что Розинг остается, а Eggerton может уходить, если хочет.

Получена телеграмма от Клафтона[761] след[ующего] содержания: «Омск, 23 апреля, к.-д. Набокову. Председатель Восточного комитета партии нар[одной] своб[оды] Клафтон просит срочно передать Милюкову: Восточный отдел созывал на 15 мая конференцию Сибирских и Заволжских комитетов, ввиду важного ее общественного значения, просит Вас сообщить, осведомившись о взглядах Сазонова, Ваше суждение о постановке нижеследующих вопросов: 1) Желательно ли настаивать на признании Омского правительства. 2) Отношение к программе Вильсона. 3) Какова наша позиция к Америке

[*] правду (англ.).
[**] генерального секретаря (англ.).
[***] (здесь) по организации культурной программы (англ.).

и Японии. 4) Общие вопросы: разграничение Польши и России, карпато-русская и литовская проблемы. 5) Считаем ли мы необходимым отстаивать все наши договоры с союзниками, заключенные до и во время войны. Благоволите поставить дополнительно положения, какие сочтете необходимым по внешней и внутренней политике».

Мой ответ см. ниже. Послан в Париж Сазонову с курьером 29 апреля[762].

30 апреля

Обед в House of Commons, данный нам «национально-демократической» группой. Председательствует Грин. Присутствую я, Вильямс, Руманов, Исаев[763], Борман, Гессен. Эдвардс приходит после моей речи и, сказав свою, после Вильямса, уходит.

Моя речь (первая):

Благодарность личная за любезные слова группы обо мне. Благодарность от имени русской компании «нац[ионально-]дем[ократической]» группе за проявленный интерес к русским делам. Интерес не платонический, а уже проявившийся в инициативе Эдвардса по делу Юденича. Как парламентарий я понимаю, что если не было дебатов на эту тему, то это, очевидно, в результате закулисного соглашения. К сожалению, отмечаю, что обещанная материальная помощь (деньгами) опаздывает, тогда как финны уже начали кампанию в обход Ладожского озера, и для русских нежелательно, ч[то]б[ы] они *одни* взяли Петроград.(Ю. Гессен, действительно, нам утром докладывал на Fleet Street, что с посылкой миллиона, гарантированного русскими промышленниками, опять задержка, что Симпсон подверг его допросу в Foreign Office, как он относится к независимости Финляндии и к монархии. Он отвечал, что финляндцы, даже получив независимость, почувствуют ее неудобства и попросят у русских вернуться обратно, а форму правления он лично предпочитает такую, как в Англии. Он предложил Liberation Committee принять участие в подписке предварительной суммы для посылки Юденичу.) Значение взятия Петрограда я признаю, но подчеркиваю, что необходимо единство военного плана и комбинированное наступление: только при этом условии и мировая война повернулась в пользу союзников. Иначе предупреждаю, что со взятием Петрограда может повториться история чехословаков на Волге и союзников в Одессе и в Крыму. Указываю на значение урока на юге России и на важность этой богатейшей части России. Отсюда перехожу к успехам Колчака и отмечаю, что начало и конец наших требований от союзников есть *признание* правительства Колчака – не как Омского, а как всероссийского. Это включает

вопрос о признании русского единства. Вопрос о большевиках теперь, после отречения от них Палаты и после издания Белой книги, всем ясен; этого нельзя сказать о вопросе русского единства. Делаю отступление: название «нац[ионально-]дем[ократической]» партии показывает, что не нужно быть «недемократом», чтобы быть «Национальным». Соединение «нац[иональной]» и «дем[ократической]» идеи, однако, далось нелегко и здесь, — уже после того как война провела резкую грань между национ[альным] и «пацифистиским» течением. В России — обращаюсь к воспоминаниям Грина — вся интеллигенция была пораженческая, смешивая государство с самодержавием. Теперь, когда самодержавие свергнуто, а война — народная, интеллигенция впервые стала национальной. Вместе с этим стал на очередь вопрос о *единстве*. Ллойд Джордж в последней речи говорил лишь о признании *отдельных* правительств и о помощи тем, где население не относится «симпатически» к большевизму. Объясняю, что как раз оно или часть его относится «симпатически» в тех частях России, к[ото]р[ые] еще не испытали большевизма и к[ото]р[ым] Л[лойд] Д[жордж] помогает, тогда как в больш[евистской] России население ненавидит большевизм. Следовательно, нужна одна мерка для *всей* России, нужно признать *единую de jure* Россию, не останавливаясь на признании отдельных правительств de facto. Указываю, что есть и законные представители единой России в Париже, но они *даже* не были приняты {после узнаю, что Л[лойд] Д[жордж] принял Чайковского и что он послал в For[eign] Office запросить о Колчаке, — очевидно, на предмет признания}. Расчленение России, начатое немцами, получает новую санкцию союзников. Новые империализмы малых наций, созданных на основ[ании] принципа самоопределения — балт[ийские] прав[ительства], Литва, польские претензии — все это нарушает единство России. Выражаю в заключение надежду, что когда в России настроение изменится во враждебное к союзникам, когда нам придется их реабилитировать, мы сможем сказать: неправда, в Англии *было* течение, которое понимало Россию и ее интересы и сделало для нее то-то и то-то. Это была «нац[ионально-]дем[ократическая]» партия в парламенте.

После Вильямса Эдвардс заявляет, что был в одном правит[ельственном] ведомстве, что там задерживают помощь Юденичу, что взятие Петрограда в 4—10 дней неизбежно, по сведениям «русских друзей», но что это будет обида для русских, ибо между ними и финнами — непримиримая ненависть, подобная ненависти американцев к неграм. (Я и Вильямс: нет, нет.) Нужно поэтому поддер-

жать Юденича, к[ото]р[ый] обещает армию в 8000, поддержанную другими 20 000.

Я вновь беру слово и объясняю: в России *нет* расовой ненависти, как бы вы это ни объясняли: высокими стремлениями русских или их примитивным полит[ическим] развитием. Нет и цветных рас в Евр[опейской] России. Наше действит[ельное] отношение к финнам: их лояльность до 1890 г., борьба наша с ними против правит[ельства] после этого, мое единомыслие с Мехелином[764], революция дает финнам все обещанное, но новое поколение, поддержанное немцами, требует больше. И *это* вызывает разногласия. Согласился ли бы англичанин, ч[то]б[ы] Россия объявила независимость Ирландии? Как Англия стала бы защищать запад[ный] берег в случае свободы союзов для Ирландии? Независимость Финляндии и стратегич[еская] защита Петрограда – полная параллель. Конечно, если осуществится Лига Наций, наше отношение будет другое. Но теперь нельзя требовать ни от одного практич[еского] политика, ч[то]б[ы] он предпочел идеальные стремления реальным интересам своей страны.

Речи производят видимое впечатление.

Готова обложка у Брангвина к Леониду Андрееву. Он сам предлагает еще нарисовать poster*. Thomas присылает письмо с отказом председательствовать на митинге, ввиду возможных «недоразумений и множественности организаций, к[ото]р[ые] устраивают митинг». Отвечаю ядовитым письмом: митинг отлагается.

Среда для заседаний в N[ational] L[iberal] C[lub] по поводу сборов на русских военнопленных в Германии.

1 мая

В русском Luncheon Club Бичерахов рассказывает в общих чертах свою историю. Из дальнейших вопросов явствует, что он уехал, п[отому] ч[то] не хотел признать (в октябре) Деникина, а [не] Омское правительство, хотя англичане требовали признания Деникина. Его преемник, Пржевальский[765], признает Деникина. Прошу устроить более подробный доклад.

5 мая

Подробный рассказ Маргулиеса (с его точки зрения, конечно) о событиях в Одессе после 2 декабря (моего отъезда). Добровольческая армия, кроме Ненюкова и Л<пропуск>ского, представлена Гришиным-Алмазовым и В.В. Шульгиным. Оба стоят за сохранение всей

---

* плакат (англ.).

власти Деникина, как в военной, так и в гражд[анской] области. Совет г[осудар]ств[енного] объединения тоже поддерживает эту точку зрения, в силу наших ясских решений. Ясская комиссия продолжает функционировать, дважды ездит в Букарест для переговоров о помощи. Получает даже субсидию из казначейства. Добровольцы наносят сами себе моральный урон своим поведением при приближении большевиков (дня три после моего отъезда). Французы еще не пришли. Энно рассчитывает на Шульгина и добровольцев. Маргулиес застает сцену у Ненюкова. Он хочет увезти 1500 добровольцев из Одессы ввиду невозможности защищаться. Энно напоминает о devoir*, но тщетно. Добровольцы садятся на «Саратов» и выезжают на рейд, где и остаются несколько дней. Одесса предоставлена самой себе. Через день петлюровцы входят в количестве всего 400 человек. Наконец, приходят французы. Тогда убеждают добровольцев вернуться. Французы выдвигают их вперед (25 убитых офицеров, 60 раненых, около 70 петлюровцев — ни один француз не ранен). Энно объявляет quartier français** от гавани до театра и ближ[айших] улиц. От петлюровцев требуют удаления. Поднимается вопрос о власти. Маргулиес сочиняет проект федеративного типа, с военным министром и м[инистром] иностр[анных] дел для Ю[го-]З[ападного] края, хотя с подчинением в военных делах и дипломатии Деникину. Маслов, Червен-Водали сочиняют проекты вроде генерал-губернаторства, потом Кавказ[ского] наместничества, едут с обоими проектами к Деникину. Оттуда приезжают с отказом даже от умеренного проекта, а маргулиесовского даже не решаются доложить. Затем из Екатеринодара приезжает Лукомский и требует, чтобы все управление гражданское было подчинено Екатеринодару. Ни копейки расходов без разрешения Деникина. Поездки за инструкциями два раза в месяц. Гришин-Алмазов подает в отставку, не принимают. Но потом вместо него посылают ген[ерала] Санникова, к[ото]р[ый] вводит бумажное управление: на бумаге все в порядке, доклады, ревизии и т. п. В действительности, город бурлит. К 3-м центрам прибавляется четвертый: организация земско-городская, учрежденная Симферопольским съездом (68 социалистов, 2 к. д. — Брайкевич и Кондратьев, 3 неопределенных). Составляется комиссия из трех «девяток»: от с. д., от с. р. и н. с., от к. д. Из них центр[альная] «девятка» по *три*. Брайкевич — гор[одской] голова, член всех четырех групп, доволен своим «сеньорен-конвентом», к[ото]р[ый] собирается каждый день, говорит, говорит. Поднимается опять вопрос об уст-

* долге, обязанности (франц.).
** французский квартал (франц.).

ройстве власти и тянется до начала марта. Те же разногласия: директория или диктатор. Наши, наконец, признают *гражд[анскую]* власть выборную, но расходятся окончательно на вопросе, будет ли Деникин единолично назначать военных начальников.

Союзники прибывают в большем количестве. В Одессе 3 тысячи добровольцев, 6000 поляков, 8000 французов, 16—17 тысяч греков. Бертел[л]о хочет устроить совещание с Деникиным в Констанце: очень занят военными операциями. Деникин тоже очень занят, ввиду тифа ген[ерала] Врангеля[766]. Французы посылают предложения Деникину через Порталя, д'Ансельма[767], и Андро[768] (к[ото]рый прибавил себе де Ланжерон). Четыре предложения: о свидании в Констанце, о смешанных бригадах, о передаче военной власти французам и о создании более гибкой гражд[анской] власти, к[ото]р[ая] должна бы была считаться с французами. Под смешан[ными] бригадами разумеется план начала мобилизации: 200 франц[узских] и 200 русских офицеров. Французские не будут увеличиваться в числе, а растворятся в растущей русской армии. Отказ Деникина по последним трем пунктам под влиянием Драгомирова и Лукомского. Переговоры французов с петлюровцами, к[ото]рые предлагают через Фреденберга[769] (нач[альника] штаба д'Ансельма) и Григоренко такой план: в «директорию» вводятся 3 великорусса, кроме 2-х малор[уссов] (Петлюра и Швец, Григоренко, Сидоренко[770] и Макаренко). Через 2 недели Григоренко и Швец удаляются. Все украин[ские] войска (10—20 тыс., галицийские хорошие полки) поступают в распоряжение французов, к[ото]рые за это дают технич[еское] оборудование. Мы продолжаем свою Ясскую миссию и отказываемся: никаких дел с Петлюрой (М[аргулиес] считает ошибкой, но признает, что и он вел эту линию). После неудачи переговоров об устройстве власти французы с Андро ведут переговоры о выделении Одессы. Маргулиес поднимает вопрос о французской *оккупации*. Фреденберг каждый день спрашивает его: когда вы представите свой список министров, и получает в ответ: мы подчиняемся Деникину. Французы предполагают устройство Русского совета при своей власти. Хотят вызвать назад Пильца, к[ото]рый уехал в Екатеринодар тов[арищем] мин[истра] внутр[енних] дел. Но там уже подозрит[ельное] отношение к французам (англ[ичанам] тоже!). Пильца не пускают — тянут. Наконец, французы объявляют в начале марта ètat de siége*. Приглашают Шварца (по «нашему» предложению) в военные министры, а Маргулиеса — в мин[истры] финансов. У Маргулиеса билет в Париж; по его докладу Совет г[осуда]р[ствен-

* осадное положение (франц.).

ного] объединения решает вопрос отрицательно, но пока М[аргулиес] едет в банк менять деньги, *перерешает* в обратн[ом] смысле и *приказывает* М[аргулие]су взять пост. На другой день Шварц у Фреденберга г[ово]рит, что отказывается, а Марг[улиес] поставил условием, чтобы добровольцы не протестовали открыто. Санников протестует, Маргулиес тоже отказывается и через день уезжает в Париж. *После* его отъезда Шварц соглашается, Андро делается премьером, а добровольцы посылают своим представителем Молоткова[771]. Входит и Рутенберг[772]. Так дела идут последний месяц *до* 2 апреля, когда объявлена эвакуация Одессы.

6 мая

Рассказ Ал. Дав. Рейцмана.

Полк[овник] Роббинс. Я познак[омился] с ним неск[олько] дней до переворота 25 окт[ября]. С ним уже был знаком Ал[ександ]р Гомбург, стал его личным секрет[арем] и советником отчасти. А. Гомбург жил 15 лет в Нью-Йорке и сотрудничал с Троцким в одной газете «Новый мир»[773]. Когда я приехал в Москву (комиссар Зорин, прежде председ[атель] рев[олюционного] трибун[ала], а потом комиссар ж[елезных] д[орог] и почт Сев[ерной] коммуны), я передал полк[овнику] Роббинсу мой мотор и бывал у него 3 дня в неделю. Гомбург б[ыл] главным цензором телеграмм журналистов, отправ[ляемых] в Америку, Англию и Францию. 1-й журналист Williams[774], американец, большевик, были и другие (высокий, широкоплечий, с больш[ими] усами). (Один журн[алист] был сейчас же удален большевиками.) Ни одна телеграмма не проходила без контр[ол]я Гомбурга. Когда я бывал у него, у него были частые заседания с Радеком[775] и секретаршей Троцкого. Когда америк[анская] миссия Крас[ного] Кр[еста] уехала, провожали их Радек, Бронштейн и секр[етарша] Троцкого. Гомбург сказал мне: я сделал чудное дело; *мы* приобрели (Роб[бинс] и Гомб[ерг]) *всю платину русскую.* Слова Радека, когда сажал в вагон: надеюсь, что получили наши материалы. – Да, погружен целый вагон; не знаем, пропустит ли есаул Семенов. – «Надеемся, что скоро совершите революцию», – г[ово]рил Радек. Гомбург ныне председатель и управ[ляющий] тел[еграфного] аг[енства] «*Роста*»[776] в Нью-Йорке, с сам[ыми] шир[окими] полномочиями. На моих глазах 3 тяж[елых] ящика несли 3 солдата – ½ арш[ина] длины и... ширины внесены в салон вагона. Думаю, там и была платина. Я хотел ехать в Америку: Гомбург ко мне доверчиво относится, переловить их организацию. Думаю, что Гомбург получил деньги от большевиков: иначе не м[ог] б[ы] быть начальником тел[еграфного] агент-

ства. С Роббинсом не имел случая разговаривать. Гомбург – партийный работник – в первый день революции в Смольном работал со всей компанией. Зорин, родной брат Гомбурга. Я знаком с отцом Гомбурга, к[ото]р[ый] просил при мне сына (Зорина) на коленях, чтобы Зорин ушел от власти. Отец рассказывал, что в 1905 г. он был просто жуликом. Думаю, что Зорин сейчас в контакте с Америкой. Отн[осительно] «*Роста*» я видел в Москве документ, подпис[анный] Лениным на право найма, увольн[ения] служащих – полная доверенность. Я был до 22 дек[абря] 1918 г. в Москве (при табачной фабрике, меня поддерживали рабочие, при попытках районного совдепа арестовать – меня не выдавали, каждую ночь охраняли 8 челов[ек]). Наше предприятие б[ыло] национализировано 24 дек[абря] 1918 г.

Я знаком с Радеком. Он со мной неохотно разговаривал, предупрежденный Гомбургом. Я спрашивал его, почему у него два револьвера. Разоблачение локкартовской истории – дело Гомбурга: он мне заявил, что Локкарт нарвется или нарвался. Л[оккарт] говорил, что большевики – самый лучший народ; мы с ним очень поругались. Я знаком с Калиматьяно, тайный представит[ель] американцев, к[ото]р[ый] работал по свержению большевиков, устроил на Ходынке амер[иканский] клуб для пропаганды в солд[атском] лагере и вел агитацию. Теперь расстрелян. О его пропаганде я не был осведомлен, но наши акцизн[ые] чиновники стояли в связи с «контрреволюционными» элементами. Благодаря Гомбургу свергли анархистов, к[ото]р[ые] выбросили Роббинса из автомобиля (он приехал г[ово]рить по прям[ому] проводу с Вологдой) и взяли наш мотор; через 3 дня были свергнуты, на 4-й день ночью мы получили мотор (шофер был *мой*). О деле с платиной я слышал раньше, и Гомбург мне сказал: мы купили, умный народ большевики, захватили – и нам продали (наличную). Не м[огу] сказать, был ли Роббинс заинтересован лично. Кличка Зорина: Юзька, босяк. Брат его штабс-кап[итан] Гомбург, служил в Учр[едительном] собр[ании], поряд[очный] человек, б[олее] 3 раз арестован, теперь служит у большевиков. Троцкий и Зорин жили в Америке в одной комнате; Зор[ин] не платил за комнату, их выбросили. Троцкий получил на выезд от русской колонии.

7 мая

Вчера получен ответ Сазонова. Включаю его в свой ответ Клафтону, который принимает, в сокращенном виде, следующую окончательную форму:

Ответ Милюкова председателю Восточного комитета партии, строго конфиденциально:

1. Признание правительства Колчака всероссийским [—] первая основная задача нашей политики. Мы здесь добились поддержки части Палаты. Вопрос признания возбужден [в] Париже британским правительством. Надеемся [на] скорое разрешение.

2. Если программа Вильсона значит устарелые четырнадцать пунктов, отвечаю: они нам полезны, истолкованные в смысле государственного единства России и практических оговорок к принципу самоопределения. Исходной точкой должны быть не эластические пункты, а интересы России. Не принятые в совещание, создавшее Лигу Народов, мы должны, вполне признавая принцип и цель Лиги, сохранить свободу решения при определении условий нашего вступления, пользуясь отсрочкой, чтобы вернуть России хотя бы часть ее силы.

По этим двум пунктам Сазонов телеграфирует, что мой ответ не встречает возражения. По третьему пункту Сазонов предлагает редакцию ответа, которую принимаю ниже целиком вместо своей первоначальной.

3. Необходимо поддерживать дружеские отношения с Америкой и Японией, помня, что Америка нам крайне нужна для будущего экономического развития и отчасти как противовес Японии. Последняя оказывает нам несомненные услуги, но закрепление ее положения в Сибири может стать для нас опасным. К возможным притязаниям обеих стран, как и других, на концессии следует относиться с большой осторожностью. Прибавляю от себя: возможный конфликт обоих государств — вопрос будущего, относительно которого нам нет надобности себя связывать.

4. Мой ответ: принципиальная позиция по окраинным вопросам, установленная Екатеринодарской конференцией партии, есть единство России в пределах до войны, за исключением Польши. Финляндии можем дать все совместимое [с] военной обороной побережья. Так как Лига Народов не осуществится вполне сразу, что прямо признано Францией, Италией, косвенно и другими, то надо сохранить право укрепления военного командования и дипломатических союзов. Нельзя принять безусловной независимости, отчуждения Карелии и побережья Сев[ерного] океана, хотя бы пострадала поддержка Финляндией операции Юденича. Все сделанное без согласия России, как и в других вопросах, не должно считаться обязательным и окончательным. Разграничение с Польшей по-прежнему на этнографическом начале против нового империализма Дмовского, не разделяемого даже левыми поляками, хотя и поддерживаемого французскими католиками. Последние десять слов Сазонов советует выпустить как спорное указание. Надо строго отделять частный вопрос

Галиции от общего о воссоединении Украины, ограничиваясь защитой этнографической особ[ен]ности Восточной Галиции, не предрешая будущего. Вопрос Львова решается по аналогии Данцига: город следует за окружающим населением. Сазонов предлагает выпустить о Львове. Балтийские провинции должны вернуться России [с] широкой местной автономией. Эстонцы уже сами готовы на это пойти. Сазонов предлагает выпустить об эстонцах и прибавить, что автономия Прибалт[ийского] края должна обеспечить права меньшинства, в первую очередь русского. Конечно согласен [на] последнее. Литовцам можно обещать больше, если начнут частные разговоры, но не забегать и не допускать договорного характера воссоединения. Закавказье необходимо воссоеди[ни]ть, что признает и «Times». В общем поддерживаю заявления по окраинным вопросам Парижской политической конференции.

5. Принципиально не должны требовать равного отношения к нашим договорам, как и междусоюзническим, ибо требуем признания нас союзным государством. Но нужно признать фактические перемены положения вызывающими неизбежность пересмотра договоров, хотя без детального указания целей и условий пересмотра. Моя мотивировка присоединения Константинополя претензиями германцев на Берлин–Багдад отпадает, но не отпадает необходимость решения вопроса о проливах сообразно интересам России.

6. По внутренней политике предупреждаю против излишней готовности детально формулировать программу в угоду здешним левым. Наши обещания не удовлетворят, не вызовут веры, не усилят готовности поддержки этих кругов. Давая их, не можем исходить из вполне развитой демократии, не подрывая задачу освобождения и объединения. Не можем ручаться за всякую будущую власть. Наконец, должны сюда применить принцип невмешательства во внутренние дела, выставленный левыми относительно борьбы с большевиками. Вопрос создания общерусской власти в Яссах и Одессе нас разделил с левыми. Мы признаем совершившийся факт временной власти с чрезвычайными полномочиями, опирающимися на военную силу, пока станет возможен созыв Национального собрания. Они требуют фикции общественной санкции теперь же. Выбор формы правления, функции и момент созыва народного представительства, подробности избирательного закона – вопрос будущего. Тенденции определяются духом нашей демократической партии, а пределы осуществления – условиями момента. Решительно возражаю в то же время против всякого связывания себя с непримиримым и ничему не научившимся догматизмом некоторых правых течений.

За исключением приведенных замечаний, этот ответ не встречает возражений Сазонова. Приветствую Сибирскую конференцию партии, желаю всяческого успеха, в котором не сомневаюсь, как и в государственной мудрости решений.

Павел Милюков

Доклад М.С. Маргулиеса

Последние 4 месяца жил в Одессе, куда съехались со всей России представители общественности и разных слоев. В процессах Одессы отражается борьба течений всей России. Полит[ическая] работа стала интенсивной в ноябре 1918 [г.]. В Киеве организовались полит[ические] ячейки и были старые: Союз возр[ождения], Нац[иональный] центр, Совет г[осуда]р[ственного] объединения России. У иностр[анцев] б[ыл] вопрос: где Россия, с к[ото]р[ой] можно входить в соглашение. Мы собрали объедин[ение] буржуазных сил, от радикалов до Кривошеина. Хотели положить начало созданию демократии, отсутствие к[ото]рой – начало всех бед. Не останавливается на Ясской делегации: перв[ая] попытка объед[иненного] фронта привлечь воор[уженные] силы в Россию. Появл[ение] первого миноносца следовало за возвращ[ением] Ясской делегации в Одессу. К трем организ[ациям] в декабре присоед[инилась] 4-я, Симфер[опольская] организ[ация] городов и земств[777], «демократ[ическое] совещание», правильнее «социалистическое» (68 из 73). В дальн[ейших] совещаниях полит[ическая] мысль, вместо правильного пути, пошла смешанн[ым] путем, без отчетливости идей, интересов. Две почти сплошь социалист[ические], 2 буржуазные группы. Вопрос животреп[ещущего] интереса – о создании центр[альной] власти. Много дебатов и заседаний: вертелись около двух методов создания Ю[жно-]Р[усской] и всер[оссийской] власти, диктатуры и директории. Вокруг этой мирной борьбы за зелен[ым] столом бушевали стихии: большевизм, национ[альное] движение Петлюры оспаривали право обсуждать создание власти на юге, союзники вмешивались все сильнее. В общей борьбе с большевизмом – прошли все 4 месяца.

Д[олжен] сознаться, что мы *не понимали* движения Петлюры. Еще в Яссах, под влиянием раздражения, отнеслись враждебно и отрицательно. Левое крыло Совета г[осуда]р[ственного] объед[инения] (федералисты и республиканцы), как и Кривошеин, решили, что петлюровщина вызвана немцами и сродни большевикам. Под нашим влиянием в Яссах – декрет, объявивший петлюровцев большевиками: Шульгин и Энно. Петлюровцы добросов[естно] верили в свою силу, но скоро разочаровались в возможн[ости] занять место Скоропадского. Убедившись, что собств[енными] силами не справятся, стали

обращ[аться] к французам. Фр[анцузы] очень медленно увеличивали силы. Появилось неск[олько] дредноутов; к нач[алу] декабря также ждали сухопутных войск. Стали приближ[аться] петлюровцы, были на Раздельной. В Одессе б[ыло] ок[оло] 1500 офицеров Добров[ольческой] армии; представитель ее – адм[ирал] Ненюков, к[ото]р[ый] еще при немцах с трудом добывал средства. В населении не б[ыло] большого доверия к добровольцам. И офицерство, матер[иально] поставл[енное] в ужасн[ые] условия, оставило в Одессе *не* лучших представителей. Отнош[ение] обывателей обостренное. Когда гор[од] был перед задачей обороны, положиться на эти 1500 было м[ожно] с трудом. В 1-й $^1/_2$ дек[абря], когда франц[узы] не приходили, петлюровцы приближались, 300 представит[елей] Скоропадского, во главе Бискупский[778], почти не было солдат, пустые кадры. Мы рассчитывали на достойное сопротивление петлюровцам, к[ото]р[ых] было немного и нерегулярные. Но добров[ольцы] оказались не на высоте, и Одесса долго не м[огла] забыть. Я свидет[ель] сцены у Энно, когда Ненюков, ожидая через день прибытия петлюр[овцев], просил у Энно разреш[ения] посадить добров[ольцев] на «Саратов» и увезти. Энно, когда Леонтович повторил просьбу, и на вопрос: mais qu'est ce qu'ils peuvent faire*, Энно вскочил: leur devoir, mon général**. Добров[ольцы] уехали; на след[ующий] день 400 петлюр[овцев] заняли Одессу. Элем[ентарно] организов[анная] демократия еще меньше мечтала о сопротивлении. С люб[опытством] смотрели на 2 роты петлюр[овцев]. Энно предусмотрит[ельно] объявил бульвар: quartier français. Высадили матросов с «Мирабо». Через 3 дня высадились французы с ген[ералом] Bruce. Гришин-Алмазов убедил добровольцев сойти на берег. Они дорого кровью заплатили за свои колебания: французы поставили их вперед; петлюр[овцы] стреляли – жертвы.

Среди нас даже, знавших, что нас бросили, с трудом подавляли отрицат[ельное] отношение к добров[ольческим] войскам. Франц[узы] усилились численно, но не очень. В апреле их было 7–8 тыс., греков, к[ото]р[ые] стали прибывать в конце февраля, до 19 тыс. Добров[ольцев] к апрелю до $3^1/_2$, поляки 6 [тыс.]. Всего было не менее 30 000 штыков: более того, что нужно было, ч[то]б[ы] освободить Киев. Медленное нарастание сил заставило франц[узов] искать опоры в штыковых элем[ентах] на месте. Фр[анцузы] не верили, ч[то]б[ы] парламент разрешил послать надлеж[ащее] количество (мы считали в Яссах – 150 000). К январю – когда Berthelot говорил нам о 8 (по

---

* но что же могут сделать (франц.).

** это их долг, генерал (франц.).

12 000) дивизиях, мы считали, что этого довольно, чтобы освободить Деникина и Краснова. Нам г[ово]рили о 3 итал[ьянских], 3 греч[еских], 2 франц[узских]. Италь[янцев] не было, греков 1½, неполная франц[узская дивизия]. Получая известия из Парижа, французы обратили внимание на петлюровцев. Наиб[олее] ярко выражавший наше настр[оение] Шульгин г[ово]рил Фреденбергу, что мы [лучше] объявим себя большевиками, чем будем участвовать в разделении России. В пользу франц[узов] скажу, что их положение – трагическое. Без плана, без поддержки в Париже, в положении: ignorés par Franchet, oubliés par Berthelot, abandonnés par Paris*. Что дали мы? Дискуссии. Разъяснения как им, иностр[анцам], опасно идти в петлюр[овские] авантюры, думать об организации собств[енной] власти в России, и тянули в объятия Добров[ольческой] армии. Фран[цузы] сначала терпеливо выслушивали наши объяснения о добровольцах (не как боевой силе, а как носительнице полит[ической] власти за 1500 верст). Mais où, diable, sont vos** добровольцы? Мы г[ово]рили: надо создать армию. У Деникина не б[ольше] солдат своих, здесь же добров[ольцы] д[олжны] б[ыли] по общему плану создать новую армию. Пример сибир[ской] армии казался поучительным. Мы, южане, были весьма скептичны, и когда, расхаживая по густо заселенной Одессе с милл[ионным] населением, г[ово]рили с французами – что с тыс[ячами] 150 – неужели 10 тысяч призвать? Мы, одесситы, отвечали: нельзя. Те элем[енты], к[ото]р[ые] могли бы пойти, – самые беспокойные, м[огут] водрузить красное большев[истское] знамя. Другие элементы? Если в бурж[уазных] слоях спекуляция, то из 35 000 рабочих 30 [тыс.] безработных, 15 тыс. из них – те же *мешочники*. В окрестностях – немецкие колонисты – прекрасн[ый] материал. Пример Таврии показал, что великолепный, но французы отвечали: *boche*!***

Была все-таки мысль, что если произвести набор, как в Сибири или Таврии (снести 3 села), – кто будет мобилизировать, спрашивали французы. – Добровольцы. – Но есть у них воинский начальник, способы действия? – Нет. – Тогда нам не портите, а то будет как в Крыму. Правит[ельство] Набокова, Винавера, Богданова, согласн[ое] с правым социализмом, к[ото]р[ый] представлен д[окто]р[ом] Никоновым[779], гор[одским] головой <?> Севастополя. К. д. единомышленники того же Нац[ионального] центра, к[ото]р[ый] у Деникина, д[олжен] б[ыл] поддерживать его. Но когда Ден[икин]

---

* игнорируемые Франше, забытые Бертело, брошенные Парижем (франц.).
** Но где, черт возьми, ваши (франц.).
*** бош (презрительная кличка немцев во время Первой мировой войны) (франц.).

объявил набор в Крыму, крым[ское] правит[ельство] *отменило*, через день объявило свой: явилось 142 человека. Петлюровцы, по соглаш[ению] с франц[узами], отступили на 100 верст; окрестности Одессы освободились для набора: добров[ольцы] г[ово]рили – если бы позволили; французы: опасно. Позв[олили] создать brigade mixte*[780], ядро в 100 офиц[еров] и унтер-оф[ицеров], к[ото]р[ое] остается зафиксированным и распускается, а делается для уверенности французов. Казалось, что, с т[очки] зр[ения] живых интересов юга и армий, создание таким путем армии никакого позора для русск[ого] самолюбия не представляло. Но когда Berthelot послал представителей в Екатеринодар, ответ Деникина: всякий русский офицер, пошедший в бригаду, будет предан военно-полев[ому] суду. Советчики Деникина, боев[ого] генерала, – повинны в части того, что произошло в апрел[ьские] дни. Армии нельзя б[ыло] создать. Французы стали думать о петлюровцах. Южане знают, как мало настроено украинское местное население. Петлюра привлек галичан; тогда французы *секретно* повели переговоры, сперва на почве взаимопомощи, а потом – до Раздельной будет власть франц[узов] с общ[ественными] элементами, а выше – директория без Винниченко, Макаренко, останутся Петлюра и Швец, и три русские организации на – «ко». Споткнулись на вопросе о Петлюре. Совет [государственного] объед[инения] и Нац[иональный] центр, не говоря о Шульгине – в ужасе. Когда Григор[енко] спросил Совет г[осударственного] объед[инения], то несмотря на мнение нек[ото]р[ых] реальн[ых] политиков, что Петлюра за Раздельной не страшен, – поставлено Григор[енко] условие: не вступать в директорию, пока Петлюра не уйдет. Ничего не вышло. Большевики не дремали. Большевизма в Одессе сколько угодно: на похоронах петлюровцев – больше народа. Сетовали в народе, что петлюровцев убрали. Босяки жаждали прибытия петлюр[овских] и больш[евистских] шаек. В Одессе, несмотря на войска и градонач[альника] Маркова (Модля), издавалась газета *«Le Communishe russe»*: один № посвящен памяти Либкнехта[781] и Розы Люксем[бург][782], в черной кайме, раздавали франц[узским] солдатам. До эвакуации Одессы типография не б[ыла] открыта. Борьба с больш[евиками] *грубыми* средствами происходила и там: нельзя было 3 недели назначить военно-полев[ого] суда, п[отому] ч[то] ген[ерал] Деникин не м[ог] назначить, п[отому] ч[то] провод был оборван. За 5000 руб. большевика выпускали из тюрьмы. Всю ночь выстрелы, утром – трупы: «расстрелянные вследствие попытки к побегу». Французы растерялись, встречая сопротивление

---

* смешанную бригаду (франц.).

наших левых против расправы. Гор[одской] голова говорит с нач[альником] разведки о спасении человека, передававшего франц[узским] солдатам больш[евистские] прокламации: все клянется, что он *меньшевик*. Позвонили и мне друзья из соц[иалистической] партии: спасите, он меньшевик. Отправляюсь, меня соед[иняют] с судебн[ым] следователем. Спросите, как очутились прокламации. — «Так». — От кого? От одного чел[овека]? — Он тут же сидит и отвечает: «Так». — Я говорю: передайте русским властям (в феврале). К эт[ому] времени французы арестовали 20 девушек: русский военно-полевой суд оправдал. Дальше все хуже. Одесса проснулась, узнав, что 11 трупов — 5 женщин — трупы найдены; вооруж[енные] люди их захватили и увезли. Оказалось — полиц[ейские] власти снесли все трупы в одно место; девушки и матери — расстреляны, найдены адреса больш[евистских] комиссаров (Од[есса] разделена на кварталы). В газетах полемика: вся пресса на французов, они к нам: qu'est ce que vous voulez*. Фр[анцузам] было сказано: если вы намерены оставаться и не уйдете — помощи не пришлют — тогда к началу марта уже большая группа сказала: возьмите и военную, и гражд[анскую] армию в свои руки. Все будет на вашей ответственности. Ответ: не согласны. Мы опять в тупике. В этот момент петлюровцы — не уверены, добров[ольцы] не могут отделить войск для ю[го-]з[апада], из местн[ых] элементов нельзя создать воор[уженные] силы. Французы кажд[ый] день стали твердить: создайте здесь *свое* правит[ельство]. *Мы*: сделайте первый шаг, как в Архангельске и Батуме. Стояла бы идея помощи не нам, а своим, французам. Эта идея тоже бы провалилась. На эт[ом] фоне — интересны прения 4-х организаций по большим вопросам. Когда реалисты г[ово]рили: займемся лучше, вместо всеросс[ийской] власти или южной власти на всем юге, вопросом о власти вместо гетмана Скоропадского над 35 миллионами, пожимали плечами: как заниматься этим, когда не можете помирить Чхеидзе[783] с Набоковым и Красновым. Требовали такого порядка обсуждения. Пришлось пытаться с французами решать вопрос *не* демократически, без предвар[ительного] сговора, тоже с указанием лиц. Как повлияли на это события в Сибире. В декабре мы получили известие о перевороте Колчака; нас смущало, что члены стар[ого] правит[ельства] остались с Колчаком. (Вологодский: «с. р. не настоящий».) Вопрос факта остался не выяснен, как это повлияло на боевую силу армии. Потом получили сведения, что армия есть и наступает. Совет г[осуда]р[ственного] объед[инения] быстро пришел к взгляду, что пустой спор, директория или диктатура; важно т[олько],

---

* что вы хотите (франц.).

ч[то]б[ы] не было посягат[ельства] на *военную* власть (слева). Дальше, на фоне абсолютной усталости и сознания бесполезности, мы решили прекратить спор на вопросе: м[ог] ли Деникин *сам* назначать корпусных, бригадных и т. д. генералов. Левые требовали участия двух гражд[анских] советников. Мы прервали – и больше не возвращались к прениям. Петлюровщина не получала франц[узской] помощи по полит[ическим] причинам, а также и потому, что танков не б[ыло] у самих французов. Добров[ольцы] спорили, д[олжны] ли подчиняться французам по вопросам оперативным или и другим. *Падение Херсона* – иллюстрация Одесского падения. К Никол[аеву] и к Херс[ону] подошли шайки атамана Григорьева: кадры опытных разб[ойников] из аграрных элементов. Когда подходили к Вознесенску большевики (огром[ные] артил[лерийские] склады), франц[узы] решили прогнать: распоряжения энергич[ного] тона, посланы 2 батальона, выдвинули 70 челов[ек] разведку, к[ото]р[ая] заявила, что большевики – 120 вагонов – едут без конца. Разведка вызвала батальон, а за его спиной рабочие разобрали рельсы; батальон пешком вернулся. Первая схватка с Григорьевым: большевики быстро отошли, французы ликовали: ils sont au dessous de la moyenne*. Через два дня – опять возвращаются: решено послать греческий бат[альон], к[ото]р[ый] прибыл т[олько] ч[то] из Корфу. Успокаиваем население; в 4 ч[ас]. утра пойдут. В 9 ч[ас]. вечера еще не идут. На след[ующее] утро – туман, но высадились. Еще через день в 5 часов узнаем, что эт[от] греч[еский] батальон с танками *не спущен*, п[отому] ч[то] когда пароход подходил к Херсону, неприятель был уже на берегу и «trente milles paysans au moins se sont jointes»**. Когда потом пришлось отдать Николаев (там оставались 5000 немцев), большевики дали 48 часов, французы увезли, но немцы не пустили, пока не уйдут. Было ясно всем, что Одесса не будет охранена. Пропаганда большевиков так успешна, что 230 фр[анцузских] солдат остались в Одессе с большевиками. «Cordon sanitaire»*** требовал взять фран[цузские] войска и оберегать границу «заразы». Уведены пешком к Днестру, Очакову и остались в Бессарабии. Вина союзников меньше нашей. Огромная часть вины, если не вся – на нас. Мы теоретически группировали народы и приносили в жертву элементы, из к[ото]рых это здание д[олжно] б[ыло] строиться. Интер[есным] вопросом [является вопрос], как будут властвовать генералы, какие «гарантии».

---

* их возможности ниже среднего (франц.).

** по меньшей мере тридцать тысяч крестьян присоеднились (франц.).

*** санитарный кордон (франц.).

Париж

Приехал в Париж под этими впечатлениями. Считал дальнейш[ую] штыковую борьбу с большевиками безнадежной. Ясно было, что несчастн[ый] Деникин, с обнаженн[ым] западным фронтом, будет поставлен в ужасн[ые] условия. Ворон[ежская] губ[ерния] была отнята у Донск[ого] войска. Задача Ден[икина] – удержание *завоеванного* Кавказа. Усил[ение] на юге, большевики окажут сопротивл[ение] наступл[ению] с востока. В Париже была Аркадия. Вопросы разрешались в благодушных условиях комфорта и интеллигентских споров. Полит[ическое] совещание, в силу того, что французы сознают свое поражение и хотят *свалить на нас* ответственность, возражают совещанию: от депутатов прав[ого] толка, с Quai d'Orsay: tant que la conférence ne déclarera la Russie république fédérative, nous n'avons rien à faire avec vous*. А конфер[енция] этого не хочет. Clemenceau *после Одессы* кричал представит[елям] конференции: «Не ждите помощи».

Нет дикого плана, к[ото]р[ый] бы не созидался во франц[узских] кругах: *Теперь* посылают миссию к Петлюре – завоевать ю[го-] з[апад] – намерение имеет кое-какую серьезную почву. Задача конфер[енции] создать власть признаваемую – безнадежна: о силе не сговариваются; она выявляется. Пока интервенция не похоронена, м[ожно] было г[ово]рить о *временной* власти. Но теперь – вопрос теоретический. Приходится сталкиваться с вражд[ебным] Колчаку течением, к[ото]рое хотят *оформить в междунар[одное] общество* поддержки *демократ[ической]* программы в России: Учред[ительное] собрание и т. д., города и земства. Сейчас эта попытка, опир[ающаяся] на умер[енные] социал[истические] элементы фракций, м[ожет] задержать поддержку движению с востока. Не т[олько] грузинское правит[ельство], призн[анное] англичанами, не т[олько] правит[ельство] горское кавказское, поджидают азербайджанское правит[ельство] из Баку, Кубанское правит[ельство], Донское, Эстон[ское], Латв[ийское], Литов[ское] и Украинское. Пять правит[ельств] объявили 1½ недели [назад] Вильсону, что они *друг друга признали*. Я беседовал со всеми нашими добрыми друзьями: кто – казак, кто – горец, а все наши интеллигенты, к[ото]р[ые] доказывают, что к федерации лучше всего подойти путем самостийности, – поддержка франц[узами]: так как центр[ального] *патриотизма* нет, то надо создать *местные*. Макла-

* Quai d'Orsay (набережная д'Орсе, где было расположено Министерство иностранных дел Франции): поскольку конференция не признает Российскую федеративную республику, мы ничего не можем сделать с вами (франц.).

ков с грустью г[ово]рит: боюсь, что время прошло для федерации: подавай самостийность. Попытки убеждения начаты, что буд[ущая] Россия не угрожает централизмом: могли бы пойти на федерацию. Но они отвечают: à vous de commencer*, пусть р[усская] конференция скажет это слово: республика федеративная. Мы хотим разговаривать как равные с равными, п[отому] ч[то] боимся, что это будет не сестра, а мачеха. Задача почти безнадежная: Сазонов, бывшие послы еще не перевели валика в своем органе. Это все еще центр[альная] власть с маленькой уступкой: конечно, автономия. Это опять стремление создать *центр[альную]* власть. Не знаю, как стоит дело в Лондоне. Всех тревожит: с чем идет Сибирь? Г[ово]рю *теоретически*: отсутствие демократии в России, провал интеллиг[ентских] затей (до большевизма включительно) заставит обратиться к реальн[ым] силам страны: сто милл[ионов] крестьянства. Будет стараться создать *старый режим*. Этот период нам предстоит. Нужно ли поддерживать: да, нужно; это историческая необходимость, к[ото]рую м[ожно] т[олько] смягчить и ускорить. Все оговорки и обещания союзникам делу не могут помочь.

13–15 мая

Соединяю разговор с В.В. Вырубовым (13), А.И. Коноваловым (14) и Тырковой (14–15), которые все вернулись из Парижа. Вырубов утверждает, что 95% всего посланного союзниками в Россию принадлежит Англии. Под этим впечатлением они собираются открыть в Лондоне отделение конференции. Коновалов прибавляет: для военной части я телеграфировал, что рекомендую Головина, для финансовой <пропуск фамилии>, для дипломатической? Я настаиваю на сохранении Набокова. То же делает в Париже Тыркова в разговоре с Сазоновым, к[ото]рый заявляет, что уже назначил Севастопуло[784] и что нельзя оставлять посла, который не имеет никакого влияния. Вырубов приехал, видимо, от Львова понюхать. Спрашивал мое мнение об отделении в Лондоне, о кандидатуре Головина, о Набокове. Спросил Коновалов: как будет принят Сазонов, к[ото]р[ый] приедет на днях. Я сказал, что здесь не будет и тени парижского отношения, но что все-таки прием надо приготовить, и лучше, если признание будет скоро, отложить приезд до признания. Тыркова говорит, что приезд Сазонова уже подготовлен Hoare'ом, который обратился к Набокову с просьбой указать, кого из русских позвать на прием, ввиду тесноты помещения. Набоков не знал положения дела, ответил, что приезд Сазонова будет совершенно частный. Однако же, он рекомендовал меня, Виноградова и Ростовцева.

---

* вам начинать (франц.).

На мой вопрос, правда ли, что Клемансо накричал на них, Вырубов отвечает, что это было не так, что Клемансо скорее произвел жалкое впечатление угасающего старика, который к концу разговора неизбежно выходит из равновесия. Помощь союзников признал невозможной по политич[еским] причинам. [Lloyd] George тоже говорит: причины отозвания войск политические. Секрет полишинеля: целый штаб французский перешел к большевикам *добровольно*, и поэтому поспешили убрать войска; оставлять было опасно. Тыркова видела Чайковского, который *один* был позван для продолжения разговора – и пошел с согласия Совещания. Его подвергли экзамену. Как Колчак относится к аграрному вопросу, к монархии? Он отвечал, что в аграрном вопросе нельзя дать голых формул, но, что возможно, обещано (вытащил программу Колчака, к[ото]рая «четверых» приятно удивила). Возможно, что Россия пройдет через огранич[енную] монархию, но никто не думает о восстановлении старого. Расспрашивали об экспедиции Юденича. Ллойд Джордж спросил: можно ли утилизировать пленных? Чайковский ответил, что с этим опоздано и на это нужно не менее 3-х месяцев. Тогда Ллойд Джордж сказал, что, значит, это надо бросить. А как о независимости Финляндии? Чайковский отвечал, что Россию не спросили и не дали ей стратегических гарантий, к[ото]р[ые] ей нужны. Принесли карту с притязаниями Финляндии на Северный океан и Карелию. Отношение их ироническое. Л[лойд] Джордж сказал: ну, значит, с этого конца начинать нельзя. Вильямс повез этот разговор в Екатеринодар.

Тыркова-Вильямс позвала Howard'а обедать к себе вместе с Маклаковым, (Струве и Савинковым). Маклаков видел Howard'а в первый раз и даже не знал, что это – представитель Англии, спутал с House'ом. На замечание Howard о «диктатуре» Колчака Тыркова сказала, что Клемансо, Л[лойд] Джордж и Вильсон – больше диктаторы, хотя положение Колчака – тяжелее ихнего*. К концу вечера говорил более откровенно.

Савинков – по Вырубову, ведет сепартную линию, Керенский с Аргуновым и Зензиновым возобновили разговоры с французами (прерванные до отъезда к нам Чайковского) – очевидно, с Franklin Bouillon[785] и Лигой прав человека[786]. Предполагался «международный комитет для поддержки демократизма в России», т. е. подготовка оппозиции против будущего русского правительства. Говорят, что затея *уже* провалилась.

---

* Так в тексте.

Вывод Тырковой: Комитет хорош тем, что занимает место, которое могло бы быть занято худшими элементами. Кроме того, с конференцией начинают считаться.

16 мая

Алейников дает общую картину и характеристику больш[евистского] режима. Он выехал с большев[истским] паспортом, через Германию, с разреш[ения] Англии, как сионист. Франция добивается выгодных для себя границ на севере Палестины.

В Англии превратное понятие – и у Нортклиффа, и у «Daily News». Рассматривают большевизм со своей внутр[енней] политики. Резюмирую кратко: никакого коммунизма нет, большевики поняли: *Ларин*[787] признал на съезде Советов нар[одного] хоз[яйства] 28 января, что частное хозяйство лучше национализированного. Опыт не удался; Abschreckungsbeispiel* против социализма. Русский – собственник, стремление к личному обогащению от мала до велика, грубое первоначальное накопление (мошенников) – естеств[енная] самооборона челов[еческого] инстинкта, индивидуализация заработка, выраж[ающаяся] в *повальном воровстве*. Подкупа никогда такого не было. Мы заплатили вчетвером 1500 р[уб]. за штабной вагон. Абсолютный провал коммунист[ической] системы. Остались сильный центр власти, пассивное подчинение – страшное недовольство. Надежды на интервенцию очень сильны до сих пор: планомерная и культурн[ая] интервенция будет всеми приветствована. Нужно принести хлеб и *порядок* (не *расправу* белых генералов); Красная армия не заслуживает расправы; не усмирение, а медленное лечение. Не нужно так, как в Мюнхене. Неверно, что р[усское] общество сплотилось около большевиков. Национ[альная] честь (как займут финляндцы) отсутствует: пусть займут хоть китайцы. Лаппо умер от «хронич[еского] недоедания».

Таганцев[788], Андреевский[789] продают библиотеки. Оптимистичен Нольде. В общем *все* <1 нрзбр.> (хлеб 18 р[уб]. – ¼ ф[унта], масло – 80–110 [руб.], карт[офель] – 9 р[уб]., сахар подешевел – 70 р[уб.] (вм[есто] 100), чай – 200 р[уб.], калоши 200 р[уб]). Дальше будет субъективно. Ленин – челов[ек] крупного ума. Он знал, что надо делать. Понял, что союзники раздерутся и не пойдут против России. Трезвый человек. России не поможет даже соц[иалистическая] рев[олюция] в Англии. Он хотел бы вернуть Россию к иностраному капиталист[ическому] строю: не русскому. История с концессией Hanevick – Обь–Котлас ж[елезная] д[орога] – за ней стоит америк[анская] груп-

---

* отпугивающий пример (нем.).

па. Предварит[ельный] договор 8 милл[ионов] дес[ятин] леса, безумно невыгодно для России. Он играет на признание. Нансеновское предложение я понял как симптом признания. Теперь фр[анцузская] т[очка] зр[ения] победила. Я г[ово]рил Соскису, Гальперну: откройте факты. Они вопиют. А здесь с любопытством наблюдают, как комитет Павловича будет «реконструировать» Россию. У них – ничего творчества: не было худшей бюрократии. Надо пройти *17 удостоверений*, чтобы получить пальто у Мертенса на хранение: домовой комитет бедноты, рабочая жилищ[ная] комиссия, центр[альная] жилищн[ая] комиссия, районный комиссариат, районный с[олдатский и] р[абочий] депут[ат], центр[альный] совет р[абочих] д[епутатов] (Смольный), финанс[овый] отдел нар[одного] хозяйства. Я ехал из П[е]т[рограда] в Москву, в январе 1919 г., со мной представит[ель] Москов[ского] коопер[ативного] банка. Разговорились. Он ездил с дипл[оматической] миссией в Германию от нар[одного] банка в ноябре 1918 [г.]. Заговорили о Чутуевской таможне, где лежат товары, каучук, сукно. Разгрузка ведется год. Сначала запретили частн[ым] предпринимателям. Сама таможня спекулирует этими товарами. Назначили молодого Громана[790], 23 лет, «диктатором». Побился 2 недели, бросил. Отдали Красину[791] – большевик Мин[истерства] снабжения. Распорядился, чтобы отдавали хозяевам. У нар[одного] банка лежали косы 20 [000]–30 000 с августа. Обошлись по 12 р[уб]. штука, а продавались по 150 р[уб]. Запаслись бумагами, сидели 12 дней, не получил: нет подписи Красина. Почему не дали взятки? Можно получить 10 000 ар[шин] сукна, заплатив по 20 р[уб]. с аршина взятки. Фабрика распылилась м[ежду] местными собственниками. Террор значительно смягчился, кроме выходки – казнь 4-х в[еликих] князей[792]. Борьба с наркомом привела к *упразднению уездных чрезвычаек*. Я тоже сидел после убийства Урицкого[793]. Почему вы держите Кутлера[794]? Ничего, пусть посидит, хороший заложник. Хотели расстрелять за старые кадетские прокламации в Старой Руссе (Юдкевича): едва упросила на коленях невеста отправить к Урицкому, к[ото]р[ый] отпустит. Уменьшили права *суда* губ[ернских] чрезв[ычаек], а *расправу* в случае поимки *с поличным*. И там взятки (Шатов – был наконец пойман). Своб[одного] слова нет. Всегда «Вперед»[795] Мартова[796] – против интервенции, в остальном против большевиков: предостережение, закрыть. Арест за уличную фразу против большевиков, но простой народ везде ругает скверными словами, открыто. Облавы на Невском буржуев – на принудит[ельные] работы и даже из кинематографа. Принудит[ельный] налог не удался, хотя Крестинский[797] заявил о «блестящей» раскладке на национализированные общества, к[ото]р[ые] по

закону изъяты. Я обложен 100 000 р[уб]. Не могут уследить. Одна полит[ическая] черта – стремление восстановить единство России. Хотя и устраивают белорусскую республику Мясникова[798], украинскую – Раковского; Зиновьев[799] за автономию сов[етской] коммуны; Ленин против, Зиновьев потерпел поражение. Сумасшедший дом: маньяки или мошенники. Я не знал что такое Колчак. У нас думали: что м[ожет] случиться с Россией? Постепенно уйдет от город[ской] культуры, высш[их] форм. (В Петр[ограде] 750 000 карточек в конце февраля. Это максимально, ибо есть обманы.) Ушли в деревню, то же и Москва – ни одного магазина; даже вывески снимают. Россия упрощается. В деревне почти не нуждаются в город[ской] культуре, носят лапти, жгут лучину, делают самогонку. Нужны *соль и спички*. Остальное – домашнее: материя, пища. Покупают в городе граммофоны, золотые рамы из-под картин, стар[ые] шелков[ые] материи. Страшная тенденция: Р[оссия] перестанет быть культурным государством – деградируясь. Из промышл[енной] сферы мало осталось. Помощь извне еще нужна: машины и станки еще стоят. Нужна искусств[енная] помощь, а не естеств[енная] реакция. Сам[ые] одаренные люди думают о картошке по 7 руб. Энергия пропадает, никакой речи о политич[еском] протесте, все раздавлено. Коковцов б[ыл] прав: за 50 верст от Петрограда. У меня сомнения в демократич[еском] принципе. Чернов[ское] собрание – хуже ленин[ского] большевизма. Речь Чернова – преступное фиглярство. Единств[енная] красивая фигура – Церетели[800]. У с. р. ни одной фигуры. Руднев – ? Для меня страх отн[осительно] Колчака – боимся погромов, то же, что поляки. Нам приписывают *большевизм* – чисто славянская схема. Бакунин[801] близок к Ленину. Троцкий человек организации. Остальные пешки, вроде Зиновьева. Масса евреев – бывш[ие] америк[анские] эмигранты – вроде чиновников. Но и в обратн[ом] лагере – *Либер*[802] – ненавистник большевизма. «День»[803] резче «Речи». Покушение Канегиссера[804], Каплан[805], Блюмкина[806]. *Всюду активный элемент* – нашли выраж[ение] и в большев[изме]. *У них больше общей грамотности*. Нарастает протест и мыслится Немезида[807]: страдает от них мелкое городское население. В Вильне, Минске стонут: пусть придут поляки, освоб[одят] от большевиков. «Прав[ый] порядок» примет грубые формы; я за итервенцию иностр[анной] силы. Так говорил и с Минором – аграрная программа – самое важное. С. р. выдумали ересь против <1 нрзбр.>. Земля ничего общего с социализмом [не имеет]. Нужно разрешить широко, и тогда получается здоровая страна. Песенка с. р. спета.

Литвинов-Фалинский, первый приехавший из Одессы после эвакуации, рассказывает много любопытного. Распоряжение об эва-

куации было получено из Парижа и стало известно англичанам в ночь с 3 на 4-е (м[ожет] б[ыть] с 2-го на 3-е), хотя смутные слухи ходили днем раньше. Фреденберг сделал на этом огромную спекуляцию, знал раньше. Хари проехал днем раньше через Константинополь и вывез огромные суммы: в К[онстантино]поле сразу понизился курс рубля. Вообще Фреденберг вызвал своей деятельностью большие подозрения и был официально *отставлен*, хотя почему-то задержался в Одессе до самой эвакуации. С его приездом в середине (конце?) января сразу изменилось отнош[ение] к русским на подозрительное. Гришин-Алмазов и Санников высланы. Подозревают Фреденберга в снош[ениях] с германцами.

Англичане заботливо вывезли свою колонию и знакомых русских на свои крейсера. Французы посадили целых 3000 на пароход Добров[ольного] общ[ества] – давали визы за огромные деньги (до 50–75 тыс.). Вывезены большие суммы. В Константинополь не пустили. 10 дней держали в ужасном положении (Бернацкий в трюме), возя от Кавака в Халки и обратно. Наконец, взяли в свои руки англичане и перевезли часть на Мальту. Некоторые начали пробираться в Италию, но из Парижа строгое распоряжение: никого из Италии не пускать. Сыграло тут роль и нежелание разоблачения, при крайне раздраженном настроении эмигрантов. Офиц[иальная] мотивировка ухода (см. официозную статью в «Stamboul») – недостаток продовольствия. В действительности, мотив не этот и не военный, а чисто политический. Чья-то рука как будто с самого начала вела к неудаче экспедиции. Френденберг злорадно подчеркивал ошибки Деникина, тогда как англичане старались их исправлять личными доброжелательными указаниями. Первый опыт Деникинского совещания управлять вновь приобретенным краем, несомненно, неудачен: состав совещания плох. Лебедев – ставленник московских купцов (Рябушинский) и делает темные дела.

To End Bolshevism
Russian Delegation's Suggestions
Moral and Material Support

The Russian Delegation in London is leaving immediately for Paris. It has been sympathetically received (Reuter's Agency states) in the various political and Government quarters in London, where it has expressed views which may be set forth as follows:

For the first time all leading Russians of every shade of opinion in this country, in France and in Russia – except the extreme right and left wings – have sunk their many political differences in one patriotic de-

termination to inscribe on their programme the extermination of Bolshevism and the enabling of Russia to express its free will.

Bolshevism consists really of a Pretorian Guard, including 25 000 Chinese and Letts, simply mercenaries, who are scattered among the Red Army, and whose whole duty is to execute the policy of murder and robbery exploited by the so-called Government that pays them. This Government consists of two sections: (1) Little groups of fanatics of the Lenin and Trotzky type; and (2), a bureaucracy, also in the pay of Lenin, whose only care is to enrich himself at the expense of others. This numbers several thousands, and forms the governing force. It does not possess the sympathy of the great mass of people, and even the Red Army would be willing to change masters and pass to a period of order, if it only had the chance. What we are asking for from the Allies is:

1. A certain moral support, recognising that Bolshevism must be placed outside the pale of society. Such a pronouncement on the part of the Allies has never yet been made, but would have tremendous influence and importance.

2. Material assistance in the way of munitions, rifles and especially the latest war devices, such as aircraft and Tanks. These should be supplied to Russia's own army, which comprises 250 000 men under Admiral Koltchak and a similar number under General Denikin, who has just joined forces with General Krasnov on the Don. We have therefore two large and well organised armies separated by the Bolshevists, and we are asking that they shall be supported.

3. In the Ukraine we have no military forces for the moment, and here we would like to have a small Allied detachment that could be brought from the Black Sea in order to maintain order, so that we could be helped in the period before spring in sowing our crops. A small volunteer force is all that is required, for, except for this purpose, we ask for no Allied troops at all, only for material, for Russia is able and willing, and much prefers to rehabilitate herself with her own forces. The military plan would be for Admiral Koltchak to join forces with General Denikin, and when that is done our work is three parts accomplished, and the collapse of Bolshevism would only be a matter of weeks. When Admiral Koltchak has effected the junction with the other loyal Armies of the North clearly his plan would be to move at once towards Tsaritsin, a very important strategic centre. When this is taken the Bolshevist communications between the north and south will be completely severed.

General Denikin can be, and is being, helped by the Allies from the Black Sea. He is only six hours from the Allied Fleet, and as soon as he has enough material he will move north to join Admiral Koltchak. The physical forces of Bolshevism can be easily and quickly diesipated in this fashion*.

---

* Покончить с большевизмом
Предложения русской делегации
Моральная и материальная поддержка

Русская делегация в Лондоне немедленно отправляется в Париж. Об этом по телеграфу получено сообщение (утверждает Агентство «Рейтер») в различных политических и правительственных кругах Лондона, где высказывались взгляды, сводящиеся к следующему:

В первое время все «передовые» русские самых различных взглядов в этой стране, во Франции и в России – кроме крайне правых и крайне левых – отбросили различные политические разногласия, чтобы в едином патриотическом порыве вписать в свою программу пункт об уничтожении большевизма и позволить России выразить свою свободную волю.

В реальности большевизм состоит из преторианской гвардии, насчитывающей 25 000 китайцев и латышей, простых наемников, которые рассредоточены в рядах Красной армии и роль которых заключается в том, чтобы за плату осуществлять политику убийств и грабежей, разрабатываемую так называемым правительством. Это правительство состоит из двух секций: (1) небольшое количество фанатиков типа Ленина и Троцкого; и (2) бюрократии, также оплачиваемой Лениным, единственная забота которой – обогатить себя за счет других. Последние насчитывают несколько тысяч и формируют правящую силу. Она не пользуется симпатией широких народных масс, и даже Красная армия захочет сменить хозяев и установить порядок, если только дать ей шанс. То, о чем мы просим союзников, сводится к следующему:

1. Устойчивую моральную поддержку, помня о том, что большевизм должен быть удален с «лица общества». Такое заявление еще не было сделано со стороны союзников, но имело бы огромное значение и влияние.

2. Материальную поддержку, выражающуюся в поставке амуниции, винтовок и, в особенности, современной военной техники, такой как авиация и танки. Все это должно быть отправлено русской армии, состоящей из 250 000 человек под командованием адмирала Колчака и такого же количества под командованием генерала Деникина, который недавно объединил свои войска с войсками генерала Краснова на Дону. Таким образом, мы имеем две большие и хорошо организованные армии, разделенные большевиками, и просим о том, чтобы их поддержали.

3. В настоящий момент у нас нет вооруженных сил на Украине, и мы хотели бы разместить здесь для установления порядка небольшую часть союзнических войск, которые могут быть переправлены по Черному морю, с тем чтобы мы смогли получить помощь до наступления весеннего сева. Небольшие силы волонтеров – это все, что требуется, поскольку, за исключением этой просьбы, мы не ставим вопроса о союзнической помощи солдатами, а только о материальной поддержке, так как Россия может и хочет и предпочла бы «восстановиться» с по-

1 июня

Рассказ В.Д. Набокова (читает текст, который будет скопирован, записки Винавера о Добровольческой армии).

Мы находились в постоянных сношениях с Астровым по прямому проводу. В 10-х числах *марта* к[а]д[етская] конференция в Ялте: приехали из Екатеринодара: П.Д. Долгоруков[808], П.И. Новгородцев, из Одессы Юренев, Григоров[ич-]Барский, Родичев и Н.Н. Ковалевский. Крымчане: Петрункевич, Винавер, Оболенский, Набоков, члены правит[ельства], к. д. Крым, Богданов, в квартире Келлера[809] – Келлер, Альтшуллер[810], Мандельштам. Обсуждалось общее положение, организ[ационное] и полит[ическое] положение. Приняты две обширные резолюции по внутр[енней] и внешней политике. По внутр[енней] – прогр[амма] хода полит[ического] объединения России: столкновение винавер[ской] тенденции – подчеркнуть самостоят[ельность] местных государ[ственных] образований и отмежеваться от подчинения Особ[ому] совещанию Добров[ольческой] армии (членом Особ[ого] совещания он не считался и относился отрицательно). Другая т[очка] зрения, напротив, подчеркивала необходимость быстрейшего поглощения этих г[осуда]рствен[ных] образований (Новгородцев), выдвигалось положение, отрицающее все, могущее давать повод толкованию в сепаратизме, отрицат[ельного] отношения к сейму Крымскому. В первонач[альной] резолюции Новгородцева резко подчеркнуто отрицат[ельное] отнош[ение] к федератив[ному] типу г[осуда]рства: при прениях эти выражения сняты, но не заменены противоположными. В компромиссной формуле было среднее: указано стрем[ление] к объединению и отриц[ание] сепаратизма, но предоставлена возможность сохранения местн[ых] образований и *после* занятия Добров[ольческой] армией, поскольку они будут чужды сепаратизму, временно, до образования единой всеросс[ийской] власти. Вопрос о сейме обсужд[ался] подробно, противники д[олжны] б[ыли] признать правильность нашего отношения. Когда мы приняли власть,

---

мощью своих собственных войск. Военный план заключается в том, чтобы объединить войска адмирала Колчака и генерала Деникина, и когда это будет сделано, наша работа будет выполнена на три четверти, и коллапс большевиков будет вопросом нескольких недель. Когда адмирал Колчак объединится с другими армиями севера, очевидно, его целью будет направиться к Царицыну, очень важному стратегическому центру. Когда он будет взят, связь большевиков между севером и югом будет окончательно порвана.

Генералу Деникину могут помогать и помогают союзники по Черному морю. В шести часах хода от него находится эскадра союзников, и как только у него будет достаточно ресурсов, он двинется на север, для объединения с адмиралом Колчаком. Таким образом, людские силы большевиков могут быть легко рассеяны.

зем[ское] совещание хотело поставить условием немедл[енный] созыв Крым[ского] сейма. Но мы отказались: невозможно и не нужно; но после длинн[ых] прений признали, что к январю 1919 г., если не образуется г[осуда]рств[енная] власть, придется созвать сейм. Мы обязались немедленно выработать проект о выборах в сейм и представить его ближайш[ему] земскому совещанию, к[ото]р[ое] д[олжно] б[ыло] собраться в *декабре* (это все постановлено в *ноябре*). Законопр[оект] мы выработали на основе закона о выб[орах] в Учр[едительное] собрание, *но* с возрастн[ым] цензом 21 г[од], устранением военн[ых] чинов, оседлость шестимес[ячная] для города и годовая для деревни. Система пропорц[иональная] с раздел[ением] Крыма на 14 избир[ательных] округов (дал самый закон). Поправка к системе <фамилия нрзбр.> об использовании остатков. Колич[ество] депутатов – 74. Выборы д[олжны] состояться – *не раньше конца марта*. Назнач[ена] комиссия краевая, по делам о выборах, во главе Вас. А. Иванов. Срок назначен 6–8 апреля нов[ого] стиля.

Когда это устанавливалось и законопр[оект] принят, в декабре, было предложение, что если в январе все останется по-прежнему, то надо готовиться к выборам. Мы были безответственны и д[олжны] б[ыли] *осведомлять* земск[ое] собр[ание] раз в месяц, но подчеркнуто, что перед ним мы *не ответственны*. Когда в февр[але] стала выясняться картина несоответств[ия], разгром Украины, занятие части сев[ерных] уездов большевиками, очень тяжелое положение внутри, то мы стали работать, ч[то]б[ы] отложить выборы. Но в этом отн[ошении] встречали сопротивл[ение] со стороны *всех* партий зем[ского] совещания, кроме к. д. Не т[олько] с. д. и с. р. (правые), но даже и плехановцы (Бобровский[811] в правит[ельстве]) ставили вопрос ультимативно: сейм д[олжен] б[ыть]. Для нас была альтернатива: или готовиться к выборам, если окаж[ется] возможно, или произвести coup d'etat, разорвать с зем[ским] совещ[анием] и отказаться от выборов. При эт[ом] мы сделали бы это под давлением Добров[ольческой] армии. Лукомский, когда б[ыл] в январе, поднимал вопрос о сейме, но когда узнал, что предпол[агается] т[олько] в конце марта, то – и т. к. тогда предполагалось перенесение ставки в Севастополь и объявление военного положения в Крыму, то он отнесся сов[ершенно] хладнокровно. Потом, когда они не м[огли] перенести ставки и надо [было] вернуться к плану наступл[ения] на Москву обходным путем, то вопрос о сейме опять встал перед нами. Долгорук[ов] и Новгор[одцев] приехали, начиненные предполож[ениями], ч[то]б[ы] правительство отменило выборы. Мы объяснили товарищам ход развития вопроса, объяснили, что связаны договором с зем[ским] совещанием

и что если бы м[ожно] было г[ово]рить *принципиально* о coup d'etat, то *мы* уже не м[ожем] идти на него и принцип[иально], и практически. При голосовании *за отмену* выборов т[олько] Долгоруков *один*, с оговоркой, что реально этого нельзя. Все остальные признали, что надо идти на выборы и Юренев с Григор[овичем-Барским] д[олжны] б[ыли] повлиять в этом смысле на Екатеринодар. О результатах выборов б[ыли] разного мнения, Крым сказал, что это будет повтор[ение] зем[ского] совещания с усилением татар[ского] элемента, отнош[ение] к правит[ельству] не будет оппозиционным (мнение Крыма таково), п[отому] ч[то] не будет кандидатур, – мы оплот против Добров[ольческой] армии. Но уже в марте мы смотрели на это с т[очки] зр[ения] теоретической: мало верили, что сейм будет действит[ельно] собран. Фактически выборы б[ыли] *отменены за неделю* до срока, когда уже б[ыла] большев[истская] война. Не б[ыло] никаких признаков, чтобы кто-ниб[удь] интересовался, и мы чуть не просрочили представления списка кандидатов. [Э]с[е]ры были удачнее; с. д. во многих местах никого не выставляли. Вопр[ос] о сейме стала обострять Добров[ольческая] армия, требуя отмены. В это время (март) прекратились разговоры с Астровым. Мы вызвали, он не пришел, потом конференция, ждем ответа. Мы хотели назначить Юренева представителем Крым[ского] правительства при ставке, как к. д., обожающего Добров[ольческую] армию. Еще раньше, декабрь–январь – предлагали Астрова, но он отказался, как член Особого совещания. Еще до ответа Юренева из Симферополя послали об этом телеграмму в ставку. Сухой ответ, что всяк[ого] рода сношения со ставкой м[огут] производиться ведомств[енным] путем, а в особом представителе не усматрив[ают] надобности. Юренев был этим подавлен и убит (вечер, когда принесли телеграмму), соединяя это с собой. Все-таки поехал неофициально, т[олько] ч[то]б[ы] видеться со Степановым, Астровым. Отнош[ения] с Добр[овольческой] армией в марте холодные, не м[огли] договориться о 3-х сев[ерных] уездах, не желая принимать управл[ение], раз они не давали нам финанс[ового] аппарата; а они там бесчинствовали. Местное (Крым) представит[ельство] – генер[ал] Боровский[812] – назнач[ен] в 20-х числ[ах] января (до того вр[емени] ген[ерал] де Боде, стар[ая] калоша, начал[ьник] штаба Дорофеев, зловред[ный], замещен молодым ген[ералом] Пархомовым[813], хорошо ориентирующимся политически). Когда назначен Боровский, Пархомов нам заявил, что с Бор[овским] служить не будет, ибо это назначение – признак недоверия к Пархомову. Возникло предпол[ожение] назначить его нашим военным министром. Приехал Боровский; дн[я] через 4 он [Пархомов] заявил, что остается, т. к. Боров-

ский относ[ится] к нему дружелюбно. Впечатл[ение] все время, что Боров[ский] – челов[ек] огранич[енный], с кругозором полков[ого] командира, совершенно изнемогающий под тяжестью задачи, к[ото]-р[ая] на него выпала. И тогда, и потом, когда Пархомов ушел (в последние дни) из нач[альников] штаба, он мне г[ово]рил, что все его усилия организовать оборону разбивались о полное нежелание ставки считаться с Крымом: отсутствие ответов. Вероятнее всего, что у них не б[ыло] достат[очно] сил. Потом, у них с сам[ого] начала *плохие отнош[ения] к союзникам*. Вероятно, будирующее настроение. Когда в середине марта началось наступление (большевики были в сев[ерной] части Мелитопол[ьского] у[езда], Днепр, Бердян[ск], но наступл[е-ния] не было) – напор сломил все сопрот[ивление] Добров[ольческой] армии в 3-х уездах. Бежали в панике, отдали Мелитополь, Красная армия – у ворот Крыма. Мы встревожились: предполагалось, что добров[ольцы] будут защищать, на союзников мы продолжали надеяться. Когда они подходили к Сивашу, мы решили, в заседании с Боровским и Пархом[овым], передать функции по обороне инжен[еру] Чаеву[814]: энергич[ный], громад[ная] популярность в ж[елезно]д[орожных] кругах: надо подорвать Сиваш[ский] мост, рыть укрепления. Чаев получил офиц[иальное] название «главноуполном[оченный] по делам обороны». И Боров[ский], и Парх[омов] не протестовали. Карпинский, мой прокур[ор] палаты – главноуполн[омоченный] по эвакуации. Все – в совместн[ом] заседании с Б[оровским] и Пар-х[омовым]. Богданову мысль о передаче Чаеву завед[ования] обороны очень понравилась: он меня ловит в перерыве заседаний и предлагает его назначить. Я согласился: это б[ыло] сделано без предва-р[ительного] соглашения с Боровским, а как решение уже принятое. Они д[олжны] б[ыли] быть рады. С этим совпал отпуск значи-т[ельных] сумм нами на оборону. Приняты меры отн[осительно] воюющих, крупные боевые суточные. Выяснилось, что правит[ельство] идет дальше, чем просит командующий Добр[овольческой] армией. Но самый факт, что решение представлено как уже принятое. Кроме того, ничего *формально* не б[ыло] сказано, что Чаев подчинен *только главнокомандующему*, больше никому. На друг[ой] день утром поехал являться, за приказаниями, а заявил, что подчинен[ный] его. Но только на другой день: мы, штатские, не особенно обращали внимание на служебн[ые] неудобства. Боров[ский] встретил дружелюбно, хотя и с деланным недоумением: вы от Крым[ского] правительства? Чаев показал ему постановление, составл[енное] в смысле подчинения. К сожалению, до этого визита Боровский успел отправить телеграмму Деникину, что Крым[ское] правительство вторгается в оборону и на-

рушает его права. В результате этой телеграммы и явилась, очевидно, телегр[амма] Деникина, к[ото]р[ая] подействовала на нас как удар грома. Получив, мы считали, что нам остается уйти. Обдумав, Крым отправился к Боровскому: тот был удивлен, обещал телеграфировать, что все это недоразумение, что назначение есть только содействие, отставка Крым[ского] правит[ельства] невозможна, как и введение военного положения. Эта телегр[амма] б[ыла] послана. Получился второй ответ, в к[ото]р[ом] Деникин заявлял, что он не настаивает на введении военного положения, не поднимал вопроса об отставке Крым[ского] правительства. В это время возобновились мои разговоры с Астровым по прямому проводу, прерванные, когда он не пришел. Мы с Винавером спрашивали телеграфно, известна ли ему и Степанову телегр[амма] Деникина от <пропуск даты> числа. На это он ответил телеграфно, что он, к сожалению, ввиду прекращ[ения] разговоров, не мог следить за крым[скими] делами и об этой телеграмме ничего не знал, тоже и Степанов. Затем, несмотря на мою телеграмму, он *так и не узнал* в Екат[еринодаре] о деник[инской] телеграмме. Видимо, ему не сказали. Дня два спустя по [прямому] проводу я начал разговор: теперь вы знаете телегр[амму]? – Нет. – Я продиктовал. – Он отвечал, что выслушал с велич[айшей] душевной скорбью и мукой. Они обо многом узнают post factum или вовсе ничего. Относ[ительно] Крыма он сказал осторожно, что (*мое* впечатление, интимно) они в Екат[еринодаре] считали, что Винавер вел в Севастополе акцию отн[осительно] союзников, ч[то]б[ы] вытеснить Добров[ольческую] армию и получить полную свободу действий. Лучше бы было, если бы Винавер чаще сносился с Екатер[инодаром]. Винав[ер] первонач[ально] думал, что м[ожет] действовать с Красновым, рассчитывал на Область в[ойска] Донского. Потом это свелось к другому: ч[то]б[ы] Добр[овольческая] армия не препятствовала образованию самостоят[ельных] правительств, а ее дело разбивать большевиков на полях сражения, не заводя собств[енного] управления. Винавер всегда выражал отрицат[ельное] отношение к деник[инскому] совещанию, противопоставляя ему – правильное устройство и путь Крым[ского] правительства. Он скорее всего склонялся к типу директории, к[ото]р[ый] проводился в Одессе (принят в совещании земств и городов в Одессе, дир[ектория] 3-х лиц, Деникин, Мякотин и кадет – Астров, Новгор[одцев] или я). Благодаря разгов[ору] с Астровым, мы [смогли] инцидент уладить, но составили журнал, к[ото]-р[ый] я передал текстуально Астрову: там мы отвечаем на обвинения телеграммы.

Наше положение, независ[имое] (формально), становилось затруднительно.

Мы опирались на зем[ско-]гор[одское] совещание: в декабре собирали совещание, 2-е в феврале – опять прошло благополучно (вопр[ос] о Добров[ольческой] армии: уже в феврале выяснились отрицат[ельные] стороны, ялт[инские] расправы и убийства, аресты; высказывалось и от[ри]цат[ельное] отношение в *закрытых* совещаниях). Но в середине марта – 3-е совещание – был ряд острых вопросов. За эти 2 недели, под влиянием прям[ого] давления Доб[овольческой] армии, отчасти и по существу, мы д[олжны] б[ыли] принять ряд мер против большев[истской] агитации: админ[истративные] репрессии, Особое совещание, м[инистерства] вн[утренних] д[ел], юстиции и нач[альник] штаба Кр[ымской] армии, над ним особая комиссия из представителей этих ведомств, в распор[яжении] ее – контрразведка в руках штаба Добр[овольческой] армии: установлено, что контрразв[едка], на основании своих данных, по ордерам МВД или его представителя, м[ожет] совершить обыски и аресты, представляя в комиссию, к[ото]р[ая] м[огла] или отменить, или передать в судебное учр[еждение], или {принять} администр[ативные] меры: арест до 6 месяцев (с продлением властью Особ[ого] совещания 3-х министров) или высылка. Другая мера – огранич[ение] свобод: когда началась севастоп[ольская] забастовка, установлено, что собрания запрещены совер[шенно] в Севастополе, в других местах с разреш[ения] МВД – потом совсем запрещены. (Это б[ыла] забастовка портов[ых] раб[очих] и других – солидарность с большев[истской] властью, лозунги: немедл[енное] удаление Добров[ольческой] армии из Крыма, устранение Крым[ского] правит[ельства] и признание крым[ской] власти.) Тут очень помогли французы в борьбе с этой забастовкой. Там был еще не Труссон[815], а полковн[ик] Ruillet, разумный и толковый: они не прекращали насильственно забастовки, но прекращали наруш[ение] порядка и поддерживали правительство. Главари забастовки добивались от французов нейтралитета. Но это не прошло. На рейде Севаст[ополя] б[ыл] «Мирабо», посаженный командиром в январе на скалу. Снять было трудно. Нужно б[ыло] снять броню, тогда т[олько] удалось ввести во внутр[енний] док; работы не были закончены к уходу союзников, взят на буксир. Работы при участии севастоп[ольских] рабочих. Когда произ[ошла] забастовка, те поставлены в трудн[ое] положение. Рабочие послали на «Мирабо» депутацию. Поставлен б[ыл] вопрос так: раб[ота] будет продолжаться, если французы гарантируют нейтралитет во внутр[енней] борьбе, к[ото]р[ая] будет происходить в Крыму. Насколько мы м[огли] судить по позднейш[им] сведениям, настроение матросов на «Мирабо» повлияло на то, что они б[ыли] приняты начальством очень дружелюбно. Из слов командира готовы были заключить, что им готовы идти навстречу.

Когда франц[узы] издали суровую прокламацию, что не допустят наруш[ения] порядка и поддерж[ивают] правительство, рабочие заявили, что их обманули: в эт[ом] смысле распространялись прокламации. Эта позиция привела к тому, что забастовка пошла на убыль: многие рабочие б[ыли] против нее. Затем она б[ыла] ликвидирована. К сожалению, тут сыграли роль соображ[ения], к[ото]р[ые] открыто на митингах б[ыли] развиты, м[ежду] пр[очим], Могилевским (мартовец), избр[анным] город[ским] головой: нелепо тратить силы, когда весь вопрос м[ог] решиться в близком будущем – приходом большевиков. Когда пала Одесса, было ясно, что это вопрос коротк[ого] времени. Не б[ыло] надобности идти на гибель неск[ольких] человек – вмешат[ельств] Добров[ольческой] армии в смысле расстрелов.

Третья мера – орг[анизация] *печати*: военная цензура с перечнем сведений, к[ото]р[ые] м[огли] б[ыть] сообщены т[олько] с разреш[ения] штаба Добр[овольческой] армии. Меры взыскания за наруш[ения] – в админ[истративном] порядке: штрафы и закрытие газеты. Ни одного случая не было. Были установлены случаи травли союзников, возбуждение к действиям против правительства. Ни разу не применялись. Единств[енная] мера отн[осительно] газ[еты] «Прибой»[816] за статью, в к[ото]р[ой] треб[овалось] от союзн[иков] прекр[атить] действия против большевиков, принят[ые] Ruillet. «Прибой» очень осторожно за большевиков: «против гражд[анской] войны» и скрыто против Добров[ольческой] армии: единств[енный] способ – дать большевизму пройти через естествен[ное] развитие и демонстр[ировать] на практике внутр[еннюю] слабость. Как раз перед самым совещанием (не хотели ждать, а решили *до* совещания) мы опубликовали эти меры.

Июля 14

Пришел молодой офицер Толстой-Милославский, который от Колчака (в ноябре) пробрался через Уральск и Оренбург к Деникину, а от Деникина теперь едет через Америку к Колчаку. Его миссия была – получить от Деникина признание Колчака. Когда они с товарищем (Щербаковым) приехали в район Деникина и в Екатеринодар, то встретили столько неожиданного, что решили разделиться. Щ[ербаков] поехал вперед, но в Париже скоропостижно умер. Толстой остался 2½ месяца на Кубани, на Дону и т. д. Он выяснил, что штаб Деникина против признания на том основании, что «мы первые начали». Тогда он вступил в сношения с другими кругами, с полит[ическими] деятелями, ездил в Одессу, получал постановления и приговоры разных обществ[енных] групп (напр[имер], хлеборобы), а когда запасся всем этим, то приехал в Екатеринодар и сказал генера-

лам: вы одни против, все остальные – *за*. Тогда они начали склоняться. Он уехал, когда еще дело не окончательно решилось, когда только что приехал Щербачев из Парижа, и выяснилось, что признания желает Entente.

Здесь он беседовал с лордом Stanlope и (Northumberland?) – и вдруг его вызвали, неделю назад, к королю в Букингем[ский] дворец. Король ему заявил в первых же словах, что он говорит от имени правительства, которое *знает* об этом разговоре. Он просит его передать Колчаку всякие приветствия и пожелания. Большевизм – антикультурен, и они с ним будут бороться. Но ему известны трудности на этом пути: необходимость считаться с обществ[енным] мнением. Во всяк[ом] случае, помощь будет продолжаться. Хотя войска из Мурманска уйдут, но вместо них придут 5000 добровольцев. Расспрашивал, что у Деникина. – Толстой отметил довольство англичанами. – Что нужно больше всего Колчаку? – Больше всего нужен *способ* доставки чего бы то ни было: исправное ж[елезно]д[орожное] сообщение. Подвижной состав недостаточен.

Расспрашивал об условиях убийства государя. Вторая следственная комиссия подтвердила показания первой. Думает, что и Мих[аил] Ал[ександрович] убит {меня уверяли, *по секрету* (у Ону), что он жив; скрывается в Сибири}, на том основании, что это большевики распространяли слухи, что он спасся, как они же распространяли и о других. Мария Федоровна[817] больше этому не верит (он представлялся).

Ариадна Влад[имировна Тыркова-Вильямс] от *Hoare*. Он, 1) подчеркнул, что против Петрограда предприятие серьезное, что *для этого* послан Gough, – и что, если он и ведет переговоры с эстонцами, то для *этой* цели.

Затем, он сказал ей, что у Уинстона Черчилля был разговор с Ллойд Джорджем, после которого Черчилль вывел заключение, что Л[лойд] Д[жордж] *все* понимает и во всем с ним согласен и будет поддерживать.

18 июля

Беседа с Б.Э. Нольде

Тон благодушный. В Совдепии можно жить, получая большое жалование. Но все получают большое жалованье. Тяжело, утрачен смысл жизни, живут изо дня в день. Все помыслы устремлены на то, чтобы обойти «декреты». Домашние комитеты бедноты помогают этому, выдавая всевозможные свидетельства. Он читал лекции – шести

слушателям. Много профессоров осталось. Горький[818] многих выручает. Удары падают без разбора, всякий м[ожет] б[ыть] расстрелян, но фактически — 99% остается вне этой возможности — и понемногу привыкают. Все что-нибудь продают. Улицы превратились в провинциальные базары. На углу Невского и Литейного самая оживленная торговля — всем, чем угодно. Распродают обстановку: обыватели охотно превращают падающие в цене деньги — в предметы. Страшный спрос на бриллианты. Яйцо стоит 20 руб., хлеб — 50 руб. фунт; сапоги (или костюм?) — 3000 [руб.]. Большев[истские] комиссары сохранили большое уважение к акциям.

Эволюционировать во что-либо лучшее большевики не могут. Безнадежность положения м[ожет] б[ыть] для самых верхов неясна. Но население отболело. *Все* нарушают большев[истские] правила, ибо этого требует жизнь 100-миллионного народа. Большевики принуждены смотреть сквозь пальцы. Около большевиков питается огромное количество чиновников. Стоит инженеру предложить к[акой]-н[ибудь] вздорный проект электрификации жел[езных] дорог — тотчас же создается комиссия, три комиссии для изучения вопроса. Проект перевода всемирной литературы кормит многих писателей. Его знакомый, напр[имер], переводит Гердера[819]. Изгоев[820] создает каталог иностр[анной] литературы о русской революции. Умерли А.А. Кауфман[821], К.К. Арсеньев[822].

Нольде возлагает все надежды на взятие Петрограда и находит, что необходимо признать независимость Финляндии. Приводит «нелепое» письмо Колчака к Маннергейму, в котором М[аннергейм], как *генерал русской службы*, приглашается помочь России. Маннергейм непрочен и в президенты не пройдет. Будет выбран Стольберг[823], противник России. Тогда политика изменится еще больше. Германцы неизбежно влезут в Россию.

Он достал себе за 10 000 р[уб]. большевистский паспорт, но эти паспорта кассировали, когда Гессен за границей дал интервью о своем способе спасения. Вывезла компания, специально этим занимающаяся, за 20 000 руб. На границе поймали пограничники; проводники исчезли, пришлось откупиться 5000 и еще дать новым проводникам — 2000.

Доклад Рериха (22 июля) в Братстве

С [19]17 года жили в Сердоболе. Вотская пятина, старые русские церкви. Забыли русский язык, но повадка, облик выдает их происхождение. В нач[але] января 1917 [г.] наши солдаты затевали Варфол[омеевскую] ночь. Все было раскрыто валаам[скими] монахами. На наших глазах и красное движение, и белая гвардия. Около 75 горо-

ж[ан] со старыми револьверами. Через месяц ок[оло] 200 у Антреа удерживали красных. Русская колония в Сердоболе. Избиение русск[их] офицеров белогвардейцами-финнами. Особ[енно] отличились немец[кие] егеря и русские большевики. В марте на наш[их] глазах вымазана дегтем правосл[авная] часовня в Гельсингфорсе: нем[ецко]-большев[истская] рука. Во всех русск[их] начинаниях это таинств[енная] разрушит[ельная] рука.

Время неясности наступило осенью. Во втор[ой] полов[ине] лета – «Союз защиты русск[их] подданных в Финляндии». Средства – ограниченные. 1-я организ[ация] Трепова с января преобразовалась. Трения затруд[няют] работу. Теперь – совещание из 5 лиц при Юдениче и комиссия Иванова.

Переход информации к И.В. Гессену. Взаимная вражда 2-х газет не м[ожет] б[ыть] терпима: слияние было приветствовано. Деят[ельность] расплывчатая; 2 корректива: Общ[ество] сканд[инавской] (в Стокг[ольме]) помощи рус[скому] воину и финансовый коллектив. Все больше матер[иальные] нужды. Средства иссякали; прилив беженцев усиливался. Многим удавалось получить разреш[ение] большевиков. Колония и раньше насчитывала 20 000 челов[ек]. Андреев, Гуревич, Шклявер – составился коллектив – под обеспечение русск[ими] бумагами. Поддержка была 1½ милл[иона] марок. Больш[ое] количество беженцев вызвало и вопрос воспитания. В Гельс[ингфорсе], Выб[орге], Тер[иоках] – фрагменты прежних гимназий. Всю прошлую зиму курс обуч[ения] и экзамены. Присут[ствие] Л.Н. Андреева в Тюрисево. S.O.S. Необходимо способствовать приезду Андреева сюда.

Необходимость взаимного оповещения. Офицеры, к[ото]р[ые] знают, куда толкнуться. «Мы утеряли признаки большевиков: приезжает семья с многочисл[енными] детьми – и начинает больш[евистскую] пропаганду. Деят[ельность] немецких агентов широка и неустанна: наблюд[ения] за кажд[ым] явлением жизни. Я собир[ался] устроить выставку в Лондоне, является немец[кий] агент и предлагает передвин[уть] выставку в Германию – и хвалит большевиков. Рудневу предлагают издать его доклад по-немецки. В Швеции немцы и больш[евики] работают явно. Вещи из частн[ой] галереи с неснятыми ярлыками. Семьи (Красина) поддерживают сношения с петроградскими заводами.

Скандин[авский] комитет образов[ался] в нач[але] декабря 1917 года. Выдержка из своего доклада 26 мая. Поддержка более 300 семейств. Собр[ано] ок[оло] 2 милл[ионов] фин[ских] марок. Если офиц[еры] обеспечив[аются] правит[ельством], то для семей нужна частная поддержка.

План *школьного строительства*. Проф[ессор] Отоцкий, Пален[824], Карпинский, Александров, Пламин, принц Карл отвели помещение в Clara's College. Экзамены по уполномочию Омск[ого] правит[ельства]: «Союз русской трудовой интеллигенции». Школа, осведом[ительное] бюро, бюро труда. Просьба поддержать общением. Читает обращение.

«Folkedagbladet» – крайняя левая, ежедневн[ая] пропаганда культурн[ых] достижений совет[ского] правительства. Уехали офицеры и капиталисты. А художники и ученые остались с большевиками. Нужна пропаганда против большев[истского] шантажа. Культурные выступления. Может случиться акт порабощения России Германией.

«Kurier Warszaw[ska]» 2/7 – (прения 1 июля).

O wybory na ziemiach nowogrodzkiej i wileńskiej:

Poseł Głąmbinski[825] (Zw[iązek] lud[owo-]nar[odowy]) i tow[arzyszy] zgłosili następujący wniosek nagły:

«Wzywa się rząd, aby przedsięwział niezwłocznie konieczne kroki, iżby na zajętich ziemeach nowogrodskiej i wibenskiej zarządzono wybory przedstawicieli – tych ziem, na zasądie powszechnego, bezpośredniego, równego, tajnego i propozcjonalnego prawa głosowania, celem wypowiedzenia się co do przyszłej prawnopańśtwowej przynależności tych tiem».

Wniosek został zgłoszony dnia 1 lipca t. j. w rocznicę unji Polski z Litwą.

Marszalek: Zdaje mi się, ża najlepszy bołd zrobiny tym, którza Unję Lubelską[826] zawarli, jcżeli pokażemy przer przyśęcie tego wniosku, że historiczne prawa nie uczyniły z nas anersjonistów, ale, że z mieszkaniecami ziem litewskich chcemy zyć, jako równi z równymi. Proszę tych poslów, którzy są za powstać z miejsc. (Wszyscy poslowie wstaję.) I tu mogę skonstatowaé że naglość została jednomyślnie przyję. (Brawa i oklaski.) Odsylamy sprawę do komisji konstytucyinej z prośbą o pospiech*.

* «Варшавский курьер»

О выборах на новогрудских и виленских землях:

Депутат Глабинский (Союз народно-крестьянский) и товарищи выдвинули следующее неожиданное предложение: «Вдумайтесь, правительство, чтобы предпринять безотлагательные необходимые шаги на занятых новогрудских и виленских землях, издает распоряжение о выборах представителей этих земель, на основе всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального голосования,

Гламбинский – австрофил в течение всей войны. В 1915 г., июль – в заседании польского клуба заявил, что подтверждает лояльность польско-галицких нар[одных] демократов Австрии (не отвечают за отдельных лиц и заявл[ения] печати).

В октябре 1918 *стал* м[инистром] иностр[анных] дел – послал телеграмму. 27 октября 1918 г. м[инистр] и[ностранных] д[ел] Гл[абинский] *сообщил г[осуда]рствам*, с которыми возможны телегр[афные] сношения, о своем вступлении в должность: «Я желаю уверить В[аше] Пре[восходительство] в своих лучших намерениях поддерживать мирные отношения м[ежду] нашими соседними г[осуда]рствами.

Послана Буриану в Вену, Зольеру в Берлин, Дорошенко в Киев.

В нек[ото]р[ых] частях Гродно и Вилен[ской] губ[ернии] ушло больше ½ населения (12 осталось, 17 вернулось).

А.Н. Крупенский пришел 24 июля. Рассказал интересные подробности про заседание, в котором допрашивали big Four* сперва Маклакова, потом Братиану, Мишу, Диаманди[827] и <пропуск фамилии>. Маклакова уведомили т[олько] накануне в 11 ч[ас]. вечера, но Круп[енский] успел его натаскать до 3 ч[ас]. дня, и его речь была очень хороша. Когда позвали Братиану, Лансинг[828] сказал ему, что ведь Сфатул Церий оказывается не народным собранием, а революционным, и что голосовали второе воссоединение только 30 (или 36?) человек. Братиану принужден был согласиться, что это было так и что они должны были воспользоваться *наличным* учреждением в его *наличном* составе. Тогда Лансинг спросил, не думают ли они, что при таком положении надо проверить волю населения путем опроса населения. Братиану отвечал, что это невозможно при теперешнем

с целью высказаться, кто до законного определения в будущем государственной принадлежности этих земель будет их представлять».

Предложение было заявлено 1 июля, т. е. в годовщину союза Польши и Литвы.

Маршал сейма: Мне кажется, что наилучшим было бы сделать так, как было сделано при создании Люблинской унии, если мы покажем посредством этого предложения, что историческое право не сделало из нас аннексионистов, наоборот, что с живущими на литовских землях хотят жить как равные с равными (браво).

Прошу тех делегатов, кто за это предложение, встать с мест. (Все депутаты встают.)

И здесь можно констатировать, что это важное предложение единогласно принято (браво и аплодисменты).

Направляем дело в конституционную комиссию с просьбой о срочности рассмотрения.

* большая четверка (англ.).

беспорядке и анархии. Лансинг спросил: может быть, это станет возможно через год? — Нет. — Ну, через два? — Нет. — Ну, через пять? — Тоже невозможно. — Ну, так через десять? — Окончательно невозможно. — Тогда Лансинг вскочил и бросил карандаш на стол и сказал резким тоном: я совершенно удовлетворен.

Братиану был взбешен и в тот же вечер уехал — не потому, что хотел демонстрировать: он уехал бы и без того поправлять свое положение в Румынии; — но его отъезд был истолкован как протест и это не улучшило румынского положения.

Другой эпизод. В начале августа, наконец, должны будут состояться выборы в румынское Учр[едительное] собрание. Крупенский поехал к американцу Чайту (с к[ото]рым давнее знакомство и даже какое-то родство по жене) и рассказал ему про выборы. Чайт заявил, что не допустит, и потом в комиссии Тардье[829] остановил общее решение, заявив протест Америки против распространения выборов на Бессарабию. Таким образом, теперь уже не удастся устроить эти выборы под шумок.

Прения в Польском сейме о докладе «заграничной комиссии», причем обсуждался вопрос о восточной границе с Россией («Gazeta Warszawska»[830], 4 kwietnia* 1919).

Poseł St. Grabski[831] jako referent kom[isja] zagranicznej zaznacza że chodzi tu o dwie sprawy:

1) o interpelację Daszyńskiego[832] wskutek depeszy Cziczerina[833] i

2) depeszy sowietów białoruskiego i litewskiego do rządu polskiego**.

Еще при регентской Раде в Москве было польское посольство. Советское правительство старалось побудить кабинет Морачевского[834], а затем и Падеревского[835] к коренному обсуждению польско-русских отношений, именно в вопросе о границах. При этом Белоруссия и Литва трактовались как интегральные части России. Польское правительство не признало законности советского и настояло на возвращении своей миссии в Польшу. «Советская власть», докладывает Грабский, как явствует из корреспонденции, «не хотела открытия мир-

---

* апреля (польск.).

** депутат Ст. Грабский как представитель комиссии заграничных дел подчеркнул, что речь идет о двух вещах:

1) о международном сообщении Дашинского по телеграмме Чичерина и

2) телеграмма белорусского и литовского советов в адрес польского правительства.

ных отношений м[ежду] Р[оссией] и П[ольшей], а, напротив, обнаружила такой же захватный империализм, как и русский царизм.

17 lutego* белорусский и литовский советы послали польскому правит[ельству] депешу, что хотят жить в добрых отношениях с Польшей, но *протестуют против к[аких-]л[ибо] акций польского г[осуда]рства на территории Белоруссии и Литвы*. «Польское правительство на эту депешу не ответило, а комиссия признала, что, не ответив, оно поступило правильно». Комиссия, однако, не только подтвердила, что не признает этих советов, как не возникших из местного населения, но остановилась вообще на вопросе об отношении Польши к восточным краям — в целом, чтобы выяснить, каков характер польской акции на этой земле, как для местного населения, так и для цивилизованной Европы.

«Акция польская в восточных областях не есть никоим образом захватная. Польское государство передало свои споры с другими народами на решение мирного конгресса и не намеревается предрешать его постановлений. Наша военная акция, как на Белой Руси, так и в Галиции, не есть борьба против местного населения, но *борьба с государствами, находящимися далее на востоке*: с большевистской Великороссией и с Украиной, которая только одна из разновидностей большевизма, *за землю, которая всем своим историческим прошлым и своей цивилизацией, так же как и своим этнографическим составом связана с национально-польской территорией*...

(Дальше сравнение зап[адных] границ с восточными: на западе нужна граница 1772 г., ибо если и есть где польское меньшинство, — это продукт 150-летней германской колонизации.)

«Иначе стоит дело на востоке. Там огромные пространства населены народом *без всякой определенной национальной физиономии*. 150 лет Россия старалась искоренить оттуда польское влияние и навязать им русскую культуру, язык и религию. Но России *не удалось* руссифицировать эти местности Белоруссии, Литвы, Волыни, Подолии и Украины. Удалось ей в нескольких местах отбросить на запад влияние польской культуры и прежде всего удержать местное население на низком уровне цивилизации и не допустить его до какого-либо национального самосознания. М[ожет] б[ыть] это одна только национальность в Европе, которая, на вопрос о своей национальности отвечает: мы тутошние (tutejsza).

Не раз говорилось, что мы должны поддержать украинское движение, ибо оно направлено против najniebezpieczniejzemu naszemu

---

* февраля (польск.).

wrogowi, t. j. Rosji*. Действительно, в Галиции украинское движение имело сильную антирусскую окраску. Это движение там развилось благодаря тому, что польская администрация открыла украинские школы и подняла уровень культуры. Но на территории б[ывшей] Российской империи укр[аинское] движение прозябало весьма слабо... Оно еще не имеет опоры в сознании местного населения. М[ожет] б[ыть] через несколько десятилетий это положение и изменится, но теперь необходимо отдать себе отчет в том, что *всякая агрессивная акция украинская против Польши будет в связи с такой же акцией агрессивной* со стороны России. Это – одно и то же движение, направленное против нас, в двух различных формах».

«Мы должны найти на востоке такие земли, в которых местное население тянет к Польше: такова Вильна и весь виленский повет и к[ото]р[ые] местности в Восточной Галиции». «Наша святая обязанность присоединить к польскому государству то польское население, которое хочет зависеть от Польши и дает этим землям их характер... Если польскость в них теперь слабее, то это произошло вследствие вековых преследований. Ибо Россия в течение 150 лет губила в них польскость и католичность. Но Польша, которая никогда не проводила политики захватов и насилия, не может пройти мимо голоса тамошней непольской народности. Нужно признать, что чем дольше тянется мировая война, тем более среди населения белорусских и русинских уездов пробуждается тяготение к Польше. Недавно в Белоруссии происходил съезд – не польский, а белорусский, и тайный, т. к. там большевики. Он прислал своих представителей с резолюцией, к[ото]р[ая] уже сообщена польскому правительству и междусоюзнической миссии.

Эта резолюция определенно говорит, что на основе белорусской народности независимое белорусское г[осуда]рство невозможно и что население это должно соединиться с одним из соседних государств. Но так как для развития культуры и цивилизации считается niebezpieczne** соединить эти земли с Россией или с Украиной, то требуется присоединение их к Польше. Кроме того, из Белоруссии в наш сейм прислана петиция, подписанная 70 000 ч[елове]к, а przeszo*** 400 000 дали свои полномочия на подпись, – домогающаяся присоединения этих земель к Польше. Принимая во внимание, что расширение границ польск[ого] г[осуда]рства на эти земли не будет podbojem**** населения, которое бы не хотело принадлежать Польше, и что

---

* наиболее опасного врага, т. е. России (польск.).

** опасным (польск.).

*** свыше (польск.).

**** покорением (польск.).

расширяя границы Польши, мы расширили бы в то же время господство справедливости и свободы, комиссия заграничных дел признала соответствующим поместить в spawozdaniu* следующий отдел:

«Правительство должно особенно заботиться о том, ч[то]б[ы] не только местное польское население, но также и белорусское и русинское могли свободно высказаться о своем соединении с Польшей».

«Натурально, это не значит, что мы теперь хотели бы устроить там референдум, – ибо это население еще не обладает национальным и политическим сознанием. Поэтому, если мы даем правительству такое указание, то, очевидно, в то же время мы приглашаем правительство *создать такое положение*, при котором эти народности могли бы *свободно и без obawy*** *террора извне* высказаться по вопросу о принадлежности к Польше. «Необходимо прежде всего освободить их от большевистского террора на Белой Руси и в Литве, от террора петлюровцев в Галиции и на Руси, и *я уверен* (jestem pewny), что то население, которое в течение 150 лет было настраиваемо против Польши, среди к[ото]рого проповеди российскости и православия велись самым демагогическим способом, относительно которой stosowano nowe metody rzdzenia***, где господствовал самый крайний абсолютизм, с самой безоглядной демагогией, – что это население *и теперь* подстрекается против Польши большевистскими агитаторами и совершенно террориз[ир]уется большевистскими войсками и советами, – как только узнает на деле польскую администрацию и власть и как только przez pewien czas**** окажется *в лоне* польского государства, – *несомненно, выскажется за Польшу*

Очевидно, что для этой цели задачей нашей политики на востоке является *не только идти туда с военной силой, – что есть первая обязанность*, – но также постараться о наилучшем соглашении с местным населением и *противопоставить агитации антипольской и большевистской ответное влияние*, вносящее надлежащее осведомление польское в среду этого населения.

«Комиссия полагает, что *теперь, когда конгресс решает о границах*, не время обрисовывать на востоке границы польского государства, – пойдут ли они по Збручу или по Горыни, по.., чтобы тогда, когда речь зайдет в Париже о польской границе, было известно,

---

* докладе, отчете (польск.).
** опасения (польск.).
*** применены новые методы управления (польск.).
**** через определенное время (польск.).

чего народ польский и сейм ждут от Европы и что считают возвращением Польше исторической справедливости».

Депутат Яблоновский[836]. Упоминает, что резолюция комиссии есть «синтез мнений разных групп комиссии». Упоминает мнение деп[утата] Каменецкого[837] – о создании *отдельного* государства Белорусско-Литовского, – наподобие унии Городельской[838] и Люблинской. Яблоновский противопоставляет этому «традицию четырехлетнего сейма 1788 г.»[839]. У белорусов нет основ для самостоятельности, для особого правотворчества. Только Литва может организоваться независимо, но и то под условием опоры на соседей. Белорусы оказались бы под влиянием России и Украины. «*Только польский элемент*, которой przewodniczy* в прошлом и в жизни этого края, был бы *пригоден для создания там государственной организации.*

«*Но этот элемент в белорусско-литовском государстве был бы сочтен за* элемент враждебный. Sprzymierzylyby si przeciw niemu ywioy**: литовский и белорусский. Вследствие этого, wspozawodnictwa trzech narodyw***, создание политич[еской] и экономич[еской] жизни могло бы достаться *евреям*. Pastowo bial[orusko-]litew[skiego]**** было бы *poddane po za tem wpływona rosyiskim******.

Упоминает мнение деп[утата] Ратай[840], что для Польши выгодно отделение от России особых г[осуда]рств. Согласен, если это касается Литвы и Кавказа и т. п. Но не согласен, если касается Украины. «Если бы возникла независимая Украина, то мы должны были бы считаться *не с одним врагом*, т. е. с Россией, но с двумя врагами. Украина развернула бы по отношению к нам такие претензии, о которых теперь Россия долгие годы не могла бы и подумать, напр[имер], о Холмщине и Подляшне. *Создание независимой Украины было бы вредно для Польши.*

Предлагает дополнительную резолюцию архиеп[ископа] Тодоровича:

«Сейм, не предрешая в данное время вопроса о границах Польши на востоке, приглашает правительство и главное командование (dowodstwo) к напряжению всех сил в том направлении, чтобы *zapobiedz naruszenin całości Galicji*******, восточные уезды которой имеют

* управлял (польск.).
** стихийно против него заключить союз (польск.).
*** соперничество трех народов (польск.).
**** государство белорусско-литовское (польск.).
***** подчинено российскому влиянию (польск.).
****** не допустить нарушения целостности Галиции (польск.).

польское большинство и с XIV века без перерыва принадлежали Польше. Вместе с тем сейм считает своей обязанностью подтвердить, что он вполне сознает потребность согласного сожительства поляков и русинов в Галиции и признает с этой целью за русинской народностью *национальную автономию*, без нарушения, однако же, единства польского государства.

Депутат Осецкий[841] (от «тугутовцев»[842]) не согласен на проект границы (на востоке), составленный национальным комитетом в Париже. «Польское государство имело бы тогда *чересчур большой балласт чуждого населения*. Непрочность положения заключалось бы в том, что Польша имела бы целых *6 миллионов непольских народов*».

«Нужно внушить местному населению уверенность, что Польша *не ищет захватов и не хочет порабощать* и что войска польские идут туда *для защиты от России*. Нужно стремиться к полюбовному добровольному соглашению и к *отодвижению границы российской как можно дальше от этнографической польской границы*. Если создастся литовское г[осуда]рство и *согласится на союз* с нами, то нужно *поддерживать его независимость*. Белорусам надо помочь, т. к. сами они не в состоянии создать государства. Но Белоруссия обязана się oświadczyć za silnym związnicu* с польским государством. Это касается Украины, оратор верит в прогноз ее антагонизма с Россией.

Деп[утат] *Dąbski*[843] (от «пястовцев»[844]):

«Стремления словаков к собственному государству поляки должны с радостью приветствовать, ибо *территориальное сближение чехов с Россией otoczyło by nas panslavismem***». «Не имело бы смысла лить кровь под Львовым, если бы кто-нибудь хотел уступить его украинцам». «Мы должны создать охранную стену против российского империализма. Должны искать себе *союзника*, но *не среди народов*, будущая государственность к[ото]рых сомнительна. *Должны иметь союз с Румынией* и стремиться к *созданию непосредственной границы с ней*, ибо если, с одной стороны, мы стремимся к Гданьску, то, *с другой стороны, должны стремиться к Черному морю*. Контакт с Румынией мешает zachcianki*** чешским и российским – подают друг другу руки через Карпаты на пагубу Польши.

По поводу Белоруссии пора перестать говорить о «kres»'ах****. Это новый раздел Польши; там $3^1/_2$ миллиона поляков и говорить о

---

* выступить за упрочение связей (польск.).

** окружило бы нас панславизмом (польск.).

*** капризам, прихоти (польск.).

**** окраинах, пограничных областях (польск.).

каких-то фиктивных «союзах» – значило бы польскими руками раздроблять Польшу. «Необходимо настаивать, что губ[ернии] Гродненская, Виленская и зап[адная] часть губ[ернии] Минской должны быть органически соединены с Польшей.

Литовцев – всего на все едва 2 миллиона. Значение такого малолюдного государственного организма есть фикция. Структура Вильны – такая же, как Варшавы. В Вильне 54% поляков, 30 с чем-то евреев и 2% литовцев. Столь слабый процент uwydatnia najlepicj megalomanję litewską»*. Литовцы д[олжны] отказаться от Вильны. Ораторы верят, что опасность от Пруссии и России заставит Литву опираться на Польшу. «Нам же важно прервать в этом месте немецко-русское сближение». Поэтому «с литовцами мы хотим жить в согласии».

«Что касается южной части Белоруссии, Пинщизны и Волыни, – это края слабо заселенные. *Jest to świeżo odkryta wyspa, która w interesie Europy powinna być zaludniona i złączona z Polską***. Это, прежде всего, в интересах польских крестьян, потому что в Польше для всех земли не хватит. Tam dla nas otwierają się olbrzymie tereny, których nikomu nie bedzie wydzierać, tylko kolonysować i uprawiać tę ziemię która do Polaków należy. Nie jest imperialismem to jeżeli się na ziemi należacej do Polaków osiedli ludność polska***.

Деп[утат] Недзялковский[845] (PPS[846]):

«Старые границы Восточ[ной] Галиции для клуба социалистов не есть святыня (witosci) – {Крики (*Грабский*): Галиция веками была польской, а не австрийской}.

W przekonaniu społeczeństwa**** на Литве и в Белоруссии польские войска идут на восток, чтобы *создать классовой уклад* (*Грабский*: Głupstwa, pan Gadasz, panie posle!*****).

Читает резолюцию социалистов:

1) ч[то]б[ы] сейм заявил, что война на Литве и Белоруссии имеет для поляков исключительно *характер оборонительный* от наступления России и немцев, и высказался против захватов и вмешатель-

---

* наилучшим образом подчеркивает манию величия литовцев (польск.).

** Эти недавно присоединенные территории, которые в интересах Европы должны быть заселены и слиты с Польшей (польск.).

*** Там для нас открываются огромные территории, которые никто не будет захватывать, а будут только колонизировать и обрабатывать те земли, которые принадлежат полякам. Это не является империализмом, если на землях, принадлежащих полякам, поселятся люди польской национальности (польск.).

**** по убеждению общества (польск.).

***** Глупости, пан Гадаж, депутаты! (польск.).

ства во внутр[енние] дела России; 2) признал право народов Л[итвы] и Б[елоруссии] на stanowienie o sobie*; 3) признав konieczność wypowiedzimia się mieszkańców L[itwa] и B[iałorus]** относительно судьбы их края *путем плебисцита*, либо местных *учредит[ельных] собраний.*

Речь Врублевского[847] (вице-министр иностр[анных] дел).

Различает две стадии: одна кончится заключением мира и опред[елением] границ, другая – установление системы внешней политики. В каждой стадии *особая тактика.* В первой стадии задача – создание *сильной* Польши. Не беда, если *несколько тысяч* людей чужих народностей там и здесь окажутся под Польшей...

Несомненно, наша война – *оборонительная* (якобы согласен с Недзялковским). От имени правительства согласен, ч[то]б[ы] белор[усская] и лит[овская] народности свободно высказались о своей связи с Польшей. «Я совершенно спокоен отн[осительно] того, каково будет это решение населения».

Только недоразумение м[ожет] подсказать Недзялковскому, что мы идем на восток для классовой политики (крики: «Провокация, злая воля»).

«Robotnik»[848], 23 maja, 1919

Речь тов. Дашинского на сейме (прения о внешней политике).

«Как мы можем защитить себя от этого (захвата Вост[очной] Галиции na rzecz Czechów***)? Должны ли мы *одной* экспансии противопоставить другую, один захват отразить другим захватом? Нет. У нас в руках – страшное орудие защиты. Это орудие – *провозглашение права словаков на независимость* (браво, рукоплескания на левой).

Jako możny, silny, świadomy swoich calów politycznych sąsiad, wyciaqnąć rękę do Slowaczyzny, przeciąć tę drogę wszelkiej ekspansji z Pragi na Daleki Wschód – ekspansji po trupach narodów.

Ale my musimy ten sztandar w Slowaczyżnie rozwinąć tak smiało i otwarcie, *i jakeśmy go zatknę li pewną ręką Naczelnira polskiej sily zbroynej w Wilnie.*

My niemożemy mieć dwóch polityk. Nie możemy powiedzieć – o to tutaj słabość sąsiadów i bliskość łupów i t. Zw. historyczne prawa in jeszcze inne motywy zaborcze, bo *zaborczo i imperialism wykształcily cały język*

---

* самоопределение (польск.).

** необходимость высказаться жителям Литвы и Белоруссии (польск.).

*** в пользу чехов (польск.).

i tysiące masek wdziewają na swoje oblicze, a kożda z nich jest hu manitarniejsza od drugiej.

Nie możemy na Litwie prowadzić innej polityki, w Parižu innej, a innej jeszcze w Tarnopolu izy w Husiatynic*.

(по поводу пункта резолюции о Восточной Галиции):

«Если на место «Восточной Галиции» вы поставите «Верхнюю Силезию», а на место Польши «Германию», то даете каждому немецкому <1 нрзбр.>, с Шейдеманом во главе, оружие в руки против поляков». (Немцы требуют себе Верхнюю Силезию «во имя всех тех принципов, которые помещаются в 5 пункт резолюции большинства: историч[еская] связь, культура, экономич[еский] интерес.)

«Gazeta Warszawska», 23 maja

Прения в сейме (40-е заседание)

Речь Падеревского

Сообщает, что ввиду просьбы Лансинга от имени американской делегации, ч[то]б[ы] поляки полюбовно сговорились с чехами, он совещался с Бенешем[849], с представителями Силезии и дело – на хорошей дороге. В ближайшие дни сговорится с Масариком о чешско-польской конференции и будет настаивать, ч[то]б[ы] она состоялась «на нашей земле, в Силезии».

Относ[ительно] упреков в «империализме» говорит:

Захватной войны мы не вели и не будем вести (браво). Чужого добра не желаем, ничьей земли podbija** не хотим (браво). *Польша не противится Литве и Украине относительно их прав на независимость* (браво). Польша не противится bynajmniej tym szlachetnym daženiom białoruskiego ludu ku *samoistnemy indywidualnemu rozwojowi.* Polska gotova jest do nesienia im serdecznej i skutecznej pomocy (brawo)***.

---

* Как могущественный, сильный, сознающий свои политические цели сосед протягивает руку Словакии, преграждая путь всяческой экспансии из Праги на Дальний Восток – экспансии по трупам народов.

Но мы должны это знамя в Словакии развернуть так смело и открыто, как мы его водрузили твердой рукой командующего польскими войсками в Вильне.

Мы не можем иметь две политики. Не можем сказать вот здесь о слабости соседей и близости добычи и так называемом историческом праве и еще о других захватнических мотивах, потому что агрессия и империализм создали целостную идею и тысячи масок, чтобы одевать их на свое лицо, а каждая из них гуманнее другой.

Мы не можем проводить одну политику в Литве, другую в Париже и совсем иную в Тарнополе или в Гусатыницах.

** покорять (польск.).

*** нисколько тем благородным стремлениям белорусского народа к независимому индивидуальному развитию. Польша готова оказать ему братскую и действенную помощь (браво) (польск.).

Говорит, что украинцы сами напали 12-го мая, в полдень, около Ustrzyk и забросали Sanok бомбами с аэропланов. «После такого разбойничьего нападения никакая сила не могла удержать стихийного размаха наших молодых жолнеров*»...

1. Г[оспо]да, я далек от того, ч[то]б[ы] обвинять украинский народ. Это не народ укр[аинский] создал такую армию; создали ее для него другие (крики: «чехи и немцы»)... Люди, допускающие tak potwornych czynów**, не могут считаться войском (крики: «banda zbójów»***). Таким образом, наша wyprawa**** в Вост[очной] Галиции *не есть какая-либо война*, а только противобандитская акция (рукоплескания).

Просит сейм об *автономии для Вост[очной] Галиции.*

После Падеревского, Грабский читает и мотивирует резолюцию. Он отмечает, что первые 4 пункта приняты единогласно, а отн[осительно] 5-го (Вост[очная] Галиция) имеется большинство и меньшинство.

«Большинство комиссии предлагает то, о чем просит также и мин[истр] иностр[анных] дел. А именно, признание широкой автономии для русинской народности в Галиции и полномочия для правительства начать мирные переговоры с украинцами... Справедливым миром с украинцами мы признаем тот, который нам обеспечит наши odwieczne***** права в Вост[очной] Галиции. Другой мир был бы принят польск[им] народом как мир несправедливый. Наше dobro****** требует, чтобы Галиция осталась составной частью польского государства. Это не есть захватный империализм, а «только сознание обязательств, которые каждый народ обязан иметь по отношению к своему прошлому и будущему».

Резолюция меньшинства на первый план выдвигает признание украинского государства. Далее она не утверждает wyraźnie******* прав народа польского на Вост[очную] Галицию.

Затем *Дашинский*. От имени *меньшинства* (здесь те цитаты, к[ото]р[ые] я привел выше из «Robotnik'a»).

Głąbinki[850] отвечает Дашинскому:

---

* солдат (от польск. – żołnier).
** такие чудовищные поступки (польск.).
*** банда разбойников (польск.).
**** экспедиция (польск.).
***** исконные (польск.).
****** интересы (польск.).
******* бесспорных (польск.).

«Чехи показали себя нашими врагами не только в Силезии. Достаточно вспомнить об их соглашении с украинцами. В силу этого соглашения чехи получали naftę boryslawską, wzamian za węgiel, zapałky i inne rzeczy*. Не отказываем в правах Литве, но не можем отказать и себе в праве на Виленскую, Гродненскую и знач[ительную] часть Минской губерний».

В 41-м заседании

Rataj, тугутовец употребляет аргумент: niechęć Lloyd George'a do Dmowskiego nie mogla się przyczynić do tego, aby mężiowie stanu Ententy byli należycie o naszych sprawach poinformowani**. Отн[осительно] Литвы стоит на т[очке] зр[ения] Пилсудского, отн[осительно] Галиции – требует соглашения с украинским народом (*Дембский*[851]: отдайте Вост[очную] Галицию). *Rataj*: трудность только в гарантии польских прав культуры и prasy***.

Голосует с левыми.

Le vicomte de Guichon dans le «Libre Parole» (цитата в «l'Ukraine», 21 juillet):

«Nous concevons que des efforts soient tentés en ce moment pour táche d'unir par une alliance les 40 millions d'Ukrainiens avec la Polonais, les Lithuaniens et les Esthoniens. Il se formerait alors un bloc de près de 75 à 80 millions d'âmes capables d'imposer respect tout à la fois à la Russie et à la Prusse. L'Allemagne au nom de la solidarité économigue russo-allemande, disons même politique, veut une Russie unitaire. La France <1 нрзбр.>, peut-alle avoir le même desir?»****

(Продолжение в другой книжке. После рассказа Шиллинга.)

---

* бориславскую нефть взамен угля, спичек и других вещей (польск.).

** неприязнь Ллойд Джорджа к Дмовскому не могла благоприятствовать тому, чтобы государственные деятели Антанты были надлежащим образом проинформированы о наших делах (польск.).

*** печати (польск.).

**** Виконт де Гишон в «Libre Parole» (цитата из корреспонденции «l'Ukraine», 21 июля): « Мы считаем, что в настоящий момент усилия направлены на создание союза 40 миллионов украинцев с поляками, литовцами и эстонцами. Таким образом будет сформирован блок примерно от 75 до 80 миллионов человек, способных внушить уважение к себе как России, так и Пруссии. Германия во имя общих экономических русско-немецких интересов, скажем даже политических, хочет видеть Россию единой державой. А нет ли и у <1 нрзбр.> такого желания? (франц.).

Условия, предложенные Колчаку парижскими big Four[852].

1. As soon as they reach Moscow they will summon a Constituent Assembly elected by a free, secret and democratic franchise, as the Supreme Legislature for Russia to which the Government of Russia must be responsible, or if at that time order is not sufficiently restored they will summon the Constituent Assembly elected in 1917 to sit until such time as new elections are possible.

2. Throughout the areas which they at present control they will permit free election in the normal course for all local and legally constituted assemblies as municipalities, zemstvos etc.

3. They will countenance no attempt to revive the special privileges of any class or order in Russia .The Allied and Associated Powers have noted with satisfaction the solemn declarations made by Admiral Kolchak and his associates that they have no intention of restoring the former land system. They feel that the principles to be followed in the solution of they and other internal questions must be left to the free decision of the Russian Constituent Assembly; but they wish to be assured that those whom they are prepared to assist stand for the civil and religions liberty of all Russian citizens and will make no attempt to reintroduce the regime which the revolution has destroyed.

4. The independence of Finland and Poland <must> be recognized, and in the event of the frontiers and other relations between Russia and these countries not being settled by agreement, they will be referred to the arbitration of the League of Nations.

5. If a solution of the relations between Estonia, Latvia, Lithuania and the Caucasian and Trans-Caspian territories and Russia is not speedily reached by agreement, the settlement will be made in connotation and cooperation with the League of Nation, and that until such settlement is made, the government of Russia agrees to recognize these territories as autonomous and to confirm the relations which may exist between their de facto government, and the Allied and Associated Government.

6. The right of the Peace Conference to determine the future of the Romanian part of Bessarabia be recognized.

7. As soon as a government for Russia has been constituted on a democratic basis, Russia should join the League of Nations and cooper-

ate with the other members in the limitation of armament, and of military organization throughout the world.

8. The abide by the declaration made by admiral Kolchak on November 27-th, 1918, in regard to Russia's national debts.

Foreign Office

May 28-th 1919*

---

* 1. Когда они достигнут Москвы, они созовут Учредительное собрание, избранное на основе свободных, тайных и демократических выборов, как высший законодательный орган России, перед которым должно быть ответственно российское правительство или, если к этому времени порядок не будет установлен, они созовут Учредительное собрание, избранное в 1917 г., и оно будет действовать до тех пор, пока новые выборы не станут возможными.

2. На подконтрольной им территории они разрешат свободные выборы в нормальном режиме для всех местных, установленных в законом порядке органов, таких, как органы местного самоуправления, земства и т. д.

3. Они обещают не пытаться присваивать особых привилегий какому бы то ни было классу или прослойке. Союзнические и объединенные силы с удовлетворением отметили торжественные заверения адмирала Колчака и его сторонников, что не имеется намерений восстановить прежнюю систему землевладения. Они считают, что определение принципов разрешения внешнеполитических вопросов следует предоставить Российскому Учредительному собранию; но они хотят быть уверены, что те, кому они готовы помогать, выступают за гражданские и религиозные свободы всех граждан России и не будут пытаться восстановить режим, который уничтожила революция.

4. Признание независимости Финляндии и Польши, поскольку в обстановке конфронтации между Россией и этими государствами не был заключен договор, остается на рассмотрение Лиги Наций.

5. Если вопрос о взаимоотношениях между Эстонией, Латвией, Литвой, Кавказскими и Каспийскими территориями не будет вскоре разрешен, соглашение будет достигнуто при содействии Лиги Наций, и пока такое соглашение не будет достигнуто, правительство России согласно признать эти территории автономными и урегулировать отношения с уже существующими де-факто правительствами этих государств, а также с союзниками и объединенным правительством.

6. Признается право Мирной конференции определить будущее румынской части Бессарабии.

7. Когда будет сформировано на демократической основе российское правительство, Россия должна войти в Лигу Наций и присоединиться к решению других членов Лиги по вопросу об ограничении вооружений и военных организаций в мире.

8. Исходить из заявлений, сделанных Колчаком 27 ноября 1918 г., касательно вопроса о национальном долге России.

МИД

Май 28, 1919 г.

1920

ПРИЕЗД ДЕНИКИНА В ЛОНДОН И ПЕРВАЯ МОЯ ПОЕЗДКА В ПАРИЖ

14–25 апреля, 1920 [г.]
Посольство, 14 апреля
Доклад *В.И. Бражникова*
(председ[ательствующий] – Е.В. Саблин[853])

Задача моя – я приехал (б[ыл] командирован) из Ростова, от [ведомства] путей сообщ[ения], для создания облигационн[ого] капитала для сооруж[ения] Сев[еро-]Кавк[азской] дороги. Соприкас[ался] со всеми сторонами жизни в зоне Добров[ольческой] армии. В посл[еднее] вр[емя] все вопросы потерпели *крушение*. Глав-н[ые] причины, по мнению ростов[ской] общественности, 1) в отсутствии организов[анного] тыла; начало начал в том, что тыл, несорганизов[анный], предстал на судилище нек[ото]р[ых] представителей глав[ного] командования. Снаряж[ение] поступало в громад[ном] колич[естве] от англичан, а благод[аря] недостаткам отдельн[ых] частей управления, части в тяжел[ом] полож[ении]. Из громад[ного] колич[ества] комплектов – страшн[ые] хищения; создана спец[иальная] комиссия, под предс[едательством] Энгельке[854] и Харитонова, к[ото]р[ая] раскрыла, приняла меры [вплоть] до смертн[ой] казни, – были случаи расстрелов виновников, занимав[ших] крупн[ые] посты (начальник пристаней в Новор[оссийске], кн[язь] Эристов, долго [был] под следствием, потом – нельзя было казнить – освобожден. Все, что м[ожно] б[ыло] сделать для реабилитации, б[ыло] сделано, но ничего нельзя б[ыло] сделать. Люди, призванные вершить крупн[ые] дела снабжения, д[олжны] б[ыли] быть удалены. Новые люди, незнакомые с технич[еской] стороной, не м[огли] исправить.

Вопрос ж[елезно]д[орожного] транспорта принял круп[ные] размеры и пришел в тяжелое состояние, *не лучше* советской России. Все дороги в районе нашей армии и оккуп[ированных районов] – переходили в ужасном состоянии. Материалов для починки не было. Когда нужно применять 60% бобит*, применяли 20%, и паровозы

* Так в тексте.

приходилось тотчас отдавать в ремонт. Не хватало арматуры, паровоз[ные] котлы лопались, эшелоны оставались на месте.

Вопросы *торговли и промышленности* – тоже в тяжелом положении. В.А. Лебедев не одолел заданий, выдвин[утых] жизнью. Промышленники, хотев[шие] вести операции ввоза и вывоза, не м[огли] осуществить своих задач, п[отому] ч[то] правител[ьственные] инстанции задерживали, разрешая вывоз тогда, когда уже наступало крушение. Операции были малозначительны, не утоляли товарного голода. Военное снаряжение для мор[ского], авиац[ионного], военн[ого] ведомств (сверх английских) – не б[ыли] предприняты шаги и поставки не б[ыли] сделаны. Морск[ое] вед[омство] обрат[илось] к крупн[ым] торгов[ым] организац[иям] (Ростов) с просьбой облегчить товарообмен на началах беженских: закупить сырье (кони, шерсть, хлеб) на юге России. Эти ходат[айства] оставались без движения, и даже соверш[енно] игнорировались. Катастрофа застала врасплох.

Торгово-пром[ышленные] операции для создания *валюты* – к[ото]р[ые] м[огли] бы обеспечить удовлетв[орение] примит[ивных] нужд населения, – частные солидные фирмы часто обращались в ведом[ство] торг[овли] и пром[ышленности] и получали тормозящие ответы. Ни одной крупной операции в широк[ом] масштабе не б[ыло] сделано за все время В.А. Лебедева. *Экспортн[ая] комиссия* неск[олько] раз реформировалась: послед[ний] раз собрание представит[елей] всех ведомств. Бывали случаи, когда обнаруж[ено] непонятное задерживание операций.

Вопросы *строительства* тоже не встречали энергич[ной] поддержки. Все велось спустя рукава, инертно и рутинно.

Военные успехи – многие из представит[елей] офицер[ской] среды не б[ыли] на высоте. При продвижении вперед насел[ение] встречало овацией и колокол[ьным] звоном. Через 2 недели–месяц недовольство, кризис, в тылу – восстания. Особенно тяжело б[ыло] наблюдать, ибо при разумн[ом] и умеренн[ом] отнош[ении] к вопросам жизни этих восстаний не случилось бы. Наряду с передовыми частями двигались представит[ели] неправильн[ых] взглядов на аграрн[ый] вопрос и кадры помещиков, не понимавшие, что нельзя радикально воздействовать на население: репрессии. Это послужило одной из главн[ых] причин, влиявших на население в смысле понижения патриотич[еского] настроения. Часто в места, занят[ые] передов[ыми] частями, назначались *начальниками* [лица], к[ото]р[ые] применяли устарелые методы гражд[анского] управления: частые случаи неповинов[ения], восстаний, необходим[ость] издавать приказы о том, ч[то]б[ы] вовсе не воздействовать репрессиями на крестьян. Ген[ерал]

Деникин дал *общий приказ* по Добрармии: призывал военн[ые] власти воспрещ[ать] репрессии за недоимки. Приказ часто не выполнялся на местах и не возымел действия. Крестьяне направляли делегации к Деникину, к[ото]р[ый] внимательно выслушивал их; крестьяне верили, уходили обнадеж[енные], и на местах помещики их пороли. Постановка *пропаганды* поставлена на плох[ую] ногу. *Заведов[ать]* проваг[андой] поручено *одиозн[ому]* имени Н.Е. Парамонова. Для населения – неподходящий. Сотрудники – Сватиков – главный вдохновитель, осведом[итель] и литер[атор] отдела. Проф[ессор] Чахотин (потом, после освобожд[ения] от больш[евиков]) завел порядок, к[ото]-р[ый] вызывал улыбку даже у служащих (Тэйлоров[ская] система: наприм[ер], стоят столы, у стола барышня *передает* от стола к столу: никаких других функций). Возглавление – имя Парамонова одиозно в населении в политич[еском] отношении («хамелеон»). За ним и общественные круги не могли идти. Через нек[ото]р[ый] промеж[уток] Парамонов оставил место, также и Сватиков.

Особое совещание – состав, под председ[ательством] ген[ерала] *Драгомирова* – в обществ[енных] кругах мало известен, ч[то]б[ы] влиять. Его имя не внушало симпатий обществу и населению. Всегда оставался в тени. Его имя *офиц[иально]* приветствовалось, но *неофициально*, при трениях с Кубанью, оставляло осадок недовольства.

Другие представители О[собого] с[овещания] – призваны *из прошлого* и не вносили *свежих струй*. Это вызывало новые осложнения.

В общем – отдаляло от тихой пристани. Драгомиров поехал за границу для т[ого], ч[то]б[ы] ориентировать обществ[енную] мысль Запада и встретиться с представит[елями] Колчака и Юденича. Миссия Д[рагомирова] не удалась. Понятно, почему симпатии, на к[ото]р[ые] мы рассчитывали, в связи с посещ[ением] Драгомирова, ослабли. В Париже я слышал, что он даже не имел материала для освещения положения; бывали случаи, когда пар[ижская] пресса относилась иронически. Драгом[иров] не м[ог] исправить отношения на Западе.

После ухода Драгомир[ова] – ген[ерал] *Лукомский*. После возвр[ащения] Драгомир[ова] назначен нач[альником] «Новор[оссийской] области» (с Киевом, Одессой, Екатерин[одаром]). Лукомский – добрый, отзывчив[ый] ч[елове]к, стрем[ился] быть полезным, но не смог подвинуть дел Особ[ого] совещ[ания], ибо персонал[ьный] состав его нуждался в обновлении (В.А. Лебедев) – общий фон Особ[ого] совещания – усил[ение] ропота. Когда требов[алось] особ[ое] напряжение органов гражд[анского] упр[авления], не обнаруж[ивалось] достат[очно] распорядительности. Были т[олько] требования, а не было

организованности. Пример трагического курьеза: когда не хватило теплой одежды, солдаты мерзли под открытым небом, принужд[ены] быть внутри, не видеть врага, прекрасно одетого – наступили холода со снегом (ноябрь–дек[абрь]), начало неудач, – *только* тогда начали думать о теплой одежде. В Рост[ове]-на-Дону объявл[ена] всеобщ[ая] мобилизация теплой одежды, проводится неумело и нетактично: обыватель прячет, куда может, боясь, что отберут последнее. Вместо того, ч[то]б[ы] собирать, когда мы шли к Орлу и Туле. Население само уже б[ыло] раздето: имелось очень немного носильного платья. Оказалось, что к вечеру объявлено запрещение 3 суток выходить на улицу, город разделен на участки; немногочисл[енная] комиссия стала обходить районы; не т[олько] были укрывательства, вопреки угрозе смерт[ой] казни, – отбиралось *все*, кроме двух комплектов костюма, зимнего и осеннего, пальто и шапки; все остальное реквизировалось за малую плату. В насел[ении] ропот; мера не носила рац[ионального] характера и погибла в первые же часы: население не пошло на службу, все пустовало. Немедленно приказ: *прекратить* этот способ отобрания вещей. Часть вещей, однако, была уже собрана, сконцентри[ро]в[ана] у домов. Так и оставались лежать на складах, ибо не предусмотр[ена] технич[еская] сторона. Через две недели с лишним, когда солдаты продолжали мерзнуть, объявлена б[олее] рацион[альная] система: *добровольное* предложение *лишних* вещей. Насел[ение] понесло, но уже перв[ый] приказ испортил. Сбор затянулся, и когда Ростов уже [был] окружен большевиками, сбор теплых вещей продолжался.

Вопросы чисто военн[ого] управления – вполне удовлетворительно, особенно в летний период успехов. Но и здесь не без исключений. В среду офицерства проникло немало лиц, чуждых идеям армии. Часты случаи, когда население, встречавшее крестами и хоругвями, остывало в симпатиях, когда являлись эти элементы, отравлявшие общий успех. Возможно, что этому проникновению помогали *большевист[ские]* организации. Бывали обнаруж[ены] случаи проникновения агитаторов. Дело военной агитации у нас возглавлялось (забыл фамилию) лицом, к[ото]р[ое] не давало возможности проникать в трезв[ые] *солдат[ские]* массы.

Вопросы, связ[анные] с отнош[ением] общественности к организациям, вроде генер[ала] Шкуро[855]. В населении, при соприкосн[ении] с *его* частями, не получалось энтузиазма к «герою нашего времени». К нему охотно шли новые люди, искатели приключений; обстановка жизни – оригинальная. Хотели поправить свои обстоятельства за счет населения, которое не видело разницы между двумя

борющ[имися] сторонами. Не раз [издавались] приказы Деникина, но они имели т[олько] временную силу. Шкуро б[ыл] отозван в Екатерин[одар] и Новор[оссийск] – оставался не у дел. Молва ходила, что Шкуро приобрел чуть не целый квартал: трудно судить, насколько это правда. Поведение отдел[ьных] чинов отряда Шкуро не вызыв[ает] симпатий *хорошей* общественности (операция в Харьков[ском] узле: офицерство в ресторанах, бешеное поведение в тылу, безобразия, постоянные скандалы с участием *«волков»* ген[ерала] Шкуро). Посл[еднее] время, по отозвании Шкуро, прощальн[ый] обед в Палас-отеле: бешеные деньги; под конец открыта стрельба в 9 час. вечера. Все знали, что это не большевики: чувство приближающейся катастрофы. Отнош[ение] к офицерству неприязненное: трения, заминки. Чувствовался невроз управления, к[ото]р[ый] проявл[ялся] в отдельн[ых] нарушениях функции. Приказ и контрприказ, частая смена персонала. Представители Особ[ого] совещания, – внутр[енние] дела (торгов[ые], кроме Лебедева) – не успевали ознакомиться.

Накануне падения Ростова Особ[ое] совещ[ание] упразднено. Отнош[ение] куб[анского] населения к эвакуир[ованным] семьям Особ[ого] совещ[ания] – более чем нерадушное. Понятно, если вспомнить инспирацию членов Особ[ого] совещания главному командованию: осложнение с Кубанью, повешение Калабухова[856], убийство Рябовола: не т[олько] подлило масла, но послужило лейтмотивом дальнейш[его] раскола и увеличило шансы крушения. Убийство Рябовола в понимании куб[анского] населения осталось *актом политич[еской] мести*. Особ[енно] сильно содейств[овали] укрепл[ению] этого взгляда – представители Кубан[ской] рады: Макаренко и под[обные] тотчас передавали настроение: а Особ[ое] совещ[ание] соверш[енно] не хотело считаться с этими вождями и искусств[енно] разжигало рознь.

В результ[ате], когда ставка переехала в Ростов и Таганрог (даже за несскол[ько] недель – свершилось убийство Рябовола – это стимул, ч[то]б[ы] скорее уехать из Екатеринодара: осложнения могли б[ыть] возможны), настр[оение] было зловещее. Эт[от] вопрос неск[олько] *притупился*, но когда была предана военному суду Париж[ская] делегация[857], это опять *оживилось*. Соглашение с горцами против *возможн[ого] изменения курса в будущем*, в случае измены демократизму: так представляют на Кубани смысл инкриминир[ованного] совещания. Это *не вызывало* немедл[енной] необходимости реагирования. Конечно, никого, кроме Калабухова, не удалось захватить. К[алабухов] – козел отпущения. Куб[анская] рада, после приказа, протестовала, отказала в выдаче и была Врангелем распущена; Калаб[ухов] по прик[азу] Покровского повешен на креп[остной] пло-

щади, в центре, с тяжелыми осложнениями (16-летняя дочь-гимназистка – население *по долгу* ходило смотреть труп, болтавшийся целый день на крюке – молча, без критики, но в виде поклонения). Его зарыли на берегу Кубани, и туда пошло паломничество. После катастрофы труп Кал[абухова] похоронен рядом с Алексеевым в кафедр[альном] соборе. Требовали наказания ген[ерала] Покровского, к[ото]р[ый] скрылся. Врангель потерял симпатии Кубани, и когда пришлось все эвакуировать в Новоросс[ийск], поезд ген[ерала] Врангеля, блестящего состава, вызывал в населении неприят[ные] замечания: у нас негде поместить раненых, а тут на виду великол[епные] вагоны – д[олжны] б[ыли] перебраться в Новороссийск.

Последн[ие] минуты Ростова

Харьков м[ог] б[ыть] удержан: ген[ерал] Май-Маевский[858], нач[альник] собственно Добр[овольческой] армии, – население уже настр[оено] неблагоприятно в Ростове: он устраивал вечера, пьянствовал, возвр[ащался] из Моск[овской] гост[иницы] и Палас-отеля – со стрельбой (уже в Ростове) в нетрезв[ом] виде в автомобиле на Садовой. Когда перебрался в Харьков, было то же. Штаб все более безобразничал; бывало, что 2 суток не принимал экстр[енных] докладов. Кончилось крахом под Харьковым. Больш[инство] населения понимало, что Ростову предстоит то же, но глав[ное] командование искусственно поддерживало настроение и не произв[одило] эвакуацию. Это значит[ельно] осложнило и заставило оставить громадные запасы, получ[енные] отчасти от союзников. Танки, вещевое довольствие и т. д. Все это не м[огло] б[ыть] вывезено, благодаря замалчиванию фактов. В сам[ый] момент отхода, когда части дефилировали по Ростову, вопр[ос] эвакуации оказался в плачевном положении.

Главн[ая] эвакуац[ионная] комиссия ген[ерала] Тихменева[859] уже не м[огла] ничего сделать, ибо подвижной состав забил пути. Население думало, что все уже сделано для выезда граждан, к[ото]р[ые] *не могли* остаться в Ростове. Но это б[ыло] не так. Кое-кто достал места в вагоне, по протекции. Но это не значило, что он мог уехать. С 20 декабря настр[оение] приняло явно панический характер; население заметалось, sauve qui peut*. Кто получил возм[ожность] попасть в вагон, сидел спокойно в вагоне, но надежды не оправдались. Нек[ото]р[ые] оставались в вагонах до выступлений *местных* большевиков, к[ото]р[ые] первые выступили. Когда начались выстрелы, все были застигнуты в узле, проходили поезда со штабами, эксп[ед]иция] гос[ударственных] бумаг, валюта – и т. д. А остались те,

* спасайся кто может (франц.).

кто не являлись в перв[ой] очереди: в т[ом] ч[исле] нек[ото]р[ые] офиц[иальные] учреждения. Обнар[ужен] саботаж машинистов, паровозы «потекли», угля «не оказалось». Даже поезд с деньгами, до 3 миллиардов деник[инских] денег, миллионы романовских – ели двинут под прикрыт[ием] Кутепова[860]. Масса имущ[ества] не вывезена. Огр[омные] запасы вещевых складов. В мом[ент] отхода, когда начали взрывать склады, насел[ение] поняло, что оно оставлено. Сидевшие в вагонах бросились бежать, среди стрельбы местн[ых] большевиков.

Отделилось кубанское течение от добров[ольческого]. Деникин даже не приехал в Екатеринодар. Там кипело новое: все скрывавшиеся депутаты появились, потребовали всей власти. Кубан[ские] власти возвращены, сосл[анные] по приказу Деникина, перенесение праха Калабухова (процессии). А в это время натиск. Кубан[ские] части частью отделены, частью сами отошли в станицы. «Верх[овный] круг» Д[она], К[убани] и Т[ерека], под председ[ательством] Тимошенко, – новый атаман ген[ерал] Букретов[861], геор[гиевский] кав[алер], к[ото]рый 1½ года назад был помощ[ником] испр[авляющего] долж[ность] [начальника] снабжения и заподозрен в злоупотреблениях и арестован, 3 мес[яца] в тюрьме. Связи Б[укретова] с Куб[анской] радой дали возм[ожность] потушить дело и не допустить до процесса. Я его встреч[ал] в Рус[ском] для внеш[ней] тор[овли] банке, без погон, в кожан[ой] куртке, неузнаваем, нравств[енно] опустившийся. Даже на Кубани считали, что это вивер*, но не человек дела. Выбор громом поразил главн[ое] командование и обществ[енные] круги. Букретов долго не ехал представиться Деникину; это был запрет Тимошенко: Б[укретов] безвольный ч[елове]к, не могущий представл[ять] Куб[анскую] область: узких, мелких интересов. Перв[ые] шаги: издание двух приказов, к частям Добр[овольческой] армии, якобы *подчиненным*, и кубанцам, призывая их мобилизоваться до послед[него] ч[елове]ка.

Кому принадл[ежало] имущество, присланное англичанами? Хольмен[862] офиц[иальным] письмом Букретову известил, что им б[ыло] отпущено *только* по распоряж[ению] Деникина. Но Куб[анское] правит[ельство] с эт[им] не согласилось: рознь продолжалась. В результ[ате] наступ[ления] красных, при общей деморализованности повальное бегство из разн[ых] пунктов: минераловод[ские] группы, [из] Ростова – в Екатеринодар. Все стремились или за границу, или в Батум. Когда беженцев скопилось огромное количество – сыпной тиф, не хватает продуктов, громадн[ые] цены, впереди – неизвестность. Тяжелые минуты. Отнош[ение] «Верхов[ного] круга» – подта-

* вивер (от франц. viveur) – прожигатели жизни, жуир.

сов[анные] факты, усиление розни с глав[ным] командов[анием]. Казач[ество] требовало перехода всей власти. Но все же пришли к компромиссу, под влиянием высокоуваж[аемого] ген[ерала] Богаевского[863], дальновидн[ого] и тактичного, — ген[ерал] Деникин б[ыл] приглашен ведать стратег[ическими] и воен[ными] вопросами, но не касался гражданского управления. В Новорос[сийске] персонал управл[ения] так часто менялся, что население не успевало увидеть подписей под приказами. В посл[едний] момент — главнонач[альствующий] Корвин-Круковский[864] (конец февраля) — настолько неумело повел дело, что вызвал крайний ропот населения, призв[ал] до 43, потом до 55, в ряды для защиты. Новор[оссийск] забит массой мужчин. Когда наступило нек[ото]рое прояснение, функции Деникина определились, пошло наступление на Ростов, взят на 4 дня. Власть как бы начала приходить в себя. Круковский назначен в такую *светлую* минуту, ч[то]б[ы] организовать из мужчин отдельн[ые] отряды (по 17–20 ч[елове]к в одной комнате). Но К[орвин]-К[руковский] понял задачу превратно: вместо индивид[уального] разбора случаев, запутал, издал приказ: *никто* из мужского насел[ения], независ[имо] от возр[аста] и подданства, не имел права выезжать из Новор[оссийска]. Там были железнодорожники, агенты органов управления, случайно приехавшие из ставки, лица с дипломат[ическими] паспортами, иностранцы. Гор[од] разделен на участки и ловили всех *без* визы ген[ерала] К[орвин-]К[руковского].

Все мужчины пошли к вокзалу, где жил К[орвин-]К[руковский]. Разразились дожди. Это так б[ыло] нерационально, что вызвало общий ропот. 4–5 суток, все время усердствования К[орвин-]К[руковского]. Так прошло. Продавшие продукты не могли выехать. Его убрали, заменили ген[ералом] Носовичем[865], к[ото]рому поручено привести город в порядок. В это вр[емя] в Екатеринод[аре] и Тихорецкой — новый разлад. Лукомский приехал в Новороссийск и получ[ил] назначение главнонач[альствующего] над Черноморской губ[ернией]. Население не м[огло] сосредот[очиться] на выполнении долга. Созвано чрезвыч[айное] заседание гор[одской] думы, предложена мера: воссоединиться с Кубанс[кой] областью, ибо Черном[орская] губ[ерния] насильственно отгорожена. Это — апелляция [к] Кубан[скому] правительству. Но это не б[ыло] проведено. Лукомский оставался на посту, но технически уже задачи управления не м[огли] б[ыть] осуществлены.

Пал Николаев, Херсон, очередь была за Одессой; но все думали, что Шиллинг сможет удержать Одессу. Началась тяга туда. Но приехавш[ие] туда, накануне падения — еще в более безвыходном поло-

жении. В послед[нее] время, видя полную безысходность, главн[ое] команд[ование] решило эвакуир[овать] семьи на Принцевы острова — с содействия англичан. До 3000 семейств, потом еще 1000, потом еще 8000 (в К[онстантино]поль) и до 10 000 в Болгарию.

Оставался клочок, все уменьшавшийся. Погибло 2 парохода, «П[етр] Велик[ий]» и «Георгий». 1-й [наскочил] на мину, второй — выбросился на берег. Наконец, события в Крыму.

Крым — благоприят[ное] место, ч[то]б[ы] достат[очно] продержаться, если обеспечить сухопут[ный] отход по Черномор[ской] губ[ернии] (потом об[е]спечено соглашением с Грузией). Но в Перекопе — *не укреплен* до последн[его] времени. Под конец, ген[ерал] Субботин[866] построил укрепления. Но там произошли события, показавшие моральное падение частей Добрармии. М[ожет] б[ыть] предшествовали серьезн[ые] причины (присут[ствие] Май-Маевского).

Субботин назначен нач[альником] обороны Севастополя. Общий начальник ген[ерал] Слащев[867], достат[очно] энергичный, но малоизвестный армии. Во время дополнит[ельных] работ на Перекопе поезд Суб[ботина] окружен новобранцами из офицеров под нач[алом] Орлова[868], к[ото]р[ые] объявили [генерала Субботина] арестов[анным]. Май-Маев[ский] сорганизовал блиндир*, повел на выручку. Но б[ыло] поздно. Капит[ан] Орлов объявил себя — «суд офицер[ской] совести», в соглаш[ении] с махновцами — думают о восстановлении монархии. Такого же рода капит[ан] Орлов. Б[ыли] предприняты карательн[ые] экспедиции для освоб[ождения] ген[ерала] Субботина. Но группа Орлова, отошедшая на Алушту, нек[ото]р[ое] время держалась. Врангель из Севастополя повел правильное наступление, разогнал банды (но судьба Субботина не известна).

Прибыл в Крым Деникин, но — когда я б[ыл] в Констан[тинополе] — уже говорилось, что он выедет туда.

Здесь кончаются мои личные впечатления.

Почему убит ген[ерал] Романовский? Недовольно офицерство, к[ото]р[ое] считало, что он *продался евреям и заодно с партией народной свободы ведет* не ту линию, какую хотела часть офицерства. Нашлось лицо, к[ото]р[ое] совершило этот акт, возлагая персональную ответственность на него за все неудачи.

К Врангелю — «германская ориентация», в последн[ие] недели упорно ходили разговоры: обыватель считал, что стоит признать герман[скую] ориентацию, и все счастье перейдет к нам. Конечно, на

---

* блиндир (от франц. blindé) – броневик, бронеавтомобиль.

это никто не хотел идти. Но в офицерстве упорные стремления к герман[ской] ориентации, к[ото]рую связывали с именем Врангеля.

Оборона Крыма предполагалась, но приступа к укреплению Арабат[ской] Стрелки не было, и Субботин, сидевший там 8 месяцев, ничего не сделал. А м[ежду] тем, если бы укрепления *были*, – большевики не м[огли] вести атаку с моря. *Можно было* долго продержаться, расположив к себе татарское население и обеспечив через Феодос[ий-скую] зону подвоз. Но спохватились поздно.

Полит[ические] трения по адресу Грузии и Азербайджана.

Особ[ое] совещание повлияло на осложнения: с Грузией почти дошли до военных действий, а Азерб[айджан] – разрыв дипломатич[еских] сношений. Мы знали, что со всех сторон окружены. Когда пришлось выводить по Военно-Сухумс[кой] дороге, Деникину пришлось идти на страшный моральн[ый] компромисс. Азербайджан силен валютой и итальянским оружием. У нас завоев[ан] район Дагестана, завоев[ан] с трудом – и дороговизна. А у Азербайджана – умело создано примитивное благополучие края – и разящий пример разделения.

Заседание объединенного совещания,
15 апреля 1920 [г.] (в Братстве)
Доклад Е.В. Саблина

Я телегр[афировал] в Париж о желании объед[иненного] заседания быть осведом[ленным] о юге и Деникине (ряд вопросов). Ответа не получил.

Отнош[ение] Британ[ского] правит[ельства]: я написал частн[ое] письмо к Грегори: какая attitude* отн[осительно] Деникина в будущ[ем]? Участие англ[ийского] флота? Тоже ответа не получил. Как раз б[ыли] получены сведения, что Ден[икин] в К[онстантино]поле, едет к Мальте и т. д.

Но были частные случаи, по к[ото]р[ым] м[ожно] судить об attitude. Инциденты с «Ольгой» и <имя нрзбр.> – запасы оружия (патроны погруж[ены] в Гамбурге, купл[ены] нами в Берлине) – вызвал шум, [груз] б[ыл] арестован, как посланный спартакистам[869], ирландцам; поразит[ельная] междуведомств[енная] неосведом[ленность]: Foreign Of[fice] ничего не знало, морское искренне думало, что Sinn Fein; знало немного – военное. Из ноты англ[ийских] воен[ных] я понял, что аресты т[олько] *до* выяснения груза. Но другие ведомства считали, что теперь отправка не необходима, просили нас принять меры

---

* тактика (франц.).

охраны. Из разгов[оров] в For[eign] Of[fice] выяснилось, что *гуманитарн[ая]* помощь будет оказана, но *оружие* – их и наше – будет en suspens*.

Позвольте воспольз[оваться] заседанием для совместн[ого] обсуждения приезда ген[ерала] Деникина (на парох[оде] «Курс», Southhampton, воскресенье, супруга, 2 детей, бабушка). Сперва предполаг[алось] сделать его своим *гостем*: просили не беспокоиться. Сегодня утром изменили: позаботьтесь сами о помещении. Ген[ерала] Деникина от Военн[ого] м[инисте]рства буд[ет] привет[ствовать] военный секретарь Черчилля, сэр <пропуск фамилии>. Туда отправ[лена] наша военн[ая] агентура, Геруа[870], секретари посольства. Мы телеграфировали в порт. Буду ожидать сообщ[ения] из Southhampton.

До послед[него] времени англичане имели документ о передаче прав Колчаком и по пов[оду] финанс[овых] сделок заявлено нашим банкирам (бр[атьям] Барит), что Д[еникин] – правопреемник (как верх[овный] правитель) Колчака. Неясно, *кто Деникин теперь.*

Деникин сложил права верховн[ого] командования. Я склонен считать его «верх[овным] правителем». Англичане признают его джентльменом и глубоко уважают.

Ону рассказывает о вчерашнем инциденте: мы почетные вице-председатели Русско-англ[ийской] торговой палаты. Председ[атель], Sir Fr. Barker, заявляет, что supported by** Бубнов[871], он предлагает пригласить Красина на lunch и на торжеств[енное] заседание. Бубнов поддержал lunch. Ону просил слова, но Barker остановил – вы будете говорить о политике, вы не обязаны приходить на завтрак. Я заявил, что заявлю протест. Никто из русских меня не поддержал (Поляков, Лурье, Расторгуев). Предлагает ироническое письмо в «New Russia»[872] *до* lunch.

Саблин. Вопрос, приедет ли Красин? Barker, м[ожет] б[ыть], напрасно предвосхищает.

Гарднер. Баркер поспешил. Вся история не налаживается. Ни у фр[анцузов], ни у амер[иканцев]. У англ[ичан] оборвалось на Литвинове[873]. Возможно, что приедет Клышко.

Саблин. От Ленина в Лигу Наций три неудовлетворит[ельные] радио; четвертое, в герман[ский] город, Л[енин] назвал Лигу Наций «Лигой идиотов». Ждут событий: если в Герм[ании] не будет спартакизма и Ленин будет милостив, то м[ожет] б[ыть] поедут.

---

* [находиться] в неопределенном положении, в неизвестности (франц.).
** поддержанный (англ.).

Гарднер в ответ на «гарантии» членам делегации – коротко, «никаких». Наиболее обостр[ены] отнош[ения] в Копенгагене с франц[узами] и амер[иканцами]. У французов почти открытый скандал: d'Halgozet написал донесение.

17 апреля

День событий. Рано утром приносят телеграмму М.М. Федорова из Парижа: Arrive Paris, indispensable vous voir si vous ne pouvez pas venir ici viendrai Londres. Télégraphier Rue Cambon, Hôtel Metropolitain. Я ответил: Denikine arrive aujourd'hui, pourrai venir Lundi, prèvenez Nabokov*.

Поезд с Деникиным прибыл в 2.40. На вокзале собрались представители посольства, Красного Креста, нашего объединенного совещания. Представлял Е.В. Саблин. Меня Деникин узнал и на мое приветствие ответил: «вот где пришлось встретиться». Заявил, что приехал анонимно, по чужому паспорту и не ждал приема. Я сказал ему, что это – минимум того, что можно сделать. Предупредил его, что нужно поговорить и для «New Russia» и для поездки в Париж. Затем, следом за ним, я поехал в Cadogan. На вокзале и в отеле, где внизу сидел кн[язь] Белосельский[874], узнал, что в Париже собираются создавать новое правительство и что Саблин послал телеграфный запрос по этому поводу, но ответа не получил. Затем Белосельский, только что вернувшийся из Парижа, рассказал, что видел своими глазами телеграмму Curzon'a Чичерину, в которой говорится, что он, Curzon, убедил Деникина отказаться и он обещал убедить Врангеля войти в переговоры с большевиками, если они обязуются сохранять гуманность по отношению к пленным добровольцам (сегодня в «Times» напечатана последняя часть со слов большев[истской] wireless).

Деникина на вокзале я успел предупредить, что здесь он нами представлен с лучшей (либеральной) стороны, но при этом отделен от антуража.

Chaperon пошел наверх к Деникину и тотчас позвал меня к нему. Беседа продолжалась больше часа. Было 5, когда я вышел.

Я предупредил Д[еникина], что мне нужно знать, как писать статью для «New Russia» и какую линию вести в Париже и что для этого я буду спрашивать на этот раз самые необходимые вопросы.

---

* Прибыл в Париж. Необходимо Вас увидеть. Если Вы не можете приехать сюда, я приеду в Лондон. Телеграфируйте рю Камбре, отель Метрополитен. Я ответил: «Деникин прибывает сегодня, я смогу приехать в понедельник, предупредите Набокова» (франц.).

Я задал *первый*: с какой *властью* приехал сюда Деникин. Вопрос естественный, но Д[еникин] к нему не был вполне приготовлен. Он сказал, что он морально разбит, что не хочет заниматься политикой — по кр[айней] мере некоторое время и должен отдохнуть. Я ответил, что он вполне заслужил свой отдых и что мы все заинтересованы в том, ч[то]б[ы] он отдохнул. Но вопрос о власти — не личный.

Деникин изложил подробно. Есть *три* документа, на которые можно сослаться для выяснения преемственности власти. 1) Старое назначение Деникина заместителем Колчака в должности главнокомандующего (всероссийского). 2) Документ, присланный Деникину Колчаком, в котором К[олчак] возвращает ему, так сказать, суверенные права над *южной* Россией. По объяснению Деникина, этого документа он не опубликовывал; документ у Нератова. Мотив: он хотел до последней возможности сохранить идею *единства* России и не выделяться из-под Колчака особо. Т[аким] о[бразом], этот документ остался неизвестен. 3) В последние дни Колчака, по сообщению, которое Д[еникин] получил от японских и английских представителей, К[олчак] *собирался* передать ему *всю* свою власть, в том числе и гражданскую — всероссийскую (т. е. «верховного правителя»). Он, однако, не знает, удалось ли Колчаку это сделать.

Я делаю вывод, что, во всяком случае, не доказано, что власть ему *не* передана. И, во всяком случае, он имеет *южнорусскую* военную и гражд[анскую] власть и *всероссийскую* военную. *Второй вопрос*: что он передал Врангелю?

Ответ: командование над южными войсками.

Я: значит, не всю власть? А как с правительством, которое может назначить Врангель? Будет ли тут преемственность с южнорусским правительством?

Ответ: Южнорусское правительство я в последние дни распустил приказом, ввиду сокращения территории, оставив, однако, проф[ессора] Бернацкого для функций, которые не были точно определены. (*Я*: для ликвидации?) Но, конечно, при Врангеле Бернацкий остаться не может. Таким образом, и последний обломок моего правительства исчезнет.

На вопрос, обладает ли Врангель гражданской властью, необходимой для назначения нового правительства, у Д[еникина] нет готового ответа.

Третий вопрос: как произошло назначение Врангеля? Ден[икин] предупреждает, что ему неловко это рассказывать, так как Врангель его ненавидит. Но я прошу быть откровенным, что Д[еникин], видимо, и выполняет.

Эта история началась давно. Врангель проявил жажду власти и действовал не открыто, а интригой.

Я предварительно рассказываю Деникину, как я понимаю связь событий. Разногласия произошли из-за того, дружить ли с казаками или отступать в Крым. Когда соглашение с казаками лопнуло, то прорвалось раздражение против Деникина всех, кто стоял за отход в Крым. Добровольцы не захотели больше служить под начальством Деникина и потребовали назначения Врангеля, который готов был выступить с более приятной им правой программой, поддерживал их германофильскую «ориентацию» и монархизм.

Тогда начинает рассказывать Деникин, в сущности, не опровергая существа моего толкования. Он не питал особых надежд на казаков и отлично знал, что тот же Тимошенко под рукой посылает отряды нападать на поезда и т. д. Но ему нужно было временно согласиться с ними, чтобы в *три месяца* эвакуировать передний Кавказ. Иначе вся буржуазия была бы перерезана и не спаслось бы войско. Тем не менее, все «буржуи» и реакционеры будировали и требовали отхода. Деникин настоял на своем; в результате он *вывез все* снаряжение из Новороссийска, устроил новую базу в Феодосии и перевез туда 40 тыс. войска и все семьи. За скорейший отход были двинуты все пружины. Все учреждения, включая сенат, все партии, включая к. д. (крымских), засыпали его петициями о назначении Врангеля. Врангель в последнюю минуту распространил открытое письмо к Деникину, в котором взводил на него всякие небылицы. Между прочим, он там утверждает, что Д[еникин], лишь уступая давлению, согласился признать Колчака, тогда как в действительности об этом решении даже накануне признания знали только он сам и Романовский, а все остальные, все Особое совещание было против признания.

Я вставлю тут справку о телеграмме Керзона, что он убедил Деникина отказаться и что убедит Врангеля вести переговоры с большевиками. Спрашиваю, говорили ли ему англичане что-нибудь об этом.

Деникин, улыбаясь, отвечает, что он принял решения соверш[енно] свободно и что единственный намек Хольмена на то, о чем я говорю, был сделан гораздо позже, уже после совершившихся фактов. Именно, уже при отправлении в Англию, Хольмен сказал ему, что это хорошо, что оба они уезжают, ибо теперь начнутся «дрянные» события.

Деникин поступил следующим образом при назначении Врангеля. Он созвал в Севастополе военное совещание из всех представителей командования. Ему заметил Драгомиров (единственный остав-

шийся верным и не запутавшийся в интригах), что не следует создавать прецедента выборов. Деникин отвечал, что ему нужен только *совет*, а своего заместителя он укажет сам, в порядке *назначения*. Хоть он уже имел в виду Врангеля, но интриги последнего не прекращались. Ден[икин] получил заявление (нач[иная] с командиров полков), что просят назначения Врангеля. Правда, обнаружилось и дружественная Деникину сторона, которая умоляла его остаться. Но, по его словам, Д[еникин] слишком «глубоко это продумал» и недаром не созывал совещания. Он повлиял на своих сторонников (дроздовцев, которые иначе не помирились бы с назначением Врангеля и могли бы убить его). Приказ о назначении был короткий (тот, к[ото]р[ый] у нас напечатан).

Четвертый вопрос. Как убит Романовский?

Деникин г[ово]рит, что смерть особенно тяжело на нем отозвалась; Ром[ановский] был единственный доверенный человек. Он стал искупительной жертвой: это «Барклай-де-Толли[875]» Добровольческой армии. Его давно ненавидели правые, обвиняя в левизне; в то же время его критиковали и левые. Слухи о том, что на него будет покушение, ходили уже в Новоросс[ийске] и в Крыму, и Деникин всячески старался выпроводить его вперед, но неудачно: Романовский отказывался выехать среди паники Новороссийска. Когда они оба приехали в Константинополь, то, пошептавшись, английские офицеры стали советовать им не ехать в посольство, а прямо пересесть на англ[ийское] судно. Они отказались*. В посольстве встретили их плохо, отвели какие-то задворки и были нелюбезны.

Когда Р[омановский] вышел в вестибюль, был убит офицером «из общежития», к[ото]рый потом бежал, хотя все знают, кто убийца. «На меня и не предполагалось покушения», – прибавляет Деникин.

Пятый уже не вопрос, а соображение. Я говорю Деникину, что мы здесь представляем его как самого левого из своего антуража. Прибавляю, что сам я считаю, что они шли – даже левые из них – слишком правым курсом; упоминаю аграрный вопрос. Мы объясняем, что Д[еникин] д[олжен] б[ыл] поневоле идти с правыми, т. к. приходилось считаться с настроением.

Деникин подтверждает это, и шутя напоминает «знаменитую» историю, как он превратит $^1/_3$ урожая в $^1/_5$[877]. Признает, что аграрные решения были фатальные**.

---

* Спросили Агапеева[876], к[ото]рый заявил, что нет опасности. – *Прим. авт.*

** Я г[ово]рю ему, что не раз порывался к нему приехать, но встречал возражения со стороны партии, к[ото]рая уверяла, что я могу повредить Деникину и что я неприемлем для Добров[ольческой] армии. – *Прим. авт.*

Я предупреждаю его далее, что если бы он попал в Париж, ему пришлось бы считаться с затруднениями *слева*, но здесь он должен принять меры, чтобы его не смешали с правыми, советую не принимать приглашений.

Деникин очень оживленно замечает, что он вообще хочет уклониться от всего и уехать с семьей куда-нибудь в глушь, тем более, что у него нет средств и он принужден принимать «английскую милостыню».

Я отвечаю, что отдохнуть здесь есть где и это очень хорошо, а деньги не могут не найтись у главы правительства: здесь есть Замен[878], который выдает ассигновки по разрешению Парижской конференции.

Деникин отвечает, что это деньги – казенные и что Парижской конференции он не признает: все сношения ограничились одной знаменитой телеграммой.

Я напоминаю, что он не имеет права считать себя частным человеком. Если он очистит место власти, то другие займут его, ибо природа не терпит пустоты, что он скажет, если в Париже объявят новое правительство?

Деникин живо отвечает, что это никоим образом недопустимо. Я замечаю, что и я так думаю, но, однако, даже год тому назад, когда обстоятельства менее благоприятствовали этой мысли, она все-таки появилась и мне пришлось тогда возражать против нее. Тем более возможна она теперь. А что он скажет, если Врангель начнет переговоры и заключит мир с большевиками? Будем мы признавать Врангелевское правительство? А если будем отрицать, то во имя какого, если не Деникинского?

Деникин отвечает, что он отрицает эти правительства и эти действия *как русский*, а не как глава правительства. Я на это отвечаю, что *и я* отрицаю их как русский, но я – Милюков, а он Деникин: Деникин есть символ и знамя, которое спускать нельзя.

Относит[ельно] денег предлагаю ему свою американскую ассигновку – его деньги, им ассигнованные (по правде, Нац[иональным] центром), чтобы не нуждаться в «английской милостыне».

Деникин решительно отказывается, говорит, что жена привезла серебро, что они продадут его – на это проживут 3 месяца. У него ничего нет, кроме того, что на нем, так что и визитов он делать не может.

Я, конечно, утверждаю, что платье можно сделать в несколько дней и что все это устроится.

На прощанье крепко расцеловываемся.

18 апреля

У Е.В. Саблина. Его разговор с Деникиным – более осторожные выражения, чем со мной. Подчеркивал, что желает остаться частным человеком, чтобы его не втравляли в политику. Новый мотив: «не мешайте Врангелю». Прочел Саблину рукопись своего обзора в «New Russia». Саблин дал мне телеграмму, полученную из Читы, 30 января 1920 [г.]. Вот копия:

«Ja16 g v Tchita 206 22 MN WLAD GVT Ambarusse LN=

Circular castigatus Commander in Chief of military forces of Far East and Irkutsk military region Order № 56 26th of January 1920. I declare here below the Ukase of the Supreme Ruler dated January the 4th 1920: in view of my predecision to give the Supreme All Russian authority over to lieutenant general Denikin commander in chief of South Russian military forces awaiting his communication on this subject and therefore aiming at the safeguarding of State order in the Eastern region of Russia on the basis of Unity with the whole state, a full military and civil authority in the part of Siberian Russia under All Russian Government is given to lieutenant general ataman Semenoff commander in chief of all military forces of Far East und Irkutsk military region. I hereby entrust lieutenant general ataman Semenoff to form an organ of state administration for all the territory under his authority. Signed: admiral Koltchak, Pepeliaeff prime minister, city of Nijni Udinsk. In pursuance to this order of admiral Koltchak I am henceforth taking over the full military and civil authority in the part of Eastern Siberia under All Russian government. Signed lieut[enant]-general ataman Semenoff commander in chief. Director of the diplomatical section Beauvais. NR. 27»*.

---

* Циркулярное послание главнокомандующего вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа № 56 от 26 января 1920 г. Ниже я объявляю Указ верховного правителя, датированный 4 января 1920 г.: ввиду моего предварительного решения передать верховную всероссийскую власть генерал-лейтенанту Деникину, главнокомандующему Вооруженными силами юга России, в ожидании контактов с ним по этому вопросу и стремясь к сохранению государственного порядка в Дальневосточном регионе России на основе единства всего государства, вся полнота военной и гражданской власти в Сибирском регионе России, подчиняющемся всероссийскому правительству, передается генерал-лейтенанту, атаману Семенову, командующему вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа. Настоящим я уполномочиваю генерал-лейтенанта, атамана Семенова сформировать под своей властью орган государственного управления для всей территории.

Затем Саблин показал мне секретную телеграмму Сазонова («расшифровать лично») с вопросом: всю ли верховную власть Деникин передал Врангелю или только военную – командующего над местными силами? Саблин предполагает ответить в моем смысле. Вопрос, видимо, уже характеризует борьбу, которая ведется около вопроса в Париже. Передаю Саблину слух, переданный Румановым и Поляковым, что в «правительство» уже намечены (или назначены?) кн[язь] Львов, Савинков и Замен. Характерное сочетание имен. Саблин замечает, что еще недавно Коновалов ему сообщил, что кн[язь] Львов считает себя «бывшим человеком».

У Деникина в 5½ часов, после Саблина. Деникин прямо начинает с телеграммы Сазонова и повторяет: не мешайте Врангелю; м[ожет] б[ыть] он что-ниб[удь] и сделает? Я хочу уйти от политики, не вмешивайте меня. Я ему г[ово]рю, что больше ничего от него сейчас и не требуется, кроме воздержания от заявления, что он сложил всю власть, ибо эта власть может понадобиться.

Он, м[ежду] прочим, заявляет, что он и не вправе сложить власть: это может сделать т[олько] Россия (кажется, упоминает Учредит[ельное] собрание). Я подчеркиваю: значит, Вы со мной согласны. Пока Вы официально не сложили, власть у Вас. Иначе, как только образуется пустота, что Вы скажите, если завтра появится Керенский, послезавтра Львов? Признаете ли Вы, если Врангель заключит мир с большевиками, что он это может сделать от имени России Корнилова, Алексеева и Деникина?

Деникин очень живо реагирует: конечно, нет. Я вывожу: значит, *такой* власти Вы ему не давали и она может Вам понадобиться? Я сам думаю, что *сейчас* мешать Врангелю не следует. Но мы и не можем ему помешать. Поверьте, около него уже хлопочут англичане. Я не знаю, помирят ли они его с большевиками или используют против большевиков в союзе с Махно[879] и с Петлюрой; во всяком случае, вы не можете отрицать, что наступит момент, когда Ваша власть понадобится. А что мне делать завтра в Париже, если там станет вопрос о создании нового правительства? Я должен иметь возможность сказать: нет, нельзя, ибо *есть* власть в России: это Врангель и над ним Деникин.

Подписано: адмирал Колчак, Пепеляев, премьер-министр, Нижний Удинск.

В исполнение этого приказа адмирала Колчака я с этого момента принимаю на себя всю полноту военной и гражданской власти в регионе Восточной Сибири, подчинясь Всероссийскому правительству.

Подписано: генерал-лейтенант, атаман Семенов, командующий, начальник дипломатической секции. Beauvais. Nr. 27 x.

Переходим к воспоминаниям прошлого. Прежде всего, о Львове и Савинкове. Деникин мне рассказывает, что в промежуток между моими двумя приездами в Новочеркасск Савинков поставил им ультиматум, которого он, Деникин, советовал не принимать, но тщетно; С[авинков] г[ово]рил: если через столько-то часов я не буду назначен в совещание, то... Деникин поэтому сам не хотел войти в совещание.

Калинин, как я думал, убитый офицерами, оказывается, добрался до Казани и через год прислал Деникину отчет («мальчик-социалист»).

Затем Д[еникин] меня спрашивал, что я знаю о проекте заговора против царя *до* революции. Я рассказал, что знаю.

Когда зашла речь о Чайковском, Д[еникин] рассказал забавный анекдот по поводу отставки Южного правительства. Они просили побеседовать с ним в Феодосии, после отставки. Зеелер был поражен отставкой: был в слезах и истерике. А Чайковский спросил, прерывая других: генерал, — перейдем к самому важному вопросу: на каком основании Вы совершили переворот? Д[еникин] отвечал: раз вы так ставите вопрос, то я прекращаю разговор, я назначил, я и отставил.

При назначении этого («Южного») правительства Чайковский пришел сам просить о назначении и уверял: назначьте меня, это очень важно. Но Д[еникин] сказал: если парламентаризм, так парламентаризм, отправляйтесь к премьеру, пусть он Вас предложит.

Посидев с кубанцами неделю, Чайк[овский] пришел второй раз к Деникину и сказал ему: я думал, у вас личности против них, а теперь вижу: они — «сволочь».

Деникин прибавил: я им сказал: я для вас же вас отставляю, чтобы вы не попали в унизительное положение. И, действительно, так они спокойно выехали в Константинополь и даже получили прогоны. Баратов[880] признал: да, действительно, наше положение было бы ложное. Другие улыбались и молчали. Так состоялась эта отставка.

Я посоветовал Д[еникину] заняться мемуарами. Он сказал, что, к сожалению, не собирал материалов, хотя сам думал, что может заработать что-нибудь писательством. Но теперь — не может. Я просил, по крайней мере, записывать по свежей памяти отрывки. Он просил мою «Историю» и упомянул о *двух* выпусках.

Денег он решительно не хочет брать у Замена с разрешения Парижской конференции и повторил, что ее не признает. Я попутно рассказал, что был против обновления ее состава (план Винавера—Коновалова), ибо все-таки она признавалась косвенно Колчаком и могла быть сменена только властью. Так или иначе, вопрос о деньгах

надо решить. Мимоходом Д[еникин] упомянул, что он получил последнее жалованье 30 000 руб. в 500 руб[левых купюрах], а не «донских», по настоянию Бернацкого, что «надо же иногда думать о действительности». Интересовался, как разменяют здесь эти деньги. Я сказал: лучше, чем в России.

19 апреля

В вагоне Лондон–Париж. Из беседы с В.И. Воробьевым выясняются разногласия в среде торгово-промышленных групп. Подтверждается выход А.И. Коновалова из группы под председ[ательством] Денисова, о к[ото]ром рассказывал мне сам Коновалов. О попытке создать в Париже правительство Вор[обьев] слышал с прибавлением, что Замен отказывается. Вороб[ьев] знает, что Коновалов вместе с Винавером действовал в смысле обновления состава конференции (неск[олько] месяцев назад).

ПАРИЖ

В Париже в 6 ч[ас]. вечера

Hôtel Metropolitain, на улице уже встречает М.М. Федоров. Сообщает, что в отеле В.А. Степанов с дочерью, но отводит меня для отдельной беседы, предупреждая, что Степ[анов] слишком правый. Предлагает список членов предполагаемого особ[ого] совещания в Париже, предлагая мне решить, кого взять и кого выключить, кого прибавить. Я рассказываю ему историю попыток созвать совещание, начиная с денисовской. Предлагаю выждать два дня, пока я соберу сведения и указываю на неудобство собирать совещание из людей, только что потерпевших крушение благодаря собственным ошибкам. Он несколько смущается, но говорит, что ничего не хотел решать без меня и потому меня вызвал. Демидов приезжает, Астрова и других надо вызвать. Я ему рассказываю общий смысл бесед с Деникиным; он очень ухватывается за идею продолжения власти у Деникина. О плане образов[ания] правит[ельства] здесь – ничего не знает и вообще очень плохо ориентирован (приехал 3 дня назад, в субботу).

Рассказывает много любопытных подробностей из последних дней. Деникин принял Астрова в Константинополе, хотя никого не хотел принимать. Заявил, что в душе всегда сочувствовал им (отставил по *их же* просьбе, по словам М.М. [Федорова], и с тех пор не видался). Свое последнее правительство называл совершенно негосу-

дарственным. Доказывал и им, что хотел вывезти всех с Кавказа. По его предположению, теперь Врангель пойдет вправо и скоро провалится, потом будут с. р., а потом вернется он, Ден[икин], и пойдет вместе с нами (к. д.). Астрову он говорил, что эвакуировал 35 тысяч (мне: 40 [тысяч]), но потерял всю артиллерию и лошадей. Федоров приписывает неудачу трем причинам: аграрному вопросу (Савич потом покаялся), администрации и грабежам деморализовавшегося войска, которое в решит[ельную] минуту хотело лишь спасать награбленное.

Врангель, по заявл[ению] Деникина ему и Астрову, сыграл предательскую роль, подсунув Деникину мысль начать ходатайство об эвакуации англичанами семейств офицеров. Когда армия узнала, то решила больше не сражаться, а уходить за границу.

Первое предат[ельство] было, когда из-под Харькова убедил отправить домой казаков под предлогом, что они расстроились (а они сытые проходили Ростов).

В общем, Федоров подчеркивает левую линию своей группы и отрицат[ельно] относится к Степанову. Людей не было, и их собственные кандидаты в МВД дважды переходили на сторону противников: Чебышев и Носович. Деникин, раз назначив, упорно не хотел сменять, пока не выяснилась гибельность чебышевской политики (продолжавшейся, благодаря Похвисневу, и при Носовиче) и ненадежность В.А. Лебедева. Упустили момент для торгов[ых] сношений с заграницей.

Обедаем внизу с В.А. Степановым. Действительно, он подчеркивает *военные* причины неудач и отрицает политические. Население одинаково индифферентно и враждебно ко всем, кто налагает тяж[е]сти. Самая популярная программа, действительно, махновская. Деникин отошел от армии, а Врангель к ней приблизился. Причины разногласия: стратегический план и разница политических мнений — обострились, когда Деникин упорно назначал Вр[ангеля] на второстеп[енные] посты и не давал ему власти, вопреки общему влиянию. *Все* Особое совещание, уже в частном заседании в Новороссийске, где собиралось *вместе* с новым правительством при участии П.Б. Струве, единогласно решило, что не нужно продолжать переговоров с казаками и лучше заключить с ними союз, как с особым государством, лишь бы сохранить самостоятельность. В Одессе *можно* было создать нов[ый] базис, мобилизовать десятки тысяч герман[ских] колонистов. Но там, несмотря на требов[ания] адмиралов (немедленно отставленных за это), не хотел назначить Врангеля в помощники Шиллинга. Когда назначил, было уже поздно поправлять дело, и в Одессе Вран-

гель немедл[енно] был отставлен. На Кавказе тоже дано фиктивное тыловое назначение. Тогда офицерство вышло из себя. Романовского открыто грозили не выпустить живым. М[ожет] б[ыть] убийство даже было не подготовлено: при общем настроении достат[очно] слуха, что Романовский здесь, – чтобы выстрелить экспромтом (Федоров утверждает, что был заговор). Степанов и Струве лично убеждали Врангеля вести свою линию. Степ[анов] был поражен, когда я сказал, что Деникин *не всю* власть передал Врангелю. По их сведениям, Маклаков уже назначен министром иностр[анных] дел Врангеля. Кривошеин здесь не говорит, что послан Врангелем. Но сюда назначается в послы – Драгомиров! (Лукомский – в Константинополе). Степ[анов] не верит в возможность удержать Крым. Но обвинение, что Крым не защищен с севера – неверно. Действительно, Субботин устроил укрепления на самом Перекопе, окруженные мелководными заливами. Но Слащев, освидетельствовав их, построил другие, южнее, в болотах; за эти последние укрепления большевики не прорывались. Но в Крыму армию надо кормить, а англичане уже объявили, что не только не дадут новых снаряжений, но и не допустят, ч[то]б[ы] были другие.

Миссия Маккиндера требовала: 1) независимости de facto всех погран[ичных] национальностей, 2) замены российского Учред[ительного] собр[ания] – специально *русским*. Деникин в конце концов уступил, выговорив за это – продолжение помощи; но хотя Маккиндер и заявлял, что он имеет все полномочия, скоро оказалось, что он никого не представляет, ибо в Англии политика изменилась.

Цифру 35 тыс. перевезенных войск Степ[анов] тоже считает слишком преувеличенной. М[ожет] б[ыть] всего 15 тысяч.

М[ежду] пр[очим] Романовский вызвал ненависть офиц[ерства] тем, что не соглашался восстановить гвардию, старые части армии и штандарты. За такое восстановл[ение] был Врангель; в одном частн[ом] случае Степанову (по просьбе офицеров) удалось уговорить Романовского.

У Набокова в Central, не застали. Придет утром.

20 апреля

В постели (мои размышления). Наступает очень трудный момент. Антибольшевистская Россия может разделиться на деникинцев и врангельцев. Политика: «не мешайте Врангелю» могла бы это предупредить. Но что значит: не мешайте Врангелю? Деник[ин], очевидно, думает: не мешайте ему бороться с большевиками. Но как, напр[имер], отнестись к назначению Врангелем Маклакова – исполн[яющим] обяз[анности] министра иностр[анных] дел вместо Сазонова?

Этих случаев деникинская тактика не предвидит, а они завтра же поставят вопрос уже о *формальном* выяснении, у кого полнота власти. Деникину отмолчаться будет трудно. Быть открыто знаменем противоположного течения он не хочет: но совершить новый акт отречения, видимо, тоже не хочет.

С друг[ой] стороны, кто теперь пойдет с Врангелем? «Не мешайте» – это политика нейтралитета. Но Струве сделает из нее тотчас же политические выводы. Движение тогда явно расколется на республиканское и монархическое. С делением на деникинцев и врангельцев это не совпадает. Надо сегодня произвести опрос Маклакова, Сазонова, Нольде и др.

Фактически, конечно, дело решится тем, удержится ли Врангель в Крыму. Если удержится и будет иметь успехи, то перехода власти к нему, со всеми политическими последствиями, не избежать. Тогда – это реставрация. Если не удержится, тогда деникинская традиция столь же неизбежно выдвигается вперед.

У Набокова

В пятницу с юга Р[оссии] пришли ряд телеграмм (я обедал у Нольде: он мне рассказал под секретом): не все пришли, судя по нумерам. Есть недостающие. 1) Врангель ведет переговоры о капитуляции.

Добров[ольческая] армия с поощрением англичан (телеграммы Керзона). Тел[еграмма] не подписана Врангелем, а *сообщала* об этом. М[ожет] быть *не от* него, а *о нем*, и во всяк[ом] случае похоже на попытку выигрыша времени. У него 5–10 тысяч всего. Curzon со своей стор[оны] тоже телеграфир[ует] об армистис и дать 2 месяца на эвакуацию Крыма, ч[то[б[ы] большевики не пытались занимать Крым.

Одновременно телеграмма, подпис[анная] Струве: я назначен начальником отдела иностр[анных] дел (очевидно, вместо Нератова). Увольняю Сазонова, Щербацкого в К[онстантино]поле, гр[афа] Трубецкого в Сербии, назначаю в К[онстантино]поль Нератова, в Серб[ию] Никанора Савича, вместо Сазонова – Абр[ама] Драгомирова для Запада, в К[онстантино]поль для Востока – Лукомского. В воскрес[енье] все это стало известно в других кругах. Львов г[ово]рил, что что-то непонятное: не Струве же ведет переговоры о капитуляции. Назначения бессмысленны. Абр[ам] Драгомиров произвел впечатл[ение] дурака. Делегация ответила, что ничего не имеет против назначений и перемещений, поскольку аутентичны и будут способствовать успеху дела. Они растерялись, сидят и недоумевают. Маклаков серьезно болен, началось заражение крови, теперь лучше.

Приехал Кривошеин, отн[осительно] кот[орого] были телеграммы, что он приезжает с полномочиями представителя Добров[ольческой] армии, но когда приехал, оказалось, что он – по пути в Лондон и никаких полномочий не имеет.

Львов рассказывал мне и Гучкову сведения от Изразцова, офиц[ера] Добров[ольческой] армии. Он рассказывает, что на юге Р[оссии] в ряде губ[ерний] (Екатер[инодарской], Тавр[ической], Херсон[ской], Ворон[ежской]) уже нет большевиков: крест[ьянские] вооруж[енные] отряды до 10 тыс. с артиллерией и пулеметами. Будто бы взяли Харьков. Большевиков истребляют, а белых (пленных) не трогают, но не приобщают к делам.

К Аджемову[881] на завтрак, куда приходит и Гучков. Обсуждаем вопрос о предварительном совещании у Нольде; намечаем, кого позвать. Аджемов обсуждал мои данные о Деникине, высказывается, что нельзя создавать деникинского «легитизма» и привязывать себя к Деникину, когда нужно признать вооруж[енную] борьбу вообще прекращенной. Я доказываю, что не признать деникинской власти – значит признать худшую, врангелевскую; что в случае успеха Врангеля Деникин, конечно, не выступит соперником и противником, но в случае неудачи не нужно, чтобы с Врангелем гибла *всякая* власть. Все соглашаются, что успех Врангеля маловероятен, но Гучков, со слов Кривошеина, допускает, что Врангель может остаться в Крыму. Набоков присоединяется к Аджемову, доказывая, что нельзя оспаривать власти Врангеля при отрезанности Деникина от русской территории. Гучков переходит на мою сторону, доказывая, что самое лучшее примирить обоих, признав власть Врангеля местной и происходящей от Деникина, а власть Деникина – общей и ему не противоречащей; в этом смысле истолковать и назначения Деникина. Но тогда Аджемов высказывается против признания Врангеля. Обещает сделать опыт переговоров налево, с с. д., говоря, что на днях к нему приходили и рассказывали, что левые французы настаивают на их сближении с к. д., ибо не верят, что с. д. могут создать компетентную власть на смену большевикам. Аджемов заявил, что только без Керенского, ибо с Керенским он «идти не может». Я присоединился к этому. Трепов тоже предлагает устроить совещание. Но с Треповым с. д. не пойдут.

Отправляюсь на Rue de Grenelle в конференцию. Выходят сперва Сазонов, потом Львов; узнав в общих чертах о моей беседе с Деникиным, приглашают рассказать в конференции, где, кроме них, сидят Сазонов, Щербачев, Шиллинг и Крупенский. Я рассказываю.

Тогда они мне показывают две телеграммы. Одна – нератовская – заявляет прямо, что Врангель «выбран военным совещанием и выбор утвержден Деникиным» – и что Врангель обладает «всей полнотой власти». Другая тоже говорит о полноте власти, сообщает список правительства Врангеля (куда вошел Струве, в качестве м[инистра] ин[остранных] д[ел], и *Бернацкий*, в кач[естве] мин[истра] финансов). Прибавляет, что решение принято под *ультимативным давлением Англии* и что они приняли предложение, чтобы выиграть время, пока Англия переменит мнение (о переговорах с большевиками). Совещание признается уничтоженным. Кн[язь] Львов г[ово]рит: если Врангель будет переговариваться с большевиками, мы этого признать не можем. Сазонов говорит, что как м[инистр] и[ностранных] д[ел] считает себя уволенным вместе с Особ[ым] совещанием Деникина. Но как член совещания *не* считает себя уволенным. Щербачев говорит, что Врангеля надо признать и генералов не сталкивать. Сазонов г[ово]рит, что в одном случае у него сердце разрывается на части: желать ли победы полякам или большевикам. В Польше, по полученному им письму, идет борьба Падеревского с Пилсудским. Падеревский заявляет, что требования возврата Польше земель до 1772 г. они хотят основать не на плебисците, как хочет Пилсудский, а на праве военного завоевания.

О создании правительства в Париже, видимо, *никаких намерений нет*, и было ли что-нибудь, сказать трудно. Они скорее склонны, в конце концов, подчиниться пониманию своей власти Врангелем.

Встреча с *Рыссом* у Набокова

Рассказывает, м[ежду] пр[очим], о приезде Сколтского в Ростов и о его беседе с представителями печати. Они поставили вопрос об отношении Польши к вопросу о расширении территории. Сколтский сказал: *не* исторические основания, а 1) этнические, 2) экономические, что принадлежало когда-то присоединяемым частям. *Вопрос*: значит и Литва? – Да. – И все, что принадлежало Литве? – Да. – Но ей принадлежали как раз русские земли до 1772 г. – Сколтский (сконфузившись): да, но у нас есть еще критерий самоопределения. Рассказывает, что Болгария готова к борьбе за Францию, и отн[осительно] Македонии предлагают поддержку итальянцы. Сербия разлагается на составные части.

У Гронского[882]; обед с Федоровым. Вечер в отеле с Гронским, Федор[овым] и Степановым. Обсуждаем возможные темы для обсуждения на совещании. Степанов защищает Врангеля против обвине-

ний в интриге против Деникина. Другие — обвиняют. И Степанов соглашается, что письмо Врангеля к Деникину — производит невыгодное впечатление.

21 апреля

Утром у меня Рысс. Выясняем мое отношение к правому кадетизму ю[га] России. Много точек соприкосновения. Обсуждаем идею совещания. Он настаивает на том, что если звать Бурцева[883], то надо позвать и левых. Иначе возможность контактов с ними будет утеряна. Берется перговорить с [э]с[е]рами.

Завтрак у Гронского с его членами экспедиции. Рассказ Гучкова о Германии, которая, по его словам, экономически оживает. Рысс был у Руднева, который, по его словам, после первого скептицизма, отнесся к идее конференции с интересом, обещал сообщить своим и передать их решение. Гронский и Федоров настаивают, чтобы на завтрашнее совещание не приглашать.

В 3 ч[ас]. с Федоровым у Бурцева. Он получил из Константинополя ряд телеграмм сторонников Врангеля, но боится их печатать и высказываться. М[ежду] пр[очим], из Берлина ему сообщают, что туда приехал Комиссаров (!) с миссией устроить «экономическую помощь» Деникину. Я излагаю Бурцеву свой взгляд. У Бурцева имеется письмо Врангеля к Деникину и ответ Врангеля, который он нам дает.

Удивляется Бернацкому, который заверял его, что целиком с ним. Показывает телеграмму об интервью Чайковского из Константинополя. Чайковский, с очень частной и мелкой точки зрения, излагает историю назначения и отставки своего министерства. Между прочим, сообщает, что казаки на круге *аннулировали* свое соглашение с Деникиным.

Обед и вечер у Г.Е. Львова. Роскошные апартаменты. У него Стахович и Аджемов. Львов сообщает телеграмму Саблина, из которой сам выводит заключение, что Деникин признает полноту власти Врангеля. На самом деле Д[еникин] повторяет почти все то же, что говорил мне. Но прибавляет, что «Врангель, в силу своей власти, может делать в смысле гражданского управления то же, что делал я».

После обеда выясняется, как трудно непризнание власти Врангеля при уклончивости Деникина. Если нет власти в России, то нет и ее представительства за границей: кому же принадлежат большие капиталы и предприятия? Чиновникам приходится подчиняться приказаниям Врангеля (как сделал адм[ирал] Хоменко[884], вызванный в Россию) или подавать в отставку. Пока они отмалчиваются. Маклаков, которому временно переданы функции Сазонова, никак не реагировал. Сазонов, запросивший телеграфно о программе Вранге-

ля, не получил ответа. Кривошеин еще в Белграде получил приглашение вернуться, но отвечал, что может лишь приехать на несколько дней дать советы. Совещание, упраздненное Врангелем и не признаваемое Деникиным, колеблется, но продолжает функционировать, не довольствуясь сообщением, что оно считается «упраздненным», но ожидая самого акта упразднения. Сюда едет Бернацкий, неясно, с каким поручением. Деникину ассигновано 1500 ф[ранков], по 250 ф[ранков] в месяц, на полгода.

В газетах сообщение о заявлении Черчилля в Палате о Врангеле и Крыме. Также ответ Чичерина, требующего за сохранение Деник[инской] армии – освобождение венгерских большевиков.

Федоров просит Львова о деньгах для вызова Астрова, Челищева[885], и Львов сейчас же заподозрил, что Ф[едоров] собирается восстановлять «Особое совещание» при Деникине – и для этого настаивает на признании власти Деникина. Я успокоил его, что Ф[едоров] только повторяет мою точку зрения, без всяких задних мыслей. Вырубов проговаривается о необходимости создать правительство, если не будет ни деникинского, ни врангелевского. Но это тотчас заминается. Я говорю о создании представительства партий, хотя бы в цепи организаций, зацепляющих одна другую, если невозможна единая организация всего фронта. Вырубов сообщает, что Рысс сообщил Рудневу *два* смягчающих условия: 1) хотя приглашены Бурцев и Савинков на совещание, но он ручается, что в *комитете* их не будет и 2) <пропуск>.

Они сочли этого рода предложения – странными и, по совещании с Авксентьевым и Зензиновым, решили дать отрицательный ответ на приглашение через Рысса. Аджемов утверждает, что Р[ысс] – неудачно выбран в посредники и что Авксентьев и З[ензинов] – не влият[ельные] фигуры; нужно прямо говорить с Минором.

22 апреля (в постели)

Положение уже переменилось за вчерашний день. Врангель категорически проводит политику «полноты власти». Деникин дает через Саблина уклончивые ответы и т[аким] о[бразом] помогает Врангелю создать факт власти. При этих условиях, очевидно, выдвигать Деникина нельзя против его воли. Ассимилировать себя с Врангелем тоже нельзя. Остается констатировать факты, не скрывая их смысла, и ждать дальнейших фактов. Для «New Russia» намечается заголовок «Врангель и Британская политика»* и тема: Врангель = Юденич; его

---

* a motto «не мешайте Врангелю» – Деникин. – *Прим. авт.*

правительство ||* Северо-Западное. Победило то течение, которое ответственно за политич[ескую] неудачу Деникина. Перспективы: 1) мир и эвакуация Крыма; 2) мир и сохранение Крыма; 3) соглашение с Махно и зелеными и продолжение борьбы, не без британской помощи (?) (с германской?).

Вечером заседание у *Нольде* по поводу созыв[аемого] съезда

Присутствовали: Нольде, Аджемов, Бурцев, Пасманик, Гучков, Савинков, Коновалов, Вырубов, Гронский, Федоров, Степанов, Демидов, я, Лианозов[886], Свечин, В.Д. Набоков, Рысс.

Под моим председательством.

Я изложил вкратце историю идеи о совещании, упомянул о неудаче плана Денисова и попытке Набокова, о новой попытке «Cause Commune»[887].

Пасманик просил меня изложить мои встречи с Деникиным.

Я исполнил его просьбу, потом дал слово Бурцеву для объяснения его плана.

Бурцев изложил план уже в смягченной форме, не упоминая о требовании республики и говоря лишь, что их программа – их «паспорт», с которым они придут на совещание. Но, однако, упомянул, что выяснилась невозможность собрать сразу и правых, и левых.

Гронский и *Рысс* рассказали результаты своего посещения Руднева, который им сказал: «100 процентов вероятности нашего отказа, но мы не отказываемся от переговоров в будущем», – намекая на то, что посмотрят, что мы будем делать.

Пасманик отметил, что они уклончивы потому, что считают, что ближайшее будущее за ними (намекали даже, что кто-то к ним обращался с этим – из иностранцев).

Я подчеркиваю, что наше совещание случайное и что никто не должен вперед обижаться, если не оказался в его составе: это не должно закрывать возможности участия в будущих совещаниях. Затем подчеркиваю, что наша «цель – не создание какой-либо власти, более широкого фронта общественности и, м[ожет] б[ыть], постоянного представительства разных обществ[енных] групп. Соглашаюсь, что надо отсечь крайние фланги, но обращаю внимание Бурцева на неудобство его неопределенных намеков в передовице «Cause Commune».

Савинков заявляет, что я допустил ошибку, проведя черту между теми, кто хочет и кто не хочет бороться с большевиками. Черта проходит уже там, где начинается спор: *вооруженная* борьба или иные

---

* параллельно.

формы. Он уверен, что на почве вооруж[енной] борьбы левых не получим. Съезд, который мы зазываем, м[ожет] б[ыть] опасен, ибо послужит толчком к созыву контрсъезда, который будет иметь право называть себя «демократическим». Около нас соберутся только «цензовые» элементы. Гораздо лучше путь сговора отдельных групп.

Гучков выражает сомнение в удаче съезда, т. к. на съезде выйдут наружу разные разногласия. Тоже предпочитает отдельные разговоры. Боится, что многие отдельные влиятельные лица не войдут, и съезд будет или неавторитетным, или, в случае их присутствия, не объединен.

Я отвечаю обоим. Я намеренно провел грань левее, ибо вооруж[енная] борьба висит на волоске и другие формы борьбы должны быть обсуждены и намечены. От нас зависит сделать съезд «демократическим». При этом условии нечего бояться контрсъезда. Я даже буду очень рад, если мы и им дадим толчок к кристаллизации. Это лучше, чем песок, из которого ничего не сделаешь. Привожу пример образования трех организаций в центре Р[оссии] и на юге, не совместимых между собой, но заключавших посреднич[еские] элементы и сумевших сговариваться между собой, *как организации*, когда это понадобилось.

Другие ораторы стоят за необходимость съезда и за его скорейший созыв. На необходимости спешить настаивает Бурцев.

Резюмируя, я предлагаю избрать подготовительную комиссию для предварительных переговоров и поручить ей: 1) обсуждение общих положений платформы и 2) выяснение состава съезда; 3) созыв, через две недели, следующего заседания в пополненном, по ее усмотрению, составе.

Тут же *к. д.* приглашаются на особое совещание завтра у Коновалова.

23 апреля

У А.И. Коновалова

(К. д. совещание)

А.И. Коновалов, Д.С. Пасманик, М.М. Федоров, В.Д. Набоков, А.А. Свечин, П.Я. Рысс, И.П. Демидов, В.А. Степанов, П.Н. Милюков, Л.Е. Эльяшев[888], [Б.Э.] Нольде.

Степанов предлагает заняться вопросом, *как* помочь Добровольческой армии.

Демидов. Просит обсудить польский вопрос.

Рысс. Присоединяется к Степанову: мы вместе с Добр[овольческой] армией потерпели крах, к[ото]р[ый] есть крах и к. д. партии. Там *была* политика: разберем ее.

Пасманик. Прежде всего, практич[еский] вопрос. Мы, 8—10 ч[еловe]к, не можем решить все болезненные и тяжелые вопросы. Вопрос о поддержке *тепер[ешней]* Добр[овольческой] армии, при полной невыясненности политики Врангеля, взаимоотнош[ений] с Деникиным. Надо поставить вопрос о съезде к. д. партии. Подготовить доклады и там решать вопросы. В Крыму б[ыл] частичный съезд, Екатерин[одарский], Харьков[ский] — и что исходило от партии. Д[олжно] сегодня выяснить вопрос об общем съезде: всех, кого можно достать. Не перетряхивать прошлого.

М.М. Федоров. Вопрос Степанова — частный; надо поставить шире. Объединение и группировка для продолжения борьбы необходимы. Большевизм кончается: кто получит наследие? Какие задачи организации — вопрос последующий. Партия рассыпана; ее, как партии, не существует. Трудно делать оценку произведенного разными изолированными группами. Правда, на основании ошибок прошлого, м[ожет] б[ыть] неотвратимых, надо установить программу будущего.

Степанов. Моя тема, б[ыть] м[ожет], частная, но она — *спешная*. Державы согласия собираются сговариваться с большевиками; я думаю, убедятся, что ничего не выйдет; но возможность существует. Важно выиграть время, когда изменится отнош[ение] Антанты, чтобы сохранить островок России и остаток трехцветного знамени. Врангелю надо помогать авторитетом Деникина и засыпать пропасть.

Набоков. Поддерживает Степанова: на частном вопросе можно обсудить и общее. Можно формулировать общее: методы и способы дальнейшей борьбы с большевиками. Но можно приурочить к этому.

Решено 7-ю голосами против 3-х приступить к обсуждению вопроса Степанова.

Степанов. В К[онстантино]поле возникла мысль о совещании, ч[то]б[ы] уяснить положение вещей и дальнейшее. Мой вопрос — совсем другое. Нас объединяет сознание, что борьбу надо продолжать. Пока военная борьба продолжается, надо поддерживать до конца: м[ожет] б[ыть] и приведет к благоприятному концу. Если *вся* Россия обратится в Совдепию, тогда м[ожно] приступить к обсуждению, как действовать — м[ожет] б[ыть] *извнутри*. Теперь мы д[олжны] продолжать старое.

Эльяшев. Спрашивает, что представляет из себя Врангель.

Степанов личности не знает, В[рангель] должен продолжать дело Деникина. Пока не переговарив[ается] с большевиками, остальное — второстепенное.

Нольде. Очевидно, совершился перелом. Другие группы.

Степанов. Никаких других групп нет.

Нольде настаивает, что внутр[енние] разногласия.

Степанов. Полит[ические] и общ[ественные] силы около Деникина еще в последние недели отошли в сторону и заменены другими, отн[осительно] которых мы и Нац[иональный] ц[ентр] решили в Новоросс[ийске] не мешать.

Демидов. Хотя работал в Добров[ольческой] армии, но 20 месяцев провел в Киеве. Начало и конец – небо и земля. В нач[але] сентября 1919 [г.] (впеч[атления] в Киеве) произошел в Д[обровольческой] армии процесс: даже ответственные – ген[ерал] Бредов, к[ото]р[ый] стоял на первоначал[ьной] позиции, начинали чувствовать изменение психологии. Бредов мне г[ово]рил, что настр[оение] офицерства другое, чем у него. В Ростове (начало сентября) по отдельным фразам чувствовалось, что то же сознавалось и Деникиным. «Что я д[олжен] делать, когда у меня на правой ноге – правая гиря, а на левой – левая?». Раздвоение сверху донизу, фатальное в смысле активности гражданского строительства. Теперь г[ово]рят: виноваты Федоров и Астров, кадеты есть Особое совещание. Кто именно? 23 человека, 4 кадета. А обвинение [–] просто. Ответственность на плечах партии, а выполнение – в руках другой половины. У меня связи по Киеву с правыми. Все прогрессивное, энергичное стремилось на Дон; а заботившиеся о привилегиях – скопились в Киеве – под гетманом. Это – заклятые враги Добрармии. Я выдержал 6 заседаний против 8 представит[елей] Д[обровольческой] армии, формир[овавшейся] при участии германцев. 7 армий – 7 голосов, Добров[ольческая армия] – 1 голос (перед вхождением Петлюры). Отказ признать главенство Алексеева. «Мы выберем»: намечался Долгорукий, германофил. Заседания под председат[ельством] Добрармии. Прерваны приходом Петлюры. Послед[ний] день решили устроить сецессию* офицеров. Утром собрались, Голицын, Пиленко, я, ген[ерал] Ламновский[889], представ[итель] Д[обровольческой] а[рмии]. Ген[ерал] Ламн[овский] потребовал сдачи командования Долгорукова. Все отказались, но офицеры попали в руки Петлюры. Из Киева в Одессу, из Од[ессы] – в Добр[овольческую] армию – все ее враги. Деникин хотел объединить *всех*. Но когда нахлынула волна врагов, к[ото]р[ые] смотрели как на почет[ную] грамоту, Деникин незаметно сам начал передвигаться вправо. У самого Д[еникина] появилась боязнь, что его будут упрекать, что им руководит Нац[иональный] центр. Ден[икин] сам просил: не говорите, что я с вами говорил. Создалось положение безво-

* сецессия (лат.) – отделение, уход.

лия и бездействия: он достиг не единства, а нейтрализации сил. Маслов с Федор[овым] и с Астр[овым] г[ово]рили: нужно друг другу уступить: кто берет ответственность, пусть берет и власть. Но что – Носович, Чебышев – при них Гронский (в деп[артаменте] самоупр[авления]) и Похвиснев – *все админ[истративные] назначения*, враг Нац[ионального] центра. Отн[осительно] Деникина? – я сужу по одному факту. В посл[едние] дни, когда мы ждали пароходов в Новороссийск, Лукомский, представит[ель] правого течения, продолжал представлять упраздненное Особое совещание. Он спросил: кого назначить по сношениям? Решено ставить не по партии: Кривошеина. (Это было еще в Ростове.) Деникин принял как личное оскорбление: «подсунули!» А Врангель зовет Кривошеина в Крым. Струве – последнее свидание с Деникиным – очень холодное. Д[еникин] саркастически разговаривал. А Врангель первое – призывает Струве.

Вернусь назад. Если в тылу – борьба правого и левого течений, причем разделились и к. д. и не к. д. – то в армии следующее: по мере побед армия правела с кажд[ым] днем. Каждый нисходящий правее предыдущего. Почему д[олжен] б[ыл] уйти Ден[икин]? П[отому] ч[то] армия ушла от Ден[икина]. Мировоззрение Добра[рмии] диаметр[ально] противопол[ожно] вождю. Нечего скрывать: чем сильнее Д[обровольческая] а[рмия], тем чувство мести становилось более преобладающим. Люди дальновидные г[ово]рили: местью ничего не создадите. Отвечали: это г[ово]рят тыловые; а мы – *голые*, раздетые, разутые. Я знаю молод[ых] людей, по воспитанию сам[ых] гуманных, к[ото]рые возвращались полуозверелые (сын Е. Трусецкого: запороть, расстрелять). Чувство оскорбления от большевиков падало на все, что встречала армия + явления грабежа. Ден[икин] перестал быть вождем. А Врангель д[олжен] б[ыл] прийти: что говорилось, создавало из Вранг[еля] *психологического вождя*. Что создавало эту репутацию? 1) правая полит[ическая] физиономия, 2) слава – герман[ская] ориентация + 3) талантлив[ый] военн[ый] генерал, со способн[остью] воздейств[овать] на массы и не оторв[авшийся] от армии, 4) умеет создать популярность.

Я м[огу] сказать *подлинн[ые] слова Врангеля: «Крым безнадежен*; надо поставить крест». Это в К[онстантино]поле, *до* его назначения, за день до призыва Деникиным. Его план был – идти в Сербию. Он сказал мне такое: мне нечего делать. Меня стараются сделать германофил[ом]. Это – чепуха. Я за Россию – с чертом; предпочитал бы содруж[ество] со слав[янскими] народами и союзниками. А отн[осительно] герм[анской] ориентации – со мной в Киеве, во время занятия германцами. Он пришел ко мне: пытаться и при по-

мощи герм[анцев] создать военную силу. Врангель доказывал, что нужно; я доказывал, что нет. Вр[ангель] скоро уехал (в Крым — *Пасм[аник]*).

Если подвести итог: 1) гибель Добр[овольческой] ар[мии] предрешена в момент, когда нахлынули из Киева и Одессы. Соверш[енно] чуждый элемент влился. 2) Такое же раздвоение тыла и правит[ельственного] механизма: результ[ат] — безволие, конкуренция, тормоз.

Федоров. Многое правильно. Но вопрос сложнее. Многого не коснулся. Основная мысль: одна из *главных* причин, что армию облепило темное офицерство — не то, правые или левые. *Первонач[альное] ядро*: шли, жертвуя собой, для спасения России. *Они* совершили Ледяной поход[890], одерж[али] блестящ[ие] победы, 10 против 100—300. Теперь наблюдали обратное явление — бегство офицеров. Демид[ов] прав и в том, что на Дон пошли те, кто прятались и скрывались по ресторанам. Дни вышли, когда предстояли победы без потерь. Офицеры почти не несли потерь. Уже до пад[ения] Одессы, Крыма начали притекать сомнит[ельные] элементы, и помещ[ичья] среда (Свечин, Степ[анов], Рысс, Гронский), к[ото]р[ая] желала отстаивать классов[ые] интересы. Они проводили раньше в жизнь законополож[ения]. Решение аграрного вопроса — вопреки идеям к. д. и тому, что написано в декларации Деник[ина]. Ден[икин] принял мнение 4-х против всех. Больш[инство] перешло, когда Ден[икин] не уступил. Потом приступили к разраб[отке] — и все дело испорчено. Драгомирову реком[ендован] Колокольцов. Мной б[ыло] заявлено: ни в каком случае недопустимо, ч[то]б[ы] вошел *в состав* Особ[ого] совещ[ания], ибо с ним связана вся зем[ельная] реформа Украины: положит печать. Но большинство, против 4-х к. д. и Бернацкого, решили ввести Колокольцова. Я лично докладывал Деникину, но он утвердил. Затем Колокол[ьцов] создал комиссию из состава, ему подходящего, не считаясь с нами. Особ[ое] совещ[ание] т[олько] делегировало меня и Астрова (мы рекоменд[овали] Ковалевского) — все остальные, кроме 7—8, б[ыли] колокольцовские. Глав[ный] руководит[ель] Савич.

За кулисами А.В. Кривошеин, к[ото]р[ый] высмеивал нашу программу (с принуд[ительным] отчужд[ением] и поряд[ком] отчужд[ения]). Начались внес[ения] отдельных проектов. Глав[ный] работник Билимович[891], направлял Савич, к[ото]рому непонятно отнятие земли у помещика. Мы предупреждали, что если не б[удут] уступки, помещики все потеряют. Когда произошли события, Савич признал, что мы были правы, тоже и Кривошеин «готов отдать 10 раз

всю землю». Основная причина – *эта*. Армия, в порыве, шла вперед. Деникину б[ыло] необходимо захватить каменноугольный и хлебный регион. Все доставалось легко: оставалось т[олько] расширять зону, не встречая сопротивления. Он *мог* дойти до Москвы. Остановка движения – *тогда*, когда начин[алось] Махновское движение, построенное исключ[ительно] на перемене настроения крестьянства. Встречались с хлебом-солью, колок[ольным] звоном, а через неделю картина менялась. Записывались добровольно – и бежали в «зеленую» армию. Население убедилось, что деник[инский] приказ – *«обман»* (Колокольцов разослал законоположения, даже не сказав). Вышел тут закон о $^1/_3$ урожая, прот[ив] к[ото]р[ого] Деникин г[ово]рил, что сделана ошибка. Небольш[ой] Махнов[ский] отряд рос, по мере того, как двигался; использов[ал] отношения крест[ьян] к деник[инской] аграр[ной] реформе и *к городам*. Начали подходить к Таганрогу, захватив Мариуполь, – Деник[ин] д[олжен] б[ыл] снять войска с основной линии. Тогда Троцкий издал приказ (после заседания в М[оскве], где рассказал положение Добр[овольческой] армии и то, что у нас разложение больше, чем у них – предложил снять 40 000 с Колчак[овского] и Пол[ьского] фронтов, о наступлении по всему фронту. Упоминал, что *главн[ые] союзники на юге – правые группы:* надо их поддерживать в Добрармии (доложено в заседании Ос[обого] совещания). На фронте, когда почувств[овали] опасность, начало действовать чувство самосохранения. 1) Казачество грабило и прежде; 2) грабили и пришедшие позднее офицеры и 3) плохое снабжение. Деникин никому не верит, но больше довер[яет] военным, к[ото]р[ые] занимают первую роль. Вместе с плохими офиц[ерами] шли и плохие генералы, занявшие места по снабжению, распред[елению] сумм; громадн[ые] деньги, ассигнов[анные] Добр[овольческой] армии, доходившие до десятков миллиардов, *не доходили и не попадали*. Армия б[ыла] в меньшем составе, чем считалось на довольствии (до 700 000). Склады доставались махновцам. Министерство продовольствия подчинено «снабжению» – военным. Гражд[анские] чины связаны по рукам и по ногам военными. Мы неоднократно убеждали Деникина, но он считал, что время – военное. Труден первый шаг: потом люди вошли во вкус. Пример дали казаки. Шкуро, Мамонтов[892] – наши части. Шкуро рассказывал: без конца обозы. «Грузия» идет (груженые вагоны). Когда настал момент (мы все узнали в последнее время – о казачьих грабежах, раньше мы постоянно г[ово]рили, и Ден[икин] сказал: я не могу повесить Шкуро, должен терпеть, офиц[иальные] доклады) – ослабл[ение] фронта, офицеры бросились спасать

свои вагоны. *Инстинкт сохранения добра* – последний удар. Тоненькая полоска героев гибла, а из тылов бежали, дезорганизуя все движение.

Управление: тоже ужасную роль сыграло течение Особ[ого] совещания – в генерал[ьских] руках. Все попытки доказать Деник[ину], что во главе д[олжен] б[ыть] гражданский, не привели ни к чему. Мы стали добиваться назначения мин[истра] внутр[енних] дел, к[ото]р[ый] бы установил связь с населением. Сразу встретили противодействие. Доказывали, что назначение Пильца – *вызов*, старые мехи; Деникин предлож[ил] выбрать, мы предложили Чебышева. Но Драгомир[ов] потреб[овал] *Пильца* в помощники, и Пильц поработил Чебышева. Когда мы заметили, что восстанов[ление] стар[ого] порядка, стража из самых отрицат[ельных] элементов (на это шли миллиарды) – всегда переходили к большевикам и махновцам. Когда Ден[икин] након[ец] увидал, назначил, опять *по нашей реком[ендации]*, Носовича, но при нем Похвиснев (и Гронский).

Послед[ний] удар – приказ *об эвакуации*. Когда б[ыло] доложено (тотчас по остав[лении] Харькова) Деникиным в Особ[ом] совещании, что м[инистр] и[ностранных] д[ел] Нератов снесся с англичанами об обеспечении эвакуации, мы были поражены: это начало конца! Деник[ин] объяснял, что это б[ыл] совет Врангеля, к[ото]рого он обвинял за это. Офицеры решили, что все кончено. Началась эвакуация жен, детей и стариков, раненых и больн[ых], и по всей линии – стрем[ление] попасть в эвакуацию и требов[ание] – вывозить офицеров. Тогда началось отступл[ение] в Киеве, Одессе.

Друг[ой] вопрос: добров[ольческий] корпус, тоже связан с Врангелем. Во главе части – часто негодные люди. Ден[икин] не умел выбирать людей и упорно держался. Боровский в Крыму, Май-Маевский в Харькове. Общ[ественный] голос требов[ал] смены и назначения Врангеля. Вр[ангель] посмотрел, увидал, что дело плохо, сменил Мамонтова, заменил Улагаем[893]. Это произвело отпор донцов: они стали треб[овать] немедл[енной] смены Врангеля или восстановл[ения] Мамонтова. Дон[ская] армия грозила отойти. Был созван военн[ый] совет, на к[ото]р[ом] Врангель доложил, что не может отстоять этот район и снял с себя ответственность; доложил, что Кубан[ские] части разбиты, устали, надо разрешить отход (эти части проходили Ростов). Деник[ин] в этом увидал тоже отнош[ение] к нему Врангеля. Воанг[ель] требовал отвода на Крым; Деник[ин] заявил, что не м[ожет] разорвать с казаками, ибо погубил бы буржуазию и предал бы каз[ацкую] область большевикам.

Отнош[ение] к Врангелю – присоед[иняюсь] к Степанову. Пока не имеем точных данных, что Врангель согласился с большевиками

и немцами – в аграр[ном] вопросе произошел перелом – мы д[олжны] поддерживать Добрармию. Деникин, к[ото]р[ый] имеет право больше нас обвинять Врангеля, советовал и нам и П.Н. [Милюкову] «не мешать». Если начнем открещиваться...

Свечин. Наблюдал со стороны: согласен с Демид[овым] и Федоровым. Это все – из жизни. Киевские собрались еще в Крыму. Люди шли, где их имения, и с целью – мстить. Озлобление такое, что хорошие люди стали неузнаваемы. «Пускай покричат». На фронте у нас хорошо; в тылу у вас «кадеты» и виноват Романовский, самый левый. В Ростове г[ово]рили другое: да, к. д. *как бы* у власти, но их стараются устранить. Пленные большевики отвечают: шли бить «кадетов», а кадеты – это генералы. Г[ово]рили офицеры: надо нажить 300–400 тысяч. У всех генер[алов] в тылу, служивш[их] у большевиков, рыльце в пуху. Врангель имеет +: ненавидит грабеж, поэтому был против Шкуро. Я написал записку Струве, где доказ[ывал] необх[одимость], чтобы г[осуда]рство взяло на себя все расчеты. Струве сказал: может быть *потом*, если не удастся, *придется* прибегнуть. Помощь с нашей стороны, кто не хочет, не уместна; но и мы – спать не надо.

Нам надо бороться с большевиками новыми средствами. Пусть Врангель будет «лайкой», к[ото]р[ая] треплет медведя за ноги. Красные держатся тем, что воюют. Не давать здесь признавать большевиков, помогать разложению большевиков. Не идем, где мы не прошены.

Степанов. Одно дополнение. Офицеры, к[ото]р[ые] с салфет[ками] в Киеве услужали, изменили дух Добр[овольческой] армии. Но *неверно*, что этот элемент изменил *политич[еский]* характер. Они ответственных постов не занимали. Бездарности – товарищи по Ледяному походу – проваливали дело. Деник[ин] остался каким был, и настр[оение] Добр[овольческой] армии не изменилось от притока. О Добр[овольческой] армии мы можем т[олько] гадать. Сам[ые] отврат[ительные] элементы офицерства – остались. Офицеры на наш[их] глазах уходили к «зеленым». Многие офицеры остались для этого в Новороссийске. Воронович в Сочи один из таких. Казаки отказались эвакуироваться, пошли по Черномор[скому] берегу.

Личный состав в Крыму теперь *выше*: *худшие* элем[енты] отфильтровались или уехали за границу.

Борьба правых и левых в Особ[ом] совещ[ании] не была под влиянием наплыва. В снабжении – все *генералы* первоначальные. Офицерство – *было*.

Эвакуация: была решена эв[акуация] Ростова, но ч[то]б[ы] ставка и Ос[обое] сов[ещание] б[ыли] переведены, Врангель перенес

в Ростов. Фед[оров] прав, что это имело отриц[ательное] значение, но Рангн[ель] треб[овал] *очищ[ения] Ростова* для перенес[ения] штаба.

Рысс. С *августа* Добров[ольческая] армия преврат[илась] в народ[ную] армию *по набору*. Я видел в Мелитоп[оле], что производили офицеры с населением. Луком[ский] отнесся равнодушно: мало ли, что пороли мужика. Давай 200 пуд[ов] – рублей 50. Хочешь полтинник? – Помилуйте. – Разговаривать! Штаны с него.

Надо не забывать, что за два года мужик изменился: читает газеты, моется мылом. А в Добрармии такое отнош[ение]: армия *должна* идти к Москве, а почему, не говорят. Образовались *два* лагеря: офицерство и огромная масса.

Но надо поговорить и о себе.

(Отлагаем *до завтра*.)

Федоров. Разъясняли армии, но офицеры действовали наоборот.

Рысс, Гронский, Пасманик, Эльяшев, Демидов, Степанов, Семенов[894], Аджемов, Федоров, Нольде, Пасманик*, Рысс, Свечин.

24 апреля

У А.И. Коновалова.

(Продолжение заседания)

Рысс (продолжает). Добр[овольческая] армия нач[ала] разлагаться с мом[ента] успеха. Превратилась в народную, но ей не говорили, *за что* они д[олжны] сражаться.

Началась борьба. В Д[обровольческой] а[рмии] много течений: *правые* усиливались, другие *правели*. Элементы левее нас (плехановцы, С[оюз] возр[ождения России]) *уходили влево*. Центра политич[еского] не было. Дело б[ыло] обречено на гибель.

Но что *мы* делали? М[ожет] б[ыть] и мы *субъективно* виноваты в этом «объективном» ходе истории. Разобрать надо, ч[то]б[ы] избежать ошибок, погубивш[их] Д[обровольческую] армию. «Группа членов ЦК» решала: надо возродить Россию, все равно, какими путями. «Но у нас есть программа». Во имя родины. Ряд фактов.

1. После успехов армии (за Орлом) возникла идея конференции, к[ото]рая состоялась в Харькове. «Группа членов ЦК» была *правым* крылом. Делегаты – левое. Большинство – на стороне «группы». Всего 24–27.

Распря нас разделила и если не разошлись, то вслед[ствие] особ[ого] момента. *Левая* требовала защиты программы Деникина. *Пра-*

---

* Упоминается вторично.

вая – безусловной защиты «национальной диктатуры». Мы считали такую «диктат[уру]» неско л[ьких] человек – *отклонением от декларации* Деникина.

Мы: Добр[овольческая] армия д[олжна] созвать Учред[ительное] собр[ание].

1) *Правая* предложила устранить *термин*: «мы знаем, что такое Учред[ительное] собр[ание]». Мы отвечали: «мы отталкив[аем] левых и лишаем[ся] лозунга».

Заменено термином «представит[ельное] собрание».

2) Политика относ[ительно] *национальностей.*

О *еврейск[ом]* вопросе – небывалые речи (*Каяндер*[895]: если вырвите дух вражды к евреям, Добр[овольческая] а[рмия] погибнет). *Степанов* отрицает.

В *украинск[ом]* вопросе мы считали глуб[окой] ошибкой, что терм[ин] Украина б[ыл] заменен «Малороссией» в заяв[лении] Деникина после оккупации. Оказалось, что и наши товарищи придерживались той же точки зрения. Вернадский и Василенко встречены почти как изменники (*Степ[анов]*: не по этому).

3) По вопросу о *самоупр[авлении]*: постоянные споры. Статья *Вернадского* в «Дон[ской] речи»[896] с умер[енным] треб[ованием] совещат[ельного] органа при губернаторе. В «Своб[одной] речи»[897] ряд резких статей.

4) Устранялось обсуждение земельной реформы. Когда левые заявили, что без реформы нельзя, нам сказали, что этого не надо и заменили «реформу» «политикой», для обсужд[ения] которой не оказалось времени.

5) Наши товар[ищи], не справляясь с прав[ыми] товарищами, прислали циркуляр Нац[ионального] центра, приказавший блокироваться т[олько] с правыми. В Харькове Нац[иональный] ц[ентр] постановил *за* Комит[ет] блокир[оваться] с правыми, что заставило Н.Н. Ковалевского разбить голоса. Мы провели Бич-Лубенского и других черных. Мы протестовали: Тесленко[898] «ходатай» объяснил, почему партия трансформировалась в Нац[иональный] центр. Мы отбросили Союз возрожд[ения].

Принимал во вним[ание], что «группа» не сносилась с обл астн[ыми] центрами.

Предложили, ч[то]б[ы] члены партии в правительстве не *б[ыли] ответственны* перед партией, ибо невозможно в критич[еское] время считаться с партией. Но как создавали родину. В Ростове не желали создавать путем соединения всех частей. Пусть Степанов рас-

скажет, [как шли] переговоры с казаками. Финал: когда отступали казаки, как грабители, это было т[олько] *отчасти* верно. Они у Луганска не хотели драться, п[отому] ч[то] был смещен Мамонтов. Конница Мам[онтова] отошла и образов[алась] брешь. По мере отступления — стали возрастать требования. Как д[олжны] б[ыли] действовать к. д. *на местах*? Не считались с «группой» и делали *свою* политику: соверш[енно] иную (Екатериносл[ав], Харьков, Тавр[ическая] губ[ерния]). Как в будущем? Добр[овольческая] армия *не существует*. Нужна армия *народная*, к[ото]р[ая] д[олжна] иметь *программу*. Нельзя г[ово]рить, что мы против восстановл[ения] родины. Надо спросить, *можно ли*? Мое и других к. д. мнение, что военная борьба вряд ли возможна. Офицеры никуда не годны, пропились. Солдаты дезертируют. Поддержат ли Врангеля? Теоретич[ески] нельзя ответить? Надо справиться, поддерживает ли Ден[икин] свою декларацию. Не предрешая вопроса, спросим: на какой программе м[ожно] поддерживать.

Гронский. 3 вопроса: 1) На юге, 2) Врангель и 3) Что *нам* делать?

На юге. Отнош[ение] разное разных к. д. кругов и разные изложения. Надо ли было поддерживать Деник[ина], входить в состав и не надо ли было покинуть? Входить — признано конференциями необходимым: *партийн[ый] долг*. Это и меня побудило. — Покинуть? — Я отвечаю: ни в коем случае. Это было бы преступлением. Раз власть Деник[ина] признана, как с участием к. д., пока *коллектив* не решил покинуть, *формально* уход неправилен. Но он неправилен и *по существу*. Надо б[ыло] оставаться, пока шла борьба. Были случаи наруш[ения] дисципл[ины], голосов против всеобщ[его] права, в аграр[ном] вопросе, но это — исключения. Глубоким злом было арифметич[еское] расслоение: всегда 3 и 3, 5 и 5, 9 и 9. Правые [к. д.] хотели бросаться в объятия правые: лидер Новгородцев, практич[еский] исполнитель Тесленко. Теперь: Врангель. Для меня решено. *Я Врангелю служить не буду*. Он враг родины. Он руковод[итель] черносот[енного] направления. Человек прошлого века. Ни один кадет не д[олжен] участвовать ни прямо, ни закулисно. Систематич[еская] политика травли к. д. на юге имела источником людей, к[ото]рые у Врангеля. Струве — наибольш[ий] к. д. ненавистник. К. д. — не по дороге. *Но не следует мешать*, не выступать с протестом. Пусть $^1/_{10}$%, что Врангелю что-то удастся, надо не препятствовать этой возможности.

Что нам делать? Nascetur ridiculus mus*. Но одно правильно: собрать силы, сделать смотр, согласовать, выяснить положение. Дальше нельзя так находиться. Иначе, надо уехать: здесь нельзя работать, можно т[олько] задохнуться. Глыба безразличия: надо расшевелить. *Надо звать всех* на съезд, зная, что многие не придут. Я не знаю, продолжать ли вооруж[енную] борьбу. Больш[евизм] *сам себя* изжить не может. Мне всегда представлялось, что легче всего – свалить военным порядком. Но и внешние и внутр[енние] обстоятельства настол[ько] сложны, что надо продумать: м[ожет] б[ыть] *нельзя создать* этой силы.

Необх[одимо] для организации обществ[енного] к. д. мнения в Париже *создать к. д. группу* (и в Лондоне и Берлине).

Пасманик. Абсолютно нового я не слыхал. Картина ясна: in petto** мы проделали это в Крыму. Офицерство грызло к. д., а с приближением] большев[иков] *не могли отбить*. Вчера не докладывали о *грозном* явлении: ужас[ных] *еврейск[их] погромах*. Затронута честь партии. Произошло нечто ужасающее. Если Деник[инская] армия *только не превзошла* Петлюровскую, то это плохо. К.Н. Соколов во главе Мин[истерства] пропаганды. *Офиц[иальные]* документы превосходят времена Плеве[899]. Бывший сотрудник с. д. Валериан (проф[ессор] Ленский) рассылает погромные прокламации, легенды о собраниях в Киеве, статьи «Пытка страха». Люди близкие к нам, приехав из Киева, давали ужасные показания. Сокол[ов] г[ово]рил, не знаю, что делать. Меня назыв[али] «жидов[ским] батькой», а вы ругаете антисемитом. Я верю в будущее наше. Будет вооруж[енная] борьба. Но надо же считаться с мнением Европы. Я г[ово]рю не т[олько] как еврей, а как хороший к. д. Происшедшее в Харькове – грязное пятно на партии. Патриарх м[ожет] заставить русских не быть *большевиками*. Требую, ч[то]б[ы] мы что-то сказали. Я не могу сесть за один стол с Соколовым. Погромы помогали разложению Доб[овольческой] армии.

По существу. Картина ясна. Подробностей не нужно. Это – элементар[ное] явление. За создание *новой* России взялись *старые* люди. Лучшее офицерство погибло в начале, в Ледяном походе; часть – у большевиков. Остались люди старых привычек. Левые хотели заставить нас делать «грязное дело». *Не наша* вина. Мы шли навстречу. Набоков б[ыл] любимцем левых, а в конце в кажд[ом] номере его обливали грязью.

---

* Родится смешная мысль (лат.); употребляется, чтобы подчеркнуть малый результат, не оправдавший больших надежд, возлагавшихся на что-либо.

** в душе (итал.).

Я хорошо знаю Врангеля. После прихода герм[анцев] в Крыму Врангель (зять Иваненковых) приходит ко мне, при татар[ском] м[инистер]стве Сулькевича. «Меня приглаш[ают] на место *инспектора Крым[ских] войск».* Я отсоветовал: немцы нам не позволят это делать. — Но нам придется идти с немцами? — Но не начинать с занятия у них должности. Ваше место в Добр[овольческой] армии. Второе свидание — об аграрном вопросе. Когда я заявил, что надо считаться с фактом и отказаться от земли, он стал г[ово]рить, что это — гибель России, мы творцы культуры. Это — владельцы 40 000 десятин культур[ной] земли.

Потом в Екатеринодаре, по выздоровлении, критиковал Деникина: лево-правая политика. Кадеты — путаники; не м[огут] стать ни на ту, ни на другую сторону. Он под влиянием последнего визитера. Мы получили из К[онстантино]поля, что нам высылают политич[ескую] программу Врангеля. Я могу допустить, что В[рангель] объявит *левую* программу. Махновский принцип «вся земля крестьянам» принят им. *До* выяснения — никакой поддержки, *но* Врангель нужен с интернацион[альной] т[очки] зр[ения]. Тонкая линия преемственности. Если отказаться, то останется — признание большевиков. (Ростов занят Махно.) Мы не можем выступить против Врангеля; но у него будет *больше дисциплины.*

Защищать будем, если армия будет защищать опред[еленные] принципы.

Одними собеседованиями дела не сделаем. Надо созвать скорее съезд *всех к. д.* Работать одновременно и для созыва *общего* съезда. Вопрос П.Я. [Рысса]: признаем ли вооруж[енную] борьбу? Я не вижу, как покончить без вооруж[енной] борьбы. *Иначе анархия.* Воор[уженная] борьба есть принцип организации. Но до с[их] п[ор] мы *только* опирались на воор[уженную] борьбу. Другие организации *проникают* к большев[икам]. Мы этого не делали. Надо выработать дальнейш[ую] прогр[амму] борьбы другими средствами. Писать в газете — это ничего.

Эльяшев. Мы должны были пойти в правит[ельство]. Но не должны были оставаться. Послушание? Но это — не съезд. Никакой съезд не м[ожет] заставить меня творить *уголовное* [дело]. Там ничего не оставалось от к. д. А мы дали санкцию. Нашим штемпелем пользовались. *Вы нас вводили в заблуждение.* Я ручался, что погромов не будет. Говорили с Вильсоном о признании Деникина. *Вы не сдержали* обещания. Вы должны были уйти. Вы скомпрометировали к. д. Что г[ово]рят о к. д.? В Ницце — и Кривошеин «к. д.». Жизнь дает уроки.

Вы д[олжны] б[ыли] уйти после П.Н. Милюкова. Мы отдали себя на поругание. В Одессе с левыми *можно было* иметь сношения. *Вы* порвали своим постановлением Нац[ионального] центра. Мы придирались к фразам, ч[то]б[ы] разорвать, исполняя приказ Екатерин[одарского] съезда. Они все уступали. Я б[ыл] уверен, что вы совершили там что-то преступное. (Деникин нам это написал: *Набоков.*) Новгор[одцев] и Тесленко – злые гении Одессы. Если бы не они, Доб-р[овольческая] армия не была бы скомпрометирована. *Что делать*? Согласен с Гронским. Думаю, что вооруж[енная] борьба невозможна. Съезд нужен; возможен ли? Надо сделать все попытки. Но мы должны собраться сами. Пусть будет это совещание. Посмотрим, есть ли у нас еще общее. Письмо Н.Н. Щепкина[900]: «мы не признаем диктатуры Деникина».

Демидов. Кому «нам» делать? «К. д.»? *А существуют к. д.*? Это серьезный вопрос. Не буду касаться лиц. Но [есть] «группа ЦК» и что я там слышал? В ЦК правые были гор[аздо] сильнее. Кадетского ничего не осталось. Аграр[ный] вопрос развертывался тут. В ЦК г[ово]рили: «милые люди в 1905 г.: написали программу, сами *не веря*. Неужели теперь будем держаться?» 2) Вопрос областной поставлен П.И. Новгородцевым в такую плоскость, что Шульгин б[ыл] мальчишка и щенок. У *него* есть чувство «Южной России»: он чувствует ее своеобразие. У него вы созерцаете Р[оссию] освоб[ожденной] от централизма. А в ЦК Россия во много раз *более* централизована. 3) *Политич[еский] вопрос*: монархия *для меня* не играет роли. Но в ЦК вопрос о монархии – conditio sine qua non*. Не стоит говорить о какой-то республике. Под конец у меня б[ыло] ощущение, что мы люди разной психологии. Я не рискнул ехать в Харьков. Пусть это было малодушие. Я не считал себя вправе врезаться. Или молчать, или разойтись. Первым делом надо созвать съезд, ч[то]б[ы] решить, есть ли у нас что-нибудь. После 27 февр[аля] заседание Комитета Г[осуда]р[ственной] думы. – *Шидловский*[901]: признал, что *партия нар[одной] свободы б[ыла] права*. А мы собирались выбросить, как *хлам*. Борьба шла на законопроекты**. Билимович проводил мысль, что земля д[олжна] остаться за крестьянами, но нужно начать с признания за помещиками и *свободной продажи* (2 года). Всякий помещ[ик] продаст, но куда? Я по Украине знаю один процесс: за революцию стала

---

* непременное условие (лат.).
** Так в тексте.

национ[альная] сторона: *уход земли на иностр[анный] рынок*. Германцы так оценивали, что ни одной фразы о национ[альной] стороне герм[анская] цензура не пропустила в «Р[усском] голосе». Правая часть ЦК *не шла* за ними в агр[арном] вопросе.

Врангель. 1) Время такое, когда честному ч[елове]ку трудно разобраться. Деник[ин] по-честности проиграл. М[ожет] б[ыть] и к. д. проигрывают поэтому. Теперь необходимо быть гибким и не стесняться изв[естными] поступками. Вранг[ель –] челов[ек] очень широкой амплитуды. Он – не мелкий ч[елове]к, а с громадным <1 нрзбр.>. Возм[ожно], что повернет. Но *мы неприемлемы*: или левые, или правые. Сейчас *не наше время*, ч[то]б[ы] мог с нами работать. *Мы там не нужны*: ненавистны и слева, и справа. По перв[ым] шагам пошел вправо, хотя призвал Кривошеина, к[ото]р[ый] *в К[онстантино]поле* переменил мнение на агр[арный] вопр[ос]. Но нам – *много делать*. Мы забыли Россию, забыли «большевистию». Мы д[олжны] туда идти: не персонально. Мы не д[олжны] стать эмигрантами. Не опираясь на Россию, здесь ничего не сможем делать. Ч[то]б[ы] из пыли, к[ото]р[ая] вынесена сюда ветром революции, создать монолит, надо идти в Р[оссию] для информации и п[отому] ч[то] там очень много наших людей. Работа громадная. Но нужны средства. Надо помнить, что 10 000 франков там – миллионы.

Продолж[ать] ли вооруж[енную] борьбу? Конечно, надо искать и друг[ие] пути. Но *без* вооруж[енной] борьбы я себе не представляю. Сначала узнаем, мож[ет] ли быть *внутр[енний]* взрыв. Существов[ание] Врангеля факт первостепенной важности. Это – преемственность госуд[арственной] власти. Дальн[ий] Восток, Польша: ни перед чем нельзя останавливаться. *Нужен плацдарм*. Иначе, мы останемся пылью, чем дальше, тем мертвеннее. Тогда придут другие; наше дело кончено.

Степанов. Необходимо верн[уться] к прошлому, но не сейчас. Характер[истика] «группы» неверна и треб[ует] фактич[еского] опровержения.

Практич[еские] вопросы: Врангель и что *нам* делать. По последн[ему] вопросу согласен с Демидовым. Врангель – не м[ожет] стать на т[очку] зр[ения] Гронского: не надо поддерживать, но не мешать. Врангель все, что осталось от небольшевистской России. Это и вооруж[енная] сила. Плацдарм *есть*. У Гронского *перестраховка*, выжидание. *Или* Вранг[ель] и Крым – преемственность: тогда надо поддерживать всячески, *независ[имо] от платформы*. Два условия: соглаш[ение] с большевиками – *реально*. Если верно, то, конечно,

никаких разговоров. С немцами? Не знаю, что и делать. Если даже объявить к. д. госуд[арственными] преступниками, все-таки д[олжны] сделать все. Предлагать услуги, работать вместе – вызыв[ает] правильные возражения. Если можем ч[то-]н[ибудь] сделать, обязаны.

При всех этих оговорках, – я расцениваю *факты иначе*. Ранг[ель] не маленький ч[елове]к, а крупная личность в отн[ошении] волевом, и *самый* выдающийся военачальник, *не потерявший связи* с армией. Каждый знал его в лицо. Такой генер[ал] б[ыл] *один*: связь б[ыла] потеряна, начиная с Деникина. Он не появл[ялся] на фронте. *Мистика*: сопутствует удача. *Честный* человек. Велич[айшая] трагедия – расхождение с Деникиным. Кровно друг друга оскорбили – по недоразумению. Деник[ин] убежден, что давний враг. Никакого комплота* Врангеля; но есть кампания Деникина (<1 нрзбр.> и в ней участвовал – за Врангеля – Соколов): я знаю телеграмму крым[ских] кадет, ч[то]б[ы] он бросил остракизм. Это б[ыл] крик юга России, Союза возрождения, Особ[ого] совещ[ания] в полном составе, от Астрова до Струве и Кривошеина – в Новороссийске – отправлена депутация четырех. Отнош[ение] Врангеля: ему часто *предлагали произвести переворот*. Он всегда отказывался. Я поехал в Одессу после комиссии, постановившей перенести центр в Новороссию. Я предложил Шиллингу Врангеля в помощники. Он г[ово]рит: «Не пойдет». – Пойдет.– Он послал телеграмму. Врангель согласился; назначение состоялось. Когда он поехал (Одесса пала), телегр[амма] из ставки: место помощника Шиллинга упраздняется. Крымское восстание – против генерал[ьских] совдепов. Орлов наступал на Ялту, против него Покровский, к[ото]рого войска перешли к Орлову. Он объявил, что не против Деник[ина], а против злоупотр[еблений]. Приглашал стать под нач[ало] Врангеля. Врангель ответил воззванием, призывав[авшим] к подчинению Деникину. Обращение Ненюкова и Бубнова с просьбой взять власть – просьба, чтобы Шиллинг *сам* отказался – он согласился, телеграфировал Деникину содержание разговора; это б[ыло] понято, как интрига Врангеля, и все трое – Вр[ангель], Нен[юков], Буб[нов][902] – *уволены в отставку*. Телегр[амма]: «Назнач[ение] Вран[геля] признано недопустимым: Лукомскому поручено быть посредником». Он б[ыл] *тоже уволен*. После падения Екатеринодара – опять предложение Врангелю взять власть, – и новый отказ. Отн[осительно] аграрн[ого] вопроса и немцев – прежде Врангель, м[ожет] б[ыть], был грешен. Но *теперь*, в Новоросс[ий-

---

* комплот (от франц. complot) – заговор.

ске], *я с ним* спорил: *я придаю меньше* значения агр[арному] вопросу, чем я*, который нахожу, что кад[етская] прогр[амма] недостаточна. Среди недостойн[ых] приемов борьбы и этот был пущен: «против назнач[ения] будут союзники». Это было неверно: как раз наоборот. Хольмен горячо рекомендовал Д[еники]ну – не швыряться талантливыми людьми и дать Врангелю ответств[енный] пост в Крыму, Деникин ответил резкой просьбой не вмешиваться не в свое дело. Что же делать? *Даже* в худшем случае должно все сделать. Полож[ение] в Крыму очень тяжелое. У него – лучшая часть армии, но небольшая. Было эвакуир[овано] 35 000 *на довольствие*, но 10–15 тыс., м[ожет] б[ыть], есть. Но с ее снабжением они *не м[огли] продолжать войну*. Ей нужное м[огли] получить т[олько] путем *товарообмена*. Нужна другая база для *подвоза*: т[олько] из заграницы. Кто-то *извне* д[олжен] поддерживать. А англичане заявили, что *не пропустят никакого снаряжения в Крым*. Сейчас, для поддержки обстановка неблагоприятная. Снош[ение] с большевиками исключает поддержку Добров[ольческой] армии в Крыму. Необходимо улучшить взаимоотношения Деникина и Врангеля. И «не мешать» диктуется высоким благородством Деникина. Но этого мало. Д[еникин] должен силой морального авторитета поддержать Врангеля. Пусть юрид[ически] власть остается за ним. Но моральный авторитет – за ним**. Если бы м[ожно] б[ыло] заклеить трещину, это нужно сделать как можно скорее. Иначе Вранг[ель], со своей стороны, м[ожет] углубить и расширить трещину. Надо *действовать в обе стороны*: пусть Врангель исходит из понятия об ограниченности власти.

Съезд и починка партии необходимы. Иначе явим картину развала на другом съезде. Но не верю в успех другого съезда. Кто, кроме нас, пойдет? С. р. не хотят сами, и какие? Те самые, к[ото]р[ые] убили Колчака и Пепеляева? Ни с каким с. р. я в одной комнате сидеть не буду.

Семенов. Ошибки прошлого имеют большое значение. Всю борьбу вел город[ской] элемент, ничего не созидая и не неся крестьянству. Все пришлось от крестьянства брать силой. При этих усл[овиях] военная борьба с большевиками м[ожет] идти т[олько] на почве подвига. Когда развернулись, начался конец. Дальнейш[ие] шаги были ошибочны, но ошибки б[удут] неизбежны. Единственное средство: *создание промышленности*. Един[ственное] условие, быстрый

---

* Так в тексте.

** Так в тексте.

поход на Москву, оказалось неосуществимо. Что может сделать Врангель? Если бы м[ог] быстро продвинуться на М[оскву], забирая все на пути, так: но сомнительно, возможно ли это. Когда г[ово]рят, помогать ли Врангелю, – помимо того, что и он не хочет, и им враждебно имя «к. д.» – нельзя. Но работать нужно, проникая в Большевистию. В К[онстантино]поле были против этого: здесь уже соглашаются. Нужно осведомиться, осведомить наших единомышленников. Если возможна помощь Врангелю, то *извнутри*, организуя по пути, что окажется возможным. Евр[опейские] государства хотели иметь обмен; если невозможно, будут стараться проникать иначе, ч[то]-б[ы] получить возм[ожность] что-ниб[удь] организовать там. Нам необх[одимо] обратить внимание на эту сторону и проникать *вместе с ним, организуя предприятия*. Борьба сейчас невозможна. Россия превращ[ается] в зеленую. Это будет продолжаться до экономич[еского] создания иностр[анных] предприятий.

Аджемов. Сводить вопрос к примирению генералов, значит измельчать вопрос до уровня среды, из к[ото]рой вышел Степанов. В Лондоне рассчит[ывать] на снисхожд[ение] Деникина, к[ото]рые и устранили его*, ч[то]б[ы] другими руками сделать нечистое дело – напрасно.

Что произошло? Борьба *белой и красной* России не б[ыла] борьбой старого и нового. Гибелью *нового* считали большевиков. Никто из затевавших борьбу не задавались реставрацией, особ[енно] социальной. Но ясно, что повторилась история Скоропадского. Пришлые элементы поглотили идеалы революции. Революция победила не в первый раз встречные волны – и воспользовалась, как орудием, большевиками. Когда г[ово]рим о вооруж[енной] борьбе бел[ых] с красн[ыми]: кто борется? Люди, преследующие *реставрацию*. Теперь третья стадия – Врангель. Дело осужденное. Пружина, к[ото]рая развернется из Крыма, – демагог, пускай, – сейчас будет облеплен ракушками старых отношений. Если мы вовремя не сумели заметить, что попали в русло старых отношений, не должны повторить этого в третий раз. Класс прилипающих людей обязательно класс помещичий. Он не т[олько] не убивает больш[евиков], но придает им характер защиты приобретений крестьянства. Я не хочу советовать: не поддерживать, но и не мешать. Это по-кадетски. Зачем вам программа. Если *всякая* сила вам по пути, зачем программа. Но никакие пушки не м[огут] ничего сделать, если вы отрицаете приобретения револю-

* Так в тексте.

ции. Помощь – это танки, одежда – все попадет опять к большевикам. Бывают случаи, что развернется и Врангель. Но вся среда, все вожделения – будут прежние. Метод борьбы д[олжен] б[ыть] изменен. *Стоим мы за реставрацию*?

Тесленко определился в пользу Врангеля. Мне с ним не по дороге. Он стоит на продолжении р[усского] хаоса. Таким вооружением, антиреволюц[ионностью] вы *затягиваете процесс [установления] порядка*. Не знаю исход, но констатирую факт: это мешает организму взять верх над болезненными бактериями.

Я относ[усь] к повторению опыта отрицательно. *Я предлагаю борьбу, как со всяким г[осуда]рств[енным] строем*. Признают или не признают большев[иков] *не потому*, победит ли Врангель, а *по внутр[енним] соображениям*. Это м[огло] б[ыть] и с Китаем и любой страной: зависит от внутр[енней] политики. Из утилитарн[ой] цели поддерживать Врангеля – не вижу пользы. Но разворачивание белых сил лишает большевиков задач борьбы с реакцией, – *вполне законной*. Во-вторых, гораздо опаснее внутр[енние] движения против коммунизма, как неудачного строя. Оно разлагает и Красную армию. С друг[ой] стороны, мы д[олжны] *использовать эконом[ические] хозяй[ственные] труд[ные] условия*, в к[ото]рых гражд[анская] война происходит, и не позволить европ[ейскому] капиталу питаться иллюзиями, или если большевики дадут оазисы буржуазн[ого] влияния, организовать это влияние для их разложения. Я *за сближение* с элементами, от к[ото]рых *далеко ушли, ставши попустителями реакции*. Они чувствуют, что другой метод борьбы им *по силе*. Пепеляев тоже их расстреливал массами; и если полезно, надо использовать, хотя бы лежала кровь. Пересмотр тактики сразу осветит ошибки. Все те, к[ото]рые правильно пошли с Деникиным, слишком долго там остались, когда появились враждебные соц[иальные] силы. Если бы мы их привели в Москву, м[ожет] б[ыть] они бы и помирились с нами; но мы очутились в Париже. Больше возвращаться к этому не надо. Если даже наши кадеты решают вернуть [землю] помещику, ч[то]-б[ы] он м[ог] продать за фунты стерлингов, показывают глубокое непонимание. Нельзя забыть, что фактич[еское] владение [землей] продолжается три года. В 7 лет – законное владение. А они рассуждают о возврате – на предмет наживы. Хотим мы или не хотим аннулировать революцию.

Федоров. Фактич[еский] недочет: ведь боролась и восточная армия. Недочеты общие. Колчак правильно посмотрел на землю, но так же лопнул. Это разрушает вашу т[очку] зрения. Мы живем на грани

веков, мировые события. Европа еще поплатится, что не пришла на помощь. Нужно говорить о другом. Если армия Колчака погрешила, хотя правых там не принимали, а т[олько] демократич[еские] элементы. Но они так же грабили, как здесь казачество. Пусть б[ыли] экономич[еские] причины. А затем – желание первым прийти в Москву. Северн[ое] правит[ельство] тоже потерпело поражение, несмотря на то, что там Чайковский. *Не войти* мы не могли. Даже и другие антибольшев[истские] элем[енты] считали, что это движение единств[енно] правильное и спасительное. Когда Ден[икин] подходил к Орлу, с. р. и н. с. *добивались мест в правительстве.* Мы неоднократ[но] беседовали с Деникиным об усилении левых, но не могли сломить и убедить Д[еники]на. Он боялся, что армия разложится, и считал обязанным считаться с правыми. *Стоял на нашей собств[енной] кадет[ской] позиции.* Конечно, не большев[ики] м[огут] дать правильное решение, п[отому] ч[то] больш[евики] восстанавливали порядки докрепостн[ые]. Одно средство: дать землю на полном праве собственности. Ден[икин] ближе всех подходил к решению, но был превратно истолкован крестьянами. Мы б[ыли] в ужасном положении людей, к[ото]рые чувствовали, что фактич[ески] *не могут* ничего сделать, имеют дело с честным человеком, правильно смотрящим на дело: нужно свергнуть голову большев[икам], делали черное дело. Мы не м[огли] бросить его. Мы ушли, когда (он сам пожелал: *Степанов*); *казаки потребовали козла отпущения*: пусть осуществит без нас договор с казаками – и рекомендовали людей левого направ[ления]. А он назначил председат[елем] Лукомского. *Тогда* мы сказали: берите, по кр[айней] мере, Кривошеина (уже признавшего, что надо отдать землю). Он разозлился на нас, фактически пошел на это. Но мы ушли, когда иначе нельзя было, и *взяли вину на себя.*

По всем вопросам мы всегда (за исключением некоторых) – влияние партии уже быть не могло – и в агр[арном] вопр[осе], и в Учред[ительном] собрании – я не был в ЦК и на конференциях – мы добивались (с помощью Хольмена) и добились: все полож[ения] были проведены (речь к казакам). Он [Деникин] всегда г[ово]рил: я во главе армии, моя работа черная, я д[олжен] довести до Москвы, иначе – потеряю армию. *Врангель*: не сам, но *его именем* действовал. Правые всегда с ненавистью смотрели на Деникина, борьба шла постоянно. И Ден[икин] не мог относиться иначе, как с предубеждением, к Вранг[елю].

Вооруж[енная] борьба, единогл[асно] постановила наша группа в К[онстантино]поле, – *должна продолжаться.* Раз мы стоим на этом,

поддержка Врангеля обязательна. Мы не м[огли] и *не должны* пойти в состав правительства. Но организация учрежд[ена] для *связи* с большев[иками]; организ[ация] групп для *поднятия восстания* – созыв *нашего* съезда необходим: он *дает ядро*. Мы д[олжны] указать программу, которая определит состав съезда.

Нольде. Мы г[ово]рим сразу и о маленьк[их], и о крупн[ых] вещах.

Съезд необх[одим] для собств[енных] росс[ийских] мозгов. Нужно внести в эти мозги свет. Эти два собрания уже необыкнов[енно] полезны. Мы подводим итоги, устраняем предрассудки. Не след[ует] предрешать программу; не решать вопрос – вооруж[енная] борьба, [он] спорный, я высказаться не в состоянии, думаю, что решение д[олжно] б[ыть] *другое*.

Как быть русским вне России? Не следует сужать *другой* прием, как эпизодический и подсобный: проникновение в Совдепию. Убогий метод: барышня проболтается, расстреляют. Центр тяжести решения – в Совдепии. Мы д[олжны] думать *за них*. Это вызыв[ает] необходимость базироваться на народе: снятие блокады, заведение сношений, открытие России, свободный воздух, не мешать этому. Социалисты и Керенский оказались лучше понимающими положение. *Вооруж[енная] борьба безнравственна и ничего не даст*. Пензен[ский] мужик убивает рязанского. Об этом спокойно говорить нельзя. Я на этом не м[огу] стоять. Воор[уженная] борьба скомпрометирована по существу. Я 2 года жил в России и знаю наверное: ждем, что придут *их люди* и спасут. Вы обслуживали *действит[ельную]* потребность. Вместо этого вы устроили другого цвета Совдепию. Кадеты не признают евр[ейского] равнопр[авия], а *большевики – головой выше*. Белая Совдепия реставр[аторского] типа. Помещик порет крестьянина. Мы д[олжны] представлять идею порядка, права и т. д. В *этом* страна нуждается. Практич[ески] мы принесли в жертву ряд этих идей вооруж[енной] борьбе. Не м[ожет] б[ыть] *и тени* земельн[ой] реставрации. Колчак пал без этого? Но что такое Колчак. С. р., совдепы, атаманы – свалили директорию, *тени* социалистов. В Сибири белая совдепия; еще характернее. Страна не хочет, ч[то]б[ы] ее *грабили по-другому*. Практически, мы д[олжны] считать, что мы стране нужны как культурные люди, смело отказаться от социал[ьных] коммун[истических] элемент[ов] нашей программы, провозгласить буржуазную программу на основе факта земел[ьного] захвата.

СОВЕЩАНИЕ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Совещание у Коновалова (Коновалов, Милюков, Винавер, Авксентьев).

14 декабря 1920 г.

Авксентьев предлагает назначить заседание на 8-е января, чтобы дать возможность участниками приехать. Приглашение будет с приложением нашего обращения и с препроводительным письмом: «Инициативная группа просит прибыть 8-го в 3 часа дня. Обращайтесь:

9-bis, rue Vineuse». Хотите послать от Вас, вашим товарищам? Указать им тот же адрес или Ваш? Указать место заседание нельзя: мы думали снять не очень плохой зал, обставить прилично (гостиница Lutetia): будет maximum человек 35.

Винавер. Вопрос о системе заседаний? Собираться ли подряд? Вопрос о взаимоотношении нашего и вашего воззвания. Можете ли дать объяснительное интервью, по крайней мере, о первом пункте, что это *не есть Учредительное собрание.*

Авксентьев. Само собой разумеется, что это – не публично-правовой орган или юридический институт. Если это не достаточно ясно в нашей бумаге, то можно сказать. Мы далеки от плана работ. В частном порядке хорошо бы было обменяться мнениями: вытянуть вперед вопросы бесспорные. Можем разойтись по ряду вопросов организации принципиального характера. Могут быть несогласия о Национальном комитете, о принципах. Ясно будет, что собрались люди разных течений. Собраться зря нельзя; нужно отметить факт собрания чем-то. Заявления, прокламации – должны быть общим достоянием совещания. Интересно установить общие пункты, которые бы были бесспорны. Например – заявление о нашем отношении к большевизму, к расхищению России. У нас теперь не только задача политическая, – но политико-воспитательная, где были бы важными показатели выздоровления русской общественности. Набросаем программу: обдумайте и вы. От круга вопросов будет зависеть и длительность совещания: 5–6 дней.

Роговский. Согласен. Дня 3–4 достаточно.

Винавер. Принял бы программу, но не решал бы продолжительности. Не нужно ставить остро вопрос об образовании Комитета. Но сессия в несколько дней – недостаточна. Выяснится, *нужен ли парламентский орган.* Нельзя оставить пустое место. Можно бы установить отношение к вопросам международным: это – более конкретная задача. Например, отношение к комбинациям Англии, к ох-

ранкам. Занять определенную позицию по этим вопросам. Мы сойдемся в окончательных выводах, но надо сойтись и в подходах. Подумать о методах борьбы – через лимитрофы или иначе. Другие вопросы: непризнание советской власти, торговые сношения, обращения к разным странам, декларация об окраинах, о будущем строении России (соглашения Учредительных собраний?).

Я. Предлагаю выяснить между собой злободневные тактические вопросы.

Авксентьев. Должно быть сознание возможности сделать нечто общее. Это можно было бы только путем сговора. Иначе возможно, что сразу заговорят о создании постоянного органа, начнется бой, не примут никакого решения; придется признать собрание не выполнившим задачи. Я предполагаю, что на ряде вопросов мы *не* сойдемся, но на многих и сойдемся. Необходимо выжать максимум положительного. Этого можно достигнуть путем беседы и по внутренним вопросам: из этого уже можно выжать общее.

Я. Поддерживаю еще раз предварительное нащупывание, стесывание углов и вынесение за скобки.

Винавер. Поддерживает выдвижение в первую голову вопросов, в которых *наверное* сойдемся.

Я, напротив, предлагаю в *частных* беседах начать со злободневных вопросов.

Винавер. Согласен соединить и те, и другие вопросы.

Коновалов. 1-е совещание, с подготовкой, едва ли выявит точку зрения всего собрания in corpore*. Надо выдвинуть вопросы, пригодные для *совместного выступления*, т. е. 1) вопрос о советской власти, 2) обращение к демократиям Запада и 3) отношение к лимитрофам. Три общие декларации – это уже плюс. Потом последует подход к внутренней политике. Наконец, последний вопрос – нарождение органа.

Авксентьев. Надо все это решить en petit comité**, иначе получится официальность и растечемся мыслью. У нас должно быть ощущение среды, в которой мы вращаемся: надо учитывать обстановку.

Коновалов. Предлагает через 2 дня приготовить два плана работы и сравнить.

Винавер. В 1-й области, международной, это вопрос конкретизации. Во 2-й – это еще вопрос сговора.

Авксентьев просит отложить до субботы.

---

* в полном составе (лат.).
** в узком кругу (франц.).

Роговский. Я уезжаю в четверг, а Керенский — в пятницу.

Авксентьев. Занят. Для полноты собрания, — согласен в четверг в 4¼.

Вечернее заседание у Коновалова

Чтение протоколов

Гримм. Заявляет, что вступил в Парламентский комитет, так как нет решения партии, а только решение комитета, и так как тут нет ничего политического.

Рысс. Решения комитета в его заседаниях обязательны ли *морально* для членов комитета? *Формально* — вы правы.

Коновалов. Д.Д. Гримм не был в заседании по болезни, но мы немедленно, ввиду важности вопроса, осведомили его.

Гримм. Я получил уведомление, но в pneumatique* не было мотивов. По существу, я не усматриваю тут нарушения моральных оснований. *Я не член партийной группы*, а член комитета и представитель *Гельсигфорсского комитета.* Не считаю себя нарушающим этические нормы. Я имею право оставить минимальную свободу.

Коновалов. Оглашает письмо Кедрина[903] с мотивами его вступления в Парламентский комитет: «Нас обманут и майоризируют при выборах в Национальный комитет». Коновалов напоминает, что имеется в виду сговор, а не вотум. Далее идет предсказание распадения блока и уверенность, что партия переменит решение.

Я. Надо быть терпимым: Гримм не член партийной группы. Но его мотив, что это — *не политическая* организация, не верен.

Пасманик. Я не могу смотреть на решение группы иначе, как на обязательное. Иначе публицист должен отказаться от членства. «Руль»[904] редактируется членами ЦК и пишет в другом тоне. В Константинополе то же самое.

Я. Требую терпимости, внимания к отдельным мнениям, указываю, что процесс динамический, что уже есть готовность идти нам навстречу и в Константинополе, и в Берлине, что момент болезненный, пересмотр тактики — крутой.

Винавер. Предлагает поручить президиуму переговорить с Гриммом и Кедриным.

Коновалов оглашает письмо Н.К. Волкова[905].

Я читаю свою записку.

Коновалов. Делит обсуждение на три части: история, перемена тактики, практические выводы.

---

* письмо по пневматической почте (франц.).

Демидов. Относительно возможности продолжения вооруженной борьбы – вы выводите, что *больше* вооруженной борьбы быть не может. Но *потом* – эта возможность у Вас появляется?

Гронский. Объективно неправильно освещен аграрный вопрос. Опущен об участии Франции в признании Врангеля.

Аджемов. Я мог бы констатировать положительную сторону; но с большим правом могу возразить на историческую часть – не стоит плевать в лицо старым богам для оправдания новой тактики: мы часто прибегали к этому методу. Это и не совсем правильно: период Врангеля слишком короткий, чтобы придираться к отдельным обстоятельствам. Эта историческая часть – не для самооправдания. Ничего общего нет между деятельностью южных товарищей и теперешними методами. Мы указываем, что катастрофу Врангеля предвидели и тогда уже выбирали теперешнюю линию поведения – это расхождение с истиной: мы продолжали делать прежнюю ставку. Это не значит, что мы уже выбирали теперешний метод. Надо *больше себя обвинить*, если выбираете новое поведение. В этом – сила человека, который может признать ошибку. Может быть движение могло иметь успех, но наследство было плохое. И времени не было, чтобы обнаружить правильные тенденции. Я категорически возражаю против попытки отгородиться от прошлого критикой: нетактично и неискренно.

В положительной стороне нет программы: только намечается еще линия поведения. Нас не хотят пустить действовать «за плохое поведение»; форма членов Учредительного собрания есть способ нас пустить: это – наше «чистилище». Мы не можем сказать: мы используем чистилище для благородной цели. Мы должны создать *деловой* орган, который должен иметь в себе элементы не по выбору членов Учредительного собрания. Мы совершаем круг, чтобы прийти к той же точке – к выбору партийных представителей.

Если искренне защищаем новую позицию, в ней есть для наших новых друзей опасные места – уступка для наших старых друзей. «Могут воскреснуть фронты», надо «сохранить кадры»: а это и есть задача всех тех организаций. Может быть, это *мечта.* Но она существует. У Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] опаска оторваться от того плеча, прикасаясь к которому шли. Мы заявляли требование ко *всем* фронтам, но с ними шли; а [э]с[е]р[овск]их фронтов, как таковых, не признавали в принципе. (*Гронский*: а самарская армия? Не надо соседей пугать.)

Не вижу положительных заданий: это работа дальнейшего.

В особенности неискренно обвинение, что они недостаточно соблюдали признание новых государственных образований (Латвию, Грузию, Армению. – *Голоса*: а Украину и Кубань?).

Нам необходимо будет постановить: воззвание должно быть подписано Керенским. В *деловой* организации Керенский воскресает. Я говорил, что он еще восстановится, раз громадное течение от него не отказалось. Но так как элементы жизненной борьбы будут такие, которым необходимо забвение, – дело пострадает, если у него не хватит такта оставаться в тени, – и нам удар может достаться. Этот вопрос должен быть поставлен. На сегодня – я не пошел бы в Комитет, где будет он. Дело от этого пострадает.

Пасманик. Вопрос тактики связан с программой. Тактика – способ применения программы. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] должен был дать программу, где социалистические пункты? В связи с изменением программы меняется и тактика. Аграрный вопрос признает и Гурко. Независимость окраин – Врангель вел переговоры на почве признания независимости! Не знал только, с кем иметь дело. Республика – признана партией. Это упрек тем, кто не считался с программой. На вопрос о республике и монархии – я ответа не имею. Не знаю, что лучше для России и чего хочет народ. Это должно решить только Учредительное собрание. Но все это – не нововведения. Чем же объясняется изменение тактики?

По существу, вообще обоснование неправильно. Союзники и население: не думаю, чтобы *большевики* пользовались поддержкой союзников и населения и уцелели. *Армения* поддерживалась союзниками – и погибла. Так легко превращать post hoc* в propter hoc**. В момент успеха Врангеля министры в палатках говорили иное. Это объяснение – механическое построение.

Относительно населения – большевики в Крыму расстреляли 3000 *за сочувствие ушедшим*. Чтобы ценить о сочувствии***, надо смотреть, сколько расстреляли.

Тактика имеет в виду определенные цели. Стоим ли мы за вооруженную борьбу или нет. В докладе должно быть ясно, чтобы не требовалось толкований. За или против? Можно думать, что автор *против* вооруженной борьбы и оставил лазейку.

Второй важный вопрос: отношение к тому, что ушло. Выходит некрасиво: поддерживали, исполняли поручения и, вдруг, оказывает-

---

* после этого (лат.).

** по причине этого (лат.).

*** Так в тексте.

ся, что мы – партия последнего факта. Надо решить, что сделать с тем, что осталось. Содействовать переселению в Парагвай? Каждый день промедления вносит разложение: вы будете за это ответственны. Мы *поддерживали* эту вооруженную борьбу. Вы тогда не говорили: нельзя, а желали успеха! Вы ответственны и теперь и должны быть вместе в моменты несчастия.

Если с. р. прочтет, скажет: *мы им* протянули руку, а *не они* нам. Неверность эта бросает свет на всю картину. Вопрос о Керенском тогда отпадает: раз *мы* пошли на зов, мы не можем уже делать отвода. Иначе, мы вбиваем новый клин в русскую общественность: вы отбросите массу вправо; моста для связи и людей, стоящих на государственной точке зрения, не будет. Там получится также озлобление, скажут: нас оставили в самый важный момент. Выиграют Бермонты[906].

Мой подробный ответ

Штерн. Тактика нашей партии – *эволюционная*. Были два тягостных момента, когда партия сжигала мосты: конец 1918 года – проблема власти и вопрос о существе власти («директория» или «диктатура»). Мы старались под диктатуру подвести общественный фундамент. Тогда Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] разбил *эту идеологию и заставил нас*, скрепя сердце, *признать тактику, которую сам теперь признал ошибочной*, признав прозорливость Фундаминского.

В докладе Пав[ла] Ник[олаеви]ча [Милюкова] для меня более приемлемая позиция. Ответ на два существенных момента. У Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] – *эволюционная нить* с прошлым, которая в *резолюции 21 ноября*[907] утеряна. Наш комитет единственный, который не счел нужным приветствовать армию. Меня не удовлетворяет формула «армия перестала существовать», но это лучше, чем заявление в «Последних новостях»[908]. Но и это неправильно. *Армия может быть разоружена, но мы можем считать ее армией*. Эта позиция диктуется и моральными соображениями. Но и с реалистической точки зрения важно сохранение *русской* армии (не армии Врангеля) – мы не знаем, для чего она может нам понадобиться. Может быть поддержка украинского восстания. Могут быть события на общественном фронте: роль будет не кондотьерская*, а принципиальная. Наконец, *мы верим, что большевизм падет*. Для прекращения анархии *понадобится* национальная армия. Придется обратиться или к тем, кто бил нас, или кто шел с нами, хотя несколько и расходясь. Сохранение национальной армии, как элемента государственности, од-

---

* кондотьер (от итал. condottieri) - наемник.

на из главных наших задач. Среди эвакуированных есть и разложившиеся; не знаю, сколько из армии можно сохранить.

Заслуга Пав[ла] Ник[олаеви]ча [Милюкова] – приближение к точке зрения тех из нас, кто не хочет рвать с прошлым и не считает его ошибочным. Только у Пав[ла] Ник[олаеви]ча [Милюкова] это выражено недостаточно рельефно: он должен был принять во внимание меньшинство и более резко подойти к вопросу о сохранении армии и о принципе вооруженной борьбы.

Гронский. Разделяю и соображения Пав[ла] Ник[олаеви]ча [Милюкова] и Штерна, что нападки Аджемова неправильны. К. д. не кариатиды, поддерживающие генералов: Пав[ел] Ник[олаевич] [Милюков] правильно указал на постепенный рост нашей тактики: только это и объясняет перемену тактики. Кадеты боролись и там (записка Астрова[909] перед крахом Деникина: особое мнение в аграрной комиссии). Диктатуры принимались не вслепую. Первая треть доклада Пав[ла] Ник[олаеви]ча [Милюкова] безусловно правильна.

Керенский – очень кусательный вопрос. Если у с. р. есть чутье, они постараются его спрятать. Но согласен, что сейчас нельзя отводить Керенского. Сейчас он плюс, только что объединил [э]с[е]-ров. Временно сыграл хорошее дело.

Вооруженная борьба: Аджемов вовсе о ней не говорит, Пасманик – выдвигает на первый план. Ясно, что сейчас вооруженной борьбы нет и надо о ней замолчать: это картонный меч, в будущем, может быть, займет свое место. Правильна постановка об остатках армии, утратившей возможность вооруженной борьбы. Не могу *простить* Пасманику его замечаний, что солдаты отпадут *направо*, и говорить, что *есть* там настоящие демократы. Если *есть*, они могут разобраться, даже допускать мысль, что к. д. недостаточно их обслуживают, значит умышленно углублять раскол.

О фирме Учредительного собрания я считаю так: это – платформа, средство сговора не только для с. р., но и для Западной Европы. Иностранцы иногда оказывались прозорливее нас: эти лозунги *святы* для каждого европейца. Этот штамп – заранее заслуживает кредит. Пусть Керенский гнил, пусть гнило Учредительное собрание – оно плюс для нас.

Относительно *программы* – разделяет возражение, что у Пав[ла] Ник[олаеви]ча [Милюкова] *мало* сказано. «*Факт* перехода земли в руки трудящихся». Это же и относительно *федерации*.

Винавер. Согласен, что нельзя вообще сказать о *национальностях.* Против «обсервационного* пункта». Пав[лу] Ник[олаевичу Милюкову] следует переконструировать изложение. Это *не история.* Идя к цели, первую часть можно упростить. Мой проект – заявить, что мы и *тогда* стояли на этой точке зрения, и *теперь* к ней возвращаемся. Вот что было: 2–3 года мы, ввиду непосредственной возможности, *жертвовали* тем, что считали *принципиально правильным,* приносили жертвы, *уклонялись от программных вопросов,* бросились к Учредительному собранию. Приняли постановку аграрного вопроса. *Не осуществился* этот путь, и мы *освобождаемся от груза.* Мы провозглашаем наши лозунги вновь. *Повторение программы и есть тактический шаг.* У нас в Москве был единый антибольшевистский фронт, разорванный в Уфе[910]: он рухнул, и тогда мы сочли возможным идти с другими, не стремясь к восстановлению единого антибольшевистского фронта. Тогда отпадает значение критики и объявляется возвращение к программе.

О вооруженной борьбе: в записке этот вопрос поставлен приятнее для меньшинства, но недостаточно ясно. *Вооруженная борьба не отрицается:* надо ясно это сказать. *Но* не в той комбинации – в связи с военной диктатурой. Признак «заветы Февральской революции» очень слаб.

Гримм. Считаю, что тут много экивоков. Когда вооруженная борьба признается в *других формах,* то тут можно подразумевать и *внутренние восстания.* Военная диктатура может быть одной из форм. – Можно ли сказать, что она *неприемлема?* Нельзя отметать будущего. Если явится военный человек, территория, то только потому, что это – диктатор, не давать никакой поддержки? Это противоречит существу дела и всему, что было раньше. Все формы должны быть использованы (*Аджемов:* даже если не могут дать успеха?). Это нельзя заранее предсказать. Более точная формулировка понятия вооруженной борьбы даст и конкретный материал.

Не удовлетворяют и *похороны армии* по 1-му разряду. Необходимо более бережное отношение. Заранее предрешать вопрос о невозможности сохранения армии – неудобно. Это делается, чтобы купить [э]с[е]-ров. «Виновники прежних ошибок» – формула слишком широкая.

В критике действий Врангеля, Деникина не уделяется внимания объективным затруднениям, которых *никто* не мог преодолеть. Этот момент многое объясняет и смягчает.

---

* обсервационный (от франц. observation) – общие соображения.

Крайне непримирительное отношение к «виновникам» и готовность к уступкам Керенскому, основному виновнику, игравшему фатальную роль. «Безвластие» – такой обвинительный пункт, с которым нельзя не считаться.

В этой записке не только оправдывается Парижский комитет, но оправдание здешней точки зрения; выходит за пределы.

Защищаем необходимость соглашения с с. р., по существу никакой программы, на которой можно было бы сойтись, не формулируется. Сделана ли попытка реального компромисса? Отсутствие его вносит неопределенность. Если бы такая программа была налицо, то непонятно в ней игнорирование более правых элементов. Почему вы их отталкиваете, если они сами готовы идти навстречу?

Основная цель, борьба с большевиками, здесь затушевана.

«Сохранение принципов Февральской революции» – неопределенная формула. Не все они сохранили жизненность. Закон о выборах в Учредительное собрание с участием армии – плод революционного угара. Голая формула многих может отпугнуть и не считается с объективно возможным внутри России. Можно ли сейчас ввести широкую демократическую программу? Нужно предвидеть величайший абсентеизм на выборах. Нельзя привлечь этим массу. Что *там* окажется возможным, – для разных мест будет решаться различно. Это самоуспокоение, но не реальная политика.

15 декабря вечером исправляю записку.

16 декабря

Утром приходит И.П. Демидов и сообщает *сведения из Константинополя*. В штабах растерянность, авторитет Врангеля падает с каждым днем, офицерство ждет указаний от «Национального комитета» и, получив *первые слухи о настроении в Париже*, относится к ним скорее благоприятно. Но надо послать какое-то сообщение, что что-то делается и главным образом подчеркнуть, что *нет соглашательства*: там больше всего *боятся соглашательства с большевиками*. Относительно перемены форм борьбы и способов контроля – идут навстречу. Борьбу фронтов сами считают невозможной.

Предлагает проектированный им текст телеграммы. Кому? Неизвестно.

Мой *первоначальный набросок* для разговоров с [э]с[е]рами.

Возможные темы для обсуждения деятельности съезда членов Учредительного собрания.

I. *Резолюции*

1) *Борьба с большевиками*:

Принцип и форма борьбы. Роль вооруженной борьбы. Употребление остатков армии.

2) *Обращение к заграничному общественному мнению.*

(Роль Америки – «русский народ»; большевизм – интернациональная проблема)

3) *Обращение к русскому общественному мнению* (народу, массам?)

II. *Учреждение постоянного органа*
(исполнительного?)

1. *Формы* представительства в органе:
   а) большинство и меньшинство или
   б) равносильное представительство групп?
   Бюро и общее собрание? Комиссии и подкомиссии?
2. *Состав*
   Какие именно группы?
   Какой *признак* внутреннего объединения?
   Какие группы *исключаются* по этому признаку?
   Способ присоединения (кооптация или соглашение?)
   Присоединение отдельных лиц? (может быть, в комиссии: сотрудники и эксперты)
3. *Функции*
   1) *Заграничная*: печатная деятельность, личные сношения
   2) Сношения с *лимитрофами*
   3) *Внутренние*
   Совместные действия или врозь?
   Отделения в России?
   Степень конспирации
4. *Полномочия – источник* полномочий
   Отношение к русским организациям за границей
   Отношение к русским организациям в России
   Утилизация остатков разведки армии
5. *Денежные средства*
6. *Личный подбор.* Деликатный вопрос о Керенском. Право отвода?

Завтрак у Коновалова с Винавером.

Заседание в 4½ с Авксентьевым у Коновалова.

Я докладываю свои пункты.

Авксентьев. Мы не знаем настроения наших «19-ти левых». Мы просили приехать их к 4-му. Большая часть их – «правые» [э]с[е]-

ры. Но за это время произошли сдвиги, отрицание коалиционного принципа: тут и правые оказываются левыми.

Я. Подпись Минора что-нибудь значит?

Авксентьев. Он – дитя-каторжник, с сюрпризами. Ему скажут: «а, с кадетами сидите», – он начнет чесать затылок.

Мои собственные соображения: я лично остаюсь коалиционером. Мои резервы – тактического характера, чтобы не оторваться от среды. Чрезвычайно желательно было бы, если бы мы установили 3 положения: 1) периодичность съездов и частоту их; 2) из съезда выделили бы орган, под *скромным названием «бюро»*, для созыва в нужный момент совещания и для выступлений между совещаниями в условленном направлении. Бюро может пополниться; 3) ознаменовать *рядом постановлений* – международного, российско-заграничного характера (положение беженцев) и общие линии и с точки зрения на происходящее в России, *эмбрион положительной платформы*. Это будет уже много: *дальше я бы не натягивал* струны. *Два года шло расхождение*, и политическое, и психологическое. Должны явиться *les hommes de bonne volonté** для сближения. Но его нельзя сделать с сегодня на завтра: *надо идти этапами*. Может быть уже после следующего раза получится больше политической близости: через месяц–полтора. Тогда можем поставить более серьезные задачи. Жизнь «революционной демократии» такова. *Предложить «Национальный центр» значит скомпрометировать возможную степень успеха*. Ввести торгово-промышленную группу? Народные массы должны быть лечимы *социалистическим* противоядием: нужно «захождение левым плечом». Поэтому связь с несоциалистическими элементами может скомпрометировать. В-3-х, имеются психологические разочарования. В-4-х – один не вывезешь. Выход – «Учредительное собрание», моральная ответственность членов. *Кричать* нужно всем народным избранникам. Под *это* – не подкопаешься. Нужно дать на этом устояться. Иначе они сшибутся с этого terrain**, но на другой не перейдут. И *это* – колоссальный шаг вперед. *Мимо* этого начала – не пройдешь. Мы, конечно, опаздываем, как прежде правительство. Но лучше, все-таки, соблюдать постепенность. Это – мое *индивидуальное* мнение. У себя мы можем натягивать подальше.

Pro domo sua***: известным образом может быть составлен комитет; люди могут брать на себя и действия, выходящие из рамок.

---

* люди доброй воли (франц.).

** поля; (здесь) позиции (франц.).

*** по личному вопросу; в защиту себя и своих дел (лат.).

Я. Можно ли издавать *бюллетени от бюро*?

Авксентьев. Трудно: лучше – демарши. Личный вопрос о Керенском. В группе наших товарищей он не является лидером. Но нет и другого признанного лидера. Ал[ександр] Фед[орович Керенский] принадлежит к группе наиболее влиятельных товарищей. Подписи могут быть: «по поручению инициативной группы». У Керенского сравнительно со мной *внешне* более левая клиентела[911] (*внутри* он со мной совсем согласен): «лево-правые» с. р. из «Pour la Russie»[912]. Сам Керенский обладает одним драгоценным свойством: желанием работать. Человек горит возможностью работать, заряжен, только этим живет. Это его выдвигает, сам он не лезет вперед. Гораздо более известен за границей, с ним сносятся. Он долго отказывался от подписи. Он иногда бывает деспотичен, накричит. У него есть потребность оправдаться и для этого – всем вложиться. Он приемлет взваленную на него личную ответственность. Это требует и оправдания ответственности.

На внутренние вопросы всего труднее ответить. Для вас не секрет: цель – образование группы, на 90% партийной (мы хотим хоть 1%) – борьба с большинством демократическим путем. Привлекаются беспартийные элементы. Начинается с проникновения информации. Информация должна быть предоставлена всем группам. Группировки в России: мы имеем агентов на периферии без различия партий и способствуем всяким партийным группировкам внутри. О слиянии там не представляю возможности, но контакт – да. Может быть, притремся настолько, что некоторые элементы и от вас войдут в организацию. Сейчас на 30 человек инициаторов 7–8 *не* нашей партии. Как и журнал («Современные записки»[913]) не чисто [э]с[е]-ровский.

При таком общении, более частном, сама собой работа имеет шансы наладиться.

В вопросе *о денежных средствах мы так же слабы, как и вы*. Говорят, будто нам чехи привезли сибирское золото; но это не так. Лиха беда начать: потом можно и раздобыться.

Винавер. Наиболее важный вопрос – о компетенции бюро: 2-ой пункт. Надо дать удовлетворение общественному мнению. *Пустота уже заполняется суррогатами.*

Опасения вашей группы я понимаю и разделяю. Подойти к делу можно перечислением задач. Если бы мы могли конкретизировать задачи, дорогие всем, требующие немедленного исполнения. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] указал на это нам, как на конечный пункт. *Но нужно выявить сразу неотложные задачи момента.* «Под-

нять движение в Америке». «Завтра разослать информацию». «Составить записки для Лиги Наций». «Объединить силы окраин»; «с их организациями затевать совместные действия». С нашей стороны могло быть сделано заявление, что надо уничтожить все, что было *до* расхождения, и вернуться к общему фронту. И в Москве было не очень хорошо и определенно.

Привлечение новых элементов – второй вопрос. Если отпугнем общественность вне наших групп, разочаруем заграницу, – и дело пропало. Если создать *только бюро для созыва* и для выступлений в аналогичных случаях – *это не даст* желательного *результата*.

Авксентьев. Вспомним о вопросе: «соглашение» или «майоризирование»? Конечно, только соглашение. Если партийные элементы откажутся, останется группа с. р. Майоризирование может быть только в публично-правовом институте.

Как этот принцип выразится в составе бюро? Это вопрос иной. Можно создать, по существу, так, чтобы в основных, принципиальных вопросах приходили к соглашению. Но как это отразится численно – не знаю. Допускаю, что для других это будет существенный вопрос. Дело распадется, когда добрая воля будет отсутствовать. Наша группа, по заданию, беспартийно-демократическая, – конечная идея этой *активной* группы была та, чтобы из нее, без преобладания партии, создался *действенный* Союз возрождения; не стесняясь неавторитетностью, он мог бы открыть свое лицо. Но внутреннее чувство было, что нам пока нечего показывать; что это – не солидно, не общественно, не созрело. Но задания и теперь остаются те же: создание активного центра. Совещание Учредительного собрания не может перенять незаконченную *там* задачу: душа активная наших товарищей *там,* здесь – это официальная надстройка для внешнего употребления. Нельзя этой организации сразу давать органические задачи. Поэтому трудно бюро поставить задачи сразу. Если бы этот комитет вырос до того, что включил бы наиболее заметных представителей с. д., с. р., кооператоров, к. д. – он бы и стал органически спаянным Национальным комитетом.

Коновалов. Это было бы в Праге?

Авксентьев. И здесь, и в Праге.

Винавер. Откуда он черпал бы полномочия?

Авксентьев. Из действий, из компетентности своего состава.

Винавер. А задачи?

Авксентьев. Борьба с большевизмом, создание демократической России путем внутреннего восстания с помощью русских сил,

которые придут на помощь. Учредительное собрание, решение аграрного вопроса абсолютной передачей земли, широкое решение рабочего вопроса, отрицательное отношение к иностранной интервенции, против блокады союзников. Это – платформа. Войдут туда и с. д., и н[ародные] с[оциалисты], и беспартийные демократы.

Я. Это персональное соединение, а бюро – группировка представительства.

Авксентьев. Если бы собрать съезд с. р. в Париже, человек 100, то, вероятно, создалась бы группа, но какое решение она приняла бы, не знаем. А съезд дал бы уже несколько сот. Для нас цель – *не* групповое представительство, а более заметный состав – кучка членов в 15, – но представительных. Я был против создания местной группы. Я старый эмигрант и знаю, что это такое. Обжившись здесь и не выявляя себя политически, люди начинают портиться, «перешептываться» как раки. Это уже будет партийное общественное мнение, которому придется подчиняться.

Винавер. В чем же вы видите специфические задачи той организации, о которой мы думали? Я точно не знаю этого. Есть, очевидно, между нами разграничительные линии.

Авксентьев. Я себе представляю область сближения в двух плоскостях. Чтобы *сблизиться действенно*, надо будет захватывать все более органические задачи. Если захотим *прийти* к этому, сорвемся; надо *приходить путем постепенности.* Я не сосредотачивался на этом, но если подумать о функциях бюро, то они, чем дальше, тем более будут *обрастать новыми заданиями*, если будет происходить спайка. Получится взаимопонимание, которое позволит расширить задачи. Вы говорите: функция рождает орган. Это верно. Но и обратно: орган рождает и расширяет функции. Вашим путем мы *отрежем* некоторые функции. А если будем их упражнять, то прилив крови будет происходить: создастся доверие.

Я. Не следует ли авансировать кредит и *рискнуть объявить комитет*, чтобы заполнить пустоту и сделать ему рекламу?

Авксентьев. Уже была телеграмма из Праги с требованием протеста против вашего заявления, которое понято как платформа съезда. Сегодня радио большевиков: правые с. р. с кадетами опять организуют белогвардейский фронт. Надо считаться с тем, что в России: там уверены, что Европа накануне социального переворота. Приезжие спрашивают: «Вы на вулкане?»

Винавер. Наша беседа имела в виду еще одну последнюю задачу. Надо *подумать о конкретных функциях бюро*: неотложные задачи,

повседневные, в области международной, лимитрофной. Отношение к Америке, которая не скомпрометировала себя с Врангелем. Пробудить там общественное антибольшевистское настроение. Эти задачи дают работу бюро. Более сильное влияние в английских сферах. В области лимитрофов опять сделать доклады совещанию. Все это выяснило бы *неотложность* создания органа. В области внутренней – ввиду существования вашего органа – не знаю границ: но может быть и тут можно найти сферу деятельности, которая требует создания того же органа.

Авксентьев. К вопросу о пополнении можно подойти созданием каких-либо комиссий.

Я. Это и моя мысль.

Французское заявление городскому объединению:

1. Врангель был признан de facto, когда была территория. Теперь и он, и его правительство, и войска – только individus isolis*.

2. Помогают только до 1-го января, и берут себе *все имущество.*

3. Предлагают русским общественным элементам *объединиться для помощи беженцам.*

16 декабря

Вечером заседание у Коновалова

Чтение протокола

Демидов. Внеочередное заявление: сведения из Константинополя, привезенные офицером, близким к штабу Врангеля (в разведке). 1. *Развал не по дням, а по часам*. Немного времени, – и ничего не останется. 2. *Глубокая рознь между казаками и и неказаками*; авторитет Врангеля быстро падает. Его положение таково, что в штабе неуверенность, что предпринять. *Взоры всех обращены на Париж. Дожидаются «Национального комитета»*, и только поэтому в Константинополе не образовалось никакого *местного* «Национального комитета». В армии много народа, которые чувствуют, что если *сами* себя не сохранят, все пойдет прахом. *Ни о какой вооруженной борьбе сейчас не может быть речи*. Линия партии народной свободы приемлется и считается реальной: им ясно, что попытки *сохранения армии не реальны*. Над всем этим страх: услужливые уста распространяют, что с падением последнего фронта в западных кругах распространяется соглашательство с большевиками, и это угнетает их чрезвычайно; неужели идти в Каноссу? Стремясь к сохранению небольшими

---

* (здесь) одинокие величины (лат.).

группами, они хотят получить *политический орган*, к которому можно прислониться. Где группы, которые не пойдут на соглашательство? На этой почве, после разговоров с Харламовым, Карташевым, Штерном, присоединяется к заключению о необходимости обращения (по какому адресу?).

Эльяшев. Присоединяется.

Винавер. Предлагает объяснить, что хотя общественность не сумела объединиться, но нет соглашательства и нет отказа от борьбы.

Я. Ставлю условием, чтобы текст был тщательно выработан и заключал *всю* позицию, чтобы выбран был надлежащий адрес и чтобы не было политически опасной комбинации подписей; отправить в Константинополь.

Эльяшев. Настаивает на скорейшей посылке в Константинополь.

Рысс. Обращение *нужно*. Адрес: штатские и военные беженцы. Только один пункт: не отказываемся от борьбы, не предрешая форм.

Федоров. Ход событий подтверждает необходимость обращения к армии. Речь не о сохранении армии как таковой; но о сохранении отдельных частей. Мы *обязаны* выйти из пассивного ожидания: приветствуем борьбу, примем меры для сохранения. Надо не только в армии, но и в Европе указать наше положение. Послать не Врангелю, а нашему Константинопольскому к. д. комитету. Он примет все меры. Изложить все: наши надежды, наши работы, и послать привет армии. *Всякая* армия: сношения Савинкова с Врангелем происходили.

Коновалов. Предлагает приготовить телеграмму, которая была бы в *согласии* с запиской Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] и с новой позицией. В воскресенье предложим группе.

Демидов. Дорог каждый день. Посылать – по партийным организациям. Не было у меня мысли обращаться ко всем армиям. Содержание – только 2 пункта: *борьба не кончена, но прошлое нас многому научило*; обстоятельства указывают на *новые методы* борьбы с большевизмом; обращаемся к борцам, которые сохранятся, у которых не сломлена воля и не пал дух: *они понадобятся*; только чтобы сами себя сохранили...

Винавер. Нельзя захватить все проблемы. Надо кратко сказать, что *борьба не кончена*. Адресовать от партии нашему Комитету. Как мотив – не дать понять, что в армии раскол, а исходить из того, что *общественность вырабатывает новые формы борьбы*, и каковы бы они ни были, борьба будет продолжаться.

Гронский. Согласен с Демидовым.

Я. Федоров и Демидов – разный тон, разное отношение. Решите относительно записки, а тогда ясно будет, какой взять тон. Я присоединяюсь к Демидову и Винаверу.

Федоров. Разницы нет. Затягивать нельзя. Надо нам первыми послать обращение.

Читает письмо Н.И. Астрова во мне.

Я читаю записку в новой редакции.

Харламов. Не имею возражений по существу. Мы должны сказать товарищам, с кем мы дальше идем. Кадетский «Руль» будет держать курс не на Берлин, а на Париж. Мы всегда кем-нибудь использовались. Протекший период борьбы ясно показывает, что – потому ли, что фронт общественности разорван – борющаяся общественность оказалась правая, своей тактики мы провести не могли, она стоит перед крахом. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] зовет партию быть самой собой. Необходимо определенно указать, что, говоря о новых приемах тактики, мы преследуем не партийную, а национальную задачу, как всегда. Замечание записки, что прежние политические союзники использовали партию в чужих целях – равносильно отделению от старых союзников и *исканию новых*. Эта задача должна быть подчеркнута определенно: не только восстановление партии.

Второе замечание: если так подробно касаться прошлого, то надо говорить о Деникинском периоде. Врангелевскому периоду отдается больше места, указано «отчуждение населения». Тут неправилен масштаб: территория и *численность населения* были уже ничтожны. Русского народа не было в Крыму. В Деникинский период эта ссылка – более доказательна. Нужно указать основную причину неудачи: заранее борющиеся казались массе (или были) представителями *реакции*. Стоявшие близко понимают и чувствуют это. Отказ от политического сообщества с этими элементами должен быть подчеркнут. (*Я*: это будет бить по армии.) Население мирилось с реквизициями. Но когда шло управление, население видело, что за армией идут господа. Против *этого* мужик всегда восставал: комиссары ближе губернаторов и урядников. К киевской попытке – *надо прибавить* екатеринодарскую.

«Конфиденциальное» надо зачеркнуть.

Против фразы «напрасное кровопролитие». Жертвы не были напрасны. Они сыграли громадную роль и значение. Особенно больно сознавать это мне, который звал своих казаков. Они считают, что борьба не кончилась.

Федоров. Примыкаю к Д.Д. Гримму. Дополняю: общий тон записки неправилен. Слишком сильно подчеркнута *партийная* линия. В переживаемый момент нужно больше заботы о России, чем о партии.

О причинах неудачи: пропущен ряд важных моментов, тенденциозная оценка событий. *Громадная роль Польши* – тайное соглашение с большевиками – еще больше относится к армии Врангеля. Партия поддерживала Врангеля: чудесное восстановление армии, надежда благоприятного конца; эти надежды возлагались. Кроме того, мы все знали, что если прекратится война поляков с большевиками, армия Врангеля выдержать не может. Врангель это понимал и к этому готовился: оттого и эвакуация прошла хорошо. Упустить этого нельзя.

2-я причина, роль Entente, самая ужасная. Entente начала внутреннюю перебранку. Они не понимают, что война с Германией не кончена. Ужасное моральное влияние действий – Entente, выступление Ллойд Джорджа и падение духа армии. Не отрицаю и политических *внутренних причин*, но ими *ограничиться нельзя.*

3-я причина: отсутствие единства антибольшевистских «сил». Левые сыграли роковую роль: «ни Деникин, ни Ленин», борьба против вооруженных попыток, засилье правых групп, – *потому что левые отгораживались.* Несправедливо обвинять Деникина: не мог поступить иначе, *должен был* совершать акты, которые были причиной разложения. Ваши друзья, посланные в правительство, свое дело делали. Наше участие – плюс, актив, запишется нам в заслугу. *Положительные задачи момента* недостаточно затронуты: 1 продолжение борьбы с большевизмом, 2 сохранение армии, 3 объединение антибольшевистских сил; все это недостаточно подчеркнуто. *Объединение сил*: мы указали, что одной из основных причин было разъединение и нежелание «русской демократии» оказывать поддержку. Мы должны объединить *все* силы, а не только *левых*: одного «допущения» других групп – *недостаточно.* Значит только с благоволения левых? Все, что отказывается от старой России, должно быть введено. У нас есть путь, чтобы левые группы пошли. Нас *разъединяла диктатура: теперь она отпадает.* Я не особенно верю, что объединение удастся, но это был бы огромный шаг вперед и заслуга партии. Надо указать, что одно из разъединяющих нас начал устранено. Затем, если договоримся в собрании членов Учредительного собрания до создания органа на широком базисе, надо поставить *вопрос о преемственности власти* Врангеля и Деникина и установить связь с органами власти. Огромная ошибка Врангеля – что он клевещет на Деникина, выделяя себя. Обратное делал Деникин.

Продолжение борьбы требует считаться с *внутренними фронтами. Нельзя разделять мнения, что рассчитывать на внутреннее восстание – безнадежно.* Вся история борьбы указывает, что восстания не прекращались. Не невозможно свержение и извнутри. После Деникина я поднял в группе вопрос о связи с внутренней Россией. Теперь надо его поставить – во главу угла.

Сохранение армии безусловно необходимо. Лица из армии ждут заявления, как мы смотрим на продолжение борьбы. *Несмотря на отрицательное отношение Франции* – они сами найдут способ сохраниться. Надо ясно выразить эти идеи. Большевизм – не русское, а всемирное явление: в ближайшем будущем предстоит международная борьба. Мы должны участвовать в ней остатками армии: надо выразить эту мысль. Иначе совершим капитальную ошибку: армия уйдет к немецкому монархическому движению.

Не верю в достижение больших результатов на съезде членов Учредительного собрания: дело кончится ловушкой. Мы должны сохранить самостоятельность на случай разрыва, чтобы продолжать нашу линию.

Рысс. Не удовлетворен исторической частью. Упущена солидная часть: Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] только резюмирует, не объясняя причин, почему так произошло. Нет исторического объяснения. Произошло явление нормальное. *Партия* народной свободы потеряла центральное положение, *пошла вправо*, теперь в *левой* комбинации будем крайне правыми. Поддержка контрреволюционных течений была исторически неизбежна. Теперь мы *не изменяем тактики: она изменяется вне зависимости от* нас. Есть ряд элементов, психологически связанных со старым; было *две* психологии, правая и левая. Есть группы, которые психологически не в состоянии переродиться. Теперь они отходят в прошлое. Ряд наших товарищей *не могут* согласиться с нашими новыми постановками: нужно им указать на *историческую неизбежность* отхода в прошлое.

Маклаков. Это не публичная записка. *Частное* замечание – резануло ухо: 1. «Врангель пошел *навстречу*». Я не признаю, что он *послушался* нас. 2. *Неверно*, что помощь, которую мы оказывали, прекратилась *вследствие* его *внутренней* политики, и оговорка в невинности к. д. Помощь не оказывалась *совсем не по этому*. Англия и Америка давно сказали: *помогать не станем*. Мильеран[914] помогал, сколько мог, но *вообще помощь была непопулярна*. Правительство шло не за прессой, а вопреки ей, и *так* не мотивировало отказ в помощи. По-

зиция была невыгодная: политика русских тут сыграла роль. *Несмотря* на это, все-таки помогали.

Общее замечание: не понимаю, что должна внушить записка. Я остался бы в недоумении, зачем нужен Национальный комитет. Для меня бесспорно, что *вся борьба лежит на плечах тех, кто остался там*. Я бы больше подчеркнул это. *А что может эмиграция сделать?* Что будет отстаивать перед европейским общественным мнением Национальный комитет? Мне очевидно: большевики будут *признаны*. Это еще неважно. А легальное расчленение России – ряд опасностей вследствие разрухи Врангеля? *Для этого*, чтобы предотвратить опасность от заграницы – еще может пригодиться Национальный комитет. Мне не очень ясно, какой был «моральный» мотив разрыва с членами Гос[ударственной] думы и перехода к разговорам налево. *Об объединении нет речи. Я молчал бы, если не можем объединиться с правыми*. Нужно сказать – и не сказано, – *как мотивировать необходимость Национального комитета. Отрицательные* признаки есть: не бороться с властью. А *положительные* признаки? Впечатление, что делается что-то беспредметное. *Во имя чего* может бороться эмиграция? Как будто мы ищем для нее занятия. Худо ли, хорошо ли, *мы* держали заграницу в руках. Чем-то нужно заменить нас. *Надо указать конкретные задачи, которые может взять на себя эмиграция*.

Винавер. Ставит вопрос: *как во французских сферах отнесутся* к нашему начинанию?

Маклаков. Там недоумевают, почему до сих пор *не состоялось единения*. Наша нетерпимость подорвала моральный эффект.

Михельсон. Записка меня удовлетворила. Надо только добавить аргументы, почему мы меняем тактику. 3 аргумента: 1. Вопрос об ориентировке на Советскую Россию. Фраза Струве: борьба двух меньшинств; Врангель мог не удержать Москву, потому что там колоссальный сдвиг. Там уже новая социальная конфигурация: надо бережно относиться к демократизации России. Это глубоко верно: новые социальные слои и настроения. До сих пор относились враждебно к белым: 1) из страха, 2) неуверенности, что не будет реставрации экономической. Неудача белого движения. В значительной степени вызвана сопротивлением *этих* слоев. Для них более приемлем *левый уклон*. Надо указать, что *для этого* мы ориентируемся налево.

2. Не указано вообще, – мы мало говорим – об *общей международной обстановке*: здесь – сдвиг экономический и социальный. *Мы можем идти в Россию только с глубокой экономической и соци-*

альной реконструкцией. Должны быть затронуты: *область труда и капитала*, новые отношения между ними, индустриальная демократия, участие в производстве, новое влияние синдикализма против большевизма. В области аграрной реформы: она везде проведена, в Англии под шумок в огромных размерах. Это признают и правые: но надо делать «левыми руками».

3. Будущность России: *дезындустриализация*. Мы не можем *существовать* в прежнем виде. *Должны иметь крупное производство*. Вопрос о трудовой и буржуазной демократии. Поворот в тактике будет выпуклее при постановке всех этих вопросов.

Эльяшев. Во всяком случае мы *затрудняли положение французского правительства*. Было бы, безусловно, правильно сказать, что мы делали указания членам правительства. Фатально политика Врангеля была та же, что Деникина. Зачем говорить о *партии*? Ведь мы адресуемся к товарищам. Отношение Польши, Антанты – нужно ли, тактично ли говорить об этом? Никоим образом не надо касаться одного: верна ли прежняя линия поведения? Откуда вы взяли, что мы делегировали членов в правительство (*Федоров*: в Москве; *Эльяшев*: там в директорию; *Гронский* – на Екатеринодарском съезде; *Эльяшев*: там только предлагали) в *помощь*. Астров не хочет делить ответственности за решения, в которых не участвовал. А мы?

Ключников. Центральный недостаток записки: она должна удовлетворять требованиям момента и влиять на будущее. Теперь момент затемняет будущее. Записка затрагивает капитальный вопрос: нужно выделить принципиальные вопросы от злобы дня. Смешение не случайно: у к. д. этот вопрос не выяснен у самих. Вопрос о вооруженных силах надо осветить глубже. Из того, что вооруженная борьба откладывается, уже надо сделать выводы. Вооруженная борьба едва ли станет возможна в будущем, в менее благоприятных условиях. Изменения, указанные Михельсоном, пойдут и дальше: принцип борьбы вооруженной – отойдет в прошлое. Что за новая тактика? Все построено на злобе дня. *Никакой* новой тактики, самое типичное лицо к. д.: продолжаем прежнюю тактику. Поворачиваем с механической необходимостью влево: ничего не выйдет. С. р. предоставляют *свою* тактику как старую: не покрывают *себя* Учредительным собранием. Нам будут предлагать чужую тактику, Маклаков констатирует, что происходит сдвиг к признанию большевизма.

Серьезное утверждение: работа в гуще России. Отсюда должен быть вывод. При распаде большевизма мысль эту нужно обдумать серьезно. Надо представить *возможность работы в России при большевистской России*.

Винавер. Настаивает на введении своей мотивировки: *оправдания партии в прошлом не должно быть.*

21 декабря

Café Voltaire.

Мой доклад.

Речи Демидова и Гронского

Кедрин: не возражает против доклада, но монархия, федерация и аграрный вопрос – *не дело нынешнего* дня.

А идти ли 8 января[915]? С. р. – припомним выборы в Учредительное собрание <пропуск> – почему не могли мужики выбрать – майоризация – не надо быть пророком, когда Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] говорит: *не знаю*, что выйдет. Попадут социалисты в большинстве, наши *потонут*, голос будет *не слышен*.

Я позволил себе *неосторожный* шаг, в котором *не раскаиваюсь*, примкнул к организации, из которой может быть что-нибудь и выйдет: состав *правый*, но если бы *все* вошли, то получился бы уклон в противную сторону. Мы бы имели *бóльший* авторитет, чем в Учредительном собрании. Были бы удостоены доверием *русского народа*.

Рысс. Куда идти – в Учредительное собрание или в Национальный комитет частных лиц ([депутатов] Гос[ударственных] дум)? «Это обман». – Учредительное собрание созвано на основании избирательного закона, который Кедрину не нравится. *А не обман ли* Государственные думы? Там *не 21 партия*, а урядники и становые. Они «облечены народным доверием»?

«*Уклон вправо*» – неизбежен в *том* собрании. Там – люди старой психологии. Достаточно умный Гурко, который может правой рукой вести левую, а левой – правую политику.

Почему нужен курс *налево*: потому что в России *все* идет налево. Аграрный вопрос, навык к республике, навык к отдельности национальностей.

У нас разница *не программ, а психологий*. Некоторые *не могут* отрешиться от старой. Надо считаться с новой психологией народа.

Винавер. Спрашивает, что значит объявляемая «Общим делом» организация – комитет по организации Национального комитета[916]?

Викторов-Топоров[917]. Это совершенно отдельные попытки. К концу недели будет платформа и список лиц.

Винавер. К нам никто не обращался.

Викторов. Пока столковываются частные лица – организация «Общего дела» – исследуют технику вопроса обращения к существующим организациям.

Дусан[918]. Пока приглашаются индивидуально отдельные лица. Но они обратятся и к партиям. Наш комитет считает необходимым продолжение вооруженной борьбы и сохранение Врангелевской армии (не самого Врангеля). Принцип выдерживается твердо: нужно остатки сберечь для будущей формации. Вторая задача – борьба с большевизмом. Кадеты там есть.

Эльяшев. Не друг 1-го Учредительного собрания, потому что не закон плох, а выборы производились плохо. Сколько будет нас в Думе? Не то ли же меньшинство?

Опыт Киева и Екатеринодара. Может быть, мы будем пользоваться авторитетом? Может быть – но не для того, чтобы у *них* пользоваться авторитетом, а в Европе и в Советской России. Государственная дума опорочена 3 июнем[919]. Мнение авторитетного лица: большевизм падет, но там ждут, чтобы кончилась гражданская борьба. Возьмут власть, может быть, с. р., меньшевики и левые кадеты. Даже при таком правительстве городские слои будут в оппозиции.

Комитет членов Г[осударственной] думы *не будет* пользоваться авторитетом. Мы не шли как партия ни в комитет Дум, ни в инициативный комитет.

Я. Отвечаю Кедрину горячей речью. Он не может быть *согласен* с запиской и, в то же время, делать прямо противоположное. Монархия, федерация, аграрный вопрос есть *именно* вопрос нынешнего дня; не решив их, нельзя знать, *куда* надо идти. Но решив, нельзя идти к членам Дум, хуже всего, если и они примут эти лозунги. Я не знаю, будет ли «обман» в сообществе с. р. – но тут *уже есть налицо обман – продолжение обмана, длившегося 10 лет* и вызвавшего революцию. Это *«бывшие люди»*, которым важна *фирма* к. д., потому что она прикрывает обман. Но *нам* не рука это делать, именно в настоящий момент, когда мы зовем к противоположному. Говорить, что вы со мной согласны, поворачиваться спиной и идти в обратном направлении – странное согласие. И какая *разная мерка*! *Там* – вы не боитесь остаться в меньшинстве, хотя там именно принцип майоризации – и вы сами об этом говорите. *Здесь* – вы боитесь майоризации, хотя мы заявили, что идем на принципе коалиции. Там – вы «избранники народа» – по цензовому закону 3 июня, здесь – «мужики» не сумели выбрать по всеобщему избирательному праву!

Надо же помнить, что перед нами выбор: *или* туда, *или* сюда. Идти сразу двумя путями невозможно. Настоящий момент логически *вытекает из всего предыдущего.* Мы – посреди между крайностями: мы представляем начало относительности среди двух *абсолютных* воззрений. Прежде, до большевиков, мы боролись с *левым* максимализмом, который губил революцию. Мы своего взгляда на этот максимализм, *как максимализм*, не меняем. Но мы слишком долго продолжали стоять на этой позиции уже после того, как нам начал грозить *максимализм правый.* В союзе с ним *мы постепенно спустились* со ступеньки на ступеньку, *до самого черного дна.* Нам надо как-нибудь из этого болота *выбраться.* Я понимаю лояльность по отношению к нашим союзникам, пока продолжается борьба: но ведь борьба кончилась в *этой* комбинации, и в будущем нам предстоит другое. Я не знаю, помиримся ли мы с с. р. на Учредительном собрании; но я знаю, что то, что мы делаем сейчас, мы должны сделать не для них, а для самих себя. Как сказано в записке, мы, все равно, должны восстановить свое лицо, состоится или не состоится соглашение. Зачем же вы продолжаете затушевывать это лицо и тем делать соглашение психологически невозможным для другой стороны? Это относится и к тому начинанию «Общего дела», которое как раз выдвигает спорные и враждебные лозунги. Я понимаю, что, по своему положению, «Общее дело» должно это делать. Но зачем же делать это нам? Не сегодня–завтра, не в этот год – в другой мы, все равно, принуждены будем работать с с. р.: первой социалистической партией, которая будет вести буржуазную политику. Я не знаю, конечно, каковы будут партии в возрожденной России. Но, как стоит дело сейчас, мы *с ними* должны будем идти в деревню. Или, быть может, вы думаете, что армия произведет в России *правый* переворот и восстановит самодержавие? Может быть, не знаю; но знаю твердо, что *там* нас быть *не должно.* Вы пренебрежительно говорите о «мужиках», которые не сумели выбрать из 21-й партии. Конечно, легче выбирать не мужикам по ограниченному цензовому закону. Но я начинаю *уважать* этих невежественных мужиков. Не мы, а они провели свою волю, инстинктивно и страстно противясь всем нашим попыткам их «освободить» извне. Они, очевидно, *такого* освобождения, в *таком* сопровождении, не хотят, и из-за *этого* затянулась гражданская война. Пора же перестать упрямиться и всмотреться повнимательнее в то, что действительно происходит *внутри* России. Но и тут нельзя идти двумя путями. Если вооруженная борьба при *благоприятных* условиях каждый раз наталкивалась на сопротивление населения и слабела

по мере успеха, то на что же можно надеяться теперь, без территории, когда карты открыты и отношения установлены? Нам говорят (Ростовцев), что французы нас будут «умолять» дать им армию. Для чего? Наша записка советует к этому относиться чрезвычайно осторожно: национальное чувство в России крайне обострено, и раз мы смотрим туда, вовнутрь, мы должны же понять опасность новой интервенции. Записка *допустила*, что вооруженная борьба *может* возобновиться и вооруженная сила может пригодиться – для внутреннего переворота. Но – при *других* условиях и *вне связи* с армией Врангеля. Поэтому «Общее дело» делает вредное дело, призывая нас стать как раз под *это* знамя.

Кедрин опять повторяет, что со мной согласен, но что оставляет решение на своей совести и думает, что *все* мы туда пойдем.

С мест возражают.

Викторов-Топоров, по личному вопросу, напоминает, что он когда-то защищал «Речь» от обвинений на Балканах, что она делает *заказанное* ей дело, защищая Болгарию. Теперь он протестует против такого же обвинения с моей стороны против «Общего дела».

Все сотрудники «Общего дела» *убеждены* в том, что они действуют по глубокому убеждению.

Это заявление сопровождается оживленными аплодисментами. С той стороны уже раньше слышались возражения с мест (Аршаулов[920], Ростовцев) против отзывов Гронского о военной стороне борьбы.

Я объясняю, что имел в виду психологические и моральные мотивы «Общего дела», а не какие-либо иные.

В небольшой компании (Гронский, Демидов, Волков, Вакар[921], Косиковская) мне рассказывают, что при выходе Ростовцев волновался по поводу моих заявлений (не в записке, а в речи) по поводу вооруженной борьбы, и вообще сдержанность и молчание группы объясняется ее психологическим противодействием тому, что я говорил. Оппоненты нашей позиции из Комитета вовсе не пришли на заседание (Штерн, Пасманик). Вообще в воздухе «пахнет грозой».

23 декабря

Показал *Маклакову* письмо, написанное мной Б.А. Бахметеву, со ссылкой на два письма Б[ахметева], данных мне в копии (10 декабря) Маклаковым, и с просьбой поддержать съезд Учредительного собрания каким-нибудь заявлением, от Б.А. [Бахметева] или от общественного мнения Америки.

В письме я констатировал почти полное совпадение мнений моих с бахметевскими. При письме я приложил копию моей записки в последней редакции.

Маклаков мне показал третье письмо Бахметева, тоже очень интересное, с подчеркиваниями, что с военной психологией надо кончить, и с опасениями, что Франция будет ее поддерживать в Польше, Венгрии и Румынии. Рассказал также о положении русского вопроса в Америке. Оно несколько улучшилось со времени рассказов Спарго[922]. Обещал прислать копию.

Затем Маклаков рассказал мне про свое свидание с Berthelot[923], о котором, как предстоящем, говорил во время прошлого свидания. Berthelot уверял его, что Советов Франция не признает. Но торговать разрешит, хотя и предупредит об опасности торговли с большевистским правительством. Блокады поддерживать тоже не будет. Главное внимание Франция обратит теперь на лимитрофы. Я замечаю тут, что это значит политика Клемансо, которую инспирировал Berthelot. Маклаков ответил, что Berthelot сошелся с Клемансо только в конце, когда, за отлучкой другого, работал с ним в Англии и показал свою изумительную работоспособность. Ранее же Клемансо относился к нему подозрительно, потому что он работал у Бриана[924]. В частности, рассказал интересный эпизод о признании независимости Финляндии, по поводу приезда финляндской делегации. Пишон заверял Маклакова, что независимость Финляндии признана не будет. То же самое, в 5—6 часов пополудни повторил ему Berthelot. Ежедневно в 5 часов Маклаков, с разрешения Пишона, приезжал читать депеши у Бертело. Бертело показал ему телеграмму французского посланника в Швеции (Швеция первая настаивала на признании) и его, Бертело, ответ, в смысле непризнания. А вернувшись домой, Маклаков прочел в «Temps», что независимость Финляндии признана. Он позвонил тотчас Бертело: читали вы «Temps»? — Нет. — Независимость Финляндии признана! — Бертело страшно смущен. На другой день утром сам позвонил и старался замазать весь инцидент. После этого Пишон старался восстановить добрые отношения и позвал Маклакова на завтрак — но не к себе, а в ресторан, из предосторожности. Оказалось, что Клемансо сделал этот шаг сам, причем Маклаков подозревает, что ему советовал сделать это Paul Boyer[925].

Возвращаясь к своей беседе с Бертело, Маклаков продолжал, на мой вопрос о Польше: относительно Польши Бертело сказал ему под глубоким секретом, что французское правительство настояло, чтобы поляки согласились определение границ предоставить Франции. Это значит, конечно, всем signataires* Версальского договора, по ст. 87[926]. Палеолог[927] плохо понимал значение этой статьи, как ни разъяснял ему Маклаков. Но потом «Temps» сослалось на эту статью.

---

* участникам, поставившим свою подпись под договором (франц.).

Когда Маклаков заговорил о Силезии и Данциге, Бертело категорически заявил, что *этого* они германцам не отдадут, потому что это значило бы слишком усилить Германию. Маклаков тогда указал, что это останется источником трений в будущем и может сблизить впоследствии Германию с Россией. Бертело ответил: по правде сказать, мы всегда считали, что, в случае победы Деникина или Врангеля, Россия фатально сблизиться с Германией: у них слишком много общих интересов.

Маклаков возражал: обратите внимание на то, что тут есть еще фактор — Америка, которая дружит с Россией, и антагонистична с Англией. Вам придется выбирать. Если пойдете с Америкой и с Россией, то Германию можно взять с собой; во всяком случае, тогда она не страшна. У нас тоже растущий антагонизм с Англией.

Бертело не отрицал в общем значения этих замечаний. Но в данный конкретный момент сказал, что нельзя часто менять политику, что перескакивать с позиции на позицию хуже, чем держаться ошибочной политики: последняя все-таки, со временем, может стать опять верной. Относительно Англии Маклаков преувеличивает. В бытность Клемансо в Англии Л. Джордж почти принял его точки зрения.

На германском вопросе Бертело обнаружил обычную французскую неуступчивость. Однако Маклаков все-таки передал ему ту опасную записку, которую по секрету написал для Камбона[928] (см. предыдущую книжку).

Он, по-видимому, согласился, что маленькую демонстрацию в пользу съезда *можно сделать*.

23 декабря. Вечером

Заседание группы у А.И. Коновалова.

Чтение протокола.

Обращение П.Д. Долгорукова от имени политического центра.

Заявление Штерна о выходе из комитета.

Мое личное заявление.

Заявление Кедрина о третейском суде.

Пасманик. Внеочередное заявление. Мне было передано товарищами, что в этом собрании было заявлено, что само собой понятно, что «Общее дело» пишет то, что оно «обязано» писать. Если этим замечанием хотели сказать, что оно получает деньги от Врангеля, — то я, как член комитета и редакции, должен протестовать: 1) деньги из того же источника, как «New Russia», 2) я в Крыму издавал 2 газеты без полушки, отказался, вел орган, как я хотел, и был — куда резче, с поддержкой Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] (его интервью, исправленное его рукой, — я не решался публиковать — отчасти из-

за интернациональной политики). Мы получаем репримандыᐧ от вас и сердитые телеграммы от Врангеля. Даже когда мы берем деньги, мы остаемся хозяевами своего мнения.

Я. Повторяю свое заявление, что я прекратил «New Russia» именно ввиду возможности такого толкования.

Коновалов. Объясняет, что не послал моего текста приветствия армии.

Я. Объясняю, что мне была поставлена невозможная задача, вышло ни два, ни полтора, этой телеграммы, действительно, не поймут; лучше ее не посылать.

Коновалов. Я слышал доклады Энгельгардта[929], и мотивов нет, которые предполагал Демидов.

Гронский. Возражает: соображения Демидова остаются в силе: надо утешить и поддержать. Может быть, упущено время. Но согласен, что текст – подогретая яичница. Но это – не то, что мы хотели. *Мы* к этому звали.

Свечин. Эта телеграмма не подходит психологически.

Коновалов. Нужны дела; виноват Струве, что поступил не по-общественному, и дело не вышло. – Комитет, может быть, создастся, но с другой инициативой.

Винавер. Предлагает выслушать Карташева и Коновалова о разных «комитетах».

Карташев. На вторичном заседании было заявлено, от имени президиума, что ничего не известно об инициативе «Общего дела». Я пополнил свои сведения и могут сообщить. От пятницы до сего четверга я был три раза в редакции. Пасманик привлек в кабинет Бурцева, который сообщил тихонько, что выпускает манифест и спрашивает моего мнения. Я сказал, что идея живая и вопрос не решен и никем не решаем. Думать придется после собрания членов Учредительного собрания, которое не родит Национального комитета. Но я просил переварить идею. Оказалось: не говорено со многими. Надеются, что откликнутся беспартийные. Я постарался привлечь Философова[930], Гримма: оба выслушали идею Бурцева о Национальном комитете из внепартийных элементов. Он не сразу победил умы собеседников. Я заметил, что у меня теперь есть мнение: претензии создать универсальный Национальный комитет в обстановке *не резонирующей*, когда и авторитетные лица не могут осуществить – неосуществимы. Надо в ряду других комитетов заняться тем, чем другие не за-

ᐧ рипримандыи (от франц. réprimandes) – выговоры, замечания.

нимаются. Борьба за идею вооруженной борьбы и преемства власти – свойственны Бурцеву. Это – специальная задача: выступить с ней – значит не идти поперек дороги другим. Если судьба будет благоприятствовать этому, он сам собой вознесется до Национального комитета. Философов сказал, что Врангелевская группа при такой постановке может связаться. Гримм сказал, что считает это начинание обреченным на неуспех. Члены редакции – Пасманик – заявил, что мой скепсис его заражает, другой сказал, что надо взять на себя ответственную задачу: мы должны провалиться, чтобы исполнить долг перед историей. Мне удалось – спросив Бурцева, с кем он хочет посоветоваться, – привлечь еще одного внепартийного собеседника. Оказалось, что Бурцев не мыслит Комитет из недр редакции, а хочет созвать широкий круг для беседы. Этот конгресс может кончиться ликвидацией: он, как начинатель, может быть этим удовлетворен. Идея отбивала в силу своей непомерной претенциозности; теперь она принимает более скромные размеры. Может быть, *ничего* не родится; может быть, родится идеальный Национальный комитет. Может привести к скромному созданию, к признанию невыполнимости.

Коновалов. Вы смотрели на себя как на подталкивателя?

Карташев. Я считаю, что какой-то Национальный комитет должен быть создан. Совещание с с. р. *формально* отказывается взять правительственную государственную роль. Отрицают вооруженную борьбу и интервенцию: это связывает кадетскую группу или оставит ее одинокой. Начинание Бурцева приступает к проблеме, никем не решенной. Мое личное желание – превратить в специальный комитет ревнителей воссоздания вооруженной борьбы, – идеи, которая всеми оставляется. Мы пойдем в хвосте иностранных сил или попадем в руки генералов. Я буду биться за то, чтобы провести *это*. Я беседую с двумя генералами, чтобы они усвоили эту идею, подбираю родственные военные силы: это моя национальная задача. Я докладываю в субъективной окраске: я не был инициатором, корней идеи не знаю. Доклад потребует более осведомленного докладчика из недр инициаторов.

Коновалов. Что мы будем обсуждать: начинание Бурцева или вернемся к записке?

Винавер. Будем обсуждать сообщение Карташева и соотношение его идеи с нашим взглядом.

Коновалов. Но ведь у нас состоялось решение с целью *подойти* к составлению Национального комитета.

Я. Прошу Пасманика дополнить информацию.

Пасманик. Трудно: мы говорим на разных языках. В нашей бумаге о вооруженной борьбе с большевиками ничего не сказано. Мы

знали, что с. р. на образование Национального комитета не пойдут. Создается что-то другое, и мы ожидаем этого другого с большим страхом. Это нас заставило с Бурцевым взяться за другое дело. Я убедил Бурцева примириться даже с Керенским, лишь бы только оно образовалось. Не должно было случиться, чтобы Комитет не послал армии утешения.

Мы были убеждены, что ни Думская[931], ни ваша попытка не приведут к поддержке вооруженной борьбы; мы из Берлина, из Константинополя, даже от к. д. получили *требования*: они против схождения с с. р. Мы решили поискать объединения на почве утверждения, что государственная власть не исчезает; без Врангеля или с Врангелем; с казачеством. Тоже получили сведения – отовсюду обещают содействие в смысле связи, средств – создание моста между нами и армией. *Одно* условие – признание Февральской революции – вызывает много споров, говорят: значит признать и советы? Мы отвечаем: советы возникли *вопреки*, а не *вследствие* Февральской революции. Людей *этого типа* мы и хотим объединить. Мы не прервем работы; наше дело не безнадежно, даже со стороны французов. Создание определенного Комитета – при условии определенных имен – будет приемлемо для чехословаков. (Голос: каких имен?) Я не имею права говорить, я не в дружественной среде: может попасть в «Последние новости». Ставятся условия: центр движения идет не отсюда – нашли отклик в других странах.

Эльяшев. Вы говорите, что привлекаются непартийные группы: но Вы и Гримм? Это значит: широчайший круг?

Карташев. Надпартийный, количественно большой.

Эльяшев. Не помешает ли это попытке другой? «Дерзали» много; но не будет ли очередного провала? Или, при воссоздании – гора родит мышь?

Рысс. Нахожусь в угнетенном состоянии. Перед нами картина: Парижский комитет, может быть *необдуманно*, принимает постановление; надо же сообразоваться. Мы тратим вечера зря, потому что наши же участники обсуждения и голосования действуют за свой страх и риск. Наши соображения правильны; но если каждый действует за свой страх, надо ликвидироваться. Информация Пасманика – ссылается на телеграммы от тех, кто *не верит* в Учредительное собрание и желает заранее сорвать то, что может образоваться. Члены той же самой Парижской группы – ведя переговоры и согласившись стать на определенную точку зрения, – ведут обратную линию.

Карташев. Я этого не начинал.

Рысс. Я часто был не согласен поддерживать Врангеля, но подчинялся. Надо себя распустить.

Винавер. Как Карташев и Пасманик себе представляют положение? Было решение, был ответ с. р., был наш ответ: это путь к Национальному комитету, возложили ведение дела на президиум; мы ведем переговоры об образовании Национального комитета, имеем в виду трудности, ищем пути с с. р., сегодня говорили с татарами. Приходит Карташев, говорит: я не верю; приходит Пасманик: тоже не верю и хожу к французам. Я не решил бы распустить себя. Но надо громогласно заявить, что сепаратные действия наших членов идут вразрез. То же дело делается членами нашей организации – другими средствами. Ранее, чем образовывать другие организации, надо бы было прийти сюда. Я случайно полюбопытствовал: уже есть переписка с нашими же товарищами; мы пишем записки, а там подбирают к. д. из Берлина и из Константинополя. «Собрание хороших людей» – вообще беспредметно... аморфно... Так можно многое разбить, но ничего не создать. Это работа разрушительная. Вы, «Общее дело», ведете разрушительную работу. Единственный остаток – партийные группировки; самая ценная – кадетская. Никогда в истории нашей партии никто не откалывался в конкурирующую организацию. В глазах французов можно привести Савинкова и Алексинского[932]: ничего прочного не создадите, удовлетворите временную психическую потребность.

Моя речь.

Коновалов. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] изложил уже принятые точки зрения. Становится невыносимым положение президиума. Чтобы сказали вы, если бы другие пошли к Денисову, принесли бы 25 тысяч золотых мешков и тоже строили бы Национальный комитет. Это – анархия. Если бы у нас был орган, мы бы с «Общим делом» *боролись.* Но не понимаю, как вы, участвуя в наших решениях, собираетесь нас же взорвать. У меня впечатление, что около «Общего дела» сосредотачивается водораздел. – Давайте бороться.

Волков. Когда две недели назад мы обсуждали, идти ли на совещание с с. р., я выступил с горячим протестом, оказался в ничтожном меньшинстве с Ключниковым и Федоровым. Мы там становились на новый путь, развитый в записке Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова]. Я опасался крутого поворота. И сейчас считаю, что он может привести к расколу. Но, смотря пессимистически, я не думал, что мы придем к анархии. Я болезненно переживал, уклонялся две недели, но понимал, что нельзя участвовать в конкурирующей попытке. Меня тоже привлекали, но я заявил, что пока мы не дойдем до

конца, я не буду конкурировать. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] прав, что лучше разойтись по разным лагерям. Мы приняли разрыв с трехлетней тактикой; нельзя пытаться ее спасать. Меньшинство должно подчиняться или разойтись. Иначе мы в корне разрушим и существующие объединения. Бурцев, Алексинский смотрят на партию как на анахронизм, но мы не можем становиться на эту точку зрения. Я понимаю Карташева: закулисные разговоры с генералами для будущего ничему не мешают, после объединения генералы и специалисты понадобятся. Но это будет – из другого источника, с другими предпосылками. Пасманик не голосовал против. (*Пасманик*: Я воздержался.) Что вы делаете, это есть удар по всему начинанию.

Карташев. Обращение сделано и ко мне: возражения высказываются против *всего* начинания. Я приму их только в [той] мере, в какой они *ко мне*. *Повредит ли* это предприятие членам Учредительного собрания? Я не ответственен за то, что *уже* началось. Почему я все-таки считаю нужным стараться извлечь maximum объективной пользы? Я твердо встал на почву убийственного, убедительного ретроспективного анализа Пав[ла] Ник[олаеви]ча [Милюкова]. Давно не испытывал удовольствия столкновения с такими умственными мускулами. Я вступаю на почву руководства этим докладом. Да, мы должны ликвидировать старый метод. Но мои заботы – идут дальше. Перевалив через горы, партия к. д. почивает как в день субботний. Может быть, это преждевременно, может быть, и ошибочно – не приходится испытывать личного удовлетворения. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] говорил: нужна повседневная работа, *именно* встав на почву этой ретроспекции. Это должны сделать *мы*, с военными специалистами. С. р. этого сделать не могут. Мы должны и военных перевести на *наши* рельсы. Как только бурцевское начинание вскрылось передо мной, я сразу почувствовал, нельзя ли превратить это предприятие, пока в теплице, в то, о чем *я* ревную: в комиссию ревнителей по *этому* вопросу, хотя и с несколько иным духом в смысле психологии. Оно не помешало бы развитию магистральной дороги. Я мог бы работать *только* на нашей предпосылке, государственно и национально обязательной. Я снимаю с себя упреки в нарушении наших принципиальных основ: я должен буду на этом конгрессе изложить свою связь по совести и ушел бы оттуда с логическим вотумом. Такое участие никому не заказано. – Это не участие в конкурирующем, а в специальном предприятии.

Винавер. Напоминает, что у Бурцева речь о *Национальном комитете*. Он продолжает и *после* ваших бесед свой «универсально-национальный комитет».

Карташев. Но он говорит, что эта задачи подлежит обсуждению и, может быть, *отвержению.*

Рысс. Духу нашей новой платформы будет противоположен дух старый.

Карташев. Они столкнутся принципиально.

Пасманик. Дам товарищеский ответ по совести. Бурцев *не* стремится к рекламе, а болеет душой. Как и мы. Обнажу свое сердце. – Но надо установить факты. Вы кричите об анархии партии к. д. Почему же предъявляете это требование *той* партии «Воли России»[933], которая ведет атаку каждый день. Передовица № 83[934] грубо отрезает путь к соглашению. Мы написали к корреспонденту в Праге: каковы настроения? Там формальное решение: ни на какие коалиции не идти: появление на одной платформе уничтожит возможные связи с чехословацким правительством, которое нас ругает Крамаржем. Для них это – существенно. (*Гронский*: золотой фундамент.) Я ничего не сказал. – Почему вы к *ним* не предъявляете требований. (*Винавер*: и они мешают; это очень плохо.) – Пав[лу] Ник[олаеви]чу [Милюкову] я припомню заседание в Киеве. 7 июля 1918 года. Винавер находился в Советской России. Мы услыхали, что ЦК в Москве установил определенную линию интернациональной политики. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] настаивал на проведении другой политики. Вы сказали: если будет на этом раскол, он исторически неизбежен. Я приблизился к вам – и испугался: вы мне сделали упрек. А вопрос о вхождении в состав гетманского правительства, против ЦК? *Этого* вы не боялись. Это означает, что, кроме общей схемы, под влиянием аморфизированной жизни возникают конкретные вопросы. Вы отбросите Юренева, Набокова. Задумайтесь над страшным кризисом. Я и Пав[ла] Ник[олаеви]ча [Милюкова] не упрекаю. Постановление Харьковского совещания[935] вами не одобрялось, говорил не ЦК, другая часть партии не принимала участия. Мы переживаем ужасную трагедию, которую переживают все партии: аморфизирование.

Я тогда не голосовал: я не могу голосовать, когда частью согласен, частью не согласен и не могу защитить свой взгляд. Я согласен с огромной частью вашей записки: с генеральством, с диктатурой – вплоть до разрыва с Врангелем – не могу согласиться. Если он не подчинится, мы уйдем. Но неприемлем: 1) *Эстетический* момент; нельзя уйти сразу, как раз на завтра после несчастия. Есть записка, – подведение основы под то же здание: думали что-то исправлять, 10 дней после падения. Бросив женщину, нельзя завтра плевать. Мне до слез больно. 2) Я действительно одурманен. Там *есть* силы здоровые. Там начнется разложение. В Константинополе уже имеется мне-

ние о нас как об их врагах. Вы не послали телеграммы. Это – недопустимо. Мы обратились к войскам с требованием приятия революции: здесь этого не было. Я абсолютно признаю – мог бы дать копию писем к Врангелю; я говорил, что прошлое кончено. Мы вас будем защищать против всех трусливых. Поэтому я отсюда не ушел. Я не могу себе представить, что наша работа вредит вашей. Не только потому, что уверен, что соглашение не состоится. В *содержании* не сойдетесь, потому что они считают, что они – власть. Сносятся с генералами, как будто завтра войдут в Москву. Можно будет тогда вскрыть, что кадет был там; не все отвернулись. Я и теперь думаю о пользе кадетской партии, потому что боюсь, что когда вернемся, нам припомнят. Если мы вам мешаем, если предприятие будет конкурирующее, – подумаю. Я не уйду, как Штерн, и оттуда, и отсюда. *Я где-то буду.*

Волков. Пасманик ставит встречный упрек: почему не воздействуем на с. р.? Едва ли нужно возражать: мы там не властны; мы обращаемся к нашим товарищам. Пасманику напомним шаг Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] в 1918 г. Не защищая Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] и будучи с ним не согласен, я, однако, отмечаю, что Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] сделал вывод: прислал в ЦК заявление о выходе; ЦК не дал хода. Он *не парализовал* линии ЦК. Раскол или анархия? Я считаю те действия анархическими. Юренев, Набоков, не участвовавшие с нами, могут отколоться, я этого боюсь. Но я не понимаю, как, участвуя в этом составе, можно вести диаметрально противоположную линию. Мы имели суждение о товарищах, участвовавших в «Народном комитете»; но они *меньше* погрешили, ибо то предприятие *не* конкурирующее. *Их* участие не может *так* компрометировать. Пасманик говорил, что его вынуждает необходимость оставаться корректным относительно Врангеля. Тут и есть расхождение: записка стала на позицию, что Врангель, которого и мы поддерживали, пока существовал Крым, теперь объективно провалился, уйдя с русской территории. Мы считаем, что этим самым Врангель похоронен, а вы разговариваете с покойником. Как мы можем сговориться с теми, которые и при жизни его не признавали. Вы спрашиваете, вредит ли «Общее дело»? Да, вредит. Но за «Общее дело» мы не ответственны. Я готов уважать противника. Но наши товарищи могут только принять линию: или уйти, или подчиниться. Может быть, мы не правы, может быть будущая Россия нас осудит, но мы не боимся, что с. р. победят.

Рысс. Я внимательно читаю «Волю России». № 83 говорит, что к. д. хотят нас привлечь к *политическому* соглашению, а мы хотим начать работу как члены органа без политических признаков. Если вы сдвинете Национальный комитет, то вводите, главным образом, поли-

тический элемент, деклассированных политических людей. «Эстетика» – очень ценна; но разве вы эстетично можете приять человека, который стал бранить Деникина на другой день после приятия власти?

Неужели политически целесообразно поддерживать покойника? Вы объедините тех, кого до сих пор объединяли, *только* старые группировки, и помешаете новой, исторически неизбежной тактике.

Винавер. По существу мы можем много спорить, но по форме вы должны признать, что это есть *действие*, сделанное *вне* комитета и *помимо* его. Одно дело – внутреннее убеждение, другое – внешнее действие. Нельзя принимать участия в организации, которая идет вразрез. Наши первые решения, все говорили об с. р. – еще до записки Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова]. Сворачивают на другой путь, нас не спрашивая. Завтра мы будем иметь то, что сегодня имеют с. р. Мы в первый день в посольстве заявили: пусть Врангель сам откажется. И Струве послал соответствующую телеграмму. А на другой день пошли приказы по ведомству. Струве, Кривошеин разрушают даже и помощь беженцам, цепляясь за прошлое.

Федоров. Мы более правильно судили, когда говорили о наших сочленах, пошедших в Парламентский комитет, что надо отнестись к ним с терпимостью. А тут – человек увлеченный, любящий Россию: не пойти говорить с ним – нельзя. Если бы тайно вошли в Комитет, вы бы могли судить нас. Но не быть в курсе, не убеждать его не делать ошибки, было бы неправильно относительно России. Бурцев и его воззвание – его дело. Говорить, что это какая-то анархия – неправильно. Мы должны, прежде всего, думать о России. Если теплится искра, всюду надо идти, и к военным, и к политическим. Если линии разойдутся, конечно, надо разделиться. Еще неизвестно, как другие группы реагируют.

Карташев. Как действовать? Не участвовать? Или сделать участие невинным? К. д. *пошли* в Парламентский комитет – и *потом* его покинули. Момент публичный – участие в собрании. Пойти ли? Дозволительно ли идти? Клонить к определенному выводу? Или à limite* недопустимо идти?

Пасманик. Я должен уйти из «Общего дела»?

Рысс. Если член редакции не согласен с направлением, он выходит.

Винавер. Мы говорим об *организации*, которая создается. Члены нашей партии должны строить Национальный комитет по единому плану, не участвуя в созидании чужого органа.

---

* до определенного предела (франц.).

Я. Отвечаю. Карташева надо просить пойти, защитить до конца *нашу* позицию – и уйти. Пасманику – остаться в «Общем деле» и доложить в следующем заседании, что Врангель дал неудовлетворительный ответ и что «Общее дело» меняет тактику.

1921

Съезд членов Учредительного собрания в Париже

<Отсутствует 1-я стр. 8-й тетради> из членов Учредит[ельного] собрания и с целью созвать следующее совещание. Винавер очень настаивает на предоставлении права кооптации (для торгово-промышленников). Авксентьев утверждает, что до этого не дотянуть, и что из торгово-промышленников некого выбрать. Третьяков недопустим. Я соглашаюсь, что надо остановиться на бюро, но надо наполнить его другими функциями. Винавер настаивает на том же, ч[то]б[ы] созыв следующего собрания был на последнем месте. После совещания оба говорят мне, что в группе очень сильное волнение и в бюро Учредит[ельного] собрания вообще не хотят участвовать: поэтому они настойчивы. Я отвечаю, что, все равно, нельзя идти дальше известного предела и нужно только считать, что не вся задача исполнена созданием бюро.

Вечером в 9 часов собрание комитета у А.И. Коновалова.

В ряде речей, после нашей информации, обнаруживается резко отрицательное отношение к Совещанию членов Учред[ительного] собрания. Демидов, Харламов, Волков, даже Гронский высказываются против участия в бюро, ибо это – не ведет к созданию Национ[ального] комитета, какого мы хотели. Родичев спрашивает меня, есть ли animus* для соглашения. Иначе не стоит идти. Отвечаю: у *меня* этот animus есть. Указываю, что он есть и с другой стороны. Бюро есть лишь первый шаг. Если не идти на то, что является, при данных обстоятельствах, максимумом успеха, то не следовало и начинать нашей тактики. Мы приведены к ней и невозможностью какой-либо другой альтернативы. На историческую справку Родичева отвечаю, что в 1921 году нельзя жить чувствами 1917 года и что тогда мы восставали против одних ошибок, а теперь совершены другие, – все оши-

* намерение, склонность, желание (лат.).

бались; надо относиться снисходительнее ко взаимным ошибкам и признать, что никому не удалось направлять события. Менее всего ошибался народ, который вовсе не был пассивен, а вел свою линию. Чернов – единственный, который *свою* линию провел, п[отому] ч[то] она совпала с крестьянской.

После моих заявлений Гронский переходит на мою сторону, Демидов смягчает возражения, Харламов умолкает. Мне кажется, что бунт несколько рассосался. На обратном пути Демидов спрашивает, очень ли Винавер ухаживает за с. р., я отвечаю, что *я* вел себя уступчивее Винавера, ибо вижу ясно границы возможного. Дем[идов] замечает, что наша дальнейшая информация их успокоила относительно намерений [э]с[е]ров.

5 января. Возобновляются переговоры с Загорским[936]. Вырабатываем формулу взаимных уступок. Вечером он сообщает Гольдштейну[937]. Назначается свидание на 7-е утром.

Пишу программу курса Histoire de la Civilisation en Russie*.

У с. р. начинаются непрерывные заседания.

6 января

Вечером заседание комитета у *Коновалова.*

Настроение, оказывается, не улеглось. Коновалов только что по телефону получает сообщение Керенского, что, м[ожет] б[ыть], удастся дальше, чем они ожидали, пойти в направлении нашего пожелания. Гронский защищает мою позицию. Но Волков и потом Родичев произносят страстные речи о необходимости выйти из комбинации как можно скорее. В частности, предостерегают меня против шагов дальше. Родичев говорит: если вы считаете, что выиграл Чернов, то вам надо отойти в сторону.

Я отвечаю, что противники нашей тактики не указывают альтернативы. Идти в направлении *обратном* нашей тактике мы не можем (напр[имер], в Думу). Это можно было бы лишь при идеологии Новгородцева, который в «Руле» (под псевдонимом Л. Опатовского) доказывает, что нельзя вообще идти с социалистами, которых Россия ненавидит, а нужно использовать шанс либерализма, хотя он уже и устарел и перестал быть жизненным для Европы. Нельзя хромать на обе ноги, нужно идти до конца в выбранном направлении, пойти и в бюро. Нужно лишь оговорить нашу точку зрения, и если бюро не пойдет дальше в нашем направлении, оговорить наше право участво-

* «Очерки истории русской культуры» (франц.).

вать в других попытках создания Нац[ионального] комитета (конечно, *не* в бурцевской).

Перед заседанием мы предварительно сговорились с Винавером и Коноваловым о выборе президиума, о вступительных речах. Я стоял, однако, за то, ч[то]б[ы] затронуть вопросы внутр[енней] политики, Винавер – за то, чтобы ограничиться внешней. Собрание разделилось. Некоторые поддерживали т[очку] зр[ения] Винавера, другие – мою. Я требовал свободы выражения мнения, по крайней мере, в пределах записки. Волков предложил ограничиться ограничением слева (борьба во *всякой* форме) и справа (признание революции). Другие и я находили, что это – общие места и надо идти дальше в уточнении нашей позиции. Винавер возражал, что это внесет новый раздор и в нашей среде. Карташев рассказал о последнем завете Н.Н. Щепкина – прислушиваться к новым настроениям в народе, которые уже совершенно не соответствуют тому, на чем мы построили свою тактику. Надо передвинуться значительно влево. (Записку и словесные указания Щепкина привез Paul Dukes[938] в Гельсингфорс.)

На обратном пути Харламов меня успокаивал, что *в пределах записки* они все со мной идут искренно. Он даже должен бы был выйти из партии, если бы мы не приняли нового взгляда на федерацию.

Защищая меня в заседании от нападения Родичева и Волкова, Коновалов подчеркнул, что новая тактика решена группой *в мое отсутствие*, а я только принял ее и углубил, вместе с тем, обостривши. Волков м[ежду] проч[им] характеризовал мою «прямолинейность», с чем я согласился, подчеркнув необходимость иногда быть прямолинейным.

Днем был Paul Boyer, расспрашивал меня о новой тактике, остался доволен. Вечером прислал копию своей записки правительству, в которой во многом стоит на моей теперешней т[очке] зрения (но есть сильные утрировки). Сообщил, что Керенский *работает*, через Прагу, в России. Сговорились о пользовании Щукинской библиотекой.

7 января днем в 3½ свидание у Винавера с Керенским и Авксентьевым. У с. р. идут бесконечные споры. Только вчера ночью кончили обсуждать вопрос о *цели* созыва съезда. В общем, все чувствуют ответственность положения и *хотят* провести съезд без инцидентов. Предполагают сделать партийную декларацию, но не раньше понедельника. На завтра – только открытие. Мы напоминаем им о выборе президиума и о приветственных речах. Будут обсуждать вече-

ром. По вопросу об органе оказываются сюрпризы. Инициативная группа продолжает защищать бюро. Противники выдвигают альтернативное предложение: выбрать от совещания — *одних с. р.*, а затем от земского городского объединения и буржуев. Если будет принято бюро, то оно будет *только* из членов Учредит[ельного] собрания и *не будет* выбрано *на началах паритета*. Я указываю, что если выбирать одних [э]с[е]ров, то нам незачем присутствовать на совещании. Если не вводить паритета, то мы не можем войти, ибо это нарушает наше начало соглашения. Керенский защищает отказ от паритета двумя соображениями: 1) преобладание с. р. в Учредит[ельном] собрании. 2) их главенствующая роль теперь в России. Я г[ово]рю, что ссылаться на Учред[ительное] собрание — значит нарушать другую нашу предпосылку: что мы не имеем дела с Учредит[ельным] собранием, а лишь со случайным съездом. Главенствующая роль могла бы привести вообще к отказу от общения с нами, но она не м[ожет] исключить начала соглашения. Керенский признает, что если не будет подписи к. д. под заявлениями бюро, то они не м[огут] считаться официальными заявлениями этого учреждения. Я принимаю, предлагаю записать это правило в нашу конституцию и, при этом условии, соглашаюсь отказаться от цифрового паритета. Мы пробуем убедить их, что нужно соединить оба плана: выбрать бюро от всех групп (мы напоминаем о мусульманах, сионистах и украинцах) и потом пополнить из зем[ско-]гор[одского] объединения. Керенский решительно и неоднократно говорит, что невозможно совместить оба плана. Спрашивает, что нам лучше. Я г[ово]рю, что при условии майоризирования лучше прямо идти на создание представительства одних с. р., ибо мы, все равно, тогда не пойдем в бюро. Керенский смягчается. Авксентьев говорит, что надо защищать план инициаторов, т. е. бюро. При этом выясняется, что Чайковского они персонально не пустят, так же как Савинкова, и есть среди «правых, здесь присутствующих», также кандидатуры недопустимые (я не понял этого намека Керенского: м[ожет] б[ыть] имеет в виду меня? Или выразился неумело, и фраза имела другой смысл?). Коновалов потом, уходя со мной, высказал, что обход Чайковского вызовет страшный переполох.

Керенский и Авксентьев уезжают на свое заседание, оговариваясь, что все эти вопросы не окончательно решены. Винавер тоже признает, что дело повертывается хуже, чем мы ожидали. Общее наше настроение: надо быть осторожными.

Сегодня утром окончательно сговорился с Гольдштейном и Загорским, которые предложили было изменения в моих формулах, но я не согласился, и они не настаивали. Затем они выразили желание

поговорить с Коноваловым о финансовой стороне, хотя я их предупреждал, что тут ожидать от К[оновалова] нечего. Сегодня свидание не состоялось, п[отому] ч[то] затянулось наше заседание с Керенским.

Вечером у Коновалова

1-е заседание «фракции» (т. е. пяти членов Учред[ительного] собрания).

Передаем нашу информацию. В президиум решено сперва назначить меня, но потом, после мотивированного очень хорошо заявления Волкова, я настаиваю, ч[то]б[ы] принял Коновалов. Указывается, что я – слишком яркая фигура, что мне надо говорить. Я прибавляю о возможности отвода. По поводу речей поручено мне выступить с общей речью: тема – необходимость объединения. Маклаков г[ово]рит, что надо нарисовать положение России.

Затем я предлагаю созвать комитет на воскресенье для выработки декларации: мне поручено выработать.

8 января, 11½ утра у Коновалова

Приходит Керенский и сообщает их решения. Кандидат в председатели – Авксентьев; утром приходили к Кер[енскому] сторонники черновской кандидатуры и, ввиду нападок «Общ[его] дела», требовали выставления именно Чернова. Мы заявляем, что тогда откажемся. Керенский сообщает Коновалову, что они имеют в виду Руднева, чтобы не компрометировать Авксентьева у левых, у которых он и так не на хорошем счету. Керенский г[ово]рит, что у них есть пожелания и относит[ельно] нашей кандидатуры (видимо, намекая на возможность отвода). Я сообщаю, что у нас назначен Коновалов (это имя написано и на их бумажке).

Речей они не хотят, кроме речи председателя. Но ставят в зависимость от других фракций.

Относ[ительно] «органа» он сегодня в пессимистическом настроении. М[ожет] б[ыть] придется кончить заседание, не выбрав никакого органа. Они было почти провели свою (и нашу) мысль о «комитете», в к[ото]рый могли бы войти и представители земско-город[ского] объединения или комитет на «персональном» начале, но при отводе самых влиятельных лиц с той или другой стороны – ничего нового не получается. Лучше, м[ожет] б[ыть], оставить «делегацию» с. р., которая и будет переговариваться после съезда, когда вопрос несколько созреет.

Предполагаются три комиссии: о проверке мандатов и о наказе – по три члена; о порядке дня – 5 членов. Предлагаю в последней сосредоточить подготовительные и согласительные задачи. Керенский предлагает внести это предложение в понедельник.

4 часа

1-е заседание членов Учр[едительного] соб[рания]

Открывает Руднев.

Предлагает избрать председателя: сперва записками.

Макеев[939], Булат[940] и Тухтаров назначаются считать записки.

31 записка. 28 Авксентьев, 1 Чернов, 1 Минор, 1 пустая.

Авксентьев соглашается; другие – отказываются (*Чернов*: «не могу»).

Подают записки: Авксентьев избран *единогласно*.

Авксентьев. Г[оспода] члены совещания, позв[ольте] выраз[ить] признат[ельность] за доверие – и предложить выполнить священный долг, к[ото]р[ый] лежит на нас всех. Многие члены Учр[едительного] собр[ания] погибли в борьбе за своб[оду] России, многие граждане разн[ых] народов погибли, три года льется братская кровь. Предлагаю почтить вставанием.

Мы д[олжны] приступить к работе. Мы – совещание членов Учр[едительного] собр[ания]. Не претендуем на власть и не исходим из утвержд[ения] форм[ального] права института, ибо этот институт – Учр[едительное] собр[ание], а не частное собрание членов. Мы исходим не из форм[ального] права законодат[ельного], а из интимн[ого] сознания долга делать то, что обязаны делать. Мы д[олжны] выступить на защиту чести, достоин[ства], интер[есов] и достояния Р[оссии] и поднять независ[имый] голос. Мы, больше чем кто-либо, несем это обязат[ельство]: мы избраны всеобщ[им] всенар[одным] голосованием. Нет того института, к[ото]р[ый] был уполномочен отстаивать честь и дост[оинство].

Но задачи наши д[олжны] б[ыть] ограничены. Мы не претенд[уем] на созд[ание] росс[ийской] власти или указ[ание] метода и способ[ов]. Российск[ие] силы извнутри Р[оссии] более призваны. На нас – задача международная. Многие месяцы мы наблюд[аем] Россию, как объект междунар[одного] воздействия. Если она, как правовой субъект, не может действовать, то она имеет право требовать, ч[то]б[ы] с ней обращались не как с безгласным объектом. В воззвании б[ыло] сказано, что нам предлаг[ают] обсудить методы и способы. Наряду с реш[ением] вопросов междунар[одного] интереса Р[оссии], надо обсудить вопрос о порядке выполнения постановлений, к[ото]рые примет заседание. Если установим формы выполнения наших постановлений, то задача наша будет выполнена.

Начинаем в тяжкий момент: факт нашей малочисленности, собрание на чужой земле, частное; мы несем горечь свободной России, проснувшейся в марте, – сознание необходим[ости] борьбы. «Разрушь-

те храм, и в три дня воздвигну». Храм, теперь разрушенный, мы три года не м[ожем] восстановить. Но если носим веру в сердцах, то храм этот будет воздвигнут (жидкие и неуверенные рукоплескания).

Избрание товарищей председ[ателя] и секретарей.

Руднев. Предлагает 2-х тов[арищей] председ[ателя] и 1 секретаря.

Максудов[941] предлагает 2-х товар[ищей] секретаря.

По запискм избраны (30 записок, из них одна пустая):

Минор – 26

Коновалов – 28

Руднев, Чайков[ский] по 1

Тухтаров – 28. Максудов 1

Избраны второй подачей Коновалов, Минор, Тухтаров.

Занимают места. Предлагается порядок дня:

1) принятие врем[енного] регламента,

2) технич[еский] доклад,

3) избр[ание] комиссий: *1)* личный состав, *2)* наказ, *3)* комиссия по выраб[отке] порядка заседаний сессии. Принято.

Читается проект врем[енного] регламента.

Принят единогласно.

Технич[еский] доклад Роговского Е.Ф. (отчет инициативной группы по созыву). Дается слово Чернову для внеочередн[ого] заявления по поводу его присутствия.

Чернов. Я беру слово, ч[то]б[ы] поблагодарить за приглашение участвовать в работах частн[ого] совещания. Считая, что председатель У[чредительного] с[обрания] не вправе участвовать в работах частн[ого] совещ[ания], я высказываю убежд[ение], что идея У[чредительного] с[обрания] восторжествует, и когда народ расчистит место от диктатур справа и слева, я, как председат[ель] У[чредительного] с[обрания], к[ото]рое не подчинилось 1-й раз Ленину, 2-й – Колчаку, соберу У[чредительное] с[обрание] на территории освобожденной России.

Избрание комиссий 3+3+7.

Я предлагаю перерыв.

Винавер предлагает решить вопрос о количестве после перерыва.

После перерыва фотографирование и списки согласительных комиссий.

Принимаются en bloc. 4+4+9.

Просят остаться членов комиссий.

Поручают президиуму установить возможность и порядок редактирования «Бюллетеня».

Следующее заседание в понедельник, 3 часа.

Заседание 9-членной комиссии

Проект президиума:

I. Обсуждение вопросов, касающихся признания советской власти европейскими державами.

Вопрос о концессиях, торговых договорах, блокаде {о взаимоотношениях России и окраинных государств}.

Вопрос о разделе России, ее владений и имущества.

Охрана имуществ Российского государства и прав российских граждан за границей.

Вопрос об интернированных военнопленных и беженцах.

II. Вопрос о форме и порядке выполнения постановлений совещания.

9 января

В 1 ч[ас]. дня завтрак с F. Golder.

В 3 часа заседание девятичленной комиссии по вопросу о порядке заседаний.

Выбирается председатель Руднев, секретарь Харламов.

Я предлагаю начать с деклараций, продолжить резолюциями и кончить организац[ионными] вопросами.

Винавер возражает против первого пункта и предлагает обсудить резолюции.

Авксентьев присоединяется ко мне. Он точнее определяет темы 3-х (или 4-х) резолюций: 2 общеполитич[еские] и 2 частные (охрана прав и беженцы).

Керенский: *по существу* не можем обсуждать сегодня резолюции, только порядок дня. Еще ни один пункт не обсужден у нас. Поддерживает мое и авксентьевское предложение.

Максудов. Здесь 3 вопроса: порядок обсужд[ения] комиссией, программа заседания и программа всей сессии. Надо сперва принять общий перечень. Мы предлагаем включить особый пункт о национ[альном] вопросе. Мы тогда только будем знать, участвовать ли нам в конференции.

Винавер. Не ограничиваясь формальн[ыми] вопросами, надо войти в существо, ч[то]б[ы] не б[ыло] опять пустого заседания. Если хотят декларацию вперед, не возражает. Но предлагает обсудить, как мыслится составление резолюций, пути их предъявления и соглашения.

Максудов. С технич[еской] т[очки] зрения, нужно ли поставить *вперед* наше отнош[ение] к большевикам. Если мы *априорно* противники большевиков, то остальное вытекает из этого. Лучше кончить этим.

Руднев. Вопр[ос] о декларации – предрешенный. В деклар[ации] чувств[уется] потребность, как в более свободной мотивировке. В групповых деклар[ациях] м[ожно] коснуться и *внутр[енней]* политики.

О характере работ – у нас поручение т[олько] о порядке дел. Но где-то, в этой ли комиссии, нужно сопоставление результатов работ во фракциях. Или надо создать подкомиссию для согласования – или здесь.

Авксентьев. Предлагает экономить время. Сейчас не заниматься обсужд[ением] предлож[ений] Винавера, а заняться бесспорным: пункты, к[ото]р[ые] д[олжны б[ыть] выдвинуты, как предметы суждения совещания. М[ожно] распределить по темам, по дням; потом перейти к вопросам дня.

Минор. Нужно взаимное ознак[омление] по существу не с целью согласования, а для предварительного ознакомления с порядком мыслей, чтобы знать, где мы сидим. Д[олжна] б[ыть] декларация, а затем обменяться мнениями, причем я против постановки мусульм[анской] группы: есть сверхнациональный, общероссийский вопрос; за ним и национальный.

Чайковский. Расхожусь с теми, кто в 1-ю очередь хочет декларацию. Если бы дело б[ыло] в выяснении партийн[ых] взглядов, так; но если надо согласиться на конкретных вопросах, – то декларация д[олжна] б[ыть] заключительным аккордом. Если пустимся в красноречие, соглашения быть не может. Надо высказаться по отдельным вопросам.

Я. Предлагаю *по существу* обсудить вопросы в неформальном заседании; ввести стадию неформального согласования текстов резолюций. Предложить общему заседанию дать комиссии дополнительное поручение – согласовать разнородный материал *до* внесения в общее заседание. Согласен на четыре темы. Максудова – удовлетворить в декларациях и во 2-й теме.

Керенский. Присоед[иняется] к предлож[ению] Милюкова: *не* заним[аться] суждением *по существу*. Завтра, как предл[агает] Милюков, д[олжно] внести предложение расширить наши полномочия для согласования резолюций и, м[ожет] б[ыть], внесения единой. *Сегодня* по существу не обсуждать.

Декларация д[олжна] б[ыть] вначале, как введѐние в общие прения. Не нужно *искусственно* добиваться внешн[его] единения. Милюков прав, что разногласия прорвутся в частн[ых] случ[аях]. М[ожет] б[ыть] это будет болезненно, но эту работу *надо* проделать: она неизбежна. Мы *хотим* сделать все так, ч[то]б[ы] не компрометировать рус-

ского дела перед европ[ейским] обществ[енным] мнением. Завтра начинать прения о признании, не провентилировав у себя, было бы неосторожно. Предлож[ение] Максудова будет удовлетворено во 2-й теме или в декларациях, — но национ[альный] вопрос в рамках *международных*.

Руднев предлагает выделить специальные темы. Ставим ли на очередь декларацию?

Максудов. Нельзя закрывать прения, пока список не исчерпан. Хочу распростр[аниться] о национ[альном] вопросе. Этот вопр[ос] всегда старались скомкать и в Думах, и в земствах, и везде, где преобладали реакционеры-помещики. Мы предполагали, что теперь вопрос будет вскрыт. Есть национ[альности], для к[ото]р[ых] это не «сверхнацион[альный]» вопрос, а вопрос о жизни и смерти. Мы полагали, что настоящ[ее] собрание — в 1-й раз — истинные представители р[усского] народа — их слово будет символом Никейского собора[942] русской интеллигенции. Будем настаивать, ч[то]б[ы] вы откровенно высказались. Включите вопрос национальный.

Руднев. Резюмирует: 1) декларация, 2) список вопросов, 3) способы соглашения, 4) порядок сессии.

Авксентьев предлагает: 1) решить, что деклар[ация] вначале, 2) необх[одимо] расшир[ить] полномочия комис[сии], 3) обсудить список пунктов.

1. *О декларации* отдельн[ой] группы и о ее *месте*

Установлено: деклар[ация] будет.

Максудов. Присоед[иняется] к партии нар[одной] свободы: *вначале*.

Решено: вначале.

2. Расширение полномочий

Винавер. Мож[но] затянуть дело или, наобор[от], а это д[олжно] б[ыть] *предшеств[ующей] стадией*: подготовка материала, а не сдача сюда. Не предрешать порядка обсуждения в самом собрании. Установ[лена] комиссия для *подготовки* работ.

Максудов. Пока не установили перечень вопросов, преждевр[еменно] г[ово]рить о резолюциях. Оставить вопр[ос] открытым, установить перечень, обсудить по существу.

Керенский. Это неправильно: м[ожет] б[ыть] не согласимся, но и разногласия м[ожно] аранжировать в наименее одиозной форме. Присоед[иняется] к Винаверу. Пост[оянная] комиссия.

Принято.

3. *Список вопросов*

Керенский. Предложите сообщить дополнительные пункты.

Я прошу не считать список закрытым.

Руднев. Нужно еще раз собраться для окончат[ельного] фиксирования.

Винавер. Есть разные категории: бесспорные, сомнит[ельные] вопросы. Остановимся *пока* на бесспорных, уже назревших. Мне неясен вопрос, что разумеется под двумя последними заголовками. Просит инициаторов разъяснить, или же ограничиться первыми двумя. Предлагает по закрытии заседания открыть частный обмен мнений для выяснения 3-й и 4-й тем.

Руднев. Окончат[ельно] не устанавливаем.

Чайковский. Список свалился как снег на голову. У нас свой, в сущности тот же самый. Я имею прибавить организационный вопрос.

Руднев. Он *есть* под цифрой II.

Чайковский. Предлагает внести вопросы внутр[енней] политики: отнош[ения] классов, наше экон[омическое] будущее отн[осительно] держав.

Максудов. Пока не знаем, компетентны ли, трудно обсуждать. Получив завтра новые полномочия, смелее вернемся.

Руднев. М[ожет] б[ыть] по заявленным вопросам имеется суждение фракции? Сегодня не можем окончательно установить.

Авксентьев. Мы путаем два вопроса. Не предлагаем вырабатывать резолюции: они д[олжны] б[ыть] предварительно выработаны в комиссии. Но ряд групп оставл[яют] право за собой дополнить список.

Керенский. Мы м[ожем] утвердить порядок дня без выяснения существа.

Винавер. Мне заглавие неясно. Не знаю, почему н. с. предполагали возможность обсужд[ения] *внутр[енних]* вопросов. Собр[ание] *созвано* на тему международн[ой], а не внутр[енней] политики. Надо решить, что *без решения собрания* мы не д[олжны] менять этого. Мы собрались для определения, по опред[еленной] программе. По *форм[альным]* признакам обсуждать не можем. Лучше перенести завтр[ашнее] заседание на вторник, п[отому] ч[то] ограничиться только декларациями нельзя, и нельзя ограничиться т[олько] *двумя* первыми пунктами.

Я. Предлагаю поставить декларацию и две первые темы. Предлагает обсудить вопр[ос] о внутр[енней] политике *здесь*: согласен в выводе с Керенским, но не считает вопроса предрешенным предложением инициативной группы.

18 — 11230

Винавер. Возражает против сомнений Максудова. Если в *чем-нибудь* нужно показать общее лицо, то это именно угроза признания большевиков. Этот вопр[ос] наиб[олее] срочен и наиболее нас объединяет. Мы и a priori*, и a posteriori** относимся одинаково.

Максудов. Я – a posteriori.

Руднев. Я в известн[ой] мере присоединяюсь: обрубить на этом было бы нежелательно; это связывалось с проблемой строжайшей блокады, отрезывало сношен[ия] и т. д.

Минор. Неудобно в обрезанном виде проявить себя в 1-м заседании. Перед прессой неудобно дать обрезанную программу. Надо основные вопросы – *все* назвать: что вытечет из этого, видно будет завтра.

(Выясняется, что он не знал *всего* текста, там и о блокаде.)

Винавер. Предлагать исправить редакцию первой темы: «вопр[ос] об *отношении* <пропуск>, о попытках иностр[анных] держав *отторгать* части России. Развернутые в 5–6 пунктов, это достаточный порядок дня.

Чайковский. Торгов[ые] снош[ения] существуют; признание назревает; назрели концессии, отторжения. Тогда это на чем-ниб[удь] строится. Придется оговорить вопрос о спец[иальных] товарах (военных): связь договора с признанием – фактическим и юридическим; где граница? Надо идти в этой последовательности, исходя из реальных средств.

Руднев. Спор сводится [к вопросу] о расчленении и редакции.

Максудов. Предлагает развернуть экономич[ескую] картину, к[ото]рая даст понятие о большевиках, что подготовит публику к нашему строгому суждению.

Руднев. Предлагает высказаться условно по *всем* пунктам. 3-й пункт – Винавер просит пояснения.

Авксентьев. В глазах иностр[анцев] – нет никакого русск[ого] правит[ельства], к[ото]р[ое] бы могло претендовать на русское имущество. Нам казалось, что группа росс[ийских] граждан, собравшаяся, должна заняться и положением 1 200 000 русск[их] граждан за границей и имущества, на к[ото]р[ое] не м[ожет] б[ыть] предъявлено титула к[ого-]н[ибудь] российского образования. 4-й пункт: вопр[ос] о беженцах: здесь м[ожет] идти речь как о материальн[ом] положении, так и о юрид[ическом] положении этих лиц. Мир и русские круги этим взволнованы: мы д[олжны] высказаться, согласны или нет, но этот вопрос надо поднять, иначе было бы странно, что собрание

---

* заранее, наперед (лат.).

** на основании опыта (лат.).

этим миллионом граждан не заинтересовано. Нам казалось, что *неупоминание* вызовет странное впечатление.

Винавер. Позвольте продолжить сомнения. Надо иметь в виду возможности. Когда г[ово]рим о большевиках, о торговле, об окраинах, есть возможность что-то сделать. Если же мы бессильны, будем т[олько] метаться — надо заранее предусмотреть, ставить ли. Предполагается только *декларация* или нечто иное? Результат м[ожет] оказаться конфузный. 3-й пункт: хотя нет р[усского] правительства, но можем ли мы сказать что-ниб[удь] *властное* для замены этого правительства?

Авксентьев. В рамках совещания — думаю, что беспокойство Винавера потому, что он не знает конкретных решений, к[ото]р[ые] предполагаются. Что мы м[ожем] сделать? Имеем конкрет[ный] факт, что франц[узское] правит[ельство] в залог оплаты расходов взяло весь росс[ийский] флот, начиная с броненосцев и кончая торгов[ыми] судами. Допустим, что мы не согласны и считаем покушением, будем протестовать. Протест будет платонический — но в такой же мере, как и остальные. Или об интернированных пленных и беженцах: положение ужасное, зем[ско-]гор[одское] объед[инение] обратилось к интернацион[альной] защите. Это не практич[еская] помощь; но такая же резолюция, к[ото]р[ая] будет иметь моральное влияние, в меру морального влияния нашего совещания.

Винавер. Значит, вопрос о протестах?

Авксентьев. М[ожет] б[ыть], и определ[енные] практич[еские] планы. Но это уже область суждения: д[олжны] б[ыть] изготовлены решения групп для обсуждения здесь.

Минор. Прибавлю относ[ительно] интернир[ованных] и пленных — надо считаться с впечатлением самих пленных, к[ото]р[ые] ждут нашего отклика: этого достаточно, ч[то]б[ы] поднять вопрос.

Винавер. Смущает слово «охрана». Если не можем организовать «охрану», выйдет конфузно. Это покушение с отсутствующими средствами. Надо проявить отношение к существующей «охране». Моя цель: ставя на повестку и пуская в печать, мы уже в самом оглавлении не д[олжны] давать повод к осмеиванию и поставить серьезно.

Керенский. Сомнений, к[ото]рые возб[уждает] Винавер, м[ожно] избежать просто: формулировать в констатировании, а не в *целевом* смысле. Если пропустим, аудитория заключит, что мы не интересуемся. Скажем: не «охрана», а «положение». Но завтра все-таки нужно эти пункты внести в порядок дня.

Руднев. К порядку. Без 8 минут шесть. Два спорных вопроса ad referendum* отдельных групп.

Минор: к порядку. Не следует откладывать заседания, назначить засед[ание] комиссии в 12½.

Чайковский. Не надо стесняться тем, что наше выступление м[ожет] показаться смешным. Положение исключительное: там – грубая сила, у нас – сила исчерпана. Франц[уское] правит[ельство] г[о-во]рит: дайте орган, с к[ото]р[ым] мы м[ожем] разговаривать.

Я. После разъяснений мы принимаем два спорных вопроса ad repetendum**, в новой редакции, с заменой слова «охрана» словом «положение».

Руднев. Целесообразно высказаться о национальном вопросе в *декларациях.* О *внутр[еннем]* положении – менее всего возможно импонирующее суждение в нашем совещании: тут могло бы сказаться резкое расхождение, и впечатление было бы вредное.

Максудов. Принимаю формулировку, что в *списке* нет места национ[альному] вопросу, неправильно. Внутри России ряд республик: Чувашская, Киргизская, Башкирская: нет различия между Азербайджанской и Казанской. Поэтому я *формулир[ую]* иначе: вопрос отнош[ения] к (внутр[енним]) национальностям и к окраинным государствам. Не вижу неудобства: это не чисто внутр[енний] вопрос, а отчасти международный вопрос. Отделить эти вопросы немыслимо: иначе выходит, что к ушедшим вы вежливы, а неушедшим – покажем. Формулировать: вопрос об отношении к национальностям внутри России и на окраинах.

Авксентьев. За то, ч[то]б[ы] национ[ый] вопрос в той или другой форме *был* в нашей программе, в соединении с 2-й темой о лимитрофах. Мы исходили из положения *всех* национальностей. Отн[осительно] внутр[енней] политики наша группа *против.* Можно не охватить всего. Имея в виду возможные тактические расхождения, недостаточную назрелость этих вопросов, ч[то]б[ы] не вызывать представлений, не соответствующих («план борьбы с большевиками»), мы д[олжны] действовать ограничительно.

Чайковский. Согласен включить национ[альный] вопрос в § об окраинных образованиях. А отн[осительно] событий *внутри* Советской России, если не найдем общих точек, будет нечто непонятное и умаляющее значение нашего совещания. Надо сделать попытку най-

---

* для комментирования (лат.).

** для повторения (лат.).

ти т[очку] зрения госуд[арственного] строительства. Это будет разбитое корыто. Холод охватывает, когда представишь картину разнобоя, желания уничтожить. Надо попытаться хоть сговориться, напр[имер], относит[ельно] повстанческого движения. Иначе те, к[ото]рые там задыхаются, какое же впечатление? Не сказали даже ни одного ободряющего слова. Не попытаться этого сделать, отмахнуться, что это грозит разноголосицей, — недостойно совещания. Надо высказаться о постепенном экономич[еском] умирании: где выход, правильная дорога? Мы д[олжны] сказать, что производит[ельный] труд не может прекратиться. Мы восстаем, п[отому] ч[то] не видим другого пути восстановить производительную работу. Интеллигенты зажаты в тиски, нарушено этическое понимание: надо сказать слова поддержки, слово осуществимого государственного утверждения. В каком размере, дело детального обсуждения.

Винавер. Соглашаемся включить национ[альный] вопрос во 2-ю тему.

Максудов повторяет предложение об изменении *заглавия.*

Я. Разъясняю Чайковскому, что внутр[енних] вопросов мы *будем* касаться в декларациях и при обсуждении *первой* темы. Максудов д[олжен] удовлетвориться обещанием трактовать его вопрос при 2-й теме.

Керенский. Предл[ожение] Максудова нарушает схему, вводя *внутренний* вопрос. Кажд[ое] совещание имеет свою тему. Большевики дают больше: это не аргумент. Недораз[умения] не будет. Но внутренние вопросы и национ[альный], как внутренний, *в повестку* внесены не будут.

Винавер. Предлагает свою редакцию вопросов.

1) Вопр[ос] об отнош[ении] иностр[анных] держав к советской власти.

2) О силе соглашений, заключаемых совет[ской] властью, при раздаче концессий.

3) Об отношении к предполож[енному] англ[ийским] правительством торговому соглашению с советской властью (тут и вопр[ос] о блокаде).

4) Об отношении к присоединению иностр[анными] державами отдельных частей российской государств[енной] территории.

5) О соглашении с государственными новообразованиями.

6) Положение русских граждан за границей.

7) Отношение к имуществу российского государства за границей.

8) Положение интернированных, военнопленных и беженцев.

9) О порядке проведения в жизнь принципов, одобренных совещанием.

Керенский предлагает, внеся изменения в новую редакцию, принять, как программу, в данном же заседании. Это облегчит и назначение завтр[ашнего] заседания.

Минор. В общем приемлемо; но в одном пункте неясность.

Авксентьев. Для меня вопрос о завтр[ашнем] заседании не так ясен. Будем считать, что это редакционные поправки, но сейчас перейти к обсужд[ению] вопроса о завтр[ашнем] заседании. Я предложил бы не устраивать завтрашнего заседания, а начать с послезавтра.

Отложить нужно, п[отому] ч[то] вчера группы не имели суждения. Повестка выйдет слишком короткой. Закроем заседание через час. Можем ли поставить что-нибудь, кроме декларации? Резолюции не готовы. Резолюции надо конфронтировать. Завтра этого сделать не сможем. Сидеть с утра? Могут встать существенные вопросы, по к[ото]рым придется обратиться к фракциям. Неудобство, что наша комиссия не имеет полномочий, и мы опять не сможем свести резолюции. Но мы можем получить разрешение *временное* от фракций: произвести работу в частном порядке.

Я возражаю. Надо прежде всего расширить полномочия. Отсрочка неудобна: произведет впечатление. Декларации дадут достаточную пищу. М[ожет] б[ыть] фракции не успеют выработать резолюции, но успеют обменяться мнениями. По порядку дня возможные прения. Наконец, мотивом для закрытия заседания явится необходимость открыть заседание комиссии с расширенными полномочиями.

Керенский тоже против Авксентьева. Еще доклады двух других комиссий.

Чайковский. Присоединяется к назначению заседания, но против обычая фракции – совещаться в часы, назначенные для заседания.

Руднев. Его смущает неуверенность, что успеют [э]с[е]ры с декларацией. В глазах иностранцев оборвать на декларациях значит показать отрицат[ельную] сторону, расхождения.

Решено: не отменять заседание. Читается редакция Винавера по пунктам. 2-й пункт Керенский предлагает соединить с 3-м. Выбросить «английский»: о «возможных» торгов[ых] договорах.

Руднев против ограничения концессий «советами»: а Грузия?

Винавер против соединения: торговые договоры путь к признанию: от правительства к правительству.

Я предлагаю поставить 3-й – 2-м.

Винавер согласен выкинуть «английск[ий]», но против упоминания «Грузии»: ослабляет отнош[ение] к лимитрофам.

Минор продолжает расширять понятие «концессий».

Я предлагаю выкинуть «совет[ской] властью».

Руднев. Наша фракция и к лимитрофам твердо заявляет эту точку зрения.

Винавер предл[агает] «до установления законной госуд[арственной] власти в России».

Принято «отторжение» вместо «присоединение».

5-й пункт: Минор предлагает «об отношении», Авксентьев — «взаимоотношения». Принимают «взаимоотношения». Максудов настаивает на своей формуле: «национальности и». Минор: строение внутр[енних] республик нам неясно, а об окраинных все-таки имеются сведения. Руднев не видит убедительных доводов: они *исходят* из своего понимания национ[ального] вопроса. Входить в детали не будем. Присоединяется к моему предложению: ответить на публичный вопрос Максудова.

Керенский. Просит Максудова снять с очереди, обещает в декларации ответить на вопрос о национ[альной] автономии народностей или в пункте о лимитрофах.

Максудов. Почему избегаете изменения заглавия? Национальности существуют и в окраинных государствах. Национ[альный] вопрос — проклятый вопрос. Это не *внутр[енний]* вопрос.

Чайковский. Поддерживает Максудова. Вопрос идет *и* об образованиях зачаточных: Белоруссия, Кубань, евреи. Это не внутр[енний] вопрос, а касается внешней политики. По этому судят о правительстве.

Авксентьев спрашивает Максудова: в чем заинтересованы и мы, великорусы, и национальности, населяющие Россию: как мы смотрим на взаимоотношения. Представители групп заявляют, что готовы засвидетельствовать свое отношение в желат[ельном] для вас смысле и г[ово]рят лишь о нелогичности формулировки.

Максудов. Если бы не б[ыло] пункта об окраинных госуд[арственных] образованиях, то дело бы шло о российск[их] вопросах. Но раз ставите...

Я склоняюсь к внесению «национальностей» и указываю на опасность выражения «взаимоотнош[ения]». Чайковский прав, что есть целая шкала оттенков между отделившимися и зачаточными новообразованиями. Если вставите «национальности», смягчите смысл всего пункта и удовлетворите Максудова.

Винавер. У вас была идея «федерации». Тогда и «национальности» возможны. Но дайте вопросу созреть, когда будем трактовать его.

Авксентьев. Национ[альные] проблемы мы трактовать не можем, не разрабатывая вопроса о внутр[енней] конституции. Но нет разногласия, что в формуле отнош[ения] к госуд[арственным] новообразованиям д[олжно] б[ыть] высказано отнош[ение] к будущей (федеративной) России.

Керенский. Это их не удовлетворяет: им нужно экстерриториальная нац[иональная] автономия.

Чайковский предлагает: «о национальных автономиях и окраинн[ых] новообразованиях».

Максудов. Стоит на своем.

Авксентьев. М[ожет] б[ыть] можно найти формулировки, отложив до завтра, перед заседанием.

Решено: съехаться в 2½ и тогда, если не будет новых формул, голосовать имеющиеся формулировки.

Предложить дать право президиуму созвать следующее совещание (намечается на вторник).

О сроке *всей* сессии.

Керенский: ну, 8 дней?

Винавер предлагает предварительно обсуждать содержание резолюций в комиссии, потом по фракциям. Тогда работа сократится. Нельзя и общее собрание обескровить. Ставим сразу на очередь в собрании, обсуждаем в собрании общие пункты, передаем в комиссию: взгляды ясны. М[ожет] б[ыть] мотивировки различны. Это – сгладится.

Минор. Не согласен. Фракция вносит оттенки, к[ото]р[ые] даже отдельному члену не придут в голову. Лучше иметь готовый фракционный материал.

Авксентьев. Предлагает поговорить во фракциях. Пора ехать в заседания фракций.

Вечером

Заседание группы у *А.И. Коновалова*

Обсуждается проект декларации

Рысс. Устранить слово «метод».

Демидов. Слово «бесполезность» может вызвать различные толкования. Заменить другим словом.

Винавер. Это наиболее рискованное место. Можно сказать больше, но сдержаннее. Мы признавали, между прочим, «и такой метод борьбы». Если бы он удался: «раз эта борьба кончилась – другие формы борьбы».

Волков. Согласен с Винавером: ряд сомнений. Не в этом дефект, что существовали армии, что политич[еский] метод неправильный: военная диктатура. Но сказать a priori, что борьба организованным фронтом исключена, нельзя. Мыслим и другой ход: освободятся Дон, Кубань, Сибирь.

Маклаков. Здесь начнется обстрел. С. р. здесь выразятся ядовитее. Наша позиция требует самозащиты. Мы еще не вовсе рвем с прошлым. Надо избегать пунктов, которые нас резко столкнут с кем-нибудь. Против помещения аргумента о недостаточной поддержке союзников. Это станет в противоречие с нашими дальнейшими заявлениями. Вся помощь союзников ведь пошла большевикам. Это повод упрекнуть нас, что мы хотели настоящей *интервенции.* Упреки Астрова, что мало нам помогли, меня возмущали. Всякая недоговоренность производит сумбурность. С. р., наверное, скажут, что самая идея диктатуры ведет к реакции. Я бы сказал: «не входя в рассуждения о причинах», – и покрыл забвением. Борьба *фактически* кончилась и переносится *внутрь.* Перчатку левых мы не поднимем и не дадим повода говорить, что лягаем львов, выдаем, г[ово]рить, что мы ошибались. Конечно, мы свою физиономию утеряли. Скажите, что борьба кончилась и *не возобновится.*

Лурье. Согласен с Волковым. Осудить метод, как таковой, нельзя, и что борьба будет перенесена *внутрь* России: так и было раньше. Нельзя осуждать старый метод. Надо обойти вопрос простым констатированием факта. Мы осуждаем диктаторов, п[отому] ч[то] они *не сумели* быть такими.

Рысс. Надо объяснить нашу позицию в прошлом. Надо выбросить слово «метод». Он плохо осуществлялся.

Волков. Даже с. р. не идут в отрицании вооруж[енной] борьбы так далеко.

Винавер. В редакции Рысса нет отказа от будущего. Согласен, что надо выкинуть о недостат[очной] помощи союзников. Можно открыто сказать: мы это делали, ч[то]б[ы] *скорейшим способом* низвергнуть большевиков. Наша новая позиция достаточно реально сказана в перенесении внутрь. Выходит, что *4 раза* не видели. [Э]с[е]ры *кричали* об окружении, а вы не замечали. Можно сказать: «несмотря на советы», они являлись в окружении.

Демидов. М[ожет] б[ыть] ускользнуло одно слово, а теперь в дополнении Рысса «не м[ожет] б[ыть] возобновлена немедленно».

Родичев. Неудача не вследствие отсутствия поддержки населения. А п[отому] ч[то] хлынула волна никчемного народа.

Маклаков. Нужно сказать, что мы меняем позицию и исчезло все, что нас разделяло: единение сил становится нужнее, раз все переносим внутрь. Фронтовая война *сейчас* невозможна. Но зачем объяснять, наше объяснение в прошлом, притом неполно. Произошло такое поправение, что г[ово]рить о свободах значило идти против народа. Зачем излишнее самоуничижение в эту минуту. Шли этим путем, п[отому] ч[то] он сулил нам *кратчайшее* освобождение. Но это кончилось, и весь центр перенесен туда. Либо с. р. этого не скажут — и тогда проявят больше такта; либо они наговорят много, мы тоже навертим в том же направлении ради скорейшего достижения цели, несмотря на отрицательные стороны, к[ото]р[ые] связаны с военной борьбой.

10 января, утром

Окончательная форма декларации

Фракция членов Учредительного собрания, принадлежащих к партии народной свободы, считает нужным сделать следующие заявления по поводу своего участия в настоящем частном совещании членов Учредительного собрания.

Фракция приняла участие в совещании, исходя из мысли, что целью совещания не может быть создание какого-либо органа власти или возрождение к жизни Учредительного собрания 1917 года как государственно-правового института. Соответственные заявления сделаны были в письменном приглашении инициативной группы и подтверждены председателем совещания в его вступительной речи.

Вместе с инициаторами совещания фракция смотрит на обмен мнений между его участниками, как на целесообразный способ выяснить взгляд данной группы лиц, удостоенных народного избрания на основе всеобщего избирательного права, на современное положение России. Если, как фракция надеется, при этом выяснится известное единство взглядов на очередные задачи момента, то фракция считала бы в высшей степени желательным основать на этом единомыслии согласованные действия для скорейшего освобождения России от тяготеющего над ней насильнического режима.

Фракция рада констатировать, что отношение собравшихся на совещание групп к большевистской власти определяется как отношение активной борьбы. Фракция полагает также, что она не разойдется с членами совещания в утверждении, что, при невозможности для большевизма изменить раз занятую непримиримую позицию, отказаться от мировых стремлений и от осуществления их вооруженной силой, борьба против большевизма не может кончиться взаимными уступками или принять мирные формы парламентской борьбы.

Партия народной свободы исходила именно из этого мнения о невозможности эволюции большевизма и о необходимости открытой борьбы с ним до его окончательного падения, когда считала необходимым поддерживать вооруженную борьбу с большевиками силами регулярных армий. Вполне сознавая отрицательные стороны военной диктатуры и с возрастающей тревогой следя за неудачной политикой правительств, контролируемых военной властью, партия, тем не менее, мирилась с этими недостатками, как временными, до тех пор, пока могла надеяться, что этим путем можно всего скорее и легче добиться свержения большевистского ига.

В настоящее время это положение изменилось. По тем или другим причинам, на которых нет ни возможности, ни надобности здесь останавливаться, фронтовая борьба с большевиками потерпела крушение. Она не может быть восстановлена немедленно по причинам, от нас не зависящим. И теперь не только в интересах всей России в целом, но также и во внимание к тем борцам, которые до сих пор самоотверженно проливали кровь и жертвовали жизнью для спасения родины, вопрос о формах дальнейшей борьбы должен быть подвергнуть самому серьезному пересмотру.

У антибольшевистской России нет более отдельной территории. Отныне вся территория России представляет арену для внутренней борьбы всего населения против большевистской власти, и эта борьба ведется всеми доступными населению средствами. Такая борьба уже не может расколоть население на два враждующих лагеря: она, напротив, сосредоточит все внимание народа на известных виновниках его бедствий. Желания и настроения народных масс, непосредственно несущих на себе гнет большевистского насилия и не мирящихся с этим гнетом, получают при таком положении значение решающего фактора. Три года гражданской войны не могли пройти для этого населения даром. Для него началась пора сознательного гражданского существования. Путь к старому отрезан навсегда. Новая Россия может быть лишь Россией, построенной на началах полного народного верховенства, перехода земли в крестьянскую собственность и переустройства России на федеративных началах, с полным обеспечением национальных прав населяющих Россию народностей. Каким политическим течениям суждено играть наиболее влиятельную роль в создании новой России будущего, бесполезно гадать издалека. Русский народ сам выберет тех, кому захочет вверить дело своего спасения.

Здесь, за границей, нам предстоит решить другой вопрос. Что могут сделать для обеспечения внутренней работы и борьбы демократические элементы, оказавшиеся вне России?

Вопрос о непосредственной помощи борьбе, ведущейся внутри России, конечно, чрезвычайно важен. Но он не может быть предметом обсуждения в настоящем собрании. Ближайшей задачей нашего совещания должна быть организация деятельности на пользу России в заграничной среде.

Фракция партии народной свободы признает основными задачами такой деятельности защиту международных интересов России, отстаивание целости ее государственной территории и сношения с представителями бывших русских окраин. Заявление инициаторов совещания, в существе своем, совпадает с этим мнением фракции. Наша комиссия представит в настоящем заседании более детальный список вопросов, по которым предполагается вынести постановления. Фракция надеется, что не только заголовки, но и самое содержание намечаемых постановлений не вызовет в совещании каких-либо существенных разногласий. По вопросам охранения «чести, достоинства и достояния России» едва ли может быть серьезное расхождение не только между избранниками всеобщего права, но и вообще между верными сынами нашей родины. Трудности могут заключаться не столько в провозглашении основных истин по вопросам этого рода, сколько в систематическом и внимательном применении этих истин к ежедневно возникающим частным вопросам. Как уже сказано раньше, фракция не имеет в виду создавать новый орган власти для осуществления поставленных и намечаемых собранием постановлений. Конечно, вместе с антибольшевистской территорией исчезла и антибольшевистская власть, которая, хотя бы de facto, могла бы быть признана кем-либо из союзников. Существующие русские учреждения за границей могут опираться лишь на традиционную связь с Временным правительством русской революц[ии]. Эта традиционная связь, мы надеемся, не будет разорвана, если не будет признания советской власти, как власти законной. Но в глазах европейского общественного мнения должным моральным авторитетом может пользоваться лишь представительство демократических общественных сил, продолжающих борьбу с большевизмом.

К созданию такого представительства члены фракции призывали в заявлении 21 ноября 1920 г. Они продолжают призывать к тому же и настоящее собрание. Фракция, при этом, не может скрыть от собрания, что рамки его представляются ей недостаточно широкими для создания исключительно из его среды представительства, достаточно авторитетного, чтобы устранить необходимость всяких других попыток в этом направлении.

Фракция надеется, что совещание примет это соображение во внимание при обсуждении последнего пункта своей программы о по-

рядке выполнения принятых им постановлений, и что оно изыщет способы для наиболее успешного и авторитетного осуществления этой задачи. Только в таком случае фракция могла бы считать поставленную совещанием задачу разрешенной в полной мере и окончательно.

Заседание 10 января

Доклады комиссий о личном составе, о наказе.

Утверждены.

Зензинов читает декларацию с. р.

4 лозунга:

1) федер[ативная] дем[ократическая] респуб[ика],

2) всем народам условия культ[урно-]полит[ической] св[ободы],

3) вся земля — дост[ояние] труд[ового] нар[ода],

4) рабочему классу — <пропуск>,

5) Всеросс[ийское] Учр[едительное] собр[ание] — ист[очник] власти и права.

Демократичны д[олжны] б[ыть] и *пути борьбы*: против инозем[ного] вмешат[ельства] и интервенции.

Освоб[ождение] лишь путем организации внутр[енних] сил.

Всякая попытка путем диктатуры — бесплодна и принц[ипиально] неприемлема.

Ни в как[ие] соглашения направо с группами, признающими военную диктатуру и интервенцию, [не вступать].

Облегчить *здесь* задачу созидания могучей демократии.

Мое заявление.

Максудова

Чайковского

Харламова

Доклад Руднева о порядке дня.

Максудов возражает по п. 5 и вносит свою поправку.

11 января

Заседание комиссии с расширенными полномочиями.

Винавер. Читает свой *проект резолюции* по первым четырем пунктам.

Керенский. Есть ли это решение фракции?

Я. Это проект, к[ото]р[ый] будет, вместе с другими материалами, обсуждаться сегодня во фракции.

Керенский. Читает свой проект.

«Губит[ельная] интервенция», «блокада, железным кольцом еще за 3 года».

Чайковский. Будет вносить отдельные поправки.

Я предлагаю совместить, как préambule* политического содержания (проект Керенского) и выводы (Винавера). Док[умент] д[олжен] б[ыть] сжат и деловит.

Винавер. Тоже предлагает условиться сперва о форме.

Максудов. Предлагает обсудить отдельные пункты.

Керенский. Критикует наш 1-й пункт с т[очки] зрения социалист[ической] идеологии, к[ото]рая признает диктатуру *класса*, перманентную войну с капиталист[ическими] правительствами, мировые задачи пролетариата.

Не признают диктатуру группы, а не народной воли.

Винавер. Принимает «группу», защищает «междунар[одные] обязательства», как практически важный принцип; защищает обвин[ение] в разрушении эконом[ического] уклада во имя мирового господства пролетариата.

Минор. [1.] Не надо вносить мотивов, к[ото]р[ые] нас сталкивают. «Междунар[одные] обязательства» отрицаются [с] *царского* времени; – и мы тоже сомневаемся. Мы не знаем, отрицают ли они *в принципе.* «Миров[ые] диктатуры» *не* пролетариата. Согласен, что оставить *один* мотив – скудно.

2. *Согласен на «узурпацию»,* в смысле «контрреволюции».

Руднев. Предпочитает оставить *один* –

1) аргумент: *волю* народа. Другой –

3) мотив: *разрушают* Россию.

Авксентьев. Мы усиливаем нашу аргументацию, сосредотачиваясь на этом критерии: воле народа.

Большевики *признают* договоры; они говорят: «попробуйте заключить», *наши* договоры мы будем соблюдать. Лейг[943] ответил Кашену: не признают большевиков, п[отому] ч[то] они не признают долгов. Наконец, они *могут* признать долги, для передышки. Против аргумента о «мировой диктатуре», ибо и во II-м Интернационале есть ее сторонники. Аргументы *наши* социалистические, употребляемые внутри нас, не могут приводиться социалистами, когда они на общегосуд[арственном] поприще.

Максудов. Продолжает искать разницы м[ежду] большевист[ским] переворотом и революцией. *Нужно* прибавить о международ[ных] обязательствах, ч[то]б[ы] рассчитывать на сочувствие.

---

* предисловие (франц.).

Чайковский. Есть 2 стороны: идеологич[еская] сторона и согласительная. В идеологии надо идти до конца. Идеологически существует диктатура пролетариата. Она превращается в диктатуру группы, *потому* что деят[ельность] пролетар[иата] невозможна. Дикт[атура] пролет[ариата] есть попытка создать суверенитет класса, отвергая суверенитет нации.

Я. Национ[альный] суверенитет – и есть воля нации. Между-н[ародные] обязат[ельства] нам, очевидно, надо сохранить для нашей *групповой* мотивировки. Но и в пределах признания воли нации можно прибавить, как *субсидиарные**, *происхождение* власти большевиков («*узурпация*») и последствия (*разорение* и принуждение – в экономич[еской] жизни). Нужно упомянуть о принципе самоопределения. Отметить также, что народ *фактически* борется. Р[усский] народ не интернационалист. Междунар[одная] организация м[ожет] б[ыть] т[олько] профессиональная, а не политическая. Признание было бы *оскорблением* народа.

Керенский. Я никогда не признавал диктатуру пролетариата. Но во фракции это не пройдет.

Винавер. Предлагает: власть поддержив[ается] жестоким террором, при неустанных восстаниях населения и разрушающее госуд[арственную] и хозяйств[енную] мощь России**. Есть и положит[ельные] стороны: протест против признания юридич[еского] и фактического.

Керенский. Напоминает свой текст: «Совещание заявляет, что такая власть не м[ожет] б[ыть] признана, массы борются, – только *власть всеобщ[его] права* м[ожет] б[ыть] признана. Нам недопустимо прямое *обращение* к иностр[анным] правительствам.

Винавер. Мы г[ово]рим о непризнании советской власти, а не о признании какой-ниб[удь] другой. Я хочу сказать *отрицательно*, а вы положительно.

Я. Разница тут не в том, есть ли обращение или нет, а в том, что вы идете дальше нас и вводите признак: «*только* власть».

Минор. Если скажем: *вы не признавайте*, то это будет противоречие с требованием снятия *блокады*. Так могли бы истолковать некоторые. *Нас* они не могут заставить признать, а *вы* сами ответственны, если идете в сношения.

Авксентьев. Разница в том, что у нас центр тяжести в непризнании р[усским] народом, а у вас – непризнание иностранцами.

---

* субсидарные (от лат. subsidiaries) – дополняющие, дополнительные.

** Так в тексте.

Максудов. Более приемлема формула народ[ной] свободы. У с. р. только критерий; а если они не признают этого критерия, то могут признать? В такой важный момент нельзя умолчать.

Винавер. Можно взять «русский народ» и сказать: «а потому мы против признания». 3-й пункт мой дополняет: никакое буд[ущее] русск[ое] правит[ельство] *не признает* обязательными etc.

Керенский. Мы так относились и к другим правительствам.

Руднев. Но требовали непризнания.

Керенский. Мы *не выпустили* до 13 мая 1919 г. («ни в ту, ни в другую»[944]) – и ничего не выпустили о Врангеле. И там не требовали, и здесь не требовали. Сила нашей позиции влево в том, что мы держались той же позиции вправо. Будем иметь в виду...

Авксентьев. Об этом б[удет] разговор, и сочли нужным категорич[ески] выразить мысль в форме волеизъявления.

Торговые соглашения

Винавер. Читает опять свой текст.

Керенский. Опять разногласие в подходе и стиле. Мы не м[ожем] принять отрицание *всех* договоров, и с Эстонией, и с Латвией, и даже выгодных России. Вы протестуете *вообще* против национализации. А есть имущества, к[ото]р[ые] не будут денационализированы. Сегодня мы решили не детализировать.

Руднев. Выражение Винавера будут непонятны. «Никакие торгов[ые] договоры не будут обязательны.

Винавер. Не настаив[ает] на указании отдельных антибольш[евистских] групп. Остальное результат недоразумения. Мы г[ово]рим *только* о советской власти. Окраинн[ые] г[осуда]рства неправильно вводить.

Керенский. Есть еще восточный буфер.

Винавер. Вы г[ово]рите «пересмотр», я г[ово]рю: «необязательно».

Керенский. «Необяз[ательно]», *и* подлежит «пересмотру».

Винавер. Надо *только* сказать «необязательно», иначе возбуждаем надежды.

Возможны сделки с участ[никами] правительства, *ибо* это есть путь к признанию. Англ[ийский] суд предусматривает, что, если будет признание, тогда можно.

Я. Указываю, что тут разум[ная] торговля краденым. Надо упомянуть о грабеже.

Керенский. Требуя пересмотра, мы имеем в виду *русские* новообразования, <1 нрзбр.>, восточн[ые], – они тоже заключали невыгодные договоры, но *не* большевистского типа.

Руднев. «Пересмотр» противополагается «аннулированию». Лучше нейтральное выражение «необходимости». (Личное мнение.)

Керенский. Оставьте для речи — о награбленном.

Винавер. Существенно говорить *только* о советской власти, а не об окраинных г[осуда]рствах. Надо согласиться о том, что у нас *общее.* Иначе мы разойдемся и потеряем цель.

Я. Г[ово]рю, что надо договориться до конца, что и кто тут разумеется.

Винавер и Авксентьев уходят в соседнюю комнату.

Концессии

Винавер читает.

Авксентьев. Шокирует: «раздача в здоровых целях».

В общем согласны.

5-й пункт о золоте

Винавер. Это результат нашего совещания с экономистами. Предупреждение.

Минор (возражает, шепчась с Керенским).

Керенский. Это — вопрос такта. Наше положение кандидатов: очень неудобно заявлять, что мы-то уплатим. Мне претит в нашем теперешнем положении — весь пункт.

Я. Первое или второе?

Керенский. Больше первое (признание долгов). Золото текло не по *одному* каналу.

Винавер. Мы г[ово]рим о будущем.

Минор. Это опасный пункт для борьбы с большевизмом. Они будут кричать, что закрывают этот путь, которым они хотят одеть Россию, а на другие пути смотрят сквозь пальцы. Лучше пропустить.

Максудов. М[ожет] б[ыть] морально мы теперь вовсе не должны, но юридически должны. Умолчание будет интерпретироваться плохо. *Всякое* будущее правительство д[олжно] будет считаться с требованиями иностр[анных] держав. Если монархич[ескому] правительству приходилось нуждаться, то нам тоже.

Руднев. По существу, т[очка] зрения ясна: обязательства урегулировать р[усскую] власть *берет* на себя. Но этот вопр[ос] не м[ожет] явиться в схеме нашего порядка дня. Можно издать. Но не возражал бы, если бы *все* были согласны. *Главный* канал все-таки остался у большевиков.

Минор. Колчак, Семенов.

Руднев. Там, где говорится о торгов[ых] сношениях, нужно сказать о растрате золотого фонда.

Керенский. Это можно.

Я. Нельзя умолчать о долгах.

Авксентьев. По существу наша т[очка] зрения не подлежит сомнению. И во Врем[енном] правит[ельстве], и в Сиб[ирской] директории мы заявили, что *платим* обязательства до 25 октября 1917 г. С Лейгом можно говорить, но в *нашей* резолюции неудобно г[ово]рить.

Керенский. Согласен с Авкс[ентьевым]. Как противник чайной дипломатии утверждаю, что одно можно сказать Лейгу, а другое — публично. Большевики в ближайшие дни заявят, что платят долги.

Максудов. Французы делят русских на 2 категории: кто будет и кто не будет платить.

Я. Настаиваю на пункте о долгах. По этому будут судить о нашей государственности.

Винавер. Предлагает новую редакцию в другом месте, между прочим, в виде противоположения в 3-м пункте: «*всякое* правит[ельство] примет ответств[енность] по обязательствам до 25 окт[ября], — *но* не признает etc».

Я предлагаю общую резолютивную часть и несколько или один préambule'ей.

Руднев. Соглашается.

Авксентьев. Надо решить 3 вопроса.

1) констатировать разницу конструкций *Керенского* и *Винавера* и предложить определ[енный] *тип* резолюции для обеих фракций, как *пожелание*.

2) Когда соберемся? Если не успеем, надо а) или устроить *открытое* заседание, если сговоримся до 3-х часов; б) или, если много расхождений, сделать заседание *закрытое по междунар[одным] делам* с докладом Маклакова.

Максудов. Поставить вопрос, не оглашая резолюции, и предложить их в прениях, потом устроить закрытое заседание.

Винавер. Не надо начинать с внесения *разных* резолюций. Я уже писал не как партийную резолюцию. Сделать закрытое заседание. Не осложнять вопросами о резолюции. Продолжать в комиссии и, когда будет закончена, будет одна резолюция с разными мотивировками.

Руднев. Лучше условиться о *типе* резолюции. Определ[енные] *меры*, и отдельные préambules.

Авксентьев. Пункты д[олжны] б[ыть] выработаны во фракции?

Руднев. Высказать пожелание – выбрать из большого материала заключения.

Вечером совещание комитета у Коновалова

Присутствует Мандельштам.

Вопрос о правовом положении русских за границей.

Мандельштам. В министерстве мне б[ыл] поставлен вопрос о положении русск[их] граждан, в случае признания совет[ской] власти хотя бы одним г[осуда]рством. Мы окажемся heimatlose*, т. е. наше положение будет определяться по законам места жительства. В Америке и в Англии – никакого значения, потому что в Америке *все* по местному закону, а в Англии – маленький поворот в посл[еднее] время к личному статусу. В других странах – брачное право, и др[угие] по национ[альному] праву.

Аджемов. А кто признает бесподданными?

Мандельштам. Это выяснится по суду, если мы не признаем совет[ской] власти.

Аджемов. Гражд[анские] права не определяются тем, если *вы лично* объявите себя бесподданным.

Манд[ельштам]. Это друг[ой] вопрос. Лучше, во всяк[ом] случае, продолжать пользоваться национальн[ым] правом. Мож[но] ли применять к нам национ[альное] право советской власти? Нет. Русские крепостные во Франции делались свободными. Право собств[енности] будет признаваться. Итал[ьянский] гражд[анский] код[екс] – права о перех[оде] наслед[ства] по национ[альному] закону наследователя, несмотря на уничт[ожение] наслед[ственных] законов. Но по каким законам? Они д[олжны] признать за нами особенный личный статус: наше старое право, свод законов. Надо добив[аться] этого.

Кто буд[ет] устанавливать состояние, к[ото]р[ое] д[олжно] заменить бесподданство? Русские комитеты? Национ[альный] комитет? Примеры есть. В Турции христ[ианские] народы в обл[асти] брачн[ого] и наслед[ственного] права – по *их* праву. Мыслимо создание новой категории р[усских] граждан. Как установить, вопрос политический.

Аджемов. Не согласен. Законы большевик[ов] не м[огут] сравниваться с зак[оном] о рабстве. Национализация, реквизиция, секвестр, ограничение наследования – как переходные начала – существуют в друг[их] странах. Для ряда ценных прав – они подверг[аются] риску. Т[олько] в порядке местных законодат[ельств], по соглаш[ению] с Лигой Наций, можно издать.

---

* утратившими подданство (нем.).

Мандельшт[ам]. Что? Сохранение X тома[945]?

Аджемов. Это вопр[ос] подробности. Решить м[ожно] прямым воздействием на правит[ельство] в порядке законодател[ьства]. В деле о фракциях дело сводится к *фактическому* признанию.

Я. Ставлю вопрос о промежут[очном] состоянии, *до* признания.

Манд[ельштам]. Практически консул[ьские] учреждения *признаются.* В Ницце франц[узский] суд снял консул[ьские] печати и постановил решение, что в России нет правительства.

Я объяснялся в МИДе, и они не согласны – ничего не меняют. В т[олько] что изданный сборник включены *все* наши конвенции консульские.

Аджемов. Пока конс[ульская] власть признается. В случае смерти, как опекуны, действуют. Но это – страшная ловушка. Во Фр[анции], до утвержд[ения] в правах наслед[ования] в России, вы не можете получить наследства. Вдруг признают большевиков. Изв[естные] колич[ества] наследства механически переходят к консулу большевистскому. Надо делать завещания в Англии и в Швейцарии.

Винавер. После признания большевиков теория Мандельштама остроумна, не требует усилий. Надо установить Heimatlosat*, доказать, что нового закона нет и потому нужно вернуться к старому (но какому?). Правильно урегулировать теперь, пока нет признания, сепаратным законом. Иного пути нет. Полож[ение] русск[их] граждан и до признания представ[ляло] опасность, и как-ниб[удь] комитет должен разработать меры.

Мандельшт[ам]. И я не требовал оставить неопределенным, а предлагал добиваться утверждения старого национального закона.

Информируем комитет о заседании комиссии.

Рысс. Мы м[ожем] декларировать, как вчера, но нельзя отрицать всяких возможностей. М[ожет] явиться сильное правительство, но не на всеобщ[ем] избир[ательном] праве – по кр[айней] мере, первые полгода. Мы д[олжны] будем требовать непризнания такого правительства? Нужно очень осторожно относиться.

Волков. Разделяет соображ[ения] Рысса. Они *сами признавали Врем[енное] правит[ельство]* Февр[альской] революции и Уфимскую директорию, к[ото]р[ая] б[ыла] накануне признания, если бы не б[ыло] переворота. Учред[ительное] собр[ание] не м[ожет] явиться на другой день после большевиков.

Демидов. Не боится этого. Предоставить все Учр[едительному] собранию; а всякому, кто придет в Москву, в ножки поклонимся.

---

* (здесь) положение человека, не имеющего подданства (нем.).

Волков. У них задняя мысль – собрать Учред[ительное] собрание 1917 года.

Аджемов. Свести на почву *народного признания.*

Рысс. Термин «интервенция» сужен до помощи живым материалом. С. р. были не против интервенции в Уфе и в Самаре.

О долгах

Аджемов. М[ожно] подойти в другой комбинации, в связи с хозяйств[енной] разрухой: удар для русского кредита, нанесенный непризнанием. Вы – люди другой идеологии: это принципиальный вопрос, – условие хозяйств[енного] взаимоотношения народов.

Рысс. Надо быть твердыми, мы преследуем *наши* задачи: создание Нац[ионального] ком[итета], к[ото]р[ый] бы имел авторитет. Минор предложил «обязательства»: это выраж[ение] ничего не даст, слишком обще. Надо точно указать, что говорим о долгах.

Винавер. Если мы упорствуем, что выйдет. Большинство отвернется. Что же будет с Национ[альным] комитетом? Когда речь идет не о включении худого, а о *невключении*, не надо доводить до отвержения в публ[ичном] заседании.

Коновалов. Никогда этого не будет: здесь положение выигрышное.

Винавер. Сказать им можно, но надо ука[за]ть, что, вынесенное на публичную арену; оно разрушит всю работу.

Я. Считаю, что Нац[иональный] комитет нельзя и основывать на двусмысленности.

Рысс. Не согласен с Винавером. Он исходит из *допущения.* Мы тоже д[олжны] выходить из *допущения:* нас спросят, что мы ответим?

Коновал[ов]. Когда все разъедутся, все с. р. скажут, что платят.

Волков. Все уже знают, задавали вопросы журналисты; ответы давались двусмысленные. Тень падет и на нас. Лучше пусть будут дискредитир[ованы] [э]с[е]ры.

Если они отвергнут *только* по мотивам целесообразности, это будет не так плохо. Если же они хотят играть на демагогии, то нельзя уступать.

Демидов. Согласен со мной и Волковым. Мы хотим добиваться, ч[то]б[ы] нас защищали, [говорим] о наших правах, а когда г[ово]рим об обязанностях, увиливаем. Надо быть твердым и выдержать свою точку зрения. Лучше разойтись: мы только проиграем.

Харламов. Нужна твердость. Напомню Максудова.

Аджемов. Добиваться надо. Но если не уступят, то можно соглашаться на переходных формулах. Не для того пошли, ч[то]б[ы]

демонстрировать вопрос о долгах. На этом вопросе нельзя выдерживать боя. Согласен с Винавером, что нужно.

Коновалов. Всякое правительство объявит себя *банкротом.*

Волков. Если по пятачку за рубль, то все-таки признаем долги.

Михельсон. Это вопрос чрезвыч[айной] серьезности. Вся франц[узская] политика, Клемансо, Мильерана, Лейга, вертелась на этом. Как поставить ряд международ[ных] проблем, не указать на это? Последнее признание Лейга.

Я. И справка Керенского, что большевики признают.

Михельсон. Мы выдергиваем последний козырь. Вопрос этот *поставлен* и выплывет; принесет невероятный вред. Согласен, что надо убедить их; *но* надо обнаружить максимум твердости.

Волков. Не можем же мы считаться с тем, что Чернов чего-то хочет. В принципиальных вопросах, где мы считаем, что нельзя отступить, мы не м[ожем] тоже натягивать струны.

Винавер. Другая обстановка теперь, другая будет потом. Весь генезис: вопроса не б[ыло] ни в повестке, ни в наших обсуждениях.

Я. Надо отстаивать до последней точки и перед решительным моментом возвратить в группу. Можно ли строить на этом разрыв?

Демидов предлагает предварительное голосование.

Рысс. Вы можете прибегнуть к декларативной форме.

Я. Не допускать до голосования. Вынести собственную резолюцию. Воздержаться от голосования.

Коновалов. Все – путем сговора. Наказ не исполняется.

Концессии

Аджемов. Формула неудовлетворительна. Разные права граждан. Есть более конкретные концессии, нефтяная, текстильная.

Михельсон. Вандерлип[946] интересен в смысле тех концессий, того подхода, к[ото]р[ый] они допускают. Условие концессии – доставка товаров.

Аджемов. Они даже предлагают золото на постройку нефтепровода. Надо сказать, что сдаются с нарушением прав лиц, областей, к[ото]р[ыми] раньше владелись.

Я. Предлагал упомянуть о передаче чужого имущества и торговле краденым.

Аджемов. Они дают теперь концессии по отраслям. Напр[имер], вся угольная промышл[енность] Донецкого бассейна – совсем другой группе.

Торг[овые] договоры

Волков. Торгов[ые] частные снош[ения] м[огут] б[ыть] основаны на договорах. Будет ли будущ[ее] правит[ельство] признавать?

Я. У них будет более общее выражение.

12 января

11 ч[ас]. утра. Комиссия рассматривает текст резолютивной части, написанной Керенским.

1-й пункт, после принятия наших поправок (редакционных) принимается.

2-й пункт. Спор об «интервенции и блокаде».

Я предлагаю перераспределение материала.

Минор. Защищает текст Керенского.

Винавер. Предлагает в 3-м пункте добавить о блокаде.

Минор кивает головой в смысле согласия.

Винавер. Какая связь с интервенцией экономич[еской] жизни? 3-й пункт очень грузен; надо разбить.

Керенский настаивает.

Я. Соглашаюсь на предлож[ение] Керенского «раз навсегда покончить» заменить словом «прекратить». Тогда можно принять и «систему интервенции и блокады».

Винавер. Предлагает перераспределение пунктов. «Интервенция» употребляется в слишком различных формах. 4-й пункт вместо 2-го. Ввести 3-й пункт, «интерв[енцию], блокаду», 2-ю часть 3-го пункта и продолжение.

Соглашенное предложение. Необх[одимо] устр[анить] все искусст[венное] <пропуск> миром и прекратить применение <пропуск> формах.

п. 2-й. Только после снятия – до конца 2-го.

Винавер против указания, в чем договоры будут пересмотрены.

Принято «к точке зрения».

3 часа. Заседание членов Учр[едительного] собр[ания]

Оглашается телеграмма Бахметева.

Заседание закрывается по нашему предложению (Винавер, я, Коновалов) для обсуждения вопросов внешн[ей] политики, связанных с первыми четырьмя пунктами.

Я предлагаю просить Маклакова дать фактические сообщения.

Маклаков. Отвечает на 1-й вопрос. О «Франции» вообще говорить трудно. М[ожно] было опасаться, что крушение прежней линии, которое и французы рассм[атривают] как окончат[ельное], м[ожет] по-

вести к уклону в обратную сторону. Я считал, что именно в этот момент необходимо противопоставить объединение русских политич[еских] партий. И сейчас вопрос не вовсе устранен. Но теперь министерство, в лице его прежн[их] заправил, уклона в сторону признания большев[иков] в ближайш[ее] время не допустит. Оно опир[ается] одинаково и на вопр[ос] *политический*: это правит[ельство] не легально, опирается на открытую силу, и по вопр[осу] *внутреннему* – о влиянии внутри. В-третьих, основной вопрос, к[ото]р[ый] важен и для людей, готовых к компромиссу, – признание государств[енных] обязат[ельств]. Раз большевики отрицают – французы не могут. Если не произойдет чего-ниб[удь] нового, при этом большинстве признания не будет.

Дальше, они делают и практич[еские] выводы: не могут признать и *действий* большевик[ов]. Фр[анцузское] правит[ельство] отказывается от блокады и становится на америк[анскую] позицию. Но принципиально невозможны торгов[ые] договоры и неприемлема английская схема. Допуская большевиков распоряжаться долгом и общим г[осуда]рств[енным] достоянием, они затрудняют для себя будущее.

Как представляют себе будущие отнош[ения]? Если бы среди большевиков обнаружились признаки изменения, невмешат[ельства], признания долгов, был бы соблазн. Пока этого нет, остается позиция старая. Многие политики обсуждают. Вы опускаете русский рынок. Не сомневаюсь, что и эти разговоры не приведут к результатам.

Но зато очень обращено вниман[ие] Франции на возможное нападение большевиков на limitrophes*. Это – самый больной вопрос. Если большевики нападут, то их политика будет – защита окраин. Вотирует ли парламент кредиты, будет зависеть от дальнейш[его] хода политики.

Приезд Пилсудского вызван желанием обсудить возможность защиты Польши. Но что нужно с нашей стороны? Три года политика колебалась между сохранением единства – и не то что расчленением, но поддержкой окраин. Три года назад думали, что необходимо провозглашать принцип федерации. Попытки франц[узского] правит[ельства] – оттянуть, до *всеросс[ийского]* Учр[едительного] собрания, прошли. Указывали, что неопределенность франц[узской] позиции сравнит[ельно] с американской имела последствием... Советовали провозгласить федерацию. Теперь опять неизвестность. Представители отдельн[ых] г[осуда]рств требуют независимости и получают обещания. Но в то же время франц[узский] представит[ель]

---

* лимитрофные страны (франц.).

Лиги Наций стал против введения *отдельных* окраинных государств. Если у них будет вера, будет к[акой-]то *центр*, их отнош[ение] к инородцам становится ролью благожелат[ельных] советчиков. Если Россия погрузится окончат[ельно] в анархию, будет соблазн поддерживать сепаратистские стремления народностей – допустить офиц[иальную] юрид[ическую] независимость.

Существ[уют] 2 радик[ально] против[оположные] т[очки] зрения и о Польше. 1) Нужно сделать Польшу сильной, с прирезкой русск[их] земель и 2) Теперь настр[оение] Quai d'Orsay *обратное*: официоз «Temps» писал: Poincaré[947] в своем бюллетене указывает на необходимость введения в рамки. Но *вся* полит[ика] будет зависеть от степени доверия, что из России что-то выйдет. Если доверие сосредот[очится] на ч[ем-]н[ибудь] другом, *не* [на] генералах, дело станет благополучно. Даже Америка, к[ото]р[ая] наиболее оптимистична, по отзывам Бахметева, повернется к инородцам, если будет подорвано доверие к возрождению России.

У французов всегда симпатия к Польше и Румынии основывалась на убеждении, что Россию надо восстановлять по частям. Нам пеняют, что мы этого не поняли. Тут не т[олько] желание сохранить сильную Россию. И *тут* вопрос о долгах. Франц[узы] понимают, что если Р[оссия] расчленена, вопрос о долгах падет. Признаем ли мы преемственность России? Если *ими* же расчленена, они понимают ослабление своего довер[ия].

О Бессарабии. Я недавно узнал, что когда в конце 1916 г. б[ыло] закрытое заседание палаты, Бриан заявил, что *Россия* сделала территор[иальную] уступку – *именно Бессарабию*. Никаких следов этого я не нашел. Но это мнение, сказанное перед Палатой, обвиняет позицию франц[узского] правит[ельства] в бессар[абском] вопросе.

Мой вывод: до резкой перемены не дойдет. М[ожет] б[ыть] явятся эмиссары, м[ожет] б[ыть] уже есть и официально разговаривают, но это не т[очка] зр[ения] правительства. Но отнош[ение] к инородцам *может* поколебаться *не* в нашу пользу: тут грозит опасность, к[ото]рая устранится, если *у нас* будут отнош[ения] с инородцами.

Вопр[ос] о Польше. Поляки показали линию, которой союзники противопоставили линию Керзона: этнограф[ическая] граница + Холмская Русь. Поляки пришли в волнение. Настояли, что[бы] эта линия официально не б[ыла] внесена в Версал[ьский] трактат, где глухо указано, что граница *будет* указана 5-ю державами. При переговорах в Спа Грабский принял границу. Фр[анцузское] правит[ельство] старалось удержать их на линии Керзона: вне этого не могло

б[ыть] согласия м[ежду] державами. Но м[ожно] б[ыло] указать «демаркацион[ую] линию». Поляки пошли дальше и заявили *государственную* границу. Надо б[ыло] показать, что это нарушает права самих держав. На эту позицию они *станут* – при возобновл[ении] военных действий или при друг[ом] случае. Надеюсь, что с приездом Пилсудского это будет выяснено.

Отн[осительно] Англии мне труднее г[ово]рить: эту политику я мало понимаю. В самое послед[нее] время я слышал о возможной перемене не в нашу пользу. Но и в Англии есть разные т[очки] зрения. По *польскому* вопросу они – упорнее на нашей т[очке] зрения. Англичане поддерживали генералов *до* Врангеля. И сейчас англичане тратят (за 18 мес[яцев] 171 тыс. фунтов и 76 тыс. фунт[ов] на ближ[айшие] 6 мес[яцев]). Но их ставка на *фактич[еское]* признание больше[истского] правит[ельства], – здесь разногласие с Францией. Мотивы Ллойд Джорджа угадывать трудно: потому ли, что он считает кратчайш[им] путем к крушению большев[иков], или иначе, – но попытка ослабления России *теперь гораздо слабее*, чем прежде. Англичане раньше поняли гибельность германского наруш[ения] равновесия. Вся перспектива большевиков всегда связ[ана] с круш[ением] антибольшевизма: надо *что-то* противопоставить, хотя бы идейную возможность. Иначе и англичане – еще грубее французов – ставка на инородцев.

Отнош[ение] Америки гораздо проще. Республиканцы *еще не знают*, но *пока* стоят на принципе единства России, защиты от захватов. Но какого бы то ни б[ыло] вмешательства не допускали. Поддержка Колчака б[ыла] исключением, вызванным отчасти чехами. Единств[енное] темное пятно и здесь – отнош[ение] к инородцам: им симпатичны демократич[еские] формы. Идея федерации Р[оссии] самая симпатичная. Позиция Америки для нас – самая надежная. Сближение нас с А[мерикой] м[ожет] очень влиять и на политику Франции. Англия м[ожет] стать равнодушной. Французы бессильны. Сближ[ение] с Америкой может соединить все три элемента.

Алексеевский и Минор – ставят вопрос об отношении Японии и Китая. Также отн[осительно] Румынии.

Алексеевский. Сибирь долго была местом интервенции. Интервенция союзников началась довольно рано. Без осведомления русск[о-]больш[евистской] власти 31 дек[абря] пришла на рейд Влади-в[остока] японская эскадра, к[ото]рая и остается до с[их] п[ор]. Вслед за ней весной приходили и уходили военные суда разных г[осуда]рств. Хотя полож[ение] было мирное, гор[одское] и зем[ское] самоупр[ав-

ление] функционировало наряду с Советом, японцы создали волнение, в результ[ате] к[ото]рого были убийства двух япон[ских] граждан. Русское насел[ение] б[ыло] уверено, что это сделали сами японцы: 2 патриота согласились быть убитыми, ч[то]б[ы] интервенция совершилась. Японцы ввели свои отряды. Интервенция стала открытой с лета 1918 г. Япония высадила не менее 50 тыс. ч[елове]к. Из Квантуна еще одна дивизия в Манчжурию и Забайкалье. Япония действ[овала] с согласия друг[их] держав, к[ото]р[ые] в августе высадили и свои войска: официально для помощи чехам. Осенью 1918 г. стали распр[останяться] сведения, что Япония заключила соглашен[ие] с державами и Японии развязывались руки в Вост[очной] Сибири для противодействия советской власти. Силами их свергнута совет[ская] власть в Приморской, Амурской и Забайкальск[ой] областях. Японцы остались там с гарнизонами. Они помогали антибольш[евистским] организациям. Из Амур[ской] области яп[онские] гарнизоны ушли, п[отому] ч[то] в февр[але] 1919 г. казачество выступило *против* японцев. Летом и осенью 1920 г. им пришлось уйти, вслед[ствие] восстания забайкал[ьского] казачества (Семенов насильственно заставил себя выбрать слабым, подтасов[анным] большинством летом 1919 г.). Теперь остаются т[олько] в Приморской обл[асти], на Камчатке и в Сахалин[ской] области. Занятие ½ Сах[алина] и Николаевска объясн[яют] ответными репрессиями за март 1920 г., когда партизаны истребили япон[ское] население и гарниз[он] в Николаевске. Залог для буд[ущего] удовлетворения. Занятие Уссур[ийского] края объясняется (прежде – помощь чехов, но они ушли) – защитой торгов[ых] и друг[их] интересов и обещают эвакуиров[ать] этот край, когда будет всеросс[ийское] законное правит[ельство]. Наиб[олее] характ[ерное] вмешат[ельство] в апреле 1920 [г.], когда русск[ие] войска разоружены японцами. После этого яп[онцы] принудили правит[ельство] отказаться содержать вооруж[енные] войска на территории полосы 30 верст по путям сообщения. Но это равносильно всей Примор[ской] области, т. к. за 30 верст начин[ается] тайга, сопки, охотнич[ий] быт. Обещание увести – противоречит усилению войска в Южно-Уссур[ийском] крае. В 1919–20 [годах] среди местн[ого] населения возникали всяк[ие] планы – сохранить этот край для России. Местные деятели всех партий решили создать буфер. Сперва – в среде антибольшев[иков], – но в 1920 [г.] приняты большевиками. Дальневост[очная] респ[ублика][948] – создание большевиков, но они там допускают существ[ование] частн[ой] собств[енности] и торговли, представит[ельство] по общему избир[ательному] праву. Благодаря этому Япония лишается юридич[еской] возможности вме-

шаться. Вопрос к русск[им] дипломатам: *какой договор* связал Японию не выступать, пока нет совет[ской] республики? Выясняется, что политика Японии – захватническая, к[ото]рая приведет Р[оссию] к потере значительных частей территории с подземными богатствами. Потеря Владив[остока] отразится на интересах всего славянства (чехословаки считали захват Влад[ивостока] после 4 апреля 1920 г. как покушение отрезать от Велик[ого] океана).

Интервенция американская – д[олжна] б[ыть] благоприятной и чисто открытой. Но этого сказать нельзя. Американцы благопр[иятны] и большевикам, и антибольшев[икам]. Напр[имер], отн[ошение] к атаману Калмыкову[949], Семенову – хорошее, потом плохое отнош[ение], к Сибир[скому] правит[ельству] до Колчака – никакого отнош[ения], к Колчаку – периоды благоприятствия – и противодействия. Апогей японск[ого] вмешат[ельства] (4–5 апреля) – *с ведома* американцев, к[ото]р[ые] развязали японцам руки. Через день после ухода америк[анского] экспед[иционного] отряда. Впечатление, что для Америки важно поддерживать смуту и поддерживать противников Японии.

Франц[узская] интервенция незначительна: 1 батальон, к[ото]р[ый] разбит в первом же столкнов[ении] с красными и эвакуиров[ан] из Примор[ской] обл[асти]. Но держали де Мартеля: нельзя б[ыло] выяснить, что поддерживает Франция. Для демократии, земств город[ов] выяснилась враждебность демократии и поддержка военной диктатуры. Но факты оставления Колчака вызвали озлобление к французам и среди военных. Население склонно объединить всех интервентов под одно понятие – вредящих России. Интервенты считают, что население их не понимает. Если выяснится, что все союзники относились враждебно к России, то и нынешнее отнош[ение] к России станет ясным. У нас нет друзей в Европе и Америке. Расчеты наши ошибочны. Наша политика д[олжна] строиться иначе: д[олжны] рассчитывать *т[олько] на себя*.

Керенский. Предлагает информацию о подготовке интервенции 1918 г. Политика Clemenceau и Lloyd George заменена противоположной: Польша не м[ожет] заменить сильной России. Находим нужным, ч[то]б[ы] и на восточных границах находилась сильная Россия. Мы обязаны вести политику *силы*, а не политику слабости. Могу доказать документально, что между интервенцией, которую просила р[усская] общественность в 1918 [г.], продолжавшая борьбу с Германией, *не было связи* с планами посылки здешних интервенций – например, экспедиция в Архангельск, ехала группа русск[их] людей, к[ото]р[ые] д[олжны] б[ыли] изобразить русское правительство (печальный эпизод в правит[ельстве] Чайковского).

Чайковский. Не входит в обсужд[ение] событий в Архангельске. Хочет заявить, что в упоминании Керенского – большие неточности. Англичане привезли авантюриста Филоненко[950] и корресп[ондента] «Matin», Семенова. Фил[оненко] вошел в охранку и начал интриговать среди офицерства.

Возобновляется заседание комиссии

Обсуждается *резолюция об окраинных образованиях*

1 п[ункт]. Многословен, неудобен для народностей, ибо не затрагивает главного внутреннего мотива, а указывает на *два внешних* условия, притом неудачно редактирован, ибо смешаны эпохи.

14 января

4 ч[ас]. заседание комиссии. Резол[юция] по окраинн[ым] г[осуда]рствам, о *расхищении русских территорий.*

Керенский в резолюцию о расхищении вставляет протест против возможной интервенции срединных держав.

Я протестую и предлагаю перенести это в мотивировку фракций, обещая и сам высказаться в том же смысле, но из резолюции исключить.

Заседание комитета вечером у А.И. Коновалова

Читается наша резолюция.

Михельсон. Резолюция неудовлетворительна. Признания долгов нет. Надо было признать принцип. Признание междунар[одной] конференции – идет против суверенитета: это – администрация по делам России, вроде греческого, оттоманского и египетского долга. Мы против этой точки зрения протестовали. В § 2 – как г[ово]рить о «пересмотре» договоров после признания их ничтожными. О «блокаде» мы решили иначе, чем здесь. Нужно дополнить разъяснения о долгах.

Родичев. Противоречие о блокаде. Неправда, что блокада ложится на население. Признание долгов неискреннее.

Винавер. Защищает и объясняет психологию заседания.

Ключников. Находит, что о долгах выражено хорошо. «Совещание» о долгах не «commission»*, а «conférence»**. Страшного ничего нет.

Рысс. Был смущен французскими газетами. Завтра внести замечание по протоколу: «просим отметить».

Волков. Тон и содержание не удовлетворили. Но хорошо, что с. р. приписали себе.

---

* комиссия (франц.).

** конференция (совещание, съезд) (франц.).

Свечин. Предлагает сделать заявление, что вследствие несоверш[енной] техники не даны вовремя полные тексты.

Резолюция *по окраинн[ому] вопросу.*

Докладывает *Винавер.*

Ключников возражает, что с. р. были правы в своем централизме.

Я отвечаю, что мы уже давно признали *соглашение* как метод, а федерация обыкновенно бывает не сверху, а снизу, из частей.

Семенов меня поддерживает: единственный реальный метод – соглашение.

Рысс. Возражает против выдвижения большевизма как объединения центробежной силы. Надо упомянуть о культурной автономии. Не упоминать об Учред[ительном] собрании.

Михельсон. Мы идем на *признание* отделившихся государств? Их не признает Лига Наций, *п[отому] ч[то]* не признала Россия. Если примем такую резолюцию, этим дается право им заявлять, что Россия их признала. У нас еще есть требования к ним. Надо оговорить, что юридического признания – *нет.* Дело идет о *фактическом* сговоре.

Лурье. Надо избегнуть *юридич[еского] признания.* Построить так: *констатировать* факт, он м[ожет] б[ыть] *признан т[олько] на известных условиях,* по соглашению. Есть и экономич[еские] данные, необх[одимые] для России. Надо быть осторожными в допущении равноправного соглашения, сохранить интерес целого.

Свечин. Вопрос, ч[то]б[ы] *Учр[едительное] собр[ание]* решало, уже решен отделившимися частями. «При федерации мы будем вырабатывать на месте условия». Диктовать в центре наприемлемо. [Э]с[е]ры – страшные централизаторы. Из совершивш[егося] факта надо выходить вместе.

Волков. Разделяет сомнения Лурье. Надо ввести оговорки и не уходить далеко от жизненных интересов. Предлагает исправить «*форму* связи», а не самую связь (*Винав[ер]*: так и сказано). «Обеих» сторон, а не «договаривающихся».

Ключников. Мы хотели признать окраины *для вооруж[енной] борьбы.* Теперь обстановка изменилась. Тогда выступали как к. д. Теперь в органе, к[ото]р[ый] ставит целью – защиту интересов России. Теперь устраняется и интервенция: за окраинами стояли великие державы. Теперь и это устранилось. Выяснился раскол среди к. д. Требовали, ч[то]б[ы] б[ыли] расширены рамки съезда. Эти отколовшиеся части будут недовольны. Мы жертвуем более правыми группировками. Лучше молчать о нашем миролюбии: может быть придется воевать с окраинами.

Я. Возражаю, что именно прежде, когда б[ыла] вооруж[енная] борьба, мы могли не признавать, а теперь все наше спасение в федерации, иначе державы признают *de jure*. Но замечание Михельсона и Лурье нужно принять во внимание. Надо упомянуть, что *юридического* признания все-таки нет.

Резолюция о *расхищении*

Семенов. Вычеркнуть слова: «возражая против интервенции». Мы все время доказывали, что большевизм – не русское, а мировое явление. От интервенции мы не отказываемся.

Рысс: надо спросить, будут ли с. р. возражать против чешской интервенции.

Волков. Мы уже стали на тот путь, что откажемся от интервенции. В проекте Винавера не опасно. Проект Людендорфа мне не улыбается. Лучше потерпеть еще большевиков, чем закабалить Россию.

Ключников. Против включения Дальнего Востока. Зачем заранее обижать Японию.

Харламов. Стоит за упоминание Дальнего Востока.

15 января

Утром 11 ч[ас]. заседание комиссии. Мы заявляем соображение по существу нашей фракции. Нас поддерживали в непризнании лимитрофов Америка и Франция в Лиге Наций (Bulianu). При чтении резолюции получается впечатление, что мы *уже сейчас* констатируем независимость некот[орых] г[осуда]рств, как Грузия и Латвия, удовлетворяющих нашим условиям. Предлагаем или исправить, или выкинуть 3-й пункт.

Вишняк[951]. Фракция с. р. видела тут одно из главных оснований всей резолюции. Мы *не провозглашаем* здесь независимости. Они спрашивают: признается или нет. Мы отвечаем: *юридического* признания не допускаем; de fait* признаем и с тем, что случилось, считаемся как с историческим, но не юридическим фактом.

Я. Тогда и нужно ввести это заявление – о непризнании *юридическом*. Это наше единственное оружие в случае их нежелания идти с нами на соглашение. Иначе мы ослабляем позицию наших защитников в Европе и Америке и, поставив задачей *охрану* русского единства, начинаем с признания расчленения.

Чайковский. Тоже настаивает, чтобы было *в данный момент т[олько] фактическое* признание.

---

* фактически (франц.).

Винавер. «Признавать фактически» – невозможно: всякое заявление наше есть уже шаг к юридическому признанию. На весах это может повиснуть, как наше примирение с независимостью. Нужно сохранить два момента: «соглашение» и «федерацию», – опустить 3-й пункт.

Вишняк. Подтверждает, что *юрид[ического]* признания нет во фракции. Но уже не смотрят упрощенно и на признание *de fait*: а за это боролась долго Грузия и др. Это две стадии или формы признания. Мы даже не санкционируем de facto, т. к. не представляем государств[енного] целого. Но не станем спорить против признания de facto.

Керенский предлагает перерыв.

Авксентьев – отложить.

Устраивают перерыв.

Возвращаются и предлагают превратить п. 3-й в придаточное предложение к 4-му пункту.

Винавер предлагает: «и определится окончательная форма юридических правоотношений между <пропуск>».

Решают в 3-м п. поставить «рациональные *правовые*» (вместо «политические») формы.

Вопрос о введении ссылки на Учредительное собрание.

Керенский длинно и спутано мотивирует, почему они не могут отказаться и почему тут нет опасности.

Я. Заявляют, что опасности не устранены, Учред[ительное] соб-р[ание] провозгласило *не тот* принцип, к[ото]рый мы провозглашаем; и желание иметь ссылку на него, не мотивированное убедительными мотивами, является необъяснимым, как простая ссылка на какой-то исторический факт; а как *квалифицированный* факт, это м[ожет] облегчиться только невысказанными мотивами.

Винавер. Доказывает с деловой т[очки] зрения неудачность.

Керенский делает ударение на слове *Россия* и подчеркивает, что *мы* сами сперва создадим *у себя* федеративный строй, а потом пригласим лимитрофы. Россия, независимо от размеров территории, *должна* быть федерацией.

Винавер. Это совершенный сюрприз. Мы говорим о лимитрофах, а вы вводите наш собственный внутренний вопрос. Вас уже интересует не федерация с окраинами, а федерирование России. Мы имели в виду не федерировать Москву с Петербургом. Вы получите двойственность: *две* федерации.

Авксентьев. Сказано, что 5 января 1918 г. [Учредительное собрание] примет *принцип* федерации, когда еще не было никаких ли-

митрофов. Учред[ительное] собр[ание] было тогда еще *для всех* Учред[ительным] собранием, и для к. д. в том числе. Верность *этому* институту нек[ото]р[ые] к. д. засвидетельствовали жизнью. И у с. р. – нет единого настроения об Учр[едительном] собр[ании], а *принцип* признан всеми. Оставляет в стороне *все* разъяснения Керенского; не понимает, *почему* это может противоречить соглашению.

Я. Объясняю, что Керенский *не случайно* и *не лично* связывает свои объяснения с редакцией с. р. Нельзя в редакционном порядке вносить такие сложные вопр[сы], предрешающие и обстановку, и форму *внутренней* организации, – и [которые] вызывают подозрительность лимитрофов, раз их сравнивают с внутренними областями.

Керенский. Мы вносим указание на Учр[едительное] собр[ание] – не в ином смысле, как необх[одимость] сослаться на всенародно провозглашенный принцип для объяснения нашей позиции. По отн[ошению] России – будет в *настоящ[ем] вр[емени]* иметь федеративный элемент (Харламов, Сибирь), а в *постепенности* – и лимитрофов. Мы не говорим «закон», а т[олько] «принцип».

Минор. Вопрос достат[очно] выяснен. Прекратить запись.

Чайковский. Говорят: «по *нашему* мнению», тут нет ничего подозрительного. А лимитрофы говорят *другое*. Украин[ский] комитет в Конст[антинополе] «самоопр[еделился] на основе местных учредит[ельных] собраний»: это люди, *тяготеющие* к России. Эстонцы, грузины в Париже – ни звуком не отозвались на наше собрание: это для них чужое дело и неподходящая почва.

Винавер. Мы не сойдемся, но обсудим, *где* принять «бой». Момент, выбранный вами, *наиболее* неудобен... Если в один и тот же пункт вводите принцип, провозглаш[ающий] о *внутр[енней]* России и о лимитрофах, – конечно, это позиция незащитимая: одна часть уничтожает другую. С объяснениями Керенского становится еще хуже. Сделайте свое заявление в другом месте, но *не в* деликатном вопросе, о лимитрофах.

Авксентьев. Здесь не ставится вопрос о дальн[ейшем] существовании Учред[ительного] собр[ания]. Какому-ниб[удь] члену Врем[енного] правит[ельства] м[ожет] прийти идея, что он снова восстановит росс[ийское] правительство. Мы будем с этим бороться. Но пока [Временное правительство] существовало, акты его были законными актами. *То же* и Учред[ительное] собрание. Было бы преступление воскрешать его. Но *принцип* оно провозгласило.

Я возражаю против отождествления «актов» Врем[енного] правительства с декларациями Учр[едительного] собр[ания].

Чайковский. Все лимитрофы, при сношениях с совещанием в Париже, никогда не соглашались *идти* в Учред[ительное] собрание и ждать его решения.

Руднев констатирует, что соглашение не достигнуто. Есть предложение устранить как неприемлемое.

Максудов. Мы в *этой* резолюции не согласны упомянуть Учред[ительное] собрание: это будет истолковано народностями, как толковал Чайковский.

Харламов. Казачьи образования – я стоял на т[очке] зр[ения] Учред[ительного] собрания – на Дону не б[ыло] сепаратизма. *Теперь* идея *конгресса* заменила идею Учредит[ельного] собрания.

Прерывают и переходят к *национальной резолюции.*

1) у с. р. есть проект краткой резолюции

2) проект расширенный

3) проект Максудова

Читаются.

Максудов. Наша резолюция – достаточно краткая. Должна лежать в основе.

Вишняк. Защищает построение [э]с[е]р[овской] резолюции. Национ[альный] вопрос – внутренний. Если уже вносить, то не очень детализировать, и дать более общую постановку. У мусульман слишком конкретно.

Я. Принять в основу [э]с[е]р[овскую] резолюцию.

Максудов. У вас и нас понимание разное. Мы не м[ожем] отказаться от права когда-нибудь образовать *территориальный штат* – за чечевичную похлебку национ[альной] культуры. Отсюда *1-й пункт*, к[оторый] для нас имеет важное значение. *Без* 1-го пункта не можем.

Минор. Не возражает против положения в основу максуд[овской] резолюции, но превратить ее в свою.

Я. Спрашиваю, примет ли Максудов резолюцию без 1-го [пункта].

Максудов. Пусть будет от имени других фракций.

Минор. Решим принципиально, м[ожно] ли принять 1-й п.

Решено идти по 2-му проекту.

Максудов. Настаивает на праве *в будущем* образовать территорию.

Винавер. Нац[иональный] вопрос вводится *потому*, что есть народности, к[ото]р[ые] *не подходят* для федерации. «Нации, к[ото]р[ые] не образуют террит[ориальной] автономии или федерации» – имеют такие-то права. Все равно, есть [ли] это – нация, у к[ото]р[ой] есть *меньшинства* в других частях.

Максудов. Здесь все взвешено. Винавер не знает Поволжья, Туркестана и т. д. Есть *три* категории, как выяснилось *вчера*: средняя категория: если могут быть *маленькие* штаты, как губернии, по признаку национальному. В Туркестане 93%. И киргизы образуют свой кочевой штат. *Право* образовать штат д[олжно] б[ыть] предоставлено *каждой* народности.

Керенский. Я знаю положение на Волге и в Туркестане. Все приведенное Максудовым ни на чем реальном не основано. Туркестан *подходит* к полож[ению] штата. Там большинство мусульманское; русское население — в полож[ении] меньшинства, на основаниях обязательных для всех штатов. Другой штат — киргизский, где и городов нет, и меньшинства нет. На Волге вопрос сложен: придется делиться поуездно.

Максудов. Целая полоса идет.

Керенский. Вопр[ос] о создании штата м[ожет] б[ыть] возможен, — но на том же федеративном основании. Есть только *две* категории.

Я. Максудов не напрасно предложил соединить обе резолюции. Оба положения предусмотрены этими резолюциями. *Среднего* нет: есть только <1 нрзбр.>, к[ото]р[ые] можно оговорить в декларациях.

Максудов. Есть три маленьких штата, которые мы не хотим уничтожать, м[ожет] б[ыть] Учред[ительное] собрание признает за ними право штата. Предлагает свой 1-й пункт как поправку.

Отвергается.

О порядке обсуждения резолюции предлагается отдельно.

Я заявляю, что мы д[ожны] б[ыли] *внести* свою резолюцию.

Вишняк предлагает голосовать по частям, а потом <пропуск>.

Керенский. Предлагает сказать, что по так[им]-то пунктам достигнуто соглашение, по другим — не достигнуто. Констатировать и привести варианты.

Я. Будет это — резолюция собрания?

Авксентьев. Будет резолюция с вариантами.

Винавер. Наша цель — выявить общее. Нельзя вносить этот вопрос в таком состоянии в общее собрание.

Руднев. Приводит пример: присоединяемся к резолюции с оговоркой.

Керенский. Это будет иметь последствие для внутр[енних] отношений, но не для резолюции.

Авксентьев. Предлагает не «варианты», а заявление, что единогласие достигнуто, кроме данного пункта. Затем прения, заявления

фракций, оставить формальную сторону и констатирование председателя, что *все* единогласно присоединились. Написать курсивом непринятое.

Моя мотивировка для общего заседания:

После *обстоятельного* обсуждения в комиссии фракция нар[одной] св[ободы] пришла к *согласным* выводам с другими фракциями по *всем вопросам*, связанным с положением новых *государственных образований.*

I. Мы *согласны* во взглядах на *процесс* образования этих г[осуда]рств – (не Польша и Финляндия) на те *причины* – как *постоянного*, так и *временного* характера, к[ото]рые вызвали это образование.

II. Мы *согласны*, что *временные* причины *разъединения* отпадут с *окончанием господства большевиков* и что *тогда настанет время* для установления *государственно-правовых начал* нашего объединения.

III. Мы согласны, что *таковым началом* д[олжен] б[ыть] *федеративный строй.* Если мы *не детализировали* этого принципа, то *исключительно* для того, чтобы *не сузить* к[ак-]н[ибудь] случайно его *содержания.*

IV. Наконец, мы *согласны* и относительно *метода* объединения:

Соглашение между *сторонами*, с исключением всякого *насильственного* способа разрешения вопроса.

[Э]с[е]ры принимают поправку Винавера, и я соглашаюсь ограничиться следующим объяснением.

Есть только *одна оговорка*, к[ото]р[ую] мы считаем *нужным сделать.* По поводу упоминания *Учр[едительного] собрания 5 января 1918 г.*

Мы *принимаем* это упоминание *при условии (в предположении)*, что *при этом:*

1) *не имеется* в виду создать *прецедент* для *оживления* деятельности этого учреждения (что *противоречило бы условию* нашего вхождения),

2) разумеется, именно провозглашение *принципа* федер[ативного] строя Учр[едительным] собр[анием], а *не способа его осуществления*, к[ото]рый в *1921 г.* соверш[енно] *иной, чем в 1918 [г.].*

16 января

Заседание комиссии в 3 часа.

Разговоры опять о национ[альном] вопросе.

Доклад Брушвита

Связывает 3 послед[них] вопроса с образованием органа. Вопросы слишком сложные. Число беженцев – до 1 900 000, средняя 1½ миллиона. Колоссальная задача, до 150 тыс. больных, остальные морально депримированы*. А если прибавить междунар[одное] положение, трудность устройства их громадная. В Праге у нас большой материал о полож[ении] военнопленных: ужасная картина невероят[ного] положения, особ[енно] в Германии, где влияют большевист[ские] агенты. Ок[оло] 80 000 перешло во вр[емя] *Польской* войны[952].

И военнопленным большевиков, исчезающим отчасти в пути, – им показывают фотогр[афические] карточки замученных членов семьи. Мы убедились, что на наше совещание возлагаются огром[ные] ожидания, широкая гласность. Мы считаем, что задача эта не м[ожет] б[ыть] поставлена в плоскости благотворительной, а [она] часть государственной работы. Если так, то прежде всего возможность получения денежн[ых] средств.

Практич[еское] исполн[ение] д[олжно] б[ыть] возложено на Зем[ский] и Город[ской] союз. А *политич[еская] часть* – необходимо – д[олжна] б[ыть] вверена органу политич[еского] контроля:

1) Совещ[ание] д[олжно] *подойти вплотную* с экон[омической] и полит[ической] т[очек] зр[ения].

2) Не в плоскости благотворит[ельной], одна из задач восстановл[ения] Росс[ии] – г[осуда]рств[енная].

3) *Определенный орган*, к[ото]рому надо дать директивный наказ, для разраб[отки] юрид[ической] и экономич[еской сторон].

Затруднения при исполнении: только *общественный* орган, без госуд[арственных] правовых функций.

Но если *только* обществ[енный], то не сумеет выполнить задачи и обманет надежды.

Поэтому мы д[олжны] согласиться, что в *порядке исполнения* эта организация д[олжна] приобрести характер *публично-правовой.*

Для этого д[олжен] б[ыть] *определенный состав.*

Надо дать широкую *огласку* для общественной *санкции.*

Если найдем форму, сперва прозондировать возможности выступить, *без* компрометации. Есть и пункты наказа, пока намеченные в форме тезисов.

Винавер. Мы т[олько] м[ожем] сочувствовать. Никаких разногласий. Дело охраны беженцев – важность. Нет разногласий и о пла-

---

* депримированный (от франц. déprimer) – подавленный, угнетенный.

не. Орган д[олжен] силой авторитета приобретать публично-правовое влияние.

Д[олжен] отвечать на 2 насущные надобности.

1) Осуществ[ление] принципов наших резолюций.

2) Устроен[ие] р[усских] граждан, военнопленных, эвакуир[ованных] частей войск.

Лучше не делать *императивного наказа.*

Я. Тоже выражаю сочувствие, указываю [на] необходимость расширения рамок органа, привлечение экспертов и опубликование особого *воззвания о беженцах*, чтобы ободрить их.

Брушвит. У нас единогласно решено обратиться с торжеств[енным] воззванием, что все за границей находящиеся – суть граждане великой России, а не затруднительные иностранцы.

Наша классификация русских граждан: есть т[олько] граждане, но силой вещей получаются разные категории по действ[ующим] законам:

1) интернированные,
2) военнопленные,
3) беженцы,
4) эмигранты вообще.

1) Граждане, перешедшие границу с оружием в руках. Были голоса во фракции, что *не д[олжно] б[ыть] вообще вооруж[енных] сил за границей.* Большинство высказывалось, что в так[ой] плоск[ости] вопрос м[ожно] поставить в другом месте: здесь работа *общественно-благотворит[ельная], а не политич[еская].* Совершенно не упомянуть, однако, нецелесообр[азно]: люди противоположных полит[ических] лагерей: «вне пред[елов] Р[оссии] не м[ожем] насильственно удержать в к[акой-]н[ибудь] (военной) организации. Благод[аря] ненорм[альным] условиям желательно создать междунар[одный] орган контроля для точного выполнения закона.

2) Военные – указывать больные места. Части в[оенных] препятствуют вернуться на родину. *Не мешать.* Но кто не желает, *право убежища.*

3) Беженцы – признак, по существу, количественный. Пожел[ание], ч[то]б[ы] б[ыли] отменены стеснения для тех, кто может, по матер[иальному] положению, *свободно передвигаться.*

Винавер. Правильно было бы сделать это обращение со ссылкой, что создается орган и ставится задача: тогда это *не слова*, а введение в действие. Мы могли бы поддержать другие обращения обществ[енных] организаций к благотворительности. Сговориться не для прокламирования, *для наказа.*

Чайковский. Все пункты наказа совпадают с желаниями фракции. Не предлаг[ал] изменений, но боится политич[еских] деклараций о беженцах. Удовлетворен заявл[ением] докладчика, что эта задача – обществ[енно]-благотворительная. Если же начнем прокламировать, создадим источник эксцессов и большевист[ского] контингента для Зап[адной] Европы.

Чайковский *прибавляет*, на мой вопрос, что это касается *свободы выхода* из армии.

Минор. Военные лагери с судами и смертными казнями нельзя совместить с обществ[енной] благотворит[ельной] работой. *Внутри Р[оссии] мы за вооруженную борьбу.* Но за границей существование вооруж[енных] организаций, самочинных, нетерпимо. Русск[ие] гражд[ане] не будут защищены. Мы не м[ожем] примириться с сосуществованием других госуд[арственных] правовых организаций. Как специфически военные не м[огут] пользоваться ничьей помощью. Мы хотели подойти осторожно и ввести принцип *добровольности.* Вовсе это не значит, что они обратятся в большевиков: наоборот, это подрежет. Мысль о том, что никакие *насильственно*-мобилизов[анные] организации (Врангелевская армия) не м[огут] быть терпимы. Были случаи, когда даже за границей объявлялась мобилизация.

Брушвит. Мы исходили *не* из соображ[ений] *политических*: просим верить. Если будем примешивать политику, внесем яд смерти. Это м[ожет] б[ыть] инструкция органу. Но 1-я часть д[олжна] б[ыть] декларативная. Я придаю не меньше значения большевистской армии. При нормальн[ом] положении эта часть д[олжна] отпасть, ибо – разоружение. Здесь болезненное состояние после войны. В Праге мы получаем множество писем со всех сторон: трагические душеизлияния. Одно моральное освобождение дает огромный плюс, ч[то]б[ы] им стать на ноги. Мы допускали возможность создания *синтетических* центров, но это б[ыло] отвергнуто: люди слишком распылены. Надо исходить из центра и прибирать к рукам. Вопрос достат[очно] оттенен в декларации, в резол[юции] об интервенции; есть и интернац[иональное] заявление, что войска Врангеля – простые беженцы. *Здесь* не хотим подойти к *политич[еской]* стороне.

Винавер. Если бы мы могли что-ниб[удь] предложить, надо так и сказать. Идея правильная, но теперь никто не послушается. Надо прекратить суды и расстрелы. Одиночек, к[ото]р[ые] будут уходить, вы не сможете прибрать к рукам. Другое дело, если орган будет создан. Иначе произойдет впечатление о покушении с негодными средствами. Надо осуществлять, а не декларировать.

Харламов. В Польше видел казаков, неск[олько] десятков тысяч, – во многих частях. Там тяготение к организованности, в какой угодно форме. Но к Балаховичу[953] не пошли; остались в тылах. Спасли укр[аинскую] армию Петлюры и бросили. Их настроение: ни [за] что в советскую Р[оссию] не вернутся, а на свою родину. Уральское войско – крепкая часть населения: теперь скитаются в Польше, и донцы, терцы, кубанцы, астраханцы. Хотят, ч[то]б[ы] *не разобщали.* Это – не принудительное начало. Тоже – армия Врангеля: 1) Донской – Чаталджа, 2) Кубанский – Лемнос и 3) Русский – Галлиполи – корпуса. Что кас[ается] настроения, порядка, дисциплины, в двух первых выше, чем в Галлипольской группе. У них тоже неудержимое стремление быть вместе. Отн[осительно] остальной части офицерства Врангеля – был приказ, что остаются т[олько] *добровольно.* Я а́бсолютно не сторонник Врангеля, отношусь отрицат[ельно]. Г[ово]рю только об остатках русской вооруженной силы, – на 90% не ответственны за политику вождей и нам во всяк[ом] случае пригодятся. Минор подтвердил, что вооруж[енная] борьба внутри России – необходима. Подход д[олжен] б[ыть] чрезвыч[айно] осторожный. Ограничиться *только* выраж[ением] мысли о свободе выхода, то это – хуже камня вместо хлеба. Надо дойти до души. Лучше *ничего* не говорить. Надо отметить, что мы их *не забыли.* Это – те же русские граждане, к[ото]р[ые] в первую голову пойдут.

Правые имеют средства и вербовщиков. Они подхватывают голодное офицерство, дают гроши, берут обязательства явиться в назнач[енный] срок. Либо нужно от совещания сказать для души и показать перспективы. Я тоже согласен, что военные институты не д[олжны] существовать. Но этого – *недостаточно.*

Брушвит. Мы отклонились. Это еще не проведено во фракции. Еще надо решить, может ли этот орган вообще родиться. Потом уже выработаем инструкцию. Убавим или добавим. Сегодня только *об органе.*

Керенский. Какие еще функции дают органу другие фракции.

Я. Исполнение всех наших постановлений политич[еского] характера. Только так мы и подойдем к приобретению госуд[арственно]-правового характера и авторитетн[ого] органа.

Брушвит. Предлагает обменяться мнениями еще о русск[их] граждан[ах] *вообще*: именно, о *консульствах.*

Винавер. Тут 2 части: 1) консул[ьские] учреждения, 2) status русск[их] граждан. Консульства – последний остаток, охраняющий права граждан, – нельзя трогать. Они кое-как существуют по традиции

Врем[енного] правит[ельства]. Вопрос о status'е чрезвычайно сложен. Надо добиться, чтобы применялись наши прежние законы к р[усским] гражданам, а *не большевистские, не местные и не анархия*. Для этого и нужен авторитетный орган.

Я. О status'е надо дать поручение органу. О консульских учреждениях – присоединяюсь к Винаверу.

Брушвит. У нас есть нек[ото]р[ые] соображения, к[ото]р[ые] надо дать в качестве наказа. В наст[оящее] время постоянно консул[ьские] функции превращаются в противоположность себе: защита правительств тех держав, где находятся, *против* русских граждан. Ставит нас в зависимость от усмотрения отдельных лиц. Теперь это органы надзора за русск[ими] гражданами. Надо уничтожить анархич[еские] проявления их функционирования. У нас наметились 3 категории г[осуда]рств и 3 фазы. Преемственность Врем[енного] правит[ельства] т[олько] в союзных и нейтральных странах. Другая кат[егория] – бывшие в войне с нами: там *нет* этих учреждений, и *нейтр[альные]* государства. Третья – вновь возникшие г[осуда]рства, где иногда созда[ва]ли разными врем[енными] правительствами, в некоторых самочинно, комитеты. В Праге мы приложили все усилия разбить этот комитет, в к[ото]ром руководство.

Чайковский. Напоминает о *финансовой* стороне. Отсутствие средств. Есть *указание*, что если будет орган со всеросс[ийской] санкцией, то средства найдутся. Телегр[амма] из Америки. Стоит, поэтому, не смущаясь этим, разрабатывать программу.

Я. Но не для помощи беженцам?

Винавер. Я тоже не сомневаюсь, что средства найдутся, но несвоевременно ставить об этом вопрос.

Резолюция об отторжении

Я предлагаю поправки, которые принимаются. Указываю на сведения «Daily Herald»[954] о фальсификации документов.

Брушвит. Там до 50-ти фотогр[афических] снимков. Происх[ождение] их: монархисты хотели войти с *нами* в сношения, т[ак] что мы знаем из первоисточников (*мне* говорят, *что это* были *венгерские* монархисты).

Переговоры с Керенским, Авксентьевым и Рудневым *об органе* (*наедине,* по секрету).

Вечером заседание к. д. у Коновалова

Докладываем о происшедшем.

Винавер излагает переговоры об органе: Предположения *наши*:
4 с. р.+
3 к. д.+
(Львов? Титов? Как н. с.) 2 от земцев и городов
Их тактика:
1) выбор *одних* с. р. *без* цензовых элементов
2) выбор комиссии, которая поименно наметит
3) прямой выбор от совещания
} с кооптацией от земств и городов
Первое – не наш орган.
Мы предлагали 15, Керенский 7, остановились на 9-ти.
Н. с.: Мы предлагаем Титова.
Керенский склон[яется] к Брамсону[955].
У них возражения:
1) помешает работе в России
2) поссорит с меньшевиками
3) французские друзья (Renaudel[956]) *против*
} против «коалиции»

Рысс. Предлагает присоединить Львова от Политич[еской] конференции.

Волков. Неудовлетворен всеми комбинациями. Нужна связь с торгово-промышленными кругами. Не сдавать эту позицию. Не удовлетворяет соображение: надо *больше двух* от зем[ств] и городов. Отн[осительно] представительства мелких фракций согласен.

Винавер. Немыслимо провести тор[гово-]пром[ышленников], п[отому] ч[то] нет *личных* кандидатов и группа разбита, и п[отому] ч[то] принципиального подхода нет. *Число* участников – их мысль вначале шла в этом направл[ении]: 4 из зем[ств и] гор[одов]: но там больше *двух* кандидатов и нет.

Я. Невозможно психологически идти дальше, чем уже пошли.

Коновалов. Они выдвигают так мало лиц, п[отому] ч[то] у них никого нет. Орган в малом составе будет неавторитетен.

Волков. Поддерживает Коновалова: надо создавать более выгодное соотношение. Называет кандидатуры Оболенского и Бурышкина.

Я. Прошу Коновалова обнаружить часть горячности, здесь обнаруженной, и поместиться, расширить состав.

Оболенский приемлем, Бурышкин – нет. Они подбирают однородное большинство, которое бы не топталось на месте, – и это мотив, заслуживающий уважения.

Волков предлагает 7+4 (от земств), чтобы не было чрезмерного преобладания Учред[ительного] собр[ания].

Винавер. Можно идти только в смысле увеличения, а не перераспределения.

Семенов. В Конст[антино]поле присутствовал на 2-х совещаниях казачества (дон[ских], куб[анских], терцев). Они спросили, по каким причинам входили, пытались ли пригласить представителей народных масс, как казаки, – целиком, все казачье население.

Рысс: 8 (5+3) + 3: Мил[юков], Вин[авер], Харлам[ов], Конова-л[ов] – У[чредительное] с[обрание] – 3, зем[ства] – 1; н. с. и Львов.

17 января

2½ [час.] комиссия.

Принимаются поправки Чайк[овского] к резол[юции] об «отторжении». Чайковский неудовлетворен, протестует, потом (когда Авксентьев объявляет, что от этого зависит возможность соглашения) сдается.

Мандатная комиссия

Решает против кандидатуры приехавшего большевиствующего с. р. Раковского, на основании того, что большевики разогнали Уч-р[едительное] собрание.

Заседание открывается в 4 часа.

Национальный вопрос – разногласие (неустраненное) с мусульманской фракцией.

Минор мотивирует приемлемость комиссионного решения. (Длинная историческая справка с 70-х годов о взглядах с. р.)

Максудов. Фракция не может присоединиться и вносит другую резолюцию (читает). 3 возможные положения: 1) преследуется самая принадлежность к нации (евреи, татары), 2) индивидуумы не ограничены в правах, но нет национальных прав. М[огут] б[ыть] разновидности: мелкие общины имеют право открыв[ать] школы, но над ними государство, 3) полная национ[ально-]культурная автономия: *не для* отдельных индивидуумов, а для всей нации, как *юрид[ического] лица*, – публично-правовые привилегии. Это – мнение нашего народа, это и научное понимание культ[урной] автономии. Инт[ернационализм] Бауэра[957], Шпрингера[958], Каутского[959]. В резолюции не говорится о праве управл[ения] школами. Упо[минается] об «условиях определ[ения] – федеральной конституцией».

Вишняк.

Моя речь.

Брушвит. Говорит как латыш («Вас латыши послали»? – спрашивает *Исхаков*), и это потому, что возбуждаются *уже не* юридич[еские], а моральные вопросы. Мне тоже могут сказать: что ты, Иваш, молчал, когда они так яростно защищали права своего народа? Я не боюсь и прямо отвечу. Все права будут эфемерны, если не будут завоеваны на равнинах России, а не на Двине*.

Булат. Меня тоже спросят, что ты там делал? Когда татары внесли *свою* (*Максудов*: не свою), отчего ты не внес свою от литовцев. Творя дело государственное, надо отвлечься от своего огорода. Я предлагал во фракции выразиться еще общее. Если упомянуть татар, так уже надо упоминать всех.

Исхаков. Этот вопрос имеет свою маленькую историю. Нам обещали к. д. и с. р. обсудить и разработать *до* открытия совещания национальн[ый] вопрос. Ждали напрасно. Мы представляем самые серьезные антибольш[евистские] силы. Если скажут подробнее и яснее, для дела будет выгоднее, чем туманное изложение. У с. р. готового ничего не было. Если Минор прочтет свою первоначальную редакцию. Напоминает об обсуждении в 1-й Думе. Наша резолюция гораздо конкретнее. У нас не т[олько] Поволжье, а временное соглашение с киргизами и Туркестаном. Недоразумений с русскими у нас 150 лет нет: разрешаем скорее за чаем.

Тухтаров. Почтенные ораторы 2 часа г[ово]рили и защищали проект. Мы просили голосовать за наш. Я никаких возражений не слышал... Почему вы не принимаете нашего проекта? Никто не говорил? (*Я*: я говорил; *Керенский*: неудобно сказать.) Я в Париже выбранный представитель народа, а не своему папе и маме [говорю]. Большевики сейчас предлагают «штат», Казанскую республику. *Я* д[олжен] сказать этим «штатистам»: вам дают большевики «штат», а члены У[чредительного] с[обрания] – «свободу языка».

Максудов. Стоит на своем и подчеркивает, что в общей резолюции нет.

То же и *Тухтаров***.

Керенский произносит гремящую речь, «отторжение», очевидно, рассчитанную на иностр[анную] прессу, которая, однако, за позд-

* Так в тексте.

** Я объясняю, по личному вопросу, что хотя *до* собрания Максудов и имел с нами беседы, но национ[ального] вопроса не поднимал, и только по моему же настоянию – сказать, наконец, что он хочет, на 3-й или 4-й день прений внес свою резолюцию. – *Прим. авт.*

ним временем, ушла обедать. Подчеркивает согласие с моими заявлениями.

Мусульмане настаивают на голосовании своей резолюции. Устраивается перерыв. После перерыва Коновалов (председ[атель]) объявляет, что в основных положениях о федерации и нац[иональной] автономии мы согласны, а разница т[олько] в детализации и формулировке, и констатирует соотношение мнений фракций, не доводя до голосования. На вопрос *Максудова*, Руднев, как предс[едатель] комиссии, констатирует, что так же предполагалось поступить, когда выяснилось разногласие и по другому вопросу.

С. р. заявляет, что мы здесь никого не майоризируем, и я всецело присоединяюсь *к его* заявлению.

Далее идет резолюция об *отторжении.*

Моя речь первая. Керенский оставляет себя на конец, очевидно, выжидая наших с Чайковским заявлений и желая подвести итог, сохранив последнее слово.

Чайковский. Соглашается. Потом запутывается, потом не выдерживает и, протестуя против заявлений о будущем, потом, за этим исключением, опять соглашается.

Речь Керенского (см. выше) невозможно слушать: он кричит во всю мочь, как будто в Москов[ском] госуд[арственном] совещании[960], и придает речи торжеств[енную] форму. После речи, видимо, ждет одобрения. Но не получает.

Решение их *об органе*, кажется, неудовле[тво]рительное. Лазарев просит меня принять во внимание их положение внутри России, то, что к. д. считаются «кадетами», в смысле юнкеров и т. д.

18 января

Комиссия в *4½ часа.*

Вопросы о беженцах и органе.

Руднев. М[ожет] б[ыть] в порядке исполнения резолюций подготовить доклады?

Винавер. Предлагает проект краткой резолюции: придя к единым заключ[ениям], – созд[ание] особ[ого] органа; на него д[олжны] б[ыть] возложены (перечислены); посему собр[ание] постановляет поручить таким-то.

Брушвит. У нас была принята точка зрения об органе (его функции), к[ото]р[ую] тоже надо присоединить.

Керенский. О задачах органа мы не обсуждаем.

Руднев. Как формулировать бесполезные для всех задачи органа.

Керенский. Все утреннее заседание посвящено б[ыло] вопросу об органе и признано, что орган необходим.

Винавер. Раз мы пришли к заключ[ению], то выявить это должен орган.

Я. Нужно сослаться вообще на наше единогласие в резолюциях.

Минор. Предугадывать широту деятельности не следует, а по мере укрепления его он или расширит функции или исчезнет. Нет надобности по поводу трех последних резолюций резюмировать предыдущие.

Винавер. Тут недоразумение. Мы и по 9-му пункту: «провед[ение] в жизнь постановлений, одобренных совещанием». Если только о 6–8 пунктах, придется отдельно и о 9-м. От наших резолюций сила не прибавится, но завтра же могут потребоваться пояснения, ограждения – иначе это будет беженский комитет, не больше.

Брушвит. Надо уже подойти откровенно к проклятым вопросам, но с осторожностью. Опасный подводный камень: коллегия по существу и форме представляет большие затруднения. Легче решить, если удержаться в плоскости *международных* отношений: тогда отпадают затруднения. Резол[юция] о *национальностях* – внутренний.

Винавер. В моем проекте так было и сказано: установилось единогласие на внешнюю политику и отнош[ение] к *народностям.*

Винавер. Читает проект воззвания.

Руднев. Отмечает частности.

Минор. Менялись категории «боровшихся за свободу». Лучше сказать: «выкидывает то тех, то других, и голодают все».

Брушвит. Не т[олько] интеллигенция, а обломок р[усского] народа.

Винавер. Я не хотел бы обратить т[олько] в документ филантропии. Надо показать, что это – поддержка творческих сил, «живой капитал», к[ото]р[ый] м[ожет] восстановить Россию.

Минор. Трудность в выраж[ении] этой мысли: многие политич[еские] «борцы за свободу». Нельзя взять за скобки *всю* эмиграцию. «Творческие силы» – другое дело.

Руднев. Именно не д[олжно] б[ыть] *никакой* политической т[очки] зрения. Надо стать выше политич[еских] оценок. Даже военный аппарат Врангеля в части д[олжен] б[ыть] похоронен, для будущ[ей] армии.

Я. «Не политич[еская]» и не «филантроп[ическая]», а *государств[енно]*-национальная т[очка] зрения, работники будущей России. Нужны более «нейтрал[ьные]» выражения.

Винавер. Читает свои поправки.

Максудов: нужно 2 обращения: успокоит[ельное] к р[усским] гражданам, а другое – к державам – от органа.

Брушвит. К кому обращаемся? Надо не к Западу, а к нашим. Хотя по адресу – на Западе.

Максудов. Настаивает на ободрении беженцев.

Минор. Неудобно, п[отому] ч[то] тогда вскрывается, почему обращаемся к *одним* категориям, не обращаемся к другим.

Руднев. Невыносима и мысль о лучшем положении тех, кто успокаивает, сравнительно с успокоиваемыми.

Винавер предлагает проект постановления об органе (вводная часть).

Керенский. Надо и полит[ическую] часть в придаточное предложение, а главное о беженцах и т. д.

Мы все возражаем: нужны *политич[еские]* функции.

Брушвит. Может быть через 2 месяца придется протестовать против новой интервенции.

Керенский. Я убежден этим соображением.

Максудов ставит наивный вопрос: обсуждался ли в комиссии состав органа. Маленьким фракциям нужно знать схему.

Руднев. Есть ли данные?

Минор. Мы не можем считать работу законченной.

Авксентьев. Перед с. р. стояли вопросы:

1) Как см[отреть] на совещ[ание]?
2) Что – верховн[ый] орган?
3) Нужен ли орган?
4) Метод и состав органа

2) Совещ[ание] членов У[чредительного] с[обрания] – собир[ается] *повторно*, с промежутками, на сессию.

3) В промежутке орган – бюро; как составить – *не* решено.

Я против подчеркивания *периодичности* созыва совещания. Самое большое: указать *следующее* собрание.

Авксентьев. Наша фракция руковод[ствуется] не тем, ч[то]б[ы] оживить *данное* собр[ание] и сделать его органом в России, а тем, что комбинация обществ[енных] деятелей, здесь собравшаяся, прибliз[ительно] *та же*, но разнится тем, что на ней – *ореол* не первого, а вообще Учред[ительного] собрания. Над этой группой д[олжна] главенствовать идея Учред[ительного] собрания.

Руднев. Надо учесть один момент: орган совещания, раз навсегда оставшийся, сосредотачивает вним[ание] на себе, как «коалиция».

Минор. Наша задача – сохранение титула и доверия. Орган, выдел[енный] из совещания. Отклик во всем мире показывает, что титул – ценный. Если вы согласились, что съезд *должен* выделить этот орган, то остальное – естеств[енное] последствие. Еще другое: многие члены Учр[едительного] собр[ания] (теперь едут с Кавказа) в него не попадут. Будут нарекания. Если теперь приходится создавать орган с оговорками, то потом м[ожет] б[ыть] придется расширить: откуда же он возьмет санкцию?

Я. Это существенно различается от нашего полномочия. Мы стремимся к *расширению* органа вовне. При этом нельзя сохранить конструкцию *суверенного* собрания и его органа. Мы не знаем и состава будущего собрания: там может быть большее количество, иной взгляд *на* майоризацию. *Максимум*, до к[ото]рого мы *можем* идти при *наших* теперешних полномочиях, это – созыв *одного* ближайшего совещания У[чредительного] с[обрания].

Винавер меня поддерживает. Ненормальность выборов. Необходимо *усилить* авторитетность. *Даже* в случае поручения – созвать след[ующее] собрание – *можно* бы было включить компетентных лиц. Если вы заострите, тогда это не годится.

Я. В нашей фракции эта постановка встретит очень серьезные трения.

Авксентьев. В нашей фракции именно *то* настроение, которого вы боитесь. Опасения П.Н. [Милюкова], я думаю, не сбудутся. Тогда просто совещание разрушится, если с. р. внесут понятие большинства. Останется фракция с. р. Если пригласить большевиков? Или постановить «добиваться признания советской власти»? Если остальные фракции останутся при прежних т[очках] зр[ения], рассыпется совещание. Нам чрезв[ычайно] трудно, по настроениям с. д., к[ото]р[ые] выпускают против нас манифест, по настроениям наших товарищей – скомпрометир[овать] нашу внутр[еннюю] работу – надо выдержать формальн[ый] признак Учр[едительного] собр[ания]. Едва ли м[ожно] *оживить* У[чредительное] с[обрание], едва ли сохранилась *половина* его членов. Необх[одимо] какими-ниб[удь] путями превозмочь полит[ические] трудности, к[ото]р[ые] *я*, правый с. р., считаю *реальными* трудностями. Состав не определен, но гром[адное] больш[инство] считает необх[одимым] навербовать из нашего совещания. Друг[ая] фракция д[олжна] иметь в виду, что буд[ет] сделано предложение – *только из членов* У[чредительного] с[обрания].

Максудов. Наше совещ[ание] имеет право *контроля* над органом, не м[ожет] *отчудить* свое право. Наша фракция буд[ет] требовать нового созыва.

Руднев. Положение разъехавшихся членов будет *дикое*: не будут знать, что делает их орган. Нужно, ч[то]б[ы] тяжесть критики лежала на совещ[ании], а не на органе. Пополнение при этом *возможно*, но в порядке существов[ания] периодич[еских] совещаний.

Минор. Вопр[ос] о *пополнении* не отвергнут, п[отому] ч[то] не обсуждался.

Чайковский. Совещание собралось при исключит[ельных] условиях безгосударственности. Бурцев г[ово]рил, что надо созывать орган *сейчас*, с улицы. Члены Думы, «инициат[ивная] группа». Выбран признак: престиж народн[ой] воли. Если создан орган из членов, цель достигнута. Допустим, что он б[олее] удачен, получит репутацию. Он делается *силой* уже *независимо* от Учр[едительного] собр[ания]. Он получ[ает] престиж по своим делам. Если он слаб, *м[ожет] б[ыть]* потреб[уется] новый созыв *отдельных* лиц, а не как *коллектив*. П.Н. [Милюков] прав: дело в органе, а не в совещании.

Я. Понимаю трудности практические и теоретические, к[ото]р[ые] побуждают с. р. поставить так дело. Я поэтому *допускаю* возможность созыва *следующего* собрания. Но только *его*, а *не* вообще дальнейших совещаний.

Руднев. Признают ли, что состав органа м[ожет] б[ыть] изменен новым совещанием?

Я. Признаем – и допускаем или перевыборы, или *распад*. Но для этого нужно т[олько] упоминание *следующего* совещания. Идти дальше, писать конституцию, в к[ото]р[ой] г[ово]рится о «суверенной власти» и зависимом органе, о периодичности собраний, – значит переходить меру необходимого. Я при этом принимаю к сведению, что принцип *пополнения* может быть признан. Эти две черты нас могли бы удовлетворить.

Винавер. Врем[енное] правит[ельство], избранное из Врем[енного] комитета, затем его отбросило. И здесь мы действуем революционно: не отвечаем перед разъезжающимися членами. В ваших ответах нет непримиримого противоречия. Надо просто прибавить функцию созыва: «созывает *следующее* совещание».

Минор. Это не то же самое.

Максудов. Вопрос о привлечении других, демокр[атических] сил?

Винавер. Предлагает акт выражения благодарности франц[узскому] правительству.

Я. Ч[то]б[ы] собрание *поручило* председателю *благодарить* фр[анцузское] правительство.

Заседание фракции см. другую книжку.

19 января

Комиссия, 2 часа.

Утром выясняются непримиримые позиции по вопросу об органе. С. р. не идут дальше оставления комиссии для созыва, которую хотят сократить и перевыбрать сравнительно с 9-членной. Мы хотели провести принцип *пополнения* и расширить состав органа. Керенский г[ово]рит, что они дальше идти не могут; мы г[ово]рим то же. Заседание на сегодня отлагается.

Воззвание о беженцах, написанное Винавером, принято с. р. без изменения.

Инструкции органу; в черновом виде предлагаются Брушвитом.

В порядке остроты:

Интернированные,

Военнопленные,

Гражданские вообще.

Вчера фракция рассматривала тезисы:

«Применение норм междунар[одного] права».

Интернированные – «не д[олжны] быть рассматриваемы как неприятел[ьская] армия».

«Никто не м[ожет] б[ыть] насильственно удерживаем».

Эта резолюция вчера *не б[ыла]* принята.

При этом говорилось:

Отрицат[ельное] отнош[ение] отн[осительно] применения норм междунар[одных] прав, ибо нам *неизвестны*. Единогласно решают избежать огульного заявления.

Затем, след[ует] указать на требование разоружения вооруж[енных] частей; подчеркнуть, что прекращ[ается] применение военно-судных организаций внутри; что нужно вообще перевести эту категорию интернированных на полож[ение] «бывших военнопленных».

Сегодня мы опять стали перед всеми затруднениями. Телегр[амма] из Конст[антинополя] о вооруж[енном] столкн[овении] м[ежду] франц[узами] и казаками. Мы затрудняемся требовать разоружения, когда не обеспечено применение норм междунар[одного] права.

Мы заключили, что все это – детали, к[ото]р[ые] надо переработать, ограничившись самыми краткими указаниями. «Д[олжен] б[ыть] создан орган, к[ото]р[ый] д[олжен] провести опред[еленные] мероприятия, исходя из указаний совещ[ания]. Но, вследствие сомне-

ний относит[ельно] образов[ания] органа, мы решили избегнуть этого термина.

Остается текст: Введение. «Сов[ещание], рассм[отрев] вопр[осы] и т. д., полагает, при практ[ическом] осущ[ествлении], надлежит руководств[оваться] общими соображениями: 1) все огранич[ения] д[олжны] б[ыть] устранены и все рос[сийские] гражд[ане] восстановл[ены] в правах: в частн[ости], недопустимо насильств[енное] задержание в частях; 2) право возвр[ащения] на родину, право убежища; 3) беженцы, полит[ические] права, госуд[арственное] имущ[ество] предполаг[ает] предварит[ельную] разработку.

Винавер. Из введ[ения] вытекает, что возникли сомнения, след[ует] ли упоминать?

Брушвит. О разоружении.

Винавер. Я г[ово]рю о принудит[ельном] удержании. О 3-м пункте, как близко мне знакомом, могу сказать, что предлагается то, что не имеет *никакого* содержания. Вы элими[ни]ровали* орган и, понятно, зашли в тупик. Весь вопрос отпадает, раз не найден путь к созданию органа. Первые 2 вопроса – под больш[им] сомнением принудит[ельное] разоружение.

Я. Отпадает всякая надобность в резолюциях, раз не будет органа. Трудности не обойдены более общими выражениями.

Минор. Понимает, что комиссия не м[ожет] обсуждать инструкции, раз элиминируется орган.

Харламов. Общие директивы не м[огут] б[ыть] приняты и как инструкция или наказ. Д[олжен] б[ыть] изучен вопрос, что и д[олжно] б[ыть] дано как поручение органу. В 1 пункте остались при полном убеждении, что сказать *только это* – невозможно: вполне неприемлемо. Буду возражать против такой трактовки всех остатков бойцов в общ[ем] собрании совещания.

Брушвит. Если вопрос не м[ожет] б[ыть] обсужден в собрании, то можно в общем виде передать органу. Но если являются полтич[еские] осложнения, то вопр[ос] затемняется. Пока не решен вопр[ос] принципиально, невозможна, однако, и дальнейшая разработка. Д[олжна] б[ыть] к[акая-]н[ибудь] преемственность, продолжение работ.

Авксентьев. Надо возражать по существу, не предрешая направления. Здесь есть содержание, к[ото]р[ое] нужно или принять, или отвергнуть.

Винавер. Разница в том, что это не резолюция для совещания, а наказ, предполагающий наличность органа.

---

* элиминировать (от лат. eliminare) – устранять.

Керенский. Неуместно возник вопрос, будет ли или не будет орган. Если не будет органа, нужно так закончить работы, чтобы констатировать единство мнений.

Я. Это м[ожет] б[ыть] принято нами *только* в форме наказа, *только* после детального обсуждения, для которого доклад не дает материала, и *только* после доклада фракции. Имеет прямую связь с органом.

Харламов. Присоединяется, не видит материала для резолюций.

Авксентьев. Мы собираемся затруднить нашу работу. Вопрос об органе сложный, м[ожет] б[ыть] решится благоприятно. Если residuum* останется, то, все равно, придется вернуться. Порядок дня, давно принятый, стал достоянием всех фракций.

Керенский. Мы не можем отменить программу совещания. Эти вопросы д[олжны] б[ыть] поставлены на повестку. Предлагаю председателю приступить к обсуждению.

Винавер. Речь идет не о насильств[енном] переходе к вопросу об органе, а о том, что обращение к беженцам надо сделать независимо, а остальное единств[енно] возможно – поручить органу: эти 3 пункта только и поддаются *такой* трактовке. Никто в комиссии не думал делать это предметом резолюции. Не т[олько] для резолюции, но и для наказа нет настоящего материала. М[ожно] б[ыло] вести обсуждение, *исходя из мысли*, что будет орган, следует или не следует вводить в наказ.

Керенский. Наша фракция решила оставить исполнительный орган; как отнесутся другие фракции, это дела не изменяет.

Я. Мы м[ожем] обсуждать *только в порядке наказа.*

Авксентьев. Угодно ли обсуждать в пор[ядке] наказа?

Решено: *да.*

1. Введение

Винавер. М[ожно] сказать только: «дается наказ органу в след[ующем] виде».

Я. Мотивируйте так, ч[то]б[ы] была *сразу ясна сложность* вопросов и то, что мы не считаем возможным рассмотреть в общем собрании, а передаем комиссии.

Керенский. Соглашается.

Брушвит. Следует иметь в виду, что этому б[удут] предшествовать обстоят[ельные] речи. Далее, или можно этим ограничиться, или дать опред[еленное] указание по разн[ым] категориям. Отн[осительно] *интернированных* (читает).

---

* остаток (лат.).

Я. Имеет это отношение к возражениям Харламова?

Харламов. Имеет.

Я. Тогда я против.

Максудов. Наказ д[олжен] б[ыть] более подробный или ничего.

Минор. Нужно различать виды наказа. Здесь указывается линия поведения: восстановл[ение] в гражд[анских] правах. Нек[ото]рым из [них] нежелательно восстановить все права, а желательно некоторые сохранить. Умолчание было бы преступно. Нельзя терпеть безобразия, вроде сохранения чрезвычаек.

Я. Возражаю, на основании того, что применение абстрактно-либерального принципа vogelfrei* — неуместно, когда принадлежность к корпорации (всякой) дает средства к жизни или диктуется бытовыми условиями (казачество).

Минор. Совершенно согласен, что нельзя обращать в пыль организованные группы, но мы вводим принцип добровольности.

Керенский. Есть неправильности формулировки, к[ото]р[ые] ведут к неправ[ильным] толкованиям, будто все организации д[олжны] б[ыть] принудительно распущены.

Надо сказать иначе: (дает редакцию).

Брушвит. Возражает против меня и Харламова.

Харламов. Всеобъемлющей формулы нельзя найти. Вы соединяете совершенно несоединимые категории. Я знаю жизнь в Германии: они добивались уйти в особый лагерь, от большевистских комитетов. Вы не избегнете толкования, что военные организации держат *принудительно.*

Вы косвенно разрушаете организацию, не давая ничего взамен, кроме голого принципа. Да, это ограничение абсолют[ной] свободы: отмените и пустите по миру. Сказать только это казакам — недостойно собрания.

Я. Не могу подписаться зря, иначе мы начнем «охрану интересов русск[их] граждан» с их грубого нарушения.

Винавер. Какая мера защиты для ушедшего? Если будет кому опекать их, стоит трудиться, а иначе?

18 января

Утром Бурышкин рассказывает интересные подробности о дальнейшей истории Делового комитета[961]. После того как Денисовский кружок добился относительного большинства в Комитете (9+5+6), внутри его начались нелады. Кружок забаллотировал Третьякова, ко-

---

* вне закона, отверженный (нем.).

торого боялся Денисов, как другого кандидата в председатели. Потом они опомнились, предложили Третьякову баллотироваться опять, но он отказался. Против Денисова ополчился Коковцов, с *Банковским* кружком[962]. В председатели, в союзе с *правительственным* кружком (бывшие министры), был проведен Бернацкий. Тогда Денисов, в досаде, что не попал сам, вообще перестал интересоваться Деловым комитетом.

Вечером заседание у А.И. Коновалова.

Ставится вопрос об органе.

Наши доклады.

Демидов. Объединение может состояться лишь около *активного* органа. Эта цель недостижима, если стать на точку зрения *передоверия полномочий*. Тогда не может быть речи о расширении состава. Для нас понятна обратная точка зрения: никаких полномочий нет у случайного состава. Чем дальше развертываются события, тем более я перестаю верить с. р. и вижу желание воскресить первый созыв Учредительного собрания. Раз этот орган создается здесь, будет периодически собираться, вокруг него будут накапливаться силы и выше будет становиться знамя Учредительного собрания. Эту грань мы не должны переходить и поставить точку. Фирма Учредительного собрания должна быть отброшена.

Рысс. Мы начинаем себе противоречить и меняем позицию. Мы рассматривали совещание как случайное. [Э]с[е]ры хотят воскресить первое Учредительное собрание. Президиум совещания не может войти: тогда это будет в полном объеме Учредительное собрание. Мы не можем идти на исполнительный орган. Мы можем говорить только о введении новых элементов, от Зем[ско]-городского объединения[963]. Во 2-м заседании будет выбран Чернов. Нам надо быть твердыми; если с. р. не могут или не хотят сговориться, надо разорвать.

Волков. Целиком разделяет эту точку зрения. Мы постепенно отходим от первоначального проекта и доходим до того, что было желательно для с. р.: воскресить Учредительное собрание. Они очень ловко, постепенно нас подтягивают, а мы сдаем позиции. Мы начали с отрицания органа, – место для сговора. Теперь подходим к признанию. Такое решение закрывает вопрос о пополнении. Орган для практической работы, с пополнением земскими и городскими деятелями – вот наш минимум, на коалиционных началах. Не можем санкционировать созыв следующих собраний.

Лурье. Всецело присоединяюсь ко всем говорившим. Связь между органом и Учредительным собранием недопустима. Вопрос надо поставить категорически.

Винавер. О массе труда пожалеть нестрашно. Но что станет на место этого? Характеризовать, что мы шаг за шагом сдаем [позиции], неверно. Мы докладывали, что когда была речь о Врангеле, *еще до* совещания, нам говорили: это будет «бюро по созыву». Мы отвечали: поставьте пунктом 6-м. Мы забываем, на что шли раньше. Укажите, какой другой антибольшевистский орган. Нас клятвенно заверяли, что нет мысли восстановить орган.

Коновалов. Напоминает, что еще когда была контактная комиссия, с. р. вообще были против органа: максисмум – бюро из членов Учредительного собрания. В комитете об этом докладывалось. Намечая функции, мы упоминали о «последней функции», и «горячих» возражений не было. На этом основании мы сегодня не отрицали возможности созыва еще одного совещания.

Рысс. В порядке осведомления: докладывалось об органе, в числе *прочих* функций, что будет и *созыв.*

Я. Ваша позиция – разрыв, за который *мы* будем ответственны, и без альтернативы, которую вы могли бы предложить. Весь мир заинтересован, и интерес растет. Мы со ступеньки на ступеньку поднимаемся, а не падаем. Невозможное вначале стало возможным теперь. Мы ничего не теряем, даже в случае созыва нового совещания, ибо всегда можем разорвать. Но желания обмануть нас – нет. Есть только страх перед своими и перед меньшевиками. Впечатление за границей растет. Американский посол получил поручение собрать данные, англичане боятся конкуренции с «демократией».

Лурье. В чем разногласие? Я и предыдущие ораторы говорили: нужно, чтобы орган не был – органом Учредительного собрания. Он *не будет* таковым, если будет пополнен *извне. Это* – основной признак. Я думал о положении. Созыв следующего совещания – *даже* желателен. Может быть, само совещание пожелает кооптировать со стороны. Если *пополнение извне* – основное требование, то этим решается дело.

Демидов. Забывают то, что мы говорили, когда нам докладывали. Было даже частное совещание президиума о том, как расширить рамки. Решено было, что *возможно* допустить новый созыв совещания с указанием задач. Здесь поставлен принцип *периодичности.* (*Я.* Это – запрос.) Я говорил: надо подготовить материалы для созыва расширенного комитета. Конечно, с. р. пошли на гораздо *большее,* чем вначале, потому что они почувствовали, что это – вода на их мельницу: podium, с которого они будут разговаривать. Постановку Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] я понимаю: и Америка, и Англия, и мил-

лионы, – тут пусть рискует, но не вуалирует. Две чаши весов и две гири: может быть, единственная возможность; с другой стороны, воскрешается Учредительное собрание, которое Чернов созывает за границей. Управление им к. д. потеряют, так же как и правые с. р., мы преподнесем России Учредительное собрание 1918 года. Для меня эта точка зрения – неприемлема. Если кооптация будет принята, созыв «следующего» совещания, то до *него* ждать можно.

Волков. В начале информация была неполна. Мысль с. р. была для нас неприемлема. Я это и назвал сдачей позиции. Вся аргументация Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] бьет *дальше* того, что говорите. Тогда идите на созыв Учредительного собрания. С. р. уже выиграли крупную позицию: интерес иностранцев. Эту работу можно было вести иными путями. Никакой санкции комитета не было. Я продолжаю возражать против поручения созыва Учредительного собрания.

Гронский. О лукавстве с. р. – оно есть. Но на меня – [произвело] впечатление, что они лукавы с самими собой, ибо действительно сдали много позиций. 1) Соглашение с буржуазными партиями: пусть даже *только* из Учредительного собрания. 2) Буржуазная партия оттягивает к себе правые социалистические элементы. Кадетские капризы. Вступили на определенный путь со старыми точками зрения. Кругом только болото и дух Бурцева над ним. Самый главный вопрос – *состав*. Я бы на месте с. р. настаивал на выборе только из членов Учредительного собрания и отказался бы от выбора посторонних. Для нас оба пути одинаковы. Нам нужен определенный состав. Перед «невежественными» иностранцами вырисовывается «факт» Учредительного собрания. Для них он ближе всего другого. Укрепление факта Учредительного собрания есть укрепление идеи России: не боюсь, если в результате будет укреплена идея России. Кадетские капризы надо бросить. Некоторая *зараза* Учредительным собранием должна быть. Иначе не может быть коалиции. Я приветствую, что мы спустились на две ступени, а с. р. поднялись на 5 ступеней. В какой форме будет созыв: обязанность или *право* созыва? Если *право*, то я не боюсь и *«следующих»* собраний: может быть и никакого не будет. Не знаем политической обстановки.

Харламов. Назначение прений – укрепить минимум, нами сегодня заявленный. Я хотел бы, чтобы комитет это сказал. С неожиданным для с. р. успехом для них психологически невозможно остаться одним. Предлагаю лидерам устроить на этом такой же дебат, как устроили мусульмане.

Я. Поддерживаю Гронского. Громадные размеры событий, при которых, с одной стороны, большевики, с другой – зияющая пусто-

та, которую можно заполнить *только* комбинацией к. д. с социалистической партией. Иной комбинации Европа не допустит и не поймет. Это, значит, – мера против признания большевиков Европой. Если этого можно достигнуть реабилитацией Учредительного собрания, я не боюсь и *этого*.

Рысс. Конечно, *это* лучше Государственной думы. Но поскольку это приемлемо и целесообразно? Если введете, хорошо, но если Америка, Англия через 2 недели разочаруются?

Винавер. Гипотеза: через 2 месяца мы, кадеты, найдем, что не к чему созываем? Мы каждый день вольны уйти. А может быть найдем полезным? Надо подняться на ту высоту, на которую Гронский поднял вопрос. 1½ года назад мой разговор с Брианом: «мы ничего не видим, кроме реакции и большевиков: покажите мне средний фронт из социалистов и несоциалистов». Вчера, во время réception* Лиги Наций, Авксентьева подводили к иностранцам. Он сказал: слава Богу, мы подходим к моменту, когда социалистические и несоциалистические партии могут соединиться. Если мы на 2 месяца создадим отсрочку признания большевиков, то мне все равно, что говорилось в Учредительном собрании 1918 года. Это – третья наша попытка, результат работы 1½ лет. Два года я слышу: посла не приглашали, Политическое совещание не приглашали, 2 месяца после неудачи Врангеля ничего не удалось, черносотенные собрания Кедрина. Если наш комитет в *этом* составе *может* повлиять на Европу, *надо* это сделать. Мы шли на встречу с людьми, которые с пеной у рта говорили о нас. Найдете хоть в одной резолюции след? Сглажено все то, что могло бы послужить поводом для дальнейших трений. Мы не ставили условием орган. Достигли того, что многократно утверждалось, что это не Учредительное совещание, что не было мысли о майоризировании нас. Мы мирились, как с первым шагом, с «бюро по созыву следующего Учредительного собрания». Остается только один вопрос: стремиться к расширению. Мы приняли прошлый раз решение ввести 2-х членов от земств и городов. Нельзя разрывать, не неся огромной ответственности перед Россией.

Коновалов. Присоединяется к Гронскому. Моя основная мысль, которой надо всячески домогаться: ввести в состав органа элементы не из Учредительного собрания и численно увеличить состав. Для Керенского абсолютно необходим орган по *личным* соображениям. Дотянуть до того, чтобы смешанному органу было дано право дальней-

---

* встреча, прием (франц.).

шей кооптации. Комитет может перерасти совещание, если будет авторитетнее его, при увеличенном составе.

Семенов. Нужно настаивать на вхождении посторонних членов. Упущено одно соображение: принцип соглашения с окраинными образованиями. Если бы утвердилась идея Учредительного собрания 1918 г., то это стало бы невозможно, ибо оно неприемлемо для окраинных государств. Предлагает вставить: «созыв Учредительного собрания и других учреждений, возникших на территории России». Это будет реальным разрешением одной части программы – и способом пополнения.

Лурье. Если орган сулит блага, надо идти, если будет даже один к. д. [Если] я настаиваю на ультимативности кооптации, то потому, что боюсь агитации со стороны *русских* элементов, которая опять *спутает* иностранцев. Только чтобы успокоить *русское* общественное мнение, я предлагаю это.

Демидов. Мы подходим к серьезному пункту. Как будто пришли к выводу согласному. Но постановка вопроса Гронского, ссылки Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] и Винавера и дальнейшее продвижение у Винавера – вызывают вопрос: нам будет сказано: путь один, признавать необходимость идти в Учредительное собрание – и только. Для меня этот путь неприемлем. Дальнейшие события и выбьют из позиции и получится не тот результат. Мы ставили задачей – создание Национального комитета; сегодня первый раз нам говорят: нам надо говорить об Учредительном собрании. Для меня этот путь неприемлем.

Родичев. Мы соглашались на определенных требованиях, что нас не поведут в Учредительное собрание. Нас успокаивали, что Учредительное собрание укороченное. Мы должны помнить, что это – камуфляж, который не удастся в России, даже если удастся у иностранцев. Люди, среди которых вы вращаетесь, не представляют общественного мнения. Для этого мнения Учредительное собрание – только «недобольшевики», обман, мираж, а не «идея Учредительного собрания». Было бы несчастье, если бы правительство Запада пошло на этот камуфляж и затратило деньги, которыми распорядятся так же, как Уфимское собрание. Люди, которые это строят, уготовят собственную погибель и погибель антибольшевистского дела. Надо считаться не с тем, что о нас думают, а с тем, что мы есть. С. р. не могут отречься от прошлого. Неужто они так ухватятся за этот камуфляж Учредительного собрания, если без нас обойтись не могут?

Волков. Что помещает нам уйти? То самое, что теперь. Мы себя психологически связываем: все труднее становится разорвать. Ко-

готок увяз. В то же время мы разрываем со своими. Травля в русской прессе. Я понимаю точку зрения Харламова и Коновалова. У них твердое настроение. А у других желание во что бы то ни стало создать орган. Вы уже готовы отступить на следующую позицию: не будет надлежащей энергии.

Винавер (по личному вопросу). Мы все считаем необходимым отстаивать. Разницы нет. Теперь не следует ставить вопроса, чтобы *рвать*. Мое глубокое убеждение, что цель настолько важна, что и *это* надо преодолеть.

Решения:

1) периодичность отметается
2) суверенитет Учредительного собрания отметается
3) расширение состава – ультимативно
4) число вакансий для кооптации

20 января. Утром

У Коновалова, комитет.

Коновалов. Резюмирует вчерашнюю информацию о состоянии вопроса об «органе» у [э]с[е]ров. Их отказ в праве кооптации. Их признание 9-членной комиссии за исходную точку. Их желание удалить Чайковского и, технически, путь перевыбора комиссии с сокращением состава до 7-ми.

Их заверения вчера вечером, что даже это [–] величайшая победа, для них неожиданная, что они равняются по своим «крайним правым» (Фундаминский) и боятся пересмотра решения. Все остальные комбинации: передача президиуму, избрание 3–4-членной комиссии, кооптация, которую предлагал Керенский, но неожиданно воспринял Чернов, который предложил свой список кандидатов для кооптации из земств и городов – постепенно исключались. Прошло предложение Фундаминского о 9-членной комиссии: Чернов сделал вид, что не слышит и что-то записывал при голосовании. Авксентьев отказывается поставить вопрос о кооптации. Оба, Авксентьев и Керенский, подтвердили, что им нужно полтора–два месяца, чтобы ввести в общее сознание результаты совещания. Под самый конец Керенский сделал предложение, оговариваясь, что только что пришло в голову, что не надо выносить разногласия и констатировать разрыв: предложил поручить комиссии, среди других функций, разработать материалы для создания органа. Сегодня Керенский передал мне, что он не докладывал этого предложения, оставляя его на крайний случай. Идут переговоры с народными социалистами, чтобы убедить Чайковского уехать на отдых. Иначе придется перевыби-

рать комиссию. Если Чайковский уйдет, не нужно будет перевыбирать комиссию. Я указал, что исключение Чайковского еще уменьшает фронт, акт невероятный с моральной стороны, и что *я* не пойду на его место.

Я. Указываю на возможные опасности окончательного разрыва: 1) Перетолкование неудачи нашими друзьями и нашими врагами. 2) Раскол в земско-городской среде без возможности создать единство фронта даже для благотворительных целей; 3) Новые трения в России, которая *уже* работает общим фронтом и для которой нужно время, чтобы узнать наши решения. 4) Изоляция в лагере самих наших союзников или отбрасывание их назад в ряды наших противников. 5) Невозможность найти какой-либо другой путь к созданию общего фронта, минуя [э]с[е]ров. 6) Отрицательное впечатление Европы, где отсутствие согласия будет толковаться как катастрофа и отсутствие антибольшевистского фронта. 7) Невозможность объяснить, что мы не разошлись, а только недотянули, но что контакт установился и линия выровнена. Лучший исход – поручение комиссии выработать основы будущего органа. Но pis-aller* – наше заявление, что *мы* понимаем комиссию *не как* наш орган. А как наш первый шаг к нему.

Винавер. Развивает те же мысли и подчеркивает опасность признания большевиков Европой. Опасается, что если мы *сразу* подчеркнем, что орган зависит от будущего совещания, усилим совещание и ослабим орган.

Я. Прибавляю соображение, что, собственно, кооптировать некого – ни из земско-городской, ни из торгово-промышленной среды.

Демидов. Итак, помимо с. р. нам ни в Россию, ни в Европу хода нет, и создание комитета есть отсрочка признания большевиков. Если так – это дело веры – то надо идти, каковы бы ни были условия. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] сказал, что во всем обвинят *нас*, если не будет соглашения. С этим я не согласен: это уже последняя ступень, которую мы отдаем. Мы пошли не за тем, к чему пришли, и получаем не то, чего желали. Такая судьба партии к. д., что ее везде ругают, и всегда они виноваты, что бы мы ни сделали. Мне ясно, что в России – не то, что говорят [э]с[е]ры. 9 месяцев я работал в Киеве: в *одной* комнате работали дружно – от «Единства»[964] до Южно-Национального центра. Там были и с. р. и н. с. Никаких разногласий: действительное единство, которое разрушилось, когда Киев был освобожден; то же, что будет с Россией. Работа была там поставлена практически, что сразу

* в крайнем случае (франц.).

начали выходить три газеты с одинаковой национальной программой. С тех пор еще больший сдвиг. То, что путь только через с. р. в Россию — не верю. (*Я*: я этого не говорил. *Винавер*: они *в своей среде* хотят установить единство в России.) Это замазка трещины. Вопрос о Чайковском — вы должны будете согласиться на уход, тогда комиссия может существовать. Крайнее положение, которое высказано Павл[ом] Николаевичем [Милюковым]: в данную минуту не дотянули до необходимого. Нельзя чтобы совещание кончилось распадом. Создалась комиссия, которая сработалась и имеет веру, но в которой другие *не участвуют* — пусть она *не исчезает*, не являясь органом громадной важности, с теми полномочиями, которые очерчены: привести в порядок материал, вести работы и непременное поручение подготовить создание национального органа. Это большое достижение. Но для этого необходимо оставить status quo. Если бы с. р. могли согласиться на это, то, признав нашу неудачу, во имя надежды, что через месяц—два цель может быть достигнута, я бы на это пошел.

Иначе — стоим перед вопросом: рвать или не рвать. Ни комитет, ни парижскую группу дальше повести не удастся: перед вами стоит вопрос личной инициативы и ответственности. Если удастся, пойдут за вами, если не удастся, вы отойдете от партии.

Свечин. Всегда был того мнения, что надо действовать в унисон с Россией. Там *есть* объединение: нам нужно объединиться в той же гамме. Сейчас мы пошли на это, долго обсуждали, достигли больше, чем ожидали. Понимаю, что и для с. р., и для нас «нужно подвести bonne mine»*. Создать ублюдок Национального комитета нельзя. Эта комиссия — не новое. До *этого* обе стороны достигли. Это дает возможности создать Национальный комитет в ближайшем будущем. Иначе, все равно, придется сходиться с самой умеренной социалистической партией. Для *поддержки* сношений 9-членная комиссия полезна.

Ключников. Мне приходится быть пророком. Партия делает ошибку за ошибкой. Пора оставить отправной пункт, что без с. р. нет спасения. Мы должны учитывать мир, историю и Россию. Ничего нельзя строить на единстве антибольшевистских сил. Мы все еще чувствуем большевиков в Европе. Даже в случае падения большевиков — будет полный распад. Мы сами и не хотим объединения, раз не находим ни земца, ни торгово-промышленника. Мертвенность нашего предприятия бросается в глаза. Уже сейчас видят сущность

---

* хороший внешний вид (франц.).

комбинации в Европе. Нечего самообольщаться, что, улаживая с с. р., мы творим большое дело. Стоит ли из-за отсрочки признания большевиков работать? Нет ли более выгодных методов? Мы недооцениваем собственной колоссальной силы. Мы продолжаем пассивным сопротивлением разрушать Россию. Я *знаю*, что слета большевиков не будет: именно расцвет большевизма начнется с падения большевиков. У нас сила нашего свободного мнения. Мы можем порвать с с. р., отказаться от борьбы, пойти в Россию, будем разговаривать с другим правительством и требовать, а не просить. Я возвращаюсь к своей прежней мысли: никаких дальнейших уступок и не бояться разрыва.

Коновалов. Резюмирует и ставит вопросы. Принять предложение Керенского и отсрочить разрыв?

Волков. Мы каждый раз не знаем, что решаем: 9-членная комиссия или и от этого должны отступить? Мы сдавали позиции, а наши противники ничего не предлагали. Идея «кооптации» была принята в предположении, что это – их мысль. Сегодня новый проект: облечь временный орган правами разработать вопрос об органе. Но это опять – не окончательное предложение: сегодня же может рухнуть. Аргументация Павла Николаевича [Милюкова] идет *дальше*. Обсуждается вопрос: сохранить какой бы то ни было ценой объединение. Если так важен результат, не будем спорить о деталях, а примем то, что приемлемо для с. р. Наша партия трещит по всем швам. Мы не обращаем внимания на наши круги. Так ли важно сидеть рядом с с. р.? Действительно, коалиция с социалистической партией важна. Но социалисты это отрицают. Неужели Европу и Америку удовлетворит эта комбинация, при которой не должно и пахнуть коалицией? Результата не получится. Это даже не коалиция Временного правительства. Теперь они боятся сказать, что сидят с к. д. Основание порочно. Пройденный этап имеет много положительного, нам раскаиваться нечего. Надо довести до сведения европейских правительств: для этого достаточно пойти Авксентьеву и Коновалову к Бриану. Еще создать комиссию *для* разработки органа – имело бы значение. Это был бы первый шаг. Но и это не решено. Важен вопрос об исключении Чайковского (*Харламов*: мы на это не пошли и не пойдем). Я к Керенскому отношусь неплохо, но объективно – это самая неприемлемая фигура. Фронт сокращается. Мы и к. д. Успели многое порастерять; имеем против себя печать, да еще получим народных социалистов против. Я не верю в результат: учреждение – грош цена; никто не будет с ним считаться, от него все отвернутся. Мы должны знать, до какого предела наши товарищи хотят идти.

Рысс. Какие *психологические позиции* мы сами занимаем? Независимо от вопроса об органе. Наша психологическая позиция сводится к тому, что, порвав с правыми, мы заняли позицию с левыми. Это исторически неизбежно и правильно. Если это – цель, надо идти с умеренными социалистическими группами: не с н[ародными] с[оциалистами], которых нет в природе, и не с «Единством». Надо от себя отмести группы, психологически правые в нашей среде, психологически левые в *их* среде. Павел Николаевич [Милюков] поставил нас перед дилеммой. Я не имею решения, кроме теоретического положения: надо идти на максимум уступок. Вопрос о Чайковском не принципиальный. До какого максимума идти? Я не знаю. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] хочет возложить ответственность на комитет. Если вы окажитесь победителями, берите на себя ответственность. Иначе, найдите момент для ухода. Сделайте, что можно, сделайте максимум уступок, если через два месяца будет действительная борьба с большевизмом, вы будете оправданы. Идти на устранение Милюкова и Винавера нельзя.

Винавер. Читает телеграмму Бахметева ко мне.

Я. Отвечаю Волкову и прошу более широких полномочий, различив принципиальные позиции от технических.

Винавер. Объясняет технику наших переговоров, объясняющую, почему иногда мы обсуждаем гипотетические позиции. Две недели назад мы считали теперешнюю позицию – к. д. и с. р. вместе – крайним достижением. Я полтора года чувствую эту потребность, *для* наших международных отношений. Надо вознестись на эту точку зрения: *этого* момента мы не восстановим, русского представительства *не* создастся. Склеим *две* части, если не удалось склеить *три.*

Свечин. Мы ни одной позиции не сдали: мы откладываем атаку и укрепляем позиции. Мы не австрийский Kriegsrat*.

Демидов. Я за *«динамику»,* как выразился Пав[ел] Ник[олаевич Милюков]. Если можно сохранить нашу позицию, *без перерыва*, надо идти – если это *продолжение начатого дела* и если организация будет иметь поручение о какой-то работе. О Чайковском вопрос *большой*: это начало сохранения комиссии *в целом. Состав и поручение* – вот *два условия*, вполне приемлемые. Есть *предел*, за которым начинается личная ответственность. Это наше testimonium paupertatis** – что мы *дальше* идти не можем. На этом начинается возможность

---

* военный совет (нем.).
** признание слабости в чем-либо (лат.).

раскола в партии. Это надо учесть. Сейчас – уже имеется большое сужение задачи; но если это – «динамика», то на это надо идти. К словам Ключникова я не только «привыкаю», но все более «отвыкаю».

Карташев. Прошлый раз Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] говорил о «больших штрихах». То же и сегодня. Перелом нашей тактики значительно поглотил мое внимание на ликвидацию *прошлого*, но мы не успели спокойно обсудить перспективы будущего. У нас еще – двойная психология. Я тоже *прозевал*, в смысле своего предрасположения, и уже после начала переговоров теоретически ощутил, что лучше бы, вместо нуля при *левой* единице, – под психологическим испугом, – было остаться на своей позиции и звать под свое *среднее* знамя. Но события шли иным темпом. Парижский комитет сделал то, что *предопределено*. Для внешней политики, но не для внутренней. Средняя идеальная партия, кадетская, не соответствует *реальной*: это *природа* к. д. партии, которая *не есть еще реальная средняя*, которая будет, когда придет время перегруппировки. Тогда будет партия *резко антисоциалистическая* – крестьянская, часть либеральной. Тогда померкнет значение тех элементов к. д., которые соединяются с социалистами. Психологически, для внешней политики, мирюсь с демократически-социалистическим объединением. Это комбинация временная: вынужденного момента. Для меня, который смотрит на партийное формирование, на пафосе антисоциалистическом, важно, чтобы мы не пошли по линии отрицания интервенции абсолютной, а в смысле иезуитской двусмысленности формулировки Павла Николаевича [Милюкова]. Волков, обстреливая это начинание, исходит из положительного партийного патриотизма, а мне уже партия кажется предопределенной к переформированию. Надо помириться со сложившимся положением, потому что мы уже в процессе распадения. Мне странно, что Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] окажется в радикальном русле, но, думаю, что, по всей его эрудиции, он *весь в том течении*. Надо историко-фаталистически помириться, выждать сейчас и готовиться к будущему, – спасти общественную ценность – в момент *не сегодняшний*. Волков в своей ревности рекомендует перспективы мыльного пузыря. Не рвите, чтобы *нас всех* не назвали *неудачниками*. Дело в надежных руках: благословите их на добывание из комбинации возможно реального результата. Другая половина выдвинет своих кандидатов на другие положения – в будущем.

Волков. Согласен с концепцией Карташева. Мы, как партия, ставим на себе крест. Если бы он верил, что этой ценой сделаем что-то *реальное*, это бы его не пугало. Но у него нет этой уверенности:

может ничего не выйти, а то, что мы теряем, ценно: ему, в противоположность Карташеву, не хочется разваливать партию. Мы уже поставили на очередь эту жертву.

Коновалов. Желательно получить *опору* в комитете. Надо устранить вопрос о «кооптации» как нереальность. Перейти к поправке Керенского. Это не положительное предложение, а возможность. 9-членной или другой комиссии дать полномочия подработать материалы. Демидов с такой постановкой соглашается, то же и Карташев и даже Волков. (Я готов идти и дальше, если *верят*.)

Я. Намечаю *три ступени*:

1. Предложение Керенского
2. Доведение до открытого заседания
3. Наша декларация

Коновалов. Присоединяется ко мне. Надо сохранить *право* сказать в открытом заседании.

Винавер. Возражает.

Харламов. Сегодня вы получили характерное заявление Керенского: *последний исход*.

Принята моя позиция.

Коновалов. Вопрос меньшего масштаба: 1. Чайковский. 2. Перевыборы комиссии (Руднев по личным мотивам).

Демидов. Крайняя степень для меня *лично*: сохранение 9-членной комиссии и *поручение* комиссии создать орган. Если народные социалисты согласятся, то, конечно, странно ломать копья.

Родичев. Можно ли называть это соглашением, если они так себя ведут, что Чайковского выгоняют вон.

С 3½ часов происходят переговоры с [э]с[е]рами.

Частная беседа с Керенским выясняет, что нам выгоднее тактически стоять на «кооптации» и уступить тогда, когда они, со своей стороны, примут положение Керенского о поручении комиссии подготовить материалы для органа и согласятся не входить в подробности в резолюции о военнопленных, а принять ее в моей редакции.

Расходимся, они идут во фракцию.

Вернувшись в 4½ [час.], они заявляют (Керенский при Рудневе), что предлагают нам поправку Керенского, но решительно отказываются от принципа «кооптации». Что касается резолюции о военнопленных, они отказываются от детализации и Керенский излагает пункт в моем изложении.

Мы заявляем, что должны переговорить между собой.

Тем временем идут переговоры о личном составе. Винавер пробует уговорить Керенского – ввести 4-го к. д., Коновалова, как товарища председателя (10-го). Керенский решительно отказывается.

По поводу Чайковского идут переговоры с его фракцией, которая признает, что неудобно войти в комиссию, будучи членом парижского совещания или только что отказавшись от членства. Но предстоит уговорить его самого. Приезжает Бланк[965] и Брамсон.

Мы собираемся с Керенским и объявляем ему наше решение: отказываемся от кооптации, принимаем редакцию поручения и сокращение резолюции о военнопленных.

Собирается 9-членная комиссия и санкционирует наши решения о резолюциях. [Э]с[е]ры заявляют, что сделают внеочередное заявление о своих отношениях к западным социалистам. Я спрашиваю: какое это имеет отношение к совещанию. Авксентьев поясняет, что это нужно для успеха органа и для отражения возражений меньшевиков.

Вечером речи в память Шингарева и Кокошкина в Salle des Ingénieurs Civils, Rue Blanche*.

Зал полон, но в публике чувствуется холодок. Рукоплескания умеренные. Рядом с друзьями, – старыми партийными работниками из Москвы, Петербурга и др[угих] городов, тут есть, видимо, и «Кобленц»[966], пришедший из любопытства. При выходе я встречаю пристальный, враждебный взгляд какого-то жгучего брюнета.

21 января

Проект заключительного заявления.

Фракция народной свободы в дни мартовской революции поставила своим *лозунгом* осуществление *полной демократии*, но *не социализма*, и считала возможным *дойти* до осуществления этой цели *общенародным*, а не *партийным* путем.

Колебания на этой почве фракция считала *главной причиной* того, что *революционная власть*, в конце концов, *перешла* к крайним течения *социализма* (уже вышедшим за *его пределы*) и была осуществлена в *крайней партийной форме*.

Два крыла русской общественности *разошлись* на этом, казалось, безнадежно и навсегда, – и *этим* расхождением мы объясняем

---

* зал Союза гражданских инженеров на улице Бланш (франц.).

длинную цепь неудач и ошибок, поставивших нашего *общего врага* в положение tertius gaudens*.

Первым и основным положительным *достижением* настоящего совещания мы считаем, что *перед лицом* грозных *бедствий*, грозящих превратить русскую *культуру и государственность* в развалины – наша *встреча* здесь и наш *обмен* мыслей помогли нам *вернуть* утерянный, три года назад, *общий язык*.

Уже одно это было бы достаточным *оправданием* сделанной нами *попытки*.

Но мы *пошли и дальше*: мы установили целый ряд *общих* нам положений, как принципиального, так и *тактического характера*:

1. Мы сказали с полной определенностью, *кого и почему* мы считаем *нашим общим врагом* (*восстановив*, таким образом, общий антибольшевистский фронт, как раз на той спайке, на которой он разорвался).

2. Мы *предостерегли* иностранные державы и общественное мнение, что *всякий шаг* к *признанию* власти, *не получившей* народного признания, будет шагом *против русского народа*.

3. Мы сделали отсюда вывод, что *никакие соглашения* с этой властью узурпаторов – *не будут признаны* действительными русским народом.

4. Мы *распространили* этот вывод также и на те *действия* иностранных держав, в *ущерб России*, которые были произведены во время *отсутствия* России в *международном общении* держав.

5. Мы *определенно* исключили из этого вывода обязательства и долги России, сделанные прежней русской законной властью.

6. Точно так же *мы признали*, *в интересах* российского *населения*, как естественный *результат снятия* фактической *блокады*, – факт уже *начавшейся торговли* с Россией.

7. Мы окончательно *осудили* иностранную вооруженную *интервенцию* во внутренние дела России, причем фракция отличила от этой интервенции ту *союзную помощь*, к которой *все* общественные группы *обращались* еще в 1918 году, но *никогда не могли получить* ее в *желаемой* форме и в *необходимом* размере.

8. Мы установили метод *добровольного соглашения* с *отделившимися*, при режиме большевиков, от России *народностями* и указа-

---

* букв. «третий радующийся»; третье лицо, извлекающее пользу из борьбы двух противников (лат.).

ли *цель* этого соглашения: установление *федеративного строя* будущей России.

9. Мы приняли принцип *культурно-национальной автономии*, признающей право национальности, как целого, для народностей *внутренней* России, и указали *путь для организования* наиболее *численных и компактно* живущих народностей в *особые федеративные* единицы, *оградив*, в то же время, *права* национальных *меньшинств*.

10. Мы, наконец, *поставили вопрос* о судьбе и об ограждении прав многочисленных российских граждан, *оказавшихся вне Советской России*, – об охране достояния России, – вопрос, затрагивающий *самые трудные* стороны настоящего *переходного положения* и уже *потому не поддававшийся* исчерпывающему *решению* в *рамках* настоящего *совещания*.

Фракция *считает долгом* засвидетельствовать, что *при вынесении всех* этих общих решений *строго соблюдались* те *два условия*, которыми фракция обставила *свое участие* в совещании:

а) *единогласие* всех участвующих в совещании групп и

б) *отрицание связи* данного совещания с Учредительным собранием 5-го января 1918 года, как *государственно-правовым учреждением*.

Переходя к *третьему*, поставленному фракцией, *условию*, – *включению в предполагавшийся орган общественных элементов*, не входящих в *состав членов Учредительного собрания*, фракция *принуждена констатировать*, что в *данном* случае, как она и *предусматривала* в своей вступительной *декларации*, – *задача совещания* выполнена *не вполне*.

Если, тем не менее, фракция присоединилась к принятому совещанием *решению*, она *руководилась* при этом, *главным образом*, следующими соображениями:

1. Создание органа в *окончательной форме* в настоящий момент, *все равно*, *было бы невозможно*, ибо: а) *принятая совещанием* общая точка зрения *недостаточно известна* не только широким общественным, но даже и *партийным* кругам; б) *не ясен* поэтому и *круг лиц*, которые могли бы быть *введены* в предполагаемый орган, *создаваемый на основах* достигнутого нами *единомыслия демократическими* элементами российской общественности; таким образом, создание в *окончательной и совершенной* форме того национального представительства российских интересов, которое имела в виду фракция, во *всяком случае* не могло бы быть *осуществлено* в *данный момент*.

Однако же, дожидаться *выяснения* данных и подготовки материалов *значило бы* оставить *без защиты* русские интересы *в самую критическую минуту*, переживаемую нами теперь. Поэтому фракция присоединилась и к той мысли, что издаваемый ныне орган должен не только готовиться к действию, но и действовать, т. е. приступить к мерам действительной охраны интересов России за границей. Мы уверены, что в *осуществлении этих задач* мы будем поддержаны широкими общественными кругами, *стоящими* на исповедуемых нами началах: 1) *полной демократии* общенационального объединения и 2) *антибольшевистского фронта*.

Вопрос *нашей роли* и степени *нашего влияния* есть вопрос будущего: он может быть решен только в *порядке нашей фактической деятельности*, и тут мы высказываем уверенность, что орган, основанный на *объединяющих нас принципах*: <запись здесь обрывается>.

Перед заседанием происходят переговоры о персональном составе 9-членной комиссии. Мы проводим: меня, Винавера, Харламова (на котором настаивают Волков и Рысс). Коновалов, заявивший, что не пойдет на место Чайковского, продолжает отказываться. Мы предлагаем разные формы включения Коновалова: 1) как товарища председателя, 2) как заместителя, 3) как нового (10-го или 11-го) члена комиссии, чтобы они при этом имели 6. Но у них некого назначить. Руднев поставил условием свободу от партийной дисциплины (он правее нас по некоторым вопросам) и этим сделал свою кандидатуру невозможной. Роговского они не хотят. Переговоры затягиваются. Наконец, собрав фракцию, они решают предложить нам выбрать Харламова заместителем, с тем чтобы Коновалов был введен третьим. Соглашаемся. В числе вариантов, предлагавшихся раньше, Керенский предлагал отвести себя и меня. Наши заявили, что это невозможно. Затем предложил нам писать Хараламова, но чтобы *они* писали Коновалова. Это мы, с негодованием, отвергли. Сами мы заявили, что будем писать Чайковского. Керенский стал кричать, что тогда нарушается соглашение и что они будут не писать наших, напишут кого хотят, т. е. Коновалова и так далее. Авксентьев вывел из затруднения, сказав, что он вообще не будет оглашать, кто сколько получил голосов, а огласит сразу весь список. На этом согласились. Но тут было Максудов тоже потребовал заместителя для своей фракции. Керенский его припугнул и он отступился.

После заявления с. р. и моего – речь Керенского была неожиданностью. Узнав, что он хочет сказать, Винавер, через Фундаминского, предупредил Зензинова, который пошел уговаривать Керенского, но

уже поздно. Цель речи Керенского была, как оказалось, ввести оговорки и скрытые возражения по поводу моей речи.

Заседание прошло как по писаному, но Чайковский мотивировал свою резолюцию в обличительном тоне по отношению к комиссии, и Авксентьев просил меня, от имени комиссии, его «немножко высечь». Что я и сделал. Неожиданным для нас также были полемические возражения Алексеевского, сибирского большевизанта, по поводу того, что комиссия должна сохранить *частный* характер. Авксентьев ему отвечал в нашем смысле.

22-го января

Дал 2 интервью чеху и венгерцу. Сфотографировался у Шумова и зашел в студию к Патлатану.

23 января

На Rue Vineuse, 9 час. вечера, *первое заседание* 9-членной *комиссии.*

Утром зашел В.А. Маклаков и сообщил, что секретарь Cercle d'Études sociales*, который с неделю назад просил меня прочесть о нашем совещании, смущенно заявил, 1) что 31 января у них читает Вививани[967], а 2) что, знаете, Милюкову пришлось бы начать с выяснения своего недоразумения по поводу германской ориентации, и сказать и не сказать об этом неудобно; лучше бы доложили вы сами. Комитет нашел, что с Милюковым это неудобно. По справке, в комиссии сидит Бойе. По-видимому, опять, как и с лекциями на faculté de droit**, Бойе поднял шум.

Затем Маклаков рассказал о разных затруднениях с реализацией денег для содержания русских беженцев. Французы захватили 4 миллиона Коноваловской кампании, налагают аресты на суда, – вообще стараются всеми способами покрыть свою перетрату 100 миллионов из бюджета, – из денег, предназначенных, как французская доля, для Австрии. Предостерегал против передачи дела «общественным организациям», ибо французы могут за это ухватиться и отказаться от помощи.

Декларацию Бриана (по русскому вопросу) писал Бертело.

Палеолог упрекал Маклакова, что он пошел на съезд Учредительного собрания. Но Маклаков ему объяснил положение, и тот успокоился. Очень заинтересовался, напротив, американский адмирал

---

* кружок социальных исследований (франц.).

** юридическом факультете (франц.).

Kewes (?), когда Маклаков сказал, что съезд приветствовал одну Америку. Кьюс рассказал Маклакову, что ему очень понравился Теннисон[968], который говорил, что эстонцы не пойдут в подчинение ни России, ни Германии. Он просил у американского правительства разрешение приветствовать Теннисона салютом, как главу независимого государства, но ответа не получил.

Завтракал у Эльяшева. Сын Эльяшева служит в исполнительном органе Делового комитета, говорит, что Комитет фиктивный, работают только представители Врангелевского правительства (председатель Бернацкий) и кое-кто из банковских (товарищ председателя Каминка[969] – уехал на Ривьеру). Положение финансовое действительное трудное. Можно выручить до 800 миллионов от реализации русского имущества, но у французов претензий много, и беженцам почти ничего не останется. Сведения о материальном положении сообщил им адмирал Кедров.

25 января

Вечером в кафе Вольтер *мой доклад* в группе *о съезде*.

Исхожу из предположения, что 1) факты известны из газет, 2) наша *общая позиция* уже *принята* в нашей записке (иначе *не было бы* и самого съезда).

Суть нашей позиции: *нет выбора*, борьбу *нужно* переносить *внутрь* России (ибо *извне* борьбы *нет* и неизвестно, когда будет, а если будет, то на унизительных условиях и реставрационная), а *внутрь* нельзя идти с персоналом и политикой Врангеля.

Но наша ближайшая цель – другая: действовать *вовне* России и a fortiori* тут Врангелевская политика *не годится*. Нужен *демократический фронт*. Иначе остается выбор между *черносотенцами и большевиками*: и *признание* большевиков – естественный вывод.

Таким образом, цель наша ясна: создать *демократическое представительство* России. Опять-таки, относительно *метода* тут *нет* альтернативы. 1) Мы *отвергли* Парламентские комитеты. 2) Мы *не можем считать[ся] с «небулезой»*** «Общего дела». 3) И мы не можем смотреть на метод Е.И. Кедрина, отсортировывающий черную сотню, как на удовлетворительный.

Мы *пошли* в съезд членов Учредительного собрания на *трех* условиях. *Выполнены ли*? Два – *да*. *Третье* – пересрочено: мы требо-

---

* тем более (франц.).

** небулеза (от франц. nébuleuse) – туманность.

вали «не решать (об органе) *отрицательно*»: вопрос *не решен отрицательно.*

Но орган *существует* и все *попытки* известной части прессы *доказать*, что *ничего* вообще *«не было»*, не *удадутся*. Орган *есть* и *начал действовать. Какой ценой* это *достигнуто*? Сравнительно с нашей *запиской* мы не сделали *никаких уступок*. Мы *не всегда довольны редакцией* резолюции (которая проходила *три стадии*: первоначальный хаос, наш проект и их переработка, *исходя* из *нашего*), но в тексте не *оставалось* после поправок ничего *недопустимого* и разница оставалась *иногда* только в толковании.

Что уступили они? Формально – тоже ничего или очень мало. *Фактически*: не хотели *«коалиции»* социалистов с буржуями – *коалиция* есть.

Кончен трехлетний спор, портивший все наши успехи.

В процессе работы мы пойдем *еще дальше*: уже во время заседаний лед *проломлен*.

Но остается одно: «подтянуть армии». Ибо наши движения, по необходимости, были так быстры, что и наши, и их единомышленники *не поспевали*.

Отношения Франции, Америки, Чехии уже показывают, что заграничный фронт взят *верно* и обстановка для работы благоприятна.

Если отсрочить *признание большевиков*, то это будет *большое дело*: хорошо ли *мешать* этому? Вот мы *только что произвели* впечатление *единства* русских

Нужно ли, полезно ли разрушать это впечатление? Во имя чего? *Иллюзий*, от которых *не могут* еще, ко вреду самих войск, *отказаться в Константинополе*. Иллюзии рухнут: мы боимся, что *рухнут вместе с материальной помощью*.

Пасманик. Я усиленно критиковал деятельность совещания. Когда теперь образовываются перспективы, я ни одного слова взять назад не могу. Из доклада Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] вытекает: достигнуто нечто, означающее *эпоху* в борьбе с большевизмом, даже в истории общественности. *Доказательства*: Бриан, Вильсон, Масарик. Вы перевернули роль: вы пошли им навстречу. В этом я заслуг и доказательств, что комиссия ухватила пульсы, не вижу. Бриан год тому назад говорил то же, Вильсон 20 раз говорил то же: Америка стоит на этой точке зрения. Никогда и не были за интервенцию. А Масарик: это заслуга с. р. Поставим вопрос иначе. Самое существенное: «нашли общий язык». Дайте более точное объяснение. Об-

щий язык с с. р., которые опубликовали резолюцию ЦК. Или со здешними? Вы раскололи с. р. и к. д., и часть к. д. согласилась с частью с. р. «Общий фронт демократии». Я протестую. Почему лишаете этого звания Набокова и Юренева? Набоков был левее вас. Я беру для себя это название: но я не нашел общего языка, значит, я *не* «демократ»? Вред, который нанесен партии этим глубоким расколом, надо надеяться, будет прикрыт. Но он сделан. Что мы выиграли? Общий язык достигнут тем, что к. д. приняли точку зрения [э]с[е]ров. Где элемент к[а]д[етского] мировоззрения? Когда вы вздумали ввести *свое* – коалиционную комиссию, там и не было согласия. Вопросы, возбуждавшие сомнения, – о беженцах и т. д., как раз и не рассматривали. Нам говорят: не было несогласия. Вы стали на точку зрения с. р. «против *блокады*»; «*за торговлю*»; я таких пертурбаций проделывать не могу. Эти статьи перед нами. Вы забыли свой язык и научились чужому. *Окончательный текст договора*: Англия не дает гарантий за ввозимое золото. Будьте последовательны. Если вы за *фактическую* торговлю, очевидно, не ту, которая, все равно, ведется, вы должны довести свою резолюцию до логического конца. От Винавера как цивилиста я ждал особенной последовательности. Вы должны сказать, что без торгового договора *нельзя*. Я вижу Ключникова, он говорит: *да*, я его понимаю. Вы стыдливо стали на путь Ключникова. Где широкий фронт и общий язык? Большая часть партии с. р. стоит на точке зрения «Воли России».

Теперь скажите: собираются лица, считающие себя представителями русского народа. Но у русского народа есть жгучий вопрос: армия. Надо дать ответ. Армию – к черту; это ответ честный, открытый. Это было бы важно и политически, и социально. Это была бы целостность. Вы обошли молчанием. Забудется это через десятки лет теми, кто собирался на улице Пуатье?

Далее: что вы заявили о большевизме? Вы должны были заговорить о борьбе *внутри* России, а говорите, что это неудобно публично. О «вооруженной борьбе» почему не заявили: можно вычитать, что окончательно мы постановили отказаться. Жгучие вопросы не были затронуты, потому что расхождение выступает в *близких*, а не в *далеких* вопросах.

Это сделано. Камень уже упал по наклонной плоскости, и его уже не удержишь. Я взял слово, потому что глубоко убежден – только и живу этой верой, что Россия будет счастлива, когда успокоится на кадетской программе. Мы разобьем партию. Над этим надо задуматься. Раскол есть. Между Берлином, Парижем, Константинополем общего языка нет.

Харламов. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] сам ответит. Мысль, что Россия успокоится, после качания направо и налево, и мной владеет. В этом убеждении я работал 15 лет. Но вопрос именно в качании маятника. Те, кто непосредственно не участвовал в борьбе, кто не шел рука об руку с теми, кто 3 года вели эту борьбу, те не поймут, почему Парижская группа и ее лидер приняли позицию записки, и – дальнейший шаг – участвовали в совещании. Почему? Нужно в этом вопросе разобраться. Я вправе заявить, что путь, по которому мы шли, безвозвратно осужден русским народом. Мы были уверены, что наша борьба будет встречена сочувственно русским народом: это не оправдалось. Мы, *как кадеты*, участвовали и были разбиты. Русский народ *нас не принял* как освободителей (*Пасманик*: а с. р. принял?). – Это другой вопрос, из того, что новый путь не сулит математические выводы*, нельзя отказываться от поисков новых путей и новых людей. Мне особенно горестно, [как тому,] который вел казачество, спорил с кубанскими сепаратистами. Каюсь, мы пошли по неправильному пути и были использованы более сильными. Вожделения старой России воочию предстали перед нами. Для нас нет дороги, и мы, в записке Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова], сказали: нет, по этому пути нам не по дороге.

Какой выход? Тут большой вопрос. Отсюда страстность речи Пасманика. С кем идете: с с. р.? Да, воспоминание, связанное с 1917 годом, не поощряет. Но я не знаю, какое воспоминание будет связано с к. д. 1918 и 1919–1920 гг., которые были с исправниками, со смертными казнями и т. д. Если откровенно говорить, то о к. д. *хуже* будет память в массах русского народа; и мы не должны забывать. Мне противно имя Керенского. Но мы должны сказать, что мировой процесс революции *всех* низводит на меньшую ступень. Роль отдельного лица падает, когда бушует океан и стихия. С кем идти? С бывшими членами Государственной думы? Это, действительно, бывшие люди. Новые группировки? Мы действуем в заграничной обстановке: она считается с теми понятиями, которые для многих из нас, может быть, утратили действительное значение: «Учредительное собрание». Нужна не мелочная критика. Мы судим и тактику комитета, и тактику группы, мы должны поставить определенный вопрос: новые пути или старая Россия? С с. р. связана другая тактика, которая нам в тысячу раз ближе тех, с кем шли 2½ года.

Винавер. Напоминает Пасманику, как в Крыму он устраивал коалицию с с. р. Вы и здесь голосовали за резолюции – идти с с. р.

---

* Так в тексте.

Что мы добыли? Мы поставили именно задачу перед лицом Европы составить ядро. Были 2 международных болячки. Никто не видел третьей России, готовой бороться с большевиками и соглашаться с народностями. У нас было 2½ месяца, «Общее дело» работает 2½ месяца и собрания собираются. Что вы сделали для России? Вы усугубляете раскол. Плачем по армии вы думаете что-нибудь сделать? Мы более вас жалеем о погибших. Мы не принесли жертв, ничем не пожертвовали. Блокада бессмысленна, торговля – все это мелочи. Мы возразили против торговых договоров, концессий, расхищения золота. Это есть *единственное представительство* демократии. Укажите другое. Если докажите, что армия может спасти Россию, научите нас, как. Вы тщитесь сами создать орган; вы *сочиняете* этот раскол. Разжиганием вы ничего доброго не сделаете. «Воля России» – а что пишет «Общее дело»? Они хотят «подтянуть свою армию».

Ключников. Не поклонник того, что достигнуто. Сделано немного, неудовлетворительно и не то, что надо. Мы только меняем термины и имена. Когда пройдет не более ½ года, то же будут говорить об с. р. периоде, что говорится о Врангеле. Тут нет реальных возможностей. Зачем? 1) нужно заполнить пустое место, после падения Врангеля, чтобы показать, что антибольшевистская Россия существует. 2) Нужен более широкий фронт, большие политические задачи. 3) Приготовить возврат в Россию. 4) Не утерять партию. Чего мы достигли? Ничего или не то. Пустое место не заполнили. Сделали ложные шаги и подорвали свой кредит. Наступит день, когда вопрос о Национальном комитете станет в новую плоскость. Врангелевский период *не* кончился. Учреждения существуют. Самое худшее началось тут: мы от этого *не отмежевались*, ничего не сделали для прекращения злоупотреблений.

Искусственно выдаем за единый демократический фронт только примирение с теми, с кем не надо примиряться. Жизнь уже поставила другие знаки: с. р. теперь – либералы из либералов, никакого соединения, реально. С. р. превратились в к. д., а не к. д. в с. р. Будут Бриан, Вильсон *реально* считаться? Конечно, нет. Вытащут резолюции Чернова, Государственной думы, большевистских советов. Этим отрезаются наши пути в Россию. С 1918 года колоссальные перемены. Соглашаемся только с мыслью идти по новым путям. Но *не пошли* по ним. Увидят обычный кадетизм: «только с с. р.», «только с урядниками». Нам надо копить силы для будущего.

Гронский. Я рисовал себе дом с трещинами, Пасманик бегает кругом, ахает, кричит: ратуйте, а сам тюкает по бревнам и разваливает. Раскол вносит Пасманик. Перед нами большая лестница. Мы

вступили на первую ступень, а Пасманик хочет сразу вскочить на вершину. Пасманик описывал Пав[ла] Ник[олае]вича [Милюкова] как Генриха IV в Каноссе. Более прав Ключников, что с. р. придвинулись к к. д.

Кто виноват, что Керенский приобрел кое-что в общественном мнении? «Общее дело», после его неприличной кампании я чувствую в себе ослабление ненависти к Керенскому. Вы сами агитируете за Керенского. Вопрос о вооруженной борьбе: не к. д. от нее отказались, а отказался Врангель, посадивший 140 000 армию на суда. Вооруженная борьба кончена исторически. Нельзя и ее трепать по панелям, если нет возможности осуществить.

Родичев. Наша задача в настоящую минуту сохранить единство партии и с этой точки зрения обсудить происшедшее. Неправилен метод – обсуждать поведение политика как умозаключение математика. «Наша позиция предусмотрена прошлыми резолюциями». Другая ошибка: ссылка на впечатление в Западной Европе. Нужно интересоваться впечатлениями русской публики. Насколько увеличена действенность публики, настолько повысилось единство партии. Вы должны радоваться возражениям, а не закрывать рот личными нападками. Я критикую ту точку зрения, что надо заполнить пустое место и выяснить, с кем пойдем. Да, мы сами по себе, а не «неразборчивая невеста». «Нам нужно идти с новыми людьми»? Разве это «новые люди»? Ничего подобного. Все то же самое. Очень немногие научились. Надо различать их идеологию и их методы. «Вся земля – всему народу»: пустое слово. В России случилось полное крушение с. р. идеологии. Их метод – тоже в прошлом. Они оглядываются налево и боятся. Мартов их поносит, что они соединились с буржуями. Вы говорите, что лицо их обращено к вам. Вы думаете: словесное объединение чего-нибудь стоит? Заявления Пав[ла] Ник[олаевича Милюкова] во многих случаях являются оговорками. Главное расхождение: вы думали образовать *антибольшевистский* фронт, а они говорят: «<пропуск>» (Винавер опровергает). Произошла декорация; взаимное недоверие не уничтожено. Доверенные люди – другой психологии, чем доверители. Главный недостаток соглашения, – что оно не распространимо. Нам нужны новые силы и новые пути. Неудачи армии – потому что это было *бегство целого класса*, который искал *месть*, а не *борьбу*. Если завтра падут большевики, надо кормить народ, организовать труд, восстановлять социальный порядок. Этого без огромной интервенции сделать нельзя. Как будем звать капитал? Средствами социальной революции? Организация экономическая – первое дело. Это именно вопросы о беженстве и вопросы об армии.

Если бы вы это выработали, то получили бы огромный авторитет у французского правительства. Несчастье вашего соглашения — что вы об этом говорить *не могли*: об устройстве судьбы беженцев и солдат.

У с. р. *нет* тайных путей. Крестьянские бунты не прекращаются, их подавляют: это влечет только к опустошению России. «Борьба переносится *внутрь*» — есть только фраза. Соглашение кончилось «словами»; неспособность приняться за *живое дело*, что у всех болит, показывает бесплодие. Горе, если кто-нибудь оказывает этому доверие: это будет жестокая опасность. Где залоги? Иностранцы из России не верят ни в какое военное выступление против большевиков. Меньше всего может объединить имя Керенского. Это призрак возобновления 1917 года. С армией не умел бороться. Как он будет бороться теперь? Мы не войдем, как Моисей[970], а если войдем, то не вождями.

Ваше соглашение нас компрометирует. В упреках, которые ему делаются, правда.

Новых путей не нашли, промышленников отвергли, капитал отклонили, сами в своих рядах разрушили мир. (Винаверу) — вы волнуетесь: у вас нет спокойной уверенности. Она дала бы нам права относиться к вам с придирчивостью, но и с надеждой, между прочим, что не будет поворота на 180°, который лишает людей авторитета. Ошибок не ставят в вину политическим деятелям; но есть одна ошибка — *идти дальше своей армии*: делать насилие над партией. Это недопустимая вещь. Вы себя компрометируете — и партию компрометируете. Если политический деятель сознал громадную ошибку, он должен устраниться. Не всегда свергаемый министр не прав. Но политическому деятелю нужно идти в такт с историей. Боюсь, что вы, окружая себя небольшой аудиторией, вступаете на ложный путь. Буду счастлив, если окажется, что идете *не по ложному* пути. Но не встречайте укором критиков. Людям нашей партии есть, что делать: устройство судьбы армии Врангеля.

Заседание кончается моей длинной речью, которой аплодирует Аршаулов. Я отвечаю, главным образом, Пасманику и Родичеву. Есть два рода критики: одна, которая помогает, другая, которая топит. Надо решить, хотим мы делать то или другое. Те, кто отчаялись «войти в обетованную землю», могут сложить руки и отойти в сторону; те, кто продолжают борьбу, должны испытать единственный оставшийся путь. Никто из критиков не предложил нам никакой альтернативы. Согласны ли вы, что в данное время и нет никакой [альтернативы] и что продолжение вооруженной борьбы невозможно? Если да, то вопрос неизбежно переносится внутрь России, и там мы должны пре-

следовать иную политику, чем при Деникине. Пасманик в насмешку сказал, что я выражаюсь, как будто начинается новая эра, новый период. А я утверждаю это серьезно. Родичев говорит, что нам надо быть самими собой. Верно, но чтобы стать самими собой, нам надо отойти от той линии, которой мы держались 2 последние года. Если сближение с с. р. будет иметь один этот результат, что мы вернем себе физиономию и разорвем с компрометирующими союзами, то и это — большой плюс. Но мы сделали гораздо больше. Конечно, наши резолюции — не классическая статуя, но ведь, как здесь сказано, дело политика — не то что выкладки и математика. Вы сами говорите, что вожди ушли слишком вперед и рискуют оторваться от армии. Вот, чтобы не оторваться, группа с. р. *принуждена* была сознательно говорить более двусмысленным языком, чем хотели бы сами, и мы должны были стерпеть это и даже помочь им, чтобы добиться восстановления единства. Наши решения действительно «словесные», но в этом — их преимущество. На деле мы идем дальше их, а не ограничиваемся ими. И тут, конечно, прав Ключников, что не мы «пошли в Каноссу», а с. р. приблизились к к. д. Пасманик хотел ловить меня на противоречиях со мной самим и ссылался на «New Russia». Если бы он читал ее внимательно, он увидел бы, что уже с год тому назад я занял теперешние позиции.

29 января

Приехал Бахметев. Первое свидание в посольстве утром, в присутствии Коновалова и Винавера. Бахметев уже беседовал на вокзале (накануне) с Маклаковым, который отзывался о нашем предприятии весьма скептически. Но, выслушав мой рассказ, Бахметев пришел в восторг и стал рассказывать об отношении Америки. Оттуда пошли вместе завтракать в ресторан «La Pérouse»: Бахметев здесь обещал финансировать комиссию. Винавер назвал цифру: 100 000 франков в месяц. Бахметев, подумав, сказал, что 800 000 у него уже есть, но, если дело пойдет, то в Америке можно получить и больше. Предложил выступить с какой-нибудь декларацией, которую он мог бы распространить в американской прессе, и сделать *бум*. Я предложил составить заявление по поводу признания de jure Эстонии и Латвии и по этому поводу подчеркнуть дружественную линию Америки. Условились сойтись назавтра у Винавера.

30 января

Я написал заявление об Эстонии в очень резких и ядовитых выражениях. Бахметев выслушал, засмеялся и сказал: «Вот вам и разрыв. Видите, я был прав вчера, когда говорил, что надо вам переезжать в Бельгию, чтобы оттуда действовать независимо».

Мы, однако, нашли, что это рано. Мне посоветовали смягчить заявление. Винавер рассказал о своем визите к Пети. Его вызывали по поводу приезда Пилсудского. Пети просил составить записку о русской точке зрения для Бриана (или Мильерана?), который совершенно невежественен в вопросе. Просили написать записку меня. Обещал к утру. Ночью записку составил.

31 января

Гронский передал мою записку по польскому вопросу Винаверу. Вечером Винавер вернул мне текст, прибавил: уже доставлено по назначению.

Завтрак с американцами в посольстве.

Вечером заседание комиссии с докладом Маклакова о средствах на содержание беженцев. Последняя новость: французы захватывают и продают все товары, находящиеся в Константинополе, чтобы покрыть свой дефицит. Продажа с 30–40% потери. В то же время формально отказываются кормить эвакуированные войска после 1-го февраля. Фактически (Военное министерство) будут кормить, пока будут в складах питательные материалы. Маклаков советовал им соединить оба комитета продажи и помощи, действующие отдельно, и ввести русских. Иначе, Деловому комитету нечего делать.

Керенский перед докладом Маклакова демонстративно вышел и после доклада вернулся. Мое предложение заявления об Эстонии вызвало решительные возражения Макеева, Минора, особенно Керенского, который заявил, что мы должны действовать, а не декларировать, а пока – «маскироваться». Максудов присоединился. Я заявил, что раз нет единодушия, предложение падает. Однако, в конце заседания, Авксентьев предложил считать вопрос – нерешенным.

Подняли вопрос о Пилсудском и решили написать записку французскому правительству и ускорить визит Авксентьева к Бриану. Мы молчали о моей записке. В конце <обрыв текста>.

1 февраля вечером

Второе заседание в Café Voltaire по прениям о моем отчете. Посетителей еще больше, чем прежде: Зал переполнен. Но – специальный подбор и – очевидно – заготовленная кампания против руководителей. Семенов и Мейнгардт[971] вносят резолюции, долженствующие произвести взрыв.

1 февраля

Заседание в Café Voltaire.

Семенов Ю.Ф. Сравнивает постановление 21 декабря с исходом съезда Учредительного собрания:

I. «Коренной пересмотр тактики», как *частность*, *вне связи* с предыдущим, и вооруженная борьба: *выработка общего плана борьбы*.

1) Отделение военного элемента от политического сопровождения.

2) Отделение политической власти и передача органу гражданской власти, имеющей общественную санкцию.

II. *Создание Национального комитета*. Предложение с. р. – *первый* и единственный шаг. (Уже *теперь предположительно возможно* создание некоторого органа и т. д.) 3-е условие: «не будет предрешен отрицательно».

Что достигнуто? Созданы комиссии. Орган *не создан*: имеется в проекте: стоим перед *той же* задачей. Практического результата – *не достигнуто*. Принцип коалиции отвергнут. В смысле *идеи объединения* антибольшевистских сил установлен *принцип разъединения*. Сговор «*не привел ни к чему*».

Как осуществлять наш основной план? Приходится вырабатывать самостоятельно.

Сговор с левыми группами – осуществился: факт *положительный*. Но нельзя *ни переоценивать, ни недооценивать*: с ним надо *считаться* при выработке *нашего* плана.

Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] *говорил в прошлый раз*: 1. Для борьбы *внутри* России – у с. р. есть *нити*, у нас – *нет*. 2. Два с половиной года мы *не были сами собой*, а в *не свойственной нам компании, с персональным подбором*.

1. *Обе* предпосылки *спорны*. Есть ли *у нас нити*? Надо *рассмотреть* в Комитете и в группе. У с. р. *есть* ли? Может быть *нет*. Допустим, что это *верно*. *На что мы им*? Ведь мы «*скомпрометированы*»?

Очевидно, им нужно использовать *наши* нити.

Деловое соглашение было бы на определенном *договоре*. Do ut des*. Этого нет. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] говорит, что они чему-то *научились*. Но это субъективная оценка.

2. А теперь мы – *сами собой*? Когда мы вместе с ними были? До революции: тогда только *одна отрицательная задача*, свержение самодержавия (у них – террор). Уже после 1905 года мы *перестали* с ними сидеть («Красные тряпки», «Буриданов осел»[972]). Еще *до* большевиков – *ничего общего* не осталось. Тяжелая страница – *коалиционное* министерство. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] на съезде гово-

* Даю, чтобы и ты мне дал (лат.).

рил, что у Керенского и Чхеидзе оказался государственный смысл. *Потом разочаровались*. Теперь, что же, действительно опять поумнели? Утверждение – исключительно на *почве веры*. Это – не серьезный политический план. А для этого пришлось пожертвовать связью с армией. Пав[ел] Ник[олаевич] Милюков готов на раскол – деление на «разумных» и «неразумных». Мы *жертвуем* армией. Только чтобы их не испугать, группа не послала приветствия. Национальному комитету, прежде всего, нужно было говорить об армии. Мы опасались показать, что имеем связь с ней.

Что происходит с армией? 22 тысячи на Галлиполи, из них 12–15 тысяч наши дети, братья-интеллигенция, надежда нашей страны, которую мы обязаны спасти. В сентябре многие мне говорили: мы развратились, грабили, убивали, воровали; в Крыму нас вернули к жизни, и мы опять чувствуем себя людьми; боимся опять превратиться в разбойников. Это может случиться с ними из-за того, что мы их бросили из-за с. р. Они превратятся в разбойников, в которых будут стрелять негры-сенегальцы. Мы превратим их в негодяев.

Резюме: 1. Совещание Учредительного собрания не привело к положительным результатам в смысле создания органа. 2. С фактом сговора надо считаться.

Предлагает на голосование:

1. Не разрывая связи с с. р., продолжать самостоятельно вырабатывать план. 2. Немедленно приступить к созданию Национального комитета, который бы имел общественное доверие. 3. Выработать положение, которое дало бы возможность поддерживать остатки русской армии. 4. Принять меры к объединению партийных групп.

С. Яблоновский[973]. Пав[ел] Николаевич [Милюков] 25-го января представил *сдвиг*, происшедший в сознании авторов записки, *как некоторый корректив*: мы только выявляем лицо. *На самом деле* это есть *новое отношение* к ряду *кардинальных* вопросов. Несомненно, что мы *стали иными*: об этом не говорила записка. Я знаю *три* партии к. д. 1. В одну я вступил в *1905* году. *Все* было ясно. *Заранее знали*, какую позицию займет партия. 2. В *1919* году, в *Харькове*, я увидел *другую* партию, идеологию и тактику. Я резко протестовал против многого. 3. В *1921* году встречаю *третью*. Опять *иная* тактика и идеология. Свидетель Родичев: это иное, отличное от прежнего, и Пав[ел] Ник[олаевич Милюков] подтвердил: *да*, несколько лет партия делала другое дело. Есть много людей со мной, которые также смущены, соблазнены, скорбят и не понимают. Наши вожди теряют «общий язык» с некоторыми членами своей партии и ее почитателями. Мы перестали

быть единомысленными: это – боль нестерпимая. Потеряв партию, мы считали бы себя не помнящими родства.

Мейнгардт. На возу не оказалось *ни одного слова об армии.* Мы должны *теперь* вспомнить: лучше поздно, чем никогда. Предлагает прибавить резолюцию об армии, *сказать слово привета.* Предлагает проект.

Пасманик. Боюсь, что наши разговоры ни к чему не приведут. Нельзя придти к единодушному и общеобязательному решению. Мы слишком далеко зашли. Ряд протестов и уходов из Парижской группы. Это решение *части* комитета. *Такого* момента никогда не было в партии; разве в момент образования Прогрессивного блока[974]. Но тогда Шульгин равнялся по Милюкову. И теперь – вы оторвете от с. р. несколько человек: это не будут с. р., как вы не будете к. д. Лицо, выехавшее из России 15 декабря, говорит: есть 4 партии: 1) за царя, 2) большевики, 3) небольшая группа меньшевиков, 4) огромная масса городского люда считает себя к. д. Об с. р. не может быть речи.

Крестьянство – или «комбеды» (большевики), или неопределенная масса, требующая «хозяина», в смысле порядка.

Говорить о расколе – неправильно. Можно говорить об «отколе» – правда, цвета партии. Дело в обывательской атмосфере, без которой ваши вожди ничего не стоят. Большинство вовсе не на этой стороне. Значение разговоров сводится к *исправлению.* Пересмотр немыслим. И несогласные не согласятся. Остается признать факты фактами. Пусть проделывают опыт. Четыре месяца пройдет, – все сгладится. Но мы не можем *скрыть* несогласий. Не может быть сговора между теми, кто хочет приспособляться к с. р. Если проголосуем резолюцию Семенова, часть будет *за*, часть *против.* Если сможем *аннулировать* происшедшее, – да; но мы должны считаться с тем, что внутреннего согласия нет. Вновь сойдемся и сговоримся в возрожденной России.

Эльяшев. Сделано не «кое-что». Семенов несправедлив. Минор говорит (читает). Утверждаю, что такое выступление есть большой успех нашего сговора. Успех превзошел наши ожидания. Комитет *еще* не создан. Но пути к созданию есть. Разве *наши* пути с Билимовичем и Шульгиным, с Освагом[975]? *Это* – новые пути. Вы говорите об армии, точно мы властны что-нибудь сделать. Вы бессильны, все равно, будете ли вести переговоры с с. р. или нет. Вы смешиваете не подлежащее смешению. Наши представители выполнили большую часть задания. Беседа Парижского комитета с Врангелем (цитирует). Есть критика, и есть травля. Мы боролись внутри себя, но не вне. Если дороги интересы партии, призываю к единению вне.

Родичев. Мне было заявлено: «Сознаем, что производим операцию над партией, но надо ее проделать», «надо умыться». «Чернов – единственный удачник революции». С этой готовностью к операции – это чувство разрослось и стало опасным. «Откол» я считал бы величайшим несчастьем. Надо *не допустить* «откола». Откалывающимся надо сказать: подождите. В полемике этого сделать нельзя, сбрызгу*. Партия находилась в таких же трудных положениях, и раскола не происходило. Вопрос об «ориентации» пахнул кровью. Но мы сумели не разойтись и сохранить настроение взаимного уважения и памяти о прошлом. Взываю к тем, кто легко относится, с той и другой стороны. Кто не поддался полемическому задору (обращается к П.Н. Милюкову). Признайте за нами право ждать и от нас такого же отношения, как наше к вам. Вы говорили: будет положен первый кристалл соглашения, которое будет импонировать: будет разрастаться, не будет ничего, будящего ненависть, ничего, что возбудит ненависть и негодование в армии. Они приняли бы за оскорбление некоторые проявления, имевшие место здесь. Соглашение с с. р. – пусть, если с их стороны есть желание широкого единения во имя общей цели, а не общей злобы. Нам говорят: другое единение – невозможно и нежелательно. Действительно, с психологией «Воли России» возможность соглашения уменьшается. Сейчас стало труднее, чем до опыта с Учредительным собранием. Можно ли выдержать эту *маленькую* пробу событий. *Все* рассчитано на европейскую публику, а русскую публику не приняли в расчет. Соглашение слишком скоро ставит грань *направо*. Черта проходит по партии. Наша задача *не допустить до ее проведения*. Не будем пробовать сегодня деления на большинство и меньшинство. *Черта проходит не по программному, а по психологическому признаку.* Вопрос об армии. Зеелеру Винавер поставил вопрос: какими средствами (спасти армию)? Никакими. Не в нашей силе. Мы должны предвидеть возможность такой операции. Но нужно, чтобы больной знал, что врач его любит. Если Запад потребует этой операции, вы затруднили ее возможность. Надо подходить не с чувством полемики с Врангелем, а с чувством любви к армии.

Чего стоит *словесное* соглашение? Не выработавшее *действенной* психологии? Сидя в этом собрании, я вспомнил заседание в Зимнем Дворце. Либерданы[976] были равнодушны к судьбе русской армии. «Воля России» в Константинополе играла ту же роль, как «Правда»[977] на фронте. Боже нас сохрани от голосования. Предоставимте редакции к следующему разу. Если отвергнуть, это будет ужас. Если

* Так в тексте.

с. р. не отрекутся от аграрной программы, то будет конфликт с крестьянством. «Оружие провозят»? Через Чехию? Откуда деньги? Для их достоинства нужно им не верить.

Соглашение уже сделано. То, что совершилось, – если бы не вопрос об армии, – я сказал бы: словесность и больше ничего. На наших товарищах лежит обязанность поправить, что можно. Я дружески напоминаю об упущении. Если ваш комитет способен создать психологическое настроение, попробуйте его *там* сделать. Пав[ел] Ник[олаевич Милюков], вы недооцениваете значение партии, к которой принадлежали и, надеюсь, будете принадлежать. Единственная партия, не уложившаяся в рамки догмы. Поворотов на 180° надо избегать и партиям, и отдельным людям. Быстрота умывания умаляет личный авторитет людей. Нам не в чем умываться: мы шли не с Деникиным и Врангелем. Мы были с теми, кто сражался с большевиками. Резолюциями и [э]с[еровскими] разговорами их не свергнешь, а экономической организацией, предшествуемой военной силой.

Я. Предостерегаю от голосований *вместе* с Пасмаником и Родичевым. Мы не *словесные* решения приняли, а сделали *действия*, последствия которых обнаружатся через несколько недель. А вы хотите сегодня предупредить это, взорвавши извнутри.

Рысс. Мы идем на 180° влево, потому что пошли на 180° вправо. Напоминает Харьков. У нас явилась *правая демагогия*, в угоду предполагаемому поправению масс народных. Не плетитесь в хвосте за плебсом. Оспаривает статистику Пасманика и ссылается на предсмертную записку Н.Н. Щепкина, свидетельствующую о полевении масс. Относительно армии – нельзя ставить вопрос в плоскость сентиментов. Армию погубил теперешний военачальник. Если бы ушел, не было бы положения: «армия – это я». «Что, при всем желании, мы можем сделать, если имя Врангеля в Европе нестерпимо. Если бы у Врангеля оказалось достаточно гражданского мужества и честности – устраниться, тогда мы, может быть, могли бы защищать армию. Предложите Врангелю немедленно устраниться. Роль его кончена – скажите ему об этом. Поезжайте к Врангелю. (*Родичев*: побывавши в Учредилке, не поедешь.) Тогда мы все в одном положении беспомощности. «Общее дело» губило армию, защищая Врангеля. В этом – трагическая ошибка.

Волков. Когда решался вопрос, я был один из трех, которые голосовали против: я, Федоров и Ключников. У Пасманика даже не хватило мужества быть против. (*Пасманик*: я воздержался.) Но вопрос был обсужден и принят огромным большинством в комитете и единодушно (кроме Кедрина) в группе. Они положили начало единению

общественности, которая боролась больше между собой, чем с большевиками. До известной степени уже теперь задача достигнута. Нападают, главным образом, те, которые больше всего кричали об объединении. Какой же общий фронт? В прежних пределах? Тогда это жалкое отражение прошлого. Грош ему цена. Ясно, что мы мыслили более широкую базу. Эту пропасть засыпать было нашей задачей. Роль «Общего дела». Линия – пагубна с точки зрения общего дела. Керенского выдвинула травля и истерия «Общего дела». Даже в нашей среде, под влиянием вашей агитации, острота отношений ослабла. (*Пасманик*: мы очень рады этому. *Винавер*: ценное признание. *Пасманик*: можете запротоколировать.) Рысс правильно указал, что и армию губило «Общее дело», связывая с Врангелем: были и грехи политические, и грехи военные. Нельзя было, после заключения мира в Польше, делать рискованные рейды. Нужно было подумать, *куда* эвакуировать армию: на Кавказ, Тамань. (*Ростовцев*: вовсе не надо было эвакуировать.) После *этого* – поддерживать – значит, действительно, вредить армии.

Что касается армии по существу, согласен с Родичевым. Надо выявить отношение этого органа к армии и к вооруженной борьбе. Терпеливо, медленно можно и с. р. довести до этого. Мы должны все сделать, чтобы избежать раскола в партии. Надо прекратить травлю (обращение к Пасманику), иначе будет невольное подозрение, что вы стремитесь к расколу (голос: а Константинопольский Парламентский комитет?[978]). Я его больше понимаю: у них психология иная, чем у нас: они *жили* в другой обстановке. Многое сгладится в будущем. Мы же относимся безразлично к армии, но более реально видим наше бессилие. Константинопольские товарищи могут нас обвинить за одно: не за молчание в Учредительном собрании, а что *раньше* не откликнулись, а *замолчали*: этот грех *есть*, но его нельзя поправить резолюцией Мейнгардта: эта была бы демонстрация по адресу органа. Будем надеяться, что в процессе работы будут достигнуты реальные шаги.

Гронский. Разделяет благородную точку зрения Волкова. Все критикуют: неверным путем пошли. А предлагать – ничего не имеют. Родичев это прямо сказал. Другой позиции нет. (*Родичев*: нет.) Я его понимаю, ибо разделяю отношение Волкова к армии. *Была ошибка* – не обратиться к армии со словом утешения. Но *только* вопрос об армии. В других вопросах нет *темы* спора, а есть только *настроение*. Наши противники *не имеют* никакого принципа. Путь взаимной эмигрантской травли. Нельзя забывать большого социалистического цен-

тра. В Третьей и Четвертой Думе мы шли вместе с народническими направлениями. Теперь опять мертвый фронт, против которого надо «вместе бить». Многие (Оболенский) и в земстве работали и будут работать вместе с народническими течениями. Харьковский период (в Харькове только 33 человека на конференции) надо отсечь. Данные Пасманика (я уехал в апреле 1919 г.), что есть 4 партии, неточны: существуют *настроения*, но не партии. Нельзя вычислять, сколько кого, это – неверное представление советской действительности. Я другого пути – не вижу. Пусть укажут. Ваши комбинации – направо. Там обломки правительства Врангеля. (Струве прогнан; *Зеелер*: разошлись полюбовно.) *Эта* комбинация – мираж. Обломки земско-городского союза? Но он не исключает взаимодействия с с. р. Ничего нет направо – и напрасно искать: ничего не найдем. На Берлинскую монархическую организацию я не пойду.

Маклаков. По идеологии – *ближе* к противникам Учредительного собрания. Но этот путь стал *необходим и неизбежен*. С аргументами противников не согласен. «Мы обидели армию». Родичев глубоко прав: тут сказался водораздел. Но тут нельзя винить с. р. Это явилось до сближения. Мы приписывали так много значения *внутренней* политике, что стали к Врангелю равнодушны. *Тогда* – предвидеть неудачу было невозможно. *Теперь* мы пройдем через *полный* расцвет большевизма. Я предпочел бы и белого генерала, и царя: если там левая реакция, никто царя не удержит. Мы мирились с очень многим. Когда Колчак сбросил Авксентьева, я ему телеграфировал: «будущее покажет, не есть ли это начало крушения». Но даже от военной диктатуры я бы не отрекся. Но положение таково: я жалею, что в нужный момент мы не сказали спасибо армии. Если бы мы *могли* спасти ее без Врангеля, но не *хотели* помочь, было бы другое дело. (*Волков*: я говорил про с. р.) Эту ошибку молчания я был бы рад поправить, но сейчас – это горчица после ужина. Но теперь – крепла Красная армия и рушились наши. Из Москвы просили оставить в покое. Никакими силами вы *не возбудите* симпатии; ломаного гроша не дадут; даже, если бы не было Врангеля, вам помощи не дадут (разве большевики придут в Варшаву, а потом – немцы: но тогда мы не были бы суверенной Россией). Факт остается фактом. *Это кончено*. Какой вывод? *Не мы* будем бороться. Мы говорим: боритесь *сами*. А мы? Единственное: поддерживать в Европе веру вообще в Россию, удержать, хотя на время, от признания большевизма. Показать, что в России не только неудавшиеся белые движения. Я до сих пор склонен приписывать неудачи случайности, хотя четыре неудачи –

не случайны. Я ужасно жалею, что единого фронта не выходит. Если бы от Авксентьева до Гучкова был фронт, это показало бы, что все едины. Увы, единства нет. Мы стали искать. Какие же тут препятствия к сближению с с. р.? Авксентьев был сброшен Колчаком не потому, что был не патриотом. Это – несчастье и преступление того, кто толкнул. Минор и *до* соглашения, приехав от Колчака, говорил тем же тоном. Мы больше уступаем: говорили об уступках Польше и Румынии. Относительно внутренней политики – я на самом правом фланге. Ни секунды не радовался революции. Но мы должны равняться по России. Парламентский комитет там роли не играет.

Продолжение прений отложено.

4 февраля 1921 [г.]. Париж

У Коновалова.

Собрание Комитета

(Присутствуют Оболенский и Зеелер)

Читается *обращение* Комиссии, образованной «Общим делом» для создания организации, *призывающей вооруженную борьбу* с большевиками и *сохранение* эвакуированной армии. Подписали: Бурцев, М. Федоров, Ю. Семенов, А. Карташев, ген[ерал] Сычев[979], А. Яблоновский, Алексинский, Пасманик, Викторов-Топоров.

Семенов поясняет, что это обращено во все организации, партийные комитеты (народных социалистов, с. р., в комитеты Парлам[ентский], земств, городов, комитет Учредительного собрания).

Коновалов. Ответ может быть только отрицательный.

Винавер. Создание органа было нами поставлено целью и *уже позиция занята.* Не можем делать одного дела в двух комбинациях.

Семенов. Подготовляется съезд для организации Национального комитета.

Гронский. Чем руководились при выборе признака представительства?

Семенов. Все организации.

Голосуется: все против, при 3-х воздержавшихся (Оболенский, Зеелер, Семенов).

Читаются *две Белградские* резолюции[980] (в основе проект *Маклецова*). *Два варианта* «Среднее мнение между Парижем и Константинополем». В действительности, гораздо больше к константинопольскому: в обоих вариантах принципиальное разногласие по вопросу о продолжении вооруженной борьбы и о сохранении боеспособных частей армии. Признаются «ошибки прошлого» по нашей резолюции 20 мая[981]. «Чрезвычайное сомнение» относительно тактики сближе-

ния с с. р. Разница в 4-м пункте: 2-ой вариант признает участие членов к. д. в совещании членов Учредительного собрания.

Шнеерсон[982]. Маклецов прежде присоединялся к Парижской группе. Теперь отсутствуют: я, Уляницкий[983], Бутенко[984].

Коновалов. Переходит к прошлому заседанию группы. Мейнгардту и Семенову было ясно, к каким тяжким последствиям могло привести внесение резолюции. Странно, что член комитета внес в группу, не предупредивши нас.

Семенов. Доклад Милюкова был сделан в группе; прения происходили в группе; это не имело значения, которое вы приписываете. «Организованности» я лично не заметил: это было мое личное мнение, сформулированное в тезисах: почему можно говорить, а нельзя формулировать? *Все* члены комитета (и *Я*) ответственны за решения Парижской группы. Но теперь начинается новый период. Здесь нет критики, что сделано *тогда*. Несмотря на усилия, не добились определенных результатов. Я их обсуждаю и спрашиваю: что же *дальше?* Я высказываю соображения относительно дальнейшего.

Эльяшев. Мейнгардт снял свое предложение. Остаются «тезисы» Семенова. Это будет предложение, подлежавшее голосованию. Вы, Ю[лий] Ф[едорович Семенов], отлично понимаете последствия такого голосования. Даже значительное меньшинство поставило бы наших товарищей в положение уйти. Но это несчастье назревает. Если мы хотим существовать, а не быть в состоянии паралича, мы должны знать, идем ли мы вместе с группой. Не надо закрывать глаза: надо вскрыть. Предлагает Павлу Николаевичу [Милюкову] выступить, сделать доклад и поставить вопрос о доверии.

Винавер. Ставит Семенову дополнительный вопрос – почему вы не предложили в комитете вопрос о «новом шаге». Почему вы решились создать такое рискованное положение? Я не в страхе. Приветствую слова Родичева. Ничего страшного нам не грозит. Надо спокойно себе сказать: совместимо ли новое с тем, что мы делали по вашему полномочию за вашей ответственностью. Вы предлагаете делать *то же*, что мы уже делали. Федор Измайлович [Родичев] правильно ставил вопрос: вы там сидите, старайтесь добиться таких-то результатов. Мы думали, что *об этом* мы и будем совещаться: что *там* делать? А нам предлагается все-таки пойти другими путями. Это совпадает с тем предложением, которое только что было отвергнуто. Откуда-нибудь да надо уйти. Если посылаешь, надо быть не нейтральными, а сотрудниками. В *таких* вопросах отдельная группа не решается нарушить пятнадцатилетнюю святыню – единство партии.

Существует Центральный комитет. Здесь члены ЦК в большом количестве.

Родичев. Как возникла опасность раскола? С той минуты, когда Павел Николаевич [Милюков] сказал, что нужно сделать *операцию*. Павел Николаевич [Милюков] стал заявлять, что в партии – две партии, а, может быть, и *три*, что главный выигрышник – Чернов. Не обижайтесь, что на это *ауканье* – откликнутся. Вызывает опасность – этот animus готовности к расколу. Это повторил и Эльяшев. Чтобы преодолеть опасность, нам надо создать общность настроения: она ослабляется, когда *так* говорят об армии. Я предостерегал Павла Николаевича [Милюкова] с первого появления здесь; предостерегаю и теперь. Не относитесь отрицательно к этой попытке, из-за раздражения против Бурцева и Пасманика. Вы сделали дело обособления. Иначе вы сами пошли бы на эту линию *единства*. (*Рысс*: с кем?) Вы и хотите единства, только с [э]с[е]рами. (*Винавер*: дело в методах.) Вы не сотрете этого различия. Роль «Воли России», «Правды»: союз с этими людьми невозможен. Эти люди негодуют на армию. Вы стали на наклонную плоскость и теперь не хотите этого видеть: это überwundener Standpunkt*. А мы видим впечатление, произведенное в кругах, где есть кровное чувство к армии. Мы не хотим разрывать с людьми, которые желают сохранения армии. Нам надо поработать над собственной психикой, чтобы избегнуть раздвоения. Значительное число людей не в состоянии отнестись равнодушно к этому вопросу. Первые шаги к разъединению сделаны Вами.

Рысс. Надо пустить резолюцию Семенова на голосование. У меня нет опасения, что настроение группы не соответствует настроению комитета. Относительно возможного *раскола*: у меня память хорошая: при Деникине правое крыло раскола не боялось, под председательством Зеелера нам сказали: что же, уходите. Самая большая группа в Париже – единогласно сделала постановление – 45 человек. В Берлине – 9 чел., и вы кричите о расколе. Надо *создавать* мнение и настроение. Когда мы начинаем возвращаться на собственные линии, вы кричите о расколе. Есть *два* animus'а, которые тянут в разные стороны. Надо действительно перерабатывать психологию, которая не соответствует времени и условиям.

Моя речь <пропуск>.

Коновалов. Напоминает, что пора перейти от принципиальных споров к практическому обсуждению нашей работы в комиссии Учредительного собрания.

---

* устаревшая точка зрения (нем.).

Семенов. Никого я не хочу взрывать и открывать себе пути к созданию Национального комитета (ответ мне), никогда к расколу не стремился. Я был приятно удивлен, что группе пришла мысль об отделении военной власти от гражданской: я в тот же день Врангелю доказывал то же самое, что невозможно, чтобы он считал, что с кем-то сносится и чем-то распоряжается. Мне не удалось доложить о Константинополе в течение 3-х заседаний: я механически был отброшен в группу. Я расходился с комитетом еще в ноябре, считая, что первое дело комитета – забота об армии. И вы, Александр Иванович [Коновалов], сказали, что это – дело веры: армии нет. Гронский сказал, что <пропуск> (*Гронский*: я этого не говорил). Дело не в «Общем деле»: я выступаю как член комитета. Я зову не «назад», а к тому, с чего мы начали, констатируя, что члены Учредительного собрания *отвергли принцип коалиции*. Теперь должно быть что-нибудь новое: новый практический путь. Если комитет постановит, что эти пункты не должны быть голосованы, я подчиняюсь, но сочту за насилие и зажимание рта вместо обсуждения.

Коновалов. Да, с потерей территории я ясно понял, что армия, как таковая, сохраниться не может, а информация со стороны Мильерана и итальянцев [это] подтвердила.

Оболенский. У меня сомнения относительно парижской тактики. И в Константинополе я был в изолированном положении. Павел Николаевич [Милюков] прав, что есть моменты, когда нельзя ставить в укор нарушения формы: мы принимаем ряд ответственных шагов, не считаясь с мнением партии, как русские граждане. Нельзя формально укорять Парижскую группу. Но меня смущает в парижской тактике следующее. Кончились те формы вооруженной борьбы, которые были: Павел Николаевич [Милюков] прав, и тут я тоже расхожусь со своими константинопольскими товарищами: данная армия исчезла, надежды на восстановление нет. Но я всецело разделяю чувства, которые заставили Родичева сравнить с операцией над любимым человеком. Мы ее любили и уповали: Париж показал себя не любящим врачом. По существу Павел Николаевич [Милюков] прав: борьба в прежней форме кончена. Но не следовало от нее отрекаться *так*, как в Париже. Всякая вооруженная борьба – и в прошлом, и в будущем – фатально приведет к тому, что, по силе противоречия, в контрреволюционную борьбу всегда будет вливаться реакция, мы должны знать это наперед: реакция, вероятно, будет торжествовать. В России, может быть, в форме *внутреннего* фронта будет вооруженная борьба. Я не верю в крестьянские восстания. Большевизм может кончиться или медленным гниением – наименее желательный путь – или воо-

руженным восстанием Красной армии. Если этим, более близкой перспективой, — кончится большевистская власть, в каком положении будет Учредительное собрание к армии *внутри* России? Внутри нет ни к. д., ни с. р. Блок в Париже, может быть, имеет значение в Европе; для России ничего не выражает. Для эмигрантов — правая рассыпавшаяся озлобленная армия, на себе проделавшая эту эволюцию под пулями большевиков, — это непереносимо и одиозно. Комбинация с Учредительным собранием лишает партию к. д. влияния, если в России (мы должны ориентироваться на Россию, а не на Бриана) начнется вооруженная победоносная борьба. К. д. в эмиграции окажутся вне всякого влияния на эту борьбу; попадут в положение с. р., ни в тех, ни в сех. Будут критиковать и то, и другое, по обязанности позиции. Чрезвычайно сомневаюсь, чтобы создался теперь единый фронт. *До* Учредительного собрания можно было, могли к. д. быть в обеих комбинациях и искать объединяющих слов. Но к Учредительному собранию вы не привлечете значительных сил из более правых кругов. Напротив, вы видите злопыхательство в собственной партии: виновниками, в известной степени, являетесь вы. Переходя к формуле Семенова, думаю, что это — попытка создать комитет с негодными средствами. *Уже* установилась линия поведения. Кто явится инициатором объединенного фронта? Кузьмин-Караваев[985], Пасманик, Алексинский? Как может Пасманик думать, что может создать единый фронт (я ему говорил вчера). Поправить, подойти с другого конца — нельзя. Я бы воздержался от голосования, но нет смысла голосовать эту формулу, тем более, что она вызывает мысли о возможном расколе. Мы переживали чрезвычайно острые моменты; делимся по землячествам, а не на правых и левых к. д. Мы ищем практические выводы в жизни: она дает материалы различные. Пока Россия не создастся, будет бесконечное количество разногласий. Мы в Ялте принимали ростовских к. д.: с Родичевым на противоположных полюсах. В Екатеринодаре меня распинали те к. д., которые теперь левее меня, за съезд этих самых элементов, которые вы хотите объединить теперь. Я *тогда* был прав, потому что думал о широком объединении; они тогда победили; их удавалось перетягивать на известные позиции. Тогда справа этот съезд прокляли. Теперь тоже в левом направлении: отрекаются от правых направлений. И здесь я оказываюсь одиноким.

Родичев. Не могу добиться, чтобы меня поняли. У нас *шоры*. Вы думаете, что если я бережно отношусь к чувству людей, которые дрались, — это правизна. Люди, неспособные отозваться на это — вовсе не левые. Перед нами *национальная* задача: мы не можем выки-

нуть вон этот вопрос. Как вы пойдете к армии с именами Керенского и Учредительного собрания? Вы раздразнили армию, она говорит: мы должны принести жертву этому гневу. Вы уничтожили возможность единого фронта. Вы не можете облегчить болезненного процесса. Я вижу, вне вашего круга, как вокруг вас создается атмосфера чуждости. Не дразни черносотенцев, которые порядочные люди. Вы вместо национального объединения делаете партийное: вот ложный шаг. Когда мы выкинем *этот* спорный пункт (о создании национального фронта), может быть, те же силы (солдаты) могут быть употреблены; но для этого вы должны участвовать в устроении судеб этой армии. Но до сих пор вы не по этому пути шли. Вы уже лишены возможности попятиться. Дай вам Бог успеха: я в него не верю. Мы можем предъявлять друг другу требование – не искать разрыва.

Гронский. Родичев говорит: вы сделали ложные шаги, остановитесь. А нам говорят: как раз дальнейшие шаги идут к вам. Дезавуировать сделанное значит дезавуировать все: комитет, группу, записку, потопить армию. Что остается делать оппозиции? Я бы помогал нашим делать то, что они делают. В крайнем случае, отойти и не мешать. <пропуск> Моя мысль была не в том, что армия – беженцы, а в том, что нет театра войны; армия отмирает, ибо не может сражаться.

Реальное предложение: если будет продолжаться травля, я поставлю предложение – исключить Пасманика. Я не могу жить в этой моральной атмосфере.

Винавер. Чувствую моральную ответственность, как *принимавший участие до Милюкова*, принять на себя *бóльшую половину ответственности*. Было *два* вопроса: 1) отношение к эвакуированным и 2) защита интересов России в международном масштабе. В 1-ый день я *принес* проект; Демидов предложил внести несколько теплых слов; я тотчас это вставил. Никакого предложения о посылке *телеграммы* – и мысли об этом – не было, до телеграммы Струве. *Две недели спустя* – клочок бумажки – без формального заявления – и никакого отказа. *Через 1–1½ месяца*, по слухам из Константинополя, что мы идем на соглашательство с большевиками – пытались сочинить неисполнимое. *Проект был забракован.* Я сказал и повторяю: *только* в этих формах мы могли быть полезны армии (не говорю о чувствах), реальной помощью. Поддерживайте этот путь, чтобы дойти до нашей цели. Иначе, если не поддерживаете авторитета учреждения, расхолаживаете, – ничего не будет. Речь идет об обеспечении существования: Павел Николаевич назвал это «нейтральным» отношением. Сейчас – только благодаря нашему единению с с. р. создалась

возможность организовать Земский комитет. Никакой — более авторитетной — организации не создадите. Почему вы не вспомнили о Керенском, когда в Москве в 1918 г. работали с с. р. и благословили Астрова? Старые-то грехи ведь мы и тогда помнили. Тот же Гучков жаждал, чтобы [э]с[е]ры пришли в Парламентский комитет. А Долгоруков в Константинополе провозгласил себя членом Учредительного собрания. Алексинского[986] тащут, чтобы иметь право сказать, что там есть «социалисты и радикалы».

На вопрос Коновалова <пропуск>.

Семенов. Я снимаю предложение, после обсуждения сегодняшнего, потому что я не для раскола его делал.

7 февраля. 3 часа

Комитет у Коновалова.

Протокол (первый протокол Н.К. Волкова).

Разбирается вопрос о Давыдове. Решение — не принимать его в группу.

Читается новая редакция проекта резолюции Мейнгардта.

Продолжение прений.

Зеелер. Отвечает на все обоснования парижской тактики. В последний раз, ибо прения затянулись. Попутно касается и прений в группе. Недоумение по поводу выступления Оболенского. Записка константинопольская[987] принята Константинопольской группой. Структура группы — иная, чем здесь. Иногда заседают члены ЦК с председателями областных комитетов, рассматривают предварительно. Группа составлена из членов *комитетов*, а не партии: пленарных заседаний членов партии нет. Записка принята *единогласно* этим представительным телом. (*Оболенский*: с моими оговорками.) Окончательный текст выработан единогласно. Количество членов 19—20, иногда до 28. Оболенский был в одиночестве по вопросу о *существовании* армии. Поручено было изложить мотивы мне и Оболенскому. Записка пока не подлежит оглашению. Но Миронов в «Последних новостях» пишет 2 столбца. Значит и мне *можно* защищать печатно?

Коновалов. Объясняет. У нас коммюнике даются редко. Миронова я не видаю. Но относительно разногласий сведения там распространены.

Зеелер. Переходит к существу. Не уясняю точку зрения Павла Николаевича [Милюкова]. Необъяснимо, как можно группировать в одно целое все попытки блокироваться: Набокова с Денисовым, в Севастополе за месяц до эвакуации я лично, и в группе прошло, вопреки возражению Долгорукова и скепсису Оболенского, предлагал блок

с с. р. и с. д. Вели и переговоры: хотели создать Национальный комитет, L'Union sacré*. И у нас, и у Набокова, и у Астрова, когда его посылали в Уфимскую директорию – платформа: вооруженная борьба с большевиками. Сейчас – диаметрально противоположное. С. р. признали, что вооруженной борьбы больше нет и нельзя вести: должна быть борьба *внутри* России. *Их* тактика была принята в Париже, и *тогда* состоялось блокирование. Поэтому ссылки на прошлые опыты для меня непонятны. Мы не можем признать правильным поведение «Воли России». Она пророчествовала правильно, разлагая борьбу и желая нейтрализовать попытки – они и *добились* своего. Наши все попытки терпели фиаско, потому что «Воля России» говорила: невозможно идти с такими реакционерами. Кадетов у Врангеля не было, но мы проводили в жизнь то, что вы здесь писали: не только давались советы, но шла наша борьба возле Врангеля и Деникина. Партия должна идти прямо, а не правым или левым боком. Рысс помнит нашу борьбу в Ростове против *однобокого* поведения партии при Деникине. К сожалению, мы были подавляемы и правыми и *левыми*, которые не желали бороться. Если бы они помогли в борьбе, сгруппировавшись возле Деникина, было бы другое. В Крыму Оболенский, когда с ним советовались, положил много усилий; Долгоруков ясно и открыто боролся против Врангелевской тактики: приказ против Востокова[988] – работа того же Долгорукова. Там, где к. д. были и работали, они старались нивелировать пагубные последствия для гражданских элементов. Я взывал сюда – усилить наши кадры. А вы говорите: мы испортили наше лицо. Ведь вы в Лондоне *делали то же дело*. Мы не портили лица, а налагали ответственность. Оболенский говорил нам: трагизм в том, что мы опять будем с Врангелем против правых течений. Я не пойму вашей градации: вы нам писали неодобрительные реляции, мы вас не слушали; вы нам не хотели мешать. *Одно* письмо ваше к Оболенскому поставило в недоумение. Вы нас обвиняете в «преступлении», что мы не разлагаем армию. Итак, нельзя смешивать здешнее блокирование с нашими *попытками* блокирования. Мы признаем ваши предпосылки, но не можем прийти к вашему выводу, что все *надо* отбросить и признать какой-то неясный и туманный метод, который вы отказываетесь сами объяснить. Надо пересмотреть все, что мы знаем: но не можем отвергнуть принцип вооруженной борьбы. И в России она будет вооруженной: может быть, ждут Керенского, но все-таки будут палкой колотить по голове друг друга. Теперешние элементы, следовательно, должны быть сохранены.

* Священный союз (франц.).

Если это будет восстание Красной армии, то надо им перебросить на помощь, или к хаосу прийти извне. Наша позиция является объяснимой и правильной. Почему нам надо перекидываться влево? Мы всегда идем одной стезей – нашей партии. Ни одним боком не надо идти. Роковая ошибка ЦК – идти правым креном – не должна быть повторена в другую сторону. С Черновым вы не будете работать вместе, и справа есть лица неприемлемые. Но есть и люди, искренне верящие в народоправство и Учредительное собрание, которых вы отметаете в угоду с. р. В Крыму мы были *самой левой* партией; остальные держали нейтралитет и тем давали возможность разворачиваться вправо. Вам краснеть за наше лицо не придется, если история развернет все, что мы пытались делать, а другие к. д. мешали (весь ЦК).

Возражаю категорически и против того, что борьба наша спаивала Красную армию. Мы считали, что *все три* года борьба была интернациональной проблемой, а не теперь только. *Тамошняя* борьба и дала результаты, что Красная армия *разлагалась* три года. Если там будет внутренний взрыв, то это результат нашей борьбы. Я видел тысячи пленных, переходивших к нам, людей, которые, брошенные нами, все-таки бежали за нами в Крым. От *нас* переходов не было. Пехота, мобилизованная большевиками в Пензенской, Уфимской губ[ерниях], – вся переходила к нам. 6½ тысяч солдат категорически не хотели идти к большевикам. Точка над i в наших сношениях с Врангелем. Для нас с начала ясно, что ошибки Врангеля – стратегические, и другие и, главным образом, мир с Польшей – повели к катастрофе. Animus был потерян с *этого* момента: тогда стало ясно, что в *одиночестве* нельзя бороться, что дальше мы не сможем выдержать. Началось *скатывание* армии. Все убеждавшие Врангеля обороняться в Крыму, опоздали уже, потому что Буденный[989] врасплох зашел с 25 000 коней в тыл у самого перешейка.

Позиция *не* была укреплена. Атаки большевиков были сильны: потери 40 000 человек не удержали, потому что сзади жарили пулеметы своих же. Когда была потеряна *душа*, пошло *скатывание*. Говорят: надо бы вывести не 60 000, а 9 [000]. Но ведь, *несмотря* на убеждения Врангеля, не *хотели* остаться: сами уходили, и трагедия была вызвана их *необходимостью* уйти, ни один казак *не мог* остаться.

Итак, наша армия не скрепляла, а разлагала Красную армию: только кавалерия Буденного, жившая на грабеже; а пехота – дилемма для большевиков: армия не имеет внутренней спайки.

Вооруженная борьба должна продолжаться. Здоровое ядро понадобится *завтра*, хотя своих планов предлагать не буду: могу сооб-

щить в маленькой комиссии 2—3-х человек. Необходимо устроить на эмиграционных началах, но вместе, давши здоровый труд. Но без денег Европы это почти невозможно. У с. р. (и в Земско-городском комитете) одно стремление: как-нибудь уничтожить эту армию, даже и в гуманитарные задачи вносится указание, что никогда об армии нельзя говорить, все беженцы. Хотя и с. р. понимают, что без этих элементов обойтись нельзя. Как выйдет Учредительное собрание из этого, не знаю.

Оболенский. Я сделал в Константинополе заявление. *Все критиковали записку* Павла Николаевича [Милюкова], и я говорил о том, с чем *не согласен*. Но когда записка проходила группу, в ней сосредоточились все доводы: как мои, так и те, которые я *не разделяю*. 1. Я более скептически отношусь к сохранению армии. 2. Не считаю возможным препятствовать брать инициативу какой-нибудь кадетской группе по *формальной* причине. 3. Вопрос о федерации — не программный — замалчивать нельзя, когда образовался ряд независимых государств. 4. Не разделяю точки зрения безусловной *интервенции*: оголенная — недопустима, допустима как помощь иностранных государств уже *образовавшемуся* сопротивлению. 5. Хотя не разделяю тактики *исключительного* объединения с с. р., а широким фронтом, но думаю, что не следует именно поэтому заушать с. р.*

Относительно необходимости вооруженной борьбы с большевиками, однобокости объединения с с. р., которое повредит в будущем, — не согласен: не опираетесь на бывшую армию, не опираетесь на Россию. Занятая позиция, отрицающая вооруженную борьбу и отстраняющая более правые элементы, неправильна.

Рысс. Тут большое недоразумение. Все, кто приезжал с юга, лично о вас и о вашей группе говорили определенно: вы представляли *там* течение, которое теперь в больших размерах — в Париже. Неточны и ваши ссылки. Есть *одиночки* правые, не отрицающие народовластия, но *групп* нет: есть только *налево*. Вообще в России нет более правых групп, кроме берлинских монархистов типа Маркова 2-го. *«Общего»* фронта никто не отрицает. Было совещание у Нольде: ничего не вышло. Вы могли осуществить такой фронт только с отдельными *лицами* направо или с группами налево. Я не смел говорить, что Врангель погубил армию, когда он вел борьбу: он губит ее с момента эвакуации. Я поддерживаю фактическое предложение: выделить комиссию, которая бы могла озаботиться тем, чтобы сохранить небольшую силу. За-

---

* Так в тексте.

писка генералов Балаховича, Палена[990], Перемыкина[991]: они желают сохранить армию и гонят всех вон. Можете вы *их* поддерживать? Армию надо спасать *от них*. Выхода из этого положения нет. Тесленко говорит то же самое: не надо «уважать» общественность.

Зеелер. В качестве информационного материала читает письмо к Врангелю П.П. Юренева по общему поручению (когда он принял Н.Н. Львова перед нашим отъездом). Последние сведения: предполагался Совет из общественных организаций; ген[енерал] Врангель оставался только как глава армии. Н.Н. Львов едет сюда *без* мандата от нас, путать дальше дело – мы *во имя армии* могли терпеть Врангеля; а если он для армии нетерпим (для казачества уже нетерпим), то никаких стимулов поддерживать его не будет.

Винавер. Нет разницы в принципах, а в оценке фактов. С этими последними заявлениями мы *обращались к Струве* (Коновалов, Львов, Маклаков, я): пусть Врангель откажется от положения правителя, тогда можно будет сохранить армию. Струве послал соответственную телеграмму, что диктатура кончилась; можно говорить о Национальном комитете. Но через 2 дня Струве стал давать интервью противоположного характера. Второй факт: с 1-го момента иностранные правительства прямо заявили: ça n'existe pas*. И сейчас, поскольку речь идет о вооруженной борьбе, *никакого отрицания не было.* Мы слушали Бернацкого, слушали других: ни одного сообщения о том, в какой форме армия может продолжать борьбу. И сейчас не вижу, как она может быть использована. Теперь это все – прошлое, к которому нет надобности возвращаться. Партия поступалась в расчете на скорость низложения большевиков: это, конечно, наложило на нее отпечаток. Это – жертва, не греховная, а сознательная: можно говорить лишь, годится ли этот путь впредь. История, может быть, оправдает. Я даже не употребляю термина «поворот». Мы *просто прекращаем жертвы*, которые оказались *напрасны*. Надо же когда-нибудь констатировать *бесплодность* их. Пора опомниться. Опыт с Врангелем показывает, что *нельзя* продолжать. Доколе же и стоит ли? Территории нет; борьба с Врангелем бесплодна; надо спасти людей. Если связаны вместе, пусть. Но не понимаю, чем, *кроме* этой помощи, можем помочь сохранению армии. При такой комбинации, чтобы поддержать этих людей, мы можем объединиться, а не разъединиться. И вопрос об с. р. отпадает. На вопрос об с. р. мы отвечаем Родичеву, который упрекает нас за *грехи* с. р. Мы эти грехи знали в 1918 году, когда по-

* это чепуха, это никуда не годится (франц.).

сылали Астрова, но не считались и теперь, как с фактором неприемлемым. Никто не провозглашал, чтобы идти *только* с с. р., а только *пока* с с. р., чтобы склеить *хоть две* эти части.

Коновалов. Первый результат совещания Учредительного собрания – создание зем[ско]-гор[одской] организации. Она и явится резервуаром, из которого пополнится комитет. Совещание послов, как представителей Временного правительства, постановило сообщить Врангелю, что он более не правитель, что финансы – не врангелевские, а российские.

Эльяшев: и что не признают Делового комитета, а Земский.

Коновалов. Это уже общеизвестно.

Шнеерсон. Зеелер сказал больше, чем Павел Николаевич [Милюков] о запачканном лице. Если вы говорите, что Врангель глупеет с каждым днем, то шедшие с Деникиным глупели все время. Напоминает, как Пешехонов и Мякотин ушли из заседания, а Долгоруков торжествовал, что так удалось отделаться от них. Расстрел Сухова добровольцами после того, как он был участником переворота против большевиков. Левых не хотели приглашать, хотя у них было желание помочь добровольцам. «Встречали розами, а провожали проклятиями», – это говорил мне Драгомиров. «Мы были вместе с кадетами», – он же говорил. Единственно, кто в Одессе подготовляли переворот, были левые. К. д. скрылись. Д.Д. Гримм из отдельных фраз: «хоть царь пусть придет», – делал вывод, что народ хочет монархию. Говорят и «хоть с чертом». Как отнесется армия к союзу с с. р.? В Белграде Парламентский комитет еще ненавистнее: Родзянко и Хомяков – хуже Керенского. Н.Н. Львов, бывший редактор «Великой России», ничего не изменил в своих взглядах. Хотите, чтобы с ним пошли с. р.? Относительно внутреннего переворота, что он будет реакционный, слишком поспешно говорить. При добровольцах ждали в Одессе большевиков. Политический маятник будет качаться. Левый Зеелер оказался в правых. Маклаков – в лагере Учредительного собрания. Несомненно, Красная армия родилась в процессе борьбы. Ген[ерал] Шиллинг телеграфировал в Харьков приостановить билимовичевскую аграрную реформу. Парижская группа оказалась старше других на 3–4 месяца. Через 4 месяца увидят, что для константинопольской программы нет выхода.

Мой ответ Зеелеру <пропуск>.

Возвращаются к проекту резолюции Мейнгардта.

Я. Возражаю: это замаскированная старая редакция.

Винавер. В этом виде невозможно принять.

«Накормить», «одеть» – можно сказать. Дальше идти – значит вскрыть разногласия.

Коновалов. Никакой резолюции завтра не нужно выносить.

Возвращаются к прениям.

Родичев. Это есть «армия»: всякое другое название – неправильность, которая может быть употреблена с задней мыслью. В политическом вопросе с вами согласен. Но устраните политику. Вы обещали сделать *первый шаг.* [Э]с[е]ры ни от чего не отреклись – от той части, которая их компрометирует. Вы отгородились от остальных. Это не облегчит возможности дальнейших шагов. Вы даже в партии с этим грузом не можете двинуться. К каждой попытке соглашения вы относитесь с испугом. И предложения Бурцева и Федорова надо обсудить по существу, а не отвергать à limine. Не говорю: уйдите оттуда. Но вы рискуете своей головой. Мы всячески удерживали вас от этого шага, указывали на опасности. Всегда вы воспринимали это как обращенное лично к вам.

Цель «спасения людей» как можно достигнуть? Нужно, чтобы армия знала, что вы друзья. В вас нет этого чувства. Я знал в общих чертах эту резолюцию. Выкиньте, что вам не нравится, и проведите остальное. Надо дружески уцепиться за эту резолюцию. Вы себе составили неправильное представление о том, что происходит. Создайте настроение. Разрушьте недоразумение в умах людей. Отрывая их друг от друга, вы разрушаете психику этих людей. Только проявив настоящее отношение к армии, вы будете в состоянии требовать низложения армии. Вы будете иметь силу, готовую, в случае чего, действовать. Идет дело об устройстве их в Турции, Сербии. (*Коновалов*: как беженцев.) Людям, которые воевали, сказать: нет, ты не воин, ты беженец, нельзя. Если с. р. так боятся слов, то им остается заниматься филологией.

Винавер. Если бы речь шла о помощи страдающим людям, ничего нельзя возразить. Но тут мысль о сохранении коллективной единицы. Предлагает редакцию. Но возражает против *всякой* резолюции.

Карташев. Animus'а нет, но есть мысль, которая может расколоть все собрание.

Коновалов. Русских средств нет, а есть только международная помощь. Не заикайтесь о военных кадрах, если хотите получить действительную помощь.

Карташев. Замечает, что с каждым объяснением Милюкова он видит, что *тут, действительно, глубокий ликвидационный переворот, очень радикальный и страшный.* Ему приятно следовать за лидером:

он «любуется» анализом, видит, что самому Павлу Николаевичу [Милюкову] не все рисуется окончательно ясным, но это – целая концепция. Делать это предметом случайного решения обывательского собрания нельзя. Поэтому он будет отговаривать Мейнгардта. Нельзя сводить глубокий переворот на маленький скандальчик. Может быть нам суждено разойтись, но не так. Ему самому становится странно, но он подчиняет свою волю. Действительно, Винавер «пастырски» затушевывает; но тут глубокий поворот, очень радикальный.

9 февраля.

Заседание группы в Café Voltaire.

Мой разбор возражений в заседании 1 февраля.

Особенно подробное – Семенова: *чего хотели и что достигнуто*? Орган «не создан»? Семенов предлагает вырабатывать самостоятельно план «Национального комитета». Он лично уже попытался выработать, подписав приглашение группы «Общего дела». Какой там принцип? Звать *всех*, кто сделает известные заявления, – *кто бы они ни были*. Волков уже ответил, что будет: это *не будет общий фронт*, а старая, может быть, *немножко закомуфлированная* группа по чисто *персональному* подбору: там есть и экс-[э]с[е]ры, и экс-[э]сд[е]ки. Но больше всего тех самых, чья тактика уже провалилась *четырежды* (Маклаков признал, что «не случайно»).

Родичев обвинял нас, что мы *помешали* созданию общего фронта. Что же, если бы *мы* не пошли на совещание Учредительного собрания, пришли ли бы [э]с[е]ры и [э]сд[е]ки к «Общему делу»?

Мы, действительно, *помешали*, потому что теперь особенно наглядная разница между правильным и неправильным методом создания Национального комитета. Но, говорит Семенов, сговор «не привел ни к чему». В унисон с «Общим делом», которое тоже старается доказать, что наша конференция – это «то, чего не было».

Эльяшев уже ответил, что это неверно. Комиссия действует и даже, несмотря на краткое существование, уже имеет некоторые успехи. 1. Участие в создании Земско-городского комитета. 2. Роль при приезде Пилсудского. (Патриоты из «Общего дела» *не напечатали* нашего протеста против *Рижского договора*[992], а *напечатали* протест Балаховича против *нас*, да и против *них самих*.) Чем они связаны? Случайно или не случайно, но Пилсудскому *не удалось* договориться о *границах*.

Итак, надо «вырабатывать самостоятельно» *новый* план, хотя «сговор с левыми группами – факт положительный»? Докажите же,

что вы имеете лучшие шансы сговора. Но тут Семенов пробует *заподозрить* и самое значение сговора с с. р. 1. До революции 1905 г. у нас с ними вместе одна *отрицательная* задача? (Борьба против самодержавия.) Одна ли? Читайте адрес Первой думы! 2. «Потом разошлись». Хотя и лестно быть автором исторических фраз («Красная тряпка», «Буриданов осел»), но я *еще раз*, 1001-ый, утверждаю, что это *легенда*, мои слова *искажены*: пусть хоть в *партийной среде* их не повторяют в смысле *ругательства*. 3. Еще до большевиков – ничего «общего»? Коалиционное правительство – «*тяжелая страница*»? Господа [э]с[е]-ры ведь пострадали тогда именно потому и тогда, когда начали думать по-кадетски. «Государственный смысл» действительно *был* у них. Далее: «есть ли у с. р. нити» в Россию? А есть ли у нас?

Пасманик привел фантастическую классификацию. Ему уже возразили, со ссылкой на Н.Н. Щепкина. Позвольте процитировать *другое* свидетельство... На *что* мы им? «Наши нити»? Да нет, опять то же: их убеждение, что русская революция не может быть социалистической. В этом смысле *есть* и коалиция, хотя «принцип и отвергнут».

Чем мы пожертвовали? Армией? *Нет*. Только той *политикой*, при которой армия действовала. Вам уже сказал Маклаков, что для армии ничего сделать нельзя, не отделив ее от политики. А вы предлагаете установить принцип непрерывности вооруженной борьбы. Этого мы не можем сделать, не потому, что мы против армии и вооруженной борьбы, а потому что борьба стала невозможной. Упорно провозглашать ее значит явно пытаться сохранить связь и с прежней обстановкой борьбы. Пока – они неотделимы. Конечно, это значило бы зачеркнуть все нами сделанное. Ю.Ф. Семенов, после подробного обсуждения, в комитете с нами согласился и взял назад свой проект резолюции. То же должен сделать и Мейнгардт, проект которого в замаскированной форме опять возвращается к тому же. Если оставить в нем одни элементы чувств, он запоздал (как признал Маклаков).

Из возражений Яблоновского опять отмечу: партия возвращается к себе домой. 2½ года она была в *чужом* для нее стане. Он должен же знать, какую роль мы играли в Екатеринодаре, Харькове, Симферополе. Доволен он ею? Он нам сказал о Харькове.

Из возражений Пасманика – предостережения против голосования.

Из возражений Родичева то же. «Черта проходит не по программному, а по психологическому признаку». Другими словами, речь идет о настроении или, по Пасманику, об «обывательской атмосфере», которая так усердно культивируется на его собраниях. Вопрос: если

это так, может ли «обывательская атмосфера» диктовать серьезные решения?

Еще раз повторяю Родичеву: соглашение не словесное. Дело не в том, чтобы «поправить», а чтобы использовать его для тех целей, для которых оно сделано.

Маклаков указал одну: поддержать в *Европе веру* в Россию. Это — немаловажная задача. Но есть и другая: выровнять наш фронт для внутренней России. Когда, в 1919 г., приезжали в Европу Драгомиров и др., это были «пришельцы с того света». Мы знаем, что это был и язык, которым говорили при Врангеле (наивная, хотя и хитроумная кривошеинская политика — «ставка на серенького»). Интеллигенция там не нужна — «кадетская» интеллигенция. Врангель и Кривошеин подают руку Булаку-Балаховичу и Палену. *Даже* Струве оказывается не ко двору. Что же, *этих* людей поймут в России? Отвечают на этот вопрос *разно*, смотря по тому, *какою* представляют себе Россию.

Но вот тут *время вспомнить* о партии, которая всегда представляла себе Россию, какой она должна быть. Отказаться от этой интеллигентской миссии значит, действительно, *отказаться от себя*. Этого мы не можем и не должны.

Ф.И. Ростовцев. Далек от с. р., никогда их не видел. Говорят, они неисправимы. Нет. Rivet цитирует отзыв [э]с[е]р[овского] «республиканца», который — постепеновец. В Одессе встретил с. р., председателя комитета на Румынском фронте — в таком же духе. Даже и Керенский начинает эволюционировать: собирается писать против Ленина. «Хоть с чертом» для блага России? Будет ли благо? Наши-то [э]с[е]ры в народе пакостили нам сильно, разлагали нашу армию, делали восстания в народе. Их разрушительная роль велика, и связи их с народом сохранились с выборов в Учредительное собрание. Я наблюдал выборы на фронте в VII корпусе: никаких нарушений не было. Конкурировали [э]с[е]р[овская], «крестьянская», и с[оциал]-д[емократическая], «рабочая», партии. Большинство, при агитации со стороны большевиков, было [э]с[е]р[овским]. Крестьянин-солдат голосовал сознательно и самоотверженно, ибо с. р. хотели оставить его на фронте. Эта «первая любовь» должна опять возобновиться в крестьянине. После выборов крестьянин изменил [э]с[е]рам и пошел за большевиками. Рабочий увидел, что без крестьянина жить не может, начал грабить крестьянина. Крестьянин вспомнил свою партию. Соглашение с к. д. есть соглашение крестьян и интеллигенции. При объяснении неудач много уделяется на долю недемократичности правительств, но забывают и неподготовленность крестьянства. Почему

забывают о Северном фронте, где был Чайковский? Чайковский мне ответил: «демократия тут была не при чем». Одна демократичность не спасла бы и Южного фронта. Крестьянин не сознал государственности. Иногда демократичность била мимо цели. Кубанская Рада выпалила: всеобщее избирательное право. Оказалось: 56% «иногородние». Говорили в станицах: «значит, отнимут у нас землю». Не говорили об одной реформе: народном суде над администрацией.

Соглашение с с. р. – начало соглашения между интеллигенцией и крестьянством. Для чего им мы? Они убедились из опыта большевиков, что ничего не могут без интеллигенции. Для чего они нам? С армией Врангеля вооруженной борьбы вести нельзя, даже по ее численности (70 000 – из них на фронте меньше 9000). Я подробно докладывал это редакции «Общего дела», можно говорить только о *новой* армии, или для *завершения* победы, или в союзе с государственными образованиями. *Нам* с. р. могут принести пользу: поляки охотно разговаривают. Кто захочет дойти до Москвы, – даже в случае нападения на Польшу, – должен рассчитывать на взрыв внутри. Кто же его подготовит? Не партии же правее к. д.? Разложение Красной армии Балаховичем не достигло цели: большевики приняли меры. Есть, кроме людендорфского приема разложения армии, – наполеоновский. Если бы армия предприняла поход на Индию или же Персию, при помощи с. р., можно бы перевернуть настроение. Я вчерашний член партии, но мне кажется, что задача, предпринятая лицами, которые хотят доказать, что где Милюков, Маклаков, Винавер – там не к. д., – трудная. Кроме *этих* знамен, других нет. Никто не пойдет за Гессеном, Долгоруковым и Набоковым. За 4 месяца в лагере в Салониках шли беспрерывные разговоры: авторитет Павла Николаевича Милюкова не поколеблен. Связан с лучшими элементами революции. Прогрессивный блок, совещание с Михаилом Александровичем[993]. «Почему не заключил сепаратный мир с Германией»? – Если бы заключил, то ни один офицер не пошел бы за ним: душа – не флейта. Антанта бы погибла, если бы в июле или в августе был заключен мир. О проливах теперь говорят большевики. Соглашение с немцами? Молодежь говорит: для блага России – с кем угодно. Павел Николаевич ошибся, но как стратег, а не политик. Имя Павла Николаевича будет чаще вспоминаться, по мере того, как разочаровываются. Молодежь пойдет за Милюковым, и я не советовал бы взрывать камень, на котором интеллигенция построила свою церковь.

Карташев. Прения невольно углублялись к исходным точкам, казалось, уже пройденным. Некоторая невольная ошибка 1-го заседания, при чтении записки Милюкова, – говорили достаточно чле-

ны комитета, а группа не высказывалась. Записка спокойно была встречена, потому что была результатом коллективного редактирования. Первоначальный текст был резче и понятнее. Мы сами себя убаюкали сравнительной умеренностью. Павел Николаевич [Милюков] постоянно одергивал, указывая, что поворот большой. В «Руле» выразился: «заря возрождения». Это кажется шаржем, в увеличительное стекло. Надо признаться, что то, что делает Парижскую группу камнем преткновения – есть начало нового метода борьбы. Первая фаза – момент чисто политический: политика Врангеля, несмотря на усовершенствования, имела те органические пороки, с которыми политический утилитаризм не мог мириться. Разрыв должен быть произведен решительно. Болезненность заключалась не только в отрыве от дурной политики; неясно было, как относиться принципиально к армии, к самому методу. Самый метод изжит de facto и, политически, *принципиально*. Этот политический принципиализм стал проявляться на оселке коалиционного объединения. С. р. уже проделали свойственный им политический этап. Общение с с. р. у к[а]д[етской] партии, гибридной по природе, таящей 2 души, с преобладанием интеллигентской, народнической, но с возможностью превратиться в буржуазную. Общаясь с партией единой души, она претерпела испытание. [Э]с[е]ры многому научились. Войну приняли принципиально: война огосударствила русскую интеллигенцию. Этот процесс в начале войны был болезненным, но становился органическим, более всего у к. д. С этих пор идет не случайная линия государственности, продолжавшаяся идеологически в общении с элементами, носящими идею, противоположную государству. Постепенно откатывались партии в лоно чистой идеологии от государственных белых фронтов. Первые – приволжские с. р. Вернувшись к своей старой безгосударственности, они признали невозможным компромисс с белыми фронтами и вступили на путь безгосударственности. Теперь встретились с к. д. в момент депрессии партии, усомнившиеся, не есть ли эта чистота – то, чего хотят народные массы, не верен ли взгляд с. р.? Не будь резолюций на совещании, к. д. не осознали бы разницы. Это путь – невооруженной борьбы с большевизмом, который фатально поведет к соглашательству бессилия с силой. На продолжении этого пути находятся ультрафиолетовые к. д., которые говорят, как Устрялов[994], что есть только красная Россия...

Что неожиданного, что через несколько месяцев может выясниться стратегическая необходимость влиять на нутро России только идейными средствами. Общий язык повернет к тому, что надо утонуть в месиве российского теста и выплывать внутренним процессом.

Это – фатальная необходимость. Может быть, от Ключникова выслушаем прогноз, для иных грозный. Посмотрев страху в глаза, я решил высказаться только потому, что сам психологически, в первый момент, не прозревал глубины и поставил только вопрос о практичности отрешения от диктаторской политики, как способе обновить и возродить *те же* методы борьбы. Но, оказывается, что поворота назад уже быть не может. Вновь приехавшие члены напрасно приглашают высказать сочувствие эвакуированным беженцам. Глубина принятого курса показала, что не может быть упрощенных откликов, потому что вопрос о вооруженной борьбе вообще осужден. Теперь и другие группы должны высказаться, стоят ли они за продолжение подвига, или...

Что происходит: отход на прежние позиции (лучше бы *без* одновременной коалиции с с. р.), свои же, или на совместную позицию *неучастия в смешении со старогосударственными элементами*, без которого не может продолжаться борьба? Историческая находка или историческая ошибка? Это полугимназическое, полуневежественное, полуухарское отречение наших с[еверо]-з[ападных] кондотьеров от парижских политиков не должно быть для нас поводом считаться с их невежеством. Война есть война, сила есть сила: придется выпустить этих же политических барбосов. Если сам Врангель думает, что может генерал один восстановить разрушенное пиджачными политиками, он игнорирует силу созидания. Парижский курс есть курс ликвидаторства к целой эпохе. Чью гипотезу оправдает история, сказать трудно. Если бы массы могли свободно проголосовать, мы бы узнали. При всем перерождении масс, их силы и возможности должны нам рисоваться как *малые*. Крестьянские восстания – кровопускания самых активных элементов. Возможности – отдаляющиеся, и с легким сердцем отказаться от *реальной* вооруженной борьбы – это переход на положение безгосударственное. Большевики будут угнетать, пока Красная армия – единственная сила – произведет переворот. Но при безумии Антанты, в конце концов, этот переворот превратится в реакцию. Прийти с генералами – *более розовый фронт*, чем это. Но это – личная интуиция. Я и стою за идею возрождения вооруженной борьбы и интервенции. Партия должна расслоиться не подсиживанием и выведением наружу, самой работой, на два течения: консервативное – традиция государственного компромисса, другая – отступление на позицию чистую. Порядок будет не в нашем духе: восстановление будет в реакционной форме. (*Рысс*: будут, значит, новые потрясения?) Конечно. (*Рысс*: и вы за эти потрясения?) Мы на водоразделе и проверке своей воли. Отношения прошлого Па-

вел Николаевич [Милюков] выяснил: но избрание путей зависит от воли, связанной с интуицией, а анализ прошлого *не* может всех толкать на *один* путь. Он лишь указывает, что мы переживаем большой драматический момент, — большую историческую болезнь, типичную по интеллигентской психологии, которая вернулась от компромисса, потерпев все унижения. Это — благородное, исторически оправдывающее, переживание. Если оно не остановится в компромиссе, то возродится. Если не выдержит, то этому направлению придется в иноземной обстановке организоваться заново. В разных формах. Всякие наши faux pas*, мнимая бессердечность, — суть признаки крупного поворота: не будем сводить это к формальным голосованиям. Будущее нас рассудит. Призываю осознать глубину нашего спора и не делать недостойных трагичности выводов. Это — путь бессильного соглашательства, может быть сильного в конечном результате.

Зеелер. Немного можно прибавить после слов Карташева. Вся суть разногласия — в кардинальном вопросе: отказ от вооруженной борьбы, которая *три года* признавалась как действительное орудие. Мы стоим на радикальной, ликвидаторской полосе. Мы тут не нашли достаточно причин уйти от константинопольской позиции. Кто переживал все, что было в последнее время, не может психологически отойти от всего, чем был жив. Все попытки для объединения всего фронта не привели ни к чему — только потому, что с. р. раньше отошли от борьбы. Естественно, почему *мы* не могли согласиться: у них не было желания пойти на тот компромисс, на который *шли* мы. Если завтра создался бы антибольшевистский фронт и тот же Врангель, и мы, крымские кадеты, опять бы несли свои силы во имя этой борьбы. Если все ошибки генералов — в недемократической политике, то что же сказать о Северном фронте? В этом смертный грех с. р. перед Россией, что они не хотели помогать и отошли в сторону. И теперь они все-таки стоят в стороне. Там они также не прикладывают рук.

---

* ошибки, оплошности (франц.).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Демидов, Игорь Платонович (1873–1946) – член ЦК кадетской партии. Во Временном правительстве 1917 короткое время занимал пост товарища министра земледелия. Возглавлял отделение Национального центра в Киеве. Редактор местной прокадетской газеты «Русский голос». Генерал А.И. Деникин направил его в декабре 1919 во главе делегации Национального центра в Польшу для налаживания контактов в целях совместной борьбы с большевиками.

[2] Григорович-Барский, Дмитрий Николаевич (?–не ранее 1960) – присяжный поверенный. Член ЦК кадетской партии, председатель Киевского комитета кадетов. На делегатском съезде кадетской партии на Украине в апреле 1918 был избран в Главный комитет.

[3] Штейнгель, Федор Рудольфович (1870–?) – барон, помещик Волынской губ., в своем имении «Городок» недалеко от Ровно создал археологически-этнографический музей. С января 1906 член Киевской областной организации кадетской партии, председатель Ровенского уездного комитета кадетов. Депутат I Государственной думы от Киевской губ. Сторонник идеи национально-территориальной автономии. Входил в Товарищество украинских прогрессистов. Товарищ председателя Украинского научного общества в Киеве. В 1915 возглавил Юго-Западный комитет Всероссийского союза городов. В 1916 вошел в ЦК кадетской партии. После Февральской революции 1917 член Исполкома Совета объединенных общественных организаций Киева, член президиума Всеукраинского национального конгресса. В период гетманства – посол Украинской державы в Берлине.

[4] Скоропадский, Павел Петрович (1873–1945) – генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. Продолжал командовать корпусом в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917. В марте 1918 возглавил опирающуюся на офицерство Украинскую народную громаду. Руководитель переворота, в результате которого 29 апреля 1918 была провозглашена Украинская держава во главе с гетманом. 14 ноября 1918 провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате петлюровского выступления 14 декабря 1918 вынужден был отречься от власти. Выехал в Германию.

[5] «Русский голос» – общественно-политическая газета прокадетского направления, выходила в Киеве 1–2 раза в неделю, с апреля 1918 под редакцией И.Я. Антипова, А.Р. Семенова, И.П. Демидова.

[6] Василенко, Николай Прокофьевич (1866–1935) – историк, публицист, общественный деятель, кадет. Инспектор Киевского учебного округа. В 1909–1917 приват-доцент в Киеве. Товарищ министра просвещения во Временном правительстве (август–октябрь 1917). В период Центральной Рады член Генерального суда Украинской народной республики. При гетмане Скоропадском – министр просвещения и искусств, и. о. министра иностранных дел, зам. председателя Совета министров, и. о. председателя Совета министров, член (позднее – президент) Государственного сената Украинской державы. На делегатском съезде партии народной свободы на Украине (апрель 1918) был избран в Главный комитет. Академик Украинской АН (с июля 1920).

[7] Вернадский, Владимир Иванович (1863–1945) – ординарный академик (с 1912), профессор Московского университета; член ЦК кадетской партии. Член Государственного совета. С началом Первой мировой войны выступил одним из инициаторов создания Комиссии по изучению естественных производительных сил России, с октября 1915 – ее председатель. После Февральской революции 1917 товарищ министра народного просвещения (с августа 1917). В ноябре 1917 выехал на Украину, в июне 1918 избран председателем Комиссии по созданию АН Украины, с 27 октября 1918 президент АН Украины. В Полтаве участвовал в работе кадетского комитета. Делегат съезда партии народной свободы на Украине (апрель 1918, Киев). Принимал участие в заседаниях членов ЦК кадетов в Харькове, Ростове, Екатеринодаре. С сентября 1920 ректор Таврического университета в Симферополе. В 1921 вернулся в Петроград; организатор и директор Радиевого института АН.

[8] Капнист, Дмитрий Павлович (1879–1926) – уездный предводитель дворянства. Депутат IV Государственной думы от Полтавской губ. Член парламентской фракции «Союза 17 октября». 1 марта 1917 назначен Временным комитетом Государственной думы комиссаром от Министерства внутренних дел, 8 марта – председателем особой комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати.

[9] Возможно, Кочубей Василий Васильевич (1883–?) – предводитель дворянства, землевладелец. Член «Союза 17 октября». Депутат IV Государственной думы. Был среди учредителей Союза земельных собственников. Член Совета государственного объединения России.

[10] Центральная Рада (ЦР) – объединенный орган партий и организаций на Украине в 1917–1918. Создана 4 марта 1917 в Киеве на заседании Совета Товарищества украинских поступовцев с участием некоторых других партий. В июне была сформирована Малая Рада – исполнительный орган, действовавший между пленумами ЦР; председатель – М.С. Грушевский. В 1-м универсале, принятом ЦР 10 июня 1917, была провозглашена автономия Украины и создано правительство – Генеральный секретариат. 31 октября ЦР захватила Киев и в 3-м универсале (7 ноября) объявила себя верховным органом Украинской народной рес-

публики в составе России. Однако в 4-м универсале (11 января 1918) ЦР провозгласила самостоятельность Украины. В ноябре 1917 – январе 1918 вела переговоры с СНК Советской России; искала финансовой поддержки у Антанты, одновременно вела тайные переговоры с австро-германским блоком. В результате наступления Красной армии 26 января 1918 ЦР бежала из Киева на Волынь, на следующий день заключила договор с австро-германским командованием и 1 марта вернулась в Киев вместе с австро-германскими войсками. 28 апреля была разогнана и заменена правительством гетмана П.П. Скоропадского.

[11] Всеукраинский союз хлеборобов сформировался в 1917, после провозглашения независимости Украины, в результате обособления местных отделов Всероссийского союза земельных собственников. Поначалу «хлеборобы» оказали действенную поддержку П.П. Скоропадскому. Однако когда стал очевидным тяжелый кризис в Германии и ее неизбежный выход из войны, Союз откорректировал свою позицию. 1 октября делегация Союза посетила гетмана и попыталась склонить его к мысли о временном характере самостийности Украины, о необходимости равноправия русского языка с украинским, о единстве России, убеждала Скоропадского подчиниться генералу А.И. Деникину. II Всеукраинский съезд хлеборобов, проходивший в октябре 1918, раскололся при обсуждении социальных вопросов: желание крестьянской части съезда выкупить часть помещичьих земель натолкнулось на непримиримую позицию делегатов-помещиков в вопросе отчуждения земли.

[12] Устимович – министр продовольствия в правительстве гетмана П.П. Скоропадского.

[13] Лизогуб, Федор Андреевич (1851–1928) – председатель Полтавской земской управы (1901–1915); начальник канцелярии наместника на Кавказе вел. кн. Николая Николаевича. Председатель Совета министров и одновременно министр внутренних дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского (с мая по ноябрь 1918).

[14] Гутник, Сергей Михайлович – председатель Одесского биржевого комитета, министр торговли и промышленности в правительстве гетмана П.П. Скоропадского.

[15] Голицын, Александр Дмитриевич (1874–?) – князь, церемониймейстер высочайшего двора. Уездный предводитель дворянства, председатель Харьковской губернской земской управы. Председатель правления Российского общества винокуренных заводчиков. Депутат III Государственной думы от Харьковской губ. Октябрист. Член Совета государственного объединения России; входил в назначенный Советом в начале 1919 Комитет для сношения с французскими и русскими военными властями. В эмиграции – член бюро внепартийного объединения в Белграде.

[16] Эйхгорн (Eichhorn), Герман, фон (1848–1918) – генерал-фельдмаршал германской армии. В 1912–1914 генерал-инспектор 7-й армейской инспекции. С января 1915 главнокомандующий 10-й армией, одновременно с июля 1916 главнокомандующий группой

армий (находившейся до этого под началом Гинденбурга). В 1918 после занятия Прибалтики командовал оккупационными германскими войсками. 30 июля 1918 на него было совершено террористическое нападение эсера, бросившего в него бомбу; в результате полученных ран скончался.

[17] Имшенецкий, Михаил Кондратьевич – податной инспектор; входил в руководство Черниговского губернского комитета кадетской партии. Был избран товарищем председателя делегатского съезда кадетской партии на Украине (апрель 1918); в качестве представителя от Чернигова вошел в Главный комитет партии народной свободы на Украине.

[18] Милюков, Павел Николаевич (1859–1943) – профессор истории, публицист; политический и общественный деятель. Лидер кадетской партии, участвовал в составлении партийной программы. Редактор газеты «Речь». Депутат III–IV Государственной думы, председатель кадетской фракции. Один из инициаторов создания и лидер Прогрессивного блока. Министр иностранных дел в первом кабинете Временного правительства. После Октябрьского переворота выехал в Москву, затем на юг, присоединился к Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева, автор ее Декларации. Избран в Учредительное собрание от Петрограда. В 1918 в Киеве пытался убедить германское командование в необходимости массированной поддержки антибольшевистского движения; успеха в переговорах не добился. Большинство партии осудило германскую ориентацию Милюкова. Участник Ясской конференции (ноябрь 1918), выехал в составе ее делегации в Западную Европу с целью добиться активизации поддержки антибольшевистских сил со стороны союзнических держав. Жил в Великобритании, редактировал русский эмигрантский еженедельник «New Russia», выступал в печати и на публичных собраниях как представитель Белого движения. В 1920 опубликовал в Лондоне книгу «Большевизм: международная опасность». Осенью 1920 переехал в Париж. В программной записке «Что делать после Крымской катастрофы?», обсуждавшейся в Парижском кадетском комитете, изложил основные положения «новой тактики» в отношении большевизма, направленной на его внутреннее изживание, отход от методов вооруженной борьбы и иностранной интервенции, проведение демократических реформ в стране. Рассчитывал, что эта платформа получит поддержку широких демократических сил; в основе коалиции видел соглашение с эсерами. Участвовал совместно с правыми эсерами в проведении Совещания членов Учредительного собрания, вошел в состав исполнительной комиссии совещания. Поскольку «новая тактика» вызвала принципиальные разногласия в среде заграничных кадетских групп, пошел на раскол ведущей (Парижской) группы и образование Парижской демократической группы партии народной свободы, которая выполняла функции центра, и создание, в качестве филиалов, подобных партийных групп в других городах русского расселения. Пытаясь сформировать более широкую базу антибольшевистского демократического движения,

преобразовал в 1924 кадетские группы в Республиканско-демократические объединения. Оставался влиятельной фигурой русской эмиграции. Редактор газеты «Последние новости» (1921–1940), автор большинства ее передовиц. Занимался научной и публицистической деятельностью, выступал с чтением лекций.

[19] Краснов, Петр Николаевич (1869–1947) – генерал от кавалерии (1918). В конце августа 1917 был назначен генералом Л.Г. Корниловым командиром 3-го конного корпуса, находившегося в двигавшихся к Петрограду эшелонах. 26 октября, по приказу А.Ф. Керенского, предпринял неудачный поход наличного состава корпуса на Петроград. Был арестован, 6 ноября бежал и отправился на Дон. 3 мая 1918 был избран донским атаманом. Восстановил Донскую армию и в ходе предпринятых боевых действий освободил к концу июля 1918 от большевиков почти всю Область войска Донского. Выступал против единого командования белыми армиями на юге России во главе с генералом А.И. Деникиным, однако на совещании с последним в конце декабря согласился на подчинение Деникину при сохранении автономии Донской армии. В январе 1918 подал в отставку и 6 февраля 1919 выехал в Батум, откуда в конце года прибыл в Эстонию, чтобы возглавить пропагандистско-политический отдел в штабе Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. Это назначение не состоялось из-за отступления армии от Петрограда. Эмигрировал во Францию.

[20] Алексеев, Михаил Васильевич (1857–1918) – генерал-адъютант. В марте-мае 1917 верховный главнокомандующий, 22 мая по приказу А.Ф. Керенского был уволен с назначением в распоряжение Временного правительства. После Октябрьского переворота выехал на Дон, 2 ноября 1917 прибыл в Новочеркасск. Занимался организацией Добровольческой армии. С декабря член триумвирата Донского гражданского совета. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 18 августа 1918 верховный руководитель Добровольческой армии.

[21] Шульгин, Василий Витальевич (1878–1976) – депутат II–IV Государственной думы; редактор газеты «Киевлянин». 27 февраля 1917 был избран во Временный комитет Государственной думы; в качестве его представителя присутствовал 2 марта при подписании Николаем II манифеста об отречении, 3 марта – при отказе вел. кн. Михаила Александровича от престола, участвовал в составлении акта отречения. В начале октября 1917 переехал в Киев, где возглавил Русский национальный союз. В ноябре 1917 находился в Новочеркасске, где встречался с генералом М.В. Алексеевым и принял участие в формировании Добровольческой армии. После оккупации Киева в феврале 1918 германскими войсками отказался, в знак протеста, выпускать газету «Киевлянин». С марта 1918 по январь 1920 возглавлял нелегальную информационно-разведовательную организацию «Азбука» при армии генерала А.И. Деникина. В августе прибыл в расположение Добровольческой армии, где участвовал в разработке Положения об Особом совещании при главнокомандующем Доброволь-

ческой армией. Редактировал газету «Россия» («Великая Россия»). До июля 1920 находился на нелегальном положении в Одессе, затем выехал в Крым, в армию генерала П.Н. Врангеля. Эмигрировал в Константинополь. С осени 1922 по август 1923 жил под Берлином. В 1923 вошел в Русский общевоинский союз, по заданию генерала Е.К. Климовича вступил в контакт с руководством организации «Трест», созданной чекистами, нелегально посещал СССР (декабрь 1925–февраль 1926).

[22] Правый центр – межпартийное объединение, созданное в марте 1918 в Москве представителями Совета общественных деятелей, Торгово-промышленного союза, Всероссийского союза земельных собственников, кадетской партии, монархических групп. Ставил своей целью сплотить умеренно консервативные силы для борьбы с советской властью; придерживался германской ориентации.

[23] Новгородцев, Павел Иванович (1866–1924) – профессор философии права; член ЦК кадетской партии. В 1917 депутат Учредительного собрания от Москвы. Входил во многие оппозиционные большевизму общественные и политические организации: Совет общественных деятелей, Правый центр, Национальный центр. В июле 1918 пытался примирить в партии сторонников германской и союзнической ориентаций. Осенью 1918 выехал на юг, в расположение Добровольческой армии. Неофициально участвовал в разработке законопроектов Особого совещания. В январе 1919 в Одессе сделал доклад на заседании Совета государственного объединения России по вопросу создания Южно-Русской власти, призывал ориентироваться на военную диктатуру. Автор доклада по тактическим вопросам на кадетской конференции в Харькове (ноябрь 1919). В 1920 в Крыму занимался преимущественно преподавательской работой в Симферопольском университете. В сентябре 1920 эвакуировался.

[24] Гурко, Владимир Иосифович (1863–1927) – член Государственного совета (с 1912). С марта 1918 входил в Правый центр; выехал на юг. Вошел в Совет государственного объединения России, в качестве представителя Совета участвовал в Ясском совещании. По решению совещания был послан за границу в составе «малой делегации».

[25] Под Левым центром подразумевается Союз возрождения России – межпартийная организация, объединявшая кадетов, народных социалистов, правых эсеров, правых меньшевиков, плехановскую группу «Единство». Конституировался в апреле 1918 в Москве. Платформа Союза включала: непризнание Брестского договора, воссоздание русской государственности, единой, целостной и свободной России на демократической основе. Вопрос о форме правления, как преждевременный, не рассматривался в платформе. На переходный период программа Союза признавала необходимым существование временной трехчленной директории, получающей всю полноту власти от Государственного совещания, а также подготовку выборов, на основе четыреххвостки, в Учредительное собрание; армия рассматривалась как опора буду-

щей всероссийской демократической власти. Председатель Союза В.А. Мякотин.

[26] Кишкин, Николай Михайлович (1864–1930) – врач, общественный и политический деятель. Член ЦК кадетской партии (с 1905), товарищ председателя ЦК (1907–1914), лидер Московского комитета партии. Один из организаторов Всероссийского союза городов. В дни Февральской революции 1917 назначен комиссаром Временного правительства в Москве. В марте 1917 избран председателем исполкома Комитета московских общественных организаций. 25 сентября 1917 вошел в коалиционный кабинет в качестве министра государственного призрения. В октябре назначен руководителем Особого совещания по разгрузке Петрограда, 25 октября – особоуполномоченным Временного правительства и генерал-губернатором Петрограда. В ночь на 26 октября арестован вместе с другими министрами, весной 1918 освобожден. Входил в Союз возрождения России. Неоднократно арестовывался ВЧК. В 1919 активный деятель антибольшевистского Тактического центра, после его разгрома был привлечен к суду военного трибунала, но оправдан. Отказался эмигрировать. В начале 1921 являлся одним из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим Поволжья, после его роспуска арестован и в 1922 сослан в Вологду. В середине 1920-х вернулся в Москву и работал в курортном отделе Наркомздрава.

[27] Прокопович, Сергей Николаевич (1871–1955) – экономист, философ. После Февральской революции 1917 возглавил Главный экономический комитет, заместитель председателя Экономического совета Временного правительства, министр торговли и промышленности (с 24 июля), министр продовольствия (с 25 сентября). В ночь на 26 октября арестован, после допроса освобожден. Принимал участие в работе подпольного Временного правительства. Весной 1918 вошел в состав Союза возрождения России. В 1921 один из руководителей Всероссийского Комитета помощи голодающим. В 1922 выслан из РСФСР.

[28] Савинков, Борис Викторович (1879–1925) – эсер, входил в руководство Боевой организации эсеров. С июля 1917 товарищ министра, управляющий военным министерством при министре А.Ф. Керенском. После корниловского мятежа отправлен в отставку, а в октябре постановлением ЦК партии эсеров исключен из партии. После Октябрьского переворота участвовал в походе Керенского и генерала П.Н. Краснова на Петроград. В ноябре 1917 выехал на Дон, где вошел в состав Донского гражданского совета. В конце декабря 1917 вернулся в Москву, создал нелегальную офицерскую организацию Союз защиты родины и свободы. Весной 1918 готовил восстания в Рыбинске, Ярославле и Муроме. После их неудачи вступил в отряд полковника В.О. Каппеля. Позднее был направлен Уфимской директорией с военной миссией во Францию с целью добиться от союзников помощи Белому движению. Пришедший к власти адмирал А.В. Колчак подтвердил его полномочия. Входил в состав Русского политического совещания. В начале 1920 по приглашению Ю. Пилсудского

выехал в Варшаву. Во время советско-польской войны 1920 был председателем Русского политического комитета, участвовал в формировании на территории Польши антисоветских военных отрядов под командованием С.Н. Булак-Балаховича.

[29] Рорбах (Rohrbach), Пауль (1869–1956) – немецкий публицист, писатель. С 1914 руководитель пресс-пункта вновь созданной центральной структуры иностранной службы; издатель журнала «Das Grössere Deutschland» («Великая Германия»), позднее «Deutsche Politik» («Германская политика»), приверженец «германского культурного империализма». Сторонник самостийной Украины. После окончания Первой мировой войны сотрудник ведущих немецких ежедневных газет. В 1920–1926 член Германской демократической партии. В 1924 основал журнал «Der deutsche Gedanke» («Немецкая мысль»). Являлся один из наиболее читаемых политических обозревателей.

[30] Лейхтенбергский, Николай Николаевич (1868–1928) – герцог, полковник; флигель-адъютант. Во время Первой мировой войны командир 12-го Туркестанского стрелкового полка. Сторонник германской ориентации; взял на себя роль посла атамана П.Н. Краснова к германскому императору; с этой целью выехал в Берлин, но, не будучи принят Вильгельмом II, устранился от политической деятельности. В эмиграции во Франции.

[31] Лейхтенбергский, Георгий Николаевич (1872–1929) – герцог, полковник лейб-гвардии конного полка, штаб-офицер для поручений при штабе Юго-Западного фронта. Один из организаторов союза «Наша родина»; летом 1918 стал во главе формируемой союзом т. наз. Южной армии (в Богучарском уезде Воронежской губ.) – при финансовой поддержке немцев и при фактическом участии немецких офицеров. Эта армия была нацелена на то, чтобы возвести на престол «законного государя». Однако нужного числа кадров не удалось обеспечить. К октябрю 1918 немецкая помощь прекратилась, а в армию удалось привлечь не более 3,5 тыс. солдат и офицеров. В эмиграции в Италии и Германии. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921, организовал Союз объединенных монархистов (1922).

[32] Безак, Федор Николаевич (1865–после 1917) – помещик; полковник в отставке. Киевский губернский предводитель дворянства. Депутат III–IV Государственной думы. Киевский губернатор (с 1913). Член Совета Всероссийского национального союза. Принадлежал к монархическому блоку в Киеве. Входил в бюро Совещания членов законодательных палат в Киеве в 1918, член Совета обороны при графе Ф.А. Келлере.

[33] Гижицкий, Александр Степанович (1869–1917) – служил в государственной канцелярии (1892–1900). Землевладелец Херсонской и Подольской губ. Уездный и губернский гласный Ананьевского уезда Херсонской губ. (с 1894). Ольгопольский (1900–1904; с 1906) и Ананьевский (1904–1906) уездный предводитель дворянства. Депутат III и IV Государственной думы от землевладельцев Подольской губ. Член фракции умеренно правых (1908–

1909) и русской национальной (с октября 1909). В январе 1910 выбран в состав Совета Всероссийского национального союза, заместитель казначея Союза (с 1912). Один из лидеров правого крыла Союза.

[34] Очевидно, имеется в виду Гассе (Hasse), Ганс (1865–?) – майор. В 1914 капитан германского генерального штаба. В 1918 офицер разведки в группе армий под командованием генерала Эйхгорна, затем в главном штабе действующей армии. В рукописи Милюкова дается искаженное написание этой фамилии.

[35] Шиллинг, Николай Николаевич (1870–1946) – генерал-лейтенант, командир 17-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. С 1918 в гетманской армии в распоряжении главнокомандующего. В ноябре 1918, после ухода германских войск с Украины, находился в распоряжении генерала Долгорукова, назначенного гетманом П.П. Скоропадским главнокомандующим на Украине. Вскоре был зачислен в Добровольческую армию. В ноябре–декабре 1918 заместитель представителя Добровольческой армии в Киеве, с 1 января 1919 в резерве чинов при штабе главнокомандующего Вооруженными силами юга России (ВСЮР), с 22 января 1919 начальник 5-й пехотной дивизии, с 28 мая 1919 в распоряжении главнокомандующего ВСЮР, с 10 июля 1919 командир 3-го армейского корпуса, с 12 июля одновременно главноначальствующий Таврической (с 11 августа также и Херсонской) губ., с 26 августа 1920 эмигрировал в Чехословакию.

[36] Тундутов, Дмитрий Давидович (1888–?) – князь, генерал-майор (1917). Участник Первой мировой войны, адъютант вел. кн. Николая Николаевича (1915–1917). Объявил себя атаманом Астраханского войска (ранее состоял помощником астраханского атамана) (февраль 1918 – март 1919). Находясь в Берлине весной 1918, добился аудиенции у Вильгельма II. По специальному полномочию императора приступил летом 1918 к формированию, в противовес Добровольческой армии – Астраханского корпуса из калмыков, подпавшего под влияние крайне правых. Когда в конце августа 1918 немцы прекратили отпуск средств, Тундутов обратился за финансовой помощью в киевский Совет монархического блока; между ними 7 сентября 1918 был заключен договор, по которому Совет должен был вести всю «политическую работу», а задачей армии провозглашалось восстановление «законопреемственной монархии и воссоздание России». С падением атамана П.Н. Краснова и упразднением Астраханского корпуса Тундутов был лишен атаманского звания. Тундутов объявил о расторжении договора между астраханским казачеством и калмыками и образовал из последних особое «Волжское» войско, назвавшись его атаманом. В сентябре 1919 он вернулся в калмыцкие степи и стал поднимать калмыков против вновь избранного атамана Люхова. В октябре генерал А.И. Деникин приказал выслать Тундутова и двух его сподвижников из пределов Северного Кавказа. В Константинополе и Будапеште Тундутов выступал в роли «светского и духовного главы калмыцкого народа». В конце концов вернулся в Советскую Россию.

[37] Гинденбург (Hindenburg), Пауль, фон (1847–1934) – генерал-фельдмаршал (1914). С августа 1916 начальник германского генерального штаба, фактически главнокомандующий.

[38] Людендорф (Ludendorf), Эрих (1865–1937) – генерал германской армии. В Первую мировую войну помощник генерала Гинденбурга (с 1916 1-й генерал-квартирмейстер штаба верховного командования), фактически руководил всеми вооруженными силами Германии в 1916–1918. Участник Капповского путча 1920.

[39] Ольденбург, Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед, археолог, этнограф; ординарный академик Петербургской АН (1908). Кадет, член ЦК (с мая 1917). Министр народного просвещения во Временном правительстве (июль–сентябрь 1917): одновременно член Комиссии по реформе высших учебных учреждений. В октябре 1917 избран во Временный совет Российской республики (Предпарламент). Входил в президиум Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий министров и других высших должностных лиц. После Октябрьского переворота принимал участие в организации Российской АН; непременный секретарь АН СССР (до 1929). Директор Института востоковедения АН СССР (1930–1934).

[40] Спилка – Украинский социал-демократический союз, образован в декабре 1904. На следующий год «Спилка» вошла в РСДРП на правах автономной организации, работающей среди говорящих на украинском языке рабочих. Стала одной из весьма значительных политических сил, действовавших на юге России. В программных и тактических вопросах ориентировалась на меньшевиков. К концу 1907 был арестован почти весь состав ЦК, в результате в 1909–1911 деятельность «Спилки» сошла на нет. Попытки возрождения организации предпринимались начиная с 1912.

[41] Ичас, Мартин Мартинович (1885–1941) – литовский общественный и политический деятель, журналист, юрист. Депутат IV Государственной думы от Ковенской губ. После Февральской революции 1917 товарищ министра просвещения. В 1918 в Киеве занимался эвакуацией литовцев, затем выехал в Литву, где принимал участие в формировании первого буржуазного правительства Литвы. В 1918–1919 министр финансов. После установления советской власти в Литве выехал в Германию, затем – в Португалию и Бразилию.

[42] Шишманов, Иван Димитров (1862–1928) – болгарский посол при Украинской державе; историк литературы и фольклорист. Профессор по сравнительной истории литературы Софийского университета. Министр народного просвещения (1903–1907). Исследователь проблем болгарской культурной и литературной истории, этнографии и фольклора, болгарского национального возрождения.

[43] Форгач (Forgach), Янош – граф, австро-венгерский дипломат. В 1918 австро-венгерский посол при Центральной Раде.

[44] Родзянко, Михаил Владимирович (1859–1924) – землевладелец; один из основателей «Союза 17 октября». Депутат III–IV Государственной думы. Летом 1917 основал вместе с А.И. Гучковым

Либерально-республиканскую партию, вошел в Совет общественных деятелей. После Октябрьского переворота выехал на Дон, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода.

[45] «Голос Киева» – общественно-политическая газета, выходила в Киеве с 14 апреля 1918. Редактор Н. Строев.

[46] «Vossische Zeitung» – ежедневная газета, выходившая в Берлине под разными названиями с 1617, с 1824 – ежедневно. С 1910–1911 официальное название – «Vossische Zeitung». С 1914 – в издательстве Ullstein-Verlag. Придерживалась леволиберальной ориентации. После введения запрета на профессию (1933) прекратила свое существование (1934).

[47] Ледерер (Lederer), Макс (1874–1942) – австрийский политик, юрист. В 1903–1917 работал в Министерстве торговли. Одновременно в 1909–1916 редактор журнала по социальной защите детей и юношества («Zeitschrift für Kinderschutz und Jugendfürsorge»). В 1917 советник в Министерстве по социальной защите. В 1921 начальник отдела в федеральном Министерстве по социальному управлению.

[48] Кистяковский, Игорь Александрович (1876–1940) – адвокат, доцент Киевского и Московского университетов; кадет. В 1918 государственный секретарь, затем министр внутренних дел в правительстве П.П. Скоропадского.

[49] Стороженко, А.В. – общественный деятель крайне правой политической ориентации; председатель Союза приходских советов Киева. Русские церковные круги выдвигали его на пост министра исповеданий в кабинете П.П. Скоропадского, однако украинские церковные деятели противились этому, поскольку Стороженко не поддерживал украинское церковное движение.

[50] Дашкевич-Горбатский, Владислав Владиславович – генерал-майор генштаба. В апреле 1918 ликвидировал Центральную Раду, затем начальник штаба гетманской армии, с 27 июня 1918 генеральный старшина при гетмане. Намечался представителем гетмана на совещании в Яссах. Осенью 1919 прибыл из Константинополя в белые войска Восточного фронта. Участник Сибирского «Ледяного» похода, командир Северной группы. С 1920 в эмиграции в Германии.

[51] Петрункевич, Иван Ильич (1844–1928) – известный земский деятель; один из основателей и лидеров конституционно-демократической партии, член ее ЦК и почетный председатель. Депутат I Государственной думы. После Октябрьского переворота жил в Гаспре (Крым). Участвовал в работе кадетского совещания 15 октября 1918, в заседаниях находившихся в Крыму членов кадетского ЦК, обсуждавших вопросы образования и состав Крымского краевого правительства. С 1919 в эмиграции.

[52] Ржепецкий, Антон Карлович – кадет; управляющий делами синдиката сахарозаводчиков, занимался закупкой сельскохозяйственных машин для свекловичных плантаций. Входил в правление ряда банков Петербурга и Киева. Министр финансов в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. После занятия Киева войсками Петлюры был арестован.

[53] Грёнер (Groener), Вильгельм (1867–1939) – немецкий военный и политический деятель. С 1912 возглавлял отдел железных дорог генерального штаба. В годы Первой мировой войны генерал-майор, отвечал за переброску и развертывание войск. В 1916 перешел в ведомство по снабжению войск, а позднее, в чине генерал-лейтенанта, занял пост заместителя военного министра Пруссии. С августа 1917 начальник штаба командующего германскими войсками, оккупировавшими Украину. После отставки генерала Людендорфа – 1-й генерал-квартирмейстер штаба верховного командования, руководил отходом и демобилизацией войск. Выступал за отставку императора Вильгельма II и подписание Версальского договора. С 28 марта 1918 начальник генерального штаба главнокомандующего германскими войсками на Украине. 27 октября 1918 был отозван. В 1920–1923 министр путей сообщения. В 1928–1932 министр обороны (с 1931 одновременно министр внутренних дел).

[54] Очевидно, имеются в виду союзнические действия России и Пруссии в борьбе против наполеоновской Франции и, в частности, Лейпцигское сражение (16–19 октября 1813), в котором принимали участие, наряду с австрийскими и шведскими армиями, русские и немецкие войска. В результате разгрома наполеоновской армии в битве под Лейпцигом Германия была освобождена.

[55] Рябовол, Николай Степанович (1881?–1919) – казак станицы Динской Кубанской области. С октября 1917 председатель Кубанской законодательной рады. 14 июня 1919 был убит в вестибюле гостиницы «Палас-отель» в Ростове-на-Дону.

[56] Юго-Восточный союз образовался в конце сентября 1917 по инициативе Кубани; должен был включать три казачьи области – Донскую, Кубанскую, Терскую и «вольные народы гор и степей», под которыми подразумевались горцы Северного Кавказа, калмыки и другие инородцы Ставропольской губ. В дальнейшем предполагалось привлечь Уральское (Яицкое) и Астраханское войска. Было создано объединенное правительство Юго-Восточного союза во главе с донским деятелем, кадетом В.А. Харламовым, которое, однако, обладало чисто номинальными функциями. В начале 1918 Союз распался. В июле 1918 была составлена декларация Юго-Восточного союза, в которой устанавливались следующие принципы. Союз состоит из самостоятельно управляемых государств (Всевеликого войска Донского, Кубанского войска, Астраханского войска и Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана), соединенных в одно государство на началах федерации; каждое государство управляется во внутренних делах на началах полной автономии; Союз считает себя самостоятельной державой, имеет свою армию и флот, общих министров, свой флаг, печать и гимн. Во главе Союза стоит Верховный совет, при нем не менее раза в год собирается сейм представителей от населения, который вырабатывает общегосударственные законы, утверждаемые Верховным советом. Союз борется с большевистскими войсками на «своей территории». Генерал А.И. Деникин пришел к выводу, что положения декларации несовместимы с идеоло-

гией Добровольческой армии и противоречат идее Единой России. Поэтому он предложил указать, что Юго-Восточный союз образуется временно – до воссоздания России, включить в состав Верховного совета представителя Добровольческой армии, а командующим всеми вооруженными силами Союза назначить командующего Добровольческой армией. Поскольку Кубанское правительство не сочувствовало проекту Союза, он остался нереализованным. Вновь проект Союза обсуждался летом 1919. 11 июня по инициативе Кубанского правительства открылась конференция, на которой были представлены круга и правительства трех казачьих войск. Однако постепенно конференция, заседавшая полгода, перешла от обсуждения казачьего союза к рассмотрению организации Южно-Русской власти. Казачество требовало созыва учредительного съезда и подписания союзного договора, октроированного законодательными учреждениями всех договаривающихся сторон, в то время как Особое совещание определяло порядок вхождения казачьих земель в общегосударственный строй односторонним актом верховного правителя, осуществленным через главнокомандующего ВСЮР, т. е. исходило из идеи диктатуры, концентрирующей в своих руках всю полноту власти. Принципиальные вопросы, обеспечивающие полноту единоличной власти, представителям Особого совещания удалось отстоять, в других вопросах обе стороны пошли на уступки. В конце декабря 1919 Дон и Терек пришли к соглашению с командованием о конструкции Южной власти; Кубань воздержалась. Однако соглашение не было реализовано, т. к. вскоре началась общая эвакуация Ростова и Новочеркасска.

[57] Мельхиор (Melchior), Карл Иозеф (1871–1933) – немецкий финансист. С 1917 пайщик кампании «М.М. Warburg & C°» в Гамбурге. В 1918 член немецкой делегации на переговорах о перемирии. В 1919 принял участие в мирных переговорах в Версале (председатель финансовой комиссии). В качестве финансово-политического советника участвовал в работе конференций по репарациям в Брюсселе, Париже, Лондоне, Генуе. Входил в Германскую демократическую партию и в германско-израильскую общину Гамбурга. После прихода Гитлера потерял все свои посты.

[58] Речь идет о Брест-Литовском и Бухарестском мирных договорах 1918.

Брест-Литовский договор был заключен Советской Россией с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией. Предусматривал германскую аннексию Польши, Прибалтики, частей Белоруссии и Закавказья, контрибуцию 6 млрд. марок. Аннулирован советским правительством 13 ноября 1918.

Бухарестский договор был заключен между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Румынией – с другой. Румыния уступала Австро-Венгрии пограничные участки (примерно 6 тыс. кв. км), возвращала Южную Добруджу Болгарии (над Северной Добруджей устанавливался кондоминиум держав германского блока). Этот договор отменен Версальским мирным договором 1919.

[59] Мумм, фон Шварценштайн (Mumm von Schwarzenstein), Альфонс (1858 [по др. св. 1859]–1924) – барон, немецкий дипломат. В 1898 посланник в Люксембурге, в 1900 – в Пекине, в 1906–1911 посол в Токио. С 8 марта 1918 временный дипломатический представитель Германии в Киеве.

[60] «Berliner Tageblatt und Handels-Zeitung» – ежедневная либеральная газета, которая выходила в 1872–1939 в издательстве Р. Моссе (Mosse). Ведущими главными редакторами были Артур Левизон (Levison), Теодор Вольф (Wolff), Пауль Шеффер (Scheffer). После 1933 придерживалась национал-социалистической ориентации.

[61] Каледин, Алексей Максимович (1861–1918) – генерал. С 1917 атаман войска Донского и глава войскового правительства. В октябре 1917 – январе 1918 возглавлял антибольшевистское восстание.

[62] Михаил Александрович Романов (1878–1918) – великий князь, младший брат императора Николая II; генерал-майор, член Государственного совета; командир 17-го Черниговского полка (1909–1911), командир кавалергардского полка (1912). В Первой мировой войне командовал Кавказской туземной дивизией, затем командир 2-го Кавказского корпуса. В 1912 в Вене тайно обвенчался с Н.С. Вульферт; отказался от прав на престол. В связи с этим над его личностью, делами и имуществом была учреждена опека, запрещен въезд в Россию; он был уволен со службы, лишен звания флигель-адъютанта. В 1915 опека снята, восстановлено звание, жене дана фамилия Брасова. 2 марта 1917 Николай II отрекся в его пользу от престола, однако Михаил 3 марта 1917 отказался принять корону Российской империи. Арестовывался Временным правительством во время корниловского мятежа, повторно во время Октябрьского переворота. В марте 1918 отправлен в Пермь по решению Совнаркома. Убит в Мотовилихе в ночь с 12 на 13 июня 1918 сотрудниками местного ЧК.

[63] Трескин, Леонид Николаевич (1888–1957) – полковник, командир батальона лейб-гвардии Волынского полка. В октябре 1917 один из руководителей антибольшевистского сопротивления в Москве, затем прибыл в Добровольческую армию во главе юнкеров Александровского военного училища. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник отдела связи штаба армии. С 5 сентября 1918 в резерве чинов при штабе армии. Эвакуировался. Жил в Югославии, председатель суда чести IV отдела РОВС. Участник монархического движения.

[64] Соколовский, Юрий Ю. (?–1922) – агроном, министр земледелия и продовольствия в кабинете гетмана П.П. Скоропадского.

[65] Деникин, Антон Иванович (1872–1947) – генерал-лейтенант. За поддержку корниловского мятежа отстранен от должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом и заключен в Быховскую тюрьму. Один из организаторов Добровольческой армии, которую возглавил после смерти генерала М.В. Алексеева 25 сентября 1918. С конца декабря 1918 главнокомандующий Вооруженными силами юга России (ВСЮР); заместитель верховного

правителя России адмирала А.В. Колчака. После провала похода на Москву (лето–осень 1919) и отступления до Новороссийска 23 марта 1920 передал командование генералу П.Н. Врангелю; сам же эмигрировал.

[66] Лотарь III (Lothar) (по др. счету – Лотарь II) (ок. 1075–1137) – император «Священной Римской империи» с 1125. Саксонский герцог (с 1106).

[67] Имеется в виду Брест-Литовский мирный договор 3 марта 1918. См. прим. № 58.

[68] Марков, Сергей Леонидович (1878–1918) – генерал-лейтенант генерального штаба. Вместе с генералом А.И. Деникиным был арестован по «делу Корнилова» и заключен в Быховскую тюрьму. После бегства из тюрьмы 19 ноября 1917 прибыл на Дон, где участвовал в создании Добровольческой армии. В 1-м Кубанском походе командовал 1-м офицерским полком, затем 1-й бригадой и 1-й дивизией. Убит 25 июня 1918 в бою у станции Шаблиевка в начале 3-го Кубанского похода.

[69] Алексей Николаевич Романов (1904–1918) – великий князь, наследник-цесаревич, сын императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстрелян в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918.

[70] Мирбах (Mirbach-Harff), Вильгельм (1871–1918) – граф; немецкий дипломат. С 1911 работал в Министерстве иностранных дел в ранге советника посольства. В 1915 посланник в Афинах. С апреля 1918 посол Германии в Москве при правительстве РСФСР. В августе 1918 убит эсером Я.Г. Блюмкиным.

[71] Дмитрий Павлович Романов (1891–1942) – великий князь, сын вел. кн. Павла Александровича от 1-го брака с греческой принцессой Александрой Георгиевной, внук императора Александра II; флигель-адъютант (1912). Летом 1912 участвовал в Олимпийских играх в Стокгольме, осенью 1913 был председателем первых российских Олимпийских игр в Киеве. В 1912 помолвлен со старшей дочерью Николая II, великой княжной Ольгой Николаевной, но брак не состоялся. Участник Первой мировой войны, штабс-ротмистр. Один из участников убийства Г.Е. Распутина (в ночь с 16 на 17 декабря 1916), за что был выслан в Персию в отряд генерала Н.Н. Баратова. После Февральской революции 1917 служил в Британском экспедиционном корпусе в Месопотамии. Затем в эмиграции, жил в Лондоне, Париже. В ноябре 1926 женился на Одри Эммери, богатой американке, однако в 1937 брак распался.

[72] Ольга Николаевна Романова (1895–1918) – великая княжна, старшая дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918.

[73] Быч, Лука Лаврентьевич (ок. 1870–1945) – войсковой атаман Кубанского казачьего войска. Один из лидеров левого «самостийного» крыла Кубанской краевой рады. Председатель Кубанского

краевого правительства с ноября 1917 по ноябрь 1918. В декабре 1918, когда его кандидатура на пост кубанского атамана была забаллотирована, отказался от поста председателя правительства, оставаясь рядовым членом законодательной Рады. В начале 1919 Краевая Рада назначила его главой делегации на Версальской мирной конференции. В Париже в июле 1919 заключил «Договор о дружбе между правительствами Кубани и Республикой Союза горцев Кавказа». Деятельность Кубанской делегации и ее главы – Быча Струве расценивал как «антигосударственную, антирусскую, прямо изменническую» (*ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 872. Л. 4*). Остался в эмиграции.

[74] Харламов, Василий Акимович (1875–1957) – член Государственной думы четырех созывов от Области войска Донского; член ЦК кадетской партии. 20 октября 1917 назначен главой объединенного правительства «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». Избран депутатом Учредительного собрания. Эмигрировал во Францию.

[75] Филимонов, Александр Петрович (1866–1948) – казачий есаул, полковник (1912), генерал-майор (1918), генерал-лейтенант (1920). Атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска (1908 – апрель 1917). Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в составе Кубанской армии. Председатель временного войскового правительства Кубани (апрель–октябрь 1917), войсковой атаман Кубанского казачьего войска (октябрь 1917 – ноябрь 1919), из-за разногласий с генералом А.И. Деникиным вынужден был 10 ноября 1919 выйти в отставку. Эмигрировал в декабре 1919. Жил в Югославии.

[76] «Речь» – ежедневная газета, орган кадетской партии. Выходила в Петербурге с февраля 1906 под редакцией П.Н. Милюкова и И.В. Гессена. Закрыта по решению Петроградского ВРК 26 октября 1917. Возобновила свое издание в ноябре 1917 и под другими названиями выходила до августа 1918.

[77] Винавер, Максим Моисеевич (1863–1926) – специалист в области гражданского права; публицист. Участник международных конгрессов по сравнительному правоведению. Издатель журнала «Вестник гражданского права» (1913–1917). Один из учредителей Союза адвокатов и Союза российских писателей. Основатель и глава Еврейского историко-этнографического общества, участвовал в создании Союза для достижения полноправия еврейского народа в России; выйдя из этой организации в связи с усилением в ней националистических тенденций, основал в 1907 Еврейскую народную группу. Член ЦК кадетской партии (с ее I съезда), один из теоретиков партии. Депутат I Государственной думы от Петербурга. После Февральской революции 1917 сенатор в гражданском кассационном департаменте, редактор журнала «Вестник партии народной свободы». Депутат Учредительного собрания от Петрограда. В ноябре 1917 был подвергнут непродолжительному аресту как один из членов Петроградской думы, отказавшихся подчиниться декрету Совнаркома о ее роспуске. По решению майской конференции кадетов в 1918 выехал в Киев

на встречу с Милюковым, в ходе которой пытался убедить лидера партии пересмотреть свой прогерманский курс. В октябре 1918 председательствовал на кадетском совещании в Гаспре; представлял Москву на партийной конференции в Екатеринодаре. Весной 1919 занимал пост министра внешних сношений Краевого правительства Крыма. После падения правительства эмигрировал с войсками союзников во Францию. Товарищ председателя Парижского кадетского комитета. Участвовал в работе Совещания членов Учредительного собрания, был избран членом его исполнительной комиссии, возглавил созданную при исполкоме юридическую комиссию, позднее вошел в специальную комиссию по разработке материалов для создания постоянного органа представительства интересов России за границей. Член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. Член ЦК Российского общества Лиги Народов. Читал курс по русскому гражданскому праву в Русском юридическом институте.

[78] Ковалевский, Николай Николаевич (1862– ?) – земский деятель. Депутат I Государственной думы от Харьковской губ. В 1917 был избран депутатом Учредительного собрания. Товарищ председателя делегатского съезда кадетской партии на Украине в апреле 1918. Член Национального центра, входил в комиссию по разработке земельной реформы. В ноябре 1919, незадолго до оставления Харькова Добровольческой армией, был избран председателем городской думы.

[79] Петлюра, Симон Васильевич (1879–1926) – лидер Украинской социал-демократической рабочей партии. Один из организаторов Центральной Рады; генеральный секретарь по военным делам в 1917. С ноября 1918 главный атаман войск Директории, глава ее с февраля 1919. В 1920 эмигрировал.

[80] Пасманик, Давид (Даниил) Самойлович (1869–1930) – врач, публицист; профессор. Кадет, член Крымского комитета кадетской партии. В 1914–1917 военный врач на фронте. В 1917–1919 находился в Крыму. Поддерживал германскую ориентацию Милюкова. Редактор газеты «Таврический голос». С 1919 в эмиграции в Париже. Член созданного в июле 1920 Союза русских литераторов и журналистов в Париже. В январе 1921 участвовал в работе совещания русских общественных деятелей, стоящих за вооруженную борьбу с большевиками и сохранение армии. В марте 1921 вошел в бюро Временного Русского комитета Национального объединения, которому была поручена работа по созыву объединенного съезда.

[81] Оболенский, Владимир Андреевич (1869–1950) – князь, земский деятель; член ЦК кадетской партии с ее VIII съезда. После Октябрьского переворота вошел в Комитет спасения родины и революции. В декабре 1917 выехал в Крым. Член местного комитета кадетской партии. В апреле 1918 был избран председателем земской управы Таврической губ.; депутат Симферопольской городской думы. Летом 1920 генерал П.Н. Врангель назначил его членом предварительной комиссии по выработке основных положений земельной реформы. В ноябре 1920 эмигрировал.

[82] Сейдамет, Д. – министр иностранных дел в Крымском правительстве С.А. Сулькевича.

[83] Сулькевич, Сулейман (Матвей) Александрович (1864–1920) – из литовских татар, сохранивших мусульманское вероисповедание. Генерал-майор (1910), генерал-лейтенант (1915). Участник Первой мировой войны, командир мусульманского конного корпуса, командир 37-й армии (1916 – февраль 1918). В июне 1918 занял пост премьера и министра внутренних дел Крымского краевого правительства. Кадеты активно возражали против назначения Сулькевича, видя в нем «германскую марионетку». В конце концов, германское командование пошло навстречу требованиям местного земства, поддержанным кадетами, и 4 ноября 1918 отстранило Сулькевича от власти. Генерал-лейтенант.

[84] Маклаков, Василий Алексеевич (1870–1957) – адвокат, член ЦК кадетской партии, один из лидеров московских кадетов. Временное правительство назначило его послом во Францию, однако он не успел вручить верительные грамоты, т. к. 17 ноября 1918, по распоряжению наркома Л.Д. Троцкого, был лишен звания посла. Во Франции обладал обширными связями в политических и общественных кругах. В конце 1919 вошел в состав Русского политического совещания. В сентябре 1920 посетил Крым, встречался с генералом П.Н. Врангелем.

[85] Нольде, Борис Эммануилович (1876–1948) – барон, профессор международного права; член ЦК кадетской партии. Служил в Министерстве иностранных дел (начальник юридического, экономического и административного отделов, директор 2-го департамента). Состоял членом постоянной палаты Третейского суда в Гааге. В годы Первой мировой войны советник министра иностранных дел. После Февральской революции 1917 один из авторов текста отречения вел. кн. Михаила Александровича. С середины марта 1917 товарищ министра иностранных дел, с мая член Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание, докладчик по национальному вопросу на IX съезде кадетской партии. После Октябрьского переворота арестован, но вскоре освобожден. Вел педагогическую и научную работу. Летом 1919 эмигрировал. Принял активное участие в деятельности Российского общества Лиги Народов, член Главного управления Российского общества Красного Креста. Входил в Банковский комитет в качестве приглашенного лица. Сотрудничал в газете «Последние новости». Читал курс «Русское государственное право» в Русском Юридическом институте при Парижском юридическом факультете.

[86] Речь идет о резолюции майской конференции кадетской партии (1918), в которой определялось поведение партии в оккупированных местностях: «члены партии не должны и не могут вступать ни в какие соглашения с германцами и тем менее призывать их для создания власти, установления порядка и устройства местных дел» (*ГА РФ. Ф. 5779. Оп. 1. Д. 623. Л. 5*).

[87] Александров, Александр Михайлович (1868–?) – присяжный поверенный, вел адвокатскую практику, почетный гражданин. Депутат IV Государственной думы от Екатеринославской губ., примыкал к фракции кадетов. Имел дачу в Крыму.

[88] Ряснянский, Сергей Николаевич (1886–1976) – капитан, в 1917 находился в распоряжении начальника штаба Румынского фронта. Георгиевский кавалер. Участник выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917, быховец. В Добровольческой армии с ноября 1917. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, находился в разведовательном отделе штаба армии. 23 марта 1918 командирован к генералу П.Х. Попову. В апреле 1918 подполковник, начальник разведовательного (контрразведовательного) отдела штаба армии; с конца 1918 полковник, начальник штаба конной группы Донской армии, с 25 марта 1920 в резерве офицеров генштаба при штабе Донского корпуса, с 24 апреля по 10 октября 1920 командир Гвардейского кавалерийского полка, в сентябре 1920 командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, 12–14 октября 1920 вр. и. о. командира гвардейского кавалерийского полка. Вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля выехал в Турцию. В Галлиполи командир 4-го кавалерийского полка. Переехал в Югославию, служил в пограничной страже, в 1922–1923 преподаватель Николаевского кавалерийского училища.

[89] Николай II был расстрелян вместе с семьей в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918.

[90] Альвенслебен (Alvensleben), Константин, фон (1866–1943) – капитан германской армии. В 1918 немецкий начальник штаба при украинском дивизионном генерале. После падения Центральной Рады офицер для связи при гетмане П.П. Скоропадском.

[91] Вильгельм II (Wilhelm), Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император и прусский король в 1888–1918. Свергнут Ноябрьской революцией 1918.

[92] Дорошенко, Дмитрий Иванович (1882–1951) – с 1908 секретарь Украинского научного общества в Киеве, член Товарищества украинских прогрессистов. После начала Первой мировой войны участвовал в работе Союза городов, в конце 1915 один из основателей Общества для оказания помощи населению юга России, пострадавшему от военных действий. Во время Февральской революции 1917 член Союза украинских автономистов-федералистов, временного оргбюро (Рады) и Киевского городского временного комитета Украинской демократическо-радикальной партии, Украинской партии социалистов-федералистов. Член Центральной Рады и помощник киевского губернского комиссара Временного правительства, с апреля 1917 краевой комиссар бывшего Галицко-Буковинского генерального губернаторства. Решением Центральной Рады получил пост премьера, однако, разойдясь во взглядах на автономию Украины, передал пост В.К. Винниченко. Стал губернским комиссаром Черниговщины. После заключения Брестского мира (1918) вышел из Украинской партии социалистов-

федералистов. Министр иностранных дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского.

[93] Керенский, Александр Федорович (1881–1970) – адвокат; эсер (с марта 1917). Во Временном правительстве занимал посты министра юстиции (март–май), военного и морского министра (май–сентябрь); с 8 июля 1917 министр-председатель Временного правительства, оставаясь военным и морским министром; с 30 августа одновременно верховный главнокомандующий. В июне 1918 по поручению Союза возрождения России выехал за границу для ведения переговоров с союзниками о совместных действиях против Советской России, которые, однако, окончились неудачей. Осуждал интервенцию союзных держав, поддерживал тактику правых эсеров «ни Ленин, ни Колчак».

[94] Корнилов, Лавр Георгиевич (Егорович) (1870–1918) – генерал от инфантерии. В конце августа 1917 поднял мятеж и двинул войска на Петроград с целью установления военной диктатуры. Выступление было подавлено; 29 августа Корнилов был отчислен от должности верховного главнокомандующего с преданием суду. Содержался в Быховской тюрьме; при содействии генерала Н.Н. Духонина бежал в Новочеркасск, где вместе с генералом М.В. Алексеевым занимался формированием Добровольческой армии. Убит 31 марта 1918 под Екатеринодаром во время 1-го Кубанского похода.

[95] Имеется в виду выступление генерала Л.Г. Корнилова 27 сентября и большевистский переворот 25 октября 1917.

[96] Набоков, Владимир Дмитриевич (1869–1922) – юрист, член ЦК кадетской партии. В 1917 управляющий делами Временного правительства. Депутат Учредительного собрания. 23 ноября 1917 арестован как член Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание, однако через несколько дней освобожден. Выехал в Гаспру (Крым). С 15 ноября 1918 министр юстиции в Крымском краевом правительстве. В апреле 1919 эмигрировал; издавал в Лондоне вместе с Милюковым журнал «New Russia», затем переехал в Берлин, где вместе с И.В. Гессеном издавал газету «Руль».

[97] Крым (наст. фам. Нейман), Соломон Самойлович (Самуилович) (1868–1936) – крупный землевладелец, гласный Феодосийского уездного и Таврического губернского земских собраний, депутат Феодосийской думы. Один из руководителей Таврической организации партии кадетов. Депутат I и IV Государственной думы от Таврической губ.; член Государственного совета (1915). В 1917 назначен комиссаром Временного правительства по заведованию отделом по управлению национализированными сельскохозяйственными предприятиями бывшего удельного ведомства. С ноября 1918 по апрель 1919 занимал должности председателя Совета министров и министра земледелия в Крымском краевом правительстве. С уходом Крымско-Азовской армии генерала Боровского в Керчь эмигрировал (апрель 1920) на корабле французской эскадры из Севастополя во Францию.

[98] Имеется в виду состоявшаяся в Москве 27–29 мая 1918 конференция кадетов. По вопросу внешней политики конференция одобрила следующие тезисы: отстаивать во внешней политике необходимость участия России в антигерманской коалиции; судьбы России будут зависеть от общих результатов мировой войны; партия не признает Брестский мир; недопустимо сепаратное соглашение с Австро-Германской коалицией; международная ориентация не должна, из желания разрешить внутренние дела, прибегать к внешнему вмешательству; воссоздание России явится результатом: борьбы держав Согласия за устранение германской гегемонии и, главным образом, «внутреннего собирания народных сил», «неизбежного тяготения частей России к объединению (см.: *Съезды и конференции конституционно-демократической партии. – Т. 3. – Кн. 2. 1918–1920 гг. – М., 2000. – С. 34–35*).

[99] Астров, Николай Иванович (1868–1934) – общественный и политический деятель; гласный Московской городской думы, а затем Московского губернского земского собрания. Директор Московского городского кредитного общества (с 1910). Член ЦК кадетской партии (с 1907). В годы Первой мировой войны один из организаторов и руководителей Всероссийского союза городов, член его Центрального комитета (с 1914). После Февральской революции 1917 избран московским городским головой (с 28 марта до июня 1917). В ноябре 1917 вошел в состав нелегальной организации «Девятка», участвовал в работе Правого центра (вышел из его состава в июне 1918 из-за несогласия с проводимой германской ориентацией), член правления Национального центра, представитель центра в Союзе возрождения России. На Уфимском государственном совещании заочно был избран в состав Временного всероссийского правительства (Директории), но отказался вступить в него из-за принятого совещанием решения о передаче власти Учредительному собранию. В августе 1918 выехал в расположение Добровольческой армии. В ноябре 1918 ему был предложен пост управляющего отделом внутренних дел в Особом совещании при главнокомандующем генерале А.И. Деникине, однако он отказался; принимал участие в работе Особого совещания в качестве его члена «без портфеля»; возглавлял комиссию местного самоуправления при совещании. В июне 1919 в составе делегации был командирован Деникиным в Париж для переговоров с представителями адмирала А.В. Колчака и информации политических кругов Франции о добровольческом движении. В конце 1919 выступил с инициативой реформирования системы управления, роспуска Особого совещания. В начале 1920 эмигрировал.

[100] Зеньковский, Василий Васильевич (1881–1962) – профессор, психолог, специалист по педагогике; эстраординарный профессор психологии Киевского университета (1915). Министр вероисповеданий в правительстве гетмана П.П. Скоропадского (с 15 мая по 19 октября 1918). Член Украинского Церковного собора (1919). В январе 1920 эмигрировал; профессор философии Белградского университета на богословском и философском факультетах (1920–1923). С 1927 жил в Париже, профессор Богословского института.

[101] Василько (Ritter von Wassilko), Николай (1868–1924) – барон. С 1903 депутат Буковинского ландтага; вице-президент Всеукраинского национального совета в Вене (1915–1918); член Украинского национального совета в Лемберге (с 1918). Депутат рейхсрата (до 1918).

[102] Имеется в виду эрцгерцог Вильгельм (Фердинандович) Габсбургский (брат убитого австрийского эрцгерцога – кандидата в гетманы), принявший имя Василя Вышиванного. Он претендовал на роль главы всеукраинского центра, стремившегося провозгласить себя украинским правительством. Вышиванный пытался с помощью австрийских оккупационных войск захватить Киев и свергнуть гетмана П.П. Скоропадского.

[103] Григоренко – был намечен генералом д'Ансельмом в состав нового правительства (отдел земледелия, торговли и промышленности), которое планировалось сформировать с введением в Одессе в марте 1919 осадного положения. 13 марта был включен в Совет, назначенный по приказу французского командования для осуществления гражданской власти при генерале д'Ансельме.

[104] Чебышев, Николай Николаевич (1865–1937) – в 1917 прокурор Московской судебной палаты. Член Национального центра, впоследствии – в Совете государственного объединения России. В январе 1919 был назначен управляющим отделом внутренних дел в Особом совещании. Оставил этот пост перед переездом администрации в Ростов в начале июля 1919. В 1920 возобновил вместе с Н.Н. Львовым издание в Севастополе газеты «Великая Россия». Эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Берлин, оттуда – в Белград и, наконец, обосновался в Париже (с 1926). Один из учредителей Народно-Монархического союза.

[105] Трепов, Александр Федорович (1862–1928) – егермейстер (1905), сенатор (1906), член Государственного совета (1914). С августа 1915 член Особого совещания по обороне. Председатель Совета министров России в 1916. В годы Гражданской войны играл видную роль в русской колонии в Финляндии, содействовал формированию армии генерала Н.Н. Юденича, придерживался прогерманской ориентации. В июле 1918 был арестован, затем освобожден; нелегально перебрался в Финляндию. С 1921 член Высшего монархического совета в Париже.

[106] Вендзягольский, К.Н. – В 1917 служил комиссаром в 8-й армии под командованием генерала Л.Г. Корнилова. После Октябрьского переворота ездил вместе с Б.В. Савинковым по городам России (Псков, Ростов-на-Дону, Новочеркасск) с целью организации саботажа и подготовки антибольшевистского мятежа. Выехал в Киев как помощник дипломатического представителя Добровольческой армии. В период немецкой оккупации арестован, освобожден после заступничества вел. кн. Ольги Александровны. Переехал в Варшаву, вошел в сформированный польский Союз возрождения России. Вернулся в Польшу. Участвовал совместно с Д.С. Мережковским, З.Н. Гиппиус, Б.В. Савинковым и др. в создании Русского политического комитета для борьбы с большевизмом.

[107] Пилсудский (Piłsudski), Юзеф Клеменс (1867–1935) – польский партийный и государственный деятель, публицист. В 1892 примкнул к Польской социалистической партии, вскоре вошел в ее руководство. Редактор газеты «Роботник». Считал главной целью вооруженное антирусское восстание. Активно участвовал в организации военизированных отрядов под руководством партии. В августе 1914 по его инициативе была создана Польская военная организация, которую он возглавил. 6 декабря 1916 стал членом Временного государственного совета Царства Польского, созданного под эгидой германских оккупационных властей. После Февральской революции 1917 и признания Россией права Польши на независимость отказался от прогерманской ориентации. В июле 1917 был арестован и заключен в Магдебургскую крепость (Германия). В ноябре 1918 освобожден и вернулся в Варшаву. Регентский совет передал ему всю полноту сначала военной, а затем и политической власти. Законодательный сейм 20 февраля 1919 назначил его Начальником государства и Верховным вождем – до принятия конституции. 19 марта 1920 стал 1-м маршалом Польши. В апреле 1920 заключил соглашение с С.В. Петлюрой, признав Директорию в качестве верховной власти Украинской народной республики. В июле 1923 отказался от всех государственных должностей. В мае 1926 совершил государственный переворот при поддержке верных ему армейских частей, стал министром обороны, а 31 мая 1926 избран президентом Польши, установил в стране режим неограниченной личной власти.

[108] Масленников, Сергей Александрович (1891–?) – лейтенант. Служил связным между генералами Л.Г. Корниловым и М.В. Алексеевым и Московским отделением Национального центра. В 1918 был арестован и, по-видимому, расстрелян.

[109] Степанов, Василий Александрович (1873–1920) – горный инженер, директор Богословского горного округа; кадет. Депутат III и IV Государственной думы от Пермской губ., с сентября 1915 председатель специальной комиссии по рабочему вопросу при кадетской думской фракции. Член ЦК кадетской партии с VI съезда (февраль 1916). В 1917 товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства, с 19 мая выполнял функции министра после ухода в отставку А.И. Коновалова. 8 июля 1917 подал в отставку в знак протеста против решения о предоставлении Украине независимости. В ноябре 1917 вернулся из Ростова в Петроград, возглавил военную комиссию при ЦК кадетов; призывал направить все силы на создание Добровольческой армии; организовывал отправку офицеров на юг, налаживал связи, искал деньги. 28 ноября 1918 был арестован, сидел в Петропавловской крепости, при содействии знакомого левого эсера из Наркомата юстиции бежал в Москву, затем переехал в расположение Добровольческой армии. Участвовал в работе Донского гражданского совета во главе с генералом М.В. Алексеевым. Входил в Правый центр, в Союз возрождения России, член правления Национального центра. Вместе с К.Н. Соколовым разработал «Временное положение об управлении областя-

ми, занимаемыми Добровольческой армией», утвержденное генералом А.И. Деникиным 2 февраля 1919 (основано на принципах военной диктатуры). Государственный контролер в Особом совещании. Член Совета Русского общества пароходства и торговли. В феврале 1920 эвакуировался из Новороссийска в Константинополь, вскоре оказался в Париже. В конце мая 1920 выехал вместе с М.М. Федоровым в Крым с целью информировать ставку генерала П.Н. Врангеля о настроениях парижских политических кругов и получить сведения о деятельности правительства в Крыму. Скоропостижно скончался, возвращаясь во Францию на пароходе «Св. Николай».

110 Кривошеин, Александр Васильевич (1857–1921) – тайный советник, главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915); член Государственного совета. В 1917–1918 председатель Союза земельных собственников. С марта 1918 один из руководителей Правого центра. С октября 1918 по 1920 товарищ председателя Совета государственного объединения России. В ноябре 1919 занял пост начальника управления снабжения Вооруженных сил юга России (ВСЮР). В июне 1920 приказом генерала П.Н. Врангеля назначен помощником главнокомандующего по гражданской части; председатель правительства юга России. В ноябре 1920 эвакуировался из Крыма в Константинополь. В эмиграции во Франции.

111 Трубецкой, Григорий Николаевич (1874–1930) – князь, бывший российский посол в Сербии (1914–1917). Участвовал в работе Донского гражданского совета. Входил в Совет государственного объединения России. В июле 1919 был назначен начальником управления исповеданий Особого совещания.

Трубецкой, Евгений Николаевич (1863–1920) – брат Г.Н. Трубецкого; профессор Московского университета. Один из основателей Партии мирного обновления. Участвовал в организации и деятельности Психологического общества при Московском университете (тов. председателя), Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева; основатель книгоиздательства «Путь» (1910–1917). Член Государственного совета от Академии наук (1907–1908). Участник Поместного собора Русской православной церкви (1917–1918), товарищ председателя от мирян. После Октябрьского переворота вошел в состав Правого центра. В сентябре 1918 выехал из Москвы на Украину. Избран в бюро Совета государственного объединения России. В начале декабря вынужден был бежать из Киева, осажденного войсками Петлюры, в Одессу. В январе 1919 был командирован вместе с С.Н. Масловым в Екатеринодар с поручением от Совета государственного объединения России проинформировать генерала А.И. Деникина о конфликтности отношений в Одессе между добровольческими и французскими властями. В марте 1919 покинул Одессу. Летом переехал в Кисловодск, осенью – в Новочеркасск, а в конце декабря, через Ростов, добрался до Новороссийска. Выступал в этих городах с публичными лекциями. 23 января 1920 умер от сыпного тифа.

[112] Каминка, Август Исаакович (1865–1940) – общественный и политический деятель, публицист, правовед, издатель. Член ЦК кадетской партии. В 1904–1912 приват-доцент Петрбургского университета, с 1909 профессор права Высших Бестужевских курсов. С 1918 в эмиграции в Финляндии, с 1920 в Берлине. Соучредитель издательства «Слово». Один из издателей берлинской газеты «Руль» (1920–1931). Член Национального комитета (от Берлина); председатель финансовой секции Русского общественного комитета помощи голодающим (Берлин), председатель Русской Академической группы в Берлине, представитель в Русском третейском суде Союза русских торгово-промышленных и финансовых деятелей в Германии.

[113] Коковцов, Владимир Николаевич (1853–1943) – граф; министр финансов (1904–1914), председатель Совета министров (1911–1914). В 1918 эмигрировал во Францию, где вскоре занял пост председателя International Bank of Commerce (Международного коммерческого банка).

[114] Кюльман (Kühlmann), Рихард, фон (1873–1948) – немецкий дипломат. В 1909–1914 советник германского посольства в Лондоне, содействовал немецко-английскому сближению и заключению двух договоров с Великобританией в 1912–1913, предостерегал против последствий германской морской политики. После выполнения особых миссий в Стокгольме и Константинополе был посланником в Гааге (1915). С 1916 посол в Константинополе и с 7 августа 1917 государственный секретарь в Министерстве иностранных дел. Участвовал в заключении Брест-Литовского договора. После своей сенсационной речи в рейхстаге 9 июля 1918 относительно необходимости заключения «договора о взаимопонимании» с воюющими государствами был вынужден подать в отставку.

[115] Раковский, Христиан Георгиевич (наст. фам. и имя Станчев Крыстю) (1873–1941) – социал-демократ. В период Первой мировой войны интернационалист, секретарь Центрального бюро Балканской рабочей социал-демократической федерации. В сентябре 1916, после вступления Румынии в войну, арестован. 1 мая 1917 освобожден в Яссах русскими войсками, переехал в Одессу, затем в Петроград. Объявлен румынскими войсками и Временным правительством немецким агентом. После Октябрьского переворота вступил в РСДРП(б), с января 1918 в Крыму и на Украине: уполномоченный СНК РСФСР по югу России, в январе–марте председатель Верховной автономный коллегии по борьбе с контрреволюцией, член Румчерода, в апреле–сентябре возглавлял делегацию РСФСР на переговорах с Центральной Радой и правительством П.П. Скоропадского на Украине о мирном договоре. С января 1919 по июль 1923 председатель СНК и нарком иностранных дел Украины, член ЦК КП(б)У (до 1924). Начальник Политуправления Реввоенсовета Республики (сентябрь 1919 – январь 1920), член РВС Юго-Западного и Южного фронтов. Сторонник федеративного союза Украины с РСФСР, выступал против их слияния в период образования СССР.

[116] Рагоза (Рогоза), Александр Францевич (1858–1919) – генерал от инфантерии. До лета 1915 командующий 25-м армейским корпусом, в 1916 – декабре 1917 командующий 4-й армией. В мае–декабре 1918 военный министр в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. Расстрелян большевиками 29 июня 1919 в Одессе.

[117] Татьяна Николаевна Романова (1897–1918) – великая княжна, дочь императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Расстреляна в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918.

[118] Возможно, имеется в виду Пол[л]як Л.С. – член Комитета Союза российских торгово-промышленных и финансовых деятелей в Германии.

[119] Палтов, Александр Александрович – камергер. В 1918 товарищ министра иностранных дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского, заведовал гофмаршальской частью.

[120] Шапрон дю Ларрэ, Алексей Генрихович (1883–1947) – штабс-ротмистр лейб-гвардии кирасирского полка (1917), полковник (1919), генерал-майор (1920). Участник Первой мировой войны, адъютант генерала М.В. Алексеева (1917). В августе 1917 член офицерской организации в Киеве. 2 ноября 1917 прибыл в Новочеркасск, вступил в Добровольческую армию. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, адъютант генерала Алексеева до сентября 1918. С 30 декабря 1918 начальник политической части, член Главного комитета общества Белого Креста, затем адъютант генерала А.И. Деникина, с осени 1918 полковник. С 17 июля по 23 ноября 1919 командир 2-го конного полка ВСЮР, с января 1920 генерал для поручений при главнокомандующем ВСЮР. Генерал-майор. 22 марта 1920 выехал в Константинополь. В эмиграции в Бельгии.

[121] Видимо, речь идет об одном и том же немецком сотруднике, однако в тексте Дневника дается различное написание: Рейхенфельс и Раутенфельс. Сведений об этом лице обнаружить не удалось.

[122] Троцкий (наст. фам. Бронштейн), Лев Давидович (1879–1940) – советский государственный и партийный деятель. Нарком по иностранным делам в первом советском правительстве (до 22 февраля 1918). С 13 марта 1918 нарком по военным делам, с 2 сентября 1918 – председатель Реввоенсовета РСФСР. Член Политбюро ЦК РКП(б).

[123] «Известия» – ежедневная общеполитическая газета, издавалась с 28 февраля (13 марта) 1917 в Петрограде как орган Петроградского совета. До II съезда Советов находилась под влиянием меньшевиков, после Октябрьского переворота стала официальным органом советской власти. Первый редактор – Ю.М. Стеклов (Нахамкес). С 12 марта 1918 выходила в Москве (название менялось).

[124] Веди – подпольная кличка Шульгина как участника «Азбуки» – контрразведовательной, осведомительной организация при командовании Добровольческой армии. Существовала на частные средства, получала пособия из сумм, отпускаемых союзниками. С февраля 1919 ее содержание было отнесено на счет кредитов

штаба. Все агенты организации имели клички согласно буквам алфавита. Главная квартира была сначала в Екатеринодаре, затем – в Таганроге. Имела агентуру во многих регионах страны (Москва, Киев, Омск и др.), а также за границей (Константинополь, София, Белград, Прага и др.). В киевский период деятельности «Азбука» решала задачи: политическая и военная разведка в отношении большевиков, немцев и Украинской республики; вербовка в антибольшевистские армии; участие в организации вооруженных восстаний и выступлений против большевиков; информирование московского подпольного центра и Добровольческой армии. В декабре 1919 была официально ликвидирована, но фактически работала до начала 1920.

125 Казанович, Борис Ильич (1871–1943) – генерал-лейтенант генерального штаба. С 6 декабря 1916 начальник штаба 6-й Сибирской стрелковой дивизии; в 1917 командующий этой дивизии. В 1-й Кубанский поход пошел рядовым; вскоре после соединения с Кубанским отрядом принял полк, участвовал с полком в штурме Екатеринодара в конце марта 1918. С мая до конца июня 1918 находился с секретной миссией в Москве по поручению генералов М.В. Алексеева и А.И. Деникина. После возвращения из Москвы назначен начальником 1-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В ВСЮР – командир армейского корпуса. В ноябре 1919 назначен командующим войсками Закаспийской области («Туркестанской армией»). В Русской армии генерала П.Н. Врангеля – начальник Сводно-Кубанской дивизии. После эвакуации из Крыма и пребывания в Галлиполи (Турция) проживал в Югославии. Председатель главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода.

126 Щепкин, Николай Николаевич (1854–1919) – земский деятель, гласный Московской городской думы и губернского земского собрания. Товарищ директора Северного страхового общества; член ЦК кадетской партии с ее I съезда. Депутат III–IV Государственной думы. После Февральской революции 1917 – комиссар Временного правительства в Туркестане. Вернулся в Москву во время Октябрьского переворота. Один из создателей антисоветских организаций: «Девятки», Правого центра, Союза возрождения России (зам. председателя), Национального центра, руководил московским отделением последнего. Входил в руководство Тактического центра, готовившего вооруженное восстание в Москве. 28 августа 1919 был арестован. По приговору суда расстрелян в составе 67 чел., проходивших по делу Тактического центра.

127 28 ноября 1917 – первоначальная дата открытия Учредительного собрания.

128 Черненков, Николай Николаевич (1863–?) – агроном, статистик, земский деятель; член ЦК кадетской партии (1905–1912; с апреля 1917), секретарь аграрной комиссии при ЦК. После Февральской революции 1917 работал в комиссии по аграрному вопросу при Министерстве земледелия.

129 Мутизм (от лат. mutus – немой) – отказ от речевого общения при отсутствии органического поражения речевого аппарата.

[130] Чолганский, Л.Э. – входил в состав Киевского кадетского комитета. Товарищ председателя делегатского съезда кадетской партии на Украине (апрель 1918); был избран в Главный комитет партии народной свободы на Украине.

[131] Брунст, Виктор Эмильевич (1864–1932) – агроном, педагог; член кадетской партии. После Февральской революции 1917 возглавлял департамент сельскохозяйственных машин и заводов при Министерстве земледелия. Эмигрировал в Болгарию.

[132] Франкфурт, Соломон Львович – сахарозаводчик; создал научный институт при синдикате сахарозаводчиков. После Февральской революции 1917 был избран на губернском съезде в состав губернского Исполнительного комитета. На делегатском съезде кадетской партии на Украине (апрель 1918) избран в состав Главного комитета.

[133] Аугаген (Auhagen), Отто (1869–1945) – профессор сельскохозяйственных наук в Высшей школе Берлина (1905). Эксперт по сельскохозяйственным вопросам в германском посольстве в Петербурге (1900–1906); профессор Высшей сельскохозяйственной школы Берлина (1906–1928). В 1918 эксперт верховного командования по вопросам сельского хозяйства в Киеве. Вновь занимал пост эксперта по сельскохозяйственным вопросам в германском посольстве в Москве (1927–1930). В 1929 с успехом выступал в защиту 10 тыс. немецких крестьян, которые ввиду предстоящей коллективизации требовали от советского правительства разрешения на выезд из страны. В 1931–1933 директор Института Восточной Европы в Бреслау.

[134] Колокольцев, Василий Григорьевич (1866–1934) – общественный деятель, земец; председатель Волчанской уездной и Харьковской губернской земских управ. Редактор «Волчанского земского листка» (1912–1917). Министр земледелия в гетманском правительстве П.П. Скоропадского с 15 мая по 19 октября 1918, начальник управления земледелия в Особом совещании при генерале А.И. Деникине. Возглавлял комиссию по разработке земельного вопроса, однако Деникин не утвердил составленный комиссией проект, и Колокольцев вышел в отставку. В ноябре 1919 эмигрировал в Салоники, позже перебрался во Францию. В 1924 член Комитета Союза русских торгово-промышленных и финансовых деятелей в Германии. С августа 1925 работал на заботе Рено в Бийанкуре.

[135] Глинка, К.Д. (1867–1927) – почвовед, действительный статский советник (1915); профессор Петроградских высших женских курсов, директор Воронежского сельскохозяйственного института им. Петра I, исследователь российских черноземов, впоследствии академик.

[136] Грузинов, А.Е. – полковник (с апреля 1917 – подполковник), председатель Московской губернской земской управы. Член «Союза 17 октября». В 1917 по предложению Комитета общественных организаций при Московской городской думе на него было возложено командование войсками Московского гарнизо-

на. 10 марта 1917 приказом по армии и флоту был назначен командующим войсками Московского военного округа.

[137] Коцев, Пшемаха – кабардинец, один из влиятельных членов правительства горных народов Кавказа, созданного в декабре 1917. Находился при Кубанском правительстве во время 1-го Кубанского похода. В начале 1918 ездил в Константинополь, призывая турок помочь горцам освободиться от «русского владычества». 26 ноября 1918 горская делегация во главе с Коцевым посетила в Баку английского генерала Томсона. Английское командование, признав Горскую республику и ее правительство, предложило Коцеву организовать новое коалиционное правительство, которое действовало бы в единении с союзниками. 18–22 декабря 1918 в Темир-хан-Шуре проходил съезд представителей Дагестана, Чечни, Осетии и нескольких кабардинцев, который вручил Коцеву всю полноту власти. (Генерал А.И. Деникин считал съезд собранием случайных людей, т. к. к тому времени вся Кабарда, Осетия, Ингушетия и половина Чечни находились руках большевиков.) Коцев обратился через генерала Эрдели с ультимативным требованием отвода частей Добровольческой армии из Валикавказского и других горских районов.

[138] Лерхе, Герман Германович (1868–1963) – камергер, член ЦК «Союза 17 октября». Депутат III Государственной думы, председатель финансовой комиссии. В эмиграции жил во Франции.

[139] Боткин, Петр Сергеевич (?–1933) – дипломат. 2-й секретарь миссии в Вашингтоне, секретарь дипломатического агентства в Софии, 1-й секретарь посольства в Лиссабоне, затем в Лондоне. С 1907 посол в Марокко. С 1912 посланник и полномочный посол в Лиссабоне.

[140] Тальберг, Николай Дмитриевич (1886–после 1950) – во время Первой мировой войны чиновник особых поручений при министре внутренних дел. В годы Гражданской войны министр внутренних дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. После падения гетманского режима эмигрировал в Болгарию, потом в Германию. В мае 1921 участвовал в работе Рейхенгалльского монархического съезда в Берлине.

[141] Павлов, Александр Александрович (1867–1935) – генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер. 17 ноября 1915 назначен командиром 6-го кавалерийского корпуса. В 1918 проживал в Киеве; отказался принять должность в формируемой Украинской армии гетмана П.П. Скоропадского. Стал во главе Астраханской армии, формировавшейся по инициативе генерала П.Н. Краснова при поддержке германских оккупационных войск. Когда германские власти прекратили поддержку, подписал 7 сентября 1918 договор между командованием Астраханской армии и киевским Советом монархического блока, обещавшим материальную помощь. В начале 1919 сохранившиеся кадры Астраханской армии влились в Добровольческую армию, а Павлов поступил в распоряжение главнокомандующего ВСЮР. В январе 1920, после смерти генерала К.К. Мамонтова, был назначен командиром 4-го Донского корпуса. В конце февраля совет командиров низ-

ложил генерала Павлова. После эвакуации из Крыма он проехал через Константинополь и поселился в Сербии.

[142] Келлер, Федор Артурович (1865–1918) – граф, генерал от кавалерии. Участник Первой мировой войны, командир 10-й кавалерийской дивизии (1914–1916), командир 3-го конного корпуса (1916 – апрель 1917). Отказался присягать Временному правительству, сдал корпус генералу Крымову, уехал в Харьков. В начале ноября 1918 военное представительство и псковские общественные организации обратились к нему с просьбой принять на себя командование Северной армией, Келлер решил принять это предложение, но, находясь на пути в Псков, получил предложение гетмана П.П. Скоропадского командовать его войсками на Украине. Решив вернуться в Киев, Келлер, однако, предъявил гетману ультимативное требование предоставить ему всю полноту власти, включая и законодательную. Ультиматум не был принят, 13 ноября гетман устранил его от должности и назначил зам. генерала Долгорукова. Выступал за воссоздание единой России. После взятия Киева войсками С.В. Петлюры был арестован и расстрелян.

[143] Романовский, Иван Павлович (1877–1920) – генерал-лейтенант (с 12 ноября 1918). Георгиевский кавалер. В 1917 начальник штаба 8-й армии при командующем генерале Л.Г. Корнилове. В августе 1917 активный участник выступления генерала Корнилова; в сентябре 1917 был арестован и заключен в Быховскую тюрьму. Принял непосредственное участие в формировании Добровольческой армии. С декабря 1917 начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 8 января 1918 начальник штаба главнокомандующего ВСЮР, затем помощник главнокомандующего ВСЮР. 16 марта 1920 сдал свою должность генералу И.О. Махрову. 22 марта выехал вместе с генералом А.И. Деникиным из Феодосии в Константинополь. 5 апреля убит в здании русского посольства в Константинополе.

[144] Арним (Arnim), Ганс, фон (1846–1922) – генерал-лейтенант (1901) германской армии. С 1902 командовал 2-й гвардейской дивизией, в 1906–1909 губернатор Метца. Генерал от инфантерии (1909).

[145] «Донской край» – газета, орган Временного Донского правительства. Выходила в Новочеркасске с апреля по сентябрь 1918 (с перерывами). Редактор С.П. Черевков, затем И.А. Родионов.

[146] «Ростовская речь» – общественно-политическая газета. Выходила в Ростове-на-Дону в 1917–1918. Редакторы: К.М. Пономарев, В.А. Харламов.

[147] Голубович, Всеволод Александрович (1885–?) – с 1917 член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), представлял партию в Малой Раде Украинской Центральной Рады. Летом 1917 входил в генеральный секретариат (правительство) Украинской Центральной Рады, где возглавлял ведомства путей сообщения, промышленности и торговли. В декабре 1917 выдвинут от УПСР главой украинской делегации на мирных пе-

реговорах в Брест-Литовске. 29 января 1918 назначен премьер-министром и министром иностранных дел в Совете народных министров Украинской народной республики. После переворота гетмана П.П. Скоропадского (апрель 1918) арестован, освобожден 1 декабря 1918. В начале апреля 1919 решением ЦК УПСР назначен редактором центрального органа партии – газеты «Трудова громада», опубликовал в ней свои дневники. В июле 1919 глава специальной дипломатической миссии Украинской народной республики в Италии для обеспечения репатриации военнопленных украинцев и поставок военного снаряжения для украинской армии. В феврале 1920 вошел в образованную Национальную Раду в качестве представителя от УПСР, занимался разработкой проекта новой конституции Украинской народной республики. В конце марта 1920 вышел из Национальной Рады как противник соглашения с Польшей. 10 мая 1920 делегирован от ЦК УПСР уполномоченным партии на правительственные межпартийные совещания при Директории Украинской народной республики в Виннице. 10 августа 1920 арестован в Каменец-Подольске Особым отделом 14-й армии, приговорен 22 мая революционным трибуналом в Харькове к 5 годам концлагерей по обвинению в государственной измене. Вскоре амнистирован, работал в советских хозяйственных органах. Председатель ВСНХ УССР. В 1931 арестован, осужден по делу об Украинском Национальном центре.

[148] Грушевский, Михаил Сергеевич (1886–1934) – один из основателей Украинской национально-демократической партии в Галиции; входил в руководство Товарищества украинских прогрессистов. В начале 1917 поддерживал отношения с российскими радикалами, настаивая на создании единого фронта оппозиции. После Февральской революции 1917 выехал на Украину. 6–8 апреля руководил работой Украинского Национального конгресса. В 1917–1918 председатель Украинской Центральной Рады, возглавил ее Исполнительный комитет – Малую Раду. Выступал за национально-территориальную автономию Украины. В 1919 эмигрировал. В марте 1924 по разрешению Всеукраинского ЦИК вернулся в УССР, возглавил историческое отделение Украинской Академии наук.

[149] Свечин, Александр Александрович (1866–?) – полковник гвардии в отставке. Председатель Черниговской губернской земской управы. Член ЦК кадетской партии. Депутат I Государственной думы. Эмигрировал во Францию. До раскола Парижской кадетской группы входил в ее Комитет, затем вместе со сторонниками Милюкова стал членом вновь созданной в июле 1921 Парижской демократической группы. Возглавлял Российский общественный комитет во Франции помощи голодающим в России.

[150] Возможно, имеется в виду Маркович, Д. – украинский социал-федералист, управляющий Министерством юстиции в одном из кабинетов Украинской директории.

[151] Чубинский, Михаил Павлович (1871–1943) – криминалист, профессор Харьковского университета. Министр юстиции, замести-

тель премьера гетманского правительства, впоследствии обер-прокурор Правительствующего Сената в Новочеркасске. Приверженец идеи «особого украинского народа». Эмигрировал в Югославию. С 1920 член Постоянного законодательного совета при Министерстве юстиции Югославии, работал над проектами Уголовного кодекса и Уголовного судопроизводства. Председатель Союза русских юристов в Югославии, член Русской Академической группы в Югославии. С 1923 ординарный профессор по кафедре уголовного права в университете Суботицы. Возглавлял Национальный кружок, стоявший «на платформе Национального съезда 1921». Один из организаторов Национального блока в Белграде летом 1927.

[152] Скоропись-Иолтуховский, Александр Филаретович (1880–1945) – украинский политический деятель. Депутат I Государственной думы. В период Первой мировой войны один из организаторов и руководителей Союза освобождения Украины. После занятия русскими войсками Галиции Союз был переведен в Вену, а затем в Берлин. Работал среди украинских военнопленных в германских лагерях. Пользовался поддержкой германского генштаба. В период германской оккупации был назначен губернатором Холмщины и Подольщины. В эмиграции принимал активное участие в украинском монархическом движении.

[153] Васильчикова, Лидия Леонидовна (урожд. Вяземская) – княгиня; дочь товарища министра двора, главы императорских уделов князя Л.Д. Вяземского. В 1908 вышла замуж за князя И.С. Васильчикова.

[154] Очевидно, Ганейзер, Е.А. (1861–?) – русский беллетрист и публицист. С 1904 член редакции эсеровской газеты «Сын Отечества», с 1906 – кадетской газеты «Страна».

[155] «Южные ведомости» – ежедневная общественно-политическая газета, орган Таврического союза журналистов и литераторов. Выходила в Симферополе с 17 мая 1906 по 1920. Редактор С.Е. Бычков, издатель О.Д. Усова. В 1918 газета издавалась как орган Таврического губернского земства. Редактор Н.Н. Богданов.

[156] Возможно, Елпатьевский, Сергей Яковлевич (1854–1933) – врач, писатель, публицист. Постоянный сотрудник журнала «Русское богатство», публиковался в «Русских ведомостях». Жил в Ялте, был членом Ялтинской городской думы. За брошюру «Земля и свобода» был подвергнут годичному тюремному заключению, которое отбывал в 1910–1911 в Петропавловской крепости и в «Крестах». Один из основателей Трудовой народно-социалистической партии, член ее организационного комитета, активно сотрудничал в ее печатных изданиях: «Народно-социалистическое обозрение» и газета «Общественное дело». В годы Первой мировой войны работал в госпиталях Всероссийского земского союза. В 1917 вышел из партии энесов.

[157] Возможно, имеется в виду полковник Егоров, который прибыл в Киев в качестве военного эксперта в составе делегации Советской России во главе с Х.Г. Раковским на переговоры с Украиной. По

обвинению в большевистской пропаганде и организации восстания против гетмана министр внутренних дел И.А. Кистяковский отдал распоряжение об его аресте и обыске в помещении делегации и российского консульства.

[158] Дебогорий-Мокриевич, Владимир Карпович (1848–1926) – деятель революционного движения 1870-х. Участник «хождения в народ» (Киевская губ.). В 1875 один из организаторов кружка «Южных бунтарей» в Киеве. В конце 1870-х отошел от анархизма, в 1878 участвовал в переговорах революционеров с либеральными земцами в Киеве. В 1879 арестован в Киеве и приговорен к 14 годам 10 мес. каторги. В 1881 эмигрировал, сотрудничал в журнале «Вестник Народной воли», газетах «Самоуправление» и «Прогресс». Вместе с В.Л. Бурцевым редактировал в 1888–1889 журнал «Свободная Россия». В 1894 принял болгарское подданство, отошел от политической деятельности. В августе 1917 приехал в Россию, Октябрьскую революцию не принял. Вернулся в Болгарию.

[159] Савич, Никанор Васильевич (1869–1942) – октябрист, член бюро Совета государственного объединения России, член Особого совещания «без портфеля». Государственный контролер в правительстве генерала П.Н. Врангеля.

[160] Скоропадский, Георгий Васильевич (1873–1925) – из потомственных дворян Черниговской губ., землевладелец. Гласный уездного и губернского земств, председатель уездной земской управы, почетный мировой судья. Депутат III–IV Государственной думы от Черниговской губ. Октябрист. Эмигрировал, жил в Югославии.

[161] Нуланс (Noulens), Жозеф (1864–1939) – французский государственный и политический деятель; дипломат. В 1913–1914 военный министр, в 1914–1915 министр финансов; в 1917–1918 посол Франции в России. Был назначен председателем международной комиссии, созданной по решению Верховного совета союзников, обсуждавшего 10 августа 1921 проблему помощи России в Париже.

[162] Богданов, Николай Николаевич (1875–1930) – земский деятель, член губернской земской управы; кадет. В 1917 комиссар Временного правительства в Таврической губ. Предшественник В.А. Оболенского на посту председателя губернской земской управы. Участник 1-го Корниловского похода. Министр внутренних дел в Крымском краевом правительстве. Летом 1919 послан генералом А.И. Деникиным в Сибирь. После падения правительства адмирала А.В. Колчака эмигрировал через Владивосток во Францию.

[163] Парамонов, Николай Елпидифорович (1876–1951) – крупный ростовский промышленник, основатель и владелец издательства «Донская речь»; член кадетской партии. С весны 1918 управляющий отделом торговли и промышленности Всевеликого войска Донского. В январе–феврале 1919 занимал должность управляющего отделом пропаганды при Особом совещании. В феврале 1920 эмигрировал в Константинополь, в 1921 переехал в Берлин,

вел коммерческую деятельность, некоторое время сотрудничал в издательстве «Логос».

[164] Всеволожский, В.А. – член монархической партии в Киеве.

[165] Янов, Георгий Петрович (1878–1924) – казак ст. Новочеркасская Области войска Донского. Есаул лейб-гвардии казачьего полка, в штабе войскового атамана. В Донской армии, в январе 1918 войсковой есаул. Входил в Донское правительство; глава Совета обороны в Новочеркасске. Председатель Круга спасения Дона. С 5 мая 1918 управляющий отделом внутренних дел Донского правительства. Войсковой старшина (май 1918), полковник. С 12 июня 1918 товарищ председателя войскового круга. В сентябре–октябре 1918 начальник войсковой стражи. С 25 октября 1918 входил в состав специальной миссии, посланной атаманом войска Донского в страны Антанты с целью ознакомления с положением дел на Дону и в Добровольческой армии, убеждения их в том, что Добровольческая армия ничтожна по количеству, а единственная реальная сила на Дону – в руках генерала П.Н. Краснова, и что последний никогда не согласится на подчинение генералу А.И. Деникину; кроме того, предполагалось просить у союзников помощи военным снаряжением. С начала 1919 окружной атаман Черкасского округа. Редактор газеты «Донские областные ведомости». Генерал-майор. В эмиграции в Югославии, в 1922–1923 атаман казачьей станицы в Белграде.

[166] «Вечернее время» – ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге-Петрограде в 1911–1917. В 1918 Б.А. Суворов организовал ее издание в Ростове. Газета правой ориентации, выступала в поддержку Добровольческой армии.

[167] Суворин, Борис Алексеевич (1879–1940) – редактор газеты «Вечернее время».

[168] Одинец, Дмитрий Михайлович (1883–1950?) – историк и публицист; украинский политический деятель. Входил в руководство киевского отделения Союза возрождения России. Министр в правительстве С.В. Петлюры; был начальником управления по делам интернированных Русского эвакуационного комитета, затем Ликвидационной комиссии по делам Русского эвакуационного комитета в Польше, возглавлявшихся Б.В. Савинковым.

[169] Ефимовский, Евгений Амвросиевич (1885–1964) – адвокат, присяжный поверенный; историк, ученик В.О. Ключевского. Кадет, представитель Киевского кадетского комитета на делегатском съезде партии народной свободы на Украине в апреле 1918; высказывался против вхождения в правительство П.П. Скоропадского. Член Национального центра. В 1918 возглавил в Киеве конституционное крыло общемонархического фронта. Был редактором газеты «Голос Киева». В 1919 отбыл за границу в составе делегации от командования Добровольческой армии. В эмиграции основал и возглавил Русскую национально-демократическую партию, редактор конституционно-монархического органа «Грядущая Россия» (Германия). Участник Рейхангалльского монархического съезда (1921). Председатель Русского народно-мо-

нархического союза (партия конституционных монархистов), который вошел в общемонархическое объединение, основанное на съезде в Рейхенгалле. С 1923 издавал в Париже «Русскую газету» (вместе с А.И. Филипповым).

170 Лукомский, Александр Сергеевич (1868–1939) – генерал-лейтенант генштаба (с апреля 1916). В 1917 начальник штаба верховного главнокомандующего при генерале Л.Г. Корнилове. В начале сентября 1917 вместе с Корниловым был арестован и заключен в Быховскую тюрьму, из которой бежал на Дон; участвовал в организации Добровольческой армии. В декабре 1917 назначен начальником штаба армии, летом 1918 – заместителем председателя Особого совещания при генерале А.И. Деникине. С октября 1918 – начальник военного управления и помощник главнокомандующего. С 12 октября по декабрь 1919 председатель Особого совещания. В конце марта 1920 генерал П.Н. Врангель назначил его представителем главнокомандующего при союзном командовании в Константинополе.

171 Маклецов, Александр Васильевич (1884–?) – профессор юридического факультета Харьковского университета, специалист по уголовному праву; кадет. На делегатском съезде кадетской партии на Украине (апрель 1918) был избран в Главный комитет. Редактор газеты «Новая Россия» (Харьков) – органа местного кадетского комитета и харьковского отделения Национального центра. Эмигрировал в Югославию. Входил сначала в бюро Югославянской группы кадетов, затем был избран товарищем ее председателя (П.П. Юренева): После отъезда Юренева в Константинополь стал и. о. председателя, позднее – полноправным председателем группы. Член Всероссийского Союза городов, заведовал его школьным отделом; член бюро Внепартийного объединения общественных и политических деятелей в Белграде. В ноябре 1921 переехал в Прагу, был профессором и секретарем Русского юридического факультета (1922–1926), секретарь созданного в июле 1922 при факультете Общества правоведения и общественных знаний. Член пражского отдела Русского Национального союза, в 1923 вышел из его состава в знак протеста против поправения его политической позиции. В 1926 вернулся в Югославию, профессор Люблянского университета.

172 Штерн, С.Ф. – представитель Одесского кадетского комитета на делегатском съезде партии народной свободы на Украине (апрель 1918); товарищ председателя съезда. Был избран в Главный комитет кадетской партии на Украине. Эмигрировал во Францию. С мая 1920 член Парижского комитета кадетской партии, однако в декабре из-за разногласий вышел из его состава. Член бюро Российского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России.

173 Возможно, Рейс XXXI, Генрих – принц, до Первой мировой войны германский генеральный консул в Калькутте, занимался тайной агитацией против Англии. Затем был назначен посланником в Персию, где активно действовал против держав Согласия, пока не был по настоянию Англии отозван на родину.

[174] Александр Михайлович Романов («Сандро») (1866–1933) – великий князь, 4-й сын вел. кн. Михаила Николаевича, муж вел. кн. Ксении Александровны – сестры императора Николая II. Генерал-адъютант (1909), адмирал (1915). В октябре 1917 находился под охраной Севастопольского совета в своем крымском имении «Дюльбер». В апреле 1918 был освобожден германскими войсками и 24 декабря на английском корабле «Forsight» отбыл из Севастополя в Париж. Участвовал в деятельности Русского общевоинского союза (РОВС), был почетным председателем Союза русских военных летчиков, Парижской кают-компании, Объединения чинов гвардейского экипажа, покровителем Национальной организации русских разведчиков.

[175] Венизелос, Элефтериос (1864–1936) – греческий государственный и общественный деятель; основатель и лидер Либеральной партии Греции (1910). Премьер-министр в 1910–1915, инициатор налоговой, аграрной и административной реформ в Греции. Во время Первой мировой войны – сторонник Антанты, из-за разногласий с королем Константином, который придерживался германской ориентации, был вынужден уйти в отставку. После отречения Константина в 1917 вновь занял пост премьер-министра. На выборах в ноябре 1920 возглавляемая Венизелосом Либеральная партия потерпела поражение, Венизелос вышел в отставку. Впоследствии был премьер-министром в январе–феврале 1924, 1928–1932 и 1933.

[176] Шелухин, С.П. (1864–1938) – украинский социалист-федералист; министр юстиции в последнем кабинете Украинской Центральной Рады. 11 декабря 1918 был вызван на заседание Совета министров в числе других общественных деятелей, которым было предложено взять на себя посредническую роль на переговорах с приближающимся к Киеву С.В. Петлюрой. При Украинской директории министр юстиции в первом ее правительстве, образованном в декабре 1918, глава украинской делегации на мирных переговорах Украины и Советской России, затем член делегации, посланной директорией в Персию.

[177] Драгомиров, Абрам Михайлович (1868–1955) – генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. С августа 1918 помощник верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 октября 1918 по сентябрь 1919 одновременно председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. С 11 сентября по декабрь 1919 главноначальствующий и командующий войсками Киевской области. С 8 марта 1919 заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска. В эмиграции в Югославии, с 1924 генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 во Франции.

[178] Бисмарк (Bismarck), фон Шёнхаузен (Schönhausen), Отто (1818–1895) – князь, немецкий политический деятель и дипломат; провел объединение Германии под главенством Пруссии; 1-й рейхсканцлер Германской империи в 1871–1890.

[179] Речь идет о Потсдамском соглашении 1911 между Россией и Германией (заключено 6 августа). Неудачная попытка Германии

оторвать Россию от Антанты, используя русско-английские противоречия. Согласно соглашению Германия признавала Северный Иран сферой русского влияния, Россия обязалась не препятствовать постройке Багдадской железной дороги.

180 «Русские ведомости» – общественно-политическая газета либерального направления. Издавалась в 1863–1918 в Москве. С № 108 (1913) издателями газеты являлись кадет А.А. Мануйлов и А.А. Чупров, с № 64 (1917) – Чупров. Первоначально газета выходила 3 раза в неделю, с 1868 стала ежедневной. Газета служила органом либеральной интеллигенции, последовательно отстаивала необходимость политических и социально-экономических реформ, политических и гражданских свобод. Газета сыграла важную роль в развитии идеологии и организационном оформлении отечественного либерализма. Вокруг ее редакции в период революции 1905–1907 было сформировано московское отделение Партии демократических реформ во главе с одним из соредакторов газеты В.Ю. Скалоном. В период Февральской революции 1917 газета приветствовала падение самодержавия и призывала к сплочению вокруг Временного правительства всех политических партий. В конце марта 1918 газета была закрыта «за контрреволюционную агитацию».

181 Возможно, Белоруссов (Белецкий), А.С. – московское отделение Национального центра направило его в Сибирь. До середины мая 1919 жил в Екатеринбурге, где участвовал в создании Национального союза, редактировал газету «Отечественные ведомости». Затем был назначен на пост председателя комиссии по подготовке Учредительного собрания и переехал в Омск.

182 Мануйлов, Александр Апполонович (1861–1929) – историк, юрист, экономист. Ректор Московского университета (1908–1911). Член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов (1906–1911). Член редколлегии журнала «Вестник Европы» (с 1912). Член ЦК кадетской партии (с 1905). Председатель экономического совета Всероссийского Союза городов (с 1914). Министр просвещения во Временном правительстве. Редактор, а с 1917 главный редактор газеты «Русские ведомости». После Октябрьского переворота выехал в Тифлис. Вернувшись в Москву в январе 1918, преподавал в Московском университете, работал в Комиссии по реформе правописания. В 1919–1920 консультант Наркомата финансов, с 1921 член правления Госбанка. Активно участвовал в проведении денежной реформы.

183 Савин, Александр Николаевич (1873–?) – профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории. Сотрудничал в «Русских ведомостях» с ноября 1909, публиковал статьи исторического содержания и о текущей политической жизни в Англии.

184 Львов, Николай Николаевич (1867–1944) – юрист; в октябре 1905 один из создателей кадетской партии, член ее ЦК, вскоре, однако, из-за разногласий по аграрному вопросу, вышел из рядов партии. В июле 1906 участвовал в создании Партии мирного обновления. Депутат I–IV Государственной думы. В 1912 один

из учредителей Партии прогрессистов. Не принял Октябрьской революции. В 1918 вошел в Национальный центр. Выехал на юг России, был избран членом Центрального совета Союза русских национальных общин, возглавил в марте 1919 областное отделение Совета государственного объединения России. Редактор выходившей в Екатеринодаре газеты «Великая Россия». В ноябре 1920 эмигрировал.

[185] «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета») – народное название «Neue Preussische Zeitung» («Новая прусская газета»), данное ей по железному кресту (Kreuz), помещенному в шапке газеты. Ежедневная консервативная газета, основана О. фон Бисмарком, Э.Л. фон Герлахом и др. в 1848 в Берлине. С 1911 газета стала называться «Neue Preussische (Kreuz) Zeitung» («Новая Прусская крестовая газета»), являлась органом правого крыла прусских консерваторов, позднее – Германской консервативной партии. Прекратила выход в 1939.

[186] Брасова, Наталия Сергеевна (урожд. Шереметьевская, в 1-м браке Мамонтова, во 2-м Вульферт) – графиня, морганатическая супруга вел. кн. Михаила Александровича.

[187] Александровский, Александр Петрович (1865–?) – священник. Член «Союза 17 октября». Депутат I Государственной думы от съезда землевладельцев Костромской губ.

[188] Граббе, Михаил Николаевич (1868–1942) – граф, генерал-лейтенант. 8 мая 1916 назначен войсковым наказным атаманом войска Донского. После Февральской революции 1917, по предписанию Донского исполнительного комитета, сложил с себя полномочия.

[189] Титов, Александр Андреевич (1878–1961) – член президиума Трудовой народно-социалистической партии. Весной 1918 участвовал в создании Союза возрождения России, по заданию руководства которого выехал в июне на Дон для установления контактов с командованием Добровольческой армии, вел переговоры с генералом М.В. Алексеевым. Участник Ясского совещания; в декабре 1918 делегирован совещанием для переговоров с союзниками в Париж и Лондон. С января 1919 входил в состав Русского политического совещания. Ростовское совещание Союза возрождения России включило его в состав делегации, посланной к генералу А.И. Деникину с предложением демократизации политики.

[190] Чернов, Виктор Михайлович (1873–1952) – один из лидеров эсеровской партии, автор ее аграрной программы. Занимал пост министра земледелия в первом коалиционном кабинете Временного правительства. Председатель Учредительного собрания в январе 1918. Летом 1918 возглавил Комитет членов Учредительного собрания в Уфе. С 1920 в эмиграции.

[191] Авксентьев, Николай Дмитриевич (1878–1943) – один из лидеров партии эсеров, входил в руководство Союза возрождения России. На Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 избран председателем Уфимской директории. Во время переворота 18 ноября 1918 в Омске был арестован; 20 ноября – отправлен за границу. Прибыв в Китай, он давал интервью, в которых

характеризовал режим адмирала А.В. Колчака как диктатуру «старого типа», которая вернет страну к абсолютизму прежних времен; министров колчаковского правительства оценивал как непрофессионалов и авантюристов. В начале 1919 поселился в Париже, сторонник военной интервенции союзников в Россию, позднее стал агитировать за поддержку правительств Колчака и Деникина при условии их демократизации. В апреле 1920 вместе с девятью членами Парижской группы эсеров выступил со специальным заявлением-протестом против намерения некоторых европейских правительств признать Советскую Россию.

[192] Руднев, Вадим Викторович (1879–1940) – входил в руководство Московского комитета эсеровской партии (с 1905). В 1908 арестован и выслан в Енисейскую губ., где находился 4 года. Решив стать земским врачом, выехал за границу и окончил медицинский факультет Базельского университета. После начала Первой мировой войны вернулся в Россию и был направлен врачом на госпитальное судно на Волгу. После Февральской революции 1917 находился в Москве, возглавил Московский комитет партии эсеров. В начале июля 1917 избран городским головой. Председатель Комитета общественной безопасности, созданного Московской думой при городском управлении 25 октября 1917. Надеялся превратить Москву в центр борьбы с большевиками во всероссийском масштабе, сформировать новое Временное правительство. Избран в Учредительное собрание по эсеровскому списку, однако уступил свое избрание О.С. Минору. Стал депутатом от Алтайского избирательного округа, избран председателем бюро фракции. Входил в Союз возрождения России. Пытался пробраться в Поволжье, однако неудачно. Выступал за поддержку деникинского режима, рассчитывал на его демократизацию. Участник Ясского совещания в качестве представителя Земско-городского объединения, затем вернулся в Одессу. В декабре 1918 участвовал в работе Симферопольского земско-городского съезда, где подчеркивал, что государственное строительство в России возможно только путем широкой общественной коалиции. 5 апреля 1919 покинул Одессу перед захватом ее большевиками и через Константинополь, Марсель добрался до Парижа. Секретарь редакции газеты «Еврейская трибуна». Выступал за коалицию с несоциалистической демократией, выражал несогласие с решениями 9-го Совета партии, призывавшими к прекращению партией вооруженной борьбы с большевиками и осуждавшими иностранную интервенцию. Делал заявления против признания европейскими государствами советского правительства.

[193] Зензинов, Владимир Михайлович (1880–1953) – член ЦК эсеровской партии. Депутат Учредительного собрания. В декабре 1917 был арестован большевиками и несколько месяцев содержался в Петропавловской крепости. Один из лидеров Союза возрождения России. В сентябре 1918 председатель Уфимского государственного совещания, избран в состав Временного всероссийского правительства (Директории). В ноябре 1918 арестован в Омске колчаковцами, свергнувшими власть Директории, а затем вы-

слан за границу. В начале 1919 поселился в Париже. Агитировал за поддержку правительств А.И. Деникина и А.В. Колчака при условии их демократизации.

[194] Гоц, Абрам Рафаилович (1882–1940) – член ЦК эсеровской партии, входил в Боевую организацию партии. С июня 1917 товарищ председателя ВЦИК. После Октябрьского переворота участвовал в организации антисоветского Комитета спасения родины и революции.

[195] Коварский (Каварский), Илья Николаевич (1880–1962) – член ЦК эсеровской партии. После Февральской революции 1917 избран в Московский комитет партии. С июля 1917 товарищ городского головы. После Октябрьского переворота вошел в антибольшевистский московский Комитет общественной безопасности. Депутат Учредительного собрания, избран в президиум бюро фракции правых эсеров. Член Союза возрождения России. В 1919 эмигрировал.

[196] Фондаминский (Фундаминский), Илиодор Исидорович (1880–1942) – член ЦК эсеровской партии, входил в состав Заграничной делегации ЦК (с 1909). После Февральской революции 1917 вернулся в Россию. Член редколлегии эсеровской газеты «Дело народа», товарищ председателя ВЦИК Совета крестьянских депутатов, комиссар Временного правительства на Черноморском флоте, депутат Учредительного собрания от этого флота. После Октябрьского переворота входил в антибольшевистскую организацию Союз возрождения России. Участник Ясского совещания представителей русских антибольшевистских организаций и их союзников. В апреле 1919 эвакуировался из Одессы.

[197] Моисеенко, Борис Николаевич – эсер, член боевой организации. Принимал активное участие в убийстве вел. кн. Сергея Александровича. В 1917 был комиссаром Юго-Западного фронта. Член Учредительного собрания. Секретарь Уфимского государственного совещания, секретарь съезда членов Учредительного собрания. 24 октября 1918 в Омске был похищен группой офицеров и убит.

[198] Тимофеев, Евгений Михайлович (1885–1941) – эсер. С мая 1906 отбывал наказание на каторжных работах. После Февральской революции 1917 освобожден. В марте 1917 вошел в президиум исполкома общественных организаций Иркутска и возглавил Объединенный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Член Учредительного собрания. В январе 1918 был избран в ЦК эсеровской партии, в бюро (президиум) ЦК. Весной 1918 вместе с И.С. Дашкевским, В.М. Зензиновым и Б.Н. Моисеенко организовал военную комиссию ЦК в Москве. В феврале 1919 участвовал в Одесской конференции, организованной Южно-Русским бюро партии эсеров. 17 мая 1920 арестован, в 1922 Верховным ревтрибуналом приговорен по делу ЦК партии эсеров к смертной казни, который был заменен 5 годами тюремного заключения. В 1926–1928 выпустил ряд работ, посвященных исследованию крестьянского хозяйства Казахстана, куда он был выслан. В 1929

ему разрешили переехать в Казань, однако постановлением Особого совещания от 3 января 1931 снова выслали на 3 года в Самарканд; работал экономистом. Военной коллегией Верховного суда СССР 20 июня 1939 приговорен к 25 годам лишения свободы. Расстрелян по приговору Военной коллегией Верховного суда СССР.

[199] Русанов, Николай Сергеевич (1859–1939) – эсер. Работал в «Русском богатстве», член его редакции. После Февральской революции 1917 выступал с левоцентристской позиции. В марте 1917 избран в состав редакции газеты «Дело народа». В начале июля 1917 делегирован руководством партии для участия в социалистической конференции в Стокгольме. На IV съезде эсеровской партии избран в ЦК. После разгона Учредительного собрания перешел на нелегальное положение. В апреле 1918 выехал из Финляндии вместе с В.В. Сухомлиновым в Стокгольм, где образовал Заграничную делегацию (ЗД) партии эсеров (ноябрь 1918). Вместе с другими членами ЗД выступал против иностранной интервенции в Россию, поддерживал идею президента Вильсона о созыве представителей всех участников Гражданской войны в России на Принцевых островах. Член редакции журнала «Революционная Россия». В 1923 ЗД предоставила ему «бессрочный отпуск» для литературной работы. С 1928 член Заграничного союза партии эсеров. С начала 1930-х окончательно отошел от политической деятельности.

[200] Минор, Осип (Иосиф) Соломонович (1861–1934) – эсер (1902). Арестован в 1909 и приговорен к 8 годам каторжных работ. После Февральской революции 1917 в Москве. Член Московского комитета эсеров, избран в ЦК партии. После Октябрьского переворота участвовал в борьбе с большевиками. Арестовывался, но был освобожден. В сентябре 1918 уехал в Симбирск, затем в Уфу. В начале 1919 эмигрировал из России. Был противником прекращения вооруженной борьбы с большевиками и отказа от иностранной интервенции. Выступал с протестом против намерений некоторых европейских государств признать советское правительство. Участник Совещания членов Учредительного собрания (январь 1921), избран в исполнительную комиссию. Член редакции еженедельного бюллетеня «Pour la Russie», издаваемого эсерами в Париже с 1919, и журнала «Воля России», основанного эсерами в сентябре 1920. На I съезде заграничных организаций эсеров избран в состав Областного заграничного комитета.

[201] Шаховской, Дмитрий Иванович (1862–1939) – князь, один из создателей кадетской партии, член ее ЦК (с 1905). Депутат I Государственной думы, секретарь Думы и кадетской фракции. Один из организаторов кооперативного движения. В годы Первой мировой войны был среди учредителей общества «Кооперация», в 1916 возглавил Совет общества. В период Февральской революции 1917 член исполкома Московского комитета общественных организаций, выступал за соглашение кадетов с меньшевиками и эсерами. Вошел в состав 1-го коалиционного кабинета Временного правительства в качестве министра государственно-

го призрения. После Октябрьского переворота один из организаторов Союза возрождения России. В феврале 1920 арестован ВЧК, вскоре освобожден по амнистии. В начале 1920-х отошел от политической деятельности, работал в кооперации, Госплане.

[202] Аргунов, Андрей Александрович (1866–1939) – член ЦК эсеровской партии. Был избран депутатом Учредительного собрания, член бюро эсеровской фракции. Дважды арестовывался, но каждый раз вскоре освобождался. Член Союза возрождения России. В качестве представителя центрального органа Союза участвовал в работе Уфимского государственного совещания (сентябрь 1918), где был избран в состав Временного Всероссийского правительства (Директории) товарищем председателя. В ночь на 18 ноября 1918, в результате переворота в Омске, арестован и выслан за границу. В начале 1919 через Шанхай прибыл в Европу, поселился в Праге.

[203] Болдырев, Василий Георгиевич (1875–1933) – генерал-майор. После Октябрьского переворота был арестован, по приказу Н.В. Крыленко, «за непризнание Советской власти», и приговорен к трем годам тюрьмы, однако вскоре освобожден. В 1918 вошел в руководство Союза возрождения России, в Национальный центр. На Уфимском государственном совещании был избран в состав Уфимской директории (от Союза возрождения России) и назначен главнокомандующим ее войсками. После переворота 18 ноября 1918 в Омске выслан в Японию.

[204] Голяшкин, А.Н. – представитель московских торгово-промышленных кругов. Входил в ряд антибольшевистских организаций: Союз общественных деятелей, Правый и Национальный центры.

[205] Червен-Водали, Александр Александрович (1872–1920) – нотариус; член кадетской партии. В мае 1917 был назначен комиссаром по делам благотворительности Москвы. После Октябрьского переворота принял деятельное участие в работе Торгово-промышленного комитета Москвы и Совета общественных деятелей; вошел в состав «Девятки», Правого центра, однако, из-за несогласия с германской ориентацией последнего, покинул его ряды; содействовал организации Национального центра. В ноябре 1918 выехал в Екатеринодар, где участвовал в составлении проектов гражданского устройства местностей, находившихся под контролем Добровольческой армии. В феврале 1919, по поручению Национального центра, отправился в Сибирь. Работал в финансовой и бюджетной комиссиях правительства, позднее стал членом Государственного экономического совещания. Вошел в Восточный отдел ЦК кадетской партии. Занимал посты товарища министра внутренних дел, зам. председателя Совета министров. 4 мая 1920 добровольно сдался новой власти. В мае 1920 предстал перед Чрезвычайным революционным трибуналом при Сибирском революционном комитете. Осужден к расстрелу, приговор приведен в исполнение 23 июля 1920.

[206] Федоров, Михаил Михайлович (1855–1948) – предприниматель, кадет. В ноябре 1917 вошел в организованный в Москве подполь-

ный центр – «Девятку», тогда же, в качестве представителя «Девятки», прибыл в Новочеркасск для оказания помощи генералу М.В. Алексееву, участвовал в работе Донского гражданского совета. В апреле 1918 возвратился в Москву; вступил в Правый центр в качестве представителя Торгово-промышленного комитета. После переезда Национального центра в расположение Добровольческой армии возглавил его правление. Член Особого совещания «без портфеля». В марте 1920 эмигрировал.

[207] Щепкин, Дмитрий Митрофанович (1879–после 1926) – юрист; с 1906 работал (с перерывами) в аппарате Государственной думы. В декабре 1914 избран членом Главного комитета Земского союза. С июля 1915 товарищ председателя Главного комитета Земского и Городского союзов. 2 марта 1917 назначен товарищем министра внутренних дел Временного правительства; оставался на этом посту по август 1917. С ноября 1917 председатель Совета общественных деятелей. В годы Гражданской войны активный участник московских подпольных антибольшевистских организаций. В 1920 по делу Тактического центра приговорен к 10 годам тюремного заключения, освобожден по амнистии. В 1922 вновь арестован, после освобождения служил в Московском синдикате «Сельмаш».

[208] Вырубов, Василий Васильевич (1879–1963) – земский деятель, кадет. Племянник кн. Г.Е. Львова. Член Пензенской губернской земской управы до начала Первой мировой войны. В годы войны член Главного комитета Земского и Городского союзов; заведующий земскими делами на Западном фронте при ставке главнокомандующего генерала М.В. Алексеева. После Февральской революции 1917 товарищ министра внутренних дел в 1-м кабинете Временного правительства, затем помощник по гражданской части при начальниках штаба верховного главнокомандующего генерале Алексееве и сменившем его генерале Н.Н. Духонине. В июле 1918 по вызову кн. Г.Е. Львова выехал в Омск. Затем по просьбе адмирала А.В. Колчака выехал вместе с кн. Львовым из России для ведения переговоров с представителями союзных держав. С конца 1918 в эмиграции в Париже. Управляющий делами Русского политического совещания в Париже. Член правления Российского Земско-городского комитета помощи беженцам, возглавлял отдел колонизации и труда, как представитель Земского союза входил в исполнительное бюро Делового комитета. Член совета Объединения российских земских и городских деятелей за границей.

[209] Струве, Петр Бернгардович (1870–1944) – философ, экономист, публицист, общественный деятель. В ноябре 1917 в Новочеркасске вошел в состав Донского гражданского совета. Член Правого и Национального центров. В конце 1918 переправился в Финляндию, активно участвовал в организации Белого движения на северо-западе России. В начале 1919 по поручению Национального центра совершил поездку в Великобританию и Францию с целью организации на Западе антибольшевистской кампании и материальной поддержки Белого движения. С сентября 1919 ре-

дактор «Великой России» – органа Совета государственного объединения России. С 29 марта 1920 начальник управления внешних сношений правительства генерала П.Н. Врангеля.

210 Гренар (Grenard), Жозеф Фердинанд (1866–?) – французский дипломат. Начав дипломатическую карьеру в 1899, был консулом в Риме, Одессе, Ливерпуле. В 1917–1918 генеральный консул Франции в Москве. Вышел в отставку с должности посла Франции в Белграде в 1927. Автор книги «Русская революция» («La révolution russe». – Paris, 1933).

211 Садуль (Sadoul), Жак (1881–1956) – французский политический деятель; капитан. Член Социалистической партии с 1903. С сентября 1917 атташе при французской военной миссии в России. После Октябрьского переворота выполнял миссию неофициального агента при контактах с большевиками. Часто посещал Л.Д. Троцкого и посылал по итогам встреч подробные отчеты А. Тома. Активно боролся против интервенции в Россию, вел пропаганду среди французских войск на юге России. Французский военный суд приговорил его заочно по обвинению в дезертирстве к смертной казни. После своего возвращения во Францию в 1924 был оправдан.

212 Роббинс (Robbins), Раймонд (1873–1954) – американский общественный и политический деятель; адвокат, бизнесмен, полковник. С июля 1917 в России, сначала в качестве заместителя, а с октября – руководителя американской миссии Красного Креста. Был посредником между американским посланником Френсисом и большевиками. В апреле 1918 отозван в США.

213 Локкарт (Lockhart), Роберт Гамильтон Брюс (1887–1970) – английский дипломат, журналист, разведчик. В 1915–1917 генеральный консул в России. В сентябре 1917 вернулся в Лондон. В январе 1918 глава специальной английской миссии при советском правительстве, выполнял функции неофициального агента по связям с советским правительством. В августе 1918 арестован большевиками, обвинен в шпионаже и в октябре выслан из России. Служил торговым секретарем английского посольства в Праге. В 1922 подал в отставку. В 1939–1940 работал в службе разведки Министерства иностранных дел. В 1940–1941 британский представитель Временного чехословацкого правительства в Лондоне. В 1941–1945 помощник министра иностранных дел. Автор книг «Мемуары британского агента» (1932) и др.

214 Лавернье (Lavergne), Джин Гиллам – французский офицер. В 1917–1918 военный атташе Франции в России, полковник. С марта 1918 по 1919 глава французской военной миссии в России, генерал. Сторонник союзной интервенции в Россию.

215 Чичерин, Георгий Васильевич (1872–1936) – член РСДРП (с 1905). В годы Первой мировой войны лондонский корреспондент газет «Наше слово», «Начало»; один из основателей и секретарей Комитета для оказания помощи русским политкаторжанам и ссыльнопоселенцам. После Февральской революции 1917 секретарь Лондонского комитета по репатриации эмигрантов. В августе 1917

был арестован за антивоенную пропаганду среди английских рабочих. После Октябрьского переворота Л.Д. Троцкий добился его обмена на английского посла Дж. Бьюкенена. 3 января 1918 освобожден, 6 января прибыл в Петроград, где 8 января назначен зам. наркома иностранных дел. С 24 февраля глава советской делегации на переговорах в Брест-Литовске, был в числе подписавших договор. Участвовал в обсуждении дополнительных статей договора с Германией, подписанных в Берлине 27 августа 1918. С 13 марта 1918 и. о. наркома, с 30 мая 1918 нарком иностранных дел РСФСР, в 1923–1930 нарком иностранных дел СССР.

[216] Виленкин, Александр Абрамович (1884–1918) – московский присяжный поверенный, часто выступал защитником по политическим делам. Участник Первой мировой войны, за боевые отличия получил Георгиевские кресты всех 4-х степеней. Видимо, при Временном правительстве получил офицерское звание – штабс-ротмистр 2-го Сумского гусарского полка. Входил в штаб савинковского Союза защиты родины и свободы, начальник Кавалерийского центра. Состоял юрисконсультом английского представительства, предполагалось, что через Виленкина шло снабжение Союза деньгами из английского представительства в Москве. Создавал отряды еврейской самообороны. В конце мая 1918 арестован и доставлен в Таганскую тюрьму. Расстрелян 5 сентября.

[217] Довгарт (Довгирт), Стефан Агатонович (1871–?) – полковник (1908). Начальник штаба 8-й Сибирской пехотной дивизии. Командовал офицерским отрядом Правого центра в Москве весной 1918.

[218] Шипов, Дмитрий Николаевич (1851–1920) – видный земский деятель; председатель ЦК «Союза 17 октября» (1905); в 1906 вступил в Партию мирного обновления, с 1907 председатель ее ЦК. Член Государственного совета (1906–1909). С 1911 отошел от политической и общественной деятельности. Октябрь 1917 встретил враждебно. Входил в антибольшевистский Правый центр, однако активного участия в его деятельности не принимал. В декабре 1919 арестован, умер в тюрьме.

[219] Четвериков, Сергей Иванович (1850–1929) – предприниматель. Осенью 1905 вместе с П.П. Рябушинским стал инициатором создания Умеренно-прогрессивной партии. Член ЦК «Союза 17 октября». С 1912 член ЦК Партии прогрессистов. После Октябрьского переворота входил в антисоветский Правый центр. Дважды арестовывался и отбывал тюремное заключение, затем эмигрировал в Швейцарию.

[220] Третьяков, Сергей Николаевич (1882–1943) – предприниматель. Входил в ЦК партии прогрессистов. С марта 1917 товарищ председателя Всероссийского союза торговли и промышленности. По политической ориентации был близок кадетской партии. Председатель Экономического совета в 3-м коалиционном кабинете Временного правительства. В ночь на 26 октября 1917 арестован в Зимнем дворце, заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В феврале 1918 освобожден. Вошел в Правый

центр. Эмигрировал в Финляндию, затем переехал на юг России. Входил в Совет государственного объединения России, участвовал в работе Ясского совещания; в составе делегации совещания вел в Лондоне переговоры с союзниками. Осенью 1919 добрался до Дальнего Востока, в ноябре вошел в Российское правительство в качестве министра торговли и промышленности. В январе 1920 вновь эмигрировал.

[221] Колчак, Александр Васильевич (1874–1920) – адмирал. В октябре 1918 прибыл в Омск. 4 ноября был назначен военным и морским министром Временного Всероссийского правительства. В результате переворота 18 ноября 1918 в Омске был провозглашен верховным правителем России. В ноябре 1919, в связи с приближением к Омску частей Красной армии, выехал в Иркутск, где 27 декабря 1919 был взят под охрану войсками чехословацкого корпуса. 4 января 1920 отрекся от власти. 15 января выдан чехословаками Политцентру, состоявшему из эсеров и меньшевиков, затем передан большевистскому ревкому, по приговору которого расстрелян 7 февраля 1920 в Иркутске.

[222] Мякотин, Венедикт Александрович (1867–1937) – председатель ЦК Трудовой народно-социалистической партии. Весной 1918 выступил одним из создателей и руководителей Союза возрождения России. В середине сентября выехал из Москвы в Заволжье. В конце ноября переехал из Киева в Одессу, где и оставался вплоть до занятия ее большевиками в апреле 1919. Выехал в расположение войск генерала А.И. Деникина. Сотрудничал в газете «Утро Юга». Пытался проводить линию на демократизацию денинкинского режима. После занятия большевиками Екатеринодара работал в архивной комиссии. В августе 1920 арестован по делу Союза возрождения России, приговорен к смертной казни, замененной 15-летним тюремным заключением. После 7-месячного заключения, в апреле 1921, освобожден по ходатайству В.Г. Короленко. В конце 1922 выслан из России.

[223] Татищев, Борис Алексеевич (1876–?) – директор канцелярии Министерства иностранных дел и советник 1-го политического отдела (1916 – ноябрь 1917). Статский советник, камергер.

[224] Косиковская, Александра Владимировна (?–1923) – общественная деятельница, член кадетской партии. В Первую мировую войну работала на фронте медсестрой. Эмигрировала вместе с деникинцами. Член Парижской кадетской группы, после ее раскола вошла в милюковскую Парижскую демократическую группу.

[225] «Die Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская газета») – немецкая ежедневная газета либеральной направленности. Издавалась с 1853 франкфуртским банкиром Розенталем (Rosenthal), сначала единолично, затем совместно с Зоннеманом (Sonnemann), как деловой листок, публиковавший биржевую сводку. Газета неоднократно изменяла свое название: с августа 1856 она называлась «Frankfurter Handelszeitung» («Франкфуртская торговая газета»), с 1859 – «Neue Frankfurter Zeitung» («Новая Франкфуртская газета»), с 1866 – «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt» («Франкфурт-

ская газета и торговый листок»). Накануне и во время Первой мировой войны газета выступала сторонницей мира. Несмотря на свою твердую демократическую и антинационалистическую позицию во время Веймарской республики, газета продолжала выходить и после 1933. В 1934 кампания «IG Farbenindustrie» приобрела большую часть акций газеты, принадлежащих семье Зоннеман, однако в 1939 должна была передать газету издательскому обществу «Герольд» («Herold-Verlagsgesellschaft»), объединявшему всю ненационализированную прессу. 10 августа 1943 газета была запрещена и 31 августа прекратила свой выход. Часть сотрудников газеты инициировала после окончания Второй мировой войны выход газеты «Frankfurter Allgemeine» («Франкфуртская всеобщая газета»).

[226] Гертлинг (Hertling), Георг, фон (1843–1919) – граф, немецкий политический деятель. Специалист по средневековой философии, профессор в Бонне (с 1880), с 1882 – в Мюнхене. С 1909 председатель фракции центра в рейхстаге. В 1912 назначен баварским министром-президентом (до октября 1917). С 1 ноября 1917 по 30 сентября 1918 рейхсканцлер Германии и прусский премьер-министр. 1 октября 1918 вышел в отставку, уступив место принцу Максу Баденскому.

[227] Горчаков, Александр Михайлович (1798–1883) – князь, дипломат. С 1817 на службе в МИД. В 1856 занял пост министра иностранных дел, с 1862 вице-канцлер, с 1867 государственный канцлер иностранных дел. Член Государственного совета (1856). Полагал, что России нужно сосредоточиться на внутренних делах и проявлять сдержанность во внешней политике. Пытался противодействовать завоевательной политике военного министра Д.А. Милютина в Средней Азии, был сторонником осторожной линии в восточном вопросе. В 1882 ушел в отставку с поста министра, сохранив звание канцлера как почетный титул.

[228] Розенберг (Rosenberg), Фредерик Ганс, фон (1874–1937) – немецкий дипломат, с 1917 в ранге посланника. В 1920–1922 посланник в Вене, в 1922 – в Копенгагене. В 1922–1923 министр иностранных дел. С 1924 посланник в Стокгольме, в 1933–1935 – в Анкаре.

[229] «Vorwärts» («Вперед») – ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократической партии; выходила с 1891 по постановлению Галльского съезда партии как продолжение издававшейся с 1884 газеты «Berliner Volksblatt» («Берлинская народная газета») под названием «Vorwärts. Berliner Volksblatt». Со второй половины 90-х, после смерти Ф. Энгельса, редакция стала ориентироваться на выражение взглядов правого крыла социал-демократической партии. До 1900 редактор В. Либкнехт. Выходила в Берлине до 1933.

[230] Шейдеман (Scheidemann), Филипп (1865–1939) – один из лидеров правого крыла Германской социал-демократической партии, с 1911 член ее правления. Типографский рабочий. Депутат рейхстага в 1903–1918, 1920–1933. В октябре 1918 вошел в прави-

тельство Макса Баденского. 9 ноября 1918 провозгласил республику. В ноябре 1918 – феврале 1919 один из председателей Совета народных уполномоченных. В феврале–июне 1919 возглавлял коалиционное правительство Веймарской республики. В дальнейшем отошел от активной политической деятельности. В 1920–1925 обербургомистр Касселя. В 1933 эмигрировал в Данию.

[231] Вольф (Wolf) – редактор газеты «Berliner Tageblatt» («Берлинская ежедневная газета»).

[232] Бернгард (Berhard), Георг (1875–1944) – немецкий публицист. В 1906 из-за разногласий с А. Бебелем исключен из Социал-демократической партии Германии. В 1908 глава редакции и член дирекции издательства Ulstein Verlag; с 1914 одновременно шеф-редактор газеты «Vossische Zeitung». Доцент (1916), почетный профессор по банковскому делу и денежному обращению в берлинской Высшей школе торговли. Депутат рейхстага. В 1933 эмигрировал в Париж, где основал и редактировал леводемократическую газету «Pariser Tageblatt» («Парижская ежедневная газета»). В 1941 бежал в США, где работал в Еврейском институте.

[233] Львов, Владимир Николаевич (1872–1934) – член «Союза 17 октября». Депутат III и IV Государственной думы. В дни Февральской революции 1917 член Временного комитета Государственной думы. В марте – июле 1917 обер-прокурор Святейшего Синода. После Октябрьского переворота отошел от политической деятельности. В 1920 эмигрировал. Примкнул к «сменовеховцам». В 1922 вернулся на родину и до 1927 работал в Высшем церковном управлении.

[234] Ярош (Jarosch), Вальтер (1879–1920) – майор германской армии. С апреля 1916 служил в штабе 8-й армии, в 1918 – в штабе германского военного командования на Украине. Затем до 1920 в министерстве рейхсвера.

[235] Антоний (в миру Храповицкий, Алексей Павлович) (1863–1936) – церковный деятель, философ, богослов. Архиепископ Харьковский и Ахтырский (с 1914); митрополит Киевский и Галицкий (с 1917). Член Государственного совета и постоянный член Святейшего Синода. Товарищ председателя Всероссийского Поместного собора Русской православной церкви (1917–1918). После убийства в 1918 митрополита Киевского Владимира был избран его преемником. В декабре 1918 после захвата Киева войсками Петлюры был арестован и заточен в униатский монастырь в Галиции. После освобождения председатель Высшего церковного управления (ВЦУ) юга России. В ноябре 1920 эмигрировал вместе с Русской армией генерала П.Н. Врангеля в Константинополь. Председатель 1-го Заграничного собора Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) (ноябрь 1921). После роспуска в 1922 патриархом Тихоном ВЦУ был избран председателем Архиерейского Синода РПЦЗ.

[236] Завойко, Василий Степанович – политический деятель и предприниматель; украинский помещик. В феврале 1917 директор-распорядитель компании «Эмбо и Каспий» на бакинских нефтяных промыслах. С апреля 1917 издавал в Петрограде журнал «Свобода

и борьба». Один из вдохновителей корниловского выступления в августе 1917.

[237] Андрей Владимирович Романов (1879–1956) – великий князь, младший сын вел. кн. Владимира Александровича и вел. кн. Марии Павловны, внук императора Александра II, двоюродный брат императора Николая II. Генерал-майор свиты его величества (1915), сенатор (1911). С мая 1915 командир лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады. Февральскую революцию 1917 встретил в Кисловодске. В августе 1918 был арестован и этапирован в Пятигорск, однако ему удалось, вместе с братом, вел. кн. Борисом Владимировичем, бежать в горы, в Кабарду, где он скрывался до конца сентября 1918. С октября 1918 жил в Анапе. В мае 1919, после освобождения Северного Кавказа от большевиков, переехал в Кисловодск. В январе 1920 прибыл в Новороссийск, в начале марта на итальянском пароходе «Семирамида» отбыл в Константинополь. С 1920 жил на юге Франции, в Кап д'Ай, с 1929 – в Париже. В 1921 оформил брак с известной балериной М.Ф. Кшесинской. Председатель Общества бывших офицеров гвардии.

[238] Савицкий, Петр Николаевич (1895–1968) – экономист, историк, философ. В 1916–1917 коммерческий секретарь российского посланника в Христиании (Норвегии). В октябре 1917 оставлен при Петроградском Политехническом институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории хозяйственного быта. После Октябрьского переворота уехал на Украину. Воевал в рядах русского корпуса на стороне гетмана П.П. Скоропадского; затем жил в Одессе, Екатеринодаре, Полтаве, Харькове, Ростове. С декабря 1919 до апреля 1920 и в мае–июле 1920 находился в заграничных командировках в качестве представителя администрации генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля в Париже, занимался организацией помощи русским беженцам. Помощник начальника части общих дел, затем начальник экономического отделения управления иностранных дел в созданном в апреле 1920 правительстве юга России. 11 ноября 1920 направлен в Константинополь, откуда переехал в Болгарию, а затем в Чехословакию. Приват-доцент кафедры экономики и статистики Русского юридического факультета.

[239] Гулькевич, Константин Николаевич (?–1935) – российский дипломат, работал в посольствах в Турции, Италии; советник 2-го (политического) отдела МИД; чрезвычайный посол в Норвегии с апреля 1916 по 1917; посланник в Швеции (1917–1920). После ликвидации императорской миссии переехал в Швейцарию, где стал заместителем председателя административного совета Нансеновского офиса в Женеве, эксперт Лиги Наций по делам беженцев.

[240] Беркгейм – граф, советник германского посольства.

[241] Бутенко, Борис Аполлонович (1872–1926) – инженер; директор Подольских железных дорог. В мае–декабре 1918 министр путей сообщения в правительстве гетмана П.П. Скоропадского.

[242] Буш (Busch), Эрнст (1887–1973) – немецкий дипломат. В годы Первой мировой войны находился на службе в МИД. В 1921–1925 секретарь германского посольства в Бухаресте, затем начальник отдела Италии и Балканский стран в МИД, затем советник германской миссии в Лиссабоне (до 1930).

[243] Аккерман, Петр Александрович – товарищ прокурора Виленского окружного суда. Директор департамента Державной варты (Министерства внутренних дел) при гетмане П.П. Скоропадском.

[244] Чикаленко, Евгений Харлампиевич (1861–1929) – украинский общественный и политический деятель. Один из организаторов Украинской демократической партии, содействовал ее объединению с Украинской радикальной партией. Основатель, издатель и меценат газеты «Громадська думка» (1905–1906) и «Рада» (1906–1914). Основатель и лидер Товарищества украинских прогрессистов (с сентября 1908). В 1914–1916 подвергался обыскам в силу антироссийских настроений; считал предпочтительнее для интересов Украины ее оккупацию войсками Германии. После Февральской революции 1917 депутат Центральной Рады от Товарищества украинских прогрессистов, член Рады Украинской партии социалистов-федералистов (с апреля 1917). Критически оценивал заключенный Центральной Радой Брестский мир. В период гетманства отказался от поста министра земельных дел, однако согласился войти в комиссию по выработке аграрного законопроекта. В январе 1919 выехал в Галицию, интернирован польскими властями. Затем в эмиграции.

[245] Яснопольский, Леонид Николаевич – гласный губернского земства. Депутат I Государственной думы от Полтавской губ. В 1918 член Всероссийского Главного комитета по сбору денежных и материальных средств на нужды Добровольческой армии и обеспечение инвалидов и семейств ее бойцов.

[246] Бурышкин, Павел Афанасьевич (1887–1955) – предприниматель, финансист. Член Московского отделения ЦК Прогрессивно-экономической партии (1912), входил в редколлегию газеты «Утро России», участвовал в финансировании издания. Гласный Московской городской думы. В период Первой мировой войны заведующий контрольным отделом при Главном комитете Всероссийского союза городов (1914–1917), член Центрального и Московского военно-промышленных комитетов (1915–1917). В апреле 1917 избран товарищем московского городского головы (кадета Н.И. Астрова, затем эсера В.В. Руднева). В августе 1917 один из активных организаторов Государственного совещания в Москве. В октябре 1917 возглавлял торгово-промышленную группу во Временном совете Российской республики (Предпарламенте). 25 октября под его председательством был создан Комитет общественного спасения. Весной 1918 участвовал в организации Правого центра, затем – Национального центра. Летом 1918 выехал из Москвы на юг России. В ноябре 1919, перебравшись к тому времени в Омск, вошел в состав правительства адмирала А.В. Колчака в качестве министра финансов. В январе 1920 эмигрировал через США во Францию, вошел в Российский торгово-промышленный и финансовый союз, Объединение деятелей русского финансового ведомства и др.

[247] Ритцлер (Rietzler), Курт (1882–1955) – немецкий дипломат, философ и публицист. С 1906 на дипломатической службе, доверенный сотрудник канцлера Бетман-Гольвега. С сентября 1917 руководитель русской секции в миссии в Стокгольме. С апреля до конца августа 1918 старший советник германского посольства в Москве, после убийства графа Мирбаха – поверенный в делах. С октября 1919 по май 1920 руководитель бюро рейхспрезидента, с 1927 почетный (нештатный) профессор во Франкфурте. Автор ряда работ по вопросам мировой политики.

[248] Имеется в виду восстание левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918. Организован левыми эсерами с целью свержения власти советского правительства и срыва Брестского мира.

[249] Дорошенко, Петр Яковлевич (1857–1919) – украинский общественный и культурный деятель, врач. Убит большевиками в Одессе.

[250] Антонов, Николай Иванович (1859–1938) – юрист, почетный мировой судья, землевладелец. Начальник 1-го департамента Министерства юстиции. Депутат III–IV Государственной думы от Харьковской губ., избран товарищем секретаря Думы. Член «Союза 17 октября».

[251] Авраам (первоначально Аврам) – согласно Ветхому Завету, родоначальник еврейского народа. Родился в 2040 до Рождества Христова. Желая испытать силу веры Авраама, Бог Яхве повелел ему принести в жертву сына Исаака на горе Мории, но в последний момент занесенная было рука Авраама была остановлена ангелом.

[252] Столыпин, Петр Аркадьевич (1862–1911) – государственный деятель. В феврале 1902 назначен губернатором Саратовской губ., получил личную благодарность Николая II за подавление крестьянских волнений в губернии. С 26 апреля 1906 министр внутренних дел, с 8 июля 1906 – одновременно председатель Совета министров. Проводил программу реформ в области экономики и управления.

[253] Вилков, А.А. – профессор политэкономии. Входил в Национальный центр.

[254] Лазаревский, Николай Иванович (?–1921) – юрист; кадет. Проректор Петроградского университета, профессор, специалист по русскому государственному праву. С июля 1917 был председателем Юридического совещания при Временном правительстве. В 1921 арестован по делу Петроградской боевой организации. Ему вменялась в вину подготовка «к моменту свержения советской власти» ряда проектов: о местном самоуправлении в России, о бумажных русских деньгах, о формах восстановления кредита в России; вербовка в организацию ряда ученых. По приговору суда расстрелян.

[255] Соколов, Константин Николаевич (1882–1927) – профессор государственного права Петербургского университета (1914); член ЦК кадетской партии. С мая 1918 член правления Национального центра. С сентября 1918 по декабрь 1919 член Особого совещания при генерале А.И. Деникине; управляющий отделом законов (с января по декабрь 1919), одновременно возглавлял отдел пропаганды (с марта по декабрь 1919). Основал в Екатеринодаре кадетскую газету «Свободная речь», ее редактор (с ноября 1918 по март 1919). До января 1919

читал курс государственного права в Северо-Кавказском Политехническом институте. В феврале 1920 выехал из Новороссийска в Турцию, затем переехал в Болгарию. Занимал должность профессора кафедры государственного права в Софийском университете; председатель местной кадетской группы; редактор газеты «Свободная речь» конституционно-монархической направленности. Входил в Совет софийского отдела Национального союза.

[256] Гессен, Владимир Матвеевич (1868–1920) – профессор государственного и административного права Петербургского университета (1910). В 1898 один из основателей и издатель (до 1917) ежедневной газеты «Право», ставшей авторитетным изданием в области юриспруденции; один из редакторов «Вестника права»; в качестве публициста сотрудничал в газетах «Речь», «Русские ведомости» и др. В 1905 вступил в кадетскую партию, на II съезде (январь 1906) избран в состав ЦК. Депутат II Государственной думы.

[257] Люц, Г.Г. (1879–?) – землевладелец Херсонской губ., член ревизионной комиссии Херсонского земского банка. Депутат II Государственной думы. Член «Союза 17 октября». В ноябре 1918 ездил с делегацией торгово-промышленников в Германию для переговоров с деловыми кругами.

[258] Варун-Секрет, Сергей Тимофеевич (1866–1962) – землевладелец Херсонской губ., председатель Елисаветградского отдела «Союза 17 октября». Депутат I и II Государственной думы. Товарищ министра внутренних дел в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. Был арестован после взятия Киева отрядами С.В. Петлюры. После бегства Директории из Киева был увезен, в качестве заложника. В Каменец-Подольске прокурор местного суда приказал выпустить его под предлогом отсутствия формального постановления о содержании арестованного под стражей. Через Бессарабию и Румынию прибыл в Екатеринодар.

[259] Шлиппе, Федор Владимирович – председатель Московской губернской земской управы. После захвата власти большевиками выехал на юг России. Вошел в Совет государственного объединения России. В эмиграции – в Германии, особоуполномоченный Российского общества Красного Креста, член Российского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, представитель Земгора в Берлине.

[260] Коростовец, Иван Яковлевич (?–1933) – дипломат. Российский посланник в Пекине. В октябре 1918 намечался послом гетманского правительства в Америке. В ноябре 1918 выехал в Яссы; вел переговоры с французским и английским посланниками. Жена – Надежда Густавовна Коростовец.

[261] Шебеко, Николай Николаевич (1863–1953) – дипломат: российский посол в Австро-Венгрии (1913–1914), в Румынии (1915). Член Государственного совета. После Октябрьского переворота выехал на юг России. Член Совета государственного объединения России, вошел в состав делегации Совета, посланной в Константинополь, Париж, Бухарест для переговоров об оказании помощи России (делегация вернулась в конце февраля 1919). Поддерживал позицию француз-

ского командования о необходимости образования в Одессе правительства, независимого от Добровольческой армии и подчиненного французской военной власти.

[262] Делегатский съезд партии народной свободы на Украине проходил в Киеве с 26 по 29 апреля 1918. Председателем съезда избран Д.Н. Григорович-Барский. Съезд признал «принципиально допустимым» вхождение членов партии в состав гетманского правительства, что противоречило постановлению майской конференции кадетской партии. Съезд сосредоточился на обсуждении тактических и организационных вопросов, сняв с повестки дня вопрос о федерации как несвоевременный. Основная резолюция съезда касалась проблем экономического развития Украины. Указывалось, что основными условиями восстановления разрушенного хозяйства должны стать утверждение начал правопорядка в лице суда и твердой административной власти, а также «нормальная работа органов местного самоуправления, построенная на демократических началах». Члены партии призывались к борьбе против «продолжающихся разорительных социалистических экспериментов» и к участию в исполнительных органах самоуправления и в комиссиях. Относительно аграрного вопроса были выработаны следующие основные принципы: защита и укрепление мелкой собственности; установление предельного размера землевладения и выкуп государством превышающих этот размер владений; предоставление мелким владельцам возможности увеличения своего земельного хозяйства путем приобретения в собственность части образовавшегося земельного фонда и аренды от государства из оставляемого в его распоряжении запаса; охрана земли на Украине от перехода в руки иностранцев; поднятие производительности земли. Рабочим предполагалось предоставить широкую свободу профессиональных организаций для защиты их прав, исключая выполнение каких бы то ни было функций общей администрации; предусматривалось также сохранение 8-часового рабочего дня, но при условии, что это не приведет к понижению нормальной производительности труда. Решение организационных вопросов выявило стремление большинства киевских кадетов к обособленности от ЦК. Констатировалось, что функции общего управления принадлежат Главному комитету как исполнительному органу; предложения ряда делегатов подчеркнуть временный характер нового органа и отметить его связь с ЦК не были приняты. (См.: *Съезды и конференции конституционно-демократической партии. – Т. 3. – Кн. 2. 1918–1920 гг. – М., 2000. – С. 152–174.*)

[263] «Одесский листок» – газета общественная, политическая, литературная, коммерческая. Выходила в Одессе с 2 августа 1872 по февраль 1920. Основатель В.В. Навроцкий. В 1918 редактор М.К. Навроцкая, затем С.Ф. Штерн. В 1918 и 1919 газета выходила с перерывами (с 24 по 28 февраля 1918; с 6 апреля по 30 августа 1919).

[264] 27 августа 1918 между РСФСР и Германией был заключен «Русско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой». В документе Россия обязывалась: применить все средства, чтобы «для соблюдения своего нейтралитета удалить бое-

вые силы государств Согласия из северо-русских областей»; отступиться от «верховной власти» над Лифляндией, Эстляндией, Курляндией и Литвой, равно как и от всякого вмешательства в их внутренние дела; дать свое согласие на то, чтобы Германия признала Грузию «самостоятельным государственным организмом». Германия обязывалась: «ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов» на территории России; «очистить занятые ею Черноморские области, расположенные вне Кавказа» (после ратификации мирного договора, который должен быть заключен между Россией и Украиной). Кроме того, в договоре оговаривалось, что конфискованные русские военные суда и русские военные запасы до заключения всеобщего мира пребывают под германским контролем, а затем передаются России, при условии согласия последней с Украиной и Финляндией. В тот же день было подписано русско-германское финансовое соглашение, согласно которому Россия обязывалась выплатить Германии 6 млрд. марок, возвратить германским собственникам имущество, конфискованное до 1 июля 1918 в пользу государства или местных самоуправлений (*Документы внешней политики СССР. – Т. 1. – М., 1957. – С. 437–445*).

[265] Данилов, Юрий (Георгий) Никифорович (1866–1937) – генерал от инфантерии, генерал-квартирмейстер главного управления генерального штаба Военного министерства (с 27 июля 1909). Председатель крепостной комиссии при главном управлении генерального штаба (с 22 декабря 1910). Во время Первой мировой войны генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего (июль 1914 – август 1915). Командир 25-го армейского корпуса (август 1915 – август 1916). Начальник штаба Северного фронта (с августа 1916). В феврале 1918 возглавлял группу военных консультантов при советской мирной делегации в Брест-Литовске; участвовал в разработке плана создания Красной армии; из-за разногласий с Л.Д. Троцким подал в отставку и уехал на Украину. Осенью 1920 начальник военного управления в правительстве генерала П.Н. Врангеля. С 1920 в эмиграции в Константинополе, затем в Париже.

[266] Николай Николаевич (младший) Романов (1856–1929) – великий князь, внук императора Николая I, двоюродный дядя императора Николая II; генерал от кавалерии (с 1901). С августа 1914 по август 1915 – верховный главнокомандующий. В 1915–1917 командующий Кавказским фронтом. Последним указом императора Николая II 2 марта 1917 был вновь назначен верховным главнокомандующим, но, едва вступив в должность, вынужден был, под нажимом Временного правительства, добровольно сдать свои полномочия. С марта 1919 в эмиграции; один из основных претендентов на российский престол.

[267] Имшенецкий, Яков Кондратьевич (1858–?) – публицист, член Полтавской группы кадетской партии. Депутат I Государственной думы от Полтавской губ. Выбран в ЦК кадетов. Сотрудничал в «Русских ведомостях» и ряде других газет. В 1918 был избран в комиссию по выработке устава Украинской партии народной свободы.

[268] Вольф (Wolff), Отто (1881–1940) – видный немецкий предприниматель. После Первой мировой войны создал один из крупнейших в Германии концернов тяжелой промышленности.

[269] Макс (Max [Maximilian] von Baden) Баденский (1867–1929) – немецкий государственный деятель. В 1907, вследствие бездетности великого герцога Баденского Фридрихса (Friedrichs) II стал наследником баденского престола, а также президентом первой палаты Баденского парламента. Генерал-майор, в 1911 оставил военную службу. В годы Первой мировой войны курировал проблему военнопленных и выступал за заключение мира. 3 октября 1918 занял пост рейхсканцлера и прусского министра-президента. 5 октября передал президенту Вильсону предложения по заключению мира. Положил конец войне подводных лодок, отправил в отставку Людендорфа и одобрил введение парламентской системы, однако не смог предотвратить Ноябрьской революции. 9 ноября 1918 провозгласил отречение императора Вильгельма II и передал свой пост рейхсканцлера социал-демократу Ф. Эберту. Отошел от политики и основал в своем поместье школу.

[270] Речь идет о решениях Парижской конференции (проходившей 14–17 июня 1916), касавшихся предварительных экономических требований союзников, которые предполагалось предъявить в случае победы над Германией. Союзники решили, впредь до полного восстановления своей экономической мощи, не предоставлять центральным державам режима наибольшего благоприятствования, не допускать к себе или допускать под условием особых ограничений их товары, запретить гражданам Германии и ее союзниц заниматься некоторыми промыслами и ремеслами. Союзники согласились не допускать зависимости от бывших неприятелей ни в получении сырья, ни в получении товаров.

[271] Бобринский, Алексей Александрович (1852–1927) – граф, обер-гофмейстер (1916); промышленник, общественный деятель, историк. Председатель Совета объединенного дворянства (1906–1912). Депутат III Государственной думы. Член Государственного совета (с 1912), председатель группы правых (с осени 1915). В период Первой мировой войны товарищ министра внутренних дел (март–июль 1916), министр земледелия (июль–ноябрь 1916). После Октябрьского переворота выехал на юг России, вошел в Национальный центр, Совет государственного объединения России. С 1919 в эмиграции.

[272] Видимо, имеется в виду Горшков, Дмитрий Степанович – земский гласный, журналист. умеренно правый, депутат I Государственной думы от Херсонской губ., кадет, редактор газеты «Голос Юга».

[273] Хинце (Hinze), Пауль, фон (1864–1941) – немецкий военный, дипломат; вице-адмирал. С 1903 военно-морской атташе при германском посольстве в Петербурге. С 1906 флигель-адъютант кайзера. С 1908 военный уполномоченный в Петербурге. В 1911, в ранге вице-адмирала, посланник в Мексике, в 1914 – в Китае, в 1917 – в Норвегии. В сентябре 1918 назначен государственным секретарем в МИД. После отречения Вильгельма II – представитель МИД при ставке верховного главнокомандующего, готовил бегство кайзера. В 1921 возглавил Институт германского зарубежья в Штутгарте, а с 1924 одновременно – Объединение немцев, проживающих за границей.

[274] Панина, Софья Владимировна (1871–1957) – графиня, член ЦК кадетской партии (с апреля 1917). Товарищ министра государственно-

го призрения в кабинете Временного правительства, с 14 августа 1917 товарищ министра народного просвещения. Депутат Петроградской городской думы. Отказалась сдать большевикам, изымавшим денежные средства Министерства просвещения, суммы, собранные по подписке со всей России на строительство женского медицинского института. 27 ноября 1917 арестована и посажена в Петропавловскую крепость. Следственная комиссия освободила Панину до суда под залог, однако она отказалась принять эту меру. По решению Петроградского ревтрибунала от 10 декабря ей было вынесено общественное порицание и вменено в обязанность внести в кассу Наркомпросса отсутствующую сумму. Осенью 1918 выехала на юг России. Была избрана в комиссию по пропаганде при Национальном центре. В октябре 1918 на ее даче в Гаспре состоялось совещание кадетов и ряда представителей торгово-промышленных кругов. Весной 1920 эмигрировала.

[275] Меллер-Закомельский, Владимир Владимирович (1863–?) – барон, надворный советник; член Государственного совета. Член «Союза 17 октября». Начальник главного управления Алтайским округом Министерства императорского двора и уделов. После прихода к власти большевиков возглавил Совет государственного объединения России. Председатель русской делегации на Ясском совещании.

[276] Урусов – князь, член Совета государственного объединения России, входил в делегацию Совета, посланную в Константинополь, Париж, Бухарест для переговоров об оказании помощи Белому движению.

[277] Имеется в виду Временное Сибирское правительство, сформированное в Томске 23 июня 1918 на совещании Сибирской областной думы. Его главой стал П.В. Вологодский, занявший одновременно и пост министра иностранных дел. Правительство имело коалиционный характер, его левое крыло составляли эсеры и сочувствующие им – Б.М. Шатилов, Г.Б. Патушинский, В.М. Крутовский; правая часть – И.А. Михайлов, И.И. Серебренников, Н.Н. Петров, К.К. Гинс, А.Н. Гришин-Алмазов – занимали кадетские и промонархические позиции. Специальной грамотой председателя Думы И.Я. Якушева от 30 июня 1918 правительству передавалась вся полнота власти на всей территории Сибири. Временное Сибирское правительство, разместившееся в Омске, объявило о денационализации промышленных предприятий, восстановлении частного землевладения, дореволюционных судов и административных учреждений. Открыто высказавшись против идеи автономии Сибири, правительство вступило в конфронтацию с Думой. Созданный при Думе Административный совет, наделенный чрезвычайными полномочиями, в сентябре принял решение о роспуске Думы. Вологодскому удалось добиться самороспуска Временного правительства автономной Сибири. Заявил о своем подчинении Временному Сибирскому правительству и генерал Д.Л. Хорват. Таким образом, к осени 1918 большая часть территории Сибири находилась под контролем Временного Сибирского правительства. 3 ноября 1918 оно передало власть Уфимской директории; основная часть министров вошла в состав Совета министров директории.

[278] Самарское правительство образовалось в результате захвата Самары войсками восставшего Чехословацкого корпуса. 8 июня 1918 пять членов Учредительного собрания (И.М. Брушвит, В.К. Вольский, П.Д. Климушкин, И.П. Нестеров и Б.К. Фортунатов) объявили о переходе власти в руки Комитета членов Учредительного собрания. Первоначально Комуч (под председательством Вольского) соединял в своих руках все ветви власти, для руководства различными отраслями государственной деятельности были образованы отделы, соответствующие министерствам. Впоследствии отделы были реорганизованы в ведомства и создан Совет управляющих ведомствами или Совет министров для ведения практической политики. Председателем Совета и управляющим ведомством государственной охраны был назначен Е.Ф. Роговский. Комуч заявил о своей приверженности постановлению Учредительного собрания 6 января, провозгласившего Россию демократической федеративной республикой, отменил все ограничения в свободах, введенные большевиками, восстанавливал демократическое местное самоуправление. Социально-экономическая программа предусматривала уничтожение частной собственности на землю, постепенное вытеснение капиталистического хозяйства путем государственного регулирования и контроля на основе экономического плюрализма. Комуч создал собственные вооруженные силы – Народную армию, базу которой составляли чехи. Создание партийного, эсеровского, правительства, вопреки планам формирования коллегиальной директории, привело к разногласиям в эсеровской верхушке. Правые лидеры партии во главе с Н.Д. Авксентьевым, игнорируя Самару, направились в Омск, чтобы там готовить создание общероссийского правительства на основе коалиции с кадетами. В сентябре 1918 Вольский был вынужден, под давлением авксентьевцев, подписать акт о создании директории. В начале октября Комуч принял постановление о своей ликвидации. Остался только Совет управляющих ведомствами в качестве областного правительства территории Комуча, подчиненного директории. Совет, заседавший уже в Уфе, поскольку Самара в ночь с 6 на 7 октября была занята Красной армией, просуществовал до 2 декабря, когда был ликвидирован отрядами адмирала А.В. Колчака с согласия чехов.

[279] Дутов, Александр Ильич (1879–1921) – генерал-лейтенант (1919). В годы Первой мировой войны находился в 1-м Оренбургском казачьем полку, с 1916 его командир, войсковой старшина. После Февральской революции 1917 избран сначала заместителем председателя, а затем председателем Союза казачьих войск, в июне – председателем Всероссийского казачьего съезда. В октябре 1917 избран атаманом Оренбургского казачьего войска. В ноябре 1917 возглавил антисоветское восстание в Оренбурге. В 1918–1919 командовал отдельной Оренбургской армией. В июне 1918 участвовал в ликвидации советской власти на Южном Урале. В августе произведен в генерал-майоры, в октябре – генерал-лейтенанты. Назначен командующим Юго-Западной армией (с конца декабря – Оренбургская отдельная армия). В марте 1920 отступил со своим отрядом на территорию Китая. После неудачной попытки его похищения был убит чекистами.

[280] Чечек, Станислав – капитан чешской армии (1917), генерал-майор (1918). Участник Первой мировой войны; был в составе Чехословацко-

го армейского корпуса в России. Командир одного из отделов Исполнительного комитета, избранного на съезде чешских военных делегатов, заседавшего в мае 1918 в Челябинске. Командир группы войск Чехословацкого корпуса в районе Пензы–Самары (май–октябрь 1918). Командующий Народной (Поволжской) армией Комуча (август 1918 – январь 1919). Командир группы чехословацких войск (корпуса) в Сибири (январь 1919 – сентябрь 1920). Эвакуировался из Владивостока в Чехословакию в сентябре 1920.

281 Войцеховский, Сергей Николаевич (1883–1951) – генерал-лейтенант (1919). В 1912 окончил российскую Академию генштаба. В 1917–1918 начальник штаба 1-й чехословацкой дивизии, один из организаторов восстания Чехословацкого корпуса. Летом 1918 командовал Челябинской армейской группой чехов, позднее войсками на Бугульминском и Уфимском направлениях. С июля 1919 командир 2-й колчаковской армии. В конце января – феврале 1919 возглавлял колчаковские войска, отступавшие за Байкал, затем служил у атамана Г.М. Семенова. Выехал в Чехословакию. Командовал Моравским военным округом, с января 1936 – Чешским военным округом.

282 Гайда (Gaida), Радола (наст. фам. и имя Гейдль, Рудольф) (1892–1948) – капитан чешской армии; попал в Россию в качестве военнопленного, вступил на Украине в созданные там чехословацкие легионы, с весны 1918 командовал 7-м полком Чехословацкого армейского корпуса; командир одного из отделов Исполнительного комитета, избранного на съезде чешских военных делегатов, заседавшем в мае 1918 в Челябинске. Возглавил восстание чехов в Новониколаевске, где вместе с А.Н. Гришиным-Алмазовым сверг советскую власть и двинулся на восток, занимая города и направляясь в Забайкалье. Примкнул к сторонникам Сибирской областной думы. Войска под командованием Гайды участвовали в свержении советской власти в Омске, после чего он получил чин полковника, а в сентябре 1918 – генерал-майора. С октября 1918 командовал Екатеринбургской группой войск Сибирской армии. С января 1919 генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией. С началом отступления летом 1919 вступил в конфликт с адмиралом А.В. Колчаком, был разжалован и заменен на посту командующего М.К. Дитерихсом. В июле 1919 был отправлен в заграничный отпуск. В августе 1919 прибыл во Владивосток; стал одним из лидеров антиколчаковского движения, организованного эсерами. Под его руководством 17 ноября 1919 во Владивостоке была совершена неудачная попытка захвата власти. После этого выехал на родину.

283 Брусилов, Алексей Алексеевич (1853–1926) – генерал от кавалерии. С 1916 командующий Юго-Западным фронтом, летом 1916 начал наступление на австро-венгерские войска и разгромил их (Брусиловский прорыв), но поддержки других фронтов не последовало, успех не был закреплен. В мае 1917 Временное правительство назначило его главнокомандующим; разработал план наступления на российско-германском фронте, окончившегося неудачей; 19 июля смещен с должности. После Октябрьского переворота остался в Москве. В 1920 вступил в Красную армию, назначен председателем особого совещания при главкоме. Во время войны с Польшей (1920) обра-

тился с воззванием к офицерам, призывая отстоять Советскую Россию от польской агрессии. В 1923–1924 инспектор кавалерии.

[284] Шечков, Георгий Алексеевич (1856–?) – уездный предводитель дворянства, почетный мировой судья, землевладелец. Депутат III Государственной думы от Курской губ. Член Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела.

[285] Замысловский, Георгий Георгиевич (1872–1920) – юрист; придерживался крайне правых взглядов. Член Совета Союза русского народа, с 1908 член Русского народного союза им. Михаила Архангела. Депутат III и IV Государственной думы. Проповедовал антисемитизм. В 1918–1919 в Киеве входил в умеренно правую Национально-либеральную партию, отколовшуюся от Русского Собрания, но не порвавшую с ним связь.

[286] Шубинский, Н.И. – правый, входил в Совещание членов законодательных палат.

[287] Искрицкий, Михаил Андреевич (1873–1931) – уездный предводитель дворянства г. Сураж Черниговской губ. Губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы. Депутат III Государственной думы от Черниговской губ. Поначалу мирнообновленец, затем перешел в «Союз 17 октября». После Февральской революции 1917 комиссар Черниговской губ. Входил в Совещание членов законодательных палат.

[288] Гриневич, Сергей Иванович (1864–?) – коллежский советник, уездный предводитель дворянства, землевладелец. Депутат IV Государственной думы от Полтавской губ., входил во фракцию русских националистов. В 1918 член группы умерено правых в Совещании членов законодательных палат.

[289] Возможно, Рейн, Георгий Ермолаевич (1854–1942) – доктор медицины, почетный лейб-хирург; академик. Член Госсовета, депутат II Государственной думы от Волынской губ., член фракции «Союза 17 октября». С 22 сентября 1916 главноуправляющий государственным здравоохранением.

[290] Бобринский, Владимир Алексеевич (1867–1927) – граф; промышленник, общественный деятель, один из лидеров неославянского движения. Депутат II–IV Государственной думы, член фракции октябристов и умеренно правых. С июля 1914 по июнь 1915 в действующей армии, произведен в поручики. В сентябре 1914 откомандирован в распоряжение генерал-губернатора Галиции Г.А. Бобринского, где занимался благотворительностью, вопросами обеспечения населения продовольствием. После Октябрьского переворота член Совета государственного объединения России. Председатель союза «Наша Родина», издавал одноименную газету.

[291] Крыжановский, Сергей Ефимович (1862–?) – государственный деятель; сенатор (1907). В 1906–1911 товарищ министра внутренних дел П.А. Столыпина, его ближайший помощник. Государственный секретарь (1911), статс-секретарь (1916), член Государственного совета по назначению. После прихода к власти большевиков некоторое время жил в Финляндии, летом 1918 – в Киеве. Был избран в бюро

Совещания членов законодательных палат. Затем переехал в Одессу, оттуда эмигрировал. В 1921–1925 в Париже редактировал исторический сборник монархического направления «Русская летопись».

[292] Игнатьев, Павел Николаевич (1870–1926) – граф; государственный деятель. В период министерства А.В. Кривошеина (1908–1915), ввиду его болезни, неоднократно исполнял должность главноуправляющего землеустройством и земледелием. 9 января 1915 назначен министром народного просвещения. Был сторонником сотрудничества правительства и Думы. 27 декабря 1916 вышел в отставку из-за несогласия с позицией Совета министров.

[293] Нолькен, Эдуард Алексеевич (1875–?) – барон, член Государственного совета от землевладельцев Лифляндской губ. 6 октября 1919 вошел в Совет управления для выполнения военно-административных функций в занимаемых армией районах.

[294] «Киевская мысль» – либеральная газета, выходившая с 30 декабря 1906 по декабрь 1918. Закрыта властями Украинской директории.

[295] «Новости дня» – политическая, общественная и литературная газета. Выходила в Киеве с сентября 1918. Редактор Р.Г. Нилостонский, издатель А.С. Бибиков.

[296] Сазонов, Сергей Дмитриевич (1860–1927) – государственный деятель; дипломат. Член Государственного совета по назначению (1913). Министр иностранных дел (1910–1916). В 1914–1915 вел переговоры с Англией и Францией о сотрудничестве в ходе войны и об условиях будущего мира. В июле 1916 был вынужден уйти в отставку, т. к. не разделял стремлений царя к сепаратному миру с Германией. В январе 1917 был назначен послом в Великобританию, но к исполнению обязанностей приступить не успел. В ноябре 1918 был назначен председателем Совета по делам внешней политики при управлении иностранных дел Особого совещания. В середине декабря 1918 выехал в Париж для участия в мирной конференции в качестве «общего представителя государства Российского». В Париже вошел в Русскую политическую делегацию. В начале января 1919 адмирал А.В. Колчак назначил его министром иностранных дел Омского правительства.

[297] Грей (Grey of Fallodon), Эдвард (1862–1933) – английский государственный деятель; виконт. В 1905–1916 министр иностранных дел.

[298] Георг (Georg) V (1865–1936) – английский король (1910–1936), сын английского короля Эдуарда VII из Саксен-Кобург-Готской (с 1917 Виндзорской) династии и Александры, принцессы датской; двоюродный брат императора Николая II.

[299] Штейн (Stein), Филипп (1870–1932) – немецкий юрист, политик, ученый. С 1903 руководитель Франкфуртского Института общественного блага и доцент Академии социальных наук и торговли. С 1919 почетный профессор Франкфуртского университета. В 1925 переехал в Берлин в качестве поверенного Союза германских кооперативов. С 1929 член центральной комиссии Имперского банка и Имперского совета по народному хозяйству. Издавал журнал «Deutsche Politik» («Германская политика»).

[300] Гримм, Давид Давидович (1864–1941) – юрист, в 1910–1911 ректор Петербургского университета, профессор Высших женских курсов. Кадет, входил в Петербургский комитет партии, в 1915 был кооптирован в состав ЦК. Входил в думский Прогрессивный блок. С апреля 1917 товарищ министра просвещения Временного правительства. После Октябрьского переворота 1917 перебрался в Гельсингфорс (Финляндия), вошел в местную кадетскую группу. Главный редактор газет «Русская жизнь», «Новая русская жизнь». Официальный представитель генерала П.Н. Врангеля в Финляндии. Переехав в Париж, принял участие (в декабре 1920) в создании Русского Парламентского комитета, вошел в его состав, вопреки постановлению Парижского кадетского комитета.

[301] Ростовцев, Федор Иванович (1872–1933) – генерал-майор, командир 136-го пехотного полка. Брат историка античности М.И. Ростовцева. Служил в ВСЮР, с 1 октября 1919 в резерве чинов при штабе главнокомандующего. В эмиграции во Франции; секретарь Парижской группы кадетской партии. Член Парижского отдела Русского национального совета. Член учебного комитета Высших военно-научных курсов в Париже. Преподавал в русской средней школе в Париже, которая являлась собственностью Общества помощи детям беженцев из России.

[302] Речь идет об Омском правительстве – см. прим. № 277.

[303] Озеров, Алексей Федорович – профессор; член Русского собрания от Харькова. В 1918 в Киеве входил в крайне правые монархические круги.

[304] Розен, Р.Р. – барон. Член Государственного совета. Посол в Японии, затем в Америке. В 1918 вошел в Совещание членов законодательных палат, в качестве представителя Совещания вел в Берлине переговоры с германскими кругами на тему естественного союза монархических держав Германии и России против гегемонии Англии.

[305] Бенкендорф, Александр Константинович (?–1916) – граф; дипломат, гофмейстер. В 1903–1916 посол России в Великобритании.

[306] Яблоновский, Александр Александрович (1870–1934) – прозаик, публицист. Сотрудничал в журналах и газетах («Мир Божий», «Образование», «Сын Отечества», «Наша жизнь», «Речь», «Киевская мысль» и др.). В годы Гражданской войны работал на юге России. В 1920 эвакуировался в Египет, затем перебрался в Берлин, а в 1925 – в Париж. Публиковался в газетах «Сегодня», «Руль», «Общее дело», в дальневосточной, американской эмигрантской периодике и др., но, главным образом, в газете «Возрождение» (1925–1934). Занимал непримиримую антибольшевистскую позицию.

[307] Неманов, Л.М. – в эмиграции редактор кадетской газеты «Голос России», входил в организованный в Берлине Русский общественный комитет помощи голодающему населению России.

[308] Ханенко, Василий Александрович (1878–?) – по окончании Московского университета (юридического факультета) в 1902 поселился в своем имении в Стародубском уезде Черниговской губ., посвятил себя сельскому хозяйству и общественной деятельности. С 1905 старо-

дубский уездный предводитель дворянства, почетный мировой судья. Депутат IV Государственной думы от Черниговской губ.

[309] Немитц, Александр Васильевич (1879–1967) – контр-адмирал. В августе–декабре 1917 командующий Черноморским флотом. Перешел на сторону большевиков. В августе–октябре 1919 начальник штаба южной группы войск 12-й армии. Участвовал в разгроме войск П.Н. Врангеля в Крыму и воссоздании морских сил на Черном и Азовских морях. С февраля 1920 по декабрь 1921 командовал всеми морскими силами республики и одновременно управляющий делами Наркомата по морским делам. Вице-адмирал. Затем на преподавательской работе.

[310] Пешехонов, Алексей Васильевич (1867–1933) – общественный и политический деятель. Член редакции журнала «Русское богатство». Принял активное участие в формировании трудовой группы в Государственной думе, выработке ее программы. Один из организаторов Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), разрабатывал ее теоретические, программные, тактические и организационные принципы. На объединительном съезде энесов и трудовиков в июне 1918 был избран в ЦК ТНСП. Редактор и издатель газеты «Народное слово». Министр продовольствия во Временном правительстве (с 26 мая по 26 августа 1917). После Октябрьского переворота активно участвовал в создании и деятельности Союза возрождения России. В феврале 1918 перебрался из Петербурга в Москву; в июле арестован, но по ходатайству Д. Бедного освобожден. После ухода партии в подполье выехал на юг. Участвовал в Белом движении, сотрудничал в различных периодических изданиях. Работал в Центральном статистическом управлении Украины. В октябре 1922 выслан из России. Жил в Риге, Праге, Берлине.

[311] Дерюгин, Георгий Михайлович (1875–?) – депутат IV Государственной думы от Псковской губ.; входил во фракцию русских националистов и умеренно правых. В сентябре 1918 приехал, вместе с Н.Н. Лавриновским, А.П. Горсткиным, в Киев с целью обсудить план созыва в Пскове монархического съезда. Однако идея съезда не была поддержана. После принятия генералом Ф.А. Келлером на себя командования создаваемой Северной армии Дерюгин, Лавриновский и Горсткин вошли в образованный при Келлере Совет обороны Северо-Западной области. В июле 1919 Дерюгин был включен в Военно-политический совет, сформированный в Берлине.

[312] Лавриновский, Николай Николаевич (1875–?) – уездный предводитель дворянства. Депутат III Государственной думы от Псковской губ., входил в национальную группу. Сенатор, губернатор Черниговской губ.

[313] Горсткин, Александр Павлович (1865–?) – депутат IV Государственной думы от Нижегородской губ., входил во фракцию правых, затем во фракцию русских националистов и умеренно правых. Уездный предводитель дворянства, землевладелец.

[314] Хаммерштейн (Hammerstein), фон – барон; обер-лейтенант германской армии. Прибыл в сентябре 1918 в Киев с целью разъяснения планов создания на северо-западе белой армии и приглашения генерала Ф.А. Келлера на должность ее командующего.

[315] Бассевиц (Bassewitz), Рудольф, фон (1881–1951) – граф; с 1906 на службе в германском Министерстве иностранных дел. В 1906–1909 атташе при прусской миссии в Ватикане. В 1909 3-й секретарь германского посольства в Петербурге, позднее советник миссии в Афинах, советник посольства в Вене. В 1918 советник посольства в Москве. Позднее в миссии в Гельсингфорсе и Копенгагене, генеральный консул в Калькутте и шеф протокола в МИД.

[316] Шуберт (Schubert), Вильгельм (1879–?) – майор германской армии. В 1914–1917 руководитель группы по России в отделе по изучению армий противника в структуре верховного командования. С мая по 21 ноября 1918 военный уполномоченный верховного командования и военный атташе при германской миссии в Москве. Во время Второй мировой войны генерал авиации Германии.

[317] Соколов, В.П. – член Главного совета Союза русского народа.

[318] Союз русского народа – монархическая организация. Основана в ноябре 1905 в Петербурге по инициативе членов «Русского собрания». Подавляющее большинство Союза составляли крестьяне, в то же время верхушку Союза – представители интеллигенции, государственные служащие, купцы, землевладельцы, духовенство. Текущими делами Союза ведал Главный совет (с 1905 его председатель А.И. Дубровин), который избирал председателя, двух (впоследствии одного) товарища председателя, казначея и секретаря. С декабря 1905 официальным органом Главного совета стала газета «Русское знамя», с 1909 начала издаваться газета «Земщина», выражавшая позицию правой фракции Думы, в 1910 – «Вестник Союза русского народа» (в противовес «Русскому знамени»). Основатели Союза выступали за господствующее положение Русской православной церкви, отвергали изменение государственного строя на конституционной или парламентской основе, за единство и неделимость Российской империи. Идеология черносотенцев пронизана антисемитизмом. В экономической области Союз выступал за содействие развитию русской промышленности и торговли, принятие протекционистских мер и льгот в отношении русских капиталистов, освобождение русских финансов от подчинения заграничным банкам, неприкосновенность частной собственности на землю; за бесплатное народное образование, придание ему национального русского характера. Союз стремился установить контроль над всем монархическим движением. Постепенно в Союзе оформилось два течения (дубровинцы и обновленцы), раскол стал совершившимся фактом с отставкой Дубровина с поста председателя в июне 1910, однако окончательное размежевание растянулось на два года. С началом Первой мировой войны дубровинцы требовали расправы с политическими противниками, в том числе и с либеральными партиями; обновленцы, напротив, рекомендовали своим сторонникам воздержаться от политических дискуссий. В 1916 Союз находился в состоянии глубокого кризиса, его местные отделы были дезорганизованы. В марте 1917 Союз распался, его печатные органы были запрещены, а предшествующая деятельность стала предметом расследования Чрезвычайной следственной комиссии.

[319] Очевидно, имеется в виду Пепеляев, Виктор Николаевич (1884–1920) – преподаватель истории; кадет. В 1918 вступил в Национальный центр,

по поручению которого в августе 1918 отправился в Сибирь. С 9 ноября 1918 председатель Восточного отдела ЦК кадетской партии. Один из организаторов переворота 18 ноября 1918 в Омске; в созданном в результате переворота Российском правительстве занимал последовательно посты директора департамента милиции, товарища министра внутренних дел, министра внутренних дел. Был членом Совета верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. 23 ноября 1919 назначен председателем Совета министров Российского правительства; стремился к либерализации режима Колчака, настаивая на созыве Земского собора – представительного органа, способного, по его мнению, сплотить широкие антибольшевистские силы. 15 января 1920 был выдан чехословаками, вместе с Колчаком, Политцентру. 7 февраля 1920 был расстрелян в Иркутске по приговору большевистского ревкома.

[320] Речь идет о Народной армии, созданной Комучем – см. прим. № 278.

[321] Протофис – Всеукраинский союз промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства, созданный на Украине. Образовался в первые дни гетманщины на торгово-промышленном съезде. Председателем Союза был избран кн. А.Д. Голицын. Промышленность в Союзе была представлена Всероссийским обществом сахарозаводчиков, организациями, объединяющими тяжелую промышленность, и Союзом украинских обществ заводчиков и фабрикантов, объединявшим обрабатывающую промышленность Украины. Придерживался германофильской ориентации, поддерживал политику гетманского правительства. Однако осенью 1918, в связи с резким ухудшением положения Германии, стал постепенно отказываться от германофильства и планов украинской самостийности.

[322] Сечевики (сичевики) – украинские войска, начали формироваться в годы Первой мировой войны в Галиции; в более узком смысле – петлюровцы.

[323] Демченко, Всеволод Яковлевич (1875–1933) – инженер путей сообщения; гласный городской думы и губернского земства, председатель Киевской уездной земской управы, землевладелец, домовладелец. Депутат IV Государственной думы от Киева. Националист. Киевский городской голова. В 1918 член Совета государственного объединения России. Участник Ясского совещания (с совещательным голосом).

[324] Рысс, Петр Яковлевич (?–ок. 1948) – публицист, кадет, сотрудник газеты «Приазовский край» (Ростов-на-Дону).

[325] Гессен, Иосиф Владимирович (1865–1943) – присяжный поверенный (1904), публицист, издатель. В 1898 один из основателей журнала «Право», сотрудничал в журнале «Образование», газетах «Сын отечества», «Русские ведомости». В 1905 участвовал в создании кадетской партии, товарищ председателя ее Петербургского комитета, с 1906 член ЦК, позднее товарищ председателя кадетской партии. Вместе с Милюковым редактировал газеты «Народная свобода», «Речь», сотрудничал в журнале «Вестник партии народной свободы». Депутат II Государственной думы. Во время Первой мировой войны редактор газеты «Речь». В сентябре 1917 вошел в состав Временного совета Рос-

сийской республики (Предпарламент). Октябрьскую революцию не принял; входил в Политический центр при штабе генерала Н.Н. Юденича, в 1919 эмигрировал в Финляндию, затем переехал в Германию. Вместе с А.И. Каминкой организовал в Берлине издательство «Слово», выпускал газету «Руль», создатель «Архива русской революции». С 1936 в Париже, с 1941 – в Нью-Йорке.

326 Гололобов, Яков Георгиевич (1854–?) – общественный и государственный деятель; публицист. Депутат III Государственной думы от Екатеринославской губ., примкнул к правому крылу октябристов. В мае 1912 назначен полтавским вице-губернатором и сложил с себя звание депутата Думы.

327 Эльснер, Евгений Феликсович (1867–1930) – генерал-лейтенант генштаба. В 1916 главный начальник снабжения армий Юго-Западного фронта. В августе 1917 открыто присоединился к выступлению генерала Л.Г. Корнилова. Был арестован и заключен в Быховскую тюрьму. В декабре 1917 бежал из Быхова на Дон и стал одним из основателей Добровольческой армии. В январе 1918 назначен начальником снабжения армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, во время которого был начальником обоза с боеприпасами и санитарного транспорта с ранеными. С июня 1918 по февраль 1919 полномочный представитель Добровольческой армии при донском атамане генерале П.Н. Краснове. После избрания донским атаманом генерала А.П. Богаевского вернулся в отдел снабжения штаба ВСЮР. Тяжело заболел и в марте 1920 эвакуировался в Сербию.

328 Олсуфьев, Дмитрий Адамович (1862–?) – граф, камергер, действительный статский советник; земский и общественный деятель. Один из организаторов саратовского отдела «Союза 17 октября». Член Совета объединенного дворянства (1906). Член Государственного совета по избранию (1906–1912). В 1915 примкнул к Прогрессивному блоку.

329 Пуришкевич, Владимир Митрофанович (1870–1920) – общественный и политический деятель. Депутат II и III Государственной думы от Бессарабской губ., IV Думы от Курской губ. Один из основателей и лидеров монархических организаций: Союза русского народа (товарищ председателя Главного совета), затем Русского народного союза им. Михаила Архангела. Противник демократических преобразований, выступал за сохранение помещичьих привилегий. Во время Первой мировой войны начальник санитарного поезда. В отличие от других правых – англофил. 19 ноября 1915 выступил с критикой «темных сил», что привело к разногласиям с другими членами правой фракции Думы. В конце декабря 1916 принял участие в убийстве Г.Е. Распутина. В начале 1917 Главный совет Союза русского народа предписал своим организациям исключить Пуришкевича из их состава как «революционера». В сентябре 1917 создал на основе бывшего Русского народного союза им. Михаила Архангела новую монархическую организацию, которая должна была вести борьбу с анархией. 18 ноября 1917 арестован Петроградским ЧК. 3 января 1918 приговорен Ревтрибуналом к 4 годам принудительных общественных работ при тюрьме. 17 апреля освобожден из тюрьмы в связи с заболеванием сына. С него взяли честное слово о неучастии в полити-

ческой деятельности во время отпуска из тюрьмы. 1 мая 1918 подпал под амнистию, объявленную Петроградским советом. Вскоре уехал на юг в Киев, а затем на Дон, где создал Всероссийскую народно-государственную партию и стал издавать в Ростове-на-Дону журнал «Благовест». Умер в Новороссийске от сыпного тифа.

330 Васильчиков, Илларион Сергеевич (1881–1969) – князь. В 1906 поступил в Министерство юстиции, в канцелярию 1-го департамента Сената. В 1909, по рекомендации П.А. Столыпина, назначен ковенским губернским предводителем дворянства. Депутат IV Государственной думы от Ковенской губ., член фракции октябристов. 11 марта 1917 вошел во Временный комитет Государственной думы. С июля работал в Главном управлении Российского общества Красного Креста. В сентябре 1917 Дума избрала его одним из своих представителей на Поместном соборе Русской православной церкви. В ноябре 1917 выехал к семье в Крым, в мае 1918 приехал в Киев, где возобновило свою работу Главное управление Российского общества Красного Креста. В апреле 1919 эмигрировал. Член Русского Парламентского комитета в Берлине, участник Российского Зарубежного съезда в Париже в 1928, член бюро Совещания членов законодательных палат.

331 Катенин, Александр Андреевич (?–1937) – камергер высочайшего двора. Последний до Февральской революции 1917 начальник управления по делам печати.

332 Имеются в виду великие князья Андрей и Борис Владимировичи. Об Андрее Владимировиче см прим. № 237.

Борис Владимирович (1877–1943) – великий князь, сын вел. кн. Владимира Александровича, внук Александра II. Генерал-майор свиты. Во время Первой мировой войны командир лейб-гвардии Атаманского полка, походный атаман при императоре. В эмиграции с 1917.

333 Александра Федоровна (1872–1918) – императрица, супруга императора Николая II с 1894; урожденная Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская.

334 Витте, Сергей Юльевич (1849–1915) – граф (1905); государственный деятель. Министр финансов (1892–1903). Один из авторов манифеста 17 октября 1905, после издания которого был назначен председателем Совета министров. 14 апреля 1906 вышел в отставку по прошению. Оставался членом Государственного совета. Встреча Милюкова с Витте состоялась после подписания манифеста 17 октября 1905, в 20-х числах октября. В ходе ее Милюков порекомендовал премьер-министру, не дожидаясь итогов идущих в те дни переговоров с общественными деятелями, самому сформировать «деловой кабинет» и опубликовать октроированную конституцию типа болгарской или бельгийской, но обязательно основанной на всеобщем избирательном праве. Однако Витте заявил, что ни о какой конституции, даже октроированной, не может быть и речи, ибо царь этого не хочет.

335 Эссен, Антоний Оттович, фон (1863–?) – егермейстер высочайшего двора. Помощник варшавского генерал-губернатора по гражданской части (1910–1914). С 2 декабря 1914 сенатор. Германофил.

[336] Криге (Kriege), Иоганнес (1859–1937) – немецкий дипломат. С 1886 на службе в Министерстве иностранных дел. В 1906–1937 член постоянного суда в Гааге. В 1907–1912 полномочный представитель Германии на Гаагской мирной конференции. В 1911–1918 директор правового отдела МИД. В 1921–1932 депутат прусского ландтага.

[337] Литвинов-Фалинский, Владимир Петрович (1868–?) – инженер-технолог. В 1905–1915 управляющий отделом промышленности Министерства торговли и промышленности. Автор законопроекта о страховании рабочих на случай болезни и от несчастных случаев. После 1915 занимался частной деятельностью. 13 марта 1919, по приказу французского командования, был назначен в Совет (в качестве заведующего делами торговли и промышленности), который должен был заниматься гражданскими делами в Одессе, подчиняясь французской военной власти.

[338] Татищев, Н.А. – граф, министр финансов в Крымском правительстве С.А. Сулькевича. В начале сентября 1918 выехал за границу с целью получения заема для Крыма, там узнал о секретных переговорах, которые с согласия Сулькевича, но втайне от других членов кабинета вел в Константинополе один из членов курултая; в знак протеста подал в отставку.

[339] Налбандов, В.С. – член Таврической земской управы; министр народного просвещения в правительстве С.А. Сулькевича. В 1919 государственный контролер в правительстве С.С. Крыма; в 1920 начальник управления торговли и промышленности в правительстве юга России.

[340] Маслов, Сергей Николаевич – председатель Орловской губернской земской управы. Управляющий ведомством продовольствия в Особом совещании при главкоме ВСЮР. Октябрист. Входил в Национальный центр. Член Совета государственного объединения России от земцев.

[341] Будберг, Р.А. – в аграрной комиссии, входил в Национальный центр.

[342] Марков (Марков 2-й), Николай Евгеньевич (1866–1945) – один из активных участников монархического движения, с 1920 председатель Главного совета Союза русского народа. Депутат III и IV Государственной думы. С 1915 член Особого совещания по обороне (от Думы). Один из организаторов съездов и совещаний правых организаций в 1915 и 1917. В 1918 выехал в расположение белых армий. В 1920 эмигрировал. В 1921 принимал участие в монархическом съезде в Рейхенгалле (Германия), на котором был избран председателем Высшего монархического совета. Издавал газету-журнал «Двуглавый орел».

[343] 5 октября 1918 Макс Баденский обратился к американскому президенту Вильсону с первой нотой, предлагавшей немедленное заключение мира. 23 октября Вильсон в ответ потребовал, в качестве предпосылки для перемирия и мира, очищения без разрушений оккупированной германцами территории на Западе, прекращения подводной войны и уничтожения императорской власти. Поначалу германское правительство отвергло эти требования, однако уже 27 октября, ввиду нараставшего внутреннего кризиса и ослабления германской армии, оно высказалось за немедленную отставку Людендорфа,

который настаивал на продолжении войны. Вместо Людендорфа был назначен генерал Грёнер. Макс Баденский послал Вильсону ноту с согласием выполнить все его требования. По достижении союзниками (11 ноября) линии Понт-а-Мусон–Френ–Седан–Шиме–Монс–Гент последовало прекращение военных действий. Договор о перемирии был подписан 11 ноября 1918 в Компьене и заключал 34 статьи и ряд приложений.

344 Винниченко, Владимир Кириллович (1880–1951) – один из лидеров Украинской социал-демократической рабочей партии. На Украинском национальном конгрессе в апреле 1917 был избран заместителем председателя украинской Центральной Рады и членом ее исполнительного органа – Малой Рады. В июне 1917 возглавил первое правительство Украинской народной республики (УНР) – Генеральный секретариат Центральной Рады, занял пост министра внутренних дел. Вел переговоры с делегацией Временного правительства в Киеве о предоставлении Украине политической независимости. В январе 1918 сложил обязанности премьера. В период германской оккупации Украины возглавил Украинский Национальный союз и принимал активное участие в восстании против гетмана. С ноября 1918 по февраль 1919 возглавлял правительство директории УНР.

345 Шульгин, Александр Яковлевич (1889–1960) – историк, после окончания в 1915 Петербургского университета (историко-филологическое отделение) был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Входил в «молодую» громаду Товарищества украинских прогрессистов, сотрудничал в журналах «Русское богатство», «Украинская жизнь». В марте 1917 избран в Раду Союза украинских автономистов-федералистов. На Всеукраинском национальном конгрессе в апреле 1917 избран членом Центральной Рады от Украинской демократическо-радикальной партии, вошел в состав исполнительного органа Центральной Рады – Малой Рады. С апреля 1917 член Рады Украинской партии социалистов-федералистов и Киевского городского комитета партии. Генеральный секретарь межнациональных дел (позднее – министр иностранных дел) в кабинете премьера Центральной Рады В.К. Винниченко (с июля 1917 по январь 1918); стремился к взаимопониманию с национальными меньшинствами на Украине и контактам с лидерами негосударственных наций России. В период гетманства – член Совета министров, председатель политической комиссии украинской мирной делегации на переговорах с Советской Россией. Обосновывал переход от федералистской позиции к признанию самостоятельности украинской государственности. С июля 1918 по январь 1919 посол гетмана, затем директории Украинской народной республики (УНР) в Болгарии. С января 1919 по март 1921 член дипломатической секции мирной делегации УНР в Париже, стремившейся добиться от Запада признания Украины и оказания помощи в борьбе с большевиками. С 1921 глава чрезвычайной дипломатической миссии УНР в Париже, постоянный представитель УНР при Лиге Наций (с 1921). Профессор всеобщей истории в Украинском Вольном университете (с 1923) и в Украинском Высшем педагогическом институте им. М.П. Драгоманова в Праге (1924–1929). Двоюродный брат В.В. Шульгина.

[346] Горемыкин, Иван Логгинович (1839–1917) – государственный деятель; сенатор (с 1894), член Государственного совета (с 1899). Председатель Совета министров (с 21 апреля по июль 1906; с января 1914 по январь 1916).

[347] Лыкошин, Алексей Иванович (1857–?) – генерал-майор. В 1918 – в гетманской армии. 20 ноября 1918 назначен на должность начальника суда 7-й дивизии с зачислением по военно-судебному ведомству. С 10 сентября 1919 в резерве чинов при штабе главнокомандующего, с 28 ноября 1919 председатель суда 2-го армейского корпуса.

[348] Вильсон (Wilson), Томас Вудро (1856–1924) – 28-й президент США (1913–1921) от Демократической партии. Инициатор вступления США в Первую мировую войну. В январе 1918 выдвинул программу мира – так называемые «14 пунктов».

[349] Родичев, Федор Измайлович (1854–1933) – общественный деятель; депутат I–IV Государственной думы от Тверской губ. Член ЦК кадетской партии. После Октябрьского переворота избран депутатом Учредительного собрания; арестован в связи с убийством М.С. Урицкого. В сентябре 1918 выехал на юг. Член Совета государственного объединения России в Киеве (октябрь 1918) и Национального центра. Летом 1919 в составе делегации от командования Добровольческой армии посетил ряд городов Сербии, где агитировал за создание сербских легионов для участие в борьбе с советской властью. С начала 1920 представитель Добровольческой армии в Польше. В эмиграции в Париже, товарищ председателя комитета Парижской группы, образовавшейся после ухода Милюкова и его сторонников, член Национального комитета (от Парижа).

[350] Шидловский – харьковский губерниальный староста. В начале октября 1918 приехал в Екатеринодар и от имени гетмана предложил помощь оружием и снаряжением на условиях отказа генерала А.И. Деникина от союзной ориентации и признания нейтралитета в отношении Германии.

[351] В июле 1918 ЦК партии эсеров принял план создания временного федеративного Совета из Самарского, Сибирского и других правительств. В результате двухнедельных переговоров на совещании в Уфе (открылось 10 сентября) было образовано (23 сентября) Временное Всероссийское правительство из пяти человек: Н.Д. Авксентьева, Н.И. Астрова, генерала В.Г. Болдырева, П.В. Вологодского и Н.В. Чайковского и пяти их заместителей: А.А. Аргунова, В.А. Виноградова, генерала М.В. Алексеева, Н.В. Сапожникова, В.М. Зензинова. Однако фактически членами Директории стали эсеры Авксентьев (председатель) и Зензинов, генерал Болдырев от Союза возрождения России (верховный главнокомандующий), кадет В.А. Виноградов и П.В. Вологодский от Временного Сибирского правительства. Директория сохранила все акты Временного Сибирского правительства. Свои главные задачи она определила как борьбу за освобождение России от большевиков, воссоздание ее единства, отказ от Брестского мира и продолжение войны с Германией. В области экономики была провозглашена незыблемость частной собственности, государственное регулирование частной промышленности и торговли, условий работы и уволь-

нения рабочих, оставление земли в руках ее фактических пользователей. Кратковременный характер Директории подчеркивался тем, что предполагалось в ближайшее время (1 января или 1 февраля 1919) созвать Учредительное собрание и затем сложить свои полномочия. Хотя местом пребывания Директории планировался Екатеринбург, но ввиду приближающегося фронта Директория вынуждена была переехать в Омск (9 октября) где уже находилось Сибирское правительство. В результате переговоров было принято решение: Сибирское правительство прекращает свое существование, избирается Совет министров, подотчетный Директории, но его формирование осуществляется совместно двумя правительствами. 4 ноября 1918 Директория образовала Совет министров (Временное Всероссийское правительство) во главе с председателем Вологодским. В его состав вошли преимущественно министры старого Сибирского правительства (10 из 14). Фактически Директория оказалась бессильной, лишенная всякой поддержки, в том числе и со стороны ЦК эсеровской парии и съезда членов Учредительного собрания. Переворот, совершенный в ночь с 17 на 18 ноября 1918 военным министром Директории адмиралом А.В. Колчаком, прекратил ее существование.

352 Санников, Александр Сергеевич (1866–1931) – генерал-лейтенант генштаба (1917). Георгиевский кавалер (1916). В начале 1918 занял пост городского головы Одессы. В августе 1918 был назначен генералом А.И. Деникиным на должность начальника снабжения, в январе 1919 – главнокомандующим в Одессе, однако в марте отозван из-за разногласий между добровольческим командованием и французским генералом д'Ансельмом. Вернувшись в Екатеринодар, снова занял должность начальника снабжения ВСЮР (вплоть до конца 1919).

353 Очевидно, имеется в виду Гурко(-Ромейко), Василий Иосифович (1864–1937) – генерал от кавалерии. В 1916 командующий Особой армией в составе Юго-Западного фронта. С 10 ноября 1916 по 17 февраля 1917, во время болезни генерала М.В. Алексеева, исполнял обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего. После Февральской революции 1917 главнокомандующий армиями Западного фронта. 22 мая 1917 смещен с должности за критику Декларации прав военнослужащих. В июле 1917 отбывал кратковременное заключение в Петропавловской крепости. В сентябре 1917 выслан через Архангельск за границу и 14 октября уволен от службы. В эмиграции жил в Италии. Сын генерал-фельдмаршала И.В. Гурко.

354 Клемансо (Clemenceau), Жорж (1841–1929) – премьер-министр Франции в 1906–1909 и 1917–1920. Председатель Парижской мирной конференции 1919–1920.

355 Гокье (Gauquié) – французский агент Антанты в Екатеринодаре.

356 Директория – см. прим. № 351.

357 Особое совещание при главнокомандующем Добровольческой армией, позднее Вооруженными силами юга России, – совещательный орган, созданный для содействия в делах законодательных и административных. На обсуждение Особого совещания должны были посту-

пать: 1) все законодательные предположения, за исключением подпадающих под ст. 96 и 97 Основных законов; все правительственные мероприятия «общего государственного значения»; все предположения о замещении высших гражданских должностей центрального и местного управления, за исключением должностей начальников управлений. Постановления Совещания председатель представлял на утверждение главнокомандующему. Первоначальное Положение об Особом совещании было составлено по наброску В.В. Шульгина и утверждено генералом М.В. Алексеевым 18 августа 1918. Совещание возглавил генерал А.М. Драгомиров (помощник главнокомандующего по политической части), а после его ухода, 12 октября 1919 г. – генерал А.С. Лукомский. Совещание начало свою работу 28 сентября 1918, упразднено – 16 декабря 1919.

358 Имеется в виду поездка на Ясское совещание, проходившее 3 (16)–10 (23) ноября 1918 и созванное с целью обсуждения вопроса о возможной помощи союзников антибольшевистским силам России. По сути своей оно представляло собой «совещание ведущих русских политических организаций, пытавшихся договориться между собой для представления союзникам общих пожеланий» (*ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 1128. Л. 1об.*). Два из 16 состоявшихся заседаний проходили при участии представителей союзных держав Англии, Франции, Италии, Америки. В совещании, наряду с представителями Национального центра, принимали участие посланцы Совета государственного объединения России, Союза возрождения России, кроме того, присутствовал ряд персонально приглашенных лиц. Русская делегация вручила в Яссах союзным дипломатам три меморандума, выражавших пожелания русских политических групп. Общая позиция членов русской делегации сводилась к следующим положениям: 1) единство России, «никаких независимых государств на ее территории, в границах до большевистского переворота»; 2) согласованные действия с союзниками в борьбе против большевиков; 3) немедленная массированная помощь Добровольческой армии генерала Деникина; 5) единое командование, доверенное русскому военачальнику (*Голос минувшего на чужой стороне. – 1926. – № 3. – С. 68–69*). Большинством голосов Совещание высказалось за кандидатуру Деникина как верховного главнокомандующего.

359 Энно (Hainaut, в др. написании Enneaux), Эмиль – французский консул в Киеве с особыми полномочиями, представитель держав Антанты на Украине в ноябре–декабре 1918; капитан французской армии. Один из инициаторов созыва Ясской конференции. После переезда в Одессу пытался создать в городе местное правительство из числа делегатов Ясской конференции. В марте 1919 отозван во Францию.

360 Сент-Олер (Saint-Aulaire), Август-Феликс, де (1866–?) – граф, французский посланник в Румынии с 1917, старейшина дипломатического корпуса в Яссах.

361 Зеелер, Владимир Феофилович (1874–1954) – присяжный поверенный. После Февральской революции 1917 – ростовский градоначальник. Председатель Донского областного комитета кадетской партии, затем краевого Южно-Восточного комитета. Член Южно-Русского от-

дела ЦК. Входил в Национальный центр. С февраля 1920 министр внутренних дел в Южно-Русском правительстве Н.М. Мельникова. Эмигрировал в Константинополь, был кооптирован в Константинопольское отделение ЦК. Член бюро Политического объединенного комитета в Константинополе, в качестве его представителя посетил лагерь донцов в Чаталджи. Входил в малый комитет, непосредственно руководивший работой российского Земско-городского комитета помощи беженцам за границей, заведовал отделом снабжения. Товарищ председателя Временного Главного комитета Всероссийского Земского союза.

[362] Денстервиль (Dunsterville), Л. – генерал-майор английской армии; командующий английскими войсками в Персии. В январе 1918 возглавил английскую миссию, направленную в Закавказье.

[363] Воронков, Митрофан Семенович (1868–?) – частный поверенный, учитель; кадет. Депутат II–IV Государственной думы от Области войска Донского, входил в казачью группу.

[364] Фальборк, Генрих Адольфович (1864–1942) – писатель; кадет.

[365] Возможно, имеется в виду А.А. Васильев – кадет, одно время редактировал в Самаре кадетскую газету «Волжское слово».

[366] «Россия» (позднее «Великая Россия») – общественно-политическая газета, выходила под редакцией В.В. Шульгина. Издатели газеты – Шульгин и В.Г. Иозефи. В редакцию входили Н.Н. Львов, П.Б. Струве, полковник А. фон Лампе. С ноября 1919 выпуск газеты был перенесен в Белгород. Отражала в целом идеологию Совета государственного объединения России. Редактор одесского издания Е.А. Ефимовский.

[367] Рябушинский, Владимир Павлович (1873–1955) – промышленник, финансист, общественный деятель. Член ЦК «Союза 17 октября», один из инициаторов создания Торгово-промышленной партии (1905). В 1912 избран в состав Московского отдела ЦК вновь созданной Партии прогрессистов. В период Первой мировой войны добровольцем отправился в действующую армию, организовал на Западном фронте подвижной автоотряд при одном из штабов. После прихода большевиков к власти выехал на юг России. В октябре 1918 участвовал в Ясском совещании, осенью 1920 один из экспертов экономического совещания, организованного генералом П.Н. Врангелем в Крыму. Эмигрировал в Константинополь, затем во Францию. Вошел в Российский Торгово-промышленный и финансовый союз в Париже.

[368] Николаев, Н.Н. – председатель Екатеринодарского кадетского комитета. В качестве представителя екатеринодарских кадетов был избран в Национальный центр (декабрь 1918). Входил в комиссию по пропаганде при Национальном центре.

[369] Масарик (Masaryk), Томас Гарриг (1850–1937) – чехословацкий политический деятель и ученый. С ноября 1918 президент Чехословацкой республики, четырежды переизбирался на этот пост. В декабре 1935 сам сложил с себя звание президента по состоянию здоровья, после чего отошел от политической жизни. Автор философских трудов.

[370] Макса (Маха), Прокоп (1883–1961) – чешский дипломат и политик. В 1907–1914 профессор Торговой академии в Праге. В годы Первой мировой войны один из организаторов Чехословацкого корпуса в России, в 1918 вел переговоры с Л.Д. Троцким об эвакуации корпуса. В 1917–1918 входил в руководство филиала Чехословацкого Национального совета в России. В мае 1918 был арестован в Москве, выпущен в декабре. В 1920–1921 посол Чехословацкой республики в Нидерландах, в 1921–1924 – в Польше. В 1924–1931 начальник одного из отделов Министерства иностранных дел. В 1931–1939 посол в Болгарии.

[371] Павлу (Pavlů), Богдан (1883–1938) – словацкий общественный деятель; журналист, дипломат. Один из лидеров словацкой социал-демократии. В 1907–1910 редактор журнала «Času» («Время»), в 1910–1914 редактор газеты «Národnich listů» («Народная газета»). В годы Первой мировой войны один из организаторов Чехословацкого корпуса в России. В 1915–1917 главный редактор журнала «Čechoslovák» («Чехословак») в Петербурге. Первый заместитель председателя филиала Чехословацкого Национального совета в России. В 1919 политический уполномоченный чехословацкого правительства в Сибири, в конце 1919 был отозван в Прагу. В 1920–1922 шеф-редактор «Slovenského denniku» («Еженедельная газета»). В 1922–1927 посол Чехословацкой республики в Болгарии, в 1927–1932 – в Дании, в 1935–1937 – в СССР.

[372] Крамарж (Kramář), Карел (1860–1937) – чешский политический деятель. Лидер Национал-демократической партии с 1918. После Ноябрьской революции в Австрии (1918) стал первым министром-президентом Чехословацкой республики (1918–1919). В июне 1919 министерство Крамаржа пало, после того как национал-демократы потерпели поражение на выборах.

[373] Клофач (Klofáč), Вацлав Ярослав (1868–1942) – чешский политический деятель, основатель Национал-социалистической партии, в 1918–1938 ее президент, многие годы был главным редактором печатного органа партии – газеты «Česke Slovo». В 1918–1920 министр национальной обороны Чехословакии. В 1920–1939 сенатор и вице-президент (с февраля по ноябрь 1926 президент) Сената страны.

[374] Дюрих (Dürich), Иозеф (1847–1927) – чешский политик. Весной 1915 эмигрировал, как представитель антигабсбургского сопротивления, в Швейцарию, где включился в движение, возглавляемое Масариком. В феврале 1916 выбран заместителем председателя Чехословацкого Национального совета в Париже. Начиная с июня 1916 находился в России, сотрудничал с русской дипломатией, пытаясь создать второй центр чехословацкого национального сопротивления за рубежом, ориентировался на создание Чехословацкого государства под русской эгидой. Из-за своей деятельности был исключен из парижского Национального Чехословацкого совета. После Февральской революции 1917 отошел от политической борьбы. Летом 1918 поддержал набор чехословаков в Добровольческую армию. В начале 1919 вернулся в Чехословакию. Автор мемуаров «На службе у чехов» («V českých službách», 1921).

375 Елачич, С.А. – кадет, участник 3-й Восточной конференции партии народной свободы, проходившей в Омске в мае 1919 г.; входил в руководство Земского союза.

376 Нератов, Анатолий Анатольевич (1863–1928) – товарищ министра иностранных дел (1910–1917). С осени 1918 исполнял обязанности начальника управления иностранных дел Особого совещания при главнокомандующем генерале А.И. Деникине. Входил в Совет государственного объединения России.

377 Сватиков, Сергей Григорьевич (1880–1942) – историк, присяжный поверенный; общественный деятель. В 1915–1917 преподавал на Бестужевских курсах. После Февральской революции 1917, в мае 1917, направлен в качестве комиссара Временного правительства в западноевропейские страны для ликвидации заграничной агентуры департамента полиции и проверки дипломатических служб. По итогам командировки написал книгу «Русский политический сыск за границей» (1918), в 1941 она была переиздана НКВД «для служебного пользования». В ноябре 1917 выехал в Ростов-на-Дону. Сотрудничал в конце 1917 – начале 1918 с генералом М.В. Алексеевым. В январе–феврале 1919 работал в отделе пропаганды Особого совещания при генерале А.И. Деникине, вынужден был уйти под давлением председателя Совещания генерала А.М. Драгомирова. Намеревался организовать за границей вместе с В.Л. Бурцевым пропагандистскую кампанию в поддержку Белого движения. В феврале 1920 выехал в Париж. Был парижским представителем Русского заграничного архива в Праге. Сотрудничал в газете «Общее дело», журналах «Родимый край», «Донская летопись» и др.

378 Бернацкий, Михаил Владимирович (1876–после 1943) – профессор политэкономии, специалист по денежному обращению. С 25 сентября 1917 министр финансов Временного правительства; член кадетской партии. После Октябрьского переворота арестован, вскоре освобожден. Входил в Национальный центр. В январе 1919 приехал в Екатеринодар; управляющий отделом финансов и член Особого совещания при главкоме А.И. Деникине, позднее – начальник финансового управления в правительстве генерала П.Н. Врангеля. Во время командировок в Париж занимался практической разработкой вопроса об установлении товарообмена между Крымом и Европой. В ноябре 1920 эвакуировался вместе с Русской армией из Крыма в Константинополь, затем переехал в Париж. В январе 1921 был избран председателем Русского Делового комитета.

379 Шуберский, Э.П. – финансист, беспартийный. Начальник управления путей сообщения Особого совещания при главкоме А.И. Деникине.

380 Юренев, Петр Петрович (1874–1943) – инженер-строитель; с 1911 член ЦК кадетской партии. Министр путей сообщения во 2-м коалиционном кабинете Временного правительства. Возглавляя московское отделение Союза инженеров, входил в число организаторов саботажа технической интеллигенции. В октябре 1918 выехал на юг, руководитель одесского отделения Национального центра. В 1919 в Ростове-на-Дону возглавлял Союз городов при Добровольческой армии. В 1920 жил в Сербии, возглавлял бюро Югославянской кадетской

группы, а также Временный Главный комитет Всероссийского Союза городов. Затем переехал в Константинополь, член местного отделения ЦК. Был избран председателем Политического объединенного комитета. Входил в Российский Земско-городской комитет помощи беженцам. Сменил Н.В. Тесленко на посту председателя Константинопольской кадетской группы.

[381] Салазкин, Аркадий Сергеевич (1870–?) – потомственный почетный гражданин, землевладелец и домовладелец, нижегородский городской голова, депутат II–IV Государственной думы; член кадетской партии.

[382] Гучков, Александр Иванович (1862–1936) – общественный деятель. Один из создателей и лидер партии «Союз 17 октября», председатель ЦК (1906). Член Государственного совета по избранию от промышленности и торговли (1907, 1915), депутат III Государственной думы, возглавлял фракцию октябристов, председатель Думы (с марта 1910 по март 1911), сложил с себя это звание в знак протеста против проведения закона о земстве в Западных губерниях в обход Думы. С начала Первой мировой войны находился на фронте в качестве особоуполномоченного Российского общества Красного Креста, занимался организацией госпиталей. Один из организаторов и председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Особого совещания по обороне. 2 марта 1917 в качестве представителя Временного комитета Думы принимал в Пскове отречение Николая II. Военный и морской министр Временного правительства (с 2 марта по 2 мая 1917); член Временного совета Российской республики (Предпарламента). В годы Гражданской войны активно участвовал в создании Добровольческой партии. В 1919 направлен генералом А.И. Деникиным во Францию для переговоров с французским правительством. Остался в эмиграции – сначала в Берлине, затем в Париже.

[383] Денисов, Николай Хрисанфович (?–1970) – предприниматель. Директор правления Троицкой железной дороги. После 1917 в эмиграции, сначала в Англии, где на его средства был создан Комитет освобождения России, затем во Франции. Председатель основанного в Париже в 1920 Российского Торгово-промышленного и финансового союза. В качестве представителя Всероссийского финансового союза входил в Русский Деловой комитет. Председатель съезда представителей русской промышленности и торговли, проходившего 17–23 мая 1921 в Париже.

[384] Ильин, С.Н. – полковник, представитель Российского общества Красного Креста. Участвовал в работе Ясского совещания.

[385] Поклевский-Козел, Станислав Альфонсович (?–после 1929) – действительный статский советник, камергер, русский посланник в Бухаресте. В эмиграции там же.

[386] Совет государственного объединения России (СОГОР) – антибольшевистская межпартийная организация консервативного толка, созданная в Киеве в октябре 1918. Строился на принципе членства организаций, исключение составили несколько политических деятелей, включенных в состав Совета персонально. Первоначально СОГОР объединил: Бюро совещания членов Государственного совета и Государственной думы, Союз земельных собственников, Правительствую-

щий Сенат, Всероссийский Церковный Собор, а также представителей цензовых земств, городов, торговых, промышленных и финансовых кругов. Лозунгами СОГОР стали: воссоздание единой и неделимой России, борьба с большевизмом, единое представительство России на мирной конференции. Председатель – барон В.В. Меллер-Закомельский, товарищи – А.В. Кривошеин, С.Н. Третьяков. В декабре 1918 бюро СОГОР переехало в Одессу, в апреле 1919 – в Ростов-на-Дону. Сеть местных организаций СОГОР действовала на территории, подконтрольной белым армиям. Отсутствие идейного единства внутри Совета, неустойчивость его политической линии помешало СОГОР стать влиятельной политической организацией, сплачивающей и организующей умеренно правое крыло антибольшевистского лагеря. С окончанием Гражданской войны СОГОР прекратил свое существование.

[387] Маргулиес, Мануил Сергеевич (1868–1939) – доктор медицины, присяжный поверенный; один из основателей и лидеров Партии демократических реформ. Председатель санитарного отдела Петроградского комитета Союза городов и товарищ председателя (а затем председатель) Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917). После Октябрьского переворота выехал на юг. Входил в бюро Совета государственного объединения России, в качестве представителя СОГОР участвовал в работе Ясского совещания. Во время оккупации Одессы французскими частями входил в число советников французского командования по русским делам. Был включен в состав Комитета обороны и продовольствия, которому генерал д'Ансельм рассчитывал передать всю гражданскую власть в Одессе после объявления ее на осадном положении. В начале апреля 1919 переехал в Париж. Развивал идею создания Петроградской республики в качестве противовеса режиму адмирала А.В. Колчака. В середине июля прибыл в Гельсингфорс, в августе занял пост министра торговли и промышленности, снабжения и народного здравия в Северо-Западном правительстве. После его роспуска в начале декабря выехал в Финляндию.

[388] Мануильский, Дмитрий Захарович (1883–1959) – социал-демократ. С 1907 – в Париже, где в 1909 вошел в группу «Вперед». В годы Первой мировой войны – один из основателей и сотрудников парижской антивоенной газеты «Голос» («Наше слово»). В мае 1917 вернулся в Россию, в Петербурге вошел в организацию «межрайонцев»; член редакции журнала «Вперед». На VI съезде РСДРП(б) вместе с другими «межрайонцами» был принят в РСДРП(б). Член Петроградской думы от большевиков. В октябре 1917 член ВРК. С ноября 1917 входил в коллегию Наркомпрода, в апреле 1918 в составе мирной делегации РСФСР вел переговоры с Центральной Радой, затем с правительством П.П. Скоропадского, затем направлен во Францию в составе миссии Красного Креста по репатриации солдат русского экспедиционного корпуса; был интернирован в Дюнкерке. По возвращении в мае из заграницы работал на Украине: в конце 1919 – начале 1920 член Всеукраинского ревкома, в 1919–1921 нарком земледелия, в 1921 секретарь ЦК КП(б)У, редактор газеты «Коммунист». С 1922 работал в Коминтерне.

[389] Брайкевич, Михаил Васильевич (?–1940) – инженер, предприниматель; кадет. Товарищ министра торговли и промышленности во Временном правительстве. После Октябрьского переворота входил в ряд антибольшевистских организаций: Совет государственного объединения России, Союз возрождения России. Одесский городской голова. Участвовал в работе Ясского совещания. Перевел свои капиталы за границу. Эмигрировал в Лондон. Секретарь основанного в Лондоне в 1920 Русского экономического общества. Под его редакцией в 1920–1923 выходил в Лондоне журнал «The Russian Economist» («Записки русского экономического общества»). Читал лекции в Русском народном университете (Лондон) по теме «Народное хозяйство в России»; входил в правление университета. Член Комитета Российского торгово-промышленного и финансового союза, Российского Земско-городского комитета помощи беженцам и президиума Комитета помощи голодающим. Один из сотрудников финансово-экономического отдела исполкома Совещания членов Учредительного собрания.

[390] Клепинин, Андрей Николаевич – гражданский инженер в Одессе. Член Одесского комитета партии народной свободы. Эмигрировал в Константинополь.

[391] Пильц, Александр Иванович (1870–?) – товарищ министра внутренних дел, иркутский генерал-губернатор, витебский губернатор. Помощник военного губернатора А.Н. Гришина-Алмазова по гражданской части в Одессе. В 1919 помощник начальника управления внутренних дел Особого совещания при генерале А.И. Деникине. Председатель комитета государственного призрения в Севастополе при генерале П.Н. Врангеле. Эмигрировал.

[392] Крупенский, Александр Николаевич (1850–1923) – монархист. В Бессарабии ему принадлежало образцовое садоводческое хозяйство. Последний предводитель дворянства в Бессарабии. Эмигрировал, председатель монархического съезда в Рейхенгалле (1921). С 1926 председатель Высшего монархического совета. Участник Зарубежного съезда в Париже (1926).

[393] Чемберс, А.Я. – беспартийный; товарищ председателя Московского Торгово-промышленного комитета. Один из директоров банка Второго. В качестве представителя Национального центра участвовал в Ясском совещании. Товарищ председателя Торгово-промышленного съезда, проходившего в Ростове-на-Дону в октябре 1919.

[394] Хомяков, Николай Алексеевич (1850–1925) – в 1896–1902 директор департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ. Член ЦК «Союза 17 октября». Член Государственного совета. Депутат II и IV Государственной думы, председатель Думы (с ноября 1907 по март 1910). В 1913–1915 председатель петербургского Клуба общественных деятелей.

[395] Фош (Foch), Фердинанд (1851–1929) – маршал Франции. В Первую мировую войну командовал армией, группой армий, в 1917–1918 начальник генштаба, с апреля 1918 верховный главнокомандующий союзными войсками. Один из организаторов интервенции в Советскую Россию.

[396] Преторианский эдикт (от лат. praсtor и edictum) – в Древнем Риме извещение высших должностных лиц о том, каких правовых норм они будут придерживаться при отправлении правосудия; особо важные указы.

[397] Братиану (Брэтиану) (Brătianu), Йон Младший (1864–1927) – председатель Совета министров Румынии в 1908–1911, 1914–1919 (с перерывом в 1918), 1922–1926, 1927. Лидер Национал-либеральной партии (с 1906). Один из организаторов захвата в 1918 советской Бессарабии.

[398] Маринкович – помощник начальника отдела штаба генерала Бартело, представитель французской миссии

[399] Беллой (Belloy), Марк – французский морской агент.

[400] Малютин, Борис Евгеньевич – бывший делопроизводитель Государственной думы. В 1917 товарищ председателя Московского районного комитета партии народной свободы в Петрограде. После Октябрьского переворота выехал на юг, в расположение частей Добровольческой армии. Вел протоколы Ясского совещания. Выполнял в Екатеринодаре обязанности секретаря Национального центра. Редактор газеты «Свободная Россия».

[401] Новиков, И.М. – полковник генерального штаба; участвовал в работе Ясского совещания, получив персональное приглашение. В качестве представителя Национального центра входил в Бюро 4-х организаций юга России. По решению Ясского совещания был послан, вместе с генералом Голиевским, в Салоники с целью установить контакт с находившимся там главным командованием союзных войск и попытаться выяснить, возможна ли быстрая присылка вооруженной помощи югу России.

[402] Волховский, Михаил Николаевич (1868–после 1933) – генерал-майор. В декабре 1917 командир «украинизированной» части. В 1918 командир 4-го корпуса в гетманской армии. 30 сентября 1918 переименован в чин генерального хорунжего. В ноябре–декабре 1918 начальник обороны Киева. Взят в плен, с 14 декабря 1918 содержался под арестом в Киеве, бежал. С 8 января 1919 в резерве чинов при штабе главнокомандующего ВСЮР. До октября 1919 командир сводного полка 31-й пехотной дивизии, с октября – командир 1-й отдельной пехотной бригады, в ноябре 1919 начальник сводной дивизии. Генерал-лейтенант. В эмиграции.

[403] Мустафин, Владимир Андреевич (1867–1933) – генерал-майор военно-судебного ведомства, генерал для поручений при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта. В 1918 – в гетманской армии. Градоначальник и комендант Одессы, назначенный П.П. Скоропадским (май–декабрь 1918). С декабря 1918 в отставке. Позднее в ВСЮР, с 14 сентября 1919 в резерве чинов при штабе главнокомандующего в Ростове. В январе 1920 ставропольский губернатор. Эвакуировался, жил в Югославии, затем во Франции.

[404] Сеньорен-конвент (от лат. senior старший + conventus собрание) – совет старейшин в парламенте, состоящий из лидеров входящих в парламент политических партий.

[405] Бертело (Berthelot), Анри (1861–1931) – дивизионный генерал французской армии (1915), корпусной генерал (1917). Во время Первой ми-

ровой войны командир 32-го армейского корпуса (1915–1916), глава французской военной миссии в Румынии (Бухарест, октябрь 1916 – апрель 1918), командующий 5-й армией (май–сентябрь 1918), командующий французским экспедиционным корпусом на Балканах (октябрь–ноябрь 1918). После капитуляции Германии вновь вернулся в Румынию, где был назначен командующим союзными войсками в Румынии, Трансильвании и на юге России; на него возлагалось общее командование союзными войсками на юге России (ноябрь 1918 – май 1919). Отозван во Францию в мае 1919. Командующий войсками в Лотарингии (1919–1921).

406 Канин, Василий Александрович (1862–1927) – адмирал, член Адмиралтейского совета. Служил в Добровольческой армии и в ВСЮР. В декабре 1918 находился в Одессе. Участник организации десантной армии для захвата Петрограда. С 13 ноября 1918 и. д. командующего, с февраля по 21 марта 1919 командующий Черноморским флотом. Морской министр в правительстве С.С. Крыма. С 21 марта 1919 в отставке. В эмиграции во Франции.

407 Саблин, Михаил Павлович (1869–1920) – вице-адмирал (1916). С 12 декабря 1917 по 4 июня 1918 командующий Черноморским флотом. В связи с приближением германской армии к Севастополю, после заключения Брест-Литовского мира, увел лучшую часть Черноморского флота в Новороссийск. Получив приказ Ленина о потоплении флота (июнь 1918), выехал в Москву, надеясь уговорить большевиков отменить приказ. Был арестован, но бежал и добрался до штаба главнокомандующего ВСЮР. В начале 1919 занимал должность главного командира судов и портов. В апреле 1919, в связи с уходом французской эскадры из Севастополя, добился от союзников передачи ряда кораблей Черноморского флота главнокомандующему ВСЮР и привел их в Новороссийск. После увольнения адмирала Ненюкова (8 февраля 1920) был назначен командующим Черноморским флотом, однако 17 февраля сдал должность адмиралу Герасимову. 19 апреля генерал П.Н. Врангель вновь назначил его командующим Черноморским флотом и начальником морского управления. В сентябре 1920 тяжело заболел; похоронен в Севастополе.

408 Кровопусков, К.Р. – кооператор, уполномоченный министра продовольствия в Одессе. Участвовал в работе Ясского совещания.

409 Ектения – название ряда молитвенных прошений, составляющих существенную часть всех церковных богослужений.

410 Гербель, Сергей Николаевич (1860–?) – гофмейстер высочайшего двора (1909), член Государственного совета (1912). Во время Первой мировой войны главноуполномоченный по заготовлению продовольствия для армий Юго-Западного фронта. В 1918 министр продовольствия в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. 15 ноября 1918 назначен главой последнего кабинета Скоропадского.

411 Возможно, Барклай (Barclay), сэр Джордж Хед (1862–1921) – английский дипломат. С апреля по июль 1908 посланник Великобритании в Константинополе, в 1908–1912 – в Тегеране, с 1912 – в Бухаресте.

412 Вопика (Vopicka), Чарльз Иозеф (1857–1935) – американский финансист и дипломат. Родился в Богемии, в 1880 переехал в США. Пер-

вый президент и позднее председатель совета кампании «Atlas Brewing», президент «American Traders' Corporation», директор ряда банков. В 1913 назначен посланником США в Румынию, Сербию и Болгарию. Когда румынский двор бежал в Яссы, он оставался в Бухаресте, однако в силу враждебных отношений с германским генералом фон Макензеном был вынужден в январе 1917 принять решение о возвращении в США. Заехав в Яссы, имел встречи с представителями российского антибольшевистского движения. В качестве старшины дипломатического корпуса он вручил ультиматум Румынии, требующий подписания румыно-австрийского договора под страхом разрыва дипломатических отношений. В 1920 отошел от дипломатической деятельности. Награжден румынским и сербским орденами. Вернувшись в Чикаго, вновь занялся предпринимательской и финансовой деятельностью.

[413] Александр I (1777–1825) – российский император с 1801. Старший сын императора Павла I. Присоединил к России Грузию (1801), Финляндию (1809), Бессарабию (1812), Азербайджан (1813), герцогство Варшавское (1815). После Отечественной войны 1812 возглавил в 1813–1814 антифранцузскую коалицию европейских держав. Был одним из организаторов созыва Венского конгресса и формирования Священного союза.

[414] В поэме Гомера данайцы – греки, осаждавшие Трою и хитростью (с помощью деревянного коня) взявшие ее. Отсюда дары данайцев – дары, гибельные для получающего их.

[415] Дитмар, Николай Федорович, фон (1865–1919) – горный инженер, владелец чугуно-литейного и механического заводов в Харькове, Нестеровского рудника в Екатеринославской губ.; председатель съезда горнопромышленников юга России. Член Государственного совета (с 1912). Умер от тифа.

[416] Гришин-Алмазов, Алексей Николаевич (?–1919) – с начала 1918 под фамилией Алмазов участвовал в деятельности подпольных антибольшевистских организаций в Сибири; в июне Временным Сибирским правительством был произведен в генерал-майоры и назначен военным министром и командующим Западно-Сибирской армией. В начале сентября был смещен с должности; выехал в Екатеринодар. Осенью 1918 – зимой 1919 занимал пост военного губернатора Одессы. В апреле 1919 был послан во главе делегации в Омск к адмиралу А.В. Колчаку. 22 апреля (5 мая) пароход, на котором делегация переплывала Каспийское море, был задержан; во время задержания Гришин-Алмазов, дабы избежать плена, застрелился.

[417] Иванов-Ринов, Павел Павлович (1869–?) – полковник, командующий отдельной Сибирской казачьей бригадой; генерал-майор (1918). 7 июня 1918 возглавил антибольшевистское выступление в Омске, начальник гарнизона, командир 2-го Степного сибирского корпуса (июнь–сентябрь 1918). Войсковой атаман Сибирского казачьего войска (с 15 августа 1918), управляющий военным министерством Временного Сибирского и Временного Всероссийского правительств (с сентября 1918). Командующий Сибирской армией (до 24 декабря 1918), одновременно помощник верховного уполномоченного на Дальнем

Востоке по военной части (декабрь 1918 – май 1919), а также командующий войсками Приамурского военного округа. С августа 1919 командир отдельного Сибирского казачьего корпуса (до 19 сентября 1919). Осенью 1919 помощник главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административной части. Генерал-лейтенант (10 августа 1919). С 23 марта 1920 в Харбине, с 7 июля 1921 начальник штаба атамана Семенова; в 1922 начальник тыла армии. В эмиграции в Китае. Осенью 1925 выехал в СССР.

[418] Голиевский – генерал, по решению Ясского совещания был послан, вместе с полковником Новиковым, в Салоники с целью установления контакта с находившимся там главным командованием союзных войск (генералами Бертело и Франше д'Эспере), затем прибыл в Константинополь.

[419] РОПИТ – Русское общество пароходства и торговли. Учреждено в 1856 в целях развития торговли южного края России, установления пароходных и почтовых сообщений с русскими и иностранными портами.

[420] Баллард (Ballard) – генерал английской армии, военный атташе; участник Ясского совещания.

[421] Моллов – член Совета государственного объединения России, входил в комиссию, командированную в Париж, Бухарест и Константинополь. Вернулся в Одессу в конце февраля 1919, поддерживал позицию руководства французского оккупационного командования, указывая на необходимость образования в Одессе особого правительства, независимого от Добровольческой армии и подчиненного французскому командованию.

[422] Сфатул Церий («Краевой Совет» или «Совет страны») – антибольшевистский парламентский орган, образованный в Кишиневе 21 ноября 1917 по инициативе Молдавской национальной партии на основе решений съезда, состоявшегося 20–27 октября 1917; затем – высшее учреждение Бессарабской республики. Имел исполнительный орган – Совет генеральных директоров (Директорат), издавал газету «Сфатул Церий». 2 декабря 1917 объявил Бессарабию Молдавской народной республикой, однако республика просуществовала лишь несколько дней, т. к. пало Временное правительство и развалился Южный фронт. Сфатул Церий отправил в Яссы к находившемуся там румынскому королю депутацию с просьбой прислать войска для водворения порядка и обеспечения румыно-русского фронта до Днестра. В начале января 1918 румынский экспедиционный корпус вошел в Бессарабию и занял почти всю ее территорию. 27 марта на торжественном заседании Сфатул Церий решил просить короля присоединить Бессарабию к Румынии при соблюдении некой автономии (Бессарабия должна иметь двух представителей-министров при румынском парламенте, а Сфатул Церий – существовать до окончательного проведения аграрной реформы). 27 ноября 1918 Сфатул Церий признал «безусловное» присоединение Бессарабии к Румынии. После этого королевским декретом был распущен.

[423] Кристи, В.Г. – председатель Бессарабской губернской земской управы.

[424] 27 марта 1918 было объявлено об условиях проведения аграрной реформы: наделение малоземельных крестьян землей, отобранной у по-

мещиков, последним оставлялось по 100 га, однако лишь в том случае, если они докажут, что все время сами обрабатывали ее, не сдавая в аренду. Желая привлечь на свою сторону крестьян, румынский парламент одобрил особый аграрный закон для Бессарабии, который освящал захват крестьянами земли у помещиков во время революции.

425 Муравьев, Михаил Артемьевич (1880–1918) – подполковник (1917). Участник Первой мировой войны. Левый эсер, перешел на сторону большевиков. 28–30 октября 1917 один из руководителей обороны Петрограда. Командующий войсками Одесской советской республики (январь–март 1918). После того как 26 января взял Киев, было уничтожено большое количество офицеров. По возвращении в Москву арестован (апрель 1918) за самоуправство и партизанщину. Освобожден по ходатайству Л.Д. Троцкого (май 1918). Командующий Восточным фронтом (июнь–июль 1918). Поднял мятеж против советской власти (10 июля 1918). Убит Варейкесом 11 июля 1918 при аресте в Симбирске.

426 Согласно предложению Н.В. Савича, диктатуре большевиков должна была быть противопоставлена иная диктатура, причем в качестве диктатора он предлагал вел. кн. Николая Николаевича. Роль диктатора, по мысли Савича, должна была быть «символической», фактически функции власти передавались двум помощникам диктатора: одному, отвечающему за военную часть и ведающему военными операциями, и второму – по гражданской части, который, в качестве премьера, составляет кабинет (*ГА РФ. Оп. 1. Д. 1128. Л. 12*).

427 Вашингтон (Washington), Джордж (1732–1799) – первый президент США (1789–1797), главнокомандующий армией колонистов в Войне за независимость Северной Америки 1775–1783, обеспечившей ликвидацию английского господства и провозглашение независимости США. Председатель Конвента (1787) по выработке Конституции США.

428 Николай I (1796–1855) – российский император с 1825, третий сын Павла I. Подавил восстание декабристов, создал Третье отделение (политическую полицию). Выступал как «жандарм Европы», разгромил Польское восстание 1830–1831 и революцию в Венгрии 1848–1849.

429 Пожарский, Дмитрий Михайлович (1578–1642) – князь, боярин (с 1613), русский полководец. Участник 1-го земского ополчения 1611, один из руководителей и командиров 2-го земского ополчения и временного Земского правительства в 1613–1618, руководил военными действиями против польских интервентов.

430 Речь идет о Крымском краевом правительстве, сформированном в Крыму 15 ноября 1918. В его состав вошли: С.С. Крым (председатель Совета министров и министр земледелия, кадет), Н.Н. Богданов (министр внутренних дел, кадет), В.Д. Набоков (министр юстиции, кадет), М.М. Винавер (министр внешних сношений, кадет), В.А. Никонов (министр просвещения, эсер), П.С. Бобровский (министр труда и государственный контролер, меньшевик), А.А. Стевен (министр продовольствия и снабжения, беспартийный), А.П. Барт (министр финансов, беспартийный). Позднее в состав кабинета были включены военный министр (генерал Бучик) и морской министр (адмирал Канин). В середине апреля 1919 Крымское правительство сложило свои полномочия.

[431] Пишон (Pichon), Стефан Жан Мери (1857–1933) – французский политик и дипломат. В 1906–1917 (с перерывами) министр иностранных дел Франции.

[432] Ценцинат – римский патриций, консул (460 до н.э.), диктатор (458–439). Согласно преданию, был образцом скромности, доблести и верности гражданскому долгу.

[433] Цезарь (Caesar), Гай Юлий (102 [или 100]–44 до н. э.) – римский диктатор в 49, 48–46, 45, с 44 – пожизненно. Полководец. Добиваясь консулата, в 60 вступил в союз с Г. Помпеем и М. Лицинием Крассом (1-й триумвират). В 49, опираясь на армию, начал борьбу за единовластие. Разгромив Помпея и его сторонников в 49–45 (Красс умер в 53), оказался во главе государства. Сосредоточив в своих руках ряд важнейших республиканских должностей (диктатора, консула и т. п.), стал фактически монархом.

[434] Красс (Crassus), Марк Лициний (ок. 115–53 до н.э.) – римский политический и военный деятель. В 72 Сенат наделил его чрезвычайными полномочиями для подавления восстания Спартака. В 71 отряды Спартака были разгромлены. В 70 совместное консульство с Помпеем. В 60 вместе с Цезарем и Помпеем входил в 1-й триумвират. Весной 56 союз был возобновлен и укреплен, что помогло Крассу и Помпею добиться вновь совместного консульства на 55. Красс получил в управление провинцию Сирию, куда отбыл в надежде на победу над парфянами. Но под Каррами римская армия была разбита, сам Красс погиб с большей частью войска.

[435] Помпей Великий (Pompeius Magnus), Гней (106–48 до н.э.) – римский полководец. С 66 командовал римскими войсками в войне против Митридата VI, которая закончилась победой римлян. После отказа сената утвердить его мероприятия на Востоке и наделить его солдат землей в 60 вошел в соглашение с Крассом и Цезарем (1-й триумвират). После распада триумвирата (53) воевал против Цезаря.

[436] Наполеон I (Napoléon) (Наполеон Бонапарт) (1769–1821) – французский император в 1804–1814 и в марте–июне 1815.

[437] Альберт I (1875–1934) – король Бельгии с 1909; вступил на престол 23 декабря 1909 после смерти своего дяди – бельгийского короля Леопольда II. Второй сын принца Филиппа, графа Фландрского и принцессы Марии Гогенцоллерн-Зингмаринген, внук короля Леопольда I. Выступал за проведение социально-экономических реформ «сверху».

[438] Чингисхан (Тэмуджин, Темучин) (ок. 1155–1227) – основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206), организатор завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы.

[439] Ксенопол (Xenopol), Александру (1847–1920) – румынский историк. Основные труды: «Главные принципы истории», «История румын Троянской Дакии» (т. 1–14).

[440] Возможно, имеется в виду Леонтович, Евгений Александрович (1862 – после 1931) – генерал-лейтенант, командир армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР. В декабре 1918 – январе 1919 формировал добровольческие части в Одессе, с начала ноября до 1 декабря 1918 начальник формирований Одесского центра армий. Ле-

том 1919 – в штабе войск Юго-Западного края (Одесса). В эмиграции в Бессарабии.

441 Ненюков, Дмитрий Всеволодович (1869–1929) – вице-адмирал (1916). Заместитель начальника Морского генерального штаба по судостроению (1913), начальник Дунайской транспортной флотилии (1917). Во время занятия Одессы французским десантом в конце 1918 находился на посту начальника управления военно-морской базы в Одессе. С середины 1919 по 8 февраля 1920 командующий Черноморским флотом. 8 февраля уволен генералом А.И. Деникиным за поддержку кандидатуры генерала П.Н. Врангеля на место командовавшего в Крыму генерала Н.Н. Шиллинга. В марте 1920 вернулся в Севастополь, активно содействовал восстановлению Черноморского флота, а затем – эвакуации из Крыма 2–5 ноября 1920. В эмиграции жил в Югославии.

442 Раух, Георгий Оттонович (Антонович) (1860–1936) – генерал от кавалерии. В июне 1918 был арестован в Петрограде, вскоре освобожден. Поступил в гетманскую армию в Одессе. Служил в ВСЮР. В 1920 эвакуировался из Одессы на пароходе «Габсбург».

443 Покровский, Андрей Георгиевич (1862–1944) – вице-адмирал, начальник обороны северо-западной части Черного моря. В 1918 в гетманской армии в Одессе. В апреле 1919 был арестован, бежал в декабре 1919. В эмиграции в Бельгии, затем переехал в Египет.

444 Амет (Amet), Жан Франсуа (1861–1930) – вице-адмирал. Командующий союзным флотом в Черном море после капитуляции Турции в ноябре 1918. В апреле 1919 обеспечивал эвакуацию союзных войск из Одессы. В мае отозван на родину.

445 Франше д'Эсп[е]ре (Franchet d'Espérey), Луи-Феликс (1856–1942) – дивизионный генерал французской армии (1909). Участник Первой мировой войны, командующий 5-й армией в сражении на Марне (май 1914). Командующий Салоникским фронтом (июнь–ноябрь 1918). Главком союзными войсками в Константинополе и высадившимися на юге России союзными войсками (ноябрь 1918 – 1920). С 1921 маршал Франции.

446 Хорват, Дмитрий Леонидович (1859–1937) – управляющий КВЖД в 1902–1918; генерал-лейтенант (1912). В 1918 возглавил в Харбине Дальневосточный комитет защиты родины и Учредительного собрания. 9 июля 1918 объявил себя Временным верховным российским правителем. В сентябре 1918, после переговоров с П.В. Вологодским, признал Временное Сибирское правительство и был назначен его верховным уполномоченным на Дальнем Востоке. Позднее признал верховным правителем адмирала А.В. Колчака и в 1918–1919 был его верховным уполномоченным на Дальнем Востоке. В 1920 эмигрировал в Китай.

447 Востротин, Степан (Стефан) Васильевич (1864–1937) – золотопромышленник, член ЦК кадетской парии. Председатель Красноярского комитета кадетской партии. В начале 1918 приехал на Дальний Восток, входил в ближайшее окружение управляющего КВЖД генерала Д.Л. Хорвата В апреле и июне 1918 вел переговоры в Японии с членами парламентских партий и маршалом Ямагатой по вопросу япон-

ской интервенции. С июня 1918 министр торговли и промышленности в Деловом кабинете Хорвата. Член Национального центра. Вошел в состав Восточного отдела ЦК кадетов. В начале 1920 эмигрировал в Маньчжурию (Китай).

448 Устругов, Леонид Андреевич (1874 [по др. св. 1877]–1938) – инженер путей сообщения, комиссар Сибирских железных дорог при Временном правительстве, министр путей сообщения Временного правительства автономной Сибири (с января 1918), позднее в составе Временного Сибирского правительства. В Совете министров, созданном по указу Уфимской директории 4 ноября 1918, занимал тот же пост. Член Делового кабинета и Правления КВЖД (апрель–октябрь 1918).

449 Путилов, Алексей Иванович (1866–не ранее 1937) – ведущий российский финансист и предприниматель. В 1905–1906 товарищ министра финансов и управляющий Государственными Дворянским и Крестьянским банками. С 1906 в отставке. В 1908–1910 директор-распорядитель Русско-Китайского банка, в 1910–1917 председатель правления Русско-Азиатского банка; одновременно состоял председателем или членом правления около 50 связанных с банком акционерных предприятий. После 1917 в эмиграции во Франции, возглавлял парижское отделение Русско-Азиатского банка.

450 Окороков, Александр Матвеевич (1890–?) – инженер, предприниматель, руководитель Совета Алтайского союза кооперативов. Был управляющим ведомством продовольствия в правительстве генерала Д.Л. Хорвата.

451 Плешков, Михаил Михайлович (1856–1927) - генерал от кавалерии (1913). В годы Первой мировой войны командующий 1-м Сибирским корпусом. В 1918 уехал на Дальний Восток, где занял пост начальника русских войск в полосе отчуждения КВЖД. С 24 декабря 1918 главноначальствующий в полосе отчуждения КВЖД.

452 Флуг, Василий Егорович (1860–1955) – генерал от инфантерии (1914). Во время русско-японской войны 1904–1905 генерал-квартирмейстер полевого штаба наместника на Дальнем Востоке, затем, с января по сентябрь 1905, генерал-квартирмейстер 2-й Маньчжурской армии. После войны до 1909 военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска. Командирован в январе 1918 из Добровольческой армии в Сибирь. В Харбине стал военным министром Всероссийского правительства генерала Д.Л. Хорвата. Командующий войсками Приамурского военного округа (декабрь 1918).

453 Дербер, Петр Яковлевич (1884–1929) – председатель Акмолинской областной земельной управы, деятель кооперативного движения; один из лидеров Омской группы эсеров. В декабре 1917 был избран во Временный Сибирский областной совет, состоял членом Сибирской областной думы. В январе 1918 возглавил Временное правительство автономной Сибири, занимая одновременно пост министра земледелия, в июле вышел в отставку. Работал агентом по закупке мяса в Барнауле и Бийске. С августа по декабрь 1919 содержался под арестом. После освобождения участвовал в антиколчаковском движении в районе Семипалатинска: был политическим комиссаром 40-го

крестьянского корпуса партизанской армии Е.М. Мамонтова. В 1920-е находился на хозяйственной работе в Москве.

[454] Шок[о]ров, Владимир Николаевич (1868–1940) – генерал-майор (1915). Участник Первой мировой войны, начальник штаба 12-й пехотной дивизии. В 1918–1920 служил в штабе командующего генерала М.К. Дитерихса.

[455] Дитерихс, Михаил Константинович (1874–1937) – генерал-лейтенант (1919). С сентября 1917 генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего, с ноября – начальник штаба главнокомандующего, с января 1919 начальник штаба Чехословацкого армейского корпуса. По поручению адмирала А.В. Колчака возглавлял следственную комиссию по делу о расстреле царской семьи. С июля 1919 командовал Сибирской армией, затем войсками Восточного фронта, одновременно с августа до декабря 1919 являлся военным министром Омского правительства. В июне 1922 избран Земским собором во Владивостоке единоличным правителем и воеводой Земской рати. В октябре эмигрировал.

[456] Гаррис (Harris), Эрнст Л. – генеральный консул США в Иркутске (с мая 1918). До этого служил в петроградском отделении нью-йоркского «National City Bank».

[457] Вондрак, В.И. – председатель Чешского комитета, стоял во главе движения по созданию русской армии.

[458] Вологодский, Петр Васильевич (1863–1925) – с января 1918 министр иностранных дел во Временном правительстве автономной Сибири (председатель П.Я. Дербер). В июне 1918 возглавил Временное Сибирское правительство, совмещая посты председателя Совета министров и министра иностранных дел. В сентябре 1918 на Уфимском Государственном совещании был избран в состав Уфимской директории; 4 ноября назначен председателем Совета министров (Временного Всероссийского правительства). После переворота 18 ноября 1918 в Омске возглавил Российское правительство. 22 ноября 1919 был освобожден от должности председателя Совета министров согласно собственному прошению. В конце 1919 эмигрировал в Китай; служил юрисконсультом одного из шанхайских банков. Удостоен звания почетного гражданина Сибири.

[459] Потанин, Григорий Николаевич (1835–1920) – этнограф, исследователь Сибири и Центральной Азии; идеолог сибирского областничества. В декабре 1917 избран председателем Временного Сибирского областного совета – первого правительства областников в Сибири. Однако в январе 1918 сложил с себя полномочия председателя Совета в знак протеста против его «тяготения к большевизму».

[460] Шатилов, Б.М. – министр туземных дел во Временном Сибирском правительстве.

[461] Михайлов, Иван Андрианович (1891 [по др. св. 1892]–1946) – юрист и экономист; приват-доцент Петроградского университета. После Февральской революции 1917 был назначен помощником министра земледелия, продовольствия и финансов Временного правительства А.И. Шингарева, затем управляющим делами Экономического

совета Временного правительства. С декабря 1917 товарищ председателя Петроградского Союза сибиряков-областников. В конце января 1918 на нелегальном заседании Сибирской областной думы избран министром финансов Временного правительства автономной Сибири во главе с П.Я. Дербером, а с 30 июня занимал тот же пост в составе Временного Сибирского правительства во главе с П.В. Вологодским. 4 ноября 1918 назначен министром финансов Всероссийского правительства. Являлся одним из организаторов переворота 18 ноября 1918 в Омске. Был включен в состав Совета верховного правителя А.В. Колчака, назначен на пост министра финансов и временноуправляющего Министерством торговли и промышленности. Осенью 1918 был избран профессором кафедры кооперации и финансовой политики Омского Политехнического института. 16 августа 1919 указом Колчака был уволен согласно прошению о назначении членом Государственного экономического совещания. В конце 1919 эмигрировал в Харбин, работал в правлении КВЖД.

[462] Серебряников (Серебренников), Иван Иннокентьевич (1882–не ранее 1937) – статистик; министр сообщений Временного Сибирского правительства и правительства адмирала А.В. Колчака. На Уфимском совещании возглавил сибирскую делегацию. В 1920–1921 преподаватель юридического факультета в Харбине.

[463] Патушинский, Григорий Борисович (1873–1931) – министр юстиции Временного Сибирского правительства, примыкал к «областникам», сторонникам государственного самоопределения Сибири. После падения власти адмирала А.В. Колчака член Совета народного управления в Иркутске. Позже вернулся к адвокатской деятельности.

[464] Кроль, Лев Афанасьевич (1871–1931) – инженер, член ЦК кадетской партии, председатель Пермского отделения кадетов (в Екатеринбурге). Депутат Учредительного собрания от партии народной свободы. В 1918 прибыл на Урал из Москвы как член Союза возрождения России. Один из организаторов Уральского областного правительства, в котором занял пост заместителя председателя и министра финансов. Участник государственного совещания в Уфе, на котором была избрана Директория. В 1919 переехал в Омск, затем в Иркутск, и дальше – во Владивосток. С сентября 1922 жил в Харбине, с 1923 – в Париже. Входил в милюковскую Республиканско-Демократическую группу.

[465] Вольский, Владимир Казимирович (1876–1937) – эсер (с 1903). После Февральской революции 1917 был избран товарищем председателя Тверского губернского совета крестьянских депутатов, председателем земской управы. Депутат Учредительного собрания. В 1918 председатель Комуча и съезда членов Учредительного собрания. После омского переворота, совершенного адмиралом А.В. Колчаком, и разгона Директории выступил за союз с большевиками в вооруженной борьбе с Белым движением. В августе 1918 создал оппозиционную группу, получившую позже название «Меньшинство партии социалистов-революционеров». 25 февраля 1922 арестован в Москве, 2 декабря комиссия по административным высылкам без суда приговорила его к трем годам архангельского концлагеря.

[466] Майский (наст. фам. Ляховецкий), Иван Михайлович (1884–1975) – с 1902 в РСДРП, после раскола партии колебался между большевиками и меньшевиками. После ареста в январе 1906 административно выслан в Тобольскую губ., откуда бежал в 1908 и эмигрировал в Германию. В 1912 окончил экономический факультет Мюнхенского университета; утвердился на меньшевистских позициях. В мае 1917 вернулся в Россию, работал в Петроградском совете, в профсоюзах. Член коллегии Министерства труда во Временном правительстве. На Чрезвычайном съезде (ноябрь–декабрь 1917) и Всероссийском совещании (май 1918) меньшевиков избирался членом ЦК. В августе 1918 вошел в правительство Комуча в Самаре в качестве управляющего ведомством труда, за что в сентябре был исключен из ЦК и из партии. С конца 1918 в Сибири, в 1919–1920 возглавлял экспедицию в Монголию. В 1919 порвал с меньшевиками. В феврале 1921 принят в РКП(б). Работал председателем Сибирского госплана. В 1922–1923 заведующий отелом печати НКИД, в 1923–1925 редактор журнала «Звезда». В дальнейшем на дипломатической работе: в 1925–1927 сотрудник, затем советник полпредства СССР в Великобритании, в 1927–1929 в Японии; в 1929–1932 полпред в Финляндии, в 1932–1943 полпред (с 1941 посол) в Великобритании; в 1943–1946 заместитель наркома (с 1946 министр) иностранных дел.

[467] Роговский, Евгений Францевич – эсер. Во время Февральской революции 1917, находясь в ссылке в Иркутске, вступил в иркутский Исполнительный комитет и был организатором губернской милиции. Избран в Учредительное собрание. С июня 1918 возглавлял в Самаре Совет управляющих ведомствами – исполнительный орган Комитета членов Учредительного собрания (Комуч). Позднее заведовал делами милиции Совета министров Уфимской директории. В результате переворота 18 ноября 1918 в Омске был арестован и выслан за границу.

[468] Сапожников, Василий Васильевич (1861–1924) – исследователь Сибири и Семиречья; областник. В 1918 входил в состав Временного Сибирского правительства и Временного Всероссийского правительства. Принимал участие в работе Уфимского государственного совещания, где был утвержден заместителем члена Уфимской директории П.В. Вологодского. После переворота 18 ноября 1918 отошел от политической работы, продолжив научную деятельность.

[469] «Отечественные ведомости» – общественно-политическая газета, издававшаяся с конца 1918 сначала в Уфе (первые 9 номеров), а затем в Екатеринбурге. Тираж не превышал 15 тыс. экз., из них более 2 тыс. посылались бесплатно на фронт. Пропагандировала правительственную политику, с января 1919 была освобождена от предварительной цензуры.

[470] Андрей (в миру Ухтомский, Александр Алексеевич) (1872–1937) – епископ Уфимский и Мензелинский, миссионер, один из основателей катакомбного движения «истинно православных христиан» в России. 22 декабря 1913 переведен на Уфимскую кафедру. Сочувственно отнесся к Февральской революции 1917, в числе немногих православных епископов одобрял отделение церкви от государства. 14 апре-

ля 1917 введен в состав Святейшего Синода. Член Поместного Собора 1917–1918. После Октябрьского переворота выступал за усиление автономии приходов. Поддержал восстание Чехословацкого корпуса и создание Уфимской директории. В ноябре 1918 на Сибирском церковном совещании в Томске был избран членом Высшего временного церковного управления Сибири. С ноября 1918 по октябрь 1919 возглавлял духовенство 3-й армии адмирала А.В. Колчака. Начиная с февраля 1920 многократно арестовывался. В 1921 указом патриарха Тихона назначен епископом Томским, но не смог приступить к своим обязанностям, поскольку находился в заключении. Активно выступал против обновленческого Высшего церковного управления.

[471] Галкин, Николай Александрович – играл заметную роль в самарском перевороте, возглавлял офицерскую организацию. После переворота занял пост управляющего военным ведомством Самарского Комуча и был произведен в генерал-майоры. После омского переворота 18 ноября 1918 был в Уральском корпусе и в армии генерала Белова.

[472] Семенов, Григорий Михайлович (1890–1946) – в июне 1917 был назначен комиссаром Временного правительства в Забайкальской области по формированию добровольческих частей. После заключения большевиками Брестского мира заявил о своей готовности бороться против советской власти. Перебрался в Маньчжурию, где при помощи генерала Д.Л. Хорвата организовал Особый Маньчжурский отряд; стал называться его атаманом. В мае 1918 объявил себя и своих сподвижников С.А. Таскина и И.Ф. Шильникова Временным Забайкальским правительством. Летом 1918 занял Читу. Признал Временное Сибирское правительство. Был назначен командующим Отдельной Восточно-Сибирской армией. Поначалу не признал адмирала А.В. Колчака верховным правителем, делая ставку на Хорвата. Позднее подчинился Колчаку; летом 1919 был назначен походным атаманом Дальневосточных казачьих войск и помощником главнокомандующего войсками Приамурского военного округа с правами военного губернатора Забайкальской области. 24 декабря 1919 был назначен главнокомандующим вооруженными силами на Дальнем Востоке, а 4 января 1920 Колчак передал ему всю полноту военной и государственной власти на востоке России. В сентябре 1920 объявил о своем подчинении правительству генерала П.Н. Врангеля.

[473] Элиот (Eliot), сэр Чарльз (1862–1931) – английский дипломат. В 1886–1892 3-й секретарь британского посольства в Петербурге. С 1912 канцлер университета в Гонконге. В 1918–1919 верховный комиссар Англии в Сибири (английский верховный уполномоченный при адмирале А.В. Колчаке).

[474] Жанен (1862–1946) – французский дивизионный генерал (1916). В 1909–1911 преподавал в Николаевской Академии генерального штаба. Во время Первой мировой войны глава военной миссии Франции при ставке верховного главнокомандующего (1916–1917). Принимал участие в формировании Чехословацкого корпуса. Глава французской миссии в Сибири, представитель Высшего межсоюзного командования. 16 января 1919 было подписано соглашение об его вступлении в исполнение обязанностей главнокомандующего войсками союзных

с Россией государств, действовавшими в Сибири и на Дальнем Востоке. Автор книги «Моя миссия в Сибири» («Ma mission en Siberia». – Paris, 1933).

[475] Бичерахов, Лазарь Федорович (1882–1952) – полковник Терского казачьего войска (1917). В Первую мировую войну командир Терского казачьего отряда. В июне 1918, возглавляя отряд терских казаков, заключил в Энзеле 27 июня 1918 соглашение с генералом Л. Денстервилем о совместных действиях на Кавказе. 1 июля 1918 десантировал свой отряд в станицу Алят, в 35 км от Баку, и объявил о согласии сотрудничать с правительством Бакинской коммуны и одновременно – с правительством Азербайджанской буржуазной республики. 30 июля открыл фронт приближавшимся к Баку турецким войскам, уведя свой отряд в Дагестан, где захватил Дербент и Петровск-Порт (Махачкалу) при поддержке англичан. Создал союзное кавказско-каспийское правительство. В ноябре 1918 перебазировался со своими частями из Петровск-Порта в Баку, где в начале 1919 эти части были расформированы англичанами. Эмигрировал в Великобританию.

[476] Тарковский, Нух Бек Шамхал (1878–1951) – князь, полковник, командир 1-го Дагестанского конного полка. Георгиевский кавалер. В 1918 глава национального правительства Дагестана. В эмиграции в Иране, последний начальник Персидской казачьей дивизии, затем в Константинополе.

[477] Чермоев, Абдул-Меджид Орцуевич (Топа) (1882–1936) – нефтепромышленник, один из организаторов Союза объединенных горцев Кавказа и руководителей Терско-Дагестанского правительства. В конце 1919 эмигрировал.

[478] Бичерахов, Георгий Федорович – инженер, меньшевик; организатор антисоветского выступления казаков на Тереке 18 июня 1918, возглавил Терский казачье-крестьянский Совет, а затем Временное народное правительство Терского края. После подавления выступления в ноябре 1918 бежал в Петровск-Порт, где присоединился к отряду брата.

[479] Кнёрцер (Knoerzer), Карл, фон (1858–1932) – генерал от кавалерии. В 1902–1904 начальник отдела генерального штаба. В 1904–1908 командир 20-го уланского полка, в 1908–1912 командир 27-й кавалерийской бригады, в 1912–1914 инспектор 4-й кавалерийской инспекции. Генерал-лейтенант (1913). Командир 30-й резервной дивизии (август 1914 – январь 1916), командир 54-й резервной дивизии (январь 1916 – июль 1917), командир 7-й дивизии ландвера (июль 1917 – февраль 1918). В феврале–октябре 1918, в качестве генерала от кавалерии, глава корпуса «Кнёрцер». Вышел в отставку в январе 1919.

[480] Клочковский, Вячеслав Евгеньевич (1873–1930) – контр-адмирал, командир бригады подводных лодок Черноморского флота. В 1918 служил в гетманской армии, в ноябре 1918 морской представитель в Севастополе. Служил в ВСЮР и Русской армии, командир бригады подводных лодок до эвакуации Крыма. В эмиграции с 1920 в Польше, служил в польском флоте.

[481] Тихменев, Александр Иванович (1879–1959) – капитан 1-го ранга. Георгиевский кавалер. Служил в Красной армии. В июне 1918, временно вступив в командование Черноморским флотом, уведенным в Новороссийск, не подчинился секретному приказу большевиков о затоплении кораблей флота в Цемесской бухте и увел часть кораблей обратно в Севастополь. Перешел в Добровольческую армию в июле 1918. В ноябре 1918 принял у немцев часть Черноморского флота. В начале 1919 в распоряжении начальника морского управления штаба ВСЮР, с 21 марта 1919 начальник морского отдела при начальнике морского управления. В Русской армии с октября 1920, начальник морского управления до эвакуации Крыма. Контр-адмирал (14 апреля 1920). Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис), начальник базы эскадры, с декабря 1921 до ноября 1924 начальник штаба эскадры в Бизерте, в октябре 1923 член комиссии по делам русских граждан в Северной Африке. В эмиграции в Тунисе.

[482] «Сын Отечества» – ежедневная общественная и политическая газета. Редактор С.М. Кельнич. Выходила в Одессе в 1918–1920. Имела два издания: утреннее и вечернее.

[483] Ватаци, Эммануил Александрович (1856–1920) – государственный деятель. Товарищ министра внутренних дел (1905), сенатор (1906). В 1917 председатель правления нефтепромышленного товарищества «Бр. Мирзоев и К°» и русско-персидского лесопромышленного общества. Член Совета русско-голландского банка.

[484] Лебедев, Владимир Александрович – управляющий отделом торговли и промышленности правительства Всевеликого Войска Донского; начальник управления торговли и промышленности в Особом совещании при генерале А.И. Деникине.

[485] Макаренко, Александр Сергеевич (1861–1932) – генерал-лейтенант (1911) военно-судебного ведомства. Главный военный прокурор и начальник военно-судебного управления. 27 февраля 1917 назначен министром внутренних дел, но к обязанностям не приступил и через день был арестован. В марте освобожден и уволен в отставку. С сентября 1918 – министр юстиции, а с октября и. д. управляющего отделом юстиции. Служил в Добровольческой армии и ВСЮР с осени 1918; в резерве чинов при штабе главнокомандующего. С 21 февраля 1919 постоянный член кассационного присутствия; с 9 апреля 1919 председатель комиссии по пересмотру воинского устава о наказаниях и военно-судебного устава; с апреля 1920 постоянный член главного военного и военно-морского судов. Эмигрировал в Югославию.

[486] Эрлих (Erlich) – французский лейтенант, прибыл в Новороссийск вместе с французским капитаном Фуке и генералом Бертело.

[487] Допущена неточность в написании фамилии. Имеется в виду Долгоруков, Александр Николаевич (1872–1948) – князь; генерал-лейтенант, командир 1-го кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. Летом 1918 член антибольшевистской организации в Петрограде. С октября 1918 в гетманской армии, с 26 ноября 1918 главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины. С декабря 1918 в Германии, затем в Северо-Западной армии; с августа 1919 начальник 4-й дивизии. В эмиграции во Франции.

[488] Чахотин, Сергей Сергеевич (1883–1974) – профессор, секретарь Ясской делегации. Возглавлял отдел пропаганды при Особом совещании в Екатеринодаре. Эмигрировал. Сменовеховец. Возвратился в СССР в 1946. Репрессиям не подвергался.

[489] Виноградов, Владимир Александрович (1874–?) – член ЦК кадетской партии. 23 сентября 1918 на Уфимском государственном совещании был избран в состав Директории в качестве заместителя кадета Н.И. Астрова. В силу отсутствия последнего являлся фактически полноправным членом Директории. 4 ноября 1918 назначен заместителем председателя Временного Всероссийского правительства. После переворота 18 ноября 1918 отошел от участия в активной политике.

[490] Токатлиану – российский посол в Константинополе.

[491] Агентство «Havas» – первое всемирное агентство новостей – было основано в 1835 в Париже Чарльзом Луисом Гавасом (Havas). В 1870 агентство «Havas», вместе с возникшими позже агентствами «Reuters» (Лондон) и «Wolffs-Telegraphen-Büro» (Берлин) заключили картельный договор: обмен новостями, раздел сфер интересов, при этом агентство «Havas» получало сообщения из Франции и других романских стран, а также из Греции, Турции и Северной Африки. Преемницей агентства «Havas» стало агентство «France-Press».

[492] «Le Petit Parisien» («Маленький парижанин») – французская ежедневная информационная газета, основана в 1876 Андриё (Andrieux), в 1878 куплена Пьежу (Piégu) и Дюпюи (Dupuy), последний с 1888 становится ее единоличным владельцем. Имела специальную политическую рубрику и печатала большие репортажи о событиях в мире. В 1904 число ее подписчиков составляло 1 млн. чел. После июня 1940 перебралась в Орияк и Клермон-Ферран, затем в октябре возвратилась в Париж. Была закрыта в 1944.

[493] Суковкин, М.А. – председатель Киевской губернской земской управы, после Февральской революции 1917 комиссар Киевской губ., посол Украинской Рады в Константинополе.

[494] Гирс, Михаил Николаевич (1856–1932) – дипломат, состоял на службе в МИД с 1878. Был посланником в Румынии (с 1902), послом в Турции (1911–1914); российский посол в Риме (с 1915); старейшина русского дипломатического корпуса.

[495] Серафимов, Б.С. – российский представитель в Константинополе.

[496] Леже (Lejay), Густав (1862–1944) – контр-адмирал. В 1914–1916 начальник флотилии торпедных лодок. В 1916 прикомандирован к командующему итальянским флотом. С июля 1917 в звании контр-адмирала – комендант отрезка побережья в районе Тулона. Командир 3-го дивизиона (июль 1918 – 1919). До 1920 служил в Средиземном и Черном морях. Вышел в отставку в 1922.

[497] Кальторп (Gough-Calthorpe), сэр Сомерсет Артур (1864–1937) – вице-адмирал. В 1917–1919 командующий средиземноморской военно-морской базой, одновременно британский верховный комиссар в Турции. На него были возложены обязанности вести с немцами переговоры о перемирии в Черном море. Командующий британскими частями союзнических военно-морских сил под общим французским вер-

ховным командованием. В октябре 1918 командующий союзными силами в Эгейском море. Дополнительно взял на себя обязанности британского верховного комиссара в Константинополе. Заключил с Турцией перемирие. Должен был урегулировать с немцами вопросы, связанные с установлением перемирия в Черном море. Британский главнокомандующий в Севастополе. 24 ноября 1918 сообщил вдовствующей императрице Марии Федоровне о предложении английского короля дать в распоряжение ее семьи пароход для отъезда в Англию.

[498] «Associated Press» – крупнейшее информационное агентство США, кооперативное объединение газетных издателей. Основано в 1848 в Нью-Йорке.

[499] «The New Republic» («Новая республика») – еженедельный журнал, одно из наиболее влиятельных либеральных изданий в США; выделялся своими политическими комментариями и анализом. Основан в 1914 Виллардом Стрейтом (Straight) и Гербертом Давидом Кроули (Croly) – издателем. Журнал выступал за образование рабочих союзов, установление 8-часового рабочего дня, женские права. В годы Первой мировой войны поддерживал внешнюю политику президента Вильсона, однако позднее перешел в оппозицию и критиковал Версальский договор. Поддерживал президента Рузвельта и его «новый курс».

[500] «Vakyt» («Время») – либеральная стамбульская газета.

[501] Топчибаши (Топчибашев), Али Мардаш бей (1862–1934) – присяжный поверенный, журналист, издатель, депутат I Государственной думы, один из основателей партии «Иттифак эль муслимин», член ее ЦК. После Февральской революции 1917 возглавлял Мусульманский национальный комитет (Баку).

[502] Энвер-паша (1881–1922) – генерал турецкой армии. В годы Первой мировой войны военный министр и фактически главнокомандующий турецкой армией, воевавшей на стороне Германии. После поражения Германии и Турции бежал в Германию. Затем с помощью англичан повел борьбу с Кемалем Ататюрком. В 1920 посетил Москву, участвовал в работе съезда народов Востока в Баку (1920), выступил с пантюркскими речами. Переехал в Восточную Бухару, где возглавил басмаческие силы. В 1922 захватил Душанбе, организовал поход на Бухару, захватил значительную территорию Восточной Бухары. Присвоил себе титул главнокомандующего вооруженными силами ислама и наместника эмира Бухарского. Убит 4 августа 1922 в очередном бою с частями Красной армии.

[503] Талаат-паша, Мехмед (1874 [по др. св. 1872]–1921) – младотурок, после младотурецкой революции депутат меджлиса, военный министр, министр внутренних дел Турции и председатель ЦК «Иттихад ве теракки» (1914–1918), в ноябре 1918 после отставки младотурецкого правительства уехал в Германию. 15 марта накануне заключения в Москве договора о дружбе между РСФСР и Турцией был застрелен дашнаком в Берлине.

[504] Дашнакцакан – член «Дашнакцутюна» – Союза армянских революционеров, Армянской революционной партии Дашнакцутюн. Созда-

на в 1890 в Тифлисе. Главной задачей партии провозглашалось освобождение Западной Армении от турецкого ига и создание автономного армянского государства на территории Турции. В феврале 1907 на IV общем съезде в Вене была принята программа, согласно которой партия провозглашалась «партией армянского трудового класса». В программе содержались требования создания Закавказской демократической республики на основе всеобщего избирательного права, равенства всех народов и религий, уничтожения классовых и сословных привилегий и включения ее в качестве составной части в Российскую федерацию. В годы Первой мировой войны партия выступала в поддержку внешнеполитического курса российского самодержавия, надеясь с его помощью добиться освобождения Западной Армении от турецкого ига. После Октября 1917 партия выступила против большевиков, требуя отторжения Закавказья от Советской России. С ноября 1917 ее представители входили в Закавказский комитет, а с начала апреля 1918 – в Закавказский сейм (парламент) Закавказской демократической федеративной республики. После распада последнего они возглавили правительство Армянской республики, провозглашенное в мае 1918 и существовавшее по ноябрь 1920. Партии принадлежало 90% мест в республиканском парламенте. После установления советской власти в Армении партия была объявлена вне закона. 18 февраля 1921 лидеры партии подготовили восстание и захватили Эривань, однако в апреле 1921 восстание было подавлено. Лидеры партии бежали в Зангезур и возглавили правительство Республики Нагорной Армении, однако в июле, под натиском Красной армии, дашнаки и возглавляемые ими военные формирования были вынуждены уйти за границу. В конце ноября 1923 Всеармянский съезд объявил партию на территории республики ликвидированной. Отдельные структуры партии были воссозданы на Ближнем Востоке, в Европе и Америке.

505 Шарпи (Charpy), Антоной (1869–1941) – генерал французской армии, командующий оккупационными войсками в Константинополе.

506 Мильн (Milne), Джордж Френсис (1866–1948) – генерал английской армии (1920), до ноября 1920 командовал английскими войсками на Востоке (штаб в Константинополе). 10 апреля 1919 прибыл в Екатеринодар.

507 Пуль (Poole), Фредерик Катберт (1869–1936) – генерал-майор английской армии. В годы Первой мировой войны служил в английской миссии снабжения в России и возглавлял ее. Выехал из России в феврале 1918, но в конце мая вернулся в качестве британского военного представителя. В начале июня назначен главнокомандующим войсками союзной экспедиции на севере России. В октябре покинул Северную область, с декабря 1918 представитель английского командования при Добровольческой армии. В 1920 вышел в отставку.

508 Правильное написание фамилии: Бриггс (Briggs), Чарльз (1865–1941) – генерал-лейтенант английской армии, в 1916–1918 командовал армейским корпусом, затем – английскими войсками в районе Салоник (Греция). С февраля по июнь 1919 возглавлял английскую военную миссию на юге России (сменил на этом посту генерала Пуля);

подчинялся непосредственно английскому военному министру Черчиллю. После отъезда 30 мая 1919 из России продолжал защищать интересы Добровольческой армии в военном министерстве и парламенте Англии; предпринял поездки в Бухарест и Варшаву с целью убедить Братиану и Пилсудского в необходимости координации совместных усилий в борьбе с большевизмом. Осенью 1919 посетил Ростов, Харьков, Киев.

[509] Кондоминиум (от лат. con(cum) – вместе и dominium – владение/совладение) – совместное управление одной и той же территорией, двумя или несколькими государствами.

[510] Александра (1844–1925) – английская королева. Дочь короля Дании Кристиана IX и королевы Луизы, старшая сестра российской императрицы Марии Федоровны; ее крестным отцом был император Николай I. С 1863 в браке с принцем Уэльским, будущим английским королем (с 1901) Эдуардом VII.

[511] Рашид-паша (Rachid Paşa) – министр иностранных дел Турции.

[512] «Единение и прогресс» («Иттихад ве теракки») – организация младотурок. Основана в 1894, возглавила борьбу против абсолютизма, за уничтожение межплеменного антагонизма, сохранение национальных богатств и развитие турецкой промышленности, освобождение страны от вмешательства иностранных держав. Своей ближайшей задачей ставила осуществление революционного переворота с целью создания конституционной монархии на основах парламентаризма и либерализма. Социальная опора – нарождавшаяся турецкая буржуазия. Ядро организации составили молодые турецкие офицеры, получившие европейское образование в константинопольском военном училище. Требования программы: конституция, гражданское равенство, свобода совести, неприкосновенность личности, ответственное министерство и т. п. Устав предусматривал строго конспиративную организацию. В результате успешной революции 1908 младотурки пришли к власти, однако им не удалось разрешить ни аграрный, ни национальный вопросы. После поражения Турции в Первой мировой войне организация самораспустилась, ее лидеры бежали из Турции.

[513] Тевфик-паша (Tewfik Paşa), Ахмед (1843–1936) – турецкий дипломат, государственный деятель. С 1882 посланник в Афинах, в 1884–1895 посол в Берлине. В 1895, 1899 и 1908–1909 министр иностранных дел. В 1909–1914 посол в Лондоне. С ноября 1918 по 1922 (с перерывом) великий везир.

[514] Мидхат-паша (Midhat Paşa), Ахмет (1822–1883 [по др. св. 1884]) – турецкий государственный деятель. Занимал важные административные и правительственные посты: генерал-губернатор Дунайского (1864–1868) и Багдадского (1869–1872) вилайетов, великий везир (1872, 1876–1877). Стремился к проведению реформ, направленных на преодоление экономической, политической и культурной отсталости Османской империи при сохранении турецкого господства над покоренными народами. Примкнув к движению «новых осман», добился провозглашения (23 декабря 1876) первой турецкой конституции, которую он сам разработал. Конституция была составлена по образцу европейских. Она гарантировала права личности и устанав-

ливала парламентский режим. Парламент должен был состоять из двух палат, палата депутатов избиралась всеобщей закрытой подачей голосов всех турецких подданных без различий вероисповедания и национальности. В феврале 1877 по приказу султана Абдул-Хамида II был выслан в Европу. В 1881, по ложному обвинению в убийстве (1876) султана Абдул-Азиза, был арестован, осужден и сослан в Таиф (Аравия), где его умертвили подосланные Абдул-Хамидом II убийцы.

[515] Фердинанд I Кобургский (1861–1948) – в 1908–1918 царь Болгарии; из немецкого княжеского рода. Основатель династии Кобургов. При нем произошло усиление германского влияния в стране. Вовлек Болгарию в Первую мировую войну. В обстановке революционных волнений был вынужден отречься от престола.

[516] Коллонтай, Александра Михайловна (1872–1952) – участница российского и международного социалистического движения, а также движения за права женщин, публицист, дипломат. В марте 1917 вернулась из эмиграции в Петроград, избрана в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов от военной организации большевиков, член исполкома Совета. После июльского кризиса арестована. На VI съезде РСДРП(б) заочно избрана в ЦК партии. В первом советском правительстве нарком государственного призрения. Автор декретов о расторжении брака, о гражданском праве, о создании Дворца материнства. Организовала первые детские дома. На VII съезде РКП(б) (март 1918) выступила против Брестского мира и в связи с этим вышла из состава Совнаркома. Зимой 1918–1919 член комиссии ЦК РКП(б) по работе и агитации среди женщин. Делегат VIII съезда РКП(б), выступила с докладом о работе среди женщин. В июне 1919 председатель политуправления Крымской республики, в июле–августе нарком пропаганды и агитации Украины. Один из лидеров «рабочей оппозиции». Член Исполкома Коминтерна. С 1922 на дипломатической работе: советник полпредства в Норвегии (с 4 октября); глава полпредства СССР в Норвегии (с 30 мая 1923), содействовала подписанию договора между СССР и Норвегией о взаимном признании и расширении торговых отношений с Норвегией; полпред и торгпред СССР в Мексике (с 1926), посланник в Швеции (с осени 1930). Чрезвычайный и полномочный посол (1943). В 1946–1952 советник МИД СССР.

[517] Возможно, имеется в виду Залкинд, Иван Абрамович (1885–1928) – с октября 1917 уполномоченный по Наркомату иностранных дел; с декабря 1917 зав. отделом стран Запада. С января 1918 полномочный представитель Советской России в Швейцарии. В 1918–1926 генеральный консул СССР в Швейцарии, Турции и Италии.

[518] Подвойский, Николай Ильич (1880–1948) – партийный, военный деятель. Член РСДРП с 1901. Участник создания Иваново-Вознесенского совета 1905, издательства «Зерно», газеты «Правда». В 1917 председатель Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б), один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания, председатель Петроградского ВРК. С 1918 участвовал в создании Красной армии, член РВС Республики, нарком по военным и морским

делам УССР. В 1919–1927 начальник Всеобуча и ЧОН. Член ЦКК в 1924–1930.

519 Ста[а]ль, А.И. – управляющий двора вел. кн. Николая Николаевича в ялтинском имении Дюльбер.

520 Духонин, Николай Николаевич (1876–1917) – генерал-майор (1915). С июня 1917 начальник штаба Юго-Западного фронта, с августа – начальник штаба Западного фронта, с сентября – начальник штаба верховного главнокомандующего. После бегства А.Ф. Керенского – главковерх. Отстранен от должности по распоряжению Совнаркома. 19 ноября 1917 освободил содержащихся под стражей в городе Быхове генералов А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова и др. Убит на следующий день толпой солдат на вокзале в Могилеве.

521 Крыленко, Николай Васильевич (1885–1938) – партийный, военный деятель. С 1904 член РСДРП. С 1916 в армии, прапорщик. После Февральской революции 1917 председатель полкового, дивизионного комитетов. Избран членом Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). Один из руководителей Петроградского ВРК. После Октябрьского переворота делегат и член президиума II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Член ВЦИК, назначен членом комитета по военным и морским делам, с ноября верховный главнокомандующий. С января 1918 член Всероссийской коллегии по организации и формированию РККА. С марта 1918 член коллегии Наркомюста РСФСР. Далее на партийной работе.

522 Иоффе, Адольф Абрамович (1883–1927) – партийный, государственный деятель. Член РСДРП (1902). С октября 1908, находясь в эмиграции, издавал в Вене вместе с Л.Д. Троцким газету «Правда»; с этого времени ближайший соратник Троцкого. После Февральской революции 1917 вернулся в Петроград, был кооптирован в Петроградский совет. Один из руководителей организации «межрайонцев». На VI съезде РСДРП(б) (июль–август 1917) принят вместе с другими «межрайонцами» в партию и избран кандидатом в члены ЦК. Заведовал издательством и типографией ЦК, член редколлегии газеты «Правда». На II Всероссийском съезде Советов избран в члены ВЦИК. Участвовал в организации Наркоминдела. Председатель мирной делегации на переговорах с Германией в Брест-Литовске (ноябрь 1917 – январь 1918), подписал договор о перемирии; политический консультант в составе делегации, подписавшей Брестский мир. С апреля 1918 полпред РСФСР в Берлине. 6 ноября выслан из Германии вместе со всем полпредством. В 1919–1920 член Совета обороны, нарком государственного контроля УССР. В 1920 возглавлял советские делегации на переговорах с Эстонией, Литвой, Латвией, в 1920–1921 – с Польшей, подписал с ними мирные договоры. С августа 1921 чрезвычайный уполномоченный в Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республиках. В 1922 член советской делегации на конференции в Генуе, участвовал в подготовке Рапалльского договора с Германией. В 1923 чрезвычайный посол в Китае. В 1924 направлен для переговоров в Лондон, а затем полпредом в Австрию. В 1925–1927 участник объединенной оппозиции. Вслед за исключением Троцкого из партии, не имея возможности вести борьбу против сталинского курса, застрелился.

[523] Дзержинский, Феликс Эдмундович (1877–1926) – партийный, государственный деятель. Член СДКПиЛ, секретарь заграничного комитета партии, член Главного правления. Член РСДРП (1906), член ЦК (1907). Неоднократно арестовывался. 1 марта 1917 освобожден из Бутырской тюрьмы в Москве восставшими солдатами. В октябре 1917 был избран в Военно-революционный центр и в Исполком Петроградского совета. Один из руководителей Октябрьского переворота, организовал захват почт и телеграфа. 7 декабря 1917 назначен председателем ВЧК. С марта 1919 нарком внутренних дел. С февраля 1920 председатель Главного комитета по всеобщей трудовой повинности. С 1921 член Оргбюро ЦК РКП(б). С января 1921 председатель Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК. В апреле 1921 – июле 1923 нарком путей сообщения РСФСР, в 1923–1924 – СССР. В 1922–1926 председатель ГПУ (ОГПУ). С 1924 кандидат в члены Политбюро ЦК партии. С 1924 председатель ВСНХ СССР.

[524] Антонов-Овсеенко (Овсеенко), Владимир Александрович (1883–1938) – военный, государственный деятель. Участник революционного движения, в конце 1914 порвал с меньшевиками. Вернувшись в мае 1917 из эмиграции, вступил в РСДРП(б). Член Петроградского ВРК, один из руководителей штурма Зимнего дворца. Арестовал членов Временного правительства. Вошел в Совнарком – член Комитета по военным и морским делам (нарком; отвечал за внутренний фронт); командовал войсками Петроградского военного округа. В конце 1917 – начале 1918 командовал войсками, действовавшими против атамана А.М. Каледина и Центральной Рады. С января по июнь 1919 командующий Украинским фронтом; нарком военных дел УССР. Член коллегии наркоматов РСФСР; заместитель председателя Малого Совнаркома (ноябрь 1920 – февраль 1921), руководил подавлением крестьянского восстания в Тамбовской губ. (февраль–июль 1921). Член РВС Республики (октябрь 1918 – май 1919; август 1922 – февраль 1924). В октябре 1923 подписал «Заявление 46-ти», обвинявшее большинство Политбюро в установлении антидемократического внутрипартийного режима. Был обвинен во фракционной деятельности; решением пленума ЦК (1925) снят с занимаемых постов. В дальнейшем на дипломатической работе.

[525] Маниковский, Алексей Алексеевич (1865–1920) – генерал от артиллерии. С 23 марта 1914 комендант Кронштадтской крепости и главный руководитель оборонительных работ в Кронштадте. Помощник председателя Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части при военном министерстве (1915). С мая 1915 начальник Главного артиллерийского управления Военного министерства, с сентября 1917 товарищ военного министра. С 1918 в Красной армии. Автор трудов о боевом снабжении в Первой мировой войне.

[526] Мишу – румынский посланник в Лондоне; представитель Румынии на Парижской мирной конференции.

[527] Демидов, Елим Павлович, князь Сан-Донато (1868–1943) – дипломат. Чрезвычайный посланник и полномочный министр России в Греции. Изучал русскую литературу, автор исследований о творчестве А.С. Пушкина, И.С. Тургенева.

[528] Константин I (1868–1923) – король Греции в 1913–1917, 1920–1922; из династии Глюксбургов. Командовал греческой армией в греко-турецкой войне 1897, Балканских войнах 1912–1913. Вследствие поражения в греко-турецкой войне 1919–1922 отрекся от престола. Был женат на Софии Прусской (Sophia von Preussen) – дочери германского императора Фридриха III, сестре германского императора Вильгельма II.

[529] Видимо, речь идет о тайном соглашении Англии, Франции и России о разделе Малой Азии. Соглашение было заключено еще до вступления Италии в войну. В конце января 1916 в Лондоне проходила конференция по проблеме Малой Азии, которая была созвана по настоянию Италии. Участники: Бальфур, французский посол в Лондоне Камбон, итальянский посол в Лондоне маркиз Империали и русский посол в Лондоне К.Д. Набоков. Италия настаивала на своем участии в дележе Малой Азии, а, следовательно, на пересмотре заключенного тайного соглашения. Проходившие в феврале 1916, по инициативе Италии, переговоры в Лондоне не привели к соглашению, вследствие, главным образом, почти ультимативного требования Италии об уступке ей Смирны.

[530] Саландра (Salandra), Антонио (1853–1931) – премьер-министр Италии в 1914–1916. В 1914 правительство Саландры провозгласило нейтралитет Италии в Первой мировой войне, однако в 1915, после дипломатического торга с воевавшими державами, втянуло Италию в войну на стороне Антанты.

[531] Орландо (Orlando), Витторио Эмануэле (1860–1952) – премьер-министр Италии в 1917–1919, один из лидеров итальянского либерализма.

[532] Фиум – порт в Югославии, ставший предметом разногласий после окончания Первой мировой войны. Хотя по секретному лондонскому договору между Италией, Великобританией, Францией и Россией (26 апреля 1915) Фиум передавался Югославии, Италия на Парижской мирной конференции потребовала введения в Фиуме принципа самоопределения, поскольку большинство его населения составляли итальянцы. Согласно Рапалльскому договору, заключенному Италией и Югославией (12 ноября 1920), Фиуму предоставлялся свободный статус, однако этот план потерял свою силу в результате прихода к власти Б. Муссолини. Новый итало-югославский договор (Рим, 27 января 1924) закрепил Фиум за Италией.

[533] Португальский президент Сидонио Наэз был тяжело ранен несколькими выстрелами вечером 14 декабря 1918 на Лиссабонском вокзале; от полученных ран скончался на месте.

[534] Асквит (Asquith), граф Оксфорд и Асквит, Герберт Генри (1852–1928) – премьер-министр Великобритании в 1908–1916, лидер Либеральной партии. Выйдя в 1916 в отставку, никаких государственных постов не занимал.

[535] В середине мая 1916 делегация депутатов Государственной думы и членов Государственного совета посетила Англию, Францию и Италию. Поездка имела целью заверить правительства и общественное мнение союзных держав в полной солидарности всех российских партий в деле доведения войны до победы. В Риме парламентская делегация встретила самый восторженный прием.

[536] Шингарев, Андрей Иванович (1869–1918) – врач; кадет, член ЦК (с 1908); один из авторов аграрной программы партии. Депутат II–IV Государственной думы и Петроградской городской думы (1917); активно работал в думских постоянных и временных комиссиях. Во время Первой мировой войны член Главного комитета Союза городов. После Февральской революции 1917 министр земледелия и финансов Временного правительства. Избран в Учредительное собрание. В день предполагаемого открытия Учредительного собрания (28 ноября 1917) был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В связи с резким ухудшением здоровья был переведен в Мариинскую тюремную больницу, где в ночь с 6 на 7 января 1918 убит ворвавшимися в палату красноармейцами.

[537] Плеханов, Георгий Валентинович (1856–1918) – один из ведущих марксистских теоретиков эпохи II Интернационала. Участник создания первой российской марксистской организации – группы «Освобождение труда», автор ее программы. В 1901–1905 член редакции газеты «Искра» и журнала «Заря». В межреволюционный период возглавил течение революционного меньшевизма, стал его главным идеологом. С началом Первой мировой войны занял оборончеcкие позиции. После Февральской революции, в марте 1917, вернулся в Петроград, возглавил группу «Единство» и издававшуюся ею одноименную газету. Поддерживал Временное правительство, призывал к национальному примирению и единению всех патриотических сил. Осудил Октябрьский переворот, разгон Учредительного собрания, заключение Брестского мира. В январе 1918 покинул Петроград и закончил свои дни в санатории в Финляндии.

[538] Персиани, Иван Александрович – сотрудник Министерства иностранных дел; композитор-дилетант. Советник российской миссии в Италии. В эмиграции жил в Италии. Уполномоченный Российского Красного Креста в Италии. С 1927 переводчик МИД Югославии. Принимал активное участие в деятельности Русского музыкального общества в Югославии.

[539] Унгерн-Штернберг – барон, поверенный в делах России в Лиссабоне. Единственным из послов и других российских дипломатических чинов за границей ответил на циркуляр Л.Д. Троцкого, предлагавший признать большевистское правительство.

[540] Петров, А.Н. – в июне 1918 вошел в состав Временного правительства автономной Сибири во Владивостоке, управляющий ведомством. 21 июля заявил о своем выходе из состава Совета министров.

[541] Чайковский, Николай Васильевич (1850–1926) – после выхода из партии эсеров в 1910 занимался кооперативным движением. После Октябрьского переворота вошел в Комитет спасения родины и революции. Депутат Учредительного собрания от Вятской губ.; принял участие в создании Союза возрождения России. В августе 1918 возглавил Верховное управление Северной области. В конце января 1919 выехал в Париж для участия в работе Русского политического совещания, формально оставаясь председателем Северного правительства. В конце февраля 1920 вошел в Южно-Русское правитель-

ство, заняв пост заведующего отделом пропаганды, однако 16 марта 1920 правительство было упразднено. Эмигрировал в Лондон.

[542] Веденяпин, Михаил Александрович (1879–1938) – эсер, член ЦК с ноября 1917. Депутат Учредительного собрания. В Самарском Комуче управляющий ведомством иностранных дел. После омского переворота 18 ноября 1918 подписал телеграмму Совета управляющих ведомствами с протестом.

[543] Лысаковский – поверенный в делах России при Ватикане.

[544] Торетта (Torretta), Нобиле Пьетро Томази (1873–1962) – маркиз, итальянский дипломат. На дипломатической службе с 1898: работал в Вене, Петербурге. Полномочный представитель министра иностранных дел Италии в России в 1915 и посол Италии в России с 1917. Находился в Петрограде, Москве, Вологде, Архангельске. Выехал на родину в марте 1919. Впоследствии посланник в Австрии, министр иностранных дел, посол в Великобритании.

[545] Фрэнсис (Frencis), Дэвид Роланд (1850–1927) – американский общественный и государственный деятель; дипломат; бизнесмен. Член Демократической партии США. Был мэром Сент-Луиса, губернатором штата Миссури, министром внутренних дел США (1896–1897). С 6 марта 1916 посол Америки в России, дуайен дипломатического корпуса. Находился в Петрограде, Москве, Вологде, Архангельске. Выехал из Архангельска 6 ноября 1918. На Парижской мирной конференции в 1919 был активным сторонником продолжения союзной интервенции в России. Вышел в отставку в 1921.

[546] Линдлей, Фрэнсис Освальд (1872–1950) – английский дипломат. С 1896 на дипломатической работе. В 1915 консул в английском посольстве в Петрограде, после отъезда в начале 1918 посла Дж. Бьюкенена исполнял его обязанности. Выехал из России в конце февраля 1918 и прибыл вновь в июне 1918 в качестве английского уполномоченного. Сыграл важную роль в расширении интервенции Антанты на севере России. Покинул Архангельск в 1919. В дальнейшем английский посол в Австрии, Норвегии и ряде других стран. Автор нескольких книг о дипломатической службе и сборника воспоминаний.

[547] Имеется в виду Штефаник (Štefánik), Милан Ростислав (1880–1919) – в 1916–1917 советник французской военной миссии в России. С лета 1918 генерал французской армии. В октябре 1918 был назначен военным министром Чехословацкой республики. В середине ноября 1918 прибыл в Сибирь с целью реорганизации Чехословацкого корпуса; ликвидировал отделение Национального совета в России и заменил его специальной коллегией. В середине января 1919 подписал приказ об отводе всех частей Чехословацкого корпуса в тыл.

[548] Ключников, Юрий Вениаминович (1886–1938) – специалист по международному праву, профессор Московского университета; кадет. В годы Гражданской войны консультант и товарищ министра Уфимской директории, министр иностранных дел во Временном всероссийском правительстве П.В. Вологодского, затем министр иностранных дел в правительстве адмирала А.В. Колчака (1918–1919). В 1919 вышел в отставку, получил от правительства субсидию на поездку в Париж с научными целями в связи с проходившей там мирной

конференцией в 1919. Работал в одной из комиссий Русского политического совещания. Кадет, однако в августе 1921 вышел из Парижской партийной группы. С конца 1921 жил в Берлине. Один из лидеров «сменовеховства», был в числе инициаторов издания сборника «Смена вех», соиздатель одноименного журнала и газеты «Накануне», проповедовавших сближение с Советской Россией. В 1922 эксперт советской делегации на Генуэзской конференции. В 1923 вернулся в Россию. Занимался научно-педагогической работой.

549 Гат[т]енбергер, Александр Николаевич (1860/1861–1939) – земский деятель; инспектор страхового общества «Россия» в Восточной Сибири. Летом 1917 был назначен Томским губернским комиссаром. Министр внутренних дел в правительстве адмирала А.В. Колчака. 29 апреля 1919 вышел в отставку. В январе 1920 выехал из Иркутска на восток. С 1922 жил в США.

550 Зефиров, Николай Степанович – кооператор; уполномоченный Министерства продовольствия, затем инспектор продовольственных организаций в Западной Сибири. С 1 июля 1918 управляющий Министерством продовольствия во Временном Сибирском правительстве П.В. Вологодского. С ноября 1918 занимал тот же пост во Временном всероссийском правительстве. В марте 1919 омская демократическая газета «Заря» опубликовала статью, обвинившую Министерство продовольствия в явно невыгодной покупке чая у фирмы «Слон». При этом делался намек на личную заинтересованность министра Зефирова, завизировавшего сделку. Позднейшие служебные расследования не подтвердили обвинений Зефирова во взяточничестве, скорее всего эту действительно убыточную сделку лоббировал кто-то из чинов министерства, а Зефиров был повинен лишь в ослаблении контроля. Однако он подал в отставку.

551 Старынкевич, Сергей Сазонтович (1876–?) – эсер. В 1917 при Временном правительстве был прокурором Иркутской судебной палаты, с 1918 по май 1919 – министр юстиции Директории и Временного всероссийского правительства.

552 Шумиловский, Леонид Иванович (1876–1920) – педагог; меньшевик. Министр труда Временного Сибирского, Временного всероссийского и Российского правительств. Став министром, вышел из партии меньшевиков, оставаясь при этом внепартийным социалистом и сторонником сибирского областничества. В мае 1920 предан суду Чрезвычайного трибунала при Сибирском ревкоме и, по решению суда, расстрелян в ночь на 23 июля 1920 в Омске.

553 Краснов, Г. – государственный контролер Временного Сибирского правительства.

554 Тельберг, Георгий Густавович (1881–1954) – кадет; присяжный поверенный, профессор и декан юридического факультета Саратовского и Томского университетов. Юрисконсульт Совета министров Временного Сибирского правительства (сентябрь–ноябрь 1918). Министр юстиции, член Совета верховного правителя. В январе 1920 арестован большевиками.

555 В ходе переворота 18 ноября 1918 в Омске была свергнута власть Уфимской директории. Среди организаторов переворота числились

представители кадетской партии, недовольные деятельностью Директории, в которой весьма ощутимо было влияние эсеров, и выступавшие с требованием сильной единоличной власти. Непосредственным толчком к перевороту послужила резолюция ЦК партии эсеров, принятая в Екатеринбурге съездом членов Учредительного собрания. В ней говорилось об опасности, которая угрожает демократии в России со стороны как большевистских, так и реакционно-монархических кругов. Резолюция призывала все демократические силы России объединиться вокруг Учредительного собрания для организации будущей власти. Реакцией на это явилось решение об установлении военной диктатуры, принятое на совещании 17 ноября 1918 в Омске, в котором участвовали местные кадеты, Омский отдел Союза возрождения России и руководители иностранных миссий. В ночь на 18 ноября в Омске были арестованы члены Уфимской директории эсеры Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, А.А. Аргунов и заведующий делами милиции Е.Ф. Роговский. Утром 18 ноября на экстренном заседании Совета министров Временного всероссийского правительства адмирал А.В. Колчак, накануне вернувшийся в Омск из поездки по прифронтовым районам, был избран верховным правителем России.

[556] Чаплин, Георгий Ермолаевич (1886–1950) – в Первой мировой войне командовал эсминцем, служил в экипаже английской подводной лодки и в штабе Балтийского флота. Капитан II ранга (1907). В 1918 принимал активное участие в политической жизни Северной области. Вошел во Временное управление Северной области, занял пост командующего вооруженными войсками области. В сентябре возглавил антиправительственный переворот в Архангельске. После неудачи переворота подал в отставку. В дальнейшем состоял на различных командных должностях на севере. Капитал I ранга (1919). С 1920 в эмиграции. Находился на британской военной службе в звании полковника. Участник высадки в Нормандии (июнь 1944).

[557] Соннино (Sonnino), Джордж Сидней (1847–1924) – барон, финансист, специалист по вопросам внешней политики. В 1906 и 1909–1910 – премьер-министр Италии. С ноября 1914 – министр иностранных дел; подготовил и осуществил поворот во внешней политике Италии – от участия в Тройственном союзе к переходу на сторону Антанты и участию в войне против центральных держав (1915). Принял участие в Парижской мирной конференции 1919. Отказ США, Англии и Франции удовлетворить полностью притязания Италии вызвал отставку кабинета Орландо-Соннино (июнь 1919). Назначенный в 1920 сенатором, Соннино отошел от активной политической деятельности.

[558] Шмурло, Евгений Францевич (1853–1934) – историк; член-корреспондент Петербургской Академии наук (1911). С сентября 1903 ученый корреспондент историко-филологического отделения Петербургской, затем Российской Академии наук при Ватиканском архиве. В 1921 организовал в Риме Русскую академическую группу, был ее председателем. До 1924 жил в Риме, продолжая обследовать архивы Италии, затем переехал в Прагу, где возглавил Русское историческое общество.

[559] Борсарелли (Borsarelli), Луиджи (1856–?) – барон, член Палаты депутатов.

[560] Биссолати (Bissolati, Bergamashi), Леонида (1857–1920) – журналист, политик, юрист, редактор политического журнала, член Палаты депутатов, писатель. Один из лидеров Итальянской социалистической партии (1892–1912), исключен из нее в 1912 за поддержку итало-турецкой войны 1911–1912, один из основателей Социалистической реформистской партии. Министр в 1916–1918.

[561] Яковенко, Борис Валентинович (1884–1949) – философ, историк философии, издатель и переводчик. В 1910–1912 сотрудничал в газете «Русские ведомости». С 1911 член редакции журнала «Логос». В 1913 уехал в Италию, где некоторое время работал в русском посольстве (1917). После установления в Италии фашистского режима переехал, по личному приглашению президента Чехословакии Т. Масарика, в Прагу. Затем обосновался в Германии. В 1925 вместе с С. Гессеном и Ф. Степуном пытался восстановить журнал «Логос» (вышел один номер). В 1929–1934 издавал в Бонне журнал «Der russische Gedanke» («Русская мысль»).

[562] Львов, Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, известный общественный и политический деятель, глава Земгора, по своим политическим взглядам – прогрессист. Председатель 1-го кабинета Временного правительства. После прихода к власти большевиков выехал в Тюмень. В феврале 1918 арестован, бежал из тюрьмы, добрался до Омска, где скрывался до прихода в город белогвардейцев. В начале октября 1918 отбыл в США с целью получения финансовой помощи для Белого движения, однако не добился результата. Затем обосновался в Париже; глава Русского политического совещания, председатель Российского Земско-городского комитета помощи беженцам.

[563] Бальфур (Balfour), Артур Джеймс (1848–1930) – английский государственный и политический деятель. Член парламента (1874–1922). Премьер-министр от партии консерваторов (1902–1905). Лидер консервативной партии (1902–1911). Первый лорд Адмиралтейства (1915–1916). Министр иностранных дел Великобритании (1916–1919).

[564] Мильнер (Milner), сэр Альфред (1854–1925) – лорд. Министр без портфеля в военном кабинете Ллойд Джорджа (1916–1918). Участвовал в конференции союзников в Петрограде в январе 1917; по возвращении заверил английский кабинет министров, что до окончания войны в России не будет революции. Министр колоний (1918–1921).

[565] В тексте Дневника дается различное написание фамилии – Hoose и House. Имеется в виду Хауз (House), Эдвард Манделл (1858–1938) – полковник, советник президента Вильсона по внешнеполитическим вопросам, неоднократно был его личным представителем при европейских правительствах, в различных межсоюзнических органах и на конференциях; активный деятель Демократической партии.

[566] Извольский, Александр Петрович (1856–1919) – министр иностранных дел в 1906–1910. Член Государственного совета (1909–1917). В 1910 назначен послом во Францию. В мае 1917 вышел в отставку, остался во Франции.

[567] Якушев, Иван Александрович (1882–1935) – эсер, в 1918 председатель Сибирской областной думы. В 1920 эмигрировал, обосновался в Чехословакии, редактор журнала «Сибирский архив» и сборников «Вольная Сибирь».

[568] Лебедев, Владимир Иванович – эсер, занимал пост морского министра во Временном правительстве. Депутат Учредительного собрания. В конце мая 1918, в качестве особоуполномоченного Союза возрождения России, выехал на Волгу, 13 июня прибыл в Самару, где был одним из организаторов Народной армии. В конце 1918 посетил Соединенные Штаты и Францию, где вел переговоры с союзными правительствами об оказании военной и экономической помощи России. В эмиграции входил в Парижскую группу эсеров; один из редакторов газеты «Воля России».

[569] Возможно, имеется в виду Волконский, Владимир Михайлович (1868–1953) – князь, егермейстер. Член Союза русского народа (с 1905). Депутат III–IV Государственной думы. В 1915–1916 товарищ министра внутренних дел. Вышел в отставку, не желая работать с министром А.Д. Протопоповым. В январе 1917 избран петроградским губернским предводителем дворянства. Осенью 1918 вошел в образованный А.Ф. Треповым в Гельсингфорсе Особый комитет по делам русских в Финляндии. В январе стал членом Русского комитета, сформированного А.В. Карташевым, ведал административными делами; позднее стал товарищем председателя Комитета. Выступал за немедленное признание независимости Финляндии. Эмигрировал. В июне 1921 принял участие в съезде русских монархистов в Рейхенгалле (Германия). Один из руководителей монархического союза в Берлине.

[570] Бахметев, Борис Александрович (1880–1951) – инженер-гидравлик, экстраординарный профессор Петербургского Политехнического института (1913); близок к кадетам. В сентябре 1915 был командирован в США для выяснения вопроса о причинах задержки с поставками заказанных материалов, вернулся из США в ноябре 1916. После Февральской революции, 9 марта 1917, назначен товарищем министра промышленности и торговли Временного правительства. 25 апреля 1917 указом Временного правительства назначен послом России в США. Несмотря на большевистский переворот, сохранил свой дипломатический статус, получил право, под контролем и с разрешения Министерства финансов США, распоряжаться средствами, находившимися на счетах Временного правительства в банках США. Фактически эти средства шли на финансирование антибольшевистских движений в России. Содействовал формированию Русского политического совещания – дипломатического представительства антибольшевистской России; возглавил работу образованной при совещании Политической комиссии, занимавшейся в основном подготовкой документов по вопросам территориального урегулирования, в частности, статуса Бессарабии и Финляндии. 28 апреля 1922 подал в отставку, которая была принята. Начиная с 1923 выступал с лекциями в Политическом институте в Вильямстауне, проводил дискуссии за «круглым столом», публиковал аналитические статьи

о положении в России. Пытался заниматься предпринимательством, вел исследовательскую работу. Основатель и директор гуманитарного фонда и Фонда помощи русским студентам. В 1934 принял американское гражданство, стал членом Республиканской партии, профессором Колумбийского университета.

571 Речь идет о Ноябрьской революции 1918 в Германии, в результате которой была свергнута монархия и установлена парламентская республика.

572 «The Times» («Времена») – одна из старейших и наиболее влиятельных британских газет; ежедневно выходит в Лондоне. Основана Джоном Вольтером (Walter) 1 января 1785 под названием «The Daily Universal Register». Современное название получила 1 января 1788. До 1908 газета находилась в собственности семейства Вольтеров, затем до 1922 входила в состав группы газет лорда Нортклиффа (Nortcliffe), затем до 1966 принадлежала семейству Дж.Дж. Астора (Astor).

573 Стид (Steed), Генри Викхэм (1871–1956) – редактор «Times». В 1895 был принят в газету в качеству берлинского корреспондента, в 1897–1902 корреспондент газеты в Риме, в 1902–1913 – в Вене. Затем вернулся в Лондон, опубликовал книгу «Габсбургская монархия». С 1914 эксперт газеты по странам Центральной Европы. В январе 1919 стал редактором. 1 декабря 1922 покинул пост. Написал автобиографию «Через тридцать лет» (1924), стал редактором «The Review of Reviews» (1925–1930).

574 Рубанович, Илья Адольфович (1859–1922) – эсер, член ЦК партии, постоянный представитель партии в Международном социалистическом бюро (1904). В течение ряда лет редактировал газету партии на французском языке «Русская трибуна», сотрудничал в газете «L'Humanité». После Февральской революции 1917 вернулся в Россию. Член Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, заведовал отделом международных отношений. ЦК партии эсеров и Всероссийский совет крестьянских депутатов делегировали его за границу для агитации социалистов и правительств стран Антанты в пользу заключения справедливого мира. После Октябрьского переворота не вернулся в Россию, был представителем ЦК эсеров за границей, входил в Заграничную делегацию партии. Представлял партию на Бернской Международной социалистической конференции (февраль 1919), на съезде II Интернационала в Женеве (июль–август 1920), на международном съезде трех Интернационалов в Берлине (апрель 1922).

575 Пинон (Pinon), Ренэ (1870–?) – французский историк, исследовал проблемы Дальнего Востока, деятельность католической церкви во Франции. Автор книг: «La Chine qui s'ouvre» (Китай, который нам открыт») (1900); «L'eau vive souvenirs de Terre Sainte» («Живая вода памяти Святой Земли») (1939); «La grande pitié de nos paroisses rurales» («Великое милосердие сельских церковных приходов») (1945) и др.

576 «Правительственный вестник» – официальная газета российского правительства. Выходила в Петербурге/Петрограде в 1869–1917.

[577] Неклюдов, Анатолий Васильевич (1856–?) – чиновник дипломатического ведомства: посланник в Софии (1911–1913), посланник в Стокгольме (1913–1917). Камергер двора (1903–1916). Посол в Мадриде (с конца апреля 1917). В августе 1917 вышел в отставку. Эмигрировал.

[578] Рафалович, Артур Германович – агент Министерства финансов России в Париже.

[579] Вильямс (Williams), Гарольд (1874–1928) – корреспондент английских газет «The Times» («Времена») и «The Daily Chronicle» («Ежедневная хроника»), ведущий эксперт по «русским делам» в Великобритании. С марта 1918 вел в Лондоне вместе с женой, А.В. Тырковой-Вильямс, активную антибольшевистскую кампанию: встречался с влиятельными политиками, в том числе с Ллойд Джорджем, выступал с докладами, публиковал статьи. В 1919 был аккредитован при штабе генерала А.И. Деникина.

[580] Сетон-Уотсон (Seton Watson), Роберт Вильям (1879–1951) – французский историк, изучал историю Австро-Венгрии, опубликовал ряд работ. В 1914–1921 почетный секретарь Сербского фонда помощи. В 1916 вместе с Масариком основал и совместно редактировал еженедельный журнал «The New Europa» («Новая Европа»). Был призван в армию. Поскольку по состоянию здоровья не годился для строевой службы, был направлен в 1917 в Королевский медицинский армейский корпус. Затем был командирован в действующее при военном кабинете разведывательное бюро. В начале 1918 возглавил австрийскую секцию департамента контрпропаганды. Присутствовал на Парижской мирной конференции в качестве частного обозревателя. Входил в Комитет освобождения России. В 1928 читал лекции в Лондонском университете, в 1931 – в Британской академии. В 1945 избран президентом Королевского исторического общества. Почетный профессор университетов в Праге, Загребе, Братиславе, Белграде. Наиболее известные работы: «Подъем национальностей на Балканах» (1917), «История Румынии» (1934), «Дизраэли, Гладстон и восточный вопрос» (1935), «Британия в Европе, 1789–1914» (1937).

[581] Пети (Petit), Эжен (1850–1931) – французский дипломат, работал в посольстве Франции в Петрограде в 1917–1918. По возвращении на родину руководитель канцелярии при президенте Франции.

[582] Имеется в виду Циммервальдское объединение международной социал-демократии, оформившееся на Цимервальдской конференции 1915. В принятых решениях конференция признавала империалистический характер войны и указывала на несостоятельность лозунга «защиты отечества».

[583] «Le Temps» («Время») – французская ежедневная вечерняя общественно-политическая газета. Основана в Париже в 1861 А. Нефцером (Nefftzer), в дальнейшем была унаследована Адриеном Эбаром (Hébard). Придерживалась либеральной традиции, одна из ведущих газет; фактически официальный орган Министерства иностранных дел. Высокопрофессиональные статьи и хроника внутриполитической жизни обеспечили газете авторитет не только во Франции, но и за рубежом. В годы Второй мировой войны переехала в Лион, 30 ноября 1942 прекратила существование.

584 «Le Matin» – французская ежедневная газета, издавалась в Париже с 1884 по август 1944.

585 «L'Excelsior» – ежедневная иллюстрированная газета, основана в Париже Пьером Лафитом (Lafitte) в 1910, а в 1917 куплена семейством Дюпюи (Dupuy). Принадлежала к числу дорогих периодических изданий. Своим успехом обязана тому, что, отвечая запросам времени, помещала на своих страницах фоторепортажи. Существовала до июня 1942.

586 «L'Humanité» («Человечество») – ежедневная газета, основана в 1904 Ж. Жоресом (Jaurès) как орган Французской социалистической партии. В 1905 газета организовала сбор средств в пользу русской революции. В годы Первой мировой войны находилась в руках правого крыла партии. В 1918 ее политическим директором стал Марсель Кашен (Cachin). В 1918–1920 газета выступала против военной интервенции французских вооруженных сил в Советскую Россию. В 1920, после раскола Французской социалистической партии, стала центральным органом Коммунистической партии Франции. В 1939 была запрещена французским правительством и перешла на нелегальное положение, выходила нелегально в период оккупации Франции гитлеровскими войсками (1940–1944).

587 «L'Œuvre» – французское периодическое издание, основано в 1902 Густавом Тери (Téry). Вначале – ежемесячное, затем еженедельное, а с 1899 – ежедневное. С 1915 приобретает радикально-социалистическую и антиклерикальную направленность. Пост шеф-редактора занял Жан Пио (Piot). С 1940 орган коллаборационистов. В 1944 прекратило свое существование.

588 «Le Figaro» – французская общественно-политическая газета. Основана в 1854 как еженедельное издание, с 1866 – ежедневное. В 1922–1932 газета принадлежала Коти (Coty) и придерживалась националистически-роялистской ориентации.

589 «Journal des Débats» – сокращенное название французской ежедневной газеты «Journal des Débats politiques et littéraires» («Газета политических и литературных дискуссий»). Основана в Париже в 1789. Выходила до начала Второй мировой войны.

590 «L'Éclair» («Молния») – французская либеральная общественно-политическая газета, основана в Париже в 1888. В дальнейшем, под руководством Эрнеста Жюде (Judet), приобретает консервативный оттенок. В 1924 объединилась с газетой «L'Avenir», постепенно ее деятельность сошла на нет.

591 Кашен (Cachin), Марсель (1869–1958) – деятель французского и международного социалистического, затем коммунистического движения; депутат парламента с 1914; один из основателей (1920) и руководителей Французской коммунистической партии.

592 Нокс (Knox), Альфред Вильям Фортескью (1870–1964) – английский бригадный генерал. В 1908–1911 офицер генерального штаба. В 1911–1918 военный атташе Великобритании в Петрограде, в 1918–1920 глава британской военной миссии в Сибири, главный советник адмирала А.В. Колчака по вопросам тыла и снабжения армии. Награж-

ден российскими орденами Св. Станислава, Св. Владимира, Св. Анны. В 1920 вышел в отставку. Автор книги «С русской армией. 1914–1917» (1927).

[593] Моррис (Morris), Роланд – американский посол в Токио, в июле 1919 был послан в Омск с целью изучить положение в Сибири и высказать соображения относительно возможности признания колчаковского режима и оказания ему финансовой поддержки. В целом, отмечая недостатки режима, высказался за признание, считая адмирала А.В. Колчака наиболее серьезной альтернативой большевизму.

[594] Сыровой, Ян (1888–1917) – чехословацкий военный и государственный деятель. В сентябре 1914 вступил в добровольческую чешскую дружину в составе русской армии на Юго-Западном фронте. С весны 1918 командир 2-го полка Чехословацкого армейского корпуса. Во время восстания корпуса командовал группой на направлении Курган–Челябинск–Омск–Екатеринбург. Генерал-майор (август 1918) и командир Чехословацкого корпуса, до ноября 1918 командующий союзническими вооруженными силами Сибири. Впоследствии на военной работе в Чехословакии.

[595] Реньо, Эжен Луи Жорж (1857–?) – посланник Франции в Японии. С августа 1918 глава французской миссии во Владивостоке, входил в образованный Верховный совет комиссаров, включавший в свой состав специальных представителей от союзников. С ноября 1918 – посол в Токио.

[596] Нортклифф (Northcliffe), Альфред Чарльз Вильям (1865–1922) – барон (1905); владелец газет. Основал в 1896 лондонскую ежедневную газету «The Daily Mail», тираж которой достиг 1 млн. во время Первой мировой войны. С 1903 начал выпускать газету «The Daily Mirror», которая стала пионером в использовании автотипии в печатании фотографий. Основал в 1905 компанию «Associated Newspaper Ltd.», которая была первой компанией, предоставлявшей частным лицам право инвестировать в газеты. В 1908 приобрел «The Times», затем газеты «The Daily Express» и «The Evening News» (этот газетный концерн известен под именем «Northcliffe-Presse»). В 1917–1918 председатель британской военной миссии в США. В 1918 директор департамента пропаганды в странах противника.

[597] Корф, Сергей Александрович (1876–1924) – профессор права и публицист, преподавал в русских учебных заведениях в Гельсингфорсе, затем перебрался в США; был некоторое время сотрудником российского посольства в Вашингтоне. Позднее возглавлял колчаковское информационное бюро в Париже.

[598] Маннергейм (Mannerheim) Карл-Густав-Эмиль (1867–1951) – барон, генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер. До июля 1919 регент Финляндии. С 1939 главнокомандующий финской армией. Фельдмаршал.

[599] Свинхувуд (Svinhufvud), Пер Эвинд (1861–1944) – первый премьер-министр Финляндии (ноябрь 1917 – май 1918). В мае–декабре 1918 и. о. главы государства (регент). В 1930–1931 премьер-министр. В 1931–1937 президент.

[600] Имеется в виду идея созыва конференции из представителей всех правительств, фактически существовавших на территории бывшей Рос-

сийской империи; была выдвинута державами Антанты на Парижской мирной конференции. 22 января 1919 президент США Вильсон от имени Антанты обратился ко всем правительствам, действовавшим в России, с призывом прекратить военные действия и прислать своих представителей к 15 февраля на Принцевы острова (Мраморное море) для участия в конференции с целью достижения соглашения на основе сохранения занимаемых к тому времени территорий. Правительство РСФСР нотой от 4 февраля, переданной по радио, ответило согласием. Однако правительства белых режимов, через Русскую политическую делегацию, представлявшую их интересы на Парижской мирной конференции, заявили о своем отказе принять участие в переговорах с большевиками. Конференция на Принцевых островах не состоялась.

601 Камбон (Cambon), Поль – французский дипломат. Посол Франции в Великобритании.

602 Симпсон (Simpson), Джеймс (1873–1934) – профессор естественных наук, читал лекции в Эдинбургском университете. Вице-президент Королевского Шотландского географического общества. Много путешествовал по Европейской и Азиатской России и Прибалтике. Сотрудник политического департамента разведки (русский отдел) сначала в Министерстве информации, затем в Министерстве иностранных дел (1917–1919). Входил в британскую делегацию на Парижской мирной конференции, прикомандирован к политической секции (1919). Председатель латвийско-литовского арбитражного суда по пограничным вопросам (1921). Автор работ: «Сведения о Сибири» («Sidelights on Siberia»), «Жизнь Генри Дрюммона» (1901); «Самопознание России» («The Self-Discovery of Russia») (1916); «Государственная монополия и запрещение продажи водки в России» (1918) и др.

603 Нордман, Н.Н. – сотрудник русского посольства в Лондоне.

604 Поляков-Литовцев, Соломон Львович (1875–1945) – журналист, прозаик, драматург. Думский корреспондент газеты «Речь». Лондонский корреспондент «Русского слова». Заведовал бюро информации Союза русского народоправства. Член Комитета освобождения России.

605 «The Russian Commonwealth» – журнал Союза русского народоправства.

606 Союз русского народоправства (The Union «Russian Commonwealth») был создан с целью сближения британской и русской демократий, на основе неприятия большевистского режима.

607 Зунделевич, Арон Исаакович (1854–1923) – один из видных деятелей «Земли и воли» и «Народной воли». Сидел в Петропавловской крепости, затем до 1890 в ссылке в Сибири. В 1898 направлен на поселение. В революцию 1905 уехал к родным в Лондон. Член Союза русского народоправства.

608 Тюрин, С.П. – председатель Союза русского народоправства; член Временного комитета Русско-Британского Братства. Входил в правление Лондонского Российского общественного комитета помощи голодающим России (1921–1922), в руководство Союза городов и земств в Лондоне.

[609] «Братство» – англо-русская организация «Русско-Британское 1917 года Братство» («The Russo-British 1917 Bratstvo/Fraternity»). Создана вскоре после Февральской революции 1917 по инициативе группы членов английского парламента и представителей русских правительственных организаций в Лондоне с целью содействия развитию культурных и политических связей, а также для объединения русских и англичан в борьбе с большевизмом. Учредительное заседание клуба проходило в помещении английского парламента. Почетным президентом «Братства» был избран Ллойд Джордж. В июле 1919 был создан Временный комитет «Братства» под председательством П.Г. Виноградова, в декабре 1919 председателем стал член парламента Гершом Стюарт. «Братство» выступало инициатором объединения русских общественных организаций в Лондоне. На основе «Братства» в августе 1919 были созданы Русско-Британский комитет помощи беженцам, а также Комиссия по делам русских в Англии. Организация носила характер элитарного клуба, в состав «Братства» принимались только мужчины. Существовала до 31 декабря 1921.

[610] Шкловский, Исаак Владимирович (лит. псевд. Дионео) (1864–1935) – публицист, критик, прозаик, переводчик. В 1896–1918 лондонский корреспондент газеты «Русские ведомости» и еженедельника «Русское богатство». После Октябрьского переворота сотрудничал в русских эмигрантских газетах «Последние новости», «Утро», «Сегодня». Входил в состав многих эмигрантских организаций, действовавших в Англии, – товарищ председателя Союза русского народоправства, Комитета освобождения России, Русско-Британского Братства, Русской Академической группы, Комитета освобождения России (Комитет издал в Лондоне в 1919 его книгу «Россия под властью большевиков» («Russia under the Bolsheviks»). В 1926 избран почетным членом Англо-Русского литературного общества.

[611] Холсти (Holsti), Р. – министр иностранных дел Финляндии.

[612] «The Observer» («Наблюдатель») – первая воскресная английская информационная газета. Основана в 1791 в Лондоне. Освещает проблемы политики, культуры, образования. В 1976 была продана американской компании, в 1981 английский предприниматель Р. Роулэнд (Rowland) выкупил контрольный пакет акций газеты.

[613] Циммерн (Zimmern), сэр Алфред Экхард (1879–1957) – английский публицист, филолог и историк. В 1918–1919 работал в отделении политической информации Министерства иностранных дел как специалист по делам «зависимых наций и преследуемых меньшинств». Первый профессор международных отношений в Оксфордском университете (1930–1944). Автор книги «Выздоровление Европы» («Europe convalescence». – London, 1922).

[614] «The New Europa» – еженедельный общественно-политический журнал-обозрение. Выходил в 1916. Основан британским историком Сетоном-Уотсоном и будущим чехословацким президентом Масариком. Они же совместно редактировали издание. Сетон-Уотсон финансировал журнал.

[615] Сесиль (Cecil), Роберт (1864–1958) – лорд, английский политический деятель. Член Палаты Общин от консервативной партии в 1906–1923,

затем член Палаты лордов. В 1915–1916 заместитель министра иностранных дел, в 1917–1918 министр блокады. Член английской делегации на Парижской мирной конференции и один из инициаторов создания Лиги Наций. Впоследствии занимал посты лорда-хранителя печати (1923–1924) и канцлера герцогства Ланкастерского в кабинете С. Болдуина.

616 Гальперн, Александр Яковлевич (1879–1956) – присяжный поверенный; меньшевик. Управляющий делами Временного правительства. Входил в комиссию Юридического совещания. После Октябрьского переворота 1917 обосновался в Лондоне, сдал экзамен по английскому языку и юридической практике. Член Русско-Британского Братства.

617 Шин Фейн (ирл. Синн Фейн – Sinn Fein) – букв. «Мы сами»; ирландская политическая организация, основанная в начале XX в., возглавила национально-освободительную борьбу против английского господства. Правые шинфейнеры подписали Англо-ирландский договор 1921, что привело к Гражданской войне 1922–1923, после поражения в войне левые шинфейнеры ушли в подполье.

618 Тыркова-Вильямс, Ариадна Владимировна (1869–1962) – публицист, общественная деятельница. Член ЦК кадетской партии. После Октябрьского переворота 1917 выпустила вместе с А.С. Изгоевым несколько номеров газеты «Борьба» (ноябрь 1917), призывавшей к свержению советской власти. Принимала участие в переправке офицеров на Дон. Член Национального центра. В марте 1918 выехала в Великобританию, где вела агитацию в поддержку добровольческого движения (встречалась с политическими и государственными деятелями, выступала в английской прессе). Одна из создателей и руководителей Комитета освобождения России. Весной 1919 опубликовала в Лондоне документальную книгу о русской революции «От свободы к Брест-Литовску» («From Liberty to Brest-Litovsk»). Вернувшись в Россию в расположение Добровольческой армии в августе 1919, работала в отделе пропаганды Особого совещания, заведовала заграничной пропагандой. В середине февраля 1920 эвакуировалась из Новороссийска в Константинополь, затем переехала в Великобританию. Была среди организаторов Комитета освобождения России, исполняла обязанности секретаря Комитета.

619 Кедров, Михаил Александрович (1878–1945) – вице-адмирал (1920). В годы Первой мировой войны был командиром линейного корабля «Гангут» (1915), командующий морскими силами Рижского залива (1916) в чине капитана I ранга; за успешные боевые действия был награжден георгиевским оружием. После Февральской революции 1917 помощник военного и морского министра А.И. Гучкова с правами управляющего морским министерством. В мае 1917 оставил пост в связи с отставкой Гучкова. Получил назначение в Лондон для объединения деятельности русских морских атташе в Париже и Лондоне. В конце 1918 адмирал А.В. Колчак назначил его начальником транспорта по снабжению белых армий, а также морским экспертом российского уполномоченного при союзниках в Париже – С.Д. Сазонова. В июне 1919 вошел во Временный комитет Русско-Британского Братства. В сентябре 1920, ввиду неизлечимой болезни коман-

дующего Черноморским флотом в Крыму адмирала М.П. Саблина, был вызван генералом П.Н. Врангелем из Лондона в Крым, 17 октября утвержден командующим Черноморским флотом. После эвакуации возглавил Военно-морской союз, организовывал его отделы во всех странах эмигрантского рассеяния. С 1930 второй заместитель председателя Русского общевоинского союза.

620 Скотт Мак-Калум (Scott MacCallum), Александр (1874–1928) – британский государственный деятель. Секретарь Шотландии (1909). Парламентский личный секретарь Черчилля, министр вооружения (1917–1919). Автор ряда книг: «Правда о Тибете», «Через Финляндию в С.-Петербург», «Уинстон Черчилль в мире и войне» и др. Депутат парламента (1910–1922). Либерал. В 1924 вступил в Лейбористскую партию. Погиб в результате аварии самолета.

621 Виноградов, Павел Гаврилович (1854–1925) – профессор, юрист; член кадетской партии. Член Британской и Российской Академий наук. Заведующий кафедрой юриспруденции в Оксфорде (с 1903). В 1908 выехал в Англию. В 1918 принял британское гражданство. Участвовал в создании в Англии Комитета освобождения России. С июня по декабрь 1919 председатель Временного комитета Русско-Британского Братства, возглавлял кафедру образования, созданную при Братстве.

622 «The Pall Mall Gazette» – информационная газета. Основана в феврале 1865. В конце XIX в. придерживалась либеральной ориентации, выступала в защиту ирландской автономии. В 1892 газета была продана лорду Астору (Astor) и стала консервативным органом. Редактор газеты Кук (E.T. Cook) и большинство его сотрудников и ушли в отставку. На следующий год они начали вместе работать в редакции вновь созданной газеты «The Westminster Gazette». Наиболее известными ее редакторами являлись сэр Дуглас Стрейт (Straight) и Дж.Л. Гарвин (Garvin). В 1925 произошло объединение с газетой «The Evening Standart».

623 «The Westminster Gazette» – общественно-политическая вечерняя газета либеральной направленности. Основана в 1893 в Лондоне. В газете работал блестящий политический карикатурист К. Гоулд (Gould). Газета отличалась высоким уровнем политического комментария и литературной критики. После Первой мировой войны она была заменена ежедневной информационной газетой того же названия, которая в 1928 была преобразована в «The Daily News».

624 «The Daily & Sketch» – утренняя лондонская газета. Основана в 1909 как дешевый иллюстрированный таблойд (малоформатная газета). В 1920-е поглотила более дорогое по цене периодическое издание «The Daily Graphic» и стала называться в течение нескольких лет «The Daily Sketch and Graphic». Была куплена лордом Ротермэ (Pothermere), а позднее продана им лорду Кемслей (Kemsley).

625 Денисов, Николай Хрисанфович (?–1970) – инженер путей сообщения; крупный предприниматель. Директор правления Троицкой железной дороги. После 1917 в эмиграции, сначала в Англии, где финансировал деятельность Комитета освобождения России, затем во Франции. Председатель основанного в 1920 в Париже Российского Торгово-промышленного и финансового союза.

626 Ростовцев, Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности, археолог, академик (1916); кадет. Профессор древней истории Петербургского университета в 1901–1918. В 1918 эмигрировал в Великобританию, преподавал в Оксфорде. Выступал с публичными лекциями, осуждавшими большевистскую революцию. Автор многочисленных публицистических работ. Один из инициаторов создания и председатель Комитета освобождения России. Входил во Временный комитет Русско-Британского Братства. Летом 1919 перебрался во Францию, а летом следующего года уехал в США. В 1920–1925 профессор древней истории Висконсинского университета, а в 1925–1939 профессор древней истории и классической филологии Йельского университета.

627 Гарднер, Д.Д. – поверенный в делах при российском посольстве в Лондоне. Один из основателей и почетный секретарь Русско-Британского Братства, входил во Временный комитет Братства. Играл важную роль в Русском правительственном комитете по снабжению.

628 Крукстон, Джон Фомич (?–1930) – корабельный инженер. Вице-председатель Русского судостроительного общества и Акционерного общества Николаевских заводов и верфей.

629 Гамбс, Э. – секретарь российского консульства в Лондоне. Председатель Русского комитета пропаганды при Министерстве информации, входил в Центральный российский комитет.

630 «The New Statesman» («Новый государственный деятель») – еженедельный политический и литературный журнал, орган Фабианского общества. Основан в Лондоне в 1913 Сиднеем и Беатрисой Вебб (Webb). На его страницах велась серьезная интеллектуальная дискуссия по проблемам политики, идеологии, культуры. С 1931 журнал выходит под названием «The New Statesman and Nation» («Новый государственный деятель и нация»). Выражает взгляды левого крыла Лейбористской партии.

631 Фишер (Fischer), Герберт Альберт (1865–1940) – английский историк, член Британской Академии (1907), ее президент (1928–1932). Член правления Британского музея. В 1911–1912 читал курс лекций по зарубежной истории в Оксфордском университете. В 1912–1915 член Королевской комиссии общественных служб в Индии. В 1915 входил в правительственный комитет по расследованию германских преступлений. С декабря 1916 по октябрь 1922 министр просвещения. Либерал. Депутат парламента в 1916–1926. Автор работ: «Политическая история Англии» (1906), «Бонапартизм» (1908), «Республиканская традиция в Европе» (1911), «Политические союзы» (1911), «Наполеон Бонапарт» (1913), «Изучение истории и политики» (1920).

632 «The Daily News» («Ежедневные новости») – общественно-политическая ежедневная газета либеральной ориентации, выходила в Лондоне в 1846–1930, основана Ч. Диккенсом (Dickens). Газета поддерживала Гладстона (Gladstone). В 1901 шоколадный фабрикант Джордж Кэдбери (Cadbury) приобрел газету и в 1912 объединил ее вместе с радикально-либеральной «The Morning Leader» (основана в 1892) под общим названием «The Daily News and Leader». В 1928 в это издание влилась либеральная вечерняя газета «The Westminster Gazet-

te» (основана в 1893), и название газеты было изменено на «The Daily News and Westminster Gazette». Из объединения с «The Daily Chronicle» 2 июня 1930 возникла «The News Chronicle», которая в 1960 преобразовалась в «The Daily Mail».

633 Эдвардс (Edwards), Клемент (1869–1938) – редактор «The Sun», специальный уполномоченный газеты «The Daily News». В 1918–1920 председатель Национальной демократической партии.

634 Гендерсон (Henderson), Артур (1863–1935) – один из лидеров Лейбористской партии Великобритании, в 1911–1934 ее секретарь. В 1915–1917 министр без портфеля, в 1924 министр внутренних дел, в 1929–1931 министр иностранных дел.

635 Бургейн (Burgoyne), сэр Алан Хьюз (1880–1929) – подполковник английской армии, служил во Франции, Палестине, в 1914–1918 – в Индии. В 1918–1919 в Министерстве вооружения. Мировой судья Букингеймшира. Консерватор, в 1917–1918 сторонник Национальной партии. Член парламента в 1910–1922. Автор морских и флотских рассказов. Основатель и редактор «The Navy League Annual» («Ежегодник Военно-морской лиги»).

636 Спендер (Spender), Джон Алфред (1862–1942) – редактор «The Eastern Morning News» (1886–1891), редактор «The Westminster Gazette» (1896–1922). Автор автобиографии «Жизнь, журналистика и политика» (1927).

637 Элгар (Elgar), Эдуард Уильям (1857–1934) – английский композитор, дирижер; пропагандист возрождения традиций английской народной и старинной музыки. Автор оратории «Сновидение Геронтиуса» (1900).

638 Вероятно, имеется в виду Русское политическое совещание, созданное в конце 1918 в Париже под председательством кн. Г.Е. Львова с целью предполагаемой защиты интересов России на Парижской мирной конференции. Провозгласило своей целью отстаивание единства, целостности России и претендовало на роль руководящего центра Белого движения; пыталось влиять на политику держав Антанты в «русском вопросе». Однако союзные державы не признали совещание в качестве полномочного представителя интересов России, хотя персонально его члены поддерживали постоянные контакты с зарубежными политическими кругами, прежде всего французскими. В августе 1919 ввиду осложнения отношений с генералом А.И. Деникиным и поражений армии адмирала А.В. Колчака заявило о прекращении своей деятельности.

639 Впервые идея организации Совещания послов прозвучала в январе 1918 на проходившем в Париже съезде послов. Этот проект диктовался необходимостью координации их действий после Октябрьского переворота. В дальнейшем, после прекращения деятельности Делового комитета, Совещанию послов было передано право распоряжаться денежными средствами, принадлежащими России и находящимися за границей. При Совещании был образован финансовый совет.

640 Пэджит (Paget), леди Мюриэл Эвелин Вернон (1876–1938) – филантроп. В 1915 организовала и заведовала в России сетью Англо-русских

госпиталей (базовый располагался в Петрограде), сопровождала мобильные госпитали, которые развертывались на фронте. В 1917 вместе с русскими войсками оказалась в Румынии, где устроила госпиталь на время эпидемии тифа. Возвратившись в Россию, она продолжала свою работу. После Октябрьского переворота отправилась вместе со своими сотрудниками на родину (через Сибирь и Японию). В 1919 по личному приглашению президента Масарика посетила Чехословакию во главе миссии. Организовала и руководила госпиталями и детскими благотворительными учреждениями в Чехословакии, Латвии, Эстонии, Литве. В 1924 она учредила фонд поддержки бедствующих британских граждан в Москве и провинциях и руководила его деятельностью; в 1930 эта деятельность была распространена и на Ленинград. Часто посещала Советскую Россию в 1924–1937. Когда в марте 1938 был отозван британский консул, ее организация («The British Subjects in Russia Relief Association») была единственной официальной инстанцией, обеспечивающей связь между британскими гражданами и их родиной. Однако вскоре организация была закрыта, а ее сотрудники высланы. За свою деятельность ей было присвоено звание кавалера ордена Британской империи 4-й степени (1918) и 2-й степени (1938).

[641] Керзон (Curzon), Джордж Натаниел (1859–1925) – маркиз. В 1899–1905 вице-король Индии. Министр иностранных дел Великобритании (1919–1924), консерватор.

[642] Карташев, Антон Владимирович (1875–1960) – богослов, историк русской церкви, церковный и политический деятель. Профессор Высших (Бестужевских) курсов в Петербурге (1906–1917); председатель Религиозно-Философского общества (с 1909); сторонник обновления церковной жизни. Кадет, член ЦК (с 1917). После Февральской революции 1917 занимал пост товарища обер-прокурора (с 25 марта), затем обер-прокурора Святейшего Синода (с 25 июля), после его упразднения стал министром исповеданий во Временном правительстве (с 5 августа). Деятельный член Поместного Собора русской церкви 1917–1918. Вскоре после Октябрьского переворота был арестован, отбывал трехмесячное заключение. Освободившись, жил на нелегальном положении в Москве. Основатель православного «Братства Св. Софии» (1918). Заведовал отделом просвещения и исповеданий в Южно-Русском правительстве генерала П.Н. Врангеля. Входил в руководство Национального центра. С января 1919 в Финляндии, где возглавил Русский комитет (с мая – Политический центр) при армии генерала Н.Н. Юденича. В 1920 переехал во Францию, где в Париже вошел в местную кадетскую группу, был избран членом особой группы по связям с представителями отдельных национальностей России и французскими политическими кругами. Входил в бюро Временного русского комитета Национального объединения. В 1921 избран председателем Национального комитета. Один из основателей и профессор Русского Свято-Сергиевского Богословского института в Париже (1925–1960).

[643] Бирель (Birrell), Августин (1850–1933) – ректор университета в Глазго. В 1907–1916 главный секретарь (министр) вице-короля Ирландии. В 1918 потерпел поражение на выборах в парламент.

[644] Хор (Hoare), сэр Сэмюэль Джон (1880–1959) – подполковник генерального штаба. В 1915 унаследовал звание баронета. В 1916 выполнял политическую миссию в Италии. Министр авиации (октябрь 1922 – январь 1924, ноябрь 1924 – июнь 1929 и апрель–май 1940); министр по делам Индии (август 1931 – июнь 1935); министр иностранных дел (июнь–декабрь 1935); первый лорд Адмиралтейства (июнь 1936 – май 1937); министр внутренних дел (май 1937 – сентябрь 1939); член военного кабинета (сентябрь 1939 – май 1940). Посол Англии в Испании (май 1940 – декабрь 1944). Консерватор. Член английского парламента (1910–1944).

[645] Шиллинг, Маврикий Фабианович (1872–?) – барон, видный чиновник российского МИД, в 1914–1916 начальник канцелярии МИД и советник I политического отдела. К 1917 сенатор, тайный советник, гофмейстер. В эмиграции начальник канцелярии С.Д. Сазонова (1919–1920).

[646] Ланге (Lange), Кристиан Луис (1869–1938) – общественный деятель. Секретарь Нобелевского комитета в Осло (1900–1909). Делегат 2-й мирной конференции в Гааге (1907). Генеральный секретарь Межпарламентского союза (1909–1933). В 1921 получил Нобелевскую премию. Активный представитель Норвегии в Лиге Наций.

[647] Межпарламентский союз (Interparliamentairy Union) – международная организация парламентариев, основана в 1888 сэром Вильямом Рэндалом Кремером (Cremer), лауреатом Нобелевской премии 1903.

[648] Дмовский (Dmowski), Роман (1864–1939) – польский общественный деятель, один из создателей Национальной лиги, депутат II и III Государственной думы, глава польского коло. В ноябре 1914 выехал за границу, где предпринял попытку при посредничестве стран Антанты оказать давление на Россию в польском вопросе. В 1915 возглавил Польский Национальный комитет. В 1917–1919 председатель Польского национального комитета.

[649] Крейн (Crane), Чарльз – американский крупный предприниматель, акционер компании «Westighouse». Организатор и спонсор кафедры истории славян при Чикагском университете. Поддерживал с Милюковым дружеские контакты.

[650] Рансимен (Runciman), сэр Уолтер (1847–1937) – баронет (1906); судовладелец и страховой агент. Глава фирмы «Walter Runciman and Company», действовавшей в Ньюкастле и Лондоне. Директор многих судовых компаний. Председатель нескольких страховых агентств. Член консультативного комитета при морском департаменте Министерства торговли. В 1911–1912 президент Палаты судоходства Великобритании. Председатель Северной либеральной федерации и других политических организаций. Депутат парламента в 1914–1918. Произведен в бароны в 1933.

[651] Комитет освобождения России («Russian Liberation Comittee») – наиболее влиятельная общественно-политическая российская организация в Англии. Был основан в Лондоне в феврале 1919 с целью осведомления общественного мнения Англии о положении в России. Ежедневно сообщал английским газетам полученные по телеграфу сведения из разных областей России. Эти сведения публиковались в

еженедельных информационных «Бюллетенях», которые рассылались влиятельным политическим деятелям Великобритании (в том числе всем членам парламента). Комитет издавал под редакцией Милюкова еженедельник «New Russia», выпускал на английском языке пропагандистские брошюры. Некоторое время печатал в Лондоне небольшую газету «Рассвет» для войск Северного фронта. Главной задачей Комитета была деятельность в поддержку Белого движения в России: пытался собирать и передавать в Россию сведения для координации действий между белыми армиями; установил связь с военно-политическими центрами антибольшевистского лагеря (Омск, Екатеринодар, Гельсингфорс). Деятельность Комитета финансировал Н.Х. Денисов, кроме того, Комитет получал поддержку от Омского правительства адмирала А.В. Колчака. Согласно уставу Комитет состоял из центральной группы (в составе 9 чел.) и привлекаемых к работе сотрудников.

[652] Мейендорф, Александр Феликсович (1869–1964) – барон, член петербургского ЦК «Союза 17 октября», председатель Петербургского совета Союза. Депутат III Государственной думы (в течение 2-х сессий товарищ председателя) и IV Думы от Лифляндской губ. Эмигрировал в Лондон. Вошел во Временный комитет Русско-Британского Братства, секретарь Комитета по образованию при Братстве. Член Лондонского Российского общественного комитета помощи голодающим в России.

[653] Борман, Аркадий Альфредович (1891–1974) – журналист, сын известной журналистки и общественной деятельницы А.В. Тырковой-Вильямс от 1-го брака. Сотрудник эмигрантских газет «Возрождение», «Русская мысль», журналов «Часовой» и др. В 1951 уехал в США, работал в русской редакции радиостанции «Голос Америки».

[654] Гинес (Guinness), Уолтер Эдвард (1880–1944) – подполковник. Участник Первой мировой войны. Член Лондонского провинциального совета в 1907–1910. Председатель комитета по снабжению жилищем рабочих в 1908. Заместитель военного министра в 1922; министр финансов с октября 1923 по январь 1924 и с ноября 1924 по декабрь 1925; министр сельского хозяйства и рыболовства с ноября 1925 по июнь 1929. Консерватор. Депутат парламента в 1907–1931. Произведен в бароны в 1932.

[655] Левин, Шмария Хаимович – доктор философии. Депутат I Государственной думы от Вильны.

[656] Тарле, Евгений Викторович (1875–1955) – российский историк, академик АН СССР (1927). На демонстрации в октябре 1905 получил удар шашкой. Основные труды: «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (т. 1–2), «Континентальная блокада», «Наполеон», «Жерминаль и прериаль», «Нашествие Наполеона на Россию», «Крымская война» (т. 1–2).

[657] В ночь с 5 на 6 сентября 1918 в Архангельске была предпринята попытка антиправительственного правого переворота под руководством Г.Е. Чаплина. Большинство членов Верховного управления Северной области (Н.В. Чайковский, П.Ю. Зубов, С.С. Маслов, М.А. Лихач, А.И. Гуковский) были арестованы, водворены на пароход «Ар-

хангел Михаил» и под усиленной охраной отправлены на Соловецкие острова. В городе было введено военное положение. В распространенном приказе Чаплин заявил, что «только мощная армия и организованная военная сила смогут дать... свободу от германского ига и надежду на светлое будущее России». Приказом вводилась новая система власти: функции главы области Чаплин возложил на себя, начальником по гражданской части он назначил Н.А. Старцева. По сути, устанавливался режим военной диктатуры. Против него единодушно выступили разнородные силы: профсоюзы, кооперативы, губернская земская управа, партийные организации эсеров и меньшевиков; рабочие Архангельска объявили всеобщую политическую стачку. Участники переворота не заручились также поддержкой представительств союзных военных и дипломатических миссий. Иностранные послы возвратили высланных членов Верховного управления, обнаружив тем самым свое отношение к перевороту. В отсутствии сколько-нибудь серьезной опоры руководители переворота вынуждены были (8 сентября) подать в отставку. На следующий день Временное управление Северной области приступило к работе. Решением от 14 сентября была создана чрезвычайная следственная комиссия для расследования дела о попытке переворота во главе с бывшим товарищем прокурора Петроградского окружного суда Н.К. де Боккаром. Но по просьбе генерала Пуля дело было прекращено.

658 Речь идет о Временном правительстве Северной области (ВПСО), в состав которого вошли представители различных политических сил: народный социалист Н.В. Чайковский (глава), эсер А.А. Иванов, кадеты С.Н. Городецкий, Н.В. Мефодиев, П.Ю. Зубов, бывший октябрист кн. И.А. Куракин, полковник Б.А. Дуров и др. Правительство было сформировано 7 октября 1918. Оно ставило перед собой задачи: воссоздание армии и «продвижение ее вперед во что бы то ни стало», налаживание правопорядка, организация товарообмена и распределение продовольствия, обновление системы денежного обращения. ВПСО стремилось проводить компромиссный средний курс.

659 Куракин, И.А. – князь, управляющий Архангельским отделением Госбанка; в прошлом октябрист. Во Временном правительстве Северной области занял пост заведующего отделом финансов.

660 Грудестов (Грудистов), Николай Владимирович (?–1939) – директор лесного департамента при царском правительстве, представитель фирмы Рябушинского. В период деятельности Временного управления Северной области – товарищ управляющего отделом земледелия, председатель финансово-экономического совета Северной области, гласный городской думы. 23 января 1919 отбыл (вместе с Н.В. Чайковским и предпринимателем А.С. Чудиновым) в качестве делегата торгпрома на Русское политическое совещание в Париж, вошел в состав финансово-экономической комиссии совещания.

661 Мефодиев, Н.В. – кадет; депутат Государственной думы. Заведующий отделом торговли, промышленности и продовольствия Временного правительства Северной области.

662 «Отечество» – общественно-политическая газета правой ориентации, издавалась группой Е.П. Семенова, получала поддержку от главнокомандующего.

25 — 11230

663 Семенов, Е.П. (наст. фам. и инициалы Коган, С.М.) – журналист, издатель. Сотрудничал в правых изданиях «Новое время» и «Вечернее время». Поставлял «документы Сиссона» (в которых утверждалось, что большевики являются платными агентами германского штаба). В декабре 1917, после переговоров с английскими и французскими дипломатами о создании на севере особого фронта, выехал на Дон к генералу Л.Г. Корнилову. 16 декабря он представил в Новочеркасске свой доклад группе генералов во главе с Корниловым и М.В. Алексеевым. После обсуждения Корнилов уполномочил Семенова настаивать перед союзными дипломатами на скорейшем проведении в жизнь проекта создания Северного фронта. Прибыв в Архангельск, редактировал газету «Голос Отечества»; входил в лагерь правых, участвуя в подготовке антиправительственного переворота 6 сентября 1918.

664 Старцев, Николай Александрович (1873–?) – присяжный поверенный (1906); один из лидеров архангельских кадетов; бывший заместитель председателя Архангельской городской думы. Член IV Государственной думы. Глава архангельского филиала Национального центра. Во время деятельности Временного управления Северной области – губернский правительственный комиссар. Вместе с Г.Е. Чаплиным возглавил антиправительственный переворот 6 сентября 1918, назначен начальником по гражданской части. После неудачи переворота отстранен от должности. В феврале 1920 эмигрировал.

665 Мурузи, Александр Александрович (1872–1954) – полковник, начальник штаба 3-й особой бригады во Франции, командир Крымского конного полка. В 1918 служил в Красной армии. Летом 1918 стал членом антибольшевистской организации в Архангельске. В белых войсках Северного фронта, к ноябрю 1918 находился в Славяно-Британском легионе, в разведывательном отделе штаба командующего союзными силами. В начале 1919 глава военной цензуры, затем в штабе русских войск Северной области, с марта 1919 командир 3-го Северного стрелкового полка, начальник штаба 2-й Северной стрелковой бригады, командир той же бригады, командующий войсками Двинского района. С августа 1919 начальник штаба и с 2 сентября 1919 командующий войсками Железнодорожного района. Генерал-майор (1919). Георгиевский кавалер (1919). Эмигрировал во Францию.

666 «Северное утро» – ежедневная общественно-политическая, экономическая и литературная газета. Выходила с 19 июня 1911 по 18 февраля 1920 в Архангельске. В 1918 (с 26 марта по 22 июня) носила название «Северный день». Редактор М.Л. Леонов (с 1916). Издатели Е.И. Федосов и М.Н. Чернышева.

667 «Возрождение Севера» – правительственная газета; официально беспартийная, фактически принадлежала партии эсеров. № 1 вышел 11 августа 1918. На ее страницах популяризировалась идея объединения демократических сил и создания демократического центра. Заняв критическую позицию по отношению к адмиралу А.В. Колчаку, продолжала поддерживать генерала Е.К. Миллера и правительство Северной области вплоть до закрытия газеты в день падения правительства (19 февраля 1919). Редактор А.А. Иванов.

[668] Иванов, Алексей Алексеевич (1891–1937) – эсер, публицист, экономист. После Февральской революции 1917 председатель студенческого ревкома Петроградского университета, член Петроградского совета первого состава. Один из организаторов Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, член исполкома Всероссийского крестьянского совета. Председатель Архангельского губернского совета крестьянских депутатов. Член Учредительного собрания от Архангельской губ., председатель губернской земской управы, один из лидеров архангельских эсеров. Входил в состав Верховного управления и Временного правительства Северной области. В 20-е жил в Ленинграде под чужой фамилией. Арестован в 1924, после окончания ссылки вернулся в Ленинград. Арестован в 1933, приговорен к 5 годам содержания в концентрационном лагере. В 1937 осужден к расстрелу. В 1989 реабилитирован.

[669] Мацкевич – эсер, входил в состав делегации, посланной в Лондон для переговоров об оставлении английских войск в Северной области (сентябрь–ноябрь 1918). Впоследствии расстрелян большевиками.

[670] Капустин, П.П. – агроном; народной социалист; член городской думы; председатель Совета профессиональных союзов.

[671] Попилов, А.В. – социал-демократ. Весной 1918 возглавил в Архангельске губернский продовольственный комитет. В мае, при обсуждении вопроса об оказании продовольственной помощи голодающему Петрограду, выступил против. Поскольку губисполком принял все же решение послать 30 вагонов с продовольствием в Петроград, Попилов демонстративно вышел из Продовольственного комитета и обратился к рабочим судоремонтного завода с открытым письмом, в котором предлагал собрать общее собрание рабочих и рассказать на нем о продовольственном положении в Архангельске и причинах своей отставки. Губисполком резко осудил позицию Попилова и единогласно решил предать его суду за контрреволюционную деятельность (расстрелян в Вологде).

[672] Кедров, Михаил Сергеевич (1878–1941) – партийный и государственный деятель. Член РСДРП с 1901. В годы Первой мировой войны военный врач на Кавказском фронте. После Февральской революции 1917 член Всероссийского бюро военной организации при ЦК РСДРП(б); редактор газет «Солдатская правда», «Рабочий и солдат». С ноября 1917 заместитель наркома по военным делам, комиссар по демобилизации старой армии. В августе–сентябре 1917 командующий войсками Северо-Восточного участка отрядов завесы. В сентябре 1918 – январе 1919 начальник военного отдела ВЧК. С января 1919 начальник Особого отдела ВЧК. С мая 1919 особо уполномоченный ВЧК в Вологде, затем на Южном и Западном фронтах. С марта 1920 член специальной правительственной комиссии по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на севере.

[673] Совет кооперативов Севера – выступил против переворота Г.Е. Чаплина, рассматривая его как «угрозу делу демократизации», ратовал за восстановление «народоправства», создание общероссийской власти и возобновление работы Учредительного собрания.

[674] Чернов, Александр Александрович (1877–1963) – геолог и палеонтолог, заслуженный деятель науки РСФСР (1946). В 1903 окончил

Московский университет. В 1907–1909 участвовал в монголо-сычуаньской экспедиции П.К. Козлова. В 1909–1934 преподавал в московских вузах (профессор с 1917). С 1935 работал в системе АН СССР. Основные труды посвящены изучению геологии и полезных ископаемых Среднего и Северного Урала, Пай-Хоя, Печорского края. Теоретически обосновал существование Печорского угольного бассейна; изучал структуры Ухтинского нефтеносного района.

675 Давыдов (наст. фам., имя и отчество Горелов, Иван Николаевич), Владимир Николаевич (1849–1925) – русский актер, народный артист республики (1922). В 1880–1924 артист петербургского Александринского театра. С 1883 вел педагогическую работу; преподавал в Петербургском театральном училище. Во время белого управления Северной областью выступал с театральной группой на фронте, призывал к защите области от большевиков.

676 Миллер, Евгений-Людвиг Карлович (1867–1937) – генерал-лейтенант. В конце Первой мировой войны командир 26-го армейского корпуса. В августе 1917 назначен представителем Ставки при итальянском главном командовании. 13 января 1919 прибыл из заграницы в Архангельск, приглашенный Н.В. Чайковским на должность генерал-губернатора и главнокомандующего войсками Северной области; затем возглавил отдел иностранных дел. В отсутствии Чайковского фактически руководил Временным правительством Северной области (формально функции председателя были переданы П.Ю. Зубову). 30 апреля 1919 признал Омское правительство адмирала А.В. Колчака Временным всероссийским правительством. 12 июля юридически оформилась единоличная власть генерала Миллера. Генерал от кавалерии (1919). 26 августа Совет министров в Омске принял постановление, утвержденное Колчаком, о введении Временного положения об управлении Северным краем. В соответствии с ним Миллеру были даны права главного начальника края с подчинением непосредственно верховной власти. В 1920–1922 главноуполномоченный генерала П.Н. Врангеля в Париже, затем начальник его штаба. С 1929 заместитель председателя, с 1930 председатель Русского общевоинского союза. 22 сентября 1937 похищен в Париже сотрудниками НКВД.

677 Марушевский, Владимир Владимирович (1874–1952) – участник русско-японской войны и Первой мировой войны, к Февральской революции 1917 – генерал-майор, командир 3-й особой бригады во Франции. Вернулся в Россию. За отказ сотрудничать с большевиками после их прихода к власти был арестован, а после освобождения выехал сначала в Финляндию, а затем в Швецию. 19 ноября 1918 прибыл в Архангельск, утвержден в должности помощника генерал-губернатора и помощника командующего русскими войсками Северной области. 30 мая 1919 произведен в генерал-лейтенанты. 23 августа 1919 выехал из Архангельска с особой миссией в страны Скандинавии и Финляндию.

678 Самарин, Сергей Николаевич (1877–?) – генерал-майор (1917). Участник Первой мировой войны. В конце августа 1918 назначен 2-м помощником начальника военного отдела Временного управления Северной области, с сентября по начало ноября 1918 помощник ге-

нерал-губернатора Северной области по военной части, начальник штаба командования русскими войсками Северной области. После увольнения с должности поступил в Славяно-Французский легион в Архангельске, где командовал ротой. Эвакуировался из Северной области летом 1919. Эмигрировал.

679 Ноэль-Бакстон (Noel-Buxton), Эдвард (1869–1948) – редактор «The New Statesman». Либерал, поддерживал социальные законопроекты Ллойд Джорджа, но критиковал внешнюю политику Грея. В 1914 выполнял, по заданию Черчилля, неофициальную миссию на Балканах, с целью обеспечить сотрудничество или, по крайней мере, нейтральность Болгарии в начавшейся Первой мировой войне. В октябре 1914 получил серьезное ранение в Бухаресте от руки турка. В июне 1916 посетил США, обсуждал с представителем президента Вильсона – полковником Хоузом (House), возможности американского вмешательства. Потерпел поражение на выборах в парламент в 1918. В 1919 вступил в Лейбористскую партию, в качестве ее кандидата выиграл выборы в 1922. В январе 1924 назначен министром сельского хозяйства, сохранил этот пост в лейбористском правительстве, сформированном в 1929, однако в июне 1930 вышел в отставку по состоянию здоровья. Был произведен в бароны.

680 Беркенгейм, А.М. – член правления Всероссийского Центрального союза потребительских обществ (Центросоюза). Находясь в Англии, вошел в правление Лондонского комитета помощи голодающим в России.

681 Ону, А.М. – генеральный консул России в Англии в период деятельности Временного правительства. Член Русско-Британского Братства, входил в его Временный комитет. Член президиума Русской Академической группы.

682 Лаппо-Данилевский, Александр Сергеевич (1863–1919) – историк, археограф, источниковед, социолог; ординарный академик Петербургской Академии наук (1905). Приват-доцент Петербургского университета. Создал научную школу в области источниковедения. Член Археографической комиссии (с 1894), секретарь Исторического общества при Петербургском университете и Отделения русской и славянской древностей Археологического общества. Один из учредителей Социологического общества им. М.М. Ковалевского (1916). Координировал деятельность губернских ученых архивных комиссий, участвовал в работах археологических съездов. Член Международного социологического института, Международной ассоциации академий. Почетный доктор права Кембриджского университета (Великобритания). Член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов (избран в 1906, сложил полномочия после роспуска I Государственной думы). После Февральской революции 1917 работал в Особом совещании по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Осудил Октябрьский переворот, однако продолжал преподавание в университете, участвовал в подготовке реформы архивного дела. Умер от заражения крови.

683 Тэн (Taine), Ипполит (1828–1893) – французский литературовед, философ, историк консервативного направления.

684 Каносса (Canossa) – замок маркграфини Матильды в Северной Италии, где в январе 1077 отлученный от церкви и низложенный им-

ператор «Священной Римской империи» Генрих IV униженно вымаливал прощение у своего противника – римского папы Григория VII. В переносном значении «идти в Каноссу» – согласиться на унизительную капитуляцию.

685 Муралов, Александр Иванович (1886–1937) – партийный, государственный деятель. Член РСДРП с 1905. С 1918 губвоенком и комендант Тульского укрепрайона. С 1920 председатель Московского, Донского СНХ. С 1923 председатель Нижегородского губисполкома. С 1929 нарком земледелия РСФСР. В 1933–1936 заместитель наркома земледелия СССР. В 1935–1937 президент ВАСХНИЛ.

686 Эггертон (Eggerton), леди Мабелле (1865–1927) – в 1888 вышла замуж за Чарльза А. Эггертона. Удостоена Ордена Британской империи.

687 Черчилль (Churchill), Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) – английский государственный деятель. С 1908 на различных министерских постах: в 1910–1911 министр внутренних дел, в 1911–1915 морской министр, в 1919–1921 военный министр и министр авиации, в 1921–1922 министр колоний, в 1924–1929 министр финансов, в 1939–1940 военно-морской министр. В 1940–1945 и в 1951–1955 премьер-министр Великобритании. Один из лидеров Консервативной партии.

688 «The New York [Daily] Tribune» («Нью-Йоркская [ежедневная] трибуна») – американская общественно-политическая газета. Основана Горацием Грислеем (Greesley) в 1841. Столбцы газеты были открыты для новых идей: фурьеризм, движение за права женщин и т. д. До середины 1850-х XIX в. – орган левого крыла американских вигов, затем – орган Республиканской партии. В 1851–1862 в газете сотрудничали К. Маркс и Ф. Энгельс. Существовала до 1924.

689 Сомерсет (Somerset), леди Изабелла Каролина (1851–1921) – в 1890 была избрана президентом Британской ассоциации женской трезвости. На следующий год представляла ассоциацию на съезде Всемирного христианского союза женской трезвости. В 1903 в силу разногласий и по причине ухудшения здоровья оставила пост президента. В 1898–1906 президент Всемирного христианского союза женской трезвости. В 1895 учредила «Даксхерст» – колонию для женщин, страдающих алкоголизмом, затем к ней было пристроено убежище для детей, страдающих от плохого обращения. «Даксхерст» была первой колонией такого рода в Англии. Редактор основанного в 1894 органа Британской ассоциации женской трезвости – «The Women's Signal» («Женский сигнал»). Сотрудничала в ряде английских и американских журналах. Автор работ: «Наша жизнь в деревне» (в стихах, 1884), «Эскизы в черном и белом» (1896), «В старом саду» (1900), «Под радугой жизни» (новелла, 1906), «Красота для пепла» (1913).

690 Коновалов, Александр Иванович (1875–1948) – крупный промышленник; один из основателей и лидеров партии прогрессистов. Депутат IV Государственной думы от Костромской губ. В марте–июле 1917 занимал пост министра торговли и промышленности в первых двух составах Временного правительства. С 25 сентября по 25 октября 1917 заместитель министра-председателя Временного правительства. Вместе с другими министрами был арестован, заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. После освобожде-

ния в начале 1918 эмигрировал во Францию. Летом 1919 вел в Париже переговоры с правыми эсерами об объединении.

[691] Михельсон, А.М. – специалист по финансовому праву; кадет. В эмиграции в Париже. Казначей сначала Парижской группы кадетов, затем милюковской Парижской демократической группы кадетов. Член Российского общества Лиги Народов. В качестве приглашенного лица входил в Банковский комитет. Член Русской Академической группы в Париже, казначей Русского Академического союза (с 1925) и Союза русских писателей и журналистов в Париже. Читал курс лекций в Институте русского права и экономики при юридическом факультете Парижского университета. Входил в Совет профессоров Франко-Русского института (с 1926). Преподавал в Коммерческом институте Объединения российских земских и городских деятелей за границей. Казначей комитета французской секции Российской Лиги прав человека и гражданина.

[692] Щербачев, Дмитрий Григорьевич (1857–1932) – генерал от инфантерии. Во время Первой мировой войны помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта. В декабре 1917 командующий войсками Украинского фронта, подчинялся Центральной Раде. По постановлению Украинской народной республики принял на себя командование войсками Юго-Западного и Румынского фронтов. В феврале 1918 заключил в Фокшанах перемирие с Германией, а в марте 1918 дал согласие на ввод румынских войск в Бессарабию. Был объявлен правительством РСФСР «врагом народа» и поставлен вне закона. Советская сторона требовала его выкупа. С апреля 1918 представитель Добровольческой армии в Румынии, с 30 декабря 1918 военный представитель русских армий при союзных правительствах и союзном командовании, с января 1919 по май 1920 представитель верховного правителя адмирала А.В. Колчака и начальник управления по снабжению белых армий в Париже. В эмиграции во Франции, с 1931 член учебного комитета Высших военно-научных курсов.

[693] Гермониус, Э.К. – генерал; начальник Управления заграничного снабжения русских армий. Военный представитель России в Лондоне.

[694] 19 февраля 1919 утром на улице Франклина, садясь в машину, Клемансо подвергся нападению, однако был лишь легко ранен. Нападавший – Коттэн.

[695] Беляев, Николай Тимофеевич (1878–1955) – металлург, металловед, химик. Участник Первой мировой войны, был серьезно ранен. После выхода из госпиталя в 1915 был командирован в Англию для работы по обеспечению поставок вооружения и материалов для русской армии. После Октябрьского переворота 1917 принял решение остаться в Англии; начал работу как консультант по вопросам технологии металлов. После выхода работы «Кристаллизация металлов» получил известность на Западе как один из ведущих специалистов в области металлографии. В 1934 переехал в Париж.

[696] Головин, Николай Николаевич (1875–1944) – военный теоретик, педагог, историк; генерал-лейтенант. С октября 1915 начальник штаба 7-й армии, а с апреля 1917 начальник штаба группы армий в Румынии (Румынского фронта). В декабре 1918 уехал через Одессу

в Париж, затем в Лондон, где занял пост помощника по военным вопросам С.Д. Сазонова. Участвовал в переговорах о предоставлении помощи белым армиям. Летом 1919 принял приглашение адмирала А.В. Колчака возглавить штаб его армии, прибыл в Омск, где успешно руководил обороной города. В октябре 1919, в связи с последствиями контузии, полученной на германском фронте, был эвакуирован в Токио. В 1920 выехал в Париж. В эмиграции написал серию работ по истории Первой мировой войны; преподавал ее историю во французской Военной академии, являлся профессором Русского историко-филологического факультета при Парижском университете, входил в Русскую Академическую группу. В 1926–1940 официальный представитель Гуверовской военной библиотеки в Париже. Один из руководителей Русского общевоинского союза.

697 Руманов, А.В. – директор правления Товарищества издательского печатного дела «А.Ф. Маркс». В августе 1919 инициатор создания Финансового комитета с целью изыскания средств для армии генерала Н.Н. Юденича, вошел в финансовую комиссию Комитета.

698 Брантинг (Branting), Карл Яльмар (1860–1925) – шведский политический и государственный деятель, один из основателей (1889) и лидеров Социал-демократической партии Швеции (СДПШ), II Интернационала. В 1887–1917 (с перерывами) редактор центрального органа СДПШ газеты «Social-Demokraten». С 1896 депутат риксдага. С 1907 председатель Исполкома СДПШ. В 1920, 1921–1923 и 1924–1925 премьер-министр.

699 Вандервельде (Vandervelde), Эмиль (1866–1938) – бельгийский общественный и политический деятель; социалист. С середины 1890-х руководитель бельгийской рабочей партии. С 1900 председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Член парламента с 1894. В 1914 вошел в правительство и до 1937 неоднократно был министром (иностранных дел, юстиции).

700 Буксгевден, А.А. – граф, состоял чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе С.К. Гершельмане. В 1906 руководил группой боевиков «Союза русского народа»; замешан в убийстве Г.Б. Иоллоса и в покушении на графа С.Ю. Витте. Осенью 1918 вошел в образованный в Гельсингфорсе Особый комитет по делам русских в Финляндии. В январе 1919 стал членом Русского комитета, сформированного под председательством А.В. Карташева и ставившего задачи помощи беженцам, в тесном взаимодействии с организациями, борющимися за восстановление правопорядка в России, ведал в Комитете административными делами. 10 января 1919 на собрании русских офицеров в Гельсингфорсе был избран в комиссию по разработке основ формирования будущей Северной армии.

701 Иоллос, Григорий Борисович (1859–1907) – публицист, экономист; кадет, член ЦК. Постоянный сотрудник газеты «Русские ведомости», публиковался в «Торгово-промышленной газете», «Вестнике Европы», «Русском богатстве», а также в ряде немецких изданий. В 1906 вступил в издательское товарищество «Русские ведомости» и вместе с В.М. Соболевским (а позднее – единолично), возглавил газету. Секретарь московского Юридического общества. Депутат I Государст-

венной думы от Полтавской губ.; автор кадетского закона о свободе печати. После роспуска I Думы подписал Выборгское воззвание. 14 марта 1907 в Москве, по дороге из редакции домой, был смертельно ранен. Следствие, не установившее личности убийц, было прекращено.

702 Фрумкин, М.Я. – член ЦК Бунда, меньшевик. После Февральской революции 1917 кандидат в члены Временного совета Республики (Предпарламента).

703 Иванов, Сергей Валентинович (?–1925) – сенатор, председатель Петербургской городской думы, товарищ председателя петроградского комитета Общества по распространению коммерческого и художественно-промышленного образования. За подписание протеста против смертной казни был переведен из судебного департамента в общее присутствие Правительствующего Сената. Товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии при Временном правительстве (1917). Осенью 1919 входил в организованное А.В. Карташевым в Гельсингфорсе отделение Русского национально-государственного объединения (блока) для Северо-Западного фронта, программа которого сводилась к борьбе с большевизмом и признанию военной диктатуры единственным путем восстановления порядка до созыва Национального собрания. Министр юстиции в Северо-Западном правительстве. Жил в Финляндии.

704 Рерих, Николай Константинович (1874–1947) – художник, философ, историк, общественный деятель. Член Академии художеств (1909). В 1910 возглавил творческое объединение «Мир искусства». С конца 1916 жил в городе Сердоболе (Сортвала), который в 1917 отошел к Финляндии. Написанные здесь картины выставлял в ноябре 1918 в Стокгольме. Секретарь комитета скандинавского Общества помощи российскому воину в Стокгольме. Осенью 1919 выставка его работ прошла в Лондоне, там же он оформил оперу «Князь Игорь» для антрепризы С.П. Дягелева и несколько русских опер в «Covent Garden». В 1920 приехал в США, где проходили его многочисленные выставки, читал лекции о русском искусстве и литературе, организовал в Нью-Йорке Институт объединенных искусств, в Чикаго – Союз художников «Пылающее сердце» и Международный культурный центр «Венец мира». В мае 1923 направился в Индию. В 1925–1928 совершил путешествие через Гималаи в Центральную Азию. В 1928 основал в долине Кулу Международный институт гималайских исследований «Урусвати». Был избран членом ряда научных учреждений Азии, Европы и Америки.

705 Грубе, Э.К. – финансист. В 1918 входил в объединение российских промышленников и финансистов в Финляндии. Член правления Русского комитета, созданного под председательством А.В. Карташева, входил в финансово-экономическую комиссию, действующую при комитете. В будущем российском правительстве, которое планировал сформировать генерал Н.Н. Юденич, ему отводился пост министра продовольствия.

706 Гарфельд, Алексей Федорович (1878–1942) – служил в особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов (до 1912), затем помощник директора Государственного банка, в 1916 директор банка

(до октября 1917). В начале 1919 вошел в правление Русского комитета, созданного в Гельсингфорсе А.В. Карташевым.

707 Добрынин, Федор Александрович (?–1926) – управляющий делами (директор) страхового общества «Россия». Член правления Общества русского перестрахования. Входил в правление Русского комитета А.В. Карташева, член финансово-экономической комиссии, образованной при комитете. Выступал за немедленное признание независимости Финляндии.

708 Форостовский, П.П. – промышленник; член правления Русского комитета А.В. Карташева. Входил в Военно-политический центр, сформированный при генерале Н.Н. Юдениче.

709 Шуберский, В.П. – финансист; в 1918 входил в объединение российских промышленников и финансистов в Финляндии. Член правления Русского комитета А.В. Карташева, работал в финансово-экономической комиссии, образованной при комитете. В будущем российском правительстве, которое планировал сформировать генерал Н.Н. Юденич, намечался на пост министра путей сообщения.

710 Юденич, Николай Николаевич (1862–1933) – генерал, в 1917 главнокомандующий войсками Кавказского фронта. В октябре 1918 эмигрировал в Финляндию. С разрешения К.-Г. Маннергейма формировал в Финляндии антисоветские воинские соединения. В 1919 главнокомандующий добровольческой Северо-Западной армией. Военный министр Северо-Западного правительства. После провала похода на Петроград (октябрь–ноябрь 1919) эмигрировал (в 1920).

711 Энкель, К. – общественный и политический деятель Финляндии. В декабре 1917 приезжал вместе с П. Свинхувудом и К.Г. Идманом, вручил обращение к советскому правительству о предоставлении Финляндии независимости. Министр иностранных дел Финляндии.

712 Арсеньев, Евгений Константинович (1873–1938) – генерал-лейтенант, начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, командир гвардейского кавалерийского корпуса. Георгиевский кавалер. После Октябрьского переворота 1917 возглавил в Петрограде объединенную офицерскую организацию. 15 января 1919 назначен командующим 2-м (Северным) корпусом Северо-Западной армии. В мае 1919 участвовал в Гельсингфорсе в конфиденциальных переговорах с главой Финляндии К.-Г. Маннергеймом относительно возможности совместного финско-русского наступления. 19 августа 1919 генерал Н.Н. Юденич отстранил Арсеньева от должности за то, что он в своем штабе скрывал под чужой фамилией германофила полковника П. Дурново.

713 Арабажин, Константин Иванович (1866–1929) – историк литературы и критик, журналист. Двоюродный брат Андрея Белого. Редактор газет «Северный курьер», «Кавказские минеральные воды». После Октябрьского переворота 1917 эмигрировал. Профессор Александровского университета в Гельсингфорсе. В конце апреля 1918 по его инициативе образовалось общество «Русская колония в Финляндии», призванное защищать интересы русских граждан; стал первым председателем Совета общества. Автор работ: «Публичные лекции о русских писателях» (1909), «Леонид Андреев. Итоги творчества» (1910).

714 «Северная жизнь» – общественно-политическая газета либеральной направленности, выходила в Гельсингфорсе. В марте 1919 была слита с другой гельсингфорсской газетой – «Русский листок». Новое издание носило название «Русская жизнь» (редактор – кадет В.Л. Кузьмин-Караваев), издатель – бывший член Калашниковской биржи М.С. Валов).

715 Ляцкий, Евгений Александрович (1868–1942) – этнограф, фольклорист, историк литературы, публицист. В 1901–1907 старший этнограф и хранитель библиотеки Русского музея. Печатался в академической периодике, а также в журналах «Обозрение», «Современный мир», «Русская старина», «Нива», «Вестник Европы». В конце 1917 уехал в Финляндию и после ее отделения от России не вернулся. В 1918–1919 редактор газеты «Северная жизнь». В 1920 организовал в Стокгольме издательство «Северные огни». Был редактором и издателем журнала «Около России». С 1922 жил в Праге, являлся профессором Карлова университета, заведовал кафедрой русского языка и литературы. В 1923–1926 руководил издательством «Пламя», был редактором газеты «Огни».

716 «Русский листок» – общественно-политическая газета, выходила в 1918–1919 в Гельсингфорсе. В марте 1919 была слита с газетой «Северная жизнь» в одно издание – «Русская жизнь».

717 Кристи – русский консул в Христиании.

718 Нансен (Nansen), Фритьоф (1861–1930) – норвежский исследователь Арктики, почетный член Петербургской Академии наук (1898). В 1920–1921 комиссар Лиги Наций по делам военнопленных. В августе 1921 назначен верховным комиссаром Лиги Наций в деле организации помощи голодающим России. Нобелевская премия Мира (1922).

719 Цион, Серсия – журналист; корреспондент «Новой России» в Швеции.

720 Гессен, Юлий Иосифович – директор общества «Кавказ и Меркурий». Брат известного кадета И.В. Гессена.

721 «The Nation» – американский журнал либеральной направленности. Основан в 1865 Э.Л. Годкиным (Godkin). В 1881 он продал журнал владельцам другого периодического издания – «The New York Evening Post». В 1918 издателем журнала стал Освальд Гаррисон Виллард (Villard). С этого времени журнал стал постепенно приобретать левую окраску; выступать рупором пробольшевистских взглядов; призывал правительство США признать Советскую Россию.

722 Маклин (Maclean), сэр Дональд (1864–1932) – депутат парламента (1906–1922, с перерывом с января по декабрь 1910; 1929–1932). Председатель комитета путей и способов изыскания денежных средств (1911–1918), комитета долга стран-противников, комитета по реорганизации местного самоуправления. Председатель Лондонского апелляционного суда (1916). Министр просвещения (с августа 1931 до июня 1932). Либерал, национал-либерал (с 1931). Председатель парламентской Либеральной партии (1919–1922); исполнял обязанности руководителя Либеральной партии в Палате Общин (с февраля 1919 до февраля 1920). Президент национал-либеральной федерации (1922–

1925). Член королевского Тайного совета (1916). Почетный доктор права Кэмбриджа (1920).

723 Клайнс (Clynes), Джон Роберт (1869–1949) – работал на хлопкопрядильной фабрике. Президент Национального союза неквалифицированных и муниципальных рабочих. Депутат парламента (1918–1931; 1935–1945). Парламентский секретарь Министерства продовольствия (июль 1917 – июль 1918). Контролер продовольствия (с июля 1918 по январь 1919). Вице-президент Лейбористской партии в Палате Общин (1910–1911; 1918–1921). Председатель Лейбористской партии в Палате Общин (1921–1922). Член королевского Тайного совета (1918). Лорд малой государственной печати и лидер Платы Общин (январь–октябрь 1924). Секретарь министра внутренних дел (июнь 1929 – август 1931).

724 Лэмберт (Lambert), Джордж (1866–1958) – фермер. Депутат парламента (1891–1924; 1929–1945). Входил в Королевский комитет сельского хозяйства (1893) и комитет по льготным тарифам железнодорожных перевозок сельскохозяйственной продукции. Штатский лорд Морского министерства (декабрь 1905 – май 1915). Член Королевской комиссии по двигателям, работающим на легком и тяжелом топливе в системе военно-морских сил. Председатель Либеральной партии (1919–1921). Член королевского Тайного совета (1912). Либерал до 1931, затем национал-либерал.

725 Боуэрмен (Bowerman), Чарльз Вильям (1851–1947) – депутат парламента (1906–1931). Генеральный секретарь, а позднее парламентский секретарь Лондонского общества наборщиков. Олдермен Лондонского совета (1901–1906). Секретарь конгресса тред-юнионов (1911–1923). Член коллегии суда по торговым арбитражным делам. Член королевского Тайного совета (1916). Член Лейбористской партии. Президент Национальной федерации предпринимателей в области типографского дела и сопутствующих специальностей.

726 Сэмюэль (Samuel), Гарри Симон (1853–1934) – депутат парламента (1895–1906; 1910–1922). Юнионист. Член королевского Тайного совета (1916).

727 Кокерилл (Cockerill), сэр Джордж (1867–1957) – бригадный генерал. В качестве технического сотрудника присутствовал на Гаагской мирной конференции (1907). Директор спец. отдела разведки генерального штаба (1914–1918); организовывал службу британской военной разведки. Командор ордена Почетного легиона; награжден орденами Св. Станислава, Бельгийской короны, Итальянской короны и др. Консерватор. Депутат парламента (избирался в декабре 1918, ноябре 1922, декабре 1923, октябре 1924 – до октября 1931).

728 Хейдж-Крофт (Hage-Croft), Генри Пейдж (1881–1947) – исполнительный директор кампании «Henry Page and Company Limitid». Подполковник; командир 1-го батальона Херфордширского полка (1920–1924). Временный бригадный генерал (1916), почетный бригадный генерал (1917), полковник без оклада (1924). Присвоен титул баронета (1924). Председатель исполнительного комитета Ассоциации британской промышленности. Консерватор. Депутат парламента (1910–1940). Председатель организационного комитета Лиги по тарифной

реформе (1913–1917). Присвоен титул барона Крофта (Croft) (1940). Один из создателей Национальной партии (1917–1922). Заместитель военного министра (май 1940 – июль 1945).

729 Джойнсон-Хикс (Joynson-Hicks), сэр Вильям (1865–1932) – председатель Автомобильной ассоциации Великобритании и Ирландии (1908–1923). Депутат парламента (1908–1910; 1911–1929). Работал в депутатском комитете по авторскому праву (1909); казначейском комитете по оценке автомобилей (1911). Входил в комитет военного ведомства по вопросам автомобильного транспорта (1916); комитет гражданского воздушного транспорта (1917); комитет по делам аэродромов (1918) и консультативный комитет по шоссейному транспорту; служил в Министерстве гражданской авиации. Возведен в звание баронета (1919). Парламентский секретарь департамента внешней торговли (октябрь 1922 – март 1923). Министр почт и главный казначей (март–май 1923). Министр финансов (май–август 1923). Министр здравоохранения (август 1923 – январь 1924). Министр внутренних дел (январь 1924 – июнь 1929). Член королевского Тайного совета (1923), Тайного совета Северной Ирландии (1928). Консерватор. Присвоен титул виконта Брентфорда (Brentford) (1929). Принял фамилию Joynson-Hicks вместо Hicks (1896). Президент Национальной лиги церквей (с 1921).

730 Раунделл (Roundell), Ричард (1872–1940) – подполковник 3-го батальона нортамберлендских стрелков. Помощник парламентского партийного организатора (ноябрь 1922 – январь 1924). Консерватор. Депутат парламента (1918–1924). Член Королевского географического общества.

731 Купер (Cooper), сэр Ричард (1874–1946) – совладелец фирмы «Вильям Купер и племянники». Председатель совета района города Беркхэмстеда, член хертфордширского провинциального совета. Юнионист. Депутат парламента (1910–1922). Сторонник Национальной партии (1917–1922).

732 Пеннефазер (Pennefather), сэр Джон де Фонбланк (de Fonblanque) (1856–1933) – автор различных брошюр и статей по политическим и экономическим проблемам. Присвоен титул баронета (1924). Консерватор. Депутат парламента (1915–1929).

733 Бёрн (Burn), Чарльз (1859–1930) – в 1878 поступил на службу в армию. Адъютант короля Георга V. Служил в Королевской личной охране и Королевской личной охране Шотландии. Адъютант вице-короля Индии (1883–1885; 1887–1888). Офицер ордена Почетного легиона. Участник Первой мировой войны, находился в войсках с 15 августа 1914 по 5 февраля 1919. Консерватор. Депутат парламента (1910–1923). Присвоен титул баронета (1923). Принял фамилию Forbes-Leith of Fyvie (Форбс-Лейт оф Файви) вместо Burn в 1925.

734 Грант (Grant), сэр Джеймс (1867–1932) – член провинциального совета г. Нэрна (1907). Консерватор. Депутат парламента (1910–1922; 1924–1929). Присвоен титул баронета (1926).

735 Дэвисон (Davison), сэр Вильям Генри (1872–1953) – мэр Кенсингтона (1913–1919). Сформировал и снарядил 22-й батальон королевских стрелков в сентябре 1914. Мировой судья Лондона. Член Общества

антиквариата и вице-президент Королевского общества искусств. Президент Кенсингтонской торговой палаты; председатель правления ряда промышленных и финансовых кампаний. Член Лондонского комитета просвещения (1908–1910). Консерватор. Член парламента (1918–1945). Присвоен титул барона Broughshane (Браушэйн) (1945).

736 Седдон (Seddon), Джеймс Эндрю (1868–1939) – организатор тред-юнионов. Вице-президент Национально-демократической партии (февраль 1919). Депутат парламента (1906–1910; 1918–1922); оставался независимым депутатом при неофициальной поддержке консерваторов. Президент Конгресса британских тред-юнионов (1914). Председатель Британской Лиги рабочих. Секретарь Ассоциации церквей (с 1929).

737 Макви (MacVeagh), Иеремиа (1870–1932) – журналист. Директор Союза дублинских и юго-восточных железных дорог, компании потребителей газа в Дублине, издательской компании. Специальный корреспондент газеты «The Daily News» в Ирландии (1890). Автор многочисленных брошюр на политические темы. Националист. Депутат парламента (1902–1922).

738 Хиллс (Hills), Джон (1867–1938) – получил право адвокатской практики в 1897. Участник Первой мировой войны, служил во Франции (1914–1916). Министр финансов (октябрь 1922 – март 1923). Член королевского Тайного совета (1929). Консерватор. Депутат парламента (1906–1922; 1925–1938).

739 Бриттэн (Brittain), сэр Гэрри (1873–1974) – активный деятель Клуба паломников с его основания в 1902, в 1919 был назначен его вице-президентом. Корреспондент изданий «The Standart» и «The Evening Standart» (1902); директор изданий «The Sphere» и «The Tatler» (1906–1908). Инициатор и организатор первой конференции британской прессы (1909), избран почетным членом Британского союза прессы. Председатель подготовительного комитета проведения второй конференции британской прессы в Канаде (1920) и третьей – в Австралии (1925). Президент Британской международной ассоциации журналистов (1920–1929). Основатель и член исполнительного комитета Антисоциалистического союза. Член комитета Британской Олимпийской ассоциации. Консерватор. Депутат парламента (1918–1929).

740 Моринг (Moreing), Генри (1889–1974) – партнер в фирме «Messrs. Bewick, Moreing and Company». Участник Первой мировой войны, служил во Франции (1915–1918). Конституционалист. Депутат парламента (1918–1922); выбран в ноябре 1922 как депутат от национал-либералов при поддержке консерваторов; в октябре 1924 – как конституционалист при поддержке консерваторов, оставался в парламенте до мая 1929. Парламентский частный секретарь министра транспорта (1920). Владелец фирмы «Merchant Taylors' Company».

741 Лоузер (Lowther), Клод Вильям Генри (1872–1929) – несколько лет был на дипломатической службе; атташе в Мадриде. В 1914 сформировал четыре батальона в графстве Суссекс, командовал ими до сентября 1915. Председатель Антисоциалистического союза. Коалиционный юнионист, с 1922 консерватор. Депутат парламента (1900–1906; 1910–1922).

[742] Янг (Young), сэр Фредерик Вильям (1876–1948) – член Южно-Австралийского парламента, в котором занимал пост комиссара земель британской короны и иммиграции (1912–1914). Генерал-представитель Южной Австралии в Лондоне (1915–1918). Коалиционный юнионист. Депутат парламента (1918–1922). Председатель австралийской компании недвижимого имущества («Australian Estates Company Ltd.»). Председатель правления Английско-Шотландского и Австралийского банка (1946–1948).

[743] Франс (France), Геральд (1870–1935) – партнер в фирме «J.A. France and Son». Мировой судья и провинциальный олдермен. Председатель страхового комитета г. Нортамберленда. Лейтенант (1915). Либерал. Депутат парламента (1910–1922). Парламентский частный секретарь министра торговли (1916).

[744] Бартли-Деннис (Bartley-Dennis), сэр Эдмунд Роберт (1854–1931) – в течение пятнадцати лет являлся членом окружного совета г. Хендона и три года занимал пост его председателя. Член Совета лондонской торговой палаты и Лондонского арбитражного суда. Почетный казначей Авиационной лиги Британской империи. Юнионист. Депутат парламента (с 1911 и повторно выбран в 1922). В 1922 принял фамилию Bartley-Dennis вместо Dennis.

[745] Фабианцы – представители Фабианского общества, созданного в 1884 и названного по имени римского полководца Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» – «Медлителем» за его уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Пропагандировали реформистские идеи постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое путем реформ, постепенных преобразований общества, при помощи «муниципального социализма». После создания Лейбористской партии (1900) вошли в ее состав.

[746] «Manchester Guardian» («Страж Манчестера») – одна из ведущих британских провинциальных газет. Основана в 1821 как еженедельник. В 1872–1929 издателем газеты был Чарльз Прествик Скотт (Scott). В дальнейшем газета превратилась в ежедневную (с 1857) и приобрела репутацию влиятельного общенационального органа.

[747] Арманд, Инесса (Елизавета Федоровна) (1874–1920) – деятельница российского и международного революционного движения. В 1915–1916 представляла большевиков на Международных социалистических конференциях. После Октябрьского переворота 1917 член Московского губкома РСДРП(б), председатель Московского губернского СНХ. С 1918 заведующая женским отделом ЦК. В 1920 руководила 1-й международной коммунистической конференцией.

[748] Андреев, Леонид Николаевич (1871–1919) – прозаик, драматург, публицист. Не принял Октябрьскую революцию, выехал 25 октября 1917 из Петрограда в Финляндию на свою дачу на Черную речку (Ваммельсу) и оказался после провозглашения независимости Финляндии (31 декабря 1917) в эмиграции. Его выступления в печати, а также письма 1918–1919 к В.Л. Бурцеву, И.В. Гессену, П.Н. Милюкову, Н.К. Рериху содержат резкие характеристики большевиков и их политики. В написанной в феврале 1919 статье «S.O.S.» он призывал

правительства США, Англии и Франции не входить ни в какой союз с большевиками и прийти на помощь России, гибнущей под большевистской властью: «Надо совсем не иметь ушей, – или иметь, но ничего ими не слышать, чтобы не услыхать этих воплей и стонов, воя женщин, писка детей, хрипения удушенных, треска непрерывных расстрелов, что составляет неумолчную песню России в течение последних полутора лет». Предполагал занять пост министра пропаганды в Северо-Западном правительстве; с этой целью поехал для переговоров в Гельсингфорс в конце августа 1919, которые, однако, окончились неудачей.

749 Грин, сэр Джон Фредерик Эрнест (1866–?) – английский адмирал. Участник Первой мировой войны. В 1919 командовал военно-морскими силами на севере России. Затем служил в Шотландии. Вышел в отставку в 1925.

750 Стахович, Михаил Александрович (1861–после 1919) – политический деятель; член Государственного совета по выборам от Орловского земства. В сентябре 1917 при Временном правительстве был направлен послом в Мадрид. Не успел представить верительных грамот.

751 Лонге (Longuet), Жан (1876–1938) – деятель французской социалистической партии. Внук К. Маркса. Осуждал военную интервенцию в Советскую Россию.

752 Гофман (Hofmann), Макс (1869–1927) – германский генерал. В Первую мировую войну генерал-квартирмейстер и начальник штаба Восточного фронта. Фактически глава германской делегации на переговорах в Брест-Литовске (1917–1918) с Советской Россией.

753 Покровский, Виктор Леонидович (1889–1922) – генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны, военный летчик. Георгиевский кавалер. В 1917 штабс-капитан и командир 12-го армейского авиационного отряда в Риге. После Октябрьского переворота сформировал на Кубани 2-й Добровольческий отряд. Затем назначен Кубанской радой командующим войсками Кубанской области и произведен в полковники, а затем в генерал-майоры. Командовал Кубанской армией, ушедшей в «Ледовый» поход, до ее соединения с Добровольческой армией. В Добровольческой армии командир конной бригады. В ВСЮР командир 1-го Кубанского казачьего корпуса в составе Кавказской армии генерала П.Н. Врангеля. За взятие Камышина произведен в генерал-лейтенанты. С ноября 1919 по февраль 1920 командующий Кавказской армией (сменив на этом посту генерала Врангеля). Не был востребован в Русской армии генерала Врангеля и эмигрировал в апреле 1920. Убит террористами 9 ноября 1922 в Кюстендиле (Болгария).

754 Кирдецов, Григорий Львович – публицист; сотрудник газет «Биржевые ведомости», «Русская воля». С августа 1919 редактор официоза Северо-Западного правительства – газеты «Свободная Россия» (Ревель, 26 августа – 16 сентября 1919), с 18 сентября выходила под названием «За свободную Россию» (по июнь 1920).

755 Спендер (Spender), Хью Фредерик (1872 [по др. св. 1873]–1930) – английский журналист. Корреспондент «The Westminster Gazette» (член редакции), специализировался в области парламентской и ди-

пломатической журналистики. В 1926 покинул «The Westminster Gazette» и стал собственным корреспондентом «The Christian Science Monitor» в Центральной Европе.

756 Лич (Leach), X. – английский финансист. Основал информационное агентство «Космос» в здании британского посольства в Петрограде, оно снабжало своими материалами российскую печать. После Октябрьского переворота 1917 советское правительство потребовало прекратить деятельность агентства. В 1919 генерал Н.Н. Юденич подписал с ним соглашение о создании Русско-Британского банка с правом эмиссии.

757 Паркер (Parker), Гильберт (1862–1932) – член британского парламента (1900–1918). Основатель и председатель Комитета мелких собственников. Председатель Ассоциации Южной Африки.

758 Розинг, Владимир Сергеевич (1890–1963) – артист оперы, камерный певец, режиссер и продюсер музыкального театра, музыкальный и общественный деятель. С 1914 директор оперного театра в лондонском «Kingsway». Давал камерные концерты; занимался режиссурой оперных спектаклей; пел в лондонском «Covent Garden». В 1921 покинул Лондон и впервые выступил в США; весь доход с первого концерта передал Фонду помощи голодающим в России. Выступая по радио, призывал к пожертвованиям. В сезон 1923–1924 пел на сцене парижской «Grand-Opéra», гастролировал в театре «Де Ла Монне» в Брюсселе и в театре «Реал» в Мадриде. В 1927 создал и возглавил «American Opera Company». В 1931 в Англии создал «British Music Drama Opera Company».

759 Торби, Софья (урожд. Меренберг) (1868–1927) – графиня; старшая дочь принца Николая-Вильгельма Нассауского от морганатического брака с графиней Наталией Александровной Меренберг, дочерью А.С. Пушкина. В феврале 1891 вышла замуж за вел. кн. Михаила Михайловича, при венчании получила титул графини де Торби.

760 Михаил Михайлович Романов (1861–1929) – великий князь, сын вел. кн. Михаила Николаевича и вел. кн. Ольги Фёдоровны, внук императора Николая I. В феврале 1891, без разрешения императора и без согласия родителей, женился за границей на графине Софье Меренберг. В качестве наказания был уволен от службы и лишен всех прав, с воспрещением въезда в Россию. В 1909 император Николай II возвратил ему чин полковника и звание флигель-адъютанта. Во время пребывания в России в августе 1912 он вновь был назначен шефом 49-го Брестского пехотного полка. Во время Первой мировой войны, проживая в Англии, состоял председателем русского правительственного комитета в Лондоне, через который шло проведение различных военных заказов для русской армии; часто встречался с королем Георгом V.

761 Клафтон, Александр Константинович (?–1920) – член Самарского комитета кадетской партии. 9 ноября 1918 был избран товарищем председателя Восточного отдела ЦК, в декабре 1918 сменил В.Н. Пепеляева на посту председателя Восточного отдела. Возглавлял Российское общество печатного дела в администрации адмирала А.В. Колчака. Осужден Чрезвычайным революционным трибуналом, заседав-

шим 20 мая 1920 в Николаевске и 23 июля 1920 расстрелян вместе с А.А. Червен-Водали, Л.И. Шумиловским и А.М. Ларионовым.

[762] Ответы Милюкова на присланные вопросы см.: *Съезды и конференции конституционно-демократической партии. – Т. 3. – Кн. 2. 1918–1920. – М., 2000. – С. 226-228.*

[763] Исаев, В.И. – профессор прикладной химии. Член Русско-Британского Братства 1917, курировал вопросы образования и культуры. Входил в президиум Русской Академической группы. Числился среди сотрудников, привлекаемых к работе Комитета освобождения России.

[764] Мехелин (Mechelin), Леопольд (Лео) Генрих Станислав (1839–1914) – один из лидеров либерального движения в защиту автономии Финляндии в составе Российской империи; ученый-государствовед. В конце 1905 – 1908 вице-председатель финского сената (правительства).

[765] Пржевальский, Михаил Алексеевич (1859–1966) – генерал от инфантерии, командующий войсками Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. С осени 1918 командующий белыми войсками на территории Закавказья. В январе 1919 генерал Томсон назначил его заместителем полковника Бичерахова. Генерал Эрдели утвердил генерала Пржевальского в должности начальника войск Прикаспийского района. Последний главнокомандующий Кавказской армией. Эвакуирован в начале 1920 из Новороссийска на о. Лемнос. 16 октября 1920 выехал в Русскую армию в Крым на транспорте «Херсон». В эмиграции в Югославии.

[766] Врангель, Петр Николаевич (1878–1928) – генерал-лейтенант генштаба. В июле 1917 был назначен командующим сводным конным корпусом. С августа 1918 в Добровольческой армии. С ноября – командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря – командующий Добровольческой армией, с января 1919 – командующий Кавказской Добровольческой армией. В конце апреля 1919 принял командование группой войск, составленной, главным образом, из кавалерийских корпусов, для отражения наступления 10-й армии под командованием Егорова. В конце января 1919 заболел сыпным тифом в тяжелой форме. 26 ноября 1919 был вновь назначен командующим Добровольческой армией и одновременно главноначальствующим Харьковской области (до конца декабря). Позже был не у дел, жил на своей даче в Крыму. В конце января 1920 подал в отставку и в конце февраля уехал в Константинополь. На Военном совете 22 марта был единогласно избран новым главнокомандующим ВСЮР.

[767] Д'Ансельм, Филипп (1864–1936) – дивизионный генерал французской армии. С февраля 1919 командующий союзными войсками юга России с главной ставкой в Одессе. Командующий частью Дунайской армии генерала Бертело в районе Одессы (до апреля 1919). С объявлением в Одессе осадного положения (в марте 1919) к нему фактически перешла вся власть в городе.

[768] Андро (Андро де Ланжерон), Д.Ф. – лейб-казак, волынский помещик, бывший уездный предводитель дворянства. Во время Первой мировой войны поставщик хлеба правительству. Выдавал себя за потомка известного одессита Ланжерона. При гетмане – волынский

губернский староста; член Совета государственного объединения России. По распоряжению генерала Бертело был назначен 2 февраля 1919 помощником по гражданской части генерала д'Ансельма. С введением в Одессе «осадного положения» был включен французскими военными властями в Комитет обороны и продовольствия, которому французы предполагали передать гражданскую власть в городе (приказ д'Ансельма от 6 марта, согласно которому Андро, как его гражданскому помощнику, должны подчиняться губернатор и администрация). Не допуская установления в русском крае никакой гражданской власти, кроме назначенной главнокомандующим, генерал А.И. Деникин 5 марта передал по телеграфу генералу Санникову распоряжение «ни в какие сношения с г. Андро не вступать и его распоряжения не выполнять» (*ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 300. Л. 2*).

769 Фреденберг (Фрейденберг), Анри (1876–1975) – полковник французский армии (1918), дивизионный генерал, корпусный генерал. Начальник штаба командующего союзными войсками на юге России генерала д'Ансельма; сторонник переговоров с Украинской директорией, отрицал главенствующую роль Добровольческой армии. Комендант г. Одессы (ноябрь 1918 – март 1919). Сдал пост коменданта генералу Шварцу. Планировал все операции союзных войск в южной и западной Таврии, имел большое влияние на генерала д'Ансельма. В апреле 1919 отозван во Францию.

770 Сидоренко, Григорий Никитич (1880–?) – инженер путей сообщения в Сибири. В 1918 министр почт и связи в Центральной Раде. Представитель Украинской директории во Франции.

771 Молотков – 6 марта 1919 по приказу д'Ансельма был включен в состав Комитета обороны и продовольствия на пост финансового советника, однако отказался принять это назначение.

772 Рутенберг, П.М. – эсер, участвовал в организации убийства Гапона. 6 марта 1919 по приказу д'Ансельма был включен в состав Комитета обороны и продовольствия на пост советника в отдел труда и продовольствия.

773 «Новый мир» – русскоязычная газета, выходившая в Нью-Йорке. В начале 1917 Л.Д. Троцкий редактировал ее вместе с Н.И. Бухариным.

774 Вильямс (Williams), Альберт Рис (1883–1962) – американский журналист. В июне 1917 в качестве корреспондента газеты «The New York Evening Post» приехал в Россию. Участник штурма Зимнего дворца. Выступал с приветствиями от имени американского пролетариата на I и III Всероссийских съездах Советов. С декабря 1917 сотрудничал с отделом международной пропаганды НКИР РСФСР. В феврале 1918 вступил в Красную армию, один из организаторов Англо-американской группы ВКП(б) и интернационального отряда в Петрограде для защиты советской власти. Автор очерков и книг: «Ленин – человек и его дело» (1919), «Сквозь русскую революцию» (1921).

775 Радек (наст. фам. Собельсон), Карл Бернгардович (1885–1939) – партийный и государственный деятель. Член СДКПиЛ. В годы Первой мировой войны работал в Германии и Швейцарии, входил в «циммервальдскую левую». Вел переговоры с немецкими властями о воз-

вращении российских социал-демократов из эмиграции через Германию. С апреля 1917 входил в состав Заграничного представительства ЦК большевиков (в Стокгольме). После Октябрьского переворота приехал в Петроград, откуда вновь направлен в Стокгольм для предварительных переговоров об условиях мира с Германией. Входил в советскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске. С ноября 1917 заведующий отделом Центральной Европы Наркоминдела и отдела внешних сношений ВЦИК. Во время Ноябрьской революции в Германии 1918 нелегально приехал в Берлин, участвовал в I съезде компартии Германии; был одним из ее руководителей. В феврале 1919 арестован. На VIII съезде РКП(б) заочно избран в состав ЦК (до 1924). По возвращении в Советскую Россию (декабрь 1919) секретарь Коминтерна, на II конгрессе Коминтерна (1920) избран членом ИККИ.

776 Российское телеграфное агентство (РОСТА) – центральный информационный орган Советской России в 1918–1925. После создания в 1925 Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) – агентство РСФСР. Упразднено в 1935.

777 Имеется в виду Совет земств и городов юга России – возник в начале декабря 1918 после съезда земств и городского самоуправлений юга России, проходившего в Крыму 17–18 октября 1918. Совет выработал основные требования, предъявляемые к временной власти в Крыму: власть должна быть коллегиальной и действовать на определенной демократической платформе; она должна признать суверенным выразителем народной воли только Учредительное собрание, избранное на основе 4-членной формулы; в своей законодательной деятельности власть должна исходить из законодательной базы Временного правительства. Бюро Совета имело коалиционный состав, в него входили: от эсеров – Руднев, Гоц и Макеев; от социал-демократов – Рубинштейн и Коробков, от народных социалистов – Елпатьевский и Бернштейн, от кадетов – Брайкевич и Кондратьев. Совет распался через 4 мес. после падения Одессы.

778 Бискупский, Василий Викторович (1878–1945) – генерал-майор, командующий 3-й кавалерийской дивизией. Георгиевский кавалер. В 1918 командовал украинским гетманским корпусом. 20 июля 1918 назначен и. о. командира 1-й конной дивизии. В июле–сентябре 1919 возглавлял Западно-Русское правительство в Берлине. Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921. С 1936 начальник управления по делам русской эмиграции в Германии.

779 Никонов, С.А. – эсер, депутат Учредительного собрания, министр народного просвещения, исповеданий и труда в правительстве С.С. Крыма.

780 Бригады-микст создавались по инициативе французского командования, пытавшегося сформировать русские части, всецело подчиненные французскому командованию и независимые от генерала А.И. Деникина. Они должны были быть организованы на следующих началах: 1) офицерский состав назначался командованием Добровольческой армии, но комплектовался только из уроженцев Украины; 2) рядовой состав пополнялся путем добровольного найма с выплатой жалования 200–250 руб. в месяц при казенном довольствии;

3) в каждом полку должно было быть несколько французских офицеров и унтер-офицеров в качестве инструкторов; 4) в командном отношении эти части не подчинялись Добровольческой армии; 5) форма одежды устанавливалась применительно к французской – без погон. Телеграммой генерала Деникина от 3 ноября 1919 ген. Санникову категорически запрещалось принимать какое-либо участие в формировании бригад.

[781] Либкнехт (Liebknecht), Карл (1871–1919) – деятель германского и международного коммунистического движения; один из основателей (1918) Коммунистической партии Германии. В 1912–1916 депутат германского рейхстага. Один из организаторов «Союза Спартака». В 1916 за призыв к свержению правительства, ведущего войну, осужден на каторгу (освобожден в октябре 1918). Убит контрреволюционерами.

[782] Люксембург (нем. Luxemburg, польск. Luksemburg), Роза (1871–1919) – деятельница германского, польского и международного рабочего движения; одна из руководителей и теоретиков польской социал-демократии, леворадикального течения в германской социал-демократии. Одна из организаторов «Союза Спартака» и Коммунистической партии Германии. Убита контрреволюционерами.

[783] Чхеидзе, Николай Семенович (1864–1926) – партийный и общественный деятель; меньшевик. Депутат III и IV Государственной думы от Тифлисской губ., председатель социал-демократической фракции, после ее раскола (ноябрь 1913) – меньшевистской фракции. С 1915 член Русской коллегии ОК меньшевиков. После Февральской революции 1917 член Временного комитета Государственной думы, председатель Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (февраль–август), председатель ВЦИК 1-го созыва (с июня 1917). На Объединительном съезде социал-демократов (август) избран в ЦК. В феврале–мае 1918 председатель Закавказского сейма (с правами президента). С марта 1919 председатель Учредительного собрания Грузии – меньшевистского грузинского правительства. В 1921, после установления в Грузии советской власти, эмигрировал во Францию, участвовал в работе ряда эмигрантских организаций.

[784] Севастопуло, Матвей Маркович – поверенный в делах России во Франции.

[785] Франклин-Буйон (Franklin Bouillon), Анри (1870–1935) – французский политический деятель, радикал-социалист; оратор и публицист. Член Палаты депутатов, председатель парламентской комиссии по иностранным делам, в 1917 министр без портфеля в правительстве П. Пенлеве. Специалист по ближневосточным проблемам. Весной 1921 командирован Брианом с секретной миссией в Турцию, заключил с Кемалем Анкарский договор, вызвавший резкий протест Англии (впоследствии фактически отмененный Лозаннским договором).

[786] Лига прав человека (Ligue civique) была создана во Франции в 1898 в связи с делом Дрейфуса. Своей задачей провозгласила правовую защиту граждан и соблюдение прав республики, позднее она взяла на себя также защиту граждан в социальной и религиозной областях.

[787] Ларин, Ю. (наст. фам., имя и отчество Лурье, Михаил Зальманович) (1882–1932) – партийный и государственный деятель; экономист.

В годы Первой мировой войны примыкал к группе меньшевиков-интернационалистов, возглавляемой Ю.О. Мартовым. После Февральской революции 1917 возвратился в Россию, входил в состав Исполкома Петроградского совета. До августа 1917 меньшевик, затем вместе с группой своих сторонников, сплотившихся вокруг журнала «Интернационал», вступил в большевистскую партию. Член Президиума ВСНХ (с 1917); участвовал в организации финансовой системы республики, национализации промышленности, создании монополии внешней торговли, формировании первых совхозов, разработке рабочего законодательства. В январе 1920 выступил с тезисами «О финансовой политике», в которых делался вывод о необходимости перехода от военно-коммунистических методов руководства народным хозяйством к иной экономической политике. 23 января на заседании Политбюро РКП(б) был исключен из членов Президиума ВСНХ. Один из создателей Госплана, с 1921 член его Президиума. Приветствовал переход к нэпу, но уже в конце 1921 выступил за приостановку экономического отступления пролетариата, за усиление хозяйственного централизма. В 1922 фактически отстранен от выработки принципиальных положений экономической политики.

788 Таганцев, Николай Степанович (1843–1923) – юрист, с 1887 сенатор, с 1906 член Государственного совета, почетный член Российской Академии наук (с 1917). Автор трудов по уголовному праву.

789 Андреевский, Сергей Аркадьевич (1847–1918) – адвокат, судебный деятель. В 1878 отказался выступить обвинителем по делу В.И. Засулич; уволен в отставку. Автор лирических стихов, этюдов о русских писателях.

790 Вероятно, имеется в виду С.В. Громан – член эвакокомиссии Совета труда и обороны, член ВСП при Совнаркоме, председатель коллегии Трамота ВСНХ.

791 Возможно, имеется в виду Красин, Леонид Борисович (1870–1926) – партийный и государственный деятель. С августа 1918 член Президиума ВСНХ, с ноября – председатель Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной армии, нарком торговли и промышленности. В феврале 1919 – марте 1920 нарком путей сообщения.

792 Речь идет о расстреле 18 января 1919 в Петропавловской крепости четырех великих князей: Николая Михайловича, Георгия Михайловича, Павла Александровича и Дмитрия Константиновича.

Николай Михайлович (1859–1919) – великий князь, сын вел. кн. Михаила Николаевича, внук Николая I, генерал-адъютант, историк, председатель Русского исторического общества (1909–1917). Автор научных трудов по истории России XIX в. В 1915 по решению Совета Московского университета получил степень доктора русской истории honores causa. В годы Первой мировой войны генерал-инспектор кавалерии. Активный участник великокняжеской фронды. 31 декабря 1916 по приказанию Николая II выехал в свое имение Грушовку. Возвратившись в столицу 1 марта 1917, признал власть Временного правительства. После Октябрьского переворота выслан в Вологду. 1 июля 1918 был арестован, перевезен в Петроград и содержался в доме предварительного заключения.

Георгий Михайлович (1863–1919) – великий князь, генерал от инфантерии, управляющий Русским музеем.

Павел Александрович (1860–1919) – великий князь, сын императора Александра II, генерал от инфантерии, командующий гвардейским корпусом.

Дмитрий Константинович (1860–1919) – великий князь, генерал от кавалерии, главноуправляющий государственным коннозаводством.

793 Урицкий, Моисей Соломонович (1873–1918) – партийный и государственный деятель. До 1917 меньшевик. После Февральской революции 1917 вернулся в Россию. На VI съезде РСДРП(б) в числе «межрайонцев» принят в партию, избран в ЦК. Член Петроградского ВРК. В октябре 1917 временный комиссар Министерства иностранных дел, с 23 ноября комиссар СНК во Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания; комендант Таврического дворца. На 2-й день после разгона Учредительного собрания на него было совершено покушение. С марта 1918 председатель Петроградского ЧК, с апреля – нарком внутренних дел Северной области. Противник заключения Брестского мира. 23 февраля 1918 огласил заявление группы членов ЦК об уходе со всех партийных и государственных постов. На VII съезде РКП(б) избран кандидатом в члены ЦК. Убит бывшим студентом и юнкером, эсером Л.С. Канегиссером; после убийства Урицкого и ранения Ленина в Петрограде было расстреляно 900 заложников.

794 Кутлер, Николай Николаевич (1859–1924) – государственный деятель. С 1904 товарищ министра внутренних дел, в 1905 товарищ министра финансов, в 1905–1906 главноуправляющий землеустройством и земледелием. В 1906 вышел в отставку. Член ЦК кадетской партии, участвовал в подготовке аграрной программы кадетов. Сотрудничал в газете «Речь». Депутат II и III Государственной думы от Петербурга. Член правления Петербургского учетного банка, участник крупных железнодорожных концессий, председатель Совета съездов горнопромышленников Урала, член правления Акционерного общества соединенных заводов «Донецкий» и «Союз». В 1917 возглавил Совет съездов представителей промышленности и торговли, участвовал в комиссиях Временного правительства. 1 декабря 1917 арестован, но вскоре отпущен. Позднее работал в Наркомфине и в правлении Госбанка СССР, в период нэпа участвовал в проведении денежной реформы.

795 «Вперед» – орган Московской и Центральной областной организации РСДРП (меньшевиков). Издавался в 1917–1918, в состав первоначальной редакции входили: С.С. Кац (С. Семенович), А.Я. Малкин, В.И. Роэин. В 1918 после переезда правительства в Москву, начиная с № 52 от 2 апреля 1918, стал органом ЦК (меньшевиков). Членами его редакции были: Ю.О. Мартов, Ф.И. Дан и А.С. Мартынов. После закрытия властями «за контрреволюционное направление» некоторое время распространялся нелегально; окончательно прекратил свое существование в мае 1918.

796 Мартов (наст. фам. Цедербаум), Юлий Осипович (1873–1923) – партийный деятель; публицист. Лидер меньшевизма. В мае 1917 возвратился через Германию в Россию. Редактор журнала «Интерна-

ционал», газет «Летучий листок» и «Искра». Член Исполкома Петроградского совета и ВЦИК. На Объединительном съезде меньшевиков (август) избран в состав ЦК. Осуждал Октябрьский переворот и антидемократические акции большевиков, исключал вместе с тем вооруженную борьбу против новой власти, продолжал считать возможной правительственную коалицию с участием большевиков. С марта 1918 возглавил редакцию газеты «Вперед» в Москве. В сентябре 1920 выехал в Берлин, основал журнал «Социалистический вестник» и возглавил Заграничную делегацию РСДРП.

797 Крестинский, Николай Николаевич (1883–1938) – присяжный поверенный; партийный деятель, большевик (с 1905). Член ЦК РСДРП(б) с августа 1917. С декабря 1917 член коллегии Наркомата финансов, затем главный комиссар (с марта 1918 заместитель председателя) Народного банка. С апреля 1918 одновременно комиссар юстиции Союза коммун Северной области. С августа 1918 нарком финансов РСФСР. В ноябре 1919 – марте 1921 секретарь РКП(б), в марте 1919 – марте 1921 член Политбюро и Оргбюро ЦК. В октябре 1921 – 1930 полпред РСФСР (затем СССР) в Германии. С 1930 нарком иностранных дел СССР.

798 Мясников (Мясникян), Александр Федорович (1886–1925) – государственный и партийный деятель, литератор. Член РСДРП с 1906. Один из руководителей борьбы за советскую власть в Белоруссии (в 1919 первый председатель ЦИК БССР, председатель Центрального бюро КП(б) Белоруссии) и в Армении (в 1921 председатель ревкома, председатель СНК). С 1922 председатель Союзного Совета ЗСФСР, 1-й секретарь Заккрайкома РКП(б). Кандидат в члены ЦК РКП(б) с 1923.

799 Зиновьев, Григорий Евсеевич (наст. фам., имя и отчество Радомысльский, Евсей Аронович) (1883–1936) – партийный и государственный деятель; публицист. Большевик (с 1903); член ЦК (1917–1927). В ноябре–декабре 1917 представитель ЦК на Украине по организации борьбы против Центральной Рады. В 1917–1925 председатель Петроградского совета. С февраля 1918 председатель Совнаркома Петроградской трудовой коммуны, с апреля – председатель Совнаркома Союза коммун Северной области. В 1919–1921 кандидат, в 1921–1926 член Политбюро ЦК. На Учредительном конгрессе Коминтерна (март 1919) был избран председателем ИККИ.

800 Церетели, Ираклий Георгиевич (1881–1959) – партийный и государственный деятель; один из лидеров меньшевиков. Депутат II Государственной думы. Председатель ее социал-демократической партии. После Февральской революции 1917 избран членом Исполкома Петросовета, заместитель председателя ВЦИК (июнь 1917). Министр почт и телеграфа Временного правительства (май–июль 1917). Член ЦК меньшевиков (с августа 1917). После Октябрьского переворота участвовал в работе подпольного «малого комитета министров» Временного правительства и в нелегальных заседаниях ВЦИК 1-го созыва, где призывал к объединению всех демократических сил на платформе признания Учредительного собрания единственным законным органом власти. После разгона Учредительного собрания уехал в Грузию. Один из организаторов Грузинской демократической республики (май 1918), член Учредительного собрания Грузии. После па-

дения меньшевистского правительства в Грузии (1921) остался в эмиграции, представлял грузинскую социал-демократическую партию в Международном социалистическом бюро и Исполкоме Социнтерна.

801 Бакунин, Михаил Александрович (1814–1876) – теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества. С 1864 член I Интернационала, в 1872 исключен за раскольническую деятельность. В 1868 организовал в Швейцарии анархическую организацию Международный альянс социалистической демократии, которая была принята в I Интернационал. Отрицая любую форму государственной власти, утверждал идею организации общества в виде федерации самоуправляющихся общин, артелей, ассоциаций. Считал русского крестьянина «прирожденным» социалистов, а общинное землевладение – основой будущего социалистического устройства; призывал интеллигенцию устанавливать связь между разъединенными общинами. Под воздействием проповеди Бакунина оформилось «бунтарское» направление в революционном народничестве.

802 Либер (наст. фам. Гольдман), Михаил Исаакович (1880–1937) – партийный деятель. В 1917 возглавлял правое течение в Бунде и в партии меньшевиков. Член Исполкома Петроградского совета; товарищ председателя ВЦИК. Член меньшевистского ЦК (август 1917), вышел из ЦК 1 ноября, протестуя против переговоров с захватившими власть большевиками; считал Октябрьский переворот контрреволюцией. В 1922–1923 член бюро ЦК. С начала 20-х несколько раз арестовывался и ссылался.

803 «День» – общественно-политическая либеральная газета. Основана в Петербурге в 1912. После Февральской революции 1917 перешла в руки меньшевиков. После Октябрьского переворота закрыта.

804 Канегиссер, Леонид Самуилович (1898–1918) – студент; эсер. 13 августа 1918 убил М.С. Урицкого.

805 Каплан, Фанни Ефимовна (наст. фам, имя и отчество Ройтблат, Фейта Хаимовна) (1888–1918) – принадлежала к террористической группе анархистов-коммунистов. 30 декабря 1906 приговорена военно-полевым судом к бессрочной каторге. 3 марта 1917 освобождена в числе других «бессрочниц» по личному распоряжению А.Ф. Керенского. В 1918 приехала из Крыма в Москву, приняла участие в подготовке террористического акта против Ленина. 30 августа 1918 в момент покушения на Ленина находилась поблизости от завода А.М. Михельсона. Было задержано несколько человек; роль самой Каплан в покушении не ясна. Возможно, она взяла на себя ответственность за террористический акт. После нескольких допросов была расстреляна комендантом Кремля П.Д. Мальковым.

806 Блюмкин, Яков Григорьевич (1898–1929) – левый эсер (с 1917). В июне 1918 по рекомендации ЦК Партии социалистов-революционеров (интернационалистов) принят на работу в ВЧК на должность заведующего отделом. Узнав о готовящемся покушении на германского посла в Москве, предложил в исполнители себя. 6 июля 1918 вместе с фотографом подведомственного ему отдела Н.А. Андреевым совершил убийство Мирбаха. При побеге ранен охранниками в ногу, на служебном автомобиле скрылся в штабе отряда ВЧК под командо-

ванием левого эсера Д.И. Попова. 7 июля отправлен в больницу, 9 июля бежал из больницы. Перебрался в Рыбинск, оттуда в Кимры Тверской губ. Под чужой фамилией работал в уездном комиссариате земледелия. В ноябре 1918 выехал в Киев. Вел подрывную работу в петлюровском тылу. В апреле 1919 добровольно явился в Киевскую губчека, дал показания председателю Всеукраинской ЧК М.Я. Лацису о теракте 6 июля. На основании доклада Особой следственной комиссии Президиум ВЦИК 16 мая 1919 амнистировал его.

[807] Немезида (Немесида) – в греческой мифологии богиня, дочь Никты (ночи). Наблюдает за справедливым распределением благ среди людей и обращает свой гнев на тех, кто преступает закон. Богиня мести.

[808] Долгоруков, Павел Дмитриевич (1866–1927) – князь, один из создателей и лидеров кадетской партии, член ЦК с I съезда. После Октябрьского переворота был избран депутатом Учредительного собрания, однако 28 ноября 1917 арестован. Содержался в Петропавловской крепости 3 месяца. В феврале 1918 вернулся в Москву, руководил организационной работой бюро ЦК, выступал принципиальным противником германской ориентации. В октябре 1918 выехал на юг. Товарищ председателя Национального центра, содействовал созданию его отделений на юге России. Председатель Ростовского отделения ЦК. Стремился активизировать деятельность местных кадетских групп. Организатор движения в поддержку Добровольческой армии. Весной 1920 в Севастополе наладил работу местного кадетского комитета, возглавил Объединение общественных и государственных деятелей. По предложению генерала П.Н. Врангеля занимался устройством лекций на фронте и в тылу. Эмигрировал в ноябре 1920 вместе с частями Русской армии.

[809] Келлер, Владимир Васильевич – юрист; губернский гласный. Член местного комитета кадетской партии. На его квартире в Симферополе проходили кадетские совещания. В июле 1919 был избран членом Национального центра. В сентябре 1920 участвовал в экономическом совещании в Крыму. Позднее эмигрировал в Константинополь, был кооптирован в местное отделение кадетского ЦК.

[810] Альтшуллер, Исаак Наумович (1870–1943) – врач в Ялте и Симферополе; лечил А.П. Чехова. Председатель Ялтинского комитета кадетской партии. Эмигрировал в Константинополь, вошел в бюро Константинопольской кадетской группы, кооптирован в местное отделение ЦК. Заведующий санитарной частью Всероссийского Земского союза. Член Политического объединенного комитета, осенью 1921 вышел из его состава в знак протеста против системы полевых судов, введенных в военных лагерях генералом А.П. Кутеповым.

[811] Бобровский, П.С. – плехановец. Краевой контролер и краевой секретарь в правительстве С.С. Крыма.

[812] Боровский, Александр Александрович (1877–1939) – генерал-лейтенант. В 1916 командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии, в 1917 командир дивизии. Георгиевский кавалер. С ноября 1917 в Добровольческой армии. Сформировал в Ростове студенческий батальон, с которым выступил в 1-й Кубанский поход; 17 марта 1918 принял офицерский полк, которым командовал до конца похода. Во

2-м Кубанском походе начальник 2-й пехотной дивизии (с июня 1918). С 15 ноября 1918 командир 2-го армейского корпуса. С 24 декабря 1918 командир Крымско-Азовского корпуса, с 7 января по 31 мая 1919 командующий Крымско-Азовской Добровольческой армией. Не успев сформировать свои части и не получив поддержки со стороны французских войск, армия в апреле 1919 отошла на Ак-Манайские позиции, хотя и удерживая Керченский полуостров. После расформирования Крымско-Азовской армии был назначен главноначальствующим в Закаспийской области (с 22 июля 1919), но не успел вступить в должность; затем в резерве чинов при штабе главнокомандующего. В начале апреля 1920 был выслан («за интриги») из Крыма генералом П.Н. Врангелем. Эвакуировался в апреле 1920 из Ялты на корабле «Силамет». В эмиграции в Югославии.

[813] Пархомов, Дмитрий Николаевич (1871–1925) – генерал-лейтенант генштаба (1919). В 1916–1917 начальник штаба 2-го армейского корпуса. С 1918 в Добровольческой армии. С января 1919 начальник штаба Крымско-Азовской Добровольческой армии генерала А.А. Боровского. После расформирования Крымско-Азовской армии в марте 1919 – в распоряжении главнокомандующего ВСЮР. 6 ноября 1919 назначен начальником штаба государственной стражи при генерале Н.Н. Мартосе. В эмиграции проживал в Югославии (сначала в Баранья Лука, затем в Белграде).

[814] Чаев, С.Н. – инженер, главноуполномоченный по снабжению армии.

[815] Труссон – полковник французской армии, назначен командующим всеми союзными силами в Крыму на правах дивизионного генерала (с марта 1919). После падения Крымского правительства издал приказ (10 апреля) о переходе власти к французскому командованию и ликвидации всех учреждений гражданской власти. Провозгласил себя губернатором Севастополя.

[816] «Прибой» – ежедневная общественно-политическая и литературная газета. Орган Севастопольского городского и Крымского областного комитетов РСДРП. Выходила в Севастополе с 1917. Издатель З.И. Синани. Редактор П.Н. Новицкий. С 7 марта 1919 выпуск газеты был приостановлен по распоряжению командующего сухопутными войсками французов в Севастополе, полковника Рюйэ, за публикацию статьи, критикующую румынское правительство и союзников и условия перемирия с Германией. Министр Крымского правительства М.М. Винавер добился снятия караула в типографии «Прибой» и выхода газеты.

[817] Мария Федоровна (Дагмара-Софья-Доротея) Романова (1847–1928) – императрица, жена императора Александра III, мать Николая II, дочь датского короля Христиана IX. В эмиграции в Дании.

[818] Горький, Максим (наст. фам., имя и отчество Пешков, Алексей Максимович) (1868–1936) – писатель, общественный деятель, литературный критик, публицист. Инициатор создания и первый председатель правления Союза писателей СССР.

[819] Гердер (Herder), Иоганн Готфрид (1744–1803) – немецкий философ и писатель-просветитель. Теоретик «Бури и натиска», друг И.В. Гёте. Оказал влияние на немецкий романтизм.

[820] Изгоев, (наст. фам. Лянде), Александо (Аарон) Соломонович (1872–1935) – правовед, публицист, общественный деятель. Профессор Новороссийского университета до переезда в Петербург в 1905. Кадет, на II съезде партии (1906) избран в ЦК, примыкал к его правому крылу до 1918. Сотрудничал в кадетской газете «Речь», в журнале «Русская мысль». Опубликовал ряд работ на общественно-политические темы. После Октябрьского переворота выпустил вместе с А.В. Тырковой несколько номеров газет «Борьба», «Наш век», призывавших к борьбе с большевиками. В 1918 принял участие в сборнике «Из глубины». Секретарь ревизионной комиссии Общества взаимопомощи литераторов и ученых. В ноябре 1918 – январе 1919 арестован и сослан на окопные работы в Вологду, возвращен по ходатайству Союза писателей и М. Горького. В начале 1921 содержался в Ивановском концлагере. После освобождения работал в архиве публичной библиотеки. В 1922 по обвинению в антиправительственной публицистической деятельности выслан в Германию. Сотрудничал в газетах «Руль», «Возрождение», «Россия и славянство», журнале «Русская мысль». Затем переехал в Прибалтику, публиковался в рижской газете «Сегодня».

[821] Кауфман, Александр Аркадьевич (1864–1919) – экономист, статистик, доктор политэкономии. Профессор Высших женских курсов в Петербурге. Кадет, входил в состав Петербургского городского комитета партии. Занимался обоснованием правоведения аграрной реформы в России.

[822] Арсеньев, Константин Константинович (1837–1919) – правовед, присяжный поверенный (1866), один из ведущих петербургских адвокатов; публицист, общественный деятель, видный либерал. Сотрудничал в «С.-Петербургских ведомостях», «Вестнике Европы» (в 1909–1916 его редактор), «Судебном вестнике». С 1874 товарищ обер-прокурора Гражданского кассационного департамента Сената. С 1880 неоднократно избирался уездным и губернским гласным, почетным мировым судьей. С 1886 участник «земских бесед». В 1894–1898 член комиссии по пересмотру судебного законодательства. Участник земских съездов и совещаний земских деятелей в Москве и Петербурге. В 1907–1909 председатель Юридического общества при Петербургском университете. В конце 1905 – начале 1906 один из инициаторов создания Партии демократических реформ, председатель комитета партии. Публиковался в газетах «Русские ведомости», «Слово», «Право», «Страна». В 1911–1916 главный редактор Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона. В январе 1917 либеральная общественность отмечала его 80-летний юбилей.

[823] Стольберг (Ståhlberg), Карло Юхо (1865–1952) – один из лидеров либерального крыла младофиннов, которые в 1918 основали Национальную прогрессивную партию. В 1919–1925 президент Финляндии.

[824] Возможно, имеется в виду граф К.К. Пален – сенатор, в октябре 1919 стал председателем образованного при командующем Западной армией Совета управления для выполнения военно-административных функций в занимаемых армией районах.

[825] Допущена ошибка в написании фамилии. Имеется в виду Глабинский (Głąbinski), Станислав (1862–1943) – экономист и политик. С 1892 экс-

траординарный профессор Львовского университета, с 1895 – ординарный профессор, в 1899–1900 декан юридического факультета, в 1908–1909 – ректор. Автор трудов: «История и статистика Австро-Венгерской монархии» (1897), «Лекции по социальной экономике» (1912), «Финансовая наука» (1925), «Национальная экономика» (1927–1928), «История экономики» (1939). Избран членом Академии общественных наук в Филадельфии, Краевого статистического совета и Института по вопросам эмиграции и колонизации. В 1904–1918 депутат Галицийского, в 1910–1918 – Буковинского сеймов; в 1907–1911 председатель польского коло в сейме. В 1918 выехал в Варшаву, где вошел в состав правительства Свенцинского, заняв пост министра иностранных дел (23 октября – 4 ноября), был автором избирательного закона. В январе 1919 был выслан в Румынию, где получил согласие румынского правительства и представителей Франции на собирание польских войск в Константинополе, Одессе и Бессарабии. В 1919 представлял в сейме Народно-Крестьянский союз, был председателем его Главного совета. Возглавлял в сейме финансово-бюджетную и конституционную комиссии.

826 Люблинская уния – соглашение об объединении Польши и Великого княжества Литовского в одно государство – Речь Посполитую (Rzeczpospolita, букв. – Республика). Подписана 28 июня 1569. Уния предусматривала установление в Польше и Литве единообразного государственного устройства, общей денежной системы, общего сейма. Во главе Речи Посполитой стоял король, избираемый совместно польскими и литовскими феодалами. Уния подтвердила присоединение к польской короне части территории Великого княжества Литовского, объявляла Ливонию общим владением, отменяла взаимные пошлины. Как единое государство Речь Посполитая выступала и на международной арене. Но уния не ликвидировала полностью государственную обособленность Литвы: были сохранены особое законодательство и суды, отдельные высшие административные должности, казна, войска, официальным языком остался русский (белорусский).

827 Диаманди – румынский политический деятель, национал-либерал, посланник в Петербурге (1913–1918), глава дипломатического корпуса (1918).

828 Лансинг (Lansing), Роберт (1864–1928) – американский государственный и политический деятель, государственный секретарь в кабинете президента Вильсона с июня 1915 по февраль 1920.

829 Тардье (Tardieu), Андре (1876–1945) – французский политический и государственный деятель; неоднократно входил в состав правительства. Депутат парламента (1914–1924, 1926–1936). В период Парижской мирной конференции 1919–1920 ближайший помощник и советник Клемансо. В 1919–1934 неоднократно занимал различные министерские посты. С ноября 1929 по февраль 1930, с марта по декабрь 1930 и с февраля по май 1932 председатель Совета министров.

830 «Gazeta Warszawska» («Варшавская газета») – центральный орган национал-демократов. Издатель – издательский кооператив «Э.А. Садзевич, М. Никлевич и К°» (образовался в 1909 благодаря графу Маурицы Замойскому, который выкупил газету для национал-демократов). Редактор Зигмунд Василевский.

831 Грабский (Grabski), Станислав (1871–1949) – политик, экономист, публицист. В 1919 на выборах в сейм получил мандат от Кракова. По его инициативе был образован Народно-крестьянский союз; составил программу Союза. Как председатель комиссии по заграничным делам вел вместе с И. Дашинским переговоры в Кракове с чехами в связи с вооруженным конфликтом. В 1919 был противником переговоров Ю. Пилсудского и С.В. Петлюры. В 1920 выступил за рассмотрение предложения о начале мирных переговоров между Советской Россией и Польшей, речь о котором шла во время его встреч в Москве с представителями Совета народных комиссаров. Входил в мирную делегацию в Минске, затем представлял сейм в составе польской делегации на предварительных мирных переговорах в Риге.

832 Дашинский (Daszyński), Игнатий (1866–?) – польский политический деятель. В 1890 один из основателей Рабочей партии в Галиции, а позднее лидер возникшей на ее основе Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии. С 1893 редактор главного органа польских социал-демократов в Австрии – «Напшуд». В качестве депутата Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии принимал участие в ряде международных социалистических конгрессов. С 1897 и до падения Австро-Венгерской монархии депутат австрийского парламента. Поддерживал Польскую социалистическую партию (ППС), после ее раскола стал на сторону правой, т. наз. Польской социалистической партии–Революционная фракция; в 1912–1914 один из лидеров сформированного по ее инициативе национального блока, т. наз. Временной комиссии. Один из инициаторов создания Главного национального комитета, в котором занимал пост заместителя председателя, а со времени объединения парламентской фракции польских социал-демократов в австрийском парламенте с польскими буржуазными депутатами (1916) – заместитель председателя польского коло. Летом 1917, во время Стокгольмского совещания социал-демократии Антанты впервые выдвинул требование независимого объединенного польского буржуазного государства. Со времени объединения Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии с ППС бывшей русской и прусской Польши (1918) был одним из лидеров объединенной ППС (правой). В 1920–1921, во время советско-польской войны, был вице-президентом в кабинете «национальной обороны» Витоса. Начиная с 1919 трижды избирался депутатом польского сейма и был председателем сеймовой фракции ППС. В марте 1923 избран маршалом сейма.

833 Чичерин, Георгий Васильевич (1872–1936) – политический и государственный деятель. Член РСДРП с 1905. В 1918–1930 нарком иностранных дел РСФСР, затем СССР. Подписал Брестский мир; руководитель советской делегации на Генуэзской (1922), Лозаннской (1922–1923) конференциях. Член ЦК РКП(б)/ВКП(б) в 1925–1930. Автор трудов по проблемам международной политики.

834 Морачевский (Moraczewski), Анжей (1870–1944) – инженер путей сообщения, публицист, общественный и политический деятель. Член Польской социал-демократической партии. Депутат австрийского парламента, Законодательного сейма и сейма Польской республики. В Законодательном сейме был председателем Союза польских социали-

стических депутатов; входил в комиссии финансово-бюджетную, коммуникаций. На объединительном съезде Польской социалистической партии (ППС) (Краков, 23–27 апреля 1919) был выбран в Верховный совет (до 1926), а также Центральный исполнительный комитет ППС (до 1923). Принимал участие в советско-польской войне в звании капитана саперов, вышел в отставку в чине майора.

[835] Падеревский (Paderewski), Игнацы Ян (1860–1941) – польский политический деятель, композитор, пианист. В январе–декабре 1919 – премьер-министр и министр иностранных дел. Пропагандировал идейные ценности национал-демократов. Фактический владелец одной из крупнейших ежедневных газет «Rzeczpospolita» («Речь Посполита – Республика»).

[836] Яблоновский (Jablonowski), Владислав (1865–1956) – литературный критик, политический деятель, национал-демократ. Депутат Законодательного сейма (1919), где, в частности, выступал как инициатор предложения об авторском праве. Входил в комиссию по заграничным делам. Осенью 1922 получил мандат сенатора, исполнял обязанности до 1935. Входил в число наиболее близких соратников Р. Дмовского.

[837] Каменецкий (Kamieniecki), Витольд (1883–1964) – историк, польский политический деятель, профессор истории, изучал историю Литвы. С 1912 вице-директор библиотеки в Варшаве, через 20 лет, отойдя от политической деятельности, он вернулся в библиотеку, занял в 1938 пост директора. В 1919–1922 депутат сейма, заместитель председателя депутатского комитета Центрального польского объединения крестьянства (с июля 1919 Народное объединение крестьянства); член конституционной комиссии. Был поверенным в делах Польши в Латвии (с 1 августа 1920 по 1 сентября 1921). Член польской делегации на мирных переговорах в Риге в 1920–1921. Сенатор (1928–1935).

[838] Городельская уния – договор великого князя Литвы Витовта с польским королем Ягайлом, подписанный 2 октября 1413 в с. Городло (на Западном Буге). По договору Литва могла иметь своего государя под верховенством польского короля, но после смерти Витовта литовские феодалы должны были принять на княжение предложенную Польшей кандидатуру. Польше, в случае если после смерти Ягайла не останется наследника, следовало избрать короля с ведома и совета литовцев. В Литве вводилось одинаковое с Польшей административное деление; на литовских бояр-католиков были распространены права польской шляхты.

[839] Четырехлетний сейм 1788–1792 осуществил ряд реформ государственного строя Речи Посполитой. По инициативе сложившейся на сейме «патриотической партии» (идеологи Г. Коллонтай, С. Сташиц) сейм принял постановления об увеличении польской армии до 100 тыс. чел. (20 октября 1788), о ликвидации Постоянного совета (19 января 1789), закон о городах, расширивший права горожан (18 апреля 1791) и др. Реформы сейма подытожила Третьего мая 1791 конституция. Против конституции выступали реакционные магнаты, образовавшие в 1792 Тарговицкую конфедерацию, по призыву которой войска России и Пруссии оккупировали страну. Реформы сейма были отменены.

[840] Ратай (Rataj), М. (1884–1940) – польский политический и общественный деятель, учитель, маршал сейма, министр вероисповеданий и просвещения. В 1908–1913 и 1917–1918 преподавал латынь, греческий язык и философию в гимназии. Писал для газет «Kuriera Lwowskiego» («Львовский курьер»), «Przyjaciela Ludulenie» («Друзья народа»). В 1919 выбран в сейм по спискам Польской крестьянской партии «Вызволене» (ПСЛ–«Вызволене»). В сейме был выбран вице-председателем конституционной комиссии. Работал также в комиссии заграничных дел и комиссии просвещения.

[841] Осецкий (Ociecki), Станислав, псевд. Ковальский (Kowalski) (1875–1967) – польский политический деятель. Член Правления (Центрального комитета) Польской крестьянской партии (ПСЛ), выбирался затем в ЦК на ежегодных съездах ПСЛ в 1917, 1918 и 1919. Был в числе создателей центрального органа партии – «Wyzwolenie» («Освобождение»). В 1919 выбран в сейм по мандату ПСЛ–«Вызволене»; вице-маршал Законодательного сейма. Председатель сеймовой финансово-бюджетной комиссии, входил также в комиссии: промышленно-транспортную, по заграничным делам. Исполнял обязанности вице-председателя президиума сеймового клуба ПСЛ–«Вызволене». В 1920 перешел в Польскую крестьянскую партию – «Пяст», по мандату которой получил мандат депутата на выборах 1922.

[842] Тугутовцы – сторонники С. Тугутта, который на съезде Польской крестьянской партии в январе 1918 стал секретарем Главного правления Польской крестьянской партии. На этом съезде произошло изменение курса партии: отказ от ориентации на Германию и Австро-Венгрию, осуждение созданного оккупационными германскими властями Регентского совета.

Тугутт, Станислав (1873–1941) – политический деятель, публицист. Один из организаторов нелегального Союза патриотов, ставшего позднее основой Партии национальной независимости (ПНН). В середине 1917 вышел из ПНН и вступил в Польскую крестьянскую партию (ПСЛ). В конце февраля 1918 арестован немецкими оккупационными властями. После освобождения Польши вошел в состав первого польского правительства, затем в состав «народного» правительства Морачевского; министр иностранных дел. После отставки правительства Морачевского участвовал в работе депутатского клуба ПСЛ–«Вызволене». В марте 1921 возглавил ПСЛ–«Вызволене». В 1922 избран депутатом сейма, председатель депутатского клуба ПСЛ. В ноябре 1924 кооптирован в правительство Грабского, вице-премьер, возглавил правительственный политический Комитет по делам национальностей.

[843] Дабский (Dąbski), Ян (1880–1931) – польский политический деятель. На выборах в Законодательный сейм в 1919 выступал как кандидат Польской крестьянской партии –«Пяст», получил мандат депутата (1919–1922). Автор проекта аграрной реформы, докладчик по проекту в аграрной комиссии и на пленуме сейма. Заместитель министра и министр иностранных дел, председатель польской делегации на мирных переговорах в Минске и Риге.

[844] Пястовцы – члены Польской партии «Пяст».

845 Недзялковский (Niedziałkowski), Мечислав (1893–1940) – теоретик и активный деятель Польской социалистической партии (ППС). С 1927 главный редактор печатного органа партии – газеты «Роботник». В 1916 на конференции ППС был кооптирован в Рабочий Центральный комитет ППС, в составе которого оставался до апреля 1919. Депутат сейма. По сформировании правительства Морачевского 18 ноября 1918 стал начальником сеймового отдела Министерства внутренних дел; занимался подготовкой положения о выборах в Законодательный сейм. В январе 1919 избран депутатом Законодательного сейма, вошел в конституционную комиссию и стал ее секретарем. С этого же времени руководитель конституционного бюро президиума Совета министров. Был автором проекта конституции, внесенного как предложение Совета польских социалистических депутатов. В 1918–1919 член временного Исполнительного комитета однопартийного Совета рабочих депутатов в Варшаве. В 1919 на объединительном съезде ППС в Кракове был избран в Главный совет, а затем в Центральный исполнительный комитет ППС; оставался в составе этих высших партийных органов до 1939.

846 ППС – Польская социалистическая партия – создана по инициативе польской эмиграции на съезде польских социалистов (17–23 ноября 1892) в Париже. Организационная структура ППС оформилась в 90-е XIX в. В январе 1896 в ППС вошла группа деятелей разгромленной полицией СДКП, не согласных с отказом руководства СДКП от лозунга независимости Польши. С начала XX в. в партии стал углубляться раскол между «стариками», которые, стремясь к независимости Царства Польского, выступали с концепцией вооруженного восстания против России, отвергали сотрудничество с революционными силами России, и «молодыми», которые стремились соединить национально-освободительную борьбу с лозунгами социального освобождения (ликвидация частной собственности на средства производства, установление диктатуры пролетариата), были сторонниками сотрудничества польского и российского социалистического рабочего движения. VII съезд партии, состоявшийся в марте 1905, внес изменения в программу: главной задачей ППС назвала свержение царизма общими усилиями революционных сил всего государства – как условие освобождение польского народа. Вслед за тем подало в отставку все партийное руководство во главе с Ю. Пилсудским, которое было заменено представителями «молодых». В ноябре 1906 раскол стал состоявшимся фактом: «старики», покинувшие IX съезд партии, приняли решение организоваться как фракция (ППС–Революционная фракция). Подавляющее большинство членов партии поддержало «молодых», объединившихся в ПСС–Левице. В 1912–1914 из ППС–Революционная фракция выделилась ППС–Оппозиция во главе с Ф. Перлем, которая накануне Первой мировой войны вновь объединилась с ППС–Революционная фракция. Вследствие сокращения деятельности фракции в рабочей среде из ее рядов вышла в 1907 часть членов, создавших в Варшаве т. наз. Рабочую ППС, которая поставила своей целью достижение независимости Польши и осуществление социалистических идеалов, отказ от сепаратизма в отношении российского революционного движения (в 1909 в результате арестов факти-

чески прекратила свою деятельность). ППС–Революционная фракция (в августе 1909 вернулась к прежнему названию партии) считала своей непосредственной задачей подготовку вооруженного восстания (для этого была создана военизированная организация – Союз активной борьбы), в числе возможных союзников в борьбе против России назывались Германия и Австро-Венгрия. Партия считала, что без завоевания политической власти не осуществимы серьезные экономические завоевания. С самого начала ППС бойкотировала выборы в Государственную думу. Во время Первой мировой войны ППС проводила политику активного участия поляков в борьбе против России. С декабря 1915 ППС участвовала в межпартийных соглашениях, целью которых было восстановление независимого польского государства. После Февральской революции 1917 руководство ППС отказалось от поддержки прогерманской ориентации и в мае 1917 отозвала своих представителей из Временного государственного совета, действовавшего под эгидой оккупационного германского режима. В декабре 1918 XV съезд ППС поддержал парламентский строй и народное правительство, которому предстояло осуществить широкие социальные реформы. На XVI съезде (апрель 1919) ПСС объединилась с Польской социал-демократической партией Галиции и ППС прусского захвата. В декабре 1948 ППС объединилась с Польской рабочей партией в Польскую объединенную рабочую партию.

847 Врублевский (Wryblewski), Владислав (1875–?) – польский политический деятель, предприниматель. В 1911–1917 главный менеджер сельскохозяйственного синдиката в Кракове. В 1918–1920 член кабинета министров, в 1919 выполнял обязанности вице-министра иностранных дел. В 1921–1922 посол Польши в Великобритании, в 1923–1925 посол в США.

848 «Роботник» («Рабочий») – центральный печатный орган Польской социалистической партии (ППС). Выходил по решению II съезда ППС (февраль 1894). 1-й номер появился 1 июля 1894. Газета выходила нерегулярно. Главные редакторы: Я. Строжецкий (1894, 1905), С. Войцеховский (1894–1900), Ю. Пилсудский (1894–1900), Ф. Перль (1901–1904), Ю. Квятек (1904), Р. Минкевич (1904). М. Хандельсман (1905), С. Познер (1905), Ф. Сакс (1905, 1906), П. Левинсон (Лапиньский) (1906), М. Белецкий (1906). Газета печатала статьи на идейно-политические темы, информацию о рабочем движении. Газета выступала с критикой самодержавия, за независимость Польши, призывала к борьбе с социальной несправедливостью и национальным гнетом. После того как в марте 1905 состав редакции был сформирован в основном из представителей левого крыла партии, газета стала последовательно выступать за автономию Царства Польского с сеймом в Варшаве, избираемым на основе всеобщего, тайного голосования. С начала 1906 газета стала регулярной. 17 декабря 1906 вышел последний (199) номер газеты перед расколом ППС. С этого времени выходило два «Роботника» – орган Польской социалистической партии – Левицы, который нелегально издавался в Варшаве в 1906–1918 (до ее объединения с СДКПиЛ), редакторы: Белецкий, Сакс, Левинсон, Х. Валецкий, М. Кошутская; второй – орган ППС–Революционная фракция, который печатался в 1906–1914 в Варшаве, Киеве, Кра-

кове и Вене, редакторы: Б.А. Енджеёвский, В. Йодко-Наркевич, Л. Василевский, Перль. С 1915 до 23 сентября 1939 газета выходила ежедневно, являясь печатным органом ППС, редактор Перль, с 1927 М. Недзялковский. Во время Второй мировой войны издавалась нелегально в Варшаве, с 1944 – в Лондоне и одновременно в Люблине, затем в Лодзи и Варшаве. После объединения ППС и Коммунистической партии Польши в 1948 была объединена с газетой коммунистов «Глосс люду» в газету «Трыбуна люду».

849 Бенеш (Beneš), Эдуард (1884–1948) – чехословацкий политический и государственный деятель, в 1918–1935 министр иностранных дел, с сентября 1921 по октябрь 1922 премьер-министр. С сентября 1923 по сентябрь 1927 член Совета Лиги Наций. В 1935–1938 и 1946–1948 президент, во время Второй мировой войны – президент в эмиграции (с 1940). Профессор Карлова университета в Праге.

850 Очевидно, допущена ошибка в написании фамилии; имеется в виду С. Глабинский. См. прим. № 825.

851 Видимо, имеется в виду Дебский (Dębski), Владислав (1863–1920) – общественный деятель в Восточной Галиции. В 1903 был прикомандирован к государственной прокураторе. В 1907 на выборах в австрийский Государственный совет был выбран заместителем представителя польского меньшинства. В ноябре 1918 способствовал созданию во Львове Временного правительственного комитета. Был избран в Законодательный сейм, член комиссий военной и юридической.

852 Совет четырех (Клемансо, Ллойд Джордж, Вильсон и Орландо) был создан в марте 1919 в рамках работы Парижской мирной конференции как оперативный орган, контролирующий выполнение ее решений. 26 мая Совет четырех (с участием представителя Японии) утвердил текст ноты А.В. Колчаку, в которой выражалась готовность признать его верховным правителем России при выполнении ряда условий. 11 июня Колчак согласился признать независимость Польши и де-факто – Финляндии, подготовить при участии Лиги Наций решение вопроса об автономии национальных групп Прибалтийских государств, Кавказа и Закаспийских территорий. Совет четырех принял ответ Колчака как утвердительный и 12 июня вынес решение об оказании дальнейшей материальной и военной помощи Омскому правительству. В конце июня 1919 Совет четырех был реорганизован в Совет пяти.

853 Саблин, Евгений Васильевич (1886–1949) – дипломат. С 1919 до признания Великобританией Советской Россией де-факто (1921) поверенный в делах России в этой стране. Позднее управлял зданием российского посольства вплоть до 1924, когда Великобритания признала Советскую Россию де-юре. После отставки возглавлял русскую колонию в Лондоне, оказывал большую помощь эмигрантам, председатель Комитета помощи русским студентам в Лондоне; был председателем русских эмигрантов в фонде Ф. Нансена.

854 Энгельке, Владимир Александрович (1875–?) – генерал-майор. В 1914–1917 начальник этапно-хозяйственного отдела 9-й армии. В 1917 начальник снабжения армии. В 1919 помощник начальника снаб-

жения в штабе ВСЮР (заменил генерала Санникова). Эмигрировал в Сербию.

[855] Шкуро, Андрей Григорьевич (1886 [по др. св. 1887]–1947) – полковник. Сформировал в 1915 из казаков 3-го Хоперского полка «Кубанский конный отряд особого назначения войскового старшины Шкуро»; после Февральской революции 1917 этот полк ушел на Северный Кавказ, а оттуда в конный корпус генерала Н.Н. Баратова, который действовал в Персии. В 1918 вернулся на Северный Кавказ и в мае 1918 возглавил казачье восстание против советской власти в районе Кисловодска. Потерпев неудачу, вынужден был бежать на Кубань, где сформировал 10-тысячный отряд, в июле 1918 присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 генерал-майор. До апреля 1919 начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 командир 3-го Кубанского конного корпуса, с 29 января по март 1920 командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919). В эмиграции во Франции.

[856] Калабухов, Алексей Иванович (1880–1919) – приходской священник (1906–1917). После революций 1917 активно включился в политическую деятельность. Министр внутренних дел в правительстве Кубанской Рады (январь–февраль 1918). Отказался участвовать в 1-м Кубанском («Ледяном») походе, скрывался в Ставрополе (февраль–май 1918). После ухода правительства Рады в отставку назначен членом делегации для участия в Парижской мирной конференции. Предложил проект соглашения о дружбе с меджлисом горцев Кавказа, объявивших свою независимость от России, что фактически означало и отделение Кубани от России (сентябрь 1919). Выдан Кубанской Радой посланному в Краснодар генералу В.Л. Покровскому. 6 ноября 1919 был приговорен военно-полевым судом за измену к смертной казни через повешение, повешен в ночь на 7 ноября.

[857] Имеется в виду специальная делегация, посланная в Париж к союзникам кубанскими самостийниками. В Париже делегация заключила в июле 1919 союзный договор с меджлисом горских народностей Кавказа (Ингушетия, Чечня, Дагестан) – Республикой горских народностей. Генерал А.И. Деникин, усмотревший в договоре признаки государственной измены, издал 7 ноября 1919 приказ о предании военно-полевому суду подписавших договор с горцами и поручил генералу П.Н. Врангелю, воспользовавшись ситуацией, положить конец кубанской «самостийности». Генерал Врангель направил в Екатеринодар генерала В.Л. Покровского для исполнения приказа. Покровский ввел в Екатеринодар свои войска, окружил законодательную Раду и потребовал выдать изменников. Рада под угрозой применения силы подчинилась требованиям, однако большинству обвиняемых удалось скрыться.

[858] Май-Маевский, Владимир Зиновьевич (Зенонович) (1867–1920) – генерал-майор, в 1917 командовал 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческой армии с 1918 в резерве чинов главнокомандующего, с 19 ноября 1918 вр. и. д. командующего 3-й дивизией, с декабря 1918 начальник 3-й пехотной дивизии, с 15 февраля по 1 июня 1919

командир 2-го армейского корпуса, с апреля 1919 командующий Донецкой группой войск, с которой он занял Донбасс и которая в мае 1919 была переименована в Добровольческую армию в составе ВСЮР (с 22 мая по 27 ноября 1919 командующий Добровольческой армией). 27 ноября 1919 освобожден от должности за разложение тыла и кутежи и заменен генералом П.Н. Врангелем. Умер 30 октября 1920 в Севастополе.

859 Тихменев, Николай Михайлович (1872–1954) – генерал-лейтенант генерального штаба. С 5 октября 1915 назначен помощником главного начальника военных сообщений в Ставке верховного главнокомандующего. С февраля 1917 начальник военных сообщений всего театра военных действий. В Добровольческой армии с 1918. Ближайший сотрудник генерала А.И. Деникина. Начальник военных сообщений в штабе армии и организатор восстановления железнодорожных и других путей. В той же должности в ВСЮР. В эмиграции в Париже, председатель Союза ревнителей памяти императора Николая II.

860 Кутепов, Александр Павлович (1882–1930) – полковник, командующий лейб-гвардии Преображенским полком. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917; командир 3-й офицерской (гвардейской) роты. С декабря 1917 командующий войсками Таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й роты 1-го Офицерского полка, с начала апреля 1918 командир Корниловского ударного полка, затем командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 генерал-майор, с декабря 1918 черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 командир 1-го армейского корпуса, с декабря 1919 – Добровольческого корпуса. Генерал-лейтенант (с 23 июня 1919). В Русской армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии (3 декабря 1920). Выехал с частями Русской армии в Турцию, в Галлиполи командир 1-го армейского корпуса. С 1928 начальник РОВС. Убит 26 января 1930 при попытке похищения в Париже.

861 Букретов, Николай Андрианович (1876–после 1922) – полковник (1911). Во время Первой мировой войны служил в штабе Кубанской пластунской (пехотной) бригады. В 1917 командующий кубанскими войсками и член правительства Кубанской Рады, с декабря 1917 начальник 2-й Кубанской пластунской бригады, с декабря 1919 атаман Кубанского войска. Генерал-майор. В 1919 арестовывался генералом В.Л. Покровским за «взяточничество и превышение власти». С большей частью кубанских войск отошел в район Сочи (март 1920), откуда эвакуировался (апрель 1920) в Севастополь. Принял командование кубанскими войсками, оказавшимися в Крыму, по требованию генерала П.Н. Врангеля, вскоре сдал командование генералу Морозову и сложил с себя звание атамана Кубанского казачьего войска. Бежал в Грузию с другими членами Кубанской Рады (май 1920), затем эмигрировал (сентябрь 1920) в Константинополь.

862 Хольмен – генерал-майор английской армии, в мае 1919 был послан в расположение ВСЮР во главе английской военной миссии, заме-

нив Бриггса. В начале апреля 1920 вместе с генералом А.И. Деникиным отплыл в Константинополь.

[863] Богаевский, Африкан Петрович (1872–1934) – генерал-майор, начальник 1-й гвардейской Кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер. В Донской армии; с января 1918 командующий войсками Ростовского района. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; командир Партизанского полка и с 17 марта 1918 – 2-й бригады. Затем служил в Донской армии; с 4 мая 1918 председатель Совета управляющих отделами ВВД (Донского правительства) и управляющий иностранным отделом, с 6 февраля 1919 войсковой атаман Донского казачьего войска. Генерал-лейтенант (с 27 августа 1918). Эмигрировал, с ноября 1921 в Софии, с октября 1922 в Белграде, с ноября 1923 в Париже.

[864] Корвин-Круковский, Алексей Владимирович (1872–1943) – генерал-майор. В 1917 командир 6-го Финляндского стрелкового полка. С декабря 1917 в Добровольческой армии, с января 1918 комендант ее штаба. В ноябре 1918 назначен начальником Крымской дивизии в составе Крымско-Азовской армии. С мая 1919, в связи с переформированием Крымско-Азовской армии в отдельный корпус, находился в резерве главнокомандующего. С февраля по март 1920 комендант Новороссийска, затем снова в резерве. В ноябре эвакуировался в Константинополь, затем переехал в Белград.

[865] Носович, Анатолий Леонидович (1878–?) – полковник (1917). Во время Первой мировой войны командир лейб-гвардии Уланского полка (1917). Затем в Красной армии: военспец (январь–май 1918). Начальник штаба Северо-Кавказского военного округа (май–июнь 1918). Арестован в июне 1918 по подозрению в контрреволюционных действиях, вскоре освобожден. Находился в резерве (в распоряжении главкома Л.Д. Троцкого, июнь–сентябрь 1918). Советник командующего Южным фронтом П.П. Сытина. Перешел на сторону белых (октябрь 1918). В Добровольческой и Русской армиях генералов А.И. Деникина и П.Н. Врангеля занимался контрразведкой и борьбой с партизанами в тылу этих армий (март 1919 – ноябрь 1920). Переход в Белую армию и переданные им сведения о Южном фронте большевиков помогли обеспечить значительный успех Добровольческой армии в боях 1919.

[866] Субботин, Владимир Федорович (1874–?) – генерал-майор. С октября 1915 начальник инженеров 11-й армии. Георгиевский кавалер. С 6 января 1917 начальник инженеров армий Румынского фронта. С сентября 1919 по февраль 1920 в ВСЮР – комендант Севастопольской крепости и градоначальник. В Симферополе был арестован капитаном Н.И. Орловым. В Русской армии генерала П.Н. Врангеля начальник инженеров, руководивших работами по укреплению позиций на Перекопе в Крыму.

[867] Слащев Яков Александрович (1885–1929) – полковник, командир лейб-гвардии Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918, в июне 1918 начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 ге-

нерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, с 2 августа 1919 начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 в распоряжении главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920). Эмигрировал. С 21 декабря 1920 в отставке. 3 ноября 1921 вернулся в СССР и служил в Красной армии. Убит 11 января 1929 в Москве.

868 Орлов, Николай Иванович (?–1920) – штабс-капитан 60-го пехотного полка. В декабре 1917 командир офицерской роты Крыма, летом 1918 председатель Общества взаимопомощи офицеров в Симферополе, сформировал Симферопольский офицерский батальон, затем командир 1-го батальона Симферопольского офицерского полка. Весной 1920 поднял мятеж против командования в Крыму. Расстрелян красноармейцами в Симферополе в декабре 1920.

869 Имеются в виду спартаковцы – члены организации германских левых социал-демократов, образованной в 1916 К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Йогихесом (Тышка) и В. Пиком. Спартаковцы организовывали массовые антивоенные выступления, руководили стачками, находились в оппозиции к лидерам социал-демократии. В апреле 1917 спартаковцы вошли в Независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив в ней свою организационную самостоятельность. В ноябре 1918, в ходе революции в Германии, спартаковцы оформились в «Союз Спартака» и, опубликовав 14 декабря свою программу, порвали с «независимцами». Союз добивался углубления Ноябрьской революции 1918. Общегерманская конференция спартаковцев и леворадикалов, открывшаяся в Берлине 29 декабря 1918, конституировалась как учредительный съезд Коммунистической партии Германии.

870 Геруа, Борис Владимирович (1876–1942) – генерал-майор. С конца 1915 командующий лейб-гвардии Измайловским полком, генерал-квартирмейстер штаба Особой армии во время Брусиловского прорыва на Юго-Западном фронте. С 1 мая 1917 начальник штаба 11-й армии при командующем генерале Эрдели. Арестован 31 августа 1917 по приказу А.Ф. Керенского за участие в выступлении генерала Л.Г. Корнилова. Освобожден за отсутствием доказательств. Не вернулся в штаб армии. В 1918 нелегально перешел границу в Финляндию и в конце 1918 выехал в Англию, где занял пост председателя Особой военной миссии по оказанию материальной помощи армиям генералов Е.К. Миллера, Н.Н. Юденича, А.И. Деникина и адмирала А.В. Колчака. В связи с ликвидацией деятельности миссии в 1920 окончательно поселился в Лондоне в районе Челси, избран в Лондоне действительным членом Королевского общества поощрения художеств.

871 Бубнов, Андрей Сергеевич (1884–1938) – партийный и государственный деятель; публицист, историк. Член РСДРП с 1903, примкнул к большевикам. После Февральской революции 1917 входил в состав Московского областного бюро РСДРП(б), член Исполкома Моссовета. На VI съезде РСДРП(б) (август 1917) избран членом ЦК; одновременно – член Исполкома Петроградского совета. На заседании ЦК 10 октября 1917 избран членом Политбюро ЦК. Член Военно-

революционного центра по руководству вооруженным восстанием. После октября 1917 член ВЦИК, член коллегии Наркомпути. В марте 1918 направлен на Украину, нарком хозяйственных дел, член ЦК КП(б)У. После ликвидации украинского правительства занимался формированием частей партизанской армии в Черниговской и Курской губ. член Киевского подпольного областного бюро КП(б)У, начальник подпольного штаба. После свержения режима С.В. Петлюры вошел в состав правительства Украины, член Политбюро ЦК КП(б)У, член РВС Украинского фронта. С конца 1919 работал в Москве в главном управлении текстильных предприятий, член бюро МК РКП(б).

872 «New Russia» – еженедельный журнал, издавался в Лондоне Комитетом освобождения России. Выходил с 5 февраля по 16 декабря 1920. Позднее, с августа 1921, издание журнала возобновилось под названием «Russian Life». Выходил до марта 1922.

873 Литвинов, Максим Максимович (наст. фам. и имя Валлах, Макс) (1876–1951) – государственный и партийный деятель. Большевик с 1903. С 1908 секретарь Лондонской группы большевиков, представитель большевиков в Международном социалистическом бюро. С 1918 назначен дипломатическим представителем РСФСР в Великобритании, однако британское правительство не признало его полномочий. 6 сентября 1918 был арестован и помещен в Брикстонскую тюрьму. В октябре 1918 произошел его обмен на арестованного в Москве английского разведчика Локкарта. В 1918–1921 член коллегии Наркоминдела. В 1919 по совместительству член коллегии Наркомата государственного контроля. В ноябре 1919 уполномоченный СНК для ведения советско-английских переговоров об обмене военнопленными. В январе–октябре 1921 полпред и торгпред в Эстонии. С мая 1921 зам. наркома иностранных дел, уполномоченный Совнаркома по валютным операциям, одновременно член коллегии наркома РКИ. В 1922 заместитель руководителя делегации на Генуэзской конференции, затем глава делегации на Гаагской конференции, председатель Московской международной конференции по разоружению.

874 Белосельский-Белозерский, Сергей Константинович (1867–1951) – князь, генерал-лейтенант (1916). Был прикомандирован к посольству в Берлине, позже в Париже. После революции 1917 выехал в Финляндию, затем переехал в Англию.

875 Барклай-де-Толли, Михаил Богданович (1761–1818) – князь (1815), русский генерал-фельдмаршал (1814). Из шотландского рода. Командовал дивизией и корпусом в войнах с Францией и Швецией. В 1810–1812 военный министр. В Отечественную войну 1812 командующий 1-й армией, а в июле–августе также главнокомандующий. Хотя ему удалось, в условиях превосходства противника, успешно осуществить отход и соединение двух армий, однако в войсках зрело недовольство его действиями, с его именем связывалось отступление русских армий.

876 Агапеев, Владимир Петрович (1876–1956) – генерал-лейтенант. С 1917 по февраль 1918 начальник штаба Польского корпуса, сформированного при Русской армии под командованием генерала Довбор-

Мусницкого. С января 1919 начальник штаба 2-го армейского корпуса. В августе 1919 был назначен военным представителем ВСЮР при союзном командовании в Константинополе. После убийства генерала И.П. Романовского 5 апреля 1920 в здании русского посольства в Константинополе был уволен приказом генерала П.Н. Врангеля с этой должности как «не обеспечивший должной охраны генерала А.И. Деникину и прибывших с ним лиц».

877 Правила о сборе урожая были составлены в Особом совещании и утверждены генералом А.И. Деникиным в июне 1919. Эти правила требовали от посеявшего уплаты натуральной аренды владельцу земли в размере $^{1}/_{3}$ зерновых хлебов. Осенью расчет был изменен в пользу посеявших, а доля помещиков понижена до $^{1}/_{5}$ зерновых (см.: *Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Т. IV. – Берлин, 1925. – С. 222–223; Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. – София, 1921. – С. 188*).

878 Замен, Конрад Евгеньевич, фон – вице-директор, в 1917 директор особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов; одновременно агент министерства в Англии. В годы Гражданской войны занимался в Англии вопросами финансового обеспечения антибольшевистского движения. В мае 1920 – январе 1921 главноуполномоченный по финансово-экономическим делам за границей.

879 Махно, Нестор Иванович (1889–1934) – анархист. В апреле 1918 создал вооруженный анархистский отряд, начал партизанскую борьбу с австро-германскими военными соединениями и гетманскими властями. В 1919–1920 воевал против белогвардейцев, петлюровцев, Красной армии. Трижды вступал в соглашение с советской властью и каждый раз нарушал его, поднимая мятеж. 26 августа 1921 бежал в Румынию.

880 Баратов, Николай Николаевич (1865–1932) – генерал от кавалерии. В Первой мировой войне – начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии и командующий группой войск на Кавказском фронте. После Октябрьского переворота представитель Добровольческой армии и ВСЮР в Закавказье (с 1918). Был тяжело ранен во время покушения на него 13 сентября 1919. В марте–апреле 1920 занимал пост управляющего Министерством иностранных дел в Южно-Русском правительстве. Позднее эмигрировал.

881 Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1950) – правовед; депутат II–IV Государственной думы. Член ЦК кадетской партии. После Февральской революции 1917 входил в состав Юридического совещания и комиссии по выработке закона об Учредительном собрании. После Октябрьского переворота эмигрировал во Францию. Совершил поездку в Екатеринодар к генералу А.И. Деникину, чтобы уговорить его признать верховным правителем России адмирала А.В. Колчака.

882 Гронский, Павел Павлович (1883–1937) – юрист, приват-доцент Петербургского университета. Депутат IV Государственной думы; член ЦК кадетской партии. В конце 1917 выехал на юг, активный участник Национального центра. Занимал пост заместителя начальника управления внутренних дел Особого совещания при генерале А.И. Деникине. 21 декабря 1919 выехал из Ростова-на-Дону в США во главе особой миссии главного командования ВСЮР с целью установления

дружеских отношений между Россией и США. В Париже миссия была остановлена С.Д. Сазоновым, который счел поездку нецелесообразной. Входил в Парижскую группу кадетов. Председатель Русской Академической группы в Париже (с февраля 1921), читал курс истории русского права в Русском юридическом институте, открывшемся в январе 1921 при Парижском юридическом факультете. Вошел в юридическую комиссию, созданную при исполкоме Совещания членов Учредительного собрания.

883 Бурцев, Владимир Львович (1862–1942) – общественный деятель, публицист, историк, издатель; редактор историко-революционного журнала «Былое». В июле 1917 выступил против В.И. Ленина, обвинив его в сотрудничестве с германской разведкой. 25 октября 1917 был арестован большевиками и помещен в Петропавловскую крепость, освобожден в феврале 1918. В мае бежал через Финляндию в Стокгольм, издал там брошюру «Проклятие вам, большевики!». Переехал во Францию. В конце 1919 посетил Крым и Северный Кавказ, осенью 1920 – Крым. Возобновил в Париже издание газеты «Общее дело» при финансовой поддержке генерала А.И. Деникина, затем генерала П.Н. Врангеля; призывал к единству всех антибольшевистских сил. Инициатор созыва съезда Национального объединения, с этой целью возглавил бюро Временного русского комитета Национального объединения.

884 Хоменко Александр Александрович (1867–1939) – вице-адмирал Черноморского флотского экипажа. В 1920 управляющий Российским торговым флотом в Париже.

885 Челищев, Виктор Николаевич (1870–1952) – председатель Московского съезда мировых судей, а затем Московской судебной палаты (март–октябрь 1917); член кадетской партии. Входил в правление Национального центра. В ноябре 1918 выехал на юг России. С декабря 1918 по декабрь 1919 возглавлял управление юстиции Особого совещания при генерале А.И. Деникине. Председатель созданной Совещанием комиссии по разработке аграрного проекта, входил также в комиссию по формированию гражданской власти при Особом совещании. Заместитель председателя Особого совещания А.С. Лукомского. В 1920 эмигрировал.

886 Лианозов, Степан Георгиевич (1872–1951) – нефтепромышленник, председатель правлений и директор-распорядитель ряда промышленных и торговых компаний, в том числе Товарищества нефтяного производства «Г.М. Лианозова сыновья», Нефтепромышленного и торгового общества «А.И. Манташев и К°», Нефтепромышленного общества «Эмба-Каспий» и др. Председатель правительства Северо-Западной области, образованного в августе 1919 в Ревеле при генерале Н.Н. Юдениче. Эмигрировал во Францию.

887 «Общее дело» («Cause Commune») – газета, издавшаяся В.Л. Бурцевым в сентябре 1918 – июне 1923 в Париже. Ранее издавалась в Париже (1909–1910) и Петрограде (1917). Издание было возобновлено в Париже после перерыва в январе 1920. Выходила поначалу ежемесячно, затем еженедельно. С лета 1920 стала ежедневной. Являлась полуофициозом генерала А.И. Деникина, затем генерала П.Н. Врангеля,

Бурцев получал от них денежные субсидии. На страницах газеты велась полемика с Милюковым и его единомышленниками по вопросам сотрудничества с эсерами, отношения к вооруженной борьбе и интервенции. В 1921 Бурцев выступил с инициативой проведения в Париже эмигрантского съезда (Русского Национального объединения), на который предполагалось пригласить самые широкие круги российской политической эмиграции, включая и умеренно правые. На страницах газеты «Общее дело» публиковалось обращение «Ко всем русским гражданам» (ежедневно с 19 по 22 декабря 1920, №№ 157–160), в котором призывались к созданию Национального комитета все, «для кого большевики – первый смертный враг», «кто порвал со старой Россией и кто стоит на почве признания завоеваний Февральской революции 1917».

888 Эльяшев, Лев Ефимович (1863–1946) – кадет. Входил в Национальный центр (НЦ), представлял его в бюро 4-х организаций (НЦ, Союз возрождения России, Совет государственного объединения, Совет земств и городов юга России). Эмигрировал в Германию. Казначей организованного в Берлине Русского Общественного комитета помощи голодающему населению России, председатель Берлинской демократической группы кадетов (милюковского толка), позднее член Республиканско-Демократического объединения.

889 Правильное написание Ломновский, Петр Николаевич (1871–1956) – генерал-лейтенант, командующий 10-й армией. Георгиевский кавалер. Служил в Добровольческой армии, в 1917–1919 представитель армии в Киеве: с 1 июня 1918 в Киеве; с 18 ноября 1918 начальник Главного центра. В эмиграции в Болгарии и Франции.

890 Первый Кубанский («Ледяной») поход Добровольческой армии проходил с 9 (22) февраля по 30 апреля (13 мая) 1918 из Ростова-на-Дону до Екатеринодара и обратно в район станиц Мечетинская, Егорлыкская и слобода Гуляй-Борисовка.

891 Билимович, Александр Дмитриевич (1876–1963) – экономист, статистик, публицист. Профессор Киевского университета. Сменил В.Н. Колокольцова на посту начальника управления земледелия в Особом совещании при генерале А.И. Деникине. Затем в эмиграции (Югославия, Германия, с 1948 – США).

892 Мамонтов (Мамантов), Константин Константинович (1869–1920) – генерал-лейтенант. В конце 1917 сформировал партизанский отряд и в феврале 1918 выступил с ним в Степной поход под командованием генерала П.Х. Попова. В апреле–мае 1918 командир конной группы Донской армии генерала П.Н. Краснова. В июне был назначен генералом Красновым командующим войсками на Царицынском направлении. Весной 1919 – командир дивизии. С июля 1919 (по февраль 1920) командир 4-го Донского отдельного корпуса, в августе совершил глубокий рейд по тылам Красной армии. Захватив огромное имущество в интендантских складах и обремененный обозами, не смог двинуться на запад. В декабре 1920 был отрешен от должности. Умер от тифа в Екатеринодаре 1 февраля 1920, похоронен на местном кладбище.

893 Улагай Сергей Георгиевич (1875–1947) – полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник высту-

пления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917. В Добровольческой армии; с ноября 1917 командир отряда Кубанских войск. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир Кубанского пластунского батальона. С 22 июля 1918 начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 генерал-майор, с октября 1919 в резерве чинов при штабе главнокомандующего, с 28 ноября 1919 в распоряжении командующего Добровольческой армией, в декабре 1919 командующий конной группой, в марте 1920 командующий Кубанской армией, с 8 апреля 1920 в распоряжении главнокомандующего ВСЮР, с 5 июля 1920 командующий группой войск особого назначения, в августе 1920 руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919). Эвакуирован на корабле «Константин». В эмиграции в Югославии.

[894] Семенов, Юлий Федорович (1873–1947) – доктор физики; кадет. В 1918 – член Закавказского сейма. В марте 1918 избран товарищем председателя Закавказского Русского Национального совета. По решению Национального центра был послан в Париж для информирования союзников о положении Белого движения. В 1920 был избран секретарем Парижского комитета местной кадетской группы, в феврале 1921 вышел из его состава. Член бюро Временного Русского комитета Национального объединения.

[895] Каяндер (Кояндер), Николай Андреевич – инженер-подпоручик, кадет. С ноября 1917 принимал участие в организации Добровольческой армии. Член «Азбуки», помощник начальника информационного отдела. Секретарь Харьковского совещания кадетской партии (ноябрь 1919).

[896] «Донская речь» – общественно-политическая и литературная газета. Выходила в Ростове-на-Дону с 10 (23) ноября 1919. Редактор С.П. Черевков.

[897] «Свободная речь» – ежедневная общественно-политическая газета. Основана при содействии кадетского комитета. Редактор К.Н. Соколов, с июля 1919 издатель А.Л. Осипов, редактор Б.Е. Малютин. С течением времени стала отражать взгляды правого крыла кадетов. Представители кадетской партии потребовали от редакции заявить, что газета не является органом кадетского комитета. Выходила в 1918–1919 в Екатеринодаре, с августа 1919 – в Ростове-на-Дону.

[898] Тесленко, Николай Васильевич (1870–1942) – присяжный поверенный, криминалист; член ЦК кадетской партии с ее I съезда, на II съезде избран товарищем председателя ЦК. Гласный Московской городской думы и Московского губернского земства. Депутат II Государственной думы. В 1914 вошел в состав ЦК Всероссийского союза городов. В октябре 1918 выехал на юг. Член Национального центра. В 1920 эмигрировал в Константинополь, председатель Константинопольской группы кадетов, местного отделения ЦК. Член бюро Политического объединенного комитета. Входил в руководство Союза русских адвокатов в Константинополе. Товарищ председателя съезда Русского Национального объединения (июнь 1921, Париж).

[899] Плеве, Вячеслав Константинович, фон (1846–1904) – юрист, государственный деятель. Действительный тайный советник (1896), статс-

секретарь, сенатор, член Государственного совета. Министр внутренних дел (с 1902), проводил жесткую линию в отношении оппозиционных движений, поощрял политику русификации российских окраин. Убит эсером Е.С. Сазоновым.

900 В своем письме, присланном однопартийцам из Москвы, Н.Н. Щепкин писал о радикализации настроений населения и растущем расхождении между ожиданиями народных масс и поправением политики тех партийных групп, которые действовали на территории, контролируемой армией генерала А.И. Деникина.

901 Шидловский Сергей Иллиодорович (1861–1922) – директор департамента земледелия, член Крестьянского поземельного банка; октябрист. Товарищ председателя III Государственной думы, лидер фракции октябристов в IV Думе. В 1915–1917 председатель бюро Прогрессивного блока. Во время Февральской революции 1917 входил во Временный исполнительный комитет Государственной думы, позднее возглавил его; член Главного земельного комитета во Временном правительстве. После Октябрьского переворота отошел от политической деятельности. С 1918 жил в Москве, в 1920 эмигрировал в Эстонию.

902 Бубнов, Александр Дмитриевич (1883–1963) – контр-адмирал (1917). В конце 1918 был включен адмиралом А.В. Колчаком в состав русской делегации на Версальской мирной конференции. 3 мая 1919 был назначен в Севастополе начальником дивизиона миноносцев, а 20 августа 1919 – начальником штаба командующего Черноморским флотом адмирала Д.В. Ненюкова. 8 февраля 1920 уволен генералом А.И. Деникиным за поддержку генерала П.Н. Врангеля. В эмиграции жил в Югославии; ординарный профессор югославской Морской академии.

903 Кедрин, Е.И. (? – 1921) – адвокат, член созданного в Париже Русского Парламентского комитета. Активно поддерживал идею созыва съезда Национального объединения, участвовал в заседаниях инициативной комиссии. Член эмигрантской комиссии при Особом совещании Русского Красного Креста.

904 «Руль» – ежедневная газета, выходила в Берлине в 1920–1931. Основана И.В. Гессеном при участии А.И. Каминки, В.Д. Набокова. Фактический орган Берлинской группы кадетской партии. Имела иллюстрированное воскресное приложение «Наш мир».

905 Волков, Николай Константинович (1875–?) – агроном; депутат III–IV Государственной думы. Член ЦК кадетской партии. С 2 марта 1917 товарищ министра земледелия во Временном правительстве. После Октябрьского переворота вошел в руководство Национального центра. Летом 1918 выехал в Киев. Весной 1919 был послан Национальным центром в Омск; включен в состав Восточного отдела кадетской партии. Позднее вернулся в расположение деникинских войск. С 1920 в эмиграции в Париже. Товарищ председателя Комитета Парижской кадетской группы. Входил в экономическую комиссию, созданную при исполкоме Совещания членов Учредительного собрания. Директор-администратор газеты «Последние новости», секретарь редакции. Член Союза русских литераторов и журналистов в Париже.

906 Бермонт-Авалов, Павел Рафаилович (1884–1973) – генерал-майор, командир Особого русского корпуса, затем командующий Западной Добровольческой армией, сформированной в 1919 в Германии из русских военнопленных. Отказался присоединиться к Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. Совместно с германскими войсками в октябре 1919 занял Ригу, предпринял попытку сформировать прогерманское правительство. Потерпев поражение от латышских и эстонских войск (поддержанных англо-французским флотом), отошел на территорию Германии, где его войска были разоружены.

907 Имеется в виду резолюция Парижского комитета от 18 ноября 1920, которая была опубликована в эмигрантских газетах «Последние новости», «Общее дело» 21 ноября 1920. В резолюции говорилось, что «партия и впредь будет поддерживать... все усилия, направленные к свержению большевиков, но она будет решительно отказывать в поддержке элементам, связывающим эту борьбу с попытками возвращения к дореволюционным порядкам». Рукописный оригинал резолюции хранится в ГА РФ (*Ф. 7506. Оп. 1. Д. 18. Л. 9*).

908 «Последние новости» – ежедневная общественно-политическая газета, выходила в Париже в 1920–1940, с 1 марта 1921 под редакцией Милюкова, который, как правило, писал ее передовицы. Подробно освещала эмигрантскую жизнь русского зарубежья, деятельность партийных групп, особенно кадетских и эсеровских. Прекратила свое существование 17 июня 1940, когда в Париж вошли части гитлеровской армии. Орган кадетской группы «милюковской ориентации».

909 Имеется в виду написанная Н.И. Астровым т. наз. «Программа», которая была рассмотрена Особым совещанием 17 декабря 1920. В «Программе» Астров предлагал скорректировать политический курс Добровольческой армии. С этой целью им был намечен ряд конкретных мер: создание центрального правительственного органа и ответственного перед властью Министерства внутренних дел; утверждение кандидатов на министерские должности высшим органом власти; образование местных советов с введением в их состав, кроме местного служилого элемента, представителей органов местного самоуправления, торговли, промышленности, кооперативов, ученых обществ и учреждений и других общественных организаций; образование органов земского самоуправления; введение суровых мер наказания взяточников, ускорение судопроизводства по преступлениям, дезорганизующим жизнь тыла армии; недопущение приемов, «вызывающих представление о реставрации старого порядка»; пересмотр отношений к соседним государственным новообразованиям; отказ от истребления красного офицерства и привлечение его на свою сторону и т. д.

910 Очевидно, речь идет об Уфимском совещании, которое открылось 10 сентября 1918. В его работе приняли участие делегаты 19 областных правительств и всех парламентских демократических партий. В результате острых дискуссий совещание приняло решение признать «старое» Учредительное собрание единственным источником верховной власти, а съезд членов Учредительного собрания – постоянно действующим органом. Однако это решение вступало в противо-

речие с позицией кадетов, не желавших видеть в Учредительном собрании источник легитимной власти. В дальнейшем это предопределило фактическое расхождение эсеров и кадетов, участие последних в колчаковском перевороте, сместившем выбранную на Уфимском совещании Директорию. Как заявлял Милюков, попытка восстановить деятельность Учредительного собрания осенью 1918 стала «одной из главных причин, вызвавших тот глубокий раскол между двумя лагерями русской общественности (правыми социалистами и либералами – *Ред.*), который с тех пор постоянно углублялся и явился одной из причин неудачи всей антибольшевистской борьбы» (*Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. – Май 1920 г. – июнь 1921 г. – Т. 4. – М., 1996. – С. 82*).

911 Клиентела – совокупность клиентов какого-либо патрона; в данном контексте подразумевается социальная база партии.

912 «Pour la Russie» («За Россию») – еженедельный эсеровский бюллетень, издавался с января 1919.

913 «Современные записки» – ежемесячный общественно-политический и литературный журнал, издавался в Париже с ноября 1920 по 1940 при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского и В.В. Руднева. Решение об издании журнала было принято в начале июля 1920 на совещании эмигрантов, главным образом эсеров. Первоначально издавался на деньги, получаемые А.Ф. Керенским от чехословацкого правительства. В программном заявлении редакции подчеркивалось, что журнал будет проводить идеи и принципы Февральской революции 1917, что воссоздание России возможно лишь в результате освобождения страны от большевиков, при самодеятельности самого народа и объединении усилий всех партий и классов, отвергающих старый строй и ставших на сторону Февральской революции.

914 Мильеран (Millerand), Александр (1859–1943) – французский социалист, создавший прецедент участия социалиста в буржуазном правительстве; исключен в 1904 из Французской социалистической партии. В 1920 министр иностранных дел Франции. 23 сентября 1920 избран президентом Французской республики, оставался на этом посту до 1924.

915 8 января 1921 открылось Совещание членов Учредительного собрания. В его работе приняли участие сторонники Милюкова в Парижской кадетской группе и правая часть парижских эсеров.

916 Имеется в виду комиссия по созыву съезда Национального объединения, которая была избрана на состоявшемся 22 января 1921 в Париже в редакции «Общего дела», по инициативе В.Л. Бурцева и М.М. Федорова, частном совещании группы общественных деятелей. Участники совещания выделили в числе главных задач объединения «продолжение вооруженной борьбы с большевиками, сохранение армий, боровшихся с большевиками и вынужденных оставить пределы России, помощь русским гражданам за границей, защиту их политических и гражданских прав, охрану и использование для этих целей всего принадлежащего России имущества, всемерную защиту территории, прав, чести и достоинства России, установление отношений со

всеми возникшими в пределах России государственными образованиями и обеспечение преемственности русской власти» (см.: *ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 312. Л. 1–4*).

[917] Викторов-Топоров, В.В. – сотрудник газеты «Общее дело». Публиковал очерки о событиях в Крыму в период военных действий армии генерала П.Н. Врангеля. Входил в инициативную группу по созыву съезда Национального объединения.

[918] Дус[с]ан, И.В. – присяжный поверенный, входил в правление Союза русских адвокатов за границей, член Союза русских журналистов и литераторов в Париже. Сотрудничал в «Общем деле», заведовал юридическим отделом. Участник съезда Русского Национального объединения.

[919] 3 июня 1907 указом императора Николая II была распущена II Государственная дума. Поводом явилось выдвинутое П.А. Столыпиным требование устранить социал-демократическую думскую фракцию от участия в собраниях Думы (на основе обвинения ее в связях с военной организацией и в подготовке вооруженного восстания); 16 членов фракции подлежали аресту. Думой была создана комиссия для проверки обвинения, однако, не дожидаясь результатов ее работы, правительство в ночь на 3 июня арестовало социал-демократическую фракцию. Царский указ одновременно вводил в действие новый избирательный закон, согласно которому изменялось соотношение избирателей по куриям для получения проправительственного думского большинства из числа правомонархических и либерально-консервативных партий. По новому положению помещики и буржуазия имели возможность избирать 65% всех выборщиков, крестьяне – 22% (прежде 42%), рабочие – 2% (прежде 4%). Закон вдвое сокращал представительство населения Польши и Кавказа; избирательных прав лишались лица, не владеющие русским языком.

[920] Аршаулов, Вадим Павлович (1859–1942) – профессор, специалист по теплоходам, преподавал в Высшем техническом институте Парижа. Товарищ председателя Союза русских инженеров за границей и ЦК Федерации русских инженеров за границей. Товарищ председателя постоянного бюро парижского отдела Русского Национального союза. Входил в Русский комитет объединенных организаций, в качестве его представителя вошел в Русский Эмигрантский комитет. Был избран в правление Русского Народного университета в Париже. Член совета Российского Финансово-торгово-промышленного союза.

[921] Вакар, Николай Платонович (1894–1970) – публицист и переводчик. Во время Первой мировой войны ушел добровольцем на фронт. Поручик артиллерии. С марта 1918 в Добровольческой армии. Эмигрировал во Францию. Публиковался в газете «Последние новости», с июня 1924 постоянный сотрудник редакции газеты, заведовал отделом информации. В 1940 перебрался в Америку, магистр Гарвардского университета по отделу славянской филологии.

[922] Спарго (Spargo), Джон (1876–1966) – английский, после переезда в США в 1901 – американский политический и общественный деятель, публицист. Видный участник социалистического и профсоюзного дви-

жения; в 1917 вышел из Социалистической партии. Автор книг «Большевизм», «Психология большевизма», «Россия в качестве американской проблемы» и др.

923 Бертело (Berthelot), Филипп – секретарь Министерства иностранных дел Франции, в декабре 1921 вышел в отставку. Убежденный противник признания Советской России.

924 Бриан (Briand), Аристид (1862–1932) – неоднократно в 1909–1931 занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел Франции.

925 Буайе (Бойе) (Boyer), Поль (1864–1949) – французский славист, профессор, директор Школы живых восточных языков в Париже.

926 Ст. 87 Версальского договора гласит: «Германия признает, как это уже сделали союзные и объединившиеся державы, полную независимость Польши и отказывается в пользу Польши от всяких прав и правооснований на территории, ограниченной Балтийским морем, восточной границей Германии... Комиссия, состоящая из семи членов, из которых пять будут назначены главными союзными и объединившимися державами, один Германией и один Польшей, будет образована через пятнадцать дней по вступлении в силу настоящего Договора для установления на месте пограничной линии между Польшей и Германией. Решения этой комиссии будут приниматься по большинству голосов и будут обязательны для заинтересованных сторон» (*Версальский мирный договор. – М., 1925. – С. 40–41*).

927 Палеолог (Paléologue), Жорж Морис (1859–1944) – французский дипломат; в 1912–1914 директор политического департамента МИД Франции; в 1914–1917 посол Франции в России, в 1920–1921 генеральный секретарь МИД Франции.

928 Камбон (Cambon), Жюль Мартен (1845–1935) – французский дипломат. В 1915–1919 генеральный секретарь МИД Франции; член французской делегации на Парижской мирной конференции 1919–1920. Председатель (1920–1931) Конференции послов – специального органа, созданного в конце 1919 по решению Верховного совета Антанты для рассмотрения вопросов, возникавших в ходе осуществления Версальского договора.

929 Энгельгард[т], Борис Александрович (1877–1962) – полковник; депутат IV Государственной думы. После Февральской революции 1917 был избран председателем военной комиссии Временного комитета Думы, исполнял обязанности военного коменданта Петрограда. С осени 1918 заведовал политической частью представительства Добровольческой армии в Киеве, с декабря 1918 исполнял аналогичные функции в Одессе. С марта 1919 заместитель начальника отдела пропаганды Особого совещания при главкоме ВСЮР, с декабря – начальник отдела пропаганды. В феврале 1920 вышел в отставку и эмигрировал.

930 Философов, Дмитрий Владимирович (1872–1940) – критик, публицист. Сотрудничал в журналах «Северный вестник», «Образование», «Русская мысль», «Московский еженедельник», в газетах «Слово», «Речь», «Русское слово»; участвовал в организации журнала «Мир искусства» (1899–1904). Входил в число инициаторов Религиозно-Философ-

27 – 11230

ского собрания, председатель Религиозно-Философского общества. Многие годы активно сотрудничал с Д. Мережковским и З. Гиппиус. В октябре 1918 поступил на службу в Публичную библиотеку. Летом 1920 в Варшаве был привлечен Б.В. Савинковым к активной политической работе, занял пост товарища председателя Русского политического (затем – Эвакуационного) комитета, действовавшего в Варшаве с июля 1920 по октябрь 1921 как ядро русского антибольшевистского правительства. С конца октября 1921 руководитель Варшавского отделения конспиративного «Народного союза защиты родины и свободы» (до 1924) и руководитель газеты «За свободу!» (до ее закрытия в 1932).

931 Речь идет о Парламентском комитете, созданном в Париже в декабре 1920 из состава оказавшихся в эмиграции членов Государственной думы 4-х созывов, Государственного совета по выборам и депутатов Учредительного собрания. Первое заседание инициативного совещания состоялось 30 ноября. Участники совещания преследовали цель создать орган, способный объединить и возглавить борьбу антибольшевистских сил. В проекте положения о Русском Парламентском комитете за границей, выработанном инициативной группой во главе с А.И. Гучковым, в числе задач Комитета определялось также: осведомление «иностранных парламентов, фракций их и отдельных парламентских деятелей о положении в России», а также обеспечение сотрудничества между русскими и иностранными парламентскими деятелями для защиты интересов России». Политическая позиция Комитета была зафиксирована в специальном меморандуме его бюро, где заявлялось, что борьба против большевизма «по-прежнему будет вестись с оружием в руках», а сохранение армии является «непременной и неотложной задачей». Руководство Комитета располагалось в Париже. В других европейских столицах на тех же началах образовывались местные комитеты. На заседании инициативного совещания присутствовали все находившиеся в Париже депутаты-кадеты во главе с А.И. Коноваловым и М.М. Винавером. Однако в своем выступлении Коновалов от имени партии кадетов высказался против создания организации из бывших членов палат, так как в силу «неопределенности и случайности» своего состава она способна только запутать политическую ситуацию и повредить делу объединения. Это мнение было поддержано большинством Парижской группы партии народной свободы.

932 Алексинский, Иван Павлович (1871–1945) – профессор, хирург; приват-доцент Московского университета. Директор университетской клиники. Эмигрировал в Константинополь. Товарищ председателя образованного при генерале П.Н. Врангеле Русского совета, товарищ председателя Народного Братства освобождения, член константинопольского Парламентского комитета и местного отделения Национального комитета. Президент правления Русского комитета в Турции. Летом 1923 предпринял поездку по русским колониям в Европе с целью содействовать объединению эмиграции и созданию «центрального органа национальной автономии зарубежной России». После переезда в Париж вошел в Русский эмигрантский комитет, в Объединение патриотических деятелей, сформировавшееся в 1925 на ос-

нове положений, высказанных вел. кн. Николаем Николаевичем. Возглавлял Общество русских врачей им. И.И. Мечникова; вице-председатель Совета Русско-Французского госпиталя; продолжал врачебную практику. Член особой комиссии Главного управления Российского общества Красного Креста. С 1930 член Совета правления Общества взаимного кредита «Союз», созданного с целью оказания помощи русским эмигрантам.

933 «Воля России» – общественно-политическая газета, центральный орган правых эсеров. Издавалась ежедневно в Праге. С октября 1921 выход газеты прекратился в связи с заявленным желанием редакции перенести базу издания ближе к России, в один из прибалтийских городов. Однако поскольку не удалось добиться согласия прибалтийских государств, издание возобновилось с 1 января 1922 в Праге в качестве еженедельного органа.

934 В передовице «Объединение сил» анализируется реакция парижских кадетов на обращение к членам Учредительного собрание, подписанное Н.Д. Авксентьевым, А.Ф. Керенским и С.О. Минором. Газета приходит к выводу, что кадеты намеренно изображают это обращение не как инициативу группы бывших депутатов, а как шаг эсеровской партии, создавая иллюзию «политических переговоров между двумя политическими партиями – эсерами и кадетами». Газета заявляет, что, во-первых, «нет и не может быть никакой речи о каких бы то ни было партийных соглашениях», во-вторых, эсеровская партия не ставит перед собой задачи вступать в какие-либо соглашения в рамках Русского Национального комитета, к чему стремятся кадеты. По словам газеты, эсеры не планируют какого бы то ни было объединения за границей, пока такое объединение не произойдет в самой России; «и всякие заграничные попытки в этом направлении не только заранее обречены на неудачу, но и неизбежно должны будут скомпрометировать то деле борьбы, которое... в самой России не только не погибло, но, наоборот, ширится и растет» (*«Воля России».– 1920. – 19 декабря*).

935 Харьковское совещание кадетской партии состоялось 6 ноября 1919. В принятых резолюциях партия вручала «диктаторской власти» особые полномочия, заявляла о необходимости сохранения диктатуры и на период после свержения большевиков. В тактическую резолюцию был включен пункт, освобождавший кадетов, вошедший в правительство, от «надзора и указаний партийных комитетов». Принятый проект положений по аграрному вопросу не признавал фактически состоявшегося во время революции перехода земли к крестьянам. Итоги совещания подверглись критике со стороны более либерально настроенных кадетов, усмотревших в ее резолюциях измену демократическому духу партии, идеалам Февральской революции.

936 Загорский, Семен Осипович (1882–1930) – экономист, социал-демократ. Приват-доцент Петербургского университета по кафедре политэкономии. При Временном правительстве возглавлял один из департаментов Министерства труда. Сотрудничал в «Киевской мысли» и петербургском «Дне». Эмигрировал. По личному приглашению Альбера Тома получил пост заведующего русским отделом при Между-

народном бюро труда в Женеве. Участвовал в организации Союза русских литераторов и журналистов в Париже. Вел в газете «Последние новости» экономический отдел. Работал в финансово-экономическом отделе исполнительной комиссии Совещания членов Учредительного собрания. Член Российского общества Лиги Народов.

937 Гольдштейн, Моисей Леонтьевич (1868–1932) – журналист, юрист. С апреля 1920 по февраль 1921 был редактором газеты «Последние новости».

938 Дьюкс (Dukes), Поль – резидент британской секретной службы «Intelligence Service» (клички Павел Павлович, Шеф), организатор шпионской и военно-заговорщической группы в Петрограде и в штабе 7-й армии, оборонявшей Петроград. Поддерживал связь с Петроградским и Московским отделениями Национального центра (НЦ), частично финансировал их деятельность. Выехал из России незадолго до ареста лидеров Петроградского отделения НЦ.

939 Макеев, Николай Васильевич (1889–1975) – в 1919 в Лондоне возглавлял Главный комитет Союза городов и земств. Входил в культурно-просветительную комиссию при Русской Академической группе в Лондоне; читал лекции в Русском народном университете в Лондоне. После переезда в Париж член Российского Земско-городского комитета помощи беженцам. Был избран в исполнительную комиссию Совещания членов Учредительного собрания, работал в одном из отделов экономической комиссии исполкома.

940 Булат (Булота), Андрей Андреевич (1873–1942) – юрист, деятель литовского автономистского движения, участник ряда литовских культурно-просветительских и благотворительных обществ. Депутат II и III Государственной думы. В июле 1917 вступил в Трудовую народно-социалистическую партию, избран в ее ЦК. В октябре 1917 официально вступил в партию эсеров. Избран депутатом Учредительного собрания. В 1918 уехал в Литву. В январе 1921 участвовал в работе Совещания членов Учредительного собрания в Париже.

941 Максудов, Садретдин Низаметдинович (1872 [по др. св. 1879]–1957) – адвокат, политический деятель. Член президиума и ЦК партии «Иттифак эль муслимин». Депутат II и III Государственной думы от Казанской губ. После Февральской революции 1917 член Казанского мусульманского комитета и Всероссийского мусульманского Совета (Милли Шуро). После Октябрьского переворота возглавил Национальный парламент мусульман России и Сибири (Милли меджлис) в Уфе (ноябрь 1917 – январь 1918), который избрал его председателем национального управления тюрко-татарских мусульман России и Сибири (Милли идарэ). В качестве члена делегации Милли идарэ прибыл во Францию на Парижскую мирную конференцию, пытался привлечь внимание к необходимости защиты прав тюркского населения Поволжья и Урала. Представлял «Иттифак эль муслимин» в ЦК кадетской партии. Входил в Туркестанский комитет Временного правительства, председатель Национального совета и заграничного представительства татар-мусульман внутренней России. Участник Совещания членов Учредительного собрания, член его исполнительной комиссии.

[942] Никейские соборы – церковные соборы, проходившие в г. Нике, в Вифинии. На соборах осуждались различные отступления от канонов церкви (осуждение ереси Ария на Первом Вселенском Никейском соборе в 325, осуждение иконоборческого движения на Втором Вселенском Никейском соборе в 787), вырабатывалось единомыслие в церковной среде. По окончании Первого собора император Константин издал окружную грамоту, в которой убеждал единодушно исповедовать установленную на соборе веру как «мысль Божию, объявленную Духом Святым чрез согласие столь многих и столь великих архиереев».

[943] Лейг (Leygues), Жан-Клод (1858–1933) – французский политический деятель, умеренный республиканец. В сентябре 1920 – январе 1921 премьер-министр и министр иностранных дел.

[944] Манифест Керенского 13 мая 1919. В Манифесте, подписанном А.Ф. Керенским, Н.Д. Авксентьевым, А.А. Аргуновым, В.М. Зензиновым, С.О. Минором и др., содержался призыв к «правительствам свободных народов» не признавать в России какое бы то ни было правительство, которое является «диктатурой одного человека или диктатурой одной группы, не признающей принципа народного суверенитета», и не оказывать помощи Белому движению, пока не будут даны реальные гарантии, что в России будет созвано Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, равного и тайного голосования, пока особая контрольная комиссия не убедиться в том, что помощь Запада не послужит ко вреду интересам демократии (*Единая Россия. – 1919. – 21 июня*).

[945] Имеется в виду X том «Свода законов Российской империи», собрания действующих на время издания законодательных актов.

[946] Вандерлип (Vanderlip), Б.В. – американский финансист и предприниматель. Обратился к советскому правительству с предложением передать в концессию специально организованному синдикату территории к востоку от 160 меридиана с целью разработки нефтяных и угольных месторождений, а также право на вылов рыбы в Приморской и Камчатской областях. Переговоры велись Вандерлипом и М.М. Литвиновым в августе 1920 в Копенгагене, затем в сентябре в Москве. Советское правительство было готово пойти на подписание договора, поскольку это фактически означало бы признание Советской России со стороны США. Однако предложения Вандерлипа не нашли поддержки у администрации президента У. Гардинга и после двукратной пролонгации срока вступления концессионного договора в силу (в мае 1921 и апреле 1922) он окончательно утратил силу с 1 января 1923.

[947] Пуанкаре (Poincaré), Раймон (1860–1934) – французский политический и государственный деятель, умеренный республиканец. Премьер-министр правительства Франции в 1912 – январе 1913, президент Французской республики в 1913–1920; председатель репарационной комиссии в 1920. После ухода Бриана в январе 1922 занял пост премьер-министра и министра иностранных дел (до 1924).

[948] Дальневосточная Республика (ДВР) – буферное государство, имевшее форму демократической республики, образованное по решению ЦК

РКП(б) для того, чтобы избежать прямого военного столкновения с Японией. Была провозглашена 6 апреля 1920 на учредительном съезде в Верхнеудинске. Формально включала в свой состав Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Камчатскую области, Северный Сахалин, хотя фактически ее власть первоначально распространялась только на территорию Прибайкалья. 28 октября – 10 ноября 1920 в Чите состоялась конференция представителей областей Дальнего Востока, избравшая правительство в составе коммунистов при участии беспартийных и провозгласившая столицей ДВР Читу. Заседавшее 12 февраля – 27 апреля 1921 Учредительное собрание приняло демократическую конституцию и избрало правительство, в составе которого преобладали большевики. В ДВР существовала многопартийность, действовало всеобщее избирательное право с пропорциональной системой представительства. В республике не проводилась национализация крупной промышленности и банков, отсутствовала монополия внешней торговли, практиковалась аренда государственной земли частниками. Вместе с тем руководство внутри- и внешнеполитическим курсом ДВР в значительной мере находилось в руках ЦК РКП(б), который считал независимость ДВР от Советской России чисто «формальной». После поражения на Дальнем Востоке белых войск и вывода японских воинских соединений 12 октября 1922 Политбюро ЦК РКП(б) постановило упразднить ДВР и воссоединить регион с РСФСР. Народное собрание ДВР 2-го созыва на своей сессии 14–15 ноября 1922 приняло постановление о своем роспуске и восстановлении советской власти на Дальнем Востоке.

[949] Калмыков, И.М. (?–1920) – атаман Уссурийского казачьего войска. Создал отряд в полосе отчуждения КВЖД, с марта 1918 действовал против советской власти на Гродековском направлении. Летом 1918 его отряд захватил Харбин. В феврале 1920 бежал в Маньчжурию. В Фукдине его отряд был разоружен китайскими войсками, сам он арестован и расстрелян.

[950] Филоненко, Максимилиан Максимилианович (?–ок. 1950) – правый эсер; двоюродный брат Л. Канегиссера. В июле 1917 назначен комиссаром Временного правительства при ставке верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова.

[951] Вишняк, Марк Веньяминович (1883–1976) – юрист; публицист; эсер (с 1905), принадлежал к правому крылу партии. Главный эксперт в партии по вопросам публичного права. После Февральской революции 1917 входил от партии эсеров в Особое совещание по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Избран секретарем Временного совета Российской республики (Предпарламента). После Октябрьского переворота 1917 вошел в Комитет спасения родины и революции. Избран в Учредительное собрание, стал его секретарем. В апреле–мае 1918 редактировал сборники «Народовластие», член редколлегии газеты «Возрождение». В сентябре 1918 выехал из Москвы в Киев, участвовал в организации блока различных политических сил для борьбы с большевиками, был арестован полицией П.П. Скоропадского, освобожден с падением режима гетмана. В апреле 1919 выехал из Одессы в Грецию, а в мае перебрался во Францию. С 1920 секретарь Российского общества за-

щиты Лиги Наций, член редколлегии журнала «Современные записки». Сотрудничал также в газетах «Родина», «Еврейская трибуна», эсеровских «Сегодня» и «Дни», а также в «Новом русском слове» и др. В 1940 переехал в Нью-Йорк, в 1942–1946 работал в «Новом журнале».

952 Советско-польская война возникла в результате выступления Польши против Советской России. В 1919 польские войска захватили ряд районов Украины и Белоруссии, включая Минск, 6 мая взяли Киев и вышли на левый берег Днепра. 14 мая 1920 войска Западного фронта под командованием М.Н. Тухачевского перешли в контрнаступление, что позволило Юго-Западному фронту под командованием А.И. Егорова в Киевской операции 1920 разгромить Западную польскую армию. Войска Красной армии на обоих фронтах нанесли противнику серьезное поражение, освободили в июле города Ровно, Минск, Вильно. Однако допущенные советским командованием ошибки привели к неудаче Львовской операции Юго-Западного фронта и поражению войск Западного фронта в Варшавском сражении 1920. 19 сентября польские войска возобновили наступление в Белоруссии. 12 октября в Риге были подписаны предварительные условия мира.

953 Булак-Балахович, С.Н. – полковник (1919); в феврале 1918 отряд под его командованием перешел на службу к большевикам, подавлял крестьянские восстания, однако уже в октябре перешел на сторону белых. Командир партизанских отрядов. Возглавлял Особую сводную дивизию в составе Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. После захвата эстонскими войсками части Псковской губернии с городом Псковом ему была передана власть в этом регионе. Поддерживал сепаратистские настроения, летом 1919 разрабатывал планы создания Псковской республики, где бы ему принадлежало командование войсками. Под давлением союзнической миссии 19 августа 1919 генерал Юденич назначил его на должность командующего 2-м корпусом, однако через два дня в Нарве состоялось совещание начальников частей, на котором было решено предать Булак-Балаховича и его окружение суду по обвинению в печатании фальшивых денег, разбое, вымогательстве, убийствах. Прибывший на совещание генерал Юденич одобрил это постановление, 22 августа отменил свой приказ о назначении Булак-Балаховича и направил в Псков экспедиционный отряд, чтобы арестовать преступников. Однако Булак-Балахович сумел укрыться в расположении штаба эстонского полка, командование которого предоставило ему убежище.

954 «The Daily Herald» – общественно-политическая газета, издававшаяся в Лондоне с 1912, орган Британской социалистической партии, с 1922 – Лейбористской партии.

955 Брамсон, Леонтий (Леон) Моисеевич (1869–1941) – присяжный поверенный Петербургской судебной палаты, активный деятель Еврейского колонизационного общества, Союза полноправия евреев, публицист. Сотрудничал в журналах «Восход», «Исход», «Новый путь». Депутат I Государственной думы от Ковенской губ. После Февральской революции 1917 входил в Центральное бюро Совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1917 вступил в Трудовую народно-социалистическую партию, избран в ее ЦК. После Октябрьского пе-

реворота вошел в Союз защиты родины и свободы. В декабре 1917 был арестован ВЧК, вскоре освобожден. В 1918 эмигрировал во Францию. Входил в ЦК Еврейского Общества ремесленного и земледельческого труда. Член исполнительного бюро Заграничного комитета Трудовой народно-социалистической партии, возглавлял ее Берлинскую группу до своего переезда в Париж в конце 20-х.

956 Ренодель (Renaudel), Пьер (1871–1935) – один из лидеров Французской социалистической партии. В 1902–1914 редактор газеты «Le Peuple» («Народ»), в 1914–1920 – «L'Humanité». В 1914–1919 и 1924 был членом Палаты депутатов. В 1927 отошел от руководства социалистической партии, в 1933 исключен из партии.

957 Бауэр (Bauer), Отто (1882–1938) – один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, сначала марксист, идеолог «австромарксизма». Министр иностранных дел Австрийской республики. Один из основателей II ½ (1921), объединенного (1923) и социалистического Интернационалов.

958 Шпрингер (Springer), Антон – один из псевдонимов Реннера (Renner), Карла (1870–1950) – австрийский государственный и политический деятель, один из лидеров австрийской социал-демократии и II Интернационала, один из идеологов австромарксизма. С 1907 депутат парламента от социал-демократической партии. С ноября 1918 по июнь 1920 государственный канцлер Австрийской (1-й республики), в 1931–1933 председатель парламента. В 1945 – глава Временного правительства, с декабря 1945 по декабрь 1950 президент Австрийской (2-й) республики.

959 Каутский (Kautsky), Карл (1854–1938) – один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии во II Интернационале; редактор теоретического журнала германской социал-демократии «Neue Zeit» («Новое время») (1883–1917).

960 Московское государственное совещание проходило 12–15 (25–28) августа 1917. Созвано Временным правительством для преодоления острого внутриполитического кризиса, для создания устойчивой опоры в широких общественных кругах.

961 Деловой комитет учреждался для ликвидации имущества Южно-Русского правительства генерала П.Н. Врангеля, а также для ограждения русских интересов при расчетах по эвакуации и содержанию беженцев из Крыма. Положение о статусе и задачах Комитета было принято на собрании совета и комитета Финансово-промышленно-торгового союза и Комитета частных банков в Париже, состоявшемся 5 января 1921. Учредители Комитета рассчитывали привлечь к защите государственных интересов России финансово-промышленные круги, обладавшие специальным опытом и знаниями. В состав Комитета вошли 19 человек: представители генерала П.Н. Врангеля, Всероссийского Финансового союза, Комитета банков, позднее – представители Красного Креста и Земского союза. При Комитете было образовано Исполнительное бюро во главе с М.В. Бернацким.

962 Банковский комитет возник в Париже в октябре 1919 как Комитет представителей русских частных коммерческих банков. В его состав

входили представители 23 крупнейших банков, а также ряд приглашенных лиц, в числе которых были и кадеты – барон Б.Э. Нольде, А.М. Михельсон. Возглавил Комитет граф В.Н. Коковцов. Помимо текущей банковской деятельности Комитет занимался рассмотрением финансово-экономической части договоров, заключенных Советской Россией, а также участвовал в разработке проекта кредитной кассы для беженцев.

[963] Объединение земских и городских деятелей конституировалось 30 июня 1920 в Париже. Его целью являлось оказание помощи российским эмигрантам за границей, в частности, во Франции. Членами Объединения могли быть бывшие земские и городские деятели по избранию общего собрания, а бывшие городские головы, председатели земских управ и члены Главных комитетов Земского и Городского союзов – без избрания, по их письменному заявлению. Объединение имело три отдела: труда, собственных предприятий и издательства. Деятельностью Объединения руководил совет во главе с председателем кн. Г.Е. Львовым. Объединение имело статус филиала Российского Земско-городского комитета помощи беженцам за границей, выполнявшего функции центрального органа.

[964] «Единство» – группа меньшевиков-оборонцев. Возникла в 1914, окончательно оформилась в марте 1917. Имела организации в Петрограде, Москве, Баку. Издавала газету того же названия.

[965] Бланк, Рувим (Рубен) Маркович (Мордкович, Моисеевич) (1866–1954) – писатель, общественный деятель. Химик, доктор естественных наук, автор ряда изобретений. Высшее образование получил в Германии. С 1890-х занимался общественной и литературной деятельностью в России. В 1918 эмигрировал из Петербурга в Лондон, затем жил в Париже. Председатель агитационной секции созданного в Берлине Русского общественного комитета помощи голодающему населению России.

[966] Город Кобленц был центром монархической эмиграции в период Великой Французской революции. Кобленская эмиграция сформировала армию, которая в 1792 участвовала в австро-прусской интервенции во Францию. Название Кобленца стало синонимом центра распространения монархических, реставраторских настроений.

[967] Вивиани (Viviani), Рене (1863–1925) – французский политический и государственный деятель, член партии Республиканских социалистов. В 1906–1904 и 1915–1917 занимал различные министерские посты. В июне 1914 – октябре 1915 премьер-министр. После Первой мировой войны представитель Франции в Лиге Наций.

[968] Теннисон, Ян Янович (1868–?) – кандидат прав. Лидер Эстонской демократической партии.

[969] Каминка (Каменка), Б.А. – товарищ председателя Русского Делового комитета.

[970] Речь идет о том, что пророк Моисей явился избавителем своего народа от египетского рабства.

[971] Мейнгардт, Г.А. – кадет, председатель комиссии по расследованию злодеяний большевиков. Входил в комиссию по пропаганде при На-

циональном центре. В эмиграции в Париже, секретарь Комитета Парижской кадетской группы, образовавшейся после ухода из группы Милюкова и его сторонников. Входил в бюро Национального комитета.

972 В одном из своих выступлений Милюков, приводя сравнение с боем быков, сказал, что в борьбе не следует дразнить красной тряпкой. Представители левого лагеря усмотрели в этих словах оскорбление их знамени. В другой речи Милюков, ссылаясь на известную басню Лафонтена, сказал, что нельзя, следуя чужим советам, носить на себе осла. Словечко «осел» с добавлением определения – «левый» было подхвачено в прессе и расценено как некорректный выпад кадетов против социалистов.

973 Яблоновский (Потресов), Сергей Викторович (1870–1953) – журналист, бывший сотрудник «Русского слова», кадет. Выехав в начале 1920 из Новороссийска, оказался в Африке, где пробыл около года. В конце 1920 с трудом добрался до Парижа. В безуспешных поисках работы обратился к Милюкову с просьбой походатайствовать перед В.Д. Набоковым об устройстве его парижским корреспондентом газеты «Руль».

974 Прогрессивный блок был образован летом 1915, он объединил большинство умеренно правых и либеральных фракций IV Государственной думы и три группы Государственного совета («центр», «академическая» и «внепартийный кружок»). Председателем бюро блока стал левый октябрист С.И. Шидловский, но фактическим его руководителем был Милюков.

975 В сентябре 1918 генерал М.В. Алексеев учредил при Особом совещании Осведомительное агентство («Осваг») в целях «осведомления командования о политическом положении, осведомлении населения о работах и задачах Добровольческой армии и пропаганде ее идей»; это учреждение исполняло также в определенной мере функции контрразведки. Вследствие обнаружившейся полной несостоятельности Осваг в феврале 1919 был реорганизован в отдел пропаганды Особого совещания, который в просторечьи продолжали называть «Освагом». Поначалу его возглавил Н.Е. Парамонов, но через месяц его сменил К.Н. Соколов. По мнению генерала А.И. Деникина, работа отдела «принесла больше вреда, чем помощи», в обществе установилось «всеобщее отрицательное отношение к нему и недоверие ко всему, что носило печать «Освага» (*А.И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. IV // Вопросы истории. - 1994. - № 4. - С. 94*). В марте 1920 отдел пропаганды был упразднен.

976 Имеется в виду словосочетание, которое возникло из соединения двух фамилий – Либера и Дана. Либер (Гольдман), Михаил Исаакович – см. прим. № 802.

Дан (Гурвич), Федор Ильич (1871–1947) – один из лидеров меньшевизма; руководил меньшевистской фракцией IV Государственной думы. После начала Первой мировой войны арестован и выслан в Минусинск. После Февральской революции 1917 вернулся в Петроград, товарищ председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, член ЦК меньшевиков. После Октябрьского переворота избран, как представитель меньшевиков, членом ВЦИК 3-го и 4-го со-

зывов, однако решением ВЦИК от 14 июня 1918 исключен из его состава. Делегат VII (декабрь 1919) и VIII (декабрь 1920) Всероссийских съездов Советов. Принимал участие в работе совещаний и конференций меньшевиков, проходивших в 1918–1920. Входил в редакции ряда партийных органов, в том числе центрального партийного органа – «Рабочей газеты». В январе 1922 выслан за границу.

977 «Правда» – ежедневная газета, легальный орган ЦК РСДРП. Издавалась в Петербурге с 22 апреля 1912, в дальнейшем неоднократно закрывалась властями и восстанавливалась под различными названиями. В 1912–1914 сменилось 10 издателей и 44 официальных редактора. 8 июля 1914 издание газеты было запрещено, однако 5 марта 1917 вновь возобновлено под первоначальным названием по решению Русского бюро ЦК РСДРП. До разгрома редакции 5 июля 1917 издавалась под разными названиями. С 27 октября 1917 – снова под старым названием. С 16 марта 1918 издавалась в Москве, до 1952 орган ЦК и МК РКП(б)/ВКП(б), с октября 1952 по август 1991 – КПСС.

978 Русский Парламентский комитет в Константинополе был учрежден 8 января 1921 на собрании находящихся в Константинополе членов Государственной думы и Государственного совета. В принятой комитетом резолюции говорилось о необходимости продолжать борьбу с большевизмом, а для этого сохранять русскую армию и оказывать подержку ее главнокомандующему. Комитет сыграл активную роль в формировании и деятельности Русского совета, созданного при генерале П.Н. Врангеле. Помимо задач, оговоренных в уставе Парламентского комитета в Париже, Константинопольский комитет включал в свое ведение также вопросы защиты интересов армии и помощи беженцам. В комитет вошло равное число кадетов и октябристов; правых представлял В.В. Шульгин, народных социалистов – И.П. Алексинский. В президиум были избраны: Н.Н. Львов, гр. Мусин-Пушкин, кн. Пав.Д. Долгоруков, Ю.М. Глебов и И.П. Алексинский.

979 Сычев, Константин Иванович (1870–1935) – казак ст. Новочеркасской Области войска Донского. Генерал-майор, командир 5-го уланского полка, начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии. С 1918 в Донской армии, с 13 октября 1918 генерал для поручений при председателе Донского правительства. В ноябре 1918 командирован в Сибирь. С 1919 по январь 1920 комендант и начальник гарнизона Иркутска. К августу 1920 в распоряжении атамана Всевеликого войска Донского. В эмиграции во Франции.

980 Речь идет о резолюциях большинства и меньшинства Югославянской (Белградской) группы. Обе резолюции были едины в признании вооруженной борьбы основной формой борьбы с советской властью и, соответственно, считали сохранение боеспособных частей Русской армии «одной из первостепенных задач». И та, и другая резолюции призывали учесть ошибки прошлого; однако в резолюции большинства особо подчеркивалось, что «нельзя говорить о полном разрыве преемственной связи с первым периодом борьбы». Основные разночтения касались вопроса соглашения с эсерами. Резолюция большинства выражала сомнения в правильности тактики «одностороннего согласования деятельности Парижской группы партии к.-д. с партией

с.-р.», в том числе в рамках Совещания членов Учредительного собрания, полагая, что последнее «едва ли способно заменить Национальный комитет». Напротив, резолюция меньшинства поддержала участие кадетов в Совещании и призывала создать на его основе Национальный комитет.

[981] В резолюции 20 мая 1920 Парижская группа объясняет неудачу в борьбе с большевиками рядом допущенных серьезных ошибок, прежде всего политических: 1) нежеланием помещиков примириться с переходом земли в руки крестьян; 2) возвратом властей к старым приемам управления; 3) «промедлением с восстановлением здоровых основ экономической жизни населения»; 4) нежеланием удовлетворить требования автономии и свободы национального самоопределения; 5) разложением в рядах армии, а также «насилием над населением и еврейскими погромами» (см.: *Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. – Май 1920 г. – июнь 1921 г. – М., 1996. С. 12–13*).

[982] Шнеерсон, И.С. – избран в Парижский комитет кадетской группы.

[983] Уляницкий, В.В. – присяжный поверенный, кадет. В 1915 входил в Юго-Западный комитет Всероссийского Союза городов. Эмигрировал в Польшу, член возглавлявшегося Б.В. Савинковым Русского Политического комитета, после его упразднения вошел в Русский Эвакуационный комитет. Позднее участник Народного союза защиты родины и свободы, организованного также Савинковым.

[984] Бутенко, Петр Эрастович – кадет, на Делегатском съезде кадетской партии на Украине в апреле 1918 избран в автономный Главный комитет партии на Украине. Весной 1919 входил в чрезвычайный совещательный орган при генерале Франше д'Эспере как представитель земства. Эмигрировал в Польшу, председатель Варшавской группы кадетской партии, глава варшавского Комитета по борьбе с голодом в России. Почетный председатель Русского Попечительного комитета о русских эмигрантах в Польше. Председатель бюро Демократической группы русских эмигрантов в Польше. Член редколлегии газеты «За свободу!»

[985] Кузьмин-Караваев, Владимир Дмитриевич (1859–1927) – профессор кафедры военно-уголовного права в Военно-юридической академии, генерал-майор (1901). Присяжный поверенный (1909); профессор Высших женских курсов в Петербурге. Член Петербургского юридического общества, избирался помощником его председателя. Печатался в журналах «Вестник права», «Вестник Европы», «Право», в газетах «Русские ведомости», «Московский еженедельник», «Слово» и др.; один из редакторов газеты «Право». Депутат I и II Государственной думы от Тверской губ. Один из организаторов и лидеров Партии демократических реформ, член ее Организационного комитета и Центрального бюро. После Февральской революции 1917 сенатор. В мае–августе 1919 один из наиболее активных членов Политического совещания при генерале Н.Н. Юдениче, заведующий продовольственным обеспечением армии. С 1919 в эмиграции. Вошел в Русский Парламентский комитет в Париже. Член инициативной группы по созыву съезда Национального объединения, товарищ председателя

съезда Национального объединения (июль 1921, Париж), вошел в бюро избранного на съезде Национального комитета. Председатель Союза земских и городских гласных.

986 Алексинский, Григорий Алексеевич (1879–1967) – социал-демократ, литератор, публицист. В 1917 вступил в социал-демократическую организацию «Единство». В 1918 арестовывался большевиками, выпущен на поруки. Эмигрировал. Председатель «Единства» за границей, представлял интересы организации на съезде Русского Национального объединения, по соглашению генерала П.Н. Врангеля с Русским советом был назначен заведующим отделом пропаганды. Издатель газет «Родная земля» в Париже (1925), «Национал-революционер» (1927), «Наше дело» (1939–1940).

987 Записка Константинопольской группы партии народной свободы, принятая 20 января 1921 г., являлась откликом на резолюцию Парижской группы по вопросу о дальнейшей тактике и декларацию фракции кадетов в Совещании членов Учредительного собрания. «Новая тактика» Милюкова расценивалась в записке как возвращение к старой тактике, «практиковавшейся в 1917 году» и доказавшей свою несостоятельность «многократно и наглядно» («опыты Временного правительства, Украины, Уфимской директории», Азербайджана, Армении и др.). Константинопольские кадеты выступали против того, чтобы «старые методы борьбы подверглись полному отрицанию», а также против «разрыва с общественными группами и организациями, участвовавшими в этой борьбе». Серьезные возражения со стороны авторов записки вызывала ориентация на сотрудничество с эсерами. Константинопольские кадеты призывали своих парижских однопартийцев обратить внимание на «серьезные разногласия», возникшие между ними и кадетскими группами других городов русского рассеяния по программным и тактическим вопросам (см.: *Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. – Т. 4. – С. 111–117*).

988 Востоков, Владимир Игнатьевич (1868–1957) – протоирей. Выступал в печати с критикой Г.Е. Распутина, за что был фактически сослан в ссылку в Калугу в 1913–1916. После Октябрьского переворота выехал на юг, пропагандировал в армии генерала А.И. Деникина, а затем в Крыму в Русской армии генерала П.Н. Врангеля черносотенные идеи, за что подвергался внушению со стороны духовного и военного начальства.

989 Буденный, Семен Михайлович (1883–1973) – в годы Гражданской войны командир конного корпуса и командующий 1-й Конной армией (1919–1921). В 1924–1937 инспектор кавалерии РККА.

990 Пален, Алексей-Фридрих-Леонид Петрович (1874–1938) – полковник лейб-гвардии конного полка, командир стрелкового полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Летом 1917 руководитель офицерской организации в Петрограде. С января 1919 в Северо-Западной армии, командир батальона Островского полка, в мае 1919 начальник боевого участка. Генерал-майор (май 1919), командир 1-го стрелкового корпуса. Генерал-лейтенант (октябрь 1919). С 22 января 1920 председатель ликвидационной комиссии Северо-Западной армии,

затем начальник 2-й стрелковой дивизии в 3-й русской армии в Польше. В эмиграции в Латвии.

[991] Перемыкин (правильно Пермикин), Борис Сергеевич (1890–1971) – штаб-ротмистр 9-го уланского полка. Георгиевский кавалер. В 1918 был на юге России, затем в Петрограде. С октября 1918 находился в Отдельном Псковском добровольческом корпусе Северо-Западной армии, в полку генерала Балаховича. Ротмистр (октябрь 1919), командир офицерского отряда, в начале 1919 командир Талабского отряда (полка). Полковник (май 1919), генерал-майор (октябрь 1919), с 26 октября 1919 командир ударной группы, в ноябре 1919 командир 5-й дивизии. С августа командующий 3-й Русской армией в Польше. Генерал-лейтенант (1920). После разгрома Северо-Западной армии бежал в Польшу и занялся организацией повстанческих отрядов для нападений на советскую территорию. Действовал на Украине совместно с петлюровскими войсками, заключив военный союз с генералом Павленко. В ноябре 1920 был вытеснен Красной армией с советской территории и разоружен. Приказом от 4 февраля 1921 освобожден от должности командующего за неподчинение Русскому Эвакуационному комитету Б.В. Савинкова.

[992] Мирный договор между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой, подписанный в Риге 18 марта 1920 и завершивший советско-польскую войну. В его основу были положены условия прелиминарного мира, подписанного также в Риге 12 октября 1920. Согласно договору, к Польше отходили западные земли Украины и Белоруссии, однако граница между ними и Польшей проходила восточнее намеченной ранее «линии Керзона». Обе стороны гарантировали уважение государственного суверенитета друг друга, взаимное невмешательство во внутренние дела, обязывались предоставить национальным меньшинствам (русским, украинцам и белорусам в Польше, полякам – в России и на Украине) все права для свободного развития культуры, языка, религии. Советская сторона обязалась уплатить Польше в годичный срок 30 млн. золотых рублей. Польша освобождалась от ответственности за долги и иные обязательства бывшей Российской империи.

[993] На встрече с вел. кн. Михаилом Александровичем в начале марта 1917 Милюков призывал великого князя поступить в соответствии с Манифестом об отречении Николая II и принять корону Российской империи.

[994] Устрялов, Николай Васильевич (1890–1937) – правовед, философ, политический деятель; приват-доцент Московского (1916–1918), затем Пермского университетов (1918); кадет (с 1917). В 1918 издавал вместе с Ю. Ключниковым и Ю. Потехиным журнал «Накануне». Юрисконсульт при управлении делами правительства адмирала А.В. Колчака, с февраля 1919 директор пресс-бюро отдела печати, издатель газеты «Русское дело», сотрудник газеты «Сибирская речь». В начале 1920 эмигрировал в Харбин, преподавал в Харбинском университете (1920–1924). В 1920–1934 редактор газеты «Новости дня», сотрудничал в газете «Вестник Маньчжурии». Работал в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Один из идеологов сменовеховства.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дневник П.Н. Милюкова

1918–1921

Художественное оформление *А.К. Сорокин*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 12.11.2004.
Формат 60x90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл.печ.л. 53,0. Тираж 800 экз. Заказ № 11230

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел. 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

